Л. Дубова
Г. Чернявский

КЛАН КЕННЕДИ

ЖЗЛ

КЛАН КЕННЕДИ

Лариса Дубова
Георгий Чернявский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семейство Кеннеди со всеми его внутренними связями, разветвлениями и особенностями поведения явилось уникальным феноменом американской истории XX века.

О том, как сложился политический клан Кеннеди, об успехах, неудачах, трагедиях, достоинствах и пороках отца Джозефа-старше го и его сыновей: Джозефа-младшего, Джона, Роберта и Эдварда, о привлекательных и отталкивающих чертах их личностей, о их качествах бизнесменов и политиков, о их родных и близких рассказывают авторы этой книги.

Естественно, предлагаемая работа в большей степени сосредоточена на Джоне Кеннеди, на его деятельности в качестве президента США, на его роли в ликвидации Кубинского (Карибского) кризиса осенью 1962 года, на его борьбе за предоставление гражданских прав чернокожему населению Соединенных Штатов, на его трагической гибели. Значительное внимание уделено интимной стороне жизни американского президента, его жене Жаклин, его связям с другими женщинами.

Книга написана на основе богатого архивного материала, с использованием обширной исторической и мемуарной литературы.

- Лариса Дубова, Георгий Чернявский
  - ○
  - ○ ВВЕДЕНИЕ
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
    - ■ Глава 1.
      - ■ Ирландские корни
      - ■ Непосредственные предшественники
      - ■ Путь в большой бизнес
    - ■ Глава 2.

- Биржевой делец
- Голливудские и семейные дела
- Годы кризиса. Штаб Рузвельта
- Ответственный федеральный чиновник
- Джо-младший и Джон в кругу семьи и в учебных делах

- Глава 3.
  - Встреча с Лондоном
  - Предвоенные дипломатические бури. Умиротворитель Гитлера
  - Посольские перипетии накануне и в начале Второй мировой войны
  - Старшие сыновья в Гарварде и Европе
  - Первая книга Джона
- Глава 4.
  - Политические маневры в годы войны
  - Вновь в большом бизнесе
  - Сына — в президенты

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
  - Глава 1.
    - Разведка и Инга Арвад
    - Служба на флоте
    - Главное военное испытание Джона
    - Гибель Джозефа-младшего
  - Глава 2.
    - Молодой журналист
    - Вхождение в политическую жизнь
    - В нижней палате конгресса
    - Сенатские страсти
  - Глава 3.
    - Дальние и близкие рубежи
    - Появление Жаклин
    - Выдвижение на высший пост и номинация
    - В борьбе с Никсоном
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
  - Глава 1.
    - Дальнейшее формирование программы
    - Предынаугурационное интермеццо
    - Вступление в должность и формирование исполнительной власти
  - Глава 2.
    - Налаживание контактов и распорядка. Здоровье президента
    - Жизнь в президентской резиденции

- В обществе интеллектуалов и деятелей искусства
- Белый дом и вокруг него
- Женщины президента
- Глава 3.
  - Соревнование в околоземном пространстве
  - Социально-экономическая политика государства
- Глава 4.
  - Президент и тайная подготовка операции
  - Осталось ли поражение сиротой?
  - Интермедия с планированием убийства
  - Непосредственная угроза ядерной войны
  - Предотвращение ядерного апокалипсиса
- Глава 5.
  - Европейский тур
  - Берлинский кризис
  - Индокитай
  - Третий мир и Латинская Америка
  - На пути к разрядке
- Глава 6.
  - На пути к уравниванию прав и возможностей
  - Против сегрегации — постепенно и осторожно
  - Антирасистское наступление
- Глава 7.
  - На пути в Даллас
  - Даллас. Выстрелы со склада
  - Прощание и повороты расследования

○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

- Глава 1.
  - Сотрудник сенатского аппарата
  - Министр и последователь Джона
- Глава 2.
  - Баталии на левом фланге демократов
  - Вступление в борьбу за высший пост
  - Гибель в разгар битвы
- Глава 3.
  - В команде старших братьев
  - Сенатские будни и неудачи
  - Смерть Роберта и планы Эдварда
- Глава 4.
  - Злосчастный Чеппакуиддик

        - Либеральный законодатель
        - СССР и Китай
        - Последние десятилетия
    - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЖОЗЕФА КЕННЕДИ И ЕГО СЫНОВЕЙ
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250

- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294

- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338

- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382

- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426

- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470

- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514

- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558

- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602

- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646

- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690

- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734

- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778

- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822

- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866

- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910

- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954

- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998

- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042

- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086

- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110
- ○ 1111
- ○ 1112
- ○ 1113
- ○ 1114
- ○ 1115
- ○ 1116
- ○ 1117
- ○ 1118
- ○ 1119
- ○ 1120
- ○ 1121
- ○ 1122
- ○ 1123
- ○ 1124
- ○ 1125
- ○ 1126
- ○ 1127
- ○ 1128
- ○ 1129
- ○ 1130

- ○ 1131
- ○ 1132
- ○ 1133
- ○ 1134
- ○ 1135
- ○ 1136
- ○ 1137
- ○ 1138
- ○ 1139
- ○ 1140
- ○ 1141
- ○ 1142
- ○ 1143
- ○ 1144
- ○ 1145
- ○ 1146
- ○ 1147
- ○ 1148
- ○ 1149
- ○ 1150
- ○ 1151
- ○ 1152
- ○ 1153
- ○ 1154
- ○ 1155
- ○ 1156
- ○ 1157
- ○ 1158
- ○ 1159
- ○ 1160
- ○ 1161
- ○ 1162
- ○ 1163
- ○ 1164
- ○ 1165
- ○ 1166
- ○ 1167
- ○ 1168
- ○ 1169
- ○ 1170
- ○ 1171
- ○ 1172
- ○ 1173
- ○ 1174

- ○ 1175
- ○ 1176
- ○ 1177
- ○ 1178
- ○ 1179
- ○ 1180
- ○ 1181
- ○ 1182
- ○ 1183
- ○ 1184
- ○ 1185
- ○ 1186
- ○ 1187
- ○ 1188
- ○ 1189
- ○ 1190
- ○ 1191
- ○ 1192
- ○ 1193
- ○ 1194
- ○ 1195
- ○ 1196
- ○ 1197
- ○ 1198
- ○ 1199
- ○ 1200
- ○ 1201
- ○ 1202
- ○ 1203
- ○ 1204
- ○ 1205
- ○ 1206
- ○ 1207
- ○ 1208
- ○ 1209
- ○ 1210
- ○ 1211
- ○ 1212
- ○ 1213
- ○ 1214
- ○ 1215
- ○ 1216
- ○ 1217
- ○ 1218

- ○ 1219
- ○ 1220
- ○ 1221
- ○ 1222
- ○ 1223
- ○ 1224
- ○ 1225
- ○ 1226
- ○ 1227
- ○ 1228
- ○ 1229
- ○ 1230
- ○ 1231
- ○ 1232
- ○ 1233
- ○ 1234
- ○ 1235
- ○ 1236
- ○ 1237
- ○ 1238
- ○ 1239
- ○ 1240
- ○ 1241
- ○ 1242
- ○ 1243
- ○ 1244
- ○ 1245
- ○ 1246
- ○ 1247
- ○ 1248
- ○ 1249
- ○ 1250
- ○ 1251
- ○ 1252
- ○ 1253
- ○ 1254
- ○ 1255
- ○ 1256
- ○ 1257
- ○ 1258
- ○ 1259
- ○ 1260
- ○ 1261
- ○ 1262

- ○ 1263
- ○ 1264
- ○ 1265
- ○ 1266
- ○ 1267
- ○ 1268
- ○ 1269
- ○ 1270
- ○ 1271
- ○ 1272
- ○ 1273
- ○ 1274
- ○ 1275
- ○ 1276
- ○ 1277
- ○ 1278
- ○ 1279
- ○ 1280
- ○ 1281
- ○ 1282
- ○ 1283
- ○ 1284
- ○ 1285
- ○ 1286
- ○ 1287
- ○ 1288
- ○ 1289
- ○ 1290
- ○ 1291
- ○ 1292
- ○ 1293
- ○ 1294
- ○ 1295
- ○ 1296
- ○ 1297
- ○ 1298
- ○ 1299
- ○ 1300
- ○ 1301
- ○ 1302
- ○ 1303
- ○ 1304
- ○ 1305
- ○ 1306

- ○ 1307
- ○ 1308
- ○ 1309
- ○ 1310
- ○ 1311
- ○ 1312
- ○ 1313
- ○ 1314
- ○ 1315
- ○ 1316
- ○ 1317
- ○ 1318
- ○ 1319
- ○ 1320
- ○ 1321
- ○ 1322
- ○ 1323
- ○ 1324
- ○ 1325
- ○ 1326
- ○ 1327
- ○ 1328
- ○ 1329
- ○ 1330
- ○ 1331
- ○ 1332
- ○ 1333
- ○ 1334
- ○ 1335
- ○ 1336
- ○ 1337
- ○ 1338
- ○ 1339
- ○ 1340
- ○ 1341
- ○ 1342
- ○ 1343
- ○ 1344
- ○ 1345
- ○ 1346
- ○ 1347
- ○ 1348
- ○ 1349
- ○ 1350

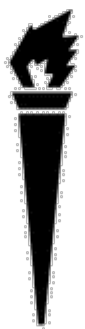
- ○ 1351
- ○ 1352
- ○ 1353
- ○ 1354
- ○ 1355
- ○ 1356
- ○ 1357
- ○ 1358
- ○ 1359
- ○ 1360
- ○ 1361

Лариса Дубова, Георгий Чернявский
КЛАН КЕННЕДИ

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК
1645
(1445)

«Молодая гвардия», 2014

Политик должен уметь предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц и через год. А потом объяснить, почему это не произошло.

Уинстон Черчилль

Всю историю человечества можно свести к тому факту, что, когда нации сильны, они не всегда справедливы, а когда они желают быть справедливыми, они часто больше не проявляют силы. Пусть же будет благословен союз силы и справедливости.

Уинстон Черчилль

Veritas temporafilia (Правда — дочь времени).

Древнеримская поговорка

ВВЕДЕНИЕ

Нехорошо начинать книгу с тривиальности, но иногда это приходится делать. А в данном случае тривиальность состоит в том, что не существует правил без исключений. Согласно сложившемуся на протяжении всего существования США правилу, близкие родственники крайне редко образуют политическую группировку, своего рода клан, который всеми силами толкает своих представителей, одного за другим, вверх по государственной лестнице вплоть до самой ее вершины.

Именно это, то есть исключение из правила, произошло с Джозефом Кеннеди — финансистом и политиком, стяжавшим себе крайне противоречивую, в основном негативную, репутацию, — и его сыновьями. Сам не добившись высших государственных постов, к которым он страстно стремился, Джозеф приложил все свои силы для продвижения сыновей. Один из них, Джон, действительно стал президентом страны, второй, Роберт, готовился к президентской должности и скорее всего добился бы ее, если бы его путь не оборвала пуля убийцы, а третий, Эдвард, несколько раз собирался выдвигать свою кандидатуру на высшую государственную должность, но так и не решился на это.

Все братья побывали в сенате — верхней палате конгресса — законодательного органа США, а основатель клана — их отец миллионер Джозеф — занимал ряд высоких государственных должностей, включая пост посла Соединенных Штатов в Великобритании на поворотном этапе мировой истории — накануне и в начале Второй мировой войны.

Семейство Кеннеди со всеми его внутренними связями и разветвлениями, особенностями поведения являлось не просто своеобразным, а уникальным явлением американской истории в минувшем веке.

О том, как сложился политический клан Кеннеди, об успехах, неудачах, трагедиях, достоинствах и пороках отца и сыновей, об их качествах бизнесменов, политиков и просто человеческих качествах, их привлекательных и отталкивающих чертах, об их родных и близких попытаются рассказать авторы этой книги.

Естественно, предлагаемая работа будет сосредоточена на Джоне Кеннеди, благодаря которому в большую историю вошло всё семейство. Но мы считаем необходимым более или менее подробно поведать об основателе клана — Джозефе Кеннеди, по поводу которого не столько в исторической литературе, сколько в публицистике и особенно в беллетристике, кинематографии и прочих массмедиа, интенсивно воздействующих на умы и сердца

читателей, зрителей и слушателей, наговорено и переговорено немало предвзятого, враждебного, а порой и просто клеветнического, хотя, сразу же отметим, зачастую основанного на достоверных сведениях.

Мы расскажем и о братьях президента Джона — о старшем брате Джозефе, жившем недолго и погибшем в 1944 году, выполняя свой воинский долг; о младшем брате Роберте, убитом, в отличие от Джона, не на президентском посту, а почти на последней прямой к президентству; о самом младшем из братьев Эдварде, сенаторе-«прогрессисте», также стремившемся занять президентский пост, но каждый раз останавливавшемся на полпути. Это происходило не только из-за особенностей его характера и утопических взглядов, непривычных для среднего американца. Всю жизнь за ним тянулся след личной трагедии, отчасти сломавшей его политическую карьеру, поскольку нехватку мужества, особенно когда ее можно принять за трусость, американский избиратель политику не прощает.

Семейству Кеннеди посвящена обширная американская литература, у которой есть некоторые особенности. Прежде всего обращает на себя внимание невероятный перекос — подавляющее большинство изданий посвящено не просто тому человеку из семьи, который стал президентом США (это было бы естественно), а его гибели. Библиография книг и статей об убийстве Джона Кеннеди насчитывает более тысячи названий и продолжает пополняться всё новыми и новыми претенциозными публикациями под шумными коммерческими заголовками, авторы которых ожесточенно спорят друг с другом, но ни один не оказывается в состоянии убедительно доказать свою версию происшедшего.

Из этих книг выделяется работа журналиста Уильяма Манчестера (она переведена на русский язык), которому по крайней мере удалось собрать массу свидетельских показаний о том, что произошло в день убийства и непосредственно после него. Эти данные убедительно опровергают версии о заговоре с целью убийства Кеннеди, несмотря на всю соблазнительность приписать этот злодейский акт или ультраправым, или коммунистам, или мафиозным структурам и т. д. и т. п.

В литературе о жизни и деятельности Джона Кеннеди, которая также довольно обширна, преобладают издания апологетические, прославляющие героя, приписывающие ему всевозможные заслуги и добродетели. Есть, правда, и книги, написанные с сугубо враждебных позиций. Книгу консервативного журналиста В. Ласки «ДФК[1]: Человек и миф» можно рассматривать просто как злобный памфлет, в котором

представлен мифический образ крупного, хотя и противоречивого политика[1].

Точно так же биографические работы о родоначальнике клана Джозефе Кеннеди и его сыновьях, братьях Джона Роберте и Эдварде отнюдь не беспристрастны. Преобладают книги, восторженно описывающие их земное существование. Достаточно сказать, что одна из таких работ носит название «Последний патриций»[2].

Семье Кеннеди и отдельным ее представителям посвящены несколько книг, написанных советскими, а затем российскими авторами. Основное внимание в них сосредоточено опять-таки на том, что получило расхожее название «убийства XX века», то есть на убийстве 35-го президента США Джона Фицджералда Кеннеди. Носят они, как правило, публицистический характер.

В США опубликованы несколько документальных сборников с материалами о семействе Кеннеди. Среди них наиболее интересны и важны документы, связанные с пребыванием Джона Кеннеди на президентском посту[3]. А для характеристики основателя клана весьма любопытны письма Джозефа Кеннеди, часто раскрывающие внутренние стимулы его на первый взгляд неоправданных или даже непредсказуемых поступков[4].

В сентябре 2012 года, когда наша книга была уже почти полностью готова, вышел ценный том магнитофонных записей бесед в Белом доме, которые были начаты в июле 1962 года (последняя запись была сделана 20 ноября 1963 года, перед отлётом Джона Кеннеди в Техас, где он погиб). Записи проводились с согласия собеседников с целью обеспечить точное воспроизведение принятия президентских решений в обстановке, когда зачастую сталкивались конфликтные точки зрения. В результате возникли, а теперь стали доступными для читателей и слушателей (к книге приложены компакт-диски всех записей) в полном объеме 265 часов бесед Джона Кеннеди с американскими государственными деятелями, касающихся положения во Вьетнаме, вопросов взаимоотношений с СССР, планирования избирательной кампании 1964 года и т. д.[5]

Единственной российской значительной документальной публикацией, непосредственно связанной с Джоном Кеннеди, является фундаментальный сборник документов о встрече Кеннеди и Хрущева летом 1961 года. Подготовленная в рамках российско-австрийского научного проекта книга дает яркое представление о том, что происходило на самой венской встрече и вокруг нее[6].

Однако воссоздание жизненного пути и взаимоотношений между отцом и сыновьями, между братьями Кеннеди, между ними

и их родными и близкими, всевозможных коллизий и поворотов, которые происходили с ними, невозможно без первичной документации, хранимой в архивах.

Здесь для исследователя — огромные возможности. Богатейшие архивные фонды всех главных представителей обширного семейства находятся в своеобразном учреждении — Библиотеке Джона Фицджеральда Кеннеди в Бостоне{7}. О президентских библиотеках сравнительно недавно рассказал один из авторов этой книги{8}. Кратко повторим здесь, что они представляют собой комплексные учреждения, объединяющие архив, музей и собственно библиотеку. А в архивах президентских библиотек сосредоточены фонды (файлы) не только самих президентов, но и лиц, связанных с ними политической или личной близостью.

Библиотека Д.Ф. Кеннеди была первоначально спланирована им самим в родном Бостоне на реке Чарлз, но открыта только в 1979 году в другом месте, на берегу океана. Она содержит богатейшие фонды самого Джона Кеннеди, его отца и других членов семьи, а также целого ряда сотрудников, помощников и друзей. Материалы этого учреждения явились для нас исключительно важным источником информации, в том числе и той, которая уже была опубликована, но которую необходимо было проверить по первоисточникам.

О том, каков объем документального материала в архиве библиотеки, достаточно ярко говорит одна цифра — в нем находится 20 198 единиц хранения. По нашим примерным подсчетам, одному исследователю понадобилось бы на просмотр всего этого «Монблана информации» не менее трехсот лет… Так что приходилось максимально себя ограничивать, руководствуясь и уже известными сведениями, и существующими пробелами, и отчасти интуицией.

Некоторые материалы Библиотеки Кеннеди продолжают оставаться недоступными для исследователей. Среди них значительная часть документации Эдварда Кеннеди (это связано с тем, что не истек еще срок давности после смерти фондообразователя, составляющий 25—30 лет). На секретном хранении остаются некоторые документы Госдепартамента, в частности связанные с Кубинским кризисом 1962 года[2]. Однако закрытые бумаги (в подавляющем большинстве случаев это бюрократическая перестраховка) в значительной мере перекрываются доступными, и можно выразить почти полную уверенность, что после их рассекречивания они будут полезны лишь в качестве иллюстративного и дополнительного материала, подтверждающего уже сложившиеся концепции. Вряд ли от них

можно ожидать чего-либо сенсационного[3].

Подтверждением сказанного является рассекречивание в октябре 2012 года массива документов Роберта Кеннеди, относящихся ко времени его работы в качестве министра юстиции США и специального уполномоченного его брата-президента по вопросам, связанным с положением на Кубе, включая тайные операции против режима Фиделя Кастро и их расследование. Эти документы (свыше 2700 листов) лишь подтверждают и иллюстрируют деталями, порой пикантными, роль Роберта как главного человека, к которому после провала операции против Кубы в апреле 1961 года поступала вся основная информация о делах, связанных с этой страной, и который от имени президента намечал основные решения, в том числе и принимавшиеся в ходе Кубинского ракетного кризиса в октябре 1962 года{9}.

Помимо собственно документальных материалов и многочисленных предметов семьи Кеннеди, которые экспонированы в музейном секторе этого комплексного учреждения, в библиотеке хранится огромная коллекция воспоминаний членов семьи, сотрудников, секретарей, министров, друзей, зарубежных государственных и общественных деятелей, полученных более чем от тысячи человек по проекту так называемой «устной истории». Основателем этого проекта был видный американский историк Артур Шлезингер, автор многочисленных исследований по национальной истории и книг о ее крупных государственных деятелях[4].

Понимавший, что постепенно утрачивается такой важный источник информации, как личная переписка, дневниковые записи (они оказываются излишними для людей в век телефона, тем более, добавим, с приходом компьютера и Интернета с его электронными письмами и скайпом), Шлезингер вместе со своими коллегами выступил инициатором проведения интервью с видными участниками исторических событий, с тем чтобы эти записи хранились в соответствующих архивах, а наиболее важные из них издавались. Устные воспоминания, хранимые в Библиотеке Кеннеди, явились незаменимым источником для нашей работы.

В настоящей книге использованы и отдельные материалы других архивов — фонды и коллекции Национального архива США, рассекреченные фонды Федерального бюро расследований и Центрального разведывательного управления США, документы Библиотеки Франклина Рузвельта в городе Гайд-Парке (штат Нью-Йорк), Библиотеки Линдона Джонсона в городе Остине (штат Техас) и Библиотеки Дуайта Эйзенхауэра в городе Эйбилин (штат Канзас), коллекция неопубликованных документов Исторического

общества штата Массачусетс, материалы отделов рукописей Библиотеки конгресса США и Библиотеки Колумбийского университета (Нью-Йорк) и др.

Помимо этого, в нашем распоряжении находилась огромная коллекция документов Джона Кеннеди и связанных с его деятельностью материалов, которую к пятидесятилетию его вступления на пост президента создали в Интернете родные и близкие при помощи специалистов — историков, архивистов, компьютерных программистов{10}. В значительной мере эта коллекция повторяет документацию архивов, но для широкого круга пользователей да и для специалистов она очень полезна.

Дополнением к тому, что историки называют «историческими остатками» (то есть предметами и документами, непосредственно участвовавшими в событиях, о которых они рассказывают), является «историческая традиция» (косвенные свидетельства о событиях, явлениях, лицах, сосредоточенные в прессе, дневниках, мемуарах). Хотя такие источники отличаются большей или меньшей степенью субъективности (ведь информация в них процеживается сквозь сито авторского восприятия), они создают неповторимые картины, позволяют представить события и героев значительно выпуклее, оттенив их своеобразие и индивидуальные особенности.

В некоторых случаях мемуарные источники хранятся в архивах — мы уже упомянули только что о коллекции «устной истории» в Библиотеке Кеннеди, но очень важны и воспоминания, написанные участниками событий по их собственной инициативе и изданные затем для широкой публики.

Единственным мемуарным произведением, принадлежащим перу одного из героев этой книги, являются воспоминания Роберта Кеннеди «Тринадцать дней», посвященные тому краткому периоду, когда Кубинский кризис 1962 года чуть было не привел мир к термоядерной войне. В книге подробно, по дням рассказано о выработке судьбоносных решений, о роли Джона Кеннеди и самого автора в преодолении кризиса, о контактах с Н.С. Хрущевым и его представителями с целью выхода из положения, казавшегося тупиковым{11}. Правда, американские исследователи установили немало неточностей в мемуарах темпераментного Роберта{12}, но таково уж свойство всех произведений этого жанра.

Ни отец семейства, ни его сыновья не оставили мемуарных жизнеописаний, но сохранились отрывки из их воспоминаний в сборниках, посвященных памяти членов семьи{13}. Небезынтересные сведения о детских годах сыновей, об их личной жизни, о взаимоотношениях в семье встречаются в

рассказах матери братьев Кеннеди Розы, записанных в дни ее старости, когда троих сыновей и одной дочери уже не было в живых{14}.

Сам Джон Кеннеди не оставил подробных воспоминаний (сохранились лишь их фрагменты). И только недавно вышла в свет книга его супруги Жаклин, представляющая собой запись ее семи бесед с упомянутым А. Шлезингером со 2 марта по 3 июня 1964 года, то есть через несколько месяцев после гибели ее супруга 22 ноября 1963 года{15}.

Жаклин рассматривала свои рассказы как сугубо личные, содержащие подчас интимные сведения, которыми она делилась с близким человеком. Она была откровенна со своим собеседником, в том числе в некоторых нелицеприятных характеристиках живших и действовавших на тот момент известных политиков и популярных общественных фигур.

Более того, пожалуй, единственным человеком, для характеристики которого она не жалела самых лестных слов, являлся ее покойный супруг. Все же остальные действующие лица преподносились ею в основном с негативной стороны. О французском президенте Шарле де Голле она говорила, что он человек «злобный», обращавшийся с людьми как с собственными слугами. О Линдоне Джонсоне — вице-президенте в правительстве Кеннеди, ставшем потом президентом США, были произнесены еще более едкие слова. Он, мол, с одинаковой помпезностью мог объявить репортерам, что собирается баллотироваться на президентский пост и что занимается сексом один раз в неделю. Жаклин приписала своему покойному супругу (правда, сразу отказавшись от этого слова), что тот якобы называл президента Франклина Рузвельта «шарлатаном»{16}.

Поэтому записи, согласно существовавшей тогда традиции, были засекречены на 50 лет, хотя, как оказалось, прямого распоряжения Жаклин Кеннеди на этот счет не было. По совместному решению Кэролайн Кеннеди, дочери Джона и Жаклин, и других членов семьи, по совету историков и юристов магнитофонные записи были рассекречены несколько ранее пятидесятилетнего срока и опубликованы в 2011 году.

Они дают ценную информацию о жизненном и политическом пути Джона Кеннеди, о его президентстве, о жизни и быте в Белом доме, о взаимоотношениях между супругами, о родных, близких и т. д.

Воспоминания о Джоне Кеннеди и его окружении оставили несколько сотрудников президента, которые затем, после его гибели, работали с его братьями. А один из этих сотрудников — всё тот же видный историк Артур Шлезингер — написал

биографии Джона и Роберта Кеннеди. В них значительную часть информации составляют повседневные записи, которые автор, отлично понимавший, какую ценность для истории представляет первичная документация, вел изо дня в день на протяжении всей своей деятельности{17}.

Среди мемуарных источников особое место занимают воспоминания первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева, где весьма интересны описания встреч с Кеннеди и оценки международных событий, в которых оба они принимали участие{18}. Не столь важна, но всё же представляет определенный интерес книга зятя Хрущева журналиста А.И. Аджубея, который был единственным представителем советской прессы, получившим интервью у Джона Кеннеди{19}.

Важные данные о ликвидации Кубинского кризиса осенью 1962 года и роли президента Джона Кеннеди и советского руководителя Н.С. Хрущева в предотвращении непосредственной опасности термоядерной катастрофы можно обнаружить в мемуарах А. Феклисова, являвшегося резидентом разведки КГБ (Первого главного управления КГБ) в Вашингтоне в то время{20}.

На основании всех этих источников, с учетом имеющейся литературы авторы попытались разобраться в том клубке политических и личных намерений, конфликтов, решений и действий, которые принимали и осуществляли Джозеф Кеннеди, его сыновья: президент Джон и братья президента Роберт и Эдвард.

Мы стремились представить их жизнь и деятельность разносторонне, отказавшись от существующих стереотипов, обратив внимание как на общественно-политическую и прочую публичную деятельность, так и на личные, в том числе интимные жизненные сферы.

Несколько слов следует сказать о структуре книги. Состоит она из четырех частей, каждая из которых посвящена одному главному персонажу. Однако участниками действий во всех частях являются и другие главные (а также второстепенные) герои — в той степени, в какой они логически связаны с основной линией изложения соответствующего раздела. В частности, детские и юношеские годы братьев Джозефа-младшего и Джона рассматриваются не в той части, которая посвящена именно им, а в первой части, рассказывающей о Джозефе Кеннеди-старшем — их отце. В следующих частях работы братья предстают уже в процессе общественного становления или как зрелые личности.

Мы сердечно благодарны руководству и коллективам архивов и библиотек, которые не только предоставили в наше

распоряжение свои богатые фонды, но и оказывали дружескую помощь в розыске важных для нас документов. Мы глубоко признательны нашим коллегам и друзьям, которые в разных формах помогали нам в работе над этой книгой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ДЖОЗЕФ-СТАРШИЙ: ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ

Глава 1.
СТАНОВЛЕНИЕ МАГНАТА

Ирландские корни

Фамилия Кеннеди в Соединенных Штатах очень распространена. Не столь широко, как, скажем, Смиты (почему-то кузнечная профессия — ведь *smith* — это кузнец — особенно зафиксировалась в фамилиях), но встречается часто. Связано это, вероятно, с тем, что существуют три крупные ветви этого рода, существенно отличающиеся своим происхождением и развитием, — английская, шотландская и ирландская.

Ирландская ветвь (основные значения слова — быстрый, живой, горячий) оказалась наиболее распространенной и удачливой, несмотря на то, что ее представители в подавляющем большинстве придерживались католической религии, которая до второй половины XX века не пользовалась в стране (особенно в центральных штатах и на западе) особым почетом. Дело доходило до того, что католиков не считали патриотами, упрекали в том, что они более привержены римскому папе, чем американскому народу. Эта псевдопатриотическая антиирландская истерия достигла особого накала в 1928 году, когда на президентский пост был выдвинут губернатор штата Нью-Йорк — ирландец и католик Эл Смит, которого обвиняли в том, что он служит якобы не своей стране, а «Антихристу в Риме».

В то же время, находясь в противостоянии к явной дискриминации, американцы ирландского происхождения отличались некоторыми качествами, которые способствовали их выживанию, продвижению, деловой активности. Джон Кеннеди, будущий 35-й президент США, будучи сенатором, напоминая, правда, о прошлом своего «малого народа» еще у себя на родине, но явно имея в виду и сородичей в Америке, сказал в 1957 году: «Все мы, по происхождению ирландцы, связаны цепью, которая влечет к прошлому опыту; опыту, существующему только в памяти и в легендах, но который реален для тех, кто им обладает. Особые свойства ирландцев — изумрудная нить, вплетенная в ткань их прошлого, это — их постоянство, выносливость, вера, пронесенная через века иноземного угнетения… века, на протяжении которых они испытывали бедность, болезни и голод…»{21} Вторя Джону, известный американский поэт Роберт Фрост, вручая Кеннеди в подарок книгу своих стихов в день президентской инаугурации, сделал на ней надпись: «Будь

больше ирландцем, чем гарвардцем»[22].

Именно эта двойная приверженность — упорная и непреодолимая, несмотря на все трудности и препятствия, — связь национальная и религиозная — являлась основой единства внутри самой семьи Кеннеди, взаимной поддержки, готовности прийти на помощь друг другу, жертвуя собственными амбициями и подчас даже материальными интересами, высоко почитаемыми в этой семье, — дает возможность вполне согласиться с членами семейства, которые не раз называли свой род кланом. Ведь клан (слово, заимствованное древними ирландцами, а также шотландцами и валлонами у своих дальних гэльских предшественников)[5] — это «группа семейств, главы которых происходят от общего предка»[23]. Строго говоря, в антропологической литературе существует ограничение. Кланом называют род, который ведет свое происхождение от мифического или легендарного предка, точную генеалогическую цепочку к которому члены клана не прослеживают[24]. Но в повседневности этим ограничением, как правило, пренебрегают.

Обратимся к родословной клана Кеннеди. Сделать это будет несложно, так как, в отличие от многих других выдающихся американцев, братья Кеннеди (президент и сенаторы) знали лишь три поколения своих предков. Точнее даже, они только что-то слышали о них, а более подробно их судьбу, да и то в самых общих чертах (за исключением отца) смогли восстановить историки и журналисты уже в то время, когда семейство стало знаменитым.

Дедом Джозефа Кеннеди, ставшего миллионером и весьма влиятельной политической фигурой, являвшегося отцом президента и двух сенаторов, был Патрик Кеннеди. Он являлся арендатором крохотного земельного участка в местечке Дунганстаун (графство Векспорд) в юго-восточной части Ирландии. Рано покинув своих родителей, Патрик вел нищенское существование подобно соседям, да и большинству населения Зеленого острова.

Автор биографии Джозефа Кеннеди журналист Ричард Вейлен считает, что ирландцы были беднейшим и самым отсталым народом Европы[25]. Он, безусловно, преувеличивает, но особенно далеко от истины не отходит. Ирландцы действительно в своем подавляющем большинстве были народом нищим, но гордым, питающим свою честь легендами и мифами о древних временах, когда они храбро сражались с англичанами и другими пришельцами и одолевали их в нелегких битвах или же храбро погибали в неравной схватке на поле боя.

Сохранять мужество и жизнелюбие ирландцам помогала

католическая вера. Церковь, руководимая из далекого Ватикана римским папой, которого считали полубогом, была единственным национальным институтом, сохранившимся после того, как Зеленый остров стал колонией Великобритании в середине XVII века.

Естественно, Патрик был верным католиком и исправным прихожанином местной церкви, священник которой охотно отпускал ему немногочисленные грехи. Церковь давала надежду на спасение в ином мире, ибо перспективы улучшить свое существование в мире земном отнюдь не радовали.

Урожая картофеля, который выращивал Патрик Кеннеди, едва хватало на то, чтобы прокормиться и продать остатки на соседнем рынке. Вырученные деньги уходили на арендную плату лендлорду и на незначительное обновление инвентаря. О каком-то улучшении качества жизни нельзя было и помыслить. К такому существованию Патрика приучили родители, и он считал свой быт вполне естественным. Совершенно нормальным представлялось, что спит он на сыром земляном полу, трудится с раннего утра до позднего вечера и подсчитывает не только малую толику оставшихся монет, но и картофелины, которые надо сохранить до следующего урожая, оставив необходимую часть в качестве посадочного материала.

В 1845 году, однако, произошла катастрофа. Неизвестно откуда взявшаяся картофельная болезнь (говорили, что ее завезли из-за океана, — как видно, неудачливые европейцы учились обвинять в своих бедах процветавших американцев еще в те времена) привела к тому, что почти весь главный продукт пропитания и сбыта для ирландского крестьянства сгнил на корню. За неурожаем последовал голод в полном смысле этого слова, а за ним, как это обычно бывает, — эпидемии тифа и холеры. Тем не менее лендлорды требовали уплаты ренты в полном размере.

В 1846-1849 годах не менее миллиона ирландцев умерли от голода и болезней, и еще около миллиона, отчаявшись сохранить сносное существование на родине, отправились в эмиграцию в ту самую одновременно благословенную и проклинаемую заокеанскую страну, из которой на Ирландию, по слухам, обрушилось несчастье{26}.

Район, где жил Патрик, пострадал чуть меньше западной части Ирландии. Однако он понимал, что новые беды еще предстоят, и решился на эмиграцию, тем более что лендлорд уже повысил плату за его земельный участок. Благо молодой человек не был еще обременен семьей.

Получив как благочестивый католик благословение местного

священника, он в октябре 1848 года погрузил на телегу свое жалкое имущество и отправился по размытой грунтовой дороге в соседний крупный порт Нью-Росс — находившийся, к счастью, всего в шести милях от родного местечка.

Отсюда Патрик переправился в Ливерпуль, наиболее близкий британский порт, откуда можно было перебраться за океан. Ближайший трансатлантический пароход «Вашингтон Ирвинг» направлялся в Бостон. На судне оказались места в самом низшем классе. Началось мучительное путешествие за океан в чуть ли не каторжных условиях, продолжавшееся шесть с лишним недель: трюмы, где размещались пассажиры, купившие дешевые билеты, были переполнены, на палубу людей почти не выпускали. Стояла адская вонь, так как никаких санитарно-туалетных приспособлений не было. Согласно правилам, пассажиров должны были кормить, но скудный паек, который часто вообще не выдавался, был совершенно недостаточен для того, чтобы хотя бы минимально заглушить голод.

Согласно подсчетам современников, около трети ирландских эмигрантов, отправлявшихся в Америку, умирали на борту кораблей или почти тотчас по прибытии к месту назначения. Приносившую фатальный исход болезнь называли голодной лихорадкой или голодным тифом. Не случайно такие суда именовали плавающими гробами{27}.

Патрик оказался достаточно выносливым, чтобы выдержать это страшное путешествие. Прибыв в Бостон 22 апреля 1849 года, он избрал для жительства, естественно, самый дешевый район города. Дальше двигаться уже просто не было сил, да и другие ирландцы предпочитали оставаться на побережье, тем более что здесь можно было найти работу в кораблестроительных доках. Отправляться на запад в поисках лучшей доли, подобно «пионерам» из Англии, ирландцы не решались еще и потому, что стремились жить коммунами, поддерживая друг друга и приходя на помощь в случае необходимости. Чувство индивидуализма у них появилось и усилилось позже, по мере приспособления новых поколений к американским реалиям.

Строительство торговых кораблей велось быстрыми темпами, и нужда в дешевой рабочей силе была велика. Она стала еще более ощутимой как раз к концу первой половины XIX века в связи с возведением в Бостоне сахарной фабрики и небольшого металлургического предприятия.

Бостон — столица и крупнейший город штата Массачусетс, наиболее значительный центр региона, известного под названием Новая Англия. Город был основан в 1630 году пуританскими колонистами. Этнический его состав изменился с началом

массовой иммиграции из Европы. Ирландские и итальянские иммигранты завезли католичество, и вскоре католическая религиозная община стала крупнейшей в городе.

Вместе с тем ирландцы способствовали распространению в Бостоне своей привычки — после работы отправляться не домой, а в кабачок, где они проводили несколько часов за вином и доброй беседой. При этом нередко возникали споры и ссоры, переходившие в драки, подчас в поножовщину. В бостонских газетах нередко появлялись карикатуры, изображавшие ирландских иммигрантов пьяницами, хулиганами и вообще недочеловеками. Нередко на их защиту вставала местная организация Демократической партии, стремившаяся привлечь новых избирателей. Постепенно возникала традиция — бывшие ирландцы становились демократами, а наиболее активные из них стремились создать себе политическое досье именно в этой партии.

Квартал за кварталом переходил под влияние этих активистов, противостоявших респектабельным янки[6], обычно объединявшимся вокруг организаций Республиканской партии. Первичными ячейками ирландцев-демократов становились пивные и таверны, превращавшиеся в политические клубы, члены которых стояли друг за друга и постепенно расширяли свое влияние.

На острове Нудл в восточной части Бостона Патрик смог нанять крохотный «угол» в переполненном жилище. Представление о том, в каких условиях жили здесь иммигранты, дает отчет комитета по вопросам здравоохранения, который именно в 1849 году обследовал ирландский квартал Бостона. «Весь район, — говорилось в отчете, — это подлинный улей, наполненный человеческими существами, — без каких-либо удобств и в основном без самых обычных [жизненных] условий; во многих случаях собранные вместе [люди] подобны животным, невзирая на пол или возраст, на чувство достоинства; взрослые мужчины и женщины спят вместе в одном и том же жилище, и иногда… в одной и той же постели»{28}.

Чтобы хоть как-то прокормиться, Патрик трудился на верфи от зари до зари на самых черных работах (обычно рабочий день продолжался 14 часов), получая один доллар в неделю. Через несколько лет ему, однако, удалось хоть чуть-чуть выбиться в люди — он стал бондарем — мастером-специалистом по производству бочек, слегка возвысившись над основной массой нищих ирландских иммигрантов.

Более чем через столетие, в 1963 году, президент США Джон Кеннеди посетил Ирландию, где его торжественно принимали:

парламент с восторгом слушал его речь, два университета присвоили почетные ученые степени. Джон, однако, нашел время, чтобы посетить то самое место, откуда в Америку отправился его предок. Он говорил: «Я рад побывать здесь. Понадобилось 115 лет, шесть тысяч миль и три поколения[7], чтобы это путешествие произошло. Когда мой прадед уехал отсюда, чтобы стать бондарем в восточном Бостоне, у него не было ничего, кроме глубокого религиозного чувства и жгучего желания свободы. Если бы он тогда не уехал, я бы сейчас работал на заводе “Альбатрос Компани”, вон там, через дорогу»{29}.

В 1850 году ирландцы, подавляющее большинство которых относилось к самому низшему слою населения, составляли значительную часть жителей Бостона: из общей численности в 187 тысяч человек — 35 тысяч{30}, то есть примерно одну пятую. Большинство жителей города — прежде всего состоятельные протестанты и придерживавшиеся той же религии представители среднего класса, а также тянувшиеся за ними рабочие и обслуга относились к ирландцам с нескрываемой неприязнью. Их нищету объясняли ленью, и к этому изрядно примешивалась религиозная нетерпимость к католикам. Стали распространяться, а затем вошли в моду импортированные из Англии анекдоты, в которых ирландцы изображались людьми тупыми, необразованными, некультурными, малограмотными, грязными, склонными к злоупотреблению алкоголем[8].

В свою очередь католические священники, к которым тянулись иммигранты-ирландцы, поощряли отчуждение, обвиняя протестантскую церковь во всех бедах и особенно в безнравственности, царившей повсюду. Местная газета «Пайлот» («Ведущий») писала: «Сотрудничество между католиками и подлинными протестантами на сколько-нибудь продолжительное время в моральном отношении невозможно»{31}.

Еще до отъезда в Америку Патрик познакомился с Бриджит Мёрфи, ирландской девушкой двумя годами старше его. Молодые люди понравились друг другу, отправились в эмиграцию вместе, а вскоре после приезда в Бостон поженились, хотя по-прежнему за душой у них почти ничего не было, кроме молодости и нежного взаимного чувства. В течение нескольких следующих лет на свет появились три дочери — Мэри, Джоанна и Маргарет — и сын Джон (он прожил всего полтора года). Наконец, 14 января 1858 года родился второй сын Патрик-Джозеф, которому предстояло стать отцом первого нашего главного персонажа. Прошло менее года, и глава семейства скончался от холеры.

Непосредственные предшественники

В ирландских трущобах детская смертность была особенно большой: свыше 60 процентов детей не доживали до пятилетнего возраста[32]. Поразительно, но из пяти детей Бриджит и Патрика четверо (Патрик-Джозеф и три дочери) не только выжили, но и добились определенного общественного положения.

Особенно это относилось к сыну. Патрика-Джозефа предоставили попечению своих сестер, которые были лишь немногим старше его. Лишившись мужа, когда младший ребенок еще не научился ходить, Бриджит проявила себя энергичной женщиной с предпринимательской хваткой. Вскоре ей удалось устроиться вначале продавщицей в магазинчик товаров первой необходимости, торговавший возле пристани и нитками с иголками, и хлебом.

Позже она смогла повысить свой статус — научилась делать красивые дамские прически, проявила изобретательность и вкус и в результате получила работу в парикмахерской, причем в самом центре Бостона. Мальчика отправили учиться в церковную школу, в которой преподавали монахини из монастыря Нотр-Дам. В обычную городскую школу его решили не отдавать (дочери не получили даже церковного начального образования), так как там открыто проповедовалась неприязнь к католикам.

Но с ранних лет мальчик приучался работать. Вначале он после занятий помогал своей матери в магазине, а став подростком, подрабатывал уличным торговцем на набережной в восточной, более бедной части города[33].

Именно в эти годы у Патрика-Джозефа проявилось такое важное для американского общества свойство, как бережливость. Сохранились свидетельства, что, еженедельно отдавая матери заработанные деньги, он часть полученной суммы оставлял в своем кармане, причем неизвестно, делалось это с материнского разрешения или тайком.

Прошло еще несколько лет, и на накопленные деньги юноша смог купить крохотную пивнушку. Но находилась она в западной, более привилегированной части Бостона, да еще и на рыночной площади, где была всегда надежная клиентура. Торговля спиртным оказалась удачной, и через некоторое время дело было расширено. Помимо своего заведения молодой человек стал партнером еще в двух, а затем, как уже совсем солидный предприниматель, открыл даже свою собственную контору.

Стремясь стать уважаемым членом общества, не жертвуя при этом своей принадлежностью к католицизму, Патрик-Джозеф довольно успешно испробовал свои силы и на политическом поприще. В 1886 году, всего лишь в возрасте двадцати восьми лет, он был избран в палату представителей штата Массачусетс, а

шесть лет спустя — в сенат штата.

Такой успех в значительной степени был связан с изменением в Бостоне демографической ситуации. Новые волны ирландской иммиграции, высокий уровень рождаемости среди католиков, которым религия строжайше запрещала не только аборты, но и средства контрацепции, вели к тому, что ирландское население города росло более быстрыми темпами, чем так называемые «воспы» (сокращение от выражения *WASP — White Anglo-Saxon Protestant* — белый англосаксонский протестант), и в 1880-е годы превысило треть бостонских жителей.

Дело дошло до того, что в результате противоречий в стане противников в 1884 году мэром Бостона был избран ирландец Хью О'Брайен. Он, правда, не удержался в своем кресле надолго, его вынудили уйти в отставку. Но это был прецедент. Пройдет непродолжительное время, и мэром вновь станет ирландец, на этот раз Джон Фицджералд, с которым породнится семья Кеннеди. Занявшийся политикой Патрик-Джозеф присоединился к Демократической партии, организации в те годы весьма противоречивой и постепенно менявшей свой облик. Еще недавно, в пору Гражданской войны 1861—1865 годов, это была партия южных рабовладельцев, против которых вели борьбу республиканские политики и военачальники, сплотившиеся вокруг президента Авраама Линкольна и его Республиканской партии. Но в северо-восточной части страны, особенно в Нью-Йорке и Бостоне, республиканцы и в годы Гражданской войны были сравнительно безразличны к проблеме рабства — их больше волновали вопросы индустриализации и свободного развития рынка. Теперь же, через 15-20 лет после Войны Севера и Юга, во главу угла агитации политиков Демократической партии в северных штатах были постепенно поставлены идеи гражданского равенства, расширения избирательного права, преодоления дискриминации по национальному и религиозному признакам (правда, фактическое предоставление равных прав неграм предлагалось осуществлять поэтапно, то есть в нарушение уже принятых поправок к Конституции США это дело откладывалось «на потом»). Естественно, что установки демократов импонировали ирландцам, и Патрик-Джозеф явно поставил на ту лошадь, которая в условиях Бостона имела выигрышные шансы.

Вскоре после того как ирландцы торжественно отпраздновали избрание близкого им человека на пост мэра (его уход в отставку прошел незаметно), Патрик-Джозеф познакомился с хорошенькой дочерью богатого ирландца Мэри Хиккей, которая была более образованна, чем молодой человек, и умела лучше вести себя в обществе. К тому же ее мать не была домашней хозяйкой, а имела

весьма уважаемую профессию врача. Преодолев известные колебания и, по-видимому, почуяв в сравнительно скромном молодом человеке хватку и перспективу, родители девушки согласились на брак. Мэри и Патрик-Джозеф поженились 23 ноября 1887 года. Благодаря удачному браку Кеннеди получил доступ в социальную и культурную элиту Бостона, правда, преимущественно в ту ее часть, которая вела свои корни от предков с Зеленого острова.

6 сентября следующего года на свет появился их первенец, которого, не мудрствуя лукаво, назвали Джозеф-Патрик. Двойное имя не привилось, и ребенка уже вскоре стали называть просто Джозефом или Джо.

Когда родился Джозеф, семья всё еще жила в сравнительно скромном доме, правда, на одной из центральных улиц восточной, менее аристократической части Бостона, Меридиан-стрит. Вслед за первым сыном родился второй, который умер в младенчестве, а затем Мэри родила еще двух дочек — Лоретту и Маргарет.

Отец не был тираном, но держал семью в строгости. Дети воспитывались так, что достаточно было сурового взгляда главы семейства, чтобы они послушно затихали или исполняли порученное им дело. Этому учила ирландская традиция, соблюдения ее требовала католическая церковь, и Кеннеди верно ей следовали.

Сам же Патрик-Джозеф постепенно становился всё более уважаемым предпринимателем. Первоначально накопленные на продаже крепких напитков средства позволили ему купить акции угольных компаний, а затем стать владельцем ценных бумаг бостонских банков. Последовали скупка и перепродажа пустующих земель, а еще через некоторое время деньги стали вкладываться в акции железнодорожных компаний, которые давали их владельцам немалые прибыли. Так Кеннеди постепенно пробивался в среду избранного общества, правда, не в самый верхний его слой, но во всяком случае становился известным и авторитетным в городе человеком. Хотя его предпринимательские интересы лежали в различных областях, местные жители обычно именовали его банкиром.

Оставалось время и на общественную деятельность, которая, безусловно, была связана с бизнесом, ибо создавала вокруг Кеннеди атмосферу не просто удачливого, но и ответственного перед гражданами деятеля. Отработав положенное время в местных представительных учреждениях, он стал занимать должности в муниципальных органах, являлся членом комиссий по электрификации, предотвращению пожаров и даже по

выборам.

Его сын сохранил, между прочим, воспоминание о том, как под руководством Патрика-Джозефа проводились эти самые выборы. Однажды в день голосования к ним в дом пришли двое помощников отца, которые с гордостью доложили: «Пат, мы сегодня проголосовали сто двадцать восемь раз»{34}. Отец был явно удовлетворен. Во всяком случае, никакого недовольства таким политическим мошенничеством он не выразил{35}.

Грубые, скандальные нарушения демократических норм, преступные откровенные подтасовки результатов голосований преодолевались в США с большим трудом на протяжении всего XX века, но так до конца и не были искоренены. Они, разумеется, ни в какое сравнение не идут с обществами авторитарными, но маскирующимися псевдодемократическими покрывалами. Как видно, однако, выборные «карусели» и другие подобные им мошеннические махинации — это отнюдь не изобретение XXI века.

Путь в большой бизнес

Детские годы Джо протекали сравнительно спокойно. Ребенок, а затем подросток рос сильным, ловким, спортивным, предприимчивым, несмотря на свойственные детям инфекционные болезни. Дифтерит был перенесен тяжело, но никаких осложнений не дал и видимых следов не оставил. Отличительной чертой мальчика были ярко-рыжие волосы. Такой цвет волос не унаследовал никто из его детей. (Только у второго сына Джона, президента США, в пышной каштановой шевелюре пробивался какой-то оттенок золотистости, но врачи говорили, что это — признак перенесенного заболевания.) На окружающих производили впечатление и вызывающее веснушчатое лицо, и ярко-голубые глаза, и напористость в играх и спорте. Когда кто-то из его товарищей по игре в бейсбол жаловался, что Джо, мол, сам себя назначил капитаном, тот отвечал: «Если ты не можешь быть капитаном, не играй»{36}.

В то же время уже в детском возрасте у Джо стала проявляться явно предпринимательская хватка, жажда заработать любой ценой как можно больше денег. Она не была связана с какими-либо жизненными потребностями, семья не нуждалась в его финансовой помощи.

Но свою энергию, желание выделиться, победить в своеобразном состязании Джо проявлял прежде всего в стремлении разными путями получать всё большую прибыль. Пусть эти деньги не накапливались, подобно тому, как вынужден

был делать в юности его отец (тратил заработанное Джо поначалу главным образом на сладости), но постоянно находились всё новые и новые пути обзавестись сначала мелкой монетой, а затем и бумажными купюрами.

Мальчик продавал газеты, выполнял разовые поручения банковских клерков и даже зажигал свечи в домах богатых ортодоксальных евреев, которым, согласно религиозным правилам, нельзя было работать по субботам и другим национальным праздничным дням[9].

В свои зрелые годы Джозеф Кеннеди не раз вспоминал, что трудился с самых юных лет, но при этом пытался максимально приуменьшить ту страстную тягу к деньгам, которая у него выработалась уже в детском возрасте. Как-то он заметил: «Мера человеческого жизненного успеха лежит не в богатстве, которое он создал. Важно, в какой семье он вырос. В этом отношении я был очень удачлив»{37}.

Это было справедливо, но только отчасти. Своим заявлением финансист и политик спекулятивно подменил один вопрос другим или, точнее, разделил нечто единое на две противоположные части. Ведь именно семейное окружение, характер интересов отца, атмосфера в семье и были источниками того стремления к самообогащению, которое зародилось у Джозефа в весьма юном возрасте. Патрик-Джозеф, его отец, действительно активно занимался воспитанием сына, но главная направленность этого воспитания состояла именно в том, чтобы выработать у Джозефа навыки, которые наиболее надежно способствовали бы его не просто жизненному, а прежде всего материальному успеху.

А для такого успеха важно было, оставаясь членом ирландской общины, формально не выделяясь из нее, вести себя несколько обособленно, всё более внедряться в среду бостонского высшего общества, всё более выходить из замкнутого круга национального сепаратизма и провинциализма. Именно поэтому отец забрал своего сына из церковной школы и записал его в весьма привилегированную бостонскую Латинскую школу, имевшую давние и славные традиции. Основанная еще в 1635 году, эта школа гордилась своими выпускниками, среди которых были отцы-основатели независимой Америки Бенджамин Франклин, Сэмюэл Адаме, Томас Пейн, чьи имена свято чтут американцы на протяжении столетий, знаменитый поэт Ральф Эмерсон и многие другие заслуженно прославившиеся люди{38}.

Отправляясь осенью 1901 года в шестой класс школы в старое здание на Уоррен-авеню, новый ученик отлично понимал, как нелегко ему будет бороться за место под солнцем в среде

одноклассников — не просто из богатых (отец Джозефа теперь также был весьма состоятельным), но в определенном смысле «знатных» жителей города, выходцев из тех семей, которых обычно уважительно называли «старыми деньгами», ибо это были люди, чьи капиталы сколачивались в течение многих поколений. А это создавало и у старшего поколения, и у детей некое чувство избранности и даже аристократизма.

Руководителем школы был Артур Ирвинг Фиске, сдержанный, но опытный методист, специалист по классическим языкам, которого считали лучшим преподавателем греческого не только в штате Массачусетс, но и во всей Америке. (Именно так характеризовал Фиске соученик Кеннеди Макс Левине, секретарь Ассоциации выпускников Латинской школы, в письме автору биографии Джозефа Кеннеди в 1963 году{39}.

Учился Джозеф так, что ему никак не удавалось переходить из класса в класс без проблем. Он не увлекался ни древними языками, ни литературой, ни историей. Более того, уже на втором году обучения он не справился с элементарной физикой, начальным французским языком и латынью. В результате он был оставлен на второй год. Единственным предметом, который изучался им с величайшим вниманием и добросовестностью, была математика, и в этом явно сквозила тяга к тому, чтобы правильно и грамотно подсчитывать будущие прибыли и убытки. Не случайно учитель математики Патрик Кэмпбелл позже стал его другом{40}.

Намного важнее было внедриться в среду детей из аристократических семей, подружиться с ними, встречаться с ними на равных. В достижении этого помогли физическая выносливость, крепкие мышцы, состязательный азарт рыжеволосого стройного и высокого мальца с ослепительной дружеской улыбкой.

Разумеется, понадобились усилия, но через некоторое время, в основном благодаря напряженным занятиям спортом, почти не оставлявшим времени для изучения школьных предметов, Джо добился своего: он стал одним из лучших баскетболистов школы, вслед за этим — капитаном футбольной команды, а затем и президентом своего класса.

Школьные годы пролетели незаметно. Джозеф особыми талантами не отличился, не был среди первых выпускников, не получил никаких наград, но установил прочные связи с отпрысками целого ряда известных бостонских семей.

Выпускной бал состоялся в июне 1908 года. К этому времени в семье было уже принято решение, что следует делать молодому человеку дальше. Родители решительно отказались послать его в

колледж Святого Креста, как было принято в кругу богатых бостонцев ирландско-католического происхождения в то время.

В качестве следующего этапа образования Джозеф с полного согласия родителей избрал Гарвардский университет, одно из самых престижных высших учебных заведений страны. Гарвардское образование давало путевку в высшее общество не только Бостона, но и далеко за его пределами, разумеется, если использовать университетские годы именно с целью строительства дальнейшей карьеры. К тому же университет был буквально под боком — он находится фактически в пределах Бостона, правда, в той части города, которая существует как бы сама по себе и даже носит особое название — город Кембридж. Отсюда, между прочим, нередкая путаница — Гарвардский университет в Соединенных Штатах смешивают с Кембриджским университетом в Великобритании.

Для поступления в Гарвард было, правда, весьма серьезное препятствие — невысокая успеваемость в Латинской школе. И тем не менее приемный комитет согласился допустить молодого человека в столь престижный университет, скорее всего потому, что он был сыном богатого и влиятельного бостонского общественного деятеля{41}. Юноша, однако, был предупрежден, что следует наверстать упущенное, иначе овладеть сложными университетскими предметами будет невозможно.

Поступив в университет в том же 1908 году, Джозеф и здесь должен был пробиваться в «высшее общество», ибо в Гарварде существовала жесткая кастовая система. Наиболее отчетливо она проявлялась в студенческих клубах. В привилегированные клубы, особенно в самый аристократический под названием «Хрустальный», попасть было крайне трудно. Пришлось довольствоваться членством в более скромном клубе «Hasty pudding» (это название можно очень приблизительно перевести как «Клуб быстро приготовленного пудинга», но не исключен и перевод «… быстрого поедания пудинга». Члены клуба особенно не задумывались над его названием, им достаточно было знать, что они принадлежат к «Быстрому пудингу»). Занимались же они дружеским времяпрепровождением, которое нередко сопровождалось озорством и даже хулиганскими выходками.

Как житель Бостона, Джозеф вполне мог позволить себе жить в доме своих родителей, которые против этого и не возражали. Но он вместе с Бобом Фишером, уже хорошо известным всей Америке футболистом, снял комнату именно в Кембридже, рядом с университетским кампусом (зеленым городком, в котором среди деревьев и лужаек размещены административные службы, учебные корпуса, библиотеки, общежития, спортивные

сооружения, столовые, медицинские учреждения, церковь и т. д.).

Общение с Фишером было очень полезным. Став видной фигурой, тот быстро научился соответствующему поведению и, проявляя снисхождение к Джозефу, покровительственно учил его, как себя вести, с кем общаться, помнить, что за ним постоянно наблюдают, ожидая со стороны отсталого ирландского католика каких-нибудь «ляпов», которые можно было бы высмеять или даже подвести под административную ответственность.

Что же касается учебы, то в университете Джозеф двигался тем путем, который избрал еще в школьные годы. Лишь частично последовав добрым советам, полученным при поступлении, он учился более или менее удовлетворительно, заботясь главным образом о том, чтобы без проблем завершать один год обучения и двигаться дальше.

Поясним, что термин «курс» в США в данном смысле не употребляется, он относится только к изучаемым предметам. А по годам или семестрам обучения студенты делятся на новичков *(freshman),* младших *(junior),* овладевших некоторыми знаниями *(sophomore),* старших *(senior)* и выпускников *(undergraduate)*.

С несколько большим интересом, чем другие предметы, Джозеф изучал историю. Но по-настоящему серьезно занимался он только экономическими дисциплинами. Впрочем, курс бухгалтерского учета, на который он записался, показался ему настолько скучным, что Джо отказался от него, понимая, что скорее всего получит неудовлетворительную оценку{42}.

Правда, у молодого человека, озабоченного, казалось бы, только материальными делами и карьерным продвижением, неожиданно прорезалась и совершенно другая страсть. Он полюбил музыку, причем не только легкую, которую он слушал на музыкальных вечерах, охотно посещаемых с приятелями, и в доме родителей в исполнении сестер (они неплохо играли на фортепиано). Джо стал верным поклонником и музыки симфонической. Он регулярно бывал на симфонических концертах и начал собирать граммофонные пластинки.

Со временем Джозеф Кеннеди накопил огромную коллекцию записей серьезной музыки, начиная с органных концертов эпохи Возрождения до произведений современников, стал подлинным меломаном. В зрелые годы свои редкие свободные часы он проводил, как правило, слушая записи классических произведений. По этому поводу он, однако, особенно не распространялся, так как любовь к музыке могла поставить под сомнение его жесткий характер и общепризнанную, нередко подчеркиваемую им самим, склонность и способность к обогащению{43}.

Однако эстетическое увлечение и в пору своего возникновения ни в малой степени не отвлекало молодого человека от весьма прозаических дел, которые появлялись одно за другим и позволяли постепенно откладывать всё бо́льшие суммы на появившиеся банковские счета.

Однажды он разговорился с водителем и владельцем автобуса, который сообщил, что собирается эту машину продать. Договорившись с приятелем по Гарварду Джо Донованом и поторговавшись с владельцем, он в складчину со своим тезкой купил автобус всего за 66 долларов. А вслед за этим был начат довольно прибыльный бизнес — впервые в Бостоне приятели стали проводить автобусные экскурсии для приезжих. Донован сидел за рулем, а Кеннеди с апломбом рассказывал общеизвестные истины, которые он только что выучил на память по справочнику. Более того, удалось договориться, чтобы экскурсии начинались от Южного вокзала — главного железнодорожного узла Бостона, что обеспечивало постоянный наплыв желающих узнать о городе — историческом и культурном центре — что-то новое. Эта работа проводилась в летние каникулярные месяцы, и каждый из совладельцев автобуса заработал по несколько тысяч долларов, что для начинающего бизнесмена по тем временам было немалой суммой{44}.

Вначале экскурсии проводились по городу, но вскоре, осмелев, приятели стали возить посетителей Бостона в расположенные неподалеку знаменитые городки Лексингтон и Конкорд. Это были места боевой славы американцев. Именно здесь 19 апреля 1775 года произошли первые бои во время Войны за независимость в Северной Америке.

Джо с упоением приводил опять-таки общеизвестные факты о том, как двухтысячный английский отряд подполковника Ф. Смита выступил из Бостона в Конкорд, находящийся в 30 километрах от центра города, с задачей захватить склад оружия восставших колонистов, как на марше, а затем при подходе к Конкорду и Лексингтону английские войска подверглись нападениям американских колонистов, действовавших в рассыпном строю и стрелявших из-за укрытий. Рассказывалось и о том, что только при поддержке подкрепления английскому отряду, потерявшему около 300 человек, удалось отойти к Бостону. Американцы потеряли 100 человек из 400. К энциклопедическому тексту добавлялись красочные детали, скорее всего, просто придуманные молодым экскурсоводом.

Видимо, еще в студенческие годы Джозеф стал подумывать о перемещении в новую финансовую столицу Соединенных Штатов — Нью-Йорк. Бостон постепенно утрачивал качества центра

капиталистических авантюр, живого предпринимательства. Оставаясь легендарным с точки зрения истории возникновения американской нации и государства, город постепенно терял свои черты «финансового гения». Р. Вейлен пишет: «Он стал прибежищем достойных людей, не имевших воображения, которые поглощали свою овсянку каждое утро, хотя ее ненавидели, которые брали с собой зонтики, если на небе появлялось единственное облачко, и которые твердо следовали по стопам своих отцов, чтобы подсчитывать богатство, накопленное их дедами»[45].

Автор справедлив лишь отчасти — Бостон сохранял черты мощного финансового, промышленного, политического и культурного центра, но действительно наиболее предприимчивые и деятельные люди стремились делать деньги именно в Нью-Йорке, превращавшемся в финансовую столицу мира.

Однако сначала необходимо было устроить личную жизнь. На приемах и других официальных торжествах, на собраниях и вечеринках богатой молодежи Джозеф часто встречал Розу — юную и энергичную, хотя и не очень красивую дочь мэра Бостона Джона Фицджералда, так же как и он сам имевшего ирландские корни, правда, значительно более отдаленные и смешавшиеся с другими национальными корнями.

Джон Фицджералд с 1895 по 1901 год побывал членом конгресса, затем занялся издательским бизнесом, купив газету «Репаблик» и использовав ее для своего продвижения в местной политике. Он был избран мэром в 1905-м и переизбран в 1910 году, теперь на четырехлетний срок в соответствии с изменившимися правилами. В связи с тем, что он занялся политикой, будучи почти бедняком, а оставил ее, имея крупное состояние, Фицджералда часто обвиняли в коррупции, но обвинения никогда доказаны не были, и он всегда выходил сухим из воды. Американский историк Лоуренс Лимер пишет: «Он был классическим политиком своего времени, и, по всей вероятности, деньги просто липли к его рукам»[46].

В 1889 году Фицджералд женился на Мэри-Джозефине Хэннон, стройной красавице, брак с которой продолжался 61 год. Мэри-Джозефина родила шестерых детей. Роза была самой старшей.

Когда Розе было 15 лет, отцу выпала большая честь — он был принят тогдашним президентом США Уильямом Маккинли. На прием Фицджералду удалось взять с собой не только Розу, но и ее младшую сестру Эгнес. Президент удостоил комплиментом именно Эгнес, сказав, что она — самая красивая девочка, когда-либо приходившая в Белый дом. Роза затаила обиду, решив, что

она должна всего добиваться своими силами, и действительно стремилась быть первой и в спорте, и в общественной деятельности, и в компаниях.

Летом 1907 года семья Фицджеральд отдыхала на модном курорте Олд-Орчард-Бич, где пребывала и семья Кеннеди. Молодые люди — девятнадцатилетний Джо и семнадцатилетняя Роза — познакомились поближе, понравились друг другу. Оба они, однако, были еще очень молоды, и прошло несколько лет, прежде чем между ними возникли разговоры о совместной жизни. Будучи студентом, Джо ухаживал за Розой, они встречались, но тайком, тщательно скрывая свои отношения.

Надо признать, что в намерениях Джо немалую роль играл и трезвый расчет. Породниться с мэром, да еще и первым в истории США мэром — одновременно католиком и ирландцем, — было явно выигрышной картой.

Джон Фицджеральд (1863—1950) действительно был выдающейся в городе фигурой. Не только граждане ирландского происхождения и католическая община, но и протестантское большинство жителей относились к нему с симпатией. За умение произносить спонтанные длинные речи, которые не надоедали слушателям, так как декламировались с артистизмом, хотя подчас были незначительными по содержанию, да еще за то, что он с удовольствием пел старую ирландскую песню «Сладкая Аделина», мэра прозвали «медоречивый Фиц». Он был инициатором привлечения значительных частных средств в городскую инфраструктуру и особенно в модернизацию бостонского порта, который наряду с нью-йоркским стал важнейшим импортно-экспортным океанским пунктом на восточном побережье страны.

Более значительные амбиции «медоречивого Фица», однако, не увенчались успехом. Он баллотировался в сенат в 1916 году, но проиграл выборы, был избран в палату представителей в 1919 году, но его соперник оспорил результаты, и суд признал избрание недействительным. Неудачей закончились для него и выборы на губернаторский пост в штате Массачусетс в 1922 году. Тем не менее Фицджеральд на протяжении своей долгой жизни оставался одним из самых уважаемых бостонских деятелей, продолжая пользоваться авторитетом не только в ирландской общине, но и среди подлинных «янки»[{47}].

Так что в сватовстве Джозефа чувственные мотивы явно были сильно сдобрены вполне прагматическими.

Правда, мэр рассчитывал найти супруга своей дочери в более избранном обществе. Фицджеральд всячески подчеркивал прекрасное классическое образование Розы, знание ею

французского и немецкого языков, умение прекрасно держаться в самом высоком свете и к тому же глубокую религиозность.

Он предпочитал, чтобы его дочь вышла замуж не за ирландца, а за янки. К своим же соотечественникам Фицджералд относился не более чем терпимо — ведь это были его избиратели, в глубине души считая их людьми второго сорта. Роза через много лет писала: «Я вспоминаю, как мой отец говорил, что типичный образ ирландского политика — это человек со стаканом виски в руке и трубкой во рту. Поэтому мой отец никогда на публике не пил и вообще никогда не курил». Она продолжала: «Благодаря отцу мы были в состоянии достойно принимать у себя людей самого высокого положения»{48}.

Фицджералд даже присмотрел себе зятя в лице преуспевающего чайного фабриканта Томаса Липтона (чай фирмы «Липтон» до наших дней пользуется спросом во всем мире).

Но девушка оказалась упрямой, и отец, после некоторых колебаний, дал согласие на брак. Отцовское благословение облегчили два факта. Во-первых, Джозеф к этому времени стал не просто предпринимателем средней руки. Собрав необходимые средства, главным образом заняв разные суммы у знакомых и родственников, он стал владельцем контрольного пакета акций сравнительно небольшого банка «Колумбия Траст» с центром в Бостоне. Во-вторых, сам Фицджералд, отнюдь не из соображений этнической приверженности, а из политического расчета незадолго перед этим задумался о том, что целесообразно было бы ввести представителя ирландской общины в число тех, кто руководит банковским делом в его городе. При встрече он задумчиво сказал президенту бостонского банка: «У вас много ирландских вкладчиков. Почему бы вам не ввести какого-нибудь ирландца в совет директоров?»{49} Теперь в лице жениха дочери появлялась весьма удобная кандидатура для такого значительного в местных условиях поста.

Свадьба состоялась 7 октября 1914 года. Фицджералд вел себя как отец, вынужденный примириться с капризом дочери. Пышных торжеств не устраивали, семейное празднество прошло без шума. Правда, церковный свадебный обряд совершил сам католический кардинал Уильям О'Коннел. Джозеф позже хвастался по этому поводу: «Я всегда хотел, чтобы меня обвенчал кардинал, и это действительно произошло»{50}. Последовало краткое свадебное путешествие, скорее даже не путешествие, а просто отдых на лоне природы в курортном местечке Уайт-Сульфур-Спринг в штате Виргиния.

Вслед за этим молодые поселились в купленном ими в

рассрочку трехэтажном доме 83 по Билс-стрит в поселке Бруклайн, приятном зеленом пригороде Бостона, куда вела только что введенная в эксплуатацию линия троллейбуса — европейской новинки, буквально потрясшей город. Жили здесь в основном люди среднего класса.

Трехэтажный дом с девятью комнатами (ныне здесь музей семейства Кеннеди) был не очень дорогой — стоил он 65 тысяч долларов, но сразу надо было выложить в качестве предварительного платежа две тысячи, а это потребовало новых займов. Деловой успех, ранее в основном удовлетворявший азартную натуру Джозефа Кеннеди, теперь становился жизненной необходимостью. Из весьма своеобразного спорта бизнес начинал превращаться для него, собиравшегося стать примерным семьянином, заботливым отцом будущих многочисленных потомков, в ответственное занятие, в котором он должен был преуспеть в максимальной степени.

Кеннеди стал президентом банка, пакетом акций которого он располагал. В этом качестве он быстро привык к управлению финансами жесткой рукой, с максимальной для себя выгодой. Его невозможно было уговорить пойти на уступки, отсрочить платеж.

Иногда он совершал довольно экстравагантные сделки, правда, в пределах сравнительно небольших денежных средств.

Однажды его хороший знакомый Эдди Велч попросил заем, необходимый для свадебного путешествия. Как водится, Джозеф потребовал что-либо в залог. Эдди предложил в качестве такового свой хороший новый автомобиль. Легковые машины были тогда еще редкостью. Своего автомобиля Джозеф не имел, и он договорился с Эдди, что вместо процентов, которые полагались по займу, он будет в течение месяца пользоваться автомобилем, как ему заблагорассудится.

У знакомого начался медовый месяц, а Кеннеди гордо разъезжал на машине по Бостону, нарочито нажимая на клаксон при виде знакомых. О том, что приближается время возврата дорогой игрушки, он как-то позабыл. Однажды Джозеф запарковал машину возле театра, куда он отправился с супругой. Каково же было его удивление, когда, выйдя на улицу после спектакля, он обнаружил, что машины нет на месте. Поднятая на ноги полиция быстро выяснила, что как раз истек месяц пользования и Велч, не предупредив, просто забрал свою машину, как это и полагалось по соглашению. Тем не менее Джозеф чувствовал себя оскорбленным и более на подобного рода сделки не шел{51}.

Глава 2.
МАГНАТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Биржевой делец

Весьма влиятельный тесть стремился привлечь Джозефа к административной службе. Он добился, чтобы того ввели в состав руководства Компании по залогам и займам, которая существовала при мэрии. В этом качестве Джозеф провел ряд инспекций банковских учреждений, обнаружил немало злоупотреблений. Но работа «на начальство» города ему не понравилась, и он вскоре покинул компанию, предпочтя ей частный бизнес, став членом совета доверенных лиц Массачусетской компании электричества, полностью сохранив свою долю в банке, который стал уже своего рода семейным бизнесом: пост председателя правления он передал своему отцу.

В 1917 году, однако, последовало новое соблазнительное предложение.

Бушевала Первая мировая война, в которую США вступили в апреле 1917 года. Многие соученики Кеннеди и по Латинской школе, и по Гарварду записались добровольцами в армию, часть из них отправилась за океан. Несмотря на то что США реально участвовали в военных действиях в Европе всего лишь полгода, некоторые знакомые Джозефа были убиты и ранены. Сам же Джо использовал какие-то каналы (они остались неизвестными), чтобы избежать призыва не только в действующую армию, но вообще в вооруженные силы, и его университетские товарищи высказывали по этому поводу самые нелицеприятные мнения.

Кеннеди отбивался. Он запальчиво говорил, что служит своей стране по-иному. На деле его «служба родине» обернулась следующим образом.

Пользуясь весьма благоприятной конъюнктурой, выгодными государственными заказами, мощная Бетлехемская стальная корпорация приступила к созданию в соседнем, находящемся на расстоянии примерно десяти километров от Бостона городке Квинси крупной кораблестроительной верфи. Миллионер Гай Курриер, лоббировавший интересы компании и присматривавшийся к молодому Кеннеди уже несколько лет, сделал ему соблазнительное предложение стать помощником генерального управляющего филиала компании — «Бетлехем Шип» *(ship* — корабль) и нести полную ответственность за новое кораблестроительное предприятие, создаваемое в устье реки Фор.

Предложенная зарплата была по тем временам немалой -15 тысяч долларов в год. Последовало немедленное согласие. Добавим, что вскоре зарплата Джозефа была повышена почти в два раза, так что он стал весьма высокооплачиваемым наемным работником, смотревшим свысока на обычных «белых воротничков», зарабатывавших в несколько раз меньше.

Сразу же приступив к исполнению новых обязанностей, Джозеф Кеннеди проявил недюжинную организаторскую хватку. Он предпринял строительство дешевого жилья для рабочих, которых нанимали на новое предприятие (рабочая сила на верфи достигла вскоре двадцати двух тысяч человек). Он наладил контроль за организацией труда, с тем чтобы вся эта людская масса была занята, и занята интенсивно, в течение всего рабочего дня.

Разумеется, не только Кеннеди был организатором этого крупного предприятия. Но его вклад был бесспорным. Верфь буквально прославилась быстротой строительства военных кораблей по правительственным заказам. Суда сходили со стапелей один за другим: 36 эсминцев были спущены на воду за год с небольшим. Строились и самые мощные корабли — линкоры, в частности, по зарубежным заказам, в основном правительств латиноамериканских стран.

Именно в это время Джозеф Кеннеди впервые встретился с Франклином Рузвельтом, в то время заместителем военно-морского министра. Одной из функций Рузвельта был контроль за строительством кораблей и передачей их заказчикам.

Знакомство, однако, оказалось неприятным для обеих сторон, ибо Рузвельт приехал на верфь, руководимую Кеннеди, в связи с возникшим конфликтом с правительством Аргентины, в дружественной позиции которого, особенно в военное время, США были весьма заинтересованы.

К этому времени на верфи было как раз завершено строительство двух линкоров, заказанных Аргентиной. Они были приняты аргентинскими военными, но в путь не отправлялись, так как Кеннеди не выпускал их из верфи, мотивируя свое решение тем, что оплата не была еще произведена полностью. Аргентинские власти, задерживая завершение оплаты по каким-то техническим причинам, настаивали на скорейшем получении кораблей, прежде всего из соображений престижа, ибо в военных действиях их страна не участвовала. При этом предоставлялись гарантии полной оплаты всех работ.

Встретившись с Кеннеди, Рузвельт, имевший инструкцию президента Вудро Вильсона продемонстрировать аргентинским властям дружеское расположение США, предлагал различные

формы компромисса. Но Кеннеди, скорее всего не по своей воле, а выполняя указания руководства компании, на уступки не шел. В конце концов, потеряв терпение, заместитель министра заявил, что корабли будут выведены из гавани насильственно, что их займут государственные чиновники, что это будет сделано под контролем военных катеров, которым будет даже дано распоряжение в случае необходимости открывать предупредительный огонь. Лишь тогда, получив санкцию своего начальства, Кеннеди пошел на попятную{52}.

Позже отношения с Рузвельтом наладились, и мы еще возвратимся к их «нелегкому союзу», как названа книга М. Бешлосса, в которой рассказано и об этом эпизоде.

Но Джозеф, чувство достоинства и гордость которого были ущемлены, не раз вспоминал обстоятельства знакомства, уговаривая себя, что еще тогда характер Рузвельта оказался куда более твердым, чем он предполагал. «Когда я покинул его кабинет (речь идет о временном кабинете заместителя министра, предоставленном ему на верфи. — *Л. Д., Г. Ч.),* я был так расстроен и зол, что просто потерял самообладание и разрыдался»{53}. Можно полагать, что здесь было преувеличение, имея в виду довольно жесткую натуру самого Джозефа Кеннеди, но инцидент явно показал ему растущую силу государственного аппарата и был важным уроком политического поведения, необходимости соблюдать карьерную осторожность в будущем.

Пока же Джозеф, отдавая немало сил руководству верфью, отнюдь не забывал о своих коммерческих интересах. Он вложил средства в строительство огромной столовой для рабочих, доходы от которой стали существенным дополнением к его немалому жалованью в компании «Бетлехем».

По окончании мировой войны на смену хозяйственному буму пришел застой, проявившийся прежде всего в падении цен на средства разрушения и уничтожения и, как результат, в сокращении их производства. Постепенно деловая жизнь на верфи, которой руководил Кеннеди, почти замерла. Новые заказы не поступали. Попытки наладить строительство торговых и пассажирских кораблей успехом не увенчались.

Правда, одна из этих попыток дала неожиданный результат. Джозеф многократно рассказывал, как он пытался уговорить миллионера Гейлена Стоуна, председателя корабельной компании, обслуживавшей Атлантические и Вест-Индские линии, сделать заказы на строительство новых кораблей на «его» верфи. Ничего из этого, по словам рассказчика, не вышло, но маститому предпринимателю понравилась хватка настырного молодого менеджера, и он предложил ему возглавить отдел ценных бумаг в

бостонском (втором по масштабам после нью-йоркского) офисе его компании. Видимо, такой разговор действительно состоялся, но за ним последовали многочисленные запросы и рекомендации, в том числе и тестя Фицджеральда, прежде чем соискатель получил желаемую высокую и выгодную должность[10].

Новая работа была для Кеннеди особенно важна, так как позволяла ему в силу служебных обязанностей внимательно следить за фондовым рынком, учиться распознавать его малейшие колебания и использовать их не только с выгодой для своей компании, но и к собственной выгоде, что, разумеется, было для него крайне необходимо.

Так что годовая зарплата в 19 тысяч долларов (она была намного меньше, чем та, которую он получал за время трехлетней работы на «Бетлехем Стил») устраивала его не только потому, что закончилась военная лихорадка и прибыли корпораций резко понизились, но и в силу удобного с точки зрения личных интересов нового места работы.

Джозеф не сразу, но довольно быстро набирался опыта и умений в операциях с ценными бумагами. Нестойкий послевоенный фондовый рынок обманывал многих спекулянтов, покупавших и продававших акции. Подчас Кеннеди при этом терял ту или иную сумму, но обычно, пользуясь более или менее достоверной информацией, которую получал по служебным каналам, существенно выигрывал.

А это было особенно важно, если учесть, что его работодатель Г. Стоун находился отнюдь не в лучшей ситуации. Если в 1919 году он уплатил налог в сумме полтора миллиона долларов, то в 1920-м его потери были таковы, что в государственную казну вообще не пришлось ничего платить{54}.

Правда, скоро дела Стоуна несколько улучшились, и этим немедленно воспользовался Джозеф. Произошла следующая история. В числе предприятий, чьими акциями владела компания Стоуна, были некие угольные шахты Понд-Крик. Находившееся в плохом финансовом состоянии предприятие собирался купить Генри Форд, к этому времени уже распространивший свои интересы далеко за пределы автомобильной промышленности. Когда поступило известие о продаже, акции Понд-Крик стали приобретаться по низкой цене в 16 долларов каждая.

Но произошло неожиданное. Информированный сотрудник, доверенное лицо Стоуна, поделился с Кеннеди радостной новостью: дела Понд-Крик стали улучшаться, Стоун отказался от продажи своих акций. Было ясно, что цена акций сразу подскочит, как только об этом будет объявлено. Ни дня не мешкая, Кеннеди купил 15 тысяч акций, а как только было объявлено об

улучшении дел и отказе Стоуна от сделки с Фордом, тут же продал их по 45 долларов[55]. Чистая прибыль от этой молниеносной перепродажи составила, таким образом, свыше полумиллиона долларов. Так Джозеф Кеннеди становился миллионером, используя формально вполне законные, но в то же время авантюрные ходы.

Одновременно Джозеф внимательно присматривался к техническим новациям, к новинкам моды, стремясь и их использовать для увеличения своего капитала.

Во время работы у Стоуна Джозеф нанял в качестве своего помощника Эдварда Мура — бывшего секретаря мэра Фицджералда. Мур стал его доверенным человеком и со временем фактически превратился в *alter ego.* Кеннеди на многие годы. Отношения с Муром были исключительными. По природе, воспитанию, собственному опыту человек очень недоверчивый, Кеннеди имел массу знакомых, которых он дружески похлопывал по плечу при встрече. Но Мур оставался единственным, с кем Джозеф делился своими самыми сокровенными секретами и планами. А тот, в свою очередь, отлично зная повадки и намерения своего шефа, обеспечивал отличное ведение всех личных, финансовых, политических дел Кеннеди и тогда, когда он надолго уходил от прямого контроля за ними (например, во время работы послом в Великобритании).

Не случайно Джозеф дал своему младшему сыну Эдварду второе (американцы говорят — промежуточное) имя Мур в честь своего неизменного и верного помощника.

Непосредственно после Первой мировой войны, когда появившаяся ранее киноиндустрия стала набирать обороты, возникло множество мелких и средних кинокомпаний, лишь часть из которых смогла сохраниться хотя бы в течение нескольких лет. Подобная компания появилась и в Бостоне. Ей удалось произвести на свет только один фильм — «Чудо-человек».

Хотя вложившие средства в это предприятие бостонские капиталисты получили прибыль, Джозеф не последовал их примеру. Он предпочел другой путь использования новой моды — увлечение кинофильмами. Договорившись с Гаем Курриером (миллионером, которого мы уже упоминали) и несколькими другими бостонскими богачами, он создал предпринимательскую компанию, на средства которой были построены или приобретены помещения для тридцати с лишним небольших кинотеатров в Массачусетсе и соседних штатах. Хотя число кинотеатров, принадлежавших Кеннеди, позже сократилось до восьми, эта сеть оставалась в его руках до 1960-х годов, дольше, чем какая-либо другая собственность[56].

Тем временем брак с Розой Фицджералд скоро стал приносить плоды в самом прямом смысле. Один за другим на свет появлялись дети. 25 июля 1915 года родился первый мальчик, которого, как и отца, нарекли Джозефом-Патриком, и так же, как и отца, звали Джозефом, Джо, только младшим.

Через два года, 29 мая 1917 года, Роза родила второго сына, которому было присвоено в честь деда по материнской линии имя Джона Фицджералда. При всем своем честолюбии отец никак не мог предполагать, что этот его ребенок через сорок два с лишним года станет президентом Соединенных Штатов.

Прошел лишь год с небольшим, и родилась первая дочка, которую назвали Розмари, а еще через два года — вторая девочка Кэтлин.

На этом семейное воспроизводство отнюдь не прекратилось. Роза сделала всего лишь полуторагодичный перерыв и в июле 1921 года родила еще одну дочь Юнис, а в мае 1924 года — четвертую дочь Патрицию.

Новый антракт в деторождении составил полтора года — 20 ноября 1925 года родился еще один сын по имени Роберт, через три года — дочь Джоэн, а еще через четыре года — 22 февраля 1932 года — последний ребенок Розы и Джозефа-старшего Эдвард.

Казавшийся ранее просторным особняк на Билс-стрит стал теперь недостаточным. Благо средства на содержание семьи и более обширного дома были, и в 1921 году Кеннеди переехали в двенадцатикомнатную резиденцию с высокими потолками, обширной террасой для игр малышей, садом и другими удобствами. Новое здание находилось в спокойном и богатом районе того же Бруклайна, на улице под названием Нейплс-роуд (Неаполитанская дорога). Ныне этот дом находится в частной собственности и для публики закрыт.

В свой новый дом теперь супруги Кеннеди наняли домоправительницу, уборщицу, повара, няню и гувернантку. Позже появился и садовник. А кроме того, хозяев обслуживали приходящие люди, занимавшиеся мелким ремонтом, перестановкой мебели и всякими другими делами крупного господского особняка.

Роза оказалась заботливой матерью. Все дети были выкормлены лично ею, без обращения к услугам кормилицы.

Джозеф не был особенно внимательным отцом, но иногда, скорее в качестве развлечения, возился с малышами. Впрочем, бывало, возникали и казусы.

По-разному передавали историю, как он отправился на зимнюю прогулку со старшим сыном, который удобно устроился

в санках. Самая драматическая версия состояла в том, что, задумавшись, видимо, о своих финансовых делах, Джозеф не заметил, что санки перевернулись, и довез их без маленького седока домой, где все с ужасом обнаружили отсутствие ребенка. Бросились на поиски, которые, к счастью, быстро дали результат. Джо-младший лежал в сугробе и явно получал удовольствие от общения со снегом. Другая, более спокойная история заключалась в том, что отец, катая сына, просто встретил знакомых, разговорился с ними и не заметил, как ребенок выпал из санок. Взрослые тут же спохватились и подняли смеявшегося Джо из сугроба{57}.

Детей воспитывали в строгости. Их приучали быть дисциплинированными, беспрекословно выполнять родительские указания. Роза при этом не гнушалась подчас и отшлепать непослушное дитя. Через много лет, во время избирательных кампаний, вначале Джона, а затем Роберта, мать семейства, выступая перед избирателями, не раз делилась воспоминаниями об этих воспитательных мерах, давая понять, что именно благодаря им сыновья стали такими активными и заслуженными общественными деятелями{58}.

Когда старшие мальчики подросли, их отправили в находившуюся неподалеку от дома частную школу под названием Декстерская академия, где кроме них не было ни одного католика. Подобно своему отцу, Джозеф-старший стремился, чтобы его дети воспитывались в той среде, где им предстояло жить.

Ирландский и вместе с тем католический дух создавали встречи с дедом по материнской линии, которого дети называли дедушка Фиц. Расставшись еще в 1914 году с постом мэра Бостона и потерпев несколько раз неудачи на выборах губернатора штата и в палату представителей конгресса, Джон Фицджералд провел остаток своей жизни в домашних делах. Он с удовольствием возился с внуками, а они очень любили всячески баловавшего их деда Джона, приносившего лакомства и подарки, к молчаливому недовольству родителей, особенно дочери.

Если Джозеф, целиком поглощенный финансовыми операциями, отводил мало времени подраставшим детям, то об их будущем, прежде всего материальном, он задумывался всё больше и больше по мере роста семьи. К тому же, хотя Джозеф был по своей натуре человеком весьма оптимистичным и жизнерадостным, у него иногда появлялись своеобразные приступы меланхолии, связанные, видимо, с тем, что с молодых лет он страдал не очень опасной, но доставлявшей ему немалые огорчения (приходилось соблюдать строгую диету) и болезненные

приступы болезнью — язвой желудка.

Когда появился на свет Роберт, Джозеф-старший основал доверительный фонд, во главе которого поставил свою супругу. Средства фонда, непрерывно увеличивавшиеся за счет процентов на капитал, предназначались детям. Каждый из потомков по достижении двадцати одного года должен был получить равную долю. При этом и в следующие годы старшим детям полагалась прибавка, так как предполагалось дальнейшее увеличение денежных средств фонда. Предусматривалось также, что в возрасте сорока пяти лет, то есть тогда, когда Джозеф, по всей вероятности, отойдет от дел, все наследники получат свою равную долю от половины его состояния. Позже Джозеф создал еще два доверительных фонда в пользу своих детей, что обеспечило каждого из них первоначальным состоянием в сумме примерно десять миллионов долларов{59}.

Своими соображениями по поводу мотивов образования этих фондов Джон Кеннеди делился в 1959 году, когда уже подумывал о предстоящей борьбе за президентское кресло: «Говорят, что он (отец. — *Л. Д., Г. Ч.)* вложил по миллиону долларов в доверительный фонд для каждого из нас, чтобы мы были независимы и могли посвятить себя общественной деятельности, и что он сделал это, когда мы были еще очень молоды… Действительно, он занимался спекуляциями. Это был весьма рискованный бизнес. Он спекулировал очень энергично, и его здоровье оставляло желать лучшего в то время, и это было причиной, почему он это сделал. Никаких других причин не было»{60}. Будущий президент вроде бы пытался опровергнуть слухи, что отец создавал своим детям благоприятные материальные возможности для политической деятельности.

Но его попытка свести дело к тому, что Кеннеди-старший мог разориться или даже рано умереть, явно не выдерживает критики. Разоряться Джозеф никак не собирался. Его капитал был огромным, занимался он не только спекуляциями на бирже. Крупные средства вкладывались в надежные индустриальные, торговые, страховые компании и другой выгодный бизнес. Так что именно распространенная версия по поводу причин создания доверительных фондов, в отношении которой Джон выражал мягкое сомнение, была наиболее правильной.

Богатство, власть и величие были главными мотивами всей карьеры Джозефа Кеннеди. Первой цели он достиг в полной мере, вторая непосредственно вытекала из первой в той степени, в какой деньги предопределяют власть. Третьей цели сам Джозеф добиться не смог никогда. На него в лучшем случае (за исключением недолгого периода в конце 1930-х годов, когда в

некоторых кругах поговаривали о его выдвижении на пост президента) смотрели как на весьма удачливого предпринимателя, не принимая всерьез его стремления прославиться не только деньгами, которые он мастерски умножал, но и чем-то более возвышенным.

Но та цель, которая оказалась лично для него недостижимой, была осуществлена сыновьями. Их успех был его успехом. Дети Джозефа явились продолжением его самого. Они пронесли его имя в будущее. Именно благодаря им Джозеф Кеннеди превратился в историческую личность, в отца знаменитых американских политиков.

Между тем в конце 1922 года Гейлен Стоун отошел от дел своей компании, а Джозеф Кеннеди, который и раньше подумывал о том, чтобы завести свой собственный бизнес, покинул наследников Стоуна. На доме 87 по Милк-стрит появилась табличка: «Джозеф П. Кеннеди, банкир». Биограф, журналист Вейлен пишет: «Усиливавшийся ветерок с Уолл-стрит нес с собой безошибочный запах больших денег, и он (Кеннеди. — *Л. Д., Г. Ч.)* поворачивал свой нос по ветру»[{61}].

Пережив послевоенный спад, Америка вступила в период крупнейшего экономического подъема, который продолжался почти до конца 1920-х годов, чтобы смениться катастрофическим кризисом 1929—1933 годов. Появлялись новые отрасли промышленности. Огромными темпами росло производство автомобилей, которые превращались из предмета роскоши в потребность среднего американца. С 1920 года началось массовое производство радиоприемников, телефонов. Зарождалась индустрия холодильников.

В моду входила всеобщая раскованность. Даже закоренелые консерваторы довольно быстро привыкли к тому, что женщины могут курить наравне с мужчинами. А это подстегивало представителей сильного пола, которые пытались компенсировать запрещение производства и продажи спиртных напитков (восемнадцатая поправка к конституции, вступившая в силу в январе 1920 года) курением. Бедные довольствовались сигаретами, богачи всё больше курили сигары. С 1918 по 1928 год производство табачных изделий в стране удвоилось[{62}].

Это было время, чрезвычайно благоприятное для дальнейшего обогащения таких дельцов, как Джозеф Кеннеди. Он широко использовал так называемый «пул ценных бумаг», когда группа связанных с ним брокеров начинала на бирже лихорадочную возню, продавая и перепродавая друг другу по всё более растущим ценам акции той или иной компании, а затем быстро избавлялась от них, прежде чем начиналось падение

курса.

Эти действия были на грани мошенничества, но закон не предусматривал наказания за таковые, и Кеннеди этим всячески пользовался. Он вновь стал подумывать о переселении в Нью-Йорк, где собирался открыть крупную брокерскую компанию. С одним из знакомых Джозеф откровенничал: «На рынке [сейчас] легко делать деньги. Надо этим заниматься, прежде чем они (государственные власти. — *Л. Д., Г. Ч.)* проведут закон против этого»{63}.

Переезд в Нью-Йорк происходил, можно сказать, постепенно — вначале Джозеф жил «на два дома», сняв в Нью-Йорке удобную квартиру, а затем, в 1927 году, перевез туда свое семейство, купив дом в районе Ривердейл в Бронксе, формально отдельном городе, но фактически части большого Нью-Йорка.

Действительно, ко времени хозяйственного бума 1920-х годов Джозеф уже обладал необходимыми качествами для того, чтобы делать большие и быстрые деньги. Во взаимоотношениях с соперниками и в определенной степени с партнерами его не сдерживали моральные узы, он готов был пойти чуть ли не на любую махинацию (никогда, правда, прямо не нарушая существовавшего законодательства), чтобы обойти конкурентов. Он осознавал необходимость собирания максимально доступной информации из биржевых сводок, из прессы, из свидетельств осведомленных лиц. Вдобавок к этому опыт биржевого игрока приучил его принимать быстрые решения, оказываться, как говорят американцы, в нужном месте в нужное время.

Бывали случаи, когда он поначалу принимал ошибочные решения, но быстро осознавал свой промах и изменял курс без сколько-нибудь существенного ущерба для своего состояния. Таким был, в частности, случай с вложением средств в недвижимость южного океанского штата Флорида.

Первая половина 1920-х годов была временем флоридской земельной лихорадки, видимо, лишь слегка уступавшей золотой лихорадке в Калифорнии несколькими десятилетиями ранее. Используя сравнительно дешевый кредит и быстрорастущие состояния, многие тысячи американцев ринулись в этот солнечный штат. Иметь дом и земельный участок на океанском берегу во Флориде становилось очередной модой для богатых американцев и даже для верхнего слоя среднего класса (мода эта возобновилась в наше время). Болотистые участки побережья можно было купить очень дешево, не столь уж большие средства надо было вложить, чтобы их окультивировать. Зато продать землю, да еще с построенными на ней удобными домами можно было в несколько раз дороже. Корреспондент газеты «Уолл-стрит

джорнэл» рассказывал об одном удальце, который в 1909 году купил земельный участок на побережье протяженностью в три мили за десять тысяч долларов, а во время ажиотажа в начале 1920-х годов продал его более чем за миллион. Как можно было не соблазниться такой возможностью?!

Кеннеди решил всерьез заняться торговлей недвижимостью во Флориде. Он условился со своим помощником и доверенным лицом Генри О'Мира, что тот совершит своего рода разведывательную поездку в штат и предварительно договорится с местными деятелями о покупке земли. Однако, когда О'Мира уже собрался в путь, Кеннеди внезапно, казалось бы спонтанно, изменил решение. Оказалось, что он проконсультировался с отошедшим от дел, но внимательно наблюдавшим за конъюнктурой Гейленом Стоуном, своим бывшим работодателем, который весьма скептически отнесся к флоридскому буму.

Вслед за этим последовали телефонные звонки другим опытным бостонским финансовым дельцам, которые также, кто в категорической форме, кто менее решительно, высказали сомнения в целесообразности вкладывания крупных средств в южную недвижимость. Поживем — посмотрим — таково было на этот раз решение Кеннеди. И оказалось оно весьма трезвым. Катастрофический ураган осенью 1928 года разрушил не только массу домов во Флориде и разорил их владельцев, но и привел к резкому сокращению покупательского спроса на здешнюю недвижимость. Советники Кеннеди оказались правы, и он на этот раз поступил осторожно, послушавшись их рекомендаций. К тому же Великая депрессия привела к резкому падению цен на жилье.

Однако за всеми предпринимательскими новациями Джозеф продолжал наблюдать внимательнейшим образом, постоянно прикидывая, как бы повыгоднее, с большой отдачей вложить средства.

Как мы знаем, он уже был владельцем сети кинотеатров. Но сравнительно небольшие доходы, которые приносила эта собственность, предпринимателя не устраивали. Он узнал, что две корпорации, которые разделили между собой закупочный рынок британских фильмов в США, — компания Робертсо-на-Коула и Филм букинг офис — оказались в долгах, и решил скупить «на корню» все права на закупку фильмов в Великобритании — стране, которая в первой половине 1920-х годов стояла на первом месте в мире по производству фильмов.

В августе 1925 года вместе со своим юристом Баролемью Брикли Джозеф отправился в Лондон. Будучи лишенным каких-либо условностей и запросто, с приветливой улыбкой умевший вступать в общение с людьми самого различного статуса, он

серьезно отнесся к тому, что Великобритания оставалась страной, в которой немалую роль продолжали играть консервативные традиции.

Вначале эта мысль оставалась как бы на заднем плане. Но прошло несколько дней после приезда, и в какой-то газете он прочитал сообщение, что наследник британского престола принц Уэльский в данный момент находится с визитом в Париже. «Поехали в Париж!» — воскликнул Кеннеди. Не вступая в долгие разговоры со своим юристом, который, во-первых, не понимал, как они смогут встретиться со столь знатным лицом, а во-вторых, зачем вообще нужна эта встреча, Джозеф опять какими-то неведомыми путями узнал, в каком именно парижском ресторане обычно обедает принц. Вслед за этим, оказавшись во французской столице, он явился в ресторан, дал взятку метрдотелю и получил столик недалеко от места, обычно занимаемого высоким посетителем.

Когда же принц появился в ресторане, Кеннеди подошел к нему с ослепительной улыбкой, представился и напомнил о «недавней встрече» в Америке, которой на самом деле не было. Речь шла о неком приеме, на котором принц действительно пожал сотни рук и, конечно, не очень обращал внимание на лица их владельцев (об этом Джозеф просто знал из газет). Приветливость и простота собеседника принцу понравились, и по просьбе Кеннеди он черкнул на листке бумаги несколько рекомендательных слов. Именно их и добивался Джозеф для переговоров с британскими магнатами киноиндустрии[11].

Правда, переговоры по поводу эксклюзивных прав затянулись. Джозеф возвратился на родину, так и не подписав контракта. Оказалось, что нет необходимых для сделки свободных средств. В конце концов, однако, дело закончилось успешно. Любопытно, что в этом помощь оказал еще один почти «принц», на этот раз бостонский миллионер по имени Фредерик Принс. Предоставив Кеннеди заем на недостающую сумму, Принс дал ему возможность купить необходимые права и основать соответствующую фирму по прокату британских художественных фильмов.

Так появилась на свет фирма под названием «Филм букинг офис оф Америка» («Американское предприятие по закупке фильмов») — ФБО, президентом и председателем правления которой, а вначале к тому же единственным собственником, стал Джозеф Кеннеди. Вскоре, правда, он понял, что при всех своих миллионах сам он тянуть такое мощное предприятие не в состоянии, да в этом и не было необходимости. Кеннеди стал выпускать акции. Первым крупным покупателем

привилегированных акций (дававших право на участие в распорядительных делах компании) стал Фредерик Принс, тот самый человек, который предоставил Кеннеди заем на покупку права импортировать британские фильмы.

В руководство компании были привлечены люди, в личной верности которых он был почти убежден (элемент недоверия у этого игрока и авантюриста никогда не исчезал). С ними Кеннеди тесно общался при ведении дел в своих прежних финансовых предприятиях. Кадровый нюх у него был отличный — никто из членов своеобразного штаба компании — Эдди Мур, Джон Форд, Фрэнк Салливан, Пэт Сколлард, Эд Дёрр — своему шефу не изменял.

Вначале ведущие специалисты фирмы не очень хорошо разбирались в кинопромышленности. Но специальные знания приходили со временем. Однако вся эта группа прекрасно ориентировалась в финансовых делах. И главное, они великолепно знали повадки и натуру своего босса и делали всё возможное, чтобы способствовать обогащению компании, которая становилась всё более влиятельной. Разумеется, и сами компаньоны Джозефа не оставались внакладе, ибо новое предприятие приносило хороший доход.

Голливудские и семейные дела

Между тем 1920-е годы были временем серьезных изменений в киноотрасли, которая постепенно превращалась в крупную область индустрии.

Складывалась система продюсерства, когда предприниматель, которого стали называть продюсером (производителем), искал и покупал сценарий для будущего фильма, подбирал актеров и приглашал режиссера. Вслед за этим появились крупные технически оснащенные киностудии — подлинные индустриальные предприятия.

С 1920 года в Голливуде снималось около восьмисот фильмов ежегодно. Первыми киностудиями США были «Universal Pictures» (с 1914 года), «Paramount Pictures Corporation» (основанная Адольфом Зукором в 1912 году), «Warner Brothers Entertainment» (названная в честь братьев Уорнеров: Гарри, Альберта, Сэма и Джека и основанная в 1918 году), «Metro-Goldwyn-Mayer» (основанная в 1924 году Маркусом Лоу).

Росла сеть кинотеатров, публика полюбила кино. Появились кумиры, которым стремились подражать, которые становились образцами и в манерах поведения, и в одежде. На небосклоне американского кино зажглись первые звезды, которые вели себя

по-королевски, требуя огромных гонораров. За первые фильмы со своим участием Чарли Чаплин получал по 150 долларов в неделю. Однако его слава росла, и уже через несколько лет знаменитый актер стал зарабатывать по десять тысяч долларов за те же шесть рабочих дней. Мэри Пикфорд не просто последовала его примеру — она потребовала, чтобы вдобавок к десяти тысячам долларов еженедельной оплаты ей причиталась половина всех доходов от картин с ее участием. Кинопромышленник А. Зукор, в фильмах которого снималась Пикфорд, по его собственным словам, говорил звезде: «Мэри, сладкая моя, каждый раз, когда я разговариваю с тобой и твоей мамой по поводу нового контракта, я теряю десять фунтов [веса]»{64}.

Важным изменением в киноиндустрии было появление звуковых фильмов. Они потребовали принципиально новой техники и, соответственно, новых крупных капиталовложений.

Именно в этих условиях компания Джозефа Кеннеди ФБО развернула энергичное вторжение в киноиндустрию.

Вначале она стала финансировать предприятия по производству сравнительно дешевых фильмов — легких комедий, второсортных сентиментальных поделок, которые предназначались главным образом для неискушенной публики местечек и небольших городов. Впрочем, среди фильмов, которые финансировались ФБО, попадались и произведения высокого качества, например, работа Уоллеса Рейда «Нарушители закона» — психологическая драма о последствиях чрезмерной материнской любви.

Но вскоре Кеннеди переключился на фильмы со звездами. Среди последних оказался получивший огромную популярность Фред Томпсон, который вначале собирался посвятить себя научной и педагогической карьере и уже стал доктором философии (эта степень отнюдь не означает специализацию в философской области; так называется ученая степень в области гуманитарных наук, равная примерно той, которая в России ныне известна как степень кандидата наук). Попробовав свои силы в кино, Томпсон быстро стал звездой вестернов, а фильмы с его участием, финансируемые Кеннеди, собирали огромный денежный урожай.

Другой звездой, открытой на средства ФБО, стал Гарольд Грейндж, специализировавшийся на мелодрамах. Джозеф поначалу сомневался, стоит ли вкладывать средства в фильмы с участием Грейнджа. Как-то он решил привлечь к решению вопроса совсем неожиданных экспертов. Он повел сыновей — одиннадцатилетнего Джо-младшего и девятилетнего Джона в

кино на фильм с его участием, а затем спросил, хотели бы дети вновь посмотреть картину с этим актером. «Да, конечно!» — в один голос воскликнули мальчики, и это окончательно решило вопрос[65].

В то же время руководитель ФБО стремился, чтобы кино приобрело значительно бо́льшую респектабельность в среде высокообразованной и интеллигентной публики. Будучи финансовым дельцом и биржевым спекулянтом, он, по-видимому, испытывал некое чувство неполноценности, которое стремился преодолеть, разумеется, стараясь не жертвовать своими деловыми интересами. Скорее всего, именно поэтому он в 1927 году договорился с Гарвардским университетом о том, что частично на его средства будут проведены лекции известных актеров для студенческой аудитории.

Выступления ставших уже знаменитыми артистов оказались, как и надеялся Джозеф, сенсацией для старейшего университета. На лекции собирались сотни студентов. И хотя актеры в живом общении часто оказывались косноязычными, их встречали и провожали восторженно. В результате в голливудскую фирму Лоева и компании поступило свыше шестисот заявлений от гарвардских питомцев с просьбой принять их на работу в киноиндустрию[66]. Для Кеннеди всё это было великолепной рекламой.

Тем временем переход Голливуда от немого кино к звуковому потребовал огромных новых капиталовложений. Кинопроизводители надеялись, что расходы будут с избытком покрыты в результате наплыва зрителей в новое, более совершенное кино. Но пока необходимы были живые деньги.

В результате нескольких слияний и размежеваний была образована цепочка производителей кинофильмов, кинотеатров и банков — Куйе-Алби-Орфеус (КАО). В мае 1928 года Кеннеди предложил этому концерну купить 200 тысяч его акций по цене 21 доллар за штуку или всего за 4,2 миллиона долларов. Владельцы компании согласились, передав Кеннеди не только контрольный пакет акций, но и возможность фактически взять предприятие в свои руки. Когда дельцы Уоллстрит узнали о сделке, цены на акции КАО подскочили до 50 долларов. Несложный расчет показывает, что одним сравнительно небольшим, но сделанным вовремя усилием Кеннеди получил, таким образом, более пяти миллионов «зеленых»[67]. В течение следующих двух с половиной лет Кеннеди заработал в кинопромышленности еще примерно пять миллионов долларов и приобрел в этой сфере репутацию хитрого, напористого и умелого бизнесмена[68].

Став крупным капиталистом, владельцем акций многих компаний, предприимчивым биржевым дельцом и финансистом Голливуда (во второй половине 1920-х годов это было главным его занятием), Джозеф постоянно напоминал себе и окружающим (отчасти справедливо, но всё же с долей лицемерия), что он занимается всем этим во благо семьи.

Действительно, он оставался внимательным отцом семейства.

Когда Джозеф вплотную занялся голливудскими делами, он счел необходимым значительную часть времени проводить на месте и нанял роскошный особняк в аристократическом районе Лос-Анджелеса Беверли-Хиллз. Однако, считая себя образцовым отцом и супругом, он позаботился, чтобы его семья также жила в наиболее комфортабельных условиях.

Дом в Ривердейле он считал теперь недостаточным, и по его распоряжению помощники подыскали значительно более обширное и удобное поместье в нью-йоркском пригороде Бронксвилл. Дом был окружен обширным участком с тенистым садом и зелеными лужайками. По тому времени цена была велика — свыше четверти миллиона долларов{69}. Но на расходы, которые способствовали бы удобствам семьи, Джозеф шел безоговорочно. Сыновья получили возможность приглашать своих сверстников играть в футбол и бейсбол на лужайках имения. Доходы позволяли постепенно увеличивать обслуживающий персонал. Вначале Роза и Джозеф наняли гувернантку для старших детей и няню для младших. Затем прибавилась кухонная прислуга, садовники и, в конце концов, своего рода дворецкий — управляющий имением.

В доме был оборудован кинозал, и отец, ненадолго приезжая из Лос-Анджелеса, с удовольствием показывал сыновьям и дочерям новейшие фильмы, предпочтительно те, в финансировании которых он принимал участие. Большей частью это были ленты, еще не демонстрировавшиеся на зрительских экранах, что особенно подчеркивало значимость таких вечеров{70}. Иногда на эти киновечера приглашались учителя сыновей, которые обычно хвалили и Джо-младшего и Джона, правда, жалуясь, что Джон тяжело осваивает правописание.

Это было действительно так. Прекрасно овладев разговорным языком, будучи сравнительно начитанным, Джон никак не мог справиться с некоторыми элементарными грамматическими правилами. Часто он писал, как слышал, а это в английском языке приводит к множеству ошибок. Сохранившиеся письма Джона родителям, братьям и сестрам, друзьям и знакомым свидетельствуют, что этот недостаток сохранился и во взрослом возрасте. Видимо, правы те, кто считает, что существует

природная грамотность и грамотность «выученная», которая гораздо слабее первой. А есть и такие люди, которые просто не в состоянии применить грамматические правила на практике или даже не считают это обязательным для себя.

Похоже, что Джон Кеннеди относился к последней категории. Когда он стал президентом, помощникам не раз приходилось исправлять в написанных им бумагах элементарные ошибки. К сожалению, в русском тексте этой книги мы не в состоянии привести примеры его многочисленных грамматических ляпсусов. Ограничимся лишь одним: Джон Кеннеди часто писал «thei» — нечто похожее на «they» (они) — вместо «their» («их», то есть принадлежащий кому-то).

Прошло еще непродолжительное время, и семья Кеннеди приобрела вдобавок к прежним новое жилище, на этот раз летний особняк в местечке Хайаннис-Порт на мысе Кейп-Код, сравнительно недалеко от Бостона. Место было выбрано отнюдь не случайно — здесь располагались предназначенные для отпускного времени резиденции финансовых воротил и крупных политических деятелей. Одновременно достигалось несколько целей — обеспечить семью первоклассным здоровым отдыхом на океанском побережье с умеренным климатом, продемонстрировать свое богатство и приверженность к удобствам и, наконец, что было не менее важно, обзавестись новыми светскими знакомыми, которые могли бы оказаться полезными в любой момент. К этому имению Джозеф довольно долго присматривался. Три раза он арендовал его на лето, убедился в удобствах и места, где находилось имение, и самого особняка. Сделка состоялась осенью 1928 года. Большой, окрашенный в белый цвет дом с зеленой крышей располагался на холме, а от него к океану террасами шел пологий зеленый склон. Террасы же эти представляли собой естественные площадки для спортивных игр{71}.

Джозеф строго следил за тем, чтобы денежные дела в семейном кругу не обсуждались. Зато политические проблемы были предметом вечных споров, продолжавшихся подчас не только во время семейных застолий, но и целые вечера. Роберт Кеннеди вспоминал: «Я, наверное, не припомню ни единого обеда, когда беседа не посвящалась бы тому, что делает Франклин Рузвельт или что происходит в [другой части] мира… Так как общественные дела господствовали над всем нашим домом, казалось, что это просто продолжение быта семьи»{72}. По всей видимости, он сравнительно рано решил направить свои усилия на то, чтобы сыновья не последовали его примеру, чтобы они принесли семье славу и почет другими путями,

предпочтительно политикой. Оба подростка воспитывались в умении жить скромно, не тратить лишние деньги и уж во всяком случае не демонстрировать богатство семьи.

Они получали буквально нищенские деньги на текущие расходы, на развлечения. Сохранилось следующее письмо будущего президента отцу: «Мои нынешние карманные деньги составляют 40 центов (видимо, в неделю, хотя в письме это не уточняется. — *Л. Д., Г. Ч.).* Я их использовал на аэропланы и другие детские игры, но теперь я стал скаутом и забросил свои детские дела. Раньше я мог потратить 20 центов сразу… и за пять минут опустошить свой карман. Став скаутом, я должен купить фляжку, вещевой мешок, одеяло, фонарик, которые я буду использовать годы, и я могу их использовать постоянно, а шоколадное мороженое я могу не есть по воскресеньям. Поэтому я прошу давать мне карманных денег на 30 центов больше, чтобы я смог купить все скаутские вещи…»[{73}]

Члены семьи вспоминали, что между старшими братьями нередко возникали острые столкновения, ссоры и даже драки, порой до синяков и крови. Джо пытался сохранить свой приоритет как главный в младшем поколении Кеннеди, а Джон, хотя и был двумя годами младше, оспаривал это первенство. Столкновения завершались в пользу физически более сильного Джозефа. К тому же Джон был очень болезненным. В два года он перенес скарлатину, которая в те времена являлась крайне опасным заболеванием, приводившим нередко к смертельному исходу или сопровождавшимся такими осложнениями, которые без должного внимания и систематического лечения могли привести к инвалидности. Болезнь протекала очень тяжело, но никаких видимых осложнений не последовало. Вполне возможно, что их просто не обнаружили, так как в последующие годы Джек (обычно домашние называли Джона Джеком, и это имя, считавшееся ласкательным, сохранилось в кругу близких, и не только среди них, на всю его жизнь, оставшись и после кончины в памяти американцев) страдал частыми кишечными заболеваниями и всевозможными другими детскими болезнями, часто попадал в больницы.

Небезынтересно, что родители, зная, что Джон значительно слабее Джо, не вмешивались в их драки, давали сыновьям возможность самим решать свои споры. Отец говорил, что старшие сыновья дерутся, зная меру, но они всегда будут заодно при необходимости противостоять посторонним[{74}].

Действительно, в юношеских футбольных матчах, проходивших в Хайаннис-Порте, Джо и Джон сражались, разумеется, в одной команде и всячески поддерживали друг друга

во время игры.

Отец, однако, предпочитал, чтобы сыновья занимались индивидуальными видами спорта, особенно плаванием и хождением по океанским водам под парусом. Он был уверен, что именно эти занятия по-настоящему способствуют выработке твердого характера, инициативы и уверенности в собственных силах. В связи с этим отец стал менять свою воспитательно-финансовую тактику: сыновья теперь получали дорогие подарки — Джозеф-старший на этот раз отказался от своей привычки воспитывать их в скромности. Каждый из старших сыновей получил по небольшой парусной яхте. Джон назвал свою драгоценность «Виктура», произведя это слово от *Victoria* (с лат. — победа), объяснив, что он переиначил слово, чтобы придать ему смысл выигрыша{75}.

Действительно, дети с ранних лет воспитывались так, чтобы постоянно чувствовать себя победителями, выигрывавшими спортивный, интеллектуальный или любой другой бой. Юнис вспоминала: «Папа всегда водил нас на соревнования по плаванию, причем в разных группах, чтобы нам не надо было обгонять друг друга. И то же самое он делал во время соревнований по парусному спорту. Когда мы выигрывали, он страшно радовался. Папа всегда был очень соревновательным. Он постоянно повторял нам, что прийти вторым — это плохо. Важнейшей задачей было выиграть — не приходи вторым или третьим — это не будет считаться, — но выигрывай, выигрывай, выигрывай»{76}. Выигрывать всегда и во всем — таков был девиз всего семейства.

Тем временем семья продолжала расти: в 1932 году, как уже упоминалось, родился еще один сын, Эдвард, и только теперь в воспроизводстве наследников была поставлена точка, тем более что родители были уже немолоды.

Многочисленность потомства позволила смягчить последствия беды, которая пришла в семью вскоре после появления на свет Розмари, которая оказалась умственно отсталой. Был поставлен неутешительный диагноз — она на всю жизнь останется инвалидом. Чтобы более не возвращаться к судьбе несчастного ребенка, отметим, что, когда девочка стала подростком, а затем зрелой девушкой, душевная болезнь приняла буйную форму. Розмари оказалась не в состоянии учиться в школе, вела себя вызывающе, нарываясь на скандалы. Родные далеко не всегда понимали, что ее поведение вызвано болезнью, и реагировали неадекватно. В конце 1930-х годов Джозеф Кеннеди узнал о входившей в практику лоботомии (операции по рассечению тканей, соединяющих лобные доли мозга с его

остальной частью), которая, по словам ее создателей, восстанавливала психические функции пациентов, излечение которых терапевтическими средствами считалось невозможным. Скоро, однако, оказалось, что лоботомия обычно вела к подавлению умственной деятельности.

В США эту операцию стал широко применять профессор Уолтер Фримэн, которого пресса вознесла до небес. Не дав себе труда проверить практику Фримэна, что противоречило обычному поведению Джозефа Кеннеди, скорее всего просто желая избавиться от бремени по уходу за дочерью и надежно скрыть ее болезнь, Джозеф договорился с Фримэном об операции. Она была проведена в конце 1941 года и привела к катастрофе. Розмари впала в прострацию, стала вести буквально вегетативное существование. Она прожила в приюте для умалишенных еще 64 года и скончалась в 2005 году в возрасте 87 лет, так и не обретя способности сознательно существовать.

Возвратимся, однако, в 1920—1930-е годы.

В 1932 году Джозефу исполнилось 44 года, а Розе — 42.

Всего у них было девять детей — Джозеф Патрик (1915-1944), Джон Фицджералд (1917-1963), Розмари (1918-2005), Кэтлин Эгнес (1920-1948), Юнис Мэри (1921-2009), Патриция (1924-2006), Роберт Фрэнсис (1925-1968), Джоэн (р. 1928), Эдвард Мур (1932-2009).

Внешне оставаясь хорошим семьянином, Джозеф не гнушался краткими, почти ни к чему не обязывающими связями с хорошенькими молодыми голливудскими актрисами. Собственно, и большие расходы на таких любовниц не требовались. Достаточно было сказать или даже намекнуть режиссеру, что такая-то актриса перспективна, чтобы его слова были восприняты как указание — девушка получала хорошо оплачиваемую роль, а большего ей было и не надо.

Дом в Беверли-Хиллз был отличным местом для свиданий с юными звездочками. Эти встречи стали достоянием всего Голливуда, а оттуда в сильно преувеличенном виде распространились далеко за его пределы. О них, естественно, узнала Роза, и ей пришлось мириться с происходившим, ибо она знала, что свою семью Джозеф не оставит не только из-за детей, но и по соображениям финансового и политического престижа.

О любовных аферах отца рано узнали и дети. Даже в школе, где учился Джон, судачили о том, что его родитель отправился куда-то с молоденькой актрисой, тогда как жена его была беременна. Один из приятелей Джона даже через много лет рассказывал, что сын осмеливался шутить по поводу любовных историй отца. «Он был совершенно откровенен по поводу того,

каким испорченным человеком был его старик»[77].

Это, однако, не мешало Джону, как и старшему сыну Джозефу, сохранять глубокое уважение и даже почтение к отцу, считаться с его мнением, стараться быть с ним честным и откровенным. Характерен в этом отношении следующий эпизод. Джозеф стремился, чтобы его дети вели здоровый образ жизни, не пили, не курили. Он даже придумал способ поощрения тех из них, кто до полного совершеннолетия (таковым в США считается 21 год) не выкурит ни одной сигареты, не выпьет ни одного бокала даже слабого спиртного напитка. Им полагалась премия по достижении взрослого возраста — тысяча долларов. Как проверить, что поставленное условие действительно было выполнено? Единственным средством считалось отношение детей к награде, их правдивость при ее получении. Отец не задавал выросшему сыну никаких вопросов. Он вручал ему чек, полагая, что в том случае, если условие будет нарушено, чек не будет принят. Именно так и произошло с Джоном. Когда отец протянул ему награду, он отказался принять ее, признавшись, что в Гарвардском университете, где он учился, несколько раз выпил пиво[78].

Так в семье Кеннеди удивительным образом уживались патриархальные семейные связи с весьма вольным образом жизни главы рода — верующего католика и ходока по молодым дамам. А это почти неизбежно наследовалось младшим поколением.

Хороший знакомый Джозефа Кеннеди видный журналист Артур Крок, сотрудник газеты «Нью-Йорк таймс», немало сделавший для того, чтобы обеспечить Кеннеди и его семье то, что в наши дни называют пиаром, насмешливо писал: «Да, он был аморален, конечно, он был таковым. Я думаю, только католик в состоянии описать, как можно одновременно быть аморальным и религиозным. Иначе говоря, как можно обеспечивать себе Божье благословение и в то же самое время заниматься всякими другими делами… Так обстояло дело во всем мире, насколько я знаю, и так дело обстояло в его мире»[79].

Однако один более или менее серьезный роман в Голливуде всё же случился. Джозеф увлекся кинозвездой Глорией Свенсон. Родившаяся в 1899 году, Глория начала карьеру в кино в 1915 году в качестве комической актрисы. Затем она блестяще сыграла в нашумевших лентах «Невеста из пульмановского вагона», «Ее решение, или Опасная девчонка», а также вместе с Чарли Чаплином в фильме «Его новая работа» (здесь она, правда, играла второстепенную роль стенографистки).

Затем ее артистическая судьба оказалась связанной с творчеством режиссера Сесиля де Милля, у которого она снялась

в фильмах «Не меняйте мужа», «В горе и в радости» и других лентах.

Очаровательная Глория Свенсон получала огромные гонорары, представляла Голливуд во время различных праздничных мероприятий. В дополнение к этому во время одной из поездок во Францию актриса познакомилась с неким маркизом Анри де ла Фалез де ла Кудрайе и возвратилась на родину, выйдя за него замуж и став таким образом маркизой. С мужем, правда, Глория рассталась очень быстро. У нее не было никакого желания возиться с аристократом, намного ее старше, да и съемки не оставляли времени для супруга.

В конце 1920-х годов, став одной из ведущих звезд Голливуда, Свенсон основала собственную студию и снялась в фильмах «Сэнди Томпсон» (1928) и «Их собственное желание» (1929), за участие в которых была дважды номинирована на премию «Оскар», правда, так и не получила ее. С появлением звукового кино актриса вначале добилась серьезного успеха в фильме «Нарушитель» («Trespasser»[12]), но вскоре перестала сниматься, продолжая театральную деятельность. В начале 1930-х годов и ее киностудия прекратила существование.

Познакомившись с Глорией в 1928 году после ее возвращения из Франции, Кеннеди был ею очарован. Говорили, что в Голливуде нашлось бы немало более красивых актрис, чем Свенсон, но на Джозефа особое впечатление произвели ее уникальный голос, который называли «шелковым», и самоуверенность, особенно импонировавшая его ментальности.

Сама Свенсон вспоминала о том, что произошло вскоре после знакомства: «Джозеф открыл дверь моего номера в отеле. Затем лакей стал вносить один за другим огромные букеты орхидей. Скоро комната превратилась чуть ли не в цветочный магазин. А Джозеф продолжал стоять у двери с гордой улыбкой, наблюдая за эффектом, который он произвел. Потом он зашел в комнату и закрыл дверь на ключ, стремительно подошел ко мне и, не произнеся ни слова, прильнул к моим губам, прижал к себе, пытаясь снять с меня кимоно. Наконец, Джозеф добился своей цели»{80}. Дальнейшее Глория не описывала, но и то* -что было сказано, звучало для пуританской Америки слишком большим откровением.

Джозеф не скрывал своих отношений с Глорией. Дело дошло до того, что в августе 1929 года она прилетела на гидроплане, сконструированном русским эмигрантом Игорем Ивановичем Сикорским, на Кейп-Код. Огромная толпа наблюдала, как она пересела из самолета на катер, а затем шумно приветствовала ее отплытие к имению Кеннеди в Хайаннис-Порте{81}.[13]

Джозеф Кеннеди признавался, что общение с Глорией доставляет ему не только плотское наслаждение — она была наблюдательна, остроумна, внимательно относилась к причудам своего любовника{82}. Что же касается Розы, то она упорно называла Глорию Свенсон только деловой партнершей своего супруга. И в пожилом возрасте в разговорах с журналистами, помогавшими ей готовить к печати свои воспоминания, с возмущением отвергала слух, будто у Глории был ребенок от Джозефа{83}.

Небезынтересно и то, что, установив с Джозефом интимные отношения и пользуясь его средствами в качестве источника финансирования своей киностудии, Глория Свенсон решительно отвергала финансовую зависимость (видимо, Джозеф особенно на ней и не настаивал). По всем займам, которые Кеннеди предоставлял студии «Глория Инкорпорейтед», исправно возвращались долги с процентами[14].

Правда, с первым фильмом «Королева Келли», снятым на средства Кеннеди, произошел конфуз. Одобренный им сценарий не удовлетворил режиссера Эриха фон Строхейма, который вообще славился многочисленными вторжениями в сценарии и импровизациями прямо на съемочной площадке.

На этот раз знаменитый режиссер внес такие изменения в текст и вставил такие эпизоды, которые Кеннеди счел просто недопустимыми для американской публики. Откровенные сцены соблазнения юных послушниц в монастыре и прочие крамольные вещи он посчитал явно нарушающими консервативные моральные нормы.

Но когда Кеннеди посмотрел подобные фрагменты и пришел в ужас, фильм был уже почти полностью снят. Глория потребовала выпустить его на публику. После недолгих пререканий между любовниками и партнерами был достигнут компромисс — фильм «эмигрировал», его выпустили только на европейские экраны, не разрешив показ в Америке.

Тем не менее между Свенсон и Кеннеди пробежала «черная кошка». Глория была раздражена многочисленными жалобами Джозефа, что он понес большие убытки в связи с неудачей «Королевы Келли», хотя на самом деле его потери были с лихвой перекрыты успехами следующих фильмов. Свенсон считала, что такого рода заявления вредят ее артистической репутации, и это было действительно так.

К тому же Глория обнаружила, что она стала получать счета к оплате за дорогие вещи, которые вроде бы Джозеф ей преподносил. Среди них было, например, меховое манто, стоившее немалую сумму. Конечно, Свенсон могла и сама купить

любую дорогую вещь, но здесь речь шла о совершенно другом — о том, что она должна оплачивать подарки собственного любовника. С этим Глория никак не могла смириться{84}.

Когда же на студии Свенсон был поставлен с ее участием «Нарушитель», возникла почти открытая ссора. Публике фильм понравился, сборы были большими. Но Глории казалось теперь, что она не предназначена для звукового кино, что ее место на театральной сцене. Джозеф настаивал на продолжении кинокарьеры, Глория отказывалась.

В результате Кеннеди внезапно прекратил финансирование студии и порвал личные связи с очаровательной кинозвездой, и именно вслед за этим Глория Свенсон продала свою студию. В беседе с Р. Уейленом в 1963 году она вспоминала: «Я ставила его суждения под сомнение, а он не любил сомнений по поводу его [мнений]»{85}.

Так закончилась продолжавшаяся около трех лет самая длительная внебрачная связь Джозефа Кеннеди, которую он почти не скрывал и которая была хорошо известна не только в Голливуде, но и в семейном кругу{86}.

Расставанием с Глорией Свенсон — личным и деловым — завершилось непосредственное участие Джозефа Кеннеди в кинобизнесе. В его ведении осталась лишь сеть кинотеатров, которые приносили не очень высокую, но постоянную прибыль. Всего же участие в кинопромышленности прибавило к состоянию Джозефа немало миллионов долларов, во всяком случае, намного больше той суммы в пять миллионов, которую он сам называл{87}.

Годы кризиса. Штаб Рузвельта

Хозяйственное «процветание» 1920-х годов казалось стабильным и продолжительным. Отчасти в результате роста промышленности, торговли, потребительского рынка и других сфер экономики, отчасти вследствие откровенных спекуляций ценные бумаги дорожали. Мало кто задумывался над тем, что, с одной стороны, растет противоречие между бурным подъемом производства и резким отставанием платежеспособного спроса, а с другой стороны, что рынок ценных бумаг всё более напоминает мыльный пузырь, который может лопнуть в любой момент, просто в результате какого-то случайного толчка. Многие тысячи американцев верили, что они могут купить какие угодно акции, а через краткое время продать их по двойной или даже тройной цене.

Сам Джозеф Кеннеди был причастен к такой пропаганде, хотя позже, после биржевого краха, решительно отрицал это. Действительно, прямых заявлений по поводу того, что на бирже могут обогатиться любые представители среднего класса или даже рабочие и фермеры, он не делал. Но само его поведение, успешная игра на вздорожании ценных бумаг с помощью весьма сомнительных пулов как будто подтверждала верность пропагандистских и откровенно рекламных обращений, распространяемых по всей стране.

Кеннеди не следовал примеру своего хорошего знакомого Джона Рэскоба, председателя финансового комитета фирмы «Дженерал моторс», который летом 1929 года опубликовал в дамском журнале статью под вызывающим названием «Каждый должен стать богатым». С этой целью, по словам Рэскоба, домохозяйке просто следовало вкладывать в ценные бумаги всего лишь по 15 долларов в месяц{88}.

Сам же Кеннеди относился к биржевой игре всё более осторожно. Серьезным предупреждением оказалось для него значительное падение курса акций на Нью-йоркской фондовой бирже в июне 1928 года. Правда, вскоре цены вновь стали ползти вверх, причем еще более высокими темпами. Но в конце декабря начались еще более серьезные биржевые колебания.

Впрочем, весна 1929 года принесла биржевое успокоение, которое вдохнуло новую волну оптимизма в умы менее опытных, менее наблюдательных и дотошных, чем Кеннеди, биржевых дельцов. Джозеф же стал избавляться от акций тех компаний, которые казались ему теперь не очень надежными.

От хозяйственных дел его лишь ненадолго отвлекло

печальное событие. В мае 1929 года в Бостоне скончался отец Патрик-Джозеф. Смерть настигла его еще не в очень старом возрасте — ему только исполнился 71 год.

Оставаясь почтительным сыном, Джозеф в течение последних пятнадцати лет всё более отдалялся от отца, который вел скромную жизнь в Бостоне, участвовал в благотворительности, с удовлетворением следил за успехами сына, но никогда не хвастал перед друзьями его финансово-биржевой хваткой. Представляется, что чувство гордости у Патрика-Джозефа смешивалось с некоторой долей стыда за манипуляции сына, не выходившие за рамки законов, но стоявшие на самой грани их нарушения и уж во всяком случае не одобрявшиеся широким кругом американцев.

Отец оставил 55 тысяч долларов, которые полагалось равномерно распределить между всеми наследниками. От своей доли, несмотря на то что она была микроскопической по сравнению с его состоянием, Джозеф Кеннеди не отказался{89}. И в этом случае он оставался верен своему правилу — не быть скупым, но никогда не отвергать причитавшихся ему денег.

Прошло всего лишь пять месяцев после печального события, как на Америку, а вслед за ней и на европейские страны обрушилась Великая депрессия — тяжелейший за всю историю мирового капитализма экономический кризис.

Он начался с катастрофического падения курса акций на Нью-йоркской фондовой бирже. Обвальное падение цен на акции 25 октября (этот день прозвали «черной пятницей») приняло еще более устрашающие масштабы в следующие дни -«черный понедельник» 28 октября и особенно «черный вторник» 29 октября. Пытаясь избавиться от своих акций прежде, чем они совсем обесценятся, инвесторы продали в тот день 12,9 миллиона ценных бумаг. В следующие дни было продано еще около 30 миллионов акций, и цены рухнули, разоряя миллионы инвесторов. В целом за неделю биржевой паники рынок потерял в стоимости около 30 миллиардов долларов -больше, чем составляли совокупные расходы правительства США за все годы Первой мировой войны.

Из сферы финансов кризис распространился на все экономические области. Началась массовая безработица. Разорялись мелкие инвесторы, те самые, которые вкладывали по 15 долларов в месяц в перспективные, казалось бы, фонды.

По мере углубления кризиса росла социальная напряженность. Забастовки и демонстрации безработных становились всё более агрессивными. Усиливалось влияние радикальных и экстремистских политических сил. Компартия

США, которая до этого была совершенно незначительной и существовала исключительно на средства, вкладываемые советскими властями через Коминтерн, достигла численности в 50 тысяч человек. Число само по себе невелико, но, во-первых, важна была тенденция, а во-вторых, за каждым активным членом компартии стоял, по-видимому, не один десяток других недовольных. Так Соединенные Штаты оказались не только в тяжелом экономическом, но и в весьма рискованном политическом положении.

Хотя Джозеф Кеннеди в результате биржевого краха и последовавших за ним экономических трудностей потерял значительно меньше того, что он мог бы потерять (Джозеф хранил в тайне, чем обернулась для него финансовая паника, и о том, что она его сколько-нибудь сильно не затронула, можно судить только по косвенным данным, в частности, по тому, что на протяжении всех кризисных лет он продолжал активную предпринимательскую деятельность), кризис оказал существенное воздействие и на его дальнейшее предпринимательство (он полностью прекратил биржевые махинации), и на его позицию относительно взаимоотношений между государством и частным бизнесом.

Кеннеди не обладал какими-либо значительными экономическими, тем более научными, познаниями. Его знание экономики было крайне поверхностным, не академическим, вытекавшим исключительно из личного опыта (тут гарвардский курс сколько-нибудь существенных познаний не дал), но этот опыт был таков, что Джозеф превосходно разбирался во многих банковских, биржевых, рыночных хитросплетениях не хуже, чем высоколобые профессора-экономисты Гарварда и других престижных университетов.

Не имел Джозеф и твердой позиции по принципиальным вопросам политической экономии и экономической политики. Он был капиталистом и в этом качестве сторонником системы свободного предпринимательства, ограниченного лишь минимальным государственным вторжением. Государство, по его представлению, как и по мнению основной части бизнесменов, должно было исполнять роль «ночного сторожа», создающего благоприятные условия для активного бизнеса.

Теперь, однако, оказывалось, что для обеспечения этих благоприятных условий необходимо усилить государственное вмешательство в экономику, пожертвовать какой-то частью своего дохода и своих волевых решений для того, чтобы сохранить саму систему и свое место в ней.

Еще до начала кризиса, но в условиях, когда экономические

ветры уже грозили перерасти в бурю, Джозеф Кеннеди стал всё более внимательно присматриваться к политическим битвам в верхнем эшелоне американской элиты, не исключая своего участия в них.

С большим интересом Джо следил за карьерой нью-йоркского губернатора Александера (Эла) Смита, которого в 1928 году сменил Франклин Рузвельт в связи с тем, что Смит выдвинул свою кандидатуру на президентский пост. Неудача Смита (президентом был избран представитель Республиканской партии Герберт Гувер) была воспринята Джозефом как личная неприятность.

Джозеф Кеннеди наблюдал, как всё это происходило.

Став кандидатом демократов как от городских центров, так и от сельской глубинки, Смит вел себя как типичный урбанист. Он крайне неудачно выбрал мелодию песни «Тротуары Нью-Йорка» в качестве своего рода лейтмотива всех выступлений. Такого рода «городской гонор» сразу вызвал раздражение фермеров и других сельских и вообще провинциальных жителей. Вспомнили «пороки» Смита — его нью-йоркский акцент, его принадлежность к католической религии.

На Смита набросились за то, что он вроде бы поцеловал руку ватиканскому кардиналу, побывавшему в США. Во время предвыборной кампании доминировал его соперник. Гувер, имевший высокую популярность, вел кампанию весьма умело. Последним камешком, брошенным в огород Смита, был распространенный штабом Республиканской партии памфлет, где говорилось, что демократический кандидат выполняет волю не американского народа, а римского папы. Этому поверили миллионы протестантов Среднего Запада и тихоокеанского побережья. Гувер, использовавший тот факт, что именно при республиканской администрации США вступили в период «процветания», действительно был избран на президентский пост подавляющим большинством голосов.

Неудача демократического кандидата и тем более католика зародила в уме Джозефа, а позже и его сыновей упорную мысль о том, что это — несправедливость, которая должна быть исправлена, что когда-нибудь наиболее достойный отпрыск семейства, а таким считался старший сын Джо, станет американским президентом.

Пока же приходилось делать новую ставку. Если иметь в виду, что Кеннеди формально, по традиции считал себя принадлежавшим к Демократической партии (до конца 1920-х годов ни в каких активных действиях эта принадлежность не проявлялась), то выглядит вполне логичным, что он во время

президентской кампании 1932 года оказался активным сторонником Франклина Рузвельта.

Знакомство с Рузвельтом (вспомним об их столкновении в связи с продажей линкоров Аргентине во время Первой мировой войны) возобновилось, правда, несколько раньше. Произошло это в 1930 году, когда один из друзей Рузвельта и хороший знакомый Кеннеди по финансовым делам миллионер Генри Моргентау взял его с собой в столицу штата Нью-Йорк город Олбани на встречу с Рузвельтом, являвшимся тогда губернатором штата.

Вечер, проведенный в компании губернатора, убедил Кеннеди, что Рузвельт — именно тот человек, который сможет возглавить процесс приведения экономики США в работоспособное состояние путем ограниченного государственного вмешательства в хозяйственные дела. Встреча предопределила не только финансовые вливания Кеннеди в рузвельтовскую избирательную кампанию двумя годами позже, но и личное активное участие Джозефа в этой кампании и в качестве советника, и как агитатора, прежде всего в имущих кругах (здесь особо важно было развеять предубеждение в «левизне» Рузвельта, в том, что он будто бы покушается на капиталистическую систему), и как своего рода связного с магнатами бизнеса.

Кеннеди вспоминал через несколько лет: «Рузвельт был человеком действия. У него была способность вершить дела… Задолго до [президентской] кампании, задолго до того, как его имя стало всерьез рассматриваться, я стал работать на него. Я думаю, что я был первым человеком, имевшим в банке больше, чем 12 долларов, который открыто его поддержал. Я делал это, потому что я видел его в действии. Я знал, на что он способен и как он с этим справится, и я чувствовал, что после долгого периода бездействия нам необходим был лидер, который был бы способен вести вперед»{90}.

Конечно, в этом высказывании было огромное преувеличение — Рузвельта поддерживали отнюдь не только бедняки. Кеннеди как-то удобно позабыл, что его привел на первую встречу с Франклином миллионер. Но тот факт, что Джозеф оказался рьяным и деятельным сторонником Рузвельта во время кампании 1932 года, полностью соответствует действительности.

С первых месяцев 1931 года Кеннеди стал регулярно посещать штаб-квартиру Рузвельта на Медисон-авеню в Нью-Йорке. Вначале он очень не понравился главному советнику Рузвельта Луису Хоуву, уродливому неопрятному человеку, который сам себя называл гномом, но который обладал острым умом, проницательностью и был всецело предан своему боссу. Во

время первой встречи Хоув не произнес почти ни одного слова{91}. Очевидно, советник Рузвельта полагал, что человека, широко известного махинациями на Уолл-стрит (а сведения и слухи о злоупотреблениях и кознях этого центра американского капитала стали притчей во языцех у миллионов американцев), следует держать на расстоянии. Его близость к Рузвельту могла бы, по мнению Луиса, помешать агитации среди рядовых американцев. Хоув дал понять, что Кеннеди должен знать свое место.

Не попав в число самых близких помощников Рузвельта по президентской кампании и тем более не став членом его «мозгового треста» (там оказались в основном либеральные профессора Колумбийского университета, находящегося в Нью-Йорке), Кеннеди был вынужден довольствоваться местом во второй шеренге помощников кандидата в президенты.

Это был эшелон финансовых тузов, которые в разной степени разделяли убеждение в том, что американская экономика требует оздоровления путем осторожного государственного вмешательства. Правда, личные денежные вклады этой когорты не были значительными, но в сумме они составляли тот минимально необходимый фонд, которым располагал Рузвельт в предвыборной борьбе. Джозеф Кеннеди пожертвовал 25 тысяч долларов и, кроме того, дал взаймы руководству Демократической партии еще 50 тысяч.

Но главное, Кеннеди занялся агитацией в пользу Рузвельта в кругу своих друзей и деловых знакомых. Привлечение каждого из них к кампании означало возникновение своего рода геометрической прогрессии, ибо это были люди весьма влиятельные, обладавшие широкими связями и крупными капиталами. Уже в первые дни благодаря стараниям Джозефа в копилке Рузвельта оказалась не одна сотня тысяч{92}. Бостонский капиталист Билл Дэнфорт предоставил в распоряжение Кеннеди свой самолет, чтобы он мог быстро передвигаться от одного финансового центра страны к другому с целью сбора средств или, как говорят американцы, для «поднятия денег», для создания фонда *(money raising, fund raising)*.

В некоторых случаях пожертвования делались анонимно. Получив деньги наличными, Кеннеди выписывал свой чек. Он отнюдь не скрывал, что речь идет о средствах неназванных лиц, но внешне создавалось впечатление, что это именно он — тот самый щедрый капиталист, который не скупится на новые и новые взносы. Постепенно и отношение упрямого Хоува к Кеннеди стало меняться в лучшую сторону[15].

Между прочим, активное участие Кеннеди в президентской

кампании Рузвельта имело для него один побочный, но очень важный и, по всей видимости, хорошо скалькулированный результат. На Уолл-стрит его стали считать чужаком, чуть ли не изменником. А это, в свою очередь, привело к тому, что, когда в апреле 1932 года началось сенатское расследование причин краха фондовой биржи и в качестве свидетелей-обвиняемых были вызваны «акулы денежного капитала», имени Кеннеди — одного из самых крупных и бессовестных дельцов — среди них не оказалось.

Более того, его явная бессовестность проявилась через несколько лет, когда в книге под названием «Я за Рузвельта» (о ней мы еще расскажем) Джозеф писал, как будто речь шла о чем-то не просто далеком от него, но и враждебном ему: «В течение нескольких месяцев страна привыкала слушать серию потрясающих разоблачений, в которых упоминались имена почти всех важных лиц в финансовом мире, разоблачений таких действий, которые по крайней мере были в высокой степени неэтичными. Вера в то, что люди, контролировавшие корпоративную жизнь в Америке, руководствовались мотивами чести и идеалов достойного поведения, была крайне расшатана»{93}. Ключевым в этой риторике было маленькое слово «почти», содержавшее скромный намек на то, что автор как раз и не входил в эту группу людей «неэтичного поведения».

Одной из существенных заслуг Кеннеди во время избирательной кампании было привлечение на сторону Рузвельта газетного магната Уильяма Рандольфа Хёрста. Сторонник Демократической партии и убежденный изоляционист, твердо придерживавшийся девиза «Америка для американцев», полагавший, что США не должны вмешиваться в дела за пределами континента, Хёрст вначале с подозрением относился к Рузвельту, памятуя, что во время Первой мировой войны тот был активным «интервенционистом», то есть сторонником прямого вмешательства страны в войну

Однако перед выборами Рузвельт занял значительно более осторожную позицию. В ответ на многочисленные вопросы о его отношении к Лиге Наций, в которую США не входили, он уклончиво говорил, что прежде всего надо решить внутренние дела, что время для вступления США в международную организацию не созрело, что в лучшем случае можно принять участие в Международном суде, созданном при этой организации.

В этих условиях Рузвельт отправил Кеннеди «в командировку» в Калифорнию, где в поселке Сан-Симеон находился замок могущественного газетчика. Кеннеди в значительной мере удалось убедить Хёрста, что Рузвельт теперь

отнюдь не тот неистовый «интернационалист»ˆ, каковым был пятнадцатью годами раньше, что другие кандидаты демократов в этом смысле значительно опаснее. Хотя решающего слова Хёрст не произнес, чаша весов слегка склонилась в пользу Рузвельта. В мае 1932 года Кеннеди был допущен в летнюю резиденцию последнего — курортный поселок Уорм-Спрингс в штате Джорджия, где доложил о благоприятных результатах своей миссии{94}.

В своих беседах Кеннеди с Рузвельтом установили, что основным соперником на предстоявших выборах из числа деятелей собственной партии будет губернатор штата Нью-Йорк Эл Смит. Но он окажется не единственным возможным оппонентом Рузвельта. Консервативное крыло демократов, выступавшее в защиту традиционного сегрегированного и сельскохозяйственного Юга, против существенного вмешательства в мировую политику, в свою очередь, искало приемлемую кандидатуру. Таковая была найдена в лице техасского политика Джона Гарнера, являвшегося в это время лидером демократов в палате представителей. Когда появился такой кандидат, Хёрст изменил свою позицию — его пресса стала высказываться за Гарнера и против Рузвельта.

Имея в виду заявления Рузвельта о необходимости вмешательства государства в экономическую жизнь, его обвиняли то в коммунизме, то в нацизме или фашизме (между всеми этими понятиями особой разницы не проводили, да и употреблялись эти слова не в качестве социологических терминов, а как грубые политические ругательства) и уж во всяком случае предрекали, что его присутствие в Белом доме приведет Америку к гибели.

Миссия Кеннеди, казалось, закончилась крахом, и он, обычно державшийся «крепко в седле», стал уже переживать, что поставил не на ту лошадь.

Однако обстановка менялась довольно быстро. Помимо трех названных возможных кандидатов (Рузвельт, Смит, Гарнер), появились и другие претенденты на высший пост от Демократической партии — например, мэр Кливленда Ньютон Бейкер, когда-то служивший военным министром в кабинете Вудро Вильсона. Особым влиянием он не пользовался, но его имя могло всплыть на поверхность в качестве компромиссной фигуры, некой «серой лошадки».

Съезд демократов открылся в Чикаго 27 июня. Он проходил на городском стадионе, вмещавшем почти 35 тысяч человек. Первые туры выборов не дали решающего результата, Рузвельт шел впереди, но не набирал необходимых двух третей голосов. Возникла реальная опасность появления упомянутой «серой

лошадки».

В этих условиях Джозеф Кеннеди сыграл если не решающую, то, во всяком случае, немалую роль. Он позвонил Хёрсту и в свойственной ему грубо-откровенной, циничной манере задал вопрос: «Вы хотите Бейкера?» Услышав отрицательный ответ, Джозеф продолжал: «Если вы не хотите Бейкера, вам следует поставить на Рузвельта, потому что, если вы не сделаете этого, вы получите Бейкера». Всё еще колеблясь, Хёрст поинтересовался, нет ли какой-либо другой «серой лошадки». Кеннеди ответил решительным отрицанием{95}.

Так в самый разгар предвыборного съезда газетный иерарх примирился с необходимостью поддержать Рузвельта. Сделал он это неохотно. Но машина магната заработала. Его тайные агенты стали выкручивать руки кандидатам и их сторонникам.

Результат оказался сенсационным: Гарнер, стоявший на третьем месте, передал через своего представителя Макэду, что соглашается снять свою кандидатуру, правда, в обмен на пост вице-президента в администрации Рузвельта.

Когда перед четвертым туром голосования Макэду объявил, что Калифорния отдает все свои 44 голоса Рузвельту, в зале поднялась такая буря восторга, что ее не могли остановить несколько минут. Четвертый тур оказался последним — Рузвельт стал кандидатом в президенты от Демократической партии.

После съезда Кеннеди принял участие в нескольких агитационных поездках Франклина Рузвельта по стране. Став, правда, на краткое время, одним из ближайших помощников номинанта демократов, он с середины сентября до начала ноября 1932 года был членом команды в поезде кандидата. Поезд прошел примерно 13 тысяч миль, останавливаясь часто на полустанках, где Рузвельта ожидали, и он выступал, стоя на площадке вагона, обещая американцам начать «Новый курс», который покончит с бедами и страданиями, порожденными Великой депрессией.

Кеннеди не был в числе рузвельтовских спичрайтеров, но он живо участвовал в обсуждениях текстов и, главное использовал свои связи в деловом мире для пропаганды кандидата и намечаемого им курса. При этом особо подчеркивалось, что, несмотря на угрозы Рузвельта по адресу эгоистического капитала и его антинародных махинаций, никакой опасности для частного предпринимательства не существует, что Рузвельт, сам крупный собственник, безусловно наладит деловые связи с бизнесом, будет содействовать экономическому росту Америки, а значит, и преодолению хозяйственной катастрофы на условиях, выгодных для имущих слоев.

Выступал Кеннеди редко. Его называли «молчащим шестым» в штабе Рузвельта. Но иногда произносимые им речи перед бизнес-сообществом звучали откровенно и резко. Атакуя республиканцев и всячески восхваляя Рузвельта, он, по словам журналистов, освещавших президентскую кампанию 1932 года, «буквально бил вас откровенными словами так внезапно, что это вас ошеломляло»[16].

Вполне понятно, что человек с натурой Кеннеди работал в пользу Рузвельта не бескорыстно. С одной стороны, поверив в необходимость «Нового курса», хотя последний формулировался пока в самых общих чертах, он в то же время ожидал вознаграждения в виде высокого государственного поста. Через много лет Эдди Даулинг, актер и продюсер Голливуда, который поддерживал с Кеннеди близкие отношения, вспоминал о тех месяцах: «Он знал, чего он хотел, и боролся за это, потому что чувствовал, что имеет столько же прав, как все остальные [из штаба Рузвельта]»{96}.

Отмечая бесспорную роль Джозефа Кеннеди, наряду со многими другими сторонниками, в избрании Рузвельта на президентский пост, нельзя согласиться с мнением некоторых авторов, особенно выделяющих именно эту личность. Таков, например, биограф Джона Кеннеди М. О'Брайен, который пишет: «Когда Рузвельт готовился вести борьбу за президентство в 1932 году, он фактически льстил Джо, прислушиваясь к его точке зрения. Они знали друг друга со времени Первой мировой войны и, высоко оценивая друг друга, стали политическими партнерами»{97}. Не говоря уже о том, что О'Брайен неверно характеризует взаимоотношения Кеннеди и Рузвельта во время войны (они встретились, напомним, только один раз, причем между ними произошло острое столкновение), он представляет Джозефа Кеннеди как равного с кандидатом в президенты деятеля, тогда как на самом деле Джозеф даже не входил в первую шеренгу помощников Рузвельта, хотя и пребывал в его штабе.

Кеннеди праздновал победу Рузвельта на выборах 8 ноября как свою собственную победу. Чувствовалось, что он действительно торжествовал — ведь это, по существу дела, был его первый личный политический успех. Он дал щедрый банкет в знаменитом нью-йоркском отеле «Уорлдорф-Астория» и непрестанно, вновь и вновь, запевал популярную песню «Вернулись счастливые дни», которая на протяжении всей кампании была музыкальным сопровождением, своего рода фирменным знаком команды Рузвельта.

Ответственный федеральный чиновник

Однако уже вскоре после выборов наступило отрезвление. В период между выборами и инаугурацией президента, то есть на протяжении ноября—февраля, когда формировался будущий кабинет, о Кеннеди как будто позабыли.

Он ожидал, что ему предложат пост министра финансов. Однако уже вскоре стало очевидно, что таковым назначат Уильяма Вудина. Пожилой бизнесмен и многолетний знакомый президента, он не принимал активного участия в избирательной кампании, но было ясно, что Вудин будет неуклонно проводить диктуемую ему политику. Он был, как говорят американцы, «yes-man» (человек, который говорит только «да»). Почетными считались и посольские должности. Но и их одну за другой заняли другие близкие к Рузвельту деятели.

Только в марте, когда новая администрация уже приступила к исполнению своих обязанностей, Джозеф Кеннеди напомнил о себе, послав Рузвельту телеграмму с пожеланием всяческих успехов. Рузвельт ответил тотчас же и весьма учтиво, но никаких обещаний не дал. Поблагодарив Кеннеди за участие в избирательной кампании, он завершил текст вежливым приглашением: «Пожалуйста, дайте мне знать, когда вы будете собираться в Вашингтон, чтобы вы могли выбрать время для встречи со мной»{98}.

Разочарованный и раздраженный, Кеннеди не понимал, что включение его в состав правительства или назначение на какой-либо другой ответственный государственный пост за пределами той области, в которой он считался специалистом, вызовет бурю негодования в среде сторонников «Нового курса», среди той массы рабочих, фермеров, низшей части среднего класса, на которых опирался Рузвельт перед выборами и интересы которых теперь стремился удовлетворить в возможной степени. В этих кругах, да и среди либеральных ученых, составлявших «мозговой трест» Рузвельта, Кеннеди был воплощением худших качеств денежного воротилы, одним из тех, на ком лежала основная вина за биржевой крах 1929 года.

Джозеф был возмущен неблагодарностью Рузвельта. В частных беседах теперь он резко критиковал президента и его политику, причем скорее на эмоциональном, чем на аналитическом уровне. Он даже грозился, что потребует от руководства Демократической партии возвращения пятидесятитысячного долга, то есть тех денег, которые он предоставил взаймы на избирательную кампанию.

И всё же, преодолев чувство раздражения, Джозеф решил

воспользоваться формальным приглашением, которое содержалось в письме Рузвельта. Известив об этом президента, он отправился в Вашингтон[99].

В состоявшейся в конце мая встрече проявились характерные свойства обоих собеседников. Будучи мастером находить выходы из непростых ситуаций, Рузвельт излучал добросердечие и показную радость, принимая своего старого соратника. Кеннеди, в свою очередь, продемонстрировал способность быстро менять настроение и пользоваться моментом. «Привет, Джо, где вы были все эти месяцы? Мне показалось, что вы потерялись» — так начал президент эту примечательную беседу Рузвельт объяснил тот факт, что верному стороннику не была предложена никакая ответственная работа из-за сопротивления его недоброжелателей, причем намекнул, что главным среди них был ближайший помощник Рузвельта Луис Хоув. Когда это было выгодно Франклину, он превращал Хоува в козла отпущения, причем последний об этом хорошо знал и соглашался на такую роль, понимая, что Рузвельту по тактическим соображениям надо было подчас играть не совсем честно. Встреча завершилась твердым обещанием подыскать для Кеннеди достойную его государственную службу. В таких случаях Рузвельт обычно свои обещания выполнял[100].

Пока же Джозеф продолжал свои финансовые дела. Он возвратился на Уолл-стрит, заключил несколько выгодных контрактов, установил многообещающую связь с Генри Деем, партнером крупной брокерской фирмы Редмонд и К°. Джозеф инвестировал в эту фирму значительный капитал. Правда, опасаясь нежелательных слухов, которые могли бы по этому поводу возникнуть в случае получения государственной должности, он скрыл свое участие в сделке. Она была оформлена на имя старого партнера и друга Кеннеди (у него почти не было друзей, и этот человек был одним из очень немногих) Эдди Мура[101].

Прилагались все усилия, чтобы укрепить отношения с президентом. Джозеф воспользовался своим знакомством со старшим сыном Рузвельта Джеймсом, который перебрался в Бостон. Он окончил Гарвардский университет и стал заниматься бизнесом, надеясь в то же время на политическую карьеру и замахиваясь на то, чтобы стать губернатором штата Массачусетс.

По предложению Кеннеди, в сентябре 1933 года два семейства — Джозеф с Розой и Джеймс со своей молодой женой Бетси совершили совместный вояж в Европу. Разница в возрасте особой роли не играла. Обе пары были приняты и в дороге, и в Лондоне как «випы» — *very important persons,* то есть очень важные

лица, вплоть до того, что на пароходе для них были зарезервированы места даже в первом ряду кинотеатра{102}.

Имя Рузвельта-сына было важно не только с точки зрения сотрудничества с президентом в неопределенном будущем. Соединенные Штаты стояли накануне отмены «сухого закона», который имел почти пятнадцатилетнюю историю и стал предметом острых споров.

Вопреки возражениям части демократов и при поддержке подавляющего большинства республиканцев в 1917 году конгресс принял и направил на утверждение штатов 18-ю поправку к конституции, содержавшую полное запрещение производства спиртных напитков, их импорта и торговли ими на всей территории США. В сентябре 1917-го было прекращено производство виски, а в мае 1919-го — даже пива, причем всё это сопровождалось трескучими речами по поводу «оздоровления нации» еще до вступления поправки в силу в январе 1920 года.

Однако очень скоро оказалось, что антиалкогольные меры были не просто непопулярными — они повредили национальной экономике и вызвали резкое повышение уровня организованной преступности. Гангстерские группировки (так называемые бутлегеры), занимавшиеся нелегальным производством, импортом, транспортировкой и продажей спиртного, получали огромные прибыли. А здоровье населения отнюдь не улучшалось. Десятки тысяч людей погибали от отравления поддельными крепкими напитками.

Правительство Рузвельта внесло на рассмотрение штатов и федерации предложение об отмене «сухого закона». Вопрос находился осенью 1933 года в стадии рассмотрения, но было ясно, что предложение президента будет принято. Действительно, 5 декабря 1933 года в силу вступила 21-я поправка к Конституции США, отменившая «сухой закон».

Именно с этим была связана деловая часть поездки Кеннеди в Европу. Он воспользовался случаем, сыграл на имени сына президента, чтобы продемонстрировать свои связи с самым высоким административным постом в США и хорошо заработать на импорте в Америку шотландского виски и других крепких напитков, в частности джина.

Действительно, предприниматели и посредники принимали его по-королевски. Сравнительно легко были заключены соглашения с тремя крупнейшими британскими фирмами, производившими и экспортировавшими эти товары, которых заждалась американская публика самого разного общественного статуса. Для импорта джина «Гордон», рома «Рон Рико» и нескольких марок виски была основана формально коллективная,

но по существу дела собственная компания Кеннеди «Сомерсет Импортере». Джозеф Кеннеди был определен как агент Соединенных Штатов по поставке продукции этих фирм на свою родину{103}.

Так Джозеф воспользовался «спиртным бумом», который неизбежно должен был наступить очень скоро. Как только «сухой закон» был отменен, корабли, груженные ящиками с соблазнительными крепкими напитками, отправились в путь, пополняя банковские счета Кеннеди. Вслед за ним в дело ринулись и другие предприниматели, кляня себя за медлительность, но превзойти первенца в импорте спиртного оказались не в состоянии.

Согласно подсчетам ФБР, Джозеф Кеннеди после отмены «сухого закона» ежегодно получал примерно миллион долларов в год на бизнесе, связанном с крепкими напитками. Он продал эту свою компанию в 1946 году за восемь миллионов долларов{104}.

Следует при этом отметить, что постоянно повторяющиеся, прежде всего в художественной литературе и псевдокинодокументалистике утверждения, что Джозеф Кеннеди был чуть ли не одним из главных американских бутлегеров, истине не соответствуют. «Сухой закон» он не нарушал и занялся торговлей спиртным только после его отмены, правда, буквально в самые первые дни.

И всё же Кеннеди продолжал надеяться на получение высокого поста в государственном аппарате. Он обрадовался, когда в январе 1934 года У. Вудин по состоянию здоровья оставил пост министра финансов. Но в Белый дом по этому поводу Джозеф приглашен не был. Рузвельт избрал в качестве нового руководителя финансового ведомства своего старого знакомого по провинции штата Нью-Йорк миллионера Генри Моргентау — того самого, который познакомил Джозефа Кеннеди с теперешним президентом.

Однако вскоре предложение всё же последовало, правда, совершенно неожиданное.

Во время лихорадочных первых ста дней рузвельтовского президентства конгресс принял почти без обсуждения, простым голосованием массу законов, целью которых являлось скорейшее преодоление последствий кризиса{105}.

В их числе был и закон о доверии ценным бумагам *(Truth-in-Securities Act)*. Закон предусматривал не только детальное расследование фактов злоупотреблений со стороны биржевых игроков. Федеральной торговой комиссии предписывалось предпринять такие меры, которые дали бы возможность не допустить грязной игры с ценными бумагами в будущем. В

дополнение к этому акту в начале 1934 года был проведен новый закон, специально посвященный фондовой бирже, который конкретизировал требования предыдущего законодательства, а для проведения практических мер предусматривал создание государственной Комиссии по ценным бумагам и обменным операциям *(Securities and Exchange Commission — SEC)*.

Впоследствии население пристально следило за тем, что происходило на заседаниях комиссии, на одно из которых был вызван банковский магнат Джон Пирпонт Морган. Банкир пытался вести себя высокомерно. На вопрос, почему он не платил подоходный налог в течение трех лет, Морган, потряхивая массивной золотой цепью, висевшей на шее, ответил, что этот вопрос направлен не по адресу — на него должны отвечать его счетоводы, что сам он в такие детали не вникает.

Предполагалось, что в состав комиссии войдут пять человек, причем назначались они президентом, а председателя должны были избрать из своей среды сами члены комиссии.

Советники Рузвельта рекомендовали восемь лиц, причем первым в списке стояло имя Джозефа Кеннеди. В комментарии к списку Реймонд Моли, профессор Колумбийского университета и член «мозгового треста» Рузвельта, написал: «Лучший выбор в качестве председателя в силу исполнительских способностей, знания привычек и обычаев бизнеса, которые надо будет регулировать, и способности подходить посовременному к различным точкам зрения в комиссии»{106}.

Либеральные члены «мозгового треста», и Моли в частности, с глубоким недоверием относившиеся к большому бизнесу, на этот раз проявили умение отбросить свои предубеждения, понимая, что именно «перебежчик» из стана крупнейших биржевых спекулянтов сможет лучше всего надзирать за рынком ценных бумаг и регулировать его в соответствии с духом «Нового курса». Рузвельт согласился с целесообразностью того, чтобы Кеннеди возглавил *SEC,* хотя и не обладал полномочием просто назначить его на эту должность.

Как и следовало ожидать, кандидатура вызвала ожесточенное сопротивление среди других сторонников «Нового курса», как советников президента, так и конгрессменов. Их настроение соответствовало поговорке «Пусти козла в огород…». Мнения очень многих выразил журналист Джон Флинн, написавший: «Это просто не может быть правдой. Это невозможно. Это не могло произойти»{107}.

Особенно враждебно настроены были те лица, которым прочили членство в комиссии. Одним из них являлся известный либерал Джеймс Лэндис, профессор-юрист из Гарвардского

университета, который являлся одним из авторов текстов законов о ценных бумагах. Вторым был Фердинанд Пекора, главный расследователь сенатского комитета по банкам и валюте. Общественности было хорошо известно имя Пекоры, возглавлявшего недавнее следствие по делам крупных банков, которые допустили грубые нарушения при уплате налогов.

Однако Рузвельт хорошо знал, что делал. По его поручению действия и намерения Джозефа Кеннеди были тщательно проверены, и президент пришел к выводу, что в составе комиссии этот видный представитель большого бизнеса будет четко следовать поручениям и инструкциям Белого дома, будет выполнять свои обязанности в полном соответствии с «Новым курсом».

Моли, действовавшему по заданию Рузвельта, стоило немалых трудов убедить влиятельные круги не только в целесообразности избрания Кеннеди председателем *SEC,* но даже и в необходимости его включения в состав комиссии. Моли рассказывал через несколько лет, как он 3 июня 1934 года летел на самолете (гражданская авиация только начинала свой будущий победный марш) вместе с известным газетчиком, совладельцем концерна Скриппса—Говарда Роем Говардом. Весь путь они провели в споре по поводу кандидатуры Кеннеди. Моли убеждал собеседника, что было бы неразумно отвергать его только потому, что у него был профессиональный опыт в той области, которой предстояло заниматься комиссии. Он был убежден, что это назначение (и последующее избрание председателем комиссии) убедит бизнесменов в добрых намерениях проводников «Нового курса»[{108}].

Здесь, конечно, была явная хитрость, ибо против назначения Кеннеди возражали не потому, что он был «знатоком», а потому, что свои знания и опыт он употреблял как раз вопреки интересам общества.

Вечером того же дня Рузвельт послал за Кеннеди. Взяв со стола меморандум со списком членов комиссии, президент произнес: «Фамилия Кеннеди стоит первой на этом листе. Я предлагаю назначить его на пять лет и сделать его председателем». Джозеф, слегка приподнявшись, лицемерно возразил: «Мистер президент, я не думаю, что вы должны это делать. Я думаю, что это приведет к вредной критике». Вмешался присутствовавший Моли: «Джо, я знаю, черт побери, что вы хотите эту работу. Давайте позабудем всеобщую критику, что вы делали деньги на Уолл-стрит». Последовало то, чего именно ожидали от Джозефа — его торжественная клятва (в ней были упомянуты его девять детей), что он будет верно служить стране

и ее президенту. Рузвельт был вполне удовлетворен{109}.

1 июля 1934 года вашингтонские и нью-йоркские газеты были переполнены новостями, от которых захватывало дух. 30 июня произошла «ночь длинных ножей» в Германии — Гитлер расправился с оппозицией руководства штурмовиков в собственной Национал-социалистической партии, что стало одним из заключительных актов на пути к установлению в Германии тоталитарной системы. На родине полным разрывом завершилась многомесячная борьба между рузвельтовской администрацией по восстановлению промышленности и автомобильным магнатом Генри Фордом, решительно отказавшимся подписать «кодекс честной конкуренции», регулировавший рынки, зарплату, условия труда и т. д. И всё же на первых страницах газет нашлось место и для напечатанного крупным шрифтом сообщения о назначении Джозефа Кеннеди членом Комиссии по ценным бумагам и обменным операциям.

Разумеется, последовала критика в печати со стороны лево-либеральной общественности, но теперь она была значительно менее острой, чем ожидалось. Что же касается деловых кругов, то они не скрывали удивления. Биограф Кеннеди записал рассказ о заявлении одного из бостонских банкиров в этот день: «Я клянусь, что Кеннеди будет на этой работе не больше года. Знаете почему? Потому что фондовый рынок сейчас в застое, а Джо не может делать деньги на застойном рынке. Он успешно действует, когда рынок движется в разные стороны. И когда рынок окажется в движении, он уйдет оттуда»{110}. Как мы увидим, этот делец оказался довольно проницательным.

Жарким днем 2 июля 1934 года члены *SEC,* только что назначенные Рузвельтом, принесли клятву верности американскому флагу и американскому народу, а затем за закрытыми дверями приступили к избранию своего председателя. В состав комиссии, кроме Кеннеди, вошли уже известные нам Фердинанд Пекора и Джеймс Лэндис, а также экономист Джордж Мэтьюз, работавший ранее в Федеральной торговой комиссии, и юрист Роберт Хили. Это было первое заседание органа, который оказался очень устойчивым и существует в американской высшей администрации по настоящее время.

Опасаясь, что решение о председателе может оказаться неожиданным, Рузвельт написал членам комиссии неофициальную записку, сообщая им, что желательной для него кандидатурой является Кеннеди. В комиссии, однако, возникли жаркие споры. Особенно упорным был Пекора, заявлявший, что, если изберут Кеннеди, он немедленно уйдет в отставку. В мрачном настроении члены комиссии разошлись по только что

выделенным им кабинетам.

Наконец, поздним вечером они вышли к репортерам, жадно ожидавшим новостей. Как о чем-то обыденном, члены комиссии сообщили, что председателем, как и предполагалось, стал Джозеф Кеннеди. Сразу прозвучало два вопроса. Первый из них был просто недоуменным: «Почему вас только четверо? Где судья Хили?» Оказалось, что впопыхах другие члены комиссии не заметили, что Хили отсутствует. Вскоре выяснилось, что никакой сенсации в этом не было, так как тот просто заснул в своем кабинете. Разбудил его телефонный звонок-вызов, и он, едва протерев глаза, присоединился к остальным, не зная даже, какое принято решение.

Второй вопрос был по существу: «Какие вопросы вы обсуждали и какое место среди них занял вопрос о председателе?» Кеннеди сознательно ответил невпопад: «Мы просто обсуждали политику и всякие подобные вещи. Мы обсуждали десяток вопросов». Кто-то из журналистов повторил вопрос о председателе. Члены комиссии переглянулись. Ответом на вопрос были их общие улыбки. Не произнеся ни слова, Джозеф Кеннеди торжествующе сделал легкий поклон{111}.

О том, что перед этим происходило за закрытыми дверями, можно только догадываться. По всей видимости, Кеннеди приложил немало усилий, всё свое обаяние, показную грубую откровенность, на которую он был способен в случае необходимости, чтобы убедить членов комиссии, что он не просто будет считаться с их мнением, но станет лишь человеком, ведущим заседания комиссии и проводящим решения большинства, что он ни в коем случае не предпримет попыток оказать давление на своих коллег, что он будет искренним и честным проводником «Нового курса».

На следующий день в недорогом открытом ресторане по соседству с помещением, где располагалась комиссия, Кеннеди в узком кругу сотрудников, а также советника Рузвельта Тома Коркорана отпраздновал свою победу. Неизвестно, взял ли Коркоран с собой любимый аккордеон, которым он часто услаждал слух президента и его ближайшего окружения, но то, что звуки торжественного марша звучали в ушах Джозефа Кеннеди, можно считать безусловным.

Мы не будем затруднять читателя рассказом о делах комиссии Кеннеди, как ее почти сразу стали называть. Они были связаны с весьма специфическими и сложными вопросами регулирования фондового рынка, прекращения и предотвращения спекулятивного ажиотажа вокруг ценных бумаг. Во всяком случае, Кеннеди выполнил то обещание, которое дал при назначении, —

он внимательно относился к предложениям членов комиссии, не пытался их переспорить, включая те случаи, когда не был согласен с их мнением. Даже с непримиримым Пекорой установились вполне лояльные отношения. После сомнительного начала, констатировала газета «Нью-Йорк таймс» уже через две недели, комиссия теперь работает «в великолепной гармонии»[112].

Очень быстро *SEC* стала крупной, довольно бюрократизированной организацией, насчитывавшей около семисот служащих. В основном это были опытные профессионалы, подобранные в банках, правовых фирмах, брокерских компаниях, редакциях журналов и газет, специализировавшихся на экономических вопросах. Офисы комиссии были созданы в ряде крупных городов. Началась скрупулезная работа по регистрации ведущих фондовых бирж, которая сопровождалась тщательной проверкой их деятельности на рынке ценных бумаг.

Не привыкший к такому изматывающему повседневному труду, Джозеф всё же постепенно изменял свой образ жизни и приспосабливался к проведению всего рабочего дня в офисе.

Именно в это время особо значительную роль в качестве помощника, советника и исполнителя распоряжений Кеннеди стал играть его старый бостонский друг Эдвард (Эдди) Мур. Эдди, как мы знаем, помогал Джозефу и ранее, в частности во время финансовых операций в Голливуде, был человеком верным до мозга костей, вплоть до того, что исполнял интимные поручения, подбирая Кеннеди молодых и готовых на всё ради карьеры звездочек, а затем выступая посредником в отношениях с Глорией Свенсон[113].

Но теперь Мур стал подлинным деловым помощником Джозефа. Оказалось, что у него есть высокая деловая и организационная сметка, и он был в состоянии освободить Джозефа от значительной части текучки в *SEC*. Сложившаяся ранее дружба оказалась настолько прочной, что, когда у Кеннеди в 1932 году родился последний сын, он, как мы уже знаем, был назван Эдвардом Муром. Теперь же, в *SEC,* Мур-старший стремился в полной мере оправдать ту неожиданную честь, которую оказали ему супруги Кеннеди.

Между прочим, когда Джозеф привлек Эдди к работе в своей комиссии, возник вопрос, как может частное лицо знакомиться с секретными государственными бумагами. Проблема была решена просто. Мур был назначен на правительственную службу с окладом в один доллар в год.

С этим был связан любопытный эпизод. Когда настало время

получения первой зарплаты, Эдди был вручен чек на 88 центов. Оказалось, что по распоряжению Рузвельта в целях экономии зарплата государственным служащим в 1934 году была сокращена на 12 процентов.

Было разыграно показное возмущение. Мур написал письмо протеста личному секретарю Рузвельта Маргарет (Мисси) Лихенд и получил ответное письмо от самого президента, любившего смешные казусы, которое заслуживает быть процитированным: «Я возмущен тем отношением к Вам, которое проявили мои уполномоченные. Я уверен, что Вы заслуживаете полной компенсации в один доллар без каких-либо сокращений за то, что Вы спите после обеда…» Сообщалось, что президент издал специальное исполнительное распоряжение о повышении зарплаты Мура на 25 процентов. «Это повышение больше, чем дается любому государственному служащему, по крайней мере с тех пор, как я вступил в должность, но в Вашем случае я чувствую, что высокие расходы министерства финансов полностью оправданны»{114}.

Это был остроумный обмен посланиями, о котором, надо думать, Джозеф Кеннеди, босс Мура, узнал только после получения письма президента. Ответ его успокоил. Вряд ли он разрешил бы своему подчиненному, даже такому близкому, вольность в виде шуточной жалобы, если бы знал о ней заранее. Ощутимым чувством юмора Джозеф не отличался, зато карьерной осторожности ему было в этот период не занимать.

Возглавив важный, хотя и не первостепенный, государственный орган, Джозеф Кеннеди расширил связи с магнатами прессы и ведущими журналистами. Он и ранее поддерживал тесные отношения с крупными издателями, в частности с У. Хёрстом, которого, как мы знаем, убеждал стать на сторону Рузвельта. Но теперь Джозеф планомерно устанавливал новые контакты, которые зачастую, благодаря его усилиям, превращались в почти дружеские. Достаточно сказать, что в числе таких новых знакомых, к которым Джозеф мог обратиться с личными просьбами, подчас выходившими далеко за рамки его официальных полномочий, стали всемирно известные издатели Генри Люс и Артур Сульцбергер, крупнейший журналист Уолтер Липпман.

Кеннеди внимательно следил за тем, чтобы работа его комиссии и, разумеется, его личная роль в государственном регулировании финансовой деятельности постоянно освещалась такими популярными изданиями, как журналы «Сатердей ивнинг пост», «Американ мэгэзин», «Форчун»{115}. Позже он с успехом использует свои связи с прессой для политического продвижения

сына Джона.

Между тем к весне 1935 года Джозеф Кеннеди пришел к выводу, что он уже смог наладить дела своей *SEC*. Он считал свой пост в администрации недостаточно значительным и колебался между уходом в отставку с возвращением к делам частного бизнеса и переходом на какую-либо другую государственную работу, на которой был бы более заметен. «Правительственной зарплаты едва хватает, чтобы оплатить телефонные счета»{116}, — с оттенком лицемерия и в то же время презрительного отношения к жизни и быту тех, кто жил на государственное жалованье, сокрушался он.

В конце мая Кеннеди принял решение подать в отставку и, судя по его рассказу, отправился в Белый дом, держа в кармане соответствующую бумагу. По дороге, однако, он узнал из газет, что Верховный суд аннулировал одно из важнейших мероприятий «Нового курса» — Акт о восстановлении промышленности, вводивший «кодексы честной конкуренции», — как антиконституционный закон. Сочтя, что вся экономическая политика правительства оказывается теперь под угрозой, полагая, что уход в отставку в складывавшейся ситуации может быть воспринят как дезертирство, он возвратился в свой офис и порвал заявление об отставке{117}. В июле президент назначил его членом комиссии на второй год, и на этот раз он должным образом был переизбран ее председателем без каких-либо проволочек и сомнений.

Вскоре, однако, страсти вокруг вердикта Верховного суда улеглись, и Кеннеди вновь решил уйти в отставку, чтобы, как он написал в заявлении президенту, заняться частным бизнесом. Ясно было, однако, что от Белого дома он ожидает нового, более важного назначения. В его письме Рузвельту говорилось: «Вы знаете, как глубоко я предан вам лично и делу вашей администрации. Согласно этой преданности после отставки с поста председателя Комиссии по ценным бумагам и обменным операциям я продолжал бы считать себя частью вашей администрации». В этих словах с полной очевидностью звучала надежда на получение нового достойного назначения на государственную службу.

Через две недели Рузвельт принял отставку Кеннеди и послал ему письмо, в котором высоко оценил его «способности, знание дела, здравый смысл и верность общественным интересам»{118}. Однако ни о каком новом предложении президент пока не упоминал.

Эта неблагодарность в очередной раз глубоко задела гордого и высокомерного Джозефа, углубила его двойственное отношение

к Франклину Рузвельту, которого он высоко ценил как выдающегося государственного деятеля и в то же время относился к нему с почти нескрываемой завистью и оттенком раздражения.

Но еще больше его раздражала, как он признавался позже, супруга президента Элеонора Рузвельт, которая постоянно, по его словам, требовала, чтобы он «заботился о каких-нибудь бедных ничтожествах», которая посылала к нему всяких «Сюзи Глотц»{119}. В употреблении явно еврейской фамилии применительно к тем, кого направляла к нему (очевидно, для предоставления работы) первая леди, явно ощущались антисемитские наклонности Джозефа Кеннеди.

Надо сказать, что Элеонора Рузвельт раздражала своим поведением, своим вмешательством в государственные дела не только Джозефа Кеннеди, но подчас и собственного супруга, который не раз выговаривал ей за это{120}.

Джозеф возвратился на Уолл-стрит, теперь в качестве высокооплачиваемого консультанта крупнейших корпораций. Среди его клиентов оказалась, в частности, известная кинокомпания «Парамаунт», которая находилась в весьма затруднительном финансовом положении. Доклад Кеннеди с анализом ситуации в этой компании был безжалостным. Он вскрыл огромные, совершенно ненужные траты, нарушение графиков киносъемок, которые вели к простою высокооплачиваемых актеров и дорогостоящего оборудования, легкомысленное отношение к заказу сценариев, приводившее к тому, что каждый второй из них (а средняя стоимость сценария составляла 14,5 тысячи долларов) оказывался забракованным. Доклад завершался выводом о «кумулятивном эффекте этих некомпетентных, неделовых и расточительных поступков»{121}.

Для кинокомпании доклад Кеннеди прозвучал как удар грома. Немедленно собравшийся совет директоров уволил президента, получавшего зарплату 150 тысяч долларов. Новый президент Барни Балабан, который до этого возглавлял дочернюю Среднезападную кинокомпанию, начал реорганизацию. Совет директоров оценил услуги Кеннеди в 50 тысяч долларов, к которым были добавлены 24 тысячи в качестве вознаграждения его помощникам и пять тысяч на текущие расходы{122}.

Хотя возвращение в большой бизнес, казалось, сулило новые успехи, надежда на получение высокого государственного поста не покидала Джозефа. Отлично понимая, что таковой он может получить только из рук президента от Демократической партии, он самым энергичным образом включился в предвыборную кампанию Рузвельта, решившего баллотироваться на второй срок.

Будучи азартным и удачливым коммерческим игроком, Джозеф Кеннеди, по-видимому, с младых ногтей усвоил в общем-то тривиальную истину, что самым надежным вложением капитала, самым удачливым бизнесом может оказаться хорошо рассчитанное участие в политике.

Основным его вкладом в кампанию стала книга «Я за Рузвельта», в которой содержалась высокая оценка его первого президентства, всячески восхвалялся «Новый курс» и доказывалось, что его необходимо продолжать. Книга была написана в сотрудничестве с журналистом Артуром Кроком, причем можно полагать, что именно Крок написал текст, разумеется, после подробного обсуждения содержания с номинальным автором, который затем придал ему свой фирменный стиль.

Особой глубиной работа не отличалась. Это было типично агитационное издание, причем написанное с позиций капиталиста, крупного предпринимателя, который отстаивал мысль о важности рузвельтовской политики для всех слоев населения США, включая большой бизнес. Конечно же Кеннеди стремился представить дело так, что он выставляет на суд читателя беспристрастный анализ деятельности администрации за истекшие четыре года. Во введении говорилось: «У меня нет политических амбиций ни для себя, ни для своих детей, и я представляю эти некоторые мысли о нашем президенте, осознавая свое беспокойство отца по поводу будущего своей семьи и волнение гражданина о том, чтобы факты, касающиеся философии президента, не потерялись в тумане недостойных эмоций»{123}. Эти патетические, хотя и довольно корявые слова никак не подтверждались всем дальнейшим изложением.

Лишь иногда для вида Кеннеди слегка критиковал некоторые мероприятия Рузвельта, в частности перераспределение прибыли концернов, проведенное в 1936 году. В основном же он полностью соглашался с президентом и его администрацией, особенно энергично прославляя элементы плановой экономики, которые тот весьма осторожно пытался ввести. Более того, Кеннеди почти поверил, что частный капитализм может успешно развиваться при широком государственном вмешательстве. Он писал без каких-либо оговорок: «Организованно функционирующее общество требует плановой экономики. Чем более сложно общество, тем более чувствуется необходимость планирования. В противном случае результаты будут носить случайный характер и методы социального контроля окажутся неэффективными. При отсутствии планирования будет преобладать закон джунглей»{124}.

Фрагмент, посвященный планированию, особенно ярко свидетельствовал о крайней поверхностности книги Кеннеди. Ни слова не говорилось о пределах государственного вмешательства, о том, в какой мере будет осуществляться планирование, не явится ли оно фактически национализацией частной экономики. Ни слова не было сказано, какие органы должны быть созданы для осуществления столь грандиозной задачи, чьи реальные интересы обеспечит плановое хозяйство. Хотя внутренне Кеннеди, разумеется, был целиком и полностью на стороне сильных мира сего, он представлял планирование как средство защитить наименее обеспеченные слои населения. А осуществить это можно было только за счет богатых. В этом смысле весьма настораживающе звучало выражение «социальный контроль», который вообще попахивал социализмом, по крайней мере для богатых и малообразованных обывателей. Но так было лишь на первый взгляд.

Книгу можно рассматривать как проявление самой дешевой демагогии. Она появилась, однако, в нужное для Рузвельта время. Каждый из тех, кто читал или хотя бы просматривал ее, обращал внимание на то, что ему казалось наиболее подходящим. Низшие и средние слои общества воспринимали звучные абзацы как намерение Рузвельта в случае вторичного избрания углубить политику «Нового курса» с целью дальнейшей заботы о «забытом человеке». Дельцы Уолл-стрит, полагавшие, что «Новый курс» спас Америку от экономической катастрофы, видели в этом издании необходимый инструмент, способствовавший обеспечению массовой поддержки президента.

Разумеется, республиканцы, да и консервативные демократы, критиковали книгу, издевательски противопоставляя ее содержание деловой практике автора. «Нью-Йорк таймс» обратила внимание на главную уязвимую сторону публикации — призыв к широкому государственному планированию. «Аргументы по поводу федерального планирования и экономического контроля могут привести к тому, что капитализм постепенно превратится в государственный социализм»{125}, — говорилось в критической статье.

Кеннеди послал Рузвельту рукопись своей книги еще до ее издания, но не получил никакого ответа. После выхода работы в свет президенту был направлен экземпляр, еще пахнувший типографской краской. И опять поначалу никакого ответа не последовало. Джозеф напомнил о своем подарке секретарю Рузвельта М. Лихенд, написав в сопроводительном письме к еще одному экземпляру, что он хотел бы узнать мнение Рузвельта. Лихенд положила книгу на рабочий стол президента, приписав:

«Вы должны сделать это». Только 10 октября 1936 года, через несколько месяцев после выхода книги, почти за месяц до выборов, на которых Рузвельт был вторично избран на высший пост, Джозеф, наконец, получил желанный ответ.

Видно было, что Франклин колебался, прежде чем позитивно отозваться о книге (иной отзыв о работе, в которой содержалась всяческая похвала по его адресу, был просто немыслим). «Дорогой Джо, — писал президент, — Я ЗА КЕННЕДИ. Книга великолепна. Она дает реальное представление о том, что происходит в стране. Я от нее в восторге». Вполне удовлетворенный Джо приказал поместить эту записку в дорогую рамку и повесить ее на самом видном месте в гостиной дома в Хайаннис-Порте{126}.

Разумеется, после вступления Рузвельта на президентский пост во второй раз Кеннеди ожидал достойного вознаграждения. И опять ему пришлось проявить выдержку. Вначале был предложен сравнительно невысокий пост — председателя правительственной комиссии по морскому флоту, созданной на основании закона о торговом флоте, принятого в 1936 году.

Собственно говоря, эта комиссия должна была от имени правительства наблюдать за заключением контрактов на строительство торговых судов частными фирмами по заказу судовладельческих компаний. Но дело обстояло не так просто, как казалось на первый взгляд.

С одной стороны, американский гражданский флот находился в очень плохом состоянии, корабли были старыми, их не хватало. Торговые перевозки осуществлялись в основном на иностранных, преимущественно британских судах. С другой стороны, правительство отчетливо понимало, что очаги войны, уже возникшие на Дальнем Востоке и в Европе, развертывание японской агрессии и подготовка нацистской Германии к широкомасштабным агрессивным действиям в конечном итоге не могут не затронуть интересов Америки, несмотря на ее нейтралитет. Даже при проведении изоляционистской политики, невмешательстве в заокеанские конфликты, на чем настаивали республиканские политики да и значительная часть однопартийцев Рузвельта и Кеннеди, США должны были чувствовать себя в безопасности. А для этого, в частности, необходим был мощный торговый флот, а вслед за ним и военно-морская армада.

В этих условиях, когда власти, и законодательные, и исполнительные, открыто объявили судостроение одним из приоритетов, морская комиссия должна была иметь определенный вес, хотя, разумеется, принципиальные вопросы

решались на значительно более высоком уровне.

19 апреля 1937 года Джозеф Кеннеди приступил к исполнению новых обязанностей. Он вновь арендовал тот самый дом в Марвуде, в котором жил в период своей работы в комиссии по ценным бумагам.

Первое задание, которое он получил, состояло в заключении новых контрактов с судоходными компаниями на перевозку правительственных грузов, в частности почты (транспортировка почты рассматривалась как функция административного ведомства главного почтмейстера). Кеннеди обнаружил, что тарифы на перевозку почты носят чуть ли не грабительский характер, но это ранее никого не волновало. Государство платило огромную арендную плату судовладельцам, корабли которых везли за океан незначительные почтовые грузы. Оказывалось, что вместо нескольких крупных кораблей с почтовой партией могло справиться одно не очень большое судно.

Начались трудные переговоры о перезаключении контрактов, срок которых еще не истек. В результате умелых шагов комиссии Кеннеди и в немалой степени понимания судостроительных компаний, что длительная судебная тяжба с правительством потребует огромных расходов с их стороны, удалось договориться о выплате 750 тысяч долларов в счет погашения контрактов вместо 73 миллионов, которые требовали судовладельцы первоначально{127}. Почти стократная экономия государственных средств была отнесена Джозефом Кеннеди на собственный счет, и это в значительной степени было именно так.

В то же время в отношении строительства новых кораблей Кеннеди занял сдержанную позицию. Понимая, что для этого необходимы огромные средства, он не торопился предъявлять соответствующие требования правительственным органам. Сперва надо было разобраться в том, как целесообразно разместить заказы. Выступая в комитете по расходам палаты представителей конгресса, Джозеф удивил многоопытных конгрессменов, которые привыкли к тому, что обычно заинтересованные ведомства буквально вымогали у них большие денежные суммы, просили, так сказать, «с прибавкой», понимая, что получат существенно меньше.

Теперь же они услышали от председателя морской комиссии предложение пока не выделять фонды на строительство кораблей. «Если вы дадите нам деньги, это будет означать обязательство потратить их, а мы не собираемся это делать до тех пор, пока не разберемся, в каком положении находимся»{128}.

Возглавив морскую комиссию, Джозеф Кеннеди столкнулся с еще одной весьма важной сферой общественной жизни. Пожалуй,

впервые со времени вхождения в большой бизнес он был вынужден вступить в контакт с организованными рабочими. Дело в том, что закон, на основании которого была создана комиссия Кеннеди, предусматривал, что в судостроительных доках, с владельцами которых правительство находилось в договорных отношениях, а также на судах компаний, выполнявших государственные заказы, должна быть введена заработная плата не ниже определенного минимума и установлены регулируемые законодательством другие условия труда.

Теперь речь не шла о «кодексах честной конкуренции», принятых по закону о восстановлении промышленности, который был признан Верховным судом антиконституционным. Но всевозможными путями правительство Рузвельта пыталось воздействовать на предпринимателей, с тем чтобы свести к минимуму социальные конфликты, добиться хотя бы элементарной гармонии во взаимоотношениях труда и капитала.

В соответствии с юрисдикцией комиссии, Кеннеди, пообещав, что он будет в этом вопросе «честным, справедливым дельцом», начал расследование положения рабочих в доках и матросов на кораблях. Он буквально пришел в ужас от того, что узнал. Во всяком случае, так о своих эмоциях он уже через месяц после назначения рассказывал журналистам. Он говорил даже, что по соображениям безопасности никогда больше не разрешит членам своей семьи плавать на американских кораблях.

Оказалось, что на суда набираются матросы, имевшие низкую квалификацию или вовсе не имевшие опыта, так как получаемое ими жалованье было катастрофически низким. Этим и объяснялись частые, хотя и продолжавшиеся обычно краткое время, забастовки моряков. «Вы можете иметь первоклассных матросов на торговых судах второго класса, но морякам второго класса не могут быть доверены первоклассные корабли»{129}.

Следя за тем, чтобы в доках и на судах вводились установленные государством условия труда, Кеннеди в то же время не раз вступал в конфликты с профсоюзными лидерами, особенно из образованного в 1935 году Комитета производственных профсоюзов (в 1938 году он объявит себя самостоятельной профсоюзной организацией — Конгрессом производственных профсоюзов — КПП, противостоявшим традиционной консервативной Американской федерации труда — АФТ). Их требования о всё новых и новых повышениях зарплаты Кеннеди принимал в штыки, встречая недовольство даже со стороны министра труда Френсис Перкинс, единственной женщины в правительстве Рузвельта, которая настойчиво требовала улаживания конфликтов на условиях, благоприятных

для профсоюзов.

Руководителя морской комиссии как-то посетил генеральный организатор Национального союза моряков, входившего в состав КПП, Джо Кёррен, который вел себя ультимативно, если не сказать вызывающе. Кеннеди выпроводил профдеятеля, отказавшись выполнить все его категорические претензии. Тот немедленно пожаловался министру. В офисе у Кеннеди раздался телефонный звонок. Звонила мисс Перкинс. «Джо — хороший парень», — сказала дама-министр, имея в виду, разумеется, не своего собеседника, а его тезку-профлидера. «Нет, судя по моим сведениям, он не таков, — последовал ответ, — и не посылайте ко мне больше подобных бездельников, которые пытаются объяснить мне, в чем состоят мои обязанности»{130}.

Ссоры с Кёрреном, которому покровительствовала мисс Перкинс, продолжались. Этот наглец объявлял даже, что снимет скальп с Кеннеди и сделает это скоро{131}.

Председатель морской комиссии, однако, оставался жестким в своих общениях с профсоюзными боссами, но в ряде случаев вынужден был идти на удовлетворение требований моряков и рабочих-судостроителей. Посещая корабли и доки, он говорил с рабочими и матросами на понятном им, простом языке, в ряде случаев убеждая обе конфликтующие стороны пойти на соглашение.

Самолетом он совершил рейс на западное побережье, в город Сиэтл, где забастовка судостроительных рабочих увенчалась локаутом, то есть увольнением с работы всех, принимавших участие в стачке. Выступая перед раздраженными и почти отчаявшимися рабочими, он убеждал: «Я не знаю, черт побери, чем мы окончим всё это, если будем продолжать всё, как есть. Каждый знает, что судостроительный бизнес вшивый… Каждый знает, что американский торговый флот сейчас в беде — или он получит больше капитала, или он окажется в собственности государства… Каждый почувствовал бы большую радость, если бы мы договорились»{132}. В результате конфликт завершился компромиссом.

И всё же, хотя Джозеф Кеннеди добивался в морской комиссии определенных успехов и работал с полной отдачей, он был недоволен тем постом, который занимал. Он считал, что закон о торговом флоте работает плохо, что его положения не способствуют реальной заинтересованности со стороны судостроительных компаний. Выступая на заседании комиссии палаты представителей по торговому флоту в начале декабря 1937 года, он констатировал, что с тех пор, как был издан закон, со стапелей сошел только один корабль. Судостроительная

индустрия находится в полном загоне, заключал он.

Некоторое удовлетворение Кеннеди получал, когда его приглашали в Белый дом и особенно в частные президентские резиденции — в особняк в родном городке Рузвельта Гайд-Парке (штат Нью-Йорк) или в Уорм-Спрингс в штате Алабама, где больной полиомиелитом Рузвельт принимал целебные ванны.

Президент внимательно выслушивал мнение Кеннеди по вопросам экономики, тем более важное в условиях, когда в 1937 году вновь начался хозяйственный спад, не столь катастрофический, как Великая депрессия, но всё же существенно отразившийся и на жизненном уровне простых американцев, и на делах большого бизнеса. Кеннеди помышлял о крупном государственном посте, однако его надежды, что в конце концов он получит министерский портфель, успехом так и не увенчались.

По мнению президента, назначение такого рода вызвало бы раздражение в кругах радикальных сторонников «Нового курса», да и сам Рузвельт полагал, что Кеннеди не следует предоставлять столь влиятельную позицию в кабинете, так как он может «повести финансы по своему собственному пути, вопреки моим планам и точке зрения»{133}.

В Белом доме, однако, были влиятельные люди, которые считали целесообразным каким-то иным способом удовлетворить политические амбиции неуемного финансиста. Сам Кеннеди умело подкупал этих людей, разумеется, не прямым способом, а принимая их на отдыхе в своем роскошном доме во Флориде. В середине 1930-х годов Палм-Бич посещал сын Рузвельта Джеймс с супругой, что было особенно важно, так как после смерти Луиса Хоува в 1936 году Джеймс стал официальным сотрудником своего отца, выполняя разного рода обязанности «связного» между Белым домом и неправительственными государственными агентствами (включая комиссию Кеннеди). Бывала здесь и М. Лихенд — личный секретарь президента, по свидетельству ряда наблюдателей, состоявшая с ним в интимной связи.

Видимо, именно эти влиятельные люди обратили внимание гостеприимного хозяина на то, что возникает достойная вакансия за рубежом. Подал в отставку тяжелобольной посол в Великобритании Роберт Бингхем. Узнав о том, что отставка будет принята, Джозеф уведомил Джеймса Рузвельта, что он был бы заинтересован в соответствующем назначении, а тот передал это своему отцу.

Кеннеди был действительно чрезвычайно заинтересован в получении посольского поста. В его представлении, да и по мнению многих компетентных людей, место посла в Великобритании являлось даже более почетным, чем любое

министерское назначение. Хотя США постепенно оттесняли эту страну с первого места в мировой экономике и политике, островная империя продолжала оставаться самым мощным государством Европы, оказывая и непосредственно, и через свои доминионы и колонии огромное влияние на положение дел во всем мире. Должность посла США в Великобритании с полным основанием рассматривалась как самая высокая американская зарубежная дипломатическая позиция. Негласно он был первым среди равных и во всем дипломатическом корпусе, аккредитованном в этой стране (хотя официально дуайеном дипломатического корпуса по традиции являлся папский нунций).

Джозеф понимал, что, если он получит желанное назначение, его и после отставки до конца дней будут, согласно американской традиции, именовать «господин посол» (что, заметим, и произошло).

Взвесив все за и против, президент счел кандидатуру подходящей. С одной стороны, он чувствовал себя в долгу перед Кеннеди в связи с его энергичными выступлениями во время избирательной кампании. С другой — кандидат соответствовал главным требованиям: он был членом Демократической партии, поддерживал хорошие личные отношения с президентом и мог служить скорее не как представитель Государственного департамента, а в качестве личного эмиссара Белого дома (Рузвельт предпочитал назначать на наиболее ответственные зарубежные посты людей, лично с ним связанных, предоставляя им право прямой переписки с Белым домом, минуя Госдепартамент). Наконец, немалую роль играло и богатство Кеннеди. Зарплата посла составляла всего 17,5 тысячи долларов в год плюс 4,8 тысячи на официальные приемы. Эта вторая сумма была смехотворной — ее едва бы хватило на один-два банкета в посольстве. Необходим был такой посол, который смог бы и был бы готов тратить на государственные нужды личные средства. Кеннеди, обладавший большим состоянием и жаждавший теперь общественной популярности, был подходящим кандидатом в этом отношении. Расходовать свои деньги на представительские дела ему, как показал последующий опыт, не нравилось, но он готов был с этим мириться, считая, что вкладываемые средства в конце концов вполне окупятся.

У него, правда, не было никакого дипломатического опыта, не было каких-либо серьезных знаний международной ситуации. Да и манеры будущего дипломата, тем более направляемого к британскому королевскому двору, оставляли желать лучшего. Рузвельт, однако, счел, что и эти недостатки можно будет

обыграть с пользой для своей политики. Пусть новый посол покажет, что Америка — страна демократическая, пусть он продемонстрирует высокомерным, гордым английским лордам простоту нравов. В любом случае он будет исполнять то, чего от него потребует Белый дом.

Сомнения же Госдепартамента вызывало то, что впервые в истории послом в Великобританию будет направлен католик, да еще ирландского происхождения. Опасались, что это вызовет недоброжелательное отношение к новому послу со стороны британского высшего света, принадлежавшего к англиканской церкви и считавшего ирландцев нацией второго сорта. Однако и это возражение Рузвельт отверг, считая, что британцам следует показать широту американских нравов и в религиозном смысле.

Джо-младший и Джон в кругу семьи и в учебных делах

Став жителем столицы, Джозеф Кеннеди поселился в пригороде Вашингтона Марвуде, где снял в лесистой местности соседнего штата Мэриленд роскошный особняк с двадцатью пятью комнатами, в которых, помимо его семьи и прислуги, располагался и он сам; часть комнат занимал его верный помощник Эдди Мур. Лишь изредка приглашались гости, для приема которых в полуподвальном помещении был оборудован кинозал на 100 мест. Собственно, в гости приглашались люди нужные. Наиболее частыми среди них были члены «мозгового треста» Джеймс Фарли и Том Коркоран, которые были особенно близки к Рузвельту, личные секретари президента Мисси Лихенд и Грейс Тулли, видный журналист Артур Крок, близкий к Белому дому.

Более того, иногда в Марвуде появлялся и сам президент. Он любил посмотреть только что вышедший на экраны кинофильм, после чего между хозяином и высоким гостем шла беседа, иногда не вполне гладкая, но всегда дружелюбная. Артур Крок замечал: «Оба они постоянно спорили по поводу законов и политики, и президент слышал больше возражений, чем согласия, со стороны председателя *SEC*. Но он консультировался с мистером Кеннеди по всем вопросам, и когда спор заканчивался, он и его советник отдыхали, как два школьных товарища»[{134}]. Можно в то же время предположить, что благоволивший к Кеннеди Крок преувеличивал близость между президентом США и государственным чиновником.

С 1933 года Кеннеди владел четырьмя имениями. Основным местом жительства в Нью-Йорке оставался дом в Бронксвилле. Летней резиденцией был особняк в Хайаннис-Порте. После

рабочего дня Джозеф проводил время в окрестностях Вашингтона, в Марвуде. Но всего этого ему казалось мало. Для удобства семьи он решил обзавестись еще одним жилищем в субтропическом климате, где семья могла бы проводить зимние месяцы, которые в Новой Англии считались суровыми. Избран был курортный городок Палм-Бич на полуострове Флорида примерно в 100 километрах к северу от Майами — самого крупного города в штате того же названия, что и полуостров.

Мягкий субтропический климат с сухой зимой, великолепный городок с архитектурой, копировавшей средиземноморскую, привлекал сюда многих богатых американцев. Кеннеди не избежал соблазна и купил здесь сравнительно дешево, за 100 тысяч долларов, дом, который, впрочем, пришлось перестраивать, так как шесть спален в нем не устраивали семью, состоявшую в начале 1930-х годов уже из одиннадцати человек (родителей и детей).

К дому примыкал крупный зеленый участок, выходивший на океан. Имение располагалось на бульваре Норс-Оушен, который местные жители называли Аллеей миллионеров. Джозеф хвастал, что ему удалось купить дом очень выгодно, так как его владелец, обедневший в результате депрессии, крайне нуждался в деньгах. При этом, правда, Джозеф никогда не упоминал, что имение выглядело, пожалуй, бедновато по сравнению с поместьями миллиардеров по соседству.

Так или иначе, но теперь семейство Кеннеди совершало переезды на Рождество и на Пасху в Палм-Бич, а на жаркие летние месяцы в Хайаннис-Порт, где было сравнительно прохладно{135}.

С годами Джозеф становился всё бо́льшим семьянином. Он завидовал Рузвельту, который мог проследить развитие своей династии на много поколений назад. Знавший только два поколения своих предков, Кеннеди стремился создать свою собственную династию, в которой он мог бы чувствовать себя отцом-основателем, а сыновей и дочерей — достойными продолжателями рода.

Наступит время, когда один из сыновей Рузвельта, к тому же носивший имя отца, будет на первичных выборах в штате Виргиния агитировать за кандидатуру Кеннеди-сына на президентский пост, а затем получит второстепенную должность в администрации Джона Кеннеди. Можно представить себе, как будет льстить это Кеннеди-старшему.

Пока же Джозеф и его супруга прилагали все силы к тому, чтобы обширная семья развивалась как единое целое под бдительным оком родителей и прежде всего отца. Правда,

Джозеф в период работы в Вашингтоне бывал в родном доме нечасто, но тем памятнее для детей становились его приезды.

У родителей проявились совершенно неожиданные, никем им не внушенные, нигде не выученные педагогические способности. Они просто жили жизнью своих детей, оказывая на них влияние и своим примером (отнюдь не всегда благотворным), и советами (подчас далеко не бесспорными), но последние почти никогда не делались напрямую, тем более не принимали форму прямых требований.

Разумеется, такая педагогическая стратегия вступала в действие только по достижении детьми определенного возраста — когда они становились подростками. Роза рассказывала: «Много лет назад мы решили, что наши дети должны быть нашими лучшими друзьями и что мы никогда не будем требовать от них слишком многого… Кеннеди — это самодостаточная группа. Если кто-то из нас хотел поплавать под парусами, или сыграть в гольф, или пойти погулять, или просто поболтать, всегда найдется другой Кеннеди, готовый к нему присоединиться»{136}.

Надо признать, что Роза здесь, по существу дела, пересказывала воззрения и догматы своего супруга, которым следовала неуклонно, хотя подчас с определенной творческой переработкой (в основном это касалось религиозного воспитания). О самом Джозефе биограф его сына-президента уместно заметил: «Во многих отношениях он был великолепным детским психологом, исподволь оценивая силы и слабости каждого ребенка. Определив потенциал ребенка, он настойчиво добивался его выполнения»{137}.

При этом семья во многом следовала рецептам и воспитательным модам того времени, которые обильно трактовались в популярной педагогической литературе, в частности, в книгах Джона Уотсона («Психологическая забота о новорожденном и маленьком ребенке»{138} и др.), считавшихся воспитательной библией 1920—1930-х годов XX века. Одной из главных заповедей этого автора была строгость воспитания — никаких объятий, никаких поцелуев, которые не только могут принести ребенку инфекцию, но и портят его морально, скупое поощрение, если ребенок делает то, что необходимо, и нахмуренный взгляд, если совершен проступок, — таковы были некоторые заповеди Уотсона, которым послушно следовали Джозеф и Роза.

В своих воспитательных усилиях родители подчас бывали почти жестокими. Они добивались от детей своего рода стоицизма, умения скрывать боль и тем более недовольство и

разочарование. Жалобы, если они не были связаны с действительно серьезными заболеваниями, решительно отвергались. Услышав, что кто-то из детей заплакал, Джозеф обычно начинал хлопать в ладоши с возгласом: «Никакого рева в доме!»{139}

Как уже упоминалось, формирование семьи было завершено в феврале 1932 года, когда на свет появился последний сын, названный Эдвардом, которого почему-то домашние называли Тед или еще более ласкательно Тедди. В честь рождения нового ребенка Джозеф по дешевке продал яхту под названием «Тен» (что означало «предназначенная для десяти»), рассчитанную на десять пассажиров, и купил новую, значительно более просторную, которую наименовал «Уанмор» («одним больше»).

Удивительно, как в этом человеке сочетались такие качества, как хвастовство, примитивный вкус, готовность наговорить всякую чушь, если он считал это выгодным, супружеская неверность, с искренней заботой о семье, вниманием к детям, стремлением помочь им стать самостоятельными и ответственными личностями. Каким-то мостиком, связывавшим эти противоречия, было его страстное желание сделать клан Кеннеди знаменитым, добиться, чтобы дети вышли на самые передовые позиции в обществе. Так что бездушное поведение Джозефа по отношению к старшей дочери, когда стало ясно, что ее умственная отсталость неизлечима, не противоречит в общем внимательному и заботливому отношению к членам семьи. Розмари была вычеркнута из ее списка, и всё шло по-прежнему.

Биограф приводил слова Джозефа, сказанные им в одном из интервью: «Важны даже мелкие вещи. Когда Джек (имелся в виду Джон. — *Л. Д., Г. Ч.)* и Джо были еще детьми, когда они играли в баскетбол или футбол или когда девочки участвовали в какой-то школьной игре, независимо от того, где я был в это время — в Вашингтоне, на западном побережье или в каком-то другом месте, и как бы я ни был занят, я отправлялся домой, чтобы посмотреть, как они справляются [со своим делом]. В результате они понимали, что я заинтересован, действительно заинтересован, и когда я им что-то говорил, это означало для них нечто»{140}.

Конечно, это было откровенное вранье — никогда Кеннеди не мчался из Калифорнии или даже из Вашингтона в свое имение только для того, чтобы посмотреть на спортивные достижения своих детей, — он был человеком, занятым делом, да и гражданская авиация не была такой развитой, чтобы позволить ему частые дальние путешествия. Имея в виду численность семьи и частоту игр, ему пришлось бы всё время находиться в пути.

Но влияние своих слов, своего мнения на детей он не преувеличивал — когда дети были еще в раннем возрасте, они слушались его безоговорочно, когда же они подрастали, у них начинало формироваться собственное мнение. Но подлинного конфликта между поколениями в семье Кеннеди никогда не было. Даже выросшие дети всегда внимательно прислушивались к мнению отца и к предостережениям матери.

Что же касается взаимоотношений родителей, то умеренная любовь, которая связывала Джозефа и Розу в первые годы их брака, со временем совсем потускнела, уступив место взаимно удобному, удовлетворяющему обе стороны сотрудничеству в воспитании детей в соответствии с католическими догматами и практической сметкой, в их жизненном и карьерном продвижении. Американский историк Дорис Гудвин пишет: «Они превратили семью в объект своего согласия, инструмент своей общности. Вместо того чтобы жить друг для друга, как это было, когда они были молодыми любовниками, они теперь жили для детей и каждый для себя»{141}. Можно, правда, усомниться, что Джозеф и Роза жили «друг для друга» в юности, но в остальном с этим суждением можно согласиться.

Когда подросли старшие сыновья, встал вопрос, где им учиться.

К подростковому возрасту сравнительно четко определились черты сходства и различия между Джозефом-младшим (самым старшим сыном) и Джоном (вторым по возрасту). Джо был рослым, мускулистым, уверенным в себе, стремился доминировать над окружающими, диктовать им свою волю. В то же время он заботливо опекал своих младших братьев и сестер, являясь как бы «передаточной инстанцией» родительской воли по отношению к остальным членам семейства.

Джон был стройным, хрупким, болезненным. Но и он энергично участвовал в разного рода спортивных и других состязаниях, стремясь превзойти результаты старшего брата (как правило, безуспешно). Подражая Джо, он, в свою очередь, «воспитывал» сестер и особенно младших братьев Роберта и Эдварда (надо иметь в виду, что Тед был младше Джона на 15 лет).

Джон развивался физически, но не был таким атлетом, каким постепенно становился Джо. Зато он стал книгочеем. Этому, скорее всего, способствовали частые болезни, которые заставляли его неделями находиться в постели. В этих условиях книги становились его главным развлечением.

Вначале Джон читал обычные детские книги Киплинга, Бичер-Стоу, Стивенсона, Купера. С огромным удовольствием он

погружался в британскую «рыцарскую» литературу, особенно любил книгу Элис Хэдфилд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Позже настал черед исторической литературы, особенно биографий великих деятелей, которые Джек также самозабвенно поглощал.

Оба брата уже в самом юном возрасте примеривали на себя «одежды героев», прежде всего великих политиков и полководцев. Но Джо стремился готовить себя к такой роли главным образом жесткой дисциплиной, физическим совершенствованием, исправным выполнением своего долга. В то же время Джек особой дисциплиной и соблюдением правил не отличался. Зато он впитывал в себя книжные знания и развивал свою память, аргументацию, умение спорить.

Любознательность, в совокупности со своеобразным мышлением, легко отвергающим самые могучие авторитеты, проявились у Джона еще в раннем возрасте.

Свято верившая в католические догматы Роза пыталась привить своим детям такую же бездумную веру. Джо обычно не уклонялся от материнских указаний, скорее всего просто стремясь не портить себе жизнь. Джек же не раз оказывался в неудобной ситуации. Однажды, когда он еще был маленьким ребенком, мать повела детей в церковь и потребовала, чтобы они, молясь, просили Бога дать им счастливую смерть. Возвратившись домой, Джон признался, что он не выполнил материнской воли — просил, чтобы Господь вместо счастливой смерти подарил ему двух собачек. В другой раз мать рассказывала детям о последних днях Иисуса, о том, как он поднялся в Иерусалим, сидя на осле, о последовавшей затем Тайной вечере, о распятии и т. п. Закончив рассказ, Роза попросила детей задавать вопросы. Каково же было ее удивление и негодование, когда Джек поинтересовался: «А что произошло с ослом?»{142}

Когда в семье стал обсуждаться вопрос о прекращении домашнего обучения и поступлении в учебное заведение, Роза выказывала предпочтение католической школе, Джозеф же был уверен, что дети будут наилучшим образом подготовлены к разнообразным жизненным ситуациям, тем более к будущей карьере, если будут учиться в светском учебном заведении.

Был достигнут компромисс: мальчиков решили отдать в общеобразовательную школу, разумеется частную, дававшую хорошее образование, в отличие от так называемых «общественных школ» — бесплатных, финансируемых государством или штатами, но, как правило, обучавших своих воспитанников весьма посредственно.

Девочек же предполагалось учить в школе католической.

Впрочем, и частные школы светского характера не были полностью избавлены от религиозного воспитания. По умолчанию, они в основе своей были протестантскими в том смысле, что прививали ученикам нормы и мораль этой сферы христианского миросозерцания. В полном смысле слова нерелигиозных или, тем более, антирелигиозных школ в США не было, как нет их и в настоящее время. «Ничего плохого в католических школах не было, — вспоминал Джозеф Кеннеди на закате лет. — Но я полагал, что мальчики могут получить всё, связанное с религией, что им было необходимо, в церкви и что посещение ими протестантской школы расширит их [знания]»{143}.

Надо сказать, что нежелание посылать сыновей в католическую школу было проявлением настойчивого стремления Джозефа Кеннеди, чтобы его, а значит и его семью признали стопроцентными американцами. Он не скрывал, да и не мог скрыть своего ирландского происхождения, но стремился убедить общество (и самого себя) в том, что с родиной предков его уже ничего не связывает. Он как бы предвидел, что настанет время, когда ему придется представлять интересы своей страны в Великобритании, самым непосредственным и весьма сложным образом замешанной в ирландские дела, и там ему необходимо будет демонстрировать в этом вопросе полную незаинтересованность.

«Я родился здесь. Мои дети родились здесь. Что еще, черт побери, я должен сделать, чтобы быть американцем?»{144} — говорил он с негодованием.

Между прочим, такой «интернационализм» у Кеннеди самым откровенным образом сочетался с убеждением в необходимости сегрегации негров и неприязнью к евреям. Собственно говоря, он выбрал Бронксвилл в качестве места своего жительства в Нью-Йорке, в частности, потому, что в этот консервативный район решительно не допускались цветные и ставились всяческие препятствия для евреев, желавших там купить или снять жилье.

В выборе учебных заведений для своих сыновей Джозеф не был последовательным. Джо отдали в привилегированную частную школу Чоэйт (штат Коннектикут), которую посещали дети многих знакомых бостонских богатых янки. Когда же Джон приблизился к тринадцатилетнему возрасту, он был отправлен в тот же штат Коннектикут, но в католическую школу Кентербери. Трудно сказать, почему было принято такое решение. Видимо, отец уступил настоянию матери. Сказалось и стремление семьи, чтобы сыновья учились поблизости друг от друга, но отдельно. На этом, скорее всего, настаивал Джон, который стремился

избавиться от патроната старшего брата.

По всем внешним признакам Джо и в школьные годы превосходил младшего брата. Он великолепно учился, продолжал наращивать свои мускулы и легко побеждал в разных видах спорта. Джон был стройным юношей, но не обладал физической силой, подобно Джо-младшему, и как прежде часто болел. Роберт вспоминал: «По крайней мере, половину своих дней он чувствовал острую физическую боль. Когда он был еще маленьким, у него была скарлатина. Когда он стал старше, у него возникли острые проблемы со спиной. В промежутке он болел всеми возможными болезнями. Но никогда я не слышал от него жалоб. Никогда он не упоминал, что Бог поступил с ним несправедливо»{145}.

Учился Джон прилично, но не блистал успехами ни в классе, ни в коллективных играх, предпочитая в неурочное время не заниматься спортом или готовиться к занятиям, а читать книги. К тому же ему всё еще с трудом подчинялась грамматика родного языка, особенно правила правописания. Письма родным во время учения в Кентербери были полны ошибок{146}. Он отлично запоминал то, что было ему интересно, и с огромными трудностями усваивал скучные школьные уроки, особенно такие, где надо было просто запоминать правила, не содержавшие никаких логических выкладок, а существовавшие в качестве аксиом. Элементарные грамматические ошибки, разбросанные в письмах и других документах, преследовали Джона на протяжении всей его жизни. К сожалению, повторим, примеры здесь привести невозможно, ибо для этого пришлось бы обильно цитировать тексты на английском языке.

В то же время задания по английской и американской литературе он выполнял успешно, стремился разобраться в образах и идеях мастеров художественного слова, в философии литературных тем, сюжетов, персонажей.

Видимо, по той же причине, по которой он писал не очень грамотно на родном языке, Джон с огромным трудом справлялся с латынью, со склонениями и спряжениями этого языка, с массой исключений. Их надо было просто зубрить, а делать это юный Кеннеди не умел и не хотел. Школьный руководитель даже предупреждал отца, что Джон может провалить экзамен по латинскому языку и не перейти в следующий класс. С огромным трудом это препятствие удалось преодолеть{147}.

Джон пытался догнать старшего брата, но это никак не получалось. В письмах домой он подробно описывал свои сражения на футбольном поле, удачные удары, синяки, которые были результатом самоотверженных бросков, но представляется,

что в этих описаниях была немалая доля преувеличения.

Перед пасхальными каникулами 1931 года, проведя в школе неполный год, Джон почувствовал внезапную боль в животе. Оказалось, что у него острый приступ аппендицита. Срочная операция, а затем длительное выздоровление подростка, не обладавшего высокой выносливостью и с трудом преодолевавшего последствия хирургического вмешательства, положили конец обучению в католической школе. Правда, учитывая болезнь, школьное начальство решило освободить его от экзаменов, выдав свидетельство о завершении учебного года.

Несмотря на сопротивление Джона, отец зачислил его на следующий год в ту же самую школу Чоэйт, в которой находился старший брат.

Теперь, когда братья учились вместе, хотя и в разных классах, еще более проявились преимущества Джо. В противоположность организованному, дисциплинированному, добивающемуся постоянных успехов старшему брату Джон выглядел расхлябанным и чуть ли не ленивым. Классный наставник писал родителям: «Джек занимается в последнюю минуту, опаздывает с выполнением заданий, он не очень ощущает, что такое материальные ценности, и часто теряет свои вещи»[{148}].

В ответ на такого рода жалобы отец посылал второму сыну письма со сдержанными упреками, стремясь поставить ему в пример брата, но в то же время стараясь щадить самолюбие Джона.

Если Джо-младший показывал высокие результаты и во время входивших в моду проверок способностей, и на разного рода учебных тестах и экзаменах, то достижения Джона почти всегда выглядели противоречивыми. Его *IQ (Intelligence Quotient)* — тест по определению умственных способностей и сообразительности — был высоким (обычно он был в числе двадцати процентов лучших школьников, подвергавшихся этой проверке). Но тест отнюдь не свидетельствовал о фактических успехах в обучении, которые, как правило, были посредственными. Многие педагоги и психологи и сегодня считают этот пресловутый *IQ* искусственным, бюрократическим, не отражающим действительные способности личности.

Учитель французского языка Дэвис жаловался, что он применял разные средства (кроме физического насилия), чтобы заставить Джека, который ему очень нравился, хорошо учиться. Но ничего не получалось. Дэвис продолжал: «Его работы написаны хаотически, и он вечно забывает то книгу, то карандаш, то свою работу»[{149}].

Как и старший брат, Джон состоял в спортивных командах

школы, но скорее по необходимости — и потому, что этого требовали школьные нравы, и для того, чтобы попытаться догнать Джо. Как первоклассный футболист Джон так и не состоялся. Джо продолжал обгонять его в спорте, став не только отличным игроком, но и капитаном футбольной команды. К тому же он был избран вице-председателем Общества Святого Эндрю, занимавшегося благотворительностью.

По требованию руководства школы Джон, проявивший недостаточные знания по ряду предметов на первом году обучения, провел значительную часть летних каникул 1932 года в «летней школе», в которой дополнительно занимались слабо успевавшие ученики. Уроки по математике, французскому языку и латыни дали ему возможность благополучно перейти в следующий класс{150}.

Второй год в Чоэйте был для Джона более успешным. Преподаватели отметили его достижения в изучении английского языка, в частности, умение быстро читать и хорошо понимать прочитанное, связно и логично писать (хотя по-прежнему с немалым числом грамматических ошибок).

Джон с удовольствием читал произведения английских и американских поэтов. Особенно ему нравились стихи Роберта Фроста. Учитель литературы Гарольд Тинкер вспоминал, что, когда он цитировал Фроста, лицо ученика расплывалось в улыбке. В ответ на вопрос, что именно ему нравится в стихах поэта, Джон ответил односложно: «Его оптимизм»{151}. В то же время всё больший интерес подростка вызывала историческая литература, особенно биографии знаменитостей, которые он поглощал, не отрываясь, не слыша и не видя, что происходит вокруг. Вслед за этим постепенно вырабатывался интерес к текущим событиям, а в связи с этим и к газетной информации, в которой, впрочем, ему еще трудно было отличить правду от вымысла. Критическое отношение к прессе придет лишь с годами.

При стобалльной системе оценок к концу второго года Джек получил 81 — по английскому, 71 — по алгебре, 73 — по французскому и 69 — по латыни{152}.

Школа Чоэйт, расположенная недалеко от города Нью-Хейвен, считалась аристократическим учебным заведением, готовившим питомцев к поступлению в элитные университеты — Гарвардский, Иельский, Принстонский. В ней учились будущие известные люди, среди них писатель Джон Дос Пас-сое и поэт Ален Лёрнер, видный деятель Демократической партии Эдлай Стивенсон — выдвигавшийся после Второй мировой войны в президенты и служивший представителем своей страны в ООН.

Ученики жили в небольших коттеджах, которые

одновременно служили местом самостоятельных занятий и общественных мероприятий. За обитателями каждого коттеджа наблюдал наставник, который поддерживал связь с родителями.

Когда же сыновья приезжали домой на каникулы, они оказывались под командой и опекой отца и матери, которые по-прежнему продолжали держать их в строгости.

Внешне спокойная и рассудительная Роза порой прибегала к экстраординарным и не вполне заслуженным ее детьми методам воспитания, которые, однако, те воспринимали без признаков непослушания или раздражения. Р. Вейлен в одном из интервью узнал о следующем эпизоде в Хайаннис-Порте, когда Джон — уже подросток — вмешался за обедом в разговор между матерью и одной из своих сестер. Девочка сообщила, что увидела в магазине красивое пальто и попросила купить его. Джон саркастически заметил, что у нее и так полный шкаф верхней одежды — зачем еще одно пальто? Холодно посмотрев на сына, Роза заявила: «Оставь стол, пойди в свою комнату, скажи сто раз, что ты должен заниматься своими собственными делами, а затем возвращайся». Ни слова не говоря, Джон оставил столовую и возвратился через пять минут. Вряд ли он повторял сказанное матерью, но то, что ни малейшего возражения по поводу своеобразного наказания у него не возникло, показательно само по себе.

Такая манера поведения была характерна не только для Джона. В доме существовали жесткие правила, которые воспринимались всеми детьми. Когда они находились дома во время каникул, им следовало возвращаться с прогулок, как только стемнеет. Время еды было жестко обозначено, и все дети должны были сидеть за столом за пять минут до установленного часа, ожидая прихода родителей.

Было принято, что старшие дети обязаны подавать пример младшим, а последние следовать их образцу. Хотя разница в возрасте между самым старшим и самым младшим братьями составляла 17 лет, все дети воспитывались в духе общности, ответственности друг за друга, взаимной поддержки перед внешним миром.

При этом особенностью воспитания была передача мнений и даже распоряжений по цепочке сверху вниз. Если отец или мать хотели что-нибудь внушить кому-то из детей, они часто не обращались к нему или к ней прямо, а просили передать рекомендацию или мнение так, чтобы совет исходил от родного брата или сестры. Точно так же «по нисходящей» передавались спортивные навыки и методы подготовки к школьным урокам, характер общения и т. п. Старший сын учил младшего плавать, ходить под парусом, играть в футбол и теннис, а тот передавал

эти умения следующим за ним брату и сестре.

Подчиняясь в основном старшему брату, набираясь у него опыта, знаний, умения вести себя, Джон всё же часто испытывал раздражение по отношению к Джо-младшему. Ему казалось, что тот слишком требователен, что он не считается с его мнением и даже достоинством, хотя разница в возрасте — два года — была небольшой. «Позже всё как-то сгладилось, — вспоминал Джон, — но в детстве это была проблема»{153}. Сопротивляясь нажиму со стороны Джо, который подчас бывал грубым и резким, Джон учился самостоятельности, свободному выражению своих мнений и желаний, и это свойство закреплялось с годами.

Спортивные состязания, уроки танцев, занятия с учителями — «рабочий день» детей был расписан с утра до вечера буквально по минутам. Юнис Кеннеди вспоминала, что дети подчас выражали недовольство столь строгим режимом, «но мы развивали свои умения, и это стало нашим достоянием»{154}.

Бывали случаи, однако, когда родители теряли самообладание, толи испытывая крайнее недовольство поступком кого-то из своих чад, то ли находясь в дурном расположении духа.

В этом случае следовали не просто суровые упреки, а откровенная ругань в адрес того, кто попал под горячую руку. Так что идеальными воспитателями, тем более пользовавшимися какими-то научными методами, супруги Кеннеди отнюдь не были.

Дети побаивались отца и в то же время постоянно стремились заслужить его одобрение, обращаясь к нему как к высшему арбитру. При этом неизменно подчеркивалось, что жизнь — это борьба, что в борьбе побеждает сильнейший, что надо быть всегда первым, а оказаться на втором месте — значит проиграть бой. Джозеф-старший не гнушался банальностей, которые повторялись настолько часто, что стали притчей во языцех. Он любил, например, ходкое выражение: «Когда идущий держится твердо, твердость сама ведет вперед» (это выражение в переводе звучит не столь выразительно, как в английском языке: «When the going gets tough, the tough gets going»){155}. Будучи натурой, иногда сдерживавшей свои чувства, а иногда полностью им отдававшейся, Джозеф-старший не скрывал недовольства, когда во время спортивных соревнований дети, по его мнению, не работали до изнеможения. В таких случаях он их презрительно укорял; наблюдались и эпизоды, когда провинившегося в качестве наказания отправляли обедать на кухню{156}.

Может показаться удивительным, но и в переходном, «протестом», возрасте дети не просто мирились с таким

вмешательством в их личные дела, но воспринимали его как само собой разумеющееся.

Почти все дети Джозефа и Розы оставили воспоминания, в которых выражали благодарность родителям и всему семейному кругу за заботу, за воспитание, за узы близости и взаимной преданности, которые их связывали. Юнис говорила: «Что из того, что у тебя была какая-то небольшая проблема? Это всегда происходит в большой семье. Это — большое преимущество. Ты можешь видеть проблемы других людей, а они не жалуются. Ты никогда не увидишь, чтобы жаловалась твоя мама. Мой брат Джек был таким же. Он не жаловался, так что же жаловаться мне?»{157}

Это, безусловно, была форма казенного оптимизма, самообольщения. Но таковы были все представители этого клана с юных лет, и таковыми они останутся на протяжении всей жизни.

Будущий президент не составлял исключения. Может быть, он даже ярче братьев и сестер сочетал стремление к самостоятельности с приверженностью отцовским мнениям. В одном из писем отцу из школы Чоэйт Джон сообщал, что обсуждал с приятелем их занятия. Оба пришли к выводу, что плохо работают: «Мы наконец решили прекратить валять дурака. Я действительно понимаю теперь, как важно хорошо работать в этом году… Я действительно это чувствую, теперь я всё обдумал и понял, что я обманывал себя в том, сколько работы я на самом деле выполнил».

В ответе отца звучало удовлетворение откровенностью отпрыска. Морализируя, он продолжал: «Имея большой опыт в общении с людьми, я определенно знаю, что у тебя есть хорошие качества и что тебе предстоит пройти большой путь. Теперь ты не будешь обманывать себя и будешь возвращать всё то, чем тебя одарил Бог… Я не ожидаю слишком многого и не буду разочарован, если ты не окажешься подлинным гением, но я думаю, что ты можешь стать действительно стоящим гражданином, обладающим правильными суждениями и хорошим пониманием»{158}.

Оставим в стороне то, что разумел Джозеф-старший под «правильными суждениями». Они были далеко не всегда адекватными с точки зрения общечеловеческих ценностей. Важно то, чтб его сыновья попытались извлечь из родительских наставлений, а это зерно истины оказалось более близким к гражданскому сознанию, хотя сами сыновья, и Джон в их числе, отнюдь не стали воплощением добродетелей.

С самых ранних лет Джозеф Кеннеди стремился воспитать у своих детей собственные качества: амбицию, самоуверенность, дух соперничества, стремление постоянно быть на виду у

публики. Уважительное отношение к отцу, несмотря на его тиранический нрав, сохранили все сыновья и дочери. А люди, которые хорошо были знакомы с будущим президентом, нередко писали о глубоком почтении, которое тот испытывал к главе клана. Об этом даже с оттенком удивления говорил, например, близко сталкивавшийся с Джоном Кеннеди сенатор из Флориды Джордж Смазерс{159}. Это было тем более поразительно, что по отношению к матери, которая реально занималась воспитанием детей, у Джона прорывались отнюдь не самые одобрительные выражения. Однажды он негодующим тоном, чуть ли не презрительно произнес: «Моя мать всегда либо находилась на каком-нибудь парижском модном шоу, либо стояла на коленях в какой-нибудь церкви. Она никогда не была с нами, когда мы действительно в ней нуждались»{160}. Это было явно несправедливое суждение, навеянное минутным впечатлением. Но, безусловно, элемент критического настроения по отношению к матери, к ее строгому следованию канонам религиозного воспитания детей, подавлению эмоций, наряду с любовью к роскоши, у Джона сложился в детские годы. Он единственный раз позволил этому настроению вырваться наружу, что, очевидно, больно ранило Розу, если она прочитала слова сына. Скорее всего, она действительно о них узнала, так как сказаны они были уже во время президентства, когда пресса разносила на всю Америку каждое необычное, тем более критическое, высказывание главы государства, особенно затрагивавшее семейные дела.

О том, что слова Джона были не вполне справедливы, свидетельствуют воспоминания его братьев и сестер, в частности Юнис, которая говорила о матери: «Она находилась с нами всё время»{161}. Да и собственный дневник Розы Кеннеди отнюдь не свидетельствует об отсутствии внимания к детям. В дневник заносились малейшие подробности их жизни, достижений, успехов, неудач, причем Роза реагировала на эти события эмоционально, не вынося чувства на широкое обозрение, а доверяя их именно дневнику{162}.

Характер Розы Кеннеди, ее католическое воспитание, религиозные убеждения диктовали ей сдержанность, которая не всегда должным образом оценивалась детьми, да и другими окружающими воспринималась как душевная черствость. Забегая вперед отметим, что, когда ей сообщили о гибели сына-президента 22 ноября 1963 года, она, почти не изменив выражения лица, произнесла: «Мы выдержим и это», а затем спустилась к океану и несколько часов в одиночестве бродила по берегу{163}.

Джон рано стал присматриваться к девочкам, ухаживал за ними, не проявляя, впрочем, серьезных симпатий к конкретным очаровательным юным особам. О его детских романах в огромной мемуарной литературе нет упоминаний. Но что такое физическая близость, юноша узнал рано — в семнадцатилетнем возрасте, причем не с какой-либо подругой, а в публичном доме Гарлема, который славился развратом и проституцией. Летом 1934 года вместе со своим школьным товарищем Лемом Биллингсом Джон отправился в авантюрное «путешествие» по Гарлему. Скорее из любопытства, чтобы узнать «про это», они забрели в публичный дом. Там им показали некий порнографический фильм, после чего одна из обитательниц забрала Джона в свою комнату (Лем отправился к другой) и обучила его нехитрому ремеслу. Хотя в борделе преобладали негритянки, юноши выбрали белых партнерш. Оказавшись на улице, мальчишки пришли в ужас, что могли заразиться дурной болезнью. Пришлось обратиться к венерологу, который успокоил юных пациентов{164}.

После первого опыта, оказавшегося удачным, Джон расхрабрился. Трудно сказать, насколько правдивыми были его письма тому же Л ему Биллингсу, написанные осенью 1934 года, но, видимо, доля правды в них всё же содержалась. А Джон здесь буквально хвастал своими новыми успехами на любовном фронте, рассказывал, с какой готовностью идут молодые дамы на кратковременную, подчас разовую, сексуальную связь с ним. Биллингсу сообщалось также, что в общем-то расходы на «очаровательных блондинок» не очень велики{165}.

Джозеф-младший окончил школу Чоэйт в 1933-м, а его брат в 1935 году. Последние годы, проведенные в школе, показали, что Джон стал более серьезным, значительно больше внимания уделял изучаемым предметам и выполнял задания на максимально высоком уровне. В результате он добился того, что казалось недостижимым, — почти догнал своего брата, который считался образцовым учеником. Средний финальный балл Джо составлял 75, а Джона 73.

В своем заключительном докладе об успехах и поведении Кеннеди-младшего в Чоэйте его наставник Джон Махер писал, что Джон стал пунктуальным, аккуратным (впрочем, с оговоркой, «насколько позволяет его природа») и, главное, «утратил чувство, будто все учителя являются его противниками, которых следует перехитрить любым способом»{166}.

За два года до этого предполагалось, что старший сын по окончании школы поступит в Гарвардский университет. Однако, посоветовавшись с профессором этого университета юристом Феликсом Франкфуртером, считавшимся одним из мудрых людей

современной Америки, Джозеф-старший изменил решение. Франкфуртер сказал: «Если бы это были мои дети, я знаю, как бы поступил. Я послал бы их в Лондон, чтобы они провели год с Гарольдом Ласки, которого я считаю величайшим учителем во всем мире»[{167}]. Мнение это было спорным, но авторитет Франкфуртера был настолько высок, что Джозеф-старший беспрекословно последовал совету.

В результате сразу после окончания школы в 1933 году Джо отправился в Лондон на годичное обучение в Школе экономики, которой руководил видный деятель Лейбористской партии и известный ученый-социолог Гарольд Ласки. Со стороны отца семейства это было экстраординарное решение, ибо Джозеф отнюдь не собирался превращать сына в социалиста. Свое решение, с которым согласился сын, Джозеф-старший объяснял так (не упоминая, впрочем, о совете Франкфуртера): «Я не был согласен ни с чем, что он (Ласки. — *Л. Д., Г. Ч.)* писал. Мы были на противоположных полюсах. Но я никогда не учил мальчиков осуждать кого-то только потому, что он мне не нравился. Они узнали от меня довольно много, и я решил, что им должна быть предоставлена возможность познакомиться с чем-то умным и живым на другой стороне»[{168}]. Из этого заявления вытекало, что не исключалась и отправка в Лондон Джона, когда он окончит школу.

Школа экономики Ласки была избрана не только потому, что ее руководитель являлся блестящим педагогом и незаурядным исследователем, но и потому, что дети Кеннеди могли получить здесь разносторонние знания и самостоятельно научиться анализировать экономическую и социально-политическую действительность. Это была не конкретно-экономическая школа, а школа политической экономии и экономической политики.

Конечно же, политические позиции капиталиста и биржевого дельца Джозефа Кеннеди были противоположны взглядам левого социалиста Гарольда Ласки. Но дело состояло не только в том, чтобы сыновья услышали противоположное мнение, и даже не в том, чтобы дать им возможность научиться мыслить самостоятельно. Это была слишком высокая цена, чтобы потратить драгоценный карьерный год.

Став к этому времени членом команды Рузвельта и сторонником «Нового курса», убеждаясь в необходимости отказа от «чистых» либертарианских догматов о полном невмешательстве государства в экономику, осознавая необходимость введения административного регулирования хозяйственной жизни, Кеннеди-старший полагал, что некие рецепты государственного управления могут быть заимствованы

из социалистического арсенала, что знания и методы анализа, почерпнутые у Ласки, пригодятся сыну (или сыновьям) в будущей государственной деятельности.

Именитому профессору понравился восемнадцатилетний Джозеф. Его еженедельные рефераты, выступления на семинарах были наивными. Но иного ожидать было невозможно, и Ласки это отлично понимал. Работы Джо несли на себе следы аналитической деятельности начинающего исследователя, свидетельствовали, по воспоминаниям Ласки, о первых шагах «в открытии очарования мысли». «Он был настроен на политическую карьеру, — продолжал профессор. — Он часто сидел в моем кабинете и отвечал магической улыбкой, которой просто невозможно было противостоять, на разные поддразнивания по поводу его решимости стать не кем иным, как президентом Соединенных Штатов»{169}.

Летом 1934 года профессор взял Джозефа с собой в СССР, который он посетил и для ознакомления с советской действительностью, и для проверки собственных представлений о «реальном социализме». В нашем распоряжении нет сведений, какое впечатление произвела на Джозефа Москва, в какой степени он смог составить собственное представление о системе зрелого тоталитаризма, уже построенного в СССР взамен обещанного социалистического рая. По всей видимости, его взгляды формировались под влиянием концепций учителя.

В своей книге «Грамматика политики» (1925) и других трудах 1920-х — начала 1930-х годов Ласки проявил себя как крупнейший теоретик демократического социализма. Он рассматривал социализм не только как цель, но и как постепенно развивавшийся прогресс, полагал, что преобразование общества будет происходить через нравственное совершенствование человека и примирение классов в ходе постепенных реформ. Ласки защищал право индивидуума на свободу мысли и слова{170}.

В 1930-х годах он стал пессимистически относиться к возможности достижения социализма демократическим путем, в книге «Демократия в кризисе»{171} утверждал, что даже в Англии насилие будет сопровождать переход от капитализма к социализму. Это, однако, привело не к тому, что он стал отстаивать насильственный путь, а лишь к постепенному, но всё более глубокому отходу от восприятия конечной цели, к отказу от утопических социалистических воззрений и переходу на путь социального реформаторства в рамках рыночной экономики и конкуренции. Именно такие социальные взгляды и воспринимал у своего учителя Джозеф, перерабатывая их, однако, в критическом

духе.

Можно не сомневаться, что посещение СССР еще более углубило эту систему взглядов британского лейбориста, что он не оказался в числе высоколобых слуг Сталина, подобно своим соотечественникам, известным лейбористам, супругам Сиднею и Беатрис Вебб или немецкому писателю Лиону Фейхтвангеру{172}. Пребывание в СССР, видимо, убедило Джо Кеннеди в неприемлемости социалистических идей для его страны, эти мысли он затем внушал и младшему брату.

При всем почтении к Ласки, которое проявил Джозеф, год пребывания в Лондоне не оказал существенного влияния на его политические взгляды, которые оставались неопределенными и скорее консервативными, хотя, подобно отцу, он стремился в будущей карьере проявить здоровый прагматизм. В то же время Джо значительно расширил свои социально-экономические знания, научился аргументированно полемизировать, подвергать сомнению концепции общественного развития, даже если они были закреплены в лекциях и трудах авторитетных социологов вроде его учителя.

Впрочем, сам Ласки не навязывал ученикам социалистических взглядов. Он говорил, что, несмотря на характер своих теоретических позиций, рекомендует студентам читать книги авторов, имеющих противоположные взгляды, в качестве «противоядия моей позиции». «Если вы не согласны со мной, приходите ко мне в кабинет и объясните, в чем я не прав»{173}.

Проведя год в Лондоне, Джо возвратился на родину и поступил в Гарвардский университет, став юношей с независимым характером и стремлением отстаивать свое мнение перед любой аудиторией, включая собственного отца. Между ними часто вспыхивали жаркие споры. При этом Джон, как правило, поддерживал старшего брата, постепенно также вовлекаясь в политические дебаты. Бывали случаи, когда дискуссия доходила до такого ожесточения, что отец или сын в негодовании уходили из комнаты. Встревоженная тем, что покой в семействе стал нарушаться, Роза как-то выразила свою обеспокоенность мужу. «Я смогу за себя постоять, — ответил он. — Важно, что они дерутся вместе»{174}.

Джон, как и прежде, следовал по стопам старшего брата. В 1935 году он также поехал в Лондонскую школу экономики. Но учиться в ней ему не довелось. Точнее говоря, проучился он здесь примерно неделю. Позже, чтобы во время политической карьеры подчеркнуть свою образованность, Джон упоминал, что учился в школе профессора Ласки то ли три, то ли шесть месяцев{175}. И

только после того, как в печати появились сведения, что в действительности произошло с ним в Лондоне, кандидат в президенты перестал повторять явную неправду, признался, что фактически у английского профессора не учился.

То ли еще на родине, то ли в дороге Джон почувствовал себя плохо, а через десять дней после приезда в британскую столицу был госпитализирован с диагнозом — желтуха (так тогда именовали инфекционный гепатит). После нескольких недель пребывания в больнице он отправился на родину, придя в себя, осенью того же года начал учиться в Принстонском университете, но вскоре, под влиянием отца и старшего брата, решил перейти в их альма-матер — Гарвардский университет.

Впрочем, уход из Принстона был в значительной степени связан и с состоянием здоровья — частые болезни заставляли быть поближе к Бостону, где прекрасно знали семью, где у отца были хорошие знакомые среди видных медиков, да и вообще атмосфера родного города помогала улучшению самочувствия.

Еще в детские годы пристрастившись к чтению (этому, повторим, безусловно, способствовали частые болезни, когда пребывание в постели скрашивала книга), Джон не расставался с художественной литературой и с изданиями по гуманитарным дисциплинам и в студенческие годы. У него выработался навык исключительно быстрого чтения, причем он превосходно усваивал материал, мог цитировать наизусть целые страницы. А через годы, вспоминая давным-давно прочитанную книгу, он легко пересказывал ее содержание, называл имена действующих лиц, даты, повторял подробности сюжета.

В юношеские годы Джон полюбил поэзию, причем его особенно привлекали драматические и даже трагические стихи, в которых он видел какое-то предостережение для тех, кто радуется жизненным благам. Он запомнил стихотворение Алана Сигера «Свидание со смертью», которое позже нередко цитировал. Вот небольшой отрывок из этого произведения в оригинале и в русском переводе:

I have a rendezvous with Death
At some disputed barricade,
When Spring comes back with rustling shade
And apple-blossoms fill the air…
I have a rendezvous with Death
When Spring brings back blue days and fair.
…
(Рандеву мое со Смертью
На какой-то баррикаде —

Шум Весны, кипени ради,
Будто яблонь сад цветущий…
Рандеву мое со Смертью —
По Весне, нас жить зовущей.)[17]

Некоторые авторы видят в стихотворении Сигера какой-то роковой смысл — предчувствие собственной гибели, но это нельзя оценить иначе как спекуляцию. Здесь была чистая случайность, точнее — будущий политик в юношеском возрасте, подобно массе сверстников, размышлял о смерти, но как о чем-то абстрактном, не имеющем к нему личного отношения. Кроме того, его пленяло звучание, мелодика произведения Сигера.

Уже в юном возрасте Джон научился оценивать литературно-художественный стиль произведений, причем не только беллетристику или, точнее сказать, беллетристику в последнюю очередь. Для него особенно важной была манера авторов публицистических и исторических работ, которые обычно писались скучно и нередко приводили читателей к сонливости. Такие работы, при всей их познавательной ценности, вызывали у молодого человека раздражение. Он отвергал и даже высмеивал снобизм тех авторов, которые писали социологические и исторические труды только для своих коллег, а не для широкого читателя. Не раз Кеннеди ставил в пример произведения Уинстона Черчилля, его детальное исследование о своем предке герцоге Мальборо, а позже, через годы, его шеститомную «Вторую мировую войну» (за нее маститый автор получил Нобелевскую премию по литературе, так что Кеннеди в своих вкусах был не одинок).

Лето 1936 года для обоих братьев было насыщено новым и интересным опытом. Сочтя, что им полезен физический труд на открытом воздухе (сыновья с этим полностью согласились), Джозеф-старший договорился со знакомым, владевшим скотоводческим ранчо в штате Аризона, о том, что тот предоставит им платную временную работу. Так единственный раз в своей жизни братья Кеннеди проработали несколько месяцев на ранчо, занимаясь физическим трудом. Впервые они зарабатывали деньги. Через четыре месяца юноши возвратились домой загоревшие, окрепшие, еще более похудевшие, вполне удовлетворенные приобретенным опытом, но явно не желавшие его повторять{176}.

Глава 3. БЕССЛАВНАЯ ПОСОЛЬСКАЯ КАРЬЕРА

Встреча с Лондоном

4 января 1938 года американские газеты опубликовали сообщение о предстоявшем назначении, а на следующий день оно было подтверждено Белым домом и Госдепартаментом. Джозеф собирался отправиться в Лондон вместе со всем семейством, за исключением двух старших сыновей, ведших уже самостоятельную жизнь. Неожиданное событие — болезнь Розы, которой пришлось перенести операцию по удалению аппендикса, чуть задержало отплытие. Президент, однако, торопил. И Кеннеди решил пуститься в путь в одиночку, с тем чтобы семья присоединилась к нему по выздоровлении супруги.

Накануне отплытия в конце февраля посол получил последние напутствия президента. В чем они состояли, так и осталось неизвестным. Когда на следующий день Джозеф Кеннеди появился на нью-йоркской пристани, где шла посадка на океанский лайнер «Манхэттен», окружившие его журналисты задавали главный вопрос: «В чем состояли указания президента?» Кеннеди в ответ заявил, что он не получал никаких инструкций, и добавил: «Я всего лишь дитя, которое бросают в пасть…» — «Британскому льву!» — хором прокричали репортеры, которым не надо было быть особенно догадливыми, чтобы это произнести{177}.

Джозеф Кеннеди стал американским послом в Великобритании, когда над Европой непосредственно нависла угроза новой войны. Пользуясь тем, что правительства западных держав, прежде всего Франции и Великобритании, проводили политику «умиротворения», сохранения мира любой ценой, гитлеровская Германия готовилась к широкомасштабной войне за обеспечение себе полного господства на континенте и за его пределами. Фактически без сопротивления Германия отказалась от выполнения условий Версальского мирного договора 1919 года, развернула перевооружение, стала создавать военно-воздушный флот, а в марте 1938 года, непосредственно после прибытия Кеннеди в Лондон, захватила Австрию. Первая, но далеко не последняя европейская страна прекратила свое существование под ударом германской военной машины.

Правительство Великобритании во главе с лидером Консервативной партии Невиллем Чемберленом наиболее

энергично отстаивало политику «умиротворения», которая воспринималась Гитлером и его фельдмаршалами как признак слабости и нерешительности, как проявление стремления направить германскую агрессию на восток, в сторону СССР, власти которого в это время призывали к созданию системы коллективной безопасности против агрессии, в то же время тайно прощупывая возможности нормализации отношений с Германией.

Против политики «умиротворения» выступали влиятельные политические круги, прежде всего в самой Консервативной партии. Во главе их стоял известный и колоритный деятель, опытный стратег Уинстон Черчилль. Он требовал, чтобы правительство вело переговоры с Германией с позиции силы, не шло на уступки, справедливо полагая, что воинственные лозунги Гитлера по поводу готовности воевать с крупнейшими европейскими странами пока блеф, что Германия еще недостаточно вооружена. Многое зависело от того, какую позицию займут Соединенные Штаты Америки. В том случае, если бы Англия располагала гарантированной американской поддержкой, она действительно могла бы вести переговоры более жестко.

Между тем правительство Рузвельта, которое с тревогой наблюдало за ростом европейской напряженности, не было готово предоставить европейским демократиям какие-либо гарантии. Условия для этого, полагал он, не созрели, по крайней мере до предстоявших в 1938 году промежуточных выборов. Правительство США испытывало мощное влияние изоляционистов из разных социальных слоев — от рабочих и фермеров до представителей крупного бизнеса. Рузвельт откровенно писал послу в Германии Уильяму Додду: «Я чувствую себя совершенно неспособным оказать какие-либо услуги делу укрепления мира ни сейчас, ни в будущем»[{178}].

По всей видимости, наставления, которые дал Рузвельт Кеннеди перед его отплытием, состояли именно в том, чтобы он оказывал условную поддержку политике «умиротворения», в то же время осуждая агрессию и провозглашая сочувствие ее жертвам. При всей недостаточности такого подхода, который предопределялся господством в США изоляционистских настроений, он всё же отличался от готовности Чемберлена идти на новые и новые уступки Гитлеру. Как выявилось очень скоро, посол Кеннеди оказался значительно ближе по своим политическим предпочтениям к британскому премьер-министру, нежели к президенту своей страны.

Посольство США в Великобритании располагалось в старинном здании на площади Гросвенор. Обширный комплекс

состоял из тридцати шести помещений со старинной мебелью в стиле Людовика XVI. Помимо дипломатического персонала, в здании работали около тридцати помощников и слуг. В штате состояли три шофера. Еще несколько десятков «резервных» работников привлекались при проведении официальных мероприятий — банкетов, приемов и т. п. Всем этим обширным штатом руководила Роза Кеннеди, которая проявила немалые организаторские качества{179}.

На следующий день после прибытия Джозеф Кеннеди принял журналистов и беседовал с ними подчеркнуто небрежно, положив ноги на журнальный столик, что считалось в кругах британских джентльменов верхом бестактности{180}. Это была своего рода демонстрация силы заокеанской страны, ее готовности действовать так, как это было угодно ей самой. Кеннеди заявил журналистам: «Ведь я не могу за одно мгновение превратиться в государственного деятеля, не так ли?» Британская пресса сочла, что Кеннеди ведет себя как подлинный американец, и не чувствовала себя оскорбленной. Что касается американских газет, то они даже преувеличивали личные расчеты нового посла. «Чикаго трибюн» писала, например, что он «надеется использовать пребывание при дворе английского короля как трамплин, чтобы оказаться в Белом доме»{181}.

Гарольд Ласки, пренебрежительно назвав Джозефа Кеннеди «удачливым спекулянтом на бирже», отозвался о его назначении на дипломатическую должность в типично британской манере сдержанного издевательства: «Франклин Рузвельт избрал бедного ирландского молодого человека, который собрал огромное богатство и женился на дочери политического босса — также ирландца, послом в Великобританию. Каких-нибудь 70 лет назад это ведь был высочайший пост»{182}.

Если Кеннеди в начале своего пребывания в британской столице вел себя вольно, то неделей позже протокол был полностью соблюден. Новый посол, облачившись во фрак, надев белый галстук-бабочку, в королевской карете отправился в Букингемский дворец, чтобы вручить верительные грамоты Георгу VI. Возвратившись в посольство, он допустил новый ляп (если считать предыдущим манеру поведения на первой пресс-конференции). Он стал рассказывать журналистам о своем разговоре с королем. Когда репортеры уходили, их остановил сотрудник посольства, заявивший, что он надеется на их добросовестность: они не поместят в газетах ни одного слова касательно беседы во дворце. Кеннеди не предупредили, что никто, побывавший у короля, не должен, согласно традиции, разглашать слова монарха до тех пор, пока соответствующая

информация не будет опубликована в так называемом королевском циркуляре{183}.

В середине марта в Лондон прибыло и семейство посла за исключением Джозефа-младшего и Джона, которые учились в США. Это явилось еще одной каплей, добавленной в чашу популярности американского представителя. «Посол США с девятью детьми» — так назвала свой материал о Кеннеди популярная газета, корреспондент которой то ли выдумал, то ли подслушал и подсмотрел, что у шестилетнего Тедди лицо вытянулось от удивления, когда он услышал, что его отца называют «ваше превосходительство»{184}.

В течение нескольких недель дети были устроены. Роберт, Джоэн и Тедди были зачислены в лондонские школы для детей из благородных семейств, Юнис и Патриция стали учиться в религиозной школе Святого Сердца в городке Рокхэмптоне. Кэтлин, которой исполнилось 18 лет, как раз перед этим окончила школу в США и пока прервала свое учение. Она стала помощницей матери в светских и хозяйственных делах.

Предвоенные дипломатические бури. Умиротворитель Гитлера

Но времена были таковы, что большого внимания светским приемам и развлечениям не уделяли. Джозеф Кеннеди воспринимал свое пребывание в Лондоне не просто как выполнение государственной миссии, а как исполнение ее в соответствии со своим образом мышления и собственной оценкой действительности. В этом была его серьезная ошибка. Одно дело — руководство автономными государственными ведомствами, каковыми являлись возглавлявшиеся Джозефом комиссии по ценным бумагам и морскому флоту. Там он мог себе позволить известную свободу действий, разумеется, в пределах, обозначенных положениями об этих органах, утвержденными конгрессом и президентом.

Теперь же он должен был соблюдать дипломатическую дисциплину, действовать в соответствии с указаниями президента и госсекретаря. Он должен был подавить свои амбиции и быть послушным. Парадокс состоял в том, что, продвинувшись вверх по служебной лестнице, он теперь оказывался более скованным в действиях, чем раньше, когда занимал посты ответственного чиновника во внутренних ведомствах. Считаться с этим Джозеф не желал.

В результате он стал нарушать неписаные, но сами собой разумевшиеся заповеди. Внешне соблюдая видимость защиты

государственных интересов своей страны и выполнения указаний руководства, на самом деле он стал проводить обособленный курс. Проявилось это уже в первом публичном выступлении Кеннеди — на традиционном ужине, который давал аристократический Клуб пилигримов каждому новому американскому послу. Это было импозантное собрание, на котором 18 марта 1938 года присутствовали около четырехсот политиков, дипломатов и бизнесменов. Вместо рутинных слов о единстве англоязычных народов Кеннеди произнес политическую речь. Он заявил, что своим долгом считает дать жителям Великобритании точное представление о том, что волнует американцев. Последние боятся потерять работу и быть вовлеченными в войну. Они поддержат любые усилия по сохранению мира. Правительство Соединенных Штатов Америки, следуя чувствам и стремлениям своего народа, не будет вступать ни в какие союзы с другими государствами, которые могли бы привести к автоматическому ходу событий в будущем. При этом, разумеется, имелись в виду такие союзы, которые обязывали бы правительство США оказать соответствующей стране или странам военную помощь. Некоторые считают, продолжал он, что США «никогда не останутся нейтральными в том случае, если, к несчастью, вспыхнет всеобщая война». Это, по мнению посла, являлось опасным непониманием ситуации. «Моя страна считает, что она должна стоять на своих собственных ногах»{185}.

Смысл этой жесткой речи был очевиден и непосредственным слушателям, и всему остальному миру. Состоял он в том, что британские политики должны продолжать курс «умиротворения», не идти на конфликт с Германией, который может привести к войне. В случае ее развязывания США вряд ли окажут активную помощь своему собрату по общему языку.

Рьяные изоляционистские круги США бурно приветствовали речь Кеннеди. Их неофициальный лидер сенатор от штата Айдахо Уильям Бора заявил, что посол в Великобритании — наиболее понимающий свое дело специалист по внешней политике{186}.

Так почти сразу после того, как Кеннеди приступил к своим обязанностям дипломата, начались его сначала небольшие, а затем всё более разраставшиеся разногласия с собственным руководством, прежде всего с президентом Рузвельтом.

Для Рузвельта политика невмешательства в европейские дела являлась вынужденным курсом, продиктованным господством в стране изоляционистских настроений. Для Кеннеди это была сознательная линия, побуждавшая его находиться в одном лагере не с президентом, а с крайними изоляционистами своей страны и в Великобритании полностью поддерживать усилия Чемберлена

по «умиротворению» агрессора, что фактически означало потворство гитлеровской политике грабежа и захвата.

Сам Кеннеди явно испытывал чувство симпатии к нацистскому режиму. По его мнению, Гитлеру удалось покончить с хаосом и наступлением коммунизма. В то же время во Франции и Испании, как он считал, события развивались в негативном направлении. Формирование в этих странах народного фронта с участием коммунистов, антифашистские и антинацистские лозунги, звучавшие из уст официальных лиц этих стран, представлялись ему опасными, так как могли привести к власти компартии, выполнявшие указания Москвы.

Западноевропейские коммунистические партии действительно являлись агентурой московского руководства. Однако их влияние в правительствах народного фронта и Кеннеди, и другие сторонники «умиротворения» агрессоров переоценивали, не учитывая, что во Франции они не имели министерских постов, а в Испании руководили в правительстве второстепенными ведомствами. В обеих странах решающие позиции занимали центристские и правосоциалистические партии, которые нельзя было упрекнуть в потворстве коммунизму.

Между тем опасения и предубеждения Кеннеди привели к тому, что в то время, как весь западный либеральный мир сочувствовал правительству народного фронта в Испании во время гражданской войны, разгоревшейся из мятежа, который возглавили правые генералы (вскоре во главе антиправительственных сил стал Франсиско Франко, которому был присвоен титул генералиссимуса), американский посол в Лондоне открыто выражал свои симпатии мятежникам. И это происходило в то время, когда Рузвельт, правда безуспешно, пытался добиться такой трактовки действовавшего в США закона о нейтралитете, которая позволила бы его стране продавать оружие республиканскому правительству. А когда Франко, разгромив республиканцев, пришел к власти, Кеннеди выразил удовлетворение по этому поводу{187}.

Именно в этих условиях в первой половине 1938 года разразился так называемый Судетский кризис. Суть его в том, что проживавшие в Судетской области Чехословакии немцы, сгруппировавшиеся вокруг Судето-немецкой партии Конрада Генлейна, по указанию и на средства Берлина стали требовать «особых прав». Не удовлетворившись уступками, Генлейн потребовал автономии области, а затем включения ее в состав Германии. Боевики Генлейна начали кровавые провокации, поддерживаемые Германией.

В ответ власти Чехословакии ввели в область войска, которые заняли пограничные укрепления. Одновременно к чехословацкой границе были вьщвинуты германские вооруженные силы. На основании договоров 1935 года между СССР и Францией и между СССР и Чехословакией обе страны обязывались оказать помощь Чехословакии в том случае, если она подвергнется агрессии. Но советская помощь была обусловлена помощью Франции, а правительство последней колебалось, стремясь не довести дело до конфликта, то есть, по существу дела, пошло по линии «умиротворения» агрессора.

Премьер-министр Великобритании Чемберлен дважды летал в Германию на встречи с Гитлером, во время которых он фактически капитулировал перед нацистским лидером. Пытаясь оправдать свое поведение, Чемберлен писал, что он вполне удовлетворен обещанием Гитлера, что после присоединения Судетской области к Германии фюрер больше не будет выдвигать никаких территориальных требований к другим странам{188}.

29—30 сентября 1938 года в Мюнхене состоялась встреча премьер-министров Великобритании и Франции Чемберлена и Эдуара Даладье с Гитлером и фашистским диктатором Италии Бенито Муссолини. Представители Чехословакии допущены не были. Фактически без обсуждения было заключено соглашение о включении Судетской области в состав Германии, а вслед за этим между Великобританией и Германией была подписана декларация о взаимном ненападении; через некоторое время была обнародована сходная декларация Германии и Франции. Мюнхенский сговор с агрессором, как стали называть это соглашение, открыл путь к дальнейшим агрессивным действиям Германии.

На всем протяжении Судетского кризиса американский посол поддерживал британского премьер-министра. Он настолько сблизился с Чемберленом, что они стали называть друг друга по именам — Невилл и Джо. Наблюдавшие это острые на язык люди поговаривали, что Кеннеди стал большим британцем, чем сами англичане{189}.

Свой курс решительной поддержки политики «умиротворения» Гитлера Джозеф оправдывал не столько политическими соображениями, сколько эмоциями, непосредственно проистекавшими из заокеанского изоляционизма и сугубо личных соображений. «У меня четыре мальчика, — говорил он, — и я не желаю, чтобы они были убиты на войне, которую ведут иностранцы»{190}.

Разумеется, вполне оправданный отцовский эгоизм имел место. Но Кеннеди не мог не видеть, что «умиротворение» только

разжигало аппетиты агрессора, что жертвами политики уступок и попустительства могут оказаться миллионы сыновей граждан европейских стран и скорее всего сыновья, братья и мужья американцев. Так что его позиция была не просто близорукой. По существу она была преступной.

Так или иначе, но военно-политические установки представителя могучей заокеанской державы являлись важным аргументом, на который опирался Чемберлен, да и не только он, во время Судетского кризиса. При этом Кеннеди явно выходил за рамки своих официальных полномочий. Во время августовской встречи он заявил, например, премьер-министру Великобритании, что президент Рузвельт решил «идти вместе с ним» и какой бы курс ни был избран британским правительством, он встретит одобрение Белого дома{191}. Это было опасное заявление, содержание которого Джозеф даже не решился сообщить в Вашингтон. А это являлось грубейшим нарушением норм дипломатической службы.

Между тем в Вашингтоне усиливались критические настроения по поводу позиции Кеннеди. Сам Рузвельт, трезво оценивавший внутреннее соотношение сил и понимавший, что до поры до времени ему не удастся преодолеть господствовавший изоляционизм, вначале относился к Кеннеди терпимо, хотя и не скрывал раздражения его эскападами. Министр финансов Моргентау записал в своем дневнике сразу после подписания Мюнхенского соглашения: «Настроение президента в последние дни перед Мюнхеном было нестабильным. Кто мог подумать, что англичане… смогут привлечь в свой лагерь рыжеволосого ирландца?.. Что же касается Чемберлена, президент назвал его “сонным” и добавил с некоторым ожесточением, что он был “заинтересован в мире любой ценой, лишь бы он смог удалиться оттуда (из Мюнхена. — *Л. Д., Г. Ч.)* с ним и сохранить свое лицо”»{192}.

Но еще до Мюнхенского сговора Рузвельт послал Кеннеди письмо, выражавшее недовольство его интервью, данное изоляционистской хёрстовской газете «Американ». Это письмо явно звучало выговором: «Как вы знаете, мы все очень обеспокоены появлением “эксклюзивного” сообщения о советах, которые Вы дали и которые были опубликованы в бостонской [газете] “Американ” и затем переданы в другие газеты Хёрста. Я знаю, что [государственный] секретарь телеграфировал Вам по этому поводу, и я вчера просмотрел, что Вы послали [гос] секретарю. Речь идет не о том, чтобы “поддерживать разумно хорошие отношения с агентствами”, потому что, конечно, Вы это делаете, но это приводит к тому, что американская газета или

новостное агентство используется здесь для “особого интервью” или “особого сообщения, содержащего советы”»[193].

По требованию президента теперь все политические выступления Кеннеди предварительно направлялись на своеобразную цензуру в Госдепартамент. Это свидетельствовало о том, что недоверие по отношению к послу росло. Теперь он был значительно предусмотрительнее. Но всё же в речь, которую Джозеф собирался произнести в шотландском городе Абердине, вкралась крамольная фраза: «Клянусь жизнью, что я не могу понять, почему кто-то должен идти воевать, чтобы спасти чехов». По требованию Вашингтона эти слова из выступления были исключены. И хотя они не были произнесены, Рузвельт буквально бушевал по поводу поведения своего представителя в Лондоне. «Этот молодой человек заслуживает того, чтобы ему хорошо дали по рукам», — заявил он Моргентау[194].

Рузвельт, однако, был очень осторожен, тем более что в сущности по главному вопросу — о необходимости непосредственно не вмешиваться, по крайней мере на данном этапе, в европейские дела — Кеннеди не переступал отведенную ему черту. Он, однако, подходил к этому рубежу и даже выходил за его пределы в приватных разговорах, содержание которых не могло попасть в прессу. Накануне подписания Мюнхенского соглашения министр иностранных дел Великобритании Эдуард Галлифакс задал Кеннеди вопрос, как отнесутся американцы к своему закону о нейтралитете, если Великобритания будет вовлечена в войну.

У Кеннеди был хороший шанс в соответствии с курсом своего президента призвать британцев к твердости, указать, что отношение к ним американцев будет полностью зависеть от того, насколько серьезно они будут защищать демократию. Но Кеннеди этот шанс не использовал. Он заявил о полной поддержке политики Чемберлена. Слова эти, к недовольству Джозефа, проникли в прессу[195].

С явным недоброжелательством в самых широких британских кругах, да и в Соединенных Штатах, было встречено общение Кеннеди с летчиком Чарлзом Линдбергом, который прибыл в Лондон по приглашению посла как раз в разгар Судетского кризиса, 21 сентября 1938 года.

Линдберг приобрел всемирную известность беспосадочным трансатлантическим перелетом еще в 1927 году и рядом других воздушных рекордов. В 1936 и 1937 годах он ездил в Германию и похвально отзывался о нацистском режиме. В 1938 году он принял новое приглашение одного из нацистских лидеров Германа Геринга (также профессионального летчика) посетить

Германию и ознакомиться с достижениями вверенных тому военно-воздушных сил. Мировая знаменитость была принята со всеми почестями. Геринг вручил Линдбергу орден Германского орла — специальную награду для иностранцев. Люфтваффе произвели на Линдберга неотразимое впечатление, и он стал проповедовать непобедимость германской авиации и вообще Германии, предостерегая Европу от войны. Одновременно Линдберг начал выступать с антисемитскими заявлениями в духе пропаганды нацистского рейха, утверждая, что евреи во всех своих бедах должны винить только себя и никого более.

При таких обстоятельствах Линдберг появился в Лондоне. Он поделился с послом своей страны восторженными впечатлениями о военно-воздушных силах Германии. По просьбе Кеннеди был написан подробный доклад в том же духе, который переправили в Госдепартамент. В сопроводительном письме посол выразил согласие с мнением, что германская авиация превосходит все военно-воздушные флоты европейских стран, взятые вместе, и что люфтваффе могут стереть с лица земли любую столицу старого континента{196}. Всё это писалось не в духе предостережения, а являлось выражением нескрываемого восторга.

Хотя фактическая сторона документов была недалека от истины, они воспринимались весьма скептически в высших американских кругах, где содержание доклада Линдберга и сопроводительного письма к нему рассматривали как попытку запугать Соединенные Штаты. Общение Кеннеди с Линдбергом и появившийся в результате их беседы доклад усилили напряжение между президентом и Госдепом, с одной стороны, и послом в Великобритании — с другой.

В ряде полуофициальных разговоров и реже во время публичных выступлений посол проводил сравнения между демократическими и тоталитарными режимами. Правда, он констатировал, что демократические системы предпочтительнее, но произносил он такие фразы в сдержанно-колеблющейся форме, «полуискренне», как констатировал автор одной из биографических книг. Конечно, Германия не может считаться раем земным, говорил Кеннеди, но действительно ли Третий рейх так уж плох, как его характеризуют ярые «интервенционисты»? {197}

Позиция Кеннеди представлялась Рузвельту и его штабу явно односторонней.

Полное одобрение Мюнхенского сговора свидетельствовало, что американский посол, по существу дела, выразил согласие с насильственной перекройкой европейских границ, начатой со стороны нацистской Германии.

Более того, круг общения посла, его неофициальные заявления свидетельствовали, что он исходил из целесообразности сохранения дружественных отношений с нацистами, несмотря на преступления, которые уже совершили гитлеровцы, и отлично понимая, что ими будут совершены новые, еще более отвратительные и страшные злодеяния.

Взгляды Джозефа Кеннеди, его позиция по кардинальным вопросам европейской политики четко проявились в общении с послом нацистской Германии в Лондоне Гербертом фон Дирксеном. Дипломатические бумаги Дирксена были захвачены союзниками на заключительном этапе военных действий в Европе в начале 1945 года и опубликованы Госдепартаментом США в 1949 году. Эти документы в числе прочего раскрывали неприглядный облик американского посла в Лондоне.

13 июня 1938 года Дирксен доносил, что у него состоялась беседа с американским коллегой. Оказалось, что Кеннеди сочувствует тому курсу, который проводило нацистское руководство. «Хотя он не знает Германии, он выяснил из самых разнообразных источников, что нынешнее правительство осуществило великолепные дела для Германии и что немцы удовлетворены и рады хорошим жизненным условиям». Нельзя не отметить, что вторая часть этого суждения в целом соответствовала действительности, но, во-первых, судить об этом Кеннеди мог тогда почти исключительно по данным нацистской пропаганды и обязан был ставить под сомнение ее материалы[18], а во-вторых, само по себе это признание означало со стороны американского представителя расшаркивание перед нацистским руководством.

С особым удовлетворением Дирксен сообщал в Берлин о позиции посла заокеанской республики по еврейскому вопросу в связи с разнузданным антисемитским курсом, проводившимся Гитлером. Немецкий посол отмечал «мягкие замечания», которые были им выслушаны по этому поводу. Он сообщал: «В этой связи не столь важен факт, что мы хотим избавиться от евреев; более вредным для нас является тот громкий шум, которым мы сопровождаем [осуществление] этой задачи. Сам он (Кеннеди. — *Л. Д., Г. Ч.)* полностью понимает нашу еврейскую политику, сам он из Бостона, и там в один гольф-клуб (имелся в виду тот клуб, в котором Кеннеди участвовал. — *Л. Д., Г. Ч.)* и в другие клубы в последние 50 лет евреев не допускают… В США такое отношение [к евреям] является довольно распространенным, но люди избегают поднимать большую шумиху по этому поводу»{198}. Иначе говоря, Кеннеди советовал, чтобы нацисты, проводя антисемитский курс, не трубили о нем на весь мир…

Вскоре состоялась новая встреча послов, причем, по словам Дирксена, далеко не вторая (он говорил о беседах во множественном числе). На этот раз никаких «замечаний» по поводу господствовавшего в Германии антисемитизма сделано не было: «Кеннеди упомянул, что в Соединенных Штатах существуют очень сильные антисемитские тенденции и что большая часть населения понимает немецкое отношение к евреям… Из всего его облика вытекает, что он нашел бы взаимопонимание с фюрером»{199}.

Когда через десять с лишним лет эти скандальные откровения были опубликованы, шокированный Джозеф Кеннеди пытался отрицать подобные беседы. Он утверждал, что Дирксен фантазировал, сообщая в германский МИД то, что там хотели бы прочитать{200}. Но это была явная ложь. Во-первых, Дирксен, дипломат старой школы, был заинтересован в том, чтобы дать своему начальству адекватное представление о беседах с американским послом, о том, каковы его позиции. Во-вторых, вряд ли кто-то иной кроме Кеннеди мог снабдить его такой деталью, как антисемитские настроения в гольф-клубах Бостона. Можно быть уверенными в том, что Дирксен верно отразил позицию американского официального представителя.

В то время как в Европе дело всё быстрее приближалось к военной развязке, Джозеф Кеннеди, отлично понимая, что при любом повороте событий он не получит ни малейшего одобрения своих действий, решил выждать и взял длительный отпуск. В декабре 1938 года он отправился в США, заявив напоследок журналистам: «Я просто собираюсь отдохнуть и немного подумать об Америке»{201}.

На самом деле у него были куда более важные намерения.

На первом плане стояла задача сгладить разногласия, которые возникли с Белым домом, убедить Рузвельта, что Европа стремительно движется к войне, в которой США, по его мнению, не должны поддерживать ни ту ни другую сторону. Но Джозеф размышлял и над более отдаленными и, можно сказать, грандиозными целями. Прошла уже половина второго президентского срока Рузвельта, и приближались новые выборы. Никогда еще в истории США президент не выдвигал свою кандидатуру на третий срок. Американцы почти не сомневались, что и на этот раз Рузвельт отойдет в сторону, дав возможность Демократической партии выдвинуть другую кандидатуру. Почему не попробовать стать номинантом на высший государственный пост? Такие мысли не раз приходили в голову Джозефу. Он не принимал еще решения, будучи, как истинный делец, очень осторожным, но подспудно не исключал такой возможности.

Сразу после прибытия в Вашингтон посол отправился в Белый дом. Во время встречи с президентом он уверял, что европейская война может начаться уже ближайшей весной. США не только не готовы к войне, не уставал он повторять, любая помощь Великобритании и Франции в конце концов приведет к вовлечению в вооруженный конфликт за чуждые интересы и будет чревата для Америки катастрофическими последствиями. Кеннеди призывал Рузвельта объявить, что принимаемые им меры по укреплению военного могущества США направлены исключительно на обеспечение безопасности в Западном полушарии. По своему обыкновению президент кивал головой, но переводил разговор на другие темы. Кеннеди понял, что трещина между ним и Рузвельтом, во всяком случае, не уменьшилась{202}.

Из столицы Джозеф отправился в свое имение во Флориде. Он общался с богатыми и влиятельными соседями по Палм-Бич, вел долгие телефонные разговоры не только с Розой и детьми, которые остались в Европе и отдыхали в Швейцарии, но и со знакомыми по бизнесу, с политиками и журналистами. Он прямо не ставил вопрос, каковы его шансы стать кандидатом демократов на высший пост, но по настроению собеседников убеждался, что это возможно только при условии, если Рузвельт не нарушит почти двухсотлетней традиции и не выдвинется на третий срок.

Слухи, что Кеннеди прощупывает почву, проникли в прессу. Дело дошло до того, что корреспондент лондонской газеты позвонил Розе на швейцарский курорт Сент-Мориц, чтобы выяснить, правда ли, что посол собирается в отставку и скоро заберет свою семью в Америку. По-видимому, проинструктированная мужем перед отъездом, Роза ответила: «Мы надеемся оставаться в Англии еще долгое время, может быть годы. Мы любим Англию и любим англичан»{203}. При всей своей неопределенности, связанной с хитрым переводом разговора в другую плоскость, это заявление можно было воспринять как уверенность миссис Кеннеди в том, что ее супруг не собирается покидать своего поста. В прессе рассматривали это заявление как средство сокрытия истинных намерений американского посла в Великобритании{204}.

Надо сказать, что действительно жизнь обширного семейства в Лондоне была полна удовольствий. Роза и дети вращались в самых высоких кругах, везде на них обращали внимание. Особенно выделялась вторая дочь, восемнадцатилетняя Кэтлин, обладавшая не только приятной внешностью, но и живым умом и общительностью. За ней постоянно увивались великосветские поклонники. Младшие дочери продолжали учиться в церковной школе, но режим там был сравнительно свободный, и они в

случае необходимости появлялись в свете. Роберт учился в светской школе и также всё больше привыкал к британскому высшему обществу.

Что же касается шестилетнего Эдварда (Тедди), то его только отправили в начальный школьный класс, предупредив, что он не просто американец, но сын посла и должен вести себя подобающим образом. Однажды Тедди обратился к матери с вопросом, можно ли ему стукнуть такого-то одноклассника. Видя ее недоумение, он сказал: «Ведь ты говорила мне, что я не должен драться, потому что папа — посол». Слегка поразмыслив, Роза дала сыну разрешение нанести ответный удар, полагая, что международный инцидент в результате этого вряд ли возникнет[205].

Надо отдать должное супругам Кеннеди — при всем своем богатстве и высоком положении в «столице мира», каковой продолжали считать Лондон, родители культивировали у младших детей сравнительно демократический стиль мышления и поведения. Им разрешали ездить на городском автобусе и в метрополитене, вступать в разговоры с незнакомыми, рассказывать о своей стране, но ни в коем случае не упоминать, кем работает в Лондоне их отец, и вообще стараться избегать темы о родителях.

Посольские перипетии накануне и в начале Второй мировой войны

В начале февраля 1939 года, не приняв окончательного решения относительно дальнейшей собственной карьеры, американский посол в Лондоне вновь отправился через океан для исполнения своих обязанностей. На борту корабля «Куин Мэри» он подолгу беседовал с возвращавшимся на родину лордом Лотианом, который совершил ознакомительный визит перед назначением его послом Великобритании в США. Находившийся на этом же пароходе известный леволиберальный журналист Луис Фишер не преминул познакомиться с обоими дипломатами и вынес самое нелицеприятное впечатление о них обоих. О Лотиане он писал, что, по мнению последнего, Чемберлена не любят только «радикалы, евреи и лекторы». А Кеннеди полностью в этом поддерживал англичанина[206].

До начала Второй мировой войны оставалось полгода. На протяжении этих месяцев Джозеф Кеннеди, который отлично понимал, что предвидится страшная бойня, писал на родину донесения, содержавшие неоправданные надежды на возможность предотвратить войну путем новых уступок агрессору. И это

происходило в условиях, когда даже самый последовательный умиротворитель Чемберлен вынужден был провозгласить политику гарантий независимости ряда европейских стран, в частности Польши, и даже согласился, совместно с французским правительством, вступить в переговоры с СССР о создании системы коллективной безопасности перед лицом германской агрессии. Произошло это после того, как в середине марта Гитлер отдал приказ об оккупации Чехии и создании марионеточного государства Словакия, власти которого послушно бы исполняли распоряжения фюрера.

В этих условиях Кеннеди не только продолжал прежнюю линию, но и допускал высказывания, явно компрометировавшие внешнеполитический курс правительства, которое он представлял. В одной из лондонских газет появилось сообщение: «Запутавшись в своих профранкистских чувствах, мистер Кеннеди, страстный католик, который ошибочно думает, что так он служит интересам своей церкви, идет настолько далеко, что размышляет, будто демократическая политика Соединенных Штатов является еврейской продукцией». Рузвельтовский министр Гарольд Икес записал в дневнике, что, если Кеннеди действительно делает заявления такого рода, он должен быть немедленно отозван. Икес показал газету Рузвельту. Тот внимательно прочитал сообщение, но ничего не сказал{207}.

Можно полагать, что, несмотря на всё бо́льшие политические расхождения между президентом и его представителем в британской столице, Рузвельт, человек очень осторожный и не торопившийся принимать решения, полагал, что Кеннеди является неплохим прикрытием приготовления США к возможному участию в войне, которое президент не исключал. В случае необходимости посла можно было бы использовать и в качестве козла отпущения, а в крайнем случае даже изгнать из дипломатического корпуса как не оправдавшего доверия высшей власти.

Действительно, в то время как американский посол высказывал самые пессимистические суждения относительно британских военных перспектив, в Великобритании явно нарастал расходившийся с такими настроениями боевой дух, выразителем которого становился руководитель внутренней оппозиции в Консервативной партии Уинстон Черчилль. Рузвельт же предпринимал новые шаги по подготовке общественного мнения к тому, что Великобритания, по всей вероятности, станет союзником Соединенных Штатов, что ей необходимо будет оказать военную помощь.

В конце июля 1939 года, объявив, что он утомился от забот,

действительно устав от необходимости балансировать между собственной позицией умиротворителя, сочувствовавшего нацизму, и проведением не очень четкой политики президента и Госдепартамента, Кеннеди с семьей отправился на французский средиземноморский курорт недалеко от Канн.

Как раз в момент его возвращения в Лондон поступило известие, что 23 августа в Москве подписан договор о ненападении между СССР и Германией. О том, что взаимные прощупывания происходят, американский посол знал по слухам. Теперь, однако, становилось ясно, что Сталин, любезно принимавший гитлеровского министра иностранных дел Иоахима Риббентропа, вступает в договорные отношения с главным европейским агрессором. Разумеется, ничего не было известно о подписанном дополнительном секретном протоколе, определявшем «сферы интересов» СССР и Германии в Восточной Европе, то есть о планах совместных агрессивных действий на ближайшую перспективу. Ясно было, однако, что подобные действия не исключены.

Известие привело Кеннеди в самое мрачное настроение. Он считал, что у Британии из-под носа вырвали шанс на восстановление дружеских отношений с Германией и что необходимо приложить все силы, чтобы этот шанс восстановить. Американский радиокомментатор немецкого происхождения Ганс фон Калтенборн, которому удалось пробиться к послу в это время, застал его в состоянии плохо скрываемой злости. Возможности примирения с Германией теперь слабы, как никогда раньше, жаловался он. В конце беседы посол, однако, добавил: «Всё, что удерживает Британию в состоянии мира, — в интересах Соединенных Штатов»[208].

Новый Мюнхен был уже, однако, невозможен. Обязательства, взятые на себя Великобританией, гарантии европейским странам были недвусмысленными. Когда 1 сентября нацистская Германия напала на Польшу, правительство Чемберлена, так же как и правительство Франции, еще в течение двух суток бесплодно пыталось уговорить Гитлера остановить агрессию.

Но 3 сентября утром Чемберлен пригласил к себе американского посла, чтобы ознакомить его с речью, которую собирался вслед за этим произнести, — текстом, содержавшим объявление войны Германии[209]. Кеннеди немедленно информировал о встрече Вашингтон. Но необходимости в этом не было. Через считаные часы весь мир узнал о вступлении Великобритании и Франции в войну против Германии, то есть о том, что нападение Германии на Польшу двумя днями ранее явилось началом Второй мировой войны.

Считая, что с Англией скоро будет покончено, Джозеф Кеннеди принял меры, чтобы отправить Розу и детей на родину. Перед этим он отвез семью за город, причем ее местопребывание держалось в секрете до самого момента отплытия в США. Посол официально обратился к примерно девяти тысячам американцев, находившихся в это время в Британии, призывая их немедленно отправиться домой.

Одна за другой приходили нерадостные вести. Польская армия была разгромлена в считаные дни. 17 сентября на территорию Польши с востока вступила Красная армия под предлогом «защиты жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Фактически вторжение было произведено для того, чтобы в соответствии с намеченной 23 августа линией размежевания оккупировать часть территории страны, которая уже была разгромлена. Так СССР вступил во Вторую мировую войну — 17 сентября 1939 года.

Посол продолжал смотреть на перспективы страны своего пребывания крайне скептически, считая, что затяжной войны Британия не выдержит, что необходимо как можно скорее, пока не поздно, вступать в мирные переговоры с Германией. Иначе говоря, он стоял на той же позиции, что и нацистские лидеры, полагавшие, что изолированная на островах Британия не представляет для них существенной опасности, но вывести ее из войны было бы целесообразным.

Кеннеди призывал Рузвельта выступить посредником в переговорах между Великобританией и Германией, но получил сухой отказ, не содержавший какого-либо объяснения{210}.

Предположение Кеннеди, что сразу после разгрома Польши Германия начнет активные боевые действия на западе, не оправдались. Более полугода происходила так называемая «странная война» (часто в англоязычной литературе ее называют еще более резко — «фиктивная война»). Объяснялось такое положение просто: немцы были не готовы вести войну крупными силами и накапливали мощные вооружения.

В этих условиях Кеннеди вновь и вновь, несмотря на то, что ему дали понять неуместность таких действий, продолжал стучать в наглухо закрытую дверь, призывая Рузвельта к посредничеству и надеясь, что основную примирительную функцию боссы поручат именно ему.

Вместо этого Рузвельт стал посылать в Европу своих представителей в обход Кеннеди, просто игнорируя само его существование.

В начале 1940 года за океан отправился заместитель госсекретаря Самнер Уоллес.

Несмотря на официальный пост, Уоллес был послан как личный представитель Рузвельта и должен был выражать взгляды президента, не прибавляя ничего от себя. Ему было предписано объяснить лидерам воюющих государств, что правительство США осуждает германскую агрессию и находится на стороне стран, подвергшихся нападению, хотя на данном этапе не намерено вступать в войну. Посланцу поручалось выяснить мнение правительств четырех держав — Великобритании, Франции, Германии и Италии — о «возможностях заключения справедливого и прочного мира»[{211}].

Хотя, как оказалось, мнение Уоллеса немногим отличалось от позиции Кеннеди: последний был крайне уязвлен самим фактом того, что его обошли, и особенно поведением посланца, который игнорировал официального представителя своей страны в Лондоне, встречался с британскими деятелями не только без его участия, но даже не предупреждая его о визитах и не информируя о содержании бесед. Кеннеди звали только на протокольные мероприятия, на которых присутствовавшие улыбались и произносили общие фразы[{212}].

Несколько позже последовала еще одна «инспекторская проверка», но проходила она в новых условиях, и мы расскажем о ней чуть ниже.

Между тем весной 1940 года «странная война» закончилась. 9 апреля 1940 года Германия совершила нападение на Данию и Норвегию. Дания капитулировала сразу, норвежцы оказали сопротивление. К берегам этой страны двинулся британский флот с экспедиционным корпусом на борту. Однако после противостояния, продолжавшегося около месяца, 9 мая Норвегия также запросила перемирия. На следующий день, 10 мая, германские войска, нарушив нейтралитет Бельгии, Голландии и Люксембурга, вторглись в эти страны. Обойдя французскую укрепленную линию Мажино, немцы ворвались на территорию Франции и стали быстро продвигаться к Парижу. Посланные во Францию британские вооруженные силы вынуждены были отступать. Они были осаждены в районе Дюнкерка и с огромным трудом, потеряв основную часть вооружения, эвакуированы на родину. Германские войска вступили в Париж 14 июня, а 22 июня Франция подписала позорное перемирие. Большая часть страны была оккупирована. Для управления остальной частью было образовано марионеточное правительство маршала Ф. Петена, послушно выполнявшее распоряжения Гитлера.

Через два с половиной месяца после оккупации Франции начались беспощадные налеты германской авиации на Лондон и другие британские города. Ставилась цель подготовить операцию

по высадке на Британские острова германских сухопутных сил, и был подготовлен соответствующий план «Морской лев». Казалось, сбываются самые мрачные прогнозы Кеннеди.

Однако всё обстояло иначе. Дух британцев не был сломлен. Уязвленная национальная гордость, стойкость и выдержка населения оказались выше любых предположений. Воздушные налеты лишь ожесточили сердца англичан, шотландцев, ирландцев, валлонов, которые готовы были сражаться с врагом и выиграть битву.

Как раз тогда, когда немцы начали наступление на Западном фронте, в Великобритании произошла смена правительства. 10 мая 1940 года во главе кабинета встал лорд Адмиралтейства (военно-морской министр) Уинстон Черчилль, который в предыдущие годы резко критиковал политику «умиротворения» Чемберлена. Выступая в палате общин с ответным словом после единодушного одобрения его кандидатуры на пост премьера, Черчилль не скрывал тяжелейшего положения, в котором находилась его страна, и в то же время был полон решимости вести борьбу против нацистской агрессии{213}. С еще более решительным заявлением Черчилль выступил после эвакуации британского экспедиционного корпуса из района Дюнкерка: «Мы пойдем до конца. Мы будем защищать наш остров, чего бы это ни стоило, мы будем бороться на берегу, мы будем бороться на суше, мы будем бороться на полях и на улицах, мы будем бороться в горах, мы никогда не сдадимся»{214}.

Еще до того как Черчилль возглавил правительство, Рузвельт начал секретную переписку с ним, видя в Черчилле достойного партнера, хотя тот и был ниже его рангом.

Первое письмо было написано 11 сентября 1939 года. Автор рассматривал адресата как своего единомышленника по многим вопросам, связанным с войной, умного и умудренного опытом политика, от которого он может получать достоверную информацию по военным и прочим важным государственным вопросам. Он установил с Черчиллем связь, справедливо полагая, что в недалеком будущем тот выйдет на самые высокие политические позиции. Всего за годы войны американский президент и британский премьер обменялись 1949 письмами и телеграммами{215}.

Тот факт, что британцы, почувствовав на себе ужасы войны, сохранили мужество, как и то, что правительство возглавил Черчилль, резко ухудшило статус американского посла в Лондоне. Он становился всё менее уважаемой личностью, превращался в персону нон грата.

Кеннеди встретил назначение Черчилля премьером с

чувством внутреннего негодования. Если раньше он сочувствовал британскому правительству, ибо был солидарен с политикой Чемберлена, то теперь в переписке и общении с близкими ему людьми, а подчас и в официальных бумагах выражал холодное отчуждение от судеб страны, в которой был аккредитован. Он приписывал знакомым англичанам мнение, что «Британией теперь правит не премьер-министр, а генералиссимус»{216}, сравнивая, таким образом, Черчилля с военными диктаторами.

Что ж, он находился недалеко от истины, но внутренний смысл такой оценки был явно негативным, в то время как в условиях жестокой войны необходимы были именно строжайшие диктаторские методы руководства страной — при условии, что такую железную волю проявляет опытный и зрелый политик, каковым был Черчилль, и что он не злоупотребляет своей властью.

В отдельных случаях подлинные настроения Кеннеди вырывались наружу, грубо противореча не только политическому курсу его президента, но и элементарным правилам дипломатического этикета. В начале ноября 1940 года он провел беседу с тремя бостонскими журналистами. Текст появился в газете «Бостон глоб» 10 ноября и был распространен агентством Ассошиэйтед Пресс по всему миру. «С демократией в Англии покончено», — читали потрясенные люди в разных странах. Кеннеди полагал, что бессмысленно было бы прекращать торговлю с европейскими странами в том случае, если бы Гитлер выиграл войну{217}.

В прессе это заявление вызвало волну негодования. Кеннеди был вынужден опубликовать заявление, в котором пояснял, что некоторые мысли он высказывал в частном порядке, не для печати, но один из репортеров нарушил предварительную договоренность. Что же касается сути самой позиции, то она под сомнение не ставилась{218}.

Это вызвало, в свою очередь, весьма негативные отклики в прессе. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала, что американское официальное лицо ставит под сомнение демократию и поощряет противников демократии. «Существует огромная разница между реализмом, признающим неприятные факты и борющимся за то, чтобы их превозмочь, и эмоциональным отчаянием, которое не вступает в борьбу, даже не стремится подвергнуть [существующие силы] проверке. Отчаяние может забить нож в спину демократии столь же фатально, как и прямое предательство»{219}.

Даже в кругах родных заявление посла Кеннеди было воспринято с недовольством. 5 декабря Джон осмелился дать

отцу совет выбираться из сложного положения, в котором тот оказался. Джон считал, что отец должен выступить со статьей, подчеркивавшей мужество и самопожертвование британцев, и даже набросал основные пункты проекта возможной статьи, включая такой пассаж: «Я видел англичан, прижавшихся к стене, но не жалующихся. Я видел мрачную решительность, с которой простой человек встречал новости о [военных] катастрофах в мае и июне. Я видел солдат, возвращавшихся из ада, каковым был Дюнкерк, с высоко поднятыми головами… Я видел мальчиков — друзей моих детей, погибающих в воздухе. Я чувствовал твердый дух лондонцев во время 244 рейдов». Сын призывал отца твердо сказать, что он ненавидит любую диктатуру{220}.

Не только в высших кругах, но и в среде обычных наблюдателей люди всё более убеждались, что высказывания американского посла в Лондоне не сходятся с курсом его высшего руководителя. Это особенно проявилось в отношении к закону, получившему неофициальное название «Кэш энд кэрри», а затем и к заменившему его новому закону, ставшему всемирно известным под названием акта о ленд-лизе.

После сравнительно недолгих прений 4 ноября 1939 года конгресс утвердил инспирированный Рузвельтом закон, который отвергал эмбарго на поставку вооружений воюющим странам и предоставлял им право покупать оружие и военное снаряжение. Купленное нельзя было вывозить на американских кораблях. Вводился принцип «кэш энд кэрри» («плати и тащи»).

Великобритания и Франция (напомним, что это было более чем за полгода до французской капитуляции) немедленно направили своих представителей за океан. Один за другим заключались многомиллионные контракты, которые очень скоро истощили британскую казну. За 16 месяцев с начала войны англичане заплатили за уже полученное или заказанное оружие и другие военные материалы почти 4,5 миллиарда долларов, тогда как в британской казне оставалось не более двух миллиардов{221}. Принеся поначалу немалую пользу, закон «кэш энд кэрри» начинал терять смысл.

Президент и его администрация, а также бо́льшая часть американской политической элиты осознавали это. Выступая в университете штата Виргиния (город Шарлотсвилл) 10 июня 1940 года, Рузвельт заявил, что Америка будет помогать Франции и Англии и наращивать собственную оборонительную мощь, чтобы «быть готовой к любым случайностям и защитным действиям»{222}. Началась быстрая милитаризация Соединенных Штатов Америки. За несколько недель в армию было набрано дополнительно около 100 тысяч человек, и призыв продолжался.

На действительную воинскую службу переходила национальная гвардия — своеобразный резерв вооруженных сил, используемый в качестве вспомогательных войск. Но главное — была принята программа создания огромного военного флота — 7 линкоров, 18 авианосцев, 27 крейсеров, 115 эсминцев, 43 подводные лодки.

Между тем Джозеф Кеннеди прилагал большие усилия, чтобы предотвратить или хотя бы ослабить движение своей страны навстречу Великобритании в ее военных интересах. Это не укрылось даже от глаз германских представителей в Вашингтоне. Немецкий поверенный в делах Ганс Томсен сообщал министру иностранных дел Риббентропу, что Кеннеди «срочно предупредил президента, чтобы он не предпринимал непоправимых шагов. С Англией покончено (полностью), и США должны будут оплачивать ее счета»{223}.

В этих условиях Рузвельту было очень важно, чтобы его опытное и беспристрастное доверенное лицо побывало в Англии, встретилось с представителями различных общественных кругов и смогло реально оценить положение дел в стране и ее способность продолжать сопротивление. Иначе говоря, необходима была вторая инспекторская проверка деятельности Кеннеди (первой, напомним, была поездка С. Уоллеса). Выбор пал на полковника Уильяма Донована, который с конца 1930-х годов являлся послом для особых поручений, выполнявшим миссии, носившие разведывательный характер{224}.

Уильям Донован (1883—1959) — нью-йоркский юрист, человек мирной профессии, прославился в годы Первой мировой войны личной храбростью в военных действиях во Франции, не покинул театра военных действий, несмотря на три ранения. В 1920—1930-е годы он работал прокурором и адвокатом, участвовал в политической жизни страны. Внимание Рузвельта Донован привлек своей неуемной любознательностью, желанием побывать в отдаленных уголках планеты, аналитическим складом ума.

В середине июля 1940 года президент отправил его с деликатной миссией в Великобританию — ему было поручено прежде всего проверить правдивость сведений Кеннеди, что боеспособность англичан низка и их страна, видимо, скоро сдастся на милость победителя.

Как личный представитель президента Донован был принят в Лондоне с особым радушием. Он встретился с королем, с премьером Черчиллем, посетил центры подготовки военнослужащих, предприятия военной промышленности, береговые оборонительные сооружения. Он беседовал не только с офицерами и солдатами, с руководителями промышленности, но

и с рядовыми англичанами, порой просто на улице, стремясь определить и перспективные военные возможности Великобритании, и дух населения.

При этом Донован подчеркнуто избегал общаться с официально аккредитованным представителем своей страны. Более того, Кеннеди даже не предупредили о визите ревизора. Посол выражал протест, правда, не Белому дому (он отлично понимал, кто именно послал Донована), а непосредственному начальству — госсекретарю Корделлу Халлу. В письмах Халлу говорилось, что эта миссия излишняя, что Донован — человек, не знакомый с Великобританией, — неизбежно сделает поверхностные выводы, что игнорирование им посольства не соответствует ни нормам, ни традициям. Однако на эти протесты ответы не поступали, в Вашингтоне их просто клали под сукно{225}. Президент выражал Донована, будущему основателю и многолетнему руководителю службы американской внешней разведки — Управления стратегических служб[19] — полное доверие. Возвратившись, Донован доложил, что англичане при помощи американцев способны сдержать натиск германских сил, а также о своем знакомстве с руководителями британской разведки, которые предложили американцам сотрудничество.

Все эти сведения в корне противоречили тому, о чем докладывал Кеннеди. Посол в Великобритании получил в глазах президента и его окружения теперь уже безоговорочно неудовлетворительную оценку.

Его авторитет еще более понизился, когда в посольстве произошла скандальная история — оказалось, что один из его сотрудников — чиновник невысокого ранга по имени Тайлер Кент не просто читал секретнейшие документы, включая даже переписку Рузвельта с Черчиллем, но передавал их содержание и даже копии другим лицам, которые сотрудничали с гитлеровской Германией.

20 мая 1940 года Кент был арестован лондонской полицией, причем по просьбе британских властей Кеннеди был вынужден дать согласие на арест, обыск квартиры этого человека, на лишение Кента дипломатического иммунитета{226}. При обыске у дипломата была обнаружена пронацистская и антисемитская литература. То ли в целях самозащиты, то ли искренне Кеннеди занял в деле Кента жесткую позицию. Не располагая к тому прямыми доказательствами, он заявил, что его бывший сотрудник является изменником, тайным германским агентом. Джозеф отказался от возможности отправить Кента на родину для предания американскому суду и дал согласие на процесс в Великобритании.

На следствии и суде этот человек пытался выгородить себя, заявляя, что он был просто изоляционистом и что все его действия были направлены на то, чтобы не допустить вовлечения в войну Соединенных Штатов Америки. Иначе говоря, он пытался играть на популярных в Штатах настроениях и на позиции посла США в Лондоне — недавнего прямого начальника. Такой поворот Джозефу был особенно неприятен. Американская пресса самых разных направлений набросилась на Кеннеди. Одни обвиняли его в том, что он лишил защиты американского гражданина, другие, а таковых было подавляющее большинство, злорадно и не без основания подчеркивали, что сам посол недалеко ушел от человека, которого теперь называл предателем.

На судебном процессе, состоявшемся в Лондоне в октябре 1940 года, было доказано, что Кент совершил тягчайшее преступление. Он изготовил дубликат ключей от комнаты кодов посольства, свободно туда заходил, выносил документы, копировал их, иногда на месте, а чаще в других помещениях. Затем он передавал копии русской эмигрантке Анне Волковой, которая состояла членом активно действовавшей до самого начала войны прогерманской группы, а с сентября 1939 года несколько затаилась, но не прекратила своей активности.

Суд признал Кента «иностранным агентом» и приговорил его к семи годам заключения (Волкова, также арестованная, получила десять лет).

Джозеф Кеннеди находился в Лондоне в тяжелейшие для британцев месяцы, которые получили название «битвы за Англию» (она продолжалась с сентября 1940-го по май 1941 года), когда ежедневно германские бомбардировщики совершали налеты на столицу и другие центры страны.

Он исправно подсчитывал, сколько пришлось пережить воздушных налетов. Их оказалось 244.{227} Надо отдать должное послу — он проявил мужество, не отсиживаясь в бомбоубежище, а продолжая, подобно британским государственным деятелям и чиновникам, выполнять свои служебные обязанности. Однажды в результате взрывной волны его автомобиль был опрокинут, но Джозеф отделался незначительными царапинами. Правда, после этого он на ночь стал уезжать в загородный дом, но по утрам исправно возвращался в Лондон.

Посол был вынужден признать, что его предыдущие оценки морального воздействия массированных бомбовых ударов не были точными. Следуя паническим сообщениям прессы, он ранее несколько раз высказывался в том смысле, что налеты германской авиации на Варшаву, Роттердам и Париж привели к полной деморализации населения этих городов. Действительно, в этих

крупных центрах возникала паника. Но Кеннеди тогда рассматривал ее изолированно, вне связи с общей ситуацией в странах и политикой их правительств. Ведь панику вызывали не столько сами налеты, сколько неспособность властей обеспечить защиту городов, нанести удар по силам нападавших, придать гражданам мужества и стойкости.

Теперь же ситуация оказалась иной. Кеннеди был буквально поражен настроем семи миллионов лондонцев, которые без излишней торопливости шли в бомбоубежища во время сигналов тревоги, проявляли неимоверную силу духа, теряя близких, дома и имущество, оставаясь верными своей решимости выдержать все удары и в конце концов выиграть войну.

Признавая мужество англичан в своих донесениях и письмах, посол в то же время не являлся оптимистом. Он сообщал в Госдепартамент, что фактические разрушения промышленных предприятий в результате бомбардировок были значительно серьезнее, нежели в сообщениях официальных британских органов. 27 сентября 1940 года он писал: «Производство определенно падает… и, учитывая разрушение транспорта, промышленная продукция будет продолжать сокращаться»{228}. Такого рода данные, достоверные сами по себе, преподносились с явным оттенком злобного удовлетворения.

Выражая недовольство своим послом в Великобритании, Рузвельт всё же продолжал медлить с его отставкой. Он опасался, что увольнение Кеннеди может вызвать недовольство ирландского и католического сообществ, чьи позиции в Демократической партии были весьма сильными.

Положение президента облегчил сам посол. Он, наконец, убедился в полной ошибочности своих оценок степени мужества и выдержки англичан, своего пренебрежительного отношения к Черчиллю и его правительству и, что было главным, усвоил, что президент Рузвельт полон решимости преодолеть изоляционистские настроения и установить с Великобританией военно-политический союз, направленный против нацистской Германии.

Сохраняя высочайшую самооценку, Джозеф не желал показать, что его политический курс потерпел фиаско. Он стал распускать слух, что собирается уйти в отставку до президентских выборов в ноябре 1940 года, так как ему «есть что рассказать американскому народу». В газете «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение, что он «собирается возвратиться домой вовремя, чтобы принять участие в голосовании в ноябре»{229}. Правда, реальных шагов он пока не предпринимал, лишь поставил вопрос перед Госдепартаментом о предоставлении ему нового отпуска

для поездки на родину. Он ждал результатов выборов, чтобы определить свое будущее. Наконец, он сообщил журналистам, что собирается в Вашингтон 23 октября. В прессе сразу же появились предположения, что Кеннеди в Лондон больше не вернется. «Сомнительно, что он возвратится на должность посла», — писала информированная «Нью-Йорк таймс». Не желая сталкиваться с излишним шумом накануне выборов, Рузвельт, в свою очередь, сообщил, что Кеннеди приезжает отдохнуть, но не для того, чтобы подать в отставку{230}.

Стремясь оставить о себе лучшее воспоминание, чем то мнение, которое сложилось у большинства британцев, Джозеф в своем заявлении накануне отъезда сообщил, что он изменил свое мнение о выносливости граждан Великобритании. «Я не думал, что Лондон сможет это выдержать. Я не думал, что это может выдержать любой город. Я почтительно склоняю голову»{231}.

Посол возвратился в США самолетом с пересадкой в Лиссабоне. Он прилетел в Нью-Йорк 27 октября и почти сразу отправился в Вашингтон к президенту. Встреча была не из приятных. Еще до того как Рузвельт вышел к гостю, его сотрудники попросили посла выступить по радио с поддержкой кандидатуры Рузвельта на новый президентский срок, на что Кеннеди ответил отказом, заявив, что у него к этому не лежит душа.

Когда же он встретился с президентом, то буквально огорошил его заявлениями, что его окружают недостойные люди, которые свили себе гнездо в Белом доме, что работники Госдепа мало информированы, что специальные посланники, которые побывали в Лондоне (он предусмотрительно обошел вопрос, что они были личными эмиссарами президента), его, Кеннеди, игнорировали.

Хитрый Рузвельт вроде бы соглашался с послом, кивал головой, а порой поддакивал, подтверждал, что в Госдепе есть просто завистливые люди и после выборов он устроит «хорошую чистку». Сенатор Дж. Бирнс, присутствовавший на приеме, вспоминал, что в ходе беседы настроение Кеннеди резко изменилось, он позабыл о своих жалобах и даже проявлял сочувствие к чиновникам Госдепартамента.

Всё это было необходимо Рузвельту, чтобы предложить Кеннеди выступить по радио в поддержку его избрания{232}. Такое выступление, считал Рузвельт, было важно, чтобы привлечь на его сторону часть изоляционистов — единомышленников Кеннеди. Теперь умиротворенный Джозеф сразу согласился, и секретарь Рузвельта М. Лихенд позвонила в предвыборный штаб, чтобы там договорились о выступлении.

Посол ожидал, что после приема ему будет предложен значительный правительственный пост. Вакантной оставалась должность председателя только что созданной комиссии по вопросам обороны, и он надеялся получить эту ответственную в условиях мировой войны работу.

Кеннеди выступил по радиоканалу «Си-би-эс» 29 октября. Его речи было придано настолько большое значение, что ее полный текст опубликовали многие центральные газеты{233}. Заверив, что Америка стремится остаться вне войны, добивается всеобщего мира, он доказывал, что главным путем достижения этого является быстрое вооружение страны. Он не исключал вступления США в конфликт, но откладывал его на неопределенное будущее. «В действительности, — говорил он, — объявление войны было бы вредно для Англии, поток помощи резко сократился бы ввиду необходимости обеспечить приоритет строительству американской военной мощи. Мужественная борьба Англии дает нам время для подготовки».

Именно в этом состоят намерения президента Рузвельта, продолжал Кеннеди, и заверил слушателей, что между Соединенными Штатами и Великобританией нет каких-либо тайных соглашений. Посол отрицал, что между ним и президентом существуют разногласия по вопросам внешней политики.

Будучи опытным оратором, хорошо научившимся воздействовать не столько на рассудок, сколько на эмоции слушателей, Джозеф завершил свое выступление чуть ли не на семейной ноте: «Моя жена и я отдают судьбе девять заложников. Наши дети и ваши дети важнее всего на свете. Какую Америку они и их дети унаследуют — именно в этом состоит наша важнейшая забота. Имея именно это в виду, я полагаю, что Франклин Рузвельт должен быть переизбран президентом Соединенных Штатов».

Сразу после выступления поступила телеграмма из Белого дома: «Слушал замечательную речь. Поздравляю»{234}. Речь высоко оценили и другие близкие к Рузвельту политики.

На выборах 5 ноября Франклин Рузвельт был избран на президентский пост в третий раз. Кеннеди послал соответствующее поздравление, но ожидал не столько новой благодарности, сколько нового назначения. Чтобы напомнить о себе, он попросил принять его в Белом доме. На этот раз встреча была краткой. Джозеф заявил, что он готов в любой момент подать в отставку с дипломатического поста, имея в виду предстоявшее назначение на высокое место в столице. Рузвельт, однако, ответил уклончиво — он предложил послу воздержаться

от ухода… до тех пор, пока не будет найдена замена. Это не означало четко сформулированного намерения Рузвельта вывести Кеннеди из политической игры, но явно не исключало такую возможность.

Действительно, 1 декабря Кеннеди был вызван в Белый дом. Состоялась, как он сообщил, «дружеская встреча». И в этот же вечер американский посол в Великобритании объявил, что он уходит в отставку с 6 декабря. В заявлении, опубликованном в печати, говорилось: «Сегодня президент был настолько добр, что выразил сожаление по поводу моего решения, но сказал, что он еще не готов назначить моего преемника, и пожелал, чтобы я возвратился к исполнению своих обязанностей посла до тех пор, пока он будет готов. Но я не намерен возвращаться в Лондон в этом качестве. Мой план состоит в том, чтобы после краткого отдыха посвятить свои усилия тому, что мне кажется величайшей задачей в мире — сбережению американской формы демократии. Для этого необходимо помогать президенту хранить Соединенные Штаты вне войны»{235}. Это было двусмысленное заявление, свидетельствовавшее и о сухом характере беседы в Белом доме, и о том, что нового назначения Кеннеди в обозримом будущем не получит, а также о намерении Кеннеди твердо придерживаться изоляционистского курса, ставя в зависимость от него сохранение в США демократического строя.

Чтобы всё окончательно стало на свое место, секретарь Рузвельта Стив Ёрли в ответ на вопрос кого-то из журналистов, не предвидится ли назначение Кеннеди на другой государственный пост, ответил однозначно: «Я не вижу чего-либо такого рода в настоящее время»{236}.

Так завершилась недолгая дипломатическая деятельность Джозефа Кеннеди в один из самых критических моментов современной истории. Он оказался недальновидным дипломатом и не вполне лояльным представителем Рузвельта, сторонником которого являлся на протяжении предыдущего десятилетия. Неверно оценив расклад сил на Европейском континенте, поверив в несокрушимость Третьего рейха и симпатизируя его чудовищной тоталитарной системе, выступив за соглашение с Гитлером даже в условиях его полного господства на континенте, Джозеф Кеннеди постепенно разошелся со своим президентом по принципиальным вопросам перспектив мировой войны, а это было доминантой во всей политике США того времени. Был, таким образом, предопределен крах посольской и в целом государственной карьеры Джозефа Кеннеди, а это стало предвестием его политической гибели.

Старшие сыновья в Гарварде и Европе

В годы пребывания Кеннеди-старшего на посольском посту его сыновья — Джозеф-младший и Джон — формально оставались на родине, а фактически не только учились в США, но и путешествовали по Европе.

Первый из них завершал университетское образование, а второй в это время продолжал обучение в Гарвардском университете. Став почти взрослыми, братья сблизились. Постепенно уходил в прошлое дух взаимного соперничества. Жили они на разных квартирах, у каждого были свои друзья. Но раз в день братья встречались, обычно для совместного обеда или ужина, обменивались новостями, в том числе о делах родителей в Лондоне — каждый получал подробные отцовские письма-наставления. И всё же Джон стремился догнать старшего брата хотя бы в физическом развитии. Усиленно занимаясь спортом, он, от природы не очень крепкий парень, стал пренебрегать академическими занятиями. Правда, он продолжал много читать, по-прежнему главным образом исторические труды и особенно биографии великих людей. Но оценки, которые Джон получал по университетским предметам, были невысокими и уж во всяком случае уступали учебным достижениям Джо.

Своей специализацией Джон избрал государственное право и политологию, затем следовали курсы истории литературы и всеобщей истории. Но даже в отношении этих ведущих предметов особой прилежностью он на первых порах не отличался и писал своему другу Лему Биллингсу, правда, с оттенком явной мальчишеской бравады: «Сегодня экзамен, так что я должен открыть эту чертову книгу и посмотреть, что там сказано»[237]. Соответствующими были и оценки за первые два года: на первом году он по всем предметам получил «С», то есть тройки, на втором — «В» (хорошо) по экономике и те же тройки по английскому, французскому языкам и по истории[238].

Гарвардские профессора даже никак не могли запомнить лицо этого ничем не отличавшегося студента. Впрочем, влиятельный профессор Карл Фридрих (он позже стал известен во всем мире благодаря созданию совместно со Збигневом Бжезинским первой аналитической систематизированной монографии о тоталитаризме[239]) с трудом, но всё же вспоминал «сияющее юное лицо»[240]. Ближе Фридрих познакомится со студентом Кеннеди, когда тот будет готовить свое выпускное сочинение.

Хотя Джон в качестве главного направления академических занятий избрал правовые дисциплины и политологию, его

профессиональные интересы в первые годы обучения в Гарварде еще явно не сложились.

То были годы, когда повсеместно, и в университетах прежде всего, шли горячие дискуссии о «Новом курсе» президента Рузвельта. Одни горячо поддерживали этот курс, считая, что он предотвратит новый экономический кризис, позволит всем американцам вести достойную жизнь; другие жестко критиковали Рузвельта, утверждая, что его политика ведет то ли к коммунизму, то ли к фашизму (оба термина употреблялись не как социологические категории, а как крайне грубые ругательства). Джон обычно не принимал участия в жарких дискуссиях. Его сокурсник Чарлз Спэлдинг вспоминал, что он интересовался Рузвельтом и его «Новым курсом», но как бы отстраненно. «Я не вспоминаю, что со стороны Кеннеди было какое-либо восхищение президентом Рузвельтом»{241}.

Ббльших успехов, чем в академических занятиях, Джон добивался в спорте и общественной деятельности. Он играл в университетской футбольной команде, участвовал в гонках под парусами, в соревнованиях по плаванию, сотрудничал в университетской газете «Гарвард кримсон» *(crimson* — темно-красный цвет — был и остается символом этого университета). Однажды во время футбольного матча Джон упал и сильно повредил позвоночник. С тех пор ко всем другим хроническим болезням добавились тяжкие боли в спине, которые не прекращались на протяжении всей его жизни. Джон перенес несколько хирургических операций, которые не дали существенного результата. И лишь со временем врачи нашли способы, как эффективно облегчать его состояние.

Болезни сына беспокоили отца, однако он воспринимал их не вполне серьезно. Будучи человеком относительно здоровым (язва желудка, которой он страдал в молодости, была успешно вылечена), Джозеф даже подозревал, что Джон преувеличивает дискомфорт, который причиняют ему болезни. Сохранились два письма Джозефа лечащему врачу Джона Саре Джордан (сентябрь 1938 года), в которых высказывалось опасение, что его сын становится ипохондриком. Во втором из них говорилось: «Я постоянно думаю о том, что делать, чтобы не дать ему стать ипохондриком. Я хочу, чтобы он думал о себе, что он нормальный парень, имеющий только небольшое расстройство, которое ничем не отличается от того, которое было у отца в его возрасте»{242}.

Однако мнение отца было ошибочным. Джон мужественно преодолевал недомогания и тяжелые болезни, стремился вести нормальную студенческую жизнь. Возможно, именно для того, чтобы опровергнуть подозрения отца, которые тот ему прямо не

высказывал, но о которых сын догадывался, он с особым усердием участвовал в спортивных соревнованиях, выкладывался на них, что было вредно для его здоровья и особенно для больной спины.

Участвуя в элитных студенческих клубах, Джон Кеннеди вел себя в Гарварде так, как был приучен с детства. Он был прост в общении с сокурсниками, но тесные отношения поддерживал только с теми, кто был близок к нему по имущественному и социальному статусу. Он улыбался и крепко пожимал руки студентам из числа бедняков, обучавшимся на казенный кошт, так как они проявили высокие способности, но никогда не делился с ними планами, не откровенничал даже по поводу женского пола.

Более того, Джон особенно не скрывал, что у него был черный слуга Джордж Тейлор, которого отец приставил к нему для заботы об одежде, стирки и глажке, для уборки квартиры, где он проживал. Сокурсник Чарлз Хотон вспоминал, что если Джон что-нибудь случайно бросал на пол, то никогда эту вещь не поднимал, так как существовал слуга, который делал всё необходимое, когда юный хозяин уходил из дома{243}.

Не испытывая недостатка в средствах, не будучи обремененным излишней академической работой, Джон Кеннеди в университете продолжал обогащать свой опыт общения с молодыми дамами. При этом в качестве объектов ухаживаний, а затем и связей он избирал «безопасных» девушек — то есть тех, которые не претендовали на замужество или на ком он просто не мог жениться, так как они не были католичками. Любопытно, что Джон предпочитал подруг своей сестры Кэтлин — о них сестрица знала и передавала брату необходимые сведения, чтобы обезопасить его от неожиданных дамских претензий, причем продолжала поставлять полезную информацию, даже находясь в Лондоне.

Впрочем, однажды у юноши появилась пассия, которая рассматривалась почти всерьез. Звали девушку Фрэнсис Кэннон. Была она дочерью богатого промышленника, считалась умной и привлекательной. Но семья была протестантской, вскоре стало ясно, что о переходе в католичество не может быть и речи, и встречи прекратились.

В студенческие годы Джон совершил три поездки за границу — своего рода двухмесячную экскурсию летом 1937 года, краткую поездку на каникулы в 1938 году (оба этих визита состоялись до того, как отец стал послом) и длительный тур в 1939 году, продолжавшийся около семи месяцев.

Его попутчиком в первой поездке был Лем Биллингс.

Молодые люди побывали во Франции, Италии и Испании, в

нескольких малых странах. Джон проявил великодушие по отношению к другу. Лем был стеснен в средствах, и потому на ночлег приятели останавливались в самых дешевых местах. Однажды заплатили всего доллар за комнату на двоих, в другой раз обошлись 50 центами. Был даже совсем невероятный случай, когда смогли переночевать в молодежном общежитии всего за десять центов на каждого{244}.

Политических целей поездка не преследовала. Джон и Лем посещали музеи, дворцы, замки, соборы, взбирались на горы, побывали на полях сражений Первой мировой войны.

Но полностью уклониться от столкновений с политикой было невозможно.

Особое впечатление на Джона произвела Испания, где шла гражданская война. В письме отцу он был осторожен в оценках, но всё же сочувствовал республиканскому правительству и выражал удивление, что 95 процентов американцев не знают о том, «что здесь происходит». Отмечая, что в случае победы генерала Франко Испания получит более твердое государственное управление, Джон в то же время подчеркивал, что программа и действия республиканского правительства во многом напоминают мероприятия «Нового курса» в США{245}.

Мы видели уже, что его отец стоял на противоположной позиции. Постепенно, почти незаметно, между Джозефом-старшим и его вторым сыном стали возникать разногласия, которые, однако, не приводили к личностным конфликтам. Каждый воспринимал взгляды другого как данность, с которой необходимо считаться, не вступая в бесполезные споры.

Возвратившись в Гарвард, Джон заинтересовался государственно-политическим управлением, выбрав эту тематику в качестве своей узкой, профессиональной специализации. Темой его первой студенческой научной работы стала карьера члена палаты представителей Бернарда Снелла — политика средней руки, к тому же отъявленного противника «Нового курса». Как пишет биограф его отца, Джон «исследовал карьеру Снелла с отвлеченной любознательностью биолога, изучающего при помощи скальпеля необычный вид. Политикой он интересовался только с точки зрения своего холодного аналитического ума»{246}. Эмоциональное вовлечение в политику наступит значительно позже.

В отношении старшего сына родители дали согласие на то, чтобы он по завершении первой ступени высшего образования перед поступлением в Школу права Гарвардского университета взял годичный академический отпуск *для* поездки по европейским странам. Предполагалось, что это будет длительный

вояж, значительно более продолжительный, чем тот, который предпринял Джон. Джозеф-старший полагал, что, увидев старый мир своими глазами, Джо сможет лучше подготовиться к политической карьере, о которой он уже всерьез задумывался. Отец договорился, чтобы сына назначили на второразрядный пост дипломатического курьера в американском посольстве в Париже, с тем чтобы он мог посещать европейские столицы. Между прочим, в самом этом факте проявилась ментальность всех членов семьи — если можно сэкономить какую-то сумму, никогда не пренебрегай этим. Джо вполне мог бы поездить по странам на средства отца, что было не так уж дорого. Но он, с одобрения родителя, предпочел делать это за государственный счет. Так он побывал в Чехословакии как раз после подписания Мюнхенского соглашения, а позже в Варшаве, Стокгольме, Копенгагене и даже в Берлине, где своими глазами наблюдал за жизнью в нацистской Германии.

Третий рейх не произвел на Джо-младшего глубокого впечатления. Во всяком случае, никаких восторгов по поводу нацистской власти он, в отличие от отца, в регулярных письмах родным не высказывал. Впрочем, подробные письма и из Мадрида, где также побывал Кеннеди-сын как раз во время осады города мятежниками, внешне носили описательный характер. Однако между строк читалось, что сдержанные симпатии наблюдателя, как и младшего брата, побывавшего в Испании годом ранее, были на стороне республиканцев{247}.

По возвращении на родину Джозеф-младший стал учиться, как это и предполагалось, в Школе права Гарвардского университета, где намеревался завершить вторую ступень высшего образования. Одновременно он занимался и политической деятельностью.

25-летний студент был включен в делегацию штата Массачусетс на съезд Демократической партии, намеченный к проведению в Чикаго. Демократические боссы Бостона полагали, что внук бывшего мэра Фицджералда и сын нынешнего посла в Великобритании будет достойным представителем молодой генерации демократов на национальном съезде, которому предстояло определить кандидата в президенты.

Так как Рузвельт буквально до последнего момента скрывал, что собирается выдвинуть свою кандидатуру в третий раз, перед съездом шли острые дебаты по поводу того, кого следует поддержать. Джозеф склонился к кандидатуре Джеймса Фарли.

Прошедший в политике путь от руководства низовой парторганизацией демократов до председательства в ассамблее штата Нью-Йорк, а затем в 1932 году став членом политического

штаба Рузвельта, Фарли был мастером на все руки. Он умел развязывать сложные политические узлы, которые, казалось, можно было только разорвать, был неплохо знаком с бизнесом, отличался личной скромностью — не пил, не курил, посещал каждую воскресную церковную службу. С 1933 года Фарли был генеральным почтмейстером США, то есть министром почты и телеграфа. Однако в сентябре 1940 года он покинул правительство, намереваясь побороться за пост президента.

За Фарли высказалось руководство массачусетской делегации. Впрочем, императивного мандата (то есть обязанности голосовать за определенное лицо) делегаты не имели. Джозеф-младший поддержал Фарли, будучи убежденным, что Рузвельт не выдвинет свою кандидатуру, и вообще полагая, что одно лицо в президентском кресле 12 лет подряд неприемлемо для американской демократии.

Он был в принципе прав.

Действительно, восьмилетний период пребывания у власти достаточен даже для самого талантливого администратора в демократическом обществе. Он испытывает нервное перенапряжение, невольно устает от власти, начинает повторяться, надоедает избирателям; растут его эгоизм и нетерпимость. А отсюда недалеко и до стремления к авторитарному правлению. Но в 1940 году сложилась особая ситуация. Можно полагать, что при всех существовавших у Рузвельта и усиливавшихся теперь недостатках лучшего руководителя для США в это чрезвычайное время не было.

В начале лета Рузвельт выступил с сенсационным заявлением: если народ этого захочет, он не сможет уклониться от выполнения своего долга. Господь, по его словам, сделает свой выбор, и воля Его проявится на партийном съезде. Это было весьма откровенное притязание на переизбрание, которое оставляло однопартийцам весьма слабые шансы на выдвижение других кандидатур.

Съезд демократов проходил 15—18 июля. Ситуация сразу же прояснилась. После открытия съезда на огромном городском стадионе начальник городской канализационной сети Томас Герри, спрятавшийся в полуподвальном этаже, подключил микрофон к громкоговорителям и закричал: «Мы хотим Рузвельта!» Этот возглас, который потом злые языки стали называть «голосом из канализации», был подхвачен массой делегатов и гостей, исступленно оравших: «Все хотят Рузвельта!» Не желая идти вразрез с господствовавшим мнением, руководство делегации Массачусетса изменило позицию, отказалось от поддержки Фарли и высказалось в пользу Рузвельта.

Точно так же поступили все делегаты, кроме нескольких человек, причем самым упорным оказался Джо Кеннеди. Вновь и вновь к нему обращались старшие политики, уговаривая прекратить упрямое поведение, перестать поддерживать кандидата, обреченного на поражение. Но все усилия были тщетны. «Я дал слово голосовать за Фарли и не отступлю», — повторял Джо. Тогда на переговоры отправился журналист Артур Крок, друг отца. Крок объяснял, что Фарли поймет его изменившуюся позицию и освободит от данного слова, если Джо к нему обратится. «Я не буду его спрашивать», — вновь отвечал упрямец{248}. На этом он стоял до конца. В результате Рузвельт получил 946,5 голоса (некоторые делегаты имели только полголоса), Фарли — 72,5, остальные кандидаты в совокупности — 70,5. Среди голосовавших за Фарли был Джозеф Кеннеди-младший. На съезде демократов он проявил свой независимый и упрямый характер. В принципиальных политических делах у него обнаруживалась всё большая самостоятельность.

Джозеф проявлял силу характера и жесткость буквально во всем. В изданном через несколько лет сборнике его памяти самым юным автором оказался двенадцатилетний младший брат Эдвард. Он рассказал, как вместе с Джозефом как-то пытался завоевать приз на парусных гонках. Эдвард допустил ошибку, задумался на долю минуты и не успел выполнить команду брата. Тогда тот схватил ребенка за шиворот и окунул в ледяную воду с головой. «У Джо был только один недостаток, — завершал этот фрагмент наивный Эдвард. — Он легко, как видно, приходил в ярость во время спортивных состязаний»{249}.

После выборов 1940 года, в тот период, когда США постепенно вовлекались во Вторую мировую войну, не становясь пока еще воюющей державой, Джозеф-младший, продолжая учиться в Школе права Гарвардского университета, на некоторое время сблизился с изоляционистами. Неверно было бы полагать, что это произошло под прямым влиянием отца — к этому времени Джо стал не только физически зрелым молодым человеком, он научился, как мы увидели, самостоятельно мыслить, проявлял твердость в своем политическом выборе. Так что речь скорее может идти о временном совпадении взглядов сына и отца. В университете Джо участвовал в нескольких организациях, которые выступали за невмешательство США в европейские дела. Он выступал на собраниях, аргументируя свой тезис, что США выгоднее торговать с континентальной Европой, даже если она оккупирована нацистами (сам факт оккупации молодой юрист не одобрял, но как бы мирился с ним), чем помогать Великобритании{250}.

Несмотря на некоторые политические расхождения со старшим сыном, Джозеф-старший решил, что опыт европейских поездок был для отпрыска полезен и что второй сын Джон должен этому примеру последовать.

В августе 1938 года состоялась вторая поездка Джона Кеннеди в Европу. Вояж был чисто развлекательным. Особых впечатлений Джек не получил. Зато третье и последнее довоенное путешествие в Старом Свете было продолжительным и содержательным. Чтобы провести время в Европе с пользой, без спешки, и увидеть как можно больше, были предприняты две «инициативы». Во-первых, Джон взял отпуск на один семестр в университете, высвободив первую половину 1939 года. Во-вторых, он получил по просьбе отца и с разрешения Госдепартамента неоплачиваемую должность секретаря американского посольства в Лондоне, что позволяло ездить с дипломатическим паспортом. Хотя это была самая низшая и временная позиция — что-то вроде мальчика-слуги в офисе, — Джон оценил представившуюся возможность как «великолепное вступление» в общественную жизнь{251}.

Отец предварял его поездки телеграммами в американские посольства разных стран с просьбой быть внимательными к его сыну. Это пребывание в Европе продолжалось семь с половиной месяцев вплоть до 20 сентября 1939 года, то есть юноша на европейской части континента застал и самый канун, и начало Второй мировой войны.

Джон совершил длительное путешествие с Запада на Восток, посетил многие европейские страны, а также Палестину и другие районы Ближнего Востока. Из каждой страны, где он побывал, Джон посылал отцу подробные письма-отчеты об увиденном, о своих впечатлениях касательно текущей ситуации, которые давали почву для дальнейших рассуждений о положении в этой стране, о том, как следует оценивать ее место в разворачивающемся мировом конфликте. Характер писем свидетельствовал о резко возросшем интересе к социально-политической проблематике, к международным отношениям и дипломатическим делам, к сравнительному анализу общественных ситуаций. Джон явно взрослел в интеллектуальном смысле, его оценки становились всё более взвешенными и зрелыми.

Содержание писем Лему Биллингсу также свидетельствовало о его изменившихся интересах. В них шла речь и о новых успехах на любовном фронте, но главное внимание уделялось политическим наблюдениям. Европейская ситуация «становится запутанной самым чертовым образом», — говорилось в письме

другу, отправленном в конце марта. Автор продолжал: «Например, пытаясь вовлечь Россию в число гарантов мира, они (Франция и Великобритания. — *Л. Д., Г. Ч.)* должны дать ей возможность двинуть свои войска на помощь, если Германия нападет на Польшу или Румынию. Однако Польша и Румыния имеют оборонительный союз против России, которую они боятся почти так же сильно, как и Германию, так как Россия претендует на их территории, и они чувствуют, что, если русские армии войдут в их пределы, они не смогут их оттуда выдворить»{252}. Это был точный анализ реального положения (в частности, территориальных претензий СССР к Польше на Западную Украину и Западную Белоруссию и к Румынии на Бессарабию) и одновременно прогноз того, что произойдет через несколько месяцев, разумеется, с естественными ситуационными уточнениями.

Несколько недель Джон провел в посольстве США в Париже, набираясь опыта у видавшего виды дипломата Уильяма Буллита. Секретарь посольства Карнел Оффи вспоминал, что Джон часами сидел в его кабинете, изучая документы, связанные с текущей европейской ситуацией{253}.

Положение в Германии, в которой он побывал вслед за этим, привело Джона в ужас. В Берлине он вместе со своим приятелем по Гарвардскому университету Торбертом Макдональдом, который приехал в составе спортивной команды, а после велосипедных соревнований охотно согласился сопровождать товарища в поездке по Третьему рейху, увидел оргию штурмовиков, которые на одной из городских площадей сжигали книги.

По просьбе Джона шофер автомобиля, в котором он ехал вместе с Торбертом, приостановился. На машине были британские номерные знаки. Заметив их, штурмовики стали швырять горящие тома, а затем и камни в машину Шофер предпочел убраться подобру-поздорову. Ни сам Джон, ни его спутник не пострадали. Но этот эпизод Кеннеди потом не раз вспоминал. Он произвел на него глубокое впечатление, явно усилив враждебность к самой сущности тоталитарных систем.

Во время своей поездки Джон посетил и СССР. Он побывал в Ленинграде, Москве, Киеве и в Крыму. Советский строй произвел на него отталкивающее впечатление. Молодому человеку сразу стала понятна та казарменно-бюрократическая система, которая была построена Сталиным. И тем не менее в сильной государственной власти он увидел определенные преимущества, которые можно было, по его мнению, использовать, не жертвуя демократическими принципами. Впечатления Джона оказались

интересными для американского посла в Москве Чарлза Болена, который в своих мемуарах отметил живой ум и сообразительность молодого Кеннеди[254].

Во время пребывания в Москве состоялась любопытная встреча с секретарем посольства нацистской Германии Гансом фон Хервартом. Джон интересовался мнением германского дипломата об СССР. Карьерный дипломат Херварт, служивший Гитлеру, не разделяя нацистской идеологии, вспоминал, что «умные вопросы» молодого человека произвели на него глубокое впечатление. Немец затем убеждал Болена уговорить Кеннеди поступить на дипломатическую службу[255].

Побывав в Испании, Джон в явном противоречии с впечатлениями от первой поездки в эту страну выразил полное сочувствие тому режиму, который незадолго перед этим установил генерал Франко, разгромивший республиканцев. В клубке испанских противоречий он и не желал разбираться и просто не в состоянии был бы это сделать. Его впечатлило, что в стране был установлен мир, пусть репрессивный, но не прибегающий к существенному кровопролитию. Не употребляя соответствующих терминов, Джон всё же учился различать тоталитарные системы и авторитарную власть.

Правда, переехав после этого во Францию и встретившись в лагерях беженцев на юге этой страны с активными республиканцами — борцами против мятежников, он не был теперь столь категоричен, выражал им сочувствие. Вместе с тем он довольно прозорливо, хотя в основном интуитивно, не опираясь на конкретные факты, полагал, что Испании угрожал коммунизм сталинского типа, что испанские коммунисты не являлись патриотической силой, а следовали указаниям Москвы.

За СССР последовали балканские страны и Палестина. Молодой человек присматривался к обстановке, знакомился с образом жизни, национальными особенностями, межэтническими противоречиями, территориальными претензиями двух «пороховых погребов» — Балканского полуострова и британской подмандатной Палестины. Но главное, он наблюдал зарубежный мир как раз в то время, когда фактически дело шло к развязыванию нацистской Германией новой мировой войны.

Джону удалось почувствовать запах надвигавшейся бойни. В письмах отцу и другим членам семьи, а также Лему Биллингсу молодой человек постоянно подчеркивал крайне нервозную обстановку, царившую в тех столицах, в которых он побывал.

На первый взгляд было неожиданным, что особенно внимательно и подробно он описывал впечатления от Палестины, казалось бы, отдаленной периферии мировых событий. Однако он

пытался разобраться в характере арабско-еврейских конфликтов, что свидетельствовало об умении выделять животрепещущие моменты ситуации, которая не могла найти своего разрешения в прямых действиях{256}. В письме отцу Джон прямо не становился ни на сторону евреев, ни на сторону арабов и уже в этом отличался от тех британских официальных лиц, которые обвиняли во всех трудностях Палестины еврейских иммигрантов, разжигавших, по их мнению, конфликт с арабским большинством. Более того, в письме содержалось признание, что, используя примитивные методы обработки земли, арабы не смогут выдержать конкуренции с более культурными и организованными евреями. Любопытно, что в этом письме мы находим свидетельство начала созревания антиколониалистских настроений молодого Кеннеди. Он явно осуждал сохранение Великобританией мандата на Палестину, хотя и выражал сомнение, что Британия когда-нибудь добровольно откажется от этой территории.

Впрочем, он подчеркивал необходимость прагматических решений. Бесполезно, полагал он, дискутировать на тему, какая сторона занимает более справедливую позицию. «Важно найти такое решение, которое будет работать»{257}. При спорности такого подхода, нежелании путешественника становиться на чью-либо сторону, он невольно отдавал определенное предпочтение евреям, как народу близкому к европейской традиции.

В отчете отцу о палестинских впечатлениях Джон пытался разобраться в британской политике в этом регионе после Первой мировой войны, в причинах и масштабах еврейской иммиграции в 1930-е годы, современных конфликтах между евреями и арабами, в политических течениях внутри каждой из этих этнических групп.

В последние десять дней августа Джон непосредственно наблюдал за драмой развязывания мировой войны. Он с жадностью впитывал впечатления, мотаясь между Прагой (оккупированной нацистами в марте 1939 года), Берлином и Мюнхеном. Его поведение напоминало работу военного журналиста, стремившегося побывать на самых жарких участках сражения, которое должно было вот-вот разгореться.

Особое впечатление на него в эти дни производила мощная нацистская пропаганда. «Антипольскую кампанию просто невозможно описать. Все номера газет (имелись в виду немецкие газеты. — *Л. Д., Г. Ч.)* содержат всё более мрачные рассказы о польских зверствах против немцев». О развивавшихся аналитических задатках молодого человека, способности предвидеть события свидетельствовало мнение, что война

начнется с провокации: «Поляков выставят агрессорами, и долгом каждого немца объявят необходимость остановить их»[258].

Джон возвратился в Лондон в тот самый день, 1 сентября, когда Германия совершила нападение на Польшу, использовав в качестве предлога именно провокацию — фиктивное нападение поляков на радиостанцию в городе Гляйвиц (Гливице), что означало начало Второй мировой войны.

В этот же день германская подводная лодка недалеко от шотландского берега потопила британский пассажирский корабль «Атения», направлявшийся в Канаду. В числе около полутора тысяч пассажиров находились свыше трехсот американцев. Погибли 128 человек (включая 28 граждан США). Британский крейсер подобрал выживших в открытом море и доставил их в Глазго. 6 сентября посол Кеннеди направил своего сына в качестве сотрудника посольства в этот шотландский город. Это было первое ответственное государственное поручение для 22-летнего юноши, которому пришлось выслушивать отчаянные жалобы своих сограждан на то, что американские власти не обеспечивают их безопасное морское путешествие, что они безразличны к их судьбам. Бывшие пассажиры погибшего корабля требовали, чтобы их отправили домой либо на военном судне, либо на пассажирском пароходе, но в сопровождении военного эскорта. Вначале растерявшийся Джон быстро взял себя в руки. Поговорив с отцом по телефону, он передал пассажирам обещание, что им будет оказана материальная помощь, что их погрузят на ближайший корабль. Однако военного сопровождения посол не обещал, что вызвало бурное недовольство. Всё же «школьнику-дипломату», как назвали британские газеты посланца посольства, удалось успокоить страсти. Джон буквально летал из гостиниц в госпитали, где были размещены пассажиры, и обратно, успокаивал их, находил затерявшихся членов семей, поддерживал контакт с посольством, требуя ускорения формальных процедур (выдачи новых паспортов, проездных документов и т. п.)[259].

Урегулировав первоочередные дела, связанные с отправкой соотечественников на родину, сделав всё, что было в его силах, и проявив при этом находчивость и энергию, Джон возвратился в Лондон. 21 сентября он вылетел на самолете в Нью-Йорк — это был его первый трансатлантический перелет, которых после войны будет немало.

Первая книга Джона

Возвратившись в Гарвардский университет, Джон

сосредоточил свои усилия на том, чтобы завершить первую ступень высшего образования. Напомним, второй ступенью являлось обучение в какой-либо специализированной школе университета (правовой, административной, инженерной, школе бизнеса и т. д., что как-то соответствовало аспирантуре европейских стран). Джон вплотную и серьезно занялся подготовкой выпускной исследовательской работы.

Правовые и политологические курсы, которые он изучал в последний год своего пребывания в Гарварде, требовали критического анализа монографий, научных статей, правовых документов. Университетские профессора свидетельствовали, как вырос Джон Кеннеди в интеллектуальном отношении. Исчезли пренебрежение к занятиям, легкомыслие, свойственное ему ранее. Месяцы пребывания в Европе в критический 1939 год способствовали формированию зрелого специалиста.

В суждениях некоторых учителей оценка Джона даже стала более высокой, чем его старшего брата. Профессор истории Уильям Карлтон, учивший обоих братьев, вспоминал: «Для меня стало ясно, что Джон обладает значительно более глубоким историческим и политическим мышлением, чем его отец или его старший брат». «В самом деле, способность Джона видеть современные события в исторической перспективе и производить проекцию текущих исторических событий на будущее была необыкновенной»{260}.

Под впечатлением от назревавшей европейской катастрофы он посвятил свою выпускную работу причинам и предпосылкам соглашения западных держав с Гитлером в Мюнхене о передаче Судетской области в руки Германии. Война уже бушевала, и студент-выпускник имел возможность оценивать ее предпосылки с точки зрения того, как они созревали и привели к чудовищному результату.

Работа была посвящена узловому событию недавнего прошлого, которое теперь, с началом Второй мировой войны, рассматривалось как вершина «умиротворения» нацистской Германии, причем этому термину был придан крайне негативный смысл. Под ним подразумевались унижение западных держав, отсутствие у них решительности, фактическая капитуляция перед Гитлером.

Приступая к работе, Джон решил не поддаваться политическим настроениям, а попытаться подвергнуть Мюнхенское соглашение объективному анализу не просто на фоне событий в Европе, но и в тесной причинно-следственной связи с ними.

По объему этот труд (он приблизительно соответствовал

дипломной работе, выполняемой на исторических факультетах российских университетов) значительно превышал средние нормы (150 машинописных страниц вместо обычных семидесяти). Биограф Джона Кеннеди Д. Берне оценил работу не слишком высоко. Он писал: «Диплом Кеннеди был характерной студенческой работой: пафосный и педантичный стиль, множество статистических материалов и сносок, попадались орфографические ошибки и плохо построенные предложения»{261}. Думается, Берне был излишне придирчив. В тексте, написанном самостоятельно, автор стремился доказать основные положения им самим выдвинутых тезисов. А уж статистические таблицы и сноски были явно не недостатком, а преимуществом работы, но это Берне оказался неспособным оценить, поскольку писал биографию как хлесткий журналистский труд. Что же касается грамматических ошибок, то тут биограф был прав — об этом недостатке рукописей Джона Кеннеди мы уже писали.

Джон попытался рассмотреть Мюнхенское соглашение отстранение, с точки зрения аналитика, а не заинтересованного лица. В этом он существенно разошелся с отцовской позицией, имея в виду, что Джозеф был одним из творцов мюнхенской политики. Правда, Джон стремился не обвинять участников сговора с Гитлером, тем более собственного отца (его фамилия вообще не упоминалась), не выносить приговора. Он рассматривал происшедшее роковое событие как результат всей политики, которую проводила Великобритания на протяжении предыдущих лет (аналогичной была роль Франции, но ее автор почти не касался).

В конце концов, он дал работе название, в котором содержалась сущность авторской концепции: «Умиротворение в Мюнхене: Неизбежный результат медленности отказа британской демократии от политики разоружения».

Джон напряженно работал, просматривал десятки газет и журналов, изучал британские официальные публикации и статистику. По его просьбе сотрудники посольства в Лондоне послали ему массу материалов — газетные вырезки и только что вышедшие книги, меморандумы, отчеты, памфлеты и т. п.{262} В результате автор пришел к выводу, что произошедшее в Мюнхене событие было результатом многочисленных факторов: неоправданного пацифизма, веры в хрупкую и ненадежную Лигу Наций, эгоистических настроений большого бизнеса и рабочего движения, мелкой политической партизанщины.

Сосредоточив внимание на объективных факторах, молодой исследователь почти пренебрег субъективной стороной дела —

позицией консервативного правительства и его главы Чемберлена. Он не снимал с них вины за Мюнхенский сговор, а просто почти не касался этого вопроса. Кеннеди-младший ограничился малозначительной фразой, что, мол, премьер-министр «не был в состоянии бороться, даже если бы он хотел этого… Я полагаю, что английское общественное мнение не было в достаточной степени организовано, чтобы поддержать его в войне»{263}. Здесь чувствуется нотка сомнения, недоговоренности. Чего стоит сослагательное наклонение: «…если бы он хотел». Но в детали поведения британского премьера Джон не вдавался, оставляя их за текстом.

По существу из всей работы вытекало, что правительство Чемберлена вынуждено было проводить политику «умиротворения» под влиянием сложившихся обстоятельств. В этой связи неосторожно звучали слова об «общей слабости демократии», которые можно было воспринять в качестве сомнения в преимуществах такого общественного устройства. Пожалуй, в этом проявилось в известной степени сыновнее чувство, нежелание, критикуя Чемберлена, косвенно обидеть собственного отца — его единомышленника.

Впрочем, значительно более убедительно звучали сравнения демократического и тоталитарного социальных устройств с точки зрения мобилизации наций на случай войны. Кеннеди показывал, что в тоталитарном государстве (правильнее было бы сказать — в тоталитарной системе) можно добиться высшей степени мобилизации ресурсов. Тем не менее выражалась уверенность, что в конечном итоге демократия окажется сильнее, чем тоталитаризм[20].

В начале весны 1940 года удовлетворенный Джон писал отцу: «Наконец, закончил свою работу. Название: “Умиротворение в Мюнхене — неизбежный результат неспособности британской демократии отказаться от политики разоружения”. Пришлось поработать больше, чем я когда-нибудь делал за всю мою жизнь»{264}. Отец в полной мере оценил деликатность сына. Когда Джон послал ему экземпляр рукописи, он внимательно ее прочитал и в мае 1940 года откликнулся двумя письмами. В первом он, одобряя работу по существу, советовал еще раз внимательно проверить текст, так как в нем обнаруживались фактические ошибки. Во втором, чувствуя, что Джон в глубине души осуждает Чемберлена, Кеннеди-старший, стремясь проявить себя трезвомыслящим политиком и аналитиком, подверг легкой критике работу за то, что в ней не отмечались недостатки политики Чемберлена и его предшественника Стенли Болдуина. Политик должен не только реагировать на желания народа,

поучал он. «Он должен также заботиться о национальном благосостоянии и пытаться просветить народ».

Удовлетворенный Джон не просто согласился с мнением отца. Он почти дословно включил его суждения в окончательный текст работы[265]. Более того, в конце рукописи прозвучала мысль, которая через много лет станет центральным моментом инаугурационной речи Кеннеди-президента: людям следует думать о том, чтб они могут дать своему правительству, а не о том, что они хотят получить от него. Точно так же, выраженная в одном лишь тезисе мысль о том, что США должны вооружаться, чтобы их «демократия была работоспособной», явилась фактически главной «практической рекомендацией» работы, существенно отличавшей позицию Кеннеди-сына от хорошо известной аксиомы Кеннеди-отца по поводу «умиротворения».

Выпускная работа Джона Кеннеди была высоко оценена профессорами. Известный ученый Карл Фридрих писал в своем отзыве, что «диссертация» Джона Кеннеди заслуживает высшей оценки, и продолжал: «[Рассматриваются] фундаментальные предпосылки, которые никогда ранее не анализировались. [Работа] слишком длинная, слишком много слов, повторений… Но диссертация вызывает действительный интерес и является результатом значительной и продолжительной работы»[266]. Для весьма требовательного профессора это была высшая возможная оценка. Профессорская коллегия решила, что Джон Фицджералд Кеннеди достоин диплома *cum laude* (с отличием).

Довольный отец не только поздравил Джона, но и прислал солидный чек. Более того, Джозеф позаботился, чтобы книга как можно скорее была издана, полагая, что она будет способствовать академическому и, возможно, политическому продвижению сына и в то же время посодействует оправданию политики «умиротворения» на протяжении предвоенного года (именно так он трактовал положение работы о военной неподготовленности Великобритании).

Джозеф попросил своего хорошего знакомого известного журналиста Артура Крока отредактировать материал и придумать для книги подходящее название. Крок так и поступил. Позже он утверждал, что проделал значительно бо́льшую работу, чем просто редактирование. Он писал в воспоминаниях: «Когда я получил ее (рукопись. — *Л.* Д, *Г.* ¥.), это была совершенно неорганизованная сумятица. Были предложения без подлежащих и сказуемых. Это была очень нудная работа, в основном цитаты из журналов и газет, как-то связанные между собой. Я привел ее в порядок и написал в конце заключение»[267]. Думается, что журналист существенно преувеличил свою роль в подготовке

книги, ибо в том виде, о каком он писал, работа просто не была бы зачтена в университете в качестве выпускного сочинения. Да и сопоставление книги с текстом дипломной работы свидетельствует, что Крок в основном провел литературно-стилистическую редакцию.

В результате первая книга 23-летнего Джона Кеннеди «Почему спала Англия» была быстро, уже в июле 1940 года, выпущена издательством Уилфреда Функа в Нью-Йорке, да еще с предисловием Генри Люса, издателя журнала «Тайм».

Обратим внимание на два момента, связанные с заголовком. Во-первых, в нем не было вопросительного знака, то есть он утверждал: в тексте будут полностью объяснены причины этой сонливости; во-вторых, это была перефразировка, причем удачная, вышедшей перед этим книги У. Черчилля «Пока спала Англия»{268}, в которой были собраны речи воинственного консервативного лидера, выступавшего за энергичный отпор германским агрессивным действиям. Заимствование Джоном Кеннеди идеи заголовка Черчилля было весьма показательным, да и сама выпускная работа была концептуально близка к сборнику британского деятеля.

Тираж работы Джона был значительным — 80 тысяч экземпляров. При всей противоречивости дававшихся тогда оценок Мюнхенского соглашения книга, как это ни удивительно, получила прекрасную прессу. Весьма требовательное литературное приложение к лондонской газете «Тайме» даже высказало мнение, что «книга молодого человека содержит много мудрых суждений для старшего поколения». В США работа была использована кругами, близкими к Рузвельту, в качестве аргумента в пользу скорейшего перевооружения страны, с тем чтобы она не оказалась в положении, подобном британскому{269}. Автор получил гонорар — 40 тысяч долларов — первые крупные деньги, которые он заработал своим трудом (если не считать физической работы на ферме). Гордый отец преподнес книгу супруге короля Великобритании, У. Черчиллю и даже уже известному нам лейбористскому деятелю Г. Ласки. А Джон купил на заработанные деньги автомобиль «бьюик» — пристойную по тем временам легковую машину

В Англии книга была оценена значительно строже, чем в США, и это понятно, ибо в ней подвергалась критике британская предвоенная политика, причем не в личностном плане, что было бы вполне терпимо, а с общесоциологических позиций. Особенно недоволен был Г. Ласки, и скорее всего неуважительными ремарками по поводу британской демократии и рабочего движения этой страны. На просьбу отца автора выступить с

рецензией маститый профессор ответил: «Хотя книга написана юношей, у которого есть голова, она очень незрела, по сути дела не имеет плана, а автор в большинстве случаев скользит по поверхности»{270}.

В те недели, когда обсуждалась его работа, а затем после сдачи, в ожидании выпускных торжеств, Джон активно включился в общественную деятельность, теперь почти полностью связанную с позицией США в отношении ко Второй мировой войне. В университетской газете он опубликовал статью, в которой критиковал изоляционистские настроения, в частности распространенные в самом университете. При этом он опирался на выводы собственной работы. В статье говорилось: «Если задать вопрос, почему Британия была так плохо подготовлена к этой войне или почему американская оборона оказалась в таком шоковом положении, главным ответом будет отношение к вооружению. Отказ от вооружения не спас Британию от войны и может стоить ей дорого. Позволим ли мы себе в Америке отказаться от такого урока?»{271}

В середине июня в Гарвардском университете состоялись выпускные торжества. На празднование приехала Роза в сопровождении сына Роберта и дочерей. Отец прислал телеграмму из Лондона: «Я всегда знал о тебе две вещи: во-первых, ты умный; во-вторых, ты просто хороший парень»{272}.

Тем временем надо было решать проблемы дальнейшей карьеры. Если в июне 1940 года, сразу по окончании университета, Джон думал последовать примеру старшего брата и поступить в Правовую школу, но в другом научном центре, то теперь он решил не идти по стопам брата. Он стремился полностью выйти из-под крыла старшего и для этого отгородиться от него даже территориально. Некоторое время он собирался продолжать обучение не в Гарварде, а в Йельском университете — скорее всего для закрепления самостоятельности — и от отца, и от Джозефа-младшего, которых слишком хорошо, по мнению Джона, знали в Бостоне и его окрестностях. Колебания, однако, продолжались. Джон никак не мог найти наиболее привлекательную для себя сферу интересов. Возможно, сложные перипетии кануна и начала Второй мировой войны на какое-то время стали вызывать у него неприязнь к политике в принципе. Не исключено, что ему просто надоело копаться в политических и правовых трактатах, связанных с Мюнхенским соглашением. Объявив, что он посвятит себя хозяйственной деятельности, Джон поступил в Школу бизнеса Станфордского университета в Калифорнии, записавшись на несколько курсов, связанных с хозяйственным администрированием. Школа бизнеса

находилась в прекрасном зеленом городе Пало-Алто на побережье Тихого океана. Теперь между обоими братьями лежали четыре часовых пояса.

Поначалу Джон был в восторге от нового университета. В ноябре 1940 года он писал Лему Биллингсу: «Я очень полюбил Станфорд. Все очень приветливы, девчонки довольно привлекательны, и вообще жизнь хороша». Сообщая, что он зарегистрировался для призыва в армию, Джон продолжал: «Они вряд ли возьмут меня в армию — и всё же, если я не поступлю, это будет плохо. Надеюсь, что я способен был бы там что-то сделать»[273].

Впрочем, задержался он в Станфордском университете ненадолго. Очень скоро наступило разочарование. Лекции казались нудными, а их содержание — или банальным, или плохо аргументированным. Напряженные самостоятельные занятия над огромными томами статистических таблиц или докладов корпораций также почти сразу утратили привлекательность. Проведя в Школе бизнеса в Пало-Алто всего один семестр, Джон прервал учебно-научную работу, получил отпуск и отправился в путешествие по Латинской Америке, которое продолжалось около трех месяцев[274]. Джон побывал в Аргентине, Уругвае и Чили. Он намеревался продолжить поездку, посетить новые страны и набраться впечатлений, подобных тем, какие накопил, путешествуя по Европе. Но подготовка США к войне была в разгаре, и подходило время явки на призывную комиссию.

Глава 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ В БИЗНЕС И УГАСАНИЕ В ЛУЧАХ СЫНОВНЕЙ СЛАВЫ

Политические маневры в годы войны

Как мы помним, дипломатическая служба отца семейства завершилась бесславно. Возвратившись в частную жизнь, Джозеф Кеннеди в своих политических оценках отказался от тех небольших уступок линии Рузвельта, которые вынужден был сделать после того, как в Великобритании у власти стало правительство Черчилля, а затем началась «битва за Англию». Больше не было позитивных, хотя и сдержанных оценок мужества англичан, их решимости добиться победы.

Совершив вскоре после возвращения на родину поездку в Калифорнию, где он в Голливуде встретился с большой группой кинопроизводителей, Кеннеди дал волю своим чувствам. Публицисты Д. Пирсон и Р. Аллен суммировали его позицию в трех пунктах: Соединенные Штаты должны осознать, что Великобритания фактически разгромлена; США должны осторожно, но решительно ограничивать помощь Англии, а тем временем вооружаться, чтобы быть в лучшем положении для переговоров с побеждающими странами оси; голливудские продюсеры должны прекратить создавать фильмы, оскорбляющие диктаторов и их режимы. В связи с последним суждением Кеннеди добавил, что Голливуд должен прекратить защищать евреев и не допускать, чтобы «еврейское негодование» в адрес Германии попадало в прессу и фильмы{275}.

Не столь острые и откровенные, но сходные суждения бывшего посла попадали в центральные газеты. А это вызвало негодование, и прежде всего в Англии. Лондонская газета писала, обращаясь к Кеннеди: «В конце концов, как мало вы нас знаете. Три года, которые вы провели в качестве посла, не дали вам возможности проникнуть в характер и традиции народа Британии»{276}.

Отношения Кеннеди с администрацией Ф. Рузвельта оставались натянутыми. Ему ставили в вину не только неуважительные высказывания в адрес Великобритании и ее народа, поддержку умиротворителей, контакты с гитлеровскими эмиссарами, неполное или неточное исполнение указаний президента, но и то, в чем он не был замешан. Упорное поведение Джозефа-младшего на съезде Демократической партии в Чикаго,

его противодействие третьему выдвижению Рузвельта на президентский пост приписывались влиянию отца. Никаких доказательств не было представлено, но в Белом доме упорно считали, что сын действовал по команде родителя. Сведения о таких настроениях попадали в прессу и еще более подрывали доверие к Джозефу-старшему со стороны демократов{277}.

Между тем темп вовлечения США в мировые военные проблемы всё более увеличивался. 29 декабря 1940 года Рузвельт выступил по радио с очередной «беседой у камина» (эти беседы вошли в практику со времени его первого вступления в должность президента в марте 1933 года), в которой он назвал свою страну «арсеналом демократии», а основным объектом помощи — борющуюся Великобританию. Через неделю, 7 января, в послании конгрессу о положении страны Рузвельт пошел еще дальше. Он объявил, что американская нация находится в опасности. В этих условиях руки нации не могут быть связаны. Президент полагал, что против тех, кто препятствует военно-экономическим усилиям страны, должны быть приняты государственные меры{278}. Таким образом, общественное положение Джозефа Кеннеди еще более ухудшилось. Дело дошло до того, что под заголовком «Рузвельт объявляет их врагами своей внешней политики» журнал «Лайф» поместил фотографии нескольких деятелей, которые считались сторонниками нацизма. В их число попал и Джозеф Кеннеди{279}, хотя осторожный президент никогда прямо не называл его своим врагом. И вообще это обвинение было не вполне справедливым, ибо под него можно было подвести значительную часть американского общества, стоявшую на позиции изоляционизма.

Так или иначе, но Кеннеди вынужден был оправдываться. 18 января 1941 года он выступил по радио, упрекая своих оппонентов в нетерпимости и извращении смысла его заявлений. Подменяя понятия, он отрицал, что вел себя по отношению к Великобритании как пораженец. Подлинные пораженцы, по его словам, это те, кто «потерял надежду на мир для Америки». Он зашел настолько далеко, что стал отрицать свою приверженность изоляционизму, но тут же, как бы спохватившись, подверг критике внесенный президентом на рассмотрение конгресса проект закона о поставках военных материалов и других средств ведения войны на основе долгосрочных кредитов или аренды тем странам, от обороны которых зависела безопасность США (этот закон, вошедший в историю как акт о ленд-лизе[21], был принят 10 февраля палатой представителей, а 11 марта — сенатом). Принятие этого закона неоправданно, полагал он[22].

Зная его позицию, противники предлагаемого законопроекта пригласили Джозефа Кеннеди в качестве свидетеля от оппозиции

на заседание комиссии по иностранным делам палаты представителей, рассматривавшей законопроект. Накануне дня своего выступления Джозеф встретился с журналистами и подверг законопроект еще более острой критике, полагая, что он ведет к вовлечению США в войну. Журналисты были убеждены, что примерно то же будет сказано и в официальной обстановке{280}.

Каково же было удивление не только акул пера, но и конгрессменов, а вместе с ними и широкой публики, когда Кеннеди выступил со своими показаниями, которые совершенно отличались от его предыдущих заявлений! Его вступительное слово было кратким, но ответы на вопросы продолжались почти пять часов. Однако тщетно было бы искать в них каких-либо определенных рекомендаций касательно ленд-лиза. Оратор противоречил сам себе. Он говорил, что идущая война — это не «американская война», что она ведется во имя чуждых интересов. Но буквально вслед за этим Джозеф провозгласил, что Соединенные Штаты возлагают большие надежды на победу Англии. Когда же его спросили, знает ли он какие-либо средства оказания помощи борющимся британцам, он ответил отрицательно. Он говорил, что Америка нуждается в сильном правительстве, но тут же высказывал опасение, что это может привести к уменьшению влияния конгресса на политическую жизнь страны.

Что же касается самого билля, то речь шла не о его полной негодности, как говорил оратор перед этим, общаясь с прессой, а о том, что законопроект не годится в его нынешнем виде. Однако на вопрос, какие изменения следует в него внести, Кеннеди также отказался ответить. Когда же члены комиссии стали настаивать на вразумительном ответе, Джозеф с кажущейся откровенностью, но на самом деле не желая теперь вмешиваться в высокую политику, в которой он явно не собрал лавров, заявил: «Я не хочу делать никаких выводов, потому что я вообще не знаю, о чем тут идет разговор».

Тем не менее депутаты-изоляционисты, скорее по традиции, чем в связи с этим выступлением, проводили Кеннеди аплодисментами{281}.

Почти примирившись со своим отстранением от государственных дел, Джозеф Кеннеди временами всё же надеялся, что будет снова «призван» на госслужбу. Его чаяния усилились, когда в результате нападения Японии на американскую базу Пёрл-Харбор в Тихом океане в декабре 1941 года США, наконец, оказались воюющим государством.

Хотя он в течение ряда лет всячески сопротивлялся

вступлению своей страны в мировую войну, теперь ситуация была иная. Америка не просто подверглась неспровоцированной атаке, но японская авиация уничтожила значительную часть тихоокеанского флота США. Страна была охвачена невиданным патриотическим порывом, грозившим самыми крупными бедами всякому, кто не выкажет подобных чувств.

Как только стало известно о начале войны на Тихом океане, ловкий Джозеф Кеннеди направил телеграмму президенту: «В этом страшном кризисе все американцы с Вами. Назовите фронт сражения. Я в Вашем распоряжении»[{282}]. В ответ из Белого дома пришло лишь сухое письмо с выражением признательности, подписанное даже не президентом, а его секретарем Стивом Ёрли. Чтобы вновь напомнить о себе, Кеннеди послал Рузвельту новогодний подарок — бутылку дорогого шампанского. Вновь — сухой ответ. Раздосадованный Джозеф позвонил в Белый дом. Ему ответили, что президент занят, попросили оставить номер телефона, пообещав, что через некоторое время ему перезвонят. Звонка, однако, не последовало[{283}]. Всего этого было достаточно, чтобы понять, что в услугах бывшего посла государственная администрация не нуждается.

Такая президентская «неблагодарность» превратила Кеннеди в критика Рузвельта по всякому поводу, прежде всего, разумеется, по вопросам, связанным с характером ведения войны и постановкой стратегических задач. Особое недовольство Джозефа вызвало заявление Рузвельта в январе 1943 года (после встречи последнего с Черчиллем в Касабланке) о том, что мировая война не может завершиться не чем иным, как безоговорочной капитуляцией Германии, Италии и Японии. Кеннеди был одним из первых в числе тех, кто осудил требование безоговорочной капитуляции. Это требование, утверждал он, ведет лишь к неоправданному затягиванию войны. По его мнению, разумной альтернативой являлся бы мирный договор, заключенный в результате переговоров со странами оси Берлин — Рим — Токио.

Однако Джозеф ограничивался только устными заявлениями, опасаясь, что будет зачислен в «подрывные элементы», а это повредит его финансовым делам и, что не менее важно, политическому будущему сыновей. Когда его попросили написать статью с обоснованием своего мнения по поводу требования безоговорочной капитуляции для влиятельного журнала «Ридерз Дайджест», Кеннеди решительно отказался[{284}].

Вновь в большом бизнесе

После отставки Джозеф продолжал свои финансовые

операции, сосредоточившись в основном на торговле недвижимостью. В этом деле он преуспел точно так же, как и в предыдущих своих делах, связанных с бизнесом.

Глава клана не просто понимал, но в силу своего богатого коммерческого опыта буквально ощущал, что рискованные операции с ценными бумагами становятся тяжелыми и даже опасными. Администрация Рузвельта установила сравнительно жесткий контроль над фондовым рынком, а вслед за этим стали формироваться и международные механизмы финансового регулирования в виде Всемирного банка и Международного валютного фонда (оба эти мощных учреждения были образованы в 1944 году).

Джозеф наблюдал, как в условиях войны бурно развиваются все сферы американской экономики, естественно, прежде всего производство вооружений, но вслед за ним и выпуск потребительских товаров, которые были необходимы и военнослужащим, и гражданскому населению. Но что произойдет, когда война завершится? Как и многие другие экономисты и бизнесмены, Кеннеди был убежден, что наступит производственный спад, а может быть, и серьезный кризис. Есть ли в таких условиях сферы, куда наиболее безопасно и прибыльно вкладывать капитал? — задавал он себе вопрос и приходил к выводу, что таковой является прежде всего недвижимая собственность.

Впрочем, как-то он дал иное объяснение своему охлаждению к биржевым спекуляциям. Выступая в чикагском экономическом клубе в конце 1945 года, в связи с затронутой слушателями проблемой оборота ценных бумаг, он произнес: «Я не хотел бы утратить респектабельность. Я оказался бы вне таковой, если бы занимался краткосрочными операциями на рынке»{285}. Сказано было довольно туманно, но смысл всё же читался — Кеннеди полагал, что о его спекулятивных операциях до войны позабыли, и был убежден, что имидж бывшего посла, занявшегося теперь крупным бизнесом, связанным с материальными ценностями, а не с эфемерными махинациями, к которым толпа относится подозрительно, как к деланию денег «из ничего», значительно более благороден.

Действительно, занявшись новым бизнесом, Кеннеди проявил великолепное чутье. В отличие от предвоенных дел действовал он теперь очень осторожно (впрочем, и в те годы его трудно было упрекнуть в азартности и торопливости). По самым различным каналам проводилась тщательная разведка, и только после этого предпринимались коммерческие действия.

Более того, Джозеф Кеннеди как бы стоял в стороне от

операций. Он создал две холдинговые компании[23] — «Парк Эйджензи» и «Кен Индастриз» (ни к паркам, ни к промышленности ни та ни другая никакого отношения не имели). Обе они действовали от имени доверенных лиц, а тот факт, что за ними скрывался бывший посол, оставался «за кадром». В отличие от прежних лет, когда Джозеф хвастал своими рыночными успехами, теперь он был скрытен. «Чем ты теперь занимаешься?» — спросил давний знакомый, встретив Кеннеди в нью-йоркском ночном клубе. «Абсолютно ничем», — последовал ответ. Собеседник комментировал: было совершенно ясно, что это откровенная ложь{286}.

В качестве финансовых советников Джозеф привлек своих сотрудников по довоенным операциям, наиболее доверенным из которых был Джим Лэндис. И всё же окончательное слово оставалось за Кеннеди, причем произносилось оно только после личного детального изучения дела.

Основным районом, где с конца войны действовал Джозеф Кеннеди, был Манхэттен — район Нью-Йорка, который на сугубо официальном языке именовался Нью-Йорком (другие районы этого гигантского города — Бруклин, Бронкс, Квинс, Стейтен-Айленд — официально считались отдельными городами). Здесь же сосредоточивались и крупнейшие хозяйственные, культурные заведения, где земля и всё, что находилось на ней, стоили в несколько раз дороже, чем в других районах.

Более того, торговые операции Кеннеди проводились в основном в центральной части Манхэттена — между 42-й и 59-й улицами с юга на север и между шестой авеню на западе и особенно на фешенебельной Лексингтон-авеню на востоке. Это был самый дорогой и перспективный в коммерческом отношении район. Цены на дома здесь быстро росли. Война обогатила немало владельцев капитала, которые стремились теперь не просто выгодно его вложить, но к тому же иметь такой достойный, заранее вызывающий почтительные чувства адрес своего дома или бизнеса, как центральная часть Манхэттена.

Доходы Кеннеди на перепродаже земельных участков под строительство или же участков с уже готовыми постройками были грандиозными. Он купил дом (вместе с земельным участком) на углу 51-й улицы и Лексингтон-авеню за 600 тысяч долларов и вскоре продал его почти за четыре миллиона. Чуть южнее, на углу 46-й улицы и той же Лексингтон-авеню на перепродаже была получена чистая прибыль свыше шести миллионов долларов.

Фирмы Кеннеди занимались торговлей недвижимостью не только на Манхэттене. Они осуществляли свою деятельность в других районах Нью-Йорка, в столице штата городе Олбани, а

затем распространили свое влияние на всю страну[287].

Особенно удачным было приобретение огромного и великолепного 24-этажного здания «Мёрчендайз Март» в Чикаго. Собственники этой офисной постройки находились в трудном финансовом положении, и Кеннеди купил ее за баснословно низкую по тем временам сумму в 12,5 миллиона долларов. Через 15 лет рыночная цена «Мёрчендайз Март» составляла около 100 миллионов[288].

Не часто, но всё же иногда происходили скандалы, во время которых имя Джозефа Кеннеди всплывало на поверхность. В сентябре 1944 года в комитет по всеобщему благосостоянию городского совета Нью-Йорка (то есть Манхэттена) была подана жалоба жильцов и коммерческих нанимателей роскошного дома, известного под названием здания Сидела-Купера, по поводу того, что, купив это строение, Кеннеди повысил арендную плату почти вдвое, причем арендный договор заключался теперь на десять лет, и прекратить его действие досрочно можно было, лишь уплатив большой штраф.

Представитель Кеннеди Джон Рейнолдс, действуя якобы от собственного имени, явился на заседание комитета. Он признал, что действительно арендная плата была повышена, объяснив это общим ростом цен и необходимостью проведения дорогих ремонтных работ. Когда же его спросили, какова роль Джозефа Кеннеди во всех этих операциях, Рейнолдс недоуменно пожал плечами, заявив, что он действовал сам от имени доверенных лиц, в число которых названный джентльмен не входит[289]. Городские власти признали, что Рейнолдс не выходил за рамки закона.

Правда, после этого городской совет Нью-Йорка принял постановление о замораживании арендной платы на 20 лет, и более такой способ извлечения прибыли Кеннеди, к величайшему своему сожалению, использовать не мог.

В конце 1940-х годов Джозеф стал проявлять интерес к добыче нефти и газа. Вместе с инженером и предпринимателем Реймондом Крэвисом он купил техасскую нефтяную компанию «Арктик», которая занялась бурением скважин в нескольких нефтеносных районах страны и продажей нефти и природного газа. Затем его интересы распространились на другие объединения, связанные с добычей природных ресурсов. Он вкладывал свои капиталы и в строительство, и в эксплуатацию ипподромов, ресторанов на Манхэттене и другие, обычно высокоприбыльные, предприятия[290].

Какое-то особое чутье на успех, на доходность затеваемого бизнеса, основанное, разумеется, на многолетнем опыте,

тщательнейшем предварительном расчете, не покидало его до последних дней активной деятельности.

Сына — в президенты

Стареющий, но стремившийся не поддаваться годам глава клана использовал каждую возможность для высказываний по стратегическим и внешнеполитическим вопросам. Он критиковал поспешную, с его точки зрения, демобилизацию американской армии сразу по окончании войны и в то же время считал, что США затрачивают слишком много средств на помощь европейским странам. В связи с этим он осудил план Маршалла — выдвинутый государственным секретарем и затем утвержденный президентом Трумэном и конгрессом план оказания крупной экономической помощи странам Европы, пострадавшим от Второй мировой войны.

Редакторы наиболее популярных и влиятельных газет и журналов теперь редко обращались к Кеннеди. Публиковался он, и то нечасто, главным образом в наиболее консервативных изданиях. В мае 1947 года появилась его статья в издаваемой Хёрстом газете «Нью-Йорк джорнэл-американ». Автор пытался убедить читателей, что США лучше всего могут помочь странам, которым угрожает коммунизм, сконцентрировав основное внимание на собственном процветании. Он декларировал: «Внутренние опасности для меня значительно более реальны. В частности, я считаю опасной общественную политику, которая безрассудно влечет за собой заграничные расходы, отягощающие налоговую систему, и ничего не предпринимает, чтобы облегчить налоговое обложение на родине»{291}.

К политическим суждениям Кеннеди не очень прислушивались. Либеральная пресса реагировала на его выступления редко, подчас высокомерно-поучающим тоном оценивая его взгляды как пережитки давно вышедшего из употребления изоляционизма. Восходящая звезда политологии и исторической науки, гарвардский профессор Артур Шлезингер, будущий советник и историк президента Джона Кеннеди и его брата Роберта, писал с немалым презрением, скорее экстраполируя взгляды Кеннеди на то, к чему они могут привести, нежели давая им прямую оценку: «Подчас бизнес выходит за пределы политической некомпетентности… Этот дуайен американского капитализма Джозеф Кеннеди недавно доказывал, что Соединенные Штаты не должны сопротивляться распространению коммунизма. Более того, они должны позволить коммунизму пройти проверку за пределами Советского Союза,

если таковой окажется судьба некоторых народов»{292}. Откуда Шлезингер взял такого рода высказывания Джозефа, нам неведомо, но, по всей видимости, нечто подобное тот где-то произнес. В данном случае важно не само высказывание Кеннеди-старшего, а отношение к этой личности со стороны либерального профессора.

Тем не менее масса знакомств в политическом и деловом мире позволяла Джозефу Кеннеди время от времени вмешиваться в текущие политические дела, главным образом когда это касалось карьеры его сыновей.

В конце 1950-х годов общая сумма капиталов Кеннеди оценивалась от 200 до 400 миллионов долларов, хотя Джозеф утверждал, что она завышена{293}. Правда, он не находился в списке крупнейших американских бизнесменов. Его состояние было значительно ниже, чем богатства Рокфеллеров, Меллонов, Морганов, Дюпонов. Но политическое его влияние, пожалуй, вполне могло сравниться с весом этих крупнейших воротил делового мира, по крайней мере в первые послевоенные годы.

Свою значительную энергию, жизненный опыт, крупные финансовые средства, которыми он владел, Кеннеди-отец направил на поддержку карьеры своих сыновей, прежде всего Джона, который стал старшим в своем поколении после гибели Джозефа-младшего в небе над Англией (о чем мы расскажем ниже).

В этом, однако, не было особой необходимости, так как в 1950-е годы Джон зарекомендовал себя вполне самостоятельным политиком, приобретавшим всё большую известность в Соединенных Штатах Америки. Более того, его разногласия с отцом стали настолько серьезными, что простое сравнение с Джозефом-старшим, не говоря о вмешательстве главы клана Кеннеди в его политические дела, было вредно для карьерных планов и действий Джона. «Отец — финансовый гений, это правда, — как-то сказал Джон репортерам. — Но политика — это совершенно другое дело»{294}.

Это было действительно так. Неловкость Джозефа Кеннеди в политике проявилась и в том, что он, толком не разобравшись, поддержал пресловутого сенатора Джозефа Маккарти, правда тогда, когда тот еще не лишился своего влияния, когда одно имя этого человека заставляло содрогаться тех, кому были дороги идеалы американской демократии.

Кратко напомним, что собой представлял этот деятель и что такое «маккартизм» как политическое явление. Джозеф Маккарти был сенатором от штата Висконсин. Избранный в 1946 году, он оставался в полной тени до 1950 года, когда его имя стало

скандально известным. Именно тогда, будучи карьеристом и интриганом, он воспользовался внешнеполитическими неудачами США (создание советского атомного оружия, победа коммунистов в Китае, разоблачение нескольких шпионов СССР), чтобы обвинить Государственный департамент в том, что там служат 205 (сенатор «точно подсчитал», но никогда не назвал ни одного имени!) членов компартии, что государственному секретарю Дину Ачесону это отлично известно, но он не предпринимает никаких мер, то есть также служит коммунистам. В 1952 году Маккарти возглавил новый сенатский подкомитет по расследованию, который теперь стал обвинять «в коммунизме» авторитетных деятелей Голливуда, сотрудников ряда министерств, а в конце концов даже высших должностных лиц Пентагона и администрации президента. Это переполнило чашу терпения президента Дуайта Эйзенхауэра. Именно он поставил вопрос о недоверии злокозненному законодателю, которое и было вынесено сенатом в декабре 1954 года.

Это был конец карьеры самого Маккарти и начало конца «маккартизма», «охоты на ведьм», то есть обвинений в приверженности коммунизму тех, кто сам был рьяным врагом коммунистической идеологии, но придерживался либеральных взглядов и энергично выступал против консервативно-традиционалистских установок{295}. Сам Маккарти умер через три года от алкоголизма.

Вот именно с этим деятелем Джозеф Кеннеди установил непродолжительную, но довольно дружескую связь. Когда Маккарти был избран сенатором, Кеннеди обратил внимание, что этот член конгресса может стать ему полезным, так как он был по происхождению ирландцем и придерживался католической веры. К тому же Джозефу импонировали его консервативные взгляды.

Маккарти стали приглашать на выходные дни в Хайаннис-Порт. Некоторое время сенатор ухаживал за дочерьми Кеннеди — вначале за Юнис, а затем переключился на Патрицию. Из этого ничего, однако, не получилось. Скорее всего, девушек быстро оттолкнули низкая образованность, грубость и неотесанность этого человека.

Когда в 1950 году Маккарти обнародовал свои сенсационные «разоблачения», Кеннеди демонстративно передал в его фонд несколько тысяч долларов (точная сумма не называлась) и объявил о своей убежденности в справедливости обвинений. Во время вторичной кампании Маккарти по выборам в сенат в 1952 году Кеннеди активно его поддержал{296}.

Еще через год в знак благодарности сенатор взял на работу в свой подкомитет сына Джозефа 27-летнего Роберта. Джон

Кеннеди, ставший конгрессменом, относился к Маккарти довольно осторожно.

Джозеф Кеннеди отлично понимал, что его репутация в Демократической партии и особенно среди деятелей ее либерального крыла была невысокой. Поэтому с полного одобрения сына и его избирательного штаба он не только не вмешивался в ход президентской кампании 1960 года, но обрек себя на добровольное заточение. Он отвергал приглашения на публичные мероприятия, а однажды в порыве откровенности даже рассказал кому-то из знакомых о своей боязни произнести на людях что-то такое, что могло бы повредить Джону{297}.

Репортеры поговаривали, что Джозеф Кеннеди замолчал, словно сквозь землю провалился. А кто-то из них даже придумал куплет, который потом не раз повторяли:

> Jack and Bob will run the show
> While Ted's in charge of hiding Joe.
> (Шоу Джека с Бобом будет первый класс,
> Если Тед укроет Джо от чуждых глаз.)[24]

С таким поведением супруга вполне была согласна и Роза, мать кандидата в президенты, обычно не вмешивавшаяся в политические дела. Она говорила, и ее слова проникли в прессу, что «для Джека сейчас будет лучше, если его отец постоит в стороне», добавляя, впрочем, тут же, что Джозеф занимается делами «на свой манер»{298}.

Внешне Джозеф и его сыновья с успехом пытались создать у публики впечатление, что Кеннеди-старшему оставалось только наблюдать по телевизору и следить по газетам за тем, как мастерски команда сына проводит избирательную кампанию. В какой-то степени это и было так, но не совсем.

Действительно, Джозеф остался доволен ходом телевизионных дебатов, которые проводились с кандидатом республиканцев Ричардом Никсоном. После одной из таких схваток Кеннеди-старший в свойственной ему грубой манере произнес: «Если это не полная победа Джека, я, наверное, никогда не видел побед… Мы повыбиваем им мозги». Собеседник, которому были сказаны эти слова, оказался болтлив, и они попали в прессу{299}.

На самом же деле отец семейства использовал все доступные ему каналы связей, знакомства, денежные средства, чтобы хоть как-то поспособствовать победе Джона. Реальный вклад его был незначительным, но для Джозефа исключительно важно было знать, что он внес что-то личное в предвыборную кампанию.

Для того чтобы помочь Джону, отец стал переписываться с ирландскими общинами ряда городов. Первым среди них был, естественно, Бостон. Но письма отсылались также в Нью-Йорк, Чикаго, Питсбург, в города штата Нью-Джерси[300]. Помощь по просьбе отца оказывал уже известный нам журналист Артур Крок, старый приятель Джозефа, который ˆэтому времени стал ведущим обозревателем газеты «Нью-Йорк тайме»[301]. Джозеф участвовал в планировании предвыборной стратегии, хотя и не играл решающей роли в определении методов борьбы, как это полагает Р. Вейлен[302],[25] в сборе средств, в создании разного рода коалиций, в переговорах с рекламными агентствами и т. д. Он встречался с влиятельными бизнесменами, убеждая их голосовать за сына и побудить своих сотрудников поступать так же.

Владелец концерна «Тайм — Лайф Инкорпорейтед» Генри Л юс рассказал журналисту о довольно жаркой дискуссии, которая состоялась у него во время предвыборной кампании с отцом кандидата. Кеннеди убеждал собеседника, чтобы его журналы заняли как можно более благоприятную позицию по отношению к Джону. В принципе соглашавшийся с этим Л юс рекомендовал, чтобы кандидат, продолжая выдвигать либеральные лозунги в области внутренней жизни, занял более нетерпимую антикоммунистическую позицию в международной области. «Мой сын никогда не будет чертовым либералом!» — воскликнул Джозеф. «Постой, постой, Джо, — ответил Генри, — ему же обязательно надо баллотироваться в качестве либерала. Демократ должен быть левее центра, чтобы получить голоса больших городов Севера, так что не обвиняй его, что он будет выступать с позиций левее центра. Мы, во всяком случае, не намерены это делать… Но если он проявит какие-либо признаки слабости по международным проблемам, по проблемам защиты свободного мира, ему от нас не поздоровится». Кеннеди-старший заверил: «На этот счет можешь не беспокоиться, мой сын не собирается проявлять мягкость по отношению к коммунизму»[303]. В ходе кампании журналы Лю-са энергично поддерживали Джона Кеннеди.

После выборов Джозеф торжествовал. Его главная политическая цель была достигнута — сын стал президентом США. «Джек не принадлежит больше семье, — заявил он журналистам. — Он принадлежит стране. Это, наверное, самое печальное, что могу я сказать обо всем этом деле. Семья будет с ним, но она мало что может сделать для президента Соединенных Штатов»[304].

Джозеф, конечно же, лицемерил. Никакой печали он не испытывал. Его вполне устраивал возобновившийся интерес к его

личности, к истории семьи, ко всем подробностям жизни и быта всех членов клана Кеннеди, что стало неизбежным после избрания Джона на высший государственный пост. На инаугурации, а затем на последовавших за введением в должность балах Джозеф появлялся в том давно уже вышедшем из моды одеянии, в котором он более двадцати лет назад был представлен британскому королю, таким образом напоминая присутствующим, что к нему следует обращаться «господин посол». «Это великий для меня день», — не уставал повторять он.

И всё же он отлично понимал, что для блага сына-президента, во имя успешного его правления отцу следует как можно реже появляться на публике и не давать повода для всевозможных слухов касательно его роли в управлении страной. Он действительно никакой роли теперь не играл, но любой совет, любое высказывание могли быть истолкованы ложно. А на импульсивные заявления Джозеф Кеннеди был мастер. Он являлся природным бизнесменом, финансистом, но отнюдь не политически мыслящим лицом.

Отец с пониманием отнесся к Джону, который в ответ на вопрос журналиста, какую роль сыграл его родитель в победе, отделался шуткой: Джозеф, мол, перед выборами спросил его, сколько точно голосов ему необходимо для победы при голосовании, чтобы он мог им всем заплатить — оплатить всех избирателей он никак не сможет{305}.

Считая свою миссию выполненной, Джозеф Кеннеди стал быстро стареть. Он всё реже посещал офис на Парк-авеню в Нью-Йорке, вполне доверяя своим высокооплачиваемым работникам. Он несколько оживился, когда появилась книга Роберта Донована «ПТ-109», посвященная славным дням его сына, ныне президента, на Тихоокеанском театре Второй мировой войны{306}. Джо решил, что по этой книге может быть снят художественный фильм, который прославит Джона и укрепит его шансы на переизбрание. Состоялся разговор с одним из собственников и продюсером крупной кинокомпании «Уорнер Бразерс» Джеком Уорнером, вслед за чем был подписан контракт, предусматривавший крупные гонорары бывшим членам экипажа торпедного катера, которым командовал Джон, и вдовам погибших моряков, а также автору книги. На роль Джона Кеннеди был подобран Клифф Робертсон, актер не очень известный, но внешне напоминавший молодого Джона. Фильм «ПТ-109» вышел на экраны в 1963 году, но особым успехом не пользовался. Робертсон позже получит премию «Оскар», но за другую роль. Так что план Джозефа прославить своего сына через кинематограф успехом не увенчался. К тому же фильм появился тогда, когда Джозеф

Кеннеди стал уже глубоким инвалидом.

Декабрь 1961 года отец семейства проводил в своем имении в Палм-Бич. Он получал удовольствие от солнечной, умеренно теплой погоды, игры в гольф, следил за новостями, особенно касавшимися президентских забот. Перед этим в Хайаннис-Порте состоялась семейная встреча в честь предстоявшего в конце месяца Дня благодарения, в которой приняли участие 33 взрослых члена клана Кеннеди и их многочисленные дети. Вместе с отцом в Палм-Бич на краткий отдых отправился и Джон с семейством.

19 декабря президент возвратился в Вашингтон. Отец проводил его в аэропорт, вернувшись домой, поиграл с внучкой Кэролайн, а затем отправился в гольф-клуб, расположенный поблизости. В самый разгар игры Джозеф сел на траву и тихо произнес, что плохо себя чувствует. Его отвезли домой. С трудом он смог подняться в свою спальню на втором этаже, однако врачей вызывать запретил.

Только теперь вспомнили, что доктора предупреждали о повышенном кровяном давлении, о грозящем инсульте (или, как по сей день говорят в США, «ударе»), о необходимости принимать антикоагулянтные препараты, препятствующие свертыванию крови. Всем этим Джозеф пренебрегал, ведя образ жизни подобно молодому человеку.

Теперь домовая прислуга, невзирая на распоряжение, срочно вызвала семейного врача, ко времени появления которого состояние Джозефа резко ухудшилось. Кеннеди отправили в находившуюся неподалеку дорогую больницу, где сразу же поставили диагноз, подтвердивший предположение лечащего врача.

Этим же вечером Джон, только возвратившийся в Вашингтон, узнав о случившемся, вновь прилетел в Палм-Бич вместе с братом Робертом и сестрой Джоэн. Вслед за ними сюда прибыли и другие члены семьи. С ними были лучшие врачи Америки. Специалисты диагностировали кровоизлияние в левом полушарии мозга, в результате которого была парализована правая часть тела и больной утратил способность говорить. С огромным трудом медицинским светилам удалось несколько стабилизировать его состояние, но сколько-нибудь заметного улучшения не последовало.

Через две недели Джозефа выписали из местной больницы, с тем чтобы родные отправили его во всемирно известный нью-йоркский Институт физической медицины и реабилитации. Несколько месяцев пребывания в институте дали, однако, ничтожные результаты. После курса лечения Джозефа отвезли в

Хайаннис-Порт, где к тому времени был установлен лифт на второй этаж особняка, в котором больной мог подниматься, сидя в инвалидном кресле.

Позже, когда случилась трагедия с Джоном, от Джозефа пытались скрыть гибель сына-президента. Но полностью изолировать его от мира было невозможно. И на второй день после убийства в Далласе, после того как старший Кеннеди увидел, что ему не принесли читаемую им каждое утро газету «Нью-Йорк тайме», родные были вынуждены сообщить ужасную новость. Внешне отец оставался спокойным. Он смотрел по телевизору похоронную процессию, читал в газетах соболезнования, присланные со всего мира. Или, может быть, он был теперь настолько поглощен своей болезнью, настолько ушел от земных забот, что воспринимал все эти события без особых эмоций?

С таким же внешним спокойствием Джозеф Кеннеди перенес и гибель сына Роберта, баллотировавшегося в президенты в 1968 году.

Роза Кеннеди, в основном отстраненная и от дел своего супруга, и от политических и прочих забот детей, лишь изредка показывалась на людях. Она жила в отдельном здании на территории семейного комплекса Хайаннис-Порт. Ее своеобразной местью прижимистому мужу, особенно после того, как он стал беспомощным инвалидом, были огромные траты в самых дорогих магазинах не только Бостона, но даже Нью-Йорка и Парижа, куда Роза время от времени совершала «набеги» уже в весьма пожилом возрасте. В Париже она никогда не пропускала дорогих показов высокой моды.

Умер основатель клана 18 ноября 1969 года на 82-м году жизни. Роза прожила еще 25 лет, сохраняя сравнительно крепкое для своего возраста здоровье, и скончалась в январе 1995 года. Было ей 104 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
СУДЬБА ДЖОЗЕФА-МЛАДШЕГО И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ДЖОНА

Глава 1.
БОЕВОЙ ПУТЬ БРАТЬЕВ

Разведка и Инга Арвад

Важнейшим жизненным этапом для Джозефа-младшего и Джона Кеннеди явилось их участие во Второй мировой войне.

Именно в военных условиях будущий политик Джон закрепил или приобрел те качества человека мужественного, стойкого, решительного, ответственного, хладнокровного, без которых невозможно вести жесткую борьбу на общественном поле и осуществлять государственное руководство сильнейшей мировой державой.

Как мы видели, эти качества у Джона сформировались не в юношеском возрасте. Мы уже знаем, что и в старших классах школы, и в студенческие годы он совершал немало мальчишеских, легкомысленных поступков, подростковый возраст его как бы затянулся. Началом перелома явились поездки по Европе, особенно последняя в 1939 году. Теперь, когда уже бушевала мировая война, он почувствовал, что действительно наступила пора зрелости.

Примером для подражания по-прежнему был брат Джо. В октябре 1940 года после утверждения конгрессом закона о призыве на военную службу американские юноши начали регистрироваться для прохождения отборочных комиссий. Хотя Джо в какой-то мере оставался на позициях невмешательства в европейские события, он постепенно осознавал, что волею судеб Америка, скорее всего, окажется вовлеченной в мировую войну даже против ее желания. Поэтому необходимо крепить национальную мощь. А в этом деле он, как человек активный, просто не мог не принять личного участия.

Не желая ждать, пока до него дойдет очередь, пока он будет призван в вооруженные силы и направлен в какое-то глухое место (скорее всего это вообще не произошло бы, так как студентам старших курсов давалась отсрочка, а Джозефу оставался год до окончания Правовой школы), он явился в отборочную комиссию как доброволец.

Вначале Джо прошел курс подготовки в области военно-морской авиации, созданный при Гарвардском университете. Вслед за этим по его желанию Кеннеди вместе с сыном президента Рузвельта Джоном и несколькими другими волонтерами из высшего общества был направлен в училище

морской авиации под Бостоном. Впрочем, на пункте отбора курсантов Джо задали обидный для него вопрос, как семья и особенно отец относятся к его поступлению на действительную воинскую службу. В ответ молодой человек произнес: «Мой отец одобряет всё, что я делаю. Он думает, что я делаю то, что мне следует делать, и он рад этому»[307]. Это было действительно так. Джозеф-старший с гордостью говорил знакомым: «Вы знаете об этом? Военно-морская авиация — это самая опасная вещь, которая только существует!»[308]

Джон последовал примеру старшего брата. Однако при первом же осмотре медицинская комиссия забраковала его по состоянию здоровья для поступления на действительную службу как в армию, так и во флот. Тогда начались долгие и изнурительные физические тренировки. Через пять месяцев Джон вновь предстал перед медицинской комиссией. 5 августа 1940 года его признали годным, но к службе не в авиации, куда он стремился попасть, а в военно-морском флоте, причем с существенным ограничением. Он мог получить назначение только в резервные части. Медики решили, что наиболее пригодной сферой его военной деятельности, учитывая и состояние здоровья, и умственно-психологические особенности, явилась бы военно-морская аналитическая разведка.

Была, правда, и другая причина, по которой Джон не был сразу направлен непосредственно в военно-морской флот.

Добровольцев, или точнее, лиц, подлежавших отправке в действующие вооруженные силы, было значительно больше, чем это требовалось, имея в виду, что Соединенные Штаты Америки еще не воевали.

Собственно говоря, отправка офицеров на Тихий океан началась до того, как в декабре 1941 года произошло японское нападение на Пёрл-Харбор и США вступили в войну. «Счастливчики» отбирались путем жребия, причем первую жеребьевку 29 октября 1941 года проводил сам министр обороны Генри Стимсон. Случилось так, что именно в числе номеров, вытянутых министром, оказался и номер 2748, принадлежавший Джону Фицджералду Кеннеди.

Сначала нового младшего лейтенанта, невзирая на медицинскую рекомендацию и счастливый номер жребия, отправили исправлять канцелярскую должность на одной из военно-морских баз, находящихся на территории США. Вскоре, однако, он был переведен на новую службу — более соответствовавшую его знаниям и способностям. Джон действительно стал работать на военно-морскую разведку, причем в ее столичном офисе, составляя обзоры новостей для

военно-морского штаба в Вашингтоне. Однако всеми силами он рвался в зону, где предполагались, а в декабре 1941 года реально начались военные действия.

Надо отдать должное отцу. Он, безусловно, мог бы найти самые благовидные возможности, чтобы освободить сыновей от службы в вооруженных силах. Но он не сделал этого, считая, что его дети должны разделить судьбу тех сотен тысяч американских парней, которые были готовы отдать свои жизни для защиты своей страны. Джозеф-старший даже встретился с министром военно-морского флота Джеймсом Форрестолом, которого попросил лично проследить, чтобы его сын был направлен в зону боевых действий. Впрочем, некоторые авторы, по всей видимости не без основания, считают, что активность старшего Кеннеди была мотивирована его стремлением как можно скорее разлучить Джона с его возлюбленной Ингой Арвад, которую подозревали в шпионаже{309}.

Видимо, именно теперь настало время чуть подробнее рассказать о любовных перипетиях Джона, начальные эпизоды которых мы только упоминали в первой части этой книги.

Тысячи страниц исписали американские журналисты и прочие авторы, рассказывая о сексуальных похождениях студента, моряка, журналиста, члена палаты представителей, сенатора, президента Кеннеди. Его амурные, постельные дела преувеличены во много раз. Любители «клубнички» не жалели сил, чтобы представить Кеннеди этаким «ходоком», для которого в отношениях с женщинами безразличны были какие-либо эмоциональные, сердечные привязанности, которого интересовало только плотское удовлетворение, после чего данный объект его полностью переставал интересовать. А. Шлезингер рассуждал: «Мы живем в век, одержимый сексом… Каждое утверждение любой якобы переспавшей с Джоном Кеннеди женщины воспринимается как евангельская истина, хотя, если бы половина из утверждений была правдивой, у него не осталось бы времени на что-либо иное… Вспоминая о своей наивной и простой надежде [на Кеннеди], люди полагают, что ими манипулировали, что их привлекли, предали, а затем бросили. Получается, что он дурачил нас? Или мы обманулись сами?»[26]

Удивительно, но рассказы о Джоне Кеннеди не утихают и по нынешний день. Не далее как в феврале 2012 года на телеканале «Си-эн-эн» и в газете «Чикаго трибюн» (13 февраля) появилось сообщение о связи в 1962 году Джона Кеннеди с девятнадцатилетней практиканткой Белого дома. Эта история была подтверждена самой героиней событий. Мими Алфорд,

приятная на вид современная 69-летняя американка, посвятила своей связи с президентом целую книгу{310}. Что в ней правда, что выдумка, установить невозможно. Однако, имея в виду сенсационность рассказа и немалый гонорар, который получила автор за книгу, да и за массу весьма откровенных, порой полупорнографических интервью, предваривших появление издания на рынке и последовавших за его выходом, можно предположить, что в основе мемуаров, изданных через полстолетия после событий, о которых они вроде бы повествуют, лежит всё же не запоздалая исповедь, а стремление неплохо заработать на сомнительном рассказе. Любопытно, что повествование М. Алфорд очень напоминает аферу вокруг другого американского президента, значительно более близкого к нашим дням, — Билла Клинтона, раскрутившую его «связь» с практиканткой Белого дома Моникой Левински. Невольно возникает подозрение, что именно авантюры Моники вдохновили Мими на создание книги и подсказали ее сюжет.

Утверждения любителей жареного далеко не полностью соответствуют действительности, хотя любовных связей у Джона, в том числе и случайных, разовых, на самом деле было немало. Видимо, легенду о сексуальной неразборчивости Кеннеди породил он сам, ибо в молодые годы любил похвастаться своим успехом у женщин, и в основном это было правдой.

Его школьный товарищ Лем Биллингс рассказывал, что Джон частенько посмеивался над ним, потому что он не умел ухаживать за девушками. Как-то Лем в сердцах сказал, что успех Джона у женщин связан не с его неотразимостью, а с тугим кошельком. В ответ Кеннеди предложил эксперимент. Они обменяются одеждой, пойдут на танцы и будут представляться новым знакомым слабого пола именами друг друга.

Понятно, что фамилия Кеннеди означала явную связь с миллионером, да и многие девушки знали, что у Кеннеди-старшего есть сын Джон. Позже Л ем откровенно признал: «Каждый из нас старался произвести как можно более приятное впечатление на девушек. Но я боюсь, что Джон удовлетворил свою случайную партнершу лучше, чем я»{311}. Так что дело было не только в кошельке. Джон обладал неким особым шармом, умением производить действительно яркое впечатление на представительниц прекрасного пола.

В юности у Джона Кеннеди было несколько более или менее серьезных романтических историй. Но одна из них оказалась драматической по целому ряду особых причин.

Еще до того как Джон поступил на службу в военно-морскую разведку, он познакомился в Вашингтоне с Ингой Арвад,

журналисткой, сотрудницей газеты «Вашингтон тайме геральд». Познакомила их, очевидно, в 1941 году сестра Джона Кэтлин, также работавшая в этой газете. Инга, старше Джона на четыре года, к этому времени была известна своим бурным и весьма противоречивым прошлым. Она была датчанкой, девушкой очень красивой, завоевавшей даже в юном возрасте первое место на национальном конкурсе красоты, а затем участвовавшей (правда, безуспешно) в аналогичном европейском конкурсе.

Став репортером одной из датских газет, она отправилась в Германию, откуда освещала Олимпийские игры 1936 года и несколько раз брала интервью у Гитлера и других нацистских лидеров. Дело дошло до того, что фюрер обратил на нее внимание и пригласил сопровождать его, представив ее как «подлинно нордическую красавицу».

Тем не менее в конце 1930-х годов Инга перебралась в США. Дважды она меняла мужей, но узы брака особенно ее не тяготили. К тому времени, когда она сблизилась с Джоном Кеннеди, второй ее супруг — археолог по специальности — находился в какой-то экспедиции в Южной Америке, а Инга заочно возбудила дело о разводе с ним.

Джон просто не мог не увлечься этой весьма привлекательной во всех отношениях молодой женщиной. Друг Кэтлин Кеннеди Джон Уайт писал, что она прекрасно говорила по-английски (несмотря на то что являлась «свежей» американкой), обладала живым умом, отлично владела журналистским ремеслом (чтобы усовершенствовать свое образование, она училась в Школе журналистики Колумбийского университета в Нью-Йорке) и, главное, была просто красавицей, имевшей немалый сексуальный опыт{312}.

Отношения зашли настолько далеко, что молодые люди не только поселились в одной квартире, но стали поговаривать о свадьбе. Инга колебалась — с одной стороны, она испытывала к Джону нежные чувства и даже как-то сказала ему, что хотела бы иметь от него ребенка. С другой стороны, будучи женщиной опытной, она понимала, что ее возлюбленный — человек ветреный и скоро остынет, а прерывать третий брак она никак не желала.

К этому времени Арвад и в Америке стяжала себе реноме талантливого репортера, специализировавшегося в области международных отношений. Накануне Второй мировой войны и в первый ее период, когда США еще сохраняли дипломатические отношения с Германией, она вновь побывала в этой стране и по старой памяти смогла взять интервью у нескольких представителей нацистской верхушки, в том числе и у самого

Гитлера, который обычно с зарубежными корреспондентами, тем более с американцами, встречался очень редко.

Поступление Джона на военную службу не прервало его связи с Ингой.

Между тем ФБР начало за ней наблюдение, так как ее подозревали в выполнении германских то ли разведывательных, то ли пропагандистских заданий. Всё началось с того, что репортер газеты «Тайме геральд» обнаружил старое фото, на котором можно было увидеть Ингу, сидевшую рядом с Гитлером во время какого-то состязания Олимпийских игр 1936 года. Сразу же возникли подозрения, и в дело вступила вездесущая контрразведка.

Но наблюдение за И. Арвад иначе, как примитивной глупостью, назвать нельзя, ибо ее журналистские контакты с гитлеровцами были широко известны, Инга их не скрывала и жила совершенно открыто, что очень скоро и было установлено слежкой. Тем не менее наблюдение продолжалось, причем никакого секрета из этого не делалось. По своей просьбе Инга была допрошена сотрудником ФБР, который докладывал: «Мисс Арвад (а не миссис, что, видимо, было механической ошибкой, ибо о том, что она замужем, просто не могли не знать. — *Л. Д., Г. Ч.)* требует провести расследование, с тем чтобы ей была предоставлена бумага, констатирующая, что она не является шпионкой». Инга мотивировала свою просьбу намерением повторно выйти замуж за «известного в США» молодого человека и желанием, чтобы ее имя было полностью освобождено от каких бы то ни было подозрений. К ее просьбе письменно присоединился Джон, и таким образом становилось ясным, с кем именно собирается связать свою судьбу Арвад.

ФБР, однако, отказалось удовлетворить это пожелание{313}. В воспаленных мозгах его сотрудников даже возникло подозрение, что во второй половине 1930-х годов Арвад руководила нацистской пропагандой в Дании, хотя она, как показывали многочисленные свидетельства, никогда не разделяла ни нацистских, ни каких-либо других экстремистских взглядов, да и вообще интересовалась политикой лишь в силу своей репортерской профессии.

Дело И. Арвад считалось настолько важным, что директор ФБР Гувер даже доложил о нем президенту Рузвельту, причем доложил так, что Рузвельт распорядился установить за датчанкой, подозреваемой в шпионаже, особое наблюдение{314}.

ФБР легко обнаружило, что при каждом отпуске Джон Кеннеди находил возможность встретиться с Ингой. Когда в январе 1942 года Джона перевели в город Чарлстон (штат Южная

Каролина), Инга, в свою очередь, стала его регулярно навещать. Предостережения отца по поводу того, что сын может напрочь испортить себе карьеру «подозрительной связью» (предупредительные офицеры ФБР в январе 1942 года оповестили Кеннеди-старшего, что Арвад «интересует их ведомство с точки зрения внутренней безопасности»{315}), не возымели действия.

В номере отеля, где встречались молодые люди, были установлены подслушивающие устройства. Никаких компрометирующих сведений собрать, разумеется, не удалось. Тайное наблюдение за И. Арвад продолжалось всю войну и было прекращено только в 1945 году в связи с тем, что «никаких подрывных или шпионских действий [с ее стороны] не было обнаружено»{316}.

Позже, когда Джон Кеннеди стал конгрессменом, он пытался заполучить хранимые в архивах ФБР пленки с записями его свиданий с Ингой. Официально это сделать было невозможно. Личные связи не дали результата. Исследователь, занимавшийся этим вопросом, констатировал: «Они висели над общественной карьерой Джека подобно темным облакам»{317}. Документация, связанная с наблюдением за Арвад, была рассекречена лишь в 1990-е годы, причем, как и в других рассекреченных документах ФБР, часть текста вымарана и прочитать ее невозможно.

Разумеется, о подозрительной связи офицера военно-морской контрразведки с предполагаемой германской шпионкой было доложено и непосредственному начальству Джона. Получив секретное сообщение, директор разведывательной службы флота вице-адмирал Теодор Вилкинсон был весьма взволнован. Он распорядился «избавиться от Кеннеди как можно быстрее»{318}. Избавиться можно было разными способами, но самый простой из них состоял в откомандировании Джона на действительную воинскую службу.

И в самом деле, назначение на Тихоокеанский театр военных действий фактически оборвало казавшуюся страстной любовь. Можно не сомневаться, что отправка на воюющий флот была ускорена связью Кеннеди с «подозрительной» датчанкой. Вскоре после этого Инга возобновила интимные отношения со своим бывшим датским любовником, также, как и она, эмигрировавшим в США.

Во время службы на флоте Кеннеди изредка переписывался с Ингой, но когда он после контузии и признания инвалидом возвратился на родину, встреча с ней оказалась прохладной. Возлюбленные отвыкли друг от друга. Оказалось, что глубоких чувств у них не было. Более того, Джон получил предостережение, что за Арвад наблюдает Федеральное бюро

расследований, так как она вызвала подозрение своими контактами перед войной с воротилами Третьего рейха. Кое-кто даже продолжал считать ее германской шпионкой, хотя, повторяем, никаких оснований для этого не было. Так или иначе, но казавшаяся ранее прочной связь сошла на нет, так и не приведя к браку.

Правда, по возвращении Кеннеди провел с Ингой несколько ночей, но вскоре она вышла замуж за актера Тима Маккоя, который был старше ее на 30 лет. Когда Инга в браке родила ребенка, она не была уверена, что Маккой является его отцом. И совсем не исключала, что зачала его во время одной из последних встреч с Джоном. Через много лет Инга сказала своему сыну Рональду: «Я не уверена, кто был твоим отцом. В самом деле, я не знаю, был это Джек или Тим»[319].

Правда, пользуясь случаем, Инга взяла интервью у Джона, который для нее был героем войны. На главный вопрос, считает ли он себя таковым, ответ был достойным: «Во мне нет совершенно ничего героического. Подлинные герои — не те, кто возвратился, а те, кто остался там. А их много, включая и двоих ребят из экипажа моего катера». Интервью было опубликовано в бостонской газете[320].

Прекращение отношений с Ингой связано было и с тем, что в 1945 году Джон познакомился с Барбарой Уорд, журналисткой, ставшей затем редактором журнала «Экономист». Установившиеся между ними отношения носили и интимный, и дружеский характер. Барбара была вдумчивым политическим наблюдателем, внимательно выслушивала мнения Джона и откровенно высказывала свое мнение, в свою очередь знакомя возлюбленного не только со своими оценками, но и с мнением коллег и сотрудников по важнейшим международным и внутренним проблемам, как экономическим, так и политическим. Этот роман безусловно способствовал карьерному продвижению Джона.

Однако и эта связь прервалась. Видимо, серьезные разговоры между возлюбленными оказались тем тормозом, который привел к эмоциональному охлаждению.

Служба на флоте

Возвратимся, однако, к службе Джона Кеннеди в вооруженных силах.

1 октября 1942 года Джон был направлен на краткосрочные тренировочные курсы на базе Мелвилл в штате Род-Айленд. На курсах шла ускоренная подготовка. Слушатели изучали

навигацию, управление военными судами, торпедное дело и другие дисциплины, связанные с военными действиями на океанских просторах, но всё это делалось наспех, и глубокой подготовки начинающие моряки не получали. Правда, уже через месяц Джону Кеннеди было присвоено звание младшего лейтенанта.

Подготовка была не только поспешной, но и просто очень плохой, как признавали сокурсники Джона (сам он на этот счет не высказывался никогда). Не проводились даже ночные тренировки, что было особенно важно для войны на Тихом океане. Малоподготовленные инструкторы обучали как могли умению управлять небольшими военными судами и причаливать к берегу{321}.

Поэтому очень трудно сказать, насколько справедливы были сведения в выпускном аттестате Кеннеди, где говорилось, что он может прекрасно управлять торпедным катером, хорошо овладел инженерной профессией. Бесспорными в характеристике были слова о его сознательном отношении к делу и волевых качествах. Его даже решили оставить инструктором на курсах, чем младший лейтенант был крайне расстроен. Приступив к исполнению обязанностей инструктора, он, однако, тотчас потребовал направления на действующий флот, и его ходатайство было удовлетворено.

8 января 1943 года младший лейтенант Джон Кеннеди, прослужив на базе лишь пять недель, получил сообщение, что он направляется на тихоокеанский театр военных действий{322}.

21 апреля Кеннеди стал командиром торпедного катера, который патрулировал акваторию в южной части Тихого океана.

Младший лейтенант Кеннеди — командир катера ПТ-109 — нес службу в проливе Фергюссон у Соломоновых островов. Его флотилия торпедных катеров была приписана к эскадре, расположенной в гавани города Тулаги, столицы Соломоновых островов, недалеко от ставшего знаменитым острова Гуадалканал, где во второй половине 1943 года шли ожесточенные морские и сухопутные бои, завершившиеся первой крупной победой западных союзников на тихоокеанском театре военных действий. Это были британские владения, но в соответствии с соглашением Черчилля — Рузвельта контролировались теперь американцами.

В основном Джон вел себя так, как полагается вести младшему офицеру. Порой, однако, он нарушал установленный порядок — появлялся перед матросами раздетый по пояс, правда с командирской фуражкой на голове, вел себя с ними не как начальник, а как товарищ по оружию.

Катера типа ПТ были быстроходными, снабжены торпедными аппаратами и четырьмя пулеметами. Но это были устаревшие суда, сконструированные еще в начале 1920-х годов. Торпедные аппараты часто выходили из строя и даже были причиной возникновения пожаров{323}. К тому же катер, командовать которым стал Кеннеди, сильно пострадал в боях в районе Гуадалканала, был изношенным, грязным суденышком.

Первая задача, возникшая перед новым командиром, состояла в элементарном ремонте, ликвидации ржавчины, чистке торпедных аппаратов и, что было отнюдь не маловажным, уничтожении крыс, которыми буквально был набит трюм.

Тем не менее поначалу служба казалась почти медом. Джон любовался океанскими просторами, тропическими растениями. Он с удовольствием напевал песенку, популярную в то время в Америке:

> Blue skies smiling at me.
> Nothing but blue skies do I see{324}.
> (Синие просторы, облаков эмаль.
> Ничего не вижу, только неба даль.)[27]

В качестве командира торпедного катера Джон впервые, и то не сразу, стал понимать, что означает реальное руководство людьми, находившимися в его подчинении, которых он должен был оберегать от опасностей и в то же время без колебаний посылать на гибель, если бы в этом возникла необходимость.

В качестве боевого офицера Джон после первых колебаний стал проявлять себя с самой положительной стороны. Подчиненные относились к нему с уважением, точно так же, как и равные по званию командиры других катеров. Механик Джон Айлс вспоминал: «Я считаю, что он по всем показателям был хорошим офицером. Его катер был подобен кораблю, и его команда была хорошо организована, дисциплинирована… Это был парень, с которым хотелось быть вместе, и, встречаясь с ним, невозможно было понять, что у него была прошлая привилегированная жизнь. Он всегда вел себя естественно»{325}.

В конце мая торпедный катер Джона был включен в группу кораблей, которая переводилась на небольшой архипелаг Расселе в западной части Соломоновых островов, где они должны были оказать поддержку в предстоявшем вторжении на более крупный остров Нью-Джорджия. Наступление, однако, только предстояло, а пока изнывавшие от безделья офицеры забавлялись, устраивая гонки на катерах. Однажды такая гонка чуть не стоила Кеннеди и его экипажу жизни. Увлекшись соревнованием с соседним

катером, возвращавшийся с ночного дежурства в океане Кеннеди буквально ворвался в бухту и, не в силах быстро затормозить катер, врезался в пристань. Все остались в живых, хотя катер был поврежден. Младшего лейтенанта ожидали служебные неприятности, но, на его счастье, внимание начальства было отвлечено сходным, но куда более серьезным, инцидентом с еще двумя торпедными катерами, и Кеннеди отделался легким испугом. Он только принес извинение за то, что якобы не установил и не устранил вовремя неисправность тормозных устройств, в результате чего произошел наезд{326}.

О происшедшем забыли, а вскоре Джон Кеннеди проявил сообразительность и хладнокровие, когда 19 июля два с половиной десятка японских бомбардировщиков нанесли жестокий удар по базе, где находился его катер. Прямых попаданий не было, но осколками бомб катер был продырявлен в нескольких местах. Трое матросов были ранены, сам командир не был задет — его прикрыл бронированный мостик. Лавируя под огнем, Кеннеди смог вывести катер за пределы обстрела и выйти из гавани, охваченной огнем{327}.

В своих письмах родным Джон всячески преуменьшал опасности, которые его подстерегали, неожиданности, порождаемые внезапными изменениями военной ситуации и возможными боевыми заданиями. Он изображал свое пребывание на Соломоновых островах как некое забавное приключение, описывая его в приподнятом или ироническом тоне. Он писал, например, сестре Кэтлин: «Волдырь, который у меня появился, когда я лежал на прохладном берегу тихоокеанского острова вместе с тепленькой тихоокеанской девушкой, которая срывала для меня бананы, — это определенно волдырь, который так или иначе взорвется. Здесь теперь невозможно даже плавать — в воде какие-то грибки, которые теперь растут у меня прямо из ушей — и это теперь всё, в чем я нуждаюсь. С гулями на моей спине, шерстью на груди, грибками в ушах я, должно быть, самый настоящий старый моряк, похожий на тех моряков, которые проживают в Челси, штат Массачусетс]»{328}. Это была явная бравада молодого человека, испытавшего первые трудности военной службы, но еще не попадавшего в боевые переделки, угрожавшие самой жизни.

Кеннеди занимался в основном рутинной работой. По ночам он выводил свой катер на морское патрулирование, которое пока завершалось без каких-либо столкновений. Днем после краткого отдыха команда под его руководством наводила порядок на судне, драила палубу, заполняла баки бензином, причем это была нелегкая работа, так как приходилось вручную таскать со склада

50-галонные бочки (то есть примерно по 200 килограммов в каждой), а полная загрузка топливом требовала двух тысяч галлонов.

И всё же находилось немало времени для отдыха. Джон, в отличие от своих подчиненных, да и многих командиров соседних катеров, не увлекался карточными играми, сопровождавшимися выпивкой. Он больше любил читать и писать родным письма. По его просьбе сестры посылали ему книги, причем он требовал присылать прежде всего новейшую литературу по экономике и государственному управлению, биографии, которым он, как мы уже знаем, отдавал особое предпочтение, а также «действительно хорошие романы».

Его интересовали новые произведения популярного в то время британского юмориста Пэлема Вудхауса, его многочисленные романы, рассказы, пьесы, фельетоны, отличавшиеся не только сатирическим изображением жизни высшего общества, но и изысканным языком[28]. Можно не сомневаться, что Джон пересказывал сюжеты писателя своим подчиненным и вместе с ними высмеивал устаревшие нравы высокородных британцев, что сближало его с рядовыми матросами.

Кеннеди высоко оценил роман австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Мусы Дава», посвященный геноциду армян в Османской империи во время Первой мировой войны.

Но, как он писал своим друзьям, особое впечатление произвела на него автобиография шотландского писателя и политического деятеля, генерал-губернатора Канады Джона Бьюкена «Путь пилигрима»{329}. Сам Джон считал, что его политические взгляды близки к мировоззрению автора этой книги — умеренного консерватора{330}. У Бьюкена была обнаружена характеристика британского лорда Бальфура, который, как писал автор, не стал бы уничтожать «всё здание лишь потому, что кое-где растрескалась штукатурка». Эта мысль пришлась Кеннеди особенно по душе, и он часто повторял ее, в том числе и в годы президентства. Джон нашел у Бьюкена и высказывание лорда Фолкленда, которое позже он любил цитировать: «Когда менять не надо — менять не следует».

Другим историческим персонажем, к которому он относился весьма почтительно, являлся лорд Рандольф Черчилль, отец Уинстона Черчилля, возглавлявшего теперь воюющую Британию. Сэр Рандольф Черчилль был видным консервативным деятелем последней четверти XIX века, отличавшимся определенным пониманием социальных проблем, которые стояли перед страной. Он был в числе тех немногих лидеров консерваторов, которые,

чтобы предотвратить упадок партии, стали активно искать пути установления контактов с рабочими организациями, считая необходимым значительно расширить социальное законодательство, добиваясь привлечения рабочих и мелких собственников в свои ряды, стремясь оторвать их от Либеральной партии{331}.

В письмах Джона друзьям неоднократно упоминалось имя «Инги-Бинги», как Джон поддразнивал И. Арвад. Судьба этой женщины — по существу дела, его первой серьезной любви — явно волновала молодого офицера. Он написал ей несколько писем, на которые она не ответила. В конце концов, поступил сравнительно сухой ответ, который, однако, был воспринят Джоном как намек на возможность продолжения связи после возвращения с войны. Он писал возлюбленной: «Инга-Бинга, как я был бы рад снова увидеть тебя. В самом деле, знакомство с тобой стало ярчайшим моментом во всей моей двадцатилетней жизни»{332}.

Главное военное испытание Джона

Сравнительно спокойным дням, однако, скоро пришел конец.

Главное испытание для Джона произошло в ночь на 2 августа 1943 года. Во время ночного патрулирования (это был тридцать первый боевой выход Кеннеди в открытое море) катер, на котором находились 13 человек, включая командира, попал под японский эсминец «Амагири», шедший на большой скорости[29]. Катер не успел отклониться. С борта эсминца его заметили, и командир приказал не тратить снаряды на ничтожное суденышко, а подмять его под корпус своего корабля. Эсминец буквально раздавил катер, расколол его своим килем пополам. Каким-то чудом из тринадцати членов экипажа погибли только двое. Остальные были контужены или ранены. Среди контуженных оказался и командир, которого сильным ударом бросило на палубу, точнее, на то, что от нее осталось. Удар пришелся как раз на больную часть спины. На мгновение Джон потерял сознание, но, придя в себя, сразу же взял себя в руки и, преодолевая мучительную боль, приложил все силы, чтобы помочь подчиненным.

Команда решила вплавь добраться до ближайшего островка. Проплыв около пяти километров, Кеннеди и его матросы приблизились, наконец, к суше. Они пробыли в воде 15 часов, причем Джон, сам контуженный, держал в зубах тесемки спасательного жилета своего подчиненного — сильно обожженного машиниста Мэта Макмагона — фактически тащил

его на своей больной спине.

Хотя командир был почти без сил, добравшись вместе с командой до острова, он после краткого отдыха вновь поплыл на середину пролива, пытаясь с помощью карманного фонарика привлечь к себе внимание американских судов.

Однако всё было тщетно. Будучи уверенными, что вся команда катера Кеннеди погибла, командиры других судов, участвовавших в патрулировании, к этому времени уже отправились на базу. Пробыв еще 12 часов в холодной воде, Кеннеди возвратился к своим товарищам. Вместе они перебрались на соседний остров. Однако вскоре им повезло. Их обнаружила группа приплывших сюда туземцев, которые каким-то способом смогли передать американцам лист бананового дерева. На нем рукой Джона был написан, точнее нацарапан, такой текст: «Командир местный знает расположение] он может провести 11 живых нужно маленькое судно Кеннеди». Туземцы от себя добавили, что на островке Науру находятся белые люди. 7 августа потерпевших катастрофу моряков подобрало американское патрульное судно{333}.

Однако до этого командование, получив информацию от командиров торпедных катеров, пришло к выводу, что Кеннеди погиб в бою. В связи с тем, что тело обнаружено не было, отцу было послано сообщение, что его сын пропал без вести. Джозеф ничего не сказал жене и детям. Его мужество и сдержанность были вознаграждены. Через несколько дней Роза услышала сообщение по радио о спасении младшего лейтенанта Кеннеди и его товарищей. Почти одновременно одиннадцатилетний Эдвард отправился в книжный киоск, чтобы купить старшим газеты. Случайно взглянув на первую страницу «Бостон геральд», он увидел фото своего брата и его спасенной команды с сопроводительным текстом, в которых они назывались героями. И после этого отец семейства не признался своей супруге, что несколько дней носил в кармане телеграмму со зловещим текстом. А на Соломоновы острова пошла его телеграмма: «Благодарю Бога за твое спасение»{334}.

Вначале младшего лейтенанта Кеннеди собирались судить за потерю судна. Но командование быстро разобралось в происшедшем. Стало ясно, что Кеннеди ничего не мог предпринять за те считаные секунды, которые отделяли появление эсминца от гибели катера. В то же время хладнокровие, чувство ответственности, по существу дела, героическое поведение командира суденышка после происшедшей катастрофы были очевидны. Мужество Кеннеди было оценено. Его наградили орденом «Пурпурное сердце» и

медалью флота, а вслед за этим он был повышен в воинском звании, стал лейтенантом.

Сообщения о счастливом спасении команды торпедного катера ПТ-109, о мужественном поведении его командира появились на заглавных полосах почти всех американских газет. Именно Кеннеди был в центре внимания не только потому, что он действительно проявил себя с самой лучшей стороны, но и в связи с тем, что его имя было известно в широких кругах, и его поведение как бы компенсировало в какой-то мере незавидную роль его отца в предыдущие годы. «Сын Кеннеди проявил героизм на Тихом океане, когда эсминец расколол его катер ПТ», — гласил набранный крупным шрифтом заголовок в «Нью-Йорк тайме»{335}.

Сам Джек в первом письме родным после всего происшедшего был немногословен. «Это только краткое сообщение о том, что я жив и в порядке, — говорилось в письме от 12 августа. — Несколько дней полагали, что всё произошло иначе, так что сообщение и слухи, возможно, достигли и вас. К счастью, они создали неверное представление о выживаемости Кеннеди — и теперь я вновь на своей базе и всё о-кей». В следующих, более подробных письмах Джон концентрировал внимание, к его чести, не на собственном поведении, а на выдержке команды и на происшедшей трагедии — гибели двух моряков его катера{336}.

После кратковременного пребывания в госпитале, несмотря на травму позвоночника, которая дала серьезные осложнения после катастрофы катера и многочасового пребывания в холодной океанской воде, Джон был полон решимости продолжать военную службу.

1 октября он стал командиром катера ПТ-59, на этот раз не старой посудины, а только что сошедшего со стапелей нового судна. Этот катер был вооружен не торпедами, а орудиями крупного калибра, способными нанести серьезный удар по японским военным и транспортным кораблям, а также пулеметами. Команда Джона включала как его старых подчиненных, так и новых матросов. Катер вошел в состав военно-морских сил, расположенных в северо-восточной части Соломоновых островов, на передовых позициях наступавших союзных войск. Задача их состояла в том, чтобы, патрулируя в океане, топить японские плавсредства. Только в ноябре 1944 года катер Кеннеди отправил на дно три японские баржи{337}.

Наряду с приобретением боевого опыта, Джон Кеннеди продолжал созревать как личность. Он всё более задумывался о возможности после войны включиться в политическую

деятельность, причем его внимание, как это видно из писем родным и друзьям, концентрировалось именно на проблемах международных отношений и войн. Он полагал, что Вторая мировая война отнюдь не является последней из войн, которые довелось пережить человечеству, что запутанные отношения между нациями и государствами будут неизбежно порождать новые конфликты, что Америка должна придерживаться старого, действовавшего на протяжении всей истории принципа: «Хочешь мира — готовься к войне». Мир можно поддержать, только сохраняя бдительность и осуществляя всестороннюю военную подготовку, считал он{338}.

Джон Кеннеди намеревался продолжать службу до окончания войны на Тихом океане. Однако состояние его здоровья снова стало ухудшаться. Возобновились страшные боли в позвоночнике. В результате через месяц медицинская комиссия признала его негодным не только к участию в боевых действиях, но и к военной службе вообще. Джон отправился на родину, признанный медицинской комиссией инвалидом. В приказе о его отчислении говорилось: «Ваша инвалидность носит постоянный характер. Она является результатом того, что произошло во время боевых действий, и не дает возможности продолжать службу»{339}. 7 января 1944 года Джон на военно-транспортном судне прибыл в Сан-Франциско, а через несколько дней выехал на восточное побережье.

Весной 1944 года он перенес сложнейшую операцию. К позвоночнику была прикреплена стальная пластина. В июне последовала еще одна операция, а в августе третья. Хотя в медицинских отчетах бодро говорилось, что она была проведена успешно, состояние здоровья не улучшилось. Почти весь 1945 год Джон провел в госпитале.

С тех пор начались страдания, продолжавшиеся до конца жизни, то несколько ослабевая, то вновь усиливаясь. Боль Джон глушил новокаином и морфием. При этом просто удивительно, как ему удалось не стать наркоманом. Некоторое облегчение давали горячие ванны, которые необходимо было принимать каждое утро, а иногда и два раза в день.

Джон отказался от полагавшейся ему военной пенсии. Однако, в соответствии с законом о правах военнослужащих, который был подписан Ф. Рузвельтом 22 июня 1944 года, он получил немалую сумму в десять тысяч долларов. Этот закон стал известен в американском обществе под ходким и емким названием «Солдатский билль о правах».

Гибель Джозефа-младшего

Контузия и последовавшие болезни Джона были серьезным испытанием для семьи.

Но 12 августа 1944 года произошло поистине трагическое событие — погиб старший брат.

После зачисления в военно-воздушные силы и предварительного обучения под Бостоном Джо прошел сравнительно краткую, но интенсивную подготовку в тренировочном центре авиации военно-морского флота в городе Джексонвилль (штат Флорида). В мае 1942 года он получил квалификацию пилота и был зачислен в военно-морской резерв, а в сентябре 1943 года в составе седьмой эскадрильи отправился в Великобританию{340}.

Это была первая американская воинская часть, прикомандированная к береговому командованию Королевских военно-воздушных сил. Джозеф Кеннеди служил летчиком истребительно-бомбардировочной авиации. В течение зимы 1943/44 года он участвовал на самолете «Либерейтор» («Освободитель»), оборудованном одной из первых радарных установок, в патрулировании над Ламаншем и Северным морем{341}. Он совершил ряд боевых вылетов, которые прошли благополучно. В начале августа завершился срок его заграничной службы. Был издан приказ о его переводе на родину, и он успел даже отправить туда свои вещи. Однако в это время эскадрилья, в которой служил Кеннеди, получила ответственное задание — разбомбить базу германских «самолетов-снарядов» Фау-1 на бельгийском побережье, с которой эти ракеты направлялись на британские города.

База прекрасно охранялась, и совершить прямой бомбовый удар было невозможно. Поэтому решились на сложную операцию, получившую кодовое название «Афродита». Были подобраны наиболее изношенные бомбардировщики Б-17 («Летающая крепость») и Б-24 («Либерейтор»), которые всё равно предполагалось списать. Они должны были стать самолетами-снарядами, управляемыми по радио с других самолетов. На первом этапе полета в самолетах предполагалось разместить опытных летчиков, которым следовало покинуть начиненные до отказа взрывчаткой летательные машины, спрыгнув с парашютами с высоты свыше 600 метров в море, где их должны были подобрать британские караульные суда.

Шансов выжить в такой операции было немного. Каждый ее этап сам по себе был чреват крайним риском, а пилоты также превращались в своего рода снаряды. Поэтому командиры приняли решение, чтобы операцию проводили только добровольцы.

Хотя Джозеф Кеннеди фактически был уже не у дел, он одним из первых заявил, что совершит крайне опасный полет 12 августа 1944 года. Командиры охотно согласились, так как желавших принять участие в этом смертельно опасном полете было немного{342}.

Катастрофа произошла, однако, не тогда, когда должна была случиться — не во время рокового момента парашютного прыжка в океан. Она последовала вскоре после того, как тяжелый четырехмоторный самолет с большим запасом взрывчатки на борту (ее вес составлял 9,5 тонны) поднялся в воздух. Через полчаса после вылета связь прервалась. Оказалось, что по неизвестной причине один за другим на борту прогремели два взрыва и самолет разлетелся на мелкие куски. Предполагают, что сработал какой-то случайный радиосигнал, который вызвал возгорание, а затем взрывы. Останки Джозефа и второго пилота даже не искали. Джозеф был посмертно награжден крестом Военно-морского флота{343}.

Весть о гибели старшего сына настигла отца в его доме на берегу Атлантики, когда вся семья была в сборе. Узнав о происшедшем, он собрал детей и сказал им: «Я хочу, чтобы вы были особенно внимательны к матери. Будьте мужественны, как старший брат. И вечером участвуйте в соревнованиях». Поднявшись в свою спальню, Джозеф-старший провел там, не выходя, несколько дней. Рана оказалась незаживающей. О старшем сыне Джозеф не мог спокойно говорить до конца своей жизни. Однажды, уже через много лет, интервьюер осмелился задать вопрос о нем. «Спросите о нем его мать», — ответил Джозеф, едва сдерживая слезы{344}.

Глава 2.
ДЖОН НА ПУТИ К БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ И В КРУГУ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ

Молодой журналист

После океанской катастрофы и возвращения на родину Джон лечился в госпитале, но по выходным дням имел возможность присоединяться к семье. Теперь Джон Кеннеди был единственным представителем национального и религиозного меньшинства одновременно, когда-либо претендовавшим на высший государственный пост.

Война унесла еще одну жизнь человека, связанного с семейством Кеннеди, хотя и косвенно. Это был муж Кэтлин Уильям Кавендиш, маркиз Хартингтон, представитель весьма знатного английского рода, сын герцога Девонширского.

Дочь Джозефа Кеннеди Кэтлин, став взрослой, работала вначале в вашингтонских газетах, где была признана способным репортером. Но, как и братьям, ей не сиделось на родине, и она поступила на работу в американскую организацию Красного Креста, с тем чтобы отправиться на Европейский континент. Командировали ее в Лондон с перспективой, что после открытия второго фронта во Франции она отправится туда для работы с ранеными, освобожденными пленными и т. д.

На одной из вечеринок в британской столице она встретила Уильяма, с которым уже была знакома в ту пору, когда отец служил послом в Великобритании. Молодые люди стали встречаться, отношения развивались быстро, и маркиз сделал юной американке предложение{345}.

Встал, однако, вопрос о церковном браке. Кэтлин была католичкой, маркиз — протестантом. Долгое время проблему никак не могли разрешить. Жесткие правила католической церкви были таковы, что замужество за протестантом привело бы к отлучению Кэтлин. О переходе же Уильяма в католичество не могло быть и речи в силу его знатного англиканского происхождения.

В конце концов, вопреки воле обеих семей в начале мая 1944 года был заключен гражданский брак, который церковью браком просто не считался и поэтому к отлучению Кэтлин от католичества не привел. Молодые люди посетили регистрационный офис округа Челси в Лондоне и стали супругами.

Состоялся несколько странный ужин, устроенный новобрачными. На нем присутствовали и леди Нэнси Астор, одна из крупнейших деятелей Консервативной партии, депутат парламента, и младшие американские офицеры, пришедшие вместе с тогда еще живым Джозефом{346}.

Замужество дочери не приветствовалось родителями, особенно матерью. Считавшая себя верной католичкой, Роза отказалась обсуждать эту тему. О свадьбе она узнала по радио и повторяла, что чувствует себя плохо, чтобы давать ответы журналистам о семейных делах дочери{347}. Кэтлин же, не собираясь рвать с родителями из-за семейно-религиозных дел, всячески пыталась уговорить их, особенно мать, примириться с ее браком. Она писала Розе через три дня после бракосочетания: «Священники обеих церквей осуждали меня, и теперь каждое утро приходят письма, не одобряющие мой поступок… Я надеюсь и молюсь, чтобы всё это не стало слишком трудным для вас и для всей семьи»{348}.

Сдерживая свои отрицательные эмоции, Роза всё же смогла частично примириться с решением дочери. Через два месяца она написала ей сдержанное письмо, в котором не было даже поздравления ни ей, ни ее супругу. Мать сообщала, насколько она была удивлена и потрясена ее поступком, но продолжала: «Но поскольку ты так сильно любишь Билла, можешь быть уверена, что все мы готовы принять его»{349}.

Уильям, служивший в британской армии, после скромной свадьбы отправился в свою часть. Он участвовал в открытии второго фронта в начале июня 1944 года, успел написать жене письмо и получить ответ. В письме Кэтлин говорилось:

«В самом деле, я не могу понять, почему мне так нравятся англичане, хотя они обращаются с другими как-то отстраненно и не так нежны к своим женщинам, как американцы. Наверное, именно к такому обращению женщины на самом деле стремятся»{350}.

Вскоре после этого, 10 сентября, Уильям был убит в бою на территории Бельгии. Пуля пронзила его сердце. Кэтлин, выехавшая в США сразу после высадки войск союзников на европейском побережье, узнала о гибели мужа с большим опозданием. Она тосковала в одиночестве. Братья и сестры были заняты своими делами. Родители же, по существу дела, восприняли трагическую весть с облегчением. Английский аристократ-протестант в клан Кеннеди явно не вписывался. Несравненно более горьким для всей семьи событием была, как мы уже говорили, гибель Джозефа-младшего.

Когда Кэтлин сообщили о гибели мужа, она немедленно

вылетела в Лондон, чтобы разделить горе утраты с родителями Уильяма. 20 сентября она записала в дневнике: «Я не могу поверить, что произошло именно то, чего я боялась больше всего на свете. Жизнь так жестока»{351}.

Более она в США не возвращалась. Она чувствовала себя теперь связанной теснее с Кавендишами, чем с Кеннеди. Отношения с родителями сделались прохладными, фактически произошел разрыв. Кэтлин сотрудничала с рядом газет, писала статьи и репортажи, главным образом по вопросам культуры и искусства. Ее материалы получали высокую оценку, коллеги говорили, что у нее «легкое перо».

Со временем Кэтлин сблизилась с молодым англичанином также протестантского вероисповедания Эрлом Фицуильямом, который был женат, но планировал развод и официальное оформление своих брачных отношений с Кэтлин.

Между тем в мае 1948 года Джозеф Кеннеди, намечая отдых на Французской Ривьере, предложил дочери провести какое-то время вместе. Кэтлин охотно согласилась и вылетела в Канны на небольшом чартерном самолете вместе с Эрлом. Попав в дождь и туман, самолет потерял управление и врезался в горы. Кэтлин вместе с другими пассажирами и экипажем погибла.

28-летняя журналистка была похоронена рядом с могилой своего мужа в местечке Чэтсворс, графство Дербишир. Так закончилась жизнь еще одного потомка этого клана, сохранявшего свое единство, несмотря на возникавшие конфликты, противоречия и утраты.

Именно трагическая кончина старшего брата послужила основным стимулом к тому, что Джон Кеннеди решил избрать политическую карьеру, надеясь, в конце концов, исполнить то, о чем мечтал Джо, — стать президентом Соединенных Штатов Америки. Но он понимал, что путь к этому долгий и сложный. Необходимо было определить поприще своей деятельности на ближайшее время.

Уже в 1945 году Джон решил, что он должен вновь попробовать свои силы в писательском ремесле. Вспоминались его книга о Мюнхенском соглашении и успех, правда недолгий, который она имела. Лежа на койке в госпитале Военно-морского флота, а затем отдыхая в родовом имении, он не раз брался за перо. Из попыток создать «что-нибудь художественное» ничего не получалось.

В конце концов, автор получил какое-то умеренное удовлетворение, сотворив не то статью, не то эссе, которой дал громкое название «Попытаемся провести эксперимент — установить мир». Это были размышления о взаимоотношениях с

Советским Союзом, о том, как они будут складываться в условиях, когда над Европой уже повеяло духом холодной войны, хотя советско-американские отношения оставались еще пристойными. Кеннеди отдавал должное роли СССР в только что завершившейся войне на Европейском континенте. Он считал необходимым проводить политику послевоенного сотрудничества в духе Рузвельта. «Нам нужно продемонстрировать Советам свою готовность решать европейские проблемы по справедливости, — декларировал он. — Только тогда русские действительно поверят нашим заявлениям о дружбе».

Редакции журналов сочли статью тривиальной, и она так и не увидела свет{352}. Действительно, разглагольствования начинающего автора по поводу «справедливости» отнюдь не выглядели уместными в пору, когда в международных отношениях всё более явственно стали доминировать геополитические, а не наивно-гуманистические соображения.

Значительно больший интерес вызвал подготовленный под редакцией Джона Кеннеди сборник памяти его старшего брата. Хотя книга была предназначена в основном для семьи и друзей, она была с интересом встречена и читательской аудиторией, и историками. Специалисты видели в воспоминаниях, включенных в книгу, прежде всего живой, откровенный повествовательный источник о конкретных перипетиях участия США во Второй мировой войне на ее завершающем этапе, о самопожертвовании американского летчика во имя пресечения разрушительных германских налетов на Великобританию.

Во введении к сборнику Джон писал: «Я думаю, что, если братья и сестры Кеннеди чего-то стоят сейчас и будут стоить в будущем, это намного больше связано с поведением Джо и его постоянным примером, чем с другими факторами. Для моих отца и матери он в огромной степени облегчил задачу воспитания большой семьи, потому что всё, чему они научили его, он передавал нам, и их уроки благодаря ему не ослаблялись, а усиливались»{353}.

В результате после долгих размышлений и не совсем удачных первых опытов Джон Кеннеди всё же избрал сферой своего труда на ближайшее время журналистику, точнее говоря, международно-политическую публицистику, к которой особенно тяготел со времени написания своей выпускной работы в Гарварде.

Он стал работать в газетном концерне Хёрста, с которым на протяжении многих лет поддерживал дружеские связи его отец. В качестве первого серьезного задания Джон получил направление на учредительную конференцию Организации Объединенных

Наций в Сан-Франциско, открывшуюся 25 апреля 1945 года. Конференции предстояло утвердить Устав ООН и другие основополагающие документы, призванные предотвратить разрушительные войны и обеспечить сотрудничество и взаимопомощь государств.

Ход конференции освещали многие американские и зарубежные корреспонденты, в том числе несколько хёрстовских мастеров пера. Отправляя туда новичка Кеннеди, Хёрст поставил перед ним конкретную задачу — писать о происходивших дебатах и решениях, об участниках с точки зрения ветерана вооруженных сил, простого американского военнослужащего, лишь незадолго перед этим сменившего солдатскую форму на одежду мирного времени.

Джон с удовольствием взялся за эту работу и потому, что ему надо было «зарабатывать на жизнь» (миллионы долларов, которые у него были, — не в счет, их надо было накапливать, а не тратить!), и для того, чтобы набить себе руку в писательском ремесле, более того, стать известным сотням тысяч, если не миллионам американцев, и чтобы воочию увидеть, как творится мировая политика наиболее высокопоставленными государственными деятелями.

Так в газетах, входивших в хёрстовский концерн, стали появляться незамысловатые материалы человека, который еще недавно сражался с врагом и писал теперь, так сказать, только что сняв боевую шинель.

Как и предполагал изоляционист Хёрст, впечатления от конференции были не очень благоприятными.

Правда, и сам издатель, и его сотрудники полагали, что первые статьи Джона Кеннеди были очень несовершенны, полны штампов и даже скучны. Видимо, коллеги, а может быть, и читатели высказали по этому поводу нелицеприятные суждения, и Джон стал работать более тщательно. Проявилась его способность быстро учиться, набираться опыта, набивать руку.

Острой критике начинающий журналист подверг проект Устава ООН, основные положения которого уже были согласованы главами трех великих держав Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем на Ялтинской конференции в феврале 1945 года. Весьма уязвимым был принцип единогласия пяти государств (США, Великобритании, СССР, Франции и Китая) в главном органе ООН — Совете Безопасности, причем не было особым секретом, что на этом принципе настоял Сталин. Предусматривалось, что, если хотя бы один из этих постоянных членов Совбеза проголосует против внесенного проекта резолюции, она отвергается. Иначе говоря, вводилось право вето.

Кеннеди писал, что это право лишь «закрепляло имевшуюся напряженность между Западом и Востоком вместо того, чтобы создать механизм ее смягчения». Отсюда делался еще более пессимистический, весьма скоропалительный вывод — ООН станет добычей тех самых «своекорыстных страстей, которые произвели на свет Версальский договор» 1919 года, то есть мирный договор, увенчавший Первую мировую войну и содержавший в себе в качестве составной части устав международной организации — Лиги Наций, которая оказалась неспособной предотвратить Вторую мировую войну.

Особое внимание уделялось взаимоотношениям между западными державами и СССР, как они представлялись на заседаниях учредительной конференции. Впечатления были противоречивыми. В одной из своих корреспонденции Джон справедливо отмечал сохранявшееся на заключительном этапе Второй мировой войны недоверие между СССР и его союзниками. «Самое главное здесь — наследие двадцати пяти лет недоверия между Россией и остальным миром, которое невозможно будет преодолеть в течение ряда лет». Комментируя дебаты на конференции между советскими делегатами и их западными партнерами, Кеннеди подчеркивал: «Русские, быть может, простили, но не забыли. Они хорошо помнят предвоенные годы, когда Россию пускали лишь на задний двор».

Но в то же время советские делегаты во главе с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым и вскоре сменившим его послом в США А.А. Громыко произвели на молодого корреспондента самое отрицательное впечатление. Оно было, правда, в основном внешним, хотя отражало и существо той послевоенной политики, которую намеревался проводить Сталин, учитывавший американскую монополию на атомное оружие, но прилагавший всяческие усилия, чтобы ее ликвидировать. В ряде корреспонденции Кеннеди особенно подчеркивал «воинственное настроение русских»{354}.

Соответствующие фрагменты из корреспонденции Кеннеди в общем-то были в основном легковесными, формирующими у читателей неблагоприятное отношение к Советам, которые еще считались союзниками, на основании только внешнего вида и поведения их делегатов. Явно на дешевый эффект были рассчитаны картинки с описанием «ужасных костюмов» из дешевого шевиота темно-синих тонов, «отвратительные спортивные стрижки» московских делегатов — они, по мнению Кеннеди, были похожи на бандитов из гангстерских фильмов.

Несколько более адекватную информацию читатель мог почерпнуть из описаний поведения Молотова, который был не

просто безапелляционен, но «откровенно груб, враждебно настроен и постоянно ориентировался на конфликт». Стиль советской делегации, подводил итог журналист, предвещал еще большие расхождения в будущем.

Удивительно, но молодой корреспондент произвел в целом благоприятное впечатление на советского посла в США. В отеле «Сан-Фрэнсис», где проживали советские делегаты, Громыко дал интервью Кеннеди. Вопросы касались в основном Устава ООН. При этом Джон не преминул прихвастнуть, что его отец — «друг Рузвельта»{355}, надеясь, видимо, этим расположить к себе жесткого советского делегата, хотя, как мы знаем, другом Рузвельта Кеннеди-старший никогда не был, а в последние годы жизни президента отношения между ними вообще стали натянутыми.

Хёрст и его помощники в конце концов остались довольны первыми журналистскими опусами Кеннеди и отправили его в новую командировку, на этот раз за рубеж, в Лондон. Ехал он туда для освещения послевоенных выборов, которые британское правительство назначило на 6 июля 1945 года.

Хотя эти выборы объявлялись послевоенными, в действительности они проводились еще до капитуляции Японии в начале сентября и поэтому их результаты были объявлены не сразу. Дело в том, что возникли трудности с подсчетом голосов военнослужащих на Дальнем Востоке и Тихом океане. В результате произошло драматическое событие. Уинстон Черчилль, возглавлявший правительство во время войны, был уверен в победе своей партии консерваторов и дал согласие на встречу с президентом США Трумэном и советским лидером Сталиным в поверженном Берлине после выборов, но до завершения подсчета голосов. Результаты выборов оказались сенсационными. Победу на них одержали лейбористы. Избиратели отвергли руководство Черчилля, который по праву считался одним из отцов победы над гитлеровской Германией. Это был серьезнейший политический урок для мировой общественности. Приходилось убеждаться, что прошлые заслуги бледнеют перед насущными жизненными потребностями, что избирательный корпус мало волнует история, что по отношению к политическим деятелям он неблагодарен. Поучительным этот урок был и для молодого американского журналиста Кеннеди, исключительно высоко ценившего сэра Уинстона, но, как мы сейчас увидим, сомневавшегося в его победе на выборах.

В результате в работе Берлинской конференции был сделан перерыв, Черчилль возвратился на родину, и на втором этапе британские интересы на встрече большой тройки представлял

уже новый премьер — лидер Лейбористской партии Клемент Эттли.

Но всё это произойдет немного позже, уже во время пребывания Кеннеди в Лондоне. Задача журналиста состояла в том, чтобы дать представление американцам, каковы послевоенные планы Черчилля, как он проводит предвыборную агитацию, как лейбористы намереваются реализовать свою программу «демократического социализма», в частности путем национализации ряда отраслей промышленности, как относится население к их действиям.

У Джона была и личная цель — повидаться с жившей в Лондоне сестрой Кэтлин, вдовой маркиза Хартингтона, погибшего, как мы знаем, на европейском театре военных действий. Джон учитывал, что она также была журналисткой со связями в политическом мире и могла оказать ему помощь в организации полезных встреч.

Для того чтобы быть мобильным и познакомиться не только со столицей, но и с провинцией, Джон заимствовал у сестры малолитражный автомобиль. Случилось так, что как раз в это время премьер Черчилль совершал агитационную поездку по близким ему местам доброй старой Англии, и Джон просто не мог не воспользоваться случаем. Он последовал за Черчиллем, сохранявшим прекрасную политическую форму, живость, находчивость, остроумие. Слушая выступления сэра Уинстона, его казавшиеся легкими, а на самом деле глубокие ответы на каверзные вопросы, работая над репортажами об этих встречах, Джон Кеннеди в то же время учился правильному политическому поведению, создавая тот базис, которым он воспользуется уже в самые ближайшие годы и даже месяцы.

По возвращении в Лондон Джон придумал интересный маневр для сбора информации. Ежедневно он стал приглашать на традиционный для Англии «пятичасовой чай» ту или иную группу молодых британских политиков. Они обменивались мнениями о предвыборном процессе, о положении в британской столице и провинции, о советских действиях в Восточной Европе и намерении противостоять постепенному превращению стран этого региона в сателлитов СССР, о том, насколько велика угроза для демократии в западной части континента, и т. д.

Джон внимательно слушал эти высказывания, подзадоривал участников бесед, задавал многочисленные вопросы и получал, таким образом, новую богатую информацию, которую немедленно включал в статьи, предназначенные для хёрстовских изданий. Одновременно Джон вел подробный дневник, куда записывал свои впечатления, чтобы использовать их при

подготовке задуманной им книги о послевоенной Европе{356}.

Информация, которую удалось собрать Кеннеди, была настолько точной, что за две недели до выборов, 23 июня, он написал статью, которая поначалу вызвала недоумение, — в ней доказывалось, что консерваторы потерпят поражение. «Это может показаться удивительным для многих американцев, которые полагают, что Черчилль точно так же непобедим на избирательных участках, как и на войне», — говорилось в статье{357}. Это мнение Джон стремился подробно обосновать. Он писал, что оппозиционная Лейбористская партия состоит из «левых доктринеров, профсоюзных активистов и простых людей с высокими идеалами», что она имеет радикальную платформу, у которой есть все шансы на победу по трем причинам: во-первых, население устало от правления тори и стремится к изменениям; во-вторых, правительство тори находилось под постоянным давлением, испытывало многочисленные атаки на протяжении последних пяти лет, прежде всего в связи с предвоенной политикой «умиротворения»; в-третьих, консервативное правительство, вместо того чтобы ввести широкую программу социальных расходов, заставляло британцев затягивать пояса. А это усиливало раздражение рядовых жителей страны, вело к снижению популярности консерваторов.

Если лейбористы выиграют, заключал Кеннеди, Великобританию ожидают большие изменения, причем не исключены ограничения демократических свобод. «Наблюдая за Англией, нам следует многому учиться».

Знакомясь с прогнозами молодого журналиста, немало людей в США недоуменно пожимали плечами. Но прошло совсем немного времени, и оказалось, что его предвидение было точным за исключением одного — лейбористские власти не поставили под сомнение основы демократической парламентской системы.

Когда 26 июля были опубликованы результаты выборов и полностью оправдался прогноз Кеннеди, он добавил к своему анализу еще одну конкретную причину, благодаря которой победили лейбористы. Собственно говоря, она вытекала из предыдущих рассуждений, но теперь была представлена во всей полноте. «Социалисты обещали, что дела пойдут лучше для работающего человека, а для социалистической партии почти каждый — это работающий человек… Черчилль, со своей стороны, проводил ту же линию во время [нынешней] кампании, которую он проводил в 1940 году, когда она была столь успешной. Он не предлагал ничего, кроме “труда и пота”, и говорил, что Консервативная партия не дает беззаботных обещаний, которые она не сможет выполнить. К сожалению для

консерваторов, люди на этом острове находились на диете труда и пота в течение всех прошедших пяти лет».

Сказанное отнюдь не означает, что как журналист Джон Кеннеди одобрял полусоциалистические эксперименты (как мы видели, он считал их социалистическими), введение которых обещали лейбористы. Он подчеркивал неэффективность социализма и вновь предостерегал против угрозы установления диктатуры. «Они (левые. — *Л. Д., Г. Ч.)* должны быть максимально осторожны. Введение диктатуры левых, как и правых, в равной степени ненавистно, независимо оттого, какова их доктрина или даже насколько велика их эффективность»[358].

Одним из немногих, кто должным образом оценил логичность и доказательность позиции Кеннеди, был тот самый журналист Артур Крок, который помогал ему в подготовке книги о Мюнхенском соглашении. Крок высказал мнение, что статьи Кеннеди «очень профессионально написаны, добротны и ясны»[359].

Кеннеди воспользовался лондонской командировкой и для того, чтобы побывать в побежденной Германии. По протекции отца, знакомого с министром Военно-морского флота Джеймсом Форрестолом, он присоединился к возглавляемой министром группе военных, направлявшихся на Берлинскую конференцию глав трех держав.

Вместе с этой группой он побывал во Франкфурте-на-Майне, а оттуда совершил поездку в соляные копи, где нацисты прятали огромные награбленные ценности — золото, серебро, драгоценные камни. Группа не могла отказать себе в удовольствии посетить в Баварии полуразрушенную резиденцию Гитлера Берхтесгаден, побывала на вершине горы, где находилось широко известное гитлеровское «Орлиное гнездо».

Но несравненно большее впечатление на журналиста произвели нищета и чувство отчаяния в послевоенной Германии, бледные лица людей, их желтые губы, полусгнившие трупы, которые подчас попадались на окраинных улицах городов и в подворотнях. А в своем дневнике Джон записал о Гитлере: «У него были безграничные амбиции по поводу своей страны, которая стала угрозой для всего мира, но в нем было что-то загадочное и в том, как он жил, и в том, как он умер. В нем было что-то, порождающее легенды». Впрочем, автор дневника тут же обрывал себя, буквально устыдившись своих мыслей, и дописывал, что это отнюдь не означает какой-либо симпатии ни к Гитлеру, ни к нацистской Германии[360].

Журналистская карьера Джона продолжалась очень недолго, всего четыре месяца, с мая по август 1945 года. Но это были

месяцы, насыщенные большими событиями, и он не только значительно углубил свою способность анализировать действительность, проявил умение делать серьезные выводы и прогнозы. Он встретился с такими известными деятелями, как У. Черчилль, К. Эттли, Дж. Форрестол, с советским министром иностранных дел В.М. Молотовым и послом СССР в США А.А. Громыко. 1 августа, после того как по его просьбе Форрестол взял его с собой на встречу с генералом Д. Эйзенхауэром, Джон записал в дневнике: «Понятно, почему он (Эйзенхауэр. — *Л. Д., Г. Ч.)* является такой выдающейся фигурой. Он прост в обращении, но обладает огромной уверенностью в себе и великолепно владеет ситуацией в Германии»{361}.

Но в то же время журналистская деятельность постепенно начинала надоедать молодому Кеннеди. Джон говорил друзьям, что часто, работая над статьями, испытывает чувство неудовлетворения. Репортажи — это пассивное занятие, считал он. «Вместо того, чтобы делать дело, вы должны писать о тех, кто делает дело. Я же хотел бы иметь немного больший вес»{362}. Значительно больший вес можно было попытаться приобрести, включившись в политику. Кеннеди всё больше испытывал желание быть в числе тех, о ком пишут, а не тех, кто пишет об известных людях.

Вхождение в политическую жизнь

В 1946 году Джон решил непосредственно приступить к политической деятельности, причем немаловажную роль в его решении сыграли настояние отца и память о брате.

В юности Джон не считал себя политиком по призванию, это чувство пришло к нему значительно позже. И став сенатором, он был лишь отчасти и субъективно ретроспективно честен, объясняя свой общественный дебют соображениями, связанными с замыслами и интересами клана: «Я вступил в политику только потому, что погиб Джо, а если что-нибудь произойдет со мной, брат Бобби займет мое место в сенате, а если умрет и Бобби, на свой пост встанет Тедди»{363}.

Поначалу отец не очень высоко оценивал политический потенциал Джона. Сравнивая его с покойным старшим сыном, которого он еще до войны наметил в президенты страны, Джозеф полагал, что Джек (Джон) не обладает такими важными для политического деятеля качествами, как открытость, напористость, готовность ввязаться в схватку, короче говоря, по мнению отца, у него не было агрессивности и связанных с ней качеств.

Все эти свойства были присущи самому Джозефу, и он,

вольно или невольно, переносил их на своих отпрысков. Критически оценивая возможности сына непосредственно после войны, отец считал его «довольно застенчивым, оторванным [от жизни], спокойным. Его мать и я не были в состоянии видеть в нем политика. Мы были уверены, что он станет учителем или писателем»{364}. Особых различий прямолинейный Джозеф между этими специальностями не видел.

Но, всячески стремясь к политическому продвижению семьи, Джозеф постепенно менял свое мнение, тем более что у сына всё более проявлялись явные политические амбиции. Они стали более заметными во время непродолжительной журналистской работы. Наблюдая действующих политиков, Джон Кеннеди со свойственной ему решительностью (отец был явно несправедлив, упрекая его в отсутствии таковой) счел, что, набравшись определенного опыта, он сможет заниматься государственными делами не хуже, чем находившиеся на виду американские и британские деятели военного и послевоенного времени. Его раздражали пожилой возраст этих людей, их крайняя осторожность в высказываниях и действиях. Он полагал, что сможет значительно лучше справляться с государственными делами, опираясь на свою энергию и молодой задор и постепенно набираясь опыта.

Позже отец и сын нередко противоречили друг другу в высказываниях по поводу того, кому принадлежала инициатива. «Я толкнул Джека в политику, — хвастал Джозеф через много лет. — Я был единственным, [кто это сделал]. Я говорил ему, что Джо мертв и поэтому он должен баллотироваться в конгресс. Он не хотел этого. Он чувствовал отсутствие способностей… но я сказал ему, что он должен это сделать». Совершенно иначе звучали воспоминания самого Джона: «Все мы увлекались политикой, но казалось естественным, что именно Джо будет бороться за [выборную] должность… Так что когда Джо утратил возможность, я захотел вступить в борьбу, и я рад, что смог это сделать»{365}. Никакого упоминания о роли отца здесь и в других подобных заявлениях не было. Видимо, истина лежала посередине. Джозеф действительно прилагал силы, чтобы его сын вступил в политику. Сам же Джон, независимо от мнения и настояний отца, чувствовал, что может и желает добиться успеха на этом беспокойном поприще.

Он решил баллотироваться в палату представителей конгресса. Наиболее удобным местом для этого был Бостон, где у семейства Кеннеди имелись нужные связи, где его кандидатуру могли поддержать ирландская община и все католики, где с уважением относились к его деду по материнской линии Джону

Фицджералду.

Баллотироваться он намеревался по одиннадцатому избирательному округу — очень сложному с точки зрения состава избирателей, но тем более весомой была бы одержанная здесь победа. Сюда входил Кембридж с элитными Гарвардским университетом и Массачусетским технологическим институтом, сюда же относились несколько рабочих поселков с католическим населением, главным образом итальянского и ирландского происхождения. Необходимо было приспосабливаться к этой крайне разношерстной аудитории, причем так, чтобы обещания каждой группе избирателей не противоречили друг другу, по крайней мере внешне.

Место в палате представителей от этого округа вскоре должно было освободиться, так как депутат Джеймс Кёрли объявил, что будет баллотироваться на пост мэра Бостона (совмещение должности мэра и места в конгрессе не разрешалось законодательством и просто было нереальным, так как конгресс не собирается на краткие сессии, а заседает постоянно).

И всё же вначале Джона не покидали сомнения. Ему не нравился стиль предвыборной борьбы, особенно характерный для Массачусетса: бесчисленное пожимание рук и похлопывание по спине, сенсационные разоблачения, пышная риторика, когда элементарные обещания провозглашались самым высокопарным стилем. Джон не имел опыта публичных выступлений и сомневался, сможет ли справиться с этим нелегким делом.

Первый опыт был предпринят в Ротари-клубе в Хайаннис-Порте, где в сентябре 1945 года имел место ораторский дебют Джона. Он выступил с докладом «Англия и Германия: победитель и побежденный», то есть по теме, явно навеянной недавней поездкой в Европу. Сколько-нибудь серьезного впечатления на слушателей выступление не произвело. С трудом вспоминавшие его жители (в основном богатые соседи — собственники особняков на побережье) рассказывали с оттенком иронии, что молодой, крайне худой человек напоминал скорее школьника-выпускника, а не начинающего политика, вступающего в борьбу за место в высшем законодательном органе. Кто-то вспоминал, что галстук некрасиво болтался на его худой шее, пиджак и воротничок рубашки казались слишком широкими, в результате чего Джек представлялся самоуверенным слушателям «маленьким мальчиком, надевшим костюм отца». «Он скорее напоминал школьника из старшего класса… чем молодого человека на пороге политической карьеры», — высказывался другой очевидец{366}. Хотя в пренебрежительных суждениях не упоминалось о содержании выступления, было ясно, что мнение о

нем немногим отличалось от впечатления, произведенного внешним обликом оратора.

Но Джон и на этот раз показал, что обладает способностью учиться, набираться опыта и делать это быстро.

В ноябре 1945 года Кёрли избрали мэром Бостона, а на 18 июня 1946 года были назначены первичные выборы на вакантное место в палате представителей. 22 апреля Джон Кеннеди официально объявил о выдвижении своей кандидатуры.

Для предвыборной борьбы он, по примеру других политиков, сравнительно быстро построил личную организацию, своего рода штаб, в который были привлечены профессионалы и, наряду с ними, энергичные любители. Особо полезной оказалась помощь Эдди Мура, многолетнего секретаря и доверенного лица отца, которого тот «одолжил» Джону на всё время кампании.

Мур ведал финансами, проявляя при этом удивительную осторожность, приобретенную опытом делового общения с Джозефом Кеннеди. Один из волонтеров Дейв Пауэре вспоминал, как Мур распределял наличные средства, когда в них возникала нужда. Однажды Пауэрсу понадобилась небольшая сумма — 40 долларов, чтобы заплатить за аренду помещения. «Мур повел меня в мужской туалет, где просунул 10центовую монету в щель, ввел меня в кабинку и здесь, где никто не мог нас видеть, передал мне наличные, сказав: “Необходимо быть крайне осторожным в политике, особенно передавая деньги”»{367}.

Началась изнурительная избирательная кампания, основным лозунгом которой были слова: «Новое поколение предлагает лидера», причем в центр внимания была поставлена военная биография Джона. Первая в жизни предвыборная битва особенно осложнялась тем, что Джон, только недавно в очередной раз поднявшийся с больничной койки, стянутый тугим корсетом, испытывавший постоянную боль в спине, должен был проводить целые дни, разъезжая по домам избирателей, приветливо улыбаться, поднимать на руки детишек, в общем, делать то, что до него и после него делали, делают и будут делать все те, кто желает получить поддержку населения на выборах.

Типичный день Джона в эти месяцы проходил так. Он поднимался в половине седьмого и уже через полчаса стоял у ворот военно-морской верфи в пригороде Бостона Чарлстаун (или возле другого крупного промышленного предприятия, входившего в его округ), пожимая руки и вступая в краткие беседы с тысячами рабочих, шедшими на работу. После быстрого завтрака (часто не выходя из машины, пользуясь новинкой — обслуживанием потребителей через окошко их автомобиля) он несколько часов вместе с кем-то из помощников курсировал по

улицам округа, заходя в магазины, аптеки (напомним, что американская аптека — это маленький универмаг, где собственно лекарства составляют лишь небольшую часть товаров), почтовые отделения — везде, где мог встретиться с людьми. Возвратившись в гостиничный номер, он погружался в горячую ванну, которая чуть облегчала боль в спине. Затем продолжались встречи у ворот предприятий, краткие выступления на улицах и в магазинах. А вечером Джон выступал на специально организованных ужинах или собраниях общественных организаций, быстро овладевая ораторским искусством. Обычно такие ужины использовались для сбора средств в предвыборный фонд — плата за участие была во много раз выше действительной стоимости еды и напитков.

Джон уже не производил впечатления старшеклассника. Наоборот, его худоба и юношеский вид в сочетании с набиравшим силу мастерством вести диалог с аудиторией являлись теперь преимуществом. Он как бы воплощал политические надежды нового поколения американцев, выросшего и возмужавшего во время войны и стремившегося стать важной политической силой. «Джек своим примером заставлял работать энергичнее, потому что сам прилагал все силы, стремясь всё время добиваться наилучших результатов», — вспоминал Дейв Пауэре{368}.

Немалое внимание Джон и его штаб обращали на внешний облик кандидата. Друг юности Чарлз Спэлдинг позже рассказывал, какое большое внимание уделялось «публичному имиджу» Кеннеди. Он стремился подражать манерам знаменитых актеров Гарри Купера, Спенсера Трейси, Кларка Гейбла и спрашивал, обладает ли таким же «личным магнетизмом»{369}.

В ходе избирательной кампании Джон произнес около 450 речей, не говоря уже о непродолжительных выступлениях на улицах, возле предприятий и т. д. Обычно после краткого вступления он рассказывал о своем боевом опыте на Тихом океане, о товарищах по торпедному катеру, их мужестве, а затем, подчас довольно неуклюже, переходил к современной тематике, обращал внимание на поражение британских консерваторов на парламентских выборах и призывал американцев проявлять больший интерес к политике и государственному управлению, выдвигать во власть таких людей, которые не допустят недальновидности тори, но будут проводить взвешенную политику.

Постепенно в выступлениях Джона всё большее внимание уделялось повседневным нуждам населения: он обещал в качестве члена палаты представителей приложить все силы, чтобы обеспечить сограждан, прежде всего жителей родного штата,

лучшей работой, более высокой платой за труд, лучшим жильем, более благоприятными условиями социального обеспечения. Особое внимание обращалось на точное соблюдение льгот, предназначенных ветеранам Второй мировой войны, на выполнение «солдатского билля о правах».

Эта тактика, однако, оказалась не вполне удачной, хотя предполагалось, что избирателей должны были в первую очередь интересовать их непосредственные жизненные нужды. Время было такое, что американцы, испытывавшие гордость и радость по поводу достигнутой недавно победы в великой войне, пользовавшиеся благами еще не завершившегося военного экономического бума, с бо́льшим вниманием и уважением слушали рассказы Джона о его участии в тихоокеанской битве. Проведенный по инициативе отца опрос населения показал, что кандидата в конгресс воспринимают прежде всего не как государственного деятеля, а как ветерана и героя войны.

Учитывая это, штаб Кеннеди сосредоточил внимание именно на «героической» стороне предвыборной пропаганды. Исходя из анализа реальной ситуации, Джон Кеннеди учился менять, порой довольно круто, характер своей агитации. Отныне все рекламные материалы, сообщения для прессы, выступления раскручивали именно образ ветерана и героя войны, подчас существенно преувеличивая масштабы того, что было сделано лично Кеннеди, но таково уж свойство почти любой рекламы. Привлеченный к кампании бывший матрос торпедного катера ПТ-109 Уильям Джонстон многократно повторял, что, если 11-й округ «нуждается в конгрессмене с действительными способностями, с великолепными качествами руководителя и обладающего необыкновенной храбростью», таковым может быть только Джон Кеннеди{370}.

Предвыборной кампании помогали братья и сестры, разносившие агитационные брошюры и листовки, убеждавшие избирателей, что их брат — самая лучшая кандидатура из всех, кто только возможен. Особенно отличалась Юнис, которая напористо и остроумно стремилась опровергнуть многочисленные нападки на брата. Джозеф-старший оценил ее поведение, как-то заявив в своем грубо-вульгарном стиле: «Если бы эта девушка родилась с яйцами, она была бы классным политиком»{371}.

Разумеется, немаловажную роль сыграло и материальное положение кандидата, возможность не считаться с расходами, тем более что отец, видя в Джоне будущего президента страны, воплощение своей мечты о Белом доме, не скупился на расходы. Разумеется, предвыборный штаб использовал и другие пути

«поднятия средств». По подсчетам журналистов, на выборы ушло не менее четверти миллиона долларов.

Избирательная борьба увенчалась полной победой. Вначале на первичных выборах 18 июня, а затем и на окончательных 5 ноября Джон Кеннеди обеспечил себе место в палате представителей. Победа над республиканским кандидатом Лестером Боуэном была сокрушительной: за Кеннеди было подано 60 тысяч голосов, а за его соперника 26 тысяч{372}.

В 1948 и 1950 годах Джон Кеннеди также побеждал на выборах в палату представителей, которая, как известно, переизбирается каждые два года. Вряд ли есть необходимость рассматривать ход этих кампаний. Модель была выработана в 1946 году, и ей следовали почти неуклонно.

На повторных выборах были лишь два существенных отличия. Во-первых, несколько меньше внимания уделялось боевому тихоокеанскому прошлому кандидата, во главу угла агитационной работы ставились проблемы внутренней жизни и нужды массачусетских избирателей, в значительно меньшей мере вопросы внешней политики. Во-вторых, подчеркивалось, что Джон — уже не новичок в политической практике, а конгрессмен со стажем, хотя и небольшим, но стяжал себе определенную известность и выступил с несколькими законодательными инициативами.

В нижней палате конгресса

Джону не исполнилось и тридцати лет, когда он впервые появился в зале заседаний палаты представителей. Хотя по своим интересам и образованию Джон был скорее историком международных отношений, он предпочел работать в тех структурах конгресса, которые казались ему более приближенными к нуждам широкой массы американцев. Он стал членом комитета по труду и просвещению.

Но всё же молодой человек тяготился долгими скучными заседаниями, нередко просто пренебрегал ими, предпочитая развлечения, приятные морские прогулки, пикники и т. п. Нарушая принятые нормы, он являлся на заседания небрежно одетым и даже в не очень хорошо отутюженных брюках, а однажды коллеги обратили внимание, что у него носки разного цвета. Не обращая внимания на мелочи, Джон часто забывал положить в карман носовой платок и обычно протирал очки, которые он, правда, надевал крайне редко, концом рубашки, вытащенной из брюк. Однажды он так и произнес речь — фотограф запечатлел его с торчащим наружу «хвостом» сорочки.

Очень худой, весивший всего 60 килограммов с небольшим при росте 186 сантиметров, он производил впечатление «человека» из низшего обслуживающего персонала. Однажды произошел казус: вошедшие вместе с ним в лифт конгрессмены попросили высадить их на четвертом этаже, что Джон и сделал, так и не признавшись, что он — их коллега, а не лифтер[373].

Джон Кеннеди полностью перебрался в Вашингтон из Нью-Йорка в начале января 1947 года вместе со своей сестрой Юнис, которая получила работу в отделе детской и юношеской преступности министерства юстиции. Они поселились вместе в трехэтажном доме в комфортабельном районе большого Вашингтона Джорджтауне. Этот район считается самостоятельным городом, не входит в так называемый округ Колумбия, не принадлежащий ни к одному штату и считающийся столицей страны, но фактически отделенный от собственно столичных районов только условной границей. Очевидцы вспоминали, что дом был похож на голливудский отель, где постоянно толпились всякие гости, появлявшиеся без приглашения в любое время дня и ночи, которых приветливо принимали и угощали[374].

Одним из частых гостей стал молодой республиканский конгрессмен из Калифорнии Ричард Никсон. На длительное время между двумя законодателями установились дружеские отношения. Джон тепло поздравил Никсона с избранием в сенат в 1950 году[375]. Дружба сменится отчаянной конкуренцией с навешиванием всевозможных ярлыков в 1960 году, когда Кеннеди и Никсон (он к этому времени уже восемь лет пробудет в вице-президентском кресле и получит международную известность) столкнутся в борьбе за Белый дом.

Всеми домашними делами занималась бывшая кухарка Джозефа Маргарет Амброз, которую отец «уступил» сыну. Знавшая Джона еще с детских лет и относившаяся к нему по-матерински, Маргарет считала своей главной задачей хорошо кормить молодого хозяина, чтобы он выглядел посолиднее. Немалыми усилиями ей постепенно удалось этого добиться[376]. Но Джон по-прежнему выглядел значительно моложе своих лет.

Годовое жалованье конгрессмена составляло 20 тысяч долларов. Всю эту сумму Джон Кеннеди передавал в благотворительные фонды. Средства на текущие расходы он получал в виде процентов на тот капитал, который был внесен отцом в банки на его имя. В 1951 году после уплаты налогов этот доход составил около 50 тысяч долларов, что по тем временам было суммой немалой, хотя она и не позволяла роскошествовать. Собственно говоря, к этому Джон и не привык. К тому же в нью-

йоркском офисе отца, сотрудники которого внимательно следили за его «финансовым поведением», предупреждали, чтобы он не тратил слишком много денег, ибо это могло привести к вторжению в основной капитал.

Отец считал это важным. Он жаловался, что Джон совершенно не разбирается в собственных денежных делах. Молодой конгрессмен часто забывал взять с собой кошелек, его спутники вынуждены были платить за него в ресторане или за такси, и он нередко не отдавал долг — не по «злому умыслу», а просто не вспомнив об этом. Более того, дамы, которых конгрессмен приглашал в рестораны, иногда были просто потрясены, когда оказывалось, что у их высокопоставленного кавалера нет с собой денег, чтобы расплатиться, и они должны были оплачивать счета. В таких случаях, правда, Джон стремился расквитаться сполна{377}.

Помимо случайных знакомств в это время у Джона появилась женщина, с которой он время от времени встречался до последних месяцев своей жизни. Это была Флоренс Притчетт, работавшая в той же газете «Нью-Йорк джорнэл-американ», для которой он писал корреспонденции во время учредительной конференции ООН и командировки в Великобританию (Флоренс была редактором отдела мод). Случайно познакомившись в редакции, они понравились друг другу. Флоренс была женщиной опытной, она уже побывала замужем, развелась и вела теперь свободный образ жизни.

Во второй половине 1940-х годов Джон нередко в конце недели отправлялся в Нью-Йорк, чтобы провести выходные дни с Флоренс. Иногда они вместе ездили отдыхать, чему она была откровенно рада. Она писала Джону 5 июня 1947 года в весьма игривой манере: «Лето будет долгим и жарким. Я думаю, что тебе следовало бы присоединиться ко мне и сделать его еще жарче. Я надеюсь, что ты думаешь таким же образом, и когда ты появишься, мы сможем вдоволь поиграть»{378}.

Это свободное поведение не означало, что конгрессмен не чувствовал политической ответственности. Он часто встречался с избирателями, внимательно их выслушивал и стремился помочь бостонцам в их конкретных просьбах и подчас нелегких заботах.

В центре внимания начинающего политика стояли социально-экономические проблемы: повышения заработной платы, улучшения жилищно-бытовых условий наемных рабочих и служащих, социального обеспечения ветеранов и людей пожилого возраста. Он активно выступал за внесение изменений в законодательство о жилье, стремясь добиться таких дополнений и формулировок, а затем и новых актов, которые отвечали бы

интересам малоимущих, сократили бы возможность их изгнания из арендуемых домов и квартир за неуплату. Именно этой цели служил внесенный его коллегами-демократами сенаторами Робертом Вагнером и Алленом Эллендером законопроект о жилище, предусматривавший строительство за государственный счет полумиллиона квартир для наиболее нуждавшихся граждан, которые должны были бы вносить лишь символическую плату. Критики называли этот законопроект «социалистическим», хотя, разумеется, ничего социалистического в нем не было — он не покушался ни на свободный рынок, ни на частную собственность. Речь шла лишь о материальной поддержке неимущих, то есть о социальной помощи за счет государства, но не более того.

В 1948 году внесенный проект закона был провален республиканцами, а также частью демократов (в основном из южных штатов, где сильнее чувствовались консервативные настроения), но позиция Кеннеди стала хорошо известна, прежде всего в Бостоне, и повысила его авторитет среди низших слоев населения{379}.

Учитывая традиционные связи Демократической партии с организованным рабочим движением, Джон в палате представителей более или менее активно занялся и этим вопросом. Он несколько раз выступал за улучшение условий труда, за признание роли профсоюзов как равноправных участников трудовых споров. Такая их роль была вроде уже признана в середине 1930-х годов (специальный закон Вагнера появился в 1935 году), но после Второй мировой войны стала нарушаться.

В особо сложном положении из-за этого Джон оказался в связи с внесением в конгресс явно антирабочих и антипрофсоюзных законопроектов, в частности проекта республиканцев, сенатора Роберта Тафта и члена палаты представителей Фрэда Хартли.

Именно при обсуждении законопроекта Тафта—Хартли впервые четко проявились недюжинные качества Кеннеди-политика. Организованные рабочие считали этот законопроект грубым антипрофсоюзным актом, крайне затруднявшим стачечные выступления за улучшение условий труда. Акт требовал отмены практики «закрытого цеха», введенной Рузвельтом (то есть найма рабочей силы только через профсоюзы), 60-дневного предупреждения перед объявлением забастовки и еще более длительного срока (до 80 дней) перед объявлением забастовки на предприятиях, которые были бы признаны связанными с национальной безопасностью.

При обсуждении билля Кеннеди продемонстрировал свое

умение в политическом лавировании. Он выступил с заявлением, которое, казалось бы, решительно осуждает законопроект: «Принятие закона Тафта—Хартли приведет к жестокой и опасной войне с профсоюзами и будет выгодно профсоюзным радикалам, которые проповедуют доктрину классовой борьбы»{380}, — утверждал он. Это было хитрое заявление, осуждавшее законопроект не в принципе, а только за то, что он приведет к полевению профобъединений. При голосовании Кеннеди в числе семидесяти девяти членов палаты представителей (то есть незначительного меньшинства) подал голос против принятия закона. Закон Тафта-Хартли вступил в силу 23 июня 1947 года, несмотря на вето президента Трумэна. Вето было преодолено подавляющим большинством голосов членов обеих палат конгресса. Позже, когда профсоюзные лидеры потребовали отмены закона Тафта—Хартли, Кеннеди их не поддержал.

В то же время Джон выступил против законопроектов, усиливавших роль государства в экономической жизни страны. Небезынтересно, что при этом он подчас голосовал вместе с республиканцами, нарушая солидарность демократической фракции. Джон всё более проявлял себя как политик самостоятельный, действовавший в соответствии с теми принципами, которые считал справедливыми или своевременными.

В качестве члена комитета по образованию и трудовым отношениям палаты представителей Кеннеди волей-неволей вынужден был включиться в обсуждение противоречивых предложений о государственной помощи частным школам. Спор шел по вопросу о том, следует ли в стране, где церковь отделена от государства, выделять средства религиозным учебным заведениям.

Джон решительно поддержал целесообразность такой государственной поддержки в тех случаях, когда частные школы дают своим ученикам необходимый минимум знаний, соответствующий уровню образования в учебных заведениях, подчинявшихся властям штатов. По крайней мере, заявлял Кеннеди, такие школы должны получить помощь на оплату расходов по доставке учеников в учебные заведения на специальных автобусах.

К огорчению конгрессмена, это его предложение было блокировано, и религиозные частные образовательные учреждения никакой поддержки не получили. Тем не менее позиция Кеннеди была высоко оценена в различных кругах, особенно католиками родного Бостона. Местная газета, связанная с кардиналом Кашингом, писала: «Мистер Кеннеди уже показал

себя государственным деятелем в лучшем смысле этого слова, человеком, которого приятно назвать почтенным»[381].

Видимо, столь лестной оценки своей позиции Кеннеди бы не получил, если бы он высказался в комитете по-иному. Так что здесь, как и в массе других случаев, приходилось балансировать, находя равнодействующую между собственными взглядами, мнением коллег по законодательному корпусу и позицией избирателей, по крайней мере их большей части. Таким всегда было и остается положение почти любого политика, стремящегося сохранить свой выборный пост или получить новый, более высокий, и Джон Кеннеди следовал этому правилу или этой модели, как предпочитают говорить американцы.

В значительной части с этим была связана, так сказать, «открытая» позиция Джона по основным политическим вопросам. Он не был упертым догматиком, не принадлежал ни к лагерю прогрессистов, ни к консерваторам, за что его подчас упрекали и те и другие, соглашаясь, что в своих выступлениях Кеннеди стремится самостоятельно, без оглядки на авторитеты, обосновать свою позицию. Во всяком случае, в беспринципности молодого конгрессмена почти никогда не упрекали.

Были, правда, отдельные эпизоды в самом начале его работы в конгрессе, когда Кеннеди-старший пытался повлиять на позицию сына. М. О'Брайен рассказывает, что однажды Джозеф в присутствии Джона демонстративно заявил его приятелю Кею Хэлле: «Я хотел бы, чтобы ты сказал Джеку, что он собирается неправильно голосовать. Я считаю, что Джек допускает ужасную ошибку». Джон резко вмешался в разговор: «Отец, обрати внимание, что у тебя свои политические взгляды, а у меня свои. Я собираюсь голосовать именно так, как я чувствую необходимым. Я отношусь к тебе с большим уважением, но когда речь идет о голосовании, я делаю то, что считаю нужным»[382]. «Нет каких-либо прямых доказательств непосредственного отцовского влияния на позиции сына; его архивы содержат ряд писем отца, но почти все они касаются семейных и финансовых дел. Его отец ныне прямо утверждает, что он никогда не просил своего сына голосовать за или против какого-либо билля в конгрессе»[383], — обоснованно пишет биограф.

Более того, когда в конгрессе обсуждался проект закона о добыче и эксплуатации природного газа, к Джону стали обращаться лоббисты, просившие его внести в проект поправки, соответствовавшие, по их словам, коммерческим интересам отца (любопытно, что никаких свидетельств о прямом обращении по этому поводу отца к сыну не было). Не исключая, что здесь имела место элементарная провокация, Джон и по этим соображениям,

и по существу дела решительно высказался против поправок, которые бы облагодетельствовали нефтяной и газовый бизнес, включая компании, связанные с Джозефом Кеннеди.

Позже, будучи уже сенатором, Джон выступил против снижения налогов на коммерческие объединения кинотеатров, что прямо противоречило финансовым интересам отца и других близких родственников.

А в то время, когда он уже собирался баллотироваться на президентский пост, Джон Кеннеди говорил, что его разногласия с отцом по политическим (по сути дела, имелись в виду и экономические) вопросам были «тотальными». «Мы никогда не обсуждали эти разногласия. В этом не было необходимости, потому что мы не смогли бы согласиться»{384}.

Как следовало ожидать, Джон Кеннеди проявлял значительный интерес и к вопросам международной политики. В этом случае он также акцентировал внимание на тех проблемах, которые в наибольшей степени волновали его избирателей. Имея в виду то, что он прошел в конгресс от округа, в котором значительную часть населения составляли католики ирландского происхождения, Кеннеди перенес внимание на те европейские страны, основное население которых состояло из приверженцев католической церкви. Таковыми были прежде всего сама Ирландия, а также Италия и Польша.

Не случайно первую официальную зарубежную поездку в качестве члена конгресса Джон совершил в сентябре 1947 года именно в Ирландию. Было объявлено, что его целью является изучение трудностей с продовольствием и топливом в этой стране, что он намерен встретиться для обсуждения этого вопроса с премьер-министром Ирландии Имоном де Валерой.

Джон действительно вылетел в Ирландию в начале сентября, побывал у премьер-министра и обсудил с ним финансово-экономические проблемы его страны. Это дало Джону возможность затем отчитаться перед конгрессом о положении дел в Ирландии и выступить за оказание ей значительной экономической помощи{385}. Однако эта поездка чуть было не завершилась катастрофой. Из Дублина Кеннеди прилетел в Лондон, где собирался провести несколько дней, но в тот же день, 21 сентября, заболел какой-то непонятной болезнью. Вызванные врачи сочли необходимой его немедленную госпитализацию. Состояние было настолько тяжелым, что дежурный врач доверительно заявил сопровождавшей Джона его лондонской знакомой: «Этот ваш американский друг вряд ли выживет»{386}.

Вскоре врачи диагностировали малоизученную болезнь Аддисона, причиной которой являлся низкий уровень

адреналина, а проявлениями — резко пониженное кровяное давление, анемия, склонность к простудным заболеваниям и в целом крайне низкий уровень иммунитета. До конца 1930-х годов болезнь Аддисона считалась неизлечимой, и больные, страдавшие ею, умирали в течение нескольких лет после заболевания. В последующем были найдены средства, позволявшие укрепить адреналиновые железы, но и тогда прогнозы продолжали оставаться неутешительными.

О заболевании сообщили родным, которые организовали перевозку Джона на родину на корабле в сопровождении врача и медицинской сестры. Прямо с пристани в Нью-Йорке на машине «скорой помощи» он был доставлен в аэропорт, а затем чартерным рейсом переправлен в Бостон, где поступил в одну из лучших клиник. Прессе было сообщено, что Кеннеди заболел малярией и ничего его жизни не угрожает.

К счастью, к этому времени эндокринологи добились существенных успехов в лечении этой страшной болезни. Появилась синтетическая вакцина, частично возмещающая нехватку адреналина. Она значительно сократила смертность, но болезнь оставалась неизлечимой, и повторять курсы лечения необходимо было несколько раз в году. Новые надежды, а затем и уверенность в победе над этим заболеванием породили открытие кортизона в 1949 году. Это лекарство можно было принимать внутрь, не требовалось ложиться в клинику для прохождения курса лечения. Джон, а вместе с ним и родные смогли вздохнуть с облегчением.

Можно предположить, что он страдал болезнью Аддисона в течение нескольких лет до того, как она была обнаружена. Сама болезнь до ее вспышки в Лондоне находилась в латентном состоянии, а другие заболевания являлись ее следствием. Парадоксально, но обнаружение тяжелейшей болезни и соответствующее систематическое лечение позволили значительно улучшить общее состояние Кеннеди, который с этого времени реже подвергался инфекционным заболеваниям и переносил их легче. Проявлением того, что болезнь полностью не побеждена, что лечение необходимо продолжать, был своеобразный, золотисто-коричневатый оттенок кожи, но он воспринимался теми, кто наблюдал за Джоном — и дотошными журналистами, и близкими дамами, да и активными избирателями, — как здоровый загар и только способствовал его весьма позитивному имиджу в глазах населения, особенно всё тех же представительниц прекрасного пола.

Пройдя курс лечения, Кеннеди возобновил свою работу в конгрессе, в частности выступая по вопросам, связанным с

положением дел в странах с преобладающим католическим населением.

Следует иметь в виду, что в послевоенной Италии шла острая борьба между коммунистами и христианскими демократами, не исключен был и приход к власти в этой стране левых сил — коммунистов и социалистов, действовавших в первые годы после войны в союзе. А это неизбежно привело бы к включению одной из крупнейших европейских стран в советскую внешнеполитическую орбиту. Кеннеди приложил немало сил для того, чтобы правительство США оказало максимальную помощь Христианско-демократической партии Италии. Он несколько раз выступал в конгрессе, предупреждая, что над Италией нависла коммунистическая опасность, призывал предотвратить ее всеми возможными средствами.

Что же касается Польши, то, учитывая не только солидарность католиков, но и то, что в США проживало до семи миллионов иммигрантов из Польши, Джон Кеннеди был одним из немногих, кто выступил с осуждением решений Тегеранской и Ялтинской конференций по польскому вопросу. Он убеждал, что эти решения являлись неоправданной уступкой западных держав СССР, что именно они привели к установлению в Польше режима «народной демократии», то есть к превращению этой страны в советского сателлита.

Хотя выдвигаемые им требования были явно нереальными, он приобрел популярность, особенно в польско-американских кругах, заявив о необходимости ревизии решений по Польше, непризнания Соединенными Штатами изменений, происшедших в этой стране после войны. Это был один из тех случаев, когда Кеннеди критиковал, и довольно резко, политический курс Рузвельта, который, по его словам, «уступил Польшу Сталину»{387}.

Джон распространил свое осуждение внешней политики Рузвельта в конце Второй мировой войны с польского вопроса на другие проблемы. Он демонстрировал полное неприятие характера американо-советских отношений в тот период, не осознавая важности для США скорейшего вступления СССР в войну против Японии после окончания военных действий в Европе.

В связи с этим Кеннеди включился в явно инспирируемую правительством Трумэна — и по политическим, и по личностным причинам — антирузвельтовскую кампанию. «На Ялтинской конференции 1945 года, — говорил он в речи в городе Сэйлеме, штат Массачусетс, 30 января 1949 года, — больной Рузвельт по совету генерала Маршалла отдал Курильские острова, а также

контроль над стратегически важными портами Советскому Союзу», полагая это непростительной ошибкой тогдашнего президента{388}.

Отсюда проистекала полная поддержка Джоном 22-й поправки к Конституции США, которая предусматривала избрание одного человека президентом США только на два срока. Сама по себе разумная мера, вполне оправдавшая себя на протяжении всей послевоенной истории страны, она в тех конкретных условиях носила вполне специфический характер, являясь фактически осуждением политики Рузвельта, который избирался на президентский пост четыре раза подряд.

Эта поправка была принята конгрессом 7 февраля 1951 года. Устанавливалось, что одно и то же лицо может занимать пост президента США не более двух сроков (независимо от того, подряд или с перерывом). Если президент начал исполнение обязанностей с поста вице-президента (в случае кончины или отставки предшественника), к полному сроку приравнивались два года и более.

Кеннеди был в числе тех конгрессменов, которые выступили с полным одобрением послевоенных международных инициатив правительства Гарри Трумэна — доктрины Трумэна, плана Маршалла, создания Организации Североатлантического договора (НАТО). В этом он всё далее отходил от взглядов своего отца, возвратившегося на старости лет к изоляционистской или, скорее, полуизоляционистской позиции.

В то же время молодой конгрессмен был против чрезмерно активного участия США в зарубежных делах, выступал за умеренность в глобальной политике своей страны. Он признавал целесообразность размещения американских вооруженных сил в Европе, но только при соблюдении определенного паритета: одна американская дивизия на шесть дивизий европейских союзников. Соответствующим образом должны были, по его мнению, распределяться расходы. США обязаны помогать другим государствам, полагал он, но не могут реформировать весь мир, это утопическая задача.

Конгрессмен активно участвовал во всех бюджетных прениях, неизменно высказываясь против увеличивавшегося дефицита, связанного прежде всего с чрезмерными тратами на поддержание зарубежных стран. Когда рассматривался бюджет на 1950/51 финансовый год, Кеннеди выступил с панической речью, так как был запланирован бюджетный дефицит в шесть миллиардов долларов. «Как мы можем свести дефицит к разумной сумме, — восклицал он, — если не проведем сокращения?!» Соглашаясь теперь с реальностью холодной войны, он связывал ее с

экономической стабильностью своей страны, ибо США должны располагать ресурсами на случай возникновения подлинной, «горячей» войны{389}.

В качестве члена подкомитета по делам ветеранов Джон неоднократно выступал за расширение финансовой помощи участникам и особенно инвалидам Второй мировой войны, а затем и войны в Корее. Эти его выступления привлекли внимание прессы, которая нередко публиковала их под крупными заголовками, так что имя молодого политика становилось всё более известным стране{390}.

Совершенно неожиданно, хотя это можно было предвидеть, препятствием для парламентской карьеры Джона стали некоторые «недипломатические» высказывания его отца. Джозеф-старший всегда был невыдержан и давал волю языку. Теперь же за ним следила пресса, политики наблюдали за его поведением не только в качестве миллионера и бывшего посла, но и как отца набиравшего силу конгрессмена.

А в конце 1950 года Джозеф Кеннеди произнес сенсационную речь о том, что политика Трумэна «самоубийственна», что правительство попусту расточает средства, что Америке следует удалиться из Германии и вообще из Европы. Так как речь была опубликована в СССР в центральной газете «Правда», Джона вызвали на заседание сенатского комитета по международным отношениям. По существу дела, ему пришлось дезавуировать высказывания отца. В ответ на вопрос, как он относится к идеям Кеннеди-старшего, последовал ответ о необходимости пребывания американских войск за пределами США. «Так я считаю, что же касается мнения моего отца, то вам бы следовало обратиться к нему»{391}.

Для Джона Кеннеди, как и для подавляющего большинства американцев, большим потрясением стали приход к власти в Китае коммунистов, провозглашение Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года, поражение Чан Кайши и эвакуация остатков правительственной гоминьдановской армии на остров Тайвань. Конгрессмен несколько раз выступал в палате представителей с критикой политики правительства Трумэна в Китае, обвиняя кабинет в недостаточной поддержке национального правительства этой страны, в том, что США по существу дела, потерпели здесь тяжелое поражение, которого вполне можно было избежать.

События в Китае настолько потрясли конгрессмена, что он пришел в несвойственное ему негодование, обвиняя в падении режима Чан Кайши не только свое правительство, но даже ученых и аналитиков. Показательным в этом отношении было его

выступление 25 января 1950 года. С неоправданным сарказмом Кеннеди бросал в зал обвинения: «Так озабочены были наши дипломаты и их советчики, все эти Латтиморы и Фейрбенксы, несовершенством демократической системы в Китае после двадцати лет войны и всякими сказками о коррупции в высшей власти, что они потеряли из виду нашу огромную опору — некоммунистический Китай». Таким образом, обвинения переносились теперь на профессора университета им. Джонса Гопкинса в Балтиморе Оуэна Латтимора — весьма квалифицированного эксперта, видного специалиста по Китаю и Монголии[30], который, кстати сказать, вскоре стал (может быть, с подачи Кеннеди) объектом разбирательства Маккарти. Свою порцию критики получил и профессор Гарвардского университета Джон Фейрбенкс, автор вышедшей в 1948 году содержательной книги «Соединенные Штаты и Китай», в которой критиковалась политика Чан Кайши{392}.

По этому поводу М. О'Брайен пишет: «Вспышка Джона была иррациональной. Вина лежала целиком на правительстве Чан Кайши. Коррумпированное, неэффективное и медлительное, оно игнорировало надежды масс китайского народа. Ничего, что Соединенные Штаты могли бы сделать в разумных пределах своих возможностей, не могло бы изменить результата»{393}.

Такого рода взрывы были, однако, одиночными. В подавляющем большинстве выступлений Джон проявил энергию, напористость и в то же время аргументированность, четко формулировал свою позицию, поставленные цели.

Когда в результате нападения северокорейского режима Ким Ир Сена на Южную Корею в июне 1950 года началась война в Корее, которая очень скоро после этого превратилась в международный конфликт (Совет Безопасности ООН в отсутствие советского делегата принял резолюцию об оказании помощи Южной Корее, и вслед за этим туда были направлены американские войска под командованием генерала Дугласа Макартура), Джон Кеннеди, как и весь состав конгресса, одобрил эту акцию. «Мы уже находимся там, — заявил он в середине августа 1950 года, — и, согласно решению президента Трумэна, останемся там». Правда, осторожно предупреждал Кеннеди, это не должно ослаблять американского военного присутствия в других, в стратегическом отношении более важных, регионах{394}.

И всё же со временем, особенно когда корейская война просто зашла в тупик и военные действия стали вяло вестись приблизительно на бывшей разграничительной линии по 38-й параллели, сопровождаясь столь же вялыми переговорами о перемирии между обеими сторонами при участии Китая, войска

которого воевали под видом «китайских народных добровольцев», у Джона началась некоторая переоценка событий.

Вначале он выступал против снятия Макартура с поста главнокомандующего американскими войсками в этом регионе. Однако вслед за этим были опубликованы документы о том, что этот генерал, не утративший авантюрной жилки, которая была ему присуща еще в годы Второй мировой войны, предлагал нанести массированный бомбовый удар по территории Северо-Восточного Китая в качестве акции возмездия за участие в корейской войне войск Мао Цзэдуна. Джон несколько приутих, но от прежних высказываний в защиту Макартура не отказался. Когда же прессу облетели сенсационные сведения, что Макартур не исключает использования при этом атомного оружия, Джон перестал поддерживать жаждущего огромного кровопролития генерала.

Вполне естественно, что Кеннеди стал подумывать о том, чтобы взойти на следующую, более высокую ступень американской политики — попасть в сенат, верхнюю палату конгресса. Правда, одновременно пришло и соображение о том, не следует ли попытаться стать губернатором родного штата Массачусетс. Но этот вариант был отвергнут почти с ходу. Уже прошло то время, когда губернаторство являлось определенным мостиком к президентскому креслу, как это было до начала 1930-х годов, когда Франклин Рузвельт построил свою карьеру именно таким образом: заместитель министра — сенатор штата — губернатор штата — президент. По поводу губернаторства Джон высокомерно заметил: «Я не могу представить себя в этой дыре, вынося постановления по делам каких-то золотарей»[395]. Более приемлемым путем к восхождению на высший пост, определенно, было членство в верхней палате конгресса.

В качестве члена палаты представителей Джон Кеннеди посетил многие страны. В 1951 году он дважды побывал за границей, причем обе поездки служили главным образом не решению каких-либо конкретных вопросов внешней политики, а должны были показать компетентность и авторитет будущего претендента на сенатское место.

Первая продолжительная поездка (о кратком посещении Ирландии и Великобритании говорилось выше) состоялась в январе—феврале 1951 года. Он побывал в Великобритании, Италии, Франции, Западной Германии, Югославии и Турции. Весьма памятными для него были встречи с римским папой Пием XII и югославским лидером Иосипом Броз Тито.

Наблюдатели особенно отмечали важность пребывания Кеннеди в Белграде и его встречу с маршалом Тито на его

роскошной вилле неподалеку от столицы. Прошло всего три года после разрыва дружеских связей между Югославией и СССР. Тито в полной мере сохранял в своей стране тоталитарную систему, но в области внешней политики пытался найти подходы к западным державам, которые, однако, очень осторожно относились к югославскому диктатору, имея в виду насильственный характер его режима и полагая, что между Тито и Сталиным может произойти примирение.

Джон принадлежал к тем, кто стремился сломать эту традицию и установить с Югославией нормальные межгосударственные отношения, пойти даже на оказание ей экономической помощи. Кеннеди интересовало, насколько прочно держит Тито власть в своих руках, не может ли произойти внутренний переворот, спровоцированный советской агентурой. В ответ на прямой вопрос о возможности интервенции против его страны или какого-либо выступления против его власти изнутри Тито ответил, что таковая, если и существует, то в самой малой степени. Кеннеди цитировал маршала: «Мой народ уверен в своем будущем. Но я не пророк, и мы готовимся к любой неожиданности». Особо подчеркнув сорвавшееся с языка Тито выражение «мой народ», Джон пришел к общему выводу, что дальнейшее распространение коммунизма в Европе почти полностью исключено, если по какой-либо причине не произойдет экономический коллапс{396}.

Зарубежная поездка укрепляла Кеннеди в убеждении, что СССР проводит экспансионистскую внешнюю политику, что необходимо сдерживать мировой коммунизм. Средствами к этому являются военная мощь США, усиление помощи странам Западной Европы, увеличение численности американских войск в различных регионах земного шара, но прежде всего на Европейском континенте, разумеется, при активном участии самих европейцев в оборонительных усилиях.

Поездка Джона широко освещалась американской прессой, которая каким-то особым чувством начинала воспринимать его не просто как молодого, начинающего политика, а как деятеля, обладающего самым серьезным политическим потенциалом.

По возвращении состоялось выступление Кеннеди на совместном заседании комиссий сената по иностранным делам и по вооруженным силам. Комиссии обсуждали в это время жизненно важный вопрос о степени целесообразности отправки новых американских подразделений в Западную Европу. Джон убеждал членов комиссий в особом значении Западной Европы для стратегических интересов США. Он считал совершенно необходимым послать туда дополнительные контингенты

американских войск. Но вместе с тем он жаловался на «несправедливость» — тот факт, что союзники и партнеры США стремятся переложить именно на заокеанскую державу все траты по сохранению безопасности старого континента. США должны настаивать, чтобы другие страны НАТО несли соответствующие расходы, говорил он{397}.

Еще более важной являлась его вторая поездка осенью 1951 года. На этот раз Джона сопровождали брат Роберт и сестра Патриция. Почти два месяца продолжалось это путешествие по ближневосточным и азиатским странам, начиная с Израиля и соседних Сирии и Саудовской Аравии, дальше через Индию, Пакистан и Вьетнам и завершая воюющей Южной Кореей. Путешественники преодолели почти 40 тысяч километров, то есть расстояние, равное длине экватора.

Джон встречался с американскими генералами Джозефом Коллинсом и Мэтью Риджуэем, с командующим французскими войсками в Индокитае Жаном-Мари де Латром де Тассиньи, премьер-министрами Израиля Давидом Бен-Гурионом и Индии Джавахарлалом Неру, главой государства в Южном Вьетнаме Бао Даем, сотнями послов, министров, всяческих советников, журналистов и т. п.

Особо глубокое впечатление произвели на конгрессмена изменения в Палестине. Он был просто поражен масштабом строительных работ, развитием транспортной системы, укреплением армии в молодом еврейском государстве.

В то же время оценка возможности примирения между евреями и арабами была пессимистической. После дискуссий с руководителями обеих общин Джон записал: «С американской точки зрения, необходимо обращать особое внимание на примирение между арабами и евреями, но перспективы этого туманны. Евреи очень агрессивны и уверены в себе. Арабы боятся экспансии. Они говорят, что она неизбежна, так как евреи поощряют иммиграцию»{398}.

Разумеется, это была не «американская» точка зрения, а личное мнение конгрессмена. Однако оно разделялось значительной частью американской общественности, которая стремилась занять своего рода нейтральную позицию в ожесточенной борьбе между государством Израиль и палестинскими арабами, решительно отвергавшими его право на существование. Пройдет время, и со второй половины 1960-х годов симпатии подавляющего большинства американцев окончательно склонятся в пользу государства Израиль и еврейской эмиграции в Палестину. Братья Джона будут в числе активнейших сторонников такой ориентации. Сам Джон в

последние годы жизни также начнет поворачиваться к этой позиции, но завершить эволюцию своих взглядов не успеет.

Менее яркие впечатления сложились от посещения других стран, особенно Индии. Премьер этой страны Джавахарлал Неру, ставший ведущей фигурой в формировавшейся группе стран третьего мира — не принадлежавших ни к советскому, ни к западному блокам, лидер страны, только недавно завершившей освобождение от британского колониального господства, смотрел на американского молодого политика свысока. Джон с обидой отмечал, что во время разговора с ним Неру глядел в потолок и вроде бы совсем не слушал, что ему говорил американец, но зато демонстративно галантно вел себя по отношению к его сестре Патриции. Роберт же отмечал позже: «Мой брат навсегда это запомнил. Мы же по поводу этого [происшествия] смеялись»{399}.

Посетив Индокитай, Джон Кеннеди довольно быстро пришел к выводу о весьма опасном положении, в котором оказались Франция и ее вооруженные силы на этом полуострове. Вместе с тем он размышлял о серьезных политических трудностях для его страны в связи с военными действиями Франции, продолжавшей в регионе вооруженную борьбу против антиколониальных сил, называемых Вьетминь — Лигой борьбы за независимость Вьетнама, руководимой коммунистами во главе с их лидером Хо Ши Мином. Продолжая поддерживать Францию как союзницу по НАТО, занимая решительную антикоммунистическую позицию, Кеннеди раньше многих других американских политиков стал осознавать, что жесткая политика военного подавления национальных сил во Вьетнаме, скорее всего, обречена на неудачу, что необходимо искать конструктивные решения. Таковых, однако, он пока не находил. Рассуждая, кого должны поддерживать американцы — вьетнамцев, то есть коммунистов, или французов, Джон приходил к неутешительному выводу: «Мы по необходимости должны избрать французов и таким образом оказаться связанными с колониальной державой, которой противостоит большинство народа»{400}.

О возможности выявления и поддержки национальных антикоммунистических сил Кеннеди только начинал задумываться. Такой подход придет позже. Но уже во время своего первого посещения Индокитая он говорил о необходимости «способствовать сильным местным антикоммунистическим настроениям в этом регионе и опираться на них как на базу обороны, а не на легионы генерала де Латра, каким бы блестящим он ни был»{401}.

Посетив весьма взрывоопасные регионы мира, где формировалась особая зона стран, не входивших в военные блоки

и стремившихся проводить особую политику, Кеннеди почувствовал необходимость решительного поворота своей страны к проблемам стран третьего мира.

В заметках для выступлений, которые он делал во время этой поездки, в частности, говорилось: «Причина распространения коммунизма — это неудача тех, кто верит в другую, более высокую жизненную теорию, но объясняет эту теорию так, что она непонятна обыкновенному человеку… Это особенно правильно для Дальнего Востока, где [народ] не имеет того опыта и традиций личной свободы, которыми обладают на Западе. Поэтому не забыть [сказать об этом]»[31].

По возвращении Джон стал заявлять, что США чрезмерно сосредоточили внимание на Западной Европе, что им следует начать оказывать существенную помощь и странам Востока. Это, конечно, явно противоречило предыдущим высказываниям конгрессмена, но Джон пытался убедить своих слушателей в совместимости обоих подходов.

Поездка по странам Азии значительно укрепила антиколониалистские взгляды Джона Кеннеди, которые сочетались с убежденностью в необходимости активной роли его страны в развитии третьего мира, в оказании экономической помощи странам, приобретавшим независимость, с тем чтобы они избирали западный, демократический путь развития «догоняющей модернизации». Необходимо было любыми средствами предотвращать вовлечение стран Востока в советский блок и тем более установление в них коммунистических или других режимов тоталитарного толка, а с этой целью создавать региональные объединения восточных стран при участии западных держав, прежде всего США.

И опять-таки Кеннеди не задумывался о том, что тоталитарные системы могут возникать не только на базе левых сил, но и как наследие колониального прошлого, опираясь на развращенную, корыстную, продажную администрацию из тех национальных деятелей, которые в прошлом обслуживали колонизаторов.

Сенатские страсти

Поездки за рубеж фактически явились началом вступления Джона Кеннеди в борьбу за место в сенате.

Было очевидно, что баллотироваться Джон должен от штата Массачусетс, где у клана были наибольшие и многолетние связи. Серьезная трудность, однако, состояла в том, что республиканцы выдвинули в сенат от этого же штата известного и опытного

политика Генри Кэбота Лоджа.

Компетентные аналитики отговаривали Джона включаться в гонку за сенатское кресло. Среди них можно назвать молодого, но быстро продвигавшегося историка и политолога Гарвардского университета Макджорджа Банди, который позже стал одним из ближайших соратников Кеннеди-президента. Тогда же, в начале 1952 года, Банди, как он через много лет писал Эдварду Кеннеди, убеждал Джона, что это будет «республиканский год», что Лоджа, поддерживаемого президентом Эйзенхауэром, будет очень трудно победить. Лучше продолжать плодотворную работу в палате представителей, чем всё заново начинать в сенате, говорил историк. Кеннеди «слушал с обычным вежливым вниманием и не высказал тогда своего окончательного решения»{402}.

Недолго поразмыслив, проконсультировавшись с отцом и друзьями-политиками, Джон 6 апреля 1952 года объявил, что вступает в борьбу. В его заявлении говорилось: «Другие штаты имеют энергичных лидеров в Сенате Соединенных Штатов, которые защищают интересы и принципы своих граждан — людей, имеющих определенные цели, основанные на конструктивных принципах, и ответственно добивающихся осуществления этих целей. Массачусетс также нуждается в таком руководстве»{403}. Это было весьма смелое, даже дерзкое заявление, свидетельствовавшее, что Джон вступает в борьбу не за страх, а за совесть.

Настали нелегкие дни. Три дня в неделю Кеннеди заседал в палате представителей, в четверг вечером вылетал в Бостон, три дня посвящал избирательным делам и возвращался в столицу только ко вторнику, пропуская как минимум два дня депутатских прений.

Как и раньше, во время кампаний по выборам в палату представителей, Джон много выступал, встречался с избирателями, вел беседы на улицах, у заводских ворот, в магазинах и т. д. В этом он уже набрался опыта. Но ему становилось ясно, что только своими силами и силами родных и близких он обеспечить победу не сможет. Необходим был квалифицированный штат советников и помощников. На собраниях Джон вел тщательный отбор возможных кандидатов в такой руководящий центр. В заметках, которые он делал, можно прочитать: «Хороший оратор», «Связан с профсоюзом рабочих электротехнического производства», «Молодой, но профессионально мыслящий»{404}.

Но и на этот раз помощь семьи и прежде всего младшего брата оказалась чрезвычайно необходимой. 27-летний Роберт стал фактическим руководителем кампании брата. Окончивший

Гарвардский университет и только в 1951 году получивший ученую степень магистра права в университете штата Виргиния, Роберт совсем незадолго перед этим женился на ревностной католичке Этел Скейкел и работал в отделе уголовных преступлений министерства юстиции США.

Роберт вначале сомневался, следует ли ему оставлять свою работу и сможет ли он оказаться настолько полезным брату, чтобы тот доверил ему руководство кампанией. «Я ничего не знаю о массачусетской политике», — говорил Роберт. С большим трудом его удалось уговорить. 2 июня 1952 года Роберт был официально объявлен «менеджером кампании».

Вопреки собственным предположениям Роберт, молодой человек невысокого роста, невероятной энергии, работоспособности и темперамента, очень быстро стал подлинным центром всей кампании. Другие ее участники вспоминали о его работе просто с восторгом. Один из них рассказывал: «У нас не было такой работоспособности, пока он не приехал, у нас не было такой мускульной силы. Он придал нам ее, а это дало повод для разговоров по поводу его безжалостности»{405}.

Роберт был первым, кто приходил в половине девятого утра в штаб-квартиру Кеннеди и последним ее покидал. Его рабочий день достигал восемнадцати часов, но он казался неутомимым. По всеобщему признанию, Роберт работал интенсивнее, чем все остальные члены штаба, вникал в каждую мелочь, сопровождал Джона в поездках по штату, количество которых возрастало по мере приближения ноября чуть ли не в геометрической профессии.

О том, насколько интенсивной была вся эта работа, свидетельствует расписание лишь одного воскресного дня, когда только за вторую его половину Джон, а вместе с ним и Роберт побывали на пяти национальных пикниках, организованных общинами этнических албанцев, греков, поляков, португальцев и итальянцев, а закончили вечер участием в ужине ирландской общины{406}.

Сестры вновь ходили по квартирам избирателей, включая самые заброшенные лачуги, уверяя весьма скептически настроенных жителей, что их брат — это единственный человек в мире, который в состоянии добиться улучшения их положения. Привлечены были мужья сестер, а беременная жена Роберта Этел, отличавшаяся красноречием, даже в ряде случаев являлась главным оратором на собраниях избирателей. Однажды вечером она выступала на собрании в местечке Фолл-Ривер. Речь ее уже подходила к концу, как вдруг начались схватки, и из зала

собрания ее прямиком доставили в родильный дом, где она на рассвете следующего дня произвела на свет своего второго ребенка Джозефа Патрика-младшего{407}.

В избирательную кампанию включилась и мать Джона, никогда не участвовавшая в политике и не разбиравшаяся в ней. Прежде всего была использована Золотая звезда (такие знаки отличия выдавали матерям, потерявшим своих детей на войне). Встречаясь с избирателями, Роза Кеннеди никогда не забывала надеть эту звезду.

Но особое впечатление производили поистине новаторские для избирательной кампании «семейные чаепития», которые в огромном количестве устраивала мать семейства. Организовывались они для совершенно различных аудиторий — от работниц до миллионерш. Роза Кеннеди по-домашнему рассказывала о своих детях, вспоминала погибшего старшего сына, попутно в зависимости от аудитории делилась то ли опытом приготовления простых блюд, то ли новинками высокой парижской моды. Позже она язвительно замечала: «Мы обращали главное внимание на женщин, так как они во время избирательной кампании работали, а мужчины просто болтали»{408}.

Большим приобретением для штаба Кеннеди был молодой, но уже довольно опытный и остро мысливший Ларри О'Брайен, набивший себе руку в области рекламы, а затем являвшийся административным помощником конгрессмена от Массачусетса Фостера Фёрколо. Великолепный руководитель и администратор, жестко следивший за тем, чтобы все его распоряжения выполнялись точно и в срок, О'Брайен оказался незаменимым помощником Джона Кеннеди, а затем и Роберта в течение почти двух десятилетий.

Еще одним участником предвыборного штаба стал старый знакомый Джона Дейв Пауэре, занимавшийся главным образом организацией многочисленных поездок кандидата по штату, заказом залов для выступлений, приглашением, рекламой (здесь он сотрудничал с О'Брайеном). Пауэре, как и О'Брайен, стал близким другом Джона, который считал личные отношения прямым продолжением службы и политических связей. В свою очередь, ближайшие помощники оставались верными своему шефу. С их стороны не было ни одного случая предательства.

Столь же лояльными они оказались в своих воспоминаниях, которые подчас выглядят даже как лакировка образа политика. Пауэре писал, например, о Джоне: «Никакое местечко не было слишком маленьким или слишком республиканским для него. Он стремился попасть везде, любая группа была рада его заполучить

не только потому, что он был интересной политической фигурой и героем войны, но и потому, что он никогда не требовал даже мелкой монеты на расходы»{409}.

Последнее утверждение выглядит особенно неубедительным в этом явно приукрашенном образе, если иметь в виду и богатство самого Кеннеди, и финансовую поддержку отца, и активный сбор средств в его фонд. Но в то же время сквозь ткань этого повествования проходят глубокое уважение и преданность автора к политику и другу, погибшему за несколько лет перед этим.

Избирательная кампания была прекрасно организована. Новым элементом по сравнению не только с предыдущими предвыборными боями Джона, но и в целом для выборов в конгресс было создание сети так называемых «секретарей Кеннеди», которые подбирались для каждого избирательного участка. Это были волонтеры, люди разных профессий — бизнесмены, врачи, юристы, агенты страховых фирм, в отдельных случаях квалифицированные рабочие, которые на протяжении нескольких месяцев отдавали всё свободное время избирательным делам. Соответственно числу участков были подобраны 286 секретарей, которые, в свою очередь, привлекли к предвыборной агитации около двадцати одной тысячи добровольцев, работавших под их руководством. Вся эта работа придала избирательной кампании Кеннеди характер массовой акции, что в значительной степени предопределило ее успех.

Секретари, включавшиеся в работу, получали от Кеннеди официальные письма, в которых, после выражения благодарности, им давались полномочия проводить все мероприятия от его имени. Затем каждый секретарь представлял собственное сообщение для печати, что обеспечивало ему и работавшим под его руководством людям еще большую степень легитимности. О своей деятельности секретари посылали еженедельные отчеты в штаб-квартиру. «Наша задача состояла в том, чтобы дать сравнительно небольшую работу как можно большему числу людей, вместо того чтобы много работы малому числу [людей]», — комментировал создание этой сети Роберт Кеннеди{410}.

Историки Ралф Мартин и Эдвард Плэнт не преувеличивают, что вся эта гонка «была наиболее методической, наиболее научной, самым серьезным образом детализированной, наиболее сложной, наиболее дисциплинированно и аккуратно организованной из всех кампаний в Массачусетсе и, возможно, по всей стране»{411}.

Наглядным свидетельством этого были новейшие

технические изобретения, впервые использованные для избирательной кампании. Важнейшим из них был так называемый телепромптер — телевизионный суфлер, то есть аппарат для чтения текста таким образом, чтобы это было незаметно для зрителей. Для кампании были приобретены два телепромптера, на что участвовавший в избирательных делах мэр Бостона Джон Хайнес поинтересовался, к чему такое излишество. Ответ на его любопытство был элементарно прост: «А вдруг один сломается?» Хайнес убедился в правильности предосторожности, когда на следующий день один из телепромптеров действительно вышел из строя{412}.

Против Кеннеди в избирательную кампанию включился генерал Дуайт Эйзенхауэр, который именно в это время баллотировался на пост президента от республиканцев. Генерал приехал в Бостон, чтобы своим авторитетом поддержать Лоджа, который с 1953 года станет одним из его ближайших советников.

Несмотря на поддержку оппонента кандидатом в президенты, Джон Кеннеди 4 ноября добился победы. Правда, разрыв голосов был небольшой — чуть более семидесяти тысяч (Кеннеди получил 1 миллион 213 тысяч, Лодж — 1 миллион 141 тысячу голосов). Видимо, главную роль в достижении победы сыграла интенсивность избирательной кампании. Журналисты подсчитали, сколько рук пожал Кеннеди — получились чуть ли не миллионные цифры. Действительно, Кеннеди посетил буквально все населенные пункты своего округа, умело аргументируя свою позицию, давая всевозможные обещания, которые, как показал опыт его пребывания в палате представителей, он действительно стремился выполнить, будучи трезвым политиком, а не политиканом, рассчитывающим на сиюминутный успех.

Но дело заключалось не только в этом. Штаб Кеннеди смог наметить новые пути предвыборной борьбы и агитации, использовать новые технические средства. Были привлечены специалисты — психологи, политологи, журналисты, мастера рекламы, режиссеры телевидения, которое всё шире входило в быт американского избирателя.

Всего этого помощники Лоджа не предусмотрели, и значительно более опытный, маститый политик проиграл молодому, правда, уже не начинающему сопернику.

Наконец, немалую роль сыграла пресса. Здесь особенно пригодились связи и кошелек отца. Джозеф Кеннеди договорился с редакторами влиятельной газеты «Бостон пост» о том, что она окажет кандидату от демократов максимальную поддержку. Действительно, в течение нескольких месяцев газета всяческими журналистскими вывертами демонстрировала, что своими

качествами Кеннеди-младший намного превосходит республиканского кандидата. А после выборов Джозеф предоставил газете щедрый кредит — 500 тысяч долларов. Безусловно, отцом была оплачена публикация в весьма популярном журнале «Ридерз Дайджест» — здесь была обнародована статья «Спасение», в которой речь шла о героизме и мужестве Кеннеди во время войны.

Незадолго до выборов Л. О'Брайен провел несколько дней отдыха в имении Кеннеди в Хайаннис-Порте. Как-то за завтраком Джозеф, пристально глядя Ларри в глаза, произнес: «Джек — достойный человек. Он разгромит Лоджа и будет отлично служить в сенате, но в конце концов он станет президентом Соединенных Штатов»{413}.

Заветная мечта Кеннеди-старшего, казалось бы, постепенно приближалась к своей реализации, хотя никто не мог предсказать, какие препятствия придется еще преодолеть на тернистом пути и как скоро эта мечта сможет осуществиться, да и вообще произойдет ли это в действительности. Предстояла еще очень нелегкая борьба. О том, что эта борьба имеет благоприятные перспективы, свидетельствовало появление фотографии нового сенатора на обложке одного из популярнейших журналов «Лайф» в декабре 1952 года. Это была честь, которой удостаивались немногие.

В начале января 1953 года 36-летний сенатор появился в Вашингтоне, который уже стал для него почти родным городом. Правда, в первый же день произошла небольшая осечка, которая вызвала у Джона скорее чувство удовлетворения, а не недовольства. В ином варианте повторился инцидент, когда только что избранного в палату представителей Джона приняли за лифтера. Теперь же, когда он подошел к поезду подземной железной дороги, соединявшей сенат с его подсобными зданиями, где располагались офисы и другие служебные помещения, служитель вежливо попросил молодого человека отойти в сторону, чтобы сначала в поезд могли войти сенаторы{414}.

Джон Кеннеди был избран в сенат от своего штата Массачусетс, но уже вскоре его стали воспринимать в качестве представителя всей Новой Англии — того северо-восточного региона страны, в котором особенно ярко чувствовалось своеобразие Соединенных Штатов как«плавильного котла». В этом котле, мол, иммигранты переплавлялись в новую, американскую, нацию. Сторонники теории «плавильного котла» обычно не желали замечать, что никакой плавки не происходило, что иммигранты из многих стран (особенно из стран Востока) сохраняли в США свои обычаи, культуру, нравы. Но в полной

мере это проявится намного позже, совершенно отчетливо уже в конце XX — начале XXI века. В первые же годы после Второй мировой войны «плавильный котел», казалось, работает, хотя и с перебоями, но в целом более или менее исправно.

Став сенатором, Джон совершенствовал свою тактику лавирования и компромиссов. Он ориентировался на максимально возможное развитие собственной карьеры, поставив в качестве перспективной, но не очень отдаленной задачи добиться избрания на пост президента.

Подобно тому, как был образован эффективно работавший предвыборный штаб, новый сенатор создал свой вспомогательный аппарат в Вашингтоне, причем на этот раз его фактически возглавила женщина — Эвелин Линкольн, ставшая личным секретарем Кеннеди.

Эвелин стала новой находкой для Джона, который, как оказалось, обладал способностью подбирать себе необходимых людей. Воспитанная в семье священника методистской церкви, Эвелин (в 1953 году ей исполнилось 44 года) была скромной и тактичной, имела великолепную память и, главное, была верной своему шефу, который, вопреки своему нраву, никогда не претендовал на ее сугубо женское внимание.

Она занималась всеми техническими делами нового сенатора, освобождая его от рутинных забот, вплоть до того, что договаривалась с парикмахером о точном времени визита к нему Джона или о том, чтобы вещи, отправленные в чистку, были возвращены вовремя. Единственное место, куда не допускалась Эвелин, был письменный стол сенатора. В самом начале его службы она попыталась навести на нем элементарный порядок. Произошел скандал, так как то, что казалось беспорядком для других, было совершенно нормальным для Джона, который в хаосе бумаг мог буквально на ощупь найти нужный ему документ. Совершенно растерянная, Эвелин была вынуждена выслушивать чуть ли не истерический крик: «Вы думаете, что я могу что-то найти во всей этой неразберихе?!» Более к столу своего шефа секретарша не прикасалась{415}.

Эвелин Линкольн являлась личным секретарем Кеннеди до последних дней его жизни, пользуясь полным доверием сенатора, а затем президента.

Однако еще более важным приобретением был Теодор Соренсен, ставший помощником Кеннеди по политическим и правовым вопросам в январе 1953 года. Соренсен был родом из штата Небраска, где его отец занимался политической деятельностью. Представляя прогрессивных республиканцев, тот дослужился до поста прокурора штата. Окончив университет в

Небраске и там же Школу права, Теодор (или Тед, как его обычно называли) работал в Агентстве национальной безопасности, затем редактором в журнале «Ло ревю» («Правовое обозрение») и, наконец, в одном из сенатских подкомитетов, где изучал систему пенсионного обеспечения железнодорожников. Несмотря на незначительность дела, которым он занимался, Соренсен проявил завидное трудолюбие, способность увязывать частные вопросы с общими проблемами нации, великолепную эрудицию. Именно там его заметил Кеннеди и пригласил на временную работу.

Оказалось, что Соренсен моментально улавливал позицию сенатора, умел формулировать ее в точных и безукоризненно оформленных в смысловом и стилистическом отношении деловых бумагах, был предельно точным, пунктуальным и исполнительным. И что самое главное — он оказался фанатично верным своему шефу. Со временем Тед стал *alter ego* Джона, его близким другом и единомышленником. Непрерывное пребывание Кеннеди в своем офисе в конгрессе, а затем и в Белом доме привело к тому, что от Соренсена ушла жена (до поступления на работу к сенатору он уже был отцом троих детей), и больше он не женился.

Джон исключительно высоко ценил способности своего помощника, подчас даже преувеличивая его заслуги. «Наконец в моем офисе появился хотя бы один умный человек», — как-то заявил он к удивлению и недовольству других работников, которые, как это получилось, незаслуженно были представлены глупцами. А сестра Джона Юнис Шрайвер (ее супруг Сарджент являлся менеджером подразделения финансовой компании Джозефа Кеннеди в Чикаго под названием «Мерчандайз Март») писала Соренсену: «Джек сказал, что Вы — самый умный человек, которого он когда-либо встречал, включая и сенатора от Массачусетса» (то есть самого себя)[{416}].

Постепенно Тед действительно становился незаменимым — он формулировал законодательные предложения и мнения по поводу внесенных в сенат проектов, писал тексты выступлений, разделы книг, которые публиковались от имени Кеннеди (возможно, и полные черновые тексты, по которым, разумеется, сам Джон потом проходился своим пером).

Отметим, чтобы более к этому не возвращаться, что, когда Кеннеди был избран президентом, Соренсен стал ведать всей политической корреспонденцией Белого дома, организовывал приемы и встречи, намечал расписание поездок, но прежде всего писал проекты выступлений и журнальных статей.

С первых дней работы на Кеннеди Тед выполнял еще одну немаловажную задачу — он присутствовал на всех выступлениях

сенатора (а позже и президента), критически оценивал каждый оборот речи, каждый жест, интонацию, отслеживал реакцию аудитории, а затем писал свои замечания, порой безжалостные, которые рассматривались совместно. Соренсен, таким образом, оказывал неоценимую помощь в совершенствовании ораторского мастерства своего босса{417}.

В отличие от своего шефа, человека живого, общительного, улыбчивого, приветливого, Тед всегда вел себя сдержанно, в обеденное время не болтал с другими помощниками, не вступал в дискуссии в коридорах и, как жаловались некоторые, даже не всегда отвечал на приветствия. Правда, один из его коллег как-то отметил с пониманием: «Можно назвать это высокомерием, но можно это назвать и эффективностью»{418}.

В первые месяцы своей работы в верхней палате Джон как бы стремился наверстать упущенное. Очевидцы вспоминали, что он работал в «бешеном темпе». Когда Кеннеди появлялся в аэропорту на десять минут раньше, чем требовалось, он буквально вбегал в телефонную будку и обрушивал на Эвелин Линкольн массу новых заданий, намеченных по дороге. Если он сам садился за руль автомобиля, то мчался на огромной скорости, нарушая правила уличного движения. Его не раз останавливали полицейские. Но сенаторы не должны были платить штраф в случае небольших нарушений правил (для них несравненно более серьезным наказанием было появление в прессе негативных комментариев), так что всё дело ограничивалось вежливыми предупреждениями, чтобы Кеннеди постарался вести себя более аккуратно. Говоря о том, как он вел машину, журналист вспоминал: «Это могло напугать вас до смерти»{419}.

Непростые отношения складывались у Джона с либеральными кругами своей партии, к которым он явно тяготел, не встречая поначалу ответного движения. Либералы не могли забыть и простить поведения его отца по отношению к президенту Рузвельту, которого тот, конечно, не «предал», как утверждали некоторые рузвельтовские поклонники, однако, будучи послом в Лондоне, выходил за рамки его инструкций и допускал не соответствовавшие курсу заявления.

Вначале и поведение самого Джона в сенате вызывало критику либералов. Здесь разгорелась буря, связанная с выступлениями сенатора Маккарти, обвинявшего и Трумэна, и Эйзенхауэра в том, что в их администрациях свили себе гнездо коммунисты. В июле 1954 года сенатор Ральф Фландерс внес проект резолюции с осуждением Маккарти, которая после бурных прений была принята большинством голосов. В начале августа был образован специальный комитет для расследования

обвинений, предъявленных Маккарти (к этому времени в список претензий одиозному сенатору входило уже 46 пунктов) с заданием представить отчет после ноябрьских выборов. Кеннеди активно не участвовал в этих дебатах, что дало определенное основание либералам обвинить его чуть ли не в «маккартизме». Правда, маккартистом его прямо не называли, но проводили обидные параллели.

Позднее Джон не раз оправдывался и в том, что в разгар критики Маккарти находился в больнице, и в том, что его брат Роберт одно время служил в комиссии Маккарти и ему, Джону, неудобно было выступать с заявлениями против этого злокозненного сенатора. Однажды он всё же частично признался в том, что его поведение в деле Маккарти было, возможно, неправильным. Учитывая крайнюю политическую заостренность всей этой истории, со стороны Джона это был мужественный поступок. Он, правда, не упомянул, что подготовил проект выступления, в котором полностью поддержал расследование дела Маккарти, но прения были прерваны и слово он не успел получить. Текст выступления был передан в архив сената{420}. Скорее всего, Джон «поскромничал» именно потому, что его вроде бы сочли недостаточно авторитетным и поэтому не предоставили слово.

И всё же Джон не раз говорил, что, если бы не отсутствовал в сенате по болезни, безусловно голосовал бы за осуждение Маккарти{421}.

В ходе предвыборных баталий послевоенных лет Джон Кеннеди становился всё более зрелым человеком. Изменялся даже его физический облик. Из худощавого, даже щуплого юноши он превращался в представительного плотного молодого мужчину. Единственным, что никогда не менялось, была ослепительная улыбка, нередко переходившая в заразительный смех. Джон научился улыбаться и смеяться даже тогда, когда ему хотелось просто выть от боли в спине.

Его супруга Жаклин вспоминала: «Он никогда не любил, когда его спрашивали о самочувствии… Он никогда не любил обсуждать это и прилагал усилия, чтобы сбросить с себя всё это, приглашая друзей на ужин, или просматривая фильм, или… (на этом месте Жаклин оборвала предложение. — *Л. Д., Г. Ч.)* просто чтобы не позволить себе сидеть, ощущая боль»{422}.

В 1954—1955 годах Джон перенес две тяжелейшие операции. Врачи предупреждали, что без хирургического вмешательства в позвоночнике могут наступить необратимые изменения, чреватые параличом или даже летальным исходом. Но и прогноз на операцию не был утешительным. Не исключалась смерть на

операционном столе. Джон без всяких сомнений решился на хирургическое вмешательство. Операция прошла крайне сложно, пациент был на краю гибели, в какой-то момент остановилось сердце. Но в результате с формальной точки зрения дело закончилось сравнительно благополучно. К позвоночнику была прикреплена новая стальная пластина, которая давала возможность более или менее свободно передвигаться, хотя боль в спине сохранилась и временами даже усиливалась. Да и с ходьбой скоро возникли трудности.

Пока еще не было обнаружено непредвиденное последствие операции: левая нога оказалась примерно на два сантиметра короче правой. Удивительно при этом, что Кеннеди не хромал, хотя теперь передвижение и доставляло ему немалые трудности. Видимо, это и было причиной того, почему врачи сразу не установили дефект.

Странно, что действительно превосходная американская медицина не сразу обнаружила серьезные ошибки, допущенные во время операции. Стальная пластина, давшая очень краткое облегчение, как оказалось, не помогла в длительной перспективе. Через несколько месяцев боли в спине усилились, пластина стала доставлять особые страдания при малейшем прикосновении — она находилась в открытом отверстии и была видна.

В феврале 1955 года пришлось снова лечь на операцию. Пластина была удалена. Джону предписали носить жесткий корсет, принимать горячие ванны, делать изнурительный массаж и, главное, принимать болеутоляющие таблетки, которые лишь приглушали боль. Отныне и до конца дней он должен был спать на жестком матрасе, набитом конским волосом. Видимо, несколько преувеличивая, но не слишком удаляясь от истины, Роберт в предисловии к сборнику работ Джона, изданному после его гибели, писал: «По меньшей мере половину его дней, проведенных на земле, он страдал от ужасной физической боли»[{423}].

Только в 1955 году во время очередного медицинского осмотра было случайно обнаружено, что левая нога короче правой. Ему изготовили ортопедическую обувь, сконструировали новый корсет. После этого Джон стал чувствовать себя несколько лучше, хотя полностью он так и не выздоровел.

Месяцы, проведенные в постели после операций, не прошли даром. Кеннеди написал книгу, которую назвал «Мужественные профили». Работа была опубликована в 1956 году[{424}] и принесла автору Пулицеровскую премию в разделе биографий (непонятно, почему она туда попала — видимо, рассматривалась как своего рода биография самого автора, но автобиографией отнюдь не

являлась, хотя бы в силу своего названия!). Пулицеровская премия была и остается по настоящее время самой престижной американской наградой в области журналистики.

Компания, в которой оказался Кеннеди в качестве нового лауреата почетной премии, была весьма солидной. Наряду с ним премию получили писатель Юджин О'Нил за пьесу «Дневное путешествие в ночь», видный дипломат и историк Джордж Кеннан за труд «Россия выходит из войны: Советско-американские отношения 1917-1920 гг».{425} и поэт Ричард Уилбер, создавший сборник «Здешний мир».

Сумму, которую Кеннеди получил в качестве премии, он тут же передал негритянскому колледжу — шаг, явно рассчитанный на тех афроамериканских деятелей, которые вели борьбу за гражданское равноправие.

По форме книга Джона представляла собой очерки об американских политических деятелях, которые пошли против течения. Первым героем был сенатор Джон Адаме, ставший позже президентом США, последним — сенатор Роберт Тафт. В каждом из своих персонажей Кеннеди находил то особенное, что отличало позицию автора от позиций большинства, причем в некоторых случаях его оценка вызывала неприятие значительной части читательской аудитории.

Особенно это касалось Тафта, который счел Нюрнбергский процесс над главными германскими военными преступниками незаконным с точки зрения международного права и базовых юридических норм. Именно поэтому процесс мог быть воспринят как месть победителей побежденным. Речь действительно шла об основополагающем принципе права — нераспространении его норм на деяния, совершенные до принятия соответствующего закона или другой нормы.

Но учитывая, что такой закон просто не мог существовать, так как никогда ранее мир не знал прецедента, подобного свершениям гитлеровцев во Второй мировой войне, и с точки зрения этических норм проведение процесса было совершенно обоснованным.

Тем не менее большинство обывателей, к которым можно причислить не только людей необразованных, но также вполне грамотных, однако в силу своих профессий не разбирающихся достаточно в правовых нюансах, истерически твердило, что сенатор пытается обелить гитлеровцев. Принимая это во внимание, Кеннеди утверждал в своей книге, что Тафт нашел в себе смелость выступить против общепринятой точки зрения.

К этому следует добавить, что автор отнюдь не одобрял поступка Тафта по существу, поскольку его правильное с

формальной точки зрения заявление было сделано абсолютно не ко времени — всего лишь через десять лет после окончания войны, унесшей по вине гитлеровских преступников десятки миллионов жизней. Джон лишь подчеркивал неординарно смелый поступок сенатора.

Помимо основного своего содержания книга являлась фактическим отчетом о деятельности Кеннеди в качестве сенатора. Отбрасывая в сторону свои физические страдания, преодоление которых действительно требовало большого личного мужества, Джон вел беседу о мужестве политическом. Он стремился показать, что такого мужества требует принятие государственным деятелем ответственных решений.

Написана книга была на сложнейшем этапе международной напряженности, когда только закончилась, причем фактически вничью, корейская война 1950—1953 годов, развязанная северокорейской стороной с санкции Сталина и Мао Цзэдуна и едва не приведшая к войне ядерной. Работа фактически предостерегала от скороспелых политических и военных решений, демонстрировала высокую ответственность автора. По существу дела, это произведение, написанное простым языком, рассчитанное на массового читателя, явилось новой заявкой на президентский пост.

Главный вывод книги был следующим: «Поскольку наша общественная жизнь всё больше сосредоточивается на бесконечной войне, названной странным словом “холодная”, возникает стремление поощрять идеологическое единство и ортодоксальное мышление. Но в грядущие годы только наиболее мужественные политики смогут принимать трудные и непопулярные решения, необходимые для выживания в борьбе против могучего противника»[426].

Надо сказать, что вокруг книги уже вскоре после ее выхода развернулась сенсационная возня, так как вначале журналисты второсортных изданий, а затем один из крупнейших американских обозревателей Дрю Пирсон обвинили автора в том, что он воспользовался чужой работой, что книга была написана «по заказу»[427]. Пирсон, правда, вскоре отказался от своих слов, признал авторство Джона[428]. Но всевозможные слухи продолжали циркулировать. Конец им положила только экспертиза рукописи, убедительно доказавшая подлинность авторства по крайней мере черновых вариантов основных разделов книги. Решающую роль сыграли оригинальные рукописные листы на желтой бумаге, явно написанные Джоном, — бесспорный черновик работы[429].

Тем временем в политическую жизнь не только в качестве

первого помощника брата, но и как самостоятельный деятель вступал Роберт. Начал он в качестве сотрудника пресловутого Джозефа Маккарти, возглавлявшего сенатский подкомитет по расследованию. Став в 1951 году штатным работником этого подкомитета, Роберт получил задание по розыску гомосексуалистов в государственном аппарате страны, а затем ему было поручено провести расследование, не попадают ли американские стратегические товары в страны советского блока.

Что касается первого вопроса, то разумный юрист смог вовремя остановиться, поняв, что загоняет себя в болото насмешек, карикатур и возможных судебных исков по поводу нарушения конституционных основ. По второму вопросу Роберт представил в комиссию подробный доклад, из которого, однако, вытекало лишь то, что американские суда заходят в порты стран «восточного блока», но нет данных, везут ли они запрещенные к продаже товары или нет.

Так что все позднейшие попытки скомпрометировать Роберта Кеннеди по поводу его сотрудничества с оголтелым сенатором результатов не дали. Роберт своевременно понял, что собой представляет этот деятель, и поспешил с ним расстаться. Правда, в 1951 году Маккарти был приглашен в качестве крестного отца первого ребенка Этел и Роберта, но уж это в качестве преступления рассматриваться никак не могло.

В 1953 году Роберт заявил о своем намерении заняться частной юридической практикой и ушел из подкомитета Маккарти{430}. Через год он возвратился в этот подкомитет по расследованию, но лишь для того, чтобы со всей присущей ему энергией способствовать осуждению Маккарти.

Глава 3.
НА ПУТИ К ПРЕЗИДЕНТСТВУ

Дальние и близкие рубежи

Фактически Джон Кеннеди начал свою президентскую кампанию в широком смысле слова с самых дальних рубежей, уже в 1948 году. Но непосредственно и с согласия всего клана он вступил в борьбу за высший исполнительный государственный пост с середины 1950-х годов. Первым шагом на этом пути явилась попытка стать вице-президентом в 1956 году.

Он сам и члены его семьи, включая отца, соглашались с тем, что на пути к избранию на пост президента перед ним стоит ряд препятствий.

Последние носили прежде всего религиозный характер. Никогда еще в США не было президента-католика. Единственной попыткой такого рода была избирательная кампания 1928 года, когда губернатор штата Нью-Йорк Эл Смит был выдвинут кандидатом в президенты от Демократической партии. Однако Смит провалился на выборах вследствие того, что в преимущественно протестантской стране к католикам относились с подозрением, считая их скорее не американцами, верными конституции своей страны, а подданными римского папы.

Вторым препятствием был возраст — в середине 1950-х годов Джону не исполнилось и сорока лет — такого молодого президента в США никогда не было.

Меньшим по значимости, но также традиционным препятствием некоторые считали то, что ранее на выборах обычно побеждали губернаторы штатов, признанные лидеры партии. Но это было уже явно устаревшее обстоятельство, которым можно было пренебречь. И всё же вступление в избирательную борьбу «простого» сенатора должно было, по мнению сведущих людей, вызвать оппозицию в избирательном корпусе (в американской истории почти не было случаев, когда сенаторы избирались президентами).

Кеннеди необходимо было выработать правильную линию, чтобы удачно балансировать между теми, кто мог обеспечить его кампанию крупными средствами и влиянием в высших кругах общества, и основной массой избирателей. После длительных размышлений и всестороннего анализа Джон сделал ставку на либеральное крыло Демократической партии.

Этот курс четко проявился уже на президентских выборах

1956 года, в частности на предвыборном съезде демократов в Чикаго. Именно тогда Кеннеди выдвинул кандидатом в президенты лидера либерального партийного крыла Эдлая Стивенсона. Стивенсон, в свою очередь, сделал необычный шаг. Он отказался назвать имя желательного для него вице-президента и попросил съезд наметить такового. Еще до съезда Стивенсон говорил в кругах либеральных демократов, что он не возражал бы против выдвижения на пост вице-президента Джона Кеннеди, но упоминал его имя наряду с другими возможными номинантами.

Перед съездом Джон Кеннеди не предполагал выдвигать свою кандидатуру на вице-президентский пост. По воспоминаниям Жаклин, ее супруг вначале вообще не желал идти в паре со Стивенсоном, который, как он полагал, потерпит поражение, а Эйзенхауэр будет избран на второй срок. Кроме того, Джон считал, что он, как католик, будет препятствием в президентской гонке Стивенсона.

Однако после недолгих размышлений Кеннеди решил вступить в борьбу («Всё было решено за один вечер», — рассказывала Жаклин), хотя, как он признавался, эта должность особого интереса для него не представляла. «Будет масса работы, — подшучивал он, — приветствовать людей в аэропорту и посещать банкеты»{431}.

Действительно, пост вице-президента в США носит в основном декоративный характер. Это должностное лицо выполняет только одну реальную функцию — председательствует в сенате и голосует в том случае, если возникает патовое положение — при таком стечении обстоятельств голос вице-президента определяет результат. Один остряк, по словам журналиста У. Манчестера, как-то сказал: «Быть вице-президентом — не преступление, но своего рода порок, вроде сочинения анонимных писем»{432}. Если же отвлечься от шуток, то реальное влияние вице-президента на политическую жизнь страны куда меньше, чем, допустим, авторитетного сенатора, каковым Кеннеди уже стал. Главный смысл этой должности, однако, состоит в том, что вице-президент служит резервом, автоматически становясь главой исполнительной власти в случае смерти или отставки президента.

И всё же Джон рассматривал возможный пост вице-президента как еще один шаг вверх по карьерной лестнице, вплотную приближавший его к заветному президентскому креслу{433}.

13—17 августа на съезде Демократической партии разгорелась острая борьба за выдвижение на пост вице-президента между Эстесом Кефовером и Джоном Кеннеди.

Сенатор Кефовер был известен активной борьбой против злоупотреблений в области бизнеса (вскоре он станет председателем подкомитета по делам антитрестовского законодательства). С переменным успехом прошли несколько туров голосования, но в конце концов победил Кефовер. Вместе со Стивенсоном он в ноябре 1956 года проиграл президентские выборы Дуайту Эйзенхауэру и Ричарду Никсону, вторично ставшими президентом и вице-президентом соответственно.

Хотя на съезде Кеннеди поддерживал либеральное партийное крыло, несмотря на столь явную демонстрацию его приверженности, подспудные бури продолжались; Кеннеди обвиняли в том, что в свое время он терпимо относился к Джозефу Маккарти, не выступал с его разоблачениями, да еще и не отговорил своего брата Роберта от работы в подкомитете Маккарти.

Многое зависело от позиции Элеоноры Рузвельт, к которой с особым почтением относилась либеральная часть партии. Джон встретился с ней и попытался убедить ее в том, что ему не следует сейчас выступать с осуждением Маккарти, ибо это будет выглядеть как лицемерие. Элеонора Рузвельт, в свою очередь, не вняв аргументам, потребовала публичного осуждения «маккартизма». Джон это сделать отказался{434}.

Несколько позже, в 1958 году, между Элеонорой Рузвельт и Джоном Кеннеди возникла дискуссия в печати, вежливая по форме, но острая по существу. Дело началось с того, что Элеонора, относившаяся к Кеннеди-отцу с откровенной ненавистью и презрением, считавшая его «акулой Уолл-стрит», злым гением своего покойного мужа, не только повторила в телевизионном интервью свое осуждение позиции Джона по поводу «маккартизма», но и обвинила его в несамостоятельности, в отсутствии политической смелости, в зависимости от отца, от его богатств. Она добавила, что, «судя по надежным источникам», Джозеф Кеннеди потратил огромные суммы на то, чтобы в каждом штате действовали представители его семейства, обеспечивающие политическое продвижение сына{435}.

Хотя финансовая поддержка отца действительно существовала и ничего незаконного в этом с точки зрения американских норм того времени не было, сам этот факт, тщательно скрывавшийся Джоном, тем более озвученный устами столь уважаемой дамы, создавал негативный образ Кеннеди-сына в либеральных кругах демократов.

Джон решил ответить, причем способ аргументации был найден весьма умело. Проигнорировав обвинения в недостатке смелости и другие негативные высказывания Элеоноры, Джон

фактически обвинил ее в клевете, хотя на словах всё было выражено подчеркнуто почтительно. «Именно потому что я знаю о вашей длительной борьбе против несправедливого использования фальшивых заявлений, слухов и обвинений как средства причинить ущерб репутации личности, я уверен, что вы стали жертвой дезинформации; я также убежден, что вы пожелаете запросить своего информанта. Не пожелает ли он назвать хотя бы одного такого представителя или привести хотя бы один пример расходов моего отца где-либо в стране в мою пользу?» Удар был нанесен наверняка. Джон Кеннеди отлично знал, что все траты производились так, что доказать их было невозможно, по крайней мере без напряженного расследования. Элеонора Рузвельт ответила неопределенно, конечно же не приведя ни одного доказательства.

Стороны обменялись еще несколькими письмами. В конце концов вдова Франклина Рузвельта вынуждена была признать свое поражение, разумеется, не изменив негативного отношения к политическому продвижению кого бы то ни было из семейства Кеннеди. «Мои информанты — простые люди, с которыми я вела обычные беседы. Их имена представить невозможно, потому что в большинстве случаев я их просто не знаю»[{436}].

Этим письмом переписка завершилась. Хотя она не была предназначена для публикации, знали о ней многие, прежде всего в кругах либеральных демократов, которые с почтением относились к Элеоноре Рузвельт. Видимо, эти ее сторонники сожалели о ее необдуманном выпаде, но и испытывали раздражение по отношению к семейству Кеннеди.

Полного вхождения Джона Кеннеди в либеральную фракцию так и не произошло. Поразмыслив и, очевидно, обсудив вопрос с родственниками и советниками, Джон решил подойти к будущей битве за Белый дом шире — не связывать себя с определенным кругом деятелей, а попытаться привлечь на свою сторону основную партийную массу, включая и тех, кто организационно не принадлежал к демократам, но оказывал им поддержку.

Несмотря на то, что Джон не добился номинации, партийный съезд 1956 года способствовал его превращению в личность, известную всей нации. Более того, незадолго до следующих президентских выборов Кеннеди заявил: «Если бы я был избран кандидатом в вице-президенты на съезде демократов в Чикаго в 1956 году, моя политическая карьера была бы сейчас уже закончена»[{437}]. Скорее всего, это было именно так — в поражении на выборах 1956 года можно было бы обвинить малоопытного и молодого сенатора.

Испытав лишь незначительную горечь в связи с тем, что съезд

отверг его кандидатуру, Джон фактически выиграл, став общепризнанным политиком. В его сенатский офис поступали теперь письма не только из Массачусетса, но со всей страны, причем поток корреспонденции возрастал из месяца в месяц. Военное прошлое, популярная книга, внешний облик сенатора, его обаяние особенно привлекали молодежь. Наибольшая часть писем, как вспоминала Эвелин Линкольн, была от девушек и юношей до двадцати лет. А первый биограф Кеннеди журналист Д. Берне отмечает, что Джон преодолел своего рода политический барьер. «Его драматическое соревнование [на съезде] приковывало миллионы к телевизионным приемникам. Почти полная победа Кеннеди, а затем внезапный проигрыш, впечатление, которое он производил — коротко остриженного парня, который приложил все усилия для достижения цели, а затем принял поражение с улыбкой — всё это очень нравилось стране. Его президентская кампания родилась именно в этот момент триумфального поражения»{438}.

Рост популярности Кеннеди в молодежной среде проявлялся и во время встреч со студентами. В прессе получило широкое отражение его появление 4 октября 1956 года в городе Дуисвилле (штат Кентукки). Студентки католического колледжа урсулинок устроили ему бешеную овацию, когда он представился не только как политик, но и как католик. После краткого выступления он попал в объятия молодежи, которая в своем восторге чуть было не нанесла ему телесных повреждений. Когда же Джон прорвался к автомобилю и попытался отправиться дальше, он долгое время не мог сдвинуться с места, потому что машина была окружена студентками, требовавшими автограф. Одна из девушек кричала: «Мы полюбили вас по телевизору! Вы лучше, чем Элвис Пресли!»{439}

Росту популярности Кеннеди способствовала его книга «Мужественные профили», которую с удовольствием читали не только «высоколобые» интеллектуалы (они, впрочем, в последнюю очередь), но прежде всего рядовые люди из различных слоев населения, и опять-таки прежде всего студенты и школьники-старшеклассники.

Не столь популярной оказалась вышедшая в 1959 году новая книга Джона «Нация иммигрантов»{440}, подготовленная в основном помощником Кеннеди Т. Соренсеном. Тот хотя и обладал хлестким пером, но на этот раз создал довольно сухой текст. Правда, Джон прошелся по всей рукописи, придал ей более интимное звучание, и книга от этого несколько выиграла. Однако хорошей прессы она не получила и прошла в основном малозамеченной.

Книга содержала краткую историю иммиграции в США еще с колониальных времен, подчеркивала ее значение в американской истории, содержала предложения по либерализации иммиграционного законодательства. Позже, когда вопросы, связанные с этим законодательством, стали предметом самых широких дискуссий, на книгу Джона обратили большее внимание. Она вышла в нескольких изданиях (последнее в 2008 году с предисловием Эдварда, брата Джона, выпустило издательство «Харпер Перенниал»).

Со второй половины 1950-х годов, еще до того, как Джон Кеннеди оказался хозяином Белого дома, он стал широко пользоваться трудом «наемных писателей», под текстом которых без зазрения совести ставил свою подпись. Правда, он всегда предварительно четко формулировал задачи «теневым авторам», обозначая основные идеи будущей работы, а после выполнения задания внимательно прочитывал рукопись и придавал ей своеобразный колорит.

Успехом пользовались устные выступления сенатора. Еженедельно Джон получал до сотни приглашений прочитать лекцию, причем характер предполагаемой аудитории был самым разнообразным.

Главным образом в сенатских выступлениях закладывались основы будущей президентской программы.

Критикуя правительство Эйзенхауэра, даже явно несправедливо назвав его правление «годами, съеденными саранчой», сенатор Кеннеди обращал особое внимание на проблемы внешней политики.

Особое внимание он уделял взаимоотношениям с СССР и странами советского блока, борьбе против коммунистического влияния в мире, всё более утверждаясь в мысли, что эта борьба должна носить характер соревнования систем, то есть в первую очередь быть экономической.

Особенно показательной была речь, произнесенная 14 августа 1958 года на заседании сената{441}. Она выглядела несколько неуклюжей по форме и нарочито примитивной, но основной ее посыл был недвусмысленным. Рискнем привести обширную выдержку из этого показательного выступления: «В последние годы нам многократно приводили цитату, будто бы взятую из работы Ленина, который вроде бы говорил, что гибель капитализма наступит из-за чрезмерных расходов на вооружение. Я думаю, что это самая ценная цитата, которая есть у коммунистов, кроме лозунга “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Дело, правда, в том, что Ленин никогда этих слов не произносил. Однако десять лет нам их напоминали, чтобы

оправдать важность экономических соображений по сравнению с военными, а слова эти использовались как авторитетное оправдание проводимой политики. Хотя Ленин никогда не говорил их, я уверен, что приведенные слова будут и в будущем фигурировать в числе лозунгов, оказавшихся самыми полезными в попытках уничтожить систему капитализма. В настоящий период акцент делается на экономическую, а не на военную мощь, а мы растратили решающие годы, когда могли бы сохранить преимущество в ракетах по сравнению с СССР»{442}.

Кеннеди, таким образом, призывал перевести борьбу систем в русло экономическое и научно-техническое, непосредственно связанное с военным противостоянием. Видимо, в его сознании формировался противоположный вариант того, что, как он признавал, приписывалось Ленину. Не сможет ли свободный, демократический мир разрушить советскую систему, загнав ее в угол при помощи такого соревнования, в частности, втягивая во всё бо́льшую гонку ракетно-ядерных вооружений, намного более затратную для СССР, нежели для США? Сенатор, как видим, отчетливо понимал неэффективность, тупиковый характер государственно-монополистической экономики, именуемой социалистической.

Кеннеди ставил и перед своими слушателями, и перед читателями, и прежде всего перед самим собой сложнейшие вопросы современной международной политики. В какой степени можем мы доверять Советскому Союзу? При каких условиях можем мы прекратить ядерные испытания? Он высказывал серьезные опасения, что холодная война, бряцание термоядерным оружием, взаимные угрозы могут в конце концов привести к ядерному взрыву, последствия которого были бы катастрофическими. Ядерная война разрушила бы «не только Рим, но и два Карфагена», — говорил он.

В конце концов, ни американцы, ни Советы не желают дышать воздухом, зараженным радиоактивными остатками. Обе нации выиграли бы от расширенного обмена товарами, идеями и людьми. В беседах с коллегами, в частности с опытным экспертом в области международных отношений сенатором Джеймсом Уильямом Фулбрайтом, Кеннеди не раз отмечал относительный реализм советского лидера Никиты Хрущева, несмотря на его грубость и демонстративное провозглашение абстрактных коммунистических лозунгов. Джон считал необходимым идти навстречу, выдвигая реалистические предложения руководству СССР взамен характерных для государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса бесплодных обвинений в адрес «безбожного коммунизма», который следует «отбрасывать»{443}.

Сенатор внимательно присматривался к трещинам в коммунистическом блоке, которые едва намечались, но при помощи искусного манипулирования могли быть расширены. Его раздражали напыщенные разглагольствования членов администрации Эйзенхауэра о «массированном возмездии», которые только сплачивают советских сателлитов вокруг кремлевского руководства. Он разъяснял непонимающим республиканцам, что «необходимо вбивать новые клинья в железный занавес. Не надо сплачивать красный блок всякими разговорами о массированном возмездии, ныне мы должны искать пути его разъединения»{444}.

Стратегию «массированного возмездия» кабинета Эйзенхауэра Кеннеди остро критиковал. «Мы загоняем себя в угол, за которым остается только один выбор или вообще нет выбора, — выбор, который заставляет нас колебаться на краю пропасти и оставляет инициативу в руках наших врагов»{445}. Настойчиво стремясь найти бо́льшую гибкость во внешней политике, он в то же время четко и недвусмысленно подчеркивал противостояние между свободным миром и коммунистическим блоком, опасность со стороны СССР главным образом путем не открытой агрессии, а подрывных действий. «Их [СССР] ракетная мощь будет служить щитом… для прикрытия скрытой агрессии, угроз и подрыва изнутри, внутренних революций, растущего престижа и влияния и злобной клеветы на наших союзников»{446}.

В ответ на требования Госдепартамента усилить военную помощь США странам третьего мира во имя предотвращения подрывных коммунистических действий Кеннеди обращал внимание, что значительно бо́льшую роль в этом смысле сыграла бы экономическая помощь{447}.

С середины 1950-х годов и особенно накануне вступления в борьбу за президентское кресло Джон Кеннеди задумывался над проблемами, связанными с ролью его страны в «догоняющей модернизации» государств и народов третьего мира.

Утрата позиций в Китае в связи с победой там коммунистических сил явилась для Кеннеди серьезнейшим предупреждением, что США должны проводить политику в Азии и Африке осторожно, привлекать к себе симпатии местного населения, не ввязываться в кровавые конфликты, из которых позже будет крайне трудно найти выход.

В этом смысле особое внимание уделял он тому, что называл «вьетнамским кошмаром», — многолетней колониальной войне, которую вела Франция за восстановление своего колониального статуса на Индокитайском полуострове. Уже после своего посещения Вьетнама в 1951 году Кеннеди решительно заявил, что

США ни в коем случае не должны вмешиваться в этот конфликт вооруженным путем. «Соединенным Штатам следует настаивать на проведении здесь реформ, прежде чем будет предоставлена какая-либо американская помощь», — говорил он после визита, к явному недовольству французских военных властей в этом регионе{448}.

После того как французские войска вынуждены были сдаться вьетнамским партизанам в районе крепости Дьен Бьен Фу в мае 1954 года, Франция пошла на переговоры о прекращении войны. Соглашение, подписанное в июле, предусматривало временное разделение Вьетнама по 17-й параллели (к северу от нее власть передавалась коммунистам, к югу — администрации, связанной с французами). В течение двух лет намечалось провести выборы по всей территории Вьетнама и исходя из их результатов образовать общенациональное правительство.

Однако переговоры по этому поводу, едва начавшись, зашли в тупик. А правительство Эйзенхауэра приступило к размещению на территории Южного Вьетнама своих воинских частей, правда, под видом советников, прилагая все силы, чтобы хоть эта часть страны, а также соседние государства Индокитая Лаос и Камбоджа не достались коммунистам. В Южном Вьетнаме у власти был поставлен католик Нго Динь Дьем, много лет проживший в США и, по существу дела, являвшийся агентом американской администрации, к тому же склонный к диктаторству и не лишенный наклонностей к коррупции (в 1955 году Дьем стал президентом Республики Вьетнам, власть которого распространялась только на южную часть страны).

Несмотря на свои общие заявления о военном невмешательстве, Кеннеди тем не менее полностью поддержал образование администрации Дьема, связанной с США. Он не считал ее идеальной, но призывал оказывать ей помощь за отсутствием других, более достойных местных лидеров. «Он заслуживает и должен получить полную поддержку американского правительства», — говорил он в сенате{449}.

Во второй половине 1950-х годов и особенно перед президентской предвыборной кампанией Кеннеди придерживался «теории домино», состоявшей в том, что победа коммунистов в Южном Вьетнаме повлечет за собой переход под их господство Лаоса и Камбоджи, а затем поставит под угрозу независимое демократическое развитие Бирмы и Таиланда, а может быть, даже и Японии{450}.

Как показало дальнейшее развитие событий, эта теория оказалась неточной, продиктованной преувеличенными страхами, связанными с потерей Китая. Но в то время такого рода взгляды

разделялись большинством американских политиков, как республиканцев, так и демократов. Однако Кеннеди отличался от консервативных деятелей обеих партий тем, что всячески подчеркивал: дела во Вьетнаме и других странах, освобождавшихся от колониальной зависимости, должны решаться местным населением при постепенном сокращении военной помощи со стороны США и усилении помощи экономической, организационной, культурно-образовательной{451}.

Именно в этом смысле на протяжении всей второй половины 1950-х годов Кеннеди критиковал колониальную войну, начатую французскими властями в Алжире в ответ на национальное восстание, и особенно поддержку этой войны со стороны правительства Эйзенхауэра. Заявления Кеннеди с осуждением политики Франции в Алжире не раз вызывали отклики недовольства со стороны как французских государственных деятелей, так и членов правительства США. Буквально бурю негодования породило его пессимистическое выступление 3 июля 1957 года. Он говорил, что для Запада, может быть, уже поздно спасти себя от катастрофы в Алжире, но всё же США должны оказать давление на своих французских союзников, которым следует пойти на предоставление независимости Алжиру, правда, при сохранении между этой страной и Францией определенной степени «взаимозависимости»{452}.

Последовала реакция со стороны министра иностранных дел Франции Андре Мориса, который высказал мнение, что сенатор Кеннеди просто поощряет алжирских повстанцев продолжать свои кровавые действия{453}.

По этому поводу супруга сенатора Жаклин с некоторым оттенком злорадства написала родителям Джона, что Розе, его матери, страстной поклоннице французского высшего света, наверное, больше не выпадет счастье посещать торжественные приемы в посольстве Франции, а Кристиан Диор больше не будет допускать ее в свои примерочные комнаты, добавив, что придется «питаться овечьими глазами вместе с арабами»{454}.

Время показало, насколько прав был Кеннеди. В марте 1962 года пришедший к власти во Франции генерал Шарль де Голль установил режим «четвертой республики» — сильной президентской власти, подписал перемирие с руководителями алжирских повстанцев, признав самостоятельность этой страны при действительном сохранении взаимозависимости.

Дальнейшее развитие Алжира, как и соседних арабских стран, было очень сложным. Возникли и продолжают развиваться крайне нежелательные и даже опасные тенденции, прежде всего

массовый поток североафриканских арабов во Францию, робкие ответные меры французских властей по ограничению их влияния. Но это уже дело будущего. Пока же Франция была вынуждена с немалым опозданием пойти на меры, которые в течение ряда лет рекомендовал сенатор Кеннеди.

Вновь и вновь Джон напоминал соотечественникам ту мысль, которая затем краеугольным камнем ляжет в его инаугурационную речь, — американцы должны побольше думать о том, что они могут сделать для своей страны, ибо они «задолжали ей». Об этом же постоянно говорили и в кругу семьи{455}.

При всем внимании к международным проблемам в центре интересов сенатора, а затем кандидата в президенты, естественно, стояли жизненно важные дела, волновавшие миллионы американцев.

Общественное мнение страны особенно будоражила проблема гражданских прав, под которой понимались прежде всего права цветного населения.

Журналисты, в частности уже упоминавшийся друг семьи Артур Крок, неоднократно обращали внимание на то, что хотя у Джона не было значительных расовых предрассудков, но он в качестве члена палаты представителей, а затем сената не придавал особого значения интересам и судьбам черного населения{456}. С черными он сталкивался только как со слугами в Хайаннис-Порте и других имениях, принадлежавших ему самому или членам семьи. Даже во время службы на флоте он почти не общался с черными, которые служили в особых частях, а на Соломоновых островах использовались в качестве вспомогательного состава, прежде всего поваров, кухонных рабочих и вообще обслуги.

Черное население в штате Массачусетс было незначительным, и Джон, будучи парламентарием, лишь изредка встречался с его представителями. Он, правда, установил контакт с негритянскими организациями своего избирательного округа, но ухитрялся избегать в общении с ними постановки вопроса о гражданских правах. Роберт Кеннеди вспоминал, что его брат поддерживал связь только с лидерами негритянской общины и именно через них обеспечивал себе голоса черного населения{457}.

Однако постепенно, по мере того, как либеральные круги обеих партий развертывали борьбу за права афроамериканцев, положение менялось. Речь шла о перспективе предоставления им гражданских прав в полном объеме, прежде всего тех, которые были гарантированы 14-й и 15-й поправками к Конституции

Соединенных Штатов Америки (они признавали негров гражданами США и предоставляли им право голоса).

В сенате Кеннеди стал выступать как сторонник гражданских прав. Он поддержал, например, предложения о значительном расширении полномочий федеральной комиссии по справедливому решению вопросов занятости, по поводу которых шли жаркие дебаты в конгрессе (намечены были определенные меры, в частности, отмена налога на участие в выборах, возможность возбуждать дела против расистских выходок ку-клукс-клана и т. д.).

Однако в масштабе федерации новые законодательные нормы на том этапе не были воплощены в жизнь в силу сопротивления консервативных сенаторов из южных штатов. В результате меры по расширению прав комиссий по справедливым трудовым отношениям, например, были проведены только в отдельных штатах, в том числе и в родном Джону Массачусетсе, причем при его активном участии{458}.

И всё же наблюдатели отмечали, что Кеннеди не был столь уж решительным борцом за гражданские права, как другие деятели Демократической партии, особенно Хьюберт Хэмфри из Миннесоты или Пол Дуглас из Иллинойса{459}.

Учитывая то, что Демократическая партия находилась буквально на грани раскола между южанами — сторонниками сохранения существовавшего положения вещей и северянами — борцами за гражданские права, Кеннеди обращал особое внимание на необходимость сохранения партийного единства. Отсюда вытекала его сдержанность при обсуждении проблем, касающихся прав черного населения, что требовало огромного политического искусства.

М. О'Брайен пишет: «За каждым кандидатом в президенты от Демократической партии внимательно наблюдали. Занятие определенной позиции по вопросу о гражданских правах являлось болезненным решением. Выступление за гражданские права и против позиции белых южан означало потерю поддержки на Юге и при номинации, и в целом на выборах. Замалчивание вопроса о гражданских правах вело к отчуждению негров и их белых сторонников. Немногие политики оказывались способными успешно выбраться из этой западни»{460}.

Джон избрал своеобразную тактику. Он предпочитал не затрагивать вопроса о гражданских правах в конгрессе, полагая, что именно это причинит ущерб его партии на предстоявших президентских выборах, внося в нее во всё большей степени элементы раскола. В то же время такие выступления, особенно широко освещаемые прессой и болезненно воспринимаемые

противоположными сторонами, рассматривались как угроза, направленная против него лично, ибо они ставили под сомнение и его будущую номинацию, и избрание на президентский пост.

Перенеся обсуждение проблемы на массовую аудиторию (такие выступления освещались прессой, но меньше, чем дебаты в конгрессе), Джон находил возможности, не жертвуя общими высказываниями в пользу расширения гражданских прав, делать оговорки и акцентировать внимание на тех элементах, которые считал наиболее безопасными для данной аудитории. Разумеется, в целом он придерживался линии на расширение гражданских прав, но соответствующие положения произносил в осторожной форме, ухитряясь удовлетворить обе стороны. Неоценимую помощь в этом ему оказывали советы и проекты Т. Соренсена и других помощников, но во многих случаях приходилось импровизировать, находя наиболее выгодные ответы просто на ходу.

Было несколько наиболее болезненных вопросов.

Выступает ли Кеннеди за выделение федеральной помощи сегрегированным школам? — спрашивали сенатора. Он отвечал, что был бы не против такой помощи, но в случае внесения соответствующего законопроекта южные сенаторы его заблокируют и в результате все школы лишатся помощи государства. Поэтому вопрос о десегрегации школ необходимо ставить перед Верховным судом США.

Почему Кеннеди выступает лишь за постепенное проведение мер по десегрегации? — звучал вопрос во многих аудиториях. Он отвечал, что отнюдь не является «постепенновцем», а просто желает, чтобы вопрос решался не стихийно, а в законном порядке, на основе судебных постановлений. «К счастью или к несчастью, я полагаю, к счастью, — говорил он, — мы в палате представителей и в сенате не имеем никакого отношения к такому решению. Независимо от того, за него мы или против, оно должно проводиться. Ведь это закон нашей страны»{461}.

Так, буквально балансируя на канате, стремясь привлечь симпатии борцов за права черного населения и в то же время не вызвать резкого отчуждения южных однопартийцев-консерваторов да и колеблющихся избирателей, Кеннеди пытался вырваться из чертова круга проблемы, становившейся всё более острой. Одни называли это беспринципностью и заигрыванием с аудиторией, другие — политической мудростью. Правда, видимо, состояла и в том, и в другом или, точнее говоря, лежала посередине.

И всё же, как ни стремился Кеннеди держать проблему подальше от законодательного органа, решать ее всё равно приходилось прежде всего на уровне конгресса. Еще 9 сентября

1957 года после бурных прений президентом Эйзенхауэром был принят и подписан закон о гражданских правах, которого добилась коалиция северных демократов и либеральных республиканцев. Кеннеди поддержал закон и стремился проводить его в жизнь, хотя он, по сути дела, не создавал никаких новых норм, а был направлен на реализацию уже существующих. Собственно говоря, именно этого и добивался Кеннеди в качестве сенатора, именно эту линию он будет проводить во время президентской избирательной кампании.

Закон предусматривал при отделе гражданских прав министерства юстиции образование федеральной комиссии по гражданским правам с широкими полномочиями по реализации существовавшего законодательства в этой важной юридической области{462}.

Кеннеди поддержал и второй закон о гражданских правах, проведенный правительством Эйзенхауэра вскоре после принятия первого. Однако и этот закон касался лишь частностей и предусматривал только постепенное реальное уравнивание в правах черного населения с белым.

Одновременно во многих его выступлениях речь шла о необходимости для США сильного правительства, такого президента, который «будет руководить, не боясь вызвать временного недовольства». Президент должен быть готовым «полностью использовать прерогативы своей должности… Только президент должен принимать важнейшие решения в области внешней политики», — говорил Кеннеди накануне выдвижения своей кандидатуры на президентский пост в январе выборного года в Национальном клубе печати{463}.

Появление Жаклин

Для будущего кандидата в президенты весьма важным было его семейное положение. Во время работы в сенате Джон продолжал вести «холостяцкий» образ жизни, легко сходясь и легко расходясь с понравившимися ему женщинами, обычно без каких-либо претензий с их стороны.

Бывали, однако, исключения.

Однажды сенатор Джон Кеннеди встретился с юной брюнеткой Памелой Тернер, которой было всего 20 лет. Случайно познакомившись в бельгийском посольстве, где Памела работала на технической должности, они сразу понравились друг другу. Джон предложил Памеле перейти к нему на работу секретарем, однако она от предложения отказалась. Тогда он стал частым гостем девушки, нередко оставаясь у нее ночевать.

Квартирная хозяйка оказалась бдительной ревнительницей строгих пуританских нравов. Вместе со своим супругом эта дама по имени Флоренс Кейтер смогла установить несколько магнитофонов возле квартиры Памелы, а затем сделанные записи стала распространять среди соседей. Она также настойчиво, но безуспешно пыталась продать их в газеты.

Последние отказывались от скандальной сделки не столько по соображениям политическим или этическим, сколько потому, что записи были плохого качества и их легко можно было оспорить в суде. Точно так же ничего не давала фотография, сделанная ее супругом Леонардом Кейтером. Ему удалось запечатлеть Кеннеди, выходившим на улицу после посещения Памелы. Однако Джон смог прикрыть лицо, и его можно было узнать лишь с большим трудом. Но главное, почти невозможно было идентифицировать место, где производилась съемка, да и сам факт посещения дома Памелы Тернер не говорил о чем-то сугубо криминальном.

Позже, когда съездом Демократической партии Кеннеди был выдвинут на президентский пост, Флоренс Кейтер устроила своего рода персональную демонстрацию, пройдя по центру Вашингтона с плакатом «Не допустим адюльтер в Белый дом!»{464}.

Некоторые связи с представительницами прекрасного пола были более или менее продолжительными, подпитывались не только плотскими желаниями, но и взаимными интересами. Однако с точки зрения политики все они не были достаточным основанием для заключения брака. Джон Кеннеди имел четко поставленную задачу — стать президентом и отлично понимал,

какую ответственную роль должна будет играть его супруга и во время избирательной кампании, и — при ее благоприятном исходе — в качестве первой леди страны.

По тем или иным причинам он отвергал всех своих любовниц — то была слишком большая разница в возрасте, то манеры возлюбленной не были подходящими, то она была слишком компетентной в тех вопросах, в которые не полагалось вмешиваться супруге президента. В большинстве случаев одни негативные качества наслаивались на другие. Джон продолжал поиск достойной его партии.

Таковой оказалась Жаклин Бувье, родившаяся 28 июля 1929 года (то есть она была двенадцатью годами младше Джона, что с точки зрения высшего общества было приемлемо).

Жаклин происходила из французского рода и могла проследить свою родословную с начала XIX века, то есть считалась девицей аристократического происхождения, хотя первый Бувье, переселившийся в Америку, был всего лишь плотником. К тому же ее родители обладали крупным состоянием. Правда, когда девочка только родилась, отец Джек Бувье потерял значительную часть его во время биржевого краха в самом начале Великой депрессии 1929—1933 годов. Вскоре ее мать Джанет разошлась с супругом, сохранив такую долю имущества, которая позволила девочке расти в достаточно зажиточной, во всяком случае, совершенно безбедной обстановке. К тому же Джанет вскоре вновь весьма удачно вышла замуж, на этот раз за предпринимателя Хью Очинклосса, который был значительно богаче родного отца Жаклин. Очинклосс удочерил Жаклин вместе с младшей сестрой Кэролайн Ли (обычно ее называли Ли) и воспитывал девочек в полном достатке. Жаклин действительно чувствовала себя безусловной хозяйкой и в особняке Мерривуд недалеко от Вашингтона, и в поместье Очинклосса Хэммерсмит-Фарм в районе городка Ньюпорт, штат Род-Айленд.

Она в самом деле была красива, хотя недоброжелатели приписывали ее внешности всевозможные недостатки — слишком мелкие зубы, очень худые предплечья и, наоборот, очень большие кисти рук.

Но это всё были пустые придирки. Действительно знавшие толк в женской красоте люди судили по-иному. На национальных конкурсах ее несколько раз включали в число десяти самых красивых женщин США.

С юных лет Жаклин, если и не тяготилась богатством своей семьи, позволявшей ей удовлетворять малейшую прихоть, то, во всяком случае, уж точно стремилась самостоятельно стать на

ноги, чтобы не превратиться только в красивую игрушку в руках столь же богатого супруга. Ее мать, разумеется, с оттенком родительского преувеличения, но в общем справедливо говорила: «Она была очень впечатлительной, принимала происходившие события близко к сердцу, даже если они едва касались ее. У нее были яркая, неповторимая индивидуальность, чуткость к окружающим, великолепный самоконтроль»{465}.

К тому же Джеки, как ласкательно называли девочку, девушку, а потом и женщину (во взрослом возрасте ее раздражало это детское имя, но оно настолько пристало к ней, что сохранилось и в пожилом возрасте, и после ее кончины), была неплохой спортсменкой. Когда ей было восемь лет, она выиграла общеамериканский чемпионат для детей по катанию на пони, а через несколько лет ее любимым увлечением стала езда на породистых лошадях, на которых девушка лихо брала непростые барьеры.

По окончании школы Жаклин два года училась в престижном университете Вассар, а затем отправилась во Францию, где поступила в парижский университет Сорбонну. Там она училась еще один год, штудируя в основном искусство и журналистику. Краткое время она провела в университете в Гренобле, но этот город, как и его высшее учебное заведение, Жаклин не впечатлил, и она возвратилась в Париж.

О ее пребывании во французской столице рассказывают по-разному. Одни авторы утверждают, что она целиком посвятила себя занятиям и с молодыми людьми обсуждала только серьезные проблемы. Другие приписывают ей разгульный образ жизни, утверждая, что у нее было множество любовников. Видимо, истина, как в подавляющем большинстве подобных случаев, лежит посередине и заключается в том, что, занимаясь университетскими дисциплинами достаточно серьезно, она, как истинная француженка, не отказывалась и от прочих удовольствий{466}.

Возвратившись в США, Жаклин завершила свое высшее гуманитарное образование в столичном университете имени Джорджа Вашингтона, одном из наиболее престижных высших учебных заведений страны. Ее бесспорный журналистский талант проявился, когда она выиграла конкурс известного французского журнала «Вог», представив, в частности, краткое сочинение на тему «Люди, с которыми мне хотелось бы познакомиться». Героями сочинения Жаклин оказалась троица: английский писатель Оскар Уайльд, русский балетмейстер Сергей Дягилев, французский поэт Шарль Бодлер. Последовало приглашение на постоянную работу в этот журнал, от которого Жаклин

отказалась, не решившись покинуть свою страну{467}.

Первые журналистские опыты на родине оказались, однако, неудачными. Жаклин пыталась устроиться на работу в газету «Вашингтон тайме геральд». Издатели сочли, что как репортер она не годится. Правда, Жаклин было предложено попробовать свои силы в качестве фоторепортера, и эта работа пришлась ей по душе. Газетчиков ее опыты в фотожурналистике также удовлетворили, и в результате она стала в этом качестве сотрудничать в столичных газетах.

Издатель газеты «Вашингтон тайме геральд» Фрэнк Уолдорф писал, что она «могла видеть то, что происходило за углом», и это в его устах было высшей похвалой. Молодая фотокорреспондентка была даже удостоена чести освещать восхождение на трон новой британской королевы Елизаветы II. {468}

«Официально» Жаклин и Джон познакомились в 1951 году на ужине в доме журналиста Чарлза Бартлетта, когда им было соответственно 22 и 34 года (этому, правда, предшествовала кратковременная встреча в железнодорожном вагоне, когда они обменялись несколькими ничего не значащими фразами, забыли друг о друге, но в доме Бартлетта сразу вспомнили первую встречу). Однако прошло еще примерно два года, прежде чем началось сближение. Жаклин вспоминала: «Джон знал, что я очень люблю заниматься живописью, и подарил мне прекрасный набор красок и мольберт». Всё же представляется, что этот подарок был сделан уже тогда, когда Джек и Джеки, как их вскоре стали называть, друг другу понравились. Жаклин продолжала: «Он был не из тех, кто дарит цветы и конфеты. Так что всё время он приносил мне книги». Действительно, Джон дарил своей возлюбленной те книги, которые ему особенно нравились. Среди них были уже названные воспоминания Дж. Бьюкена «Путь пилигрима»{469} — книга серьезная, свидетельствовавшая, что Жаклин по своим вкусам была девушкой требовательной. Другим подарком ко дню рождения, еще более отчетливо свидетельствующим о высоких интеллектуальных потребностях девушки, была книга известного историка Арнольда Тойнби «Двенадцать деятелей греко-римской истории»{470}.

«Добрые люди» предостерегали обоих от дальнейшего сближения, чувствуя, что их взаимная тяга может привести к браку. Джону не раз говорили приятели, что он может найти лучшую партию. В свою очередь, Фрэнк Уолдорф, издатель «Вашингтон тайме геральд», в которой особенно часто публиковались фоторепортажи Жаклин, взял на себя не очень благодарную миссию предостеречь свою сотрудницу, заявив ей,

что брак с Кеннеди, у которого за плечами немало амурных похождений, может принести ей печаль. Жаклин ответила, по ее словам: «Это всё слухи, а если есть в них доля правды, то всё поменяется, когда он вступит в брак. Если я выйду замуж за него, я буду самой счастливой в мире женщиной»{471}.

Как-то Джон пригласил Жаклин провести свободное время в своем родовом имении в Хайаннис-Порте. Позже она рассказывала об этой поездке чуть ли не с ужасом, ибо впервые ей пришлось познакомиться с нравами семейства, в основе которых были заложены состязательность и спортивная злость. Жаклин, по ее словам, хотела просто отдохнуть, погулять по океанскому берегу, посидеть в парке. Но, оказавшись в поместье, она поняла, что отдохнуть не придется, что надо сразу включиться в бурный темп жизни, который здесь господствовал.

Может быть, Жаклин преувеличивала, когда рассказывала, что все обитатели имения ежедневно упражнялись в четырнадцати видах спорта. Она, правда, не смогла насчитать все четырнадцать, но назвала разминку, плавание, теннис, гольф, греблю, водные лыжи, футбол, бейсбол, то есть семь спортивных видов, не считая разминки. Джон предостерег подругу, правда, предусмотрительно сделал это только по приезде на место «отдыха»: «Мы обычно в шутку предупреждаем гостей, что главное не в том, каковы будут их достижения в спорте, а в том, чтобы они просто выжили». Предупреждение оказалось чуть ли не провидческим. В первый же день разыгравшиеся в регби братья и сестры Кеннеди так стукнули неподготовленную к острой ситуации Жаклин, что она вывихнула ногу. Жаклин жаловалась своей сестре: «Они убьют меня, прежде чем я выйду за него замуж». В свою очередь, братья и сестры Кеннеди отнеслись к Джеки снисходительно, но с явным оттенком превосходства и презрения, всячески подсмеивались над ней, даже над ее голосом, который называли младенческим{472}.

Родственник семейства Бувье, известный американский писатель Гор Видал, с сарказмом писал, что этот брак был чисто деловым предприятием{473}. Это, однако, было не совсем так. Джек и Джеки явно нравились друг другу. Если между ними и не было страстной любви, то, во всяком случае, привлекательная Жаклин и обаятельный, постоянно пользовавшийся женским вниманием Джон создали семью, безусловно основанную на подлинной близости, не только физической, материальной, но и в определенной степени духовной.

И всё же Джон в течение некоторого времени откладывал оглашение своих матримониальных планов, видимо, еще не будучи уверенным, что с холостяцкой жизнью следует расстаться.

Появившаяся в июне 1953 года в одной из крупных газет обширная статья о нем положила конец сомнениям. В статье содержался почти открытый намек, что достойная женитьба отнюдь не помешала бы его политической карьере. «Многие женщины с надеждой раздумывают о том, что Кеннеди нуждается, чтобы о нем заботились. По их мнению, он — молодой сенатор-миллионер, как раз наиболее подходящий холостяк в Соединенных Штатах»{474}.

После свадьбы, которая состоялась 12 сентября 1953 года и была пышно отпразднована в имении Очинклоссов Хэммерсмит-Фарм (репортеры насчитали свыше тысячи гостей), Жаклин и Джон поселились в богатом районе Джорджтаун, считавшемся отдельным городом, но фактически входившем в городскую черту Вашингтона.

Напомним, однако, что собственно столицей является так называемый федеральный округ Колумбия, выделенный из состава соседних штатов Мэриленд и Виргиния, остальная же часть Вашингтона входит или в один, или в другой из этих штатов, являясь своего рода «пригородом» столицы. В Джорджтауне жили видные политики, высокопоставленные чиновники, богатые предприниматели, наиболее известные представители художественного мира.

Супруги сняли трехэтажный дом, на первом этаже которого находились, как это обычно бывает в домах представителей верхнего слоя среднего класса, столовая и примыкавшая к ней кухня, на втором — гостиная, на третьем — две спальни.

Неподалеку жил младший брат Роберт, который уже был женат. Роберт и его супруга Этел помогли брату с устройством на новом месте, даже отдали ему часть своей домашней утвари.

Женившись, Джон продолжал вести свой обычный образ жизни. Он с теплотой относился к супруге, но она не занимала особо выдающегося места в его жизни. «Он никогда не говорил дома со мной о политике», — рассказывала Жаклин после гибели своего супруга А. Шлезингеру{475}.

Достаточно сказать, что после съезда Демократической партии летом 1956 года, на котором была выдвинута кандидатура Кеннеди на пост вице-президента (как мы помним, съезд не поддержал ее), утомленный Джон отправился с друзьями на отдых во Францию и Италию. Их было трое. И соответственно каждого из них в этом путешествии сопровождала дама. Кеннеди путешествовал со шведкой Гуниллой фон Пост. Их роман продолжался несколько лет и подробно описан в автобиографической книге бывшей подруги Джона{476}.

Всё это происходило как раз в то время, когда Жаклин

находилась на седьмом месяце беременности. Тем не менее она, по крайней мере на словах, одобрила поездку мужа: «Джон в последнее время работал крайне напряженно, он так был перегружен, что ему требуется прийти в себя и отдохнуть»{477}.

Так или иначе, Джон с друзьями, арендовав яхту, отправился на отдых. Путешествие, по-видимому, доставляло всем огромное удовольствие. Подробности о нем с легкой руки хозяина яхты, который на одной из остановок пооткровенничал с журналистами, достигли и Жаклин. А через несколько дней в газете «Нью-Йорк тайме» появилось сообщение о том, что жена сенатора Кеннеди родила мертвого ребенка. В больнице небольшого портового городка Ньюпорт с ней были мать и отчим Хью Очинклосс{478}.

Узнав о случившемся, Джон не поспешил возвратиться домой и только после настойчивых призывов родных последовал их совету. Жаклин была женщиной умной, отдававшей себе отчет о последствиях своих поступков. Она отлично понимала, что вряд ли покинет мужа — уже видного политического деятеля, известного сенатора и почти бесспорного кандидата в президенты на следующих выборах, когда Эйзенхауэр отслужит второй срок и окажется лишенным возможности выдвинуть свою кандидатуру.

Жаклин сыграла свою роль отлично. К тому же, вернувшись домой, Джек, казалось, искренне горевал по поводу происшедшего, а Джеки его утешала.

Может быть, именно в это время Джон рассказал жене о тех чувствах, которые переполняли его в госпитале после тихоокеанской катастрофы, о которых она поведала биографам значительно позже{479}. По ее словам, Джон говорил ей: «Я хотел бы рассказать тебе о последствиях крушения моего торпедного катера на Тихом океане. Я тогда не боялся смерти. Я не боялся умереть на госпитальной койке. Я могу сказать, что тогда я временами даже хотел смерти. У меня просто не было сил продолжать такое мучительное существование. Я мог выдержать боль, но не был в состоянии перенести мысль, что такие боли будут продолжаться всю жизнь».

Жаклин вскоре успокоилась, и супружеская жизнь, по крайней мере внешне счастливая, продолжалась.

Правда, после неудачных родов Жаклин отправилась вместе со своей сестрой Ли и друзьями (в их числе были Франклин Рузвельт-младший с женой) на прогулку по Средиземному морю, приняв приглашение миллиардера Аристотеля Онассиса, предоставившего в ее распоряжение свою роскошную яхту{480}.

Видимо, именно тогда супруга сенатора произвела неизгладимое впечатление на магната и ответила ему

взаимностью. Для Жаклин, вероятно, эти отношения явились естественными не только потому, что грек ей нравился, но и потому, что обида на Джона пустила в ее душе свои корни.

И все-таки Джеки всё больше входила в роль заботливой супруги и хозяйки. Она отучала мужа от свойственной ему в молодости неаккуратности. Злые языки не уставали поговаривать, что он мог даже надеть непарные носки (об этом случае мы упоминали), не говоря уже о мятых брюках или пиджаке, совершенно не соответствующем остальным предметам одежды. Видимо, здесь было известное преувеличение (политические и прочие заботы не были настолько всепоглощающими, чтобы он был до такой степени рассеянным).

Произошло чудо — за короткий срок Жаклин смогла превратить своего супруга в одного из самых элегантных и модно одевавшихся политиков страны. Это безусловно способствовало его популярности, особенно у женской части электората.

Джеки стремилась стать и хорошей матерью. После мертворожденной дочери она родила двоих детей. Еще один ребенок (Патрик) родился с неизлечимым пороком сердца и умер через два дня после появления на свет. Видимо, какие-то физиологические особенности организма Жаклин не способствовали нормальному деторождению. Однако двое детей — дочь Кэролайн и сын, получивший несколько экстравагантное двойное имя Джон-Джон (в честь отца и прадеда — Фицджералда, отца Розы), родились благополучно и росли под бдительным материнским оком.

Современники и биографы установили, что после смерти Патрика между Джоном и Жаклин возникло отчуждение, которое тщательно скрывалось, но порой вырывалось наружу. Новое сближение между ними произошло уже в Белом доме.

В 1955 году супруги купили в штате Виргиния усадьбу, в которой, как они предполагали, смогут проводить вечера и уикэнды. Оказалось, однако, что ежедневно добираться до центра столицы было сложно. Из-за автомобильных пробок Джон часто опаздывал на заседания. С загородным имением решено было расстаться. Оно было продано брату Джона Роберту за ту же сумму, за которую куплено, — 125 тысяч долларов{481}.

Кеннеди сменили жилье незадолго до рождения дочери в 1957 году. Теперь они купили особняк в том же Джорджтауне и обзавелись прислугой. Появились садовник, камердинер, горничная, повар. После рождения дочки 27 ноября была нанята няня, которую через несколько лет (это было уже в Белом доме) сменила гувернантка (няня же понадобилась для второго ребенка).

Джону казалось, что купленный дом слишком старый и что он даже слегка накренен. Тем не менее супруги жили здесь вплоть до января 1961 года, когда они переселились в Белый Дом{482}.

Однако семейная жизнь и отношения с другими женщинами не находились в центре внимания Джона Кеннеди. Ко времени женитьбы он уже стал политиком до мозга костей, был буквально поглощен всеобщим вниманием и прилагал все силы для дальнейшего продвижения в высшую власть.

Выдвижение на высший пост и номинация

На протяжении всех лет своего пребывания в сенате Джон вынужден был сталкиваться с серьезными трудностями, связанными с его политической ориентацией, главным образом касавшимися отношения к сенатору Джозефу Маккарти и «маккартизму».

Джон явно не нашел в себе силы выступить с прямым осуждением «маккартизма» и в этом вопросе оказался отнюдь не на должной высоте. Так что книга «Мужественные профили», которую он при помощи Соренсена подготовил в больнице между операциями, свидетельствовала о его собственном мужестве лишь отчасти. В карьерном продвижении, однако, эта неопределенная позиция, вопреки прогнозам, серьезным тормозом не стала.

28 октября 1959 года в фамильном особняке Кеннеди в Хайаннис-Порте состоялось первое заседание узкого предвыборного штаба. Естественно, центральными его фигурами являлись сам будущий кандидат и его младший брат Роберт, который с этого момента станет главным менеджером всей избирательной кампании. Другими участниками собрания были Кеннет О'Доннел, Лоуренс (Ларри) О'Брайен, Теодор Соренсен, Стивен Смит, Пьер Сэлинджер, Луис Харрис.

Это была весьма удачно подобранная группа людей. Два этнических ирландца (казалось, что руководителей штаба Кеннеди подбирал по признаку общности происхождения, но это было бы поверхностным наблюдением) прекрасно дополняли друг друга: Кеннет был уже известным и опытным тактиком избирательных кампаний, а Лоуренс — умелым организатором.

Оба они полагали, что в основу своей предвыборной борьбы Джону следует взять традицию «Нового курса» Франклина Рузвельта{483}.

Тридцатилетний Соренсен уже проявил себя в качестве образованного и творчески мыслящего юриста, способного оперировать необходимыми аргументами, решая задачи на базе

как существующего законодательства, так и прецедентного права, весьма широко применяемого в США (если аналогичный казус уже получил такое-то судебное или иное решение, то и следующие дела логично решать таким же образом). Он также великолепно — четко, логично, литературно грамотно и оригинально — умел излагать аргументацию. Не случайно Соренсен станет главным спичрайтером Кеннеди.

Стивен Смит — муж Джоэн, младшей сестры Джона (они поженились в мае 1956 года) — окончил Джорджтаунский университет. Он участвовал в корейской войне как боевой летчик, а после ее окончания стал бизнесменом, связанным с Джозефом Кеннеди-старшим, был великолепным финансовым аналитиком и, как и О'Доннел, обладал отличной организаторской хваткой{484}. Во время избирательной кампании ему будет поручено руководство тысячами добровольцев, которые агитировали за Кеннеди.

Пьер Сэлинджер, способный журналист, имел разносторонние связи в мире прессы и, главное, всё более входившего в моду телевидения. Он станет главным советником и посредником Кеннеди по вопросам, связанным с пропагандой и агитацией через средства массовой информации.

Наконец, Луис Харрис — также незаменимый человек в этой яркой команде. Известный аналитик общественного мнения, основавший в 1954 году социологическое агентство в Нью-Йорке, — он часто выступал в прессе как политический обозреватель. Высоко была оценена его первая книга «Существует ли в действительности республиканское большинство?»{485}. Аналитические разработки Харриса и вытекавшие из них рекомендации сыграли немаловажную роль в избирательной кампании Кеннеди.

В то же время между членами узкого штаба не было четкого разделения труда. Занимаясь своим участком работы, они поддерживали связи друг с другом, совместно работали над решением общих задач. Разумеется, каждый из этих людей рассчитывал на получение ответственной должности в кабинете будущего президента. Но думать, что трудились они только ради карьеры, нельзя — все они придерживались либеральной системы ценностей (к которой всё больше склонялся и кандидат в президенты), а соответственно, стремились к реализации своих идей и взглядов на практике.

Помимо узкого штаба действовал и значительно более широкий круг людей, которые привлекались главными действующими лицами или на время всей избирательной кампании, или для выполнения определенного задания.

О выдвижении своей кандидатуры на президентский пост Кеннеди публично объявил 2 января 1960 года в своем сенатском офисе. Его выступление было кратким, но четким, хорошо продуманным. В нем были намечены в общих чертах основные пункты предвыборной программы. Джон заявил: «Необходимо, чтобы исполнительная власть приняла самые решительные меры по ключевым вопросам нынешнего века — как прекратить или сократить тяжелую ношу гонки вооружений, в которой советские достижения угрожают самому нашему существованию, как поддерживать порядок в новых, только возникших государствах, как изменить положение дел в американской науке и образовании, как предотвратить крах нашего сельского хозяйства и упадок наших городов, как добиться без усиления инфляции и увеличения безработицы экономического роста на благо всех американцев, как дать верное направление нашим традиционным моральным ценностям…»{486}

Через две недели Джон Кеннеди выступил в Национальном пресс-клубе с развернутым изложением своих взглядов на роль президента США{487}. Он говорил: «Американский народ имеет полное право знать, что думает о президентском посте человек, претендующий на него, имеет ли он представление об огромных возможностях, которые дает этот пост, и готов ли он использовать их… В наступающем десятилетии, в ответственные и революционные 1960-е годы президентство в США потребует значительно большего, нежели громкие и пустые фразы, провозглашаемые с позиций, далеких от переднего края. Оно потребует, чтобы президент находился в самом центре борьбы, чтобы он проявлял должную заботу о судьбе руководимых им людей, чтобы он был готов служить им, подчас даже рискуя вызвать их кратковременное недовольство».

Кеннеди первый объявил о своем намерении добиваться президентского поста. В следующие месяцы стали известны и другие кандидаты от Демократической партии. Ими являлись сенатор Хьюберт Хэмфри, считавшийся в партийных кругах наиболее опытным и перспективным претендентом (его явной слабостью был недостаток денежных средств на борьбу, требовавшую огромных расходов, и, кроме того, наблюдатели отмечали хаотичное ведение им предвыборной кампании{488}); сенатор Стюарт Саймингтон, занимавший видные посты в предыдущих администрациях (в частности, он был с 1947 года первым министром военно-воздушных сил страны, а в сенате считался одним из наиболее последовательных противников «маккартизма»); лидер демократов в сенате Линдон Джонсон; наконец, Эдлай Стивенсон, который уже был кандидатом от

Демократической партии на президентский пост в 1956 году, но проиграл тогда президенту Дуайту Эйзенхауэру, избранному на второй срок.

Хэмфри включился в борьбу сразу, вслед за Кеннеди, остальные выжидали и открыто объявили о готовности вести борьбу за президентский пост только перед партийным съездом.

Если Стивенсон был очевидным представителем либерального партийного крыла, а Хэмфри и Саймингтон примыкали к левому центру, то Джонсон представлял креатуру консерваторов из южных штатов (так называемых диксикратов), которые теперь уже, конечно, не выступали за восстановление рабства, но их политические традиции явно вели к тем временам, когда именно лидеры демократов в южных штатах попытались расколоть США на два государства, из-за чего, собственно, и произошла Гражданская война 1861—1865 годов, увенчавшаяся победой Севера, ликвидацией рабовладения и закреплением свободного рыночного хозяйства и политической демократии.

Главным соперником демократов на выборах был очевидный кандидат от Республиканской партии Ричард Никсон, вице-президент в кабинете Эйзенхауэра. Никсон являлся весьма серьезным противником. Как и Кеннеди, он был сравнительно молод (старше Джона на четыре года). Его преимуществом являлся значительный опыт государственной деятельности, который, впрочем, имел оборотную сторону — на него можно было в предвыборной борьбе сваливать все недостатки и пороки политики США при Эйзенхауэре — как внутри страны, так и за рубежом.

Правда, Никсон соответственно своему статусу вице-президента (он занимал этот пост оба срока Эйзенхауэра — с 1953 по 1961 год) не принимал прямого участия в определении политического курса, но был на виду в течение всех восьми лет пребывания на своей должности, имея разносторонние связи в деловых кругах, в среде партийных боссов, в прессе, прежде всего в своем родном штате Калифорния.

Более либеральный республиканец, губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер имел меньшие шансы на номинацию, и это, между прочим, свидетельствовало о том, что огромные денежные капиталы, которыми располагало семейство Рокфеллеров, в данном случае играли скорее не положительную, а отрицательную роль, так как превращали возможного кандидата в одиозную фигуру{489}.

Первичные выборы в Демократической партии (праймериз) прошли более или менее спокойно. В большинстве штатов победу на них одержал Кеннеди.

Особенно важным был успех в штате Висконсин, не только потому, что это было первое предвыборное достижение, но и в связи с тем, что Висконсин считался «отсталым штатом», значительная часть населения которого не проявляла интереса к политике. Достаточно сказать, что в самом начале кампании, 17 марта, Кеннеди вошел в одну из провинциальных таверн, чтобы «поболтать» с избирателями, и представился: «Мое имя Джон Кеннеди, я веду борьбу за пост президента». Присутствовавшие посмотрели на него без особого интереса, а один спросил с ленцой: «Президента чего?»{490} Такое равнодушие лишь подзадорило Джона. Следуя четкому расписанию, он и его помощники в течение месяца исколесили весь этот штат. Сам Джон обычно произносил по восемь—десять речей в день, не говоря о встречах на улицах, в магазинах и в тех же тавернах.

В избирательной кампании в Висконсине активно участвовала Жаклин Кеннеди, для которой такого рода занятие было новым и нелегким делом. Тем не менее она ходила по домам избирателей, возилась с их детьми, дружески беседовала с домохозяйками и их мужьями. Кампания в этом штате хорошо запомнилась Жаклин, и она о ней нередко вспоминала, в том числе и после гибели супруга{491}.

В результате в Висконсине в первичных выборах приняли участие около половины избирателей, что было рекордным результатом за всю его историю. Кеннеди собрал около двух третей голосов, но результатом остался недоволен, считая даже, что на телевизионных экранах Хэмфри одержал «моральную победу»{492}.

Следующим важным испытанием были первичные выборы в Западной Виргинии, назначенные на 10 мая. Это был сельскохозяйственный и горнорудный штат с бедным населением, которое жестоко страдало от безработицы и в результате механизации сельского хозяйства, и в связи с сокращением потребности в твердом топливе, заменой его более дешевой нефтью. К тому же недовольное и раздраженное население штата было почти исключительно протестантским, и агитаторам Хэмфри нетрудно было использовать здесь антикатолические предрассудки{493}.

Первые результаты опроса общественного мнения в штате показали, что Кеннеди вроде бы легко обойдет Хэмфри, что соотношение голосов будет примерно 70 к 30. Но через месяц наступило разочарование. Вторичный опрос показал существенное преимущество соперника. Оказалось, что предыдущее обследование проводилось, когда население просто не знало еще о том, что Кеннеди — католик{494}. Теперь за

привлечение избирателей взялись по-серьезному. Согласно единодушному решению своего штаба Кеннеди изменил тактические подходы. Если раньше он почти полностью пренебрегал вопросом о религиозной принадлежности, то теперь стал агрессивно подчеркивать, что, несмотря на свою приверженность определенной вере, твердо стоит на позиции политической независимости от церковной иерархии. Кроме того, сравнительно легко были найдены протестантские священнослужители, которые выступили с проникновенными заявлениями, осуждавшими религиозный фанатизм в качестве предвыборного средства агитации. Кеннеди призвал к «честной игре» на религиозном поле{495}.

С локального уровня Кеннеди распространил свое понимание взаимоотношения политики и религии на общенациональный. 21 апреля он посвятил этому вопросу свое выступление на собрании Американского общества газетных издателей в городе Хьюстоне. Он сразу изложил основы своей позиции: «Не существует религиозной проблемы в том смысле, что все важнейшие кандидаты не различаются между собой по вопросу о роли религии в нашей политической жизни. Каждый кандидат в президенты убежден в необходимости отделения церкви от государства и сохранения религиозной свободы, и каждый выступает против религиозного фанатизма и за полную независимость государственных деятелей от диктата церковных институтов. Однако существует религиозная проблема в том смысле, что каждый кандидат принадлежит к какой-либо религии. В частности, я не пытаюсь стать первым католическим президентом, как пишут некоторые. Так произошло, что я надеюсь послужить своей нации в качестве президента — и так случилось, что я был рожден католиком».

Выступление получило позитивную оценку в подавляющем большинстве газет и журналов, в телевизионных комментариях, за исключением тех, которые действительно были проникнуты религиозным фанатизмом, догматизмом и мессианством{496}.

Постепенно религиозные проблемы отошли на второй план. В Западной Виргинии, однако, Кеннеди столкнулся, как и предполагал его штаб, с куда более существенным и острым социальным явлением — нищетой и вытекавшим из нее чувством отчаяния значительной части населения.

Сам Джон, как нам хорошо известно, рос в богатой семье. Он никогда не испытывал и просто не мог понять на уровне чувств и ощущений (знал только умозрительно), что такое голод и другие лишения. Мучения на Соломоновых островах после катастрофы его катера действительно были, но они оказались краткими и не

отложились в памяти.

Теперь же, во время кампании в Западной Виргинии, бедствия населения, вынужденного жить на скудные государственные пособия, приводили его в ужас. Кеннеди, однако, пришел к выводу, что ему следует смотреть правде в глаза, что он не должен уклоняться от неприятных вопросов. Наоборот, собственная проверка условий жизни самых бедных слоев населения, считал он, будет способствовать не только привлечению на его сторону новых категорий избирателей, но и даст возможность лучше ориентироваться в будущих законодательных инициативах и их исполнении.

Джон несколько раз спускался в шахты, чтобы своими глазами увидеть условия труда. Р. Гудвин описывает: «Он был откровенным, его дискуссии были лишены риторики — он пользовался словами, которые они (шахтеры. — *Л. Д., Г. Ч.)* могли понять и ответить на них; он был внимателен, казалось, больше интересовался их образом жизни, трудностями их работы, механизацией шахтерского труда, чем попыткой убедить их в своих достоинствах. Это был Кеннеди в своих лучших качествах, подлинный Кеннеди, способный убедить отдельного человека или небольшую группу людей, что они действуют вместе с ним; он вглядывался в контуры малого мира, стремился узнать, понять, что собой представляют другие»[{497}].

В Западной Виргинии пришлось расстаться с некоторыми установками, которых Джон Кеннеди придерживался во время своей работы в конгрессе. Прежде всего, речь шла об отношении к Франклину Рузвельту, политику которого Джон не раз остро критиковал. Правда, эта критика распространялась главным образом на международную сферу, особенно на уступки Сталину на Ялтинской конференции. Но косвенно критика как бы невольно охватывала и внутренний рузвельтовский курс. В самом начале избирательной кампании Джон проводил некое различие между «Новым курсом» как лозунгом, продолжателем которого он себя именовал, и реальной политикой этого президента. Теперь же Кеннеди (трудно сказать, вполне ли искренне) стал подчеркивать, что является последователем, в полном ее объеме, рузвельтовской политики, основанной на широком государственном вмешательстве в социально-экономическую жизнь с целью улучшения условий труда и быта низших слоев населения, а также на достижении компромиссов в области международных отношений.

Более того, по инициативе Джона была установлена связь с сыном покойного президента Франклином Рузвельтом-младшим, который дал согласие принять участие в кампании. Это было

немалым достижением, особенно имея в виду натянутые отношения семейства Кеннеди с Элеонорой Рузвельт. К тому же, по словам американского историка У. Лейхтенбурга, младший Рузвельт был очень похож на отца, его голос звучал, как эхо рузвельтовских «бесед у камина», которые были популярны по всей Америке. Старые рабочие, встречаясь с Франклином-младшим, вспоминали 1930-е годы и выражали надежду, что молодой кандидат в президенты действительно поведет Америку по пути, который был бы сходным с «Новым курсом»{498}.

Следует отметить, что и отношение самой Элеоноры Рузвельт к Кеннеди постепенно менялось в лучшую сторону. Позже, когда она в 1962 году скончалась, президент Кеннеди прервал все свои дела, чтобы присутствовать на ее похоронах в Гайд-Парке{499}.

Нельзя сказать, что Джон использовал в борьбе против своего первоначального соперника по Демократической партии Хэмфри вполне джентльменские методы. Именно во время подготовки к праймериз в Западной Виргинии штаб Кеннеди получил из анонимного источника копию переписки между Хэмфри и мобилизационными органами во время Второй мировой войны. Из них вытекало, что нынешний кандидат в номинанты смог избежать призыва в армию по фальшивым документам, диагностировавшим у призывника мнимые заболевания — грыжу и дальтонизм. Полученным бумагам тотчас дали ход, естественно, противопоставляя их материалам о храброй службе Джона на Тихом океане.

Документы, которые использовал Джон, на самом деле оказались фальшивыми. Хэмфри действительно был освобожден от воинской службы по состоянию здоровья, и это он подтвердил убедительными доказательствами. Штаб Кеннеди вынужден был принести извинения сенатору от Миннесоты{500}. А Кеннеди получил хороший урок — необходимо научиться отличать фальшивки от подлинных документов, это качество, остро необходимое любому государственному деятелю, и отсутствие его может завлечь политика в самые опасные тупики.

Надо, однако, сказать, что в сознании американской толпы неприятный налет после всей этой истории сохранился, и он был не в пользу Хэмфри, который действительно в годы войны не служил в армии. Как говорится в известном анекдоте, то ли он украл шапку, то ли у него украли, но что-то с шапкой у него произошло.

В дополнение к этому во время дебатов с Хэмфри накануне первичных выборов Кеннеди буквально обрушился на правительство и власти штата с осуждением их скудной помощи нуждающимся, в результате чего многие дети из бедных семей

никогда не пробовали молока. Зрителям и слушателям показалось, что Хэмфри проявил меньше заботы о бедняках, и это еще более изменило соотношение сил{501}.

Мы упомянули не только о слушателях, но и о зрителях предвыборных дебатов. Действительно, встреча кандидатов 4 мая была первым опытом спора такого рода перед камерами телевизионщиков. Опыт оказался успешным и вскоре был использован в борьбе с основным противником — кандидатом от Республиканской партии.

Результаты праймериз 7 мая вызвали сенсацию: ранее сдержанно относившееся к Кеннеди население Западной Виргинии резко повернулось в его сторону. Кеннеди получил 60 процентов голосов. После этого Хэмфри, считавшийся главным соперником, фактически вышел из президентской гонки, уступив место более левым, но в то же время менее влиятельным соперникам.

Успеху Джона способствовала его тактика. Занимая умеренно либеральную позицию, он в то же время по ряду вопросов шел на уступки консерваторам, главным образом подчеркивая, что предлагаемые им реформы должны проводиться постепенно, с учетом интересов всех слоев населения и не затрагивать основ американского образа жизни.

И, разумеется, немалую роль играло обаяние выглядевшего моложе своих лет, уверенного в себе кандидата, который прошел войну, а затем набрался жизненного и политического опыта, работая в конгрессе. Умудренный, хитрый и беспринципный Джозеф Кеннеди-старший признавался летом 1960 года: «Он так от меня отличается. Я никогда не смог бы сделать того, что делает он. Я просто не знаю, как у него это получается»{502}.

Именно после первых побед Джона Кеннеди возникло, а затем стало расширяться доходящее чуть ли не до истерики массовое чувство восхищения кандидатом. Производившие впечатление складывавшихся стихийно, но в то же время умело организованные специалистами по рекламе, которых щедро оплачивал штаб Кеннеди, эти эмоции толпы проявлялись в разных формах, причем главным образом в этих эскападах участвовали женщины, преимущественно молодые, которые передавали свои эмоции мужьям, любовникам, поклонникам, и это становилось важным фактором в предвыборной гонке. Журналисты иронически называли этих дам «попрыгуньями» (они во время встреч с Кеннеди подпрыгивали, простирая к нему свои руки), «обнимавшимися» (они, собираясь большой толпой, брали друг друга за талии или за шею, раскачивались, одновременно выкрикивая хором лозунги поддержки), «бегуньями» (так

именовали тех, кто пытался догнать удалявшийся автомобиль Кеннеди, чтобы его остановить и получить автограф).

При этом следует иметь в виду, что предвыборные баталии проходили одновременно с работой в конгрессе, которую Джон подчас просто игнорировал, пропуская множество заседаний, но всё же являлся на голосования, когда считал для себя важным участие в них.

Между прочим, в ходе первичных выборов Линдон Джонсон, который был лидером демократической фракции в сенате, особенно рьяно использовал против Кеннеди его «прогулы» сенатских заседаний. Кеннеди пренебрегает своими парламентскими обязанностями, а это означает, что и президентом он окажется ненадежным, ленивым. Примерно так звучали филиппики южного консерватора. Действительно, официальные публикации показывали, что в 1959-1960 годах Кеннеди пропустил вдвое больше заседаний, чем Джонсон{503}. На такого рода упреки Кеннеди отвечал остроумно и даже изящно. Однажды он заявил: «Сенатор Джонсон в самом деле вел себя чудесно, присутствуя на всех заседаниях. Я же действительно иногда отсутствовал, но я ведь не партийный лидер в сенате. Поэтому я восхищаюсь сенатором, испытываю к нему чувство любви, всецело поддерживаю его как лидера демократов в сенате и уверен, что, став президентом, прекрасно сработаюсь с ним как с лидером демократов в сенате»{504}. В этом небольшом фрагменте Кеннеди, как видим, трижды подчеркнул, что на большее, чем лидерство во фракции, Джонсону рассчитывать не приходится. Прошло, однако, немного времени, и позицию пришлось менять.

Наиболее четко либеральный курс Кеннеди проявлялся в тех случаях, когда ему приходилось голосовать за или против законопроектов, связанных с гражданскими правами и социально-экономическим положением низших слоев населения. Он систематически подает свой голос за законопроекты, которые считает программными, — за закон об усилении наказаний за линчевание чернокожих, за отмену налога на участие в выборах, за увеличение минимального уровня заработной платы.

Немалое внимание Кеннеди уделяет международным вопросам. Он в полной мере учитывает, что его страна, по существу дела, проиграла войну в Корее, хотя формально эта война, как уже говорилось, закончилась с ничейным результатом. Отказ США от атомной войны против Северной Кореи и Китая, которым завершился «большой спор» между президентом Трумэном и командующим американскими войсками на Дальнем Востоке Макартуром, Джоном был вполне одобрен.

Однако моральную рану, которая чувствовалась внутри страны весьма ощутимо, необходимо было, по его мнению, залечивать жесткой внешней политикой. В ходе избирательной кампании сложился удобный, считавшийся в самых разных общественных кругах адекватным, и в то же время прагматический курс «гибкого реагирования», то есть готовности ответить на невыгодные для США изменения во внешнем мире в соответствии с той реальной опасностью, которую эти изменения представляли для страны.

При этом постепенно, с большими оговорками Кеннеди отказывался от представления, что США сильно отстают от СССР в области ядерного, а затем и ракетного оружия. В штабе кандидата в номинанты учитывалось, что, обладая существенными военно-стратегическими преимуществами по сравнению с СССР, несмотря на создание последним атомного, а затем и водородного оружия, США имеют возможность проводить внешнюю политику «с позиции силы». Главным из преимуществ считалась удаленность собственной территории от существовавших и возможных очагов «горячей войны».

Однако во время предвыборной кампании Джон Кеннеди, по существу дела, обманывал избирателей, играя в страшилки, запугивая общественность масштабами советской угрозы. Он неустанно повторял, что США отстают от СССР по мощи своих ракетно-ядерных сил, хотя это не соответствовало действительности.

В начале 1960-х годов США располагали примерно пятью тысячами ядерных боеголовок, а СССР — всего тремястами, то есть в 17 раз меньше{505}. Что же касается подлетного времени, то американские ракеты, размещенные в Турции, могли достигнуть советской территории за десять минут, тогда как советским ракетам надо было лететь до территории США 25 минут{506}.

Между тем в своих выступлениях Кеннеди вовсю щеголял фактами, которые с удовольствием поставляли ему, по существу дела, советские официальные источники, — прорывными достижениями СССР в области освоения космоса, которые рассматривались не только как вызов техническому и научному могуществу США, но и как прямая угроза их безопасности.

На самом деле как истинный политик Джон, еще будучи даже не кандидатом в президенты, а всего лишь номинантом на эту позицию, уже продумывал свои шаги в должности главы государства. Он понимал, что развертывание военно-промышленного комплекса страны, увеличение ассигнований на космические исследования приведут к немалым достижениям в будущем, в частности, создадут рабочие места и в целом

поднимут экономику США. И это будет не только благом для страны, но и его личной заслугой как президента. Поскольку в Соединенных Штатах Америки президент не может решать единолично такие глобальные вопросы, а нуждается в поддержке конгресса, Джон Кеннеди, пугая публику весьма сомнительным превосходством СССР, уже тогда прокладывал себе путь к будущим успехам на президентском поприще. В городе Портленд (штат Орегон) Кеннеди восклицал: «Первой машиной в космосе был Спутник, а не Вангард. Первой страной, забросившей свой национальный герб на Луну, была Россия, а не Америка. Первыми пассажирами, возвратившимися из путешествия в космическое пространство, являлись Стрелка и Белка[32], а не Роувер и Фидо»{507}.

Судя по тому, что Джон говорил после избрания в частных беседах, его штаб и он сам прекрасно знали реальное положение дел, но удачно «вместе с братом Бобби» (похоже, здесь Джон проговорился, что именно Роберт был изобретателем этого предвыборного трюка) использовали миф о советском ракетно-ядерном превосходстве для предвыборных целей.

Конкретные предложения и требования кандидата в президенты во внешнеполитической области:

необходимость иметь значительно превосходящее советскую мощь ядерное и ракетное оружие, одновременно сохраняя и усиливая потенциал обычных вооружений;

активно участвовать в военной организации НАТО, обеспечивая США возможность давления на позиции государств-союзников;

развивать разносторонние отношения со странами, освободившимися от колониальной зависимости, помогать им в строительстве демократического общества и этим фактически вовлекать эти страны в орбиту влияния США, одновременно стремясь добиться, чтобы при помощи материальных и идеологических средств повернуть в русло капиталистического развития те страны третьего мира, в которых к власти пришла советская агентура и которые провозглашали курс социалистической ориентации;

проводить активную политику в германском вопросе, ни в коем случае не давая возможности ГДР распространить свое влияние на Западный Берлин;

проводить более гибкую политику в отношении Китая, пользуясь теми намеками на разногласия, которые вроде бы возникли между КНР и СССР.

Джон подчеркивал: «Нам следует сейчас начать работать медленно и осторожно для того, чтобы осуществить программы,

призванные отнять у советских хозяев тех подчиненных, которые проявляют признаки недовольства, растить семена свободы в любых расщелинах в железном занавесе, уменьшая экономическую и идеологическую зависимость этих стран от России… Наше государство испытывает сейчас более настоятельную нужду в силе идей, чем в атомной, финансовой, промышленной или даже просто человеческой силе»{508}.

Нетрудно заметить, что в этих установках прослеживались зачатки курса мирного сосуществования, соревнования двух систем в экономической, политической, военной, идеологической областях.

Именно поэтому Кеннеди считал неправильным балансирование на грани войны. Он был убежден, что любое, даже незначительное военное столкновение с СССР или каким-либо из его сателлитов может, даже без желания сторон, как бы случайно, стихийно привести к термоядерной войне. Позже такой подход получил условное наименование «эффекта младшего лейтенанта», то есть низкого армейского чина, способного отдать роковой приказ о запуске ядерной ракеты в сторону неприятеля{509}.

Кеннеди в то же время должен был учитывать сильные антивоенные настроения в самих США, население которых традиционно и с полным основанием волновали внутренние проблемы, прежде всего связанные с жизненным уровнем, с обеспечением совершенствования качества жизни.

К таким полуизоляционистским настроениям прибавлялись позиции левонастроеннои интеллигенции, в частности профессуры и студенчества ведущих университетов страны, особенно из так называемой «Айви-Лиг» («Лиги плюща») — группы самых старых и наиболее престижных университетов. Там полагали в основном, что внешняя политика Трумэна и Эйзенхауэра носила реакционный характер, вела к превращению США в «международного жандарма». В связи с этим университетская общественность требовала проведения последовательного курса на мирное сосуществование с СССР и другими странами советского блока.

Именно в этих условиях в самом начале избирательной кампании произошел международный скандал. 1 мая 1960 года над территорией СССР в районе Свердловска ракетой был сбит американский самолет-разведчик У-2, летчик капитан Френсис Пауэре, служивший в ЦРУ, выбросившийся с парашютом, был «взят с поличным». Ведущие американские политики выступили с противоречивыми заявлениями, а затем Эйзенхауэр по-солдатски отрезал: разведывательные полеты проводились и будут

продолжаться. В результате оказалось сорванным совещание на высшем уровне, намеченное в Париже. Не состоялся и предполагавшийся вслед за совещанием визит Эйзенхауэра в Москву[33].

Кеннеди просто не мог остаться в стороне от этих событий, хотя любое его резкое заявление неизбежно оттолкнуло бы от него часть избирателей, особенно тех, которые считали, что достоинству США как великой державы причинен ущерб. И всё же Джон проявил твердость. Он недвусмысленно заявил, что президенту Эйзенхауэру следовало выразить сожаление по поводу инцидента — ведь от этого зависело проведение совещания в верхах{510}. Иначе говоря, предполагаемый кандидат в президенты от Демократической партии фактически солидаризовался с советским лидером Н.С. Хрущевым, который требовал от американского президента извинений, а когда тот отказался их высказать, хлопнул дверью, уйдя с совещания.

В кругах Демократической партии возникли бурные споры. Многие осуждали поведение сенатора Кеннеди. Но в то же время и те, кто склонялся к поддержке непримиримой позиции президента-генерала, отдавали долг Кеннеди, вспоминая пассажи его книги «Мужественные профили», где рассказывалось о нестандартном поведении американских государственных деятелей прошлого.

Лишь немногие из демократов, включая лидера партийной фракции в сенате Линдона Джонсона, недвусмысленно осудили его позицию. Джонсон, по существу дела, поддержал Эйзенхауэра, заявив: «Извиняться за У-2, как предложил Кеннеди, — значит пойти на умиротворение»{511}.

Джон, в свою очередь, воспользовался замешательством и в стане противников, и среди полудрузей, чтобы поставить точки над «i». В середине июня он выступил в сенате с речью, в которой экстраполировал злосчастный полет на значительно более широкий круг проблем. «Я не намерен возвращаться к печальной истории с “У-2”, — говорил он. — Срыв совещания в верхах был подготовлен не полетом Пауэрса, а тем, что мы не смогли за последние восемь лет (то есть за годы правления Эйзенхауэра. — *Л. Д., Г. Ч.)* создать такую сильную позицию, которая необходима для успешного ведения переговоров»{512}.

Естественно, активная внешнеполитическая деятельность была неразрывно связана с наращиванием вооружений, а это означало новые и новые заказы крупнейшим концернам. Помимо того что этот курс обеспечивал проведение активной внешней политики, он соответствовал прямым интересам крупного бизнеса и компенсировал те возможные потери, которые

кандидат в президенты мог потерпеть в этих кругах в связи со своей либеральной активностью касательно положения внутри страны.

Так формировался тот политический курс, который получит в риторике Кеннеди название «новых рубежей». Этот термин, явно навеянный «Новым курсом» Рузвельта, когда тот впервые баллотировался на президентский пост в 1932 году, пока еще не имел каких-либо четких очертаний. Сделает это кандидат, и то лишь в самых общих контурах, уже после того, как станет официальным номинантом Демократической партии.

Партийный съезд, которому предстояло выдвинуть кандидата в президенты, открылся в Лос-Анджелесе 11-го и завершил работу 15 июля 1960 года. Съехалось около сорока пяти тысяч человек, в том числе 4509 официальных делегатов. Еще добрых пять тысяч составляли журналисты. Остальные — это политические помощники, родственники, друзья и просто заинтересованные наблюдатели, а также многочисленный обслуживающий персонал.

Штаб Кеннеди располагался в отеле «Билтмор», старом здании, скромном, но обладавшем необходимым оборудованием для надежной связи со всей страной. Здесь работали примерно 40 человек, составлявшие ядро штаба, который был одновременно мозговым и организационным центром политической борьбы.

Эффективная предварительная работа, надежные связи со штатами, преодоление разного рода сомнений (прежде всего по поводу религиозной принадлежности и возраста) обеспечили выдвижение Джона Фицджералда Кеннеди на пост президента уже в первом туре. Кеннеди получил 806 голосов (62,9 процента), Джонсон 409 (26,8 процента), Саймингтон 86 (6,6 процента), Стивенсон 79,5 (5,2 процента). Незначительное количество голосов взяли еще несколько кандидатов. Повторим: может показаться странной половинка голоса, но такова американская реальность — некоторые штаты посылают на съезд двух делегатов с одним голосом, причем они могут голосовать за разных лиц. В любом случае победа Кеннеди была блестящей{513}.

Высказывались, правда, сомнения, причем весьма авторитетными людьми. Бывший президент Гарри Трумэн, выступая в библиотеке собственного имени в городе Индепенденсе, штат Миссури, посоветовал Джону «отодвинуть в сторону» свои амбиции по причине тревожной ситуации в мире. Демократы, заявил он, нуждаются в политике «более зрелом и опытном». Но 76-летний Трумэн жестко не настаивал на другом кандидате, и его слова многими участниками съезда даже были восприняты как косвенная поддержка Кеннеди{514}.

Тем не менее Джон счел необходимым ответить бывшему президенту, выступив вначале в Нью-Йорке, в огромном зале Центрального железнодорожного вокзала, а затем во время съезда с заявлениями о том, какой вклад в процветание страны внесли политики, чей возраст не достиг сорока четырех лет. Среди них были названы Джордж Вашингтон, Томас Джеффер-сон, Джеймс Медисон, Александр Гамильтон. А завершен был этот пассаж упоминанием имени Христофора Колумба, который открыл Америку, когда ему только исполнился 41 год{515}.

По существу дела, этот выпад был направлен не против Трумэна, который спокойно пользовался благами и почетом экс-президента и в политической борьбе не участвовал, а против Линдона Джонсона, человека, на восемь лет старше Кеннеди (ему в 1960-м исполнилось 52 года).

Именно Джонсон был единственным, кто энергично выступил против номинации Кеннеди, не жалея своего грубого и резкого техасского красноречия, чтобы скомпрометировать ставленника высокомерного Северо-Востока. У Джонсона были особые основания возмущаться: накануне открытия съезда распространился слух, что у него тяжелый инфаркт, который может привести к фатальному исходу. Не без основания лидер сенатских демократов, один из кандидатов в президенты полагал, что отвратительный слух оплачен Джозефом Кеннеди. Газета «Нью-Йорк тайме» комментировала 14 июля: «В красочной речи он (Джонсон. — *Л. Д., Г. Ч.)* сообщил, что звезда Кеннеди закатывается, и предсказал “бунт” делегатов, которые, по его словам, шли за кандидатом от штата Массачусетс, как “овцы за бараном”. Некоторых уверенная позиция Джонсона убедила. Другим его поведение показалось последней попыткой предотвратить поражение».

Верным оказалось второе суждение, что отчетливо продемонстрировали результаты голосования, названные выше.

При выборе кандидата в вице-президенты Кеннеди пришлось пойти на существенный компромисс. Вначале он предполагал, что таковым может оказаться близкий ему по взглядам Эдлай Стивенсон. Но Стивенсон получил слишком мало голосов на съезде и мог осложнить дальнейшую борьбу. Кеннеди стал опасаться, что в случае, если возьмет его в напарники, может потерять часть возможных голосов (выборы президента и вице-президента происходят в «одном пакете»).

Кроме того, по мнению Жаклин Кеннеди, между ее супругом и Стивенсоном после неудачи 1956 года сложились натянутые личные отношения, окрашенные соперничеством и недоверием{516}.

В то же время необходимо было если не полностью привлечь на свою сторону, то хотя бы нейтрализовать консервативную часть демократов из южных штатов, обладавших немалым влиянием. В таких условиях члены штаба убедили Джона взять в качестве кандидата в вице-президенты Линдона Джонсона. После кратких консультаций с элитой своего штата Техас Джонсон дал согласие баллотироваться вместе с Кеннеди, хотя на протяжении нескольких предыдущих месяцев, включая дни самого съезда, оба они отзывались друг о друге не очень лицеприятно.

Согласие Л. Джонсона вести предвыборную борьбу вместе с Кеннеди многим показалось удивительным, ибо Джонсон являлся влиятельным и авторитетным политиком, занимал руководящую позицию в сенате и был хорошо известен стране. Теперь же в случае победы ему предстояло занять пост, о котором большинство американцев знают лишь, что он существует, но часто не могут припомнить фамилии человека, который его занимает.

Расстояние между Овальным кабинетом в Белом доме и кабинетом № 274 в здании канцелярии президента по Уэст Экзекьютив-авеню, где располагается кабинет вице-президента, можно преодолеть за несколько минут, но политическая дистанция между обоими офисами огромна. Единственное, на что мог надеяться Джонсон, — это выдвижение его кандидатуры на президентский пост через восемь лет, ибо никто не сомневался, что Кеннеди будет баллотироваться в президенты во второй раз, если добьется успеха в 1960 году. Но ведь тогда ему будет уже 60 лет. Не многовато ли для президентского поста? Такие мысли не могли не одолевать Джонсона. И тем не менее он, преодолев колебания, пошел на блок с Кеннеди, отнюдь не предполагая, что станет президентом уже в 1963 году в связи с гибелью своего шефа. Поистине пути Господни неисповедимы.

Так или иначе, но через два дня после номинации Джона изумленным делегатам съезда была представлена кандидатура на должность вице-президента, а на следующий день на первых полосах газет появилась фотография улыбающихся друг другу Кеннеди и Джонсона, производивших впечатление, что они всегда были лучшими друзьями…

В борьбе с Никсоном

Первое выступление Кеннеди в качестве официального кандидата Демократической партии состоялось 15 июля, через два дня после съезда, на огромном митинге в Колизее Лос-Анджелеса. Оно транслировалось по телевидению и радио на всю

страну.

Так как Кеннеди выступал с первой речью в качестве единственного кандидата от своей партии на пост президента, то помощники Джона потрудились на славу. Даже политическими противниками речь была признана одним из ярких произведений ораторского искусства.

Он говорил: «Я смотрю на Запад… На землях, простирающихся на три тысячи миль передо мной, пионеры нашего прошлого отказывались от удобств, оставляли всё и даже жертвовали жизнями, чтобы построить новый мир здесь, в западной части страны… Сегодня мы стоим перед новой границей — границей 1960-х годов, которая является границей неизведанных возможностей и путей, границей неведомых чаяний и угроз… Речь идет о больших жертвах, но отнюдь не о благах»{517}.

Кеннеди, таким образом, вновь бросал вызов американскому народу — если уж вы выберете меня в президенты, то следуйте моим указаниям, будьте готовы на лишения во имя величия своей нации и своего государства. Это был путь, не лишенный риска, но риска просчитанного, обещавшего немалую популярность и политические дивиденды, ибо за ним стояли политический расчет и личная харизма.

Теперь наступил самый ответственный этап президентской кампании — схватка с кандидатом от республиканцев Ричардом Никсоном и его кандидатом в вице-президенты бывшим сенатором и представителем США в ООН Генри Кэботом Лоджем, тем самым Лоджем, который в свое время был соперником Кеннеди на сенатских выборах. Для успешного проведения дуэли со ставленником республиканцев мобилизовывались все возможные интеллектуальные, пропагандистские, финансовые средства. Джон уделял особое внимание собственному поведению, манерам и не в последнюю очередь дикции.

На первом этапе избирательной кампании обнаружилось, что его голосовые связки не выдерживают невероятной нагрузки — около десятка выступлений в день. Всё чаще у Джона появлялись признаки ларингита — воспаления слизистой оболочки гортани, в результате которого он почти терял голос. А это для кампании могло обернуться катастрофой.

В результате были наняты два специалиста. Один являлся преподавателем сценической речи. По рекомендации этого учителя Джон по несколько минут в день тренировал горло, громко произнося звуки, подобные крикам морского котика. Второй являлся специалистом по болезням горла, в частности по голосовым связкам (такие врачи называются фониатрами). Он

провел ряд терапевтических процедур и, главное, учил Кеннеди пользоваться своим голосом подобно тому, как это делают певцы — производя «опорное» дыхание с помощью диафрагмы, что позволяет говорить громко, в то же время не причиняя вреда голосовым связкам. Джон, впрочем, признавался, что он так до конца и не овладел этим искусством. «Я пытался улучшить его (голос. — *Л. Д., Г. Ч.)* при помощи инструкций, но позже я ослабил усилия. Трудно осилить природу, но я еще попытаюсь как-то подтолкнуть ее в нужном направлении», — писал он, уже став президентом, Элеоноре Рузвельт, отношения с которой заметно улучшились{518}.

Однако сам факт того, что приступы ларингита почти прекратились, свидетельствовал, что определенных успехов в овладении собственным голосом Кеннеди всё же добился.

В целом предвыборная конъюнктура 1960 года была более или менее благоприятной для Джона. Дуайт Эйзенхауэр завершал свой второй срок на президентском посту и более, согласно законодательству, выдвигать свою кандидатуру не мог. На выборах в конгресс Республиканская партия постепенно теряла свои позиции, получив в 1950 году 49 процентов голосов, а в 1958 году — 43 процента.

По возрасту оба кандидата находились недалеко один от другого — Кеннеди было 43 года, Никсону — 47 лет. Но внешне Джон казался значительно моложе. Биограф Никсона С. Эмброуз констатировал: «Кеннеди казался более выносливым и атлетическим, а семейная любовь к жесткому футболу и бейсболу была широко известна. Никсон любил спорт, но не имел атлетической грации и способностей». И Эмброуз, и другие авторы отмечают, что Джон выглядел моложе Ричарда не на четыре года, как было в действительности, а по крайней мере на десяток лет{519}.

Никсон был скован самим фактом пребывания в администрации Эйзенхауэра, причем на втором по формальной важности государственном посту. В силу своего положения и лояльности к своему шефу, может быть вынужденной, но скорее всего искренней, он энергично защищал все мероприятия администрации 1950-х годов.

Кеннеди же не просто имел возможность критиковать мероприятия Эйзенхауэра, он всячески подчеркивал их недостатки, порой резко преувеличивая, обращая особое внимание на то, что по вине президента и его помощников (прежде всего самого Никсона) США не выдерживают соревнования с СССР в области образования, технологических достижений и особенно в создании баллистических ракет.

Авторитет Америки падает во всем мире, не уставал повторять кандидат от демократов, особенно в Африке, Азии, да и в Латинской Америке, где свободный мир потерял Кубу, перешедшую на сторону коммунизма{520}. Кеннеди нарочно почти никогда не упоминал фамилии Эйзенхауэра, но от этого критический настрой только усиливался, заострялся, в то же время оттеняя «деликатность» оратора.

Однако в кандидатуре Кеннеди были и существенные изъяны. Никогда ранее католик, тем более ирландского происхождения, не избирался на высший исполнительный пост. В случае избрания он стал бы самым молодым президентом за всю историю США (ему бы только исполнилось 43 года). Соперником Кеннеди выступал человек столь же молодой, но имевший значительно больший политический опыт, дважды занимавший пост вице-президента при Эйзенхауэре.

По примеру Франклина Рузвельта, создавшего перед выборами 1932 года свой «мозговой трест», Кеннеди привлек к выработке политического курса, к постановке конкретных задач и взвешиванию возможных предложений и решений, к обсуждению деталей борьбы ученых-гуманитариев. Однако Кеннеди делал это в значительно более широких масштабах, нежели Рузвельт. Если в рузвельтовский «мозговой трест» входило до десятка человек, причем почти все они являлись профессорами Колумбийского университета в Нью-Йорке, то к обсуждению проблем, стоявших перед Кеннеди, было привлечено не менее ста различных специалистов из разных университетов.

Имея в виду, во-первых, хорошую финансовую базу, позволявшую Кеннеди щедро оплачивать командировки в случае необходимости получить личный совет или принять участие в «мозговом штурме», а во-вторых, быстрое развитие гражданской авиации, делавшее возможным ускоренный сбор советников, Кеннеди смог набрать в свою группу ученых из многих университетов, в том числе находившихся на другом конце страны — в Калифорнии. Помимо выполнения прямой задачи оказывать кандидату консультативную помощь, эта большая группа выполняла еще одну — второстепенную, но довольно важную функцию. За каждым из авторитетных профессоров шли десятки сторонников из числа преподавательского корпуса и студенчества, последние тянули за собой еще сотни людей. Возникал своеобразный, на этот раз реальный, эффект домино или даже роста по экспоненте, существенно расширявший базу поддержки Кеннеди из числа не только интеллектуальной элиты страны, но и из других, связанных с ней кругов.

Особенно большую помощь оказал младший брат Роберт,

который оставался руководителем предвыборного штаба точно так же, как он руководил сенатскими избирательными баталиями Джона. По общему признанию как сторонников, так и противников, он великолепно справился со своими сложными обязанностями. Роберт не только был менеджером кампании. Он сам участвовал в агитации, организовывал встречи избирателей, в том числе такие, на которых кормили бесплатным барбекю. В непринужденной обстановке на лесных полянах или на лужайках Роберт Кеннеди излагал избирателям программу своего старшего брата. Он организовал рассылку конгрессменам подборки высказываний Джона по различным политическим вопросам, причем особый интерес вызвал комплект материалов, связанных с отношением кандидата к религии. Они свидетельствовали, что в случае избрания новый президент будет уважительно относиться ко всем конфессиям, не отдавая предпочтения католицизму{521}.

Это была важная политическая школа для самого Роберта, который набирался опыта, исключительно важного для его будущей политической деятельности, особенно когда в 1968 году сам он выдвинет свою кандидатуру на президентский пост.

В той или иной мере в предвыборной кампании, как и раньше, участвовали и другие члены разраставшегося клана Кеннеди. Клан постепенно разделялся на внутренний и внешний круги. Во внутренний входили только кровные родственники — отец с матерью, братья и сестры. Но братья женились, сестры выходили замуж. Появлялся внешний круг, членов которого считали «принадлежавшими» к Кеннеди, даже если они носили другие фамилии.

Так, Роберт, как мы уже писали, еще в 1950 году женился на Этел Скейкел, дочери весьма успешного бизнесмена, владельца химической компании «Грейт лейке карбон корпорейшн». За 18 лет брака (до гибели Роберта) в семье появилось 11 детей (последний ребенок родился уже после кончины отца).

Сестра Джоэн вышла замуж за члена семьи нью-йоркских судовладельцев Смитов, связанных с Джозефом Кеннеди-старшим. Стивен Смит стал активным членом политического штаба кандидата, а затем президента.

На сестре Юнис женился Сарджент Шрайвер, работавший в одной из компаний, связанной с Джозефом-старшим.

Патриция же вышла замуж за известного британского актера Питера Лоуфорда и сама стала актрисой и по совместительству светской львицей, законодательницей мод. А это было немаловажно для «тиражирования» позитивного облика Джона и всего семейства. Сам же Лоуфорд в какой-то мере противопоставлял себя — «человека из народа», говорящего

грубым, простым языком, — «высоколобому» Кеннеди, но своей агитацией за демократического кандидата он всё же привлек на сторону Кеннеди какую-то часть рабочих и фермеров.

Перед выборами сторонники Никсона раскопали сведения о давнем увлечении Кеннеди Ингой Арвад, которую, как мы помним, одно время подозревали в шпионаже в пользу Германии. Однако получить какие-либо данные по этому поводу в ФБР оказалось невозможно. Внутренняя контрразведка отказалась сообщить что-либо, ссылаясь на секретный характер информации и необходимость защиты чести и достоинства лица, которому ничего, помимо оказавшихся необоснованными подозрений, предъявить было невозможно.

Республиканцы в качестве козыря попытались использовать неблагоприятную репутацию отца демократического кандидата и особенно его богатство, расходуемое якобы незаконным образом на политические цели. Получил распространение анекдот: Джозеф будто бы сказал сыну — не волнуйся: если проиграешь выборы, куплю тебе другую страну.

Это, однако, было весьма не убедительное злопыхательство. Республиканцам не удавалось подкрепить фактами продажность самого Джона, его зависимость от отца. Джозеф своевременно прекратил шокирующие публичные высказывания, «расчистив поле» для свободной игры команды своего сына.

Кеннеди-младший проводил избирательную кампанию весьма активно, тем более что его самочувствие стало лучше и он мог, правда крайне уставая и буквально валясь вечером в постель, приняв перед этим горячую ванну, целыми днями ходить по кварталам бедного люда, посещать промышленные предприятия, встречаться с фермерами, выступать на собраниях сторонников демократов и т. д. До этой избирательной кампании он сталкивался с бедняками только в родном Бостоне, где уровень жизни был выше, чем во многих других районах Америки. Теперь же ему пришлось соприкоснуться с подлинной нищетой. Особенно это касалось угольных шахт Западной Виргинии, которую Джон, теперь уже официальный кандидат в президенты, посетил снова. Он рассказывал, что вид ветхих домишек, изношенной одежды, голодных лиц шахтеров произвел на него крайне удручающее впечатление. Более того, подчиняясь внутреннему порыву, он, как и в начале кампании, потребовал, чтобы ему выдали шахтерскую униформу и спустили в забой. То, что он там увидел, еще больше усугубило впечатление от ужасных условий труда горняков.

Масло в огонь подливала впечатлительная Жаклин, которая сопровождала мужа в этой поездке. Она ходила по шахтерским

хижинам, старалась держаться просто и непринужденно и обещала рассказать Джону всё, что увидела. А ее впечатления были еще более безрадостными, чем наблюдения мужа. Позже она рассказывала о содержании своих бесед с женами горняков: «Мы приехали сюда не для того, чтобы заручиться вашими голосами, мы хотели своими глазами посмотреть, как недалеко от Вашингтона живут люди, перед которыми Америка в долгу»{522}.

Жаклин, правда, скоро прекратила сопровождать своего мужа в поездках — в ноябре ей предстояло родить.

Но вышеприведенные слова были не только ее личным мнением. Они явно выражали позицию самого кандидата. Пройдет немного времени, и администрация нового президента разработает комплекс мер по существенному улучшению условий труда американских шахтеров.

Однако опираться необходимо было в первую очередь не на рядовую массу избирателей, которая в некоторых случаях легко, в других с большим трудом, но всё же поддавалась агитационной обработке. Особенно важно было укрепить предвыборные ряды собственной партии, в которых явно ощущалось недовольство. Прежде всего речь шла о Джонсоне, как о кандидате в вице-президенты. Та часть демократов, которая поддержала Кеннеди, и после решения съезда была почти убеждена, что этот пост следовало предложить Стивенсону, считавшемуся его единомышленником.

Поэтому важно было умиротворить либералов, прежде всего наиболее влиятельную их группу из числа партийных ветеранов. С этой целью Джон не только несколько раз встречался с самим Стивенсоном, объясняя последнему свой выбор и выражая надежду, что Эдлай активно его поддержит в дальнейшей борьбе и в будущем правительстве. Кеннеди встретился с бывшим президентом Гарри Трумэном, который сохранял влияние на значительную часть демократов как преемник Франклина Рузвельта. Состоялась, наконец, встреча с Элеонорой Рузвельт, для чего Кеннеди поехал в семейное имение Рузвельтов в городке Гайд-Парке (штат Нью-Йорк).

И бывший президент, и бывшая первая леди заявили, что приложат силы для избрания представителя молодого поколения демократов на высший государственный пост. Соответственно Элеонора Рузвельт несколько раз выступила по радио и телевидению, одобрительно отозвавшись не только о Джоне, но и обо всей семье Кеннеди, за исключением отца, по поводу чего она сделала специальную оговорку{523}.

Трумэн взял на себя миссию привлечения на сторону Джона массы баптистов, которые были особенно влиятельны на юге

страны. Стивенсон принял активное участие в агитации на Западе, особенно в Калифорнии, демократические партийные организации которой традиционно конкурировали с организациями восточных штатов, к которым принадлежал Кеннеди.

Сам же он продолжал колесить по всей стране, выступая перед рядовыми избирателями на благотворительных завтраках, обедах и ужинах, посещая предприятия и фермы.

Как обычно, в предвыборной гонке живейшее участие принимали братья и сестры. Писатель Д. Миченер, сам участвовавший в избирательной кампании в пользу Кеннеди, так описывал то, что происходило в таком отдаленном штате, каким были тихоокеанские Гавайи: «Мы выходили на сцену, и вдруг каким-то образом появлялась одна из сестер Кеннеди, только что прилетевшая и улетающая сразу по окончании собрания. Они постоянно находили возможность пожать руки всем, сидящим в зале»{524}.

В ходе этих выступлений постепенно формулировались основные принципы внутренней и внешней политики, которые Джон Кеннеди предполагал реализовать как президент.

В полемике с Джоном Ричард Никсон особенно подчеркивал неопытность того в политике. В одном из выступлений действовавший вице-президент заявил: «Я уверен, что в наши дни Америка не может себе позволить, чтобы Белый дом был использован как тренировочная площадка, где кто-то будет набираться опыта за счет Соединенных Штатов Америки»{525}.

Кеннеди отвечал не менее остро, подчас грубо. Вот выдержка из одного его предвыборного выступления: «Господин Никсон не понимает, что президент Соединенных Штатов сейчас не кандидат. Вы бывали в цирке и видели слонов (напомним, что слон — символ Республиканской партии. — *Л. Д., Г. Ч.)*. У них головы из слоновой кости, у них толстая кожа, видят они плохо, а помнят долго. Вы видели, как они двигаются по арене, хватаясь хоботом за хвост идущего впереди. Это происходило в 1952 и 1956 годах. Тогда Дик [Никсон] держался очень крепко за хвост того, который шел впереди [то есть Эйзенхауэра]… Но ныне выбирают не Эйзенхауэра. Вопрос в том, захочет ли народ этой страны увидеть своим лидером господина Никсона и его Республиканскую партию, которая никогда не выступала за прогресс»{526}.

В борьбе против Кеннеди, который, правда весьма осторожно, иногда говорил избирателям о необходимости сократить военное производство и вести дело к переговорам о сдерживании вооружений (в других выступлениях подчас звучали

противоположные призывы к их наращиванию), республиканцы не гнушались грязными методами агитации. В конце избирательной кампании на стенах промышленных предприятий, производивших вооружение, особенно в западных штатах, прежде всего в родной Никсону Калифорнии, появились красочные плакаты с надписями: «Не забывайте, что Джон Кеннеди охотится за вашей работой». На это Кеннеди остроумно ответил: «Я охочусь за работой господина Эйзенхауэра»{527}.

Иногда Никсон наносил очень сильные удары. Он выступил в сенате ярким разоблачителем коммунистического проникновения в Америку, в том числе и в администрацию Франклина Рузвельта. Речь шла о нашумевшем деле Олджера Хисса, высокопоставленного сотрудника Госдепартамента, временного генерального секретаря организационной конференции ООН в Сан-Франциско, а в начале 1947 года — президента фонда Карнеги. Еще в 1939 году Рузвельту докладывали о подозрительных связях этого видного чиновника. Сомнения в его верности интересам США высказывали бывший посол У. Буллит, профсоюзный деятель Д. Дубински и др. Однако Рузвельт с ходу отметал любые подозрения. Только в 1950 году при помощи контрразведывательного проекта «Венона» удалось уличить Хисса в передаче секретной информации СССР, но к этому времени истек срок давности по делам о шпионаже. Его обвинили только в лжесвидетельстве и приговорили к трем годам заключения{528}. Дело было даже не столько в разоблачении и наказании, сколько в использовании этого факта во внутренней пропагандистской кампании, раздуваемой консерваторами как против откровенно левых, так и либеральных сил.

В ходе предвыборной борьбы Кеннеди напомнили весьма неловкий его шаг (даже не столько его шаг, сколько выполнение поручения отца). Во время предвыборной кампании Эйзенхауэра — Никсона 1952 года (Никсон, напомним, избирался на пост вице-президента) Джон выполнил роль «посыльного» — принес в штаб республиканцев чек на тысячу долларов, который передал Джозеф Кеннеди в фонд Никсона. Для демократов это было грубым нарушением партийной этики, чем теперь воспользовались республиканцы. Одновременно они вспоминали слова всё того же старевшего Джозефа, который явно терял чувство реальности, сказанные при какой-то встрече Никсону: «Если у Джека ничего не получится, я поддержу вас».

В пользу Никсона свидетельствовал и его восьмилетний опыт вице-президентства. Особый интерес к нему вызвало сообщение о его поездке в Москву в июне 1959 года, во время которой он запросто на улице полемизировал с рядовыми москвичами по

поводу преимуществ той или иной социальной системы, что для СССР того времени было делом неслыханным.

В ходе предвыборной кампании оба кандидата широко пользовались новинками информационной техники. В жизнь и быт американцев всё больше входило телевидение. Еще Эйзенхауэр использовал его, обращаясь к избирателям. Но Кеннеди с Никсоном сделали новый шаг — они впервые устроили теледебаты кандидатов в президенты в прямом эфире, за которыми, по подсчетам служб изучения общественного мнения, следило от 50 до 70 миллионов человек. Стороны учитывали, что в 1960 году три четверти американских семей уже имели по крайней мере один телевизор, что средний американец проводил за «трубой», как называли поначалу эту техническую новинку, по четыре часа в день{529}.

Дебаты были начаты по инициативе Ричарда Никсона, который слыл хорошим оратором, за словом в карман не лез и был уверен, что перед телезрителями легко переиграет новичка Кеннеди. Самоуверенный Никсон, мало считавшийся с мнением советников, не учел, что, предложив телевизионные дебаты, он способствует повышению личного престижа демократического кандидата, ибо ставит его на один уровень с собой — вторым лицом в государстве, претендующим на то, чтобы стать во главе страны. Никсон не учитывал и того, что Кеннеди значительно более фотогеничен, чем он сам, производивший впечатление человека сухого и мрачного. Помощники предупреждали Никсона, что Кеннеди явно понравится телезрительницам разного возраста, но тот просто отмахнулся. После кратких переговоров летом 1960 года представители обеих партий договорились о четырех встречах кандидатов, которые передавались бы в прямом эфире. Для каждой встречи выделялся один час.

Кеннеди тщательно готовился к дебатам. Он проводил длительные репетиции в телестудии с помощниками, оттачивая аргументацию, подбирая новые факты, обдумывая возможные вопросы и уловки соперника, стремясь еще более улучшить свой и без того привлекательный внешний образ — «надевал» новые улыбки, по новому щурил глаза, двигал плечами и т. п. Жаклин вспоминала по этому поводу: «Он сидел в комнате в течение двух или трех часов в окружении пятерых человек, которые задавали ему всевозможные, в том числе нелепые, вопросы, о которых только можно помыслить. Я считаю, он действительно готовился — это было какое-то подобие экзамена»{530}.

Никсон же к теледебатам отнесся легкомысленно. Он к ним не готовился и появлялся в телестудии лишь за несколько минут до схватки.

26 сентября 1960 года в Чикаго состоялась первая встреча кандидатов. Вся Америка прильнула к экранам, наблюдая невиданное зрелище.

Никсон никак не ожидал, что Кеннеди применит разработанную его советниками резко наступательную тактику. Коллективная работа в духе «мозгового треста» Рузвельта, в отличие от индивидуализма Никсона, явно давала плоды.

Свое вступительное слово к прениям Джон посвятил резкой критике администрации Эйзенхауэра, включая вице-президента, подчеркивая, что за все провалы по конкретным вопросам внешней и внутренней политики прямую ответственность несет вице-президент как второе лицо в высшем эшелоне исполнительной власти. Эти обвинения носили в то же время программный характер. Кеннеди заявил, что вместо бесплодных дискуссий по поводу религиозной принадлежности (кто-то ему доложил, что, по слухам, Никсон собирается обратить особое внимание именно на этот «недостаток» соперника) он собирается говорить о решающих для жизни страны делах. Среди них — «распространение коммунистического влияния, которое теперь исходит с расстояния всего лишь 90 миль от Флориды (имелась в виду Куба. — *Л. Д., Г. Ч.),* унизительное обращение с нашим президентом и вице-президентом со стороны тех, “кто более не уважает нашу силу”» (подразумевался отказ Хрущева принять Эйзенхауэра в СССР после инцидента с уничтожением самолета У-2 в районе Свердловска); «голодные дети, которых я видел в Западной Виргинии, и пожилые люди, которые не могут оплатить врачебные счета, семьи, которые вынуждены продавать свои фермы»; Америка, в которой «слишком много трущоб, очень мало школ и которая слишком опоздала с Луной и космическим пространством».

Он продолжал, однако, в более бодром тоне, что верит в Америку, в ее свободу и успехи, которых он намерен решительно добиваться{531}.

Все свои обвинения в адрес администрации Кеннеди концентрировал на личности Никсона. Это не было справедливо, ибо вице-президент, согласно американской традиции, в решение крупных политических вопросов не вмешивается, а лишь исполняет президентские задания.

Но домохозяйкам и их мужьям такая атака пришлась по душе. Они не вдавались в юридические и политические тонкости. Им нравились боевитость и шарм молодого претендента, а почти каждая семья имела у себя за пазухой личный счет к любой администрации. Средний американец мог критиковать власти и за высокие налоги, и за недостаточные расходы на вооружение, не

замечая несовместимости того и другого. Толпа не понимала, что государственные расходы напрямую зависят от собственного вклада граждан, производятся из их кармана, что правительственные средства не берутся из воздуха. Джон Кеннеди сознательно, отлично понимая спекулятивность демагогии, играл на этом.

Кеннеди обвинял республиканскую администрацию в замедлении экономического роста страны, в том, что она начинает отставать в науке и образовании по сравнению с главным политическим и идеологическим противником — Советским Союзом, где университеты выпускают вдвое больше инженеров и врачей, чем в США. При этом грубо игнорировалось, что производительность труда на советских промышленных предприятиях, несмотря на избыток инженеров, была вдвое ниже, чем в США, что советские учителя получали нищенскую зарплату, которая позволяла им едва сводить концы с концами.

Джона раздражала манера полемики Никсона. Он жаловался Шлезингеру: «С Никсоном невозможно проводить дебаты — он никогда не говорит по существу, а всегда произносит небольшие речи; его оппонент должен тратить немало времени, корректируя неверную интерпретацию Никсона. В результате остается совсем мало времени, чтобы развить собственную тему»{532}. При этом Кеннеди, казалось, не замечал, что такого же рода претензии могли быть предъявлены и ему самому.

Предвыборные баталии выработали у Кеннеди стойкую неприязнь к Эйзенхауэру, которого он не раз именовал «старой задницей», что не мешало ему позже несколько раз обращаться к авторитету генерала и президента при решении сложных вопросов. Очевидно, чувствуя это, опытный полководец и политик как-то обозвал Кеннеди, явно несправедливо, «нагловатым юнгой». Этот «молодой гений», как иронически назвал Эйзенхауэр кандидата в президенты от демократов, явно не имеет опыта, зато у него масса неверных представлений и противоречащей фактам информации.

Развивая это мнение, отставной президент позже записал в свой дневник, что по молодости Кеннеди не понимает в полной мере сложности президентской деятельности, что он считает достаточным расставить своих людей на важнейших постах, чтобы дело пошло само собой{533}. Это суждение оказалось явно ошибочным.

Кандидат от демократов затронул и весьма болезненный расовый вопрос. Джон был осторожен, не выдвигал каких-либо конкретных обещаний, но факт дискриминации признал, в очередной раз обвинив в нем администрацию Эйзенхауэра, и

закончил выступление призывом к Америке «двинуться вперед». Слова «новые рубежи» во время дебатов сказаны не были, но они как бы исподволь вкладывались в головы американцев.

Столь же удачно Кеннеди отвечал на вопросы журналиста, выступавшего «модератором», «посредником» между кандидатами.

Растерявшийся Никсон занял оборонительную позицию, иногда даже соглашаясь с критикой Кеннеди в адрес его правительства, чем были потрясены сторонники республиканца{534}.

Во время первых теледебатов отчетливо выявились симпатии самих телевизионщиков, для которых Кеннеди оказался просто идеальным объектом съемок, а Никсон — прямой противоположностью. Джон, сам по себе прекрасно смотревшийся на экране, позволил гримерам «нарисовать себе лицо» в полном соответствии со вкусами публики, которые хорошо знали его имиджмейкеры, тогда как Никсон отказался от грима.

В результате республиканский кандидат выглядел усталым (он действительно недавно вышел из больницы, где лечил больное колено). Съемка беспощадно фиксировала ранние морщины, щетину на лице. Камеру буквально бессовестно направляли на Никсона каждый раз, когда он вынимал платок, чтобы протереть вспотевшее лицо. (Кеннеди вслед за этим злобно шутил, что в телестудии надо было установить температуру 30 градусов ниже нуля, чтобы Никсону не было жарко{535}.)

Пресса единодушно пришла к выводу, что первые в истории телевизионные дебаты кандидатов в президенты Никсон проиграл, причем главным образом из-за своего внешнего вида. Любопытно, что при опросах агентств, проверяющих общественное мнение, Кеннеди предпочли те, кто наблюдал дебаты на голубом экране, а Никсона — слушавшие их по радио (таковых было незначительное меньшинство){536}.

Опрос, проведенный в Техасе в конце сентября, показал следующий разброс мнений (интервью было взято у 109 избирателей): теледебаты смотрели 106 человек, 88 высказали мнение, что Кеннеди проявил себя во время полемики более умным, 12 заявили, что Кеннеди лучше себя вел, но платформа республиканцев более аргументированна, и только шесть опрошенных безоговорочно высказались за Никсона{537}. Победа, таким образом, была абсолютной.

Новые встречи в телестудиях состоялись 7, 13 и 31 октября. Заключительная встреча, проходившая в Нью-Йорке, касалась в основном внешней политики. Несколько оправившийся к этому времени кандидат республиканцев энергично защищал

правильность политики Эйзенхауэра, утверждал, что авторитет США за рубежом продолжает расти. Кеннеди на этот раз был несколько осторожнее. Он не желал подрывать внешнеполитические позиции своей страны. Тем не менее он подверг критике поддержку Эйзенхауэром Чан Кайши и его концепцию двух Китаев (на материке и острове Тайвань). Он полагал, что по некоторым вопросам США могут вступить в переговоры с коммунистическим Китаем и его лидером Мао Цзэдуном. Последние дебаты несколько укрепили позицию Никсона. Пресса даже стала обвинять Кеннеди в стремлении к умиротворению коммунистов.

В целом, однако, дебаты слегка перетянули чашу избирательных весов в пользу Кеннеди. Он показался зрителям более обаятельным, а это в их глазах означало, что он вряд ли способен на дурные поступки. Совершенно очевидно, насколько примитивны были такие «кухонные воззрения», но они явно наличествовали и в какой-то мере влияли на финальный результат.

Серьезный контрудар был нанесен сторонниками Никсона накануне выборов, причем в качестве тарана было использовано прошлое главы клана Кеннеди. Хотя Джозеф в предвыборном спектакле находился за кулисами, его неблаговидную деятельность в качестве американского посла в Великобритании вспомнить было несложно, чем и воспользовались республиканцы.

Пропагандистская бомба взорвалась 5 ноября, когда в нью-йоркской газете появился материал, представленный в качестве рекламного объявления (такая форма использовалась, когда авторы материала оплачивали публикацию по ценам рекламы, а редакция не несла никакой ответственности за ее содержание). Опубликованный от имени некого комитета, расположенного в нью-йоркском районе Бруклин, за подписью дамы по фамилии Шапиро (избрано было нарочито еврейское имя) материал представлял собой подборку многочисленных цитат из статей и выступлений Джозефа Кеннеди во время посольской работы, а также из донесений в Берлин германского посла в Лондоне Дирксена. Смысл публикации состоял в том, что Джозеф Кеннеди был и остается пронацистски настроенным реакционером, антисемитом, что он играет зловещую роль в избирательной кампании, а его сын, стремящийся попасть в президенты, одного с ним поля ягода{538}.

Можно сказать, что эта публикация прибавила Никсону немало голосов.

В то же время вначале очень осторожные, а затем

значительно более решительные выступления Кеннеди за предоставление полных гражданских прав черным американцам всё более привлекали к нему симпатии не только пробуждавшегося к политической жизни афроамериканского населения. Джон всячески стремился разорвать порочный круг — расширить свое влияние среди негров и сочувствовавших им либеральных кругов Севера и в то же время не пойти на разрыв с консервативным электоратом Юга. С этой целью намечались и разрабатывались всевозможные меры по расстановке акцентов в речах, произносимых перед разной аудиторией. Кандидат сосредоточивался не только на реализации уже принятого законодательства о гражданских правах, но и на необходимости расширять его.

Кроме того, весьма важным было установление доверительных отношений с лидерами негритянских организаций. Из них особенно важным стало движение под названием Конференция христианского руководства на Юге, возникшее в 1957 году, руководителем которого являлся молодой священник Мартин Лютер Кинг, провозгласивший тактику массового ненасильственного сопротивления расизму.

Во время предвыборной кампании Кеннеди уделил негритянскому вопросу значительное внимание, имея в виду прежде всего обеспечение регистрации негров в качестве избирателей, с тем чтобы они голосовали именно за него. В предвыборном штабе была введена специальная должность помощника по негритянскому вопросу, которую занял Харрис Уоффорд (некоторые авторы называют его афроамериканцем, но это не так — Уоффорд был белым, однако горячо выступал за права негров). Установив связи с Мартином Лютером Кингом и другими чернокожими деятелями, Уоффорд на основании бесед с ними давал советы Кеннеди по текущим вопросам и одновременно готовил для него перспективный документ, который должен был вписаться в программу еще полностью не сформировавшихся «новых рубежей».

Важным условием успеха этой деятельности рассматривалось укрепление умеренных сил в движении за гражданские права при изоляции экстремистов в самом негритянском движении, с одной стороны, а с другой — среди демократов-южан. Рекомендуя осторожную политику, Уоффорд полагал, что на первых порах не стоит вносить законодательных предложений по негритянскому вопросу, следует лишь активизировать действия исполнительной и судебной власти. Реальное обеспечение права голоса, постепенная десегрегация учебных заведений, предприятий, жилищ — таковы были вехи рекомендуемой политики. Речь шла в

первую очередь о принятии мер по соблюдению существующих законов и исполнительных распоряжений предыдущих президентов, в частности важных мер президента Трумэна в первые послевоенные годы по ликвидации дискриминации в государственном аппарате и в вооруженных силах{539}.

Первая личная встреча Кеннеди с Кингом произошла 23 июня 1960 года по инициативе кандидата, пригласившего негритянского лидера на завтрак.

До встречи Кинг не был сторонником Кеннеди, хотя не поддерживал и Никсона. Кинг не без основания полагал, что оба претендента на президентское кресло концентрируют всё свое внимание на обеспечении победы и во имя нее готовы идти на принципиальные компромиссы.

Однако встреча изменила его мнение. Кеннеди выразил полное согласие с суждением собеседника в том, что одной из главных своих задач будущий президент должен считать воплощение в жизнь гражданских прав, и прежде всего права голоса. Сразу после встречи Кинг написал Честеру Боулсу, члену конгресса и советнику Кеннеди по внешнеполитическим делам, который был близок к негритянскому движению: «Я нахожусь под глубоким впечатлением от прямых и честных манер, которые он проявил, обсуждая вопрос о гражданских правах. Я не сомневаюсь, что он делал бы правильные вещи в этом вопросе, если бы был избран президентом»{540}.

У Кинга сложилось впечатление, что на президентском посту Кеннеди станет решительно проводить антисегрегационное законодательство. Однако его мнение было не совсем точным. Стремясь сохранить влияние в кругах белых консерваторов Юга, Кеннеди в последние месяцы перед выборами стал подчеркивать, что главное внимание следует уделять не законодательству, а исполнительным актам, прежде всего президентским распоряжениям. 1 октября, выступая в Миннеаполисе, он даже сказал, что законодательство дает достаточные права всем американцам, что долг исполнительных властей эти права выполнять в полном объеме{541}. Такая позиция далеко не полностью удовлетворяла лидеров негритянского движения. Они, в частности Кинг, продолжали призывать избирателей голосовать за Кеннеди, но одновременно требовали от него твердых обещаний расширения и углубления законодательства по гражданским правам.

Ощущая, что он начинает терять поддержку чернокожих избирателей, Кеннеди с подачи Уоффорда вновь заострил вопрос о необходимости предоставить равные возможности всем американцам. В одном из телевизионных выступлений он провел

сравнение возможностей белых и черных детей получить среднее и высшее образование, достойную профессию и т. д. Он говорил, что черные вдвое чаще, чем белые, становятся безработными, что продолжительность их жизни на семь лет меньше, чем у белых, что зарабатывают они вдвое меньше{542}. Это эмоциональное выступление, к тому же насыщенное конкретными данными, хотя и не содержавшее прямых обещаний исправить положение законодательным путем в самом ближайшем времени, вновь склонило чашу весов в голосовании афроамериканцев в пользу Кеннеди.

Джон воспользовался и событием, происшедшим в самом финале избирательной кампании. 19 октября полиция арестовала М.Л. Кинга за организацию пикета возле универсального магазина в Атланте, в который не допускались чернокожие. Через три дня он был освобожден, но немедленно после этого вновь арестован по надуманному обвинению — за то, что пользовался в штате Алабама водительскими правами, выданными в другом штате. Негритянские организации подняли тревогу, воспринимая эти действия как попытку запугать Кинга. Его жена Коретта, находившаяся на последнем месяце беременности, позвонила Уоффорду, умоляя, чтобы Кеннеди вмешался. «Они собираются убить его», — говорила она, заливаясь слезами.

По совету Уоффорда Кеннеди тут же позвонил Коретте, успокоил ее и пообещал помочь. Действительно, воспользовавшись «телефонным правом», которое, видимо, в той или иной степени существует в любой стране, даже там, где соблюдаются правовые нормы, Кеннеди через судью Митчелла, который занимался этим делом, добился освобождения негритянского лидера. Правда, судья сделал это не сразу, некоторое время он колебался, потребовался вторичный звонок, на этот раз Роберта Кеннеди, подтвердившего просьбу брата и настаивавшего на немедленном освобождении{543}. Скорее всего, рядовой судья был просто очень польщен, что к нему лично обратился человек, который, вполне возможно, через две недели станет президентом Соединенных Штатов.

Это событие, преподнесенное тогда и штабом Кеннеди, и негритянскими организациями не как вторжение политиков в независимую судебную область, а как защита равных прав черных и белых, окончательно склонило симпатии влиятельной Конференции христианского руководства на Юге и других негритянских организаций в пользу демократического кандидата. Около двух миллионов листовок с описанием происшедшего инцидента, разумеется, без компрометирующих кандидата подробностей, были распространены в местах проживания негров,

в их религиозных учреждениях и т. д. Текст листовки начинался словами: «Никсоновское “без комментариев” против кандидата, имеющего сердце, сенатора Кеннеди»{544}.

В последние недели перед выборами Джон Кеннеди, продолжавший внимательно следить за международной ситуацией и особенно за положением дел в странах третьего мира, выступил с еще одной важной инициативой, на этот раз обращенной к американской молодежи и получившей одобрение прежде всего в студенческой среде. 14 октября в своей речи, произнесенной в Мичиганском университете в городе Энн-Арбор, он поставил вопрос о создании специальной организации помощи населению развивающихся стран, которая позже получила название «Корпус мира». «Сколько человек из вашей среды готовы провести два года в Африке, Латинской Америке или Азии, работая на Соединенные] Ш[таты] и на свободу?» — спросил он молодых людей, тем самым подталкивая их к действию. Аудитория встретила предложение с энтузиазмом. Поздно вечером крайне уставший кандидат сказал своим помощникам, что он, кажется, «вытянул выигрышный номер».

Действительно, почти случайно вырвавшиеся слова вслед за этим были облечены в форму разработанного им в сотрудничестве с Т. Соренсеном меморандума, в котором уже было сформулировано понятие «Корпус мира». «Добровольцы этого корпуса должны будут завоевать сердца и умы [населения] развивающихся стран». И в то же время они должны стать проводниками интересов США в холодной войне. Каким образом? Путем мирного соревнования в третьем мире с «эксплуатацией кастровского типа или коммунизмом»{545}. Идея «Корпуса мира» так увлекла молодых американцев, что в последние месяцы 1960 года Кеннеди получил по этому вопросу больше писем, чем по всем остальным{546}.

Инициативы финального этапа президентской гонки, казалось бы, прочно выводили Кеннеди вперед, обеспечивая ему гарантированную победу на выборах. Весьма умудренный и опытный политический наблюдатель Уолтер Липпман, видавший немало предвыборных сражений, писал: «Действительно, производит впечатление та точность, с которой мистер Кеннеди владеет фактами, его инстинктивная способность найти центральную точку, его отказ от демагогии и лозунговщины, его твердость и храбрость». Липпман заключил, что Кеннеди является «естественным лидером, организатором и руководителем людей»{547}.

Однако, как нередка бывает с политиками, добивающимися существенного успеха, в самые последние недели перед выборами

возник скандал, который максимально использовал Никсон. Связан он был с событиями на Кубе, где в 1959 году к власти пришли «барбудос» (бородачи) во главе с Фиделем Кастро. Отряды Кастро свергли власть Рубена Фульхенсио Батисты, которого считали одним из самых жестких диктаторов в Латинской Америке, причем тесно связанным с крупным капиталом и администрацией США.

Сначала американские политические аналитики высказывали предположение, что на Кубе может произойти процесс демократизации без существенного ущерба для американских интересов. Правительство Эйзенхауэра признало режим Кастро, тем более что тот в первые месяцы своей власти не раз отличился антикоммунистическими высказываниями{548}.

Однако правительство Фиделя, в основном под влиянием его помощников — родного брата Рауля, связанного с Народно-социалистической партией (компартией), и Эрнесто (Че) Гевары — авантюристического революционного идеалиста, стремившегося разжечь общеамериканский пожар, — развернуло преследование не только сторонников Батисты, но и всех богатых, стало вводить диктатуру квазикоммунистического типа, призывать к «латиноамериканской революции», а во внешней политике всё больше ориентироваться на СССР. В США, прежде всего во Флориде, появилась и стала быстро расти кубинская эмиграция, состоявшая из представителей слоев, пострадавших от нового режима, полная решимости свергнуть Кастро вооруженным путем и восстановить на Кубе старый порядок.

В результате позиция правительства Эйзенхауэра круто изменилась. Оно стало оказывать помощь кубинской эмиграции, а Р. Никсон предостерег, что «Соединенные Штаты обладают силой — и мистер Кастро знает это, — чтобы отстранить его от власти в любой день по своему выбору». Это явно необдуманное, хвастливое и легкомысленное заявление вскоре обернется серьезной военной неудачей и падением авторитета США в развивающемся мире, особенно в Латинской Америке. Правда, вслед за этим вице-президент отказался от столь воинственной риторики, хотя полностью сохранил неприкрыто враждебное отношение к кастровскому режиму{549}.

На проявления враждебной политики Кастро ответил национализацией американской собственности — банков, сахарных заводов, торговых предприятий и т. д. В глубокой тайне в джунглях Гватемалы под руководством ЦРУ и на средства США началась ускоренная подготовка отрядов кубинских иммигрантов для вторжения на остров.

Джон Кеннеди не мог не реагировать на комплекс событий,

связанных с Кубой. 19 октября он выступил с заявлением, споры по поводу которого не утихают по сей день. В центре документа находилось требование: «Мы должны попытаться укрепить антибатистовские, демократические, антикастровские силы в изгнании и на самой Кубе, в отношении которых можно надеяться, что они свергнут Кастро. До сих пор эти борцы за свободу фактически не имели поддержки со стороны нашего правительства»{550}.

Своими интонациями это воинственное заявление мало чем отличалось от того, что говорил Никсон до его перехода к более миролюбивой риторике. Однако последний ухватился за сказанные здесь громкие слова, пытаясь скомпрометировать своего соперника. Разумеется, он не мог открыто говорить, что действительно с американской помощью готовится вторжение на Кубу, но посчитал, что своими словами Кеннеди раскрыл государственную тайну, и обрушился на противника с обвинениями его в безответственности, в том, что он ставит под угрозу безопасность своей страны. Все эти необоснованные утверждения Никсон упорно повторял и в своих воспоминаниях, а вслед за ним обвинения перекочевали в публицистику и даже в исторические сочинения{551}. Утверждая, что Кеннеди провоцирует военный кризис в своих политических целях, Никсон скрывал, что именно этим занимались тайные службы его собственного правительства, причем, как мы увидим, делали это поспешно и без должной военно-технической и организационной подготовки.

Однако вице-президенту удалось благодаря этим маневрам перетянуть на свою сторону часть избирателей, особенно в южных штатах, которые в наибольшей степени опасались военных осложнений, связанных с Кубой. Именно к ним обращался Никсон в первую очередь, страстно восклицая по поводу «безответственных заявлений» Кеннеди: «Если бы Соединенные Штаты поддержали кубинских эмигрантов, это осудили бы Объединенные Нации и это не способствовало бы выполнению наших целей. Это было бы прямое приглашение мистеру Хрущеву прийти в Латинскую Америку и вовлечь нас в то, что превратилось бы в гражданскую войну и, возможно, даже в нечто худшее»{552}.

В результате шансы на избрание у обоих кандидатов оказались приблизительно равны, что и показали выборы. Состоялись они по американской традиции в первый вторник после первого понедельника ноября очередного високосного года — 8 ноября 1960 года (как и при первом избрании Рузвельта в 1932 году, первый вторник в ноябре пришелся на 1 ноября,

поэтому выборы состоялись только через неделю). Разница в голосах была микроскопической — за Кеннеди было подано 49,7%, за Никсона — 49,6%. Это была самая незначительная разница в числе поданных голосов за всю историю Соединенных Штатов с 1880 года, когда за Джеймса Гарфилда было подано всего на десять тысяч голосов больше, чем за Улисса Гранта{553}.

Иным было соотношение в выборной коллегии. Напомним, что выборы в США не являются прямыми, граждане голосуют не за президента, а за выборщиков. И если в штате за выборщиков данного кандидата проголосует хотя бы на одного избирателя больше, чем за выборщиков другого, в коллегию выборщиков войдут только сторонники добившегося чуть большего успеха претендента[34]. Вряд ли эта архаическая система соответствует подлинно демократическим нормам, но она принята в США и, несмотря на часто раздающиеся голоса, что ее следует менять, никто из президентов или конгрессменов за всю историю США не взял на себя инициативу выступить с такого рода предложением конкретного характера. Так или иначе, но соотношение в коллегии выборщиков составило 303 к 219 в пользу Кеннеди{554}.

Хотя преимущество Кеннеди в избирательной коллегии было явным, впервые с 1916 года разница в количестве выборщиков не была столь сокрушительной между победившим и потерпевшим поражение кандидатами.

Победа Кеннеди, учитывая соотношение голосов избирателей, была чуть ли не случайной, но это была бесспорная победа. Существовали определенные причины и того, что за обоих кандидатов было подано почти равное число голосов, и того, что Кеннеди удалось опередить Никсона, несмотря на то, что непосредственно перед выборами большинство наблюдателей отдавали победу республиканскому кандидату. На стороне Никсона были солидность, значительный опыт на вице-президентском посту, принадлежность к «правильной» протестантской религии. Преимуществами Кеннеди являлись личное обаяние, постоянно подчеркиваемая демократичность в совокупности с ореолом героя еще сравнительно недавней мировой войны.

Никсон проводил свою агитацию во всех пятидесяти штатах, вместо того чтобы сосредоточиться на таких решающих с точки зрения числа избирателей и соответственно выборщиков штатах, как Нью-Йорк, Калифорния. Массачусетс, Техас. Сыграло свою роль и преимущество в финансировании. Ресурсы Ричарда явно уступали средствам, которые мог затратить на избирательную кампанию Джон, пользуясь поддержкой всего клана Кеннеди и связанных с ним боссов большого бизнеса. Далеко не последнюю

роль сыграло активное использование телевидения, причем не только в предвыборных дебатах, но и в ходе всей кампании. Не в пользу Никсона оказался и объективный фактор: выборы совпали с сокращением объема промышленного производства в 1960 году, что избиратели, естественно, связывали с недостатками действующей (республиканской) администрации, хотя в широком общественном мнении и осуждалось слишком активное вмешательство государственных органов в хозяйственные дела.

В результате 27 штатов послали в избирательную коллегию выборщиков, которые должны были проголосовать за Никсона, а 23 штата поручили выборщикам голосовать за Кеннеди. Но в багаже Джона оказались такие важнейшие штаты, как Нью-Йорк, Пенсильвания, Луизиана, Массачусетс, Техас, которые и обеспечили большинство мест в коллегии выборщиков. Единственным крупным штатом, проголосовавшим за Никсона, была его родная Калифорния. Да и там разница в голосах составляла чуть более половины процента{555}.

Впоследствии этот результат в публицистике трактовали по-всякому. Злопыхатели обращали внимание на слова одного из «отцов» итальянской мафии в США Сэма Джианканы, якобы сказанные им бывшей любовнице Кеннеди актрисе Джудит Кэмпбелл: «Если бы не я, твоему бой-френду вовек не видать Белого дома»{556}. Если даже эти слова были действительно сказаны, они ни о чем не говорят. Лживость и безответственность мафиозных боссов была не меньшей, чем их бандитская сущность. Возможно, отец Джона и склонил некоторые мафиозные структуры к поддержке демократического кандидата, но, во-первых, это не доказано, а во-вторых, если бы это и было так, то Никсон тоже, как нам известно из дальнейшего опыта, связанного с Уотергейтским делом, отнюдь не брезговал использовать в своей избирательной кампании незаконные методы.

Так или иначе, Джон Кеннеди стал 35-м президентом Соединенных Штатов Америки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ДЖОН КЕННЕДИ — ПРЕЗИДЕНТ

Глава 1.
ОТ ИЗБРАНИЯ ДО ИНАУГУРАЦИИ

Дальнейшее формирование программы

На рассвете 9 ноября вокруг дома Кеннеди заняли свои места агенты секретной службы или, точнее говоря, службы охраны президента. Сменяемые каждые несколько часов 16 дюжих молодцов в штатском, расположившиеся вокруг здания так, чтобы видеть друг друга, были первым материальным свидетельством того, что в Америке появился новый президент.

К тому времени, когда закончилась предвыборная битва и Соединенные Штаты обрели нового президента, положение страны несколько ухудшилось по сравнению с тем, каким оно было примерно за десятилетие до этого. Оно не выглядело столь ужасным, как пытались представить во время предвыборной кампании Кеннеди и его агитаторы, но и экономическая, и вытекавшая из нее внутриполитическая ситуация, и международные позиции Соединенных Штатов Америки оставляли желать лучшего.

Во второй половине 1950-х годов явно замедлились темпы экономического развития страны, которая переживала хозяйственный бум с первых послевоенных лет, производя примерно половину мировой промышленной продукции. В некоторых отраслях наблюдалось даже падение производства. Особенно спад был заметен в сталелитейной промышленности — за 1960 год загрузка сталелитейных предприятий сократилась с 96 до 49 процентов. Это не было кризисом в полном смысле слова, ибо ряд отраслей (электроэнергетика, радиоэлектроника и др.) увеличивали производство. В целом за 1960 год выпуск промышленной продукции вырос на 2,8 процента.

Требовалось использование государственного механизма для стимулирования экономического развития. Весьма важным рычагом являлись государственные заказы, которые в первую очередь направлялись в военную промышленность. Кеннеди стало ясно, что Соединенным Штатам будет трудно сохранить свое мировое первенство в промышленности, науке и образовании без новых правительственных заказов военным отраслям производства.

Избранного президента и его советников беспокоили и финансовые дела страны. С тревогой они наблюдали за оттоком золота из США и усилением дефицита платежного баланса. За

один 1960 год последний составил около четырех миллиардов долларов. На почве экономических трудностей усиливалось социальное недовольство.

Во время президентской избирательной кампании Джон Кеннеди всерьез познакомился с тем, что представляла собой нищета в казалось бы процветавшей стране. Правда, отдельные посещения кварталов городской бедноты, шахтерских поселков и тому подобных мест давали в основном эмоциональное представление о бедности. Джон познает ее глубже, изучая экономическую литературу, и в беседах со специалистами, в частности ставшими его советниками. Проблема нищеты оказывалась сопряженной с другими социальными вопросами — расовой дискриминацией, безработицей, состоянием здравоохранения и т. д. Избранный, но еще не приступивший к исполнению своих обязанностей президент счел, что решение или, по крайней мере, попытка решения этого комплекса вопросов является одним из приоритетов его государственной деятельности.

Не лучшими были внешнеполитические позиции Соединенных Штатов. С одной стороны, международные и внешнеторговые инициативы первых послевоенных лет значительно укрепили положение США в мире. Именно благодаря «плану Маршалла» произошло экономическое возрождение Западной Европы. Образование Организации Североатлантического договора (НАТО) способствовало оказанию противодействия советской экспансии за пределы «восточного блока».

В то же время в странах Западной Европы росло раздражение вмешательством США в их внешнеполитические дела и даже внутриполитические проблемы. Крупнейшим поражением американской внешней политики являлось установление коммунистической власти в огромном Китае, а затем и ничейный результат корейской войны, фактически означавший поражение западных союзников Южной Кореи.

С явно преувеличенными, но тогда казавшимися обоснованными опасениями был встречен приход к власти на Кубе леворадикальной группировки Фиделя Кастро в 1959 году, а затем и ориентация новых кубинских властей на Советский Союз. В южных штатах США, особенно во Флориде, росла кубинская иммиграция, лишившаяся положения и имущества на родном острове. Она всё более решительно и даже нагло требовала энергичных мер со стороны США для восстановления на нем антикоммунистического порядка.

Новый президент был явно озабочен положением своей

страны, тем, как ему придется решать возникавшие и нагромождавшиеся друг на друга проблемы. Именно на этом фоне выстраивалась вырабатываемая им при помощи советников и консультантов стратегия «новых рубежей», которая являлась не просто хлестким лозунгом, а целой системой государственных инициатив.

Предпосылкой к ее провозглашению стал сборник предвыборных выступлений Кеннеди «Стратегия мира». В предисловии к книге автор писал: «Главный смысл речей состоит в том, что мы остаемся в кризисном положении по двум причинам: во-первых, потому, что мы еще не выработали стратегию миропорядка, которая соответствовала бы новому миру, в котором мы обитаем; во-вторых, потому, что мы не платим ту цену, которой эта политика требует»{557}.

Кеннеди рассуждал о двух монопольных областях, которыми располагали ранее Соединенные Штаты Америки: во-первых, монополии экспортировать капитал и оказывать помощь Западной Европе и Азии и, во-вторых, монополии обладания атомным оружием вместе со средствами доставки его к цели. Обеим этим монополиям пришел конец, и Кеннеди трезво отдавал себе отчет в этом. Он, правда, переоценивал мощь, которую достиг СССР, и в его словах по поводу превосходства СССР над США в военной области явно слышалась непрестанно повторявшаяся во время предвыборной кампании страшилка, рассчитанная на американского обывателя. Джон отлично понимал, что СССР не имел паритета с Соединенными Штатами, значительно им уступал.

Но те факты, что в СССР было создано термоядерное оружие разрушительной мощности, во много раз превосходящее те атомные бомбы, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, что советские межконтинентальные ракеты поставили США перед угрозой разрушительного удара, были вполне правдивыми. При отсутствии формального паритета, при сохранявшемся огромном превосходстве США фактический паритет состоял в том, что территория США могла оказаться объектом ядерного удара СССР точно так же, как и территория СССР оставалась зоной, доступной для разрушительной американской атаки.

СССР оказался в значительно более уязвимом положении в связи с размещением американских ракет в Турции и Италии, и советский руководитель Н.С. Хрущев напряженно стремился найти стартовые площадки для советского ракетно-ядерного оружия поближе к территории США. Однако даже без этого межконтинентальные ракеты СССР были в состоянии достичь по

крайней мере восточного побережья заокеанской страны, включая столицу Вашингтон, крупнейшие центры Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию, Атланту и др.

Выступления Кеннеди после избрания, а также сведения, которые просачивались из его окружения, давали основание полагать зарубежным наблюдателям, что он будет проводить по отношению к СССР более сдержанную и даже более благожелательную политику, нежели Эйзенхауэр. В справке о новом президенте, составленной Первым главным управлением КГБ СССР, ведавшим разведкой, говорилось, что «после своего избрания Кеннеди через близких ему лиц и в неофициальных беседах давал понять, что он стоит за урегулирование советско-американских отношений». Еще в одном документе того же ведомства указывалось: «Судя по имеющимся данным, Кеннеди намерен проводить в отношении Советского Союза твердую, но гибкую политику, не допуская в то же время обострения советско-американских отношений до развязывания новой войны»{558}.

Кеннеди энергично высказывался в пользу сохранения и развития демократической формы правления. Вслед за У. Черчиллем, которого для себя он считал образцом не только в политике, но и в аргументации своей позиции, президент признавал ограниченность демократии, ее недостаточную способность гарантированно мобилизовывать массы и ресурсы в критические моменты. Но в то же время, опять-таки следуя за Черчиллем, Джон указывал на коренные преимущества демократии, на то, что лучшего способа правления для современной общественной жизни не существует.

Он говорил: «Слабости демократии по сравнению с тоталитарной системой велики. Демократия — это более высокая форма управления государством, так как она опирается на уважение к разуму человека. Но демократия выше в долгосрочном плане. В краткосрочном же у нее проявляются большие недостатки. Когда она вступает в гонку с системой управления государством, которая не стремится к постоянству, с системой, функционирующей главным образом для нужд войны, демократия, создаваемая прежде всего для нужд мира, может проиграть». Это была достаточно трезвая, объективная оценка, хотя и неполная, тех коренных преимуществ и тех тактических недостатков, которыми обладают демократические системы по сравнению с диктаторскими.

Джон Кеннеди объявил иллюзорной тактику освобождения территорий, оказавшихся в советской политической и военной орбите. Он высказывался за переговоры с СССР, которые носили бы конструктивный характер. При этом «конструктивность»

понималась прежде всего как возможность вести переговоры, опираясь на военную мощь своей страны. Только в этом случае они могут достичь ожидаемого результата. «Наша задача, — говорилось в книге, — состоит в том, чтобы восстановить нашу мощь и мощь всего свободного мира, чтобы убедить Советы, что время и историческое развитие не на их стороне, что баланс мировых сил не меняется в их пользу». Он указывал на необходимость разработать целую серию долгосрочных программ, которые увеличили бы силу некоммунистического мира{559}.

Свои вооруженные силы, и в частности ракетно-ядерные, США не должны использовать в качестве орудия первого удара. Они должны явиться средством «сдерживания». В то же время США должны наращивать обычные вооружения и вооруженные силы, способные вести «ограниченные войны» в разных районах земного шара. Кеннеди высказывал убежденность, что Североатлантический блок должен повысить свою эффективность, прежде всего путем более активного участия европейских стран в его военных расходах и проведении курса «сдерживания». Вооруженные силы НАТО должны быть перестроены в смысле унификации не только своего вооружения и организации, но и ответственности, полагал он{560}.

Книга «Стратегия мира» лишь косвенно касалась вопросов внутренней политики США. Сам факт наращивания военной мощи Соединенных Штатов Америки был связан с общим расширением промышленного производства и рынка труда, уделением большего внимания научно-техническим проблемам и т. д.

Однако это еще не была комплексная программа нового президента.

Таковую программу после проведения соответствующих исследований и консультаций со своим штабом Кеннеди попытался выдвинуть еще во время предвыборной кампании 14 июня 1960 года, выступая в сенате. Эта речь, получившая название «Время решений» (мы уже упоминали о ней в связи с самолетом У-2, сбитым над территорией СССР, а теперь рассмотрим по существу), содержала четко структурированный план действий на ближайшие годы.

Однако при подробном рассмотрении оказывалось, что опять-таки внешняя политика доминировала над внутренней. «Новые рубежи» Соединенных Штатов преимущественно рассматривались с точки зрения военной неуязвимости страны, расширения ее влияния в международных организациях. Подчеркивалась необходимость активных действий как в Европе, так и на периферии. Внутренних дел касался лишь один пункт общего

характера, состоявший в развитии сильной Америки с развивающейся экономикой, способной полностью удовлетворить новые правительственные планы.

Что же касается мировой политики, то здесь особое внимание уделялось странам третьего мира, учету неминуемой победы национальных сил в Азии и Африке, неизбежному концу колониальной эпохи. Соответственно, намечалось посылать в страны Азии и Африки большое число технических специалистов в качестве советников и привлекать в американские университеты молодежь из развивающихся стран для подготовки высококвалифицированных специалистов.

Под пристальным вниманием находились и страны советского блока. Предполагалось наметить гибкие и реалистические средства, которые можно было бы «держать в состоянии готовности» в случае возможных «мирных изменений» в той или иной стране. Прежние доктрины освобождения Восточной Европы, «массированного возмездия» Советскому Союзу признавались неудачными, являвшимися «ловушкой и заблуждением». Особое внимание во взаимоотношениях со странами Восточной Европы Кеннеди призывал уделять Польше как самому слабому звену советского блока{561}.

Отлично понимая необходимость дополнить курс «новых рубежей», пока еще только намечавшийся в самых общих чертах, более или менее конкретной программой внутренней политики, Кеннеди выступил инициатором разработки программного документа Демократической партии, созданного в основном летом того же 1960 года, но дополненного и уточненного уже после выборов.

В значительной степени это был демагогический документ, ибо в нем содержались обещания самым разным слоям населения, которые было крайне трудно совместить и, главное, выполнить за счет государственных ресурсов. Основные обещания адресовались рабочим и фермерам. Первым давались заверения, что будут ликвидированы трущобы, понижены налоги и расширено субсидируемое государством жилищное строительство, а также обеспечена полная трудовая занятость. Обещания фермерам были еще менее конкретными — в разных формах повторялось обязательство повысить их доходы. Еще менее определенно звучало заявление, что на чернокожее население США будут распространены все гражданские права{562}.

Безусловно, на программные установки штаба Кеннеди повлияли новейшие социально-экономические взгляды и теории американских ученых либерального направления, прежде всего

теоретические построения Джона Гэлбрейта. Профессор Гарвардского университета, в свое время учитель младших братьев Кеннеди Роберта и Эдварда, Гэлбрейт утвердил свое имя крупного научного авторитета мирового масштаба книгой «Общество изобилия», впервые изданной в 1958 году{563}.

Гэлбрейт критиковал мнение, что действующие на хозяйственном рынке силы находятся в состоянии реальной свободной конкуренции. Он считал, что «общество потребления» развивает экономический дисбаланс, направляя слишком много ресурсов на производство потребительских товаров и недостаточно — на общественные нужды и инфраструктуру. Он критиковал мнение, что государственные расходы не способны снизить безработицу, доказывал, что свободный рыночный капитализм в состоянии создавать «частное великолепие» и «общественную нищету», был убежден в необходимости, чтобы правительство в той или иной степени осуществляло экономическое планирование.

Ученый доказывал, что мотивация крупных корпораций зависит от влияния «техноструктуры» или ведомственного управления, что корпорациями управляет стремление к безопасности и расширению, а не только погоня за максимальной прибылью. Реклама виделась ему отчасти важным средством достижения власти на рынке и закрепления экспансии. Но в то же время корпорации сдерживаются «уравновешивающей силой» других фирм, профсоюзов, потребительских групп и правительств.

Будучи убежден в необходимости значительно укрепить государственный сектор экономики, профессор полагал, что при его помощи можно значительно повысить военно-промышленный потенциал США.

Познакомившись с работами Гэлбрейта, особенно с книгой «Общество изобилия», Джон Кеннеди нашел, что его собственные экономические предпочтения соответствуют теоретическим взглядам ученого. Гэлбрейт стал советником кандидата в президенты, а затем и избранного президента по экономическим вопросам и даже писал для него некоторые тексты выступлений.

Через много лет с обезоруживающей откровенностью Гэлбрейт сокрушался, что писать за кого-то другого — самый трудный литературный жанр: ведь надо всеми силами отрицать свое авторство. Зачем же так поступать? «Ни один экономист не имеет влияния, если он пишет только для других экономистов»{564}. Иначе говоря, когда пишешь «для начальства», есть надежда, что твои теоретические воззрения воплотятся на практике.

В формировании экономического мышления Кеннеди, в проведении его устами, статьями и действиями своих идей в жизнь Гэлбрейт видел реальную проверку правильности, практической применимости своих теоретических взглядов.

Рассматривая программу Кеннеди в области международных отношений, российские авторы А. Громыко и А. Кокошин усматривают противоречие между его здравыми высказываниями по проблеме разоружения и его же призывами к наращиванию военной мощи США. «Подобных противоречий в теории и практике “новых рубежей” было немало, они отражали настроения самых различных слоев американского общества, часто диаметрально противоположные»{565}.

Действительно, противоречивые интересы различных групп американцев вынуждали кандидата в президенты, а затем и президента балансировать, идя на уступки различным силам, порой давая необоснованные, иногда даже просто невыполнимые обещания. В этом состояла американская демократия с ее великими достижениями и непосредственно вытекавшими из них слабостями.

Но вот в выступлении за разоружение и одновременном наращивании военной мощи США противоречие найти трудно. Это были две стороны одной и той же монеты. Правившие группы США, и президент Кеннеди со своим окружением прежде всего, отлично понимали, что плодотворные переговоры о разоружении можно вести с СССР, коммунистическим Китаем и другими странами «восточного блока», только обладая необходимыми силами сдерживания агрессии, отпора ей, то есть — с позиции силы.

Предынаугурационное интермеццо

После выборов совершенно измученный Кеннеди решил отдохнуть. Он побывал на ранчо Линдона Джонсона в Техасе, пробыл неделю в семейном имении в Палм-Бич во Флориде, затем возвратился в Вашингтон, где в конце ноября вместе с Жаклин, дочерью Кэролайн и другими членами семьи отпраздновал День благодарения. После этого Джон снова направился в Палм-Бич, чтобы еще на несколько дней продлить отпуск. Он летел на самолете, приобретенном во время предвыборной кампании и названном им по имени дочери «Кэролайн».

Однако на борту самолета он получил экстренное сообщение: беременная Жаклин была срочно отправлена в больницу, так как у нее начались преждевременные роды. Совершив посадку в

Палм-Бич, Джон решил немедленно возвратиться в Вашингтон и на обратном пути узнал, что роды прошли сравнительно благополучно — Жаклин родила мальчика, которому родители предварительно уже дали имя — Джон-Джон — в честь и отца, и деда по материнской линии, и прадеда по отцовской (отца Розы). Правда, роды были очень трудными, в течение пяти дней ребенок находился в специальной камере{566}.

Радость в связи с появлением сына была нескрываемой. Джон поделился новостью с журналистами, сопровождавшими его. Те жаждали теперь как можно скорее попасть в свои редакции, чтобы оповестить читателей, и избранный президент поспособствовал этому.

Вместо завершения отдыха во Флориде Джон провел оставшиеся свободные дни с женой и новорожденным ребенком, а вслед за этим вместе с ними отправился в имение Хью Очинклосса, где с удовольствием учил дочь Кэролайн кататься на пони (обычно занимавшаяся этим Жаклин была теперь полна заботами о Джоне-младшем). Рождение сына привело к новому сближению Джека и Джеки, отношения между которыми в последние годы стали прохладными. Жаклин, как и в первое время после свадьбы, заботилась, чтобы муж хорошо питался, чтобы у него было достаточно времени для отдыха. Особенно ее интересовало, что говорит Кэролайн о появившемся братике. Что же касается отца, то «он был в полном восторге», — вспоминала Луэлла Хеннесси, опытная няня, ухаживавшая за ребенком и помогавшая Жаклин{567}.

В соответствии с традицией избранный президент 6 января встретился с бывшим. Сдерживая негативные эмоции по отношению к политическому новичку, прославленный генерал всё же отметил несколько глупостей, которые, по его мнению, Джон произнес, а за ним их стала повторять его предвыборная команда.

Главной из этих глупостей являлась версия о стратегическом отставании США от СССР. Эйзенхауэр посоветовал Кеннеди обращаться с лозунгами поосторожнее. Он доходчиво объяснил более чем сорокалетнему «юноше», что США обладают превосходством хотя бы потому, что в их распоряжении находятся ядерные подводные лодки «Поларис», несущие постоянное боевое дежурство вдоль всей береговой линии СССР (тут генерал явно преувеличил, ибо, скажем, Средиземное море отнюдь не являлось таковой линией, а в Черное море лодки «Поларис» не заходили). Кеннеди почтительно выслушал суждения уходящего президента, отлично поняв, что впредь ему надо будет вести себя, особенно в связи с международными делами, более осмотрительно{568}.[35] Тем не менее тезис о якобы существовавшем отставании США от

СССР в области ракетно-ядерного оружия новый президент порой продолжал использовать по сугубо политическим соображениям.

Во время беседы Эйзенхауэр значительно изменил свое мнение о Кеннеди. «На президента произвело большое впечатление, что молодой человек (Джон действительно казался юным генералу, который был старше его на 27 лет. — *Л. Д., Г. Ч.)* разбирается в мировых проблемах, ставит глубокие вопросы, схватывает суть проблем, обладает гибкостью ума», — вспоминал присутствовавший на встрече сотрудник Кеннеди Вилтон Персоне. В свою очередь, Кеннеди после встречи говорил своим сотрудникам, что он лучше понял секрет успеха и личность военного героя и уходящего на покой президента{569}.

После беседы бывшего президента с действующим, к которой присоединилась Жаклин Кеннеди, Эйзенхауэр решил слегка развлечь своих гостей. Он похвастал, что по его распоряжению за несколько минут на лужайку Белого дома будет подан вертолет. Действительно, через три минуты президентский воздушный корабль был готов к полету, и вся троица отправилась в резиденцию Кемп-Дэвид, находящуюся в соседнем штате Мэриленд, где разговор и завершился. Правда, затрагивались уже исключительно бытовые темы{570}.

Ко времени избрания и тем более вступления в должность Кеннеди был твердо убежден в необходимости создания сильной, хотя, разумеется, не выходящей за пределы конституционно-демократических норм президентской власти.

Любопытно, что еще в декабре 1958 года на банкете, устроенном журналистами, он рассказал анекдот, почти дословно, за исключением имен и крохотных сюжетных вариаций, повторявший советский вариант (а может быть, наоборот, в СССР совершили «интеллектуальное воровство» и перевели анекдот Кеннеди на русский язык). В варианте Кеннеди речь шла якобы о сне, который ему приснился в связи с будущими выборами 1960 года. К нему, мол, явился Бог и назначил президентом США. Он рассказал об этом сне сенаторам Саймингтону и Джонсону, которые также претендовали на президентский пост. Саймингтон в ответ поведал, что и ему снился подобный сон, но Бог назначил его еще и президентом космоса. В свою очередь, Джонсон поделился, что и ему приснился сон, в котором он не назначил на столь высокие посты ни того ни другого{571}.[36]

Хотя Кеннеди баллотировался в президенты через 28 лет после первого избрания Ф. Рузвельта и в совершенно иную эпоху, некоторые особенности личностей и жизненных путей обоих видных американцев были сходными. Оба они были людьми, страдавшими тяжкими недугами, мужественно преодолевавшими

их, стремясь, чтобы об их страданиях знали как можно меньше. Оба происходили из очень богатых семей, но никогда не хвалились своим богатством и жили весьма скромно. Оба были женолюбами и после кончины стали предметом всевозможных слухов и пересудов в «желтой» прессе.

Наконец, один эпизод, причем в сходный переломный момент, чуть было не закончился трагически для обоих президентов, но им, можно сказать, повезло. Мы имеем в виду покушение на жизнь Рузвельта и подготовку покушения на жизнь Кеннеди как раз в промежутке между избранием и вступлением в должность. Покушение на Рузвельта было совершено 15 февраля 1933 года во время его выступления в городе Майами (штат Флорида), когда анархист Дж. Зангара произвел в него несколько выстрелов, но не попал{572}.

Покушение на Кеннеди готовилось, но не состоялось, причем события происходили в той же Флориде. Некий Ричард Паулик, 72-летний пенсионер, бывший почтальон, привязав к себе несколько динамитных шашек, утром 11 декабря 1960 года подъехал на своей машине к особняку Кеннеди в Палм-Бич и стал ждать, когда Кеннеди поедет в церковь на воскресную мессу — чтобы взорвать себя вместе с ним. Он смог бы, возможно, осуществить убийство, несмотря на то, что дом охраняли агенты секретной службы. В кармане Паулика лежала записка: «Я считаю, что семья Кеннеди купила пост президента и Белый дом. Я решил покончить с ним единственным доступным мне способом».

Однако Джон вышел на крыльцо вместе с Жаклин и двумя крохотными детьми. Паулик решил, что семья ни в чем не виновата, и отложил покушение. Но повторить его этому террористу уже не удалось — через четыре дня он был арестован, а в его автомобиле были обнаружены десять динамитных шашек. Сам арест был произведен в связи с тем, что перехватили его открытку с текстом: «Скоро обо мне весь наш город услышит!» Два года этого Паулика держали под арестом, но потом он был признан невменяемым и отправлен в психиатрическую больницу, где и провел остаток своих дней (умер в 1975 году){573}.

Перед вступлением в должность Джон совершил важную финансовую операцию, избавившись от многочисленных акций промышленных, торговых, финансовых институций — прибыльных денежных бумаг, которыми он располагал. Газета «Нью-Йорк тайме» сообщила: «Он сделал это, чтобы не произошли какие-либо финансовые конфликты после вступления в должность президента 20 января. Средства, полученные от продажи акций, он вложил в правительственные займы — займы федерации, штатов и муниципалитетов. Мистер Кеннеди…

решил, что средства, которые он будет получать во время пребывания в Белом доме, также пойдут на правительственные займы»{574}.

Одновременно было сообщено, что Кеннеди отказывается от президентского жалованья, не вытребовав даже того одного доллара в год, который принято было платить очень богатым людям, находящимся на государственной службе.

Вступление в должность и формирование исполнительной власти

20 января 1961 года в центре столицы США на обширной площадке Капитолия — здания, в котором заседают обе палаты конгресса, состоялась инаугурация нового американского президента — трижды первого на этом посту — первого ирландца, первого католика, первого по молодости, да еще и родившегося в XX веке — в том самом бурном 1917 году, когда США вступили в мировую войну, а в России произошла революция, оказавшая огромное влияние на мировую историю.

День был ветреный. Сначала шел редкий для Вашингтона густой снег, и были даже использованы огнеметы, чтобы очистить центр от сугробов. Затем потеплело и полил дождь. К середине дня, однако, прояснилось, и участники церемонии сочли это добрым предзнаменованием, хотя по-прежнему дул ледяной ветер.

Несмотря на отвратительную погоду, на огромном пространстве непосредственно под Капитолийским холмом — на вытянутом зеленом прямоугольнике, так называемом «национальном моле», по обе стороны которого расположены величественные здания национальных музеев Соединенных Штатов Америки, собрались десятки тысяч зрителей, которые стремились своими глазами увидеть волнующую процедуру, приобщиться к сильным мира сего.

Нового президента благословил католический кардинал Ричард Кашинг, являвшийся архиепископом Бостона еще с 1944 года и отлично знавший семью Кеннеди. Джону было особенно приятно его благословение на служение американскому народу, так как кардинал отличался широтой взглядов, веротерпимостью и мускулинным стилем общения с верующими{575}.

Джон Кеннеди произнес краткие слова президентской клятвы: «Торжественно заявляю, что буду ревностно исполнять должность президента Соединенных Штатов и приложу все усилия к тому, чтобы соблюдать, ограждать и защищать Конституцию Соединенных Штатов Америки».

Важной новинкой для инаугурации, которая должна была продемонстрировать направленность президентских раздумий, было приглашение в качестве почетных гостей более 150 видных представителей науки, литературы и искусства. Среди них были писатели Роберт Фрост, Артур Миллер и Джон Стейнбек, композитор и дирижер Игорь Стравинский, философ Пауль Тиллих, химик Лайнус Полинг, протестантский теолог Рейнгольд Нибур.

Принеся клятву верности американскому флагу и американскому народу, которую принял председатель Верховного суда Эрл Уоррен, Джон Фицджералд Кеннеди обратился к нации с кратким словом. Речь особого впечатления не произвела. Она выглядела традиционной, даже тривиальной — вновь выражалась готовность следовать заветам отцов-основателей, идеям американской революции.

Наблюдатели, однако, обратили внимание на то, что новый президент посвятил непропорционально значительную часть своего выступления странам, недавно освободившимся от колониализма. Оратор заявил, что США будут оказывать им помощь не потому, что так поступают коммунисты, а в силу принципа, по которому свободное общество должно помогать многим бедным и этим спасти немногих богатых. Недоумение вызвали и те слова Кеннеди, которыми он определил страны советского блока не в качестве противников США, а как государства, которые «могли бы стать нашими противниками». Касаясь вечной темы взаимоотношений с СССР, новый президент произнес: «Давайте не будем вести переговоры из страха, давайте не будем бояться переговоров».

При этом, вновь была подчеркнута необходимость сохранения и наращивания военной мощи США. Именно это, по существу дела, и скрывалось за торжественными словами речи, значительная часть которой была обращена к молодому поколению американцев: «Факел передан новому поколению нашей страны, закаленному в годы войны, дисциплинированному трудными и горькими годами мира, поколению, которое взяло на себя защиту свободы во время наибольшей опасности». Новый президент призывал к совместной борьбе американцев «против общих врагов всех людей — тирании, бедности, болезней и войны».

В золотой фонд американской риторики вошли слова Кеннеди, которые ныне выгравированы на специальной плите, установленной на его могильном холме на Арлингтонском воинском кладбище в окрестностях Вашингтона: «Ныне нас вновь зовет труба. Но не к оружию, хотя и оружие нам необходимо, не

на битву, хотя мы закалились в битвах. Она зовет нас взять на себя бремя долгой, на многие годы, незаметной борьбы. Поэтому, мои сограждане-американцы, не спрашивайте себя, что может для вас сделать ваша родина, спрашивайте, что вы можете сделать для нее»{576}.

Это был, разумеется, ораторский пассаж, не имевший глубокого внутреннего содержания, ибо родина, под которой понималось государство, как раз для того и существует, чтобы заботиться о своих гражданах. Точно так же долгом граждан является честно выполнять государственные законы, если они не вступают в противоречие с главной ценностью — коренными интересами человеческой личности. У Кеннеди получилось невольное противопоставление одного другому. И тем более мужественным выглядело его обращение к согражданам с призывом служить отчизне, что обычно в президентских инаугурационных речах содержалось обещание благ различным социальным группам населения.

Впрочем, этот противоречивый пассаж оценивался по-разному. Один из биографов Кеннеди, Г. Фарлай, заметил: «По какому праву лидер свободного народа связывает его обязательством, а это было не что иное, как обязательство, заплатить любую цену, нести любое бремя, вынести любые страдания, когда их страна не находилась в состоянии войны и не подвергалась прямой угрозе?»{577} Сопоставление слов Кеннеди с этой оценкой воочию показывает, что она чрезмерно заострена. Американский историк А. Мэтьюсоу писал через два с лишним десятилетия: «Настолько блестящим был собственный образ, созданный Кеннеди в этот день для его соотечественников, что ни политические катастрофы, ни даже достижения никак не могли его затуманить»{578}.

Не обошлось без небольшой накладки. 86-летний поэт Р. Фрост написал стихотворение, посвященное новому президенту, и должен был прочитать его на торжестве. Но солнечные лучи и свет прожекторов, направленных прямо на него, не дали возможности почти слепому поэту разглядеть текст. Вице-президент Линдон Джонсон попытался помочь, снял шляпу и заслонил ею Фроста от солнца. Но это не помогло. Жаклин Кеннеди вспоминала: «Он (Фрост. — *Л, Д., Г. Ч.)* выглядел так, как будто собирался заплакать»{579}. С огромным трудом поэт собрался с силами и вынужден был ограничиться декламацией своего старого произведения, которое хорошо помнил. Тем не менее его классическое произведение «Дар навсегда» прозвучало великолепно и оказалось вполне соответствующим моменту. Фрост с вдохновением декламировал:

Мы всё искали, где же наша слабость,
Пока не поняли, что отделили
Себя от той земли, где мы живем,
И отдались ей, и нашли спасенье.
Мы уступили раз и навсегда,
Не побоявшись воевать за это,
Стране, туманно охватившей запад,
Где всё: народ, история, искусства —
Всё предстояло, в ней одной теперь{580}.

Непосредственно после инаугурации Дуайт Эйзенхауэр передал Кеннеди небольшой, но довольно тяжелый кейс под кодовым названием «Футбол», в котором находился документ исключительной важности «Инструкция о порядке действий президента в чрезвычайной обстановке». Эйзенхауэр еще раз разъяснил то, что Кеннеди было уже хорошо известно: этот кейс будут каждые восемь часов передавать друг другу из рук в руки закрепленные за президентом офицеры секретной службы. В то же время только у самого президента в потайном кармане находилась пластиковая карта — ключ к чемоданчику, — которая давала возможность передать соответствующий приказ.

Между прочим, изобретение карты-ключа, только появившейся на свет, было началом поступательного перехода в США, а затем и в других странах к использованию пластиковых карт в качестве удостоверений личности для самых разнообразных целей — от открывания дверей до получения денег в кассовых автоматах.

Церемония завершилась исполнением марша «Салют вождю», после чего супруги Кеннеди, почти не отдыхая, посетили целый ряд балов, устроенных в их честь в ряде ресторанов Вашингтона. Их сопровождали гордые отец и мать Джона. Основатель клана демонстративно надел то самое пальто, которое носил более двадцати лет назад, будучи послом в Великобритании. По его словам, пальто «даже не потребовало переделки»{581}.

За инаугурацией последовало появление массы новых людей в высшем государственном аппарате страны.

В промежутке между выборами и инаугурацией был сформирован кабинет министров, в котором ответственные посты получили наиболее верные соратники, люди, на которых Кеннеди мог вполне положиться. Он определил также состав ответственных сотрудников Белого дома, которые должны были стать его непосредственными помощниками во взаимоотношениях с другими отраслями власти, с прессой, с

дипломатическим корпусом, в подготовке выступлений и, главное, в определении стратегической линии президента по важнейшим внутренним и международным проблемам.

Достаточно сказать, что важный пост министра юстиции (по традиции эту должность именуют *attorney general* — буквально генеральный прокурор, хотя никакого отношения к прокуратуре в европейском смысле она не имеет) получил младший брат президента Роберт Кеннеди. По поводу этого в прессе появилось немало критических, язвительных и просто негодующих откликов. Республиканцы сравнивали поведение нового президента с позицией его предшественника по отношению к своему младшему брату Милтону Эйзенхауэру — человеку сильного характера и блестящему организатору. Эйзенхауэр подумывал о назначении Милтона на ответственный государственный пост, но, опасаясь критики, так и не сделал этого.

Джон Кеннеди не последовал его примеру. Правда, вначале колебался. Он понимал, что его будут упрекать в непотизме. Возникали и сомнения другого рода. Одному из своих сотрудников Кларку Клиффорду избранный президент говорил: «Я озабочен тем, что Бобби никогда не занимался практическими юридическими делами. Да Боб и сам говорит, что он не хочет этой работы — он думает, что это мне повредит. Я охотнее послал бы его в министерство обороны в качестве второго человека, а после этого он через некоторое время смог бы продвинуться на вершину, или, может быть, ему следует быть в Белом доме и мне помогать»{582}.

Однако на назначении Роберта на один из самых ответственных государственных постов (непременно на уровне ответственного министра) упорно настаивал отец, и это, пожалуй, был единственный кадровый вопрос, по которому Джон пошел навстречу Кеннеди-старшему. Впрочем, каких-либо других настоятельных требований тот не высказывал.

Однако совершенно независимо от пожеланий родителя назначение брата Роберта на высокий государственный пост министра юстиции для Джона было особо важным. Смехотворные ремарки по поводу того, что Роберт как-никак обладал опытом работы в качестве советника сенатского комитета по расследованию преступности, над которыми вначале просто издевались в прессе, вскоре стали перекрываться действительно умелой и самоотверженной деятельностью главы юридического ведомства и наиболее доверенного и ответственного советника президента.

Став членом правительства, Роберт оказался в центре

политических бурь начала 1960-х годов и эффективно помогал брату вершить государственные дела. Он продолжал проявлять свои великолепные качества организатора, человека дела, смог компетентно возглавить правовую систему государства, но, главное, фактически стал своеобразной тенью брата, выполняя ответственнейшие и порой двусмысленные задания так, что заинтересованным людям было ясно, что все его действия осуществляются по воле президента, который по тем или иным причинам не может сам выходить на первый план. Особенно ярко это проявилось во время Кубинского кризиса, о чем мы расскажем ниже.

Отмечая важность роли Роберта Кеннеди в администрации его брата, У. Манчестер обращает внимание на такую деталь: у вице-президента Линдона Джонсона был только один телефон для связи с Белым домом, в то же время у Роберта, помимо главного прямого телефона, были еще два — у входа в домашний бассейн и возле теннисного корта{583}.

В семье подумывали и о продвижении самого младшего брата. В 1962 году 28-летний Эдвард, пропустив промежуточную ступень — членство в палате представителей, — был выдвинут на пост сенатора от всё того же штата Массачусетс и без особого труда, пользуясь покровительством и поддержкой старших братьев, добился положительного результата, став, в свою очередь, одним из самых молодых сенаторов.

Ответственные государственные посты получили и мужья сестер, а также члены предвыборного штаба.

Это не был непотизм. Родственность и близость здесь совпадали с высокими организаторскими, деловыми качествами. Но конечно же немалую роль играло и то, что речь шла о людях надежных, на которых президент мог опереться. Впрочем, некоторые лица, занявшие ответственные государственные посты, не проявили необходимых высоких качеств, в чем Джону Кеннеди пришлось убедиться уже через несколько месяцев, когда разразилась первая фаза военно-политического кризиса вокруг Кубы.

Вышеуказанному событию, однако, еще предстояло случиться. Пока же из враждебно настроенных по отношению к новому президенту кругов распространились лишь злобные высказывания, подобные этому: «Трумэн доказал, что президентом может быть каждый, Эйзенхауэр доказал, что страна может обойтись без президента, Кеннеди доказал, что стране опасно иметь президента».

Только ко времени вступления на президентский пост у Джона Кеннеди в основном завершилась выработка такого

важного качества политического деятеля, как умение работать с необходимыми людьми, даже в тех случаях, когда они обладали не очень приятными чертами характера, вызывали раздражение и вообще отрицательные эмоции. Кеннеди научился понимать, что то лицо, которое сегодня является политическим врагом, через некоторое время может оказаться союзником или сотрудником. Именно так произошло с Линдоном Джонсоном, который был наиболее упорным соперником во время предвыборной кампании, а в качестве вице-президента стал органической составной частью команды лидера.

Жаклин Кеннеди вспоминала, что ее супругу неприятен был губернатор штата Техас Джон Коннели. Первая леди и сама вполне разделяла это чувство. Незадолго до поездки в этот штат, которая оказалась роковой, Жаклин сказала Джону, что Коннели груб и что она вообще ненавидит его. Муж-президент ответил: «Не говори так. Если ты станешь говорить или думать, что ты ненавидишь кого-нибудь, на следующий день ты будешь действовать соответственно… Мы едем в Техас, чтобы залечить [имеющиеся разногласия], а ты сделаешь всё это невозможным»{584}.

Джон Кеннеди весьма серьезно отнесся к формированию своего правительства, использовав для этого современные методы системного анализа, психологические тесты и проверки при назначении на ответственные должности.

Здесь он безусловно проявил себя как новатор. Далеко не всегда, правда, новое слово оказывалось наилучшим. Формальный подход при подборе кадров подчас давал сбои. Но в целом он свидетельствовал, во-первых, о стремлении подобрать в кабинет наиболее подготовленных специалистов; во-вторых, об отсутствии у президента особых личных предпочтений и даже, как полагали некоторые, о неблагодарности по отношению к тем, кто поддержал его, подчас даже жертвуя собственными интересами. В качестве примера часто приводили опыт Эдлая Стивенсона, который явно рассчитывал на пост государственного секретаря (министра иностранных дел), но вместо этого вынужден был удовлетвориться должностью постоянного представителя США в ООН. Стивенсон, по мнению Кеннеди, был слишком крупной фигурой, чтобы занять министерский пост — он явно оттеснил бы президента от определения окончательных решений. Вспомним также, что между обоими политиками были натянутые личные отношения, осложненные предыдущими схватками и соперничеством в 1956 и 1960 годах.

Кеннеди стремился сочетать несколько подходов к формированию кабинета — в нем должны быть представлены,

считал он, интересы основных групп большого бизнеса, от поддержки которого в значительной степени зависела прочность его власти, представители различных религиозных, этнических и географических общностей; члены правительства должны быть относительно молодыми, крепкими людьми, способными выдержать интенсивное физическое, умственное и нравственное напряжение, обладавшими хорошими способностями, но не стремившимися особенно выделиться — во всех вопросах окончательное слово должно было принадлежать президенту. Министров и других глав ведомств, а также высший ведомственный персонал следовало подбирать так, чтобы эти люди являлись знатоками своего дела — если не специалистами в прямом смысле слова, то по крайней мере обладающими высокой компетенцией, организаторским талантом и способностью нетривиально мыслить.

В полной мере эти требования удовлетворить было невозможно хотя бы в силу законов или неписаных правил. Прежде всего, речь шла о министрах, связанных с руководством вооруженных сил, — ими должны были стать не генералы вкупе с адмиралами, а люди штатские. А таковых министерских постов было четыре — помимо министра обороны, в кабинет входили министры сухопутных сил, военно-морского флота и военной авиации.

Для подбора руководителей ведомств и других высших чиновников в штабе Кеннеди создали специальную «группу охоты за талантами» в составе двух отделов.

Один из них во главе с Ларри О'Брайеном вел поиск кандидатов, исходя из лояльности президенту, политических талантов и амбиций возможных претендентов, учета групповых интересов в Демократической партии, а также вне ее и т. п. При этом особо подчеркивалось, что членам и сторонникам Демократической партии следует отдавать предпочтение только при прочих равных условиях. Разумеется, Кеннеди выиграл выборы именно как представитель своей партии, но, как не раз отмечали позже его сотрудники, он всегда обращался к общественным деятелям, политикам и просто гражданам, независимо от того, являлись ли они приверженцами демократов{585}.

Во главе второго отдела был поставлен Сарджент Шрайвер, муж сестры президента Юнис. Задача этого подразделения состояла в том, чтобы провести анализ требований к кандидатам на государственные посты с чисто профессиональной точки зрения, а затем уже вести подбор соответствующих конкретных лиц{586}.

«Группа охоты за талантами» стремилась использовать нетрадиционные методы оценки качеств людей, выдвигаемых на те или иные должности. При этом широко применялся опыт частного бизнеса, например, метод оценки деловых качеств на основании динамики развития заработной платы кандидата, числа работников, находившихся в его подчинении на разных этапах деловой карьеры, и т. п. В особой степени проверялась политическая лояльность. Была даже выработана соответствующая шкала степени поддержки Кеннеди во время предвыборной кампании.

В какой-то мере эти методы понизили степень субъективности при подборе кандидатов на высшие государственные посты. Но постепенно, и довольно быстро, члены штаба Кеннеди и даже сами участники «группы охоты за талантами» убеждались в формализме такого подхода к подбору кадров и отказывались от него. В конце концов возобладал старый способ субъективной оценки с учетом личных связей, влияния бизнеса и партийной машины, региональных и религиозных факторов, которые должны были обеспечить поддержку правительства разными слоями и группами населения.

В результате политики первого ранга, стремившиеся к достижению высших государственных постов, в кабинет не вошли. Кеннеди с подачи не столько «группы охоты за талантами», сколько своего клана, прежде всего младшего брата, но также супругов сестер и близких советников, стремился расставить кадры так, чтобы он мог единолично направлять их решения, исправлять в случае необходимости ошибки, не вступая в острые конфликты, короче говоря, быть хозяином не только в Белом доме, но и в пределах всей государственной администрации на ее исполнительном фланге.

В отличие от ответственных лиц, входивших в аппарат Эйзенхауэра, которые были относительно автономными, Джон Кеннеди прилагал все силы, чтобы держать рычаги исполнительной власти в собственных руках. Парадоксально, но сугубо гражданский человек оказался несравненно более авторитарным, чем боевой генерал. Именно с этой точки зрения Кеннеди изучал сведения о кандидатах на государственные должности, знакомился с рекомендациями и беседовал с десятками кандидатов. Сотрудники отмечали, что у него был просто талант, своего рода инстинкт в определении перспектив того или иного лица, его мотивов включиться в деятельность администрации{587}.

Основным критерием в подборе сотрудников Джон считал твердость в проведении принятых решений. Шрайвер вспоминал,

что, каким-то образом узнав об этом, претенденты на должности подчас звонили ему как «охотнику за талантами» и всячески доказывали свою твердость и энергичность. Таких лиц отвергали почти с ходу. Под твердостью Кеннеди понимал способность работников выдерживать давление со стороны всевозможных лоббистов, осуществлять намеченные задачи в течение длительного времени, несмотря на самые серьезные препятствия{588}. Можно, конечно, поспорить с автором этого суждения, имея в виду, что нередко такого рода твердость на поверку оказывается обычным упрямством, не принимающим во внимание изменение обстоятельств, новую постановку целей и т. д. Скорее всего, Кеннеди просто случайно произнес эти слова Шрайверу, а он их исправно повторил как незыблемую истину.

Значительно обоснованнее утверждение Кларка Клиффорда, что Кеннеди решительно пренебрегал партийными соображениями при подборе кандидатов на государственные должности, что по своему инстинкту, темпераменту и связям он никогда не был догматическим приверженцем Демократической партии, что его принадлежность к демократам предопределялась скорее семейной традицией. Кеннеди говорил: «Я могу использовать несколько умных республиканцев. В любом случае мы нуждаемся в министре финансов, который сможет говорить с людьми Уолл-стрит, называя их по имени»{589}.

Лишь один пост в высшей исполнительной власти был предопределен заранее — пост вице-президента. В своем выборе Джон Кеннеди не разочаровался. Линдон Джонсон проявил высокую степень лояльности, не предпринимал ни одного шага, не произносил ни одной речи, предварительно не согласовав их с президентом.

Подавляющее большинство авторов, пишущих о президентстве Кеннеди, полагает, что Линдон Джонсон выполнял в администрации Кеннеди своеобразные функции. Будучи значительно старше президента и имея несравненно больший политический опыт, он с полным основанием полагал, что станет одним из наиболее авторитетных советников молодого главы исполнительной власти. Между тем Джон был уверен, что Линдону вполне достаточно того почетного места, которое он занял в администрации. Ни конституция, ни другое законодательство не определяют конкретные функции вице-президента, за исключением того, что он председательствует в сенате без права голоса (голосует только в том случае, если возникает ничейное положение — равенство голосов) и вступает на пост президента, если президент досрочно прекращает исполнение своих обязанностей. В остальном вице-президент

занят лишь тем, что выполняет конкретные президентские поручения.

Расчет Джонсона на занятие реального второго места в администрации оказался тщетным. Его просто не допустили в круг ближайших советников Кеннеди, не приглашали на совещания, где обсуждались наиболее острые вопросы. Когда же он на президентских совещаниях присутствовал, то вначале пытался проявить активность, но на него почти не обращали внимания, и он фактически перестал говорить. На заседаниях правительства и Национального совета безопасности он обычно отмалчивался и выступал только в тех случаях, когда глава исполнительной власти просил его высказать свою точку зрения. Как правило, делалось это очень редко и по незначительным вопросам.

Джонсон несколько раз выполнял поручения Кеннеди, главным образом связанные с делами в его родном штате Техас (в основном это были переговоры с предпринимателями в области нефтяной промышленности и производства вооружений), однако главное, чем он вынужден был заняться, — это исполнение представительских миссий. Подсчитано, что за время президентства Кеннеди Джонсон посетил 33 страны, однако везде его воспринимали не как самостоятельного политика, а лишь как посланца, передающего мнение высшего лица. Заслуживает внимание оценка Т. Уайта: «Джонсон явился на выборы 1960 года с уязвленной гордостью, которая подверглась новым испытаниям за три года его пребывания на должности вице-президента. Отношения между вице-президентом и штатом Кеннеди были прохладными, наполненными подозрительностью. Джонсон оставался на подступах к власти». Тот же Уайт приводил слова кого-то из членов Совета национальной безопасности (фамилия не называлась), который вспоминал, как вице-президент, обычно не выступая на заседаниях, лишь сжимал пальцы так, что белели суставы{590}. Другой автор заметил, что у Джонсона было ощущение, что за ним следят, а его телефонные разговоры прослушивают, и можно было лишь догадываться, «какие мрачные мысли одолевали его по поводу собственного политического будущего»{591}.

Учитывая вышеприведенные факты и мнения, отношения президента и вице-президента никак нельзя назвать безоблачными. Оба они хорошо помнили те обвинения и упреки, порой весьма острые и грубые, которые бросали друг другу во время предвыборной кампании. При этом следует признать, что степень лояльности Джонсона оказалась выше, нежели та, которую проявил Кеннеди. Последний, как правило, игнорировал

вице-президента, не привлекал его, несмотря на огромный политический опыт, обширные связи и хватку, к выработке ответственных решений. Работа Линдона, помимо представительства, состояла в выполнении отдельных, внезапно возникавших поручений Джона, поездках за рубеж в качестве своего рода пожилого мальчика на побегушках и т. п. Однажды Кеннеди почти случайно спросил Джонсона, каково его мнение по вопросу о гражданских правах. Тот холодно ответил, что не может ничего сказать по этому поводу, так как никто не позаботился о том, чтобы снабдить его необходимой информацией{592}.

Итоговую оценку роли Линдона Джонсона в правительстве можно прочитать в книге У. Манчестера: «Джонсон обнаружил, что он дублер без роли. Политически он был равен почти нулю, не имея основы, на которую можно опереться… Джонсон был ранее полон сил, теперь стал анемичным»{593}.

Если иметь в виду, что недолгое пребывание Джона Кеннеди на президентском посту было связано прежде всего с несколькими острыми международными кризисами, особо важное значение приобретал выбор министра обороны. Этот пост занял президент компании Форда Роберт Макнамара — первый деятель не из семейства Фордов, который возглавлял знаменитую компанию. Это был человек высоких способностей. На год старше Джона Кеннеди, он в 21 год окончил Калифорнийский университет в городе Беркли, а в 23 года стал профессором Школы бизнеса Гарвардского университета. Позже Макнамара стал известен во всем деловом и политическом мире как эффективный менеджер огромной фирмы, который, по оценке весьма авторитетной в финансовых кругах газеты «Уолл-стрит джорнэл», «знал, как расходуется каждый доллар»{594}. Вначале новый президент предполагал назначить Макнамару министром экономики, но переменил решение, полагая, что высокие организаторские способности Роберта Макнамары особенно пригодятся в военном ведомстве.

Макнамара недолгое время сомневался, принимать ли ему явно убыточное в финансовом отношении предложение: ведь он менял оклад в 370 тысяч долларов в фирме на чуть ли не нищенскую заработную плату министра в 20 тысяч. Однако соображения престижа взяли верх. В какой-то мере, видимо, сказалось и чувство гражданской ответственности.

Уже весьма пожилой и отошедший от дел основатель фирмы Генри Форд порекомендовал ему принять высокий государственный пост{595}. Возглавив Пентагон (наименование огромного пятиугольного здания военного министерства, сооруженного в пригороде Вашингтона Арлингтоне, штат

Виргиния, в 1940-х годах, перешло на само ведомство), он фактически стал руководителем трех отраслевых военных министров — сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил. Немаловажную роль в Пентагоне стал играть и заместитель министра обороны Россуэл Хилпатрик, служивший ранее заместителем министра военно-воздушных сил, а теперь ставший верным и четким исполнителем воли министра обороны, который, в свою очередь, являлся жестким проводником решений Кеннеди.

Кеннеди говорил, что Макнамара может прийти к нему с десятком вариантов возможных решений, кратко и быстро обосновать преимущества и недостатки каждого из них, а затем заявить, что он предпочитает такой-то выбор с обоснованием причины. «Мне это нравится. Это облегчает подлинную работу», — комментировал президент.

Макнамара эффективно занялся развитием американских ядерных сил, обычных видов вооружений, резко сократил соперничество между подчиненными ему отраслевыми министерствами вооруженных сил и давление военно-промышленных объединений. Он, по словам историка М. Бешлосса, исходил из того, что систематический количественный анализ значительно облегчает правильные стратегические решения{596}. Добавим, однако, что такое понимание задач военного ведомства пришло к министру обороны не сразу, о чем свидетельствовал первый Кубинский кризис, закончившийся катастрофой для находившихся под американским руководством антикастровских сил. Попутно отметим, что и после гибели Кеннеди в течение пяти лет Макнамара оставался министром обороны, в 1968 году ушел из правительства и в течение тринадцати лет возглавлял Всемирный банк.

Другой важной должностью был пост министра финансов. Его должен был занять такой деятель, который проявил бы жесткие качества в урегулировании или, по крайней мере, смягчении тех проблем, с которыми столкнулась страна в этой области, и в то же время пользовался бы доверием как во внутренних, так и в международных кругах банковско-финансовых экспертов, о чем мы уже упомянули чуть выше. Главная задача нового министра должна была состоять в сокращении, а затем и прекращении утечки золота из США, которая становилась опасной в последние годы президентства Эйзенхауэра.

После ряда консультаций пост министра финансов принял Дуглас Диллон, представитель известной семьи уолл-стритовских финансистов, являвшийся заместителем государственного секретаря по экономическим вопросам в правительстве

предыдущего президента. Этот человек, от назначения которого Кеннеди поначалу отговаривали некоторые советники на основании того, что он ранее был республиканским министром, вполне вписался в требования «группы по поиску талантов». Он долгое время возглавлял инвестиционные фирмы, затем являлся послом во Франции и расширил свой дипломатический опыт, работая в Госдепе.

Не менее важно было найти подходящую кандидатуру на должность руководителя внешнеполитического ведомства. Наиболее естественной кандидатурой на этот пост был бы Эдлай Стивенсон, которого хорошо знали как первоклассного эксперта по международным делам. Однако здесь сказалась личная неприязнь президента к политику, дважды баллотировавшемуся на высший государственный пост с отрицательным результатом и являвшемуся его упорным соперником на выборах 1960 года{597}.

Помощники рекомендовали Кеннеди подумать о кандидатуре сенатора Уильяма Фулбрайта. Джон был хорошо знаком с этим деятелем, который возглавлял сенатский комитет по международным отношениям, и, будучи членом этого органа, Кеннеди был как бы «подчиненным» Фулбрайта. В высших сферах Демократической партии высоко ценили трезвость и расчетливость Фулбрайта в международных делах, его стремление улаживать конфликты путем компромиссов, самостоятельность суждений и в то же время полную лояльность президенту. Но вот беда: этот политик, избранный в штате Арканзас (он пробыл в сенате 30 лет, с 1945 по 1975 год), слыл жестким сторонником расовой сегрегации. Вопрос заключался не только в том, что его пребывание в правительстве вызовет недовольство чернокожих активистов и леволиберальных демократов. В штабе Кеннеди полагали, что позиция Фулбрайта по расовому вопросу может осложнить ведение дел с новыми независимыми странами Африки. Против кандидатуры Фулбрайта высказался Роберт Кеннеди. В конце концов Джон с сожалением отказался от включения этого сенатора в правительство. Позже многие американские политики считали это решение ошибочным, полагая, что Фулбрайт смог бы эффективно заниматься внешнеполитическими делами[37].

После довольно долгого обдумывания разных кандидатур Кеннеди остановился на Дине Раске, который перед этим являлся членом правления и директором фонда Рокфеллеров, весьма богатой и авторитетной организации, субсидировавшей самые разнообразные внутренние и международные проекты.

При этом Раек был особенно хорошо знаком с ситуацией в Азии и Африке, так как в фонде он ведал прежде всего

распределением средств помощи развивающимся странам. В отличие от сверхинициативного, хотя и послушного Макнамары, Раек считался спокойным, рассудительным, не очень творческим, но чрезвычайно исполнительным работником. Это вполне устраивало Кеннеди, который особенно стремился сосредоточить в своих руках реальное руководство внешнеполитическими делами.

Помимо рекомендаций семейства Рокфеллеров, которые сами по себе были для президента весьма важны, его внимание привлекла незадолго перед этим появившаяся в журнале «Форин афферс» («Международные дела») статья Раска «Президент»{598}, которая оказалась созвучной мыслям и чувствам самого Кеннеди. В статье речь шла о том, что, сосредоточивая в своих руках реальное руководство всей внутренней и внешней политикой страны, президент должен особое внимание уделять контактам с главами других правительств. Однако встречи на высшем уровне следует основательно готовить по каналам внешнеполитического ведомства, и только тогда, когда от них можно добиться определенных результатов, дипломатический успех должен закреплять сам президент. Как и в других случаях, будущее показало, что это — лишь идеальная схема, в которую жизнь вносит серьезные коррективы, но не очень опытному в тонкостях дипломатии Джону суждения Раска показались верхом государственной мудрости. Действительно, в бурные годы президентства Кеннеди, насыщенные внешнеполитическими кризисами и крутыми поворотами, Раек оказался фигурой слабой и малоинициативной. Единственное, что его отличало, — полная лояльность хозяину Белого дома, точное выполнение его распоряжений и инструкций{599}.

Примерно такими же качествами обладали и другие сотрудники президента. Так что в назначении Раска Кеннеди сделал, пожалуй, не лучший выбор. Президент не раз проявлял недовольство ведомством иностранных дел и его руководителем. Джон говорил своему главному советнику по национальной безопасности М. Банди, что вдвоем (сам Кеннеди и Банди) «делают больше работы за один день в Белом доме, нежели они за шесть месяцев в Госдепартаменте»{600}.

Другие правительственные посты заняли преимущественно отраслевые специалисты, так что в известном смысле правительство можно было бы оценить как администрацию технократов. И хотя казалось, что и в этих случаях речь идет о политических назначениях (в правительстве оказалось несколько бывших губернаторов штатов), за каждым из этих министров стоял соответствующий опыт конкретной отраслевой

деятельности. Так, губернатор Коннектикута А. Рибикофф, ставший министром здравоохранения, образования и социального обеспечения, имел обширный опыт организации среднего образования в Чикаго. Юрист А. Голдберг, возглавивший министерство труда, пользовался доверием как предпринимателей, так и ведущих профсоюзов, интересы которых он ранее неоднократно представлял в судах.

Кеннеди оставил руководителей специальных ведомств Аллена Даллеса и Эдгара Гувера на их прежних постах руководителей Центрального разведывательного управления и Федерального бюро расследований. По мнению А. Громыко и А. Кокошина, это была тактика «завоевания доверия», демонстрация того, что ожидать экстравагантных выходок с его стороны не следует{601}. Это отчасти правильно. Но нужно добавить, что оба они — и руководитель ФБР Эдгар Гувер, и шеф ЦРУ Аллен Даллес — были опытными специалистами своего дела, пользовавшимися доверием не только в деловых кругах, но и в политическом истеблишменте обеих партий. Джон полагал, что сможет без труда управлять обоими деятелями, оставляя за собой решение кардинальных вопросов национальной безопасности, разведывательных и контрразведывательных операций.

Даллес, впрочем, вскоре проявил себя отнюдь не с лучшей стороны во время первого Кубинского кризиса (вторжения на Кубу отрядов эмигрантов), после чего был отправлен в отставку. Так что, сохраняя его в качестве руководителя разведывательного ведомства на первом этапе своего президентства, Кеннеди явно переоценил собственные качества руководителя.

Еще в период формирования своего кабинета Джон подумывал о назначении на пост директора ЦРУ брата Роберта. Однако, посоветовавшись с доверенными лицами, он согласился, что это было бы «слишком рискованным действием», которое вызвало бы нежелательные толки в прессе{602}. В результате после ухода со сцены Даллеса директором ЦРУ был назначен Джон Маккоун, работавший при Эйзенхауэре председателем комиссии по атомной энергии. Это был человек, не хватавший звезд с небес, но исполнительный и верный служака.

В то же время сосредоточение реальной исполнительной власти не в руках министров, а в Белом доме, подобно тому, как это было при Рузвельте, проявилось в назначении на посты помощников и советников людей, лично преданных Джону, являвшихся его сотрудниками во время работы в конгрессе и в период предвыборной кампании, научившихся с ходу улавливать мысли и пожелания шефа. Хотя Кеннеди формально ликвидировал существовавшую при Эйзенхауэре должность

главного помощника президента, фактически помощником по общим вопросам стал К. О'Доннел.

Другой помощник, П. Сэлинджер, не без оттенка зависти писал, что О'Доннел обладал самыми обширными полномочиями и оказывал на президента наибольшее влияние{603}. О'Доннел не стал, однако, *alter ego* Кеннеди, подобно тому, каковыми были у Рузвельта вначале Луис Хоув, а затем Гарри Гопкинс. Влияние О'Доннела в значительной мере уравновешивалось другими помощниками — Теодором Соренсеном и Макджорджем Банди, первый из которых ведал в основном внутренними делами и контактами с конгрессом. Банди же официально считался специальным помощником по национальной безопасности, но, по существу дела, к этой сфере можно было отнести всё что угодно. Реально он, в недавнем прошлом видный профессор — историк и международник — Гарвардского университета, руководитель одного из университетских колледжей, ведал проблемами внешней политики.

Присоединившийся к команде Кеннеди в возрасте сорока одного года, но уже обладавший весомым авторитетом в научных и правительственных кругах, к тому же с немалой организаторской хваткой, проявивший высокие гуманитарные способности с детских лет (его учитель истории говорил, что сочинения Макджорджа были лучше, чем книги, которые он использовал) и стремительно прошедший путь по академической лестнице, Банди был для Кеннеди просто незаменим[38].

Один из его приятелей (к сожалению, в архиве не сохранилась фамилия) написал о Макджордже шутливый и несколько насмешливый лимерик[39], который мы приводим в оригинале и в переводе:

A proper young prig McGeorge Bundy
Graduated from Yale on a Monday,
But he shortly was seen
As establishment dean
Up at Harvard the following Sunday{604}.
(Вот Макджордж Банди — карьерист!
Но карьерист — не аферист.
Он Йель окончил в понедельник.
Где в воскресенье сей «бездельник»?
На службе в Гарварде — декан-эквилибрист!)[40]

Не склонный обычно хвалить своих сотрудников и помощников, Кеннеди, как уже говорилось, относился к Банди с явным почтением. Он очень высоко отзывался о его

работоспособности, говоря, что «Банди осуществляет огромный объем работы. Но, кроме того, он был убежден, что Банди — самый умный человек, которого он когда-либо знал»{605}. Не случайно позже, после вступления в должность, Кеннеди распорядился, чтобы Банди — единственному из помощников — был предоставлен кабинет в Белом доме, тогда как остальные члены команды имели служебные помещения в здании исполнительных учреждений, расположенном по соседству.

На следующей ступени стояли Ларри О'Брайен (он отвечал в основном за связи с местными администрациями — мэрами городов и губернаторами штатов, а также с партийной машиной Демократической партии) и Пьер Сэлинджер, получивший пост пресс-секретаря.

Несколько особое положение в Белом доме занял видный историк Артур Шлезингер-младший (его отец, также Артур Шлезингер, был, как и сын, известным исследователем истории США), не имевший ни политических амбиций, ни сколько-нибудь значительных поручений. Его должность называлась «специальный помощник президента», однако, по словам самого Шлезингера, он был приглашен в Белый дом в качестве «возмутителя спокойствия»{606}. В действительности он консультировал Кеннеди по тем вопросам, которые считал наиболее важными и злободневными, и в то же время играл роль своего рода дворцового летописца. У Джона Кеннеди, намеревавшегося провести в Белом доме два срока и войти в историю в качестве одного из наиболее выдающихся президентов страны, честолюбие было немалым. Он явно рассчитывал, что Шлезингер посвятит ему фундаментальные исследовательские труды, апологетические, как он надеялся, подобно тому, как тот писал уже о Франклине Рузвельте. Так и произошло в действительности через несколько лет.

Пока же Шлезингер, обладавший огромными знаниями и великолепной памятью, был для Кеннеди важным собеседником, от которого президент набирался эрудиции, чтобы при случае щегольнуть ярким фактом или историко-философским обобщением. Надо, однако, сказать, что Шлезингер был весьма многословен и в своих печатных трудах, и в устной речи, и это, по свидетельству очевидцев, раздражало Джона, который нередко демонстративно уходил от разглагольствований историка{607}.

Сформировав политический штат Белого дома в составе советников и помощников, Джон Кеннеди, по существу дела, порвал с линией Трумэна и Эйзенхауэра, чье президентство носило преимущественно «личный» характер. Джон частично возвратился к практике Франклина Рузвельта, но еще более

расширил ее, положив начало президентской власти как своего рода коллективному институту, в котором участвуют, наряду с главой исполнительной власти, другие лица, обладающие специфическими взглядами, спорящие между собой и вырабатывающие в конечном итоге единую линию. Именно в этом смысле историк Мартин ван Хьювен, анализируя роль советников Кеннеди, определял современное президентство в США как «институцию», как «процесс»{608}.

Члены команды Кеннеди часто публиковались в научных и популярных изданиях, но у них сложилось негласное правило отказываться от гонораров, передавая их в благотворительные фонды.

Ночь на 21 января 1961 года супруги Кеннеди впервые провели в Белом доме. «Я спал в постели Линкольна», — гордо заявил Джон утром.

Глава 2.
ПРЕЗИДЕНТСКИЕ БУДНИ

Налаживание контактов и распорядка. Здоровье президента

После инаугурации начались президентские будни — деловая повседневная изнурительная работа по руководству огромным государством, основанным на демократических принципах, что еще более осложняет исполнительские функции.

Следуя принципам своего воспитания и примеру отца, Кеннеди вел сравнительно скромный образ жизни, вполне удовлетворяясь в свободное время танцевальной вечеринкой в узком кругу и интересной книгой. Правда, он по-прежнему не отказывался от любовных похождений.

Новое жилище президента располагалось по адресу — Пенсильвания-авеню, 1600. Правда, этот адрес никому не нужен, значительно проще и понятнее другое обозначение места жительства — Белый дом.

Новый президент явился в свой главный кабинет — Овальный офис — около девяти часов утра и демонстративно подписал заранее заготовленное исполнительное распоряжение (то есть акт, не требующий утверждения конгрессом). Документ явно был составлен под впечатлением от нищеты в Западной Виргинии. Кеннеди вдвое увеличил размеры натуральной помощи хлебом и сухим молоком для четырех миллионов нуждающихся. Тем самым было продемонстрировано, что первоочередной заботой новой администрации будет обеспечение самых основных жизненных нужд для всех американцев{609}.

Затем Кеннеди принял бывшего президента Гарри Трумэна, что должно было показать намерение осуществлять преемственность, продолжать курс администрации Рузвельта, а затем Трумэна. Обласканный Трумэн, который накануне высказал пожелание взглянуть, как изменился Белый дом за те восемь лет после того, как он его покинул, был весьма польщен. Он с сожалением вспоминал, что поначалу выступал против номинации Кеннеди. «Как мило с его стороны обеспокоить себя встречей со старым фермером в свой первый день!»{610} — заявил старик.

Для того чтобы подчеркнуть, что решения президента будут вырабатываться на основании коллективно взвешенных мнений его помощников и советников, а также приглашаемых министров

и других деятелей, разумеется, при окончательном утверждении главой исполнительной власти, Кеннеди распорядился создать в подвальном этаже Белого дома «ситуационный зал» — помещение, в котором должны будут обсуждаться наиболее важные текущие вопросы{611}.

Вслед за этим началась повседневная президентская работа.

25 января Кеннеди провел первую пресс-конференцию в качестве президента. К ней тщательно готовился весь его штаб, ибо она рассматривалась как показатель того, что новый хозяин Белого дома твердо намерен выводить Америку на новые рубежи. Эта встреча с журналистами отличалась от предыдущих, проводимых предшественниками. Прежде всего, она впервые транслировалась по телевидению на всю страну. Передача шла в прямом эфире, без последующего изучения экспертами и вымарывания нежелательных мест. Кеннеди взял на себя огромную ответственность — ведь он отлично понимал, что каждая его фраза будет обсуждаться, комментироваться, оцениваться политологами, политиками, друзьями и врагами, просто обывателями. Кроме того, встреча проходила не в Белом доме, где обычно ранее принимали журналистов президенты (сравнительно небольшие помещения позволяли дать аккредитацию лишь нескольким десяткам корреспондентов), а во вместительной аудитории Госдепартамента. Свыше четырехсот репортеров получили возможность участвовать в дебюте президента.

По приблизительным подсчетам, за пресс-конференцией следили около 65 миллионов человек. Отзывы прессы почти без исключения были позитивными. Журналисты не стеснялись сравнивать этот «спектакль», как они говорили, со скучными, осторожными и подчас почти пустыми интервью Эйзенхауэра. Подкупала «акул пера» и сама организация встречи: камеры были установлены так, чтобы перед зрителями случайно не оказались записи кого-то из репортеров, сказанное президентом немедленно печаталось на пишущих машинках, и проворные клерки разносили готовые листы, в холле были установлены многочисленные телефоны со свободным доступом к ним аккредитованных репортеров.

Известный журналист Чарлз Роберте комментировал: «Его поведение было безупречным. Уже в тот момент, когда президент появился на сцене, стало понятно, что отныне президентские пресс-конференции никогда больше не будут напоминать прежние»{612}.

Всего за неполных три года президентства Кеннеди состоялись 64 его пресс-конференции, в том числе 14

проводились в живом эфире. Все они пользовались неизменным успехом. По поводу пресс-конференций Кеннеди, транслировавшихся по телевидению, биограф пишет: «Джек был уверен, что публичность в полной мере компенсирует риск случайного, сорвавшегося с языка слова. И он был прав. Пресс-конференции ввели его в гостиные и жилые помещения миллионов, и его привлекательность, очевидная сердечность и уверенность в себе, охват большого количества тщательно подобранных фактов, которые он помнил, завоевали массу почитателей»{613}.

Чтобы более не возвращаться к этому вопросу, отметим, что, наряду с обзорными пресс-конференциями, президент считал необходимым встречаться с журналистами для того, чтобы разъяснить или защитить позицию исполнительной власти по конкретным вопросам. Такого рода беседы проходили после возвращения с европейских встреч с Шарлем де Голлем и Н.С. Хрущевым, в разгар Берлинского кризиса (когда между секторами Берлина была воздвигнута пограничная стена, отрезавшая Западный Берлин от восточной его части). Другие были посвящены размещению советских ракет на Кубе и введению в связи с этим морской блокады этой страны, налоговому законодательству, движению за гражданские права негров, в частности попыткам десегрегации в штате Алабама, и т. д.

Особенно запомнилась встреча президента с представителями трех крупнейших телевизионных компаний в конце 1962 года, посвященная подведению итогов первой половины пребывания на высшем посту и вышедшая в эфир под названием «Через два года». Правда, официальное название не запомнилось. В памяти его участников и публики эта встреча запечатлелась как «интервью в качающемся кресле». Это было кресло, созданное ортопедами, чтобы больная спина Джона могла отдохнуть в наиболее удобном для этого положении, но воспринято оно было как символ непосредственности, свободного поведения президента перед глазами многомиллионной аудитории. Историк телевидения Мэри Уотсон, специально останавливаясь на этой встрече как на событии в истории политического телевидения, отмечает: «Кеннеди продемонстрировал целый ряд великолепных качеств. Время от времени он сам себя прерывал и менял течение беседы буквально на полуслове. Зрители могли заключить, что он был “подлинным товаром”, то есть в его поведении не было ничего наносного, искусственного»{614}.

Можно, конечно, предположить, что сами эти переходы были обдуманы заранее, но в этом случае Кеннеди следует считать

великолепным актером, каковым он не являлся. Скорее всего, он действительно смог расслабиться перед камерами, и это произвело на зрителей и слушателей самое благоприятное впечатление.

Вести актерскую игру скорее приходилось репортерам, стремившимся повернуть ход беседы в наиболее интересное, подчас рискованное с политической точки зрения русло. «Мы должны были регулировать шоу, — рассказывал Питер Лисагор. — Я всегда чувствовал, что нам следовало бы присоединиться к актерской гильдии»[615].

Позже, в 1971 году, когда для свободного пользования были открыты архивные материалы Кеннеди и его советников, возник скандал, так как кто-то неправильно прочитал один из меморандумов М. Банди о взаимоотношениях президента с прессой. В документе указывалось, что администрация должна быть осторожной с журналистами, не говорить ничего, что могло бы повредить делу, и в то же время «кормить» журналистов необходимой информацией. В газете «Нью-Йорк тайме» появился сенсационный материал, что Банди призывал «обманывать» прессу[616]. Бывший помощник по национальной безопасности без труда доказал, что гнавшийся за «жареным» журналист неправильно прочитал слово «feed» (кормить), выдав его за слово «fool» (обманывать)[617]. Подлинные обманщики были посрамлены.

День президента начинался в половине восьмого утра. Прежде всего он принимал горячую ванну, которая позволяла в какой-то мере уменьшить боль в спине. Обычно за этим следовал сеанс массажа, который делали дежурные медицинские сестры, а в некоторых случаях доктор Макс Джекобсон, ставший одним из личных врачей семьи Кеннеди. (Джекобсон жил в Нью-Йорке, но в случае необходимости прилетал на спортивном самолете в Вашингтон очень быстро.)

Нередко, когда боли были особенно сильными, Джекобсон впрыскивал Джону амфетамин — психотропное наркотическое вещество, снимающее боль и создающее душевное успокоение, комфортное состояние. Хотя со временем начала возникать зависимость от этого лекарства, сходная с наркозависимостью, но более слабая, Джекобсону приходилось впрыскивать амфетамин регулярно — раз в две недели.

Позже доктор хвалился: «Я путешествовал с семьей Кеннеди, я лечил семью Кеннеди — Джека Кеннеди, Жаклин Кеннеди. Они пропали бы без меня»[618].

Как стало известно через много лет после гибели Джона Кеннеди, Джекобсон сопровождал его в отдельном самолете под

вымышленным именем, но у него были и известные в Белом доме клички «Доктор Кайф» или «Доктор Филгуд», то есть «Доктор Удовольствие» или «Доктор Хорошее Самочувствие».

Некоторые авторы, в том числе и русскоязычные, до предела драматизируют ситуацию с президентским амфетамином, называют Джекобсона чуть ли не знахарем или даже шарлатаном, который «пичкал Кеннеди “по требованию” (а не по показаниям) … подрывая здоровье, обостряя наркотическую зависимость. Он сделал себе на временном попечении о президентском самочувствии известность и состояние…»{619}.

Современные медики полагают, что впрыскивание амфетамина, как правило, раз в две недели не могло привести к устойчивому привыканию и воздействовало на общее состояние организма Кеннеди не более, чем другие лекарства, особенно если учесть, что амфетамин может быть квалифицирован как слабый наркотик. В литературе отмечается в то же время, что амфетамины способствуют резкому повышению сексуального влечения и сексуальной потенции{620}. Если же иметь в виду повышенную тягу к прекрасному полу, которая у Джона Кеннеди наблюдалась и ранее, то можно понять, что лекарство попало в благодатную почву.

При этом надо отметить, что изрядную долю шумихи касательно препаратов, принимаемых президентом, создавали его родные. Вначале Жаклин всерьез обеспокоилась, чем потчуют врачи ее супруга, и попросила заняться этим Роберта. Последний, в свою очередь, попытался уговорить брата поменьше слушать Джекобсона и других медиков, на что последовал резонный ответ: «Мне плевать, пусть это будет хотя бы конская моча, лишь бы она помогала»{621}.

Общее руководство лечением президента осуществлял главный врач Белого дома Джордж Беркли, которому было присвоено звание адмирала. Это был опытный и осторожный доктор, терапевт и хирург, ветеран Второй мировой войны на Тихом океане; через его руки прошли тысячи раненых, которым он спас жизнь. Это был врач милостью Божьей, прилагавший максимум усилий, чтобы пациенты оставались в добром здравии как можно дольше.

Правда, в иерархии медицинских ролей существовала определенная путаница. Признавая Беркли главным врачом Белого дома, Кеннеди в то же время до поры до времени считал своим личным доктором прежде всего Джанет Тревелл, хотя она официально в штат Белого дома не входила. Оставаясь в Нью-Йорке, доктор Тревелл, как и Джекобсон, очень быстро оказывалась в Вашингтоне, когда возникала нужда в

консультации, с чем врач-адмирал не спорил, признавая ее высокую компетенцию, хотя далеко не всегда соглашался с ее назначениями.

Лишь сравнительно недавно по косвенным медицинским свидетельствам был установлен тот факт (медикам, лечившим Кеннеди, это было известно), что еще с детских лет Джон страдал болезнью Аддисона, поражающей надпочечники, о чем мы упоминали. Именно это тяжкое заболевание лежало в основе ряда недугов (разумеется, не связанных с болями в спине). Лечащие врачи вначале не смогли его обнаружить, но, действуя в основном методом проб и ошибок, находили пути воздействия на организм пациента. Именно так было установлено, что на здоровье Джона положительно действует препарат кортизон, которым его стали усердно потчевать.

Еще одним средством, которым постоянно пользовался Джон, являлся прокаин (новокаин) — анестезирующее лекарство, которое снимало или по крайней мере значительно ослабляло боли в спине.

У Кеннеди были и другие хронические болезни — значительно пониженное кровяное давление, повышенный уровень холестерина в крови. И эти недомогания врачи буквально глушили разными новейшими медикаментозными средствами, причем неизвестно, каково было их совокупное действие, не было ли вредным «накладывание» одних препаратов на другие.

Впрочем, состояние здоровья и последствия интенсивного лечения проявлялись заметно для окружающих. Оказалось, что некоторые особенности внешнего вида Кеннеди — своеобразный оттенок кожи, который воспринимался как загар, каштановый цвет волос — на самом деле являлись вторичными признаками коварной болезни Аддисона. Кроме того, впрыскивания амфетамина и кортизона привели к появлению некоторой одутловатости лица, которая окружающими воспринималась как признак солидности. Джон в ужасе подходил по утрам к зеркалу, восклицая: «Это не я! И лицо не мое!» Но услышать эти слова мог только кто-то из очень близких людей…

Некоторые медики полагают, что болезни и лекарства предопределяли кое-какие особенности поведения и манер президента. К последствиям болезней относят неспособность Джона усидеть на месте — буквально через несколько минут после того, как он усаживался в кресло, ему уже там было неудобно, неприятно, и он находил любые предлоги, чтобы подняться, а подчас даже без каких-либо предлогов просто вставал и совершал несколько кругов по комнате быстрыми шагами.

Тем более Кеннеди страшила опасность, которую не исключали врачи, что ему придется пользоваться костылями не только краткое время, когда особенно обострялись боли в позвоночнике. Он до ужаса опасался, как бы ему не пришлось передвигаться с костылями постоянно или, тем более, оказаться в инвалидном кресле, подобно Франклину Рузвельту. Такое развитие болезни врачи не предполагали, хотя и не исключали его.

Преодолевая боль, Джон стремился предстать бодрым, веселым и, разумеется, энергичным не только перед официальными лицами, но и перед родными. Правда, физические состязания: футбол, регби — пришлось оставить уже на первом году президентства.

Если в ядерную эру за всеми американскими президентами стали носить «Футбол» — чемоданчик с инструкциями и кодами для принятия экстренных решений в критической ситуации, то за Кеннеди носили и второй чемоданчик — с лекарствами, разнообразными ампулами и таблетками, которые могли понадобиться в любую минуту.

Тот факт, что сенатор, а затем президент тяжко болен, тщательно скрывался врачами, родными, наиболее близкими политиками, которым было дано знать правду. Поистине чудом казалось, что за всё время общественной деятельности Джона в прессу ни разу не просочились слухи о его недугах. Сведения о них стали проникать в печать только после гибели Кеннеди, да и то далеко не сразу. Беседуя с А. Шлезингером через несколько месяцев после выстрелов в Далласе, Жаклин Кеннеди убеждала своего собеседника, что во время пребывания в Белом доме Джон чувствовал себя прекрасно. «Никогда он не был в лучшем физическом или душевном состоянии, чем в годы, проведенные в Белом доме»{622}. Слова эти не соответствовали действительности. Самочувствие президента почти не улучшалось, а временами положение с его здоровьем буквально становилось отчаянным. Доктор Тревелл всё чаще применяла инъекции новокаина, и это лишь в какой-то степени поддерживало тонус.

В этих условиях адмирал Беркли привлек к лечению Джона еще одного известного врача — хирурга Ганса Крауза — эмигранта из Австрии. Тот проявил изрядное мужество, настояв на отказе (по крайней мере частичном) от обезболивающих уколов, заменив их в порядке эксперимента физиотерапевтическим комплексом мероприятий и физическими тренировками.

При этом Крауз поставил в качестве непререкаемого условия

отстранение Тревелл от лечения президента, высказав твердое мнение, что ее методика приведет к тому, что произойдет полная атрофия мышц спины и Кеннеди навсегда окажется в инвалидном кресле. Беркли, а за ним и Джон дали согласие: доктор Тревелл более не приглашалась к пациенту, хотя официально продолжала считаться врачом Белого дома{623}.

По заказу Ганса Крауза в Белом доме был оборудован небольшой спортивный зал с уникальным оборудованием, разработанным в соответствии с методикой этого врача. Ежедневно Джон выполнял физические упражнения по программе, разработанной Краузом. Пациент, видимо, вспомнил свою юность, спортивные потасовки с братьями и сестрами. Физические упражнения и особенно плавание в бассейне ему понравились. Самочувствие значительно улучшилось. Хотя боли полностью не были преодолены и приходилось подчас применять сильные медикаментозные средства, в целом президент к осени 1963 года пошел на поправку, хотя о полном выздоровлении не могло быть и речи.

Жизнь в президентской резиденции

Возвратимся, однако, к тому, как проходил обычный президентский день.

После медицинских процедур следовало ознакомление с текущими событиями. Кеннеди еще в годы пребывания в конгрессе овладел искусством скорочтения, ставшего к этому времени модным.

Учитывая многословие официальных бюрократических бумаг, Джон с удовольствием упражнялся с текстом, чтобы тратить как можно меньше времени на ознакомление с документами и в то же время вполне компетентно судить о текущих событиях. Скорочтение он освоил самостоятельно при помощи специальных пособий и наглядных материалов. В американских газетах появлялись сведения о том, что он якобы посещал специальные курсы в городе Балтиморе, расположенном неподалеку от Вашингтона. Но Жаклин Кеннеди свидетельствовала, что Джон, будучи сенатором, лишь один раз побывал там вместе с братом Робертом и больше к такого рода групповым занятиям не прибегал, сочтя их, видимо, излишней тратой драгоценного времени{624}.

Теперь, в Белом доме, скорочтение стало просто жизненно необходимым инструментом. Еще находясь в спальне или перейдя в соседнюю гостиную, в халате и домашних туфлях на босу ногу Джон просматривал толстую подборку информативных

материалов о внутреннем положении и международных событиях, которые за предыдущий вечер и за ночь готовили для него дежурные секретари из аппарата М. Банди. Почти всегда при этом присутствовали сам Банди или генерал-майор Честер Клифтон, являвшийся военным помощником президента (напомним, что президент по должности является Верховным главнокомандующим Вооруженными силами США).

Клифтон так описывал президентское утро: «Обычно он был окружен всеми утренними газетами, а также письмами и бумагами, которые приносила ему миссис Линкольн для чтения и быстрого ответа. Ему можно было сообщить что-то из разведывательной информации о Конго, и он начинал рыться в газетах, а затем протягивал какую-то полосу, говоря: “А ну, посмотри, это о Конго. Нам надо бы выяснить, кто прав, ваш докладчик или этот репортер”. Шла постоянная игра между докладами разведки, состоянием страны, сообщениями местной прессы, счетом в последнем бейсбольном матче и выяснением вашего мнения о том или другом человеке»{625}.

О том, что Джон исключительно быстро схватывал суть информации, вспоминают и многие другие лица, сталкивавшиеся с ним. Нередко их это просто восхищало. Эдвард Мёрроу, популярный телевизионный журналист, встречавшийся со многими талантливыми людьми, возвратившись из Белого дома, делился своими впечатлениями так: «Ну и ну, этот парень просмотрел целую страницу примерно за тридцать секунд, и это выглядело потрясающе, он усвоил и почти дословно воспроизвел ее»{626}.

Газеты Кеннеди особенно не жаловал, но обычно бегло просматривал первые полосы «Нью-Йорк тайме» и «Вашингтон пост», обращая главное внимание на то, как освещается политика Белого дома и деятельность министров, а также членов неофициального штаба, то есть ответственного штата Белого дома.

Только после этого наступало время завтрака, который Джон обычно поглощал в одиночестве — Жаклин еще пребывала в постели в своем крыле Белого дома (общей спальни у супругов не было), а дети были слишком малы, чтобы разделять отцовскую трапезу. Завтрак, как правило, был традиционным — легким английским, который включал яичницу с беконом и гренками, апельсиновый сок и кофе.

Около восьми часов по вызову президента (если это было необходимо при сохранявшейся, несмотря на массаж и уколы, боли в спине) появлялся камердинер, который помогал ему одеться и завершить туалет. Иногда Джон даже не мог сам надеть

носки и завязать шнурки.

Всё это оставалось «за кадром». Поздоровавшись с детьми — дочерью Кэролайн и сыном Джоном (двойное имя Джон-Джон никогда не употреблялось и вскоре отмерло само собой), нежно их обняв, Кеннеди примерно в половине десятого утра отправлялся в рабочий кабинет, Овальный офис, если расписание не предусматривало других дел — официального утреннего приема, выезда за пределы Белого дома и т. д. Несколько минут дети оставались в кабинете отца, где играли в прятки, в подражание животным, танцевали и т. п. Затем их забирали воспитатели{627}.

Работа в Овальном кабинете продолжалась сравнительно недолго — до полудня, после чего Джон проводил примерно полчаса в бассейне, вода в котором была сильно подогрета (этого требовала больная спина), затем обедал (обычно вместе с Жаклин, если она находилась в Вашингтоне). После этого следовал часовой сон (по примеру Черчилля он проводил его в постели, в ночной пижаме).

Во второй половине дня продолжалась работа над документами, проходили совещания с сотрудниками и приемы посетителей. Затем следовало еще одно получасовое пребывание в бассейне. Вечером, если не было официальных приемов, коллективно смотрели кино, но Джон обычно долго не задерживался в кинозале — чуть ли не все фильмы казались ему скучными. Он предпочитал провести свободное вечернее время за чтением, часто в постели. Но это было время чтения спокойного, неторопливого, когда поглощалась в основном легкая литература.

Вообще же Джон читал не просто каждую свободную минуту, но даже одновременно с занятием другими делами. Жаклин вспоминала: «Он читал, идя по дороге, он читал за столом во время еды, он читал после обеда, он читал в ванне, он читал, вглядываясь в книгу на его письменном столе, на его бюро, завязывая галстук… Он мог открыть книгу, которую я читала, и просто проглотить ее. Он действительно читал всё то время, когда кажется, что у вас нет времени на чтение»{628}. Жаклин отмечала также, что ее супруг активно использовал прочитанное в своей политической деятельности, запоминая всё, что считал необходимым усвоить, и затем внезапно, иногда через продолжительное время, вставляя в свои выступления цитаты из прочитанного{629}.

Художественную литературу Кеннеди читал редко, причем вкус его был, прямо скажем, примитивным. Он, например, с интересом поглощал дешевые детективы англичанина Яна Флеминга, автора серии триллеров о супершпионе Джеймсе

Бонде, или агенте 007. (По триллерам Флеминга было снято более двух десятков фильмов об этом агенте, и таковые продолжают сниматься по сей день.) Особенно Джону нравилось сентиментально-авантюрное повествование Флеминга «Из России с любовью», из которого он надеялся (признаемся, безуспешно) извлечь сведения о загадочной восточной державе, которая то ли продолжала сооружать общество социальной справедливости, покоящееся на костях миллионов, то ли уже отказалась от этого утопического плана. Еще до избрания президентом Джон встретился с Флемингом во время поездки писателя в США в 1960 году в своем доме, пригласив его на ужин. Больше они не виделись, но Кеннеди продолжал следить за новыми творениями этого весьма плодовитого автора.

Высоколобые помощники удивлялись, что Кеннеди увлекается такими пустыми образчиками беллетристики, как героико-фантастические повествования Флеминга о Джеймсе Бонде — агенте высочайшей квалификации, который всегда выходил сухим из воды, из всевозможных передряг, а его противники вечно терпели поражение. Объясняли это по-разному Старый знакомый Джона журналист Бен Бредли полагал, что ему нравились жесткость, откровенные сексуальные мотивы и постоянная холодность ума персонажа книг Флеминга{630}. Высказывалось, однако, и мнение, что произведения Флеминга Кеннеди читает с утилитарной целью — его интересовали детали секретных операций, способы прикрытия. В целом же время от времени проникающие в печать сенсационные сведения о том, что Кеннеди якобы был близок с Флемингом, поддерживал с ним тайную дружбу, не более чем легенда{631}. После единственной встречи контактов больше не наблюдалось.

Как мы уже сказали, Кеннеди стремился извлечь практическую пользу из чтения детективов. Однажды он прочитал детективно-фантастический роман Флетчера Нибела и Чарлза Бейли «Семь дней в мае». Сюжет романа таков. Популярность президента США Лимена падает, генерал Скотт решает военным переворотом устранить «слабого» руководителя. О заговоре случайно узнает помощник Скотта полковник Кейси, перед которым встает дилемма: спасти страну и президента или остаться верным своему непосредственному командиру. Разумеется, побеждают верность родине, а затем и сам президент, который снисходительно отправляет Скотта на пенсию вместо заслуженного суда.

Прочитав эту книгу, Кеннеди слегка разволновался. Он позвал военного помощника Честера Клифтона и стал выяснять, где находится человек с черным чемоданом («Футболом»), в

котором спрятано электронное оборудование с президентскими командами на случай чрезвычайной ситуации. При этом он сослался на роман, в котором говорилось, что этот человек должен сидеть ночью у дверей спальни президента. Генерал объяснил, что на самом деле соответствующее лицо, постоянно находясь в служебном помещении, поддерживает слуховой и зрительный контакты с узлом связи Белого дома и в случае необходимости окажется рядом с президентом через полторы минуты после вызова, даже если не будет работать лифт{632}.

Но основное внимание американского президента привлекали современные издания по истории и мировой политике. Джон говорил: «Рузвельт черпал свои идеи в основном из бесед с людьми, а я из книг»{633}. Это было не совсем так. Кеннеди отнюдь не был «книжным червем», он общался с тысячами людей и, подобно Рузвельту и массе других государственных деятелей, черпал у них необходимую ему информацию. Но нон-фикшн, то есть литература, которую нельзя причислить к художественной, постоянно вызывала его повышенный интерес.

Надо сказать, однако, что к исторической литературе Джон Кеннеди, подобно многим американским интеллектуалам, относился критически. В частности, это объясняется тем, что в университетских и академических кругах труды по истории относят к исследованиям, но саму историю наукой не считают (термин *science* — наука — используется только по отношению к естественным областям; в гуманитарной же может быть исследование, но науки в подлинном смысле не бывает!). Такая позиция у Кеннеди проявлялась в суждении, далеко не всегда справедливом, что «история зависит от того, кто ее пишет»{634}.

С особым недоверием, на этот раз в основном справедливым, Джон относился к распространенным в Америке мемуарам и дневникам. Это отмечал, в частности, внимательный Т. Соренсен: «Выдумки в большинстве дневников и автобиографий вашингтонских деятелей уступают только бессовестности их авторов»{635}.

И всё же значительное внимание он, по свидетельству Жаклин, уделял европейской, особенно британской литературе. Что касается Второй мировой войны, то его удовлетворял шеститомник У. Черчилля. Наряду с ним Кеннеди с интересом читал литературу о причинах Первой мировой войны. Он выделял действительно серьезные работы Барбары Тачмэн «Пушки в августе» и Эдмунда Тэйлора «Падение династий»{636}.

Жаклин свидетельствовала, что супруг с интересом читал публикации китайского коммунистического лидера Мао Цзэ-дуна.

Через статьи и речи последнего он пытался проникнуть в загадку прихода коммунистов к власти в Китае, а также определить свой курс по отношению к этой стране на близкое будущее. Не исключалось установление с великой восточноазиатской страной нормальных межгосударственных отношений, хотя президент считал необходимым с этим не торопиться. Скорее всего, сближение произошло бы после его повторного избрания, если таковое бы состоялось. Жаклин вспоминала также, что Джон несколько раз употреблял в выступлениях якобы вычитанное у Мао выражение о том, что «политическая власть рождается из дула винтовки»{637}.[41]

Только за чтением родные и близкие могли увидеть Джона в роговых очках — он был немного близорук, но тщательно это скрывал, никогда не появлялся в очках на публике, считая, что это лишило бы его ореола мужественности.

Белый дом при Кеннеди, как и при предыдущих президентах, состоял из трех секций. Но теперь разграничение между ними стало более четким, чем раньше. Центральная часть носила традиционное и несколько ироническое название *mansion* (особняк). К ней примыкали левое крыло и правое крыло.

Жилые помещения президента и первой леди находились на втором этаже центральной части.

Западное крыло составляли рабочие помещения Джона. Главными из них были Овальный кабинет (Овальный офис) на первом этаже (здесь президент принимал посетителей, подписывал официальные бумаги в присутствии своих помощников и других лиц и выполнял иные публичные функции, которые освещались средствами массовой информации) и находившаяся над ним Овальная комната (личный кабинет, в котором Джон работал над законопроектами, исполнительными распоряжениями и другими бумагами, иногда сам, чаще с кем-то из помощников). По соседству располагались внутренний плавательный бассейн и зал для пресс-конференций (он был рассчитан на несколько десятков журналистов и использовался нечасто, так как Кеннеди встречался со значительно бо́льшим числом корреспондентов вне пределов своей резиденции). В восточном крыле находились помещения Жаклин, ее секретарей и помощников, детские покои. Чуть поодаль — кабинет советника президента Банди. Значительную часть этого крыла занимали полицейское подразделение и Секретная служба (то есть охрана президента и его семьи){638}.

Большую часть технических работников семья Кеннеди унаследовала от Эйзенхауэров. Но появились и новые люди, в основном те, кто ранее обслуживал Джека и Джеки. Среди них

наиболее приближенными считались четверо. Это была прежде всего няня Мод Шоу, которой полностью доверяла Жаклин и которую очень любили Кэролайн и Джон-младший. Жаклин ей даже завидовала, иногда невольно выдавая свои чувства, но так, чтобы это не обидело Мод. За ней следовал чернокожий слуга Джона Джордж Томас, который заботился о личных нуждах президента и, главное, следил за его одеждой. Третьим был Джон О'Лири, личный шофер Кеннеди, одновременно выполнявший всевозможные поручения босса, в том числе самые интимные. Четверку замыкала доминиканка Патриция Пейрес — личная служанка Жаклин{639}.

Познакомившийся в молодости с этикетом элитных кругов Великобритании, побывавший в качестве отпрыска посла на королевских приемах в честь высших иностранных гостей, Джон, при всем своем демократизме, счел достойным хотя бы отчасти ввести подобные нормы поведения в практику Белого дома.

Он перестал отправляться в аэропорт для встречи зарубежных гостей, в отличие от того, как это делали Трумэн и Эйзенхауэр. Даже самых высоких зарубежных деятелей Кеннеди встречал у южного входа в Белый дом. Точно так же прекратились отдающие чрезмерной вольницей званые обеды и банкеты, во время которых официальная часть продолжалась лишь несколько минут, а затем начиналось свободное общение. Теперь обычно приемы официальных гостей продолжались недолго. В основном это были деловые беседы, а обед или ужин (обычно тоже краткий и не очень обильный) проводился крайне редко, только для самых видных иностранных визитеров или лиц, по отношению к которым Кеннеди стремился продемонстрировать особое внимание.

В обществе интеллектуалов и деятелей искусства

Семейство Кеннеди ввело в обычай приглашение в Белый дом представителей интеллектуальной элиты. Первыми, естественно, были Гор Видал (состоявший в родстве с Жаклин) и Роберт Ли Фрост. Фрост, четырежды лауреат Пулицеровской премии, гениальный певец Новой Англии, посетил Джона вскоре после инаугурации (на которой он, как мы помним, выступал, читая свои стихи). Поэту уже было 88 лет. В 1963 году прославленный мастер скончался. Вслед за этим появление знаменитых интеллектуалов — ученых и деятелей искусства — в Белом доме стало регулярным. Там побывал один из создателей атомной бомбы Роберт Оппенгеймер, что явилось в какой-то мере пощечиной ФБР, которое вело наблюдение за физиком и даже

безосновательно подозревало его в шпионаже в пользу СССР[42]. Точно так же консервативные круги сочли нарушением традиционных норм приглашение в президентскую резиденцию химика Лайнуса Полинга, получившего две Нобелевские премии за свои фундаментальные труды. Полинг был известен своей бесстрашной защитой американцев японского происхождения, во время Второй мировой войны интернированных по инициативе правительства Рузвельта, а после войны неустанной критикой «маккартизма» и требованиями запрета атомного оружия. Журналисты рассказывали, кто с одобрением, кто с негодованием, что Полинг отправился на президентский прием пешком — перед этим он целый день простоял в группе своих единомышленников перед Белым домом с плакатом «Запретите бомбу!».

После визита Оппенгеймера в Белый дом ближайшие сотрудники Кеннеди установили с ним тесные связи. Сохранилась обширная переписка между прославленным физиком и М. Банди, свидетельствующая, что между ними происходило как деловое, так и неформальное общение. Банди советовал Оппенгеймеру дать интервью журналу «Лайф», которое «было бы полезным в его деле», то есть в связи с попытками преследовать ученого по политическим мотивам. Вскоре после гибели своего шефа, 9 января 1964 года, Банди писал: «Как приятно было получить от Вас новогоднюю телеграмму. Она… напомнила о нашем приятном общем обеде и, более того, о трогательных и драматических встречах в правительственном зале»{640}. Банди, к сожалению, не успел вручить президенту рукопись Оппенгеймера «Передача и понимание научных знаний», которая была послана в Белый дом незадолго до гибели Джона, но президентский советник отозвался очень высоко об этой работе{641}.

Президент и первая леди с интересом беседовали с прославленным испанским виолончелистом-виртуозом и композитором Пабло Казальсом, который в ноябре 1961 года сыграл для них и для их гостя губернатора Пуэрто-Рико Муньора Марина несколько произведений из своего излюбленного репертуара. Кеннеди поблагодарил музыканта за концерт теплым письмом. В следующие два года Казальс выступил перед семьей президента и его гостями еще несколько раз{642}. В Белом доме играл и знаменитый скрипач Айзек (Исаак) Стерн. Как-то состоялся концерт известного русского пианиста-эмигранта Евгения (Юджина) Истомина. В 1961 году Стерн организовал трио с пианистом Истоминым и виолончелистом Леонардом Роузом. Выступали они вместе более двадцати лет. Супруги Кеннеди не преминули пригласить трио в Белый дом на один из

торжественных ужинов, и концерт прошел с огромным успехом.

В июне 1962 года в президентской резиденции был дан прием в честь восьмидесятилетия великого музыканта И.Ф. Стравинского. Кеннеди произнес теплый тост, а ответ композитора и дирижера был, по словам А. Шлезингера, «очаровательным»{643}.

Проводились также концерты камерной музыки, балетные представления. Состоялось несколько спектаклей по драматическим произведениям Шекспира, представленных театрами Вашингтона.

Жаклин отличалась тонким художественным вкусом. С юных лет она восхищалась творчеством Оскара Уайльда и Шарля Бодлера, высоко ценила балетное искусство, представленное миру Сергеем Дягилевым.

Во время визита во Францию в 1961 году супруги Кеннеди познакомились со знаменитым писателем Андре Мальро, занимавшим в то время пост министра культуры. Мальро водил Жаклин по парижским музеям, проявляя высочайшую компетентность в различных жанрах искусства. Позже между ними завязалась довольно оживленная переписка. В апреле 1962 года, когда Мальро находился в США, в его честь был дан обед в Белом доме, а Жаклин в свою очередь стала его экскурсоводом по Национальной художественной галерее в Вашингтоне. С министром было договорено об экспонировании в США великого произведения Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Мальро сам привез эту картину в январе 1963 года. В Национальной художественной галерее и в Метрополитен-музее в Нью-Йорке с ней смогли познакомиться свыше полутора миллиона человек. На первом представлении картины присутствовала президентская чета{644}. Когда же Андре Мальро написал свои воспоминания, он посвятил книгу Жаклин Кеннеди{645}.

К пониманию высокого искусства она всячески стремилась приучить Джона, который с трудом, но всё же поддавался. Учитывая трудности, которые при этом приходилось преодолевать супруге, можно понять ту раздраженную реплику, которой она ответила на вопрос корреспондента, не к месту поинтересовавшегося, какую именно серьезную музыку предпочитает президент. Не моргнув глазом Джеки ответила: «Марш “Салют вождю”, преимущественно в исполнении духового оркестра».

Беда действительно состояла в том, что, искренне желая проникнуть в тайны серьезного музыкального творчества, Джон Кеннеди, испытывая неподдельный интерес и хорошо разбираясь в произведениях классического драматического искусства, очень

плохо понимал классическую музыку, хотя под влиянием Жаклин перестал засыпать на концертах и слушал произведения по крайней мере с показным интересом.

По-видимому, Джон Кеннеди испытывал недовольство в том, что его отец, увлекавшийся классической музыкой и хорошо в ней разбиравшийся, ни в малейшей степени не передал ему это увлечение, да и сам, похоже, стыдился его, скрывая любовь к музыке от публики, о чем мы уже упоминали.

Иногда из-за того, что Кеннеди-сын был «музыкально глухим», происходили досадные недоразумения, когда, например, Джон вдруг начинал хлопать в ладоши посреди исполнения — ему казалось, что оно уже завершено. Разумеется, такие случаи тотчас становились достоянием не только присутствовавших на концерте, но и значительно более широкого круга людей, а это вредило настойчиво создаваемому образу президента — интеллектуала и тонкого ценителя искусства.

По договоренности с Джоном его помощник по связям с общественностью Петиция Болдридж, разбиравшаяся в музыке, стала подавать ему сигналы, что исполнение произведения завершается. Первый раз эти знаки были опробованы во время концерта А. Стерна, сработали четко и затем были введены в систему. Болдридж вспоминала: «Я должна была приоткрыть центральную дверь Восточного зала снаружи примерно на три инча[43] — достаточно, чтобы он заметил выдающийся нос Болдридж… Всё прошло прекрасно этим вечером, а затем и на всех будущих концертах. Когда президент видел дверь слегка приоткрытой, он понимал, что идут последние эпизоды. Он аплодировал, а затем, взяв под руку миссис Кеннеди, поднимался на сцену, чтобы поблагодарить и поприветствовать музыкантов»{646}.

В ход пускалась и элементарная спекулятивная информация. Перед концертом или приемом известного композитора, исполнителя, художника и т. п. Кеннеди запрашивал сведения о его наиболее известных произведениях, концертах, выставках, а во время приема с видом знатока заводил разговор на соответствующую тему. Разумеется, творческие личности были польщены не только вниманием видного политика, но и его компетентностью{647}. Этот прием был старым как мир, но срабатывал почти безотказно.

Джон стал понимать, что концерты и спектакли знаменитых артистов создают представление о подлинном, личном интересе президента к культуре и искусству. Он даже как-то пригласил своего советника — историка А. Шлезингера, считавшегося экспертом не только в исторической, но и в художественной

области, чтобы обсудить вопрос, как создать «образ Белого дома, заботящегося о подлинных культурных ценностях». По словам Шлезингера, дискуссия оказалась плодотворной{648}. Видимо, в ходе ее намечались новые концерты и спектакли для семейства Кеннеди и их гостей и их ненавязчивое освещение в прессе.

В отношении к искусству Жаклин и особенно Джон были консерваторами. Они оставались чуждыми тем новаторским течениям, которые в 1950-1960-е годы возникали в американской и мировой литературе, музыке, живописи. Вероятно, им было известно имя поэта Аллена Гинсберга, яркого модерниста, смело менявшего традиционные подходы к художественному творчеству, вводившему особый стиль текста без знаков препинания, без рифм, с особым внутренним смыслом повествования и ритмикой. Скорее всего, они знали и об Элвисе Пресли и, возможно, случайно слышали некоторые его песни, положившие начало стилю рок-н-ролл, восхищавшему не только молодежь, но и людей среднего возраста. Однако этим творцам, да и массе других новаторов, доступ в Белый дом был закрыт, точно так же как в коридорах и залах президентского особняка просто не могли появиться картины Джексона Поллока и других художников, принадлежавших к абстрактному экспрессионизму. Эти деятели культуры оставались вне рамок признанного властями художественного творчества, хотя, конечно, никаких попыток остановить мощный поток нового искусства администраторы, и президент в их числе, не предпринимали и просто не могли организовать такого рода акции в демократическом обществе. Это было бы такой нелепостью, что никто и подумать об этом не мог.

Шлезингер рекомендовал ввести в Белом доме должность помощника по культуре. Это лицо должно было бы «наблюдать за существующими или возможными областями правительственного воздействия на культуру (начиная с архитектуры аэропортов и налоговой политики и завершая списками заслуженных лиц, которыми могло бы руководствоваться правительство, распределяя спонсорскую помощь и субсидии, а также награды). Помощник должен был бы «каждые шесть месяцев представлять доклад и по возможности программу»{649}.

На таковую должность Шлезингер рекомендовал директора Фонда XX века в Нью-Йорке Огюста Хекшера. Фонд Хекшера являлся некоммерческой исследовательской организацией, которая, в частности, финансировала исследования по социально-политическим вопросам. Правда, Хекшер не имел прямого отношения к культуре и искусству, но президента удалось убедить. В марте 1962 года Огюст Хекшер был назначен

специальным консультантом президента по вопросам искусства. Одновременно он продолжал руководить Фондом XX века. Он формулировал свои главные задачи так: определять общие рамки культурной политики правительства; регулярно информировать президента о мерах, предпринимаемых всеми правительственными учреждениями в области искусства; образовать совещательный комитет в этой области и руководить им{650}.

Создается впечатление, что особого внимания своей работе в администрации Кеннеди Хекшер не уделял и что президент мало с ним консультировался. Вопросы культуры и искусства по-прежнему оставались на периферии сознания президента. Во всяком случае, в июне 1963 года Хекшер ушел в отставку, считая свою миссию выполненной, и новый советник по культурным вопросам так и не был назначен.

Белый дом и вокруг него

Будучи до мозга костей «политическим животным», Джон и особенно его супруга отнюдь не чуждались жизненных радостей, отдыха, общения с природой. Отцовских имений в Массачусетсе и во Флориде им явно не хватало, да они (особенно Джеки) всё больше тяготились назиданиями Джозефа-старшего по любому вопросу — от высокой политики и большого бизнеса до распорядка дня детей.

Жаклин не устраивала и официальная загородная президентская резиденция, основанная Фраклином Рузвельтом неподалеку от Вашингтона в штате Мэриленд (Рузвельт назвал ее Шангри-Ла, Эйзенхауэр переименовал в честь своего внука в Кемп-Дэвид — под этим названием резиденция существует поныне и пользуется всемирной известностью). Кемп-Дэвид не нравился первой леди именно в силу официальности и известности — она не выносила назойливых репортеров, стремившихся обнаружить нечто «жареное». Еще с лета 1955 года супруги Кеннеди являлись хозяевами имения Хиккори-Хилл (*hickory* — вид каштана, то есть название имения можно перевести как Каштановый холм), расположенного неподалеку от Вашингтона, в поселке Маклин (Виргиния), которое они приобрели за умеренную цену в 125 тысяч долларов. Однако после того, как именно здесь Жаклин ожидала первого своего ребенка, родившегося мертвым, она почувствовала, что пребывание в этом месте невыносимо для нее, и в 1956 году Хиккори-Хилл было продано Роберту Кеннеди по себестоимости.

В 1962 году Жаклин подобрала имение в соседней Виргинии,

в местечке под названием Глен-Ора (*гленора* — садовый сорт винограда). Всё здесь было удобно и способствовало безмятежному отдыху — пышные луга, дорожки для верховой езды, в которую Жаклин была влюблена. Она, напомним, с детства слыла мастером конного спорта и лихо брала барьеры. Жаклин, а вместе с ней и Джон приучали к пони, а затем и к лошади четырехлетнюю дочь Кэролайн. Неподалеку начинался субтропический лес. Заходить вглубь было опасно, но прогулки вдоль опушки доставляли истинное удовольствие.

К тому же плата за аренду была сравнительно умеренной — две тысячи долларов в месяц — миллионер Кеннеди тщательно следил за тем, чтобы расходы семьи не превышали разумного предела. Наконец, имение находилось всего в двух часах езды от Белого дома, и это, как предполагалось, давало возможность Джону отдыхать там, дышать свежим воздухом, не отрываясь от исполнения государственных функций. Жаклин даже присматривала подходящий участок земли неподалеку, чтобы создать здесь собственную летнюю резиденцию, но осуществить этот план, будучи первой леди, не успела.

Что касается Джона, то он бывал в новом имении редко, предпочитая отдыхать с братом и его семьей в Хиккори-Хилл. Именно здесь был проведен первый семинар для сотрудников Белого дома и правительства, а затем серия семинаров продолжалась в самом Белом доме и других местах. По традиции они получили название семинаров Хиккори-Хилл. На встречи с работниками государственного аппарата, которыми руководил Артур Шлезингер, приглашались наиболее видные экономисты, социологи, историки. Обстановка была непринужденной: лекции читались за обеденным столом, во время выпивки и закуски, докладчиков можно было прерывать, задавая им вопросы, а затем проходило обсуждение. Иногда на такие встречи приглашались крупные иностранные ученые, например видный британский историк, специалист по России Исайя Берлин{651}. В этих собраниях, которые со временем получили новое название «Академия Хиккори-Хилл», участвовало обычно 50—60 человек.

Жаклин, однако, в этой «академии» не появлялась. Всё реже она посещала и имения семейства Кеннеди в Массачусетсе и Флориде.

Будучи вполне самостоятельной дамой со сложившимися вкусами и привычками, Жаклин тщательно скрывала свое, мягко скажем, сдержанное отношение к семейству мужа, за исключением Роберта, к которому относилась с искренней симпатией.

Ее крайне раздражали и выходки мужа, особенно его амурные

похождения, о которых она отлично знала, но не подавала вида. В полном соответствии с американским выражением «to wear smile» («надеть улыбку») она появлялась на публике с неизменной улыбкой на лице.

Хорошо знавшие семейство Кеннеди люди единодушны в оценке супругов как «общественных персонажей», тщательно скрывавших от окружения свои подлинные взаимоотношения и чувства, умело игравших на публику во имя создания видимости образцовой пары, соответствовавшей вкусам рядовой благопристойной американской семьи. Лем Биллингс называл их обоих великолепными актерами. Анна Фей, поддерживавшая дружеские отношения с братьями и сестрами Кеннеди, в свою очередь говорила о Джеки: «Когда я встретилась с ней в первый раз, я почувствовала, что нахожусь рядом с крупной актрисой»{652}. О том, чего стоила Жаклин маскировка ровного и хорошего настроения на людях, свидетельствовали горы сигаретных окурков, которые были разбросаны по многочисленным пепельницам, расставленным через каждые два-три шага в ее личных комнатах Белого дома. О том же говорила привычка грызть ногти, когда Жаклин никто не видел: на людях она почти всегда появлялась в перчатках, которые считала необходимой принадлежностью туалета модной дамы высшего света. Помимо этого, Жаклин настолько пристрастилась к кофе, что к вечеру была крайне возбуждена и могла уснуть, только приняв дозу снотворного, которая со временем всё увеличивалась.

Стремясь занять себя не только светскими беседами, посещением дорогих магазинов и зарубежными поездками, а чем-то, с ее точки зрения, более стоящим, Жаклин Кеннеди организовала переоборудование центральной части Белого дома — президентского «особняка». Эти работы она считала лишь первым этапом, за которым должна была последовать коренная перестройка боковых помещений, включая главный из них — Овальный кабинет. Но пока перспективные планы не разглашались.

В декабре 1960 года супруга Эйзенхауэра Мэнни провела для новой первой леди своего рода экскурсию по Белому дому. Ничем не выдав своего негативного впечатления, Жаклин вслед за этим рассказывала друзьям, не скрывая презрения, что резиденция выглядит как второсортная гостиница с мебелью, купленной в универмаге во время распродажи, что пол в бальном зале напоминает кабинет зубного врача, а цвет орнаментов режет глаза{653}.

Поселившись в Белом доме, Жаклин приступила к

переоборудованию, начав с центральных жилых помещений. Пригласив на помощь известного нью-йоркского декоратора Генри Пэриша, она стала менять обои, ковры и т. д. В течение двух недель были израсходованы те 50 тысяч долларов, которые предназначались по бюджету на ремонт резиденции в течение года. Необходимо было искать средства на дальнейшие работы. В феврале 1961 года, то есть через месяц после переселения в Белый дом, Жаклин, получив сдержанное согласие своего супруга, организовала встречу группы бизнесменов, которые более или менее прилично разбирались в искусстве, в частности в оформлении жилых помещений. На этой встрече был образован комитет по искусству — временный орган, специально занимавшийся обновлением Белого дома. Возглавил его Генри Дюпон, миллиардер из города Вилмингтона, штат Делавэр, который был широко известен своими великолепными художественными коллекциями, в том числе образцами редчайшей мебели.

Дюпон и другие богачи организовали сбор средств на реставрацию президентской резиденции, с тем чтобы у Кеннеди не было необходимости обращаться по этому поводу к конгрессу, в котором он не имел прочного большинства. Тот же Дюпон привлек к руководству работой знаменитого французского реставратора Стефана Будина, который перед этим руководил работами по восстановлению ряда европейских дворцов{654}.

Жаклин Кеннеди, правда, жаловалась на скупость богачей. Она рассказывала, что приходилось пить «девяносто девять чашек чая» с какой-нибудь дамой, чтобы она пожертвовала 50 долларов на Белый дом{655}. Такие случаи, видимо, действительно были, но в целом сбор средств проходил успешно.

Обновление Белого дома шло быстрыми темпами. Президент непосредственно не вникал в эту работу, будучи занят государственными делами, но в целом сделанное ему нравилось. Иногда, впрочем, он проявлял недоумение. Когда он увидел, что стены Голубой гостиной стали белыми, он воскликнул: «Ради бога, Джеки, может быть, лучше было бы, чтобы Голубая комната оставалась голубой?» Однако и на этот раз, как и в других случаях, касавшихся обновления резиденции, последнее слово осталось за Жаклин{656}.

Первые ремонтные работы завершились к осени 1961 года, хотя многим супруга президента осталась не удовлетворена и укрепилась в своем намерении осуществить второй этап, главным образом в боковых (западной и восточной) частях дома.

Жаклин выступила инициатором создания Исторической ассоциации Белого дома — своеобразной добровольной научно-

просветительной организации, в задачи которой входили руководство дальнейшими работами по приданию президентской резиденции традиционного и вместе с тем современного вида, изучение истории Белого дома как с архитектурной, так и с бытовой точек зрения (разумеется, политическая сторона деятельности администраций в компетенцию ассоциации не входила), распространение знаний о Белом доме в самых широких кругах. Учредительное собрание ассоциации состоялось 3 ноября 1961 года.

В уставе новой организации говорилось, что это добровольное объединение «работает совместно с Национальной службой парков, куратором Белого дома, главным управляющим Белого дома и Первым Семейством с целью заботы, реставрации и интерпретации истории государственных помещений Белого дома, резиденции исполнительной власти и всего комплекса Белого дома». Ассоциация ставила одной из своих главных задач «идентификацию и приобретение произведений высокого и декоративного искусства в соответствии со стремлением сохранить историческое единство Белого дома»{657}. Хотя финансовые вопросы вроде бы оставлялись в стороне, членами ассоциации, наряду с учеными и деятелями искусства (надо сказать, не самыми известными), являлись бизнесмены, от которых ожидались пожертвования на дальнейшие работы. Президент вначале не был в восторге от затеи своей жены, опасаясь неблагоприятных откликов в прессе и в конгрессе, но вскоре счел, что эта сторона представительства всё же будет способствовать его популярности среди американцев{658}.

По завершении первого этапа работ Белый дом стал напоминать богатое провинциальное имение старой Англии, и это, как полагала первая леди, должно было внести оттенок успокоения и снизить почти постоянную напряженность, присущую президенту. Для придания резиденции необходимого музейного шарма из подвалов были подняты предметы старой мебели, редкие книги, картины. То, чего не хватало, было приобретено в антикварных магазинах.

Жаклин Кеннеди особенно гордилась находкой — старинным письменным столом, изготовленным в мастерских его величества короля Великобритании. Стол был водружен в Овальный кабинет, который, правда, пока не реставрировался. С тех пор он там и находится{659}.

После реставрации Джеки написала путеводитель по Белому дому{660}, который прекрасно продавался и принес ей значительный гонорар. За первый год было продано свыше шестисот тысяч экземпляров, что по американским меркам

являлось очень неплохим результатом{661}. Но это было только начало. Общий тираж книги «Белый дом: Исторический путеводитель» составил около восьми миллионов экземпляров на многих языках, что принесло миллионные гонорары, полностью переданные в фонд Исторической ассоциации и использованные в основном на приобретение старинной мебели и предметов искусства{662}. Путеводитель выдержал много изданий. В наши дни создан новый путеводитель по Белому дому, написанный специалистами{663}, но в основе его остается работа Жаклин Кеннеди{664}.

Опираясь на содержание путеводителя, Жаклин стала проводить телевизионные экскурсии по той части Белого дома, которая была реставрирована и доступна для посетителей. О первой передаче, которую она вела из Белого дома, остались многочисленные отзывы.

14 февраля 1962 года по телеканалу «Си-би-эс» передачу посмотрели около сорока шести миллионов человек, примерно треть населения Соединенных Штатов или три четверти семей, у которых уже были телевизоры, причем зрителей и слушателей особенно привлекало не то, что демонстрировалось, при всем интересе к жилищу президента, а сама Жаклин, в которую к этому времени уже была влюблена не только мужская, но и женская половина американцев. Подавляющее большинство откликов в прессе носило если не восторженный, то, во всяком случае, комплиментарный характер. «Чикаго дейли ньюс», например, писала, что это было «величайшее экскурсионное путешествие в истории». Затем, правда, чуть снизив степень восторга, эта же газета признавала, что Жаклин выглядела вначале «неловкой», но аудитория не обращала внимания на недостатки. «Это был пример телевизионной передачи в ее наилучшем виде»{665}. Критические комментарии просто тонули в этом хвалебном хоре. Среди отзывов, правда, попадались просто злобные. Писатель Норман Мейлер даже посвятил этому экскурсионному туру целую статью в журнале «Эсквайр», в которой сравнивал Жаклин с бесталанной «звездочкой», пытавшейся компенсировать отсутствие способностей «искусственным голосом» и «стремительной пробежкой по Белому дому»{666}. Между прочим, после этого случая ФБР начало слежку за видным писателем, которая продолжалась 15 лет. Досье Мейлера в ФБР открывалось газетой с этой статьей{667}.

Голос Мейлера, однако, был одинок.

Последующие передачи также сопровождались неизменным успехом, способствовали популярности Жаклин и увеличению ее «карманных денег», которых, однако, совершенно не хватало на

ее развлечения и наряды.

Передачи еще более усилили чувство глубокой симпатии к Жаклин в самых различных кругах американцев. Сценарий передач, разумеется, подготовленный специалистами, но согласованный с высокопоставленной ведущей, обязательно предусматривал появление на одну-две минуты президента — как правило, за рабочим столом или занятым каким-то другим государственным делом. Кеннеди неизменно обращался к соотечественникам с несколькими словами приветствия или бросал несколько непринужденных реплик в ответ на обращение жены.

Когда Кэролайн чуть подросла, в Белом доме был образован своего рода детский сад. Вначале Жаклин вместе с несколькими матерями — супругами ответственных сотрудников Белого дома, у которых были маленькие дети, по очереди выступали в качестве воспитательниц. Но педагогического энтузиазма Жаклин хватило ненадолго, и вскоре были наняты опытные воспитатели и учителя{668}.

По существу дела, развитием этого необычного дошкольного образовательного заведения стало создание своеобразной начальной и неполной средней школы в Белом доме. Здесь учились дети наиболее ответственных сотрудников центрального аппарата — 25—30 человек. Они, таким образом, были освобождены от посещения обычных школ и, следовательно, от нежелательных контактов с прессой, школьными работниками, да и своими одноклассниками, так как такие контакты могли привести к нежелательному разглашению сведений о жизни в Белом доме, о взаимоотношениях лиц, входивших в высшую администрацию, и т. п. Для работы с учениками были подобраны первоклассные преподаватели. В преподавательской работе принимала участие и президентская супруга. Учитывая разницу в возрасте и подготовке, занятия с детьми фактически носили индивидуальный характер{669}.

Видимо, Жаклин читала, как жаловался президент Рузвельт на однообразную и невкусную пищу в Белом доме, на невысокое искусство тамошних поваров. Она полностью разделяла это недовольство, тогда как ее супруг к пище был почти равнодушен — его устраивало традиционное американское меню, не отличающееся разнообразием и не претендующее на изысканность. Уже весной 1961 года для обслуживания Белого дома был нанят новый шеф-повар француз Рене Вердон, который вместе с главной хозяйкой занялся введением новых кулинарных нравов. Они совместно определяли меню обычных обедов и званых вечеров. При этом на первый план выдвигалась, как

правило, не свойственная американцам, в том числе и высокого положения, культура застолья — «правильное» вино, «правильные» бокалы, «правильная» чайная посуда, вовремя поданные сыры. А кулинарная книга Женского национального пресс-клуба назвала Белый дом «лучшим французским рестораном в городе»{670}.

Но этим дело не кончилось. Начитавшись британской литературы, Жаклин поставила задачу превратить свое «жизненное пространство» в некое подобие сказочного королевства Камелот со спектаклями, турнирами и легендами, но главное — полное радостного возбуждения, которым она явно пыталась заглушить чувства одиночества и тоски, которые ею подчас овладевали. Правда, название Камелот употреблялось только в близком кругу. Впервые Жаклин использовала его публично через две недели после гибели своего мужа в интервью Теодору Уайту, сотруднику журнала «Лайф», будущему автору книги о президентстве Кеннеди{671}. Здесь Белый дом был назван местом чести и рыцарских нравов, местом гармонии и почитания прекрасных дам. Это было место короля Артура, говорила Джеки, имея в виду своего почившего супруга.

Хотя многие ответственные сотрудники Белого дома решительно отвергали сравнение президентской резиденции с замком короля Артура (секретарь Кеннеди Эвелин Линкольн, например, считала это чистейшей фантазией Жаклин{672}), образ Камелота не просто пришелся по душе миллионам американцев. На несколько лет возник своеобразный культ рыцарства, мужественных мужчин и прекрасных дам, героического и в то же время не столь уж трудного отпора варварам, которых сбрасывали с крепостных стен. Театральные режиссеры ухватились за произведения, связанные с образом короля Артура, появились драматические спектакли, оперные постановки, шоу на эту тематику, которые пользовались неизменным успехом.

А некоторые театры, в которых «Камелот» ставился и до этого, смогли воспользоваться огромным преимуществом. Таковым был, например, оперный театр в Чикаго, в котором как раз в это время шел мюзикл «Камелот». Кинокомпания «Уорнер Бразерс» экранизировала этот мюзикл. Он также был поставлен на Бродвее в Нью-Йорке (музыка Фредерика Лоу, в главных ролях были заняты Луис Хейуорд, Ричард Бартон и Джули Эндрюс), а затем совершил тур по всей стране.

О представлении, которое шло как раз после появления в печати интервью Жаклин Кеннеди, рассказывалось: «Луис Хейуорд играл короля Артура. Когда он появился на сцене, в зале раздался внезапный плач. Это не было подавляемое

всхлипывание, это был громкий, чуть ли не спонтанный крик, вызванный болью. Спектакль был остановлен и почти пять минут все в театре — на сцене, за кулисами, в оркестре, в зале — плакали, не сдерживая слез. Затем спектакль возобновился»{673}.

Нам, однако, пора возвратиться к первой леди и ее высокопоставленному мужу. Следует еще раз отметить, что брак с сенатором, а затем президентом, учитывая все его личные, мягко скажем, особенности, был для гордой и считавшей себя самодостаточной женщины унизительным, несмотря на высокое общественное положение. Об этом свидетельствует многое.

Она дважды задумывалась о том, чтобы прервать брак, и только вмешательство клана и прежде всего его главы останавливало ее на пути к полному разрыву. Однажды Жаклин попыталась было поставить вопрос о разводе с Джоном открыто (до того как он стал президентом) перед ним самим и его родителями, но крупная сумма, предложенная свекром, погасила этот порыв.

Было бы, наверное, неправильно полагать, что Жаклин не испытывала никаких чувств к Джону, что это был только брак по расчету. Жаклин привлекали в муже его способности непринужденно общаться с людьми самого разного положения в обществе, остроумие, уважение к интеллекту и жажда вести нетривиальные беседы с людьми одаренными и заслуженно пользующимися уважением. Особенно ярко ее чувство к Джону выразилось в том подлинном потрясении, в том отчаянии, которое испытала молодая женщина, когда на ее глазах был застрелен муж-президент, в следующие минуты скончавшийся у нее на руках.

Отношения между Джоном и Джеки не были ровными. Близкие к ним люди отмечали, что иногда они были просто нежны друг к другу, чаще казались хорошо сработавшимися сотрудниками и очень редко проявляли явную холодность, ограничиваясь скудными репликами, иногда вообще не разговаривая или, точнее, разговаривая на публике только с другими людьми.

Парадоксально, но этот стиль своих контактов с супругом первая леди сочетала с вполне спокойным отношением ко всем его амурным похождениям, делая вид, что их не замечает. Разумеется, никто не знает, что происходило между супругами Кеннеди за плотно закрытыми дверями. Но ни разу какие-либо следы ссоры не просачивались во внешний мир. Однако то, что между ними подчас имели место конфликты, становилось известно штату Белого дома по косвенным признакам. О том, что состоялся неприятный разговор, сотрудники понимали, когда

Жаклин внезапно объявляла, что она отправляется в Глен-Ора. Там она «каталась на лошадях, когда бесилась», — вспоминала Петиция Болдридж, которая явно относилась к Джону благожелательнее, чем к Жаклин{674}.

Жаклин являлась весьма противоречивой натурой. Как определил один из технических сотрудников Белого дома, «на публике она была элегантной, отстраненной и в то же время склонной к сочувствию и сопереживанию… В частной жизни она была мелочной, нетерпеливой, раздражительной. В то же время у нее были железная воля, большая решительность, чем у кого бы то ни было, с кем я встречался, но говорила она мягко, аккуратно и так убедительно, что оказывала сильное влияние на волю людей, которые даже не замечали этого»{675}.

В то же время Жаклин стремилась вести как можно более богатую светскую жизнь, для которой готовила себя с раннего детства. Она не умела считать деньги, тратила огромные суммы на всякие мелочи, которые ей, возможно, когда-нибудь и могли бы пригодиться, а часто просто на дорогие безделушки. Дело доходило до того, что Кеннеди жаловался сенатору Смазерсу: «Она считает, что можно попусту тратить сколько угодно денег. И я никак не могу понять, сколько же денег ей нужно. Поверь мне, что такие мысли просто сводят меня с ума»{676}. Однажды президент решил проверить счета своей супруги. Обнаруженные цифры в очередной раз вызвали его крайнее удивление. Оказалось, что, посетив универмаг, Жаклин за один раз потратила 40 тысяч долларов. На вопрос, что же она приобрела за такие большие деньги, Жаклин с улыбкой ответила: «Я просто не помню». Джону пришлось напомнить супруге, что его годовой оклад составляет 100 тысяч долларов, тогда как расходы во много раз больше, что он просто не в состоянии нести бремя ее трат.

Кеннеди, конечно, лукавил. Он был миллионером, который отказался от президентской зарплаты, так что ссылка на оклад была просто бессмысленной. Но привычка вести относительно скромный образ жизни, не допускать неразумных трат у него сохранилась на всю жизнь, и он не мог понять склонности к транжирству у своей супруги.

В то же время Жаклин временами проявляла чувства снисходительности и доброты, которые, правда, порой трудно было отделить от расчетливости, подчас сугубо политической. В этом она иногда очень удачно подыгрывала своему супругу, особенно когда он вел сложные межгосударственные переговоры.

Помощник президента по связям с общественностью Петиция Болдридж рассказывала следующую историю, произошедшую в июне 1961 года в Вене во время переговоров между Кеннеди и

Хрущевым (в австрийскую столицу оба государственных руководителя приехали с женами): «Миссис Кеннеди подошла к окну, улыбнулась и помахала рукой. Толпа встрепенулась, послышались громкие приветственные крики. Но тут она поняла, что миссис Хрущева также является гостем и что ее может обидеть, что никто не призывает к себе миссис Хрущеву. Она подошла к Хрущевой и сказала: “Они хотят вас увидеть”, подвела ее к окну, Хрущева помахала рукой, и некоторое время две женщины постояли там вместе»{677}.

Впрочем, встрече в Вене предшествовала встреча Джона Кеннеди с президентом Франции Шарлем де Голлем в Париже. По общей оценке корреспондентов, освещавших эти переговоры, Жаклин своим поведением, манерами, одеждой во многом способствовала тому, что проходили они несколько спокойнее, чем могли быть, имея в виду курс де Голля на постепенное освобождение от американской опеки. Внимание к супруге американского президента, впервые оказавшейся за рубежом в качестве первой леди, было настолько пристальным, что Кеннеди на заключительной пресс-конференции заявил: «Я вообще не считаю подобающим представляться этой аудитории. Я ведь только человек, сопровождающий Жаклин Кеннеди в Париже, и я получаю от этого удовольствие»{678}.

Подобное умиротворяющее влияние Жаклин оказывала и во время переговоров в Вене. По словам корреспондента газеты «Нью-Йорк тайме», который обнародовал только что приведенные слова Джона: «Никита Хрущев на банкете казался потрясенным. Он пододвинул свое кресло к ней поближе и, поедая ее глазами, рассказывал забавные истории. На следующий день, когда Жаклин и матрона Нина Хрущева вместе обедали во дворце Паллавичини, собравшаяся снаружи толпа выкрикивала: “Жаклин, Жаклин, Жаклин”… Париж и Вена обрели новую богиню. У США появилась королева, причем не из Голливуда»{679}.

Конечно же такое отношение толпы определялось прежде всего внешним обликом Жаклин. Но опытные иностранные политики, а таковыми являлись и де Голль, и Хрущев, видели в ней нечто большее. К этому можно добавить мнение такого видного американского деятеля, каковым был министр обороны Роберт Макнамара, который свидетельствовал, что Кеннеди иногда советовался со своей женой по государственным вопросам: «Я не имею в виду, что между ними были долгие серьезные дискуссии, но она безусловно была информирована о том, что происходило, и выражала свое мнение почти по всем вопросам»{680}.

Отдавая должное всевозможным социальным мероприятиям, на которых обязательно должна присутствовать первая леди, создавая праздничное настроение, очаровывая присутствующих, заботясь о том, чтобы никто не остался без внимания, Жаклин в то же время предпочитала одиночество, была замкнутой и, как полагали некоторые наблюдатели, даже стеснительной. Ее раздражали массовые сборища родственников Кеннеди в Хайаннис-Порте, их «глупые игры на лужайках»{681}.

Она предпочитала проводить время с детьми или даже в одиночестве в Глен-Ора или в имении своей матери. Имея неплохую физическую подготовку, Жаклин увлеклась водными лыжами и продолжала совершать верховые прогулки на лошади.

Выход к публике в Белом доме она стремилась свести к минимуму. Началось это сразу после инаугурации. Президент поручил шефу протокола Госдепартамента Анджеру Дьюку согласовать с первой леди регламент ее появлений на приемах. Между Жаклин и дипломатом состоялся разговор, в ходе которого она потребовала, чтобы ее участие в официальных мероприятиях было сведено к минимуму. «Но я буду выполнять свои обязанности и делать то, что от меня требуется», — добавила Жаклин. Дьюк разъяснил, что, когда главы государств посещают Вашингтон с женами, протокол требует, чтобы в официальных мероприятиях участвовала и жена президента. Раздраженная этим президентская супруга заявила в ответ: «Не можете ли вы договориться с послами — пусть они скажут своим главам государств, чтобы они не брали жен с собой»{682}.

В этом смысле любопытен и следующий эпизод. Когда в Белый дом должен был прибыть премьер-министр Италии А. Фанфани, Кеннеди, не успевший завершить предыдущий прием, передал Жаклин, чтобы она приняла гостя и в течение буквально пяти минут его развлекала. «Но о чем я буду с ним говорить?» — страдальчески спросила она секретаря президента Эвелин Линкольн. Та повторила, что президент появится очень скоро. «Хотела бы я, чтобы это было действительно так»{683}, — заявила Жаклин.

Видимо, некоторые особенности характера Жаклин, странности ее поведения были в какой-то мере обусловлены патологией ее детородной функции и связанными с этим семейными трагедиями.

В 1963 году Жаклин забеременела в пятый раз. Первая беременность в 1955 году закончилась выкидышем. В следующем году извлекать ребенка пришлось при помощи кесарева сечения, но он оказался мертвым. Роды Кэролайн и Джона также пришлось проводить путем кесарева сечения. Наконец, последняя

беременность также закончилась трагически.

Произошло это так. Жаклин должна была родить в середине сентября. В начале августа Джон вместе с обоими детьми отправился на краткий отдых, который он собирался провести на живописном острове Скво на озере Мичиган в штате Висконсин. Однако 7 сентября ему сообщили, что у Жаклин начались роды и она доставлена в военный госпиталь в Бостоне. Президент немедленно туда вылетел. На этот раз прибегать к кесареву сечению не пришлось. Сами по себе роды прошли благополучно. Ребенка назвали Патриком в честь прадеда по отцовской линии. Однако уже через несколько часов врачи обнаружили, что ребенок не в состоянии нормально дышать. Точнее говоря, его легкие не полностью расширялись при вдохе, и в результате в процессе дыхания кровь не насыщалась кислородом. Начальное наполнение легких воздухом прерывалось, и для их дальнейшего расширения требовалось внешнее вмешательство.

Такое состояние, иногда возникающее у недоношенных новорожденных детей, называется болезнью гиалиновых мембран. Лишь в отдельных случаях медикам удавалось привести ребенка в нормальное состояние оперативным путем, а еще реже болезнь проходила сама собой — мембрана, препятствовавшая дыханию, рассасывалась. Но почти всегда такие дети были обречены на быстрое угасание. Случай Патрика оказался именно таковым. Несмотря на все старания лучших медиков, через 40 часов после рождения Патрик умер.

Родители отнеслись к смерти ребенка сдержанно, но трагедия сблизила их. Джон говорил жене (об этом рассказывала Жаклин своей матери уже после гибели мужа): «Мы не должны создавать в Белом доме обстановку печали. Это будет плохо во всех отношениях — и для страны, и для работы, которой мы занимаемся». Она была тронута его словами об общем деле, общей работе, которые, как ей казалось, прозвучали впервые. «Я знала, что он хотел еще одного мальчика. Он испытывал такую чистую радость, когда он появился. Он относился к таким мужчинам, которые должны иметь целую стаю детей. Он чувствовал потерю младенца точно так же, как и я»{684}.

После смерти Патрика работники Белого дома единодушно обратили внимание на то, как резко изменились взаимоотношения супругов. Они стали проводить вместе значительно больше времени, заметно было, что их нежность перестала быть показной. Они стали более внимательными друг к другу в бытовых мелочах.

Некоторое время Жаклин провела в семейном имении на Кейп-Коде. В конце каждой недели Джон отправлялся туда.

Эвелин Линкольн вспоминала: «Каждый раз он хотел привезти ей что-нибудь, что свидетельствовало бы о том, что он думал о ней, и стремился поделиться с ней всем, что он переживал в Вашингтоне. Иногда он просил собрать букет цветов из сада или с лужаек Белого дома»{685}.

В некоторых американских изданиях, особенно благорасположенных к Жаклин, чуть ли не с восторгом рассказывается, какое внимание уделяла она заботе о своих детях, их воспитанию. Иногда, правда, и эти авторы отмечают, что, бегая и прыгая вместе с детьми, Жаклин играла некую роль — в данном случае роль преданной матери, забывавшей обо всем другом, когда она находилась рядом с Джоном и Кэролайн{686}. Более объективные авторы отмечают, что Жаклин уделяла детям внимание, но особенно не перегружала себя заботами о них. В младенческом возрасте дети питались не материнским молоком, а соответствующими смесями. Всеми делами, связанными с Кэролайн и Джоном-младшим, занималась няня Мод Шоу. Максимум, что могла позволить себе мать по уходу за детьми — иногда присутствовать при их купании, которое проводила няня{687}.

Жаклин Кеннеди, как видим, быстро вошла в роль первой леди, делала всё, чтобы ею восторгались и в стране, и за рубежом, но в то же время оставалась своеобразной «принцессой» (так ее часто называли), расчетливой и эгоистичной.

Может показаться удивительным, что вопрос о финансовом обеспечении жизни первого семейства Америки беспокоил Джона Кеннеди, несмотря на то, что он получал постоянный крупный доход. Личный капитал президента составлял приблизительно десять миллионов долларов, и эта сумма гарантировала годовой доход около одного миллиона. В качестве президента Кеннеди получал заработную плату 100 тысяч долларов в год, к которой прибавлялись 50 тысяч долларов на представительские расходы и 40 тысяч долларов на поездки. Несмотря на кажущуюся значимость сумм, это были фактически нищенские деньги, если иметь в виду, что на один прием в Белом доме затрачивалось не менее 10—15 тысяч долларов, а таковых приемов в год, несмотря на то, что Кеннеди резко сократил их число по сравнению с предыдущими президентами, были десятки. Имея именно это в виду, Джон, с учетом мнения своих финансовых советников (главным среди них был Томас Уолш, бухгалтер и специалист по налогам, работавший в нью-йоркском офисе Джозефа Кеннеди), решил, как мы уже писали, вообще отказаться от президентской зарплаты (на этом он почти ничего не терял, так как соответствующие суммы вычитались из его налогов).

Средства, от которых он отказался, поступали в благотворительные фонды, причем соблюдалась формальная секретность, с чьего счета шли деньги. Разумеется, полную тайну сохранить было невозможно, да Кеннеди вряд ли на это рассчитывал. Когда в 1961 году была переиздана его книга «Почему спала Англия» (посвященная, напомним, Мюнхенскому соглашению 1938 года), автор писал католическому кардиналу Р. Кашингу: «Издатель сообщил мне, что книга даст гонорар приблизительно между пятью и десятью тысячами долларов. Пожалуйста, сообщите мне о той области благотворительности, в которой Вы заинтересованы, чтобы я мог туда направить гонорар. Естественно, я хотел бы, чтобы всё это дело оставалось конфиденциальным»{688}. Совершенно очевидно, что «полной конфиденциальности» в таких условиях, когда, по крайней мере, глава американской католической церкви был в курсе дела, обеспечить было невозможно.

К последнему следует добавить, что в своих благотворительных акциях Кеннеди отнюдь не отдавал предпочтение католической церкви, к которой принадлежал. Обычно он распределял пожертвования среди протестантов, католиков, еврейских религиозных организаций, а также бойскаутов и герлскаутов, учебных заведений, создаваемых негритянскими объединениями. Несколько раз он направлял деньги организациям кубинских эмигрантов{689}.

Хотя содержание Белого дома проходило по особой статье расходов и к финансовой стороне этого дела президент не имел прямого отношения, он, верный тому, что заложил в него родитель, время от времени проверял, как тратятся суммы, ассигнованные на резиденцию. Однажды он счел, что содержание трех садовников излишне, что можно обойтись меньшим числом рабочих, которые, по его мнению, часть рабочего времени бездельничали. Он распорядился, чтобы на приемах буфетчики ни в коем случае не открывали одновременно много бутылок шампанского и к тому же не обходили с бутылками тех гостей, бокалы которых еще не были полностью опустошены{690}.

Женщины президента

После того как супруги Кеннеди перебрались в Белый дом и Жаклин стала первой леди страны, существенных изменений в личной жизни ее супруга не произошло. Отношения интимного характера занимали в жизни Джона определенное и, надо сказать, — не очень скромное место. Судя по существующим источникам и литературе, Кеннеди привлекал внимание окружавших женщин

как своей внешностью, так и способностью общаться, что для американской аудитории, более чем для любой другой, является особенно важным. Выделялся он также своим образованием и военной биографией. Естественно, что Джон имел немало поклонниц, которым и сам оказывал знаки внимания. После смерти Джона Кеннеди в прессе и в литературе появилось немало историй, часть из которых, возможно большая, была явной данью вкусам массового потребителя. Однако некоторые из них были правдой.

У Джека временами появлялись новые симпатии и пассии, с чем Джеки вынуждена была мириться во имя сохранения президентской семьи и ее авторитета.

Правда, Джон говорил одному из своих знакомых Чарлзу Бартлетту, что, став президентом, он намерен прекратить свои амурные дела, что будет стремиться сохранять Белый дом «чистым»{691}. Однако эти слова остались лишь благим пожеланием. В действительности и в годы пребывания на высшем государственном посту Джон Кеннеди не оставлял своих полигамных привычек.

Авторы этой книги неоднократно ставили перед собой вопрос — следует ли освещать эту сторону жизни знаменитого американского государственного деятеля, не превратится ли книга в некое желтое чтиво. Мы решили, однако, что без соответствующего описания образ Джона останется неполным. Ведь сексуальные интриги и даже авантюры занимали немаловажную часть его времяпрепровождения, а иногда даже соприкасались с политикой, хотя в значительно меньшей степени, чем об этом твердили его политические противники и просто охотники за «жареным».

Свою повышенную сексуальность Кеннеди, естественно, не демонстрировал на публике, но не считал ее чем-то предосудительным, не скрывал от людей, которым доверял, в том числе даже от некоторых крупных государственных деятелей зарубежных стран. Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан при всей своей невозмутимости консервативного лидера был озадачен, когда в разгар переговоров на Бермудских островах в декабре 1961 года его собеседник вдруг заявил: «Интересно, как это происходит с вами, Гарольд. Если у меня в течение трех дней не будет женщины, я буду чувствовать ужасную головную боль»{692}. Если считать, что эта реплика отражала его реальные ощущения, можно предположить в этой сексуальной озабоченности даже некий болезненный компонент. На эту сторону, правда, многочисленные лечащие врачи Кеннеди внимания не обращали. К услугам сексопатологов он не прибегал,

а урологи, которые его иногда пользовали, занимались совершенно другими сторонами физического состояния, в частности рано возникшим заболеванием предстательной железы{693}. Очевидно, в повышенной сексуальности играли роль и лекарства, которые принимал Джон, в частности амфетамин.

Хотя сведения о внебрачных связях главы сильнейшей мировой державы иногда проникали в печать, ни одного скандала так и не произошло. Ни Жаклин, ни покинутые Джоном любовницы не устраивали публичных сцен. Дамам было достаточно, что до них снизошло первое лицо государства. После свидания (они происходили в Белом доме, когда там не было супруги, в домах родственников и друзей, чаще всего в доме шурина — актера Питера Лоуфорда) Джон провожал свою пассию до лифта и иногда произносил дежурную остроту: «Вручаю вас в руки секретной службы. Постарайтесь выглядеть девственницей». В этих словах был, пожалуй, скрытый подтекст — предупреждение, чтобы пассия вела себя скромно, не разглашала своей связи с высшим лицом государства.

Что касается Жаклин, то она как-то сама завела разговор на скользкую тему со своей подругой Бетти Спеллинг. Бетти рассказывала: «Я вспоминаю один случай, когда Жаклин начала откровенный разговор со мной по поводу любовниц мужа. Она знала, что Джон не был ей верен. Во время разговора она спросила, соответствует ли действительности, что у ее мужа длительный роман с Памелой Тернер. Я ответила, что ничего не слышала об этом. Действительно, я не знала об этой связи. Но если бы и знала, ничего не рассказала бы»{694}.

Упомянутая в этом разговоре Памела Тернер была одним из секретарей Кеннеди во время его сенаторства, а после перехода в Белый дом он забрал ее с собой и вскоре сделал пресс-секретарем супруги. Жаклин вначале отказывалась от помощницы, но вскоре убедилась, что она просто не в состоянии выдержать постоянного общения с прессой, и не очень охотно согласилась на выбор супруга. Расчет был точным. Когда первая леди покидала Белый дом, она старалась не брать с собой Памелу. Джон имел возможность устраивать любовные свидания с секретаршей жены, о которых хорошо знали его охранники, но они в течение многих лет держали язык за зубами{695}. Для президента Памела Тернер была важным источником информации о том, что происходило в стенах Белого дома, о чем говорили его сотрудники и даже первая леди. Так что выполняла она двойную роль: и любовницы президента, и его своеобразного «секретного агента».

Дольше других продолжалась связь с актрисой Джудит Кэмпбел-Экснер, которую он «отбил» или скорее получил в

наследство от Питера Лоуфорда, женатого на младшей сестре Джона Патриции (перед этим Джудит побывала любовницей знаменитого певца Фрэнка Синатры). Это, видимо, был единственный случай, когда в личную жизнь президента вмешался вездесущий глава ФБР Э. Гувер. Гувер передал Роберту, который был его начальником (ФБР входило в систему министерства юстиции), донесение, полученное по инстанциям, о том, что актриса поддерживала отношения с известными деятелями преступного мира — мафиози С. Джианканой и Д. Роселли (была установлена ее сексуальная связь с Джианканой). Это был сигнал тревоги. Неразборчивая актриса могла только догадываться о том, по каким причинам президент, который был к ней перед этим столь внимателен, вдруг стал полностью недоступен{696}.

Впоследствии Кэмпбел-Экснер опубликовала мемуары, полные, с ее точки зрения, душераздирающих подробностей ее связи с Джоном Кеннеди, в том числе откровенных постельных сцен, включая и якобы имевшие место попытки коллективного секса, от которого она отказывалась. Актриса поведала и о своей связи с Джианканой и другими главарями мафии, но отрицала, что была их связной{697}.

Прошло, однако, еще некоторое время, и появились интервью все той же Джудит, в которых она рассказывала о своих тайных миссиях к Кеннеди от имени руководителей мафии, правда, трудно было понять, в чем именно эти миссии состояли{698}. Джудит якобы возила какие-то деньги Джианка-не по поручению Кеннеди, по ее предположению, это был аванс за организацию убийства Фиделя Кастро. Главарь мафии поджидал ее на железнодорожном вокзале как простой смертный; президент, по мнению отставной любовницы, не мог найти более надежного курьера! В обзорах и критических статьях серьезных авторов все эти истории просто высмеивались, определялись как фантазии больного воображения{699}. Американские авторы, подробно рассматривавшие публикации Кэмпбел-Экснер, почти единодушны в том, что у нее действительно была любовная связь с Кеннеди, прерванная уже в начале его президентства. Однако никаких других, то есть деловых, отношений между ними никогда не существовало.

Одной из самых ярких личностей, фигурировавших в биографии Джона Кеннеди, была известная или, как ее называют сейчас, — великая Мэрилин Монро. Об этой актрисе ходит немало легенд и по сей день. Некоторые считают ее глупой и весьма поверхностной, другие называют алкоголичкой и наркоманкой. Но на самом деле люди, которые близко

соприкасались с ней, определяют ее, по крайней мере до последних лет жизни, как женщину начитанную, обладавшую немалыми знаниями и разбиравшуюся в политических коллизиях современной ей Америки. Мэрилин считают талантливым и феноменально трудолюбивым человеком не только в области кино. Ее биограф Рэнди Тараборелли называет актрису «зарегистрированным демократом», то есть она являлась реальным членом Демократической партии{700}.

Мэрилин была хорошо осведомлена о ситуации в период предвыборной кампании Кеннеди, имела свое мнение по принципиальным политическим вопросам и придерживалась его в любых дискуссиях, в которых принимала живое участие, позволяя себе говорить в широком кругу друзей, что правительство курирует средства массовой информации, имея в виду, что в США существует фактическая цензура. Монро высказывала предположение, что Кеннеди победит на выборах, и сама, бывая на «сходках элиты», прилагала усилия для агитации в его пользу{701}.

Пика своей карьеры Монро достигла в середине 1950-х годов. Очаровательная блондинка с бархатным голосом, она стала одной из самых популярных звезд Голливуда за всю его историю, воплощением «сладкой жизни», своего рода сексуальной богиней для миллионов американцев, особенно мужского пола, не только с увлечением смотревших все фильмы с ее участием, но и любовавшихся ее откровенными фото в журнале «Плейбой». Этот журнал стал выходить в 1953 году и читался миллионами мужчин всех возрастов, которые видели в этом чтиве возможность прикосновения к запретному плоду.

В популярной литературе о жизни знаменитой голливудской актрисы, основанной на слухах и выдумках, связь между Монро и Кеннеди раздута до предела. В книгах и статьях приводятся якобы подлинные цитаты из записей, сделанных агентами ФБР, и полицейских докладов. Однако, откуда взяты все эти сведения, авторы не сообщают. Попытки же проверить их почти всегда оказываются безуспешными. В результате приходится признать, что все рассказы о длительной связи между сенатором, а затем президентом и великой актрисой представляют собой бессовестный вымысел их авторов. Как заметил серьезный биограф Мэрилин Монро, «сведения о длительной афере с Джоном Кеннеди, продолжавшейся то ли один год, то ли целое десятилетие, имеют своим источником журналистов, работающих на супермаркет, и их сказки, продиктованные жаждой получения быстрых наличных или еще более быстрой, хотя и скандальной, известности»{702}.

Если иметь в виду, что Кеннеди не останавливался перед тем, чтобы приглашать своих любовниц в Белый дом (разумеется, только тогда, когда там не было Жаклин), и штат резиденции отлично знал об этом, важны свидетельства сотрудников, опубликованные спустя годы после гибели президента. Между тем Трэфем Брайант, выполнявший деликатные интимные поручения Джона и, по словам других сотрудников, знавший «всё, что происходило», никогда не видел Мэрилин в Белом доме и никогда не слышал, что она бывала там. С ним соглашается агент секретной службы Ларри Ньюмэн: «Я никогда не слышал, что она бывала в Белом доме»{703}.[44]

Как свидетельствуют источники, Джон Кеннеди и Мэрилин Монро встречались четыре раза и лишь два или три раза были близки.

Познакомились они в доме Питера и Патриции (сестры Джона) Лоуфордов. По словам Гора Видала, Питер являлся «чрезвычайным послом Кеннеди к девушкам из Голливуда»{704}. А Мэрилин дружила с Патрицией и часто бывала в ее доме не только на званых вечеринках, но и просто как подруга; они также перезванивались, чтобы поболтать, «перемывая косточки» друзьям и знакомым, не менее знаменитым, чем они сами.

Знакомство Мэрилин и Джона произошло 19 ноября 1961 года в городе Санта-Моника, штат Калифорния, где постоянно проживали Лоуфорды.

Через две недели состоялась новая встреча, на этот раз на званом ужине в Нью-Йорке, куда Лоуфорд, знавший, что там будет Кеннеди, срочно вызвал Мэрилин. Очевидно, актриса искала внимания президента, а Лоуфорд выступал в качестве сводника{705}.

В истории американского искусства Мэрилин Монро являлась очень противоречивой и, на наш взгляд, достаточно трагической фигурой. Пережив в детстве потерю матери, попавшей в психиатрическую больницу, сиротский дом, изнасилование, а позже немало личных трагедий, ко времени знакомства с Джоном Кеннеди, когда ей уже исполнилось 36 лет, она в значительной степени утратила обаяние молодости и красоты, которым славилась в предыдущие годы. Она оставалась секс-символом Америки, но только обращенным в прошлое. Актриса не отказывала себе в наркотиках, употребляла в изрядном количестве алкоголь, нередко впадала в истерию, страдала депрессиями.

Несмотря на то, что единственный любимый ею человек, тетя Эна, у которой она жила после сиротского приюта до шестнадцати лет (ее первого замужества), воспитывала ее в

оптимизме и вере в свои силы{706}, с начала 1961 года, по рассказам очевидцев, Мэрилин выглядела угнетенной. Она только что развелась со своим очередным мужем, знаменитым писателем Артуром Миллером, ее фильм «Неприкаянные» получил плохие отзывы критиков. Перспективы дальнейшей карьеры также выглядели неблагоприятными. Значительное время она проводила в своем доме, почти не ела, пользовалась снотворным, теряла вес. Некоторое время она провела в психиатрической клинике в Нью-Йорке.

В этих условиях близкое знакомство с президентом Кеннеди, и по мнению самой Мэрилин, и по оценкам ее знакомых, в частности Лоуфорда, могло улучшить ее самочувствие и поправить материальное положение. Именно этой цели и должен был послужить вызов в Нью-Йорк.

Что же касается Джона Кеннеди, то представляется, что он не испытывал к Мэрилин сколько-нибудь значительного влечения в чисто физиологическом смысле. Его мужской гордости, однако, льстило, что его явно добивается та, которая всё еще считалась американским символом женственности и сексуальной притягательности.

Итак, две знаменитости встретились в третий раз 24 марта 1962 года в городке Палм-Спринг, Калифорния, куда по приглашению Лоуфорда они приехали в качестве гостей в дом известного богача И. Росби. Именно здесь Мэрилин и Джон провели вместе одну или две ночи.

В последний раз Кеннеди и Монро виделись в мае того же года. Мэрилин была приглашена вместе с другими выдающимися актерами и певцами выступить на гала-концерте, организованном Демократической партией в огромном зале Медисон-сквер-гарден в Нью-Йорке 19 мая с целью сбора средств в изрядно оскудевший во время избирательной кампании 1960 года партийный фонд. Объявлено было, что всё это грандиозное мероприятие посвящается 45-летию со дня рождения президента Кеннеди. Концерт транслировался по телевидению. В числе выступавших были и другие знаменитости: Элла Фицджералд, Мария Каллас, Пегги Ли, Гарри Белафонте. Все они исполнили лучшие свои произведения и получили заслуженные овации.

Мэрилин Монро сразу же привлекла к себе внимание своим нарядом. Одета она была в платье телесного цвета, которое, как чулок, обтягивало ее тело, мягко прилегая к нему, и выглядело так, будто являлось ее естественной кожей. Можно себе представить, что вид у нее был в высшей степени притягательный. Биолог М. Крим, описывая этот наряд, вспоминала, что Мэрилин «была хороша, даже необыкновенно

красива»{707}. А Э. Стивенсон говорил: «Я не думаю, чтобы видел когда-либо кого-нибудь, кто был бы так же красив, как Мэрилин Монро в тот вечер»{708}. Естественно, всё то, что Мэрилин удалось сделать с собой в тот знаменательный день, было рассчитано на покорение президента.

Но повела себя Мэрилин неадекватно. Она спела незамысловатую поздравительную песенку, которую знают во всем мире: «Happy birthday to you», добавив «Mister President». Биограф Монро Барбара Лиминг так описывает то, что происходило на сцене: «Мэрилин начала петь. Она закрыла глаза. Она приоткрыла рот. Она стала двигать руками по своим бедрам и животу, поднимая затем руки к груди… Она имитировала любовный акт с президентом на глазах сорока миллионов американцев»{709}.[45] Значительная часть присутствовавших была шокирована. Кеннеди, однако, повел себя по-джентльменски. Когда Мэрилин закончила петь, он поднялся на сцену и произнес: «Я могу теперь уйти из политики, после того как такая прекрасная девушка, как Мэрилин Монро, пожелала мне счастливого дня рождения»{710}.

После концерта Кеннеди устроил прием в отеле «Карлайл», на который были приглашены «звезды», в том числе и Монро. Жаклин на приеме отсутствовала, и Джон, по словам некоторых авторов, смог провести ночь с Мэрилин, которая всё больше тянулась к привлекательному и, главное, столь высокопоставленному мужчине{711}.

Это интимное свидание, если и имело место, было последним[46]. Возник тот неповторимый в жизни Джона Кеннеди случай, когда о его предполагаемом романе заговорила вся страна. Докладывали, что популярные журналы «Тайм» и «Ньюсуик» собираются опубликовать сенсационные материалы о их связи и только ожидают удобного случая. Можно предположить, что, будучи склонной к артистической фантазии и способности часто выдавать желаемое за действительное, Мэрилин в это время восприняла внимание Джона и в общем-то ничего не значившие встречи с ним как залог будущих серьезных отношений. Возможно, она уже видела себя в роли первой леди. Неудивительно, что Кеннеди самым решительным образом положил конец связи со знаменитой актрисой, и тем более слухам о ней.

Он распорядился, чтобы на телефонные звонки, которыми Мэрилин стала бомбардировать Белый дом, сухо отвечали, что президент занят или отсутствует. Ответ об отсутствии Кеннеди на рабочем месте подчас звучал просто оскорбительно, так как перед этим сообщалось, что он только что принял такого-то

американского или иностранного деятеля. В этих условиях Мэрилин прекратила свои посягательства на президентскую честь{712}.

Положение, впрочем, осложнилось тем, что, изменив на этот раз своим строгим нравам, за актрисой стал ухаживать или, по крайней мере, проявлять к ней внимание Роберт Кеннеди. Мэрилин не могла устоять и перед младшим братом. Связь с Робертом оказалась, по мнению некоторых авторов, даже более прочной.

Отягощенный большой семьей (к 1962 году, когда возник треугольник, у Роберта было уже семеро детей), он вроде бы не на шутку воспылал страстью к начинавшей увядать, но всё еще соблазнительной и талантливой блондинке, которую знали во всем мире. Журналист Энтони Саммерс утверждал, что Мэрилин показывала ему свой дневник. «Записи рисуют все подробности ее интимных встреч с Робертом Кеннеди. Она непрерывно звонила ему в министерство юстиции. Именно Роберту позвонила она последний раз, прежде чем покончить с собой». Судя по воспоминаниям одной из подруг Монро Филлис Макгуайр, записанным тем же Саммерсом, Мэрилин «давила» на Роберта Кеннеди, чтобы он «принял решение», поскольку она хотела выйти за него замуж{713}. Можно полагать, что, если так и происходило, то есть если Роберт Кеннеди как-то дал актрисе некое обещание, — это был минутный порыв, ибо развод скорее всего положил бы конец политической карьере Роберта, и он не мог не понимать этого. Не исключено и то, что вся история была просто выдумана то ли самой актрисой, то ли ее подругой.

В то же время наиболее добросовестные и осторожные историки придерживаются мнения, что Роберт Кеннеди и Мэрилин Монро поддерживали лишь сугубо деловые отношения. М. О'Брайен пишет, что «они встречались неоднократно, обычно в присутствии помощников и друзей РФК (Роберта Фрэнсиса Кеннеди. — *Л. Д., Г. И.*). Так как Монро поддерживала движение за гражданские права, она задавала министру юстиции вопросы по этой проблеме, они обменивались также и телефонными звонками. Мнения, что между ними происходило что-то, кроме вежливых уважительных взаимоотношений, неосновательны, точно так же как и вульгарные домыслы, что он был каким-то образом связан с ее смертью»{714}. Большинство других серьезных авторов также ставят под сомнение сам факт интимных отношений между Робертом и Мэрилин. Достоверно известно лишь о нескольких встречах. Оба они присутствовали на ужине в доме Лоуфордов в Санта-Монике в октябре 1961 года. Монро выпила слишком много, и Роберт вместе с известным

журналистом Эдвином Гутманом, который незадолго перед этим стал его пресс-секретарем{715}, отвез ее домой{716}. Во время другой встречи в доме тех же Лоуфордов в феврале 1962 года Монро, встретившись с министром юстиции, задала ему несколько вопросов в связи с программой предоставления неграм гражданских прав, а также пыталась, не очень удачно, научить его танцевать твист{717}. Зафиксирован целый ряд телефонных звонков Мэрилин Роберту в его министерство в последнее лето жизни актрисы, когда она находилась в состоянии депрессии{718}.

Во всяком случае, в последние дни, прежде чем она покончила с собой или же, как гласила официальная версия, умерла от передозировки снотворного, сочетаемого с шампанским, на фоне систематического употребления наркотиков, актриса находилась в состоянии нервного стресса. Настроение у нее непрерывно менялось, смех переходил в слезы. Окружающие, однако, сочли это очередной прихотью и особого внимания на поведение Мэрилин не обращали.

Что же касается Роберта, то, давая показания во время расследования причин кончины Мэрилин Монро, он не сказал ни слова по поводу своей связи с ней, но сообщил, что незадолго до ее смерти навестил актрису и попросил ее более не беспокоить его брата.

Постепенно возникали новые и новые слухи. Дело дошло до того, что некоторые авторы стали утверждать (например, в книге Ф. Кейпелла «Странная смерть Мэрилин Монро»), что то ли Джон, то ли Роберт вызвали гнев актрисы, так как что-то обещали ей, но своих обещаний не выполняли. Мэрилин якобы стала шантажировать Роберта, что разоблачит его тайные переговоры с Фиделем Кастро вскоре после завершения Кубинского кризиса 1962 года{719}.

Предела фантазии и сенсации не существует: появилась даже версия об убийстве Джона Кеннеди и Мэрилин Монро пришельцами из других миров…{720} Со своей стороны журналист Джеймс Спада, автор многих книг о выдающихся актерах, а также о лицах, близких к семейству Кеннеди, свидетельствует, что ему удалось познакомиться с документами ФБР, согласно которым Роберт был в доме актрисы в день ее смерти{721}.

Как и в любой подобной истории, точная картина взаимоотношений братьев Кеннеди с Мэрилин, видимо, никогда не будет раскрыта, но тот факт, что здесь существовал некий треугольник, возможно, соответствует действительности.

Небезынтересно отметить, что в архивном фонде Роберта Кеннеди среди личных писем{722} не сохранилось ни единой записки Мэрилин Монро, хотя Роберт, по собственному

признанию, общался с актрисой довольно активно. Можно предположить, что такие бумаги существовали, но содержали нечто, заставившее адресата их уничтожить, чтобы нежелательные сведения не попали в руки политических противников или жаждавших сенсации репортеров[47].

Если же возвратиться к любовным приключениям президента США в целом, то наиболее обоснованной версией того, почему он часто менял своих любовниц, является мнение американской писательницы Дайаны Купер (это мнение она высказала в беседе с авторами биографии Джона): «Для него главным был поиск женщины, которая вполне устроила бы его… Я думаю, что он чувствовал разочарование, когда женщина легко уступала ему, и он прекращал преследование… Он начинал ухаживать за очередной дамой, которая ему понравилась»{723}.

Глава 3.
В КОСМОСЕ И НА ЗЕМЛЕ

Соревнование в околоземном пространстве

На описанном семейном и бытовом фоне, неразрывно связанном со светскими формальностями, этикетом, постоянным наблюдением со стороны средств информации, которые пытались разузнать все подробности жизни необычной высокопоставленной пары, проходила государственная деятельность президента Кеннеди. За неполные три года пребывания в Белом доме он столкнулся с целым рядом кризисных ситуаций, которые имели неоднозначные результаты.

В своей государственно-политической деятельности Кеннеди использовал плодотворные идеи народившейся, но находившейся в стадии формирования геополитики. Эта политологическая по своей сути дисциплина предполагает комплексный географический, исторический и социологический анализ вопросов, связанных с пространственно-географическими структурами. Здесь рассматривается в первую очередь политическое, экономическое и стратегическое значение географического фактора, расположение, размер, функции и взаимоотношения местностей и их ресурсов. Естественно, что такой подход ведет к отказу (по крайней мере частичному) от разного рода возвышенных категорий, вроде высшей справедливости, высоких моральных ценностей и т. п., ставя на их место прозаический или даже циничный национально-государственный интерес, как его понимают высшие представители государства.

При этом произносится немало слов о высокой морали, и Кеннеди в своих посланиях и речах прибегал, видимо, чаще некоторых других государственных деятелей к нравственным аргументам. Они, однако, были предназначены в основном для массы, для толпы, которая должна была сопоставить их со своими представлениями о «ценностях» и продемонстрировать результат такого сопоставления на разного рода выборах.

Однако в основе решений и действий Кеннеди лежали значительно более прозаические мотивы.

Геополитические интересы носили и глобальный, общемировой, и региональный характер.

К глобальной области относилась прежде всего гонка за научно-техническим и военным приоритетом в состязании с

главным предполагаемым противником — СССР. Если с чисто военными делами всё было более или менее в порядке — стратегическая мощь США значительно (в области ракетно-ядерных вооружений во много раз) превышала советскую, и надо было теперь бдительно следить за сохранением таковой, то с научно-техническим приоритетом, как это ни удивительно, дело поначалу не ладилось. Между тем превосходство СССР в некоторых конкретных отраслях могло обернуться для США утратой и стратегического преимущества, и, может быть, даже паритета.

Речь прежде всего шла о космической программе, которая напрямую была связана с конструированием всё более совершенных ракетных аппаратов. Но к чисто научному и военному соревнованию здесь напрямую присоединялись соображения престижа, преимущества той или иной системы, пропагандистские расчеты. Дела, связанные с космосом, воспринимались во всем мире, и особенно в США и СССР, как относившиеся к сфере прямых, жизненных интересов почти каждого человека.

Между тем месяцы предвыборной кампании Кеннеди и начала его президентства были временем, которое в Америке было связано с ощущением национального позора, причем некоторые сравнивали ситуацию чуть ли не с Пёрл-Харбором — событиями в декабре 1941 года, когда японская авиация, совершив неожиданное нападение, уничтожила значительную часть тихоокеанского флота США. Оказалось, что СССР опережает США в области космических исследований.

Еще 4 октября 1957 года в СССР был впервые запущен искусственный спутник Земли весом в 80 килограммов, через месяц — второй спутник, весивший уже 500 килограммов. Последовал вывод на околоземную орбиту корабля с животными на борту. А 12 апреля 1961 года, менее чем через три месяца после инаугурации Кеннеди, первый космический полет совершил человек — советский летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Встреча Гагарина в Москве после 108-минутного полета, во время которого его космический корабль обогнул Землю, явилась первой в СССР массовой стихийной демонстрацией со времени укрепления большевистской власти после Октябрьского переворота 1917 года. В «космическом энтузиазме» проявлялись некие законы массового сцепления, в силу которых «патриотический» порыв толпы мог бы быть повернут в любом направлении, если бы ей был брошен возбуждающий победный лозунг. Впрочем, тогдашний советский лидер Н.С. Хрущев предпочитал не обращать внимания на такого

рода неприятные предположения, а купаться в лучах славы вместе с Гагариным.

Отставание США от СССР в космической области было действительным, но в определенной мере искусственным фактом. Оно предопределялось тем, что администрация Эйзенхауэра не придавала этому вопросу сколько-нибудь серьезного значения и только после запуска первого советского спутника приняла решение о создании в 1958 году Национальной администрации по аэронавтике и освоению космического пространства (НАСА).

Джон Кеннеди воспринял советские космические достижения и особенно полет Гагарина как вызов американской науке, технической мысли, производственным достижениям, ему самому как лидеру великой нации и самого могущественного в мире государства. Его настроения полностью соответствовали чувствам массы американцев, тональности большой прессы. Газета «Вашингтон пост» писала после запуска первых советских спутников, что США находятся в наибольшей опасности за всю свою историю, что страна может превратиться во второразрядное государство, что «мощная, растущая советская экономика и технология несут новые технологические и пропагандистские угрозы для свободы по всему миру»{724}.

Узнав о полете Гагарина, Кеннеди был просто ошарашен. Он ругал самыми грязными словами и американских ученых, и военных бюрократов, и администрацию бывшего президента, которая не выделяла достаточных средств на освоение космоса. Передавали его слова: «Назовите мне то место, в котором мы можем догнать их… Сможем ли мы раньше их облететь Луну? Сможем ли мы забросить раньше их на Луну человека?.. Пусть хоть кто-нибудь в конце концов объяснит мне, как их догнать!»

Это были лишь эмоции, но вслед за ними стали предприниматься конкретные меры.

Президент направил поздравление в Москву и в то же время заявил своим советникам: «Новости могут оказаться еще хуже, прежде чем они станут лучше, и пройдет некоторое время, прежде чем мы справимся с этим делом». Мысли президента были более оптимистичными, чем мрачное суждение журнала «Тайм» о том, что «советское достижение следует рассматривать только как победу коммунизма и поражение свободного мира, руководимого США»{725}.

Вечером 14 апреля, через два дня после полета Гагарина, Кеннеди созвал совещание научных и финансовых экспертов для обсуждения американской космической программы. Перед собравшимися были поставлены практические вопросы: в какой конкретной области США могут выйти на советский уровень и в

сравнительно близкой перспективе занять первое место? Может ли американская космическая индустрия создать аппарат для облета Луны раньше, чем это сделают Советы? «Можем ли мы высадить на Луне человека раньше их?» Ответы были неутешительными. Ученые высказали мнение, что США смогут догнать СССР не ранее чем через десять лет. Специалисты по бюджетным делам прикинули, что такая программа может обойтись в сумму до 40 миллиардов долларов. «Именно это, то есть цена, волнует меня больше всего», — размышлял Кеннеди. Корреспондент журнала «Тайм» Хью Сайди, который по просьбе президента стенографировал беседу, завершил свои заметки словами: «Кеннеди продолжал думать о сложной дилемме. Цена была пугающей. Но угроза существовала, и имя Юрия Гагарина продолжало переноситься из заголовка в заголовок, чтобы это подчеркнуть»{726}.

20 апреля 1961 года появилась директива вице-президенту с указанием выяснить, «каковы наши возможности переиграть Советы, разместив в космосе летающую лабораторию, совершить полет на Луну и возвратить [корабль] на землю, послав на Луну и назад ракету с человеком на борту? Есть ли другие космические программы, обещающие драматические результаты, в которых мы могли бы добиться победы?»{727}.

Примерно через неделю последовал не очень утешительный ответ Джонсона. Смысл его состоял в том, что США потребуется длительное время, чтобы достичь уровня СССР в космической гонке, и фактически ставилась под сомнение возможность опередить СССР в полете на Луну, хотя такая возможность и не исключалась{728}.

Впрочем, первый американский «ответ» на полет Гагарина последовал скоро. Он не был особенно впечатляющим. Правда, в отличие от Москвы, которая секретила все космические полеты вначале до их успешного (или неуспешного) завершения, а затем до запуска, Вашингтон объявил о полете заранее. За 23 дня до запуска стало известно, что первый американский полет в космос совершит капитан военно-морской авиации Алан Шеппард. 5 мая 1961 года с космодрома в штате Флорида на мысе Канаверал (некоторое время после гибели Кеннеди мыс носил его имя, а затем мысу было возвращено прежнее наименование, а в честь Кеннеди были названы только космодром и Космический научный центр) корабль «Фридом-7» совершил полет не по околоземной орбите (как корабль Гагарина), а по баллистической траектории, поднялся на высоту 186,5 километра и совершил посадку в водах Атлантического океана в 186 километрах от места старта. Правда, в отличие от полета Гагарина, который

управлялся с земли и был полностью автоматическим, Шеппард совершил несколько удачных маневров вручную.

Точно так же, как на весь Советский Союз стало известно слово «Поехали!», произнесенное Гагариным перед полетом, в Соединенных Штатах передавали из уст в уста достаточно грубую фразу, сказанную в последнюю минуту Шеппардом (она передается в смягченном переводе): «Надеюсь, меня там никто не трахнет!»

Президент был очень взволнован той публичностью, которая сопровождала полет Шеппарда. Он подумывал о том, чтобы отказаться от телевидения на космодроме. «Может быть, что-то можно придумать, чтобы не допустить телевизионного показа?» — спрашивал он Дина Раска и директора НАСА Джеймса Уэбба. «Он опасался реакции общества в том случае, если произойдет какая-то неудача при запуске», — записала Эвелин Линкольн, его секретарь. Уэбб оптимистически, хотя, возможно, и несколько легкомысленно, ответил, что он убежден в успехе предприятия. Раек же сообщил, что телевизионные камеры уже установлены и попытка убрать их обернется скандалом{729}.

Рассказывают, что, когда пресс-секретарь доложил Кеннеди, что полет завершился успешно, что астронавт находится на борту вертолета, Джон впервые за много дней широко улыбнулся. Ему самому, не чуждавшемуся матерщины, приятно было услышать и грязные слова, произнесенные перед полетом храбрым астронавтом.

После завершения полета Кеннеди позвонил Шеппарду и тепло поздравил его с успехом. Астронавт позже делился тем, что на него особое впечатление произвела взволнованность, с которой говорил Кеннеди{730}.

Американцы ожидали от нового президента еще более впечатляющих космических успехов. Гонка в космосе была проявлением общего военно-научно-стратегического состязания двух мировых, противостоящих друг другу, держав и в то же время становилась предметом национальной гордости, демонстрацией силы духа и мужества, пропагандистской шумихи, геополитического первенства.

Уже в самом начале своего президентства Кеннеди, как мы уже упоминали, поручил вице-президенту Джонсону, который имел обширные связи в авиационном бизнесе, всё более выходившем на космическую стезю, координировать работы в области освоения космического пространства. При этом перед Джонсоном была поставлена определенная задача — как можно скорее обогнать СССР. Докладная записка Джонсона от 28 апреля раздосадовала Кеннеди. К огромному огорчению вице-

президента, шеф больше не прибегал к его услугам, а вел переговоры с авиационными концернами лично или через высших советников Белого дома.

Непосредственно после полета Шеппарда Кеннеди принял решение о резкой интенсификации работ в области космических исследований. Были приняты конкретные меры. Штаты НАСА значительно расширились, а в бюджет стали закладываться статьи, предусматривавшие крупные расходы на космические полеты. В течение двух лет число сотрудников НАСА возросло с 16,5 тысячи человек до 28 тысяч, а общее количество ученых, инженеров, технических работников, занятых на предприятиях, обслуживавших подготовку космических полетов, более чем утроилось (с 60 до 200 тысяч человек)[{731}].

25 мая Кеннеди выступил перед специально созванным объединенным заседанием обеих палат конгресса по вопросу о «срочных задачах нации». Он кратко говорил об экономических и социальных проблемах, обороне, гражданских правах. Но особое внимание было уделено американской программе освоения космоса.

Основное содержание речи составила информация о президентском решении развивать эти разработки так, чтобы до конца текущего десятилетия добиться высадки человека на Луне. Президент признавал, что выполнение этой амбициозной задачи потребует огромных научных, технологических, материальных, человеческих усилий. Однако эта цель вполне под силу американскому народу, полагал он. Признавая, что у истоков программы лежит научно-техническое, а следовательно, и стратегическое соревнование с СССР, неразрывно связанное с холодной войной, Кеннеди вместе с тем фиксировал действительно главное — общечеловеческий, общегуманитарный смысл намечаемого исторического рывка в космос. Он завершил выступление словами: «Любая программа, которую я выдвигаю, потребует от американцев определенных неудобств, или причинит трудности, или же потребует жертв. Но они соответствуют нашему долгу, и вы, в конгрессе, будете действовать в соответствии с этим. Я чувствую себя уверенным, обращаясь к вам, в соответствующем ответе на эти новые огромные требования. Мне доставляет радость знать, что наша страна едина в своем стремлении сохранять свободу и выполнять свой долг»[{732}].

В авральном режиме была выработана и в мае утверждена Кеннеди программа «Аполлон», ставившая целью до конца десятилетия осуществить высадку на Луне американского астронавта. Кеннеди объявил об этой конкретизированной

программе, выступая 12 сентября на университетском стадионе в городе Хьюстоне перед восторженно встретившими его студентами и профессорами.

Ученым и их ученикам льстили слова президента о том, насколько администрация страны ценит науку, ее достижения, насколько она уверена в реальности новых грандиозных свершений. Было еще раз объявлено, причем в более уверенном и решительном тоне, о намерении до конца 1960-х годов добиться высадки человека на лунной поверхности. Этим человеком должен был стать американец. Президент завершил свое семнадцатиминутное выступление словами: «Итак, космос перед нами, и мы собираемся подняться туда, перед нами Луна и планеты, и новые надежды на знание и мир овладевают нами. Поэтому мы поднимаем паруса и просим Божьего благословения на самое азартное, опасное и величайшее дерзновение, на которое когда-либо решался человек»{733}.

На космическую программу выделялись все большие средства (к 1963 году они достигли пяти миллиардов долларов в год, и с этого времени суммы не увеличивались). Программа увенчалась полным успехом.

Промежуточным ее результатом был запуск нескольких космических кораблей с экипажами на борту на околоземную орбиту. Первый из таких полетов состоялся 20 февраля 1962 года. После возвращения астронавта Джона Гленна Кеннеди принял его в Белом доме и буквально засыпал вопросами о том, как он перенес перегрузки во время взлета, в какой мере он участвовал в управлении полетом, вел ли себя как летчик или же полностью находился в системе автоматического управления, что он чувствовал во время спуска на землю. Кеннеди попросил Гленна совершить тур по средним школам и университетам, с тем чтобы пропагандировать необходимость космической программы для США и возбудить интерес у молодежи к участию в ней{734}.

Огромные средства, которые требовались на осуществление космической программы, легли дополнительным грузом на американскую финансовую систему. Критики программы, в том числе в конгрессе, обвиняли президента, порой жестоко, в том, что он уделяет недостаточное внимание жилищному строительству, образованию, реконструкции городов и путей сообщения, транспортной системе. В ответ на такого рода обвинения сенатора У. Фулбрайта Кеннеди, не совсем откровенно, говорил ему: «Билл, я полностью с вами согласен. Но оба мы знаем, что конгресс никогда не выделит такую огромную сумму денег на образование. Они (конгрессмены. — *Л. Д., Г. Ч.)* готовы потратить их на космическую программу, а мы нуждаемся

в этих миллионах долларов в экономике, чтобы создать новые рабочие места»{735}. Естественно, в этих словах заключалась лишь доля истины. Кеннеди, разумеется, заботился о расширении сферы занятости, но и космическая программа оставалась предметом его особых забот, личного престижа.

Через пять с половиной лет после гибели Джона Кеннеди, в полном соответствии с его программой и даже несколько опередив намеченный срок, 20 июля 1969 года с борта корабля «Аполлон-11» на лунную поверхность ступили астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин, и на землю понеслись вроде бы спонтанные, но на самом деле тщательно подготовленные и срежиссированные слова: «Это крохотный шаг человека, и это великий скачок человечества». При всей театральности сказанного это было действительно так! Американскую космическую программу 1960-х годов и ее успешное выполнение, прежде всего подготовку к полетам на Луну, следует в полном смысле отнести к заслугам президента Кеннеди, к его инициативам[48].

Космическая программа являлась одновременно сферой внешней и внутренней политики, причем преобладали в ней именно международные аспекты. Наряду с ней Кеннеди вплотную занялся сугубо земными делами, которые в первую очередь волновали американское общество, особенно низшие и средние его слои.

Социально-экономическая политика государства

Среди этих дел преобладала обычная политическая текучка, связанная с уточнением роли государства в экономической жизни страны.

1960-е годы были временем внедрения и в промышленность, и в сферы обращения и услуг, в меньшей степени в сельское хозяйство современных достижений научно-технической революции. Быстрыми темпами после застоя второй половины 1950-х годов развивалось производство электронно-вычислительных машин и связанного с ними оборудования. Огромные капиталы вкладывались в аэрокосмическую, химическую отрасли. В целом экономика США находилась на подъеме.

В этих условиях всё большая часть предпринимателей, высших менеджеров, ученых-экономистов высказывала мнение, что администрация должна взять на себя еще более значительную ответственность за сохранение высоких темпов хозяйственного прогресса, уровня занятости и поддержания цен на стабильном

уровне.

Как и любое современное капиталистическое общество, Америка начала 1960-х годов сталкивалась с весьма противоречивым отношением к оценке роли государства, и прежде всего исполнительной власти, в экономическом развитии страны.

С одной стороны, американцы в подавляющем большинстве отстаивали незыблемость частного предпринимательства и с величайшим подозрением относились к любым попыткам государственного вмешательства в дела частного бизнеса. С другой стороны, те же самые граждане настойчиво требовали от правительства защиты их материальных интересов, обеспечения высокого и стабильного роста производства, полной занятости, достойных доходов предпринимателей во всех сферах экономики, увеличения заработков наемных рабочих и служащих и т. д. Противоречие лежало на поверхности, но на него предпочитали не обращать внимания.

Джону Кеннеди предстояло проделать сложный путь между Сциллой свободного предпринимательства и Харибдой государственного регулирования.

Заняв президентский пост, Кеннеди вынужден был констатировать неблагоприятное положение экономики страны. Правда, кризисное состояние наблюдатели не отмечали, но для них были очевидны замедление хозяйственного роста, сокращение покупательной способности, высокий уровень безработицы (она составляла в 1961 году 6,7 процента). В «обществе изобилия», как всё чаще называли Соединенные Штаты Америки второй половины 1950-х годов, огромное число людей продолжало оставаться бедняками. Согласно данным Федерального бюро рабочей статистики, примерно 40 миллионов человек (около четверти населения) имели доходы ниже минимального жизненного уровня. Согласно переписи 1960 года, 27 процентов жилых помещений не соответствовали элементарным стандартам{736}. «Современное состояние нашей экономики следует признать беспокоящим», — заявил президент в своем первом послании конгрессу «О положении страны»{737}.

В подходе к проблемам экономической политики Кеннеди опирался на мнения ученых-экономистов, которые входили в состав образованного им Совета экономических консультантов. Председатель совета Уолтер Хеллер (профессор Мичиганского университета), его члены Джеймс Тобин из Йельского университета, Кёрмит Гордон из Уильямс-колледжа и другие были последователями выдающегося британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса, который еще в пору Великой депрессии

1929—1933 годов выступал за активное государственное вмешательство в экономику путем монетарной (выпуска денежных знаков) и налоговой политики (регулирования расходов путем увеличения и сокращения прямых и косвенных налогов). В совет не вошел Джон Гэлбрейт, к социально-экономическим идеям которого Джон Кеннеди относился с глубоким почтением, так как на время он несколько отошел от научной деятельности, заняв пост посла США в Индии. Экономические советники стремились научить президента основам современной экономики, и он охотно откликался на их побуждения — собственно, именно для этого и был образован совет.

Экономисты разъясняли Кеннеди, что высокие налоги уменьшают покупательную способность населения, ведут к сокращению доходов бизнеса, хозяйственному торможению и росту безработицы, хотя хроническая безработица и наличие резервной рабочей силы — это неизбежный побочный продукт экономического развития, даже в самой процветающей его фазе. Члены совета рекомендовали президенту идти на существенные государственные капиталовложения в экономику, несмотря на растущий при этом бюджетный дефицит.

Несколько позже Хеллер изложил те основы, которым он и его коллеги учили Кеннеди, в своеобразном пособии по современной политической экономии{738}.

Президент внимательно выслушивал советы экономистов, высоко их ценил, но в то же время ставил перед ними множество вопросов, на которые не всегда получал удовлетворявшие его ответы. Хеллер подчас выражал удивление, насколько восприимчивым к нестандартным экономическим идеям был ученик-президент. Ученому было лестно, когда секретарь Кеннеди Эвелин Линкольн сообщила: «Президент читает каждый ваш меморандум от корки до корки»{739}.

Советники рекомендовали Джону, например, для существенного сокращения безработицы повысить расходную часть госбюджета на 50 миллиардов долларов. Соглашаясь в принципе с этим советом, он, обдумав вопрос, заявил: «Бесспорно одобряю ваше предложение, имея в виду, что девяносто три процента населения страны имеют работу. Остальные семь процентов не получают достаточной политической поддержки».

Кеннеди сознавал и разъяснял своим учителям, что конгресс, в котором доминируют консерваторы, поддержит значительное увеличение федеральных расходов только на программы обороны и освоения космоса, но он «никогда не поддержит увеличения федеральных расходов на поддержку образования,

“социализированную медицину” или другие социальные меры. К тому же конгресс настаивает на сбалансированном бюджете»[740].

Сами экономисты, правда следующей ступени и следующего поколения, то есть уже историки экономического развития страны, сходятся в том, что Кеннеди проявил себя вдумчивым политическим стратегом. Соглашаясь в теории с кейнсианскими установками, он хорошо понимал, что, бросившись в бой против мысливших по-старому конгрессменов из-за бюджетных расходов, он поставит под угрозу не только сам план государственного финансового вливания в экономику, но и ряд других своих проектов, что на него легко могли наклеить ярлык «безответственного растратчика»[741].

Уроки Хеллера и других советников не прошли даром.

Уже в первую неделю пребывания в Белом доме Джон Кеннеди набросал план мероприятий, которые могли бы предотвратить наступление паники из-за случайных колебаний курса акций или других преходящих изменений на рынке. 1 февраля он направил свои предложения конгрессу в виде послания. Вслед за этим началась разработка мер министерством финансов. Они включали продовольственную помощь наименее обеспеченным слоям населения, облегчение им условий квартирной платы, создание резервного фонда помощи и др. В то же время объявлялось, что президент не предполагает каких-либо действий по сокращению налогов[742].

Весной 1962 года Кеннеди пришел к выводу о необходимости провести энергичную стимуляцию экономики, некоторые отрасли которой продолжали оставаться в состоянии стагнации. Экономический рост в 1961 году был незначительным, а на следующий год эксперты пророчили возможность небольшого спада. В некоторых изданиях даже появились обидные слова «кеннедиевская рецессия». В Белом доме сочли, что пугающий сценарий смягчит оппозицию в конгрессе против принятия нетрадиционной для демократов меры — сокращения налогов.

После основательной подготовки президент бросил пробный камень в выступлении перед выпускниками Йельского университета 11 июня. В подготовке речи участвовали Сервисен и другие советники (разумеется, базовые идеи были представлены Хеллером и членами его совета), но над текстом Джон работал интенсивно. В архиве сохранились его наброски, а также тексты, которые он оппонировал, используя резкую терминологию, вроде «труизм», «клише», «пустая фраза» и т. п.[743] Соответственно, сама речь оказалась задиристой и наступательной. Джон говорил йельским профессорам и студентам: «Величайшим врагом правды очень часто является не сознательная, продуманная и бесчестная

ложь, а миф — настойчивый, кажущийся убедительным, но нереалистичный. Очень часто мы сохраняем клише наших предшественников. Мы подвергаем все факты переработке и самым различным интерпретациям. Нам комфортно в кругу сложившихся мнений, но неудобно, когда необходимо думать». И далее следовал главный удар, который не случайно был обрушен именно на «высоколобую» аудиторию: расчет состоял в том, что именно она способна отрешиться от клише, а это окажет воздействие и на национальное общественное мнение, и на конгресс. Оратор разъяснял, что крупные поступления в бюджет страны после Второй мировой войны не предотвратили инфляции, а нынешний бюджетный дефицит не нарушает стабильности цен. Общественные и частные долги нельзя считать хорошими или плохими сами по себе. Займы могут вести к коллапсу, но они могут служить и укреплению экономики. «Не существует единого, простого лозунга в той области, которую мы рассматриваем. Нам реже надо прибегать к ярлыкам и клише». Национальная экономика нуждается в высокой занятости, стабильном расширении производства, устойчивых ценах и сильном долларе, разъяснял он. А средством к этому является стимуляция хозяйственного развития путем сокращения налогов{744}.

Довольный Хеллер назвал эту речь «самой грамотной и обдуманной диссертацией по экономическим вопросам, которая когда-либо была произнесена президентом»{745}.

Имея в виду, что речь получила одобрение в академической среде и не встретила серьезной оппозиции в конгрессе, Кеннеди в качестве следующего шага заручился поддержкой большого бизнеса. Казалось бы, такая поддержка была гарантирована изначально. Но экономико-политические парадоксы состояли в том, что даже те меры, которые, казалось, были благоприятны для крупного капитала (а таковыми прежде всего явились бы меры по уменьшению налогов), могли восприниматься с опасением как меры, дестабилизирующие экономику.

Вопросу о налогах Кеннеди в основном посвятил свое выступление в нью-йоркском Экономическом клубе 14 декабря 1962 года. Он говорил, что наилучшим путем повысить спрос и потребителей, и бизнеса является сокращение ноши, которая лежит на частных доходах и препятствует личной инициативе. Именно такая ноша создана существующей налоговой системой. «Любое новое налоговое законодательство на следующий год должно соответствовать обязательным трем условиям: во-первых, сократить общие размеры налогов… Во-вторых, новый налоговый закон должен повысить уровень личного потребления, а также

капиталовложений. В-третьих, согласно новому налоговому закону следует повысить уровень как справедливости, так и простоты существующей налоговой системы. Это означает проведение давно назревшей налоговой реформы, расширение налоговой базы, а также устранение или модернизацию многих особых налоговых привилегий»{746}.

Это выступление в кругах американских политиков получило осторожную оценку. Оно вызвало сдержанную симпатию республиканцев. Что же касается демократов, то они оценили его как вынужденную уступку Республиканской партии и ее представителям в законодательном органе. Несколько оттесненный с передовых позиций экономист Джон Гэлбрейт оценил демарш перед бизнесменами как «самую республиканскую речь со времен Маккинли»[49], а в прессе, по словам биографа Кеннеди, даже высказывалось мнение, что речь звучала так, как будто бы ее произнес кто-то из руководителей Национальной ассоциации промышленников{747}.

И это было неудивительно. Ведь наряду с общим посылом о сокращении налогов, который воспринимался большим бизнесом в целом вполне положительно, в процитированном отрывке содержалась краткая, на первый взгляд малозаметная, но изученная экспертами под увеличительным стеклом оговорка по поводу исправления сложившихся ошибок и некоторого расширения системы налогообложения в отношении тех слоев, которые пользовались до этого времени неоправданными привилегиями.

Понимались эти слова по-разному, но крупный капитал воспринял их в основном как предстоявшее перенесение части налогового бремени на средние слои населения. Как видим, Кеннеди играл на интересах и чувствах разных слоев налогоплательщиков, и играл достаточно успешно.

Подготовив необходимую почву, президент в январе 1963 года внес предложение в конгресс о сокращении налогов на 13,5 миллиарда долларов. Законодателям разъяснялось, что реформа будет способствовать стимулированию потребительского спроса, общему повышению налоговых поступлений в казну и в конечном счете сбалансированию государственного бюджета на более высоком уровне{748}.

Палата представителей утвердила закон о средствах, собираемых государством, 25 сентября 1963 года. До гибели Кеннеди этот законопроект не успел пройти через сенат и был утвержден при президенте Джонсоне, подписавшем его 26 февраля 1964 года.

Согласно закону, высшая ставка налогового обложения была

понижена с 81 до 65 процентов, налог на корпорации был сокращен с 52 до 48 процентов (вводилась шкала сокращения, рассчитанная на несколько лет — до 1970 года), нижняя ставка уменьшалась с 20 до 14 процентов. В среднем подоходный налог понижался на 20 процентов{749}.

Этот закон был серьезной заслугой администрации Кеннеди, облегчившей экономический подъем США первой половины 1960-х годов. За пять лет с 1961 года работу получили 5,5 миллиона человек. К 1965 году прибыли корпораций увеличились рекордно — на 70 процентов по сравнению с 1961 годом. В 1946-1950 годах доходы в расчете на душу населения выросли на 15,2, а в 1961 — 1965 годах на 31,7 процента{750}. На протяжении всей первой половины 1960-х годов уровень инфляции был низким, составляя в среднем 1,3 процента{751}. Это был период одного из наиболее значительных скачков в американской экономике, сопоставимый с ее бурным взлетом в годы Второй мировой войны.

С экономическим развитием непосредственно был связан целый комплекс важнейших социальных проблем.

Одной из главных среди них был вопрос о минимальной заработной плате рабочих и служащих.

Впервые в американской истории минимальная зарплата была введена в 1938 году в ходе реформ Франклина Рузвельта, получивших название «Нового курса». В 1960 году этот минимум составлял один доллар в час, что, по мнению президента, было позором для страны. Впрочем, предугадывая сильнейшую оппозицию со стороны деловых кругов значительному повышению зарплаты, Кеннеди ограничился предложением о введении часового минимума в 1 доллар 24 цента. По существу дела, это всё же было не так уж мало, так как означало повышение на одну четвертую часть зарплаты примерно четырем миллионам американцев{752}.

Руководивший всеми делами, связанными с конгрессом, Л. О'Брайен вел трудные переговоры с руководителями фракций в палате представителей, ему давались уклончивые обещания, но в конце концов законопроект был провален одним голосом: за него голосовали 185, против 186 конгрессменов. Расстроенный Кеннеди вынужден был согласиться на компромисс: минимум зарплаты повышался не на 25, а на 15 процентов, причем обе палаты конгресса приняли соответствующий закон в конце 1961 года с отсрочкой его введения в действие на два года{753}.

Перед выборами Кеннеди горячо ратовал за необходимость резко повысить уровень общего образования американской молодежи. В первую очередь речь шла о значительном расширении государственного финансирования среднего

образования. Однако вопрос этот оказался настолько запутанным и противоречивым, концентрировавшим в себе столь конфликтные интересы, что, несмотря на усилия президента и его команды, попытки его решения почти сразу зашли в тупик. «Из всех наших поражений ни одно не было таким горьким, как наша неспособность провести закон о федеральной помощи начальному и неполному среднему образованию», — писал Л. О'Брайен{754}.

В центре противоречий стояли два вопроса: во-первых, следует ли оказывать помощь религиозным частным школам, а также школам, практикующим сегрегацию, раздельное обучение белых и черных; во-вторых, должны ли более богатые штаты субсидировать более бедные. Вопрос о повышении качества обучения в школе приобретал особую важность в связи с тем, что вторая половина 1950-х годов стала временем, когда школы заполнило поколение «бебибумеров»[50] — около восемнадцати миллионов детей, родившихся после 1945 года, когда страна переживала огромный всплеск рождаемости.

После запуска первого советского спутника в 1957 году конгресс принял закон о народном образовании, предусматривавший меры по улучшению подготовки в области естественных наук, математики и иностранных языков. Однако, по наблюдению специалиста по истории народного образования Хью Грэхема, попытки ввести в действие более общие программы помощи стопорились из-за проблем, связанных с взаимоотношениями между церковью и государством, боязнью властей штатов и отдельных общин утратить контроль над образованием и просто из-за столкновений между отдельными политиками{755}.

Несмотря на очевидные препятствия, Кеннеди попытался хотя бы частично ввести в действие законодательство о федеральной помощи детскому образованию. 20 февраля 1961 года он внес в конгресс проект закона о выделении в течение трех лет 2,3 миллиарда долларов на строительство школ, находящихся в подчинении властей штатов (их в США называют *public schools* — общественными школами), и на заработную плату их учителям. Религиозные школы исключались из числа финансируемых по причине «четкого конституционного запрета», то есть отделения церкви от государства. Что же касается школ сегрегированных, то на них федеральные ограничения не распространялись{756}. Это первое предложение вскоре, в марте 1962 года, было дополнено двумя новыми: о разработке программы совершенствования высшего образования (на нее намечалось выделить 2,8 миллиарда долларов) и о предоставлении государственных стипендий

студентам четырехлетних колледжей (она финансировалась скромнее — 900 миллионов долларов)[757]. Оба предложения исходили из тех же предпосылок, что и первый законопроект — религиозным школам в финансировании отказывалось, но сегрегированные заведения получали ее без ограничений.

Оказалось, однако, что под влиянием церковных кругов в конгрессе сложилось прочное большинство тех, кто готов был вообще отказать в финансировании намеченных программ, если выдвинутое ограничение не будет снято. Кеннеди оказался в крайне затруднительном положении. С одной стороны, он, возможно, необдуманно сослался на конституцию, отделяющую церковь от государства, а с другой — не был намерен упорствовать, ставя под угрозу выполнение всей программы помощи образованию. Решено было как бы остаться в стороне от страстей в конгрессе, фактически же согласившись на такие дополнения к законам, которые распространили бы их на религиозные образовательные учреждения. Совместно с Соренсеном был разработан секретный меморандум, предусматривавший, что «не будет никаких упоминаний или указаний, что администрация играла какую-либо роль или занимала какую-либо позицию в этих дополнениях». Президент решил, что на пресс-конференциях он будет говорить, что вообще не принимал какого бы то ни было участия в этих маневрах[758].

Тем не менее религиозные группировки, опасаясь, что Кеннеди сможет, вопреки решению о включении церковных школ в число получающих федеральную помощь, заблокировать их, издав соответствующие исполнительные распоряжения, смогли через своих доверенных лиц в конгрессе организовать циничный саботаж всех трех законопроектов, связанных с финансированием школьного образования.

Кеннеди дважды встречался с наиболее упрямым конгрессменом Джимом Делани, представлявшим ту часть нью-йоркского района Квинз, где большим влиянием обладали организации католиков. В соответствии с намеченным планом беседы были не только неофициальными, но вообще не записывались и не регистрировались. Однако убедить упрямого Делани, чтобы он поддержал билль под честное слово, что президент не будет нарушать дополнения к нему, если они будут приняты, так и не удалось. Законопроекты не были включены в порядок дня, застряли в комитетах и подкомитетах законодателей[759].

Занятый другими делами, в первую очередь международными, Кеннеди больше не предпринимал попыток улучшить положение дел в народном образовании при помощи

государственного финансирования.

Он стремился быть более настойчивым в осуществлении еще одной внутренней реформы — оказании медицинской помощи бедным слоям населения, а также пожилым людям, которые не были в состоянии оплатить дорогостоящую в США медицинскую страховку. Вопрос о бесплатной или частично оплачиваемой медицинской помощи нуждавшимся в ней (такая помощь получила название *medicare* — медицинская забота) обсуждался в конгрессе на протяжении почти всех 1950-х годов. Только в 1960 году был принят закон Кёрра—Миллса (по именам сенаторов Роберта Кёрра и Вилбура Миллса, внесших его на рассмотрение). Закон был неэффективный и охватывал лишь часть вопроса. Предоставление медицинской помощи тормозилось массой бюрократических препятствий, включая и проволочки в одобрении штатами предусмотренных мер. К июлю 1963 года закон предоставлял помощь только 148 тысячам из 18 миллионов людей старше 65 лет, которые могли рассчитывать на поддержку. Кроме того, программа требовала огромных административно-бюрократических расходов на содержание штата сотрудников, проверку нуждаемости и т. п.{760}

9 февраля 1961 года Кеннеди направил послание конгрессу, в котором просил принять закон, который предусматривал бы выделение федеральных средств на оказание немедленной помощи четырнадцати миллионам американцев. Этими деньгами они могли бы оплачивать свои расходы по содержанию и лечению в больницах и домах для престарелых (не предусматривалось, правда, предоставление средств на хирургические операции). Вслед за этим был внесен законопроект Кинга—Андерсона, полностью соответствовавший пожеланиям президента.

И вновь в конгрессе и за его пределами разгорелась ожесточенная борьба между заинтересованными группами, причем наиболее активно против мер Кеннеди выступила влиятельная Американская медицинская ассоциация (AMA), объединявшая врачей, в меньшей степени заинтересованных в здоровье пациентов, нежели в получении огромных доходов. Опасаясь, что государственная помощь приведет к усилению государственного контроля за деятельностью ее членов, AMA и связанные с ней группы не нашли ничего лучшего, как обвинить Кеннеди в «социализации медицины». Утверждалось, что это приведет к ухудшению обслуживания, переполнению больниц и другим подобным явлениям, характерным для стран с бесплатной медицинской помощью (упоминалась Великобритания, но особый упор был сделан, явно по политическим мотивам, на СССР){761}.

Подобные настроения овладели значительной частью членов

конгресса. Возникла угроза, что законопроект будет провален. Кеннеди решил напрямую обратиться к американскому народу, несмотря на то, что осторожные советники, прежде всего Л. О'Брайен, отвечавший за связи с конгрессом, отговаривали его от этого шага. О'Брайен писал позже: «Я полагал, что, имея дело с конгрессом, Кеннеди следовало то ли пытаться работать вместе с ним, то ли объявлять ему войну. Последнее было бы более драматическим, но менее продуктивным. Большей частью Кеннеди избирал стратегию примирения»{762}.

Тем не менее Джон на этот раз нарушил обычную линию компромисса. Действовал он в спешке, толком не подготовился. Преобладали эмоции, а не стремление, убедив значительную часть населения, оказать реальное воздействие на конгресс. Выступление в нью-йоркском Медисон-сквер-гардене 20 мая 1962 года, по признанию большинства наблюдателей, выглядело бледным и противоречивым. Вся речь, которая транслировалась по телевидению, носила следы спонтанности. Зачем было обращаться напрямую к народу, задавали вопрос журналисты и политические аналитики, если в основе выступления по-прежнему лежало предложение о выработке компромиссного билля?{763}

Кеннеди просил председателя финансового комитета сената Гарри Бёрда доложить своим коллегам законопроект без предварительного внесения его в порядок дня через соответствующий комитет по процедуре. Однако Бёрд, обычно поддерживавший президентские инициативы, на этот раз отказался. В конце концов, чтобы как-то утихомирить президентские страсти, его неконструктивное упрямство, сенатор Майк Мэнсфилд на свой страх и риск представил законопроект на рассмотрение и, как и следовало ожидать, президентское предложение было провалено, правда, меньшим, чем ожидалось, числом голосов (52 против 48). Мэнсфилд позже оправдывался: «Это не было поражение президента. Это было мое собственное поражение. Стремление обойти комитет было моей тактикой, которую я испробовал пару раз и каждый раз терпел поражение»{764}.

Представляется всё же, что со стороны Мэнсфилда это не было ошибкой, повлекшей за собой поражение, а сознательной провокацией, чтобы избавиться от навязшего в зубах стремления президента добиться своего в таком сложном и спорном вопросе, как значительное расширение государственного регулирования в области здравоохранения.

Глава 4.
КУБИНСКИЙ КАПКАН

Президент и тайная подготовка операции

Вскоре после того как молодой, считавшийся неопытным президент оказался в Белом доме, мир стал свидетелем целого ряда кризисных и опасных ситуаций, из которых ему пришлось выбираться. Джон опасался негативного отношения к нему наиболее известных мировых лидеров. Французский президент Шарль де Голль и западногерманский канцлер Конрад Аденауэр явно смотрели на него свысока, как на выскочку. В наибольшей степени это относилось к де Голлю, который, по словам М. Банди, написанным через много лет, в 1985 году, «ушел в могилу в полном убеждении, что он всегда и во всем ставил правильный диагноз»{765}.

Подобными были и взгляды советского премьера Н.С. Хрущева, у которого к личному отношению добавлялись догматические идеологические соображения и традиционная подозрительность и враждебность к «американскому империализму».

Наиболее близкие отношения стали складываться с британским премьер-министром Гарольдом Макмилланом, с которым Кеннеди встречался регулярно с первых недель президентства.

Придя в Белый дом, Джон Кеннеди сразу же столкнулся с серьезнейшей международной проблемой, по поводу которой военные круги страны и крайне правые силы раздували массированную тревогу. Дело состояло в том, что буквально на виду, в 90 милях от побережья южного штата Флорида, на острове Куба стал складываться новый государственный режим, явно враждебный Соединенным Штатам Америки. По мнению многих экспертов, Куба могла быстро стать советским сателлитом, и, более того, не исключалась возможность, что она послужит примером для других стран Латинской Америки, нищее население которых легко поддавалось коммунистической и прочей левацкой демагогии, ненавидело власти собственных стран и с крайней завистью смотрело на якобы пребывавшую в полном благополучии Северную Америку.

Популярность Фиделя Кастро, начавшего установление своей авторитарной власти после свержения прежнего диктатора Фульхенсио Батисты в самом начале 1959 года, в странах

третьего мира была высока, тем более что он установил новый режим, опираясь на внутренние силы, без помощи СССР или других стран советского блока. Более того, в первый период своего правления Кастро резко критиковал коммунистов, хотя и пользовался их сдержанной поддержкой, а его младший брат Рауль тайно состоял в Народно-социалистической партии (так именовалась кубинская компартия). Однако, благодаря в значительной мере недальновидной политике администрации Эйзенхауэра, подозрительно относившейся к новому кубинскому режиму, Кастро во все большей степени сближался с компартией и стремился опереться на СССР{766}.

Пример Кубы становился заразительным. Леворадикальные элементы, часто связанные с наркоторговлей, готовые пожертвовать не только жизнями своих верных сторонников, но и сотен тысяч, если не миллионов сограждан, стали создавать партизанские отряды в Доминиканской Республике, Колумбии, Парагвае.

Влияние США в Латинской Америке отнюдь не исчезло. На Северную Америку продолжали опираться правые и центристские круги латиноамериканских стран, подавляющее же большинство населения не испытывало желания что-либо существенно менять в стиле своей жизни. Однако массовая нищета и связанные с ней явления: наркомания, уголовная преступность, проституция — являлись дополнительной питательной средой антиамериканских настроений.

Придя к власти, Фидель вкупе с братом Раулем, международным экстремистом Эрнесто Геварой (по прозвищу Че) и другими бывшими руководителями партизанской борьбы на острове развернули кампанию террора, в ходе которой за короткий срок без суда и следствия было убито несколько тысяч «контрреволюционеров». А вслед за этим пришел черед тех, кто не желал установления новой авторитарной власти, включая и некоторых бывших повстанческих деятелей.

Как мы уже говорили выше, в условиях враждебного отношения к режиму Кастро со стороны властей США он вскоре нашел себе покровителя в лице СССР, который стал поставлять на Кубу вооружение. На острове оказались военные советники и советники спецслужб. Дело шло к тому, что Кастро объявит не просто о «социалистической ориентации», а о принадлежности к «мировой социалистической системе».

После установления на Кубе власти Фиделя Кастро и его соратников началась массовая эмиграция с острова тех, кто лишился собственности, общественного положения, кому угрожали арест и гибель. Оседая главным образом во Флориде,

эти люди ненавидели новый режим, стремились к его свержению вооруженным путем и требовали максимальной помощи со стороны американских властей.

Последние, в частности администрация Эйзенхауэра, поддерживали кубинских эмигрантов, правда с известной долей сдержанности, понимая, что между ними существуют серьезные разногласия, идет конкурентная борьба, что большинство из них способно только провозглашать громкие антикастровские декларации, но уклоняется от прямого вовлечения в военную кампанию, ибо на этот раз они рисковали бы не только своим имуществом, но и жизнью.

И всё же несколько тысяч кубинцев, находившихся в США, а также в соседних странах Латинской Америки, вызвались принять участие в походе за свержение на Кубе режима, который из беспартийного, своего рода анархо-террористического, постепенно, но довольно быстро перерастал в коммунистический.

Первоначальный план операции против Кастро был представлен президенту Эйзенхауэру в середине марта 1960 года директором Центрального разведывательного управления Алленом Даллесом. План предусматривал длительное и постепенное строительство повстанческих сил на Кубе под руководством американских спецслужб. Предполагалось, что будет накоплена такая их критическая масса, которая позволит открыто выступить и свергнуть существовавшую власть. Вслед за этим администрация Эйзенхауэра дала санкцию на подготовку более конкретной директивы о способах тайного проникновения эмигрантов на территорию Кубы с перспективой подготовки антиправительственного восстания. Этот план получил название «Плутон»{767}.

Именно с основными чертами этого плана Эйзенхауэр ознакомил Кеннеди во время встречи двух президентов — избранного и уходящего. И на этот раз, как и во время предвыборной кампании, о намерениях американских спецслужб, связанных с Кубой, Кеннеди получил лишь самую общую информацию. Эйзенхауэр заявил, что с территории Гватемалы проводятся отдельные рейды на Кубу, но они никак не связаны с действиями и планами американских вооруженных сил. В то же время уходящий президент заявил, что в горах Кубы действуют антикастровские партизанские отряды, которым его администрация начала оказывать помощь, и выразил надежду, что новый президент ее продолжит.

Здесь был прямой обман, ибо никаких партизанских отрядов на Кубе не существовало — там действовали несколько разрозненных подпольных групп, оторванных от внешних сил и

никакой помощи не получавших{768}.

В горах и глухих джунглях Гватемалы действительно были созданы тайные базы, на которых проходили военное обучение кубинские эмигранты. Подготовка проводилась без конкретных учебных планов, наспех, самозваные инструкторы пытались учить добровольцев тому, что они сами умели, а достигли они, прямо скажем, не очень высокого уровня военного, тем более партизанско-подрывного, мастерства.

Во время избирательной кампании Кеннеди не имел представления о конкретных замыслах администрации Эйзенхауэра, мог судить о них в самых общих чертах, только на основании правительственных антикастровских заявлений, а также случайных сообщений из среды государственной администрации, которые по неофициальным каналам попадали его ближайшим сторонникам и ему лично.

Эти заявления и секретная информация стали появляться лишь после того, как Соединенные Штаты Америки, первыми признавшие правительство Фиделя, вскоре сочли, что последнее проводит политику, не соответствующую американским интересам. США ввели эмбарго на ввоз сахара с Кубы; принадлежавшие американским компаниям нефтеочистительные заводы на острове отказались перерабатывать нефть из СССР, единственного поставщика жидкого топлива на Кубу. В ответ кубинское правительство конфисковало всю собственность США на Кубе. 2 января 1961 года США разорвали с правительством Кастро дипломатические отношения.

Между тем разработанная ЦРУ операция внезапно оказалась секретом Полишинеля. Дотошные журналисты по своим каналам добрались до гватемальских баз, установили контакты с отрядами, которые проходили там подготовку, получили информацию от руководителей кубинской эмиграции во Флориде, которые не умели держать язык за зубами. Опытные журналисты сделали соответствующие выводы.

10 января 1961 года, то есть за полторы недели до инаугурации Кеннеди, газета «Нью-Йорк тайме» вышла под огромными заголовками: «Соединенные Штаты помогают подготовке антикастровских сил на секретных гватемальских сухопутных базах», «Угроза столкновения с Кубой», «Подготовка проводится при американской помощи».

План пришлось срочно менять. Новый вариант готовился в крайней спешке, без проработки деталей и изначально страдал такими пороками, которые с большой степенью вероятности обрекали его на провал. На этот раз предусматривалась высадка на территории Кубы, в районе Плайя-Хирон, примыкавшем к

заливу Кочинос (заливу Свиней), десанта, который мог бы немедленно спровоцировать антикастровское восстание, а в том случае, если таковое сразу не произошло бы, десантники должны были уйти в горы и там начать партизанскую борьбу.

Авторы плана даже толком не изучили географические и логистические данные. Им не было известно, что намеченный район высадки окружают коралловые рифы, крайне затрудняющие выход десантников на берег, что недалеко расположенный горный хребет отделен от побережья непроходимыми болотами. Всё это, как и многие другие пороки плана, стало известно много позже, после катастрофы.

После избрания Кеннеди президентом директор ЦРУ Аллеи Даллес сообщил ему о существовании плана высадки эмигрантов на территории Кубы. Сказано было опять-таки в самых общих словах. О новом плане, предусматривавшем массированную высадку десанта на Плайя-Хирон, президенту до инаугурации вообще не докладывалось.

28 января Даллес, наконец, доложил Кеннеди о существовании нового варианта, предусматривавшего план, согласно которому десантники должны будут, закрепившись на побережье, образовать свое правительство и обратиться за помощью к США. А те, в свою очередь, немедленно направят на Кубу вооруженные силы. Директор ЦРУ признал, что новый план разработан на скорую руку и, возможно, страдает пока не выявленными недостатками[51]. Еще неопытный президент всё же чувствовал, что план скроен наспех без консультаций с экспертами и без учета данных местности.

Он не осмеливался еще возражать профессионалам, этому предстояло учиться. Единственное, что он спросил — согласован ли план с министерством обороны и Госдепом. В самой постановке вопроса скрывалось сомнение в необходимости намеченной операции. Ответ Даллеса не внес какой-либо определенности, и Кеннеди стало ясно, что из числа высших государственных администраторов в курсе намеченных действий только сам директор ЦРУ{769}.

Аллен Даллес с известным презрением относился к новому министру обороны Роберту Макнамаре, сугубо штатскому человеку, который еще совсем недавно был руководителем компании Форда. Сам Макнамара через много лет признавал свою полную некомпетентность в чисто военных делах в первое время после того, как он стал руководителем Пентагона. Он говорил на конференции, посвященной 25-летию Кубинского ракетного кризиса: «Каждая новая администрация всё начинает сначала. Я говорил об этом раньше, и я знаю, что некоторые из

вас смеются над этим, но нам следует поступать лучше, чем назначать президента компании “Моторы Форда” прямо на работу министра обороны! *(Смех.)* Это очень опасно! Посмотрите, что произошло в заливе Свиней. У нас не было опыта, и мы просто не знали, что делать. Некоторые из нас учились очень быстро, но это очень опасно — ставить на властные позиции личности, совершенно безграмотные в отношении регулирования взаимоотношений между сверхдержавами и улаживания международных кризисов. Это большая проблема»[770].

Нам неизвестно, знал ли Кеннеди о подобной операции, которую в ноябре 1940 года предпринял Сталин, образовав фиктивное правительство Финляндии во главе с коммунистом Отто Куусиненом, с тем чтобы вслед за этим начать против Финляндии войну, завершившуюся провалом планов лишения этой страны независимости и присоединения ее к СССР. Удивительно, но история повторялась, причем в совершенно иной конфигурации: на этот раз планы фактической агрессии готовило руководство демократической страны, действовавшее не вполне чистоплотными методами.

Джона как бы ставили перед свершавшимися помимо его воли фактами.

Вступив на пост президента, Кеннеди, получавший теперь самую секретную информацию ЦРУ, счел целесообразным продолжение подготовки операции против режима Кастро. Правда, оказалось, что никаких партизанских отрядов на территории Кубы нет. Заместитель директора ЦРУ Д. Биссел докладывал, что существуют два варианта операции против Кубы. Первый, более оптимистический, состоял в том, что «контрас», как стали называть отряды вторжения, прочно закрепятся на побережье залива Кочинос, на местности под названием Плайя-Хирон, где намечалось проведение только первого этапа операции, образуют здесь свою администрацию, а затем поведут наступление на Гавану, тогда как США окажут помощь уже законному правительству своими военно-воздушными и военно-морскими силами. Второй, запасной план исходил из возможной неудачи основательного закрепления на Плайя-Хирон. В этом случае антикастровские отряды должны были уйти в горы и стать основой партизанской армии, которой США будут оказывать тайную помощь[771].

Если представители ЦРУ были почти убеждены в успехе операции, то другие члены государственной элиты, которые по распоряжению президента были ознакомлены с намеченными действиями, высказывали серьезные сомнения. Руководитель Объединенной группы начальников штабов генерал Лаймен

Лемнитцер прямо заявил, что такого рода операции могут оказаться успешными только при условии предварительного мощного удара авиации и полном господстве в воздухе во время захвата плацдарма. Кеннеди решил посоветоваться с государственным секретарем Дином Раском, который считался опытным и осторожным политиком.

Когда президент задал ему вопрос, что тому известно о планах в отношении Кубы, Раек ответил, что он вообще ничего о них не знает. Это, по всей видимости, не соответствовало действительности, ибо не только в Госдепе, но во всей высшей элите Вашингтона с первых дней пребывания нового президента у власти велись разговоры о том, что против Кубы «предстоит какая-то операция». По всей видимости, Раек просто хотел услышать подробности плана от самого авторитетного лица. Когда же это произошло, реакция была негативной. Раек заявил, что план носит непрофессиональный характер и к нему трудно серьезно относиться. Неожиданно для госсекретаря Кеннеди вспылил, ибо уже дал согласие на проведение операции и сомнение в ней рикошетом било по его авторитету. Он ответил: «Я не знаю, насколько я серьезен. Но задумана как раз такая операция. Этот план я обдумываю давно и полагаю его серьезным». Кеннеди лукавил: не он задумал и стал готовить план операции против Кубы. Президент лишь унаследовал его от предыдущей администрации, но действительно отнесся к нему, по крайней мере внешне, вполне серьезно.

Несмотря на решительное заявление, которое он сделал Раску, Джон занял в отношении намеченной операции двойственную позицию. Он дал указание, что никакого участия американских вооруженных сил, по крайней мере на первом этапе операции, не допускается. У президента должны быть развязаны руки, чтобы убедительно опровергнуть неизбежные обвинения в американской агрессии.

Еще более акцентируя внимание на необходимости защитить репутацию Джона Кеннеди, только что занявшего президентский пост, и сохранении собственного авторитета, Роберт Кеннеди представил членам кабинета меморандум, в котором цинично и в то же время осторожно говорилось: «Если придется обманывать, то обманы должны произносить сотрудники среднего уровня. При любых обстоятельствах связывать имя президента с тайной операцией запрещено. Принять окончательное решение должен кто-то, помимо президента, причем в его отсутствие, чтобы затем взойти на эшафот, если дела пойдут не так, как надо»{772}.

Некоторые члены команды Кеннеди в целом отрицательно относились к плану интервенции, считая его авантюрным и

скорее всего обреченным на неудачу. А. Шлезингер дважды, 5 и 10 апреля, направлял своему шефу меморандумы, в которых предупреждал о крайней опасности высадки на Кубе для международного престижа США даже в том случае, если операция окажется более или менее удачной{773}.

Президент, однако, фактически оказался в плену самоуверенных руководителей ЦРУ, убежденных, что с режимом на крохотном острове можно будет справиться без труда, а зарубежный мир в очередной раз проглотит американскую пилюлю, скорее всего, лишь слегка поморщившись.

Осталось ли поражение сиротой?

Вначале высадка на Кубе была назначена на 1 марта 1961 года. Затем по требованию Кеннеди она была несколько отсрочена. 9 марта помощник президента Банди писал своему другу профессору Гарвардского университета Карлу Кейсену, который собирался с ним встретиться, о своей невероятной занятости: «Формирование нашей операции постепенно развивается в весьма благоприятном направлении, и я думаю, что у нас будет немало интересных проблем. Но не всё еще будет решено к маю»{774}.

3 апреля Госдепартамент опубликовал Белую книгу, в которой доказывалось, что революция на Кубе, начавшись как освободительная, демократическая, быстро потеряла эти качества, что Куба попадает в сферу советского влияния и потому представляет теперь опасность для США. Соединенные Штаты не против революции как таковой, это дело внутреннее, подчеркивалось в документе, но они решительно против «поворота Кастро в сторону коммунизма»{775}.

На следующий день Кеннеди провел совещание высших руководителей, на котором был дан зеленый свет вторжению на Кубу отрядов эмигрантов под прикрытием военно-морских сил США. Правда, президент вновь, еще более резко, подчеркнул, что непосредственно американские вооруженные силы в ход событий вмешиваться не будут. Он с легким сердцем произносил эти слова, так как генералам и адмиралам удалось его убедить, что с делом справятся сами кубинцы. Под влиянием этих заверений 12 апреля президент провел пресс-конференцию, на которой заявил, что Вооруженные силы США, несмотря на острую ситуацию, не будут вторгаться на Кубу ни при каких условиях. Ни один американец не будет замешан в действиях на Кубе, повторил президент, по существу дела, не владевший надежной информацией о низкой боеготовности отрядов кубинской

оппозиции{776}.

По сути, этой пресс-конференцией сам президент выдал план высадки эмигрантов на территорию Кубы, правда без указания места. О том, чтобы вначале советская сторона, а затем и кубинский лидер узнали, что операция намечена в районе залива Кочинос, вроде бы позаботился советский разведчик Ким Филби (по ничем не подкрепленным словам А. Розенцвейга){777}. Это, однако, сомнительно, так как Филби, давно находившийся под подозрением, в это время работал журналистом на Ближнем Востоке и к секретным делам никакого доступа не имел. Всё было значительно проще. Формально секретный план был известен массе сотрудников ЦРУ. Один из них, Лаймон Кёркпатрик, вспоминает: «Джеймс Энглтон, Ричард Хелмс, Роберт Эмори и я не были подключены к операции. Но, занимая высокую должность, просто невозможно не знать, что происходит. Я чувствовал — этот план не сможет сработать, так как он зиждется на ложной информации, полученной от беженцев с Кубы. Их информация не соответствовала действительности, особенно в той части, где утверждалось, что силы вторжения получат помощь в результате народного восстания. Я знал, однако, что произошло с группой примерно в десять человек, сброшенной на парашютах в горном районе. Около двух тысяч кубинских полицейских вели охоту за ними, и местные жители не оказали нашим людям никакой помощи. Я направил Даллесу записку с просьбой разрешить послать в район предстоящей операции двух инспекторов, как это делалось обычно в подобных случаях. Ответ Даллеса поступил в течение суток. Он гласил: “В просьбе отказать”»{778}.

Так что советская агентура в Вашингтоне и Нью-Йорке имела возможность получить сведения о месте и характере предстоявшей операции и без помощи Филби. О том, что вторжение приближается, можно было судить по тому, что президент, не планировавший отпуск, неожиданно вечером 15 апреля выехал с семьей в поместье Глен-Ора. Этим поместьем обычно пользовались только летом, и вне контекста событий непонятно, почему «летний отдых» начался почти сразу по окончании зимы (официальным началом весны в США является равноденствие — 22 марта).

Операция по вторжению на Кубу была начата не 17 апреля, как говорится в большинстве работ, посвященных этому событию, а двумя днями ранее. 15 апреля правительство Кастро опубликовало заявление, что на рассвете этого дня американские бомбардировщики B-25 совершили нападение на несколько городов страны. По требованию Кубы было созвано заседание

Совета Безопасности ООН. Сведения подтвердились, кроме того, что операция, проведенная под руководством ЦРУ, была осуществлена с территории Никарагуа, а не США. Однако председатель незадолго до этого образованного из числа эмигрантов Кубинского революционного совета Миро Кардона[52] заявил, что речь шла об экипажах кубинских военно-воздушных сил, которые выступили против правительства Кастро и после бомбардировки совершили посадку во Флориде. Версию повторил в ООН представитель США Стивенсон{779}. Получив более достоверную информацию, Стивенсон на следующий день телеграфировал в Вашингтон: «Крайне обеспокоен полученными в течение дня ясными указаниями на то, что инцидент с бомбардировкой Кубы в субботу (то есть накануне. — *Л. Д., Г. Ч.)* был инициирован, по крайней мере частично, с территории, находящейся вне Кубы»{780}.

Тем самым опытный политик, оказавшийся на этот раз наивным, давал знать Кеннеди, что распоряжение президента о неучастии американских вооруженных сил в действиях против Кубы грубо нарушается. Предостережение было учтено. Через Банди Кеннеди распорядился о немедленном прекращении авиационных налетов на Кубу, оговорившись, правда, «кроме тех случаев, когда они проводятся с самой территории» этой страны{781}.

В соответствии с намеченным планом на рассвете 17 апреля 1961 года на нескольких баржах и других судах к побережью Кубы приблизилась так называемая «бригада 2506», состоявшая из кубинских эмигрантов — «контрас» численностью около двух с половиной тысяч человек. Вслед за ними следовали авианосец, два миноносца и несколько мелких судов американских военно-морских сил. Но приказа атаковать кубинские вооруженные силы они не имели. Вообще, вся операция, хотя и готовилась заранее, правда, в ускоренном темпе, проводилась хаотично. Чувствовалось, что твердых директив командиры не имели. Сами же они не желали, да и не могли брать инициативу в свои руки. Более того, командование военно-морских и военно-воздушных сил предполагало, что заявление Кеннеди на пресс-конференции в начале апреля носит маскировочный характер, что президент найдет удовлетворительный повод, чтобы отказаться от своих слов под предлогом оказания помощи «законным властям Кубы». Но ожидаемого не случилось. В своих директивах 17 апреля Кеннеди повторил, что американские военные корабли должны оставаться за пределами двадцатимильной зоны.

Президент нервничал. Сэлинджер вспоминал, что 17 и 18 апреля Кеннеди вызывал его (и, безусловно, не только его) чуть

ли не 100 раз, требуя свежих данных о событиях{782}. Вскоре в Белый дом стали поступать панические сведения. Сначала баржи с «контрас» натолкнулись на коралловые рифы и получили серьезные повреждения, так что часть десанта была вынуждена добираться к берегу вплавь. Здесь нападавших встречали кастровские пограничники и подтягивавшиеся регулярные части. Отдельным группам десантников удалось закрепиться на побережье, но в следующие два дня они были разбиты. Попытка снабдить их боеприпасами с моря и воздуха успехом не увенчалась. Значительная часть десантников погибла в бою, многие сдались в плен.

Правда, в последний момент Кеннеди всё же отдал приказ о воздушном прикрытии вторжения самолетами, не имевшими опознавательных знаков. Однако налет готовился в страшной спешке и поэтому не имел четкого плана. Более того, начальство бомбардировщиков, вылетавших из Никарагуа, и истребителей, которые должны были подняться с авианосца «Эссекс», не учло часовую разницу во времени, в результате чего воздушный налет оказался сорванным{783}. Кубинские зенитчики смогли сбить четыре самолета. Среди погибших оказалось несколько американцев{784}. Только на пресс-конференции 6 марта 1963 года президент признал, что действительно погибли четверо граждан США, но характер службы не позволяет открыто сообщить об обстоятельствах их кончины{785}.

Свидетели того, что происходило в эти дни в Белом доме, единодушны в своих оценках: Кеннеди находился в состоянии отчаяния. «Не надев пиджак, Джон Кеннеди открыл французское[53] окно и вышел на южную лужайку под прохладный ветерок. Люди из Секретной службы следили на расстоянии за тем, как он стремительно двигался в одиночестве почти до трех часов ночи прямо по примятой траве, держа руки в карманах. Голова его была устремлена вниз»{786}, — рассказывал историку Майклу Бешлоссу один из очевидцев.

19 апреля остатки «контрас» на побережье Плайя-Хирон прекратили сопротивление. В итоге свыше тысячи человек из их числа были убиты, более 1100 оказались в плену{787}.[54] Некоторые из них были расстреляны, остальные отправлены в концлагерь, откуда в самом конце 1962 года по распоряжению президента Кеннеди были выкуплены ценой поставки на Кубу медикаментов, детского питания и других товаров. Расходы фирм, предоставивших и оттранспортировавших эти товары, были покрыты из секретных статей бюджета США, опять-таки по распоряжению президента{788}.

Для Джона Кеннеди, только за три месяца перед этим

вступившего в должность главы исполнительной власти, поражение «контрас» было обидным и унизительным. Он с ходу отверг предложение высших военных направить на их поддержку американские военные корабли и самолеты. Он отлично понимал, что это означало бы непосредственное вступление США в войну, не получившую одобрения ООН, не поддержанную Организацией американских государств, явно означающую силовое столкновение с СССР. На столь ответственный, по сути дела роковой, шаг Кеннеди идти не желал.

На проведенной вслед за этим пресс-конференции (21 апреля) Кеннеди с горькой иронией заявил, что у любой победы 100 отцов, поражение же всегда остается сиротой[55]. После этих слов он заявил, что, как глава исполнительной власти, он берет на себя полную ответственность за происшедшее. Он не добавил, однако, что является ответственным и как Верховный главнокомандующий, ибо формально американские вооруженные силы в этих событиях не участвовали{789}.

Так Джон Кеннеди стал своего рода приемным отцом «первой Кубы», как стали называть в американских правительственных кругах Апрельский, или первый Кубинский, кризис 1961 года. Подлинными отцами этого поражения были его предшественники, но именно он стоял у власти, когда произошли эти драматические события, и в соответствии со своим пониманием долга Кеннеди возложил ответственность за них на себя.

Те чувства, которые в силу своей должности вынужден был скрывать Джон, открыто выразил его брат, в значительно меньшей степени скованный протоколом. 22 апреля состоялось заседание Национального совета безопасности, на котором был заслушан доклад Госдепартамента, констатировавшего, что никакие другие меры, кроме прямого вторжения американских вооруженных сил на Кубу, не в состоянии в обозримом будущем покончить с режимом Кастро. Имея в виду, что таковое решение полностью относилось к компетенции президента, который взял бы на себя ответственность за развязывание войны (а он не желал этого), Роберт Кеннеди, как это нередко было ему свойственно, впал в истерическое состояние. Он кричал: «Это самая бессмысленная, бездарная вещь, которую я когда-либо слышал! Все вы больше всего хотите сберечь свои задницы и боитесь что-то делать. Все вы хотите одного — свалить всё на президента. Лучше бы вы убрались и отдали внешнюю политику кому-то другому». Во время этой скандальной тирады Джон, по наблюдению присутствовавших, внешне спокойно сидел в своем кресле, и его волнение выдавало лишь то, что он непрерывно

постукивал металлическим колпачком авторучки по своим зубам, вроде бы открытым в улыбке{790}.

Сохранять хорошую мину при плохой игре Кеннеди стремился и в общении с кубинскими эмигрантами. После катастрофы на Плайя-Хирон он дал им обещание продолжить подготовку к высадке на острове, убеждал, что они в конце концов добьются победы. Поверив обещаниям, беженцы преподнесли президенту «боевой флаг», который он должен был им вернуть на Кубе{791}.

После позорного поражения Кеннеди распорядился провести расследование его причин. С этой целью в Белый дом был призван отставной генерал Максуэл Тейлор, который возглавил соответствующую группу. Это было возвращение Тейлора, человека «элегантного, похожего на ученого»{792}, которого недолюбливал Эйзенхауэр, отстранивший его отдел, к активной военно-дипломатической деятельности. В следующие годы Тейлор возглавит Объединенную группу начальников штабов и будет выполнять личные поручения президента в Западном Берлине, Вьетнаме и других горячих точках.

Не дожидаясь президентского распоряжения, ЦРУ образовало свою комиссию по расследованию под руководством генерального инспектора этого ведомства Лаймона Кёркпатрика, чей подробный доклад сохранился в бумагах Джона Кеннеди и был частично рассекречен ЦРУ через много лет{793}.

Хотя расследование проводилось соответствующими ведомствами, фактически руководящую роль в нем сыграл брат президента. Как свидетельствуют рассекреченные в октябре 2012 года документы архива Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди, министр юстиции присутствовал на заседаниях обеих комиссий, направлял их деятельность, играл ведущую роль в установлении вопиющих пороков подготовки операции на Плайя-Хирон{794}.

Расследование причин поражения «контрас» не дало результата в том смысле, что ответственные за поражение чиновники не были определены. Однако установлены были грубейшие ошибки в планировании операции: численность десанта была незначительной по сравнению с силами армии государства, находившегося в стадии формирования тоталитарного общества с жесткой дисциплиной; не было обнаружено, что побережье отделено от ближайших гор полосой почти непроходимых болот, и это делало невозможным уход туда десантников в случае неудачи операции, как рассчитывали планировавшие ее чиновники ЦРУ; не были приняты во внимание прибрежные рифы; не был проведен расчет времени,

необходимого на разгрузку боевого снаряжения, и т. д.

Можно предположить, что те американские стратеги, которые разрабатывали операцию, не обращали внимания на все эти «мелочи», полагая, что непосредственно вслед за «контрас» в военные действия вступят американские регулярные войска. Разрешение на это президент, однако, не дал, хотя не оставлял планов ликвидации на Кубе явно враждебного Соединенным Штатам Америки режима.

После неудачи вторжения в районе Плайя-Хирон Кеннеди в значительной мере утратил доверие к ЦРУ и всё реже приглашал его руководителей для дачи консультаций по принципиальным внешнеполитическим вопросам. Президент почти прекратил созывать Национальный совет безопасности — ставший уже традиционным орган, созданный Трумэном и широко используемый Эйзенхауэром. Вместо этого совета Кеннеди предпочитал пользоваться рекомендациями своих доверенных лиц вне формальных рамок коллективного консультативного органа{795}. Только один раз — во время Кубинского кризиса 1962 года — образованной чрезвычайной консультативной группе, существовавшей лишь две недели, было дано условное название Исполнительного комитета Национального совета безопасности.

Джон поручил своему брату Роберту, оставаясь министром юстиции, неофициально исполнять функции главного советника Белого дома по вопросам разведки и внешней политики, прежде всего по проблемам взаимоотношений с Кубой и СССР. С этой целью Роберт создал небольшой, но эффективный аппарат сотрудников{796}.

Интермедия с планированием убийства

Вторая, несравненно более опасная для всеобщего мира стадия конфликта, связанного с Кубой, хотя почти столь же краткая, произошла через полтора года. В промежутке между ними не приобретший еще необходимого политического опыта президент поддался уговорам Аллена Даллеса и других руководителей ЦРУ, которые стремились восстановить свой авторитет, изрядно подорванный на Плайя-Хирон.

Кеннеди согласился на подготовку тайной операции под кодовым названием «Мангуст» (она была рассекречена только в 1989 году). Это наименование говорило само за себя. Мангусты — млекопитающие, часто используемые для истребления ядовитых змей. В качестве таковых рассматривали Кастро и его режим. Если не удалось ликвидировать этот режим вооруженным путем или при помощи подрывных действий, актов саботажа, следует

прибегнуть к уничтожению его лидера. О плане «Мангуст» знал узкий круг людей из администрации Кеннеди — всего 12 человек, включая президента{797}. Но главную роль в определении характера подрывных операций играл Роберт Кеннеди, к которому стекалась основная информация о намеченных и проведенных мерах{798}.

Собственно говоря, американцы и на этот раз должны были остаться в стороне, благо кубинских эмигрантов, страстно желавших отомстить Фиделю за гибель и муки родных и близких, было предостаточно. Однако ЦРУ опять не проявило должной оперативности и смекалки. Один за другим разрабатывались планы покушения: прислать сигары, пропитанные смертельным ядом, подсыпать яд в вино или мороженое, подбросить в район, где Кастро принимал морские ванны, медузу, начиненную бомбой, организовать подарок — костюм с бациллами туберкулеза и т. п.{799}

Ни один из этих экзотических планов реализован не был. Вообще, на первый взгляд представляется, что все эти нереализованные операции являлись произведениями не очень квалифицированных авторов детективного жанра или плодом антиамериканской пропаганды. Но они реально разрабатывались, о чем позже не раз писали в воспоминаниях отставники ЦРУ. По данным американских исследователей, на операцию «Мангуст» (она продолжалась до осени 1962 года, когда Кубинский кризис вступил в новую, острую фазу) было затрачено от 50 до 100 миллионов долларов. Покушения на жизнь Кастро предпринимались не менее восьми раз, но ни разу не были доведены до стадии исполнения{800}.

Позже, в 1967 году, некоторые печатные органы, в частности газета «Вашингтон пост», утверждали, что планы покушения на Кастро разрабатывались под руководством Роберта Кеннеди. Так ли это было, неизвестно. Однако сам Роберт был взбешен, прочитав эти сенсационные материалы. «Я этого не начинал, — заявил он. — Я остановил это. Я узнал, что какие-то люди собирались устроить покушение на жизнь Кастро. Я этому помешал»{801}. В любом случае слова Роберта Кеннеди подтверждали, что планы убийства Кастро существовали и сам он был в курсе дела.

Можно полагать, что в том случае, если бы план убийства Фиделя оказался выполненным, это вряд ли способствовало бы решению проблемы Кубы с точки зрения государственных интересов США, как их понимали президент и его окружение. Скорее всего, это превратило бы Фиделя в павшего героя, в символ свободы и независимости Кубы и способствовало бы еще

большему укреплению на острове прокоммунистической власти и росту антиамериканских настроений в других латиноамериканских странах{802}.

В то же время в контексте книги, которая лежит сейчас перед читателем, действительно существенным представляется вопрос, знал ли президент о планах убийства Кастро, утверждал ли он эти планы, какова была роль Роберта Кеннеди, в подчинении которого как министра юстиции находилось, по крайней мере формально, Центральное разведывательное управление.

Любопытные сведения на этот счет удалось собрать Майклу Бешлоссу. Согласно его данным, еще в августе 1960 года заместитель директора и руководитель секретных операций ЦРУ Ричард Биссел установил связь с некими мафиозными группами с целью подготовки убийства Кастро, причем сделано это было в соответствии с пожеланием президента Эйзенхауэра «избавиться от Кастро», но без его прямой санкции (было вполне естественно, что имя президента в «мафиозные дела» не впутывалось). Случилось, однако, так, что тайные переговоры представителей ЦРУ с одним из крупнейших гангстеров, главарем мафиозной группы западного побережья Джоном Роселли, а затем и с лидером чикагской мафии Сэмом Джианканой о сумме, которую организаторы убийства Кастро должны были получить за «выполненную работу», оказались записаны на пленку. Дело грозило выйти на поверхность, что было чревато серьезнейшей компрометацией спецслужб, не говоря уже о провале операции.

В этих условиях 7 мая 1962 года по поручению высшего руководства управления генеральный советник ЦРУ Лоуренс Хаустон доложил ситуацию министру юстиции. Хаустон был поражен гневом, который обрушил на него и на всё управление министр. Он сообщал: «Если вы вдруг сталкиваетесь с тем, что глаза мистера Кеннеди становятся стальными, что его челюсть сжимается, а голос становится тихим и зловещим, у вас неизбежно возникает чувство предстоящей серьезной неприятности». Роберт Кеннеди заявил Хаустону, что, если ЦРУ решило иметь дело с мафией, его должны были уведомить об этом до начала предпринимаемой комбинации. При этом

Роберт не высказал ни удивления, ни негодования по поводу самого факта подготовки убийства Кастро. Он был взбешен лишь тем, что к делу подключается мафия. Иначе говоря, у Хаустона сложилось впечатление, что Даллес или кто-то другой из руководства ЦРУ уже докладывали министру об операции «Мангуст» и получили санкцию{803}. Можно выразить уверенность в том, что, если дело обстояло именно таким образом, принципиальное согласие на выполнение плана уничтожения

кубинского лидера Роберт получил от своего брата.

Косвенные сведения, что именно так и было, содержатся в показаниях руководителя оперативного отдела ЦРУ в начале 1960-х годов Ричарда Хелмса, которые он дал сенатскому комитету по расследованию операций в области разведывательной деятельности, созданному в 1975 году (по имени своего председателя демократа Фрэнка Чёрча он получил название комитета Чёрча)[56]. Хелмс свидетельствовал, что администрация Кеннеди оказывала «чрезвычайное давление» на ЦРУ, с тем чтобы были предприняты максимальные меры для свержения режима Кастро. Руководство ЦРУ и прежде всего его новый директор Джон Маккоун, назначенный на этот пост 29 ноября 1961 года, пришли к заключению, что им предоставлено право на подготовку убийства Кастро, хотя прямого распоряжения в этом смысле они не получали. «Я полагаю, — утверждал Хелмс, — что это была определенная политика в то время — избавиться от Кастро, и если убийство могло этому послужить, оно находилось в пределах того, что от нас ожидалось». Ни один из представителей администрации Кеннеди не говорил, что убийство исключается, добавлял свидетель для пущей убедительности.

Правда, дополнял Хелмс, никто из руководителей ЦРУ никогда не говорил кому-либо из официальных лиц в Белом доме о планах убийства. Членам комитета этого показалось недостаточным. Хелмсу был задан прямой вопрос, был ли информирован Кеннеди о плане убийства. Ответ был дан так, что свидетель, хотя и весьма косвенно, всё же признал этот факт. Он заявил: «Я думаю, что каждый из нас счел бы очень трудным обсуждать убийство с президентом США. У всех нас было чувство, что нас взяли на работу так, чтобы все эти вещи были подальше от Овального кабинета. Никто не желал ставить в неудобное положение президента Соединенных Штатов, обсуждая в его присутствии убийство иностранного лидера»{804}.

Хотя сотрудники Белого дома перед комитетом Чёрча утверждали, что Кеннеди не давал приказа об убийстве Кастро{805}, свидетельство Хелмса не оставляет сомнений в том, что, если прямого указания и не было, Кеннеди, по крайней мере, не воспрепятствовал плану «Мангуст», не отдавал распоряжений, исключавших подготовку убийства.

Да и сами распоряжения об убийстве, к тому же руководителя соседней страны, если они и существовали, во всяком случае отдавались устно, не писались на президентском бланке. Тот факт, что уничтожения Фиделя не произошло, следует считать не результатом какого-либо запрета или отмены решения со стороны

высшего должностного лица, а стечения неблагоприятных обстоятельств и недостаточной компетентности тех, кто планировал и пытался реализовать операцию.

Майкл О'Брайен, автор биографии Кеннеди, весьма благожелательно относящийся к своему герою, объективно и вместе с тем саркастически признает: «Если президент Кеннеди не знал о планах убийства, подготовленных ЦРУ, значит, он был никуда не годным администратором, не видящим, что его подчиненные делают от его имени. Вскоре после того, как Линдон Джонсон занял президентский кабинет в 1963 году, он выяснил, что сторонники Кеннеди вроде бы никогда не знали, что ЦРУ руководило планом убийства. Очевидно, Джонсон оказался способным извлекать из ЦРУ большую информацию, чем это получалось у Кеннеди». Продолжая свою линию рассуждений, О'Брайен приходит к выводу, что Роберт Кеннеди «руководил планами убийства и обсуждал эти планы с президентом. Ведь братья были так близки, и вопрос был настолько важен. Президент Кеннеди, по всей видимости, утвердил план заговора»{806}.

Все эти факты были явными свидетельствами растерянности администрации, включая самого президента. Роберт Макнамара говорил через много лет после ухода с поста министра обороны на конференции в Гарвардском университете, посвященной событиям 1962 года в районе Карибского моря: «Мы буквально впали в истерику по поводу Кастро во время событий в заливе Кочинос и вслед за этим»{807}.

В начале осени 1962 года курировать дела, связанные с коммунистическим режимом на Кубе, президент вторично поручил своему брату как наиболее доверенному лицу (в первый раз, как мы уже знаем, он дал это задание Роберту после поражения кубинских эмигрантов в районе Плайя-Хирон). Именно в это время и произошли события, которые поставили человечество на грань термоядерной катастрофы.

Непосредственная угроза ядерной войны

К этому времени ситуация вокруг Кубы вновь накалилась до предела. Американские разведывательные службы без труда устанавливали, что советские корабли везли на остров средства ведения войны. В ответ на разоблачительные сведения, публиковавшиеся в прессе, официальные советские лица заявляли, что на Кубу поступает только оборонительное вооружение. Соответствовало это истине или нет, какие именно виды оружия можно было считать наступательными, а какие

оборонительными — все эти и масса других вопросов оставались без ответа. Министр обороны США Роберт Макнамара как-то цинично заявил: «Наступательное оружие — это ваше оружие, а оборонительное оружие — это мое оружие»{808}.

Пользуясь ситуацией, республиканцы в конгрессе жестко атаковали демократов и их правительство, прежде всего президента. Сенатор К. Китинг затронул даже такую чувствительную для Кеннеди струнку, как воспоминание о Мюнхенском сговоре, памятуя, что ему была посвящена студенческая выпускная работа нынешнего хозяина Белого дома. Он говорил: «Вспомните, что произошло перед тем, как вспыхнула Вторая мировая война. Если бы Гитлера решительно остановили, когда он захватил Рейнскую область, Австрию и даже когда он вторгся в Чехословакию, Вторая мировая война, вероятно, вообще не произошла бы… Если мы не будем решительно действовать на Кубе, нас ожидают большие, во всяком случае не меньшие, неприятности в Берлине и в других частях мира»{809}.

Именно в условиях всё более нагнетавшейся напряженности вокруг Кубы Роберту Кеннеди были доложены секретные и в то же время сенсационные данные о том, что 14 октября 1962 года американский самолет-разведчик У-2, пилотируемый майором Ричардом Хейсером, проводя аэрофотосъемку территории Кубы, установил существование неких подозрительных объектов. После расшифровки и анализа фотографий было установлено, что речь идет о строительстве установок для запуска ракет среднего радиуса действия. На фотографиях было видно, что обширный район недалеко от города Сан-Крестобаль покрыт маскировочными тентами, неподалеку находятся без маскировки заправщики ракет, а под тентами угадывались конфигурации стартовых установок ракет класса «земля — земля», которые, как хорошо было известно, предназначались для доставки к цели ядерных боезарядов.

Было ясно, что между Кубой и СССР заключено соглашение о размещении на острове советских ракетных установок с ракетами, вооруженными ядерными боеголовками, способными поразить значительную часть территории США. Оставалось, правда, неизвестным, доставлены ли уже боеголовки на остров. На других фотографиях можно было различить советские бомбардировщики Ил-28, которые, как уже было известно, могли также стать средствами доставки ядерного оружия, а также истребители МиГ-15, артиллерийские орудия, танки, бронетранспортеры и другие средства ведения военных действий{810}. Сведения, естественно, были отрывочными и неполными. К тому же они

нуждались в тщательной дополнительной проверке. Именно поэтому решено было провести новую авиационную разведку, которая полностью подтвердила и дополнила предыдущие данные. Анализ фотографий показал, что, если бы ракеты, установленные на Кубе, были выпущены, за несколько минут погибли бы до восьмидесяти миллионов американцев{811}.

Позднейшие данные американской разведки установили, что согласно советско-кубинской договоренности на Кубе планировалось разместить 36 баллистических ракет СС-4 среднего радиуса действия с дальностью полета две тысячи километров, 24 ракеты СС-5 промежуточного радиуса действия с дальностью полета четыре тысячи километров[57], 12 подвижных ракетных комплексов типа «Луна», созданных на базе плавающего танка, восемь ракет ближнего действия, 40 многоцелевых истребителей МиГ-21, шесть реактивных тактических бомбардировщиков Ил-28. Все типы ракет, а также бомбардировщики предполагалось снабдить ядерным оружием{812}.

Решение о размещении ракет на Кубе было принято 24 мая 1962 года Президиумом ЦК КПСС по предложению, фактически по приказу, Н.С. Хрущева. На заседании президиума Хрущев задал вопрос, согласны ли его члены с внесенным предложением. Слово взял О.В. Куусинен, раболепно заявивший: «Товарищ Хрущев, я думал. Если вы вносите такое предложение и считаете, что нужно принять такое решение, я вам верю и голосую вместе с вами. Давайте делать». Микоян выразил легкое сомнение, назвав это дело опасным шагом, однако и он против принятия соответствующего решения не возражал, правда, выразил мнение, что такого рода помощь не согласится принять Кастро{813}.

Для переговоров с Фиделем Кастро на Кубу была направлена советская делегация во главе с кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС Ш. Р. Рашидовым (в делегацию в качестве ее фактического руководителя входил главком Ракетных войск стратегического назначения маршал С.С. Бирюзов), сразу же доложившая, что опасения Микояна неосновательны, что кубинцы с охотой готовы принять ракеты, правда, не столько для защиты собственной страны, а в интересах всего социалистического лагеря. В июне в Москву прибыл министр обороны Кубы Рауль Кастро, который, видимо, подписал соответствующее соглашение с советским министром обороны Р.Я. Малиновским (первоисточники, связанные с этими переговорами и подписанными документами, до сих пор остаются секретными). Кубинская сторона вначале предлагала сразу опубликовать договор, считая, что он поднимет престиж страны, но Хрущев

высмеял это мнение, заявив, что американцы найдут тысячу способов, чтобы воспрепятствовать поставке ракет на Кубу{814}. Через океан пошли советские транспортные суда. Ракеты и всё, что с ними связано, составляли лишь часть груза: везли танки, самолеты, средства обороны, жизнеобеспечения, личный состав{815}.

Даже первое известие, что на Кубе началось размещение советских ракет, доложенное американским высшим руководителям 16 октября, привело администрацию в состояние крайнего нервного возбуждения.

Правда, еще за месяц до этого, в середине сентября, от американских агентов на Кубе стали поступать сведения о подозрительных строительных работах на территории острова. Кроме того, одному из агентов удалось проникнуть в состав технического персонала, обслуживавшего кубинского лидера, и он подслушал хвастовство подвыпившего Кастро по поводу того, что теперь безопасность Кубы прочно охраняют советские вооруженные силы. Об этом доложили Роберту Кеннеди, который счел сведения не просто ненадежными, а фальшивыми, возможно провокацией. Министр юстиции распорядился не докладывать президенту, пока сведения не будут проверены и перепроверены{816}.

Теперь же, после двух аэрофотосъемок, появились совершенно неопровержимые данные о размещении на Кубе советских ракет.

Утром 16 октября, едва президент проснулся, к нему в спальню явился главный советник по национальной безопасности Макджордж Банди, принесший толстую папку с данными разведывательной аэрофотосъемки. Понять, что на них изображено, непосвященному было невозможно. Тотчас приглашенный в Белый дом Роберт Кеннеди, взглянув на снимки, решил, что они напоминают футбольное поле{817}. Первоначально президент отнесся к непонятным фотографиям с недоверием. Затребованы были новые фото. Пришлось верить советнику, который в свою очередь получил информацию от экспертов. Невзрачные кубики на фото представляли собой стартовые площадки советских ракет{818}.

Джон Кеннеди был особенно возмущен тем, что все эти действия предпринимались в глубокой тайне от мирового сообщества, тогда как установка американских ракет среднего радиуса действия в Великобритании, Италии и Турции в 1957 году проходила открыто, по решению Совета НАТО, опубликованному в печати, а само размещение широко комментировалось в средствах массовой информации.

Первая реакция Кеннеди была выражена в словах: «Придется их разбомбить». Аналогичной являлась и спонтанная позиция других высших членов кабинета.

Ведь до этого территория США не находилась под угрозой советской ядерной атаки, и это создавало чувство самоуспокоенности не только у политиков, но и у высших военных. Теперь оказалось, что в случае возникновения ядерной войны, которой не желали ни советские, ни американские лидеры, но которая могла вспыхнуть неожиданно, территория США станет ареной разрушительнейших военных действий.

В распоряжении американской разведки не было никаких данных о размещении на Кубе крупного контингента советских войск под командованием генерала И.А. Плиева (он был известен на Кубе под псевдонимом Павлов) — жесткого военачальника, ветерана Отечественной войны, во время которой он командовал кавалерийским корпусом и сводным кавалерийско-механизированным соединением (он стал дважды Героем Советского Союза). Через много лет после войны Плиев в силу своей исполнительности и неразборчивости в средствах был назначен руководителем кровавого подавления мирной демонстрации трудящихся Новочеркасска в июне 1962 года. Теперь же Плиев получил от высшего советского руководства право на применение ядерного оружия в случае вторжения американских вооруженных сил на Кубу — даже без санкции министра обороны СССР Р.Я. Малиновского, правда только в случае утраты связи с Центром.

Как стало известно через много лет, в подчинении Плиева находился, помимо ракетных установок и авиации, танково-механизированный воинский контингент численностью в 42 тысячи солдат и офицеров. Число ракет предполагалось довести до 52 со 162 ядерными боеголовками. Именно они являлись главным устрашающим оружием{819}. К тому времени, когда факт размещения советских ракет на Кубе стал известен американцам, на остров были доставлены, согласно данным генерал-полковника Д.А. Волкогонова, только ракеты Р-12, а ракеты большего радиуса действия Р-14 то ли находились в пути, то ли еще готовились к отправке{820}.

Хотя в распоряжении высших американских государственных деятелей не было никаких статистических данных о советском воинском контингенте на Кубе, главное — американскому руководству стало известно о наличии там советской ракетно-ядерной базы.

Так начался второй Кубинский кризис, продолжавшийся с 16 по 28 октября 1962 года. В высших американских кругах этот

комплекс событий часто называли «вторая Куба».

Президент США был возмущен тем, что советские представители замалчивают факты. Дело в том, что завоз оружия на Кубу особо не скрывался советской стороной. Но при этом неизменно подчеркивалось, что речь идет только об оборонительных его видах. Накануне получения фотографий, сделанных с самолетов У-2 (всего около тысячи снимков), посол СССР в США А.Ф. Добрынин заявил, что, «несмотря на свою озабоченность, СССР не завозит никаких наступательных вооружений, в частности ракет класса “земля—земля”, ибо хорошо осознает опасные последствия такого шага»{821}. Добрынин не лгал — он просто не знал, какие виды оружия размещаются на Кубе[58]. Это было ведомо только «узкому кругу ограниченных людей», как сказано в известном анекдоте о государственной тайне.

Джон Кеннеди отлично понимал, не мог не понимать, словесную игру в «наступательные» и «оборонительные» виды оружия. Ведь всякому здравомыслящему человеку было ясно, что никакого четкого разграничения между теми и другими не существует, что всё зависит от намерений сторон, что одни и те же виды оружия могут быть и наступательными, и оборонительными.

Это касается даже зенитных ракет СА-2, о поставках которых на Кубу уже в течение нескольких месяцев доносила американская разведка. Ведь эти ракеты вполне могли послужить не только отражению неспровоцированного воздушного нападения, но и быть прикрытием явно наступательных действий. Так что, даже отвлекаясь от заявления Добрынина, ряд последующих советских деклараций, строго говоря, не носил откровенно обманного характера или являлся ложью лишь отчасти. Они объявляли о миролюбивых намерениях СССР, но в то же время в них выражалась готовность пойти на конфликт любой степени интенсивности во имя сохранения Кубы в советском авангарде.

Разумеется, Кеннеди и его помощники не имели понятия о том, что именно в эти дни начинала развертываться советская операция под кодовым названием «Анадырь», предусматривавшая размещение на крохотном острове, находящемся всего в 90 милях от побережья Флориды, таких ракетно-ядерных сил, которые нивелировали бы стратегическое отставание СССР от США, ибо были способны сровнять с землей не менее половины американских центров экономики, политики, культуры, жизнеобеспечения, включая Нью-Йорк, Филадельфию, Чикаго, Балтимор, Атланту и родной Кеннеди Бостон. По свидетельству

генерала Л.С. Гарбуза, участвовавшего в операции «Анадырь», ракеты, доставленные на Кубу, могли поразить цели вплоть до Великих озер{822}. А в этих пределах располагались все крупнейшие промышленные, административные и культурные центры восточной и расположенной на запад от нее части США — основа жизнеобеспечения страны.

Иной вопрос, что достаточно осторожные советские лидеры, и прежде всего Н.С. Хрущев, не были откровенными авантюристами. Они предпочитали действовать тихой сапой, постепенно революционизируя и третий мир, и Латинскую Америку, используя пример Кубы как рычаг. Советский план состоял в том, чтобы завершить завоз и установку ядерных ракет на Кубе к запланированному на ноябрь 1962 года визиту Хрущева в Нью-Йорк, где он предполагал выступить на заседании Генеральной Ассамблеи ООН с выгодными для СССР предложениями о сокращении вооружений, которые бы устранили или по крайней мере сократили отставание от США в области ракетно-ядерного оружия и надежно обеспечили бы пребывание Кубы в советской сфере господства. Для этого предполагалось подписание тогда же, во время сессии Генассамблеи, союзного договора с Фиделем Кастро, который предусматривал бы «военную взаимопомощь». Одновременно намечалось объявить постфактум и без конкретизации, что на Кубе уже находятся мощные советские ракеты класса «земля—земля».

Однако воинственный Кастро и его «барбудос», вмешивавшиеся в разраставшийся конфликт, толкали Хрущева к роковому рубежу ранее намеченного им срока.

В первый момент кризиса слова Кеннеди «придется их разбомбить» были выражением общего мнения руководства. Четко его выразил генерал М. Тейлор — военный помощник Кеннеди и его связной с объединенной группой начальников штабов (вскоре он будет назначен его председателем): «Наша сила по всему миру является основой доверия, которое к нам испытывают… Если мы, как полагается, не ответим на Кубе, мы пожертвуем этим доверием к себе». М. Банди, зафиксировав эти слова в своем памятном меморандуме, написанном через полгода, запечатлел в нем не только их и первую реакцию на них президента, но и его более общую принципиальную установку: «Мы должны убрать их (советские ракеты. *—Л. Д., Г. Ч.)* оттуда. Нам необходимо срочно решить, как это осуществить». При этом Кеннеди поначалу придерживался мнения, что самым эффективным и, видимо, единственно возможным ответом является внезапный и мощный воздушный удар{823}.

Вскоре, однако, позиция президента и некоторых близких к нему деятелей стала более осторожной. В администрации развернулись острые споры между двумя группами политиков и военных, которые позже получили прозвища «голубей» и «ястребов». Разногласия между ними не носили принципиального характера, речь шла лишь о степени срочности военного ответа в том случае, если бы советские ракеты не были убраны без применения силы. Джон Кеннеди решил, согласно латинской поговорке, «спешить медленно». В связи с тем, что менее чем через месяц предстояли промежуточные выборы в конгресс и другие органы власти и всякое необдуманное действие могло до предела обострить внутреннюю ситуацию, изменить расстановку сил в законодательных органах в ущерб администрации, он решил до уточнения обстановки и выработки решений вести себя так, как будто ничего не произошло.

В тот же день, когда ему стало известно о советских ракетах на Кубе, то есть 16 октября, Кеннеди вылетел в Чикаго, однако тотчас возвратился в Вашингтон под предлогом простудного заболевания{824}. На борту самолета Джон вызвал пресс-секретаря Сэлинджера и передал ему клочок бумаги с надписью: «Небольшое воспаление верхних дыхательных путей. Температура 37, Г. Сырая погода, дождь. Врач советует вернуться в Вашингтон». Приняв эти слова за истину, Сэлинджер, прочитав сообщение журналистам, спросил Кеннеди: «Я надеюсь, ничего плохого с вашим здоровьем, господин президент?» Джон мрачно на него взглянул: «Если вы ничего не знаете, вы счастливый человек»{825}.

Распоряжением президента была образована группа высших политических и военных деятелей, которая обсуждала сложившуюся ситуацию и рекомендовала соответствовавшие решения и действия. Группа получила условное наименование Исполнительного комитета Национального совета безопасности. Кеннеди включил в его состав госсекретаря Раска, помощника по национальной безопасности Банди, министра обороны Макнамару, министра юстиции Роберта Кеннеди, руководителей ЦРУ и ФБР и несколько других ответственных лиц{826}. Во временном органе были образованы две группы, рассматривавшие соответственно возможности нанесения удара по советским ракетам на Кубе (ее возглавил Банди) и альтернативные варианты (под руководством Р. Кеннеди, который одновременно руководил всем исполкомом){827}.

Первое заседание нового неофициального органа состоялось в Белом доме под руководством президента. В следующие дни встречи происходили в других местах, главным образом в

Госдепартаменте. Сам Джон Кеннеди лишь изредка присутствовал на заседаниях группы, фактически ее возглавлявший Роберт исправно доносил старшему брату ход дискуссий. По мнению Роберта, Джон «принял мудрое решение. Люди меняются в присутствии президента, и даже те, у кого сильный характер, часто рекомендуют то, что, по их мнению, хотел бы услышать президент»{828}.

Высшие военные чины, как правило, упрекали президента, министра юстиции и других авторитетных государственных деятелей в том, что они не приняли решительных мер в апреле 1961 года для оказания эффективной помощи «контрас» во время высадки в районе залива Кочинос. Они напоминали, что именно на осень 1962 года были назначены военно-морские учения, в которых должны быть задействованы крупные вооруженные силы. Обращалось внимание и на психолого-пропагандистский момент в этих маневрах, вплоть до того, что путем высадки на острове Векос недалеко от побережья Пуэрто-Рико, где существовала вроде бы вымышленная «республика Векос», ставилась задача свергнуть власть диктатора по имени Ортсак, которое означало прочитанную наоборот фамилию Кастро{829}. Кубинская проблема, по словам Т. Соренсена, превратилась за полтора года в «политическую ахиллесову пяту»{830}. Такая ситуация, естественно, осложняла положение Кеннеди в принятии взвешенных решений.

В дискуссиях Джон занимал промежуточную позицию, но всё же она была близка к взглядам тех, кто склонялся к достижению компромисса. В этом он получил поддержку министра обороны. Р. Макнамара полагал, что для США не было особой разницы между тем, разместит ли СССР на своей территории дополнительное число межконтинентальных ракет или же на территории Кубы ракет средней дальности. Более того, Макнамара уже до этого времени пришел к выводу, что отставания США от СССР не существует, что именно СССР вынужден догонять США{831}. Макнамара решительно выступал против вторжения на Кубу, полагая, что оно может привести к непоправимым последствиям, к термоядерной войне. Более того, постфактум он распространял эту свою позицию на всё американское руководство, хотя для этого не было достаточных оснований. На конференции в Гарвардском университете, посвященной 25-летию Кубинского кризиса, он говорил: «У нас не было планов вторгаться на Кубу, и я решительно выступил бы против этой идеи, если бы она возникла»{832}.

Вероятно, именно тогда в уме этого выдающегося государственного деятеля начал зреть комплекс идей, который он

позже сам назвал «законом Макнамары». Формулировался он так: «Невозможно предсказать с высокой степенью уверенности, каков будет результат использования военных сил, так как существует возможность случайности, ошибочного расчета, неверной интерпретации и невнимательности»{833}. Естественно, этими мыслями министр обороны делился с президентом и его советниками. Сходную позицию занимал министр юстиции. Роберт Кеннеди, правда, рассматривал разраставшийся кризис главным образом с точки зрения того, как он повлияет на политическую судьбу его брата, в частности на очередных президентских выборах. Но и он неоднократно подчеркивал огромную опасность возникновения ядерной войны. Вспыльчивый и резкий, Роберт к этому времени стал значительно более трезвым и расчетливым в делах, связанных с международным положением США. Это не укрылось от советской разведки. В справке Первого главного управления КГБ о нем (1962 год) говорилось, что «внешне его отношение к СССР стало более сдержанным», тем более что президент использовал своего брата для налаживания неофициальных контактов с Советским Союзом{834}.

Вскоре после завершения второго Кубинского кризиса Джон Кеннеди говорил: «Вторжение было бы ошибкой — неверным использованием нашей силы. Но военные будто сошли с ума. Они стремились осуществить вторжение. Какое счастье, что у нас там был Макнамара»{835}. В разговорах с глазу на глаз президент и его брат были еще более откровенными. По поводу заявления руководителя стратегического авиационного командования генерала К. Лимея о том, что единственным верным решением является бомбардировка, и как можно скорее, президент возмущался (он, как видно, подзабыл свою эмоциональную реплику в день начала кризиса): «У генералов, разумеется, есть сильный довод. Если мы будем их слушать и действовать так, как они хотят, в живых не останется никто и некому будет затем упрекать их в роковой ошибке»{836}.

В роли главного сторонника силовых акций из числа политиков выступил бывший государственный секретарь Д. Ачесон. На совещании у президента он говорил: «Хрущев создает основную угрозу Соединенным Штатам. Он стремится испытать волю Америки. Чем скорее произойдет развязка, тем лучше». Ачесон настаивал, чтобы советские установки для запуска ракет были ликвидированы при помощи авиационного удара.

Совещание 18 октября, однако, завершилось лишь принятием решения о введении морской блокады Кубы. Из 17 присутствовавших за это высказались 11 человек, против 6. Такое

большинство сложилось после того, как президент попросил проинформировать его, гарантирует ли массированная бомбардировка уничтожение всего находящегося на Кубе ядерного оружия. Командование военно-воздушных сил ответило, что гарантий дать не может{837}.

По мнению большинства американских авторов, детально исследовавших эту проблему, решающий вклад в принятие компромиссного решения внес Роберт Кеннеди, в данном случае оказавший воздействие на позицию старшего брата. Роберт говорил о трех возможностях, перед которыми стояла страна. «Первая — вообще ничего не предпринимать. Но это — вариант бессмысленный, который вообще не следует обсуждать. Второй вариант — нанести мощный авиационный удар. Наконец, третья возможность — блокада Кубы. Я полагаю, что президенту будет крайне сложно принять решение о бомбардировках. Его будет сдерживать не только память о вероломных бомбардировках Пёрл-Харбора, но и влияние, которое окажут наши действия на международные отношения и положение США в мире… Мы должны немедленно предпринять действия, должны недвусмысленно продемонстрировать Кремлю нашу решимость добиться, чтобы Советы вывезли ракеты с территории Кубы». В то же время Роберт Кеннеди высказался за возможность поиска разумного компромисса: «Мы должны дать Кремлю некоторое поле для маневра, чтобы советское правительство сохранило свое лицо»{838}.[59] Упоминание о Пёрл-Харборе не было случайным. Мысль о нем приходила в голову Роберта Кеннеди вновь и вновь. Во время решающего заседания он передал брату-президенту записку: «Я теперь знаю, что чувствовал Тодзио, когда он планировал Пёрл-Харбор», которую тот не огласил, спрятал в карман, но которая, видимо, оказала влияние на его решение{839}. Итоги обсуждения подвел президент. Он заявил: «Я против вторжения на Кубу. Но мы должны считаться с возможностью того, что к декабрю на Кубе появятся 50 стратегических ракет. Поэтому я отдаю приказ о начале блокады Кубы. Если этой меры окажется недостаточно, мы будем готовиться к нанесению воздушного удара и к вторжению».

Примерно в таком же духе было выдержано и личное письмо Кеннеди лидеру кубинской эмиграции в США Хосе Кардоне, в котором говорилось, что у США «не существует ближайших планов вторжения на Кубу»{840}.

В один из самых критических моментов конфликта президент проявил высокое самообладание, чувство ответственности, по сути дела государственную мудрость, приняв решение, которое, однако, по чистой случайности могло оказаться роковым.

В этот же день, 18 октября, он встретился в Белом доме с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, которого сопровождал посол в США Добрынин. Хрущев направил Громыко, находившегося в это время в Нью-Йорке на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в Вашингтон в расчете выяснить намерения Кеннеди и по возможности утихомирить американские страсти, но, разумеется, не раскрывать советских действий по размещению ракет на Кубе.

Обе стороны играли в кошки-мышки, обходя наиболее острые вопросы. Советской стороне было известно, что американцы обнаружили строительство ракетных баз, но ни единого слова на этот счет Громыко не произнес, ограничиваясь лишь общими фразами по поводу того, что в случае, если у американцев есть претензии к Кубе или СССР, их необходимо разрешить мирными средствами. Тем самым давалось понять, что возможен поиск компромисса. В то же время Громыко прибег к обычной демагогии по поводу наступательных и оборонительных видов оружия. Советский министр признал, что Советский Союз поставляет на Кубу оружие, но оно предназначено для обороны, а советники, направленные СССР, помогают кубинцам научиться обращаться с этим оборонительным оружием.

В данном случае в словах хрущевского посланца содержалась немалая доля истины, ибо только умалишенный мог бы представить себе, что Куба готовится к нападению на США. В действительности речь шла об обороне союзного СССР государства, оказавшегося неподалеку от американских берегов, и фактическом изменении баланса стратегических вооружений обеих стран.

В свою очередь Кеннеди выразил беспокойство по поводу поставок советского оружия на Кубу, не конкретизировав, однако, о каких видах оружия идет речь. Он добавил, что не имеет планов вторжения на Кубу и сдерживает «тех американцев, которые являются сторонниками вторжения»[{841}].

Пытаясь как-то растормошить Громыко во время приема, надеясь подтолкнуть его к большей откровенности (это была явная утопия — Кеннеди явно не учитывал натуру этого деятеля, которого за пределами советской сферы влияния называли «господином нет»), Джон пригласил его на прогулку вокруг Белого дома, по его лужайкам и цветникам. В Розовом саду резиденции они оба уселись на крохотную скамейку, на которой едва поместились, почти прижавшись друг к другу. Но это не оказало на советского министра никакого эмоционального воздействия.

Зато Жаклин, которая специально вышла в сад, чтобы

посмотреть на советского министра, не смогла сдержать улыбки, увидев эту сцену. Она подошла и совершенно наперекор дипломатическому этикету произнесла: «Оба вы выглядите совершенно абсурдно, сидя на коленях друг у друга». В ответ Громыко позволил себе рассмеяться, но линии своего поведения не изменил. Джон же, по ее воспоминаниям, заключил эту необычную беседу словами: «Мы, американцы, не меняем яблоко на фруктовый сад»{842}.

Похоже, что у первой леди произошло какое-то смещение памяти: ведь пока ни о каком торге речь не шла — условия компромисса касательно Кубы стали созревать через несколько дней после этой встречи, в переписке Кеннеди и Хрущева. Так что скорее всего эти слова были произнесены Кеннеди позже и в другой обстановке.

Через много лет в своих мемуарах А.А. Громыко пытался оправдать свою ложь, вместо того чтобы обосновать ее высшими государственными соображениями. Крайне неуклюже он писал: «Президент спросил у меня, имеют ли русские наступательное оружие на Кубе, и я сказал: никакого наступательного оружия на Кубе нет. Если бы он спросил меня прямо о ракетах с ядерными боеголовками, я сумел бы дать достойный ответ». И еще раз: «На всем протяжении беседы Кеннеди, вопреки некоторым имеющим хождение на Западе утверждениям, ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия. Следовательно, мне и не надо было давать ответ, есть ли такое оружие на Кубе или нет»{843}. Но в своих воспоминаниях бывший министр просто вводил читателей в заблуждение. Об этом свидетельствует стенографическая запись беседы. Кеннеди прямо поставил вопрос, помнит ли советский министр его прежнее заявление, что Соединенные Штаты не потерпят советских наступательных ракет на Кубе. То есть слова «наступательные ракеты» были произнесены. Министр же в ответ заверил, что он помнит это заявление и что никаких ракет подобного типа на Кубе нет. Иначе говоря, и в ответе фигурировали те же самые ключевые слова.

Можно было говорить все что угодно, но на столе Кеннеди лежали злосчастные фотографии, и только огромным усилием воли он принудил себя не швырнуть их Громыко. Встреча советского министра с американским президентом оказалась безрезультатной. Она только усилила раздражение и опасения Кеннеди по поводу намерений советской стороны. Профессор Гарвардского университета Томас Шеллинг на конференции, проходившей на курорте Хокс-Кей (Флорида) в марте 1987 года, иронично комментировал: «Громыко, вероятно, знал, что происходило на Кубе, и он, вероятно, думал, что Кеннеди знает

об этом, он также по-видимому думал, почему Кеннеди не поднял об этом вопрос, и всё это показывало джентльменское отношение к делу»{844}.

Тотчас после того как Громыко покинул Овальный кабинет, Кеннеди пригласил ожидавших в приемной М. Банди и Роберта Ловетта, являвшегося министром обороны в правительстве Трумэна. Ловетт вспоминал: Кеннеди «усмехнулся и сказал, что он должен сообщить о том, как Громыко всего лишь за десять минут до этого в этой самой комнате произносил такую откровенную ложь, которую он прежде никогда не слышал… В ящике моего стола лежали фотографии, и у меня был огромный соблазн извлечь их, чтобы показать ему»{845}.

Создается впечатление, что в размещении советских ракет на территории Кубы с самого начала был значительный элемент своего рода «рыночного запроса», так как в беседе с президентом, а затем и с госсекретарем Раском Громыко, вроде бы между делом, но в связи с советской базой на Кубе, затронул вопрос об американских базах за пределами США, в частности находившихся в непосредственной близости от границ СССР. Было ясно, что речь прежде всего идет о базе, размещенной на территории Турции, ибо другими странами, где размещались военно-воздушные базы США, являлись Великобритания и Италия. Американским руководителям давалось понять, что могут быть начаты переговоры по поводу взаимного отказа от баз на Кубе и в Турции.

Очевидцы рассказывали, что Хрущев особенно болезненно, и не без основания, относился к размещению американских ракет в Турции. Своим гостям на даче в Ореанде под Ялтой он нередко давал полевой бинокль и просил посмотреть в южном направлении. «Что вы там видите?» — требовательно спрашивал Никита Сергеевич. «Водную гладь», — обычно недоуменно отвечали посетители, иногда добавляя, что они видят корабль. Отбирая у них бинокль, советский руководитель недовольно произносил: «А я вижу американские ракеты, нацеленные на мою дачу!»{846}

Пока, однако, внутриполитическая обстановка в США, до предела напряженная, не была благоприятной для перехода к дипломатическим разговорам по существу.

Кеннеди решил действовать жесткими методами, но оставлявшими место для предварительных переговоров и принятия компромиссных решений. 22 октября он проинформировал бывших президентов Г. Гувера, Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра как наиболее почтенных государственных деятелей в прошлом о планируемых им санкциях. В этот же день его

посетили 22 конгрессмена, считавшихся наиболее авторитетными, которым Джон поведал о сути предполагаемых действий.

Этой встречей президент не был удовлетворен, ибо присутствовавшие сенаторы и члены палаты представителей в один голос настаивали на прямом военном действии против Кубы. Когда законодатели покинули Белый дом, Джон заметил присутствующим советникам: «Вся беда в том, что стоит собрать группу сенаторов, как среди них начинает доминировать самый смелый, требующий твердой линии. Так произошло и теперь. Но стоит поговорить с ними поодиночке, как выяснится, что они более разумны». Правда, тут же Джон со свойственным ему юмором, который в данном случае выглядел страшновато, заявил советникам, что мир надо сохранить хотя бы потому, что для всех не хватит места в убежище Белого дома{847}.

Вслед за этим президент обратился по радио и телевидению к американскому народу, передав перед этим послу СССР А.Ф. Добрынину текст выступления вместе с посланием Н.С. Хрущеву по этому поводу. В заявлении Кеннеди объявил во всеуслышание о намечаемых им действиях. Речь, продолжавшуюся 17 минут, смотрели и слушали не менее ста миллионов взволнованных американцев, самая большая, по оценке и тогдашних наблюдателей, и последующих авторов, аудитория, которая собиралась у телевизоров и радиоприемников до того времени. Говорил президент медленно, не скрывая волнения и своей крайней утомленности, в какой-то мере играя на публику, ибо спрятать далеко вглубь своего сознания и усталость, и волнение он умел великолепно. Кеннеди говорил: «Это тайное, стремительное и невиданное наращивание коммунистических ракет — рассчитанная провокация и неоправданное изменение начальной ситуации, с чем наша страна никак не может примириться». На Кубе, продолжал он, создана база «для нанесения ядерного удара по Вашингтону или любому другому американскому городу».

Впрочем, географическое пространство возможного нападения было несколько сужено, так как названа была только юго-восточная часть страны. Объявив о введении строжайшего контроля с целью не допустить ввоза на Кубу наступательного оружия, президент сообщил, что он потребовал срочного созыва Совета Безопасности ООН, чтобы под его контролем в ближайшее время осуществить вывоз с Кубы всех видов оружия такого рода. Выступление завершилось словами: «Мои сограждане, пусть никто не сомневается, насколько трудна и опасна ситуация, в которой мы должны действовать. Никто не может точно

предсказать, как пойдут дела в дальнейшем и каковы будут цена и жертвы. Нам предстоят многие месяцы самопожертвований и самодисциплины — месяцы проверки нашего терпения и нашей воли… Но величайшая опасность состояла бы в том, если бы мы ничего не делали»{848}.

Неназванный информатор передавал циничную шутку, брошенную якобы кем-то из советских представителей при ООН сразу после того, как была произнесена речь американского президента: «Выпьем в память советских дипломатов, погибших от советских ракет».

С этого момента секрета больше не существовало. Президент Соединенных Штатов Америки объявил, что будет добиваться ликвидации советской ракетной базы на Кубе любыми средствами, вплоть до военных{849}. И действительно, беспокоясь за судьбу семьи, и для того, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, он тут же отправил подальше за город, в Виргинию, жену и детей. Впрочем, весьма сомнительно, чтобы это могло сохранить их, если бы в действительности разразился ядерный кошмар.

В тот же день, 22 октября, Кеннеди обратился с письмом к Хрущеву. Выразив в нем решимость не допустить пребывания советской ракетной базы на Кубе, он продолжал: «Ни один человек в здравом уме в ядерный век не может сознательно бросить мир в войну, которая, как это кристально ясно, не может выиграть ни одна сторона и которая может привести только к катастрофическим последствиям для всего мира, включая агрессоров»{850}.

Дискуссии в высших американских кругах завершились 23 октября, когда Кеннеди подписал Сообщение № 3504 (иначе говоря, президентское распоряжение) о введении блокады Кубы 24 октября с двух часов дня. В последний момент слово «блокада» было заменено, по предложению Роберта, эвфемизмом «карантин», что, разумеется, не меняло сути дела. Замена термина мотивировалась тем, что блокада — это в международном праве акт войны, тогда как слово «карантин» такой коннотации не имеет.

На самом деле между обоими терминами никакого различия не было, но как намеченную меру ни называй, она не являлась блокадой в полном смысле слова, — ведь речь шла о недопущении на Кубу именно советских судов или кораблей стран, входивших в советский блок. Более того, суда, везущие мирные грузы, пропускались, будучи подвергнутыми досмотру. В некоторых случаях не предусматривался и досмотр, если американская сторона была убеждена, что на корабле не

находятся военные грузы. Наконец, в случае появления, допустим, двигавшихся в направлении острова кораблей западноевропейских стран преграждать им путь американцы не собирались.

Кроме того, в случае введения блокады конгресс мог потребовать немедленного предоставления ему президентского доклада, а это лишило бы Кеннеди свободы рук. Слово «карантин» было совершенно новым и для военной, и для дипломатической практики, и для парламентских словопрений, и вмешательство конгресса не предполагалось, а если бы оно возникло, его не трудно было бы отклонить.

Так что многое, включая словесные ухищрения, возникало спонтанно. Разумеется, дело было не в словах, а в существе дела — мир действительно вплотную приблизился к ядерной войне.

Президент утвердил план операции «Ножны», согласно которому намечалась восьмидневная боевая подготовка, с тем чтобы на девятый день осуществить вторжение на Кубу силами 90 тысяч морских пехотинцев. Одновременно переводились на полное боевое дежурство болеее 200 межконтинентальных ракет, к берегам СССР направились 12 подводных лодок «По-ларис» с 144 ядерными боеголовками, а с западноевропейских, южноазиатских и дальневосточных аэродромов в воздух были подняты 60 бомбардировщиков с термоядерными бомбами (у их командиров были запечатанные конверты с обозначением цели бомбардировки; конверты необходимо было вскрыть по радиосигналу). Как только самолеты завершали дежурство, на смену им поднимались новые.

Западноевропейские партнеры известили американского коллегу о полной поддержке его решений. Соответствующие заявления сделали не только премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан и федеральный канцлер Западной Германии Конрад Аденауэр, в чьей позиции Кеннеди не сомневался. Аналогичным образом повел себя и президент Франции, который в последние годы демонстрировал волю в проведении самостоятельной, независимой от США политики. Де Голль заявил прилетевшему к нему Д. Ачесону: «Передайте президенту Кеннеди, что Франция едина с Соединенными Штатами Америки. Передайте ему, что на его месте я поступил бы так же». Послу в Париже Чарлзу Болену де Голль повторил, что он был и остается сторонником твердого курса. По завершении Кубинского кризиса Кеннеди послал в Париж госсекретаря Раска, чтобы выразить де Голлю признательность за поддержку{851}.

Карантин, согласно приказу президента, вводился до тех пор, пока с территории Кубы не будут устранены иностранные, то есть

советские, «наступательные» виды оружия — ракеты и бомбардировщики{852}. Так что и относительно «набора» запрещаемых к ввозу на Кубу видов оружия существовала явная селекция — американскую администрацию, прежде всего президента, крайне беспокоили только те из них, которые могли поразить, причем с катастрофическими последствиями, цели на территории США.

Впоследствии не раз в научных дискуссиях, на конференциях, в исследовательских трудах ставился вопрос, почему президент Кеннеди сразу пошел на обострение ситуации, не использовав дипломатических средств, не прибегнув к секретным переговорам. Большинство авторов согласны в том, что он ввел карантин, исходя из очевидного дисбаланса сил в пользу США, в уверенности, что советское руководство не пойдет на риск ядерной войны. Но в этом случае остается открытым вопрос, почему же Кеннеди был столь взволнован самим фактом размещения советских ракет на Кубе. По-видимому, прав Ф.М. Бурлацкий, полагающий, что здесь фигурировал и психологический фактор, что Кеннеди был сильно «подогрет» секретным размещением ракет, обманными, как он полагал, заявлениями советских представителей. «Играл роль психологический фактор, а не рациональный политический расчет»{853}. Дополняя Бурлацкого, бывший советник Кеннеди Т. Соренсен говорил: «Он (Кеннеди. — *Л. Д., Г. Ч.)* полагал, что, раз уж его обманули, мало смысла вновь обращаться к Хрущеву по дипломатическим каналам, не продемонстрировав сперва, что Соединенные Штаты готовы ответить»{854}.

Предотвращение ядерного апокалипсиса

Кеннеди, политически созревавший по мере развития кризиса, начинал понимать, что вероятному противнику надо дать возможность и благовидный предлог для отступления, что его не следует ставить перед свершившимися фактами, что высшая цель — это предотвращение ядерной войны. Вновь и вновь он вспоминал китайскую поговорку о «золотом мосте» для отступления противника.

Именно поэтому одновременно с силовым давлением на СССР в действие вновь вступали методы тайной дипломатии. 23 октября Роберт Кеннеди явился в советское посольство. Он заявил, правда, что инициатива принадлежит лично ему, но было ясно, что действует он и по поручению президента. Беседа с послом Добрыниным показала, что, не предлагая еще конкретных путей выхода из кризиса, высшее американское руководство

озабочено складывавшейся ситуацией и готово искать пути выхода из нее[855].

24 октября в ответ на действия американской стороны правительство СССР заявило, что установление морской блокады Кубы представляет собой беспрецедентное агрессивное действие. Правительство Хрущева угрожало, что США ведут дело к мировой термоядерной войне. Это означало, что советские корабли, которые в это время направлялись к Кубе, окажут сопротивление блокаде и будут продолжать маршрут, что их командиры отвергнут требование досмотра.

Обстановка всё более накалялась. По указанию президента в стране готовилось введение военного положения. Предусматривалась возможность в ближайшие дни перевода аппарата Белого дома, Пентагона и других важнейших ведомств в более безопасные места. Семьи государственных руководителей были предупреждены, что им, возможно, придется скоро перебраться в отдаленные районы (семья президента, как мы знаем, уже находилась за пределами столицы).

В этот же день приема у министра юстиции попросил только что возвратившийся из СССР Г.Н. Большаков.

Большаков являлся редактором советского журнала на английском языке «Совьет лайф» («Советская жизнь») (одновременно он служил в должности атташе посольства СССР по культуре). О нем было хорошо известно, что он является резидентом советской разведки (его должность называлась старший офицер Главного разведывательного управления Генштаба Советской армии). О деятельности этого человека в Вашингтоне рассказал российский американист академик А.А. Фурсенко[856].

Георгий Никитович Большаков вырос в семье служащих-железнодорожников. В 1941 году он поступил на курсы военных переводчиков при военном факультете Московского института иностранных языков. В 1941-1943 годах находился на фронте в качестве переводчика, дослужился до помощника начальника разведки дивизии. Затем он учился, пройдя подготовку вначале в Разведывательной школе Генштаба, а потом в Военно-дипломатической академии. После этого Большаков был зачислен в ГРУ и отправлен в США, где официально считался редактором отделения ТАСС. Он был отозван из США в 1955 году и стал офицером для особых поручений при министре обороны маршале Г.К. Жукове. Когда же произошло крушение «никитоносителя» (согласно анекдоту, Жуков вывел Никиту на орбиту и сгорел), Большаков отправился во вторую командировку в Америку (1959-1962).

Он оказался в роли связного между руководителями двух супердержав. Хотя архив ГРУ и в настоящее время остается закрытым, А.А. Фурсенко удалось получить некоторые материалы из личного дела Большакова и справку о его деятельности в 1961-1962 годах.

Кроме того, в кратких воспоминаниях, написанных в январе 1989 года за несколько месяцев до смерти{857}, Большаков рассказал, как он впервые встретился с Робертом Кеннеди. Организовал встречу корреспондент газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» Фрэнк Хоулмен, с которым Большаков познакомился еще во время своего первого пребывания в США.

Большаков писал, что они «дружили семьями, часто ходили друг к другу в гости», обсуждали «самые острые проблемы» советско-американских отношений. Хоулмен же находился в дружеских отношениях с пресс-секретарем Роберта Кеннеди Эдвардом Гутманом, которому передавал «самые интересные места» этих бесед. В свою очередь Гутман суммировал наиболее существенное для пересказа своему начальнику. Роберт Кеннеди, по словам Большакова, «живо интересовался положением дел в американо-советских отношениях».

Как-то Хоулмен спросил, не думает ли Большаков, что ему следует встречаться с Робертом Кеннеди, чтобы тот получал информацию «из первых рук». Большаков ухватился за эту идею, причем с точки зрения служебной субординации совершил непозволительный проступок, не получив санкции руководства. Но он оказался в исключительном положении, став «послом для особых поручений» на весьма высоком уровне. Что же касается Роберта Кеннеди, он не только знал, кем является его собеседник, но даже рассуждал по поводу его воинского звания. За Большаковым долгое время велась слежка. По свидетельству Хоулмена, Роберт Кеннеди однажды в разговоре с ним назвал Большакова майором советской военной разведки.

На самом деле Большаков был уже полковником, но отнюдь не являлся другом А.Н. Аджубея, как это почему-то сочли сотрудники американских спецслужб. Между тем Аджубей — муж дочери Хрущева Рады, редактор «Комсомольской правды», а затем «Известий», превративший эти газеты из печатных органов, нагонявших сон, в издания, тяготевшие к мировым образцам, считался человеком прогрессивных взглядов, через которого можно было бы косвенно воздействовать и на самого первого секретаря.

С задачей «связного» между руководителями супердержав Большаков справлялся успешно. Согласно записной книжке Роберта Кеннеди, он встречался с советским разведчиком или

говорил с ним по телефону 31 раз, но, вероятно, это не полный перечень их контактов{858}. Роберт вспоминал позднее, что его беседы с Большаковым проводились регулярно, в среднем один раз в две недели. Иногда встречи назначались по инициативе министра юстиции, иногда по просьбе Большакова. По словам Роберта Кеннеди, «рутинные вопросы» решались через посла СССР, а «прочие вещи», среди которых был обмен посланиями между Джоном Кеннеди и Н.С. Хрущевым (!), — через Большакова{859}.

На этот раз Большаков привез в Вашингтон «устное послание» первого секретаря. Роберт Кеннеди принял советского посланца официально, в служебном кабинете. Вел он беседу сухо. Такая манера поведения появилась у министра юстиции после возвращения Большакова из СССР в начале октября. «Роберт Кеннеди, принимавший его обычно с большой долей вольности в одежде, на этот раз был застегнут на все пуговицы»{860}. Однако выслушав заученный текст, Роберт попросил повторить некоторые места, чтобы он мог их записать. Большаков повторил: «Руководители СССР прекрасно понимают, в каком положении находится президент Кеннеди, и не предпримут каких-либо мер в отношении Соединенных Штатов до проведения промежуточных выборов в конгресс США в ноябре сего года, надеясь на проведение после выборов нового раунда активных переговоров»{861}. Эти слова можно было воспринимать как некое отступление, во всяком случае как приглашение к диалогу.

Ночь с 24 на 25 октября и в кремлевских, и в вашингтонских кабинетах была бессонной. Братья Кеннеди провели ее, обсуждая, как следует действовать американским военным кораблям в том случае, если советские суда пересекут линию карантина. Обсуждались три варианта: топить, подвергать принудительному досмотру (неизбежно выборочному, так как на полный досмотр не хватало сил), попытаться отвести в один из ближайших американских портов. Братья единодушно пришли к выводу, что обе стороны подошли к краю смертельной пропасти, что необходимо предпринять усилия, чтобы хотя бы чуть-чуть отойти от этого края. Но каковы должны быть их действия, ни одному из них пока не приходило в голову. В ожидании дальнейшего развития событий, чтобы хоть как-то отодвинуть критический момент, президент распорядился перенести линию карантина с 1300 до 500 километров от берегов Кубы{862}.

Советские и американские корабли постепенно сближались — навстречу 25 грузовым кораблям СССР двигались 90 судов военно-морских сил США.

25 октября американцы пропустили без досмотра через

линию карантина советский нефтеналивной танкер «Бухарест», а вслед за этим пассажирский корабль. На рассвете 26 октября было досмотрено и пропущено шведское судно с грузом картофеля из Ленинграда, а вслед за этим корабль панамской компании, также следовавший из СССР и не перевозивший запрещенных грузов. Все эти суда были восторженно встречены на Кубе. Здешняя пропаганда утверждала, что американские власти идут на попятную{863}. Это, однако, было не так. Следовавшие за ними корабли из СССР, по данным американской воздушной разведки, везли военное снаряжение, включая термоядерные боеголовки для ракет. Угроза прямого столкновения казалась неизбежной.

Днем 26 октября, однако, пришло сообщение, внушавшее оптимизм. Советские корабли остановились в открытом море, вплотную подойдя к линии карантина. Остановка мотивировалась просьбой Генерального секретаря ООН У Тана воздержаться от любых действий, которые могут еще более обострить положение и привести к риску войны{864}. Директор ЦРУ Маккоун доложил: «Господин президент, только что получена информация: находящиеся поблизости от Кубы суда застопорили ход, а другие повернули назад от зоны карантина». В ответ Кеннеди распорядился дать команду капитанам американских военных кораблей «расступиться», чтобы советские суда получили возможность спокойно отойти назад или же возвратиться на свои базы. Действительно, в этот день по личному указанию Хрущева капитанам советских кораблей была дана команда двигаться в порты постоянной стоянки. Первым повернул назад теплоход «Полтава», на котором, по мнению американской разведки, находились боеголовки ракет, а за ним и другие суда{865}.[60]

Правда, это решало только часть проблемы — откладывалось непосредственное столкновение.

Тогда президенту уже было известно, что, по данным разведки, на Кубе завершено строительство четырех установок для запуска ракет среднего радиуса действия. Неизвестно было еще, имеются ли там ядерные ракеты, но то, что Советский Союз попытается доставить их в ближайшее время, не подлежало сомнению.

Информация о том, что на Кубе скорее всего уже находятся советские ракеты и что, возможно, они уже оснащены ядерными боезарядами, вызвала у президента США новый взрыв крайнего возбуждения и возмущения. В течение ближайших часов могли произойти непредсказуемые события. 25 октября, учитывая, что, остановив корабли в открытом океане, Хрущев явно

продемонстрировал готовность к переговорам, Кеннеди направил ему новое личное послание. Президент сетовал, что все прежние заверения советской стороны оказались не соответствующими действительности. В то же время он выразил надежду, что СССР согласится восстановить статус-кво, существовавшее до кризиса, то есть откажется от размещения на Кубе советских ракет{866}.

Ответ последовал немедленно, причем, в нарушение сложившейся дипломатической практики, он был передан открытым текстом по радио, а не через дипломатические каналы с зашифровкой и расшифровкой, что сильно затянуло бы время передачи документа адресату[61]. Всячески защищая позицию своего правительства (письмо было многословным и неконкретным), Хрущев в то же время разделял опасение в том, что мир оказался на грани катастрофы. В послании говорилось, что, если США взяли бы на себя обязательство не вторгаться на Кубу, это немедленно изменило бы всю обстановку к лучшему. Тон документа был примирительным. По существу дела, в нем предлагались, правда расплывчатые, условия компромисса{867}.

Казалось, соглашение не за горами. Правда, решение проблемы затормозило очередное событие, которое чуть было не повернуло кризис в направлении прямого ядерного столкновения. Это была, по выражению Ф. Бурлацкого, действительно «черная суббота» (так назывался первый вариант его пьесы о Кубинском кризисе). 27 октября над Кубой советской зенитной установкой был сбит разведывательный самолет У-2, а его пилот майор Рудольф Андерсон погиб.

За отсутствием на своем месте Плиева, приказ об уничтожении американского самолета отдал его заместитель по противовоздушной обороне генерал-лейтенант С.Н. Гречко. Соответствующее донесение полетело в Москву министру обороны Р.Я. Малиновскому, а тот доложил по инстанции:

«Сов. секретно. Товарищу Хрущеву Н.С. Докладываю. 27.10.1962 года самолет У-2 на высоте 16 000 м. в 17 часов московского времени вторгся на территорию Кубы с целью фотографирования боевых порядков войск и в течение 1 часа 21 минуты прошел по маршруту… (далее следовало подробное описание маршрута. — *Л. Д., Г. Ч.)*. В целях недопущения попадания фотодокументов в США в 18.20 московского времени этот самолет был сбит двумя зенитными ракетами… Самолет упал в районе Антилья. Организованы поиски».

Получив это сообщение, Хрущев пришел в бешенство. Однако, немного поостыв, он распорядился наказать виновника, но не слишком строго. Малиновский же отделался телеграммой: «Вы поторопились, сбив американский самолет; наметилось

соглашение о мирном пути предотвращения интервенции против Кубы»{868}.

Происшедшее можно рассматривать как провокацию с обеих сторон, причем не на высшем уровне, а по инициативе зарвавшихся подчиненных — со стороны «ястребов», которые имелись не только в Америке, но и в среде советских высших военных чинов.

Ведь американские самолеты-разведчики и до этого летали над Кубой и никто их не сбивал. Правда, и сбить их было невозможно, так как находились они на большой высоте. Однако в разгар кризиса американские самолеты начали летать значительно ниже, иногда проносясь над землей на бреющем полете. Имея это в виду, Ф. Кастро отдал приказ об уничтожении тех самолетов, которых могли достать кубинские противовоздушные силы. Зачем было это делать в условиях крайнего взаимного напряжения? Кастро явно провоцировал дальнейшее обострение ситуации, чреватое открытым военным столкновением[62]. Ни один самолет, однако, уничтожить кубинцам не удалось.

Американским военным в этих условиях следовало бы на какое-то время воздержаться от посылки разведывательных самолетов, тем более что ничего существенного пилоты не добавили бы к тому, что было уже известно.

Реакция Белого дома на уничтожение самолета была молниеносной — завтра же нанести по Кубе ответный удар. Роберт Кеннеди вспоминал: «Ощущение было такое, что мы попали в петлю, которая всё туже и туже затягивается вокруг шеи»{869}.

Верховный главнокомандующий распорядился срочно подготовить для него тезисы обращения к народу США, с которым он намеревался выступить по телевидению немедленно после того, как отдаст боевой приказ. Эти тезисы были рассекречены только в 2012 году. В них говорилось о том, что в данный момент Кеннеди «с неохотой отдал приказ вооруженным силам атаковать и уничтожить строящиеся ядерные сооружения на Кубе». Эти действия необходимы, говорилось далее, чтобы «устранить непосредственную угрозу для стран Америки и сделать кристально ясным для Советского Союза, что Соединенные Штаты делают именно то, о чем они говорят, и готовы защитить свободу всеми средствами, находящимися в их распоряжении»{870}. Тон документа явно соответствовал минутному настроению Джона. Было, однако, очевидно, что, если события стали бы развиваться по этому сценарию, скорее всего наступил бы ядерный кошмар.

И в американской столице, и в Москве знающие люди

чувствовали, что вот-вот может начаться война. Тот же Бурлацкий вспоминает, что при встрече с коллегой из отдела социалистических стран ЦК КПСС тот задал ему вопрос: «Ты отправил семью за город?» — и добавил: «Нельзя исключить неожиданного ядерного удара по Москве. Тетива натянута до предела, и стрела может сорваться в любой момент»{871}.

Однако роковой приказ американский президент не отдал. Вспыливший было поначалу, он, поразмыслив, несколько притушил собственные эмоции и пересмотрел уже принятое было решение. Он заявил: «Начнется эскалация военных действий. Произойдут новые удары, а далее удары уже просто некому будет наносить»{872}.

Можно высказать твердое убеждение, что решение Кеннеди воздержаться от нанесения удара по кубинской территории после уничтожения американского самолета было вторым актом, предотвратившим термоядерную войну (первым была остановка советских судов и примирительное послание Хрущева).

Согласно некоторым материалам, озвученным в 2002 году на конференции в Гаване, посвященной Кубинскому кризису, в этот день, 27 октября, вроде бы произошло еще одно событие, которое при ином повороте дела могло обернуться ядерным столкновением. Дело в том, что еще 1 октября в направлении Кубы по приказу высшего советского военно-морского командования направился отряд подводных лодок (четыре лодки), каждая из которых была вооружена двадцатью торпедами, одна из которых имела ядерную боеголовку (согласно натовской классификации, это были подводные лодки типа «Фокстрот»). Ключи, позволявшие привести в боеготовность торпедный аппарат со страшным оружием, находились у командиров лодок.

27 октября внутри линии карантина одна из лодок была обнаружена группой американских кораблей (включая эсминцы), которые начали ее обстрел глубинными бомбами (согласно другой версии, гранатами), но на некотором расстоянии от лодки, чтобы заставить ее всплыть. Как утверждал один из присутствовавших на конференции советских военных чинов, потеряв самообладание, командир лодки Савицкий был готов отдать приказ начать ядерную атаку, однако представитель командования В.А. Архипов отговорил его от рокового шага. Лодке удалось отойти от линии карантина и всплыть. Один из американских участников гаванской конференции заявил даже, что «парень по фамилии Архипов спас мир».

Другие военные моряки опровергают возможность рокового развития событий. Один из них в интервью газете «Труд» в ответ на вопрос, могли командир лодки своей волей снять замок с

ядерного торпедного аппарата, заявил: «С технической точки зрения мог. А практически… Наши ядерные торпеды предназначены только для поражения береговых объектов или крупных целей. Например, авианосцев. Дальность стрельбы при этом не превышала 15 километров. Но… свои авианосцы американцы на всякий случай держали от нас намного дальше. Так что смысла снимать замочек не было»{873}.

По-видимому, ход событий здесь был излишне драматизирован, но, как и в иных ситуациях, возможность случайности не была исключена.

И тут опять вступили в действие не просто неофициальные, а экстраординарные связи. О них рассказал в своих воспоминаниях резидент советской разведки в Вашингтоне, но на этот раз не армейской, а Комитета госбезопасности (Первого главного управления КГБ). Им был Александр Семенович Феклисов, работавший с 1960 года в США по документам на имя советника советского посольства Александра Фомина{874}.

В момент наивысшего напряжения и непосредственной угрозы ядерного столкновения, но еще до того, как над Кубой был сбит американский самолет, ему позвонил обозреватель телекомпании «Эй-би-си» Джон Скали, который догадывался об истинной роли дипломата в штатском. Скали, как было известно, имел доступ в Белый дом, не раз освещал деятельность президента и пользовался его расположением. Феклисов встретился со Скали в ресторане «Оксидентал» в центре Вашингтона возле Пенсильвания-авеню, соединяющей Капитолий с Белым домом. Вот что рассказывает Феклисов об этой беседе: «Война с ее непредсказуемыми последствиями не так уж и далека. А из-за чего она может начаться?.. Да просто из-за взаимного страха, — ответил я. — Куба опасается вторжения американцев. А США — ракетного обстрела с Кубы. Никаких попыток сформулировать предложение о выходе из создавшегося кризиса мы не делали, лишь проиграли первые ступени эскалации возможной войны».

На этом встреча завершилась. Феклисов отправился на доклад к послу Добрынину, а Скали связался с резиденцией президента, по существу дела с ним самим, ибо последовавшие затем соображения мог высказать только он в силу их неординарности и высокой ответственности лица, от имени которого был получен сигнал.

По словам Феклисова, уже через три-четыре часа Скали пригласил его на новую встречу, которая на этот раз состоялась в кафе гостиницы «Статлер». Не тратя времени даром, американский журналист заявил от имени «высочайшей власти» о

следующих условиях решения Кубинского кризиса: 1. СССР демонтирует и вывозит с Кубы ракетные установки под контролем ООН. 2. США снимают блокаду. 3. США берут на себя обязательство не вторгаться на Кубу. Журналист добавил, что такое соглашение может быть оформлено в рамках ООН. Затем «Фомин» попросил Скали уточнить, что означает «высочайшая власть». Чеканя каждое слово, тот произнес: «Джон Фицджералд Кеннеди — президент Соединенных Штатов Америки».

Как это нередко бывает, в дело вмешалась, чуть было всё не сорвав, бюрократия, на этот раз дипломатическая. Феклисов написал текст подробной телеграммы о встречах со Скали и поступивших американских предложениях и попросил посла Добрынина отправить ее за своей подписью в Москву. Тот отказался, так как МИД не уполномочивал его вести такие переговоры. Феклисов отправил телеграмму своему начальнику — руководителю разведки (Первого главного управления КГБ) генерал-лейтенанту А.М. Сахаровскому, который лишь подтвердил получение телеграммы. От высшего советского руководства ответа пока не поступало{875}.

27 октября Роберт Кеннеди вновь появился в советском посольстве. А.Ф. Добрынин намеревался беседовать с ним наедине. Но неожиданно для посла в кабинет вошел А.С. Феклисов, и встреча проводилась в его присутствии{876}. Роберт заявил, что кризис продолжает быстро набирать обороты. Он поведал, что из-за сбитого над Кубой американского самолета на его брата оказывается массированное давление. Он выразил печальную уверенность, что в случае начала войны в ней погибнут миллионы американских и советских граждан. А. Феклисов вспоминает: «Р. Кеннеди сидел наклонившись и исподлобья пристально глядел на меня изучающим, а может быть, и осуждающим взглядом. Он пришел в посольство, видимо, для того, чтобы лично посмотреть на советника Фомина и удостовериться, передал ли тот послу известное предложение президента»{877}. В этом мемуарист явно фантазировал, так как Роберт Кеннеди пришел не к нему, а к советскому послу. Феклисов явно стремился максимально зафиксировать свою личную роль в улаживании конфликта, которая состояла лишь в том, что он являлся доверенной передаточной инстанцией намерений, предложений и решений высшей власти, причем в определенной конкуренции с другой линией связи — представителем советской военной разведки Большаковым.

Правительство США, продолжал Кеннеди, стремится избежать термоядерной войны и уверено, что таково же стремление правительства СССР «Среди американских генералов

много таких, которые только и стремятся подраться», — не очень уважительно в отношении Пентагона и вообще американских военных заявил он. Роберт Кеннеди завершил довольно долгий монолог главным — правительство США готово дать заверения, что никакого вторжения на Кубу оно не предпримет{878}.

Советский посол перешел в наступление. Он заявил о необходимости ликвидировать американские военные базы в Турции. Посол опирался на только что полученное и направленное президенту новое послание Хрущева, в котором выдвигалось это требование. При этом Роберт Кеннеди такой возможности не отклонил. Он сказал: «Президент Кеннеди уже давно стремится вывезти эти ракеты из Турции и Италии. Недавно он уже распорядился об удалении этих ракет, и мы считаем, что после этого кризиса ракеты действительно будут вывезены». Роберт, правда, высказал мнение, что для решения вопроса о базе в Турции потребуется несколько месяцев, так как она создана решением НАТО, и будет необходима соответствующая процедура для принятия решения.

Покидая посольство, Кеннеди еще раз подчеркнул, что время не терпит, и оставил послу номер прямого телефона Белого дома, добавив, что он в эти тревожные дни постоянно находится рядом с президентом{879}.

Вечером того же дня Добрынин был приглашен к министру юстиции, который на этот раз в более жесткой форме заявил, что, если до следующего дня США не получат твердых заверений о ликвидации советских баз, «мы сами их снесем». Перед этой встречей или после нее Роберт в очередной раз повидал резидента ГРУ Большакова и повторил ему американские предложения, а также фактический ультиматум{880}.

Вечером 27 октября в Москву было отправлено письмо президента, подтверждавшее условия компромисса: «1) Вы соглашаетесь устранить эти вооружения с Кубы под соответствующим контролем Объединенных Наций и воздерживаться, при соответствующем контроле, от поставок таких видов вооружения на Кубу.

2) Мы, со своей стороны, соглашаемся — при установлении адекватного режима со стороны Объединенных Наций — подтвердить и продолжить осуществление следующих обязательств:

а) быстро устранить введенные в настоящее время меры карантина и

б) дать заверения об отказе от вторжения на Кубу». Ответ Хрущева пришел в Белый дом утром в воскресенье,

28 октября. Встречные предложения Кеннеди принимались.

Хрущев выразил понимание того, что вопрос об американских ракетах на турецкой территории будет решен, но не сразу. Выражалось одобрение конструктивной роли брата президента в его контактах с советским послом.

Джон тут же направил встречную телеграмму, еще раз подтвердив все три пункта, которые содержались в предложении, переданном через советского резидента, а теперь принятые лидером СССР. Хрущев в свою очередь тут же ответил, выразив удовлетворение «чувством умеренности, которое вы продемонстрировали, и пониманием ответственности за сохранение мира»{881}.

Обмен посланиями 28 октября завершил Кубинский кризис и в то же время открыл возможность для начала американо-советских переговоров в более или менее конструктивном духе. Более того, в письме Джона Кеннеди от 28 октября содержались предложения в ближайшее время завершить ранее начатые переговоры о нераспространении ядерного оружия и о запрещении его испытаний{882}.

В ресторане гостиницы «Оксидентал» появилась и в настоящее время находится там бронзовая мемориальная дощечка с надписью: «В напряженный период Кубинского кризиса (октябрь 1962 года) таинственный русский мистер “Х” передал предложение о вывозе ракет с Кубы корреспонденту телекомпании “Эй-би-си” Джону Скали. Эта встреча послужила устранению угрозы возможной ядерной войны»{883}. Текст был примитивным и весьма неточным, хотя бы потому, что предложение об урегулировании конфликта исходило не от мистера «Х», а от советского лидера Хрущева и президента Кеннеди. Табличка, однако, служит любопытным артефактом благополучного завершения тяжелейшего политического кризиса, к счастью, не переросшего в ядерную войну.

Вскоре по взаимной договоренности с правительством Турции из этой страны были вывезены американские ракеты, причем Кеннеди заверил, что в случае необходимости ракеты «Поларис» на подводных лодках вполне компенсируют устранение с территории страны ракет земного базирования «Юпитер». Как вспоминал А. Аджубей, Хрущев прокомментировал это окончательное завершение кризиса вокруг Кубы циничными словами: «Ну вот, свозили туда-сюда ракеты, а своего добились»{884}.

Можно полагать, что опасность термоядерной войны в результате ракетного кризиса в том, что касалось воли государственных руководителей, была несколько преувеличенной, ибо обе стороны конфликта отлично знали силу

ядерных ударов, понимали, что в войне с применением ядерного оружия скорее всего не будет победителя, а завершится она, по всей видимости, всеобщей катастрофой.

Эта катастрофа действительно могла произойти в результате какой-либо случайности, ошибки, причем не только на самом высоком уровне. Некоторые авторы, однако, полагают, что мир действительно находился на краю термоядерного апокалипсиса. Американский профессор Г. Аллисон писал: «История не знает других периодов, подобных тринадцати дням в октябре 1962 года, когда Соединенные Штаты и Советский Союз остановились у грани ядерной пропасти. Никогда ранее не существовала столь высокая вероятность, что столь большое число жизней внезапно оборвется. Если бы война разразилась, это означало бы гибель 200 миллионов американцев и миллионов европейцев. По сравнению с этим природные катастрофы и массовое уничтожение людей в ранние эпохи показались бы незначительными»{885}. Впрочем, некоторые авторы, например дипломат Р. Хилсмен, сам участвовавший в принятии решений тех дней, полагают, что Соединенным Штатам опасность не угрожала, а «вот администрации наверняка»{886}. Действительно, примерно в это время Джон Кеннеди и бывший его соперник по президентским выборам Хьюберт Хэмфри (он являлся в это время лидером фракции Демократической партии в сенате) обменялись не очень оптимистичными шутками. Кеннеди произнес: «Если бы я знал, что президентская должность настолько тяжела, я бы не отбивал у вас Западной Виргинии». На это сенатор ответил: «Я знал это, и именно поэтому вам ее отдал».

В связи с завершением второго Кубинского кризиса Джон Кеннеди в кругу родных произнес тираду в том смысле, что теперь, когда он добился величайшего успеха в деле мира, ему следует отправиться в театр. «Если кто-нибудь собирается застрелить меня, это именно тот день, когда он должен это сделать»{887}, — произнес он. Джон напоминал этим судьбу Авраама Линкольна, который был убит во время театрального спектакля актером-южанином Джоном Бутом через пять дней после окончания Гражданской войны и капитуляции мятежной южной Конфедерации. Вряд ли кубинские эмигранты могли пойти на организацию покушения, но тот факт, что они считали президента Кеннеди предателем, бесспорен. Об этом свидетельствуют их многочисленные письма, исполненные негодования, которые поступали в Белый дом{888}.

В любом случае огромная заслуга Джона Кеннеди, как и его противника по Кубинскому кризису Н.С. Хрущева, состояла в том, что они оказались способными преодолеть сопротивление высших

военных и безответственных провокаторов войны, осознать, чем грозит прямое столкновение двух сверхдержав, проявить сдержанность, ограничиться дипломатическим давлением и в результате выйти из кризиса с минимальными политическими потерями для обеих сторон. В действиях обоих руководителей возобладали здравый смысл и государственные интересы.

Более того, можно утверждать, что в результате Кубинского кризиса СССР даже выиграл, ибо с его южной границы — из Турции —по решению американского президента были вывезены ракетные установки, что, собственно, в грубовато-циничной форме и сформулировал, по воспоминаниям Аджубея, Хрущев.

На протяжении следующих десятилетий шли споры по поводу того, кто выдвинул и кто принял компромиссные предложения, — советская или американская сторона, Хрущев или Кеннеди{889}. При этом парадоксом, но только на первый взгляд, стало то, что представители обеих сторон отказываются от своей инициативы, перебрасывая ее возможному противнику. Это, однако, политически и психологически оправданно — ведь тот, кто выдвинул предложение, оказывается в положении обороняющегося, отступающего, а принявший получает соответствующий козырь.

И всё же приходится признать, что первое предложение, хотя и в самой общей форме, было выдвинуто Хрущевым, что Кеннеди его конкретизировал. Так что фактически инициатива принадлежала обеим сторонам конфликта, однако первый шаг сделал именно советский лидер. А.А. Фурсенко констатирует: «Свои послания Кеннеди Хрущев диктовал сам, не привлекая других членов Политбюро или военных. И на этот раз Хрущев действовал как единоличный правитель, добиваясь неуклонного проведения в жизнь своей линии. Но в данном случае его линия вела к выходу из конфронтации и урегулированию Кубинского кризиса»{890}.

К концу второго года пребывания в Белом доме Джон Кеннеди во всё большей степени стал проявлять себя как зрелый государственный деятель. Именно с его (и Хрущева) подачи миру становилось ясно, что ядерное оружие может быть весомым аргументом в соперничестве и дипломатической борьбе, но не должно стать реальным средством решения споров между государствами.

В ноябре 1962 года на Кубу явился первый заместитель председателя Совета министров СССР А.И. Микоян. Крайне хитрый и осторожный политик, умудрившийся, как говорили острословы, провести политическую жизнь на высоком советском уровне «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», он

должен был убедить Кастро в правильности советской позиции, вопреки мнениям кубинцев, что СССР предал их страну.

Микоян прилетел в Гавану из Нью-Йорка, куда он был направлен на заседание Совета Безопасности ООН, обсуждавшее вопрос о Кубе. В аэропорту «главного кремлевского переговорщика», как назвал Микояна А.А. Фурсенко{891}, встречал Фидель, который был необычайно сдержан и немногословен. Перед этим Кастро перестал принимать посла СССР А.И. Алексеева, с которым ранее беседовал часами{892}. Подчеркнуто официальным поведением кубинский вождь продемонстрировал недовольство советской политикой и действиями Хрущева по отношению к Кубе.

На встречах Микояна с кубинскими руководителями советскому эмиссару пришлось оправдываться по поводу секретной переписки Хрущева с Кеннеди, убеждать кубинскую сторону в отсутствии тайного сговора между Москвой и Вашингтоном и в том, что в результате компромисса была предотвращена термоядерная война и что Куба может спокойно жить, не опасаясь американского удара. Микоян использовал всю силу своей аргументации, по всей видимости, вполне чистосердечно, особенно если иметь в виду, что он был в свое время единственным членом Президиума ЦК КПСС, который осторожно выступил против размещения советских ракет на Кубе, а позже против отправки к берегам Кубы советских подводных лодок{893}.

В дни напряженных переговоров из Москвы пришло срочное сообщение о кончине жены Микояна и разрешение на его возвращение в советскую столицу. Кастро выразил соболезнование: он сам передал скорбную телеграмму, предварительно удалив всех из комнаты переговоров. По словам автора статьи об этих событиях, Микоян заявил: «Я не могу возвратиться в Москву даже на похороны своей супруги, когда мир стоит на грани термоядерной войны». На похороны отправился сын Микояна Серго (Сергей), сопровождавший отца в этой поездке. Это, по мнению С. Арутюняна, изменило настрой Фиделя и повернуло переговоры в более благоприятное русло{894}.

Думается всё же, что не поведение советского представителя, который к тому же вряд ли заявлял о непосредственной опасности термоядерной войны, когда она уже была предотвращена, а сама сложившаяся ситуация, понимание, что повернуть назад невозможно, а обострять отношения с Хрущевым не имеет смысла, убедили Кастро изменить свое поведение, считаясь с этими реалиями.

И всё же переговоры с Кастро были очень напряженными. «Микоян вернулся с Кубы еле живой, — говорил Хрущев. — Оказалось, что с кубинцами нам гораздо труднее договориться, чем с Кеннеди»{895}.

Формально-юридическим завершением Кубинского кризиса были официальное уведомление общественности президентом Кеннеди (20 ноября) о том, что он отдал приказ о снятии карантина, и последовавшее 21 ноября распоряжение правительства СССР о снятии режима боевой готовности с межконтинентальных баллистических ракет{896}.[63]

Вполне удовлетворенный исходом дела, Хрущев послал Микояну телеграмму на Кубу: «Еще одно последнее сказание, и летопись окончена моя. Может быть, это последнее или предпоследнее послание тебе. У нас складывается впечатление, что американцы, видимо, действительно хотят ликвидировать напряжение. Если бы они хотели другого, то они возможности к этому имели… Видимо, Кеннеди сам не занимает крайней позиции»{897}.

Пойдя на оправданный компромисс, советский лидер опасался, как бы идея мирного сосуществования не распространилась на область идеологии и культуры, что могло подорвать тоталитарную систему На встрече с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 года, то есть менее чем через два месяца после Кубинского кризиса, Хрущев, обрушиваясь на не вполне законопослушных литераторов, провозглашал: «С Кеннеди мы пошли на компромисс тоже разумный. Это было правильно. Но это не может быть перенесено на практику жизни нашего общества»{898}.

В свою очередь Кеннеди торжествовал. Он решил своеобразно отметить благополучное завершение Кубинского кризиса. Джон собственноручно набрал телефонный номер знаменитой ювелирной фирмы Тиффани и попросил сделать из пластмассы (красивой пластмассы, добавил он) 13 настольных календариков (по числу членов высшего руководства страны, которые участвовали в решении кардинальных вопросов Кубинского кризиса). Календарики должны были показывать только октябрь 1962 года, причем даты с 16 по 29 октября следовало выделить. На каждом из этих изделий предполагалось поставить в одном углу имя президента, а в другом — того лица, для которого оно было предназначено. Польщенный заказом президент фирмы предложил всё же изготовить календарики на часах из серебра, добавив, что компания берет все расходы на себя. В таком случае добавьте еще две штуки, ответствовал Джон, включив в число получателей этих подарков свою супругу и личного секретаря

Эвелин Линкольн[899].

Формально-юридической фиксацией завершения Кубинского ракетного кризиса явилось совместное письмо советских и американских представителей в ООН Генеральному секретарю этой организации от 7 января 1963 года, в котором говорилось, что, хотя обоим правительствам не удалось решить все проблемы, они считают достигнутую степень согласия между ними достаточной, чтобы исключить из повестки дня Совета Безопасности вопрос о Карибском (Кубинском) кризисе[900].

Рассекречиваемые на протяжении следующих десятилетий документы всё более подтверждают действительную опасность того, что происходило в октябре 1962 года. Новые данные показывают, что если в октябре 1962 года мир и не стоял на грани термоядерной войны, то, во всяком случае, он был к ней очень близок. Речь шла не о намерениях наиболее ответственных государственных деятелей, каковыми являлись в первую очередь Кеннеди и Хрущев, а о вполне возможной случайности.

На состоявшейся в октябре 2002 года в Гаване международной конференции, посвященной сорокалетию Карибского кризиса, впервые были обнародованы некоторые советские и американские документы, с которых только перед этим сняли гриф секретности. Из материалов, озвученных российскими представителями, особый интерес привлекли ранее засекреченные мемуары посла СССР в США А.Ф. Добрынина, который цитировал Роберта Кеннеди, заявившего 27 октября 1962 года, после того, как над территорией Кубы советской ракетой был сбит американский разведывательный самолет, что вскоре может вспыхнуть война, «в которой погибнут миллионы русских и американцев». Кеннеди сказал, по словам Добрынина: «Ситуация вполне может выйти из-под контроля, и последствия этого предсказать невозможно».

На конференции были представлены также записи заседания Объединенной группы начальников штабов США 27 октября 1962 года, на котором руководству США было рекомендовано нанести авиационный удар по Кубе и начать вооруженное вторжение на остров[901].

Хотя принципиальной новизны эти документы и не представляют, они всё же раскрывают новые подробности краткого, но насыщенного драматическими подробностями Кубинского кризиса, выход из которого был найден в первую очередь благодаря Кеннеди и Хрущеву, осознавшим истинную роль этого кризиса в возможных судьбах человечества.

После завершения кризиса Кеннеди принял постоянного представителя СССР в ООН В.А. Зорина и посла А.Ф. Добрынина,

которым заявил: «Вы можете передать своему правительству, что обязательства Соединенных Штатов носят твердый характер — мы не будем нападать на Кубу, ни я, пока я президент, ни кто-либо из моих преемников»{902}.

Главным итогом Кубинского кризиса, наряду с предотвращением термоядерной войны, явилось укрепление чувства ответственности с обеих сторон.

Глава 5. ХОЛОДНАЯ И ГОРЯЧАЯ ВОЙНЫ: НА ДРУГИХ ФРОНТАХ

Европейский тур

Для того чтобы рассказать о других направлениях напряженной внешней политики Джона Кеннеди, нам придется возвратиться назад.

Первая половина 1960-х годов была временем сложных международных кризисов и нетривиальных решений американского президента. Некоторые из них вызывали острую критику внутри страны, другие хоть и не встречались в штыки, но не проходили в рамках национального консенсуса. Неудивительно, что и в текущей информации, и в исторической литературе, посвященной Джону, превалирует (вслед за обстоятельствами гибели) именно международная тематика.

Немногие годы его президентства были временем, когда постепенно часть элитных кругов в обоих противостоявших блоках начинала убеждаться в бессмысленности и вредности всё большего наращивания вооружений. Действительно, обе стороны в 1950-е годы всерьез готовились к ядерной войне. Разница состояла в том, что в СССР это делалось тайно, под прикрытием громких предложений о всеобщем сокращении вооружений и даже утопических планов всеобщего и полного разоружения, в США, стране демократической и открытой, проблемы обороны и наступления становились предметом общественного внимания и обсуждения.

Широко известной была доктрина «массированного возмездия» правительства Эйзенхауэра, предусматривавшая в случае нападения на территорию США или на их владения, или же на их союзников применение ядерного оружия.

Правда, уже во второй половине 1950-х годов и в США, и в СССР стали появляться вначале робкие суждения, выражавшие откровенный скептицизм по поводу возможности выживания человечества в случае глобальной ядерной войны. Показательным было появление книги профессора Гарвардского университета Генри Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика», выдвинувшей его на первый план не только научной, но и политической жизни{903}. Автор пришел к выводу, что в результате появления ядерного оружия масштаб вооружений стал превышать возможности и даже потребности внешней политики,

что попытка добиться полной победы в ядерной войне чревата угрозой самоуничтожения человечества.

Тем не менее инерция в военно-экономической области господствовала и в начале пребывания Кеннеди на президентском посту. 30 января 1961 года, через десять дней после переезда в Белый дом, новый президент дал санкцию на ускоренное строительство стратегических подводных лодок «Поларис» и дальнейшее развертывание межконтинентальных баллистических ракет «Минитмэн». Так Кеннеди проводил в жизнь предвыборное обещание значительно усилить меры по обеспечению национальной безопасности, причем осуществлялись они со значительным превышением необходимости. Когда Кеннеди доложили, что на вооружение требуется поставить 950 ракет «Минитмэн», он вначале выразил сомнение в необходимости такого большого количества. Министру обороны Макнамаре был задан вопрос, зачем так много. «Потому что это наименьшая цифра, которую мы можем предложить на Капитолийском холме. Иначе нас там убьют»{904}, — последовал ответ.

С этими мерами была связана специфическая форма психологической войны — развертывание кампании за строительство в массовом масштабе убежищ, которые способны были бы защитить американцев не только от прямого удара, но и от радиоактивного излучения в случае термоядерной войны. 25 июля 1961 года президент выступил по телевидению и радио, призвав широко развернуть строительство бомбоубежищ на случай ядерной войны с соответствующим запасом пищевых продуктов, воды и медикаментов, «чтобы выжить». 15 сентября 1961 года, вновь выступая с кратким обращением к нации (в этот же день оно было опубликовано в печати), Джон Кеннеди повторил этот призыв, адресованный всем американцам. Он говорил: «Ядерное оружие и возможности ядерной войны являются фактами, которые мы не можем игнорировать. Я не верю, что война может решить какую-либо из проблем, с которой сейчас сталкивается мир. Но решаем не только мы. Правительство прилагает усилия, чтобы улучшить вашу защиту средствами гражданской обороны на местах. Мы начали и будем продолжать в следующие полтора года проверку всех общественных зданий, которые не имеют потенциальных убежищ, с тем чтобы оборудовать эти здания соответствующими убежищами с запасом пищи и медицинских препаратов и оборудования в расчете на одну неделю и запасом воды на две недели для всех находящихся в этих убежищах. В дополнение к этому я рекомендовал конгрессу создать запасы пищи в специальных центрах по всей стране, где они могут потребоваться

в случае атаки. Наконец, мы развиваем улучшенную систему предупреждения, которая сделает возможным подавать звуковые сигналы в ваши дома и на места работы». За этим и следовал призыв к созданию домашних убежищ, который президент еще раз повторил в выступлении 6 октября{905}.

Началась массовая кампания по строительству убежищ, снабжению их пищей и водой, медикаментами и т. д. «Ученые и лжеученые спорили по поводу того, сколько человек переживет ядерную войну при наличии убежищ и в случае их отсутствия»{906}. Президент поддержал предложенный журналом «Лайф» «быстрый и легкий способ» строительства убежищ из готовых деталей{907}. Лишь после преодоления Кубинского кризиса 1962 года истерическая кампания по строительству домашних и общественных убежищ стала постепенно затухать.

Усиление гонки вооружений и соответствующий психологический настрой, однако, не были связаны с действительным отставанием США от СССР в области ракетно-ядерной техники, и Джон Кеннеди с первых месяцев пребывания на президентском посту имел на этот счет убедительные данные. В развитии военно-промышленного комплекса сохранялись традиции, проявлялись элементы консерватизма. Кроме того, весьма важно было сохранять быстрое развитие современных военных технологий и в интересах трудовой занятости, и в качестве стимула к общему научно-техническому прогрессу. М. Банд и писал Т. Соренсену в середине марта 1961 года, что так называемый «ракетный разрыв» между СССР и США в пользу СССР является заблуждением, и «президент может об этом сказать без опаски». По словам того же Банди, Кеннеди придерживался следующей точки зрения: «Наша военная мощь такова, что она в состоянии преодолеть любую атомную агрессию… Наша способность энергично действовать при помощи обычного вооружения в ситуациях, которые не требуют необходимости прибегнуть к всеобщей атомной атаке, должна быть существенно увеличена». Более того, «в ужасном случае всеобщей атомной войны мы должны сохранять способность действовать вполне рационально, поступать в соответствии с национальными интересами, оказывая на врага давление и предоставляя ему выбор»{908}.

В дальнейшем ракетно-ядерная стратегия Кеннеди претерпела определенные модификации.

В то же время от доктрины «массированного возмездия» администрация стала отказываться с самого начала своей работы. Ей на смену приходила стратегия «гибкого реагирования», которая исходила из того, что вполне вероятна неядерная фаза

конфликта, в течение которой горячие головы могут несколько поостыть и появится возможность решения спорных проблем мирным путем на базе прекращения военных действий. Можно полагать, что на такой поворот советников Кеннеди по ядерной проблеме и его самого определенное влияние оказала работа Г. Киссинджера.

Правда, критики стратегии «гибкого реагирования» обращали внимание, что она по сути дела ставила США в положение постоянно обороняющейся страны, отдавала инициативу в руки вероятного врага, не предусматривала возможности упреждающего удара. Президенту приходилось оправдываться, отдавая в то же время новые распоряжения об увеличении военных заказов.

По инициативе Кеннеди в правительстве США был образован новый специализированный орган — Агентство по контролю над вооружениями и по разоружению, во главе которого был поставлен известный республиканец Джон Макклой. Вслед за этим под непосредственным наблюдением президента в июне 1961 года в Женеве были начаты соответствующие советско-американские переговоры.

Вынужденно идя навстречу советской пропагандистской шумихе по поводу всеобщего и полного разоружения, американская делегация представила на переговоры «заявление о принципах», которое, в перспективе соглашаясь с идеей разоружения, предлагало следовать по этапам, начав дело с реального контроля над вооружениями путем инспекций территории каждой договаривающейся страны.

Всё же после новых встреч в Москве и Нью-Йорке в июле и сентябре появилось совместное заявление о согласованных принципах, фиксировавшее благую, но недостижимую цель всеобщего разоружения. И тем не менее американская сторона по прямому указанию Кеннеди обращала основное внимание на вопрос о контроле над вооружениями при одновременном его сокращении. Советские лидеры, и прежде всего Хрущев, воспринимали это как стремление установить под ширмой международного контроля развернутую разведывательную сеть на территории Советского Союза{909}.

Став президентом, Джон Кеннеди, следуя примеру своих предшественников, особенно Эйзенхауэра, не только взял под прямое личное руководство решение проблем внешней политики страны, но и попытался двинуть вперед рассмотрение и по возможности решение конфликтных вопросов путем личных контактов на высшем уровне. Уже вскоре после вступления в должность новый президент собрался в Европу. Намечались две

главные встречи — в Париже с президентом Шарлем де Голлем и в Вене с советским лидером Н.С. Хрущевым.

Незадолго перед этим возвратившийся к власти де Голль серьезно беспокоил американское руководство своими заявлениями о «Европе отечеств», то есть о частичном отказе от западноевропейской интеграции и соответственно от участия его страны в военной организации НАТО. В еще большей степени президента беспокоила предстоявшая встреча с советским лидером, у которого незадолго перед этим, как раз во время американской предвыборной кампании, произошел серьезный конфликт с Эйзенхауэром в связи с уничтожением шпионского самолета У-2 в районе Свердловска.

Перед поездкой Джон стремился собрать максимально доступную информацию о положении на старом континенте, в СССР, о личных свойствах Хрущева. У него сложилось впечатление, что Хрущев напоминает грубого, самоуверенного крестьянина, что он часто непредсказуем, может быть «удивительно очаровательным в данный момент и крикливым нахалом через мгновение», что он не против участия в дипломатической игре, в которой ведет энергичный торг{910}.

В основном эти впечатления были обоснованными. Правда, информировавшие Кеннеди эксперты (в их числе были обозреватели У Липпман и Дж. Рестон, бывший посол в СССР Ч. Болен, недавний предвыборный конкурент Х. Хэмфри, который посетил СССР и имел с Хрущевым продолжительную беседу) не обратили внимания на жесткую приверженность советского лидера марксистской доктрине и стремление навязать ее другим людям, в том числе при проведении межгосударственных переговоров. Вскоре такой пробел в информации отразится на беседах с Хрущевым, по крайней мере на их начальном этапе.

Кеннеди пришел к выводу, что Хрущев может пойти на уступки по вопросу о создании коалиционного нейтрального правительства в индокитайском государстве Лаос, где шла острая внутренняя борьба, но относительно европейских проблем, прежде всего вопроса о Германии, в частности о Западном Берлине, он будет занимать наступательную позицию.

В свою очередь Хрущеву была предоставлена обширная справка о новом американском президенте. Она была подготовлена Главным разведывательным управлением Генштаба Советской армии, и в основе ее лежала информация резидентов в США, в частности Г.Н. Большакова. Биографическая справка весьма любопытна, и интересно привести выдержки из нее. В документе отмечалось, что после своего избрания Кеннеди давал понять в неофициальных беседах, что он стоит за урегулирование

американо-советских отношений, а после переселения в Белый дом в официальных заявлениях стремился показать, что «является сторонником проведения активной и гибкой внешней политики». В справке говорилось далее: «Судя по имеющимся данным, Кеннеди намерен проводить в отношении Советского Союза твердую, но гибкую политику, не допуская в то же время обострения советско-американских отношений до развязывания новой войны»{911}.

Рабочий день американского президента в преддверии поездки был насыщен до предела, несмотря на то, что незадолго до нее произошла неприятность. Во время кратковременного визита в соседнюю Канаду Джон участвовал в торжественной церемонии посадки перед зданием правительства в Оттаве молодого дерева, символизировавшего дружбу обеих стран. Неловкое движение серебряной лопаты, которой он символически вскапывал землю, вызвало острую боль в поврежденной спине. Болезненные ощущения приходилось затем преодолевать на протяжении всей европейской поездки. Для того чтобы хотя бы немного ослабить нагрузку на спину, Джон по совету врачей в домашней обстановке даже стал при передвижении пользоваться костылями.

Но дело было не только в физическом недомогании и сложности предстоявшего общения с зарубежными лидерами. Почти накануне европейского турне президент столкнулся с сильным нажимом генералов, требовавших возобновления испытаний ядерного оружия, по крайней мере под землей, не исключая и испытаний в атмосфере, которые были прекращены при Эйзенхауэре по взаимному согласию США и СССР. Кеннеди отлично уловил, что такое развитие событий означает заколдованный круг. Он как-то заявил: «Мы проведем испытания, затем они проведут испытания, и мы снова должны будем их проводить»{912}. В конце концов решено было возвратиться к этому вопросу после европейского тура.

Отпраздновав свой сорок четвертый и первый президентский день рождения 29 мая 1961 года, на следующий день Кеннеди вылетел в Европу.

Встреча в Париже была подчеркнуто торжественной. Дело дошло до того, что Джона и прибывшую вместе с ним Жаклин разместили в королевской резиденции, отведя им ту самую спальную комнату, в которой почти двумя веками ранее обитал казненный во время революции конца XVIII века Людовик XVI. Темпераментные французы бурно приветствовали первую пару Америки, особенно радуясь, что Жаклин, урожденная Бувье, имеет французские корни, да еще несколькими годами ранее

училась в Сорбонне и свободно говорит на их родном языке. Эта сторона визита увенчалась уже упоминавшимся заявлением Джона: «Я ведь только человек, сопровождающий Жаклин Кеннеди в Париже»[913]. Создается, впрочем, впечатление, что эти слова содержали оттенок обиды и недовольства по поводу легкомыслия французов и того, что президенту заокеанской державы уделяется меньше внимания, чем его супруге.

Несмотря на помпезный прием, переговоры были нелегкими. Началось с заявления де Голля, который, руководствуясь опытом своей страны, решительно предостерег Кеннеди от активного вмешательства в дела Индокитайского полуострова, в частности против поддержки тех сил в Лаосе, которые, настаивая на американской помощи, будут проводить политику не в интересах своей страны, а в целях собственного обогащения и укрепления недемократической власти. Де Голль высказался за нейтрализацию Лаоса. Президент США вынужден был убедиться, что с ним ведут разговор в таком тоне, от которого в Вашингтоне давно отвыкли.

Джон всячески сдерживался, тогда как де Голль вел острый разговор без обиняков.

Еще более неприятный сюрприз ожидал Кеннеди, когда переговоры коснулись европейских дел. Де Голль заявил, что Франция более не намерена «жить под сенью НАТО», что ее правительство, правда, не предполагает предпринимать какие-либо конкретные действия в ближайшем времени, не будет стремиться «подорвать» Северо-Атлантическую организацию как таковую, но положение Франции в военной структуре этого союза должно измениться. Иначе говоря, де Голль фактически сообщил о своем намерении вывести французские вооруженные силы из подчинения командованию НАТО, в котором основные позиции занимали американские военные[914].

Посол США в Париже Дж. Гейвин, присутствовавший на переговорах, позже говорил Т. Соренсену, что Кеннеди был «почти напуган твердым, холодным и решительным заявлением, что США не следует вмешиваться в дела Европы»[915].

В свою очередь сам де Голль так обрисовал отношения с заокеанским партнером во время визита Кеннеди: «Теперь американцы вынуждены считаться с нашей независимостью и иметь дело непосредственно с нами. Но они тем не менее не могут представить себе, что их деятельность перестала быть решающей и что наша деятельность может идти в каком-либо ином направлении. Короче говоря, в каждом случае, когда Кеннеди мне предлагает какой-либо шаг — это шаг, который должен быть сделан в порядке участия в его действиях. Я

отвечаю, что Париж, безусловно, готов обсудить вопрос о согласованности действий с Вашингтоном, но всё, что делает Франция, она делает как хозяйка своей политики и по собственному почину»{916}.

Иначе говоря, де Голль требовал полного равенства Франции с Соединенными Штатами Америки и Великобританией в решении не только европейских, но и мировых дел. США следует выступать от имени Западного полушария, Великобритании от имени своего Содружества наций (бывшей Британской империи), Франция же берет на себя миссию говорить от имени значительной части Европы и части Африки. Французская республика, многократно повторял де Голль, будет сама себя защищать и не прекратит реализацию своей ядерной программы{917}.

Через некоторое время после парижских переговоров Джон Кеннеди решил изучить французский язык, чтобы, по выражению У. Манчестера, «наиболее эффективно реагировать на деголлевское самолюбие». Занятия с президентом проводила Жаклин Хёрш, преподававшая французский его дочери Кэролайн. Джон спросил учительницу, какое время ему понадобится для того, чтобы прилично овладеть языком. «Год», — ответила она. «Бьюсь об заклад, что я справлюсь с этим за шесть месяцев», — ответил он. До французского посла Эрве Альфана дошли слухи, что Кеннеди делает успехи в овладении французским, что, безусловно, было передано де Голлю{918}. Проверить знания «на высшем уровне» так и не удалось — больше Кеннеди и де Голль не встречались, но французский президент был одним из немногих глав государств, приехавших на похороны президента США.

Между тем в несколько подавленном состоянии духа из-за жесткого приема в Париже и по причине физического недомогания Кеннеди в начале июня 1961 года отправился в Вену, где состоялась встреча с советским лидером Н.С. Хрущевым, который стремился к действительному смягчению международной напряженности и сокращению вооружений, но в то же время находился под жестким давлением военно-промышленного и идеологического комплекса своей тоталитарной системы, да и сам стремился к расширению советской сферы влияния и господства. В то же время Хрущев под влиянием своих наиболее трезвых советников постепенно убеждался, что военная экономика СССР не сможет выдержать длительного соревнования с США, что крупное сокращение вооружений жизненно необходимо для его страны.

Встрече с Хрущевым Кеннеди не придавал решающего

значения в деле разрядки, хотя не сбрасывал со счетов возможность оказать личное воздействие своим обаянием и готовностью идти навстречу коммунистическому премьеру одновременно с наращиванием американской военной мощи.

Не случайно, за две недели до встречи, выступая перед обеими палатами конгресса, президент, сообщив о предстоявшей поездке в Вену, одновременно запросил дополнительно два миллиарда долларов на создание новых вертолетов, боевых машин пехоты и минометов новейшей конструкции. Президент не забыл напомнить своим сановным слушателям, что речь идет о дополнении к затребованным всего лишь за два месяца до этого 2,5 миллиарда долларов на ракеты и ядерные боеголовки{919}.

Этим подчеркивалось, что американская военная стратегия предусматривает не только подготовку к ведению ракетно-ядерных войн. Также предполагалось задействовать и, главное, использовать и в качестве предупреждения конфликтов, и для устрашения возможного противника традиционные, но значительно модернизированные виды вооружения. Увязывание в единый узел увеличения ассигнований на обычные вооружения с предстоявшим свиданием в Вене было симптоматичным.

Самой встрече предшествовали недолгие, но довольно острые предварительные секретные переговоры. Ведь намечавшаяся на май 1960 года встреча Хрущева с Эйзенхауэром была сорвана в связи с полетом американского разведывательного самолета У-2 над советской территорией. Обе стороны чувствовали себя уязвленными, и необходимы были некие негласные импульсы, чтобы дать толчок новым переговорам на высшем уровне. Тайные переговоры проходили в Вашингтоне между Робертом Кеннеди и упоминавшимся уже в связи с Кубинским кризисом резидентом советской разведки Г.Н. Большаковым при посредничестве журналиста Ф. Хоулмена, о котором мы также уже писали.

Именно между Робертом Кеннеди, действовавшим по поручению брата, и Большаковым, выполнявшим неофициальное поручение советского лидера, была согласована встреча в Вене. За две недели до встречи Роберт Кеннеди и Большаков проговорили четыре часа, причем американская сторона фактически передала советской устное послание об основном вопросе, по которому она желала бы вести переговоры.

Роберт говорил, что неправильно было бы считать его брата слабым президентом, что Джон обеспокоен положением в Берлине, где советская сторона нагнетает напряженность, угрожая подписать мирный договор с Германской Демократической Республикой и объявить весь Берлин (включая его западную часть, которая не входила в ГДР, но с которой

сохранялось почти свободное общение фактически не только Восточного Берлина, но и всей ГДР) столицей «социалистической Германии».

Имея в виду, что с ФРГ Берлин связывал 180-километровый коридор по территории Восточной Германии, который легко мог быть перекрыт советскими войсками, положение выглядит особенно опасным, считал американский представитель. Из-за элементарной ошибки может вспыхнуть крупный конфликт в Берлине, говорил Роберт. Было бы важно подписать в Вене некое соглашение по этому вопросу{920}.

Переговоры глав двух государств в Вене проходили 3—4 июня 1961 года.

Как это обычно водится в дипломатии, вначале всё выглядело вроде бы благопристойно. На приеме в посольстве США в Вене в честь советского лидера 3 июня Кеннеди заявил: «Мы, г[осподи]н Председатель, восторгаемся Вашей энергией, Вашей верностью делу, в которое Вы верите, Вашей заботой об интересах Вашей страны. Мы можем, конечно, не соглашаться с Вашим толкованием происходящих в мире событий, но мы признаем большое влияние, которое Вы оказываете на решение вопросов, затрагивающих отношения между нашими странами»{921}. Хрущев в свою очередь в ответе, продолжавшемся в четыре раза дольше, чем приветствие Кеннеди, не давая оценок личности американского президента (об этом действительно говорить было еще рано — при наличии «справки» о Кеннеди Хрущев предпочитал полагаться на собственное мнение), в частности, сказал: «Я с оптимизмом смотрю в будущее, потому что я верю в разум человеческий. К политике нельзя, конечно, подходить с коммерческой меркой. Это в торговле ведется торг и один пытается добиться уступок от другого. Нам же нечего уступать, мы хотим мира, и нельзя же уступить какой-то кусок мира»{922}. Слово «мир» в данном контексте звучало двусмысленно, но американцы предпочитали понять его как нечто, противоположное войне.

Во время деловых переговоров и других контактов венской встречи дело пошло иначе. Вроде бы непринужденные беседы и шутки за обеденным столом сменялись жесткой конфронтацией за столом переговоров. Хотя по некоторым пунктам и было достигнуто взаимопонимание, в целом конструктивный выход найден не был. Хрущев применял прессинг, угрожая, что до декабря найдет способ отторжения Западного Берлина и заключит мирный договор с ГДР. По воспоминаниям Жаклин Кеннеди, в самом конце переговоров в Вене ее супруг сказал Хрущеву: «Кажется, действительно, на этот раз будет холодная

зима»[923]. И после окончания встречи Кеннеди повторил: «Я думаю, нас ожидает суровая зима»[924]. Как мы увидим вскоре, суровая политическая погода наступила задолго до наступления зимы.

Судя по воспоминаниям Хрущева о встрече в Вене, Кеннеди ему понравился. Еще в Москве Хрущеву докладывали, что новый президент выгодно отличался от Эйзенхауэра «остротой реакции, образованностью и тактом», «своей живостью», компетентностью суждений. Кеннеди «очень хорошо разбирался в международных вопросах и был подготовлен к переговорам. Всё, о чем нужно было обменяться мнениями, он изучал заранее и совершенно свободно владел материалом. Тут был партнер, к которому я относился с огромным уважением, хотя мы стояли на разных позициях и были как бы противниками». Тем более непонятно было наивному на словах Хрущеву, почему его партнер вел себя так упрямо во время переговоров. Хрущев отмечал, что после переговоров в Вене Кеннеди выглядел мрачным и опустошенным[925].

По всей видимости, это действительно было так, ибо встреча по сути дела порой превращалась в монолог советского лидера, лишь изредка прерываемый репликами американца. Лишь иногда тот говорил дольше. Советская запись переговоров показывает, что во время первой беседы Хрущев высказывался почти вдвое больше, чем его партнер. Авторы этой книги подсчитали, что в записи встречи реплики Кеннеди занимают 98 строк, а Хрущева —169.[926] Примерно таким же — с небольшим плюсом для Кеннеди — было и соотношение реплик обоих лидеров на второй встрече, состоявшейся в тот же день — слова Кеннеди заняли 256 строк, а Хрущева — 421.[927]

Помимо того, что Никита Сергеевич просто ошарашил своими лекциями по «научному коммунизму», Кеннеди плохо себя чувствовал в эти дни. Сильно болела спина. Рано утром в день встречи Джекобсон сделал Джону хороший массаж, заверив, что с этой стороны всё будет в порядке. Врач оказался не прав. Самочувствие улучшилось лишь ненадолго, а затем боль возобновилась.

Отправляясь на встречу с советским премьером, президент США получил через Большакова нечто вроде заверения, что Хрущев согласится на компромисс по германскому вопросу. Но этого не произошло. Большаков объяснял потом, что, видимо, Хрущев изменил первоначальное решение. Это было связано скорее всего с тем, что матерый политический волк счел Джона слабым, уступчивым партнером, «интеллигентиком», которого ему без особого труда удастся одолеть.

Большаков, через которого президенту США были сделаны вполне определенные авансы, выразил «удивление» тем, что Кеннеди был так «задет и уязвлен». «Если вы залезли барышне под юбку, то можно ожидать, что она вскрикнет, но травмировать ее этим невозможно», — пытался он оправдаться перед своим посредником Хоулменом. Этот сомнительный и в общем довольно пошлый аргумент скорее всего был подсказан ему, по мнению А. Фурсенко, его руководством. Трудно предположить, чтобы сам Большаков мог решиться на столь дерзкую фривольность{928}. Так или иначе, но в высших кругах американской столицы такого рода аналогии сочли легкомысленными и необоснованными, подобные объяснения приняты не были{929}.

Поскольку в Белом доме поведение советских представителей, прежде всего самого Хрущева, на переговорах вызывало недоумение, Роберт Кеннеди решил обстоятельно поговорить с Большаковым. 3 июня он пригласил его к себе в загородную резиденцию Хиккори-Хилл, чтобы вместе провести выходной день. Начав разговор «в осторожной форме», брат президента «интересовался, не имеется ли среди членов советского правительства людей, выступающих за решающее столкновение с США, даже если это может повести к большой войне». Большаков это отрицал. Но Роберт Кеннеди, проявляя то ли нарочитую, то ли подлинную (что маловероятно) наивность, настойчиво расспрашивал, «действительно ли в СССР важнейшие решения принимаются большинством голосов в правительстве и что военные не имеют особого голоса в этих решениях». «У нас существует коллективное руководство, и военные подчиняются правительству», — пояснил Большаков, явно кривя душой в первом случае и говоря сущую правду во втором (если иметь в виду под «правительством» лично Никиту Сергеевича).

Он задал Роберту Кеннеди контрвопрос: «Имеются ли в правительстве США сторонники “столкновения” с Советским Союзом?» Собеседник ответил: «В правительстве нет, а среди военных, в Пентагоне, “не сам Макнамара”, но такие люди есть». «Недавно, — заявил он, — военные представили президенту доклад, в котором утверждают, что в настоящее время США превосходят СССР по военной мощи и что в крайнем случае можно пойти на прямую пробу сил». Однако президент, по его словам, реально оценивает соотношение сил и решительно отвергает какие-либо попытки «не в меру ретивых» сторонников столкновения с СССР навязать правительству Кеннеди свою точку зрения{930}.

Сообщение о беседе Роберта Кеннеди с Большаковым было передано высшему советскому руководству и сыграло

определенную роль в выработке последующих решений.

Между тем еще до этой встречи, в самом начале переговоров в Вене, советский лидер предпринял два хода, рассчитывая привлечь симпатии американского президента, создать этим благоприятный фон и добиться более благожелательного отношения к его требованиям. Во-первых, он напомнил, что во время его пребывания в США в 1959 году на одном из приемов ему был представлен сенатор Кеннеди, которому он сказал: «О вас идет молва, вам предрекают большое будущее»{931}. Во-вторых, и это было куда важнее, Никита Сергеевич сообщил Джону «важную государственную тайну». Дело в том, что в высших советских кругах осенью 1960 года была рассмотрена просьба американской стороны об освобождении из заключения летчика Пауэрса (сбитого в районе Свердловска) и еще двух летчиков, которые нарушили границу на Крайнем Севере и были вынуждены совершить посадку на советской территории. Хрущев решил пойти на это, но только после выборов, чтобы использовать этот акт с пользой для советских государственных интересов. На заседании Президиума ЦК КПСС он, судя по его воспоминаниям, заявил: «Как только президент определится, мы вернем этих людей, а пока будем надеяться, что победит Кеннеди». Правда, в своих предпочтениях Хрущев не был последователен. На одном из заседаний Президиума ЦК КПСС он сам себе поставил вопрос: «Кто лучше, Эйзенхауэр или Кеннеди?» — и тут же ответил на него: «Одно г…»{932}

Теперь же в Вене Хрущев заявил: «Вы знаете, что мы голосовали за вас?» Кеннеди реагировал недоуменно: «Каким образом? Как это понимать?» Последовало разъяснение, что если бы «мы вернули Пауэрса и полярных летчиков» до выборов, это было бы засчитано в актив Никсона. Кеннеди засмеялся и ответил любезно: «В самом деле, малый перевес мог стать решающим. Поэтому я признаю, что вы также участвовали в выборах и голосовали в мою пользу». Хрущев прокомментировал: «Я не пожалел о занятой нами позиции. После того как Кеннеди стал президентом, надежд на улучшение наших отношений прибавилось»{933}.[64]

Думается, что это были суждения отставного советского лидера, опрокинутые в прошлое, основанные на действительном улучшении американо-советских отношений в конце президентства Кеннеди. Пока же о нахождении взаимоприемлемых компромиссов говорить не приходилось.

Любопытно, что ни один, ни другой вопросы, вроде бы поставленные Хрущевым перед Кеннеди (по поводу предыдущей встречи с ним и «содействия» его избранию), в советскую запись

переговоров не вошли{934}. Скорее всего, это было связано с тем, что Хрущев в своих воспоминаниях домыслил свои ремарки, но, возможно, и с тем, что реплики, не относившиеся к ходу переговоров, по команде советского премьера в записи просто не включались.

Воинственная непримиримость Хрущева «совершенно потрясла» Кеннеди. Впервые в своей практике Джон, по свидетельству Роберта, «встретил человека, с которым оказалось невозможным в ходе переговоров найти разумное решение». Эти слова, конечно, были лицемерными, ибо Кеннеди был уже достаточно зрелым политиком, чтобы понимать, что далеко не всегда в ходе переговоров обнаруживаются взаимоприемлемые, разумные решения.

Единственным представителем прессы, которого сразу после окончания первого дня переговоров в Вене допустили к президенту, был Джеймс Рестон, обозреватель «Нью-Йорк таймс», считавшийся другом Кеннеди. «Что, очень сурово?» — спросил журналист. «Самый суровый случай в моей жизни», — ответил Кеннеди. Он добавил, что Хрущев просто довел его до бешенства. «Передо мной стоит ужасная проблема. Если он думает, что у меня нет опыта и выдержки, то у нас ничего не получится. Мы ничего не добьемся, пока не заставим его избавиться от таких мыслей. Так что надо действовать»{935}.

Между тем и в Белом доме поведение советского лидера в первый день переговоров вызвало немалые опасения. В связи с этим Большаков получил поручение сделать «соответствующее сообщение» Роберту Кеннеди для передачи президенту. Требовалось смягчить обстановку, уточнив, что Хрущев недоволен поведением не столько Кеннеди, сколько американских военных. Советский эмиссар выполнил поручение, и Роберт Кеннеди обещал «доложить президенту», что в СССР уже знают о воинственных намерениях американских генералов. Роберт в свою очередь заверил резидента, что «“нервные головы” в Пентагоне» (из них он исключил трезвомыслящего министра обороны Макнамару) «никаким влиянием в правительстве не пользуются и, как и весь Пентагон, находятся под полным контролем Белого дома».

Переговоры в Вене продолжились 4 июня. Кеннеди вел себя более жестко. Он не давал возможности Хрущеву произносить долгие пропагандистские речи, сам прерывал его. Были моменты, когда переговоры просто заходили в тупик. Возвращаясь к всё тому же берлинскому вопросу, Хрущев заявил: «Теперь Соединенные Штаты сами должны решать, будет у нас мир или война. Советский Союз подпишет мирный договор (с ГДР. — *Л.*

Д., Г. Ч.) в декабре». Кеннеди спокойно ответил: «Значит, господин председатель, будет война».

Но такого рода эскапады больше не повторялись. Кеннеди еще раз задал Хрущеву вопрос, действительно ли тот стремится к насильственному изменению положения в Европе. Последовал ответ, что его решение подписать мирный договор с ГДР твердое и что СССР до конца года осуществит эту акцию, если не будет подписан договор с обоими германскими государствами. «Это будет холодная зима», — отреагировал Кеннеди, вновь употребив то сравнение, о котором уже говорилось{936}.[65] «Холодная зима», однако, весьма серьезно отличалась от «горячей войны», и эта мысль с большим трудом, но всё же пробивалась в ходе венских переговоров.

Оба государственных деятеля были едины в том, что мир должен избежать так называемых «непоправимых просчетов», которые могли бы привести к ядерной войне. Имевшие доступ к неопубликованным советским дипломатическим документам, А. Громыко и А. Кокошин так описывают аргументацию американского президента: «Он пространно (на самом деле очень кратко, ибо его постоянно перебивал Хрущев, который произносил длинные монологи. — *Л. Д., Г. Ч.)* говорил о том, что не хотел бы, чтобы в результате “просчетов” разразилась ядерная война. Обе стороны, заметил президент, должны избегать критических ситуаций, которые привели бы к войне. При этом Кеннеди даже признал, что он сам допустил просчет в отношении Кубы. Поэтому Советскому Союзу, как и США, следует стремиться к тому, чтобы свести до минимума возможность “просчетов” во взаимоотношениях между собой. Это уменьшит риск ядерной войны»{937}.

Касаясь конкретных вопросов смягчения напряженности, Кеннеди предложил дополнить договоренность о сокращении вооружений правом неограниченного взаимного контроля территории другой страны на предмет проверки выполнения взятых обязательств. Хотя советская пропаганда квалифицировала это требование (оно выдвигалось и ранее) как право неограниченной шпионской деятельности на территории СССР, с точки зрения логики дипломатических отношений это была недоказуемая позиция. Ведь советские представители обладали бы точно таким же правом контроля американской территории и, более того, территории американских военных баз за пределами США.

Непредвзятым наблюдателям становилось ясно, что в основе позиции СССР лежат другие мотивы. Ведь американцы смогли бы воочию увидеть не только степень соблюдения договоренностей

по сокращению вооружений, но и в целом жизнь за «железным занавесом», что способствовало бы большей открытости СССР и вынудило бы его власти к этому приспосабливаться, что неизбежно ослабляло бы советскую тоталитарную систему. Ослабление же почти неизбежно влекло за собой крах, что убедительно показал последующий опыт. Осознавая уязвимость своей позиции, Хрущев пошел на уступки, дав согласие на проведение трех инспекций в год. Хотя это было лишь каплей в море, сам факт согласия с принципом наземных инспекций означал, что появлялась возможность дипломатического торга, что могло в конечном итоге привести к более позитивным результатам.

Обсуждение других вопросов не привело к сближению. Особенно это касалось германского вопроса. Кеннеди настаивал на объединении двух германских государств. Хрущев требовал, чтобы США официально признали раскол Германии и дали согласие на юридическое закрепление послевоенных границ в Европе, тем самым увековечив существование ГДР в качестве советского сателлита и раскол Германии. На вопрос Хрущева, почему США так держатся за Западный Берлин, Кеннеди твердо ответил: «Если американцы оставят город, ни одна страна больше не будет принимать всерьез американские обещания»{938}. По германскому вопросу венская встреча завершилась на конфронтационной ноте: Хрущев поставил Кеннеди перед выбором — подписать мирный договор с обеими частями Германии, то есть признать ГДР, или же идти на крайнее обострение взаимоотношений по вопросу о Берлине, о Германии, не исключавшему прямого военного столкновения{939}.

Со стороны Никиты Сергеевича это был явный блеф. Он отнюдь не собирался ввязываться в войну с США из-за Берлина или даже всей Германии. Однако, по оценке российского автора, «его показная напористость и решительность, которой он хотел принудить Кеннеди принять его условия, произвели обратный эффект: Кеннеди по возвращении стал готовиться к принятию ответных контрмер»{940}.

Только на последней десятиминутной прощальной встрече Джон Кеннеди попытался оставить хоть какую-то возможность для соглашения. Он заявил, что поскольку США относятся с уважением к существованию советской сферы влияния в Восточной Европе, он всё же надеется, что СССР будет поступать таким же образом по отношению к американским обязательствам и особенно интересам{941}. Иначе говоря, из моральной сферы американский президент попытался перевести вопрос в сферу геополитическую, в область практической политики. По

германскому вопросу предстояли новые схватки.

Встречей не была удовлетворена ни та, ни другая сторона. Кеннеди был просто шокирован грубостью, напористостью и идеологической зашоренностью советского лидера. Хрущев же говорил одному из своих спичрайтеров Ф.М. Бурлацкому (тот вспоминал об этом на конференции, посвященной 25-летию Кубинского кризиса), что Кеннеди слишком молод, слишком интеллигентен и поэтому с ним трудно иметь дело{942}.

Берлинский кризис

Прошло лишь полтора месяца после венской встречи, как в центре Европы разразился один из серьезнейших за послевоенное время международных кризисов, который, по мнению Т. Соренсена, «в опасной степени приблизился к точке взрыва»{943}. Политическая ситуация серьезно обострилась вокруг обстановки в Германии и ее исторической столицы Берлина. Оба военно-политических блока — НАТО и Организация Варшавского договора (ОВД) — проявляли непримиримость позиций в германском, в частности берлинском, узле противоречий.

Еще в Вене Н.С. Хрущев, как мы знаем, поставил вопрос об объединении обеих частей Берлина — Западного, находившегося под контролем вооруженных сил США, Великобритании и Франции, но во всех отношениях тяготевшего к Федеративной Республике Германии, и Восточного, являвшегося столицей Германской Демократической Республики. Так как Западный Берлин находился в глубине территории ГДР, это требование фактически означало включение его в состав Восточной Германии. После Вены советское требование несколько раз повторялось различными должностными лицами и органами. На той же кембриджской конференции С.А. Микоян, сын соратника Хрущева А.И. Микояна, иронически говорил о «58-м предупреждении» о Берлине{944}, проводя параллель с пресловутыми китайскими «серьезными предупреждениями» Соединенным Штатам по любым поводам.

Правительство США проявило твердость. По распоряжению Кеннеди летом 1961 года в американскую армию были призваны резервисты. В Западный Берлин были переброшены дополнительные воинские силы. Высшие американские военные разрабатывали планы создания воздушного моста между ФРГ и Западным Берлином, подобно мосту 1948—1949 годов, когда Сталин попытался установить блокаду этой части города. Не исключалось использование ядерного оружия в том случае, если советские вооруженные силы попытаются захватить западные

секторы Берлина. Канцлер Западной Германии К. Аденауэр настаивал на решительном отпоре США советским домогательствам. Президент Франции де Голль, также выступая за ужесточение позиции, послал Кеннеди телеграмму: «Мы с вами находимся на одной и той же радиоволне»{945}.

13 августа по совместному решению властей СССР и ГДР было объявлено о введении государственной границы посреди Берлина. Возведение заградительных сооружений в городе — Берлинской стены — означало завершение раскола крупнейшего европейского города, имевшего многовековые исторические и культурные традиции.

До строительства Стены граница между западной и восточной частями Берлина была открытой. Разделительная линия длиной около 45 километров (общая протяженность границы Западного Берлина с ГДР составляла 164 километра) проходила прямо по улицам и домам, каналам и другим водным путям. Официально действовал 81 уличный пропускной пункт, 13 переходов в метро и на городской железной дороге. Кроме того, существовали сотни нелегальных путей. Ежедневно границу между обеими частями города пересекали по различным причинам от трехсот до пятисот тысяч человек.

Отсутствие четкой границы между зонами приводило к частым конфликтам и массовой утечке специалистов в ФРГ. Восточные немцы предпочитали получать образование в ГДР, где оно было бесплатным, а затем жить и работать в ФРГ. А.А. Фурсенко констатировал: «С 1959 года страну покинуло без малого полмиллиона человек. Катастрофические размеры приняло бегство квалифицированных рабочих, буквально обескровившее экономику ГДР»{946}.

Ситуация усугубилась летом 1961 года. Жесткий курс первого секретаря Социалистической единой партии Германии и председателя Госсовета ГДР В. Ульбрихта, намерение «догнать и перегнать ФРГ» и связанное с этим увеличение производственных норм, насильственная коллективизация сельского хозяйства ГДР в 1957—1960 годах и в то же время значительно более высокий уровень оплаты труда в Западном Берлине побуждали тысячи граждан ГДР уезжать на Запад. Только за первую половину 1961 года страну оставили более 207 тысяч человек, преимущественно молодые и квалифицированные специалисты.

В ночь с 12 на 13 августа 1961 года началось строительство пограничных сооружений. К 15 августа вся западная зона Берлина была обнесена колючей проволокой и началось возведение Стены из бетонных панелей. В тот же день были перекрыты четыре линии Берлинского метро и некоторые линии городской

железной дороги (в период, когда город не был разделен, любой берлинец мог фактически свободно перемещаться из одной части Берлина в другую). В связи с тем, что железнодорожные линии шли из одних районов Западного Берлина в другие его районы через восточный сектор, то есть столицу ГДР, было принято решение не разрывать линии западного метрополитена, а лишь закрыть станции, находящиеся в восточном секторе. Открытой осталась только станция Фридрихштрассе, на которой был организован контрольно-пропускной пункт. Главный пропускной пункт западных держав — чекпойнт[66] Чарли — был установлен возле Бранденбургских ворот[67].

В период с 13 августа 1961 года по 9 ноября 1989 года было совершено 5075 успешных побегов из Восточного Берлина в Западный, в том числе 574 случая дезертирства из восточногерманской армии. По современным российским данным, общее число погибших при попытке пересечения границы составило 192 человека (погибли от применения оружия пограничниками ГДР, утонули, разбились и т. д.), ранения получили около двухсот человек, свыше трех тысяч были арестованы{947}.

Такова была общая канва возникновения Берлинского кризиса, в котором Соединенным Штатам Америки принадлежала немаловажная роль. Когда началось сооружение Стены, по указанию президента Кеннеди в Западный Берлин были переброшены новые контингента американских войск. Джон направил в Западный Берлин вице-президента Линдона Джонсона, что должно было продемонстрировать решимость американских властей не допустить дальнейшего изменения ситуации в пользу советского блока. Однако, вопреки призывам некоторых высших военных, в том числе генерала Лусиуса Клея, в свое время, непосредственно после Второй мировой войны коменданта Западного Берлина, под руководством которого был успешно сорван сталинский план блокады города в 1948— 1949 годах (теперь он прибыл в Германию вместе с вице-президентом и остался в Западном Берлине как личный посланник Кеннеди), Джонсон, сдерживая эмоции, на дальнейшее обострение обстановки не пошел.

Непосредственно после сооружения Стены Хрущев продолжал угрожать подписанием мирного договора с ГДР Эти заявления воспринимались Кеннеди и другими государственными деятелями западных держав как угроза захвата Западного Берлина.

Вынужденный примириться с разделением территории города американский президент считал для себя долгом чести не

допустить поглощения западной его части Восточной Германией. По поручению президента одним из дипломатов был задан вопрос Хрущеву: если сооружена Стена и Берлин рассечен на две части, зачем еще и договор, который будет означать прямую угрозу военного столкновения? Умевший трезво оценивать реалии советский лидер ответил публично, хотя только намеком. В интервью издателю и обозревателю газеты «Нью-Йорк таймс» С. Сульцбергеру он загадочно сказал, что у него есть неофициальная информация для президента. Для устной передачи Кеннеди Хрущев заявил: «Если он (Кеннеди. — *Л. Д., Г. Ч.)* желает добиться какого-то решения, он может по неформальным контактам выразить свое мнение по поводу различных форм и этапов и о том, как подготовить общественное мнение, не поставив под угрозу престиж Соединенных Штатов». Сульцбергер якобы ничего не понял, зато хорошо понял Кеннеди: СССР на подписании мирного договора настаивать не будет{948}.

Тем не менее напряженность в Берлине оставалась крайне высокой. 17 октября, накануне открытия XXII съезда КПСС, советская разведка сообщила, что американцы якобы собираются снести Берлинскую стену. Действительно, 26 октября возле Бранденбургских ворот появились американские танки, и в Москве это было воспринято как непосредственная подготовка операции. По распоряжению Хрущева с другой стороны к контрольно-пропускному пункту «Чарли» была выдвинута советская бронетехника. Американцы подтянули дополнительные силы. Положение становилось всё более непредсказуемым. Грохот двигателей во много раз усиливался динамиками, остроумно размещенными советской стороной на крышах домов{949}.

Когда Кеннеди доложили о ситуации, он поручил Роберту встретиться с Г.Н. Большаковым. Советский посредник должен был по своим каналам передать Хрущеву, что у американцев нет авантюрных намерений. Кеннеди предложил отвести танки от Стены в течение ближайших суток{950}. Хрущев, которому немедленно доложили шифровку Большакова, распорядился отвести советские танки в соседние переулки Восточного Берлина. Произошло это 27 октября утром. А через 30 минут по распоряжению Кеннеди, переданному генералу Клею, начался отвод американских танков{951}.

Берлинский кризис не был полностью разрешен, но напряженность в центре Европы стала спадать.

Объективно оценивая весь этот комплекс событий, М. Банди почти через четверть века, в 1984 году, писал, что в берлинском вопросе Хрущев проявил «твердую решимость не идти на серьезный риск подлинной войны. Он всегда останавливался, не

идя на какое-либо действие, которое вовлекло бы его в кровопролитие, и [сооружение Берлинской] стены явилось последним насильственным действием, которое он предпринял, чтобы остановить бойню. Можно считать, что сооружение Стены было вызвано той атмосферой кризиса, в которую Кеннеди внес такой же вклад… как Хрущев»{952}.

США пришлось примириться с новым положением, которое многие американские политики и аналитики из консервативного лагеря считали политическим крахом. Кеннеди же рассматривал ход событий как компромисс, на который следовало пойти во имя сохранения мира{953}. Он говорил: «Стена, черт побери, намного лучше, чем война»{954}.

На советские вызовы президенту приходилось отвечать новыми мерами по усилению военной мощи своей страны. 25 июля 1961 года он выступил по телевидению и радио с информацией о принимаемых мерах. Увеличивались военные ассигнования, численность сухопутных сил было намечено довести до миллиона человек, выделялись дополнительные средства на нужды гражданской обороны. Были сокращены сроки производства атомных подводных лодок и стратегических ракет{955}. От речи, по воспоминаниям очевидцев, веяло войной{956}. В то же время через Большакова в Москву было передано, что Кеннеди дал указание американским войскам в Берлине «стоять твердо», но не предпринимать провокационных действий{957}.

Американские военные настаивали на возобновлении испытаний ядерного оружия, которые ранее были прерваны. Авторитетным в этом смысле было мнение Э. Теллера, считавшегося отцом американской водородной бомбы. Теллер был убежден, что без испытаний невозможно совершенствование оружия, хотя президент понимал, что такового уже имеется в избытке для уничтожения жизни на земле. Колебаниям пришел конец, когда стало известно, что СССР не просто возобновил ядерные испытания, а стал проводить их не под землей, в шахтах глубокого залегания, как ранее делали обе страны, а в атмосфере. Произошло это 31 августа. Наконец, 5 сентября Кеннеди отдал исполнительное распоряжение о начале новой серии ядерных взрывов в шахтах и подземных галереях штата Невада.

Развернулся новый виток гонки вооружений. Вступал в силу разработанный еще при Эйзенхауэре проект одновременного использования подводных лодок «Поларис», вооруженных ракетами того же названия, стратегических бомбардировщиков Б-52 и межконтинентальных баллистических ракет «Минитмэн». Особенно грозным оружием являлись твердотопливные ракеты

«Минитмэн», базировавшиеся в подземных шахтах и приводимые в боевую готовность в течение нескольких минут, тогда как советские межконтинентальные ракеты на жидком топливе требовали длительного периода заправки и подготовки к запуску. Намечены были несколько десятков целей на территории СССР, к которым смертоносное оружие могло быть доставлено в течение не более четырех часов с момента поступления приказа о начале войны.

И всё же Кеннеди не был доволен тем, как развивалась американская внешняя политика. Он полагал, что позитивные инициативы, навстречу которым, по его мнению, мог бы пойти советский лидер, а за ним и весь восточный блок, тонут в бюрократической рутине Государственного департамента. Президент всё более убеждался, что руководитель этого ведомства Дин Раек не проявляет должной инициативы, не находит творческих, неординарных решений. По мнению А. Шлезингера, у Кеннеди всё больше зрело недовольство и даже раздражение Раском. Он, однако, не спешил заменить его другим деятелем, имея в виду приближавшуюся выборную кампанию 1964 года. Именно тогда можно будет произвести замену в руководстве Госдепа, полагал он{958}.

В еще большей степени президент был раздражен решениями и поведением членов Объединенной группы начальников штабов, которых он считал закоренелыми военными бюрократами, неспособными ни на шаг отойти от намеченного плана, когда изменяются обстоятельства. Вопреки сложившейся при Эйзенхауэре системе консультаций и принятия решений по военным вопросам, Кеннеди в значительной мере отгородился от этого органа, введя должность советника по делам вооруженных сил и назначив на эту должность лично ему преданного генерала М. Тейлора, через которого передавал свои директивы ОГНШ, далеко не всегда вьщержанные с точки зрения военной науки и вызывавшие ответное недовольство профессиональных военных.

Правда, Тейлор, по праву считавшийся интеллектуалом не только среди военных, но и в академической среде, знавший не только три западноевропейских языка, но к тому же японский и корейский, являвшийся до своего вхождения в команду Кеннеди начальником военной академии в Вест-Пойнте, в меру своих сил выступал модернизатором. Он, так сказать, «переводил» указания президента на военный язык, придавал им оттенки, которые делали директивы лучше доступными для восприятия военными. К тому же Тейлор пользовался среди военачальников огромным авторитетом как герой Второй мировой войны, прославившийся во время открытия второго фронта, а затем обороны

американского плацдарма на так называемом «выступе» в Бастони и как комендант Западного Берлина в первые послевоенные годы. Включение Тейлора в круг близких к Кеннеди советников было безусловно большой удачей президента.

У Тейлора установились дружеские отношения с сугубо гражданскими советниками Кеннеди, с мнением которых он, как правило, считался. О том, что это был не обычный властный вояка, свидетельствуют некоторые его документы, в частности телеграмма, адресованная М. Банди, в связи с его днем рождения: «Просочился факт, как обычно бывает в Вашингтоне, что у Вас предстоит день рождения. Если это так, я посылаю Вам свои теплые поздравления, но с выражением надежды, что в то время как деятели новых рубежей могут стареть, рубежи всегда остаются молодыми и новыми»{959}.[68]

Проявляя реалистические подходы ко взаимоотношениям с СССР, Джон Кеннеди стремился продемонстрировать свою добрую волю. В ноябре 1961 года, когда стала чуть-чуть улучшаться обстановка в центре Европы, связанная с Берлинским кризисом, американский президент принял в своем имении в Хайаннис-Порте главного редактора московских «Известий» Алексея Аджубея с женой Радой Никитичной (дочерью Н.С. Хрущева). Это была уже вторая встреча президента с Аджубеем — предыдущая состоялась в сентябре и ограничилась налаживанием контактов. Теперь же Кеннеди дал ему обширное интервью. Это было первое в истории интервью американского президента представителю советской печати. Его полный текст был опубликован в центральных советских газетах{960} и во многих американских печатных органах. Американские газеты активно комментировали интервью и, за исключением крайне консервативных изданий, в основном одобряли его. Советская пресса оставила беседу без откликов. Интервью было пронизано тревогой за судьбы мира. Кеннеди говорил: «Великие лидеры великой коалиции, победив фашизм, понимали, что мир станет еще более запутанным и усложненным. У них не было сил и, может быть, времени на то, чтобы начать адскую работу по его дальнейшему совершенствованию. Чем дальше двигаем ее мы, тем всё будет еще сложнее. Грядущие поколения могут нам этого не простить». У Аджубея сложилось впечатление, что его собеседник — это «политик, у которого есть собственное видение мира, стоящих перед Соединенными Штатами проблем», что он «учитывал их взаимосвязь с отношением к другим странам, в том числе к Советскому Союзу»{961}.

Аджубей оставил воспоминания о Хайаннис-Порте, дающие живое представление о той обстановке, в которой проводили

свободное время Джон Кеннеди и его семья. Мыс Кейп-Код напомнил ему Прибалтику. «Белые песчаные дюны у кромки блеклой светло-зеленой океанской черты. Океан накатывает на берег тяжелые, упругие валы… Белые дома загородного гнезда семейства Кеннеди построены в стиле Викторианской эпохи… Ситцевые занавеси, такая же обивка кресел, диванов делали широко застекленную комнату светлой и нарядной. Президент сидел в высоком кресле-качалке, опираясь на деревянную спинку»{962}.

Между президентом и близкими родственниками советского лидера шли беседы неформального характера, естественно, не включенные в интервью. Жаклин даже выразила возмущение одним из пассажей Аджубея, который скорее всего был ей неточно переведен. Общаясь с детьми Кеннеди, советский журналист якобы заявил, что наступит, мол, время и ваш сын будет воевать с моим{963}. Сам Аджубей в своих воспоминаниях об этом инциденте не упоминает. Представляется, что оттенки в его реплике были иными: надо обеспечить, чтобы не наступило такое время, когда ваш сын будет воевать с моим или — неужели наступит такое время, когда ваш сын будет воевать с моим.

Супруги Аджубей были тронуты тем, что у постели Кэролайн — дочери Кеннеди — на столике рядом лежали русская матрешка, переданная Никитой Сергеевичем, и распятие — подарок римского папы Иоанна XXIII. Джон, впрочем, использовал случай, чтобы ответить на лозунг только что принятой новой программы КПСС по поводу того, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, словами о своей дочери: «Пусть она сама выбирает свои привязанности и свой путь»{964}.

После окончания интервью и беседы Джон Кеннеди предложил Алексею Аджубею погулять по берегу океана и при выходе из дома набросил ему на плечи свою куртку, сказав: «Северный ветер у нас пронизывает до костей»{965}.

Любопытно, что за день до встречи с президентом советский журналист побывал у американского министра юстиции. Кеннеди-младший произвел на него впечатление человека, значительно более агрессивного и задиристого, что соответствовало мнению многих людей, знавших обоих деятелей. Кабинет Роберта напомнил Аджубею жилую квартиру. На стенах висели рисунки его детей. Смятый плед на диване свидетельствовал, что его хозяин иногда оставался здесь на ночь. Роберт Кеннеди начал разговор необычно: «Похож ли мой кабинет на кабинет Берии?» Аджубей ответил, что он не был в кабинете Берии, но считает, что рабочие помещения американского

министра юстиции вряд ли на него похожи, не добавив, впрочем, из вежливости, чтобы не упрекать хозяина в некомпетентности, что сравнение неоправданно, так как министерство, возглавляемое Робертом, и репрессивный аппарат, в свое время руководимый Берией, — это ведомства совершенно разного типа. Интервью Роберт Кеннеди не давал, но приложил усилие к тому, чтобы убедить собеседника, что является искренним антикоммунистом{966}.

И всё же обе встречи были проникнуты тревогой за судьбы мира, прежде всего внушенной сохранявшимся напряжением в центре Европы.

После сентябрьского интервью Кеннеди редактору «Известий» советский лидер счел целесообразным послать американскому президенту письмо о том, что он с большим интересом слушал рассказ супругов Аджубей о встрече с ним. «Вы произвели на них впечатление своей неформальностью, скромностью и искренностью, которые не всегда можно обнаружить у людей, занимающих столь высокое положение»{967}, — писал Хрущев. Кеннеди ответил письмом еще более свободного стиля. Воспользовавшись тем, что Хрущев обращался к нему с отдыха, он рассказал о мысе Кейп-Код (именно там, напомним, находилось семейное имение в Хайаннис-Порте), о быте своей семьи здесь, о том, что это — идеальное место для отдыха в конце недели, где можно «посвятить время обдумыванию крупных задач вместо постоянных встреч, телефонных звонков и деталей»{968}.

После обнародования интервью Кеннеди 2 декабря послал письмо Хрущеву о том, что был очень доволен встречей с его зятем. «Его публикация нашего интервью была, я полагаю, полезным шагом в налаживании лучшей связи и взаимопонимания между гражданами наших стран»{969}. Этот любопытный обмен письмами явно ставил обоюдную цель налаживания неофициальных контактов, что должно было послужить и государственным интересам, как их понимали оба лидера.

В своих воспоминаниях А.И. Аджубей не рассказывает о еще двух встречах с президентом Кеннеди, которые состоялись вскоре после первой.

В конце января 1962 года Аджубей побывал в Вашингтоне после поездки на Кубу. Он был принят в Белом доме. Кеннеди интересовался впечатлениями советского журналиста, которые сосредоточились на том, что Куба живет в обстановке постоянной угрозы вторжения. Это был, разумеется, пробный камень, который дал президенту повод заверить собеседника, что США будут верными своему обязательству оставить Кубу в покое. «Я уже

говорил Хрущеву, что считаю вторжение, которое имело место, ошибкой, однако мы не можем не следить за развитием событий на Кубе. Вам же небезразличен, например, курс Финляндии», — убеждал Кеннеди Алексея и его супругу. Еще через два месяца состоялась четвертая встреча, на этот раз после поездки супругов Аджубей по Латинской Америке. В их честь был устроен завтрак в Белом доме. И на этот раз в центре внимания была Куба. «Это ведь в 90 милях от нашего берега, — говорил Джон. — Очень трудно. Куба лезет изнутри»{970}.

Контакты А. Аджубея с братьями Кеннеди стали дополнительным стимулом и проявлением стремления обеих сторон к смягчению напряженности между ними.

Индокитай

На пути к преодолению международной напряженности находилось еще много крупных препятствий. Одним из них была ситуация на Индокитайском полуострове.

Здесь после Второй мировой войны было провозглашено создание трех государств — Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, причем во всех шла ожесточенная борьба коммунистических и буржуазно-националистических сил. После длительной войны, которую вела Франция за сохранение своих колониальных привилегий на полуострове, в 1954 году были подписаны Женевские соглашения, признававшие независимость всех стран региона и намечавшие проведение выборов в законодательные собрания не позднее 1956 года.

До выборов территория Вьетнама была разделена по семнадцатой параллели на северную и южную части. На севере власть оказалась в руках Партии трудящихся Вьетнама (так именовали себя коммунисты) во главе с Хо Ши Мином (здесь была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам), на юге — в руках консервативных сил во главе с католиком Нго Динь Дьемом, который был избран президентом. Вьетнамские выборы, однако, были сорваны. На этой территории фактически возникли два государства с противоположными общественными системами.

Соединенные Штаты Америки, пришедшие на смену Франции после подписания соглашений о прекращении военных действий на территории Вьетнама, взяли под свое покровительство государство Южного Вьетнама, в котором начинали развиваться капиталистические отношения при сохранении средневековых пережитков, хотя государственный режим носил явно автократический характер. Президент Нго Динь Дьем относился как раз к разряду тех государственных деятелей, о которых президент Рузвельт якобы говорил: «Он — сукин сын, но это наш сукин сын»[69].

Сложные конфликты, не только социально-политического, но даже личностносемейного характера, происходили в соседнем индокитайском государстве Лаосе. Кризис в этой небольшой стране с населением около двух миллионов человек стал первым конфликтом в постколониальном мире, с которым пришлось столкнуться Кеннеди после вступления на президентский пост.

Здесь с середины 1950-х годов тянулась вялая гражданская война между правительственными силами и созданной под влиянием коммунистов организацией Патет-Лао (Патриотический

фронт Лаоса), причем и те и другие находились под руководством близких родственников. В политическом отношении после обретения независимости за власть над Лаосом боролись три группировки: нейтралисты, группировавшиеся вокруг принца Суванна Фума, правые, лидером которых стали принц Бун Ума и генерал Фуми Носаван, и Патет-Лао во главе с принцем Суфанувонгом.

Правительство Эйзенхауэра энергично поддерживало Фуми Носавана, однако воздерживалось от направления в Лаос американских вооруженных сил. В то же время Патет-Лао через ДРВ получал оружие и военные материалы из СССР, что позволило ему уже после прихода Кеннеди в Белый дом одержать несколько побед и взять под свой контроль свыше половины территории страны.

В конце января 1961 года в Каире состоялась чрезвычайная сессия Совета организации солидарности народов Азии и Африки, которая приняла специальную резолюцию по Лаосу. В резолюции осуждались агрессивные действия США и одобрялось предложение о созыве международного совещания для урегулирования лаосского вопроса.

Уже в первые дни пребывания в Белом доме Кеннеди созвал совещание экспертов по Юго-Восточной Азии, которым поставил вопросы: действительно ли Патет-Лао борется за интересы народа своей страны? Каковы боевые качества правительственной армии и повстанцев? На первый вопрос был дан ответ, что Патет-Лао, при всей своей коммунистической индоктринации, всё же отражает в определенной степени интересы населения страны, тогда как правительство унаследовало худшие качества насильнических феодальных режимов. Ответ на второй вопрос вытекал из ответа на первый и сводился главным образом к тому, что королевские войска находятся в состоянии деморализации.

После совещания Джон потребовал предоставления ему подробных справок о Лаосе, его руководящих деятелях и особенно детально изучал биографии Суванна Фума и Фуми Носавана. Убедившись в том, что Фуми некомпетентен в военном отношении и нечист на руку, что он беззастенчиво расхищает американскую помощь, Кеннеди сказал советникам: «Это самая большая неприятность, которую оставил мне Эйзенхауэр»{971}.

В такой обстановке в Вашингтоне сочли более целесообразным согласиться на нейтралитет Лаоса, нежели потерять страну окончательно, допустив полный контроль левых сил. 23 марта 1961 года Кеннеди заявил на пресс-конференции, что США стремятся к миру, а не к войне в Лаосе. При этом имелось в виду, в соответствии с согласованностью на встрече

президента с американским послом в Лаосе Уинтропом Брауном, что «только Суванна может объединить Лаос»{972}.

По указанию президента были возобновлены переговоры в Женеве по Индокитаю. Американскую делегацию возглавил опытный политик и дипломат Аверелл Гарриман. Являвшийся послом в СССР в период Второй мировой войны, Гарриман отошел от дипломатических дел в первые послевоенные годы. Однако в январе 1961 года он по просьбе Кеннеди занял специально созданную для него должность посла по общим вопросам (по сути дела, личного представителя президента по особым поручениям), а в ноябре того же года стал заместителем госсекретаря. На Женевском совещании американский представитель занимал гибкую позицию, прилагая усилия, чтобы найти компромисс.

В то же время в соседнем Таиланде по приказу Кеннеди были размещены американские силы численностью в пять тысяч человек, что должно было продемонстрировать способность предпринять действия с позиции силы, если бы Женевская конференция зашла в тупик. Однако, по словам американского историка Э. Веерле, действуя по указаниям президента, Гарриман добился в Женеве почти чуда: была достигнута договоренность о прекращении огня, о создании в Лаосе нейтралистского правительства, о перекрытии каналов поставок оружия и других средств ведения войны с территории Северного Вьетнама{973}. 11 июня 1962 года было образовано коалиционное правительство, в котором Суванна Фума стал премьером, а Фуми Носаван и Суфанувонг его заместителями.

Хотя мир в Лаосе был недолговечным, однако новое обострение ситуации и новая гражданская война разразились уже после гибели Кеннеди, которому подавляющее большинство трудов по новейшей истории этой страны отдает пальму первенства хотя бы в связи с временным затишьем, провозглашенным на Женевской конференции{974}.

Еще более запутанной и труднорешаемой была ситуация во Вьетнаме.

Положение Южного Вьетнама крайне осложнялось тем, что в течение второй половины 1950-х годов с территории Демократической Республики Вьетнам, входившей в советскую и китайскую сферы влияния, на территорию южной части страны направлялись регулярные войска, действовавшие в джунглях, пополняя и одновременно снабжая оружием отряды Вьетконга (Фронта национального освобождения Южного Вьетнама), о создании которого было объявлено в самом конце 1960 года. Между тем правительство Дьема не могло предпринять против

этих сил эффективные меры подавления. В результате партизанские отряды Вьетконга превратились в регулярную армию, количество бойцов которой достигло пятнадцать тысяч человек. Ни южновьетнамские регулярные вооруженные силы, ни американские военнослужащие не были в состоянии на длительное время перерезать так называемую «тропу Хо Ши Мина» — дорогу в джунглях, связывавшую южновьетнамских партизан Вьетконга с ДРВ. Кеннеди впадал почти в истерическое состояние, когда ему докладывали, что оборванная связь между обеими частями страны через одну-две недели восстанавливалась в нескольких десятках километров от прежней линии коммуникации, вроде бы жестко блокированной.

Денежные средства, которые США направляли в Южный Вьетнам, уплывали в карманы чиновников Дьема всех уровней. Непосредственно после прихода в Белый дом Кеннеди стал серьезно задумываться над вопросом, как сделать власть в Южном Вьетнаме более эффективной. Уже через неделю после инаугурации, 29 января 1961 года, на представленном ему плане контрпартизанских действий Кеннеди написал резолюцию «Почему так мало?»{975}.

Отлично понимая неэффективность действий своей страны в отдаленном уголке земли, Кеннеди в то же время не желал отказываться от Вьетнама, будучи уверенным, что это подорвало бы не только позиции США в Юго-Восточной Азии, но и престиж страны и его личный авторитет. Ни сам Кеннеди, ни его советники не ставили под сомнение главную цель в этой стране — предотвращение коммунистического контроля над Южным Вьетнамом. Сформулированная им задача в регионе состояла в том, чтобы «предотвратить коммунистическое господство и создать в Южном Вьетнаме жизнеспособное, всё более демократизирующееся общество»{976}.

Однако ситуация в Южном Вьетнаме неуклонно ухудшалась в результате действий Вьетконга, теснейшим образом связанного с северной частью страны.

Постепенно в кругах, близких к американскому президенту, а затем и у него самого, в значительно меньшей степени и позднее среди консервативно настроенных высших военных возникла идея создания принципиально новых воинских подразделений, сходных по своему типу с партизанскими отрядами, но в то же время превосходно подготовленных, вышколенных и вооруженных особыми, но самыми современными видами оружия, которыми они бы превосходно владели.

Президент размышлял по поводу того, насколько ограничены возможности современной армии, когда она сталкивается с

нерегулярными вооруженными формированиями. Он говорил в кругу советников: «Мы можем предотвратить переход армии одного государства через границу другого… Но мы не в состоянии предотвратить инфильтрацию убийц, саботажников, взяточников, а ведь всё это средства партизанской войны»{977}.

Результатом размышлений и консультаций было распоряжение президента начать в высшей военной школе в Форт-Брэгге подготовку особых частей, которые имели бы уникальные возможности для ведения контрпартизанской войны в слаборазвитых странах. В мае 1961 года Кеннеди распорядился, чтобы Макнамара выделил из бюджета министерства обороны 100 миллионов долларов на переподготовку воинских частей для ведения контрповстанческих и противопартизанских действий. Вслед за этим были отданы распоряжения сначала о подготовке учебных пособий по противопартизанским действиям, а затем и о заказе соответствующего снаряжения, обмундирования, средств связи и т. п. Американский историк И. Томас отмечает, что «почти немедленно новое вполне практичное оружие стало дополнением к средствам ведения холодной войны: антиповстанчеству. Если коммунисты собирались вести партизанские и повстанческие действия, то Запад должен был научиться, как ответить ударом на удар. Неконвенциональное ведение войны стало азартным делом среди проводников “новых рубежей”. Появились специальные силы, отличительным знаком которых являлось умение вести борьбу против “народной войны”»{978}.

Кеннеди считал, что контрпартизанскую акцию в Южном Вьетнаме необходимо сочетать с проведением социально-экономических реформ. По его поручению специальная группа к концу апреля 1961 года подготовила обширный меморандум, предусматривавший целый спектр экономических, социальных, пропагандистских, разведывательных и контрпартизанских мер. После доработки и утверждения президентом документ получил название «Меморандум по спасению Южного Вьетнама». Важной его особенностью было то, что преобладали невоенные меры, а решение поставленных задач курировал Госдепартамент, а не Пентагон{979}.

Однако ничего существенного сделать не удавалось. Правительство Дьема по сути дела саботировало предложения американских советников.

В Белом доме проводились многочисленные совещания по вопросам Индокитая, в Южный Вьетнам наведывались различные представители президента вплоть до вице-президента Линдона Джонсона, но изменить положение дел не удавалось. И

происходило это всё несмотря на то, что численность американских вооруженных сил на Индокитайском полуострове увеличивалась. За 1962 год она выросла с 4 до 11,5 тысячи солдат и офицеров, а ко времени гибели Кеннеди до 16 тысяч.

Правда, все военнослужащие выступали в качестве советников и вспомогательных групп. Предложения о посылке боевых частей президентом упорно отклонялись, и в этом он получал поддержку как министра обороны Макнамары, так и госсекретаря Раска{980}. Кеннеди даже отклонил рекомендацию генерала Тейлора, посетившего Южный Вьетнам осенью 1961 года, направить туда инженерно-саперный батальон{981}.

Фактически президент оказался в заколдованном круге. С одной стороны, он не желал, чтобы американские воинские части принимали участие в оперативных действиях на полуострове, настаивал на ограничении функций американцев только помощью южным вьетнамцам. Об этом вспоминали такие близкие к нему люди, как М. Банди и Т. Соренсен{982}. Но, с другой стороны, ограничение помощи лишь пассивными действиями со стороны США означало обречь Южный Вьетнам на неизбежное поражение в скором времени.

Поэтому реально термин «советники» оказался дипломатическим ухищрением, и Кеннеди был вынужден смириться с этим. Американские офицеры и солдаты вливались в боевые подразделения, пытались учить южновьетнамских военнослужащих вести операции прямо на поле боя. Более того, американцы предварительно проходили специальное обучение для ведения антипартизанских действий. Соответственно, их вместе с южновьетнамскими частями размещали в сельской местности, где они должны были и нести воинскую службу, и контролировать союзника, и вести разведывательную и контрразведывательную работу, и учить крестьян элементарным культурным навыкам. Обо всех этих действиях исправно докладывали президенту, как и о том, что никаких существенных сдвигов к лучшему не намечается. К середине 1963 года в Вашингтоне стали приходить к выводу о необходимости замены Дьема другим лидером или группой, с которыми можно было бы конструктивно сотрудничать.

Отлично понимая неэффективность и коррумпированность существовавшего режима, американские военные, а вслед за ними и президент Кеннеди не смогли в полной мере оценить специфику войны в джунглях, по форме партизанской, по существу регулярной, тем более в условиях глубочайшей националистическо-коммунистической пропаганды в среде рядового и офицерского состава вооруженных сил Вьетконга.

Американцы не понимали, как могут сражаться эти люди в условиях, которые считались, по западным стандартам, непригодными для человеческого существования. Еще более непонятной для американцев являлась рабская готовность вьетнамцев идти на гибель по приказу или прихоти начальников, с легкостью приносивших человеческие жертвы во имя идеалов, представлявшихся военнослужащим США, от рядовых до генералов, абстрактными и нежизнеспособными. Таковыми они выглядели и в глазах американского президента.

Имея в виду, что против правительства Дьема выступало абсолютное большинство населения провинциальной и особенно сельской части Южного Вьетнама, что оно включалось в борьбу против режима любыми доступными ему путями, американские военачальники с санкции высшего политического руководства стали применять средства массового уничтожения с целью запугивания противника. В ход пошли страшные и бесчеловечные методы ведения войны — применение горючего вещества напалма[70], шариковых бомб, ковровых бомбардировок.

Всё это на деле вело не к умиротворению, а к тому, что война становилась всё более ожесточенной и кровопролитной, велась без линии фронта, фактически без боевых позиций, при возрастающих потерях с обеих сторон.

К тому же всё чаще поступали известия, что Дьем выходит из-под контроля и проводит кровавые репрессии в отношении тех сил, которые американские представители считали своими действительными или потенциальными союзниками. Симпатии к США, вначале существовавшие в Южном Вьетнаме, по крайней мере среди городского населения, со временем улетучивались. Постепенно Кеннеди терял надежду на военную победу во Вьетнаме, достижение которой связывалось с демократизацией его южной части.

В президентской администрации и других сферах высшего государственного аппарата до весны 1963 года не было серьезных разногласий по поводу политики в Южном Вьетнаме. Высшие военные чины, а также значительная часть сотрудников Госдепартамента считали, что США должны наращивать помощь Нго Динь Дьему.

В апреле 1963 года Дин Раек выразил удовлетворение развитием событий на Индокитайском полуострове. Он с особым одобрением оценил строительство так называемых «стратегических деревень», то есть сельскохозяйственных единиц, которые были окружены плотным заслоном южновьетнамских воинских подразделений во главе с американскими советниками. Эти «стратегические деревни» должны были лишить отряды

Вьетконга материальной поддержки даже со стороны тех слоев сельского населения, которые выступали против власти Нго Динь Дьема. Вьетконг, докладывал Раек президенту, всё меньше и меньше выглядит как выигрывающая сторона{983}. Кеннеди, однако, со всё увеличивавшимся скепсисом относился к оптимистическим докладам руководителя своего внешнеполитического ведомства.

В то же время в американском обществе постепенно нарастало протестное движение против расширявшегося американского участия в военных действиях в Индокитае. Ему способствовали более или менее объективные репортажи, которые посылали в свои редакции журналисты, прежде всего специальный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Д. Холберстем. В его материалах обращалось внимание на оторванность правительства Дьема от основной части населения, на коррумпированность чиновников разного уровня, включая членов правительства, и особенно на то, что фактически всеми делами в Южном Вьетнаме распоряжается брат президента Нго Динь Нху со своей супругой — люди некомпетентные и продажные{984}. Примеру Холберстема следовали другие журналисты, в частности Н. Шихэн из Юнайтед Пресс Интернэшнл и М. Браун из Ассошиэйтед Пресс. Их материалы расходились по сотням центральных и провинциальных газет и создавали оппозиционное отношение к участию США во вьетнамской войне.

Джон Кеннеди был раздражен негативной информацией. Более того, вначале он считал ее «непрофессиональной», так как она противоречила официальным сводкам. Президент даже послал инструкцию в Сайгон, требуя, чтобы названные и другие журналисты не допускались к непосредственному наблюдению за военными операциями и вообще всячески ограничивались в получении информации{985}.

Постепенно, однако, Кеннеди приходил к выводу, что журналисты не лгут, а американское посольство в Сайгоне и военное командование информируют его необъективно. Президент воспользовался пребыванием в Вашингтоне советника посольства во Вьетнаме по связям с общественностью Джона Меклина, чтобы попытаться получить достоверную информацию. Во время встречи 29 апреля оказавшийся в неудобном положении дипломат постарался особенно не обидеть своих непосредственных руководителей, но в то же время проинформировал президента более достоверно, чем это делали они. Более того, советник вынужден был признать, что американские журналисты во Вьетнаме работали лучше, чем в

других местах, что их репортажи звучали бы более благоприятно по отношению к политике своей страны, если бы их снабжали более правдивой информацией. Представители США в Индокитае должны прекратить выдавать общественности «исключительно оптимистические публичные заявления», — заявил он президенту{986}.

Как говорил после встречи Кеннеди П. Сэлинджеру, сообщение Меклина произвело на него глубокое впечатление{987}. Вслед за этим по указанию высшего должностного лица были разработаны новые правила отношения к журналистам в Южном Вьетнаме. Они предусматривали бо́льшую степень доверия к корреспондентам. Хотя инструкция звучала довольно лицемерно, требуя предоставлять журналистам только ту информацию, которую они «всё равно получат другими путями»{988}, она всё же привела к большей открытости американской политики в этом регионе. А это в свою очередь вело к дальнейшему отчуждению дипломатических и военных деятелей США в Юго-Восточной Азии от общественного мнения своей страны.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения президента и его ближайшего окружения, стали сообщения об убийствах в Южном Вьетнаме буддистских священнослужителей и о причастности к этому высших представителей администрации Нго Динь Дьема. Связано это было с тем, что в буддистских кругах усиливалось недовольство католиками, которые составляли менее десяти процентов населения, но занимали почти все высшие и средние посты в Сайгоне (их открыто поддерживал Дьем, сам католик). Недовольство умело раздувалось агитаторами Вьетконга, которым удалось привлечь к коммунистическим отрядам не только значительную часть сторонников учения Будды, но даже некоторых буддистских монахов. Последним льстило, что в Северном Вьетнаме к буддистам относились уважительно, а вождь Хо Ши Мин даже посещал их храмы{989}.

Всю мировую прессу обошли фотографии, на которых было запечатлено трагическое событие, происшедшее 11 июня 1963 года в центре Сайгона при большом скоплении людей. 73-летний буддистский монах, став на колени на перекрестке улиц, облил себя бензином и поджег. Многие газеты сопроводили это фото выдержкой из интервью с супругой брата диктатора. Мадам Нху заявила: «Я рукоплескала бы, если бы увидела еще одного монаха, превращающего себя в шашлык»{990}.

«Буддистский кризис», как стали называть эти события, убедил Кеннеди, что правительство Дьема не только неспособно справиться с внутренними проблемами страны, но проводит

политику (если его действия можно было бы назвать политикой), противоречащую интересам народа Южного Вьетнама и ослабляющую американские позиции в этом регионе.

Первым шагом к кардинальному решению проблемы стало назначение нового американского посла, который должен был заменить малоинициативного, склонного к приукрашиванию действительности и, что особенно не терпел Кеннеди, многословного Фредерика Нолтинга более авторитетным лицом. Кандидатура оказалась неожиданной. По согласованию с Раском Кеннеди предложил отправить в Южный Вьетнам своего давнего политического противника Генри Кэбота Лоджа (в 1960 году он являлся кандидатом на пост вице-президента от Республиканской партии). Советники президента и министры, прежде всего Роберт Кеннеди, пришли к выводу, что это вполне достойная фигура. Имевший гарвардское образование, свободно владевший французским языком, опытный политик Лодж уж во всяком случае не кормил бы президента сказками о достоинствах Нго Динь Дьема и поражениях Вьетконга. Принимая Лоджа перед его отлетом в Индокитай, Кеннеди четко выразил свое отношение к происходившим там событиям. Он показал газетную вырезку — фото самосожжения буддиста и произнес: «Я думаю, что это самая страшная информация, которую можно найти сейчас в мировой прессе»[991].

Весьма памятным и зловещим для Дьема и его режима явилось совещание, которое провел американский президент 21 августа 1963 года. На нем было принято заявление, которое 23 августа опубликовал Госдепартамент. Здесь говорилось, что «правительство Южного Вьетнама нарушило свои обязательства, состоявшие в том, что оно будет осуществлять политику примирения с буддистами». Далее указывалось, что американский президент и правительство США крайне отрицательно относятся к такого рода фактам[992].

В свою очередь Лоджу, направлявшемуся в Сайгон, президент послал инструкцию, согласно которой посол тотчас по прибытии должен был заявить Дьему, что США не намерены терпеть ситуацию, при которой власть фактически находится в руках безответственного Нху, что руководители Южного Вьетнама и прежде всего президент должны найти способ избавиться от него и его супруги, иначе они могут столкнуться с тем, что сам Дьем потеряет возможность сохранить за собой свой пост[993]. Это была прямая угроза, ультиматум, за которым последовали действия.

27 августа Кеннеди проинформировали, что группа генералов Южного Вьетнама намеревается осуществить государственный переворот в течение ближайшей недели. Президент связался с

американским послом в Сайгоне (им еще был Нолтинг, ожидавший прибытия Лоджа, чтобы передать ему дела) и задал вопрос, имеет ли государственный переворот шансы на успех. Посол уклонился от прямого ответа, заявив, что все зависит от позиции США. Если генералам будет дана гарантия поддержки, переворот будет успешным. Положение, таким образом, оставалось совершенно неопределенным. Кеннеди и другие ответственные государственные деятели выступали с противоречивыми заявлениями, то провозглашая поддержку правительства Дьема, то подвергая его резкой критике и требуя проведения реформ. В одном из интервью этого времени Кеннеди заявил: «Я считаю, что, если правительство [Южного] Вьетнама не приложит серьезные усилия, чтобы добиться народной поддержки в войне, ее невозможно будет выиграть. В конце концов, это их война. Именно от них зависит, выиграют они ее или проиграют»{994}. По существу дела, это было заявление о возможной «вьетнамизации» войны, то есть об отказе США непосредственно в ней участвовать.

6 сентября на очередном заседании у президента по вьетнамскому вопросу вновь не были приняты твердые решения. Раек констатировал, что ситуация продолжает ухудшаться. Были произнесены одобренные Кеннеди слова о том, что, если Дьем не будет следовать американским рекомендациям, США должны пойти на существенное сокращение военной помощи. Особенно энергично высказывался министр юстиции. «Мы должны сообщить Дьему, — требовал Роберт, — что ему следует делать вещи, которых мы требуем, или же мы сократим наши усилия, чего требует американская общественность». «С Дье-мом мы всё проиграем», — добавил он. Джон в конце заседания ограничился раздраженной репликой о необходимости потребовать от Дьема, чтобы он запретил мадам Нху говорить{995}.

Сохраняя неопределенный курс, Кеннеди подвергался критике с разных позиций — консерваторы его ругали за нерешительность в подавлении партизанского движения в Южном Вьетнаме, левые круги — за сам факт вмешательства во внутренние дела далекой азиатской страны. В этих условиях президент вынужден был объявить, что является сторонником теории «домино» — если Южный Вьетнам удастся захватить коммунистам, под их господство или влияние попадут и другие азиатские страны. И в этом он был, безусловно, прав.

Вновь и вновь Кеннеди возвращался к мысли о необходимости «вьетнамизации» войны, постепенного вывода из страны американских «советников», фактически являвшихся действовавшей боевой силой. 2 октября он одобрил

представленный Макнамарой и Тейлором план обучения вьетнамских частей, с тем чтобы через несколько месяцев вывести из Индокитая по крайней мере тысячу солдат и офицеров США{996}.

Наконец, после долгих раздумий южновьетнамские генералы выступили. 2 ноября 1963 года, за три недели до гибели Кеннеди, в Сайгоне произошел переворот. Американские представители предлагали Дьему вывезти его за границу, но он от этого отказался, был захвачен заговорщиками и убит. Был образован Военный революционный совет, состоявший из генералов. США признали новую власть. Однако ситуация оставалась неопределенной и становилось всё более ясным, что без прямого военного участия США Южный Вьетнам вскоре окажется в состоянии полного хаоса, что даст возможность властям ДРВ непосредственно вмешаться в события и осуществить воссоединение страны на коммунистических началах.

Перед самым отлетом Кеннеди в Техас, где прогремели роковые выстрелы, 20 ноября 1963 года, в Гонолулу (Гаваи) состоялось совещание ответственных военных и гражданских деятелей, которым фактически руководил президент, не принимавший в нем непосредственного участия. Был намечен план расширения военной и экономической помощи Южному Вьетнаму. Подготовленный М. Банди меморандум о действиях в области национальной безопасности предусматривал также подрывные акции против Северного Вьетнама, с тем чтобы «достичь совершенно нового уровня эффективности в этой области деятельности»{997}.

Последовавшие события — всё большее вовлечение США во вьетнамские дела — происходили уже после смерти Джона Кеннеди. В конечном счете они привели к самому крупному поражению Соединенных Штатов за всю их историю — вынужденному уходу из Вьетнама, в котором была установлена коммунистическая власть. Этому, однако, предшествовала длительная эскалация американского участия во вьетнамской войне, унесшая многие тысячи жизней и приведшая к серьезнейшим конфликтам в самом американском обществе.

Третий мир и Латинская Америка

Сложнейшие проблемы Джону Кеннеди приходилось решать и в других регионах Азии и Африки. Одно за другим там появлялись новые государства, освобождавшиеся от колониального гнета. Существовала серьезнейшая опасность, что по крайней мере часть из них может оказаться в сфере влияния

СССР, правительство которого использовало все возможные меры — от идеологического проникновения до прямого подкупа лидеров, чтобы убедить в преимуществах «социалистического выбора», «социалистической ориентации» или, по крайней мере, курса неприсоединения с опорой на СССР.

В разной степени руководители Европы тяготели к старому колониализму и с трудом приспосабливались к новым реалиям. Джон Кеннеди в большей мере, чем другие западные лидеры, понимал необходимость наступательных мер в зоне третьего мира. Перед ним стояла задача всячески содействовать тому, чтобы сохранить новые государства в сфере влияния Запада, причем осуществлять это при помощи демократических методов, по возможности привлекательных для народов этой группы стран. В некоторых случаях приходилось сталкиваться с явным непониманием его курса другими лидерами демократического мира. Опыт решения дел, связанных с национально-освободительными войнами, Кеннеди накопил еще будучи сенатором и председателем подкомитета по делам Африки сенатского комитета по иностранным делам. Именно тогда он буквально шокировал некоторых американских политиков консервативного толка и уж конечно французских государственных деятелей и военных, когда заявил, что военно-колониальная политика Франции в Алжире, где шли военные действия, сопровождавшиеся насилием над мирным населением, часто оказывающим поддержку боевым отрядам, ведет к ослаблению позиций Запада во всей Африке. Франция должна предоставить независимость Алжиру, говорил он{998}.

Когда же он стал президентом, то попытался претворить в жизнь свои планы в глобальном масштабе. Вряд ли тогда кто-либо из государственных деятелей сколько-нибудь отчетливо понимал, что освобождение от колониализма отнюдь не означает быстрого роста гражданского сознания населения, появления, подобно Минерве из головы Юпитера, демократических лидеров и тем более соответствующих режимов. Многовековая отсталость продолжала давать себя знать, и необходимы были многие десятилетия, чтобы освободившиеся от колониализма народы преодолели стадии дикости и варварства и пополнили ряды цивилизованных общностей. Прекраснодушные западные демократы не осознавали, что в эпоху колониализма действительно существовало «бремя белого человека» (Р. Киплинг), служившего крайне отсталым народам и сдерживавшего их дикие порывы, доходившие до истребительных межплеменных войн и людоедства, что крушение колониализма, будучи во всемирно-историческом масштабе делом

прогрессивным, в конкретных условиях ряда стран вело к возрождению не просто средневековья, а дикости. Не понимал этого и Джон Кеннеди.

Намеченные им меры ставили цель быстрого приобщения освободившихся стран к демократии путем просвещения, проведения мероприятий в области здравоохранения и т. д. Здесь у Кеннеди и его соратников явно возникало внутреннее противоречие: с одной стороны, они рассчитывали на быстрый успех, с другой — не могли не понимать, что просветительные и подобные им меры способны дать результаты только в перспективе. Так или иначе, но Кеннеди предпочел действовать. Намечая новые пути взаимоотношений со странами, выходившими из-под колониальной опеки, Кеннеди и его советники сознавали, что кровавые конфликты в том или ином регионе неизбежны, что Соединенным Штатам, хотят их руководители этого или нет, придется в них вмешиваться, если они стремятся сохранить свое присутствие в различных уголках земного шара, попытаться не допустить перехода новых, крайне отсталых стран под влияние демагогических лозунгов потенциальных диктаторов коммунистического или другого левацкого толка.

С этой целью в марте 1961 года было начато создание Корпуса мира.

Уже на следующий день после инаугурации Джон позвонил мужу своей сестры Сарджанту Шрайверу и дал задание образовать специальную группу для разработки комплекса вопросов, связанных с целями невоенного, но основанного на строгой дисциплине и иерархии формирования, призванного нести просвещение и культуру отсталым народам. Шрайвер вскоре передал в Белый дом рекомендации, предложив, в частности, создать Корпус мира на основе исполнительного распоряжения президента (оно, напомним, не нуждалось в утверждении конгрессом), но всё же запросить затем решение законодательного органа. Соответствующий документ Кеннеди подписал 1 марта 1961 года{999}.

Вначале администрация планировала образовать Корпус мира как составную часть новой правительственной ячейки под названием «Агентство международного развития». Размышляя по этому поводу, Кеннеди высказывал мнение, что это позволит ограничиться одним решением конгресса, не запрашивая дополнительно добровольцев для планируемого формирования. Однако Шрайвер и другие советники (активно действовала младшая сестра Джона Юнис — жена Шрайвера) убедили президента, что корпус будет значительно более эффективен,

если станет независимым от каких-либо бюрократических подразделений, находясь непосредственно в ведении Белого дома. В этом предложении супругов Шрайвер активно поддержал вице-президент Линдон Джонсон. В специальном меморандуме опытный в делах конгресса Джонсон напомнил Кеннеди, что законодатели обычно подозрительно относятся к разного рода программам зарубежной помощи, что есть возможность создать независимую структуру, причем как бы «позабыв» испросить санкцию палат. Джон колебался, но после четырехмесячных настояний согласился, в конце концов, с этими аргументами.

Было решено, что в дела Корпуса мира не будет вмешиваться ни одна другая государственная структура. Это было особенно важно, так как за дебатами, связанными с образованием Корпуса мира, внимательно следили чиновники ЦРУ, которые намеревались использовать корпус для своих тайных операций. Кеннеди поручил Шрайверу поговорить с заместителем руководителя ЦРУ Ричардом Хелмсом в том духе, что «там не должно быть никого [из ЦРУ]. А если они уже есть, их следует немедленно выставить»{1000}.

Закон о Корпусе мира был принят по представлению президента 22 сентября 1961 года. Вот как формулировались его задачи на бюрократическо-юридическом языке документа: «Продвигать мир во всем мире и дружбу при посредстве Корпуса мира, который должен направлять в заинтересованные страны и территории мужчин и женщин из Соединенных Штатов, достаточно квалифицированных для службы за рубежом и готовых служить при необходимости в затруднительных условиях, чтобы помочь людям этих стран и территорий в обеспечении их нужд в обученном персонале»{1001}. Директором Корпуса мира был назначен Сарджент Шрайвер, который занимал эту должность до 1966 года.

К середине 1963 года численность добровольцев, принявших участие в новой структуре, составила 1500 человек. Разумеется, это была лишь крохотная группа людей, которая неизбежно растворилась вскоре по одному или по несколько человек в африканских и азиатских джунглях и, стало быть, носила в какой-то мере пропагандистский, а в какой-то показной характер в лучшем смысле этого слова. Умудренный опытом и не лезший за словом в карман глава правительства Индии Джавахарлал Неру в ответ на вопрос Кеннеди, заданный, когда Неру находился с визитом в США: «Что вы думаете о Корпусе мира?» — произнес: «Хорошая мысль. Думаю, молодые американцы из обеспеченных семей смогут чему-то научиться у индийских крестьян»{1002}.

Но это была лишь одна сторона дела. Другая заключалась в

том, что, воспитывая самих себя, члены Корпуса мира должны были нести в мировые захолустья навыки культурного быта, сочетаемые с чувством дружелюбия и самоотдачей. В исполнительном распоряжении президента по поводу создания этого формирования говорилось: «Они будут жить на том же уровне материального обеспечения, что и жители тех стран, в которые их пошлют; будут выполнять такую же работу, есть такую же пищу, говорить на том же языке». Однако при этом им следовало своим примером и ненавязчивым советом учить людей правильно обрабатывать землю, осуществлять элементарные строительные и другие подобные работы, соблюдать личную гигиену, овладевать английским языком.

Корпус мира направлял добровольцев в различные страны мира (всего им было охвачено более семидесяти стран), чтобы сотрудничать с правительственными учреждениями, школами, неправительственными организациями и предпринимателями в области образования, предпринимательства, информационных технологий, сельского хозяйства и экологии. Члены Корпуса мира чувствовали, что они действуют как посланцы президента, как своего рода носители его воли. Один из волонтеров, работавший в африканской глубинке, писал вскоре после гибели Джона Кеннеди: «Все мы здесь чувствовали особую с ним связь. Большинство из нас считало, что мы работаем на него, и мы называли его Джеком, как будто он был добровольцем Корпуса мира»[{1003}].

Намечая новые пути взаимоотношений со странами, выходившими из-под колониальной опеки, неразрывно связанной с репрессиями против непокорных, Кеннеди и его советники отлично понимали, что кровавые конфликты в том или ином регионе неизбежны, что Соединенным Штатам Америки, хотят их руководители этого или нет, придется в них вмешиваться, если они стремятся сохранить присутствие своей великой державы в различных уголках земли.

Поэтому, наряду с Корпусом мира, вынашивалась идея создания еще одной организации, на этот раз отнюдь не мирной. Не случайно одной из первых задач в намеченном президентом плане непосредственно после инаугурации значилось создание «специальных сил» из трех тысяч хорошо подготовленных, во всех отношениях вымуштрованных, жестко дисциплинированных и в то же время прекрасно оплачиваемых бойцов «для ведения нетрадиционных военных операций карательно-репрессивной борьбы с движениями повстанцев». Это были те силы, которые на современном лексиконе получили название «спецназ». Их формирование было другой стороной той медали, которая

должна была украсить облик участников Корпуса мира.

Кеннеди многократно обращал внимание военачальников и тех чиновников, которые отвечали за заказы военной техники и оборудования у предприятий военно-промышленного комплекса, на необходимость разработки и внедрения новых типов вооружения для частей, ведущих антипартизанские действия. Хотя он был человеком глубоко штатским (недолгий военно-морской опыт на Тихом океане в низшем офицерском звании, разумеется, не превратил его в человека, мыслящего «по-военному»), президент стремился показать пример своим подчиненным, демонстративно проверяя разные мелочи подготовки антипартизанских операций. Этим он направлял внимание военных, чиновников и промышленников на необходимость предельно серьезно отнестись к этому новому для американских вооруженных сил делу. Кеннеди присутствовал при испытаниях новых образцов стрелкового оружия, специально предназначенного для действий в малопроходимой местности, примерял обувь, изготовленную для солдат, действовавших в джунглях, совершал рейсы на вертолетах новых моделей, способных высаживать малые группы хорошо обученных и готовых на всё бойцов чуть ли не на верхушки деревьев.

В своих симпатиях к войскам специального назначения с президентом соперничал его младший брат. По его инициативе для них была создана особая форма одежды, главным отличительным признаком которой был головной убор — зеленый берет. Этот головной убор, правда, впервые стали носить еще в начале 1950-х годов, но тогда военное командование сочло это «вольностью», нарушением дисциплины. И только в начале 1960-х годов зеленые береты были окончательно узаконены. Произошло это следующим образом. Во время визита Кеннеди на военную базу в Форт-Брэгг, где проходили подготовку спецназовцы, их командир бригадный генерал Уильям Ярборо появился на торжественном марше перед президентом в берете, что взбесило его командиров. Спас Ярборо от наказания сам Кеннеди— узнав о скандале, он заявил, что берет великолепен, а через несколько дней утвердил его в качестве головного убора сил спецназначения. Так стали называть и бойцов спецподразделений — «зеленые береты», а сами бойцы часто именовали себя «стрелками Кеннеди»{1004}.

Свое понимание сущности и задач подразделений особого назначения Джон Кеннеди изложил в выступлении перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте в июне 1962 года. По его словам, современные войны становятся войнами диверсий и засад, инфильтраций и партизанщины. Именно

такими методами действовали рвущиеся к власти социалисты в Африке и Юго-Восточной Азии, именно так пришел к власти на Кубе Фидель Кастро. Кеннеди заявлял, что у США должны быть подразделения, способные вести партизанские и, что еще важнее, антипартизанские действия в любой точке мира{1005}.

«Зеленые береты» должны были не только владеть тактикой диверсий, разведки, антипартизанских и антиповстанческих боевых действий, но также знать иностранные языки и культурные особенности стран, в которых им предстояло действовать. Именно среди «зеленых беретов» появились первые подразделения психологической войны, использующие культурно-психологические особенности и традиции различных народов.

Вначале спецчасти находились в двойном подчинении — формировались на базе армии, но действовали под непосредственным руководством ЦРУ. Это, однако, не устраивало высший генералитет, и вскоре силы спецназначения полностью подчинили Пентагону.

Когда Джон Кеннеди погиб и его хоронили на Арлингтонском воинском кладбище, командир отряда спецназначения майор Ф. Радди возложил на могилу зеленый берет. Такой же берет был им подарен Роберту Кеннеди и стал сувениром, постоянно находившимся на его рабочем столе{1006}.

Однако использование отрядов «зеленых беретов» в боевых условиях при Джоне Кеннеди реально почти не происходило. Было лишь несколько случаев их участия в военных действиях в Южном Вьетнаме. По приказу президента небольшие группы спецназа стали действовать в качестве военных советников и разведчиков-диверсантов в том же Южном Вьетнаме, а также в некоторых странах Африки.

Что же касается Западного полушария, то в годы президентства Кеннеди и после провала операции на Плайя-Хирон США ни разу не прибегали к военному вмешательству в дела государств этого региона (да и военные действия против Кубы, как мы помним, были организованы спецслужбами США, но почти без прямого участия американских военных — за исключением одного воздушного налета).

Основным средством проведения американской политики в Латинской Америке стала программа, получившая название «Союз ради прогресса», рассчитанная на длительное время, которую журналисты окрестили планом Маршалла для Латинской Америки. Цели этого союза Кеннеди выдвинул 13 марта 1961 года в своем выступлении на приеме в Белом доме латиноамериканских дипломатов и группы членов

конгресса{1007}.

В августе 1961 года в городе Пунта-дель-Эсте (Уругвай) состоялось заседание Экономического и социального совета Организации американских государств, на котором были приняты заявление о принципах Союза ради прогресса и его хартия{1008} (здесь же, кстати, из ОАГ была исключена Куба).

Согласно этой программе, предусматривалось в течение ближайших десяти лет предоставление странам Латинской Америки двух миллиардов долларов ежегодно. Из этой суммы 1,1 миллиарда долларов приходилось на правительство США, а остальная доля на частные капиталовложения и займы международных организаций. При ОАГ создавался комитет экспертов, который координировал распределение и расходование предоставляемых сумм.

Оказывая странам Латинской Америки экономическую помощь, налаживая сотрудничество с ними, американский президент исходил из необходимости проведения демократических преобразований в этих странах в рамках открытого, рыночного общества, ликвидации диктаторских режимов. Средства должны были расходоваться в первую очередь на налоговые, земельные и другие реформы, которые способствовали бы созданию значительно большей стабильности в этом весьма неспокойном регионе.

С целью популяризации программы Союза ради прогресса Джон Кеннеди вместе со своей женой в декабре 1961 года совершил поездку в Венесуэлу и Колумбию, где его тепло принимали, выражая благодарность США за экономическую помощь[71]. Еще более демонстративным был визит в Мексику в июне 1962 года, во время которого было выражено полное одобрение проводимых в стране социальных реформ, в частности аграрных преобразований в пользу бедных крестьян{1009}.

Во время визитов в страны Латинской Америки президентская чета столкнулась с лингвистической проблемой, которая имела немаловажный политический оттенок. Как и прочие граждане США, Кеннеди привыкли называть свою страну «Америкой». Но для уха латиноамериканца данные смысловые претензии звучали обидно и даже оскорбительно. Жаклин говорила, что ей не раз приходилось «прикусывать губу», чтобы не произнести недозволенное, точнее сказать, неправильно употребляемое слово в весьма суженном смысле. Необходимо было понять, что жители их страны — это только сравнительно небольшая часть американцев, населяющих обе части континента{1010}.

На пути к разрядке

Примерно к весне — началу лета 1963 года у Кеннеди сложились новые подходы к взаимоотношениям с СССР и странами, находившимися под его эгидой. Президент учитывал уроки событий вокруг Кубы в 1961 и 1962 годах, Берлинский кризис, затянувшуюся военную конфронтацию в Южном Вьетнаме, которая уносила жизни, но не давала решающих преимуществ ни одной стороне, и, главное, становившуюся, по его мнению, всё более бессмысленной гонку стратегических вооружений, создававшую опасность ядерной катастрофы из-за малейшей случайности.

В связи с проблемой накопления ядерного оружия политики, включая Кеннеди, искали, но пока не находили ответы на конкретные вопросы, без понимания которых трудно было вести переговоры о сокращении вооружений. Главными среди них были: какое количество ядерных зарядов достаточно для каждой стороны? Каковы критерии, определяющие эту достаточность? Кто должен принимать решение об этой пресловутой достаточности? Каковы исходные данные, необходимые для принятия такого решения? Насколько надежны эти данные? Не теряют ли перспективы принимающие решения, сталкиваясь с огромным количеством технических деталей? Как преодолеть свойственный военным синдром «мы должны иметь как можно больше зарядов»?

Известный американский журналист Д. Холберстем в книге о вьетнамской войне первым пришел к выводу, что во внешней политике Кеннеди четко выделяются два периода, водоразделом между которыми являлся компромиссный выход из Кубинского ракетного кризиса. На втором этапе Кеннеди поставил под сомнение «некоторые идеи и образы поведения», прежде всего связанные с жесткой конфронтацией с СССР и Китаем{1011}.

Стремление Кеннеди внести позитивные элементы в американскую внешнюю политику не было связано, как это утверждали консервативные пропагандисты, с тем, что он стал симпатизировать СССР. Кеннеди оставался до конца своих дней сторонником системы свободного предпринимательства, открытого общества, контролируемой государством частнособственнической деятельности, решительным противником тоталитаризма. И тем не менее он пришел к выводу о необходимости считаться с реальностями, с военной мощью СССР, который, казалось, не переживал кризис тоталитарной системы, как это на самом деле было, а находился на стадии стабилизации и частичного обновления, связываемого с именем

Н.С. Хрущева.

В беседах с советниками и близкими Джон всё чаще высказывал опасение, что ядерная война может разразиться в результате ошибки, неверного расчета или даже случайности. Он требовал, чтобы его подчиненные прочитали произведшую на него когда-то глубокое впечатление книгу Барбары Тачмэн «Пушки в августе», в которой возникновение Первой мировой войны трактовалось как результат трагического стечения обстоятельств{1012}. Кеннеди высказывал мысль, что распространение ядерного оружия резко увеличивает случайность возникновения войны и одновременно затрудняет достижение международного соглашения о контроле над средствами разрушения невиданной силы. Он выражал несогласие с теми военными, которые полагали, что тактическое ядерное оружие может заменить обычные вооружения. Он пытался убедить их, что «малое» атомное оружие обладает по существу почти всеми пороками «большого», что его боевое применение причинит огромные разрушения, массу жертв среди гражданского населения и повлечет за собой огромный риск эскалации.

Такого рода «крамольные» мысли Кеннеди высказывал не впервые. Они порой проникали еще в его предвыборные выступления, хотя звучали тогда не вполне уверенно. Джон сказал в одной из речей: «Использование малого ядерного оружия может привести ко всё большему применению всё большего ядерного оружия с обеих сторон, и это будет происходить до тех пор, пока не начнется всемирный холокост»{1013}.

Теперь же, умудренный опытом международных кризисов, американский президент решительно ориентировался на накапливание и совершенствование обычных видов вооружений, которые жизненно необходимы для защиты территории страны, но не будут причинять гражданскому населению как США, так и других стран такую огромную угрозу, как ядерное оружие. Кеннеди стремился ориентировать американских военных, правда, не всегда успешно, на строительство стратегии, с опорой прежде всего на авиацию, вооруженную традиционными, но усовершенствованными видами техники{1014}.

Не только в публичных выступлениях, но и в частных беседах с близкими к нему политиками, в частности с М. Банди, Кеннеди не раз говорил, что он никогда не применит первым термоядерное оружие, что превентивная ядерная война рассматривается им как фактическая агрессия{1015}.

Раздумья Джона и его команды, их выводы более или менее четко проявились в речи, которую он произнес 10 июня 1963 года на выпускном вечере в Американском университете в

Вашингтоне, над текстом которой работал длительное время, используя помощь Соренсена, Шлезингера и других помощников. При этом Госдепартамент и руководство ЦРУ оставались в неведении относительно содержания предстоявшего выступления. Оно было беспрецедентным в том отношении, что, во-первых, впервые из уст столь ответственного деятеля прозвучало предостережение о возможной гибели человечества в ядерной войне, и, во-вторых, в речи содержался призыв к осознанию реальных геополитических интересов СССР, с которыми США должны считаться.

Принимая решение о секретности, Кеннеди объяснял ее тем, что ведомства захотят включить в выступление обычные банальности по поводу ядерного превосходства и возможности добиться победы в термоядерной войне, что противоречило самой сути того, что задумал Кеннеди. Он стремился к тому, чтобы конгресс и весь народ Соединенных Штатов были подготовлены к восприятию договора по ядерному оружию, который, как он надеялся, скоро будет подписан. Каков точно будет этот документ, Джон тогда еще не представлял себе четко; предполагалось, однако, что речь в нем пойдет о прекращении ядерных испытаний. Обо всем этом писал Банди Макнамаре на следующий день после выступления, причем на тексте письма лежал некий оттенок вины{1016}.

Выступлению предшествовал обмен письмами между Кеннеди и Хрущевым, связанный с благополучным разрешением Кубинского кризиса. В частности, в письме от 22 ноября 1962 года советский лидер, выразив удовлетворение решением Кеннеди об отмене «карантина» и статуса повышенной боеготовности для Вооруженных сил США (об этом тот сообщил Хрущеву 20 ноября{1017}), в свою очередь выразил уверенность, что «настало время положить конец всем ядерным испытаниям»{1018}. Кеннеди воспринял это предложение весьма позитивно и дал указание немедленно начать соответствующие переговоры между представителями ведомств иностранных дел обоих государств{1019}. Он, однако, предвидел сильную оппозицию этим инициативам в сенате, где сохранялось сильное влияние консервативных элементов из обеих партий, а также в Госдепартаменте. Он провел рад встреч, добился поддержки влиятельных конгрессменов. Именно в этих условиях он и принял решение выступить с принципиальной речью по вопросам американо-советских отношений и судеб мира в ядерную эру.

В мае 1963 года Джон побывал на Гавайских островах, где участвовал в конференции мэров всех городов США, состоявшейся в Гонолулу. Именно на обратном пути в Вашингтон Джон вместе

с Соренсеном завершил работу над текстом речи. А. Шлезингер в своем дневнике уместно отмечал, что «это был нестандартный путь подготовки крупного выступления о внешней политике. Но Государственный департамент и за тысячу лет не подготовил бы такое выступление»{1020}.

Главное внимание в речи было уделено самым общим, принципиальным вопросам войны и мира, почему она и вошла в историю как «речь мира». Кеннеди объявил эти вопросы самыми главными для земного шара.

В выступлении прежде всего содержалась характеристика совершенно новой, невиданной даже в новейшей истории сути возможной войны. Ядерные заряды и бомбы настолько разрушительны, что они не могут сравниться со всей массой средств разрушения, когда-либо использованных людьми, предостерегал оратор. Смертельные частицы — результат обмена ядерными ударами — будут разноситься ветром и водой, проникать в землю и семена во всех уголках земного шара, будут губительны не только для нынешних, но и для будущих поколений.

Во всеуслышание была объявлена бессмысленность термоядерной войны. Именно поэтому выступление было исключительно важным с точки зрения перспектив внешней политики Соединенных Штатов и международных отношений в целом. Президент говорил: «Какой мир я имею в виду? Какого мира мы стараемся добиться? Не Паке Американа, навязанного миру американским оружием. Не мира могилы и не безопасности раба. Я говорю о подлинном мире, который делает жизнь на Земле достойной того, чтобы ее прожить, о том мире, который позволяет людям и государствам развиваться, надеяться и строить лучшую жизнь для своих детей, не о мире исключительно для американцев, а о мире для всех мужчин и женщин, не просто о мире в наше время, а о мире на все времена. Я говорю о мире потому, что у войны появилось новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут содержать крупные и относительно неуязвимые ядерные силы и отказываться от капитуляции без применения этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда единица ядерного оружия содержит в себе взрывную мощь, чуть ли не в десять раз превосходящую ту мощь, которая была применена всеми военно-воздушными силами союзников во Второй мировой войне. Она не имеет никакого смысла в век, когда смертоносные яды, которые образуются во время обмена ядерными ударами, могут быть доставлены ветром, водой, через почву и семена в самые дальние уголки планеты и поразить еще не родившиеся поколения.

Сегодня ежегодные затраты в миллиарды долларов на оружие, приобретаемое для того, чтобы обеспечить уверенность, что мы никогда не будем им пользоваться, крайне необходимы для сохранения мира. Но приобретение таких лежащих втуне запасов оружия, которое пригодно лишь для разрушения, но не для созидания, не является единственным и тем более наиболее эффективным средством обеспечения мира. Поэтому я говорю о мире как о необходимой рациональной цели рационально мыслящего человека. Я отдаю себе отчет в том, что достижение мира потрясает воображение в меньшей степени, чем стремление к войне, и часто к словам человека, добивающегося мира, люди абсолютно не прислушиваются. Но перед нами не стоит более важной задачи».

Президент решительно отверг тезис о неизбежности новой мировой войны. Он говорил: «Мы не должны принимать эту точку зрения. Наши проблемы — это дело человеческих рук, и поэтому они могут быть решены человеком. Нет такой проблемы в судьбах человечества, которая находилась бы за пределами досягаемости разумных существ. Разум и дух человека способны разрешить то, что казалось неразрешимым, и мы надеемся, что они в состоянии снова это осуществить»{1021}.

В то же время в условиях мира безусловно сохраняются разногласия и конфликты интересов, продолжал президент. История, однако, учит, что «вражда между нациями, как и между личностями, не существует всегда. Какими бы прочными ни казались симпатии и антипатии, волны времени и событий часто приводят к удивительным изменениям во взаимоотношениях между нациями и соседями». Из этого Кеннеди делал вывод, что американцы должны несколько изменить свое отношение к СССР. Конечно, оговаривался он, «было бы разочарованием думать, что их руководители действительно верят в то, что пишут их пропагандисты». Тем самым проблема взаимоотношений с СССР переводилась из идеологической в геополитическую плоскость, в сферу реальных, а не абстрактно-догматических интересов двух крупнейших ядерных держав. По справедливому мнению А. Шлезингера, Кеннеди рассматривал холодную войну как геополитический комплекс в отличие от тех, кто видел в ней «священную войну» против коммунизма{1022}. И это отчетливо проявилось в рассматриваемом выступлении.

В речи содержалась позитивная оценка достижений народов СССР в науке и культуре, высоко оценивался подвиг граждан страны во Второй мировой войне. «Мы не закрываем глаза на наши различия, но мы должны также подчеркивать наши общие интересы. Ведь в конечном итоге наше главное общее состоит в

том, что все мы живем на этой маленькой планете, дышим тем же самым воздухом, заботимся о будущем своих детей. И все мы смертны».

Президент завершил речь двумя важными сообщениями: о том, что, как он надеется, США, Великобритания и СССР проведут в ближайшее время переговоры о ядерном оружии с наиболее вероятной перспективой запрещения его испытаний, и о том, что в преддверии этого США не будут проводить ядерных испытаний в атмосфере, если и другие страны будут придерживаться того же. Он добавил в заключение, перефразируя слова У. Черчилля: «Соединенные Штаты внесут свой вклад в строительство всеобщего мира, в котором слабые находятся в безопасности, а сильные справедливы. Мы отнюдь не беспомощны перед выполнением этой задачи и не сомневаемся в ее успехе. Уверенно и безбоязненно мы работаем над тем, чтобы восторжествовала не стратегия уничтожения, а стратегия мира»{1023}.

Естественно, в США отклики на эту знаменательную речь были различными. Хотя посыпались нападки из среды крайне консервативных кругов, позицию президента приветствовало подавляющее большинство американцев. Роберт Кеннеди писал в предисловии к мемориальному сборнику, посвященному этому выступлению, что именно оно стало первым шагом к смягчению международной напряженности{1024}.

Речь Джона Кеннеди была высоко оценена во всем мире. Разумеется, и за рубежом появились реплики по поводу того, что американский президент намерен капитулировать перед коммунизмом. Однако ответственные государственные деятели Запада, прежде всего главы правительств, встретили ее с одобрением.

Конечно, в данном конкретном варианте особенно важной была реакция Москвы. Согласно докладам, которые получал Кеннеди, Хрущев назвал его выступление «самой лучшей речью американского президента со времени Рузвельта». Согласно докладам, полученным в Белом доме, по распоряжению Хрущева во время передачи выступления Кеннеди (разумеется, повторном, так как выступление в оригинале не передавалось по телевидению и радио, да и его содержание в СССР трудно было предвидеть) были отключены советские «глушилки», которые крайне затрудняли гражданам СССР слушать «вражеские голоса». Вслед за этим полный текст выступления без критических комментариев был опубликован в «Правде». Британский посол в Москве Х. Тревельян сообщал, что «советские руководители впервые рассматривали Кеннеди как лицо, которое действительно работает в пользу разрядки и с которым они могут иметь

дело»[1025].

Такой настрой отразился и на воспоминаниях Хрущева. Он писал: «Из всех президентов США, с которыми я как-то сталкивался, он был умнейшим» (здесь стоит оговориться, что, кроме Кеннеди, Хрущев сталкивался только с Эйзенхауэром).

И далее: «Джон Кеннеди правильно понимал расстановку сил в мире, умел правильно разбираться в этой арифметике»[1026].

А вот что вспоминал А.И. Аджубей, зять Н.С. Хрущева, являвшийся в то время, напомним, главным редактором московских «Известий»: «Речь Кеннеди в Американском университете — а по свидетельству близких ему людей, он серьезно готовился к ней — была искренней. Президент призывал по-новому взглянуть на Советский Союз, на “холодную войну”, понять, что мы все живем на одной небольшой планете, дышим одним воздухом, заботимся о будущем наших детей, что все мы смертны. Он призывал понять простую истину: всеобщий мир не требует, чтобы каждый человек любил своего соседа, а только чтобы они жили во взаимной терпимости, вынося разногласия на обсуждение для справедливого мирного решения»[1027]. Сказанное Аджубеем безусловно отражало строй мыслей главного в то время советского лидера.

Контекст речи в Американском университете был однозначен — из нее следовал призыв к прекращению холодной войны и решению проблемы сокращения вооружений.

Последствия этой знаменательной речи не замедлили сказаться. Инициатива президента США встретила положительный отклик у советского руководства, которое всё более ощущало тяжкий груз гонки вооружений. В окружении Хрущева более или менее трезвые головы, а за ними и он сам постепенно осознавали, что в условиях значительно более высокой производительности труда в американской военной промышленности и в экономике в целом советская гонка вооружений становится всё более затратной, отвлекает огромные средства от производства в невоенных отраслях, неизбежно влечет за собой всё большее отставание СССР от США в хозяйственном и социальном отношениях.

В то же время двойственность внешнеполитических ориентиров Джона Кеннеди вполне ощутимо проявилась во время его последнего визита в Европу летом 1963 года. Этот визит начался 23 июня. Кеннеди впервые летел через океан на новом военно-пассажирском самолете «Боинг-747», который вслед за предыдущими президентскими самолетами еще со времен Франклина Рузвельта именовали «№ 1 Американских военно-воздушных сил». Скорость самолета — 500 миль (свыше 800

километров) в час — была такова, что полет через океан занимал немногим более шести часов. Расстояния сместились, континенты стали ближе друг к другу, а вместе с тем в огромной степени выросла и угроза гибели всего человечества. Это Джон Кеннеди особенно остро почувствовал во время ставшего теперь кратким перелета в Европу.

В рамках этой поездки Кеннеди посетил Ирландию, где встретился с дальними родственниками, и Великобританию. Но главной страной его визита являлась Германия, ставшая воплощением раскола мира на две системы. Свой визит он демонстративно начал не со столицы Федеративной Республики Бонна, а с Западного Берлина, который удалось сохранить за западным миром, не допустив его присоединения к Восточной Германии. Кеннеди говорил своим спутникам, что реакция встречавшей толпы была такова, что он чувствовал — если бы он призвал ее идти на штурм Берлинской стены вслед за ним, она тотчас бы подчинилась порыву{1028}. Кеннеди не формулировал это ощущение как синдром толпы, но это был именно тот зловещий синдром, которому он и сам в иные моменты поддавался. Во время встреч его подчас попросту заносило, и он произносил слова и лозунги, которые не были ему свойственны, даже противоречили складу его компромиссного ума, отвергавшего крайности. В этом смысле заслуживает быть процитированной его ключевая речь в Западном Берлине, которую он произнес 26 июня перед Берлинской стеной, возле Бранденбургских ворот. Американский президент специально распорядился поставить временную трибуну у того самого «чекпойнта Чарли» (контрольно-пропускного пункта), который являлся основной точкой, продолжавшей еще связывать обе части Берлина.

И апологеты, и враги единодушно сходились во мнении, что эта речь была чисто демагогической, рассчитанной на эмоции слушателей, но не на их разум{1029}.

Джон начал говорить через несколько минут после того, как он постоял возле стены, вглядываясь в пустые соседние улицы Восточного Берлина.

Американский президент вещал: «В мире есть много людей, которые не понимают или говорят, что не понимают, что существуют большие проблемы между свободным миром и коммунистическим. Пусть они приедут в Берлин. Есть люди, которые говорят, что коммунизм имеет будущее. Пусть они приедут в Берлин. И есть такие, которые говорят, что в Европе и в других частях мира мы можем работать с коммунистами. Пусть они приедут в Берлин. И есть даже немного таких, кто говорит,

что коммунизм действительно злодейская система, но она позволяет добиваться экономического прогресса. Пусть они приедут в Берлин. Свобода сталкивается со многими трудностями, а демократия несовершенна, но мы никогда не воздвигали стену, чтобы держать своих людей в ее пределах, чтобы не давать им [возможности] уехать. *Все свободные люди, где бы они ни жили, — это граждане Берлина и поэтому они свободны.* Я с гордостью говорю слова: *Я берлинец*»{1030}. Первое из выделенных предложений было сказано сначала по-немецки, а затем по-английски, а второе — только по-немецки.

Любой читатель легко найдет в этом небольшом тексте массу противоречий и преувеличений. Эта речь была явно спонтанной, произнесенной без подготовки. Но слушателей она просто заворожила. Двухдневное пребывание в Западном Берлине оказалось для американского президента триумфальным.

Такого рода заявления, массированно используемые пропагандистским арсеналом стран советского блока как доказательство агрессивности Соединенных Штатов Америки, вызывали у самого Джона чувство досады, требовали разного рода разъяснений по дипломатическим каналам и в прессе, доказывающих миролюбие президента и его государства.

Со своей стороны в «мирное наступление» отправился советский лидер. Посетив Берлин (разумеется, Восточный) вслед за визитом Кеннеди в Западный, Хрущев огласил то, о чем он за несколько месяцев перед этим писал Кеннеди: выступил с предложением заключить договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах: в атмосфере, космосе и под водой, оставляя возможность проведения только подземных испытаний.

Теперь советский лидер настаивал на переводе переговоров в практическую сферу, убеждая своего адресата, что такой договор явится не только подарком для всего человечества, но и будет взаимовыгодным.

По всей видимости, перед Хрущевым стояли три задачи — повысить авторитет СССР как страны миролюбивой, прежде всего в глазах лидеров стран третьего мира; максимально понизить влияние США и их президента, особенно после его восторженного приема в Германии, сопровождавшего не совсем удачные выступления и предотвратить рывок Китая к ядерному оружию в случае присоединения КНР к планируемому договору. Впрочем, на последнее надежды было немного. Но единство держав, владевших ядерным оружием, должно было оказать на Китай безусловное политическое воздействие.

Такой договор был очень важен и для Кеннеди не только по

общегуманным соображениям, но и с точки зрения постепенно приближавшихся президентских выборов 1964 года, на которых он, разумеется, собирался добиться переизбрания, причем с большим отрывом от соперника — не так, как это произошло в 1960 году, когда его победа над Никсоном была минимальной.

Джону докладывали, как широко после Кубинского кризиса в стране развертывается движение за ядерное разоружение, основным содержанием которого становилось осознание бессмысленности гонки и возможности возникновения ядерной войны по чистой случайности. На стол президента лег фантастический по форме, но скорее апокалипсический по содержанию роман Ю. Бёрдика и Х. Уилера «Устойчивость к отказу»[72]. Сюжет произведения был незамысловатым. Происходит то, что невозможно себе представить даже в страшном сне. Электронно-вычислительная машина военного ведомства США дала сбой, и пилоты бомбардировщиков с ядерным оружием на борту получили автоматическую команду атаковать Москву. По специальному предписанию командиры экипажей после получения страшного приказа не имеют права входить в радиоконтакт: их задача выполнить миссию любой ценой. Изменить приказ может только президент США. У президента в запасе есть считаные минуты, чтобы попытаться предотвратить надвигающийся всемирный кошмар. Чтобы избежать удара возмездия по всей стране, он отдает приказ повернуть самолеты на Нью-Йорк.

Роман прочитала только небольшая часть образованной публики. Но в дело вступило самое массовое из искусств, да еще в руках такого мастера, каким был молодой, но уже прославленный Стэнли Кубрик. Он быстро создал и выпустил на экраны сатирический фильм ужасов под названием «Доктор Стрэйнджлав, или Как я перестал волноваться и полюбил бомбу» (Стрэйнджлав означает «странная любовь»).

В этом фильме ужасов в свою очередь сошедший с ума генерал по имени Джек Риппер (эту фамилию можно перевести как «Потрошитель») наносит ядерный удар по СССР. В центре фильма следующий эпизод. Американский президент Маффли связывается по «горячей линии» с главой правительства СССР (посол СССР, выступавший посредником, на ломаном русском языке называет его «товарищ председатель») Дмитрием Кисовым и, обменявшись любезностями, сообщает о «небольшой неприятности» с ядерной атакой. Поскольку Маффли не в состоянии отозвать собственные самолеты, он передаст советскому коллеге всю необходимую информацию, чтобы сбить их. Премьер СССР, находящийся в нетрезвом состоянии, отвечает,

что этот вопрос «не к нему», а к командованию военно-воздушных сил, находящемуся почему-то в Омске. Фильм завершается всеобщей ядерной катастрофой: взрывы гремят по всему миру под мелодию песенки времен Второй мировой войны «Мы встретимся снова».

Хотя фильм, снятый в 1963 году, вышел на экраны для массового просмотра только в следующем году, его рекламные кадры показывали по всей стране, и можно не сомневаться, что Кеннеди смотрел их и по ним также судил об общественных настроениях.

По команде Кеннеди и Хрущева резко активизировались переговоры в Женеве по вопросам сокращения вооружений, за которыми внимательно следили оба лидера, что обеспечило быстрый успех. В качестве завершающего аккорда Кеннеди пригласил к себе именитого старца А. Гарримана, который являлся послом в Москве во время Второй мировой войны и теперь был послом для особых поручений и заместителем госсекретаря. Кеннеди вновь отправил его в Женеву для скорейшего завершения выработки договора. «Добудьте мне соглашение во что бы то ни стало и возвращайтесь домой», — напутствовал он убеленного сединами джентльмена{1031}. Сам факт участия Гарримана в переговорах на заключительной стадии свидетельствовал о серьезнейших намерениях американской стороны заключить договор о прекращении ядерных испытаний.

Со временем Джон Кеннеди, получавший из различных источников информацию о том, к чему может привести ядерная война, всё более убеждался в катастрофическом характере боевого применения этого оружия для всего мира, включая Соединенные Штаты. Он говорил, что в случае возникновения такой войны «лучше быть среди мертвых, чем остаться среди живых». Л. Лемнитцер вспоминал, что мысли президента отягощало сознание, что от него может потребоваться «принять решение о нанесении удара возмездия внезапно, без каких-либо консультаций»{1032}.

По распоряжению Кеннеди на всех ракетах, способных нести ядерное оружие, и на самих ядерных зарядах были установлены по несколько электронных замков, предотвращавших их использование, не санкционированное лично президентом. Более того, по его же распоряжению была допущена «случайная» утечка информации о технологии этих блокирующих сооружений, с тем чтобы в СССР могли быть установлены такие же предохранительные системы{1033}.

Осознание сокрушительной катастрофичности ядерной войны начинало давать результаты.

Действительно, во второй половине июля 1963 года представители США, Великобритании и СССР согласовали, наконец, текст договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах — на земле, в воздухе и под водой. Договор был подписан в Москве 5 августа представителями трех держав (от США договор подписал посол президента по особым поручениям Гарриман, но в присутствии госсекретаря Раска). Хотя его не поддержали две страны, владевшие к этому времени ядерным оружием, — Китай и Франция, это было важнейшее достижение дипломатии хотя бы в силу того, что договор был первым документом, связанным с ограничением вооружений и открывал путь к подписанию новых соглашений{1034}.

Вскоре было подписано еще одно важное соглашение — об отказе от вывода на космическую орбиту любых объектов, имеющих ядерное оружие на борту. Оно было оформлено как резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 октября 1963 года, которая была принята единодушно.

Стороны договорились об установлении прямой связи между Белым домом и Кремлем, что давало возможность не только обсуждать по прямому проводу текущие проблемы взаимоотношений, но и устанавливать немедленный контакт в случае возникновения кризисных ситуаций. Сама идея «горячей линии» принадлежала Кеннеди. Он предложил ее Хрущеву, который с готовностью принял эту идею{1035}. В СССР соответствующего радио и телефонного оборудования не было, и по взаимной договоренности между Хрущевым и Кеннеди вслед за самолетом Раска и Гарримана, отправившихся в Москву для подписания договора, туда же прибыл американский военно-транспортный самолет, доставивший несколько тонн необходимых технических материалов, которые в течение следующих дней смонтировали в качестве оборудования «горячей линии» американские специалисты.

Но подписать договор — это еще полдела. Необходимо было добиться его ратификации в сенате, да еще квалифицированным большинством, то есть двумя третями голосов. Для этого требовалась поддержка по крайней мере части фракции оппозиционной Республиканской партии. Ее лидер Эверетт Дирксен занимал позицию неопределенную, явно ожидая каких-то обязательств со стороны президента. Пришлось вспомнить, как это утверждают многие авторы, старые счета. Вроде бы Роберт Кеннеди то ли позвонил Дирксену, то ли встретился с ним и напомнил о деле бывшего руководителя администрации Эйзенхауэра по поводу уклонения от уплаты налогов с полученных подарков, не закрытом, но отложенном

министерством юстиции. Дело было в общем пустячное, но его раскручивание могло причинить ущерб и репутации отставного президента-генерала, и республиканцам вообще. В беседе с Дирксеном Роберт предложил сделку: республиканцы поддержат договор (да еще уговорят Эйзенхауэра выступить с его одобрением), а министерство замнет скандал. На том и порешили{1036}. В результате сенат проголосовал за договор в сентябре, 19 октября его подписал президент. Первый договор, связанный с ограничением ядерных вооружений, вступил в силу.

Разумеется, Кеннеди тревожил факт, что две державы — Франция и Китай — договор о запрещении ядерных испытаний не подписали. Кеннеди сознавал, что французское ядерное оружие не представляет ощутимой опасности для всеобщего мира в реальных условиях, поскольку контролируется ответственными государственными деятелями, а Франция остается в составе НАТО, хотя и прекратила участие в его военной организации. Несравненно больше его тревожил факт создания оружия массового уничтожения в Китае. Несмотря на догматический настрой лидеров КНР, прежде всего Мао Цзэдуна, которые не раз заявляли о готовности применить ядерное оружие или, значительно чаще, о желании, чтобы это было сделано Советским Союзом, американский президент рассчитывал на достижение некого решения. В чем оно будет состоять, Джон, однако, не представлял себе сколько-нибудь четко. С одной стороны, он не исключал возможности переговоров с КНР, правда, откладывая это на свой второй президентский срок, если он состоится{1037}. С другой стороны, американским президентом с удовлетворением воспринимались поступавшие по различным каналам сведения об ухудшении советско-китайских отношений. Уже в январе 1963 года ЦРУ направило ему доклад, в котором приводились факты, свидетельствовавшие о наступлении кризиса в отношениях между двумя крупнейшими коммунистическими державами. «Раскол уже произошел, — сообщало разведывательное ведомство. — СССР и Китай являются ныне двумя совершенно различными силами, чьи интересы находятся в состоянии конфликта почти по всем важным проблемам»{1038}.

Президент очень серьезно воспринимал воинственные заявления председателя Мао Цзэдуна по поводу всемирной революции путем развязывания ядерной войны. В Белом доме хорошо были известны его заявления на этот счет, например, слова по поводу гибели миллионов людей в термоядерной войне, сказанные Мао на второй сессии VIII съезда компартии Китая 17 мая 1958 года. «Во время Второй мировой войны Советский Союз потерял 20 миллионов человек, да другие европейские страны

потеряли 10 миллионов человек. Итого потеряно 30 миллионов человек. После танских и минских императоров войны велись мечами, и во время этих войн было убито 40 миллионов человек. Если во время войны погибнет половина человечества, это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть населения. Через сколько-то лет население снова увеличится. Я говорил об этом [Джавахарлару Неру]. Он не поверил. Если действительно разразится атомная война, не так уж это плохо, в итоге погибнет капитализм и на земле воцарится вечный мир»{1039}.

Кеннеди делился с французским писателем Андре Мальро, являвшимся в то время министром культуры правительства де Голля (Мальро считался специалистом по Китаю — перед Второй мировой войной он написал два романа о революционном движении в этой стране «Завоеватели» и «Удел человеческий»): «Это — огромная угроза будущему человечества. Китайцы готовы принести в жертву своей политике войны и агрессии сотни миллионов человеческих жизней». В нашем распоряжении нет данных о том, как реагировал знаток Китая на это опасение. Можно полагать, что он в какой-то степени успокоил собеседника. Косвенно об этом можно судить по воспоминаниям Жаклин Кеннеди, которая называла Мальро «самым замечательным человеком, с которым мне когда-либо приходилось разговаривать» (об этом мы уже писали выше). Любитель острого и циничного слова, Кеннеди с удовольствием знакомился с политическими афоризмами Мальро, например, с таким: «Только победители могут решать, в чем состоят военные преступления». После Второй мировой войны прошло уже почти два десятилетия, и подобные слова не воспринимались уже как святотатственные… Впрочем, в основном беседа Кеннеди с Мальро касалась американо-французских отношений и выхода де Голля из военной организации НАТО{1040}.

В этих условиях мысль и рассуждения Кеннеди иногда выходили за пределы реальности. Несколько раз он даже высказывался, разумеется, в кругу приближенных, что с СССР можно договориться о совместных военных действиях по уничтожению китайских объектов размещения ядерного оружия. Об этом вспоминал Т. Соренсен: «Он беспокоился по поводу того, что самая большая нация мира, находящаяся под сталинистским воинственным руководством, которая смогла овладеть ядерным оружием, в прошлом привыкла господствовать над большинством соседних слабых наций». Идеально было бы, рассуждал он, чтобы над территорией Китая появились самолеты без опознавательных знаков и уничтожили ядерные устройства. «У них только несколько таких устройств, и мы могли бы это сделать. Или это

мог бы сделать Советский Союз»[1041].

Разумеется, то были пустые разговоры. Никаких реальных планов, тем более инструкций у Кеннеди не возникло. Но к рассуждениям на эту тему президент возвращался вновь и вновь. Он даже поручил Гарриману во время переговоров в Москве по поводу запрещения ядерных испытаний поговорить на предмет атаки китайских ядерных объектов с советскими лидерами. Опытный и осторожный дипломат сказал что-то Хрущеву в весьма завуалированной форме, на что советский премьер не прореагировал[1042].

Среди американских военных также обсуждался вариант нанесения по Китаю превентивного ядерного удара, прежде чем китайская мощь достигнет такой силы, что с ней будет невозможно справиться одним махом. Однако в конце концов Джон стал на более рациональную точку зрения. Он стремился остудить горячие головы. Постепенно, понимая, что речь идет о китайской пропагандистской риторике, американские лидеры сочли, что лучше всего просто не обращать на нее существенного внимания.

Если намерение нанести удар по Китаю так и осталось мертворожденным, будучи плодом нервного возбуждения, что осознавал сам Кеннеди, ибо никаких конкретных действий за ним не следовало, то договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах оказался внушительной реальностью.

Стали более активно обсуждаться и другие возможные меры по ограничению гонки вооружений. Учитывая внутреннюю аргументацию и то, что сокращение вооружений приведет к резкому уменьшению военных заказов, спаду производства и массовой безработице, Кеннеди образовал специальную группу для подготовки предложений по реконверсии военной промышленности, ее переводу на производство продукции гражданского спроса.

Явным проявлением начавшейся нормализации взаимоотношений между США и СССР было решение Кеннеди санкционировать продажу Советскому Союзу крупной партии зерна. Белый дом объявил об этом в октябре 1963 года, несмотря на то, что вице-президент придерживался другого мнения и высказал свою особую позицию единственный раз за всё время пребывания этой администрации у власти. Кеннеди же имел свою точку зрения: продажа зерна, говорил он, станет признаком того, что «более спокойный мир не только возможен, но и всем нам выгоден»[1043].

Разумеется, ослабление холодной войны никак не означало ликвидации подозрительного отношения друг к другу,

стремления переиграть, оставить соперника позади. Но, собственно говоря, именно в этом и заключалось соревнование двух систем, в котором советский тоталитаризм, находившийся после смерти Сталина в состоянии кризиса, постепенно сдавал позиции, ибо не мог в условиях научно-технической революции угнаться за американским разносторонним прогрессом, в частности в области военно-промышленного комплекса и новейших технологий в современных отраслях.

Немалую роль играли и операции тайных служб, главные результаты которых Кеннеди исправно докладывались. В отдельных случаях наибольшие достижения преподносились президенту в театрализованной форме. Таким был случай с Олегом Владимировичем Пеньковским, самым крупным агентом, завербованным британскими и американскими разведывательными службами, который работал в советском Государственном комитете по координации научно-исследовательских работ. На самом деле Пеньковский являлся полковником Главного разведывательного управления Советской армии, к тому же тесно связанным с высокими военными кругами (его отец и тесть были генералами, причем тесть являлся начальником политуправления Московского военного округа). Пеньковскому покровительствовал командующий артиллерией генерал-полковник С.С. Варенцов.

Всё это помогло разведчику собрать и передать западным «работодателям» огромную и ценную информацию — поданным судебного процесса над Пеньковским (он был арестован 22 октября 1962 года, на пике Кубинского кризиса), с апреля 1961-го по осень 1962 года он отснял и передал потенциальному противнику 110 кассет фотопленки — более пяти тысяч снимков документации, более 7,5 тысячи страниц секретнейших материалов. Американский журналист Томас Пауэрс, занимавшийся историей ЦРУ, считал Пеньковского «самым лучшим из когда-либо завербованных в России агентов ЦРУ», в частности снабдившим США данными о параметрах советских ракет различных типов{1044}. Военные эксперты НАТО, подчеркивая вклад «Алекса» (кодовое имя шпиона) в укрепление обороноспособности своего блока, сообщили: полученная от него информация привела к кардинальному переосмыслению всей стратегии НАТО в Европе и ее пересмотру. Ряд западных авторов связывают имя Пеньковского с ракетным кризисом вокруг Кубы в 1962 году, имея в виду, что он передал убедительную информацию, что советское руководство не пойдет на развязывание термоядерной войны{1045}.

В 1961 году, во время командировки в Лондон, Пеньковскому

сообщили, что ему присвоено звание полковника британских вооруженных сил. Вслед за этим такую же акцию осуществили американцы. Более того, был организован перелет Пеньковского в Вашингтон, где его принял Кеннеди, который с серьезным лицом заявил полковнику трех армий: «Из того, что мне известно об обстановке в Советском Союзе, я хорошо знаю о том, что вы сделали для дела мира, не только для Запада, но и для вашего народа. Если бы было возможно рассказать всем о том, что вы сделали, ваше имя прозвучало бы на весь мир. Мы не желаем зла русскому народу, а заботимся только о мире на земле»{1046}. Всё путешествие заняло 18 часов. Не ожидая ареста, Пеньковский, пожимавший руку американскому президенту, чувствовал себя на верху блаженства, а сам президент, вероятно, после этого хорошо помыл руки…[73]

Дело Пеньковского, разумеется, лишь незначительно заинтересовало Кеннеди, главным образом своей авантюрно-шпионской стороной. В целом он гордился тем, что сдвинул с мертвой точки проблему гонки вооружений, стал родоначальником разрядки во взаимоотношениях с СССР.

Глава 6.
ПРОБЛЕМЫ ЧЕРНЫХ АМЕРИКАНЦЕВ

На пути к уравниванию прав и возможностей

При том огромном внимании, которое Джону Кеннеди приходилось уделять международным делам, при преобладающем интересе президента к мировым проблемам, ему волей-неволей приходилось вновь и вновь обращаться к тому, что будоражило умы и сердца соотечественников. А в области внутренней политики Соединенные Штаты далеко не всегда оказывались на том самом передовом рубеже демократии и народовластия, которыми так гордились американцы. Гордились, однако, далеко не все. Более того, огромная часть населения считала себя неравноправной и угнетенной. А зарубежная антиамериканская, в первую очередь советская, пропаганда буквально под микроскопом рассматривала все факты, которые можно было представить как свидетельства не просто несовершенства, а порочности американского образа жизни, социально-политического строя США. Речь шла о сохранявшемся фактическом неравноправии чернокожих.

Годы президентства Кеннеди явились важнейшим рубежом в борьбе афроамериканского населения США за гражданские права, вступившей в заключительную стадию.

До прихода к высшей власти Джон очень слабо представлял себе положение негритянского населения. Он признавался знакомым: «Я не знаю, что представляют собой негры. Никогда я с ними не общался».

Вряд ли это заявление соответствовало истине в полной мере. Кеннеди, будучи сенатором, непосредственно участвовал в обсуждении и принятии нескольких законодательных актов, которые постепенно переводили вопрос о гражданских правах в плоскость практической политики. В 1957 и 1960 годах по инициативе администрации Эйзенхауэра были приняты два закона о гражданских правах.

Вся беда состояла в том, что негритянские организации требовали всего и немедленно, а консервативная белая Америка тяжело мирилась с тем, что черное население превратится во вполне равноправную, не подвластную им часть общества. В ряде случаев для того, чтобы добиться реализации принятых законов, приходилось обращаться к помощи Верховного суда, где со времен Франклина Рузвельта существовало ощутимое

либеральное большинство. В декабре 1960 года, то есть тогда, когда Кеннеди уже был избран на президентский пост, но еще не приступил к исполнению обязанностей, этот высший судебный орган принял решение, запрещавшее сегрегацию на железнодорожных и автобусных станциях.

В ответ на это решение сразу же возникло движение «Пассажиры свободы», начавшее кампанию по проведению решения в жизнь. То тут, то там возникали столкновения, в дело вмешивалась полиция, как правило, на стороне расистов. Становилось всё более ясным, что осторожность президента, его стремление сохранить хорошие отношения с белым Югом вредят его популярности не только среди цветного населения, но и в среде белых либералов северных и западных штатов.

Исключительно важную роль в том, что дело не дошло до прямых, тем более кровавых расовых столкновений в массовом масштабе, сыграло движение Мартина Лютера Кинга, возглавившего организацию «Конференция христианского руководства на Юге». Эта организация была образована на учредительной конференции в Атланте, штат Джорджия, в 1957 году для борьбы за гражданские права, исходя из христианского учения и основываясь на тактике ненасильственного сопротивления, гражданского неповиновения расизму и сегрегации.

Заняв президентское кресло, Кеннеди проявил себя в качестве решительного, хотя и осмотрительного борца за гражданское равноправие. Считая, что от слов необходимо переходить к делу во исполнение уже существующих законов о расовом равноправии, а также создавать новые законы, которые, частично повторяя существующие, углубили бы их содержание, Джон в то же время остерегался потерять влияние среди белых южан и их голоса, имея в виду, что этот слой граждан в наибольшей степени был заражен расовыми предрассудками, подчас переходившими в ненависть и насилие.

Он начал с того, что поинтересовался, какова доля черных в государственном аппарате, официально запросив все министерства и ведомства. В некоторых случаях он получал правдивые ответы, свидетельствовавшие, что последние там полностью отсутствуют либо составляют незначительную часть. В других случаях ответственные собеседники почти открыто издевались над президентом. Так, престарелый руководитель ФБР Э. Гувер, в ведомстве которого, как вскоре оказалось, не было ни одного негра, на вопрос президента издевательски ответил: «Господин президент, мы не делим наших сотрудников по признакам расовой принадлежности, цвета кожи или же

вероисповедания». Он даже не проинформировал президента, что по его распоряжению за руководителем негритянского движения Кингом установлено тайное наблюдение со стороны его ведомства{1047}.

Президент оказывал давление на законодательные органы и губернаторов штатов, в которых существовали избирательные налоги и предвыборная проверка грамотности, что препятствовало прежде всего регистрации черных избирателей в южных штатах.

В то же время Кеннеди приходилось считаться с антинегритянскими настроениями районов крупных городов и особенно пригородов, жители которых с раздражением встречали любые попытки властей десегрегировать их районы обитания. С явной враждебностью было встречено известие прессы о том, что Кеннеди готовит исполнительное распоряжение о строительстве субсидируемого федерацией и штатами жилья, в котором неимущие жители, прежде всего цветные, могли бы получить более или менее удобное жилье за символическую плату. Агентство общественного мнения Г. Харриса проинформировало Белый дом, что значительная часть городского населения, особенно иммигрантского происхождения, недовольна растущей конкуренцией со стороны негров и полагает, что администрация благодетельствует именно им по политическим, предвыборным соображениям (в 1962 году должны были состояться промежуточные выборы){1048}.

Однако, несмотря на то, что президент стремился всячески избегать открытого вмешательства в конфликты на расовой почве, такие столкновения происходили непрерывно и подчас выливались в кризисные ситуации.

Первый такой кризис возник уже в мае 1961 года, когда группа, состоявшая из шести белых и семи черных активистов борьбы против сегрегации, направилась в нанятом ею автобусе из Вашингтона в Новый Орлеан, минуя ряд южных штатов. Об этом кризисе мы уже упоминали, а теперь рассмотрим его по существу. Назвав себя «пассажирами свободы», эта группа делала широко рекламируемые остановки в крупных городах Юга, демонстративно нарушая обычаи сегрегации (питались в ресторанах для белых, использовали именно те общественные уборные, где была надпись «Только для белых», и т. п.). Несколько штатов группа проехала более или менее благополучно, хотя грубые оскорбления сопровождали ее демарши повсеместно.

Однако, как только «свободные путешественники» въехали в Алабаму, начались опасные столкновения. Возле города Аннистон

в автобус была брошена самодельная бомба, вызвавшая пожар. К счастью, его удалось потушить. В городе Монтгомери на «свободных путешественников» обрушился град камней, бутылок с горючими веществами и другими самодельными средствами нападения.

Правительство было вынуждено вмешаться. С согласия президента министр юстиции Роберт Кеннеди заявил, что в связи с неспособностью властей штата защитить мирных путешественников, обеспечить их конституционное право ездить и выступать там, где им угодно, это право должно быть гарантировано федеральными властями. 21 мая по приказу Роберта в Монтгомери было направлено лично ему подчиненное полицейское подразделение в количестве четырехсот человек. В свою очередь президент, демонстрируя, что министерство юстиции выполняет не только свой долг, но и его распоряжение, заявил: «Я надеюсь, что чиновники штата Алабама и отдельных его районов выполнят свои обязанности. Что же касается правительства США, то оно их безусловно выполнит»{1049}.

Путешественникам удалось покинуть Алабаму без новых столкновений, но в следующем штате Миссисипи они были арестованы и заключены в тюрьму в городе Джексон.

На этот раз попытка вмешательства Роберта Кеннеди привела к неожиданному результату. «Свободные путешественники» отказались покидать тюрьму под прикрытием федеральных сил. Они требовали, чтобы местные власти не только их освободили, но и принесли извинения. В связи с этим состоялось несколько острых телефонных разговоров между Робертом и М.Л. Кингом, организация которого теперь взяла на себя ответственность за весь этот рейд. «Это вопрос сознательности и морали», — заявил Кинг. «Тот факт, что они остаются в тюрьме, не произведет на меня ни малейшего впечатления», — сухо ответил младший Кеннеди, возмущенный тем, что его помощь была отвергнута. «Может быть, поможет, если сюда приедут сотни студентов. — Кинг остановился на секунду и исправил себя: — Сотни тысяч студентов». Звучало это смешно, такая гигантомания пока еще явно не соответствовала реальному положению дел в антисегрегационном движении, но его слова просто взбесили вспыльчивого Роберта. Он еще более резко ответил: «Страна принадлежит вам точно так же, как и мне. Вы можете определять, что лучше для вас, как и я, что лучше для страны, но не пытайтесь угрожать. Если вы будете так себя вести, у вас ничего не получится».

Постепенно обе стороны, однако, смягчили резкость спора и договорились об освобождении заключенных, формально по

решению местных властей, но без их извинений; фактически же произошло это под нажимом министерства юстиции{1050}.

Естественно, все эти действия министра не могли быть осуществлены без ведома и одобрения брата-президента. С первых дней пребывания в Белом доме Джон Кеннеди использовал рычаги исполнительной власти для расширения реальных прав черного населения. В значительной мере его действия носили демонстративный характер, касались частностей, но создавали определенный климат, указывали вектор намерений.

Первая такая акция была предпринята уже через несколько дней после инаугурации. Узнав, что Космос-клуб, в котором он состоял, отказал в членстве только что назначенному черному сотруднику Госдепартамента Карлу Рауэну, Джон объявил о выходе из этого клуба{1051}.

В следующие недели Кеннеди назначил около сорока афроамериканцев (из числа имевших хорошее университетское образование) на ответственные административные посты. Среди них были Роберт Вивер, ставший руководителем Агентства по финансированию строительства жилья, Эндрю Хэтчер, занявший пост заместителя пресс-секретаря Белого дома, Карл Рауэн, направленный в Госдепартамент в качестве помощника заместителя министра по связям с общественностью. На должности судей федерального уровня были в свою очередь назначены пятеро черных. Среди них был Тёргуд Маршалл, ставший уже после гибели Кеннеди первым цветным членом Верховного суда США{1052}. Во всех этих назначениях Кеннеди воспользовался тем, что некоторые афроамериканцы (их было немного), несмотря на дискриминацию, смогли получить превосходное образование в лучших университетах севера страны, где ограничение прав черного населения было значительно меньшим, чем на юге.

Эти действия высоко оценили либеральные круги, выступавшие за предоставление неграм подлинно равных прав или, по крайней мере, за постепенное расширение их гражданских свобод. Президент Гарвардского университета Джеймс Набрит отмечал: «Президент Кеннеди за несколько месяцев сделал больше, чтобы повысить уважение к неграм, чем любой другой президент за всю мою жизнь». Создавалось курьезное положение. Высокообразованных негров, имевших хотя бы какой-то опыт государственной деятельности, было очень мало. Между тем руководители министерств и других федеральных ведомств (за исключением Гувера!) стремились выслужиться перед президентом, требовавшим включения

представителей черного населения в число ответственных государственных чиновников. Рой Вилкинс вспоминал: «Кеннеди был так требователен по отношению к руководителям департаментов, чиновникам кабинета, главам агентств, что каждый из них стремился найти для себя какого-нибудь негра, чтобы президент слез с его шеи»{1053}.

Особенно озабочен был министр юстиции, отлично понимавший, что назначение малокомпетентных лиц на судейские и прочие юридические должности было чревато немалыми опасностями, но в то же время он и в соответствии с требованиями брата-президента, и по собственному убеждению стремился к фактическому уравниванию черных с белыми в своем ведомстве. В мае 1961 года Роберт направил письма деканам сорока пяти школ права, в которых просил рекомендовать на судейские и прокурорские должности наиболее отличившихся черных выпускников, подчеркивая, что в первую очередь необходимо учитывать их способности, честность и трудолюбие. В течение следующих двух лет только в состав его министерства были включены 90 новых сотрудников из числа чернокожих{1054}.

В качестве министра Роберт Кеннеди обращал особое внимание на соблюдение властями избирательных прав черного населения. Это было естественно, так как право голоса закреплялось за всеми гражданами конституцией, и с этим смирились и те южане, у которых сохранялись расовые предрассудки. Отстаивая неуклонное выполнение конституционного требования, Роберт, однако, не упоминал, что это дает немалые дивиденды его партии, так как абсолютное большинство негров голосовало за демократов. Некоторые наиболее умудренные лидеры негритянского движения обнаруживали эту хитрость, добавляя, что министр стремился конституционными мерами «убрать ниггеров[74] с улицы»{1055}.

Даже с исполнительными распоряжениями по вопросу о равных правах президент не торопился. Активисты негритянских организаций чуть ли не ежедневно напоминали ему о неосторожно вырвавшихся у него во время избирательной кампании словах, что он покончит с дискриминацией «одним росчерком пера». Теперь же Кеннеди отрицал, что это были его собственные, спонтанно произнесенные слова, он сварливо обвинял своих сотрудников, то Соренсена, то кого-то еще, что они написали их для какого-то выступления, а сам он необдуманно включил их в текст. Вполне возможно, это так и было. М. О'Брайен, например, полагает, что написана эта злосчастная фраза была Ричардом Гудвином{1056}.

Буквально в муках рождалось первое исполнительное

распоряжение по негритянскому вопросу, касавшееся равных прав на жилье и запрещения дискриминации при государственных и штатных субсидиях на жилые помещения. Даже некоторые либеральные демократы, заседавшие в конгрессе, предупреждали президента, что такое распоряжение нанесет удар по их позициям в избирательных округах. Член палаты представителей Марта Гриффите, избранная в Мичигане, писала Кеннеди через М. О'Брайена: «Ни один конгрессмен-демократ, избранный в городских пригородах, с которыми я говорила, не считает, что существует опасность потери голосов цветных; но каждый из них полагает, что такое распоряжение может стоить им голосов белых»{1057}.

В конце концов вымученное исполнительное распоряжение было подписано 20 ноября 1962 года, то есть тогда, когда соотечественники чуть легче вздохнули после завершения Кубинского ракетного кризиса, да еще накануне расслабляющего Дня благодарения, означающего четыре праздничных дня (два дня собственно праздника, присоединяемых к обычным выходным). Распоряжение относилось только к жилым помещениям, которые в той или иной степени финансировались федерацией или штатами, и распространялось на 20 процентов квартир, находившихся в стадии строительства{1058}. При всей ограниченности и частичности предусмотренных здесь мер оно было немаловажным в том смысле, что определяло направление дальнейшей деятельности высшей администрации в пользу решительной ликвидации дискриминационных традиций в области жилищного строительства и расселения малоимущих.

Против сегрегации — постепенно и осторожно

С огромным трудом в южных штатах преодолевалась дискриминация в учебных заведениях, особенно в университетах. Братьям Кеннеди — президенту и министру юстиции — пришлось непосредственно вмешаться, применить всю силу федеральной власти для защиты интересов одного-единственного человека, когда в начале 1962/63 учебного года на всю страну буквально прогремело дело Джеймса Мередита.

Этот ветеран корейской войны, бывший летчик, получивший несколько наград, осмелился на «невероятное» — он, негр, воспользовался правом бывшего военнослужащего на поступление в университет, минуя конкурсы и собеседования, причем избрал местом будущего обучения университет штата Миссисипи в городке Оле-Мисс, где за всю его историю со времени основания в 1848 году не учился ни один цветной.

Вопреки закону в приеме Мередиту было отказано. Тогда он обратился в суд, который принял решение в пользу бывшего летчика. Дополнительными судебными решениями администрация штата предупреждалась, что в том случае, если она или организованные ею группы частных лиц будут препятствовать приему Мередита в университет, федеративная власть будет вынуждена применить силу для его зачисления{1059}.

С судейскими постановлениями на руках да еще и в сопровождении полицейского пристава, получившего приказ проследить за выполнением вердикта (вместе с ними был и чиновник министерства юстиции с аналогичным распоряжением Роберта Кеннеди), 20 сентября 1962 года Джеймс явился в университет.

Навстречу троице ринулась толпа, подогретая спиртным, полная решимости не допустить черного в святилище белого образования. Толпу дополнительно подогрело заявление судьи штата Миссисипи Уильяма Кокса, что «стая ниггеров действует подобно стае шимпанзе»{1060}.

Более того, у входа в университетское здание оказался и губернатор штата Росс Барнетт, который объявил, что, согласно местной традиции, человек с иным цветом кожи, отличной от белой, в университете учиться не может. Мередиту пришлось отступить{1061}.

На следующий день он опять в сопровождении тех же лиц двинулся к университету, руководство которого было предупреждено от имени президента (Кеннеди позвонил по этому поводу Барнетту, но тот уклонился от прямого ответа), что неподалеку размещен батальон военной полиции, которому отдан приказ, не применяя огнестрельного оружия, но с использованием всей возможной техники подавления бунтов (дубинок, слезоточивого газа, водометов и прочих «прелестей») обеспечить ветерану возможность учиться. Сам же президент выступил по телевидению и радио с заявлением, что «положение находится под контролем». Джон предупредил: хотя и сохраняется напряжение, армия для исполнения законного решения пока не привлекается, но при необходимости это будет сделано{1062}.

Использовать регулярные воинские части не пришлось. Однако прибывший на место действия отряд полиции был вынужден вступить в схватку с толпой, из которой раздалось несколько выстрелов. К утру следующего дня толпа была разогнана. Шесть представителей порядка были ранены, двое хулиганствующих расистов убиты. Правление университета пошло на попятную. 3 октября Джеймс Мередит был зачислен в университет штата Миссисипи{1063}.

Братья Кеннеди, таким образом, добились немаловажной победы, ибо прецедентное право в Америке столь же действенно, как и в Великобритании, в которой оно было рождено. Но главное — южные деятели в полной мере ощутили, что президент Кеннеди намерен вести дело к реальному осуществлению законов и решений о гражданских правах. Постепенно белая американская общественность приучалась к мысли, что черное население страны должно обладать всей полнотой гражданских прав, и в этом немаловажная заслуга принадлежала братьям Кеннеди, что признавалось авторитетной прессой. Влиятельный журналист Дж. Рестон писал в «Нью-Йорк таймс»: «Суть состоит в том, что он (Джон Кеннеди. — *Л. Д., Г. Ч.)* справился с этим делом с большей уверенностью, чем с другими делами»{1064}.

И всё же с некоторыми предрассудками белого Юга приходилось считаться и самому Джону, стремившемуся сохранить здесь свой авторитет, необходимый для будущих выборов. Консерваторы постепенно приучались к тому, что им приходится ездить в одних поездах с черными и что их дети сидят в одних аудиториях с негритянскими студентами. Но смешение кровей они никак не могли перенести.

О том, что Кеннеди вынужден был это учитывать, свидетельствовал эпизод, происшедший через полгода после дела Мередита, когда 12 февраля 1963 года, в день рождения Авраама Линкольна, во имя демонстрации торжества расового равноправия Джон пригласил в Белый дом около четырехсот негритянских деятелей с женами. По недосмотру кого-то из туповатых чиновников на прием «с супругой» был приглашен известный эстрадный артист, киноактер и певец Сэмми Дэвис, женатый на шведке Мэй Бритт. Лишь когда гости рассаживались, ожидая выхода президента и первой леди, Джону доложили о «неприятном казусе». Он пришел в ужас, представив себе, как на следующий день в газетах появится его фото со «смешанной парой» и какие проклятия в его адрес станут раздаваться на Юге. Жаклин не видела ничего страшного в этом и была готова к торжественному выходу, но супруг оценивал ситуацию иначе. В результате президент появился на приеме лишь на несколько минут, причем были предприняты усилия, чтобы не только в это время, но вообще на протяжении всего приема не делались фотографии крупным планом. Скандал так и не разразился{1065}.

Кеннеди и его окружению было ясно, что необходимы новые меры законодательного, распорядительного, пропагандистского, воспитательного толка для того, чтобы в конце концов добиться преодоления расовой ненависти, вековечных предрассудков, оскорбляющих человеческое достоинство.

При помощи исполнительных распоряжений и частных действий по конкретным вопросам Джон Кеннеди стремился оттянуть коренное решение проблемы — принятие и проведение в жизнь нового законодательства о гражданских правах.

Через месяц после инаугурации президент пригласил в Белый дом М.Л. Кинга. Полагая, что во время этого визита Кеннеди сообщит ему о своем решении разработать соответствующий законопроект и добиваться его принятия законодателями, Кинг предвкушал триумф. Каково же было его разочарование, когда хозяин резиденции проинформировал его, что о законодательном решении пока не может быть и речи. «Не надо меня убеждать, что мы должны решить проблему, не дать ей плыть по течению долгое время, — заявил он. — Но как это сделать? Если мы вступим в длительную борьбу с конгрессом, это создаст преграду всему остальному и мы всё равно не получим закона». Подобные объяснения, почему он не «берет быка за рога», Джон давал и другим активным защитникам гражданских прав{1066}.

В многочисленных статьях и речах Кинг подвергал осторожного и осмотрительного президента острой критике. В одном из выступлений он заявил: «Президент предложил десятилетний план отправки человека на Луну. Но у нас всё еще нет плана, чтобы послать негра в Законодательное собрание Алабамы». Кинг жаловался Уоффорду: «Он (Кеннеди. — *Л. Д., Г. Ч.)* понимает суть вещей, и у него есть политическая хватка, но моральной страсти у него, увы, нет»{1067}.

Однако ни заглушить выходившую на первый план проблему сохранявшейся сегрегации, ни убрать чернокожих с улицы не удавалось. Проблема осложнялась распадом колониальной системы, появлением многочисленных независимых африканских государств. Они вступали в ООН, их посольства открывались в Вашингтоне, а представительства при международных организациях — в Нью-Йорке. По указанию президента госсекретарь Раек инструктировал американских дипломатических представителей за рубежом, чтобы они не оставляли без внимания ни одного негативного высказывания о США, связанного с расовой дискриминацией, и давали позитивную информацию о том, как она искореняется государственными средствами.

Но что было делать американским дипломатам, да и самому Раску вкупе с президентом, когда чуть ли не ежедневно происходили инциденты с черными дипломатами в самих США? Как правило, прилетая в Нью-Йорк, представители африканских государств направлялись оттуда в столицу по автомобильным дорогам. Обычно их принимали за местных негров, отказывали в

придорожном обслуживании, нередко даже в стакане воды. Затем начинались трудности в самом Вашингтоне, где Госдепартамент зачастую долгое время не мог найти черным дипломатам пристойного жилья. Раек жаловался Кеннеди: «Один африканский дипломат говорил мне, что он не может найти место, где он мог бы в Вашингтоне постричься»{1068}.

Кеннеди, однако, понимал, что при всем желании в американских условиях он не в состоянии покончить с расовой дискриминацией быстрыми и крутыми мерами, что ему следует действовать постепенно и осторожно. В то же время он оказывался в заколдованном круге, так как в результате действий негритянских активистов, требовавших равенства немедленно, «здесь и сейчас», и их конфронтации с агрессивными белыми толпами образ Америки в мире, в том числе и в странах — союзницах США, приобретал крайне отрицательные черты. А этим в свою очередь широко пользовалась коммунистическая пропаганда, оказывавшая немалое влияние на народы и правительства новых независимых африканских государств.

Иногда это приводило Джона Кеннеди в бешенство. Упоминавшийся рейд «свободных путешественников», например, пришелся как раз на то время, когда Кеннеди готовился к встрече с Хрущевым в Вене. Отлично понимая, какой козырь происходившее в Алабаме, а затем в Миссисипи дает советскому лидеру, он чуть ли не в состоянии истерики позвонил своему помощнику по делам чернокожих Гаррису Уоффорду и кричал ему: «Останови их! Убери своих друзей из этих чертовых автобусов!» Этот разговор Уоффорд позже иронически комментировал: «Он поддерживал право каждого американца вставать или садиться во имя борьбы за свои права, но не ездить весной 1961 года»{1069}.

В какой-то степени подобным образом реагировал раздраженный Джон, когда ему доложили, что на пути из Нью-Йорка в Вашингтон черным дипломатам отказывают в обслуживании. Он заявил руководителю протокольного отдела Госдепартамента Анджеру Дьюку: «Неужели вы не можете сказать им, чтобы они этого не делали?» Непонятливый чиновник стал многословно объяснять, что он никак не может повлиять на собственников придорожных ресторанов и пунктов обслуживания. «Да нет! — воскликнул президент. — Не о том речь. Неужели вы не можете сказать этим африканским послам, чтобы они не ездили в автомашине, а летали, как это делаю я?»{1070}

Положение стало более благоприятным после промежуточных выборов. Уже в феврале 1963 года Кеннеди предложил несколько законопроектов по частным вопросам — о помощи школам,

проводящим десегрегацию, о защите избирательных прав негров. Все они являлись подготовкой к более масштабному акту.

Предшествовали ему новые расистские инциденты, на этот раз происшедшие в штате Алабама.

В начале апреля М.Л. Кинг организовал серию демонстраций в городе Бирмингеме, надеясь прорвать сохранявшуюся в этом городе особенно прочную стену, отделявшую черных от белых. Имея в виду, что белые расисты часто набрасывались с оружием в руках на скопления негров, даже тогда, когда они не проявляли враждебных намерений, остряки окрестили этот город «Бомбигемом». Дело дошло до того, что во время гастролей нью-йоркской Метрополитен-оперы по южным штатам руководству прославленного коллектива пришлось отказаться от выступлений в Бирмингеме, так как городские власти объявили, что черные в зал допущены не будут{1071}.

Демонстрации продолжались на протяжении почти двух месяцев и нередко приводили к кровавым столкновениям. Черные активисты вместе со своими белыми сторонниками организованно двигались в центр города, а затем рассаживались в ресторанах, магазинах, местах найма рабочей силы, предназначенных только для белых.

Кульминацией конфликта стали демонстрация черных подростков 2 мая и последующие за ней события. По распоряжению губернатора штата бывшего боксера Джорджа Уоллеса, отличавшегося жесткостью по отношению к подчиненным и рядовым гражданам, но в то же время явно боявшегося высшего начальства, дети были схвачены полицейскими, жестоко избиты (в прессе появились фотографии окровавленных подростков) и отправлены за решетку. Демонстрации протеста, развернувшиеся в следующие дни, Уоллес приказал разгонять, используя пожарный инструментарий и полицейских собак. Произошли жестокие схватки, толпа негров, преследуемых полицейскими, в конце концов разбежалась, оставив на улицах несколько раненых. «Мы не можем больше ждать. Наступило время действий»{1072}, — обратился Кинг к своим сторонникам.

Возникшая ситуация создавала крайние трудности для правительства Кеннеди не только внутри страны, где конфликт начинал приобретать формы гражданской войны, несмотря на усилия и лидеров негритянского движения, и центральных властей удержать его в более или менее цивилизованных рамках. Президент, лишь незадолго перед этим начавший приходить в себя после Кубинского кризиса, получал крайне тревожные сообщения из-за рубежа. На происходившей в эти дни в Аддис-

Абебе (Эфиопия) учредительной конференции Организации африканских государств премьер-министр Уганды Мильтон Оботе выступил с вызывающей речью. Он утверждал, что в расовой дискриминации в США заинтересован и поддерживает ее президент Кеннеди. «Уши и глаза всего мира сконцентрированы на событиях в Алабаме», — провозглашал он. Доналд Уилсон, директор Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА) — созданной в 1953 году непосредственно подчиненной президенту государственной структуры, предназначенной для пропаганды американского образа жизни за рубежом, писал Кеннеди: «Наибольшее внимание [за рубежом] уделяется жестокости и особенно использованию собак против демонстрирующих негров. Многие газеты, особенно в Европе и Индии, проявляют необычное сочувствие и понимание расовой проблемы, а неспособность федерального правительства вмешаться вызывает множество вопросов».

Не ясно, включал ли Уилсон в данном случае в Европу СССР, но на советскую пропаганду директор ЮСИА обращал особое внимание. «Москва стремится превратить происходящие события в массовое обвинительное заключение по адресу американской демократии», — говорилось в его письме. Цитировалась газета «Правда», которая сообщала: «Один день в Бирмингеме дает миру более ясное представление об американском образе жизни, чем годы пропаганды американских свобод»{1073}.

И по собственной воле, и под международным давлением Кеннеди предпринял ряд закулисных действий с целью положить конец насилиям в Алабаме. По его поручению министры Диллон и Макнамара, связанные с большим бизнесом, вели по телефону переговоры со своими знакомыми предпринимателями в штате, администрация которого стала выходить из подчинения федеральным властям и идти на нарушение конституции. Местным промышленникам и торговцам разъяснялось, какой вред всё это причиняет как их деловым интересам, так и нации в целом. В Бирмингем был направлен на переговоры начальник отдела гражданских прав министерства юстиции Бёрке Маршалл, близкий сотрудник Роберта Кеннеди, активно поддерживавший акции министра по применению федеральных формирований (полицейских и даже военных) для наведения порядка в южных штатах в предыдущие годы{1074}.

Более того, сам Джон Кеннеди непосредственно включился в проводимые мероприятия. 18 мая он прилетел в Алабаму якобы для выступления в городе Масл-Шоалз (графство Колберт). Кеннеди демонстративно выбрал маленький провинциальный городок, не отличавшийся ни историческими памятниками, ни

крупными предприятиями. Формально не проявляя особой заинтересованности в улаживании возникшего конфликта, он самим фактом своего присутствия в штате послал сигнал губернатору и его группе, что может повторить использование федеральных ресурсов для наведения порядка.

Обычай и просто долг вежливости потребовали, чтобы губернатор встретился с президентом. Уоллес прибыл в Масл-Шоалз, выслушал речь президента, а затем провел 35 минут в разговоре с ним на борту вертолета по дороге в еще один малый городок Хантсвилл. В беседе участвовал П. Сэлинджер, который по ходу делал заметки. Как видно из этих записей, президент оказывал на Уоллеса давление, требуя «интеграции» в Бирмингеме, то есть предоставления черным реальных равных прав с белыми. Губернатор пытался отделаться общими фразами по поводу того, что держит ситуацию под жестким управлением и не допустит беспорядков с чьей бы то ни было стороны. Кеннеди отвечал, что никакого контроля и достойного управления там не наступит, пока не будет достигнут реальный прогресс. «Почему черных не берут на работу в центральных магазинах города?» — спросил Кеннеди. Ответ прозвучал нелепо: «У тех самых людей, которые сейчас протестуют, дома есть черные слуги».

Продолжая оказывать давление на туповатого губернатора, Кеннеди напомнил ему, что в 1962 году тот обещал своим белым согражданам, что не допустит ни одного черного студента в университет штата. Не считает ли губернатор, что его заявления расходятся с федеральным законодательством, что он нарушает конституцию страны? И у Кеннеди, и у его советника создалось впечатление, что Уоллес сознает неизбежность «интеграции», но стремится сохранить лицо и немедленно пойдет на примирение, фактическую капитуляцию, как только правительство сделает вид, что использует силу{1075}.

Именно так и произошло. 11 июня состоялся своего рода спектакль — то ли водевиль, то ли трагикомедия, а скорее всего смесь того и другого. В этот день в университет штата в городе Таскалуза явились для зачисления два молодых негра — двадцатилетние Вивиан Мелони и Джеймс Худ. Губернатор, как он и обещал, гордо стоял в дверях регистрационного корпуса, всей своей позой демонстрируя решимость не пропустить черную девушку и черного юношу в здание.

Но в это утро Кеннеди объявил о «федерализации» национальной гвардии штата, то есть о переводе частей местного подчинения в полное распоряжение федеральных властей, и приказал начальнику национальной гвардии использовать все силы, чтобы обеспечить свободный доступ студентов в

университет. На всякий случай в соседней Джорджии в вертолетах сидели 400 «зеленых беретов» — солдат федеральных сил, прошедших «антипартизанскую и антиповстанческую» подготовку. Посылать их в Алабаму не пришлось, хотя братья Кеннеди были готовы пойти на вооруженное подавление бунта. Роберт «закатал свои рукава и превратил свой кабинет в командный пункт», — пишет М. О'Брайен{1076}.

Вначале прибывший в университетский кампус заместитель министра юстиции Николас Катценбах объявил губернатору, что «федерализированная» национальная гвардия применит силу, чтобы двое студентов были поселены в общежитии. Уоллес упрямился. Он стоял в воинственной позе, восклицая: «Это незаконное, предосудительное, насильственное вторжение федерального правительства!»

Однако, когда солдаты национальной гвардии по приказу Катценбаха приблизились к губернатору, чтобы просто отодвинуть его в сторону, тот решил не выставлять себя на посмешище и отошел без применения силы{1077}. После благополучного поселения тот же Катценбах почти в тех же словах объяснил губернатору, что будет применена сила, чтобы студенты смогли оформить необходимые бумаги для зачисления в университет, и Уоллес вновь отступил. В сопровождении чиновников министерства юстиции Мелони и Худ проследовали в регистрационный офис, где всё было оформлено в соответствии с законом[75]. Так началась подлинная десегрегация в одном из самых расистских штатов.

Антирасистское наступление

Кеннеди рассматривал оказавшуюся в конце концов мирной победу в штате Алабама важным достижением своей администрации. Он решил воспользоваться ею, чтобы развернуть новое наступление в пользу гражданских прав. Он намеревался выступить по радио и телевидению с соответствующим обращением к нации. Некоторые советники отговаривали его от демонстративного выступления, полагая, что оно может привести к обострению напряженности. Однако Джон, пользуясь полной поддержкой Роберта и, скорее всего, с его подачи, считал момент политически выгодным: он действовал с позиции победителя, причем мог опереться не только на конституционные, но и на моральные ценности{1078}.

Речь президента вечером 11 июня 1963 года, в тот самый день, когда двое черных молодых людей были зачислены в университет Алабамы, по признанию подавляющего большинства

наблюдателей и биографов, была одной из самых эмоциональных, с которыми он когда-либо появлялся перед аудиторией.

В наибольшей степени запомнился и выделялся в публикациях следующий фрагмент: «Мы сталкиваемся прежде всего с моральной проблемой. Она так же стара, как Священное Писание, и так же ясна, как американская конституция. Существо вопроса состоит в том, предоставлены ли всем американцам равные права и равные возможности, рассматриваем ли мы всех наших собратьев-американцев так, как мы бы хотели, чтобы рассматривали нас. Если американец не может пообедать в общественном ресторане потому, что у него черная кожа, если он не может послать своих детей в наилучшую доступную ему общественную школу, если он не может голосовать за представляющих его интересы выборных лиц, короче говоря, если он не может пользоваться полными и свободными жизненными правами, к которым все мы стремимся, тогда кто из нас может быть уверен, что при другом цвете кожи он занимал бы то же место в обществе?» Кеннеди объявил, что намерен в ближайшее время внести на рассмотрение проект нового законодательства, включающего право всех американцев на пользование всеми существующими общественными учреждениями — гостиницами, ресторанами, театрами, магазинами и пр.{1079}

Опросы общественного мнения показали, что подавляющее большинство населения страны смогло преодолеть предубеждения, воспринять логику президента, осознать увязывание им моральных проблем с конституционными. По данным Института Гэллапа, проводившего соответствующий опрос, 32 процента респондентов выразили согласие с Кеннеди, 18 процентов сочли, что он решает проблему «недостаточно быстро», и 36 процентов — что он «движется слишком быстро». Поразительно, но вообще против предоставления гражданских прав черным высказалось настолько ничтожное меньшинство опрошенных, что оно не поддавалось учету{1080}.

Можно полагать, что результат не был вполне репрезентативным, что сказалось временное увлечение моральной риторикой Кеннеди, общее настроение подавляющего большинства населения, своего рода инстинкт толпы. Однако ведущая тенденция, вектор движения становились всё более очевидными. Белые американцы постепенно, хотя и с немалым трудом, особенно на Юге, привыкали к тому, что они составляют с черными единую нацию, в которой все граждане обладают равными правами и возможностями.

Именно в этих благоприятных условиях 19 июня 1963 года президент внес в конгресс очередной законопроект о гражданских

правах. Он охватывал значительно более широкие сферы, нежели предыдущие аналогичные законы. Подтверждая то, что уже было достигнуто в области гражданского равноправия, законопроект вторгался в ту область, которая еще не была охвачена, — место общего пользования населения (десегрегация начала проводиться к этому времени только на транспорте и в учебных заведениях). Теперь же сегрегацию предполагалось категорически запретить во всех общественных местах — театрах и кинотеатрах, барах, кафетериях и ресторанах, гостиницах и мотелях. Наблюдатели отмечали, что этот документ содержал максимум того, на что в реальных условиях могла пойти администрация.

На следующий день после внесения законопроекта Кеннеди вновь выступил по телевидению и радио. Он опять перенес вопрос на морально-религиозную почву. Отмечая продолжавшиеся нарушения уже существующей официальной десегрегации, дискриминацию в оплате труда и другие проявления расизма, Джон говорил: «Мы стоим перед проблемой морального характера. В этой проблеме проявляется наш моральный кризис как страны и как нации»{1081}.

В конце июня законопроект о гражданских правах начал свой путь по подкомитетам и комитетам конгресса. Наиболее активным его «свидетелем» (так именовались должностные лица, выступавшие в поддержку внесенного законодательства) являлся Роберт Кеннеди. Министр юстиции по несколько раз в неделю посещал заседания парламентских органов, где страстно и аргументированно выступал в поддержку тех или иных положений документа.

Роберту приходилось рассеивать сомнения законодателей главным образом не по существу, а в связи с соотношением прав федерации и отдельных штатов. Многие члены палаты представителей и сената полагали, что при всей обоснованности равенства гражданских прав этот вопрос не находится в общенациональной компетенции, что он вполне может быть решен на уровне отдельных субъектов федерации. Роберт убеждал, что на местах решить проблему невозможно, что после тайм-аута расисты и сегрегационисты Юга вновь перейдут в наступление. «Мы полагаем поэтому, — говорил он в конгрессе, — что федеральное правительство не имеет иного выбора, кроме как взять инициативу на себя. Как мы можем сказать негру в Джексоне: “Когда начнется война, ты станешь американским гражданином, а пока ты — гражданин Миссисипи и мы не можем помочь тебе”»{1082}.

Именно в это время организация Кинга «Конференция христианского руководства на Юге» решила провести массовый

поход на Вашингтон, который ставил целью не только поддержать внесенный Кеннеди законопроект и добиться его быстрейшего проведения через конгресс, но по ряду позиций достичь его еще большего расширения, хотя по существу дела законопроект был достаточно полон — важно было не плодить новые статьи, а добиться реализации существующих.

Вначале Кеннеди, как осторожный политик, выступил против похода, полагая, что он может привести к крайне нежелательному обострению внутриполитической ситуации в стране и даже к кровавым столкновениям на расовой почве.

Приняв 22 июня руководителей движения за гражданские права, Джон отговаривал их от организации многотысячного мероприятия. Он выразил опасение, что столь массовое сборище может вызвать отрицательные эмоции у конгрессменов и это отразится на внесенном законопроекте. «Мы хотим добиться успеха в конгрессе, — пытался убедить присутствовавших Кеннеди, — но не огромного шоу возле Капитолия. Некоторые из этих людей (имелись в виду конгрессмены. — *Л. Д., Г. Ч.*) ищут предлог, чтобы выступить против нас. И я не хочу дать им возможность сказать: “Да, я за этот закон, но, черт меня побери, если я проголосую за него под дулом пистолета”. Марш только создаст атмосферу угрозы и может встретить сильное недовольство в конгрессе». На это присутствовавший на беседе Кинг ответил, что марш драматизирует ситуацию и будет способствовать мобилизации поддержки законопроекта{1083}.

Вначале президент остался при своем мнении. Однако, проконсультировавшись с председателем профсоюза рабочих автомобильной промышленности Уолтером Рейтером, а затем и со своим братомминистром, он пришел к выводу, что поход может сыграть положительную для него роль и в смысле проведения закона в жизнь, и для расширения собственного политического влияния. Рейтер внес остроумное предложение — превратить этот поход из негритянского в общегражданский с широким участием белых американцев, считающих необходимым реальное осуществление всеобщего гражданского равенства, членов профсоюзов, прихожан различных церквей во главе со своими священниками.

Кинг охотно пошел на такое сотрудничество, означавшее, что на его сторону переходит бо́льшая часть Америки, включая президента. 28 августа почти полторы тысячи автобусов, а также поезда доставили в столицу участников «марша на Вашингтон за работу и свободу»{1084}.

В этот же день, 28 августа, в городе состоялся грандиозный митинг, в котором участвовало до четверти миллиона человек.

С одобрения Кеннеди эта огромная масса людей разместилась на зеленом пространстве от подножия Капитолийского холма до мемориала Линкольна. Люди стояли, сидели и даже лежали на земле. По распоряжению президента полицейскому комиссариату Вашингтона был дан приказ — рассредоточить стражей порядка так, чтобы они не были особенно заметны, чтобы у них не было огнестрельного оружия и собак, чтобы они вели себя дружелюбно по отношению к собравшимся. Это была рискованная затея, но сработала она великолепно. За время митинга не произошло не только ни одного острого конфликта демонстрантов с полицией, но вообще ни одного инцидента — ни единой драки.

В связи с прибытием участников марша в столицу по предложению Роберта Кеннеди была проведена остроумная операция с целью не допустить огромных людских скоплений. Служащие правительственных учреждений были отпущены с работы раньше времени девятью потоками, покидая «правительственный треугольник» между Белым домом, Капитолием и Пенсильвания-авеню каждые 15 минут.

Выступивший перед собравшимися у мемориала А. Линкольна Кинг произнес историческую речь, которая вошла в летопись американской истории и ораторского искусства под названием «У меня есть мечта» («I have a dream»). Мечта состояла в достижении полного равенства всех американцев, независимо от цвета кожи, от расы, национального происхождения. Кинг говорил: «Мы не успокоимся, пока негры остаются жертвами невиданных расправ полиции. Мы не успокоимся, пока нас, уставших от длинной дороги, будут отказываться принимать в мотелях и гостиницах. Мы не успокоимся, пока основное направление движения масс негров лежит из малых гетто в большие. Мы не успокоимся, пока топчут самосознание наших детей, отбирают у них чувство собственного достоинства вывесками вроде “только для белых”. Мы не успокоимся, пока негры Миссисипи не участвуют в голосовании, а негры Нью-Йорка убеждены, что им и не за что, и не за кого голосовать. Мы не успокоимся, пока справедливость не превратится в ручей, а равноправие — в мощный поток.

…Я говорю вам, мои друзья, что, несмотря на все трудности и неудачи, у меня есть мечта. Эта мечта глубоко укоренилась в американскую мечту. Я мечтаю о прекрасном времени, когда наша могучая страна поднимется, чтобы воплотить в жизнь подлинный смысл нашего кредо: “Мы считаем самоочевидной ту истину, что все люди рождаются равными”. Я мечтаю о том великолепном дне, когда сыновья бывших рабов и бывших

рабовладельцев сядут рядом за одним братским столом. Я мечтаю о том прекрасном дне, когда четверо моих детей будут жить в стране, в которой о них будут судить не по цвету кожи, а по их характеру»{1085}.

Кеннеди, знавший толк в силе живого слова, был восхищен речью Кинга. После митинга Кинг и его ближайшие сотрудники были приглашены в Белый дом, где состоялась дружеская встреча с президентом, который, поздоровавшись с негритянским лидером, произнес первые слова: «И у меня есть мечта!»{1086} Слова эти можно было понимать как угодно — и как стремление добиться скорейшего принятия закона о гражданских правах, и как надежду на действительное преодоление расовой дискриминации, и даже как расчет добиться переизбрания на президентскую должность. Что бы ни скрывалось за загадочными словами, восприняты они были как признак солидарности с движением Кинга и его сторонников. В любом случае американский президент демонстрировал стремление к осуществлению мирным путем глубоких демократических изменений в обществе.

Поход на Вашингтон был крупнейшим успехом движения за гражданское равноправие. После него в законопроект о гражданских правах были внесены некоторые дополнения, углубившие и уточнившие его. При жизни Кеннеди закон не успели принять. Он был введен в действие в 1964 году, но по сути это был именно закон Кеннеди.

Закон запрещал дискриминацию при регистрации избирателей, расовую сегрегацию в общественных местах, включая все виды транспорта и учебные заведения, предприятия общественного питания и развлечения, торговые заведения и вообще все места, посещаемые людьми с целью выполнения личных или общественных задач. Закон уполномочивал министерство юстиции возбуждать гражданские иски и преследовать в уголовном порядке тех, кто нарушает эти положения.

В преддверии его принятия Кеннеди издал несколько исполнительных приказов, включая приказ о запрещении любой дискриминации в государственных учреждениях, в аэропортах и других транспортных узлах страны, в спортивных командах и на состязаниях и т. д.

С середины 1960-х годов в США постепенно, но довольно быстро стало вводиться реальное гражданское равноправие, впрочем, даже с элементами «обратной дискриминации», когда при прочих равных условиях (а иногда и без таковых) афроамериканцы пользуются преимуществом при поступлении на

работу, в учебные заведения, в последнюю очередь увольняются с работы и т. д.

Отдавая должное Джону Кеннеди в том, что реализация гражданских прав двинулась вперед быстрыми шагами, Соединенные Штаты Америки особенно отмечают в этом процессе роль Мартина Лютера Кинга. Он оказался единственным американцем, кроме Джорджа Вашингтона, в честь которого в 2000 году был введен общенациональный праздник — выходной день для служащих государственных и других административных учреждений — третий понедельник января.

Недолгое президентство Джона Кеннеди можно считать временем рождения подлинного гражданского равноправия в США. Именно он вместе с Мартином Лютером Кингом стоял у его истоков.

Глава 7.
ГИБЕЛЬ И ПАМЯТЬ

На пути в Даллас

Тем временем бурный первый срок президентства Джона Кеннеди подходил к концу. Приближался очередной високосный год — год президентских выборов. Собираясь баллотироваться на второй срок, Кеннеди осенью 1963 года начал свою избирательную кампанию, хотя по сути дела собирающийся баллотироваться во второй раз президент вел подготовку к таковому избранию с первых дней своей власти. Вся его государственная политика проводилась именно с таким прицелом. Джон был почти убежден в том, что будет переизбран. Его популярность оставалась высокой. В истории Соединенных Штатов Америки за предыдущие три с половиной десятилетия не было ни одного случая, когда бы действующий президент проигрывал повторные выборы (Гарри Трумэн, ставший президентом в апреле 1945 года после смерти Франклина Рузвельта и избранный на высший пост в 1948 году, просто не выдвигал своей кандидатуры в 1952 году).

Но, как и во время всех прежних кампаний, в которых участвовал клан Кеннеди, Джон, его родные и окружение отлично понимали, что избирательная борьба в демократическом мире таит массу подводных камней, неожиданных поворотов. Необходимо было иметь «запас прочности» и продолжать укреплять свои позиции.

Джон вроде бы не исключал, что он не сможет добиться победы, и сокрушался, как нам кажется, притворно, чтобы «обмануть судьбу», по поводу того неопределенного возраста, в котором он окажется вне высшей государственной политики. Правда, эти рассуждения относились и ко второму президентскому сроку. «Прослужу я один или два срока президентом, — говорил он, — так или иначе, мой возраст окажется неудобным — я буду слишком стар, чтобы начать новую карьеру, и слишком молод, чтобы засесть за мемуары»[{1087}]. На тот маловероятный случай, если он не будет избран вторично, продумывались разные варианты. Речь шла о покупке крупной газеты или основании нового периодического издания, в котором он совмещал бы функции собственника и главного редактора[{1088}]. Рассматривался и вопрос о президентской библиотеке. Собственно говоря, основание Библиотеки Джона

Фицджералда Кеннеди как комплексного учреждения — архива, библиотеки и музея — стояло на повестке дня. Начиная с Ф. Рузвельта, впервые создавшего библиотеку собственного имени в родном городке Гайд-Парке, образование президентских библиотек или еще при выполнении высшим исполнительным лицом своих функций, или после его ухода в отставку виделось как необходимое дело.

Ясно было, где разместится это учреждение — район родного Бостона, а еще лучше городок Кембридж — фактическая часть Бостона, где располагался Гарвардский университет — альма-матер Джона.

В начале октября 1963 года были начаты переговоры с Гарвардским университетом о предоставлении необходимого участка земли, где началось бы строительство мемориального комплекса. Джон рассуждал о том, что часть года будет проводить в этой библиотеке, организовывать здесь встречи ученых и политических деятелей, разного рода семинары, читать лекции студентам. Именно здесь, на базе хранящихся в библиотеке документов, он собирался писать воспоминания. Но работу над мемуарами Кеннеди считал для себя преждевременной, он не чувствовал, что его политическая жизнь близится к завершению. Тем не менее научно-публицистической деятельностью он намеревался заняться, причем первой возможной темой, которую он мог бы осветить, являлось собственное президентство. Он говорил Эвелин Линкольн, что по числу публикаций когда-нибудь попытается опередить таких плодовитых авторов, как его помощники — видные историки-исследователи Банди и Шлезингер. Более того, он не исключал возможности, что будет избран президентом Гарвардского университета{1089}.

Однако все эти мысли сразу отходили на второй план, просто забывались, когда президент включал свой рабочий механизм и приступал к текущим делам. Именно характер этих дел и являлся по сути подготовкой к будущей избирательной кампании.

Хотя до выборов оставался год, к осени 1963 года Джон не то чтобы постарел, но во всяком случае не выглядел уже тем юношей, которым казался, будучи сенатором. В начале ноября он послал свою фотографию одному из старых знакомых, а в телефонном разговоре с ним по этому поводу обратил внимание на «те боевые шрамы и морщины, которые у меня появились, хотя я не воюю. Я уже не тот худощавый мальчик, которого ты когда-то знал. На фотографии я выгляжу смотрящим вперед, в вечность»{1090}. Можно полагать, что эти невеселые слова отчасти были своего рода кокетством — Кеннеди отнюдь не чувствовал

себя стареющим. Он был полон бойцовской энергии.

Перед Джоном стояли, как он считал, две важные проблемы самого общего и в то же время конкретного характера.

Первой из них был вопрос о вице-президенте. Некоторые ближайшие советники считали, что Линдон Джонсон фактически не участвует в деятельности исполнительной власти. Они неоднократно с раздражением обращали внимание президента на то, что второе лицо на заседаниях по кардинальным вопросам политической жизни (Кубинский кризис, гражданские права чернокожих, ядерные испытания и пр.) вообще не высказывает мнения, и только в случае, если его спросят, бросит неопределенную реплику, причем подчас с обиженной интонацией — как, мол, я могу что-то рекомендовать, если не получаю необходимой информации. Неприязненное чувство к Джонсону сохранил на протяжении трех десятилетий М. Банди. В интервью 1991 года он ехидно произнес: «Я радовался бы, если бы Джонсон сказал что-нибудь, что не было бы одобрено, по крайней мере в общих чертах, президентом»{1091}.

Детально обдумав вопрос о кандидатуре вице-президента, Кеннеди всё же остановился на Джонсоне. Основанием было прежде всего то, что Джонсон, в прошлом известный сенатор, лидер демократической фракции, оказался в роли молчаливого второго лица вполне лояльным. Он ни разу не выступил с каким-либо заявлением, которое не соответствовало бы намерениям и воле президента. Он не мешал, и это было главное. Имелось, однако, еще одно обстоятельство, благоприятствовавшее сохранению Джонсона. Он представлял крупнейший штат Юга Техас, и устранение его с политического Олимпа могло подорвать шансы президента на будущих выборах на получение голосов населения штата, где Джонсона любили, а к Кеннеди относились враждебно или с прохладцей.

Однажды Чарлз Бартлетт, вашингтонский журналист, который в свое время познакомил его с будущей женой и позже стал доверенным лицом Кеннеди, задал ему прямой вопрос: «Почему бы тебе не пригласить другого вице-президента в 1964 году?» Бартлетт был очень удивлен, увидев, с какой злобой набросился на него Джон: «Почему я должен делать такие вещи? Это было бы совершенно глупо. Это разорвало бы всякие отношения и повредило бы мне в Техасе. Это была бы самая глупая вещь, которую я только мог бы совершить»{1092}.

Вопрос о вице-президенте, таким образом, дальнейшему обсуждению не подлежал.

Вторая проблема состояла в том, как путем политического маневрирования, спланированных закулисных ходов «подобрать»

такого политического противника из Республиканской партии, которого можно было бы надежно победить на выборах.

Среди республиканцев в 1963 году котировались три наиболее вероятных претендента. Двое из них были опасны, хотя и в разной степени, третий считался весьма уязвимым. В качестве серьезных игроков рассматривались губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер и губернатор штата Мичиган Джордж Ромни.

Нельсон Рокфеллер, несмотря на свою принадлежность к могущественной финансовой династии, относился к либеральному крылу Республиканской партии. Он провел в «имперском штате», как часто называют Нью-Йорк американцы, ряд полезных реформ и пользовался высокой популярностью, которую, правда, несколько понизили его развод с женой в 1962 году и почти немедленная вторая женитьба. Советники Кеннеди вспоминали, что он внимательно следил за политической карьерой Рокфеллера, интересовался малейшими подробностями его жизни и быта, стремясь найти слабые места, которые можно было бы использовать в предвыборной борьбе{1093}.

Джордж Ромни (отец кандидата в президенты США от Республиканской партии, потерпевшего поражение на выборах 2012 года) имел значительный опыт административной и хозяйственной деятельности в качестве президента корпорации «Американ моторз». В 1962 году он стал губернатором штата Мичиган и уже успел проявить себя в качестве сторонника жесткого сокращения административно-бюрократического аппарата{1094}.

Кеннеди считал обоих этих республиканских деятелей весьма нежелательными, опасными соперниками. Он предпочитал, чтобы его противником в следующем году стал консервативный республиканец Барри Голдуотер, отставной генерал-майор, губернатор штата Аризона, упорно рвавшийся вперед, буквально расталкивая локтями возможных конкурентов. Антикоммунистическая риторика Голдуотера, который видел практически во всем происки «красных», стала объектом исследования психологов, которые даже построили «модель мира» по Голдуотеру, проявляющуюся в различных риторических стратегиях{1095}. Общественность, и не только либеральная, высмеивала Голдуотера, издевалась над ним, но он упорно продолжал по-военному гнуть свою линию.

В этих условиях Джон Кеннеди поручил своим помощникам создать через прессу и посредством слухов представление, что он весьма опасается конкуренции Голдуотера. Таким провокативным путем близкие к Белому дому круги пытались содействовать выдвижению кандидатом от республиканцев именно его. «Дайте

мне доброго старого Барри, — говорил Кеннеди. — В этом случае я никогда не покину Овального кабинета»[1096].

Всё же между общими подготовительными мероприятиями, то есть всем характером проводимой политики, включая предупредительные меры против возможных кандидатов соперничавшей партии, и непосредственной агитационно-пропагандистской деятельностью существует немалое различие.

Именно к этой прямой подготовке и приступил Джон Кеннеди примерно за год с лишним до выборов.

Свою первую крупную агитационную поездку Джон Кеннеди предпринял в конце сентября 1963 года. Он вылетел из Вашингтона 24 сентября, в тот самый день, когда сенат ратифицировал договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах, который считался большим достижением президента. Предполагалось посетить 11 штатов, в основном на западе страны. Подбор штатов не был случайным. В восьми из них Джон на прошлых выборах потерпел поражение, в девяти штатах в ноябре следующего года предстояли выборы сенаторов, причем во всех места в верхней палате занимали демократы, которые уже начинали острую борьбу, чтобы не потерять их. От этого зависел характер сенатского большинства, а следовательно, прочность позиций Кеннеди в законодательной ветви власти, если он останется президентом[1097].

Формально поездка была связана с проблемой охраны окружающей среды. Именно так она анонсировалась в прессе, ибо до официального начала предвыборной кампании было еще далеко. Но вскоре стало ясно, что сам Джон и его советники не лучшим образом выбрали тематику. Довольно слабо знакомый с консервацией природы, будучи закоренелым урбанистом, неспособным искренне радоваться естественным красотам, Кеннеди вел себя не очень естественно. Первые выступления не вызвали энтузиазма слушателей и, как полагал корреспондент журнала «Ньюсуик», были скучны для оратора[1098].

Положение изменилось во время выступления в городе Биллингсе, штат Монтана. Здесь президент, быстро покончив с природно-охранными делами, заговорил на более близкую ему тему — он похвалил обоих лидеров сенатских фракций — демократа Майка Мэнсфилда и республиканца Эверетта Дирксена — за то, что они проявили гражданскую зрелость, поддержав ратификацию договора о прекращении испытаний ядерного оружия. М. О'Брайен пишет по этому поводу: «Как только он упомянул о договоре, толпа встрепенулась, раздались громкие крики одобрения и аплодисменты. Казалось, что он удивлен такой реакцией. Но обладая верно настроенными политическими

антеннами, он почувствовал, чтб хочет услышать аудитория. И — немедленно сконцентрировался на теме мира, повышая темп речи и ее интенсивность»{1099}.

Кеннеди осознал, что население не очень интересуется его маловыразительными выступлениями по поводу консервации природы, что людей значительно больше волнуют вопросы войны и мира. Начиная с третьего дня пятидневной поездки, речи концентрировались на этой жгучей проблематике.

Выступление в городе Хэнфорд, штат Вашингтон, на тихоокеанском побережье перед 30-тысячным собранием жителей, которые впервые видели президента своей страны, прошло блестяще. Оратор драматично представил слушателям все ужасы, которые ожидают человечество в случае развязывания ядерной войны, независимо от того, произойдет ли это по воле злонамеренных государственных деятелей, в качестве ответного удара или же в результате случайного сбоя или ошибки, которую никогда невозможно исключить. «Никто не может сказать со всей определенностью, — разъяснял он потрясенным слушателям, — сможем ли мы контролировать это смертельное оружие, сможем ли мы сохранить жизнь и мирные отношения с другими странами». Сделав долгую паузу, он продолжал: «Я обещаю предпринять такую попытку. Именно по этой причине я так решительно поддержал договор о запрещении испытаний, осознавая его ограниченность, но понимая, что он является шагом на долгом пути к миру»{1100}.

Ко времени возвращения в столицу Кеннеди был убежден в двух принципиально важных вещах: он имеет все шансы на переизбрание и у него есть огромный козырь, который должен доминировать в избирательной кампании, — необходимость предотвращения термоядерной войны.

Из южных штатов Джон считал наиболее важным привлечь на свою сторону избирателей Техаса и Флориды. В случае победы здесь можно было примириться с потерей голосов остального юга, где по отношению к нему среди белого населения сохранялись недобрые чувства в связи с решительными мероприятиями в пользу гражданских прав чернокожих.

Вторая предвыборная поездка была намечена в Техас, где сильными позициями обладали его политические противники не только от Республиканской, но и от собственной партии. Советники отговаривали Джона от этой поездки, тем более от того, чтобы он после завершившегося триумфом вояжа на Запад продолжал фактическую избирательную кампанию именно в этом штате. Он, однако, оказался упорным, несмотря на то, что вице-президент Линдон Джонсон, сам выходец из Техаса, рисовал

обстановку в штате и, в частности, в местной организации Демократической партии в самых мрачных тонах. По словам Джонсона, там усиливались консервативные настроения, вражда к президенту, возникли внутренние склоки, которые внешне проявлялись в непрекращавшейся полемике между губернатором Джоном Коннели, считавшимся умеренным консерватором, и сенатором Ральфом Ярборо, известным приверженцем либерализма, причем в явно левом варианте{1101}. Отказ от поездки означал бы демонстрацию политической слабости и негативно отразился бы на результатах выборов 1964 года, говорил Джон, убедив близких политиков в своей правоте{1102}.

Накануне поездки в Техас состоялся краткий визит во Флориду, где Кеннеди выступил в городах Тампа и Майами-Бич на собраниях однопартийцев, а также посетил космический центр на мысе Канаверал, где разъяснения давал известный ученый германского происхождения Вернер фон Браун[76]. В основном, по-видимому, это была рекогносцировка. В этот штат-полуостров предполагалась более основательная поездка, тем более что она давала возможность для демонстративных жестов — например, посещения самого дальнего острова гряды Флорида-Киз — крохотных островков, чтобы «взглянуть» на находившуюся в 90 милях Кубу, да еще и посетить только что созданный мемориальный музей Эрнеста Хемингуэя, расположенный на этом самом островке Ки-Уэст.

Последнее было для Джона немаловажным — он знал и любил творчество Хемингуэя, несколько раз встречался с ним, в том числе незадолго до трагической гибели писателя в 1961 году.

Даллас. Выстрелы со склада

Уильям Манчестер, известный журналист, посвятивший объемную книгу убийству Кеннеди, а также многие другие авторы, освещавшие эту трагедию, рассказывали, как утром 21 ноября 1963 года, позавтракав с родными, одевшись (в левый ботинок был, как всегда, вложен супинатор, компенсировавший разницу в длине ног) и попрощавшись с шестилетней дочерью Кэролайн и трехлетним сыном Джоном, президент на вертолете прибыл на военно-воздушную базу Эндрюс в соседнем штате Мэриленд, где вместе с супругой и советниками сел в самолет «Боинг-707», являвшийся «бортом № 1» Военно-воздушных сил США, так как на нем передвигался Верховный главнокомандующий{1103}.

Как в любой поездке, начинала действовать сложнейшая система охраны, обеспечения безопасности первого

государственного лица. Был создан целый словарь условных обозначений, например президент — «лансерер» (копьеносец), Белый дом — «кэстл» (замок), первая леди — «лейс» (кружево) и т. д. Президента непосредственно сопровождали два телохранителя и носильщик чемоданчика (условное название этого кейса было «футбол») с важнейшими шифрами, вплоть до шифра, объявлявшего ядерную войну. Не случайно этот человек по имени Аира Гирард носил кодовое имя «шейд» (тень).

Незадолго до отъезда под руководством Жаклин в Белом доме были проведены вторичный за время президентства Кеннеди ремонт и обновление обстановки. Средства на это, как и в первый раз, не были взяты из государственной казны, так как ремонт являлся инициативой первой леди. Именно она оплачивала приобретения и работы за счет полученного большого гонорара за написанный ею путеводитель по Белому дому.

С полного одобрения своего супруга Жаклин стремилась не «обновить» или «перестроить» Белый дом (ее крайне раздражало употребление этих терминов по отношению к тому, что она лишь частично осуществила в первый раз и в основном завершила во второй). Она говорила о «восстановлении» президентской резиденции, воссоздании ее в таком виде, в каком Белый дом был при Джеймсе Медисоне и Аврааме Линкольне. Повсеместно собирались соответствующие произведения искусства, мебель, предметы быта. К работе были привлечены историки, специалисты по артефактам, опытные дизайнеры. В результате Белый дом фактически стал одним из лучших национальных музеев изобразительного искусства{1104}.

Между тем в Техасе значительная часть активных жителей с недовольством ожидала прибытия президента. Это было связано и с тем, что он поддержал движение за гражданские права, и с его миротворческой ролью во время Кубинского кризиса. В день прибытия Кеннеди газета «Даллас морнинг ньюс» опубликовала большую статью в качестве объявления (рекламные объявления оплачивались заказчиком, независимо от того, был ли это действительно рекламный материал или нечто другое). Носившая название «Добро пожаловать в Даллас, господин Кеннеди» статья обвиняла президента в предательстве национальных интересов США. Чтобы избежать штрафных санкций за оскорбление президента, обвинения строились в виде вопросов, например: в чем существо сговора между президентом и компартией США? Почему президент не останавливает своего брата Роберта, который преследует благонадежных американцев? Показав эту газету Жаклин, Джон произнес: «Кажется, мы едем в край непуганых психопатов».

В самолете Джон читал текст речи, с которой ему предстояло выступить в Далласе{1105}. Ее тон носил примирительный характер, должен был дать понять слушателям в одном из крупнейших залов города — Торговом центре, что глава исполнительной власти с уважением относится к традициям Юга и считает граждан Техаса образцовыми американцами. В тексте в то же время говорилось: «В этой стране голоса инакомыслящих будут слышны всегда. Однако тот, кто выступает с критикой, ничего взамен не предлагая, тот, кто видит только минусы, не замечая положительного, тот, кто видит всё в мрачном свете, добивается влияния, не неся никакой ответственности». Текст речи завершался словами: «Сила бессмысленна, если она не базируется на справедливости». Это была перефразировка афоризма У. Черчилля, который мы использовали как эпиграф к этой книге{1106}.

Сделав краткие остановки в городах Сан-Антонио, Хьюстон и Форт-Уорт, где состоялись встречи с активистами Демократической партии и где Кеннеди выступил перед собравшимися местными жителями[77] (вся группа переночевала в Форт-Уорте), самолет продолжил полет и совершил посадку в аэропорту Далласа Лав-Филд 22 ноября в 11 часов 37 минут. Кеннеди и его жену встречали официальные лица Техаса во главе с губернатором Джоном Коннели и его женой Нелли.

Настроение президента, его супруги и советников было тревожным, так как им было хорошо известно влияние в Далласе ультраправых, расистских элементов, ненавидевших Кеннеди за его политику, которую они считали покровительством черным и сделкой с коммунизмом. Перед вылетом из Форт-Уорта, завтракая в гостинице, Джон, Жаклин и помощник президента О'Доннел вели разговор на необычную для них тему — о степени риска, которому подвергается государственный деятель во время контактов с публикой. Джон произнес, по словам Жаклин: «Если бы кто-нибудь действительно захотел застрелить президента США, то это была бы не очень трудная работа. Всё, что ему надо было бы сделать, так это забраться в высокое здание, имея телескопическую винтовку, и никто ничего не мог бы сделать, чтобы предотвратить подобную попытку»{1107}.

Несмотря на то, что президенту хорошо было известно враждебное отношение к нему части населения южного города, он решил проделать десятимильный путь от аэропорта до Торгового центра в открытой машине. Живой контакт с гражданами, толпами высыпавшими на улицы, чтобы увидеть главу государства, широкая приветственная улыбка по пути следования являлись необходимыми элементами того главного,

ради чего он появился здесь, — непосредственно начинавшейся предвыборной кампании. Двигаясь по маршруту, видя, как добросердечно его приветствуют в этом городе, являвшемся, по мнению ряда советников, цитаделью расизма, которому он объявил войну, ощущая к себе явную симпатию, Кеннеди торжествовал: он полагал, что преуспел на пути к искоренению крайнего, погромного расизма, и в значительной степени был прав. По данным местных властей, Кеннеди встречали не менее 250 тысяч жителей.

Впрочем, далеко не все были приветливы. Попадались группы людей, выкрикивавших враждебные слова и державших плакаты такого же содержания. На одном были всего два слова: «Ты предатель». На другом значился более пространный текст: «Господин президент, я глубоко вас презираю за проявленные вами социалистические тенденции и вашу капитуляцию перед коммунизмом»{1108}.

В самом начале поездки из аэропорта в центр города произошла небольшая стычка с Жаклин, которая попросила, чтобы были подняты стекла автомобиля: она опасалась, что будет разрушена ветром ее великолепная прическа, которая, как полагала первая леди, была частью не только ее образа, но и предвыборного имиджа супруга. Джон резко возразил, а на упрямую попытку поднять стекло ответил столь же упрямым жестом — приказом оставить всё, как было. Он считал значительно более важным, чтобы жители видели его вблизи, могли чуть ли не «пощупать» его да и его супругу, убедиться в его доверии к местному населению.

Проехав путь из аэропорта до центральной части города, президентский кортеж замедлил ход, сворачивая на улицу Элм-стрит и приближаясь к Торговому центру. Сидевший на переднем сиденье машины сотрудник Секретной службы передал по радио: «Мы находимся в пяти минутах».

К этому времени в самом Торговом центре уже давно были закончены приготовления, а в последний момент подключена связь с Белым домом и установлено кресло-качалка, чтобы Джон Кеннеди мог отдохнуть после нелегкого путешествия{1109}.

Пока же сотрудник охраны вслед за предыдущим текстом записал в свой служебный дневник: «12.30. Президент прибыл в Торговый центр»{1110}. Это был один из тех очень редких случаев, когда сделанная в прошедшем времени запись оказалась не просто недостоверной, а фальшивой, однако не в результате недобросовестности сделавшего ее лица, а всего лишь по причине поспешности. Ибо следующие секунды оказались роковыми. В Торговый центр президент так и не прибыл.

Вся поездка из аэропорта была крайне опасной. На улицы, по которым двигался кортеж, выходило примерно 20 тысяч окон. Некоторые места, прежде всего поворот, который проезжали машины в тот момент, когда была сделана запись около половины первого дня, по данным последующего расследования, являлись особенно удобными для прицельной стрельбы{1111}. Машина двигалась очень медленно — со скоростью 11 миль (примерно 17 километров) в час.

Как раз в те мгновения, когда сотрудник Секретной службы дописывал последние буквы в дневник, из стоявшего на пути здания склада школьных учебников раздались выстрелы, поразившие президента.

Сделаны были три выстрела. Первая пуля попала в шею Джона, задела правое легкое и вышла через горло, пробив узел галстука. Смертельной она не была. Вторая пролетела мимо. Третья врезалась в затылок и снесла часть черепа. Этот последний, роковой выстрел мог бы так же не причинить вреда, как и второй, если бы президент не сидел прямо и высоко на специально подогнанном сиденье, чтобы его лучше видели и чтобы ему было легче общаться с приветствовавшими{1112}.

Растерявшиеся охранники не выполнили в полном объеме указаний, которые были им предписаны, — при малейшей опасности в зависимости от обстановки толкнуть президента на пол, или на тротуар, или на дно автомобиля и прикрыть его своим телом. Водитель, естественно, также принадлежавший к Секретной службе, потерявший, как и охранники, самообладание, вместо того чтобы стремительно ринуться вперед, на несколько секунд замедлил ход, ожидая команды своего начальника, а это позволило стрелявшему или стрелявшим сделать новый выстрел, оказавшийся удачным (между первым и третьим выстрелами прошло около пяти секунд){1113}. Только после этого автомобиль на предельной скорости помчался по направлению к ближайшему лечебному центру — Портлендскому мемориальному госпиталю.

Как мы видим, несмотря на то, что было хорошо известно враждебное отношение к Кеннеди со стороны части политиков и бизнесменов Далласа и подстрекаемой ими толпы (восторженная встреча на улицах была обычным синдромом близости к всемирно известному лицу и могла в любой момент смениться недружелюбными выпадами), служба охраны президента (Секретная служба) проявила поразительную небрежность и даже некомпетентность. В момент выстрелов охранники растерялись буквально на одну-две секунды, и этого оказалось достаточно.

Нельзя не сказать, что к не вполне добросовестному поведению охрану приучил сам президент: он пренебрегал

нормами безопасности, стремился общаться с населением в духе своих демократическо-демагогических привычек. Хотя охрана задействовалась во время его любовных афер, бывали случаи, когда высокопоставленное лицо просто ускользало от охранников, чтобы тайком отправиться к очередной пассии. «Как можно охранять этого человека!» — раздраженно говорили сотрудники Секретной службы о своем президенте{1114}. Эти эскапады неизбежно развращали не только рядовых охранников, но и их руководителей. Бывший секретный агент Ларри Нью-мэн рассказывал журналисту Р. Кесслеру: «На второй день после принятия меня на работу в качестве агента меня посадили на заднее сиденье президентского лимузина. Начальник отделения положил мне на колени пистолет-пулемет Томпсона, а я никогда не видел этот пистолет-пулемет, тем более не использовал его»{1115}.

Возвратимся, однако, к роковым минутам.

Потерявшая самообладание, утратившая на какие-то секунды чувство реальности, Жаклин поднялась, пытаясь на ходу выскочить из машины. Охранник схватил ее, бросил на сиденье и прикрыл своим телом. Раздробленная голова Джона оказалась у нее на коленях, заливая кровью платье. В 12 часов 36 минут, через пять минут после роковых мгновений, потерявшего сознание и обливавшегося кровью Кеннеди на носилках внесли в госпиталь. Врачам, только взглянувшим на президента, сразу стало ясно, что возвратить его к жизни не удастся — у Кеннеди был раздроблен череп, мозги растекались вместе с кровью, дыхание отсутствовало, зрачки были расширены и неподвижны. Такое состояние определяется медициной как несовместимое с жизнью.

В час дня врач госпиталя констатировал смерть. Извещенный о происшедшем министр обороны Макнамара отдал приказ о введении по всей стране высшей боевой готовности, которая была затем подтверждена Объединенной группой начальников штабов. «В правительственных кругах продолжали опасаться государственного переворота, бронированный кулак вооруженной мощи США был по-прежнему судорожно сжат по приказу Объединенной группы начальников штабов, объявившей чрезвычайное положение на всех американских военных базах во всем мире»{1116}.

Тотчас после этого временный гроб с телом скончавшегося президента в сопровождении супруги, залитой его кровью, был доставлен на аэродром и погружен в президентский самолет. Сюда же прибыл вице-президент. В 2 часа 38 минут пополудни на борту президентского самолета доставленная сюда Сара Юз, одна

из ответственных судей штата Техас, заливаясь слезами, привела к присяге нового президента. Линдон Джонсон стал 36-м президентом Соединенных Штатов.

Прощание и повороты расследования

Из Далласа тело Джона Кеннеди было доставлено в столицу.

Печальная торжественная церемония продолжалась три дня — 23—25 ноября[78]. В стране был объявлен национальный траур. На похороны приехало несколько сотен зарубежных деятелей, в том числе 19 глав государств. Вся прощальная процедура транслировалась не только на всю территорию США, но и на зарубежные страны, в том числе СССР.

Похоронное шествие началось 25 ноября в 11 часов 30 минут утра. Вслед за барабанщиками следовала рота морских пехотинцев, а за ними начальники штабов родов войск и три военных адъютанта Кеннеди, представлявших армию, авиацию и флот. Вслед за гробом с телом президента двигалась машина с Жаклин Кеннеди и детьми, а за ней автомобили других родных и близких.

Подобно тому как хоронили Франклина Рузвельта, процессия проследовала по центральной магистрали Вашингтона Пенсильвания-авеню, ведущей от Капитолия к Белому дому — по тому маршруту, которому следуют все президенты после инаугурации. Открытый гроб везли шесть лошадей на пушечном лафете. Вслед за лафетом следовала седьмая лошадь. С левого ее бока свешивались клинок и пара сапог носками назад. Это были символы воина, погибшего в бою.

Остановившись у Белого дома, процессия совершила обратный путь. Через восточный вход Капитолия гроб был перенесен в центральный зал — Ротонду. Здесь происходило прощание. В траурной церемонии участвовали главы государств, в том числе президент Франции Шарль де Голль, дипломатические представительства и правительственные делегации. Генерал де Голль отдал должное Жаклин Кеннеди: «Она показала всему миру пример поведения в скорби и горе»{1117}.

Вначале планировалось, что Капитолий будет открыт для посещения до 21 часа. Но число людей, дожидавшихся своей очереди, к этому времени достигло 200 тысяч человек и продолжало расти. Поэтому было решено продолжить прощание. К полуночи через Капитолий прошло около 100 тысяч человек. Когда в половине девятого утра двери Ротонды были закрыты, с Джоном Кеннеди попрощалось еще 85 тысяч человек.

Клан Кеннеди считал, что Джон должен быть похоронен в родном штате Массачусетс — на территории родового имения, подобно тому как президент Франклин Рузвельт был похоронен в родном Гайд-Парке. Однако Жаклин выступила против и добилась своего. После отпевания в католическом кафедральном соборе Святого Матфея, где обычно исповедовался Джон, похороны состоялись на Арлингтонском воинском кладбище в окрестностях Вашингтона, на специально отведенном холме. Здесь был зажжен вечный огонь, подобно огню на Могиле Неизвестного Солдата под Триумфальной аркой в Париже. Вскоре на этом участке кладбища были выложены плиты с наиболее известными изречениями Джона Кеннеди. Над самой же могилой находятся две полукруглые цементные плиты, образующие круг диаметром чуть более метра. Именно между ними и расположена труба вечного огня. А рядом — небольшая бронзовая табличка, на которой выгравированы слова «Джон Фицджералд Кеннеди» и даты жизни.

В следующие десятилетия работали многочисленные комиссии, расследовавшие убийство американского президента. Первой и наиболее авторитетной была комиссия Эрла Уоррена, председателя Верховного суда США, образованная президентским распоряжением Линдона Джонсона от 29 ноября 1963 года. Помимо весьма уважаемого председателя, в комиссию входили два сенатора, два члена палаты представителей, бывший руководитель ЦРУ Аллен Даллес и банкир Джон Макклой.

Комиссия работала десять месяцев, допросила свыше 550 свидетелей и опубликовала пространный доклад. Выявить заговор с целью убийства президента не удалось. Вывод состоял в том, что Кеннеди был убит маньяком-одиночкой Ли Харви Освальдом, который стрелял из окна шестого этажа склада учебников из винтовки со снайперским прицелом. По поводу мотивов преступления комиссия не смогла высказать определенного суждения. Ей пришлось лишь записать в отчете, что у убийцы не было оснований для совершения преступления «по критериям разумных людей»[{1118}].

Позже по инициативе различных организаций и деятелей создавались всё новые и новые следственные комиссии. Они находили недостатки и пробелы в докладе комиссии Уоррена, некоторые из них делали вывод о существовании заговора с целью убийства Кеннеди, причем в центре заговора стояли самые различные силы (агентура СССР и Кубы, соперничающие группы корпоративного капитала, мафиозные структуры и т. п.). Однако ни одна из комиссий не оказалась в состоянии представить какие-либо убедительные доводы в пользу своей правоты.

Даже в Великобритании был создан комитет под названием «Кто убил Кеннеди?», в состав которого вошли авторитетные общественные деятели, в основном леволиберального направления, включая философа Бертрана Рассела, историка Хью Тревора-Роупера[79], писателя Джона Пристли. Рассел эмоционально заявлял, что «никогда не было более подрывного непатриотического и вредного для безопасности США и всего мира курса, чем попытка американского правительства укрыть убийцу недавнего президента». В этом заявлении было много амбиций и пафоса, но полностью отсутствовала «амуниция», то есть доказательства!

Накопилась огромная литература, посвященная убийству, в которой выдвигались самые различные конспирологические теории, сходные с данными названных комиссий, — организация убийства приписывалась советской разведке, кубинской агентуре, американским крайне правым силам, мафиозным структурам и т. д. Ни одна из этих теорий не получила убедительных обоснований, их сторонники грубо противоречат сами себе, не в состоянии объяснить целый набор событий. Главные вопросы, которые так и остались без ответов, следующие.

Как можно было успеть организовать заговор, если о здании, где Кеннеди должен был выступать, и, следовательно, о маршруте его движения из аэропорта стало известно всего лишь за два дня?

Каким образом Освальд в момент, когда машина Кеннеди проезжала мимо склада, оказался в комнате один-одинешенек — находившийся в ней второй человек за минуту до этого вышел?

Почему в городе, где было хорошо известно враждебное отношение к президенту, он ехал в автомобиле с откинутым верхом, что облегчило прицельную стрельбу и охрана не настояла на большей степени предосторожности?

Почему Освальд, благополучно покинувший здание после убийства, через несколько часов застрелил случайно остановившего его полицейского?

Почему сам Освальд был убит прямо в здании полиции Джеком Руби, далласским владельцем ночных клубов со стриптизом «Вегас» и «Кэрусел», который, в свою очередь, вскоре скончается в заключении от ракового заболевания?

Что касается последних вопросов, то для У. Манчестера они не составляют загадки: «В следующий понедельник жителям Европы предстояло ломать себе голову над тем, как Руби удалось так легко и беспрепятственно бродить по всему полицейскому управлению. В равной мере были поражены этим обстоятельством и люди, близкие к Кеннеди. Им был неведом этот мир полусвета, затхлый мир преступников и содержателей притонов,

сомнительных личностей с оплывшими лицами, ярко крашенных блондинок»{1119}.

После убийства Кеннеди то и дело появлялись сообщения, что, помимо выстрелов из склада, в Кеннеди стреляли то ли с железнодорожного моста, то ли с земляной насыпи или даже из канализационного люка. При детальной проверке ни одна из этих версий не получила достоверного подтверждения. Весьма скептически относившийся к этим конспирологическим версиям У. Манчестер с полным основанием писал: «Никто не мог поверить, что убийство Кеннеди было делом рук одного преступника. Президент был “их” жертвой, но не жертвой “его”. Преступление было слишком велико, чтобы его можно было приписать одному злодею»{1120}.

Скорее всего ни на один из названных и множество других вопросов ответы никогда не будут найдены. Во всяком случае за полвека, прошедшие с момента трагедии, разгадать загадку убийства Кеннеди не удалось. Попытки самых разных по политическим позициям, по уровню квалификации, просто по моральным качествам авторов соорудить схему, согласно которой Освальд был орудием «в чьих-то руках», остаются голословными.

Наиболее вероятной и ныне остается самая первая версия о том, что президент был убит случайной личностью, маньяком-неудачником Ли Харви Освальдом. Низкий образовательный и интеллектуальный уровень этого человека, его жизненные и политические метания, эмиграция в СССР, попытка самоубийства, совершенная в Москве, когда он узнал, что ему не дают постоянного вида на жительство, несколько лет проведенные в Минске[80], женитьба на белорусской девушке Марине Прусаковой, возвращение с женой и ребенком в США, непрерывные перебежки с одного места работы на другое, грубое и насильственное поведение в собственной семье, перемежавшееся с самоунижением перед женой — все эти детали создают определенный облик человека, который никак не мог быть привлечен какими бы то ни было политическими силами для организации убийства американского президента. Он не имел даже среднего образования, был неуживчив, вспыльчив, раздражителен, истеричен, мало способен. Именно у таких людей легче, чем у людей иного склада, развивается комплекс морально-психической и физической неполноценности, полупомешанности, который толкает их подчас на непредсказуемые действия. Марина Прусакова-Освальд уже после гибели своего мужа писала, что он считал себя недооцененным, гениальным человеком, а вследствие своей недооцененности впадал в депрессию. Марина вспоминала, что он сравнивал себя с

великими историческими личностями. Мания величия явно сочеталась у Ли с комплексом неполноценности. Иного объяснения убийства президента Кеннеди, к сожалению, в настоящее время найти невозможно. Тогдашний член комиссии Уоррена и будущий президент США Джеральд Форд в своих воспоминаниях высказывает убеждение: «Не было никакого соучастия ЦРУ, ФБР, Секретной службы, полиции Далласа, каких-либо других органов, ни штата, ни федерации. Что же касается иностранного заговора, то ничего, из ставшего мне известным в следующие годы, не заставит изменить хотя бы один вывод, тогда сделанный нами»[1121].

Авторы этой работы весьма сомневаются в том, что какие-либо новые обстоятельства, связанные с убийством президента Кеннеди, будут обнаружены в будущем, хотя никакие неожиданные находки, разумеется, не исключены. Пока же можно лишь высказать предположение, что в случае с расследованием убийства президента Кеннеди и попытками опровергнуть выводы комиссии Уоррена имеет место синдром теории заговора, своего рода мифологическое мышление, когда любому утверждению представителей власти придается нулевое значение в силу «аксиомы недоверия», состоящей в том, что власть просто не желает раскрыть истинное положение вещей, так как это ее скомпрометирует. В интеллектуальной области мифологическое мышление очень опасно, так как отказывается от доказательств, считая само собой разумеющимся чуть ли не любое утверждение, противостоящее официальному.

В настоящее время, несмотря на то, что исполнилось уже 50 лет со дня этой трагедии, все предположения и несогласия с официальной версией остаются в силе. Дошло до того, что один из видных патологоанатомов США Сирил Уэчт настаивает на эксгумации останков Джона Кеннеди, покоящихся на Арлингтонском кладбище. Уэчт — пользующийся признанием ученый, который участвовал в тысячах экспертиз — лично или в качестве консультанта. Он считает необходимым провести повторное исследование, основанное на беспристрастном научном анализе останков с использованием современных методов[1122].

Нам же остается рассказать о дальнейшей судьбе вдовы президента. Жаклин не просто тяжело переживала гибель супруга. Несколько раз она пыталась покончить жизнь самоубийством, и только бдительность окружающих предотвращала трагический исход. Лишь постепенно было преодолено состояние тягчайшей депрессии, и Жаклин сосредоточила свое основное внимание на воспитании детей —

оставшихся без отца шестилетней Кэролайн и трехлетнего Джона.

Правда, стремление к активной общественной деятельности вновь проявилось через некоторое время. Жаклин стала работать редактором в издательстве «Вайкинг», а затем в более крупном издательском центре «Даблдей». Вела она себя точно так же, как и другие работники издательства — приходила на работу утром по часам, проводила целый день в крохотном кабинетике за чтением и исправлением рукописей, приносила с собой пакет с «ланчем» — в США примерно в те годы появилось полуснисходительно-полупрезрительное выражение «brownbegger» («человек с коричневым пакетом») — так называли тех, кто в обеденный перерыв не шел в ресторан или кафетерий, а довольствовался едой, принесенной из дома. Так вели себя сотрудники издательства, чьи доходы были невелики, и Джеки стремилась не выделяться.

В октябре 1968 года она вышла замуж за мультимиллиардера Аристотеля Онассиса. По-видимому, наиболее важным мотивом этого брака было стремление Жаклин увезти детей подальше от того места, где погиб ее муж, в то же время полностью сохраняя память о нем. Детям она стремилась уделять максимум внимания. Вместе с ними она ездила по тем местам, где в разные годы побывал Джон Кеннеди. Семья добралась даже до тихого места в Аргентине, где в школьные годы Джон как-то провел летние каникулы.

Но в то же время Джеки поддерживала какие-то отношения с Онассисом задолго до замужества, еще при жизни ее первого супруга.

Онассис был на много лет ее старше. По метрическому свидетельству, он родился в 1899 году, хотя утверждал, что на самом деле младше официального возраста на семь лет, и добился в конце концов, что датой его рождения был обозначен 1906 год. По его словам, в возрасте шестнадцати лет он бежал из Греции, которая только что вышла из череды войн — двух Балканских, Первой мировой и, наконец, войны с Турцией. Мечтавший разбогатеть, Аристотель счел, что родной полуостров этому не благоприятствует, и отправился за океан, в Аргентину, где для солидности вновь прибавил себе возраст и оформил документы на 23-летнего. Онассису действительно удалось довольно быстро разбогатеть. Он стал миллиардером, занимаясь торговлей табаком, стал судовладельцем, собственником казино в Монте-Карло и землевладельцем (он был хозяином, в частности, небольшого острова Скорпиос у греческих берегов).

При этом Онассис ухитрялся вступать в связь с прекрасными женщинами. Светские хроники пестрели сообщениями о его

любовницах, особенно о великой оперной певице Марии Калл ас, на которой он то собирался жениться, то менял свои планы{1123}.

Познакомились супруги Кеннеди с Онассисом на одном из светских приемов еще в середине 1950-х годов. Летом 1955-го и летом 1959 годов Онассис приглашал их в круизы по Средиземному и Эгейскому морям, причем оба раза по просьбе Джона в морском отдыхе участвовал Уинстон Черчилль, который за три месяца до первой встречи, в апреле 1955 года, ушел в отставку с поста премьер-министра. Поэтому можно выразить сомнение в словах американской первой леди, что реальная беседа с британской знаменитостью у ее мужа так и не состоялась, хотя он о ней мечтал. Объяснялось это, по ее словам, тем, что Черчилль был очень стар{1124}. Действительно, ему был уже 81 год, но держался сэр Уинстон великолепно. Правда, здоровье великого британца оставляло желать лучшего. Он перенес три инсульта, но с помощью лучших медиков преодолел тяжкие заболевания и сохранил остроту мысли, своеобразие оценок и блестящую находчивость. Незадолго до отставки, во время празднования восьмидесятилетия, у него состоялся диалог с журналистом, пожелавшим взять у Черчилля интервью через десять лет, причем всё в том же качестве премьера. Внимательно взглянув на собеседника, Черчилль ответил: «Я думаю, это вполне возможно. Вы выглядите достаточно молодым и здоровым»[81].

В следующие годы Жаклин стала принимать приглашения Онассиса отдохнуть вместе с ним на его яхте уже без супруга. После ее возвращения из очередного путешествия по Средиземному морю в октябре 1963 года Джон высказал жене недовольство — правда не самим фактом ее времяпрепровождения, а тем, что она дает повод для сплетен в гламурных журналах и в высших кругах. Он, однако, не сказал Джеки, что запретил Онассису появляться в США по крайней мере до завершения избирательной кампании 1964 года{1125}.

А вскоре после этой не очень приятной для обоих беседы состоялась поездка в Даллас, оказавшаяся для Джона роковой.

После гибели президента Онассис стал открыто ухаживать за Жаклин. В августе 1968 года она вместе с Робертом Кеннеди отдыхала на его острове Скорпиос и именно тогда приняла предложение руки и сердца. Дети Онассиса восприняли этот брак раздраженно, несмотря на то, что Жаклин пыталась завоевать их симпатию. Сыну Аристотеля Александру Джеки, по его словам, заявила: «Я люблю только моего покойного мужа, а ваш отец любит только вашу маму» (на самом деле мать Александра и его сестры Кристины Тина развелась с Онассисом и вышла замуж за одного из представителей династии Черчиллей). Александр

ответил: «Я не нуждаюсь в приемной матери, но отцу нужна жена».

Впрочем, миллиардер назначил своим детям такой годовой доход, что они от его женитьбы никак не пострадали. Жаклин же, по словам биографов Онассиса, уже в первые месяцы после замужества потратила в основном на предметы туалета более миллиона с четвертью долларов. Новый супруг оплатил счета, задав, правда, Джеки вопрос, зачем ей столько одежды, если она почти всегда ходит только в джинсах{1126}.

Трагедии продолжали преследовать тех, кто хотя бы косвенно был связан с семейством Кеннеди. В январе 1973 года в авиационной катастрофе погиб Александр Онассис. Отец пережил сына на два года. Его брак с Жаклин к этому времени фактически распался. Онассис в сердцах говорил, что его жена — жестокосердная и пустая женщина. Он даже нанял частных детективов для слежки за ней, чтобы заполучить основания для развода. До этого, однако, дело не дошло по причине смерти мужа.

После смерти Онассиса Жаклин сошлась с другим богачом — финансистом Морисом Тимпельсманом. В то же время она вновь сблизилась с семьей Кеннеди, стала делиться воспоминаниями о своем первом муже, хотя и не для печати.

Так завершилась эпопея Джона Кеннеди — одного из наиболее ярких американских политических деятелей XX века.

В Соединенных Штатах Америки имя Джона Кеннеди запечатлено в названиях целого ряда важнейших национальных объектов. Крупнейший нью-йоркский аэропорт, являющийся главными воздушными воротами страны, до этого известный как Айдлуайлд (по названию местности, где он расположен), с декабря 1963 года носит его имя.

Мыс Канаверал, на котором находится Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), как и само управление получили его имя. Правда, позже, по американской традиции, требующей, чтобы естественные географические пространства не носили имен людей, мысу было возвращено прежнее наименование, но НАСА продолжает носить имя Кеннеди.

Еще при жизни Джона Кеннеди было начато строительство в Вашингтоне крупнейшего учреждения — Национального культурного центра. Строительство было завершено в 1971 году, и новое учреждение получило наименование Центра исполнительских искусств им. Джона Ф. Кеннеди. Расположенный на берегу реки Потомак центр представляет собой мощное комплексное заведение, включающее семь театров и концертных

залов, в том числе Дом оперы, театр им. Эйзенхауэра, Семейный театр, Открытый театр и ряд других учреждений искусства.

Имя покойного президента с 1968 года носит одно из авторитетнейших подразделений Гарвардского университета — Школа государственного управления, выпускники которой ежегодно пополняют штаты высшей государственной администрации. Составной частью школы является научно-исследовательский Институт политики, уделяющий немалое внимание изучению деятельности администрации Кеннеди, внутренним и международным событиям, в которых она принимала участие.

В 1989 году фонд Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди по инициативе его родных и близких учредил награду «Мужественные профили» (вспомним, что именно так называлась книга Джона). Эта награда ежегодно присуждается одному из тех, чьи достижения в области государственной деятельности, в политике, общественной работе, науке, журналистике являются образцом многолетней службы человечеству. Присуждаемой ежегодно 29 мая, в день рождения Джона Кеннеди, премии удостоены многие известные люди. Среди них один гражданин России — поэт, журналист и общественный деятель Евгений Евтушенко{1127}. Награда «Мужественные профили» завоевала прочную репутацию, стала одной из престижных в Соединенных Штатах.

Так в различных формах американская общественность чтит память своего видного политика, яркой и привлекательной, хотя и противоречивой личности.

Помнят о нем и в других уголках земного шара. На Соломоновых островах, являющихся с конца 1970-х годов независимым государством, работает Музей Кеннеди, экспонаты которого связаны в основном с его участием во Второй мировой войне в этом регионе. А в соседней с Соединенными Штатами Канаде над другими, не столь могучими горными массивами, возвышается самый высокий в Северной Америке пик Кеннеди.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
МИНИСТР И СЕНАТОР РОБЕРТ И СЕНАТОР ЭДВАРД

Глава 1.
ПОМОЩНИК И СОВЕТНИК ДЖОНА

Сотрудник сенатского аппарата

Мы уже неоднократно вспоминали о младшем брате Джона Роберте, его роли в семейных делах и политическом продвижении члена палаты представителей и сенатора к президентскому креслу, о работе Роберта в правительстве.

Напомним основные вехи. Роберт поступил в Гарвардский университет, подобно своим старшим братьям, но его студенческие дни были прерваны Второй мировой войной. В ноябре 1944 года он был призван на службу в военно-морской флот, но прежде чем его направили на боевые позиции, война завершилась. Он возвратился в Гарвард, который окончил в 1948 году.

В знаменитом Гарвардском университете, где теперь уже традиционно учились все молодые люди из клана Кеннеди, Роберт в основном занимался спортом, научные дисциплины осваивал посредственно, но по настоянию отца должен был продолжить образование, с тем чтобы получить следующую ученую степень.

В промежутке между завершением базового высшего образования вкупе со степенями бакалавра и магистра в Гарварде 23-летний Роберт, получив аккредитацию нескольких газет (главной из них была «Бостон глоб»), выехал в качестве корреспондента за рубеж. Он побывал в нескольких странах Европы, но особо его внимание привлекла ситуация на Ближнем Востоке, где только что возникшее государство Израиль вынуждено было вступить в жестокую схватку с совершившей на него нападение группой соседних арабских стран. Мужество и героизм израильтян, защищавших существование своего государства, вызвали у молодого журналиста неподдельное восхищение. Он писал: «Вот молодая, твердая, полная решимости нация. Сражаются они с невиданным мужеством. У них величайший, последний шанс, пути назад у них нет»{1128}.

Возвратившись из поездки, которая, как он справедливо полагал, обогатила его эмоционально и интеллектуально, Роберт приступил к занятиям в Правовой школе университета штата Виргиния. В качестве темы своей диссертационной работы он избрал не чисто правовую проблему, а остававшуюся актуальной и с исторической, и с политической, и с международно-правовой

точек зрения Ялтинскую конференцию глав трех союзных государств, состоявшуюся лишь пятью годами ранее — в феврале 1945 года.

Хотя большинство профессиональных историков, которые приступали к изучению дипломатических перипетий Второй мировой войны, уже пришли к фундаментальному выводу, что решения конференции отражали сложившееся соотношение сил, прежде всего заинтересованность США и Великобритании во вступлении СССР в войну против Японии, Роберт смело попытался оспорить сложившееся мнение.

Работа, однако, носила явно дилетантский характер, ибо основывалась скорее не на источниках и появившихся уже солидных исследованиях, а на предположениях и домыслах автора. Неизвестно, был ли он знаком с мнением генерала Макартура, командовавшего войсками на Дальнем Востоке, и позицией Объединенной группы начальников штабов США о том, что без участия СССР война против Японии скорее всего затянулась бы до 1948 года, ибо эти источники в его работе не упоминались. Однако то, что такое мнение существует, он просто не мог не знать. Роберт же лихо игнорировал суждения о намерении японской армии упорно сопротивляться и заключал: «Учитывая, что японцы не собирались продолжать войну, я не вижу, как военные действия России в Маньчжурии могли бы спасти жизни американских солдат при их вторжении на Японские острова». Переводя вопрос в иную, рыночную плоскость, автор упрекал правительство своей страны в том, что оно при торге с русскими не выяснило ценности приобретаемой вещи (то есть вступления СССР в войну на Дальнем Востоке). Вновь и вновь, экстраполируя последующий опыт на прошлое, не учитывая, что участникам Ялтинской конференции никак не могли быть известны будущие результаты испытаний и боевого применения атомного оружия, Роберт Кеннеди поучал, что не в интересах Америки было «просить Россию вступать в войну на Тихом океане»[{1129}].

Работа была зачтена, но каких-либо восторгов по ее поводу профессура не выразила. В результате Роберт оказался на 56-м месте из 125 выпускников Правовой школы Виргинского университета[{1130}].

Интересы выпускника лежали явно не в области науки, а значительно ближе к земным делам. Он всё больше увлекался текущей политикой.

Еще в период обучения в Правовой школе Роберт Кеннеди стал сотрудничать с сенатором Джозефом Маккарти, возглавлявшим подкомитет по расследованиям. К этому времени

Роберт женился на Этел, дочери богатого предпринимателя в области химической промышленности Джорджа Скейкела. Взаимные симпатии между пресловутым сенатором и молодым человеком, рвущимся в политические дебри, были настолько сильны, что Роберт даже попросил Маккарти быть посаженым отцом, когда у него родился первый ребенок.

Правда, по окончании Школы права молодой человек поступил на государственную службу, стал работать в отделе министерства юстиции, занимавшемся надзором над уголовным судопроизводством. Однако работа в правительственном учреждении продолжалась недолго. В 1953 году Роберт возвратился к Маккарти, став штатным сотрудником его сенатского подкомитета по расследованиям.

Теперь, когда он узнал Маккарти и характер его деятельности поближе, мнение о нем стало решительно меняться. Если в прежние годы в Маккарти привлекали решительность, даже бесшабашность, жесткость в отстаивании собственных позиций (такие черты были присущи и самому Роберту), то теперь повзрослевший юрист убеждался, что за этим стоит не только неприкрытый карьеризм, но и низкая образованность, сочетаемая с непроходимой глупостью. Когда же Маккарти затеял расследование «коммунистического влияния» в высших воинских структурах и в правительстве Эйзенхауэра, Роберт пошел на неслыханное должностное «предательство», разумеется, не выходившее за законные рамки.

С ужасом, смешанным с отвращением, Роберт слушал откровения распоясавшегося сенатора летом 1954 года. Сначала, 14 июня, Маккарти выступил с разоблачением в коммунизме прославленного генерала, а затем Государственного секретаря США Джорджа Маршалла, который, по его словам, в годы войны служил одновременно СССР и Японии. Вслед за этим, на заседании 1 июля 1954 года, Маккарти огласил свой очередной «план преодоления коммунизма» в международном масштабе путем создания объединения партий, находившихся, по его мнению, на демократических позициях. По аналогии с

Информбюро коммунистических и рабочих партий, объединявшим КПСС, компартии европейских сателлитов СССР, а также компартии Франции и Италии (это объединение на Западе именовали Коминформом), Маккарти даже предложил назвать проектируемое объединение Деминформом{1131}.

Разумным американским политикам были ясны не только утопичность создания такого объединения совершенно разнородных, никак не связанных между собой партий, но и примитивизм аргументации Маккарти. Роберт Кеннеди, будучи

лишь сотрудником аппарата, не имел права участвовать в прениях. Однако он проявил недюжинное остроумие, тонкую язвительность. Сев рядом с известным республиканским сенатором от штата Иллинойс Эвереттом Дирксеном (в 1959 году он станет лидером республиканцев в верхней палате), Роберт подсказывал ему вопросы, которые тот произносил с непроницаемым видом. Над каждым вопросом и следовавшим за ним ответом Маккарти присутствовавшие хохотали. О заседаниях передавались подробные репортажи по телевидению. Несчастный напыщенный, но плохо подготовленный к политическому противоборству реакционер был совершенно скомпрометирован{1132}. Можно полагать, что эти заседания были началом заката его карьеры.

После того как сенат выразил недоверие Маккарти и тот был вынужден уйти с поста председателя подкомитета, Роберт Кеннеди стал главным юридическим советником этого органа, который теперь занялся реальными делами. Кеннеди приступил к расследованию дел по обвинению в коррупции и мошенничестве государственных служащих, в том числе самого высокого ранга. При этом проявились жесткость и безапелляционность молодого юриста, его непримиримость к нечистым на руку дельцам, использование агрессивной тактики «выкручивания рук», которая не выходила за пределы, допустимые законом, но часто находилась на грани.

Прессу облетело дело некой дамы по фамилии Харт, чиновницы в Нью-Йорке, которая закупала воинское обмундирование у частных фирм, получая солидные взятки при каждой сделке. После допроса, который проводил Роберт Кеннеди, эта особа жаловалась журналистам, что Кеннеди допрашивал ее «в душной комнате», запугивал и даже занимался рукоприкладством (в последнем можно усомниться, ибо никаких доказательств сия особа не привела). «Я была бы готова сознаться в чем угодно. Я бы под присягой подтвердила, что именно по моей вине треснул Колокол Свободы»{1133}. В какой-то мере этот лицемерный, рассчитанный на жалость, рассказ всё же отражает стиль расследований Роберта Кеннеди, который проявился в его дальнейшей политической деятельности.

Наиболее значительным делом, которым занимался молодой юрист, было расследование обвинений по адресу министра авиации Гарольда Тэлботта. Оно было начато по доносу, который показался обоснованным. Действительно, до занятия своей правительственной должности Тэлботт был совладельцем нью-йоркской фирмы «Маллиган», занимавшейся поставками вооружений для авиации.

Начав расследование, Кеннеди установил, что после назначения Тэлботта министром государственные заказы у его бывшей фирмы и соответственно ее доходы резко пошли вверх. По всей видимости, с подачи Роберта в печать проникли письма, компрометировавшие министра. В конце концов тот был вызван в сенатский подкомитет, где должен был дать показания под присягой. Это была уже не шутка. Ведь изобличение во лжи, произнесенной под присягой, карается по американским законам многолетним тюремным заключением. В результате Тэлботт «покаялся», признал компрометирующие его факты и в августе 1955 года ушел в отставку, чтобы не подвергнуться суровому уголовному наказанию{1134}. Роберт Кеннеди торжествовал — фактически он своей эрудицией, настойчивостью и жесткой агрессивностью свалил такую видную политическую фигуру, как министр правительства Эйзенхауэра.

Роберт уделял внимание и внешней политике, в частности американо-советским отношениям. Летом 1955 года вместе с членом Верховного суда Уильямом Дугласом и своей сестрой Патрицией Лоуфорд, получив необходимые документы и сделав массу прививок от заразных болезней{1135}, он совершил длительную поездку по территории СССР, побывав в Закавказье, Средней Азии, Сибири, Москве и Ленинграде. В КГБ на основании доносов сопровождавших его гидов и переводчиков, а также непосредственной слежки об американском деятеле сложилось мнение как о яром антисоветчике.

В позднейшей справке о нем, составленной уже тогда, когда его брат стал президентом, Служба внешней разведки КГБ характеризовала его крайне отрицательно. Там говорилось: «Кеннеди вел себя с советскими людьми грубо и развязно. Он издевательски относился ко всему советскому… делал антисоветские выпады, например, заявляя советским переводчикам, что в СССР “нет свободы слова и не допускается критика в адрес советского правительства”, “осуществляется гонение на евреев” и т. п».. Согласно этому документу, Роберт Кеннеди «старался выявить в СССР только отрицательные факты». Видимо, соответствовало истине то, что он фотографировал плохо одетых детей, пьяных офицеров, драку, очередь на рынке, старые дома, о чем подробно говорилось в справке.

Более того, Роберт задавал своим собеседникам вопросы, которые тех просто пугали. Он, разумеется, не пытался выявить «данные секретного характера», как утверждали сотрудники КГБ. Но темы, которые затрагивались в разговорах, явно касались запретных моментов. Он спрашивал о подслушивании телефонных разговоров, перлюстрации переписки, мерах

наказания пойманных зарубежных шпионов. Находясь в Казахстане, он задал вопрос, какой процент руководящих кадров республики составляют выходцы из коренного населения. Касаясь положения Церкви, американец интересовался, с одной стороны, правда ли, что государство притесняет Церковь, а с другой — есть ли коммунисты среди церковников.

Советские спецслужбисты в то же время правильно подметили, что «по характеру Роберт Кеннеди резок», что ему присущи «прямолинейные действия»{1136}. Да и в целом крайне отрицательное отношение Роберта к советской тоталитарной системе, находившейся в стадии кризиса, соответствовало истине.

Возвратившись на родину, Роберт опубликовал несколько статей о поездке. Одну из них он назвал «Попытка заглянуть в то, что скрывается за русскими улыбками». Особое внимание уделялось положению в Средней Азии, которое он называл «примером советского колониализма». Автор полагал, что борьба за национальное освобождение, развернувшаяся в Азии, охватит и советские восточные республики, и высказывался за оказание американской помощи подобного рода движениям{1137}.

Во второй половине 1950-х годов Роберт, все более вовлекаясь в предвыборные баталии в качестве руководителя штаба старшего брата (об этом мы уже писали), одновременно ввязался в казавшуюся первоначально безнадежной битву по разоблачению преступных махинаций продажных профсоюзных боссов. Ему удалось свалить со своего поста председателя крупнейшего профсоюза водителей грузовых машин и грузчиков Дейва Бека, доказав его связь с мафией.

Роберт, однако, не был удовлетворен результатом расследования, так как доказать, что Бек присвоил свыше 300 тысяч долларов, в чем его обвиняли, он не смог. Профсоюзный мошенник буквально насиловал американскую конституцию: во время допросов он 117 раз отказался отвечать, ссылаясь на пятую конституционную поправку, предоставляющую право не давать показаний против самого себя{1138}.

Но преемником Бека оказался еще более крупный мафиози Джимми Хоффа. Неутомимый Роберт занялся новым профлидером. Расследование тянулось несколько лет. Хоффа представал перед судом и выходил сухим из воды. На его защиту, вероятно, не без крупных взяток, поднялись многие органы печати, причем не только США, но и соседней Канады. В одном из популярных канадских изданий — литературном ежемесячнике «Сатердей найт» появился целый цикл статей некого Энтони Уэста, пытавшегося в развязно-фельетонной манере голословно

опровергнуть обвинения, предъявленные Робертом Кеннеди. Роберт обратился в редакцию с аргументированным письмом, в котором доказывал, что имеет место не «судебный карнавал» (так была названа одна из статей Уэста), а карнавал публицистический, что обвинения, предъявленные профсоюзному мафиози, носят обоснованный характер{1139}. Журнал вынужден был опубликовать и статью Роберта Кеннеди «Банда наемников Хоффы — против собственных товарищей», вскрывавшую преступления группы Хоффы против своего профсоюза.

Для разоблачения Хоффы Роберт использовал и американскую прессу. Он публиковал острые статьи под не менее жесткими заголовками, например «Борьба за то, чтобы избавиться от Хоффы». Автор не жалел выражений, разоблачая практикуемый профбоссом «злобный и грубый контроль над более чем полутора миллионами рабочих, который калечит нашу экономику, разъедает нашу демократию и ворует наш трудовой доллар». Профлидера Кеннеди называл «жестоким и беспощадным» шантажистом и рэкетиром, представляющим серьезную угрозу для Америки{1140}. В подобных оценках были явные преувеличения, но они, во-первых, способствовали привлечению общественного внимания ко всему этому делу, а во-вторых, были проявлением складывавшегося стиля публицистики и устных выступлений Роберта Кеннеди, и этот стиль будет проявляться вновь и вновь по самым различным поводам.

Однажды перед судебным заседанием разгоряченный Роберт даже поклялся, что, если этого гангстера оправдают и теперь, он спрыгнет с купола Капитолия. Когда Хоффа был оправдан, его адвокат любезно-издевательски прислал Кеннеди парашют, сообщив в письме, что делает это из гуманных соображений, чтобы сохранить его драгоценную жизнь{1141}. В конце концов после многолетних судебных разбирательств Хоффа всё же был осужден на тюремное заключение, когда Роберт Кеннеди уже являлся министром юстиции.

Однако еще в 1960 году своей борьбе против профсоюзной мафии неугомонный юрист — борец за справедливость — посвятил специальную книгу «Внутренний враг». Переполнявшие автора эмоции, его стремление навести порядок в «своем доме», каковым он считал правовую систему США, видны из следующих слов, посвященных профсоюзным боссам: «Они выглядят подобно бандитам Эль Капоне. Они очень ловкие, иногда толстые, иногда худые, но жесткие и холодные. У них невозмутимые лица, а глаза гангстеров, они одеты дорого, носят кольца с бриллиантами, их часы украшены драгоценными камнями, и они сильно пахнут одеколоном. Поймать их нелегко»{1142}.

Естественно, что у воинственного и непримиримого юриста было немало врагов. Бывали случаи, когда они проявляли свои чувства вполне открыто. На день рождения в 1958 году Роберт получил сохраненную им в своем архиве «поздравительную» телеграмму из Чикаго со словами: «Я сожалею, что ты вообще когда-то родился». Несмотря на единственное число в этом тексте, под телеграммой стояли три подписи{1143}.

Министр и последователь Джона

Став ко времени своего избрания президентом осторожным и вдумчивым политиком, Джон Кеннеди колебался, следует ли ему включать в состав правительства родного брата. И преимущества такого назначения, и его слабые стороны были очевидны. Президент получал надежного, верного и разумного советчика по всем волновавшим его вопросам, человека, который будет проводить его курс на весьма ответственном государственном посту не только в силу служебного долга, но и на основании духовной и родственной близости. Отрицательная сторона заключалась в безусловных обвинениях в семейственности, непотизме, которые последуют за этим назначением.

Джон провел консультации с членами Верховного суда, бывшими министрами юстиции, с директором ФБР Эдгаром Гувером. От всех был получен положительный ответ — Роберт Кеннеди вполне достоин занять пост министра{1144}.

Роберт стал одним из самых молодых министров юстиции США — ему исполнилось только 35 лет. Из шестидесяти трех его предшественников лишь два министра были к моменту их назначения моложе его, и оба в начале XIX века{1145}.

Заняв высокий пост в правительстве, Роберт Кеннеди отнюдь не скрывал своей молодости. Наоборот, он взял ее на вооружение, при любом удобном случае напоминая соотечественникам слова, сказанные им еще летом 1960 года: «Править Америкой будем мы — молодая группа»{1146}.

Министерство юстиции к началу 1960-х годов было мощным административно-бюрократическим учреждением. В его составе работали свыше сорока тысяч чиновников и других сотрудников. Роберт выполнял функции и имел полномочия министра (официально он именовался генеральным прокурором — *General attorney,* хотя никакого отношения к прокурорской деятельности в европейском смысле слова его должность не имела).

Министр юстиции нес свои функциональные обязанности в качестве главного официального юридического лица администрации и в то же время являлся фигурой, имевшей

значительное политическое влияние в качестве видного деятеля правящей партии, помощника и советника старшего брата. Во всех этих качествах он должен был руководствоваться в пределах законодательства политической линией, одобренной президентом{1147}.

В первые недели своего пребывания на посту министра Роберт уделил особое внимание подбору заместителей. Естественно, речь шла о профессиональных юристах, но личные соображения, надежность помощников и преданность руководителю играли немалую роль. Первым заместителем стал Байрон Уайт, многолетний знакомый Джона и Роберта, в компетентности и преданности которого руководитель был убежден. Другим заместителем, вскоре выдвинувшимся на первый план, стал Николас Катценбах, нередко замещавший своего шефа, когда тот занимался другими государственными делами.

Катценбах был особенно близок Роберту. Это был ветеран Второй мировой войны. Боевой летчик, он был сбит над Средиземным морем, попал в германский плен, где провел больше двух лет. После войны, получив юридическое образование, он работал адвокатом, служил в государственной администрации, являлся университетским профессором. После ухода Роберта Кеннеди из министерства он в течение двух лет работал министром, а затем занимал другие административные должности. Только на закате своих дней Катценбах опубликовал воспоминания, основанные на заметках, которые делал, работая в правительстве{1148}. Скончался он в возрасте 90 лет в мае 2012 года.

Как и другие заместителей помощники, Катценбах был выпускником Школы права Йельского университета, интеллектуал высокой пробы, накопивший практический опыт в престижных юридических фирмах. Единственным человеком, не связанным в прошлом с Иелем, был профессор Школы права Гарвардского университета Арчибальд Кокс. Но и он являлся старым приятелем братьев Кеннеди.

В последние годы пребывания на должности министра Роберт принял эстафету погибшего брата по проведению в жизнь закона о гражданских правах. Как мы помним, соответствующий законопроект был внесен в конгресс еще Джоном. Теперь предстояло преодолеть сопротивление консервативных парламентариев, в основном представлявших южные штаты. Против билля шла борьба исключительно по линии его ограничения (в принципе против предоставления защищенных законом гражданских прав неграм в середине 1960-х годов уже

возражать было невозможно как с точки зрения внутренних отношений, так и по причине распада колониальной системы в Африке). Кеннеди и его помощники настаивали на внесении в проект некоторых важных поправок, связанных в основном с расширением возможностей федеральных властей по реальному обеспечению прав чернокожего населения, по его защите от вполне вероятных покушений со стороны администраций штатов, городов, графств и т. п.

В связи с проблемой гражданских прав министерство юстиции развернуло поход против расистской организации ку-клукс-клан, которая значительно сократила к этому времени масштаб своих акций, но продолжала тайное существование, угрожая борцам за гражданские права, а в некоторых районах наводя ужас на чернокожее население.

Роберт Кеннеди решил принять, мягко говоря, нетривиальные с точки зрения законодательства, но широко практикуемые всеми спецслужбами мира меры для разоблачения и разгрома ку-клукс-клана. Он провел несколько совещаний с директором ФБР Гувером, которого в конце концов убедил в необходимости начать инфильтрацию агентов в ячейки ку-клукс-клана и связанные с ним расистские советы белых граждан. По указанию министра была разработана система мер по засылке агентов ФБР в ку-клукс-клановские группы и по их разложению путем распространения слухов, использования фальшивых документов, кампаний против наиболее известных членов организации и т. п. Программа борьбы против ку-клукс-клана весьма грязными методами была разработана и санкционирована Кеннеди.

Она вступила в силу в середине 1964 года. По свидетельству сотрудников ФБР, внедрение в ку-клукс-клан было проведено быстро и эффективно{1149}. И хотя в следующие годы куклуксклановцы проявляли некоторые всплески былой активности, в целом эта расистская организация практически сошла с политической сцены Америки к концу 1970-х годов. Разумеется, этому способствовал целый комплекс факторов, прежде всего рост политической культуры американского общества, высокая активность самих негритянских организаций, антирасистское законодательство, но инициативы Роберта Кеннеди по разложению расистских групп изнутри, поддержанные руководством ФБР, сыграли в этом деле определенную роль[82].

Между президентом Линдоном Джонсоном и министром юстиции существовало почти полное совпадение взглядов по вопросам, связанным с гражданскими правами. Президент полностью поддержал законопроект о гражданских правах,

внесенный покойным Джоном Кеннеди. Билль был передан на рассмотрение конгресса. Прямых выступлений против принятия закона не было. Однако некоторые конгрессмены затягивали обсуждение, стремясь выхолостить в основном те статьи, которые были направлены на гарантии осуществления закона в штатах средствами федеральной администрации — вплоть до применения насилия против расистов. Основной аргумент консервативных южан состоял в данном случае в том, что законопроект нарушает конституционную автономию штатов. Огромным завоеванием было то, что прямо против юридического предоставления равных прав черному населению уже никто не осмеливался выступать.

Роберт Кеннеди встречался со многими членами палаты представителей и сенаторами, убеждал их поддержать акт в неурезанном виде. Большой удачей стала его беседа с лидером республиканского меньшинства в сенате Э. Дирксеном, которого министр смог уговорить поддержать билль, отчасти пользуясь своими прошлыми с ним контактами во время борьбы против маккартизма.

2 июля 1964 года президент Джонсон подписал акт о гражданских правах, который объявлял нарушением законодательства и, следовательно, уголовным преступлением дискриминацию по расовому признаку при приеме на работу и увольнении, при приеме в учебные заведения и в ходе обучения в них, при аренде жилья{1150}.

В качестве министра Роберт Кеннеди уделял особое внимание вопросу о детской преступности. Он поддерживал связь с юристами и другими экспертами, специализировавшимися в этой области. Для него особенно важным было мнение бывшего исполнительного директора президентского комитета по вопросам детских правонарушений Д. Хэккета, которого считали крупнейшим специалистом — не только юристом, но и психологом.

По просьбе министра Хэккет осенью 1963 года подготовил содержательный меморандум о положении дел с преступностью малолетних и путях ее сокращения. Связывая детские правонарушения прежде всего с бедностью, с положением в трущобах, Хэккет намечал некоторые важные меры. Среди них особое впечатление произвели на Роберта предложения о создании детских центров, которые воспитывали бы у ребят чувства оптимизма, трудолюбия, координировали бы усилия семьи, школы и рынка труда, увязывали бы общефедеральные программы с местными. Роберт успел познакомить брата-президента с этими предложениями перед его роковым отлетом в

Даллас{1151}.

В 1964 году начала создаваться система вышеназванных центров, которая была поддержана президентом Джонсоном.

Если по негритянскому вопросу и по делам, связанным с детской преступностью, между новым президентом и министром юстиции позиции совпадали, то по другим проблемам между ними уже вскоре после того, как Джонсон переехал в Белый дом, возникла политическая и личная напряженность, порой переходившая в открытую неприязнь. Она была связана прежде всего со стремлением Джонсона противопоставить программе «новых рубежей» Джона Кеннеди свою программу, которая в принципе имела бы тот же вектор, что и прежний курс, но превосходила бы его и по содержанию выдвигаемых задач, и по красочности лозунгов.

Роберт Кеннеди, как живое напоминание о «новых рубежах» и их носителе, вызывал неприятие у окружения президента и у него самого. По словам российских исследователей, Джонсон, «став президентом и частенько вспоминая о своей незавидной роли в администрации Джона Кеннеди, не хотел мириться с действиями человека, который по своему весу в Демократической партии почти не уступал ему самому»{1152}.

В результате работы помощников Джонсона родилась программа «великого общества», которая намечала действительно серьезные меры по преодолению нищеты, восстановлению крупных городов, особенно городских центров, парадоксально становившихся районами трущоб со всеми их бедами и пороками, по охране окружающей среды, по совершенствованию здравоохранения и просвещения, особенно начального образования. Критики этой программы обращали внимание не столько на ее содержательную сторону, сколько на пропагандистские лозунги, начиная с названия: действительно, современное демократическое государство должно считать поставленные задачи сами собой разумеющимися, не именуя себя «великим обществом»{1153}.

Тем не менее эта программа являлась важнейшим инструментом демократов на выборах 1964 года. Успеху Демократической партии помогло то, что в качестве главного глашатая республиканцев на выборах выступил тот самый крайне консервативный сенатор от штата Аризона Барри Голдуотер, над которым в свое время подсмеивался Джон. Это была весьма примечательная и противоречивая фигура, типичное порождение контрастов демократической Америки.

Решительно выступая против какого бы то ни было расширения гражданских прав (уже принятые законы Голдуотер с

явной неохотой все-таки обещал соблюдать) и призывая к жесткой политике в отношении СССР, объявляя о готовности использовать силу оружия для защиты демократических ценностей, видя в любом просчете американской политики происки мирового коммунизма, Голдуотер в то же время красноречиво вещал об утрате американских идеалов, духа пионерства, простой религиозности. Одновременно он демонстрировал приверженность техническому прогрессу и даже сам пилотировал собственный самолет, что широко рекламировалось в прессе и по телевидению. Стараниями не только демократов, но и своих соперников из Республиканской партии Голдуотер вскоре был превращен в своеобразную карикатуру на самого себя, или, как писал историк Хофстедер, он был «похож на европейскую карикатуру американца с Запада своими ковбойскими чертами, своей осторожной, несколько старомодной моралью, которая не исключает любви к современным техническим новинкам»[{1154}].

В условиях намечавшейся разрядки международной напряженности, роста левых и даже левацких настроений в США доктрины Голдуотера были явно неприемлемы большинству американцев.

Кандидатом от Демократической партии на выборах 1964 года был выдвинут Линдон Джонсон, внутренняя программа которого содержала требования «великого общества», а внешняя была относительно умеренной и предусматривала, в частности, достижение соглашения по сокращению вооружений в глобальном масштабе, но в то же время намечала и меры по «сдерживанию» коммунизма.

Успех Джонсона сначала в лагере своей партии, а затем и на всеобщих выборах в ноябре 1964 года почти неизбежно имел своим последствием всплеск недружелюбного отношения к Роберту Кеннеди, имя которого повсеместно ассоциировалось с деятельностью его покойного брата.

Наиболее четко расхождения, разногласия, а затем и конфликт проявились в решении проблем Латинской Америки.

Поначалу Кеннеди подверг критике новую трактовку Союза ради прогресса, которая была дана заместителем госсекретаря по делам этого региона Томасом Манном. Занимавший этот пост недолгое время в 1965—1966 годах, Манн решил выдвинуться, учитывая настроения президента, и представил докладную записку, в которой предлагал свернуть либерально-реформистскую деятельность Союза ради прогресса. Он считал, что двумя основными критериями для оказания поддержки Соединенными Штатами тому или иному латиноамериканскому

государству являются не только приверженность западным демократическим институтам, но и полная поддержка США, причем не оговаривалось, что речь идет именно о политике по отношению к этому региону, а не о глобальном правительственном курсе. При этом в число государств с демократическими институтами включались и те, в которых у власти стояли военные группировки, формально сохранявшие систему всеобщих выборов{1155}.

Так США должны были стать заложником тех самых «сукиных сынов», по поводу которых Франклин Рузвельт якобы говорил, что это «наши сукины сыны» (на самом деле эти слова Рузвельту были приписаны, и об этом мы уже упоминали){1156}. Меморандум Манна был одобрен Джонсоном.

Конфликт Роберта Кеннеди с этим государственным деятелем, переросший в столкновение с президентом, произошел уже после того, как после избрания Линдона Джонсона на президентский пост Роберт покинул кабинет.

Глава 2.
В СЕНАТЕ И ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ГОНКЕ

Баталии на левом фланге демократов

Став сенатором от штата Нью-Йорк на выборах 1964 года (авторитет семьи Кеннеди был настолько высок, что *для* победы на выборах в верхнюю палату пришлось приложить минимальные усилия) и уйдя в связи с этим с министерского поста, Роберт счел, что теперь его руки развязаны. Он чувствовал себя надежно, так как пользовался огромной поддержкой избирателей не только в «имперском штате» (то есть в штате Нью-Йорк), но и на всем северо-востоке страны, особенно в родном Массачусетсе.

События не заставили себя ждать. В апреле 1965 года в Доминиканской Республике произошло свержение автократического режима, поддерживаемого США. Было образовано временное революционное правительство, которое Т. Манн и другие сотрудники Госдепартамента сочли «прокастровским», а события — чреватыми установлением коммунистической власти. По распоряжению президента в Доминиканскую Республику была отправлена американская морская пехота, оказавшая помощь правым силам в устранении временного правительства. В связи с тем, что действия США вызвали волну критики в ряде стран Латинской Америки, Джонсон пошел на хитроумный ход — направил в Доминикану американских представителей для расследования положения дел на месте, причем предложил войти в эту группу уже не раз упоминавшемуся известному историку А. Шлезингеру, ранее соратнику Джона, а теперь помощнику Роберта Кеннеди.

Предполагая отправиться в Доминиканскую Республику, Шлезингер исходил из того, что свержение авторитарного режима в этой стране было результатом коммунистического заговора. Однако, будучи внимательным и тонким наблюдателем, изучив обширную документацию, он пришел к выводу, что события были вызваны чисто внутренними причинами, и отказался от своей миссии, проявив таким образом лишь частичную лояльность по отношению к президенту, пытавшемуся привлечь его на свою сторону.

Проконсультировавшись со Шлезингером, Роберт Кеннеди выступил в сенате с заявлением, что в Доминиканской Республике имело место массовое движение, а не действия группы заговорщиков. Кеннеди подверг острой критике

администрацию Джонсона за скоропалительность действий и за то, что интервенция в Доминикану была предпринята без консультации с членами Организации американских государств{1157}.

Вскоре после этого, в ноябре 1965 года, Кеннеди совершил поездку в несколько латиноамериканских стран. Он посетил Перу, Чили, Бразилию, Аргентину, встречался со студентами, рабочими угольных шахт (в одну из них в Чили он спустился и убедился в крайне тяжелых условиях труда и отсутствии должной техники безопасности). По мнению американских журналистов, поездка являлась своего рода разведкой, этапом на пути к решению о вступлении в борьбу за президентский пост на очередных выборах. Не случайно жена Роберта Этел, ездившая вместе с ним, преподнесла мужу остроумный подарок на его сорокалетие, которое было отмечено в семейном кругу в Аргентине. Это была небольшая модель самолета У-2, который, как сообщали семейству друзья, работавшие в секретных ведомствах, Джонсон якобы послал в Латинскую Америку, чтобы наблюдать за поездкой ее супруга. Это конечно же была лишь едкая и вместе с тем грустная шутка, но тот факт, что за действиями Роберта высшие власти теперь следили весьма придирчиво, сомнений не вызывает, ибо подтверждается рассекреченной документацией спецслужб{1158}.[83]

Противоречия между сенатором и президентом углубились в связи с характером развития американской политики на Индокитайском полуострове.

2 и 4 августа 1964 года произошел так называемый «Тонкинский инцидент», когда, по данным американской стороны, два торпедных катера Северного Вьетнама атаковали в Тонкинском заливе военные корабли США. Судя по данным последующих расследований, первая атака действительно произошла в международных водах, скорее всего по недоразумению, второй не было вообще — командир корабля ошибочно оценил сведения, полученные с радара, на котором произошел сбой в условиях шторма, приняв помехи, вызванные плохой погодой, за приближение на большой скорости группы вьетнамских военных судов. Ситуация была неясной, информация продолжала поступать, однако президент Джонсон не поставил под сомнение возможность второго нападения и распорядился нанести авиационные удары по базам северовьетнамских торпедных катеров и нефтехранилищу, чтобы лишить топлива все боевые катера ДРВ. Операция была проведена 5 августа и стала первым налетом американской авиации на Северный Вьетнам, за которым последуют многочисленные новые бомбардировки{1159}.

Конгресс США, проинформированный о двух агрессивных акциях Северного Вьетнама против американских кораблей в международных водах, 7 августа на совместном заседании обеих палат принял документ «О положении в Юго-Восточной Азии», получивший в обиходе название Тонкинской резолюции. Вступившая в силу после подписания президентом 10 августа, она предоставляла Джонсону полномочия принимать меры для пресечения дальнейших нападений и разрешала ему использовать любые действия, включавшие боевые акции Вооруженных сил США, для защиты свободы стран Юго-Восточной Азии{1160}. Резолюция стала правовой основой для начала полномасштабного участия США в боевых действиях без формального объявления войны. Началось постепенное размещение на территории Южного Вьетнама американских воинских частей. Авиация США начала бомбардировки Ханоя и других городов ДРВ.

Роберт Кеннеди счел этот курс бесперспективным. В конце апреля 1965 года он побывал в Белом доме, где высказал президенту мнение о необходимости прекращения бомбардировок и буквально потребовал проявления общей сдержанности по отношению к ситуации в Индокитае.

Именно в связи с вьетнамской войной произошел окончательный разрыв между Робертом и президентом Джонсоном. Дело было так. В начале 1967 года Кеннеди, посетив ряд европейских стран, по пути домой несколько дней провел в Париже. Во время визита во французское министерство иностранных дел ему сообщили, что, судя по надежным источникам, правительство Северного Вьетнама готово начать мирные переговоры при условии, что американская авиация прекратит бомбардировки Ханоя и других городов ДРВ. Роберт счел источник авторитетным (ему сообщили, что информация поступила от неофициальной миссии Северного Вьетнама в Париже) и порекомендовал американскому посольству послать соответствующий доклад в Госдепартамент.

Неизвестно, каким образом, но произошла утечка конфиденциальных сведений в прессу. К тому времени, когда Роберт возвратился в Штаты, в ряд ведущих американских газет проникли данные, что вьетнамские коммунисты выступили с важными предложениями через французских дипломатов и американского сенатора{1161}. Хотя фамилия сенатора не упоминалась, было совершенно ясно, о ком идет речь.

Линдон Джонсон со свойственным ему южным темпераментом негодовал. Он считал, что всякие разговоры о возможности мира на основе компромисса лишь деморализуют американцев, воюющих во Вьетнаме, боевой дух которых и без

того был низок, и льют воду на мельницу внутренних умиротворителей, которых он считал чуть ли не национальными предателями и уж во всяком случае людьми, лишенными патриотических чувств.

Через несколько дней после возвращения из Европы Роберт Кеннеди был вызван в Белый дом. Не имея на этот счет никаких сведений, Джонсон на свой страх и риск обвинил сенатора в том, что он довел свои беседы во французском МИДе до прессы. Роберт решительно отрицал обвинения. Разговор велся на повышенных тонах. Роберт перебросил обвинение в разглашении секрета на «собственный Госдепартамент президента», хотя опять-таки не имел оснований для такого вывода. Джонсон вскипел: «Это не мой Госдепартамент, черт побери. Это ваш Госдепартамент!» — кричал он. Это была анекдотическая дискуссия — кому же, собственно говоря, принадлежит американское ведомство иностранных дел — президенту страны или сенатору (может быть, Джонсон имел в виду весь сенат или даже весь конгресс; проникнуть в ход мыслей раздраженного Линдона невозможно). Взбешенный президент продолжал с нескрываемой ненавистью: «Я уничтожу вас и всех ваших друзей-голубей за шесть месяцев»{1162}.

Думается, не лишним будет добавить, что именно в это время в американской политической терминологии получили широкое распространение появившиеся ранее, во время Кубинского кризиса, выражения «голуби» для обозначения тех, кто настаивал на скорейшем выводе американских войск из Вьетнама, и «ястребы» — те, кто настаивал на эскалации войны с целью полного разгрома Вьетконга и, если обстоятельства этому будут благоприятствовать, ликвидации коммунистического режима в Северном Вьетнаме.

Роберт явно не принадлежал к «голубям». Он не требовал фактической капитуляции американцев, предоставления Вьетнама собственной участи. Он, однако, по мере того как ситуация становилась всё более тупиковой, добивался политического решения, мира на основе компромисса и именно поэтому серьезно отнесся к предполагаемому прощупыванию почвы для переговоров со стороны вьетнамских коммунистов в Париже.

Журнал «Тайм», который впервые описал этот конфликтный диалог, утверждал даже, что Роберт Кеннеди в ответ на угрозы обозвал президента «сукиным сыном»{1163}. А. Шлезингер отрицает такое бранное выражение, правда, употребляет странный в данном случае оборот, заявляя, что журнал «преувеличивал»{1164}. Так называл Роберт президента бранным

словом или нет? В чем преувеличение? Представляется, что сенатор действительно употребил в отношении главы государства ругань, но, сразу одумавшись, принес извинения. Иначе трудно объяснить, в чем же состояло «преувеличение».

Во время беседы Роберт призвал президента прекратить бомбардировки северной части страны, начать переговоры о прекращении огня по крайней мере в отдельных районах Южного Вьетнама, согласиться на постепенную замену американских войск интернациональными силами. На все эти предложения, являвшиеся более или менее реалистичными, Джонсон отвечал решительным «нет».

После встречи Роберт пришел к выводу, что никаких точек соприкосновения с Джонсоном у него больше не существует. По словам А. Шлезингера, они оба «достигли конца дороги, по которой шли вместе»{1165}. После этого Роберт Кеннеди и Линдон Джонсон встретились только один раз во время избирательной кампании 1968 года.

Дальнейшие энергичные выступления против эскалации войны во Вьетнаме, за достижение мира в этой многострадальной стране путем компромисса относились к президентской избирательной кампании Кеннеди 1968 года. При этом наблюдатели отмечали, что он не снимал с себя ответственности за вьетнамскую войну, признавая, что вместе с братом-президентом способствовал ее превращению из внутреннего в международный конфликт.

Сенатор Кеннеди продолжал активно выступать по проблемам внутреннего социально-экономического развития своей страны.

Его особенно волновала проблема реализации гражданских прав черного населения.

Буквально накануне ухода из правительства Роберт направил президенту Джонсону свой меморандум по этому вопросу. Он проводил существенное различие между тем, какие практические меры следует предпринимать на Севере и на Юге страны. Речь шла о деловых приоритетах. В южных штатах, по его мнению, было необходимо направить основное внимание на реальное преодоление сегрегации. В северных же регионах, где сегрегация всё более уходила в прошлое, главное внимание надо было сосредоточить на действительном предоставлении неграм возможности повышать уровень своего образования, квалификации, предоставить им реальную перспективу зарабатывать в меру своих сил, способностей и навыков, с тем чтобы как можно быстрее преодолеть существенные различия в жизненном уровне белого и черного населения.

Законодательным путем можно было добиться разрешения для черных посещать те же рестораны, что и белые, дать им возможность останавливаться в самых роскошных отелях, но при помощи законодательства невозможно было сделать их кошелек более полным. У них при любых разрешениях не будет реальных условий пользоваться теми же ресторанами и отелями, что и белые. Правда, как бы забыв, что речь в данном случае шла не о социальной дифференциации, а о гарантии прав, что и в среде белых имело место серьезное имущественное расслоение, а потом вдруг вспомнив об этом, Роберт оставлял вопрос открытым, не формулируя реальных предложений по поставленному комплексу вопросов{1166}.

Весной 1965 года Роберт совершил поездку по южным штатам. Выступая в университете штата Миссисипи, он встретил понимание большинства слушателей, удовлетворенных начавшейся реальной десегрегацией.

Парадоксально, но значительные трудности он испытывал теперь при встречах и выступлениях в северных и западных штатах. Собственно, это вытекало как раз из тех сопоставлений, которые содержались в меморандуме Роберта Кеннеди президенту Джонсону. Выступая здесь, Роберт трезво предсказывал, что именно в этих регионах в близком будущем могут начаться расовые волнения, прежде всего на социальной почве.

Предположение подтвердилось очень скоро. Подстрекаемые экстремистскими группами жители негритянских районов Лос-Анджелеса в августе 1965 года устроили кровавый бунт, требуя немедленно резкого повышения своих доходов за счет государства, невзирая на экономические соображения, законодательство, низкую квалификацию самих участников беспорядков и т. п. Волнения в Лос-Анджелесе продолжались шесть дней: гремели взрывы самодельных бомб, были сожжены сотни автомашин, вспыхивали уличные схватки толпы с полицейскими. Полиция широко использовала водометы и резиновые дубинки. Погибли более тридцати человек, свыше тысячи были ранены.

Получив столь печальные подтверждения своих прогнозов, Роберт приложил усилия, чтобы направить выступления негров в мирное русло. Он установил связь с Мартином Лютером Кингом, который сосредоточивал деятельность своего движения за права черного населения именно на Юге. (Вспомним, что сама организация Кинга носила название «Конференция христианского руководства на Юге».){1167} Под влиянием убеждений и советов Роберта Кинг совершил поездку по северным штатам, пытаясь

убедить негритянских активистов в пагубности кровавых эксцессов и преимуществах ненасильственных форм борьбы.

В январе 1966 года в Чикаго Кинг организовал мирную демонстрацию, которая, однако, оказалась малочисленной. Правые группы в городе встретили Кинга крайне враждебно. Ими распространялся плакат с текстом «Кинг выглядел бы лучше с ножом в спине»{1168}.

С негритянской проблемы Кеннеди естественно и логично переключил внимание на более общие вопросы социальных отношений. Анализируя программу «великого общества», он находил в ней всё больше изъянов.

Правда, в первые месяцы своего пребывания в сенате Роберт выступал как рьяный сторонник так называемого *велфера,* то есть комплекса программ оказания помощи со стороны государства и штатов неимущим и малоимущим гражданам (в программу входили денежные пособия пожилым, выплаты по безработице, частичное государственное финансирование жилья, предоставление купонов на питание — так называемых *фудстемпов,* бесплатное лечение неимущих — *медикэр* и оплата большей части медицинских расходов малоимущих пенсионеров — *медикейд,* полностью или частично бесплатное предоставление лекарств и т. д.)[84].

Заняв сенатское кресло, Роберт стал усиленно добиваться выделения и расширения государственных фондов на финансирование программ велфера в штате Нью-Йорк. Благодаря прежде всего его усилиям 13 графств штата получили средства по специальному частно-государственному фонду помощи населению, проживавшему в районе Аппалачских гор{1169}. Вслед за этим Роберт провел через сенат решение о создании еще одного фонда в 500 миллионов долларов на помощь бедным слоям населения города Сиракузы{1170}.

Однако вскоре отношение Роберта к программам медикэра (в переводе — медицинская забота) и медикейда (медицинская помощь), а затем и велфера (благосостояние) в целом стало более сдержанным. Он не выступал против них в принципе, но обнаруживал в этих социальных инициативах внутреннюю противоречивость. Посещая городские трущобы Нью-Йорка и других городов, места, где уже издалека можно было почувствовать запах крыс, как он говорил в одном из выступлений, Роберт убеждался, что характер велфера не только не способствует созданию активных, самодостаточных, трудолюбивых городских общин, а, наоборот, развращает население, приучает его к паразитическому способу существования.

Роберт Кеннеди оказался одним из немногих сенаторов-демократов, которые стали задумываться над отрицательными последствиями того, что, обеспечивая минимальный прожиточный минимум и помощь в медицинских расходах, консервировало невежество, паразитизм под видом создания «великого общества» или «государства всеобщего благосостояния».

В нескольких выступлениях в сенате и значительно резче и определеннее в общении с однопартийцами и рядовыми жителями города и штата Нью-Йорк, куда он отправлялся почти каждую неделю, Кеннеди вновь и вновь отмечал опасные стороны велфера. В августе 1965 года, выступая в городе Спринг-филд-Эллей, он обратил внимание, что велфер приводит к тому, что люди перестают дорожить работой, теряют чувство удовлетворения собственной деятельностью и, как результат, чувство собственного достоинства. Его это сильно беспокоило. Он говорил, что должен быть найден путь прекратить бесплодную растрату средств и человеческих ресурсов. «Страна не может позволить себе продолжать год за годом увеличивать стоимость велфера, которая приводит к тому, что значительная часть населения становится постоянно безработными»{1171}.

Главным из наиболее острых и спорных вопросов сенатор теперь считал характер помощи неимущим. Признавая, что она не позволяет необеспеченным умереть с голоду и, более того, дает им возможность жить в относительном, разумеется, весьма скромном, благополучии, Роберт обращал внимание на пагубные моральные и общественно-экономические последствия этого курса, взятые в долговременной перспективе. В ряде выступлений и нескольких статьях Кеннеди вновь и вновь высказывал опасения по поводу того, что эти меры разрушают мораль получавших помощь, превращают их в иждивенцев общества, отучают трудиться, лишают реального социального будущего. Могут появиться целые поколения людей, предупреждал сенатор, которые будут жить за счет государства, то есть за счет налогоплательщиков, не обладая навыками трудиться и не желая получить какую-либо производственную квалификацию{1172}.

Предложения Кеннеди не были конкретизированы, однако он настойчиво требовал создания программ обучения безработных, установления связи между выплатой пособий и усилиями их получателей по приобретению определенной квалификации и нахождению работы. На рассмотрение сената Кеннеди внес законопроект о снижении налогов для тех предпринимателей, которые открывали бы новые предприятия в районах, где уровень бедности был особенно высоким. Консервативными сенаторами

этот план был отвергнут. Не складывая оружия, Кеннеди вместе с сенатором Джозефом Кларком (штат Пенсильвания) внес новый законопроект об общественных работах, предусматривавший выделение из федерального бюджета средств на трудовую занятость для двух миллионов человек{1173}. Это предложение носило еще более утопический характер. Оно напоминало мероприятия «Нового курса» Франклина Рузвельта. Однако те проводились в обстановке выхода из Великой депрессии конца 1920-х — начала 1930-х годов, когда безработица была массовой во всех отраслях. Теперь же безработица носила структурный характер, то есть существовали отрасли, испытывавшие нехватку рабочей силы, но работа на этих предприятиях требовала определенной квалификации, которая у безработных отсутствовала.

Несмотря на провал своих законодательных предложений, а в какой-то степени и благодаря им Роберт Кеннеди в глазах американцев всё больше становился продолжателем рузвельтовского курса либеральных реформ.

Осознавая недостатки и пороки программ велфера, Роберт Кеннеди напряженно искал спасительную нить, которая позволила бы при сохранении этих программ в принципе направить деятельность в такое русло, в котором получающие помощь люди могли восстановить свою самоидентификацию, чувство гордости, превратиться из потребителей распределяемых благ в их активных созидателей. Именно на этом фоне возникает идея содействия возрождению небольших общин на базе пришедших в запустение центральных городских кварталов при государственной и частной спонсорской помощи и, главное, при активном участии жителей в общественных работах, их взаимопомощи в пределах небольшого коллектива.

В записках Роберта появляется термин «гетто». Он употреблял это слово не в подлинном, традиционном его значении как части города, в котором селятся дискриминируемые национальные меньшинства. Гетто в его понимании представляло собой заброшенный отсталый район проживания бедноты или даже, может быть, бывшей бедноты — тех людей, которые прекратили вести нищенское существование благодаря социальной помощи, но сохранили психологию людей, не надеющихся на собственные силы, а ожидающих поддержки извне. Такие настроения и в целом образ существования Роберт называл «патологией гетто». Он пытался рассмотреть его в более широком плане, считая порождением кризиса либерального индивидуализма XIX века{1174}.

Все эти рассуждения свидетельствовали об интеллектуальном

развитии, о способности воспринимать новые знания, развивать существующие идеи, придавать им оригинальность и собственное видение. Беда, однако, состояла в том, что Роберт был политиком до мозга костей, и социологические рассуждения сами по себе его не удовлетворяли. Их необходимо было переводить в практические действия. А для этого нужен был реальный объект, то есть какая-то община или несколько общин со своей инфраструктурой, общностью интересов, осознанных или хотя бы таких, которые надо было воспитать, общей церковью, дружескими или просто соседскими интересами и т. д.

Такую общину Роберт Кеннеди обнаружил чуть ли не в центре Нью-Йорка, в Бруклине. Этот небольшой район под названием Бедфорд-Стайвисент стал заселяться неграми в 1920-е годы, по мере того как традиционный негритянский район города Гарлем (на острове Манхэттен) всё больше переполнялся неимущими жителями. В бруклинский район переселялись самые бедные люди, отчаявшиеся найти применение своим силам на рынке труда. Роберт Кеннеди, ставший частым гостем Бедфорд-Стайвесанта, с ужасом познавал то, с чем он ранее был знаком только по литературе, причем не всегда, по его мнению, заслуживавшей доверия. Он писал в проекте речи по вопросу о городской нищете, что это «загнивающий, умирающий город», «наихудшие трущобы в Америке», что треть всех жилых помещений района находится в катастрофическом состоянии, что здесь процветают алкоголизм, венерические болезни, преступность, что для района характерна высокая детская смертность{1175}.

Вдобавок к сказанному, в начале 1960-х годов в районе возникла подлинная война между хулиганствующими группами молодежи, а вслед за этим вспыхнул бунт черного населения против расизма, который сопровождался «расизмом наоборот», в частности вспышками злобного антисемитизма{1176}.

Роберт Кеннеди решил заняться «войной против бедности» в конкретном районе, причем на базе тех идей самоорганизации и самодостаточности населения, которые он стал развивать. По его инициативе была образована группа активистов, которую вместе с ним возглавил нью-йоркский судья Томас Джонс.

Ценой огромных усилий, первоначальных разочарований, которые были заранее очевидны активистам, среди населения загнивающего преступного района была подобрана группа местных жителей, которая взяла на себя инициативу своим примером повести борьбу против тех, которые одновременно были «организаторами и жертвами бездушия, жестокости и насилия»{1177}. В результате предпринятых усилий в декабре 1966

года была образована Корпорация восстановления Бедфорд-Стайвесанта. Кеннеди добился, что в уставной капитал корпорации внесли средства такие известные учреждения, как фонд Рокфеллера, фонд Форда, фонд Каплана, Таконик-фонд и др.

Но корпорация опиралась прежде всего на инициативу местного населения. На учредительном ее собрании Кеннеди говорил: «Программа развития Бедфорд-Стайвесанта будет сочетать лучшее, что существует в деятельности общины, с лучшим, что создала система частного предпринимательства. Ни то ни другое недостаточны сами по себе, но в их объединении мы видим надежду на будущее»{1178}.

В соответствии с планом, разработанным Робертом и его советниками, жители общины в лице своих избранных представителей постепенно приучались контролировать корпорацию и ее расходы. В свою очередь корпорация стремилась заинтересовать работодателей в найме жителей Бедфорд-Стайвесанта на работу, главным образом по восстановлению жилых домов и других построек района.

Роберт полагал, что именно таким образом у жителей будут восстанавливаться чувства гордости и личной ответственности, в полной мере сочетавшиеся с частной инициативой. Кеннеди повторял: «Мы надеемся, что нам удастся соединить всё лучшее, что существует в деятельности общины, с лучшим в системе частного предпринимательства»{1179}. Роберт надеялся, что как только проект продемонстрирует свою жизнеспособность, частный капитал если не польется рекой, то во всяком случае проявит к нему интерес, что обеспечит дальнейшее развитие общины на основе сочетания местной инициативы с интересами бизнеса. При этом внимание обращалось на капиталовложения не непосредственно в строительство и переоборудование помещений, а в обучение местных жителей тому, как совместными усилиями перестроить дома, вернуть их обитателям чувство уверенности или, как говорил Роберт, подвергнуть их «производственной терапии»{1180}.

Проект стал осуществляться, но темпами, несравненно более медленными, чем рассчитывал Кеннеди. Лишь незначительная часть безработных жителей района, получавших разного рода пособия, соблазнилась, и то после долгих уговоров, призывами к восстановлению самодостаточности и индивидуальной гордости, к работе на основе взаимопомощи и отказу от велфера. Большая же часть населения сочла, что Кеннеди и его помощники просто обманщики, стремящиеся лишить людей государственной помощи.

Район всё же постепенно стал приобретать чуть более благопристойный вид, сократилась преступность. Однако работы в Бедфорд-Стайвесанте тормозились как пассивностью или даже враждебностью значительной части местного населения, так и противодействием нью-йоркского профсоюза строителей, лидеры которого усмотрели в местной инициативе конкуренцию своей монополии на соответствующие виды работы. Об этом говорилось в меморандуме, направленном сенатору Кеннеди в мае 1967 года{1181}.

Постепенно интерес Роберта Кеннеди к проекту войны против нищеты с опорой не на одностороннюю помощь государства и частную благотворительность, а путем сочетания этих компонентов с инициативой населения, к проекту, предусмотревшему восстановление чувств гордости и самодостаточности в масштабе одного района, стал угасать. Хотя опыт Бедфорд-Стайвесанта был использован в некоторых других крупных городах (Чикаго, Лос-Анджелесе), он не получил широкого распространения. Критика «государства велфера», которую с таким энтузиазмом начал Роберт Кеннеди, повисла в воздухе, не будучи подкрепленной реальными масштабными усилиями по всей стране. Сам Роберт лишь отчасти возвратился к ней во время избирательной кампании 1968 года. При этом в центре внимания находилось стремление если не полностью, то хотя бы в основном избавиться от административно-бюрократической опеки, что, как вскоре выяснилось, хорошо звучало на словах, но на деле оказывалось непрактичным. Бюрократическая система распределения помощи нуждавшемуся населению продолжала расти, поглощая значительную часть этой самой помощи. Административный Левиафан современной Америки пожирал всё больше средств, сохраняя тот замкнутый круг, который критиковал Роберт Кеннеди, но не был в состоянии найти из него выход.

Вторая половина 1960-х годов всё больше становилась временем активизации либеральных политических движений, связанных прежде всего с недовольством продолжавшимся участием США в войне во Вьетнаме, непроизводительным расходованием финансов на всё новые дорогостоящие виды вооружений, требованием новых реформ в социальной сфере.

В основном либералы действовали внутри Демократической партии, в которой, наряду с Робертом Кеннеди, видную роль начинали играть Джеймс Макговерн и Юджин Маккарти. Однако либеральное крыло усилилось и в стане республиканцев, в котором выделялся губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер. В то же время среди республиканцев все более четко

давало себя знать течение прагматиков, которых значительная часть либералов ошибочно относила к консерваторам, неоконсерваторам или даже последователям Голдуотера. На самом деле они, выступая за традиционные «американские ценности» — относительно свободный рынок, поощрение частного предпринимательства, сокращение неоправданной помощи лицам и группам, не желающим работать, более твердый курс на международной арене, были готовы смотреть в лицо внутренним и внешним реалиям. Таковым являлся Ричард Никсон. Таковым был постепенно приобретавший национальную известность калифорниец Рональд Рейган, которого поначалу не воспринимали всерьез, так как он являлся профессиональным актером и не был связан с той или иной сложившейся политической группой.

Но выход этих деятелей на авансцену политической борьбы был еще впереди. Пока же тон задавали либералы.

Вступление в борьбу за высший пост

Опросы населения во второй половине 1967 года показывали, что популярность Роберта Кеннеди неуклонно росла. По данным агентства Харриса, в июле соотношение сил было еще в пользу Джонсона: 45 против 39 процентов опрошенных высказались за переизбрание Джонсона президентом. В сентябре положение резко изменилось: за Кеннеди высказался 51 процент респондентов, а Джонсон остался на прежнем месте. В октябре разрыв стал еще большим: 52 к 32 процентам{1182}.

Между тем во влиятельных кругах Демократической партии с середины 1967 года стала формироваться либеральная группа оппонентов Джонсона, которая пришла к выводу, что в центр кампании против его переизбрания на президентский пост следует поставить критику военных действий США в Индокитае. В группу входили Эллард Ловенстайл (в прошлом активный борец за гражданские права в штате Миссисипи), мэр Чикаго Ричард Дейли, многократно нами упоминавшийся историк А. Шлезингер и др. Роберт Кеннеди поддерживал связь с этой группой, хотя по тактическим соображениям держался в стороне. Опытный и хитроумный Шлезингер выступил с возражениями против предложения Ловенстайла, чтобы Кеннеди был привлечен к руководству антивоенным движением и жесткой критике Джонсона, то есть фактически возглавил эту либеральную группу. Шлезингер убедил Роберта, что ему следует повременить. Надо дать движению пустить корни, а затем уже солидаризоваться с ним. Иначе Кеннеди могут обвинить в том, что именно он раздул

антивоенную политическую активность по корыстным соображениям в результате натянутых личных отношений с президентом{1183}.

После некоторых колебаний Роберт согласился с этим мнением. Сам он считал, что раннее выдвижение его на первый план будет воспринято как претензия на президентский пост, что при отсутствии четко сформулированной программы может вызвать опасения воможного раскола демократов. А это обеспечит победу республиканцам, набиравшим очки на недовольстве политикой действовавшего президента.

Группа Ловенстайла стала прощупывать почву Велись переговоры с сенаторами, стоявшими на либеральных позициях, с тем, чтобы они взяли на себя инициативу открытого выступления под антивоенными лозунгами. Переговоры с Джорджем Макговерном и Ли Меткалфом завершились безрезультатно. Те сразу поняли, что должны послужить временными фигурами, обеспечивавшими дальнейший выход Роберта Кеннеди на передний план. Сенатор Юджин Маккарти дал согласие взять на себя ношу, по всей видимости, надеясь, что ему удастся переиграть Кеннеди. По оценке ученого и дипломата Джона Гелбрайта, Маккарти являлся серьезным соперником Кеннеди. Он имел хорошее образование, относительно глубоко для политика разбирался в социальных науках и конкретной экономике и даже ориентировался в теологических вопросах{1184}.

Однако Роберт счел первоначальную тактическую задачу выполненной, будучи уверенным в том, что на последующих этапах избирательной гонки ему удастся обойти Маккарти благодаря своему опыту, помощи политических и финансовых кругов Северо-Востока и капиталу семьи. Такого же мнения придерживались и члены группы Ловенстайла. «В раннем выходе Маккарти на арену борьбы с Джонсоном они видели возможность для Кеннеди на следующем этапе выступить в качестве менее тесно связанного с антивоенным движением претендента, который устроил бы большую часть лидеров Демократической партии, в том числе тех, кто опасался бы ее раскола»{1185}.

Правда, некоторые близкие к Роберту деятели полагали, что он не должен выдвигать своей кандидатуры на ближайших выборах, что ему следует набираться сил до 1972 года, когда он сможет во всеоружии одолеть почти любого конкурента. Такого мнения придерживался, в частности, старейшина американской либеральной журналистики Уолтер Липпман, тот самый, который впервые употребил термин «холодная война»{1186}. На той же позиции, как мы увидим, стоял брат Эдвард. Однако особенно близкий к Роберту советник Кеннет О'Доннелл, «унаследованный»

от Джона и ставший верным другом, убедил сенатора не медлить. По мнению О'Доннелла, Джонсон был труслив и не выдержал бы открытой схватки с Кеннеди{1187}.

Одновременно с дискуссиями в группе своих консультантов и опытных сторонников Роберт выступил с несколькими лекциями, в основном перед студенческой аудиторией, реакция которой должна была, как он полагал, уточнить отношение к нему со стороны этой весьма импульсивной и радикальной части общественности.

Типичным было столкновение, происшедшее с группой студентов-слушателей в одном из колледжей на Лонг-Айленде — одном из островов, являющихся пригородным продолжением большого Нью-Йорка. Кеннеди устроил своего рода мелкую провокацию. После заявлений о несогласии с военной политикой президента в Индокитае и о том, что правительство могло бы сделать много больше для решения городских проблем, он вдруг сказал, что на предстоящих выборах будет скорее всего поддерживать Джонсона. Эти слова были встречены с недовольством. Один из студентов тут же заявил, что сенатор противоречит сам себе, что его последние слова несовместимы с тем обликом мужественного и твердого политического деятеля, который сложился у слушателей{1188}.

Разумеется, не одиночное выступление в колледже склонило чашу весов в пользу участия в президентских выборах 1968 года, но сама по себе эта встреча со студентами была важным показателем общественных настроений. Новые выступления за вывод американских войск из Южного Вьетнама, за прекращение авиационных налетов на города Северного Вьетнама, успех Ю. Маккарти, солидаризовавшегося с этими выступлениями, — всё это поддержало дух Кеннеди.

Утром 16 января 1968 года Роберт Кеннеди появился в парадном зале Капитолия в сопровождении жены, детей и наиболее близких сотрудников, чтобы объявить о своем вступлении в гонку за кресло президента США. Эта подчеркнуто театральная эскапада была повторением того, что произошло за восемь лет до этого — именно здесь о своем выдвижении на высший пост объявил старший брат. Теперь кандидат не ограничился краткой информацией о предстоявшей борьбе. Он фактически сформулировал, разумеется в самой общей форме, свою приверженность либерализму и намерение изменить некоторые основы, на которые открыто или подспудно опиралась американская повседневность. Он говорил: «На карту поставлено не только лидерство нашей партии и даже нашей страны, а наше право на моральное лидерство на этой планете».

Это была высокая заявка, которую Роберт далее расшифровал так: «Ни один человек, и особенно я, столь хорошо знающий об исключительно больших требованиях, предъявляемых к президенту, не может быть уверенным в том, что смертный обладает достаточными силами, чтобы их выполнить. Но я добиваюсь поста президента, чтобы повести новую политику. Я поступаю так, чтобы ликвидировать разрыв между белыми и черными, между богатыми и бедными, между молодыми и старыми не только в нашей стране, но и во всем мире»{1189}.

Это конечно же была не просто популистская, но явно утопическая риторика, но в то же время она определяла вектор будущей президентской кампании и политики Белого дома в случае избрания Кеннеди. В свойственной Роберту острой и прямолинейной манере, без экивоков и двусмысленностей он объявил, что будет вести предвыборную борьбу без уступок не только республиканцам, но и консервативным силам в собственной партии. Правда, через несколько дней произошло неожиданное — Роберт Кеннеди сообщил, что отказывается от борьбы за президентское кресло. Его слова были восприняты с недоверием, и это чувство было оправданным. Возможный кандидат просто проверял, какова будет реакция различных кругов на его заявление. Кеннеди в очередной раз проявил себя нетривиальным, предпринимающим неожиданные шаги политиком.

8 февраля 1968 года Роберт выступил с обширной и жесткой антивоенной речью в Чикаго. Она оказалась совсем не такой, какую предполагала слушать аудитория. Сенатор был приглашен выступить на ежегодно проводимом банкете в честь «книг и их авторов», причем в качестве темы его выступления было обозначено нечто совершенно неопределенное: «В поисках нового мира». Видимо, предполагалось, что Роберт скажет какие-то слова о современном художественном творчестве. Правда, почти так же называлась недавно вышедшая книга Роберта, но она явно не имелась в виду, ибо представляла сборник речей и статей{1190}.

Всё было иначе. Квинтэссенция выступления заключалась в следующих словах: «Полмиллиона американских солдат вместе с 700 000 вьетнамских союзников при полном господстве в воздухе и на океане, при поддержке гигантских ресурсов, владеющие самым современным вооружением, оказались неспособными оградить хотя бы один крупный город от нападений противника, численность которого не превышает 250 000 человек»{1191}. В конце выступления было сказано: «Нынешняя реальность мрачна и болезненна. Но это только отдаленное эхо тех мук, к которым надежно ведет нас политика иллюзий»{1192}. Эти слова были

признанием невозможности выиграть войну при данном характере ведения военных действий и призывом к выходу из вьетнамского конфликта на основе компромисса. Более того, это был прямой вызов всей политике Джонсона, определенной как «политика иллюзий».

Речь Кеннеди встретила острую критику, вплоть до того, что некоторые органы печати назвали ее антипатриотической. Такого рода инвективы в американском политическом лексиконе означали серьезное обвинение.

В этих не очень благоприятных условиях созревший к битве за Белый дом Роберт Кеннеди начал готовить программную речь о своей предполагаемой политике на президентском посту, однако, поразмыслив, отказался от этого, решив, что печатное слово будет более эффективным. Одновременно он попытался договориться с Маккарти о координации действий против Джонсона. Однако его посланников, среди которых был младший брат Эдвард, встретили недоброжелательно. Маккарти видел в Кеннеди серьезного конкурента, а не союзника. Либеральные силы демократов оказались раздробленными.

16 марта Роберт повторно объявил о вступлении в предвыборную борьбу. Он произнес первую предвыборную речь в государственном университете штата Канзас. И опять ее содержание оказалось неожиданным. Предварительно с Кеннеди было договорено, что тот выступит с лекцией о бывшем губернаторе штата республиканце Алфреде Лэндоне, который в свое время был конкурентом Франклина Рузвельта на президентских выборах. Однако от Кеннеди уже ожидали чего-то особого. Собралось рекордное число слушателей — 14,5 тысячи человек. И действительно, уже первые слова стали неожиданными: Роберт принес нечто вроде извинения за то, что недавно критиковал вьетнамскую политику Джонсона. «Я был вовлечен во многие ранние решения по Вьетнаму, — говорил он, — но прошлые ошибки — это не предлог для их повторения». Так что в действительности ни о каком извинении, как оказалось, речь не шла. Оратор заявил, что политический опыт научил его «высоко ценить переговоры с союзниками и с врагами, показал имеющиеся возможности и опасности для нашей страны в различных уголках мира». Он напомнил о нерешенных внутренних проблемах, включая черные бунты, самоубийство индейцев в резервациях и прочие ужасы, надо сказать, в какой-то степени преувеличенные. В любом случае жаркий характер предстоявших баталий из этой речи проистекал весьма ярко.

А вечером того же дня Роберт вновь выступил в университетском кампусе, собрав теперь 19 тысяч слушателей. На

этот раз речь звучала несколько более миролюбиво. «Я не думаю, что мы должны стрелять друг в друга, бить друг друга, проклинать и даже критиковать друг друга. И именно поэтому я вступаю в борьбу за пост президента Соединенных Штатов»{1193}. Последние слова противоречили сказанному перед этим, но дружелюбно относившиеся к Роберту студенты да и их профессора этого не заметили или сделали вид, что не заметили, проводив оратора бурными аплодисментами и одобрительным свистом.

По сути дела, массированным началом кампании было появление вслед за этой встречей книги Роберта «Найти обновленный мир», содержавшей выступления автора за последние годы, а также новые тексты, написанные специально для массовой аудитории в качестве программных установок. Посвятив книгу «моим и вашим детям», Роберт вновь и вновь подчеркивал значение инициативы молодых в прогрессивной перестройке мира. Он вспоминал Архимеда и Александра Македонского, Мартина Лютера и Жанну д'Арк, своего соотечественника Томаса Джефферсона. Всё это были «молодые люди, и мы можем сделать то же самое»{1194}.

Модернистский дизайн обложки, на котором был изображен сам Роберт, произносящий речь на фоне звездно-полосатого флага (прежде всего надо было опровергнуть обвинения в антипатриотичности!) и всевозможных мало понятных технических новинок, призван был представить кандидата в президенты как человека современного, стремящегося действительно к тому, чтобы Америка обрела новый облик.

В книге было несколько разделов — о молодежи, расовой проблеме, ядерном оружии, советско-американских отношениях, положении в различных регионах земного шара, в частности в Индокитае, и др. Имея в виду текущую ситуацию и накал антивоенных выступлений, особенно в молодежной среде, последнему вопросу уделялось особое внимание. Любопытно, что обращения, связанные со скорейшим прекращением военного конфликта в Индокитае, с положением на Ближнем Востоке, адресовались Кеннеди к самым различным слоям населения США. Так, критикуя свое правительство за то, что оно не оказало должной помощи Израилю во время арабо-израильской войны 1967 года, автор, обращаясь к еврейской общине Нью-Йорка, выражал уверенность, что «наша занятость во Вьетнаме сильно ослабила выполнение наших твердых и долговременных обязательств по отношению к Израилю»{1195}. Главный же вывод по индокитайскому вопросу состоял в необходимости путем переговоров добиться скорейшего компромиссного соглашения.

При этом Роберт Кеннеди твердо стоял на антикоммунистической позиции, считая саму идею общества без частной собственности, без классов, без материальных стимулов вредной утопией. Он был твердо убежден, что попытки практического осуществления подобного рода идей деформируют общество и прежде всего сознание людей, погружают их в пучину фактического рабства.

Однако и планы «священного похода» против коммунистического мира он считал не только несбыточными, тем более в ядерную эру, но и неконструктивными. Он писал: «Мы не построили Соединенные Штаты на антикоммунизме. Наша сила проистекает из положительной веры, у нас нет необходимости бояться или ненавидеть наших противников. Если же мы хотим свести до минимума вред и опасность возможной революции, мы должны сосредоточить наше внимание на программах улучшения социального обеспечения»{1196}.

Роберт Кеннеди завершил книгу новым обращением к вечно молодой американской нации: «Наш ответ на надежду, с которой смотрит на нас мир, состоит в том, чтобы опираться на молодость, выраженную не в возрасте, а в складе ума, воли, способности к полету мысли, в преобладании мужества над нерешительностью, в желании идти на новые свершения, а не расслабляться»{1197}.

Книга распространялась в организациях Демократической партии, ее аргументация использовалась самим Робертом и его сторонниками в предвыборных выступлениях. В то же время в кругах значительной части активистов партии ее встретили критически, полагая, что она носит сугубо агитационный характер, что книге недостает позитивной конкретики.

Тем не менее Роберту сопутствовала удача. Под влиянием общественного недовольства внутренней и внешней политикой правительства через две недели после практического вступления Кеннеди в предвыборную борьбу (31 марта) Линдон Джонсон объявил, что он не будет участвовать в выборах и что он намерен за оставшийся ему срок пребывания в Белом доме не только сократить американское участие во вьетнамской войне, но и попытаться найти путь к примирению.

Оба момента в заявлении Джонсона были весьма благоприятны для Кеннеди. Напомним, что претендент на президентское кресло может принимать участие в выборах только два раза. Джонсон уже дважды являлся президентом, но избран на этот пост был только один раз — в 1964 году (первый раз он стал президентом после гибели Джона Кеннеди). Так что право на участие в избирательной кампании 1968 года он имел, но

отказался им воспользоваться, полагая, что провалы во внешней политике, прежде всего во Вьетнаме, крайне ослабляют его шансы, а рассчитывать на случайность он не желал.

После этого некоторые участники команды Джонсона перешли к Кеннеди. Среди них был, что считалось особенно важным, Ларри О'Брайен, в прошлом один из ближайших сотрудников президента Кеннеди, который затем работал в аппарате Джонсона. О'Брайен по праву считался организатором президентских побед, и теперь, фактически возглавив штаб Роберта, стабильно добивался успехов{1198}.

Именно О'Брайен добился того, что 3 апреля президент Джонсон принял Роберта Кеннеди, правда, весьма неохотно. Собственно говоря, встреча была бессодержательной. Джонсон повторял общеизвестные истины об американских интересах в Индокитае и на Ближнем Востоке, о бюджетных трудностях и т. д. Кеннеди же интересовало, как президент будет вести себя во время избирательной кампании. Видя, что тот не собирается сам ставить этот вопрос, Роберт «взял быка за рога». Джонсон ответил, что его заявление о снятии собственной кандидатуры пересмотру не подлежит, но он пока не решил, будет ли вмешиваться в кампанию, а когда решит, поставит об этом в известность всех претендентов, включая собеседника. В то же время в ходе встречи Джонсон дал понять, что считает наилучшим претендентом на президентский пост вице-президента в своем правительстве Хьюберта Хэмфри. В любом случае беседа прошла далеко не дружелюбно с обеих сторон, и для Кеннеди единственным ее плюсом был сам факт встречи с президентом.

На протяжении апреля был сформирован предвыборный штаб Роберта Кеннеди. Возглавил его О'Брайен. Его ближайшими помощниками были в основном те же деятели, которые за восемь лет до этого сыграли немалую роль в избрании президентом Джона Кеннеди. Кеннет О'Доннелл занимался организационными делами, Пьер Сэлинджер — контактами с газетами и телевидением. К бывшему спичрайтеру Джона Теду Соренсену прибавились Адам Валински и Джеффри Гринфилд, однако окончательную редакцию речей и расстановку акцентов осуществлял сам Роберт. Он вносил значительно больший вклад в подготовку своих выступлений и статей, чем Джон, в основном полагавшийся на квалифицированных помощников.

В самом начале избирательной кампании появилась неожиданная тактическая трудность. Предварительно планировалось сосредоточить атаки на непопулярном президенте. Когда же Джонсон выпал из игры, возникли колебания. В конце

концов решено было направить основной удар критики на внутренние дела, используя контакты с организованным рабочим движением и особенно негритянскими организациями, но вести огонь безличностно.

Роберта поддержал Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности. Его руководители Л. Вудкок, Дж. Конвей и другие проводили агитацию в пользу Кеннеди на предприятиях крупнейших автомобильных объединений.

Активизировались и контакты с движением М.Л. Кинга, который постепенно расширял сферу своей критики, распространив ее на политику президента Джонсона в целом. Кинг ошибочно считал, что отказ Джонсона от участия в избирательной кампании — это обманный ход, что в разгар борьбы последует спровоцированное им самим обращение актива Демократической партии о возвращении на тропу президентской гонки, которому он последует.

Предвыборная координация усилий с негритянским движением только развернулась, когда 4 апреля 1968 года поступило известие об убийстве Кинга в городе Мемфисе, штат Теннесси. Кинг был застрелен неким Джеймсом Реем, который перед этим бежал из тюрьмы, а совершив преступление, вылетел в Лондон, где был арестован в аэропорту по данным полиции и наводке свидетелей убийства. Он был приговорен к 99 годам заключения. Последующие попытки Рея оспорить решение и вновь предстать перед комиссией присяжных не увенчались успехом. Опровергнуть факт совершения преступления ему не удалось, и он умер в тюрьме в апреле 1998 года.

Вечером того дня, когда было совершено убийство, Роберт Кеннеди прилетел в город Индианаполис, где собирался выступать именно перед представителями негритянской общины. О гибели Кинга он узнал в аэропорту. Хотя до предполагаемой аудитории известие о гибели лидера еще не дошло (Кеннеди и его помощники об этом вначале не знали), опасаясь инцидентов, ему предлагали отменить выступление. Сопровождавшие Роберта помощники полагали, что новость станет доступной в самый неожиданный и крайне неудобный момент. Кеннеди, однако, этому совету не последовал. Он решил идти ва-банк.

Первыми словами выступления были: «У меня ужасная новость для вас, для всех наших граждан, для всех людей мира, которые стремятся сохранить мир, — в Мартина Лютера Кинга стреляли, и он сегодня скончался». Затем оратор замолчал, дав возможность потрясенной страшным известием толпе прийти в себя. Всем своим видом, как об этом затем писали журналисты, он выражал искреннюю скорбь. Очевидно, так оно и было.

Настроение Кеннеди передалось присутствовавшим. Оратор смог овладеть аудиторией и продолжать выступление.

Он говорил, что вполне понимает жажду мести убийце или убийцам, что это вполне объяснимое чувство. Однако, если собратья Кинга поддадутся этому чувству, это может привести к опаснейшей поляризации американцев на расовой почве. Роберт в этом выступлении показал, что он действительно обладал высоким ораторским талантом, ибо речь была произнесена спонтанно, без заготовленного текста.

Он был первым, кто публично проинформировал общественность о смерти Кинга, заявив, что полон злости, особенно из-за того, что скорее всего убийца был белым. Оратор говорил, что он преисполнен теми же чувствами, которые испытал после убийства своего брата, Джона Кеннеди. Помощники были удивлены таким заявлением, так как он на людях никогда не говорил о смерти брата. Сказано было, что стране придется приложить усилия, чтобы «преодолеть сложные времена».

Вслед за этим опасным выступлением Роберт поступил так, как ему подсказывали и политический опыт, и гражданский долг. Он позвонил вдове Кинга Коретте, находившейся в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Выразив соболезнование, он предложил ей немедленно лететь вместе с ним в Мемфис. Хотя некоторые соратники Мартина Лютера Кинга отговаривали вдову от этого, полагая, что жест Кеннеди продиктован корыстными предвыборными соображениями, она не послушалась советов и дала согласие лететь вместе с кандидатом в президенты. Коретта прилетела в Индианаполис, хотя могла направиться прямо в Мемфис, без пересадки. Вдова Кинга была, как и он, политиком и оставалась в этом качестве даже после известия о гибели мужа. Боль утраты не скрыла от нее, как она позже неоднократно говорила, что Кеннеди проявил себя очень человечно{1199}.

Перед вылетом из Индианаполиса в Мемфис Кеннеди встретился с группой лидеров негритянского движения и заверил их, что приложит все силы для реального улучшения их экономического и бытового положения, особенно в случае своего избрания на президентский пост. Оратору удалось убедить негров Индианаполиса «воздержаться от того, что им подсказывали их гнев и их боль»{1200}. Индианаполис был единственным крупным городом со значительным негритянским населением, где в первые дни после гибели Кинга не произошли стихийные бунты черных. Несмотря на воинственные настроения негров в штате Индиана, волну гнева здесь удалось сбить, и этот штат в целом, не только его крупнейший город, оказался среди немногих, в которых

волнения, последовавшие за убийством Кинга, не вызвали массовых расовых беспорядков.

Между тем, узнав об убийстве Кинга, радикально настроенные группы черного населения во многих городах смогли спровоцировать не просто уличные волнения, а буквально элементы гражданской войны, охватившей свыше ста городов.

Наиболее опасные расовые столкновения имели место в столице Вашингтоне и соседнем Балтиморе. В Вашингтоне толпа в 20 тысяч человек двинулась из окраинных кварталов к Капитолию и Белому дому. Полиция оказалась не в состоянии справиться с недовольными людьми, тем более что значительную часть полицейских составляли негры. Президент призвал на помощь армейские части численностью свыше 13 тысяч человек. Тем временем начались погромы: было сожжено свыше тысячи помещений, в основном небольших магазинов. Кровавые беспорядки продолжались до 8 апреля. В результате их подавления было убито 12 человек, свыше 100 человек ранено.

Когда Кеннеди после похорон Кинга возвратился в столицу, она напоминала осажденный город: улицы были заняты войсками и полицией, во многих домах выбиты стекла, расчищались руины, на улицах еще пахло дымом, оставались остовы сожженных автомашин.

В таких напряженных условиях продолжалась избирательная кампания. Можно полагать, что позиция Кеннеди во время расовых беспорядков в апреле способствовала росту его популярности среди активистов Демократической партии. Первые крупные успехи были отмечены в штате Индиана, а вслед за этим в столичном федеральном округе Колумбия. На состоявшихся в Индиане 7 мая праймериз (первичных выборах) Кеннеди получил 42 процента голосов, а шедший за ним Мак-карти — 27 процентов. В центральных районах Вашингтона, которые составляют столичный округ Колумбия, главным соперником был вице-президент. Здесь успех Кеннеди был еще более внушительным: за него проголосовали 62,5 процента, тогда как за Хэмфри — 37,5 процента.

Однако основным конкурентом Кеннеди в масштабе не столичного округа, а всей страны был всё же не Хэмфри, а Юджин Маккарти. Последующие праймериз продемонстрировали почти полное равенство числа сторонников Кеннеди и Маккарти. Одновременно на них проявилось и известное различие между платформами кандидатов, которые, правда, были настолько близки, что разницу могли уловить только аналитики.

Отмечалось, например, что Маккарти резче критиковал спецслужбы. В отношении внешней политики обращалось

внимание, что оба кандидата выступали против роли США как мирового полицейского, но Маккарти склонялся к частичному изоляционизму, Кеннеди же продолжал выступать сторонником активного участия США в мировых делах. Критикуя вьетнамскую политику Джонсона, Маккарти давал понять, что отчасти в зарождении этой политики виноват и его нынешний соперник, занимавший министерский пост в первом кабинете нынешнего хозяина Белого дома. В то же время оба политика нарочито сводили к нулю робкие попытки Джонсона прекратить войну во Вьетнаме. При этом следует признать, что серьезные усилия Джонсон в этом вопросе так и не предпринял, в результате чего пальма первенства в прекращении смертоносной войны оказалась у его консервативно-прагматического преемника Ричарда Никсона{1201}. Более острым критиком вьетнамской политики правительства обычно был Роберт Кеннеди.

Такого рода различия почти не улавливались рядовыми демократами и низовыми партийными функционерами. Поэтому немаловажную роль играл момент случайности, личной привлекательности того или иного кандидата, удачности его выступлений и поведения перед аудиторией.

Гибель в разгар битвы

После победы Маккарти на первичных выборах в штате Орегон, где он опередил Кеннеди на шесть процентов, особую важность имели выборы в огромной и исключительно важной экономически Калифорнии.

Большим успехом в этом в значительной степени испаноязычном регионе было привлечение на сторону Кеннеди популярного лидера «латинос» (так называют испаноязычных граждан США) Сесара Чавеса (1927—1993). Этот борец за гражданские права американцев — выходцев из Латинской Америки и их потомков, а затем и остальных фермеров и сельскохозяйственных рабочих являлся одним из основателей и руководителей образованной в 1962 году Национальной ассоциации сельскохозяйственных рабочих — профсоюза сельхозрабочих США. Первой крупной акцией этого объединения стала забастовка сборщиков винограда в 1965 году. После длительного противостояния владельцы виноградников были вынуждены пойти на уступки, значительно повысив зарплату и улучшив условия труда сборщиков{1202}.

Когда Роберт прибыл из Орегона в соседнюю Калифорнию, почва для успеха была в значительной степени подготовлена. Это выразилось в том, что повсеместно — в столице штата

Сакраменто, в Сан-Франциско, Окленде, а затем в Сан-Диего и Лос-Анджелесе его встречали восторженные толпы, в которых преобладали черные и «латинос».

Именно в это время в американские выборы попыталась было вмешаться советская разведывательная служба. Как отмечал резидент КГБ в Вашингтоне О.Д. Калугин (он являлся заместителем руководителя резидентуры в 1965—1971 годах), им было послано предложение в Москву о тайном финансировании демократических кандидатов (речь шла теперь, естественно, прежде всего о Кеннеди), с тем чтобы не допустить победы на выборах Ричарда Никсона, которого считали закоренелым антисоветчиком. Калугин проявил определенную степень понимания расстановки сил, однако в Москве его инициативу не поддержали. Вершители власти со Старой площади не сочли нужным тратить крупные суммы на поддержку кандидата в президенты от «буржуазной» партии{1203}.

В Сан-Франциско состоялись дебаты кандидатов Маккарти и Кеннеди. Как и предполагалось, они прошли спокойно, так как позиции обоих были близки. «Это была конфронтация не противоборствующих линий или программ, а отдельных личностей, скорее, тех образов, которые претенденты и их помощники считали наиболее подходящими для их “продажи” избирателям»{1204}.

Вечером 4 июня стали известны результаты. Хотя и не с очень большим перевесом (четыре процента) победы добился Кеннеди. Но такой разрыв был вполне достаточен, чтобы обеспечить ему голоса всей делегации Калифорнии, одного из крупнейших штатов страны, на предстоявшем национальном съезде демократов.

Имея это в виду, штаб Кеннеди, естественно с одобрения самого Роберта, начал своего рода разведку в стане Маккарти. Прощупывалась возможность объединить силы обоих либеральных кандидатов для дальнейшей борьбы против республиканцев, причем имелось в виду, что за пост президента будет бороться именно Роберт Кеннеди. Дело даже дошло до того, что одному из близких сторонников Маккарти Майклу Новаку Роберт предложил сопровождать его в поездке в Великобританию, которая намечалась после партсъезда (в том, что съезд выдвинет официальным кандидатом демократов на пост президента именно его, Кеннеди почти не сомневался). Новак с ведома Маккарти это предложение принял{1205}.

К этому времени Роберт, ставший явным лидером своей партии, всячески продолжал демонстрировать энергию, бодрость, великолепную физическую форму. Он не оставлял своих занятий

альпинизмом, к которому проявил влечение еще в ранней юности. Наибольшим его спортивным достижением было восхождение на самую высокую и одну из самых труднодоступных вершин Северной Америки. Хотя восхождение было предпринято ранее, в 1965 году, информация о нем была использована именно во время предвыборной кампании для демонстрации высокой физической подготовленности кандидата в президенты, его мужества и стойкости.

Этой вершине в горах Сент-Элитас в Канаде было присвоено имя погибшего президента США, и Роберт просто не мог не подняться на пик Кеннеди, несмотря на огромную опасность этого, можно без преувеличения сказать, спортивного подвига. Именно Роберт вместе с группой альпинистов под руководством известного покорителя горных вершин Джима Виттейкера 24 марта 1965 года совершил первое восхождение на эту вершину, добравшись до верхней точки пика на высоте 4300 метров. Здесь Роберт оставил запонки от галстука военно-морского офицера, которые принадлежали Джону во время тихоокеанской войны, экземпляр его выступления на инаугурации и медальон с портретом старшего брата.

Гордясь выдающимся достижением, Роберт заявил: «Я совершил это, потому что боюсь высоты»{1206}.

Консервативные круги высказывали острое недовольство предвыборными выступлениями Кеннеди, особенно его установками на мирное соревнование с советским блоком и углубление либеральных реформ внутри страны, чуть ли не ежедневно в газетах появлялись объявления с угрозами, а на его имя приходили такого же рода письма. В этих условиях не раз поднимался вопрос об охране.

При этом охранять Роберта иногда надо было не только от врагов, но и от друзей. Незадолго до прибытия в Калифорнию он побывал в городе Колумбус, штат Огайо. Там восторженная обезумевшая толпа остановила машину кандидата, его выволокли из автомобиля и стали так тискать и обнимать, одновременно отрывая на сувениры пуговицы, что физически мощный Роберт чуть было не задохнулся. С огромным трудом спутникам удалось вырвать его из опасных объятий и погрузить в машину.

В связи с этим власти предлагали прикомандировать к нему специальную группу сотрудников Секретной службы. Однако, подобно Джону, Роберт счел, что такого рода предосторожность серьезно помешает его кампании, может понизить популярность. К тому же в его взволнованном ораторскими битвами, разгоряченном сознании неизменно присутствовал некий элемент фатализма. Он говорил: «Во время избирательной кампании

кандидата защитить совершенно невозможно. Надо надеяться на милость толпы и полагаться на собственную удачу»{1207}. Своим телохранителям, которых он в конце концов согласился принять, Роберт категорически запретил носить оружие.

В ночь на 5 июня 1968 года Роберт Кеннеди находился в самом роскошном отеле Лос-Анджелеса «Амбассадор», основанном еще в 1921 году и всемирно известном тем, что именно здесь ежегодно проводились церемонии вручения кинопремии «Оскар». Вместе с активистами своей партии он отмечал успехи избирательной кампании. Кандидат в президенты был хорошо настроен, полагая, что имеет высокие шансы на избрание.

Он выступил перед своими сторонниками, а затем направился в другой зал гостиницы, чтобы произнести речь на еще одном избирательном собрании. Чтобы сократить путь, Роберт не вышел на улицу, чтобы вновь зайти в другой зал отеля через парадную дверь, а решил пройти через служебные помещения, соединявшие оба зала.

Путь пролегал через битком набитую небольшую буфетную комнату, напоминавшую коридор. Здесь также толпились активисты Демократической партии. Когда Роберт протискивался через толпу людей, которые дружески его приветствовали, пытались обнять или хотя бы прикоснуться к нему, раздались выстрелы. Стреляли почти в упор, с расстояния не больше метра. Кеннеди был ранен двумя пулями, ранения получили еще пять человек.

Вначале казалось, что раны не представляют непосредственной опасности для жизни. Когда его везли в больницу, Роберт был в сознании и даже пытался шутить. Однако при осмотре в госпитале оказалось, что ранения были крайне серьезными. Первая пуля прошла через плечо и застряла в шее. Малейшая неосторожность могла привести к тому, что она сдвинется и полностью перекроет дыхание. Вторая же пуля поразила еще более важные органы. Она попала в голову за правым ухом, раздробила череп. В мозгу оказались мелкие частицы пули и костной ткани.

После тяжелой и долгой операции, трепанации черепа и попыток извлечения из мозга попавших туда осколков, через сутки с небольшим, не приходя в сознание после наркоза, Роберт Кеннеди скончался. Вначале полностью перестал функционировать мозг, и врачи констатировали «смерть мозга». Поняв, что никакое чудо не возвратит его брата к жизни, Эдвард Кеннеди дал согласие на отключение аппаратуры, поддерживавшей кровообращение{1208}.

Закончилась жизнь человека, любившего жизнь и стремившегося сделать ее лучше, не прибегая к методам насилия и произвола. Бернарду Шоу принадлежали слова, которые не раз повторял Роберт: «Есть два сорта людей. Одни видят вещи такими, какими они есть, и спрашивают, почему это так. Другие же знают о вещах, которые никогда не происходили, и спрашивают, почему бы им не случиться»{1209}. Именно к таким людям второго ряда принадлежал погибший политик — один из немногих, кто пытался внести крупные, хотя и не коренные изменения в развитие своей страны.

Убийцей был некий Серхан Бишара Серхан — палестинец, имевший подданство Иорданского королевства, но постоянно проживавший в Восточном Иерусалиме. На следствии, а затем на суде он признал, что совершил убийство в качестве мести за поддержку, которую Роберт Кеннеди оказывал государству Израиль. Подтверждением этого явилась изъятая при аресте газетная вырезка под заголовком «Кеннеди выступает за Израиль».

Попытки и здесь найти заговор, организованный крайне правыми американскими кругами, мафиозными структурами и т. д., доказательного результата не дали, хотя некоторые эксперты пытались убедить, что в Роберта стреляли с более близкого места, чем то, где находился Серхан. Существует версия, что Серхан являлся так называемым «маньчжурским убийцей», то есть человеком, против своей воли запрограммированным на убийство с помощью гипноза или других психотехнологий. В рамках этой версии предполагалось, что Серхана использовали для отвлечения внимания окружающих, в то время как истинный убийца выстрелил в Кеннеди сзади. Согласно официальному докладу ФБР 1975 года, версия о втором стрелке не имеет серьезных доказательств{1210}. Именно Серхан был признан единственным убийцей, приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. Серхан отбывает его по настоящее время[85].

Многие политические наблюдатели продолжают полагать, что у Роберта Кеннеди были все шансы не только добиться номинации Демократической партии на президентский пост, но и победить кандидата от республиканцев Ричарда Никсона, который при отсутствии столь влиятельного соперника добился победы на выборах 1968 года. В прессе можно обнаружить массу спекуляций по поводу того, как изменилась бы внутренняя и внешняя политика американской администрации, если бы президентом стал еще один Кеннеди.

Достоверного ответа на этот вопрос никто никогда не даст.

Отлично известно и то, что реальная президентская политика всегда сильно отличается от предвыборных лозунгов кандидата, любой политик действует не в вакууме, а в сложном переплетении взаимосвязанных и противоречивых влияний, равнодействующая которых нередко оказывается самой неожиданной. Так что гадать по поводу того, каким был бы в Белом доме увлекающийся, противоречивый и страстный Роберт Кеннеди, нередко довольно круто менявший сферы своих интересов, — совершенно бесплодное занятие.

Артур Шлезингер справедливо писал, что Роберт Кеннеди казался радикалом, но в действительности им не являлся. Он создавал «иллюзию несогласия без его сущности». В действительности он был ортодоксальной личностью, верившей в американскую систему свободного предпринимательства и считавшей, что именно она в состоянии решить основные проблемы нации, хотя и прилагал усилия для ее значительного усовершенствования{1211}.

Роберт, похороненный на воинском Арлингтонском кладбище рядом со старшим братом, вошел в американскую историю и как брат и соратник видного президента, и как самостоятельный политик-либерал, романтик и реалист, стремившийся к сплочению нации, то есть к той цели, за которую борются, но никогда не в состоянии достичь политики.

Глава 3.
ПЕРИПЕТИИ ЭДВАРДА

В команде старших братьев

Самый младший из братьев Кеннеди Эдвард впервые стал известен за пределами семьи скандалом, который разразился в Гарвардском университете, куда он поступил, следуя примеру старших братьев, в 1949 году.

Учился он удовлетворительно, особым прилежанием, как и старшие братья, не отличался, посвящая основное время футболу и другим спортивным играм, а также дружеским попойкам и свиданиям.

Однако к концу второго года обучения у него произошла серьезная неприятность. Эдвард был уличен в обмане на экзамене. Такого рода действие — *cheating* по-английски — рассматривается в США как серьезнейшее правонарушение, чуть ли не преступление, заслуживающее строгого наказания, причем доносительство в этом отношении всячески поощряется. Можно как угодно спекулировать по этому поводу и даже возмущаться, но таковы американские нормы, и уж во всяком случае повышению уровня знаний студентов они безусловно способствуют.

Оказалось, что Эдвард был не совсем в ладах с испанским языком, экзамен по которому ему предстояло сдавать. Собственно говоря, он, как сам вспоминал, мог бы сдать экзамен на минимальную положительную оценку, но в этом случае, согласно существовавшим правилам, он вылетел бы из первого состава университетской футбольной команды, а этого он никак не хотел{1212}. Не мудрствуя лукаво Эдвард договорился с более подготовленным приятелем Уильямом Фрейтом, что тот за деньги возьмет на себя труд сдачи экзамена. Фрейт хорошо написал письменную работу, но на беду за экзаменационным столом сидел молодой ассистент, который знал в лицо обоих. Когда Фрейт положил на стол текст, подписанный фамилией Кеннеди, бдительный ассистент поднял тревогу. Обоих вызвали к декану, уличили в обмане и с позором выгнали из университета, правда, с правом восстановления через два года при примерном поведении и достойном труде в этот период[86].

По требованию разгневанного отца Эдвард пошел в армию и два года прослужил в Европе, демобилизовавшись в 1953 году рядовым солдатом, даже не дослужившись до сержантского

звания (правда, он ушел из армии рядовым первого класса, то есть, по российским меркам, ефрейтором)[1213].

Армейские будни также проходили вяло. Эдвард не отличался особой дисциплинированностью, нередко опаздывал на построение, не выполнял должным образом офицерских поручений. Несколько раз он получал унизительные внеочередные наряды вроде чистки отхожих мест[1214].

После возвращения из армии (его часто спрашивали, почему он не отправился добровольцем на корейскую войну, которая происходила как раз в это время, и он на этот счет отмалчивался) Эдварду всё же удалось восстановиться в Гарвардском университете и в 1956 году завершить первую ступень высшего образования.

Занимался он более добросовестно, чем до армии, но академические достижения не были достаточными для зачисления на вторую ступень, в Школу права Гарвардского университета. И по всей видимости, в университете не забыли его юношеский грех с экзаменом по испанскому языку.

Напомним, что обучение в университетских «школах» следует за завершением первого этапа курса и по своему содержанию сходно с европейской аспирантурой. Правда, оно не дает столь широких возможностей для самостоятельного творчества, предусматривает лекции по расписанию, семинары, практические занятия и т. д.

После обсуждения в семье и по совету старшего брата Джона, который как раз в это время собирался выдвигать свою кандидатуру на пост вице-президента, но вынужден был ограничиться пребыванием в сенате, Эдвард поступил в Школу права Виргинского университета, где требования к кандидатам были ниже, чем в Гарварде[1215]. Особыми научными способностями он и здесь не отличился, зато стал известен как азартный автолюбитель, которого многократно останавливали и штрафовали полицейские за превышение скорости, да еще и в нетрезвом состоянии[1216].

В 1958 году в 26-летнем возрасте, не прерывая обучения, Эдвард вступил на политический путь, приняв участие в кампании за избрание Джона в сенат США от штата Массачусетс. Сколько-нибудь большой жизненный и гражданский опыт Эдвард во время этой кампании не приобрел. Он официально именовался менеджером кампании, но занимался мелкими текущими делами — разносил агитационные брошюры, развешивал плакаты, приклеивал к стенам домов, а иногда и к машинам так называемые «стикеры» (листовки с призывом голосовать за определенного кандидата с клейкой обратной стороной),

стремился вызвать избирателей на откровенный разговор. Однако всё это происходило в спокойной обстановке, так как победа была предрешена. Младшему брату явно не хватало сноровки и предприимчивости Джона и Роберта. Чувствовал он себя заправским учеником, внимательно выслушивавшим замечания старших и стремившимся исправить допущенные ошибки, которые в общем выглядели мелочами.

Рассказывали, например, следующий эпизод. Появившийся в Бостоне отец клана Джозеф выразил сыну недовольство, что на дороге он почти не видел агитационных плакатов и стакеров на встречных автомашинах. Раздосадованный выговором Тед (за взрослым Эдвардом закрепилось его детское имя) отнюдь не подумал, что это просто воспитательная отцовская придирка, каковой она на самом деле и являлась. Он захватил большую пачку плакатов и отправился к въезду в тоннель, где задерживались для оплаты водители автомашин и где образовывалась получасовая пробка. Многие водители соглашались прикрепить на бампер машины стикер с надписью «Сенатор Кеннеди», тем более узнав, что раздает их родной брат означенного лица{1217}.

После блестящей победы Джона на выборах в сенат именно Тед был первым, кто на торжественном вечере поздравил брата многозначительным тостом: «Перед вами президент Соединенных Штатов 1960 года, если вы его сделаете таковым». Джон ответил: «А это сенатор 1962 года Кеннеди, если вы сделаете его таковым»{1218}.

В 1959 году Эдвард окончил Школу права без каких-либо отличий и лишь получил лицензию на ведение самостоятельной юридической практики.

Еще в 1957 году Тед познакомился с Джоэн Беннетт, подругой его сестры по колледжу Манхэттенвиль в Нью-Йорке, дочерью специалиста по рекламе Генри Беннетта, который к этому времени стал хроническим алкоголиком и держался на работе только благодаря милости боссов. Джоэн слыла красавицей и помогала семье, с успехом выступая в телевизионных рекламных роликах{1219}.

После недолгих ухаживаний молодой человек представил Джоэн родителям. К чести старшего поколения Кеннеди, никаких возражений не последовало, несмотря на то, что Джоэн не только происходила из семьи невысокого достатка, но имела неблагополучную родословную. Джозеф лишь задал ей вопрос: «Ты любишь моего сына?» — на что получил, разумеется, положительный ответ{1220}.

29 ноября 1958 года в Нью-Йорке состоялась свадьба.

Новобрачных благословил католический кардинал Ф. Спеллмен. В январе 1960 года у Джоэн и Эдварда родился первый ребенок — дочь Кара. Ее отец хвастал, что обязательно догонит своего брата Роберта, у которого к этому времени было уже семеро детей. Выиграть соревнование с Робертом Теду не удалось — вслед за Карой у него появились еще двое детей — Тед-младший и Патрик-Джозеф.

Следующий, столь же второстепенный этап политической активности Эдварда вновь был связан с продвижением Джона, на этот раз на президентский пост. И опять он проявлял чрезвычайную, хотя и не очень творческую работоспособность. Теду поручили вести агитацию в западных штатах, где он выступал подчас по 12—15 раз в день, уговаривая избирателей отдать голоса за его брата. В этой кампании Эдвард был неутомим. Он поднимался не позднее половины шестого утра и проводил за агитационной работой целый день. Он даже нанял небольшой самолет, научился управлять им и совершал перелеты на небольшие расстояния, чтобы сэкономить время для выступлений.

Однажды произошел инцидент, который мог грозить крайне неприятными последствиями. Эдвард полетел на собрание в штат Юта. Однако небольшой городок Прайс, куда он направлялся, оказался в густом тумане, совершить посадку на местном крохотном аэродроме оказалось невозможно, и Эдвард с большим риском приземлился на шоссейную дорогу, которая была пустой, ни одной проходящей машины не было. Однако где-то в стороне Тед всё же нашел какую-то машину и попытался подобрать к ней ключи, то есть, попросту говоря, мог быть заподозрен в краже автомобиля. Так оно и произошло, ибо за этим занятием его застал отошедший в сторону хозяин машины да еще вооруженный пистолетом. На счастье, он узнал Кеннеди и всё понял, особенно когда увидел стоявший неподалеку самолетик. Эдвард был благополучно доставлен в Прайс и выполнил свою миссию{1221}.

Теду активно помогала его супруга, которая включилась в предвыборные баталии через два месяца после рождения дочери.

«Он был очень хорош в “розничной” политике — радостный посол новой славной политической династии», — пишет биограф{1222}.

В 1961 году, когда Джон стал президентом, а Роберт министром, в сенате открылась вакансия от штата Массачусетс. Казалось, и это теперь уже становилось тривиальной истиной, соревноваться за это место станет младший брат. В семье, однако, вначале решили, что у него еще мало жизненного и бойцовского опыта, что с выдвижением в высший законодательный орган

следует повременить.

В это время Эдвард занимал административную должность в своем штате, работая помощником прокурора за символическую заработную плату в один доллар в год. Необходимо было приобрести некий политический капитал, который можно было бы выставить в качестве козыря на предстоявших выборах. На семейном совете было решено, что таковыми могут оказаться международные дела, связанные, в частности, с бурными событиями на Африканском континенте. Следует еще раз заметить, что 1960 год вошел в историю как год Африки — в этом году независимости добились 17 стран континента.

В организации поездки помог брат-президент. Он позвонил в сенатский комитет по международным делам, чтобы узнать, нет ли в ближайшее время какой-нибудь направляющейся в Африку группы, в которую можно было бы «пристроить» брата. Ему ответили, что такая группа есть. Более того, она уже находилась в Лондоне и следующим вечером вылетала в Южную Родезию. Приняв мгновенное решение, Джон связался с Эдвардом, который без всяких сборов немедленно вылетел в британскую столицу.

Так Эдвард отправился на Черный континент. Скорее всего, это была развлекательно-ознакомительная поездка. Вместе с сенаторами Фрэнком Чёрчем, Гейлом Макки и Фрэнком Моссом Эдвард побывал в Южной Родезии, Конго, Нигерии, Сенегале и других образовавшихся странах. В Нигере и Верхней Вольте он внезапно оказался в центре внимания, так как лидеры этих бывших французских колоний не говорили по-английски, его спутники не знали французского, которым, хотя и коряво, владел Эдвард. Ему пришлось отвечать на тосты и даже выступить с несколькими простенькими речами, состоявшими в основном из пожеланий{1223}.

Несмотря на то, что впечатления от африканского тура были поверхностными, возвратившись в родной Бостон, Эдвард стал читать публичные лекции о событиях в Африке. И здесь ему пришлось «работать над ошибками». Помощники президента, следившие за продвижением брата, обнаружили, что лекции слишком длинны и скучны. Теду были сделаны соответствующие замечания, после чего его выступления стали восприниматься аудиторией значительно лучше{1224}.

В том же году состоялась еще одна зарубежная поездка самого младшего из братьев — на этот раз в Бразилию, куда он отправился для популяризации президентской программы «новых рубежей». Однако и здесь произошла осечка. Более или менее прилично изучив испанский язык после позорного провала в Гарвардском университете, не очень эрудированный Эдвард

полагал, что в Бразилии, как и в других латиноамериканских странах, говорят по-испански. Каков же был его ужас, когда он узнал, что бразильцы общаются на другом языке — португальском, близком к испанскому, но отнюдь не идентичном. Пришлось работать с переводчиком{1225}.

В конце 1961-го — начале 1962 года состоялась третья зарубежная поездка — в Западную Европу, на Ближний Восток и опять в Латинскую Америку. Прошла она более заметно, Кеннеди-младший много выступал, его речи становились более отточенными, краткими, оригинальными. В прессе отмечали его вполне приличный испанский язык, которым он исправно занимался, помня происшедший скандал в Гарварде. Он оставался учеником, но демонстрировал безусловно растущие способности.

Сенатские будни и неудачи

Именно после этой поездки в семье было решено, что на выборах в сенат уже в этом году Тед может вступить в реальную конкурентную борьбу. 14 марта 1962 года он объявил о выдвижении своей кандидатуры.

Это известие было встречено по-разному. В печати появлялись иронические отклики по поводу того, что в американской политике становится слишком много Кеннеди. Один из крупнейших журналистов Дж. Рестон из «Нью-Йорк таймс», несмотря на свою близость к президенту, на некоторое время чуть ли не все свои силы посвятил доказательству того, что избрание Эдварда Кеннеди в сенат станет подлинной катастрофой для Америки. Он писал, что, независимо от того, выиграет он или потерпит поражение, его кампания приведет президента в крайнее затруднение. «Один Кеннеди — это триумф, два Кеннеди в одно и то же время — это какое-то чудо, но три Кеннеди могут рассматриваться как вторжение чужеземцев в Америку»{1226}.

Однако бостонцы в целом сочувствовали его выдвижению, понимая, что местные интересы могут быть лучше улажены, если их будет представлять родной брат президента.

На выборах Эдвард получил 54 процента голосов. Однако место, которое он занял в сенате, было временным. Дело в том, что на этот раз проводились досрочные выборы в связи с появлением в сенате вакантного места. В таком случае согласно существующей процедуре новый сенатор избирается только до окончания срока полномочий того, кто преждевременно его освободил. Срок этот наступил в 1964 году, и Эдварду пришлось

повторить заново всю предвыборную процедуру.

Пока же новый сенатор начинал привыкать к своей законодательной работе и к столичной жизни. Его семья поселилась в удобной квартире в том самом Джорджтауне, где в свое время жил, будучи конгрессменом, его брат, прежде чем он стал президентом.

Заняв свое место в сенате 9 января 1963 года, Эдвард Кеннеди постепенно привыкал к рутине законодательного органа. Он присматривался, прислушивался, обращался за советами в Белый дом. В конгрессе его воспринимали именно как президентского брата и общались с ним, как правило, осторожно, полагая, что сказанное будет передано высшему должностному лицу В качестве брата его рассматривала и пресса. Вряд ли в ином случае журнал «Лайф» поместил бы на обложке своего номера от 18 января его портрет с надписью «Конгресс открывается, Тед начинает работу». В свою очередь другой журнал, предназначенный для массового читателя, «Лук», опубликовал интервью с супругой нового сенатора. Джоэн старалась не произносить лишних слов, говорила в основном о том, каким заботливым отцом оказался ее супруг{1227}. Но она всё же проговорилась, сказав, что у Джона всё еще болит спина и что Жаклин носит парик. В Белом доме не скрывали раздражения, а Джоэн получила выговор и более интервью не давала.

На протяжении первого года пребывания в конгрессе Эдвард почти не выступал на пленарных заседаниях, хотя участвовал в различных комитетах и подкомитетах — по юридическим вопросам, по труду и общественному благосостоянию, по международным отношениям. При этом общенациональные дела он предпочитал рассматривать здесь с местной точки зрения, то есть так, как они отражаются на положении штата Массачусетс. Даже когда обсуждались вопросы, связанные с холодной войной, он поворачивал дело так, что общие вопросы противостояния с СССР трактовались как угроза со стороны советских кораблей рыбной промышленности родного штата{1228}.

Правда, Эдварду уже на первом году пребывания в сенате была поручена формально важная миссия — участвовать в сессии Межпарламентского союза, которая проходила в столице Югославии Белграде в середине сентября. Сессия рассматривала в числе прочих вопрос о расовой дискриминации. Кеннеди взял слово 16 сентября, когда мировая пресса еще была полна откликов на поход негров на Вашингтон и знаменитую речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта».

Американский делегат говорил, что расовая проблема не является только американской, однако произошло так, что

именно в США она особенно широко освещается в прессе и используется в политической борьбе. Он ловко повернул весьма острый вопрос и для того, чтобы подчеркнуть демократический характер своего общества, и для того, чтобы представить свою страну миру как авангард демократии и прогресса. «В определенном смысле моя страна хотела бы, чтобы положение в ней обсуждалось, ибо она стремится быть в авангарде дела свободы и демократии во всем мире». Кеннеди говорил о марше на Вашингтон тех, кто «верит в дело свободы и человеческого достоинства»{1229}.

В Белграде с Эдвардом в очередной раз произошел неприятный казус. В сессии участвовала Нго Динь Нью, пресловутая жена брата южновьетнамского президента, которая вместе со своим супругом оказывала дестабилизирующее влияние на положение в Южном Вьетнаме, поощряла преследование буддийских монахов, была склонна к коррупции. На свою беду, по просьбе этой дамы Эдвард принял ее.

Как мы помним, как раз в это время в американских высших кругах обсуждался вопрос, следует ли поддерживать генералов, которые планировали заговор против Нго Динь Дьема и его окружения. Хотя встреча с Нью не носила открыто политического характера, сам ее факт, имея в виду родственные связи Эдварда, вызвал недовольство в Госдепартаменте и даже в Белом доме. Из Госдепа позвонили послу в Белграде, потребовав, чтобы он не допускал каких-либо контактов американских представителей с этой дамой. Посольство провело с сенатором разъяснительную беседу и телеграфировало в Вашингтон, что тот признал ошибку{1230}. Сведения о встрече, однако, проникли в американскую прессу, и Эдварду пришлось объясняться по поводу того, кого он поддерживает — коррумпированную даму или буддийских монахов{1231}.

Эдвард Кеннеди всё лучше понимал, из каких запутанных узлов соткана внешнеполитическая деятельность, как сталкиваются в ней национально-государственные интересы с позициями союзников, внутренними коллизиями в других странах и т. д. Почти случайная встреча с южновьетнамской дамой была для него немаловажным уроком.

Сенатор Кеннеди полностью поддержал внесенный на ратификацию Белым домом договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах. Он выступил в прениях и заявил, что «ограниченный запрет на испытания во всяком случае лучше, чем безудержная гонка вооружений, и сейчас настало время, чтобы сделать этот выбор»{1232}.

Став сенатором и переселившись в столицу, Эдвард нередко

бывал в Белом доме у старшего брата. Помимо чисто семейного общения, эти встречи были важны в первую очередь для младшего Кеннеди, давая ему ориентировку в парламентских дебатах, но использовались и Джоном, так как позволяли ему лучше, на основании неофициальной информации, учитывать расстановку сенатских группировок.

Во всех политических институциях, прежде всего в конгрессе и в президентском окружении, Эдварда Кеннеди рассматривали как верного проводника курса старшего брата, не считали его самостоятельной политической фигурой в отличие от Роберта, который, будучи советником и министром, не раз занимал независимую позицию и подчас не останавливался перед жестким отстаиванием своего мнения, в том числе откровенно высказывая его хозяину Белого дома.

Серьезные изменения наступили после гибели брата-президента.

Эдвард узнал о трагедии, произошедшей в Далласе, во время заседания, на котором шли жаркие споры по поводу законопроекта о государственной помощи библиотекам. Около трех часов дня на телетайпы поступило сообщение о выстрелах и ранении президента, а затем и о его гибели. Дежурные секретари вначале передали текст Эдварду, а затем остальным сенаторам. Потрясенный Эдвард пытался дозвониться в Белый дом, в министерство юстиции, но телефонная связь была прервана, так как в стране было немедленно объявлено чрезвычайное положение и во избежание помех и нежелательных контактов на несколько часов были отключены все телефоны, кроме тех, которыми пользовались высшие государственные руководители и спецслужбы. Ретивые служители безопасности отключили на непродолжительное время даже телефонную сеть конгресса.

В конце концов, используя именно каналы связи ФБР, Тед смог связаться с Робертом, который подтвердил смерть их брата и посоветовал немедленно отправиться в Хайаннис-Порт, чтобы быть рядом с матерью и парализованным отцом{1233}. Именно Эдварду выпала нелегкая участь рассказать о происшедшем Джозефу, который не понимал, почему вдруг в доме перестали работать радио и телевидение. Связано это было с тем, что домашние решили полностью отключить каналы связи с внешним миром и подготовить отца семейства к страшному известию: оно должно было прозвучать из уст кого-то из близких, решили они, а не с экрана или из радиоприемника{1234}.

Затем последовали приведение к присяге нового президента, прощание в Вашингтоне, похороны на Арлингтонском кладбище — события, о которых мы рассказали выше, включая прощальную

речь Эдварда.

Хотя Роберт был известен стране значительно лучше младшего брата, именно Эдвард открыл для публики новый-старый аэропорт Айдлуайлд, которому накануне праздника Рождества в конце 1963 года было присвоено название Международный аэропорт им. Джона Фицджералда Кеннеди.

В мае 1964 года Эдвард совершил очередную поездку за океан — он побывал в нескольких европейских странах, собирая пожертвования на президентскую библиотеку Джона Кеннеди, которую предстояло открыть в родном Бостоне. Теда принимали премьер-министры Великобритании Гарольд Макмиллан и Франции Жорж Помпиду. Но наибольший отклик вызвало посещение Ирландии, где он повторил весь путь, проделанный Джоном в его последний визит. До предела простой, настолько элементарной, что ее трудно даже процитировать, была его речь в Дублине в день рождения Джона. Но собравшаяся на площади перед собором толпа рыдала, слушая слова о том, что Джону не придется более радоваться весенним дням{1235}.

Эдвард продолжал работу в сенате и одновременно проводил предвыборную кампанию, правда, не уделяя ей значительного внимания, ибо опросы общественного мнения и прогнозы политологов предсказывали ему легкую победу в борьбе за постоянное сенатское место{1236}.

10 июня 1964 года после затянувшихся заключительных дебатов и голосования по законопроекту о гражданских правах, который был внесен еще его братом и теперь получил в сенате абсолютное большинство голосов (71 против 27), Эдвард едва успел вовремя прибыть в аэропорт, чтобы лететь в Массачусетс, где должен был состояться съезд организации Демократической партии, которому в числе других дел предстояло официально выдвинуть его кандидатуру в сенат. Эдвард был в прекрасном настроении. Ничто не предвещало того, что произошло через два-три часа. Туманная погода в Вашингтоне была не в счет — такое часто случалось в американской столице.

Наверное, существуют люди, к которым просто прилипают жизненные неудачи, неприятности, мелкие, а порой и крупные неожиданные коллизии, короче говоря, те, кому «не везет». Несмотря на то, что Эдвард, с одной стороны, принадлежал к богатой семье, а с другой — не закончил свою жизнь трагически, подобно старшим братьям, он относился именно к людям такого рода. На всем жизненном пути Эдварду приходилось сталкиваться с немалыми испытаниями, и одно из наиболее серьезных из них связано было как раз с выборами 1964 года.

Эдвард Кеннеди во что бы то ни стало стремился принять

участие в съезде, начинавшемся в Спрингфилде. Приехав в Национальный аэропорт (он назывался так, ибо обслуживал только внутренние рейсы), Кеннеди узнал, что все рейсы отменены из-за непогоды. Тогда он вместе с сенатором Б. Беем (он должен был выступить в поддержку его кандидатуры и летел вместе с женой) и своим помощником Э. Моссом на собственный страх и риск нанял легкий самолет. Видимость во время полета стала почти нулевой, но, приблизившись к Спрингфилду, пилот всё же решил идти на посадку, несмотря на запрещение диспетчера. Попытка приземлиться закончилась катастрофой. Самолет рухнул на деревья. От полученных ран летчик почти сразу скончался, Мосс умер через день. Эдвард получил тяжелую травму позвоночника, Бей и его жена отделались ушибами.

Несколько месяцев Эдвард приходил в себя, вначале в больнице (при поступлении в госпиталь его предполагали оперировать, но врачи решили ограничиться медикаментами и физическими упражнениями), затем на домашнем лечении. Его состояние существенно улучшилось, однако отныне и до конца жизни он, подобно брату Джону, вынужден был носить корсет, поддерживавший позвоночник[87].

О других нелегких жизненных перипетиях Теда мы расскажем ниже.

Пока же, оправившись, хотя и не полностью, после полученного шока и травм, Эдвард, следуя примеру старших братьев, включился в политическую борьбу. Любитель серьезного чтения с ранних лет, склонный к изучению истории, знакомый с философскими теориями, Эдвард Кеннеди без особого труда установил контакты с бостонской интеллектуальной элитой — профессорами Гарвардского университета и Массачусетского технологического института (в котором, между прочим, как это ни парадоксально звучит, работала группа видных специалистов гуманитарного знания).

Хотя он находился в больнице, причем вначале в тяжелом состоянии, Эдвард сравнительно легко одолел соперника на съезде демократов штата Эдварда Маккормека, чему способствовали массированные финансовые вливания в кампанию. Это позволило даже на протяжении предвыборной гонки издавать журнал с цветными иллюстрациями под названием «История Теда Кеннеди».

На выборах в начале ноября 1964 года Линдон Джонсон был избран президентом. Эдвард добился победы в борьбе за сенатское место, легко разгромив кандидата от Республиканской партии Говарда Уитмора (Тед получил 74 процента голосов).

Как мы знаем, в сенат был избран и Роберт. Теперь в верхней

палате конгресса должны были заседать два представителя семейства Кеннеди. Очевидцы рассказывали, что после выборов Роберт приехал к брату, который еще не полностью оправился после авиакатастрофы, чтобы его поздравить. Они решили вместе сфотографироваться. Фотограф неосторожно произнес, обращаясь к Роберту: «Отойдите чуть назад, вы бросаете тень на Эдварда». Последний расхохотался: «То же самое будет и в Вашингтоне»{1237}.

4 января 1965 года Эдвард Кеннеди, как и Роберт, принес клятву в качестве американского сенатора, избранного теперь на шесть лет (сенат обновляется на одну треть каждые два года).

Действительно, Тед оставался в тени Боба все три с лишним года до его гибели, но формально Роберт был новичком (ведь это был его первый и единственный сенатский срок), а Эдвард уже смог к этому времени познать закоулки парламентских коридоров.

Первый значительный бой, который пришлось провести обоим братьям, но в первую очередь Эдварду, был связан с вопросом о налоге на право голосования, который существовал в ряде штатов и рассматривался либеральными законодателями как антиконституционный, ибо нарушал принцип всеобщего и равного избирательного права. Правда, 24-й поправкой к Конституции США (она была принята конгрессом в августе 1962 года и вступила в силу после ратификации штатами в январе 1964 года) запрещалось взимать налог при выборах федерального уровня (президента, вице-президента и членов конгресса), но в поправке ничего не говорилось о выборах нижестоящих органов.

Расследование, проведенное Эдвардом Кеннеди и его сотрудниками (помощником по вопросам законодательства стал Дэвид Бёрке — окончивший Чикагский университет юрист, специалист по трудовому праву, работавший в команде Эдварда с 1963 года), привело к неутешительным выводам. Оказалось, что руководители движения за гражданские права с полным основанием требуют отмены этого налога федеральным законом. В некоторых штатах поправка к конституции игнорировалась под тем предлогом, что федеральное законодательство не должно распространяться на штаты, которые сами регулируют свои внутренние дела. В некоторых местах налог составлял до пяти долларов в месяц (при доходах наименее обеспеченных в 25—30 долларов на человека). Более того, при уплате налогов чиновники часто «забывали» выдать плательщику квитанцию, а без нее это лицо не допускали к избирательной урне{1238}.

Последовало несколько выступлений Эдварда с сенатской трибуны, в которых он характеризовал налог на право

голосования как «самый устаревший и самый бесславный барьер к голосованию на Юге»[1239].

Вместе с группой единомышленников Эдвард Кеннеди внес проект закона об отмене налога на выборы в представительные органы всех уровней (от сельских и городских до штатов) во всех субъектах федерации, где он существовал. Палата представителей поддержала предложение и включила его в Акт о праве на голосование, который был принят подавляющим большинством. В сенате встретились трудности, ибо южные консерваторы грозили устроить *филибастер* (затягивание обсуждения путем бесконечного произнесения речей). Эдварду и его сторонникам пришлось согласиться на ограничение закона. В результате Актом об избирательных правах 1965 года действие 24-й поправки к конституции было распространено на выборы в штатах[1240].

Не удовлетворившись этим, Кеннеди и его единомышленники через посредников обратились в Верховный суд страны, который признал пресловутый налог противоречащим конституции и отменил его в 1966 году, установив, что налог на выборах всех уровней является нарушением принципа «равной защиты законом».

Важной составной частью парламентской деятельности Эдварда Кеннеди с осени 1966 года стали расследования, связанные с положением в Южном Вьетнаме и постепенным, но всё большим вовлечением США в сложнейший комплекс внутренних конфликтов в этой стране и вмешательством в них коммунистического Северного Вьетнама.

Кеннеди-младший вначале интересовался вьетнамскими делами в качестве председателя сенатского подкомитета по делам беженцев при юридическом комитете, которым он стал в апреле 1965 года, после второго избрания. Эдвард охотно принял это назначение, полагая, что оно позволит заняться связанными с проблемой беженцев международными делами, к которым он проявлял особый интерес.

Вначале сенатор в основном поддерживал политику Джонсона по оказанию помощи Южному Вьетнаму в борьбе против Вьетконга, считая, что, по существу дела, он представляет собой не объединение национально-патриотических сил, каковым себя провозглашал, а агентуру Северного Вьетнама. «Подавляющее большинство американцев поддерживает политику президента Джонсона во Вьетнаме»[1241], — говорил он. Это было действительно так. Согласно опросу Института Гэллапа в августе 1965 года, 61 процент граждан США считали правильной политику своего правительства в Индокитае, и только 24 процента выступали против нее[1242].

Но общеполитические вопросы пока интересовали Эдварда Кеннеди в последнюю очередь. На первом плане стояли конкретные дела, связанные с характером его подкомитета. Однако хотел Эдвард этого или нет, но, как показало самое близкое будущее, проблема беженцев выводила его на ряд других сторон вьетнамских событий.

Именно в связи с вопросом о положении беженцев и других перемещенных лиц в октябре 1965 года Эдвард отправился в Южный Вьетнам. Перед полетом он получил информацию от своих помощников, следивших заделами в Юго-Восточной Азии и готовивших своего шефа к его миссии, что в ходе военных действий около четырехсот тысяч южных вьетнамцев были вынуждены по разным причинам покинуть свои деревни. Одни уходили из-под огня. Других насильственно переселяли власти и помогавшие им американцы в «стратегические деревни», предположительно хорошо охраняемые от проникновения вьетконговцев. Третьи стремились объединиться с родными и близкими или просто искали более благоприятные условия существования. На окраинах крупных городов, прежде всего Сайгона, появились лагеря беженцев, живших в трущобах в невероятной нищете.

Между тем происходила эскалация войны. После Нго Динь Дьема часто менявшиеся правительства отличались не меньшей коррумпированностью. В военном отношении они все чаще проигрывали, возникала угроза победы Вьетконга и последующего присоединения Южного Вьетнама к Северному. Правительство Джонсона стремилось не допустить этого, и в результате американское военное присутствие во Вьетнаме усиливалось, США тратили всё больше средств на оказание помощи, но значительная ее часть не доходила ни до южновьетнамской армии, ни до населения. Она просто разворовывалась.

Эдвард прилетел в Сайгон 23 октября 1965 года, то есть через год и два месяца после принятия конгрессом США Тонкинской резолюции и начала американских бомбардировок Северного Вьетнама, которые то прекращались, то возобновлялись. Пока Эдвард не ставил под сомнение правильность Тонкинской резолюции, за которую он голосовал, и вытекавшие из нее военные акции. Его интересовали положение беженцев и меры, принимаемые американскими должностными лицами по облегчению их участи. Из бесед с людьми удалось приблизительно установить, что численность беженцев подскочила почти до миллиона человек (то есть почти 10 процентов населения страны), хотя точных цифр никто назвать не

мог. Вопросы о том, как расходуются средства, предоставляемые американской казной, а также благотворительными организациями, оставались без вразумительного ответа.

Проведя два дня в Сайгоне, Кеннеди со своими помощниками посетил несколько американских воинских частей. Любопытно, что лагеря тех самых беженцев, по поводу которых он прибыл сюда, почти не посещались. От этого его отговаривали опытные соотечественники и сайгонские чиновники, явно опасавшиеся инцидентов. В результате Эдвард лишь мельком познакомился с одним из лагерей, который на него произвел удручающее впечатление антисанитарными условиями.

В одном месте американский сенатор был встречен группой вьетнамских ребятишек, размахивавших бумажными флагами США. Сенатор поинтересовался, чья это инициатива, и получил от журналистов ответ, что флажки выданы местными властями, которые и вывели детей на встречу, с тем чтобы заботливо отобрать розданное, как только Кеннеди покинет местность. Точно так же корреспондент «Нью-Йорк таймс» и агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл Нейл Шихэн объяснил Кеннеди, что стандартные хижины, выстроенные в ряд на пути его следования из Сайгона в провинцию, были поставлены за неделю до этого, когда расписание поездки было уже установлено.

В день вылета из Сайгона, 27 октября, Кеннеди встретился с командующим американскими войсками в Южном Вьетнаме генералом Уильямом Уэстморлендом, который высказал предположение, что вьетконговцы готовятся к новому наступлению, и пессимистически оценил общую ситуацию, завершив анализ словами: «Всё это будет продолжаться долгое время»[1243].

В таком же духе сенатор перед отлетом заявил журналистам: «Я должен сказать, что это безусловно будет долгая и изнурительная борьба»[1244].

Позже Эдвард говорил, что первые сомнения по поводу вьетнамской войны у него возникли зимой 1965/66 года. Но у него явно произошло смещение в памяти. Ведь той зимой не случилось ничего знаменательного, что могло повлиять на его позицию. Появилась, правда, его статья в журнале «Лук» от 25 января 1966 года. Но она была от начала до конца написана под впечатлением октябрьской поездки, которая и стала тем самым рубежом, который резко отдалил его от позиции президента и приблизил к антивоенной позиции собственного брата Роберта. В статье говорилось, что американские представители во Вьетнаме не занимаются решением гражданских проблем «с той же ожесточенностью, с какой они ведут войну». Кеннеди писал о

своей разочарованности поведением американцев во Вьетнаме, прежде всего по вопросу о положении беженцев — они считают его непосильной ношей для себя. Досталось и местным властям. «Находясь в Сайгоне,говорилось в статье, — я убедился в безразличии южновьетнамского правительства по отношению к своим собственным обязанностям. Правительственные чиновники заверили меня, что они держат ситуацию с беженцами под контролем. Но я проверил один лагерь, в котором находятся 600 человек, и там нет ни одного туалета. В ожидании моего визита было начато строительство семи лагерей. Однако работа остановилась, как только стало известно, что мои планы изменились. И они возобновились опять, когда оказалось в конце концов возможным, что я приеду».

С этого времени, вначале осторожно, а затем всё более решительно Эдвард, подобно Роберту, стал высказываться в том смысле, что американские представители в Южном Вьетнаме должны побудить местное правительство вступить в переговоры с Вьетконгом о прекращении войны путем компромисса. Однако делал он это с разного рода оговорками. Так, в телевизионной передаче «Встреча с прессой» он вначале мялся, не высказывая своего мнения по существу вьетнамской войны, а затем заявил: «Я поддерживаю выполнение нашей фундаментальной задачи во Вьетнаме… Она действительно фундаментальна и правильна. Я верю, что мы используем все ресурсы, находящиеся в нашем распоряжении, как военные, так и дипломатические, чтобы увидеть нашу задачу выполненной»{1245}. Отчетливо видно по этим словам, какие противоречивые чувства владели Кеннеди и как трудно ему далось упоминание возможности достижения поставленных целей не только военным, но и дипломатическим путем.

В следующие годы Эдвард вновь и вновь возвращался к вьетнамской проблеме, будоражившей умы и чувства американцев.

В 1967 году он установил контакт с одной из левых общественных организаций «Американцы за демократическое действие». Эта организация, основанная в 1947 году политиками и учеными Э. Рузвельт, Г. Хэмфри, А. Шлезингером и другими, объединяла наиболее левых деятелей Демократической партии, беспартийных, прогрессивных профсоюзных руководителей, негритянских активистов. Свою главную задачу она видела в борьбе за социальную и экономическую справедливость, достигаемую мирными средствами, в основном путем поддержки на выборах политиков, обещавших реформирование общества, и низовых ненасильственных акций. В то же время организация

занимала решительные антикоммунистические позиции, считая экстремистские лозунги угрозой для жизненных интересов американского народа{1246}.

4 марта 1967 года Эдвард выступил на съезде организации в Бостоне, посвятив свою речь вьетнамской войне, причем он увязал ее с теми сдвигами, которые происходили в сознании американцев. Он говорил, что упрямое продолжение военных действий в Юго-Восточной Азии не только поглощает огромные материальные ценности и человеческие жизни, но и крайне отрицательно сказывается на «моральной энергии» американцев: «Простым и грубым фактом является то, что вся либеральная программа, все заботы по поводу незавершенных дел нашего народа становятся жертвами войны во Вьетнаме»{1247}.

В самом начале 1968 года Эдвард Кеннеди вновь побывал во Вьетнаме. В отличие от первой поездки этот визит тщательно готовился. Эдвард создал группу советников, хорошо знакомых с историей, современным положением страны, владевших языком и представлявших себе обычаи вьетнамцев. Участники этой группы Н. Пауэре и Дж. Соммер отправились в Южный Вьетнам за две недели до поездки Кеннеди и подготовили для него подробный доклад, намечавший, в частности, с кем он должен встретиться, какие лагеря и госпитали посетить, какие вопросы задать.

В Сайгон Эдвард прилетел 1 января вместе с врачом из города Вилминггона (штат Делавер) Джоном Левинсоном, который перед этим несколько лет проработал во Вьетнаме. По совету врача Эдвард слегка изменил расписание своего 12-дневного пребывания в этой стране, что случайно спасло ему жизнь. Дж. Левинсон рассказывал Э. Клаймеру через много лет, что в предварительном расписании значилось посещение миссии Международной добровольческой помощи в городке Кан Тхо, однако Эдвард почти отказался от этого визита, не считая организацию влиятельной, рассчитывая посетить ее на следующее утро, если успеет. Как раз в тот вечер, когда должен был состояться отмененный визит, в здании миссии взорвалась бомба, которая разнесла его почти до основания{1248}.

Американские официальные лица встретили Кеннеди недружелюбно, зная его уже сложившуюся отрицательную позицию по поводу вьетнамской войны. На вопросы давались обтекаемые ответы, а еще чаще генералы и чиновники просто избегали встреч. Всё же Эдварду удалось посетить несколько лагерей беженцев, госпиталей, тыловых частей американцев и южных вьетнамцев. Его отрицательное отношение к продолжению войны укрепилось, он еще раз убедился в царящей здесь коррупции и неразберихе. На прямые вопросы, доходят ли до

беженцев суммы, которые, как ему говорили должностные лица, выделены на индивидуальную поддержку, он обычно получал отрицательные ответы. Все эти впечатления Кеннеди не скрывал от корреспондентов{1249}. В 1995 году Эдвард делился со своим биографом мнением, что поездка по Южному Вьетнаму в начале 1968 года «явилась заключительным моментом в формировании моего собственного взгляда на войну», который в общей форме сводился к тому, что вьетнамцев надо оставить в покое, чтобы они сами занимались своими делами{1250}.

По возвращении Эдвард вначале безуспешно пытался добиться, чтобы его принял президент. Встреча в Белом доме в конце концов состоялась. В ответ на заявление сенатора, что продолжение войны в Юго-Восточной Азии чревато для США катастрофой, Джонсон сухо ответил, что он намерен продолжать проводимый там курс{1251}.

Для Эдварда Кеннеди как сенатора вьетнамская проблема была лишь одной из тех, которым он уделял внимание как законодатель и общественный деятель. Он активно участвовал в законодательной работе, выступал за изменение иммиграционных правил, которые, по его мнению, давали слишком большие преимущества выходцам из Европы и почти лишали возможности получения американского гражданства жителей африканских и азиатских стран.

Можно по-разному оценивать эту его позицию, имея в виду национально-государственные интересы страны, заинтересованной в притоке образованного и цивилизованного населения. В оценках Эдварда интернационалистские догматы явно преобладали над прагматическими рекомендациями. В этом смысле он отличался от своего покойного брата-президента, который был прежде всего практическим политиком.

Тогда, в конце 1960-х годов, законопроект, который поддержал Эдвард Кеннеди, об изменении иммиграционного законодательства был провален. Позже, однако, были приняты законы, значительно ослабившие ограничения на иммиграцию из развивающихся стран. Это, в свою очередь, усилило в США экстремистские религиозные течения, в частности исламский фундаментализм, что в конце концов привело к катастрофе уже XXI века — событиям 11 сентября 2001 года, уничтожению башен-близнецов в Нью-Йорке, атаке на Пентагон — акциям, ответственность за которые взяли на себя именно фундаменталисты в лице Усамы бен Ладена и его преступных сообщников.

Неизвестно, что и как произошло бы, если бы власти США проводили более прагматическую политику и были бы менее

озабочены помощью кому угодно, опираясь на догмы демократии во всем мире, миролюбия и упиваясь величием и благородством собственной державы. Но во всяком случае возможности грандиозного террористического акта в этом случае были бы намного меньшими. В вопросе об иммиграционном законодательстве Эдвард Кеннеди сыграл не лучшую из своих ролей.

Главный урок истории состоит, однако, в том, что она никого ничему не учит. Иначе чем можно объяснить безоговорочную поддержку официальным Вашингтоном так называемой «арабской весны» 2011 года, которая привела к свержению ряда авторитарных диктатур, но уже поставила или грозит поставить им на смену еще более человеконенавистнические религиозно-фундаменталистские режимы, откровенно ненавидящие те самые Соединенные Штаты Америки, при помощи которых (военной, дипломатической и материальной) они пришли к власти.

Смерть Роберта и планы Эдварда

Возвратимся, однако, к нашему герою. Так или иначе, Эдвард до 1968 года не задумывался о чем-либо более высоком, нежели сенатская деятельность. А иным могла быть только борьба за президентский пост, к которому он явно пока никак не мог стремиться хотя бы в силу того, что считал более крупным политиком, заслуживающим высшего государственного поста, брата Роберта.

1968 год, начавшийся поездкой во Вьетнам, которая отнюдь не способствовала улучшению душевного состояния Эдварда Кеннеди, стал годом новой семейной и национальной трагедии.

Эдвард активно участвовал в предвыборной борьбе 1968 года, когда после определенных колебаний его брат выдвинул свою кандидатуру на президентский пост. Сохранилось немало свидетельств, что с 1966 года, когда оба брата стали сенаторами, между ними произошло явное политическое сближение, которое дополнило семейную близость. Тед видел в Бобе не только родного человека, но и более опытного и зрелого политика, хотя сам уже имел бо́льший стаж законодательной деятельности, чем старший брат.

Несмотря на всю свою импульсивность и взрывной характер, сильно отличавшийся от сравнительно спокойного нрава Эдварда, Роберт обладал смелостью для принятия нелегких решений по сложным вопросам и учил этому младшего брата. Во время сессий сената они обычно вместе обедали, обменивались новостями, советовались, а часто проводили вместе и вечера,

лишь изредка с женами{1252}.

Вначале Эдвард был против выставления кандидатуры Роберта, как он позже объяснял, по двум причинам. Одну из них он высказывал самому Роберту и его окружению. Состояла она в том, что брату не следует выступать в качестве конкурента Линдону Джонсону — человеку, которого покойный брат избрал в качестве вице-президента. Пусть пройдут еще четыре года, и в 1972 году Роберт, обогатив свой политический опыт, сможет выступить достойным кандидатом от Демократической партии. Что же касается второй причины, то представляется, что она возникла намного позже событий, постфактум, то есть была то ли сознательно, то ли как бы невольно придумана Эдвардом. Он вроде бы опасался, что на Роберта может быть совершено покушение. «Мы не очень отошли от [19]63-го, и это тоже был сильный фактор»{1253}.

Вряд ли эти слова можно принять за чистую монету. Они скорее всего навеяны последующими трагическими событиями. Эдвард отнюдь не был Кассандрой, он никак не мог предвидеть, что Роберт действительно будет убит во время предвыборной кампании. Здесь явно произошел сдвиг в памяти и психике уже пожилого, 63-летнего человека.

Правда, и в то время, когда Тед предостерегал Роберта от выдвижения своей кандидатуры на ближайших выборах, он не был твердо уверен в правильности такого совета. Приятель Эдварда Дик Гудвин писал Роберту Кеннеди, что во время одной из встреч задумчивый Тед сказал ему, что, может быть, он не совсем прав, и продолжал: «Джек (Джон Кеннеди. — *Л. Д., Г. И.*), вероятно, предостерег бы против этого, но скорее всего он сам поступил бы именно так»{1254}, то есть ввязался бы в предвыборную гонку.

Однако после того как Роберт принял решение участвовать в выборах, тем более после заявления Джонсона 31 марта, что свою кандидатуру он выдвигать не будет, Эдвард не просто активно включился в борьбу, но посвятил ей всё свое время, даже манкируя участием в работе сената.

При этом иногда происходили неожиданные казусы и столкновения. Во время одной из поездок на него буквально набросилась группа палестинцев, которые нашли приют в США. Разъяренные молодые люди, подогретые проповедями крайних исламистов, кричали, что государство Израиль надо сбросить в море, а один из них схватил Эдварда за грудки с возгласами: «Евреи убили твоего брата, как они убили Христа!» Боясь утратить контакты с мусульманским населением Америки, опасаясь еще больше разозлить истеричных людей, Кеннеди лишь

промямлил в ответ: «Это неточно» и поспешил удалиться{1255}.

Где бы они оба ни находились, Эдвард ежедневно говорил с Робертом по телефону. Подчас приходилось сообщать кандидату в президенты просто гнусные предложения, которые получал Тед. Однажды к нему для приватного разговора явился один из лидеров профсоюза водителей грузовиков и грузчиков (фамилия его в документе не называлась), то есть того самого профсоюза, бывший председатель которого Дж. Хоффа был в результате расследования Роберта, бывшего тогда министром юстиции, и по его настоянию в конце концов посажен в тюрьму за коррупцию. Теда попросили договориться с братом о том, чтобы тот употребил свое влияние для отдачи Хоффы на поруки. В этом случае продажные профсоюзные боссы обещали поддержку на выборах и, более того, взятку в размере одного миллиона долларов. Не в силах овладеть эмоциями, Эдвард тут же позвонил брату и получил ответ: «Скажи ему, что, если я стану президентом, этот Джимми Хоффа никогда не выйдет из тюрьмы и что многие из них также окажутся в тюрьме»{1256}.[88]

Эдвард участвовал во всех первичных выборах, на большинстве из которых, как мы знаем, его брат добился победы. 5 июня он находился в Калифорнии, но не в Лос-Анджелесе, где победоносно завершил битву Роберт, а в Сан-Франциско, руководя здесь предвыборным штабом. Именно тут в отеле «Феамонт» он и его спутники услышали экстренную новость, что в сенатора Роберта Кеннеди стреляли и он находится в больнице. Ценой неимоверных усилий был немедленно нанят частный самолет и через несколько часов Эдвард был уже в больнице — как раз в то время, когда Боб находился на операционном столе. Через несколько часов ему сообщили, что наступила «смерть мозга», и именно он оказался тем человеком, который дал согласие на отключение аппаратов, поддерживавших кровообращение брата.

Не успело еще остыть тело Роберта, как партийная машина Демократической партии заработала в новом направлении. Уже вечером 7 июня к Эдварду обратились с предложением, чтобы он выдвинул свою кандидатуру вместо погибшего брата. Трагическая кончина Роберта подтолкнула начавшуюся уже ранее «кеннедиевскую президентскую волну» — своеобразное явление в американской политической истории, когда на протяжении следующих полутора десятилетий все президентские выборы проходили под знаком сравнения: можно ли сопоставить того или иного кандидата с братьями Кеннеди.

При этом, однако, кандидатура единственного оставшегося в живых брата серьезно рассматривалась только в 1968 году. На

выборах, проходивших позже, его кандидатура обсуждалась, но отвергалась и им самим, и его сторонниками по причине еще одного трагического и странного случая, о котором мы расскажем чуть ниже. Пока же видные однопартийцы настойчиво предлагали, по существу дела требовали, чтобы Эдвард немедленно включился в президентскую гонку, по крайней мере на пост вице-президента.

Однако Эдвард чувствовал себя полностью истощенным морально и физически. Он мог думать только о покойном брате и его семье и решительно отказался от того, что считал грубейшим нарушением любых этических, просто человеческих норм. Еще не придя в себя, Эдвард вынужден был выступить на траурной церемонии в соборе Святого Патрика в Нью-Йорке, куда было доставлено тело брата. Он говорил: «Моего брата не надо идеализировать, не надо преувеличивать после смерти то, каковым он был в жизни. Его надо помнить просто как хорошего и достойного человека, который видел неправильности и стремился исправить их, видел страдания и стремился избавить людей от них, видел войну и стремился остановить ее»{1257}.

15 июня Эдвард вместе с мамой Розой выступил по телевидению, чтобы поблагодарить тех, кто выразил сочувствие семье и проявил к ней внимание. Но он использовал эту речь и для заявления, которое озадачило как его сторонников, так и политических противников. «Каждый из нас должен решить для себя, собственным сердцем, собственным сознанием, что он должен сделать этим летом и когда настанут будущие годы, и я верю, что мы должны выбирать мудро»{1258}.

Что это было — подтверждение отказа, согласие вновь обдумать предложения, проявление нерешительности? Скорее всего — последнее. Неопределенность сохранялась почти до конца июля, пока, наконец, в прессе не появилось заявление Эдварда по поводу поступавших к нему предложений участвовать в президентских выборах в качестве первого или второго лица. «При нормальных обстоятельствах такая возможность явилась бы предметом гордости и призывом к дальнейшей общественной службе. Но для меня в этом году это невозможно»{1259}. В любом случае заявление свидетельствовало, что Эдвард твердо намерен продолжать политическую деятельность.

Особенно четко это прозвучало во время первой после смерти брата встречи Теда с публикой 21 августа. Он посетил католический колледж в Ворчестере, штат Массачусетс (формально отдельном городе, но фактически районе Бостона). Место выступления было избрано не случайно. Оно должно было продемонстрировать, что оратор сохраняет верность религии

предков и памяти братьев. Но речь носила чисто политический характер. Эдвард заявил, что решил продолжать общественную жизнь и прежде всего следовать примеру своих братьев в антивоенной борьбе. «Я подхватываю упавшее знамя. Чувствуя поддержку в памяти о бесценных годах, которые мы провели вместе, я буду пытаться продолжать дело справедливости, совершенствования и мужества, которое определяло их жизни». Главной текущей задачей он считал скорейшее окончание войны во Вьетнаме, а в преддверии этого требовал прекращения бомбардировок Северного Вьетнама, постепенного сокращения американского участия в военных действиях, активизации переговоров в Париже, которые были начаты в мае 1968 года вначале между представителями США и ДРВ (в январе 1969 года переговоры стали четырехсторонними — к ним присоединились правительство Южного Вьетнама и Фронт национального освобождения этой части страны). С территории Южного Вьетнама должны быть выведены все иностранные войска, включая и Вооруженные силы ДРВ, которые действуют под маской партизанских сил Вьетконга, провозглашал оратор{1260}.

Выступление Эдварда Кеннеди было воспринято как его возвращение в большую политику. Именно таким образом высказался Х. Хэмфри, обошедший Ю. Маккарти, ставший основным кандидатом на пост президента от Демократической партии и ожидавший номинации на партсъезде. На следующий день Хэмфри официально предложил сенатору баллотироваться вместе с ним — в качестве кандидата в вице-президенты. Последовал немедленный ответ, что ни о каком участии в выборах в этом году речи быть не может{1261}.

В дальнейшем ходе избирательной кампании Эдвард не участвовал, хотя внимательно следил за ней. Он сожалел, что победу на выборах одержал Ричард Никсон, лишь незначительно опередив Хэмфри (за Никсона было подано 43,4 процента голосов, за Хэмфри — 42,7 процента). Многие деятели Демократической партии упрекали Кеннеди, говоря ему, что, если бы он участвовал в выборах, баллотируясь или на пост президента, или даже вице-президента, его партия добилась бы безусловной победы.

С первых дней после избрания Никсона политические наблюдатели и журналисты рассматривали Эдварда Кеннеди как вероятного его соперника через четыре года. Два популярных журнала «Тайм» и «Ньюсуик» поместили его портреты на своих обложках, полагая, что эта кандидатура в следующей президентской гонке будет просто неизбежной. Бывший пресс-секретарь Джона Кеннеди Пьер Сэлинджер говорил

корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Я заброшу всё, чтобы помогать ему. Ныне Демократическая партия — это партия Кеннеди»{1262}.

В то же время можно полагать, что гибель двух старших братьев, а также неполадки в собственной семье повлияли на психику Эдварда.

Душевному благополучию явно не способствовали взаимоотношения с женой и ее образ жизни. Правда, в 1967 году семья пополнилась. 14 июля Джоэн родила второго сына, которого назвали, как мы уже знаем, Патриком-Джозефом в честь прадеда.

Однако еще до рождения ребенка в поведении Джоэн стали замечаться странные изменения. Она утратила интерес к обществу, к сестрам Эдварда, их супругам и другим родственникам, который активно проявляла до этого. Джоэн предпочитала оставаться одна, избегала общения с мужем. Многие часы она проводила, примеряя наряды, рассматривая драгоценности, занимаясь всевозможными косметическими процедурами, стремясь, как она изредка говорила, выходя из одиночества, стать еще прекраснее. Являвшаяся ее компаньонкой и секретарем М. Челлис рассказывала позже, что Джоэн считала внешний вид главным достоянием своей личности. «Она путешествовала с пятью или шестью коробками косметики, и еще больше их было в ее квартире в Бостоне»{1263}.

После рождения сына Джоэн стала прикладываться к горячительным напиткам, причем происходило это всё чаще. Не прошло и года, как она стала алкоголичкой, и Эдвард переживал происходившее мучительно, но молчаливо{1264}.

Когда же у Джоэн наступал период ремиссии, она продолжала проявлять странности. То она говорила кому-то из журналистов, что страшно беспокоится, как бы ее мужа также не убили, и даже предостерегала старшего сына по этому поводу, то просто замыкалась в себе. Как-то на вопрос, хочет ли она, чтобы ее муж участвовал в будущих выборах, жена Эдварда процедила сквозь зубы: «Это не мое решение, а его».

В Вашингтоне ходили сплетни по поводу того, как вызывающе одевается жена сенатора. Даже на официальном приеме в Белом доме она появилась в мини-юбке. В те годы такой наряд еще считался вызовом общественному мнению даже на улице, что уж говорить о появлении в мини в обществе джентльменов в смокингах и дам в вечерних платьях. В другой раз она появилась в президентской резиденции, опять-таки на официальном приеме, в длинной юбке, зато блузка у нее была совершенно прозрачной, и сквозь нее вызывающе проглядывал

ярко-синий бюстгалтер[1265].

Джоэн была неплохой пианисткой, хотя не имела систематического музыкального образования. Ранее ее как исполнительницу часто привлекали к участию в кампаниях по сбору средств в фонд Демократической партии. Когда же ее попросили выступить на таком же мероприятии в Филадельфии в 1970 году, она сочла это обидным для себя и позже заявила: «Я не чувствовала себя необходимой, я чувствовала, что меня используют». «Именно тогда я почувствовала, что становлюсь алкоголичкой», — добавила она[1266].

Сам Эдвард, как утверждают некоторые авторы, не был подвержен этой болезни, но иногда сильно напивался, вел себя непредсказуемо, был дерзок и груб, садился за руль автомобиля в нетрезвом состоянии и т. д. Прессу облетело сообщение о пьяном дебоше, который он однажды устроил в салоне самолета.

Произошло это так.

Весной 1969 года сенатор Кеннеди летал на Аляску в качестве представителя подкомитета по вопросам образования индейцев и эскимосов. Трехдневное пребывание в этом своеобразном уголке Америки было насыщенным. Эдвард посещал деревни эскимосов и индейцев, выступил с несколькими докладами, в которых призывал увеличить расходы на начальное образование местного населения и предоставить ему квоты в учебных заведениях основной части страны. Участвовавшие вместе с ним в поездке сенаторы-республиканцы весьма критично отнеслись к тому, что Эдвард постоянно находился на первом плане. Они сочли, что он не занимается делами, для которых прилетел, а проводит политическую агитацию. Сенатор Джордж Мёрфи из Калифорнии даже назвал визит Кеннеди «неудачным политическим выступлением за счет налогоплательщиков»[1267].

Скорее всего, враждебное отношение к нему со стороны части делегации привело Эдварда в возбужденное состояние. На обратном пути уже в аэропорту города Анкориджа он стал вести себя непристойно, непрерывно прикладывался к бутылке с виски, а в полете передвигался по проходу между креслами, тормошил пассажиров, заводил с ними бессвязные разговоры. Запомнилось, что он непрерывно восклицал: «Власть эскимосам!» — а один раз заявил: «Они хотят пристрелить меня, как прикончили Бобби (то есть Роберта. — *Л. Д, Г. Ч.)*»[1268].

О подобных выходках сенатора, правда, не столь впечатляющих, но иногда сопровождаемых рассказом о его случайных сексуальных контактах, печать сообщала не раз. Были и более продолжительные любовные связи с секретаршами и другими дамами — служащими его сенатского аппарата[1269].

Как мы видим, самый младший из братьев Кеннеди, будучи, с одной стороны, типичным представителем своей семьи касательно политических амбиций, стремления взобраться на государственные вершины, склонности к жизненным радостям, отличался не свойственными для Джона и Роберта нерешительностью и подчас непредсказуемым поведением.

Глава 4.
ВЕЧНЫЙ СЕНАТОР

Злосчастный Чеппакуиддик

После гибели Роберта Эдвард лишь постепенно приходил в себя, преодолевал угнетенное состояние, возвращался к сенатской деятельности и обычной, свойственной ему манере поведения. Вскоре произошла, однако, новая встреча с опасностью для жизни, выявившая не лучшие черты характера Эдварда, скомпрометировавшая его настолько, что в конце концов лишила возможности добиваться поста президента, о чем он поначалу безусловно подумывал.

18 июля 1969 года вместе с двоюродным братом Джозефом Гарганом, приятелем Гаргана Полом Маркхэмом, еще двумя знакомыми, а также личным шофером Джоном Криминсом и шестью бывшими секретаршами и техническими сотрудницами Роберта (их снисходительно называли «чайными девочками» или «девочками из чайной комнаты»)[{1270}] Эдвард отправился на прогулку. Компания была подобрана так, чтобы на каждого мужчину приходилась одна девушка, то есть с самого начала было задумано некое сексуальное приключение.

Они приехали паромом из города Эдгартауна, штат Массачусетс, на крохотный океанский островок Чеппакуиддик, где находился поселок с тем же названием.

Вся компания разместилась в нанятом домике, все много выпили, причем Эдвард был пьян больше, чем остальные. После нескольких часов разгулья около полуночи он отправился вместе со считавшейся наиболее солидной из дам 29-летней Мэри Копечне, бывшей помощницей Роберта по правовым вопросам (она не была юридическим советником, просто подыскивала в прессе, справочниках и других источниках нужные материалы), в уединенное место, естественно, для понятной им обоим, да и их спутникам, цели.

Позже, во время следствия в связи с происшедшей здесь катастрофой, Эдвард заявил, что он якобы внезапно решил уехать, а Мэри просто попросила его отвезти ее в отель, так как плохо себя чувствовала. Это явно не соответствовало истине, так как свою сумочку и ключ от гостиничной комнаты дама оставила в домике[{1271}].

По всей видимости, заняться любовью они собирались в машине.

Тем временем автомобиль Эдварда заметил помощник местного шерифа Кристофер Лук. Он закончил свое дежурство на танцевальном вечере в поселке, отправился на своей машине домой и по дороге, примерно в полночь, заметил встречную темную машину, которая вначале свернула на пустынную тупиковую *Cemetery street* (Кладбищенскую улицу), находившуюся к тому же в частной собственности, а затем остановилась. Разумеется, не поняв, что пара остановила машину, чтобы предаться утехам, Лук решил, что путники просто заблудились, и отправился к ним с предложением помощи. Как оказалось, Лук сыграл роль услужливого дурака. Собственно говоря, нам неведомо, был полицейский человеком умным или глупым, но то, что он был услужлив, как и то, что он фактически оказался опаснее врага, сомнению не подлежит.

Заметив нежелательное лицо, к тому же полицейского, водитель дал задний ход и затем в клубах пыли скрылся по направлению к речке, через которую, как знал помощник шерифа, пролегал очень ветхий мостик, рассчитанный только на пешеходов. При этом Лук запомнил часть номера автомобиля, которая полностью соответствовала номеру машины Эдварда Кеннеди. Разумеется, полицейский чиновник узнал об этом намного позже. Пока же он, махнув рукой на это дело, отправился к себе домой.

Стремясь оказать услугу путникам, помощник шерифа на самом деле помешал им. Эдвард со своей спутницей, разумеется, не желали быть узнанными и попытались отъехать подальше.

Лук был прав. Ветхий мостик через речку под машиной рухнул, машина стала тонуть, под водой перевернулась, и Эдварду пришлось затратить немало усилий, чтобы выбраться из нее, а затем добраться до берега. Согласно его утверждениям, он предпринял несколько попыток спасти Мэри, звал ее с берега, нырял, но убедившись, что ничего не получается, пешком отправился назад, в нанятую компанией хижину{1272}. Пока он выбирался на берег первый раз, затем нырял и вновь выходил на сушу, прошло столько времени, что должно было стать ясно — его спутница погибла. Совершенно очевидно: Эдвард был в таком состоянии, что просто не отдавал себе отчета в том, что произошло.

Он даже не подумал, что ему следует немедленно обратиться в полицию, вызвать квалифицированную помощь. Позже свидетели утверждали, что он вполне мог это сделать: Эдвард прошел мимо нескольких домов, в которых горел свет, мог попросить разрешения позвонить по телефону, но этого не сделал. Да и в самом снятом компанией домике был работающий

телефон{1273}.

Вместе с двоюродным братом Джоном Гарганом он вновь попытался обнаружить Мэри (было ясно, что обнаружить они уже могли только труп), но и на этот раз их усилия оказались безуспешными. Оба они ныряли, но почему-то открыть дверцы машины под водой, по их утверждениям, не смогли, хотя в первый раз Эдвард смог из нее выбраться. Впрочем, смертельная опасность придает человеку силы, а теперь речь шла о жизни чужой. Эдвард говорил также, что ему удалось заглянуть внутрь автомобиля, но Мэри там не было, и у него возникла надежда, что она смогла каким-то образом выплыть на поверхность и уйти. Это была совершенно смехотворная версия, и поверить в нее можно было только в полубредовом состоянии. На следствии Кеннеди утверждал, что в этих поисках участвовал также Пол Маркхэм, но последний это то подтверждал, то отрицал, правда, в конце концов согласившись, что он также присутствовал при всем этом деле{1274}.

После неудачного поиска группа то ли решила замести следы, то ли действовала в состоянии некого умопомрачения. Кеннеди и Гарган, переплыв неширокий канал, отделявший один островок от другого, более крупного, отправились в расположенный неподалеку мотель, где вся компания заранее забронировала номера, пробрались в комнаты, переоделись, а затем спустились в вестибюль, чтобы, как позже утверждали недоброжелатели, зафиксировать, что они только что проснулись (часы показывали половину третьего ночи). При этом, по свидетельству Гаргана, Эдвард многократно повторял, что об инциденте необходимо сообщить властям, плакал и вел себя неадекватно. Тот же факт, что они не возвратились к домику, где находилась оставшаяся часть компании, они объясняли тем, что не хотели волновать девушек, которые, узнав о случившемся, тотчас бы бросились на поиски и также могли утонуть{1275}.

Кеннеди говорил позже, во время следствия, что в мотеле он всю ночь бродил по комнате в полубредовом состоянии, не понимая, куда могла из машины исчезнуть девушка, но был вроде бы уверен, что она действительно «испарилась»{1276}. При этом он как бы забыл, что «всю ночь» бродить не мог, так как спустился в вестибюль посреди ночи. Утром оба брата возвратились на место катастрофы и обнаружили, что тело несчастной девушки уже извлечено из автомобиля и лежит на берегу. Теперь не оставалось ничего иного, как известить полицию. Произошло это не менее чем через десять часов после аварии[89].

Но полиция уже знала о происшедшем, знала и имя водителя машины.

Как оказалось, рано утром два рыбака заметили, что в воде находится автомобиль и примерно в половине девятого утра об этом были оповещены местные стражи порядка. В десять часов появился шеф полиции Эдгартауна Джеймс Эрина, который вызвал специалистов с необходимым оборудованием. Они возились под водой не менее десяти минут в водолазных костюмах, прежде чем смогли открыть дверцы машины и извлечь тело Мэри Копечне, которое оказалось на полу автомобиля и не было видно через окошко{1277}.

Так что Эдвард Кеннеди был прав в том, что, ныряя, он не смог увидеть Мэри. Прав он был и утверждая, что ни он один, ни с напарником, не имея опыта и технических средств, не был в состоянии спасти девушку. Подлинная его вина состояла в том, что о происшедшем не были немедленно извещены власти. Позже Эдвард утверждал, что, повернув к шаткому мостику, он просто заблудился: он думал, что направляется к парому, тогда как оказался на немощеной дороге, неизвестно куда ведущей{1278}.

Трагедия явилась страшным потрясением для последнего из братьев Кеннеди. Он в полной мере осознавал, что вел себя неадекватно, проявил трусость, безответственность, что в том случае, если бы чрезвычайные меры были приняты сразу же, девушку удалось бы спасти. Объективные наблюдатели в этом сомневались хотя бы на том основании, что, когда Мэри была обнаружена в полузатонувшей машине, понадобилось немалое время, чтобы извлечь ее тело и вытащить его на берег{1279}.

Однако осознание этого пришло к Эдварду далеко не сразу. Тяжело переживая гибель спутницы, он стал деградировать как личность. Испортились до предела отношения с женой, Пьяные загулы стали чаще, причем они сопровождались подчас хулиганскими выходками, скандалами не только с родными и близкими, но и с совершенно посторонними людьми.

По делу о гибели Мэри Копечне было проведено краткое следствие, а в последних числах июля состоялся еще более краткий, продолжавшийся менее часа, судебный процесс. Эдвард был признан виновным в том, что покинул место происшествия, не поставив в известность власти. Местный судья Джеймс Бойл проявил, однако, завидное снисхождение к высокопоставленному обвиняемому и вынес исключительно мягкий приговор, заявив: «Я понимаю, что он уже наказан и будет продолжать чувствовать свою вину — намного большую, чем может определить этот суд. Поэтому правосудие будет удовлетворено минимальным приговором к тюремному заключению, который будет носить условный характер».

Судья приговорил Эдварда к двум месяцам условного

наказания и под стражу его не взял[1280]. Можно не сомневаться, что на этот удивительно снисходительный приговор определяющее влияние оказало имя обвиняемого. Эдварду повезло — видимо, судья был из числа почитателей семейства Кеннеди.

Вслед за этим Кеннеди выступил с пространным заявлением по телевидению, в котором отрицал многое из того, что могло быть ему инкриминировано: что он вел машину в пьяном состоянии, что он совершил «аморальный поступок» (имелся в виду предполагаемый секс с Мэри Копечне), что только по «соображениям здоровья» его жена не была с ним во время путешествия, что после инцидента с машиной он вел себя безответственно. Единственным, что он признал в качестве своей вины, был факт «несообщения полиции немедленно о происшедшем»[1281]. Кеннеди поставил перед гражданами Массачусетса вопрос, следует ли ему оставаться на посту сенатора или подать в отставку, если избиратели «утратили доверие к его характеру или способностям». Он завершил выступление цитатой из книги брата «Мужественные профили». Никаких требований отставки официально не поступило, и Эдвард остался в сенате.

Общественность, однако, была возмущена его поведением, трусостью, несобранностью. Если демократы в основном отмалчивались или отделывались общими осуждающими фразами, то республиканцы дали волю своим чувствам.

Даже президент Никсон счел нужным упомянуть об инциденте, причем в речи, связанной с торжественным событием — выходом астронавта Нейла Армстронга на лунную поверхность. Поздравив Армстронга и других астронавтов, всех тех, кто обеспечил успешный полет на Луну, Никсон не удержался и злорадно добавил: «Вы знаете, сегодня произошло событие и на другом фронте. Для всех Кеннеди будет тяжело прийти в нормальное состояние: слишком много репортеров хотят получить Пулицеровскую премию». Своим же помощникам Никсон заявил еще более определенно: «Это означает конец Тедди»[1282].

Для того чтобы окончательно добить Эдварда, его противники настояли на дополнительном расследовании, которое носило гражданский характер, то есть не влекло за собой привлечения сенатора к уголовной ответственности. Происходило оно в январе 1970 года и пришло к неутешительным для Эдварда выводам: Кеннеди и Копечне не собирались двигаться в направлении парома, а сознательно остановились на глухой улице; на старой фунтовой дороге машина двигалась с

непозволительно высокой скоростью; Кеннеди безусловно не проявил необходимой осторожности при пересечении моста. Общий же вывод состоял в том, что «мистер Кеннеди небрежно вел машину, и это стало причиной смерти Мэри Копечне»{1283}. [90]

Семья погибшей девушки получила от Эдварда Кеннеди 91 тысячу долларов и еще 50 тысяч от его страховой компании{1284}. От компенсации она не отказалась, но на всю жизнь сохранила ненависть к самому имени Кеннеди.

Почти тотчас возникли, как это часто бывает в подобных случаях, конспирологические версии происшедшего, которые сводились к трем вариантам: Кеннеди вообще не было на месте преступления, а всю историю искусно сконструировали его враги; Кеннеди пытался скрыть преступление (иногда прямо говорилось, что он прикончил чем-то перед ним провинившуюся девушку), выдав это за несчастный случай; Кеннеди пытался при помощи этого инцидента скрыть свои прошлые преступления.

Все эти слухи были убедительно опровергнуты компетентными судебно-следственными органами и вскоре перестали повторяться{1285}. Но общее крайне негативное впечатление от этого весьма печального случая сохранилось на многие годы.

Либеральный законодатель

Трагическое событие действительно стало концом Тедди как возможного претендента на президентский пост (это, правда, стало ясно не сразу), но не завершило его политической деятельности.

После катастрофы на мосту и после смерти отца 15 ноября того же несчастливого 1969 года Эдвард стал постепенно приходить в себя. Он, по всей видимости, осознал, что является теперь главой большого и известного всей Америке клана, что несет ответственность за его будущее, да и за собственную репутацию.

Будучи уже сенатором со стажем, он с начала 1970-х годов (в 1970 году он был переизбран) стал вести себя более достойно, оказавшись постепенно одним из лидеров либерального крыла сенатской фракции Демократической партии. В этом качестве он выступил инициатором ряда законодательных реформ, часть из которых способствовала социальному миру, а другие лишь усугубляли противоречия в современном американском обществе.

Наиболее спорным был внесенный им в 1969 году законопроект о повышении эффективности системы медицинской

помощи населению, который встретил сильнейший отпор не только консервативных республиканцев, но и некоторых однопартийцев. Речь шла о таком расширении бесплатного медицинского обслуживания, которое фактически вело к полному огосударствлению данной сферы социальной деятельности. А это, как показывал опыт ряда стран, в частности стран советского блока, властители которых хвастали бесплатным здравоохранением, по сути дела вело к деградации медицинского обслуживания.

Правда, формально речь шла не о национализации медико-санитарного дела. Совместно с председателем профсоюза рабочих автомобильной промышленности Уолтером Рейтером Кеннеди образовал так называемый Комитет ста за национальное медицинское страхование, который предложил ввести всеобщее и обязательное медицинское страхование. Средства должен был дать новый специальный налог{1286}. После долгого и бесплодного обсуждения законопроект Кеннеди был провален и в сенате, и в палате представителей.

После того как президентом стал Ричард Никсон, Эдвард Кеннеди некоторое время выжидал и даже одобрил «сдержанность» его администрации касательно войны во Вьетнаме, прежде всего намерение как можно скорее завершить войну путем переговоров и компромисса. Вскоре он, однако, возобновил критические выступления, особенно в связи с усилением боевых действий на границе между Вьетнамом и Лаосом.

С лета 1971 года Эдвард стал обвинять администрацию Никсона в том, что она сознательно затягивает переговоры о прекращении войны во Вьетнаме. 7 июня он выступил по телевидению с широко разрекламированным заявлением, что Никсон саботирует переговоры в Париже, стремясь увязать достижение мира с собственной кампанией по переизбранию, которая предстояла в следующем году. «Президент намеревается выбросить свою последнюю козырную карту мира поближе к ноябрю 1972 года, когда появятся лучшие возможности, чтобы использовать это в предстоящей борьбе за место президента»{1287}.

Если учесть, что сам Никсон теперь задумывался о том, как ему выбраться из вьетнамской ловушки, из индокитайских джунглей и болот с минимальными людскими, материальными и моральными потерями, то станет ясна та чуть ли не истерическая реакция, которая последовала за выступлением Кеннеди.

Сначала подали свой голос сенаторы-республиканцы, обвинившие его, в частности, в использовании непроверенных

сведений, полученных от американских офицеров невысокого ранга. Затем появилось коммюнике командования войск США, действовавших в Индокитае, которое доказывало целесообразность проведенных операций.

Даже некоторые соратники по партии сочли выступление неуместным. Хэмфри, например, заявил, что Никсон «никогда не играл в политику», что он действительно стремится к миру{1288}. Наконец, пресс-секретарь Белого дома Рональд Зиглер довел до сведения публики, что в то время, когда американские парни проливают кровь, выступления, подобные тому, которое произнес сенатор Кеннеди, «аморальны и неоправданны»{1289}.

Эдвард Кеннеди многократно высказывался за сокращение расходов на вооружение с выделением высвобождавшихся сумм на образование и профессиональную подготовку неимущей молодежи, на расширение помощи продовольствием наиболее бедным слоям населения (по его инициативе была создана программа «Пища на колесах», по которой продуктовые пакеты доставлялись самым бедным семьям прямо на дом)[91] и т. д. При этом, как правило, игнорировались реалии, состояние переговоров по разоружению, усиление военной мощи СССР, Китая и других стран.

Эдвард Кеннеди отверг предложение своих советников о выдвижении кандидатуры на президентский пост в 1972 году. Видимо, главными мотивами были незабытая еще история с гибелью помощницы Роберта, памятные всем пьяные дебоши в последние годы и опасения, как бы его самого не постигла судьба старших братьев.

Учитывая напряженные отношения, которые сложились между администрацией Никсона и Эдвардом Кеннеди, становится понятным то чувство злорадного удовлетворения, которое сенатор испытал в связи с разразившимся в 1972 году уотергейтским скандалом, раскрывшим незаконную и даже преступную деятельность членов штаба Никсона и его агентов, а также неблаговидную роль самого президента, пытавшегося скрыть их действия от общественности.

Это дело прошло, так сказать, по касательной к Кеннеди, но косвенно связанные с ним тайные манипуляции затронули его непосредственно.

В связи с тем, что Кеннеди был одним из наиболее известных критиков внешней политики Никсона, за ним было установлено постоянное тайное наблюдение. Специально подобранная группа советников Никсона по секретным операциям во главе с Гордоном Лидди и Говардом Хантом предпринимала усилия по внедрению в число советников Кеннеди своих информаторов. Ханту было

поручено продолжать сбор информации об инциденте, связанном с гибелью Мэри Копечне, с тем, чтобы в нужный момент обрушить на сенатора новую гору компромата. Руководитель аппарата Белого дома Х. Р. Холдемен предлагал даже установить за Эдвардом круглосуточное наблюдение. Но это требование принято не было — то ли другие советники Никсона опасались разоблачения агентов, то ли просто недоставало средств. В результате наблюдение за Кеннеди велось выборочно{1290}.

В свою очередь Эдвард делал попытки контрнаступления. В январе 1972 года было начато рассмотрение незаконной деятельности корпорации «Интернэшнл Телефон энд Телеграф» (ИТТ), которую обвиняли в тайных платежах в личный фонд Никсона{1291}.

Это были лишь отдельные детали сложнейшего комплекса событий, на основе которого стал, как снежный ком, развертываться один из грандиознейших за всю историю США политических скандалов, получивший название «Уотергейтского дела».

17 июня 1972 года, то есть за четыре с половиной месяца до очередных президентских выборов, в дорогом жилищно-гостиничном комплексе Уотергейт в Вашингтоне по вызову ночного сторожа, заподозрившего обычный грабеж, была арестована группа лиц, проникшая в одно из помещений штаб-квартиры Национального комитета Демократической партии, которым руководил старый соратник братьев Кеннеди Ларри О'Брайен. Группу возглавлял бывший агент ЦРУ Джеймс Маккорн, а входили в нее несколько кубинских иммигрантов и лиц, связанных с мафиозными структурами.

Вначале расследование дела велось вяло и никак не отразилось на исходе президентских выборов. Никсон был переизбран, победив своего соперника Дж. Макговерна с большим перевесом. Отчасти это было связано с тем, что США постепенно выходили из конфликта в Индокитае. Становилось ясным, что в ближайшее время долгожданное соглашение будет, наконец, подписано, что и произошло на следующий день после инаугурации Никсона, 21 января 1973 года. Выражалось удовлетворение и мероприятиями Никсона по некоторому смягчению взаимоотношений с СССР, что выбивало аргументацию из рук выступавшего за разрядку демократического кандидата.

Однако дальнейшее расследование показало, что против Макговерна республиканцами были использованы откровенно мошеннические приемы предвыборной борьбы. Лишь один пример. Оперативная группа по избранию президента, созданная Никсоном, нанимала многочисленные группы хиппи, которые,

откровенно демонстрируя свою склонность к гомосексуализму, наркомании и т. п., появлялись в людных местах, посещаемых «добропорядочными» американцами, с лозунгами «Голосуйте за Макговерна!», «Мы хотим Джорджа!» и т. п.{1292}

Надо сказать, что и демократы подчас устраивали своего рода озорные акции, правда, обычно более остроумные и не столь непристойные. Известным их организатором был Дик Такк, который работал в командах Джона и Роберта Кеннеди, а во время предвыборной кампании Никсона проделал следующую операцию. Переодевшись в форму машиниста электровоза, он пробрался в пустующую кабину локомотива поезда, на котором совершал агитационную поездку Никсон, и медленно двинул состав вперед. Президент, являвшийся одновременно кандидатом в президенты на второй срок, как раз в это время выступал с площадки своего вагона. Сначала он не заметил подвоха и продолжил выступление, но через несколько секунд заметил, что слушатели начинают от него всё более отдаляться…{1293}

Как свидетельствуют записи тайных совещаний у Никсона, президент ненавидел Такка и не раз обзывал его самыми грязными словами, но в то же время восхищался остроумием его выходок и ставил их в пример своим помощникам. В разгар Уотергейтского дела начальник аппарата Белого дома Р. Холдемен, встретив Такка в Капитолии, бросил ему: «Это вы начали всё дело», на что тот ответил: «Да, но ваши ребята провели дело так, как надо»{1294}.

Тем временем Уотергейтское дело постепенно раскручивалось, вскрывая одни сенсационные факты за другими.

На начальном этапе, непосредственно после того, как расследование стало набирать обороты, Эдвард Кеннеди активно участвовал в нем. В качестве председателя подкомитета по юридическим вопросам сенатского комитета по административной практике и процедурам он решительно отверг заявление пресс-секретаря Белого дома Зиглера, что в Уотергейте произошла «попытка третьесортного ограбления». Он обратился к членам подкомитета с призывом принять активное участие во всестороннем рассмотрении дела, работать «полный рабочий день». Кеннеди считал необходимым не ограничиваться изучением обстоятельств того, что произошло в Уотергейте, но обратить главным образом внимание на «грязные дела», которые сопровождали избирательную кампанию, особенно на попытки внести максимальный раскол в ряды сторонников Демократической партии. На заседания подкомитета Кеннеди вызвал нескольких сотрудников аппарата Белого дома и придирчиво их допрашивал{1295}. Даже предварительные

результаты расследования позволили Эдварду установить, что «во время недавней президентской кампании имел место широкий спектр шпионажа и саботажа»{1296}.

Однако в партийном руководстве скоро возникли сомнения в целесообразности участия Эдварда Кеннеди в расследовании Уотергейтского дела. Его рассматривали как лицо заинтересованное — и потому, что он был братом покойного президента, который в свое время конкурировал с Никсоном в борьбе за высший пост, и потому, что сам он всё еще, несмотря на недавний скандал, рассматривался в некоторых кругах как возможный кандидат от Демократической партии на высший государственный пост. Лидер демократической фракции в сенате Майк Мэнсфилд написал об этом двум своим коллегам — председателю юридического комитета Джеймсу Истленду и председателю комитета по делам правительства Сэму Эрви-ну Мэнсфилд полагал, что для всестороннего расследования происшедшего скандала и всего того, что скрывалось за ним, целесообразно создать специальный комитет с участием представителей обеих партий.

К Кеннеди же он обратился с осторожным письмом, советуя прекратить участие в следствии и воздержаться от вмешательства в процесс. Через много лет Эдвард делился со своим биографом соображениями о том, что рекомендация Мэнсфилда, которой он последовал, была правильной. «Для меня очевидно, что я не был таким лицом, которое могло расследовать дела Ричарда Никсона. Я должен был предусмотреть, что должно было появиться какое-то новое лицо»{1297}.

Единогласным решением сената 7 февраля 1973 года был образован специальный комитет во главе с известным борцом за гражданские права представителем Северной Каролины Сэмом Эрвином{1298}.

Официально отстранившись от расследования сенсационного дела, Эдвард Кеннеди иногда срывался, затрагивая в выступлениях, причем весьма остро, данную щекотливую тему. Обычно вслед за этим он получал отповедь из республиканского лагеря. Так произошло, например, после его выступления в День независимости США, 4 июля 1973 года, в городе Деатур (штат Алабама). Он просто негодовал: «Те, кто, как это доказано, злоупотребили властью народа, не имеют права оставаться у власти. Те, кто узурпировал власть, должны быть поставлены на место при помощи конституционных мер»{1299}. Прошла лишь неделя, и сенатор Голдуотер попытался поставить на место Кеннеди: «До тех пор, пока все факты, касающиеся трагедии в Чеппакуидуике, не будут известны, американский народ может

обойтись без морализации со стороны массачусетского демократа». Кеннеди, продолжал он, — это «самый последний человек в этой стране, который может читать нам лекции»{1300}. Это было еще одно напоминание, что хвост трагедии с Мэри Копечне продолжает тянуться, что о поведении Эдварда в те дни еще будут напоминать, что вести политическую борьбу в этих условиях будет нелегко.

В конце концов после активных следственных действий, в результате которых накопилась масса документов против Никсона, включая и тот факт, что все совещания в Белом доме, связанные с опасными раскрытиями, записывались на магнитофон (причем втайне от участников), президент был вынужден по решению Верховного суда предоставить все магнитофонные записи бесед и совещаний, которые он проводил со своими сотрудниками и которые затрагивали это дело, следственной комиссии. А эти совещания Никсон созывал почти ежедневно в связи с разоблачениями, которые сыпались одно за другим. Записи вскрыли личную неприглядную роль Никсона, который был полностью в курсе дела уголовных преступлений, творимых его сотрудниками. Тому же способствовали признательные показания некоторых обвиняемых, в частности помощника и доверенного лица президента Дж. Дина.

Для историка немаловажны причины, по которым Никсон, вопреки предыдущей практике, распорядился, чтобы его разговоры с сотрудниками аппарата, в том числе самые секретные и нелицеприятные, записывались на пленку, причем в глубокой тайне от своих ближайших сотрудников, участвовавших в совещаниях. По этому поводу в литературе высказываются два основных мнения. Одно, нейтральное и даже скорее благоприятное для Никсона, состоит в том, что президент рассчитывал использовать записи для истории, прежде всего для подготовки собственных мемуаров после окончания второго президентского срока. Вторая версия, на наш взгляд, более соответствующая действительности, заключается в том, что президент стремился иметь козыри против тех лиц, с которыми он вел доверительные беседы, в частности на тот случай, если бы они попытались когда-либо отказаться от собственных слов. Эту точку зрения отстаивает, в частности, бывший начальник аппарата Белого дома Р. Холдемен, сам пострадавший в качестве исполнителя воли своего начальника{1301}.

В литературе также высказывается мнение, что сам налет в Уотергейте был осуществлен не без ведома высших политических воротил Демократической партии, возможно, и самого Эдварда Кеннеди. В ходе работы комиссии по расследованию

Уотергейтского дела неожиданно обнаружилось, что приближенный к Кеннеди Ларри О'Брайен получил от частного осведомителя информацию о планируемом вторжении, однако не принял никаких мер по его предотвращению. Можно полагать, что перед этим из штаб-квартиры были вынесены некоторые документы, которые можно было счесть нежелательными, чтобы с ними ознакомились сторонники Никсона. В любом случае сам налет был в максимальной степени использован демократами для компрометации соперничавшей партии.

Никсон же, затаивший против демократов, особенно против Кеннеди и О'Брайена, глубокую ненависть, о которой Холдемен многократно упоминает в своей книге, пошел на явную авантюру, совершенно не предполагая, что она может обернуться провокацией против него самого, а затем и его отставкой{1302}.

В конечном итоге Уотергейтское дело действительно привело к тому, что Никсон, находясь на грани импичмента, 9 августа 1974 года был вынужден уйти в отставку, передав пост президента вице-президенту Джеральду Форду, который тотчас объявил об амнистии бывшего президента, призвав к внутренним компромиссам. Тем не менее Уотергейтское дело завершилось для Никсона позором.

Так в третий раз с 1945 года в США произошла замена президента не путем выборов, а в связи с прекращением избранным президентом исполнения его функций (смерть Ф. Рузвельта, гибель Дж. Кеннеди, а теперь и отставка Р. Никсона).

Фактически одновременно с отставкой и после этого последовали аресты и осуждения, в том числе на длительные сроки заключения, ряда высокопоставленных чиновников, в числе которых были бывший министр юстиции, а затем председатель Комитета за переизбрание президента Джон Митчелл, начальник аппарата Белого дома Роберт Холдемен, помощник президента по внутриполитическим делам Джон Эрлихман, помощник президента по юридическим вопросам Джон Дин, сотрудник аппарата Белого дома, руководивший вторжением в штаб-квартиру демократов, Чарлз Колсон.

Уотергейтское дело способствовало значительной компрометации самого института президентской власти. Но, разумеется, оно в значительно большей степени негативно отразилось на положении республиканцев, нежели демократов.

Вместе с тем решения судов, связанные с уроками этого дела, способствовали укреплению в США некоторых демократических процедур путем усиления влияния законодательной власти за счет исполнительной. Важнейшими из новых мер были запрещение президентам задерживать подписание законов во

время каникулярных перерывов в заседаниях конгресса и резкое ограничение той части президентской корреспонденции, которая могла попасть в число секретных бумаг.

Т. Соренсен, в свое время работавший в команде старших братьев Кеннеди, а теперь поддерживавший связи с Эдвардом, в сотрудничестве с ним рассматривал последствия Уотергейтского дела для президентской власти. Он пришел к выводу, что после Уотергейта так называемая «президентская привилегия» (то есть право президента самостоятельно решать текущие вопросы, в случае необходимости в секретном порядке, не уведомляя о них законодательную власть) была теперь отменена по крайней мере в трех областях: корреспонденции и бесед, касающихся проведения текущих политических мероприятий; действий, которые можно заподозрить в том, что они носят преступный характер; деятельности, связанной с опасностью импичмента{1303}. При большом желании к этим трем областям можно причислить всё что угодно. Так что президенты теперь должны были действовать значительно осторожнее.

Считавший, что он потерпел неудачу в предыдущих попытках претендовать на высший пост не по своей вине, не в результате недостаточной популярности, а по случайно сложившимся обстоятельствам, Эдвард Кеннеди порой думал о том, чтобы возобновить усилия достичь высшей ступени исполнительной власти. Уже вскоре после выборов 1972 года Эдвард стал поговаривать в кругу близких о президентской кампании 1976 года. Правда, при этом он высказывал опасение, что может произойти самое неприятное: он не будет избран президентом и в то же время потеряет сенатское место, ибо как раз в это время истекал его шестилетний срок пребывания в верхней палате.

В середине 1970-х годов он воссоздал мощный организационный и пропагандистский аппарат, с помощью которого исправно переизбирался на сенатский пост в родном штате. Некоторые авторы полагают, что у него была наиболее мощная команда помощников по сравнению с любым другим членом конгресса{1304}. Это положение не подтверждается никакими цифрами или сравнениями, но можно полагать, что во всяком случае группа помощников Кеннеди, руководимая Л. О'Брайеном, была значительной.

В числе помощников появились новые яркие фигуры. Одной из них являлся Кэри Паркер, выпускник Гарвардского университета, талантливый юрист, который занимался не только правовыми, но и экономическими вопросами. Другим помощником был Роберт Хантер, прошедший подготовку в Лондонской школе экономики (напомним, основанной Гарольдом

Ласки и являвшейся одним из учебных заведений, в которых учился Джозеф-младший и собирался учиться Джон Кеннеди). Хантер занимался главным образом международными проблемами, но также участвовал в решении вопросов, связанных с функционированием партийной организации демократов с целью привлечения ее на службу своему шефу. Еще один выпускник Гарвардского университета Пол Кёрк (питомец Макджорджа Банди и Генри Киссинджера) решал вопросы, связанные с тактикой и поведением Кеннеди при внутриполитических контактах. Поддерживаемый этими и другими людьми, Эдвард Кеннеди в середине 1970-х годов, после отставки Никсона, значительно усилив свою критическую активность, сделав мишенью атак весь комплекс политики Джеральда Форда, стал во главе парламентской оппозиции.

В центре внимания сенатора находилась политика США в Индокитае, неудачу которой вынужден был признать еще Никсон, заключив в январе 1973 года Парижское мирное соглашение по Вьетнаму. Хотя Кеннеди заявил, что он в принципе поддерживает оказание «гуманитарной помощи» Южному Вьетнаму, он резко возражал против одностороннего характера этой помощи, требуя, чтобы она предоставлялась посредством ООН{1305}. Учитывая расстановку сил в ООН к этому времени (усиление позиций стран Азии и Африки, в большинстве своем подозрительно или же вообще недружественно относившихся к США), предложения Кеннеди означали растворение американской помощи в других фондах Организации Объединенных Наций, что влекло за собой дальнейшую потерю влияния США в Южном Вьетнаме.

По существу дела Эдвард призывал администрацию к полному уходу из этого региона. Он говорил о необходимости признать простую истину, что в Индокитае не может произойти никаких событий, которые поставили бы под угрозу интересы Соединенных Штатов Америки.

Как мы уже отмечали выше, Эдвард Кеннеди подумывал об участии в президентских выборах 1976 года. Члены его штаба полагали, что он является единственным кандидатом, вокруг которого может объединиться большинство Демократической партии. Возникла даже специальная организация, название которой говорило само за себя, — Комитет граждан по мобилизации Теда Кеннеди, собиравший подписи под петицией с требованием к Эдварду, чтобы он выдвинул свою кандидатуру{1306}.

Однако противники его выдвижения в рядах демократов и тем более республиканские оппоненты потрудились, чтобы в печать вновь в большом числе проникли материалы о

недостойном поведении Эдварда, приведшем к гибели Мэри Копечне. Кроме того, в это время возникли новые серьезные проблемы в семейной жизни возможного кандидата, которые не только делали его более уязвимым, но создавали тяжелый душевный дискомфорт. Произошло полное отчуждение между ним и женой Джоэн. До официального развода дело пока не дошло, но фактически супруги разошлись.

Как серьезную трагедию Эдвард воспринимал тяжелую болезнь старшего сына Тедди, которая в конце концов привела к ампутации ноги. Мальчик, учившийся в седьмом классе частной школы в Вашингтоне, внезапно обнаружил отек под коленом. Вначале думали, что это — большой синяк, результат удара во время игры в футбол. Но отек превратился в заметную опухоль, а когда обратились к медикам, они поставили страшный диагноз — саркома кости. После того как нога была ампутирована выше колена, обнаружилось, что злокачественные клетки распространились выше. Началось мучительное радиологическое лечение, а затем стали проводиться сеансы химиотерапии, резко ослаблявшей Тедди-младшего и доставлявшей мучения не только ему, но и родителям. Лишь в незначительной степени их страдания облегчало мужество самого мальчика, который с огромными трудностями, но сравнительно быстро стал приспосабливаться к протезу, а затем вновь учился плавать и даже ходить на лыжах{1307}.

Хотя на непродолжительное время общая беда вновь сблизила Эдварда и Джоэн, вскоре отношения стали опять напряженными, а Джоэн постепенно возвращалась к прежней склонности к крепким напиткам. Несколько раз ее задерживали на дороге, когда она вела машину в нетрезвом состоянии. В 1976 году Джоэн провела месяц в нью-йоркском центре лечения от алкоголизма. Ее пребывание там стало достоянием прессы, тем более что сама супруга сенатора не отказывала репортерам в интервью откровенного характера, вплоть до того, что она перед лечением за ночь выпивала целую бутылку водки. К тому же она высмеивала семейство Кеннеди, а почитаемую всей семьей (по крайней мере на публике) теперешнюю старейшину клана Розу даже обозвала «сварливой землеройкой»{1308}. Это в свою очередь вызвало негодование членов семейства, в частности Юнис Шрайвер, которая, правда, обрушила гнев не на Джоэн, а на бессовестную прессу, сующую нос в интимные дела{1309}.

В 1977 году Джоэн и Эдвард фактически расстались. Джоэн перебралась в Бостон. Дети остались с отцом. Развод был оформлен в январе 1981 года.

Все эти личные передряги вместе с напоминаниями о том,

что произошло в Чеппакуиддике, лишили Эдварда стимулов к борьбе за президентство.

Дело не дошло даже до выдвижения на первичные выборы. От участия в избирательной кампании за высший пост Эдвард отказался. Президентом был избран номинированный на съезде в Нью-Йорке в июле 1976 года представитель Демократической партии Джимми Картер. Эдвард Кеннеди был без труда переизбран сенатором.

СССР и Китай

В своей парламентской деятельности Эдвард Кеннеди немалое внимание уделял международным делам, в частности отношениям с СССР и Китаем.

Сенатор дважды побывал в Советском Союзе.

Первая поездка была более продолжительной и даже в определенном смысле результативной. Эдвард прилетел в Москву 18 апреля 1974 года и, кроме столицы, побывал в Тбилиси и Ленинграде. Он рассматривался в СССР как духовный наследник Джона Кеннеди, которого считали самым дружелюбно настроенным к СССР американским президентом, особенно в последний год его пребывания в Белом доме. Дважды Эдварда принимал сам генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев.

Беседа проходила вполне благодушно до тех пор, пока Кеннеди не коснулся двух острых для коммунистических лидеров вопросов — положения знаменитого виолончелиста М.Л. Ростроповича и еврейской эмиграции в Израиль.

Ростропович, который в это время (вместе с супругой, солисткой Большого театра Г.П. Вишневской) дал убежище преследуемому А.И. Солженицыну и обратился с открытым письмом к Брежневу в защиту писателя, был лишен права выезжать на гастроли за рубеж и подвергался нападкам на родине. На просьбу Эдварда Кеннеди предоставить возможность великому музыканту и его жене возобновить зарубежные гастроли Брежнев ответил уклончиво, демагогически заявив, что «советский народ» дал музыканту образование и тот должен служить трудящимся своей родины. Он, однако, «обещал подумать», а уже после отъезда Эдварда из СССР, во время пересадки во Франкфурте-на-Майне, ему передали, что «советское правительство» решило удовлетворить его просьбу — разрешить Ростроповичу и Вишневской зарубежные гастроли. Вскоре они выехали на Запад, где заключили гастрольные контракты на многие годы, вследствие чего в 1978 году были лишены советского гражданства{1310}.

Что же касается вопроса о выезде евреев на родину предков, то Брежнев отделался еще более невразумительным ответом о том, что евреи имеют равные права со всеми другими народами СССР Тему скрытого государственного антисемитизма в СССР Эдвард Кеннеди затронуть не решился, чтобы окончательно не испортить отношений с гостеприимными хозяевами{1311}.

В отличие почти от всех гостей из стран НАТО Кеннеди вроде бы предоставили возможность встретиться со студентами Московского университета. Правда, собравшиеся «студенты» были своеобразными. Корреспондент телекомпании «Си-би-эс» в Москве М. Фромсон писал, что «зал был заполнен отнюдь не студентами, а идейно закаленными партийными функционерами»{1312} (впрочем, возможно, из числа студентов, аспирантов и преподавателей).

Небольшое вступительное слово сенатора было посвящено доказательствам того, что критика отсутствия свободы печати в СССР, подавления инакомыслия, часто появляющаяся в печатных органах США, ни в коем случае не является вмешательством во внутренние дела. «Главным принципом развития взаимоотношений между нациями является искренность», — говорил он. Кеннеди напоминал о своих критических суждениях по поводу прав человека в Чили, во Вьетнаме, особенно подчеркнул свое неприятие нарушений прав негров, индейцев, выходцев из стран Азии и Латинской Америки в самих Соединенных Штатах. «Я не верю в молчание» — так завершил он эту часть своего выступления.

А затем последовало самое интересное. Эдвард предложил студентам поиграть в «вопросы—ответы». Они, мол, могут задавать ему любые вопросы, а он будет им задавать вопросы, требующие однозначного ответа путем поднятия руки. Студентам был задан единственный вопрос — что они думают по поводу советских расходов на вооружение: тратит СССР столько, сколько следует, больше, чем надо, или меньше, чем надо. Увидев, что фактически все присутствовавшие проголосовали за ответ «столько, сколько следует» (одна рука была поднята в пользу того, что следует тратить больше), Эдвард понял бессмысленность такой «игры» и попросил студентов задавать вопросы ему. Задан был, однако, единственный вопрос — собирается ли он выдвигать свою кандидатуру на президентский пост. Притворившись, что он не расслышал вопроса из-за плохо работавших микрофонов, Кеннеди свернул беседу (точнее говоря, понял, что организаторы стремятся выдворить его из аудитории как можно скорее){1313}.

Поездки в Грузию и Ленинград прошли гладко. Сенатора

принимали соответственно грузинский партийный босс Э.А. Шеварднадзе и его северный собрат Г.В. Романов. Единственной накладкой в Ленинграде был фактический отказ Эдварду в организации встречи с «отказницей» Полиной Эпельман, которая многократно подавала заявления с просьбой разрешить ей выезд в Израиль для воссоединения с мужем, но получала неизменные отказы (информация об этом печаталась в западных изданиях). «Гостеприимные хозяева» заявили Кеннеди, что Эпельман не смогли найти, так как у нее был испорчен телефон…{1314}

По возвращении в США Кеннеди выступил в нескольких городах со своими впечатлениями от поездки. Первую речь он произнес в штате Джорджия, в Атланте, где познакомился с губернатором штата, тогда еще будущим президентом Джимми Картером. В беседе они установили, что их взгляды по основным вопросам внутренней и особенно внешней политики близки. А в речи, с которой Эдвард здесь выступил, он, в частности, сказал: «Исходя из моих разговоров в Москве, я пришел к выводу, что можно уже в этом году достичь действенного соглашения о запрещении всех подземных испытаний ядерного оружия». Он, однако, критиковал советские власти за создание жестких препон для выезда граждан из страны, в частности за препятствия, чинимые иммиграции в Израиль{1315}.

В сентябре 1978 года Эдвард вновь посетил СССР, проконсультировавшись перед этим с президентом Картером, госсекретарем Сайрусом Венсом и помощником президента по национальной безопасности Збигневом Бжезинским.

Прилетев в Москву, Эдвард почти тотчас отправился в новый полет — в Алма-Ату, на сессию Всемирной организации здравоохранения и Детского фонда ООН. По распоряжению Брежнева ему был предоставлен специальный самолет, а в Алма-Ате роскошные покои на правительственной даче.

По возвращении в Москву сенатор вновь был принят генсеком. К этому времени советские власти были заняты сложными внутренними делами, всё более углублявшимся застоем экономики и нараставшим, но еще не прорвавшимся наружу глухим недовольством ухудшением материального положения населения и правлением старца. В этих условиях власти не проявляли значительной агрессивной активности на внешних рубежах страны. В результате Эдвард остался удовлетворен беседой с высокопоставленным «бровеносцем в потемках» (так в народе иронично называли Брежнева по аналогии с броненосцем «Потемкиным»), хотя по двум вопросам — о непоследовательной, по мнению Брежнева, политике Картера в вопросе сокращения вооружений и о нарушениях прав человека

в СССР — выразил несогласие с ним[1316].

Незадолго перед этим по предложению сенатора Генри Джексона и члена палаты представителей Чарлза Веника конгресс США принял закон, отказывавший СССР в принципе наибольшего благоприятствования в экономических отношениях в связи с препонами, чинимыми эмиграции из СССР, в основном эмиграции в Израиль, лицам, стремившимся к воссоединению семей или к возвращению на родину предков (закон Джексона—Веника действовал до 2012 года). Эдвард Кеннеди полностью поддержал этот законодательный акт, а перед отъездом в СССР составил список примерно из двадцати лиц, которые в наибольшей степени нуждались в эмиграции.

Среди них была семья москвича Бориса Каца, годовалая дочь которого страдала тяжелым желудочным заболеванием и могла питаться только особой смесью, не производившейся в СССР. Находившиеся в США родные передавали банки со смесью через туристов, но передачи были нерегулярными, и ребенок слабел. Во время встречи с Брежневым Кеннеди вручил ему свой список, а вслед за этим ему сообщили, что часть лиц, в него внесенных, получит визы на выезд из СССР.

Все эти события резко усилили внимание Эдварда к диссидентскому движению. Он пожелал увидеть московских диссидентов лично. Советские власти были очень недовольны намерением Кеннеди встретиться с видными деятелями правозащитного движения, но формально не препятствовали встрече, что само по себе свидетельствовало о нарастании кризиса режима.

Правда, общению с инакомыслящими попытались помешать иным способом. В этот вечер Эдвард был приглашен на дружескую вечеринку в квартиру некой «Наташи», которая входила в штат обслуживания в Алма-Ате. Там его окружила целая стайка щебечущих по-английски девушек, которые явно давали понять, что не возражают провести с ним ночь — Эдварду надо было только выбрать партнершу. Преодолев немалый соблазн, он всё же в нужное время — в одиннадцатом часу вечера — распрощался с хозяйкой и гостями и отправился по сообщенному ему адресу, разумеется, с помощниками и советским эскортом[1317].

Встреча состоялась в ночь на 10 сентября в квартире профессора-диссидента Александра Лернера.

Упомянутый Борис Кац позже рассказывал корреспонденту радиостанции «Голос Америки» о телефонном звонке Лернера: «Я должен был прийти к нему домой в полночь… Когда я приехал к нему на квартиру, там уже были академик Андрей Сахаров и его

жена Елена Боннер, там были мать и брат Анатолия Щаранского (видного диссидента-сиониста, находившегося в это время в заключении. — *Л. Д., Г. Ч.)* и еще несколько человек. Они мне сказали, что скоро придет сенатор Кеннеди. Примерно через час мы услышали звуки сирен, к дому подъехал кортеж черных автомобилей. Вскоре в квартиру вошли сенатор Кеннеди со своими помощниками и большое количество сопровождавших его людей в штатском, служащих советских спецслужб». И далее: «Кеннеди повернулся к ним и попросил выйти из квартиры. Они были поражены такой просьбой». Советские чиновники подчинились, видимо после краткой консультации со своим начальством{1318}.

Главный вопрос, который поставил Кеннеди, состоял в том, следует ли в борьбе за достижение соглашения о сокращении вооружений принимать во внимание движение за права человека в СССР. Наиболее подробно на вопрос отвечал А.Д. Сахаров. Он подчеркнул, что это — два различных вопроса, что в достижении поставленной цели должны учитываться долговременные интересы обеих стран. В то же время диссиденты высоко оценили закон Джексона—Веника{1319}.

Незадолго перед этим (в январе 1977 года) Сахаров обратился к президенту США Д. Картеру с письмом, в котором призывал адресата выступить в защиту гражданских прав в СССР и странах Восточной Европы. Картер ответил академику, но, надо сказать, весьма невыразительным текстом, так что особых иллюзий по поводу поведения американской стороны у Андрея Дмитриевича не было{1320}.

Результатом поездки в Москву стал ряд выступлений Кеннеди, во время которых он настаивал на дальнейших шагах по налаживанию с СССР отношений сотрудничества. В то же время сенатор постоянно повторял свою мысль о том, что в конце концов в этой стране осуществится процесс демократизации.

Уже вскоре после возвращения, 23 октября 1978 года, Кеннеди произнес большую речь в Чикагском совете по международным делам. Он энергично выступал против воинственных настроений в некоторых кругах американского истеблишмента, считая необходимым заключить с СССР новый договор о сокращении стратегических вооружений. Курс на подписание нового соглашения такого рода, полагал он, будет способствовать безопасности обеих сторон и укреплению международной стабильности. Сенатор высмеял тех, кто полагал, будто СССР значительно превосходит США в области ракетно-ядерных вооружений, показав в то же время нелогичность их высказываний: если бы это было действительно так, заключить

договор о равенстве вооружений было бы исключительно выгодно для Соединенных Штатов Америки. Эти критики воображают, говорил он, что «у русских рост 10 футов, а у американцев — 2 фута. Они проповедуют опасный миф, что ядерная война принесла бы меньший ущерб Советскому Союзу, чем Соединенным Штатам. Эти критики причиняют нашей стране огромный ущерб. Они являются проповедниками страха»{1321}.

Эдвард был удовлетворен тем, что советские власти хоть и частично, но выполнили свое обещание по поводу лиц, стремившихся эмигрировать. Сам он вскоре встречал в нью-йоркском аэропорту им. Джона Кеннеди семью Б. Каца, который через много лет говорил сотруднику «Голоса Америки», что считает сенатора членом своей семьи. Еще через некоторое время в Израиль прилетел член-корреспондент АН СССР В.Г. Левин, получивший, правда, туристическую визу, но явно не собиравшийся возвращаться назад (позже он работал в США). Это был первый случай разрешения на выезд из СССР ученого с академическим званием, к тому же связанного с ядерными исследованиями{1322}.

В следующие годы Эдвард Кеннеди предпринимал усилия, чтобы организовать поездку на Запад А.Д. Сахарову. В 1987 году американским ученым Джереми Стоуну и Фрэнку фон Хиппелю удалось посетить Сахарова, уже освобожденного из ссылки, но еще не восстановленного в правах. Стоун передал Андрею Дмитриевичу письмо Эдварда Кеннеди с приглашением приехать в США. Сахаров объяснил, что он остается «невыездным», а затем сказал: «Я считаю, что для того, чтобы это (обращение к властям по поводу выезда. — *Л. Д., Г. Ч.)* имело смысл, нужно, чтобы советские власти изменили позицию в этом вопросе. Это может произойти в двух случаях: если это нужно властям по их политическим соображениям или если со стороны зарубежных деятелей и организаций будет очень мощное давление, которое способствовало бы изменению политики»{1323}. Само приглашение как раз и являлось элементом такого давления.

Другим важным объектом внимания Эдварда Кеннеди в области внешней политики были взимоотношения США с Китайской Народной Республикой. Он был солидарен с курсом Белого дома на нормализацию диалога с коммунистическим Китаем и стремился внести в этот диалог личный вклад. Еще в 1971 году, при президенте Никсоне, он попытался стать первым американским политиком, который посетил бы эту страну с полуофициальной миссией.

Через китайское посольство в Канаде Эдвард стремился получить визу, но разрешение на въезд в КНР было обусловлено

тем, что Кеннеди выступит с заявлением: Тайвань, мол, где сформировалось самостоятельное государство, связанное с США не только дипломатическими отношениями, но и договором о дружбе, является нераздельной составной частью Китая. От выполнения такого требования Кеннеди отказался и визу не получил{1324}.

Однако постепенно между обеими странами наметилась несколько большая терпимость. Неофициальный визит Никсона в Китай в том же 1971 году явно содействовал расширению связей. Усилия по нормализации продолжала администрация Картера. Именно она содействовала поездке Эдварда Кеннеди в Китай в самом конце 1977 года. Перед отъездом советник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский попросил его во время бесед с китайскими деятелями обратить внимание на три вопроса: США стремятся к установлению дипломатических отношений, к достижению этой цели должны стремиться обе стороны, этим вопросом будет заниматься не только правительство, но и конгресс{1325}.

Эдвард побывал в различных городах. За его поездками, за соблюдением точного расписания визитов строго следила принимавшая сторона. Попытка встретиться со студентами в одном из университетов была пресечена: власти явно боялись нежелательных инцидентов.

Наиболее важная встреча состоялась в Пекине в канун Нового года с Дэн Сяопином — формально заместителем председателя Государственного совета (правительства), но фактически человеком, который сосредоточил в своих руках всю полноту власти в постмаоистском Китае и стремился к модернизации этой великой страны при безоговорочном сохранении коммунистического единовластия. Смысл того, что подробно пытался разъяснить Кеннеди своему весьма влиятельному собеседнику, состоял в том, что, по его мнению, США могут пойти на признание «единственного Китая», то есть отказаться от дипломатических отношений с Тайванем, но для этого им необходима поддержка со стороны самих китайских властей. Состоять она должна в той или иной форме обязательства, что Китай не предпримет агрессивных действий против Тайваня.

Многословный монолог Дэна, содержавший прежнее утверждение, что проблема Тайваня — это внутреннее дело Китая, в которое иностранцы не имеют права вмешиваться, неожиданно завершился на несколько иной ноте. Дэн заявил, что он и его коллеги могут быть терпеливыми. В конце концов дело будет решено, но «люди моего возраста, возможно, не смогут увидеть выполненной эту цель»{1326}.

Это заявление с полным основанием трактовалось как готовность отодвинуть присоединение Тайваня к Китаю на неопределенное будущее, что фактически открывало возможность для восстановления американо-китайских дипломатических отношений с последующим бурным развитием экономических связей между обеими странами. Официальные отношения были восстановлены в 1979 году.

В январе 1976 года Эдвард Кеннеди был инициатором, как он сам выражался, «больших дебатов» по вопросам внешней политики и обороны, назначенных в конгрессе. Он пригласил к участию в них ряд видных общественных деятелей, в частности М. Банди, который являлся в это время президентом фонда Форда. Для приглашаемых намечались вопросы, которые желательно было бы затронуть. Связаны они были с проблемами повышения эффективности внешней политики страны, с путями выработки и принятия решений в этой области и т. д.{1327}

Последние десятилетия

В первые полтора-два года Кеннеди поддерживал курс администрации Картера, в том числе и в качестве председателя юридического комитета сената. Сам новый президент проявил благосклонность к своему несостоявшемуся сопернику, в частности назначив его советника Р. Хантера одним из руководителей Совета национальной безопасности.

Участвуя в сенатских комитетах, Кеннеди уделил особое внимание расследованию фактов слияний и поглощений промышленно-финансовых корпораций, что он и его сотрудники считали нарушениями антитрестовского законодательства. Некоторые критики из консервативного лагеря стали даже называть его «социалистом», как это делали когда-то по отношению к брату Роберту. Ничего социалистического в намерениях Кеннеди, против которых выступали оппоненты, не было, и Эдвард вполне логично отвечал им, что своими действиями он только стремится создать более благоприятные условия для свободной конкуренции.

Постепенно, однако, Эдвард переходил к осторожной, а затем и более острой критике президента. Связано это было с тем, что действия администрации носили явно противоречивый характер. Заняв кресло в Белом доме в качестве ставленника либерального направления Демократической партии, Картер постепенно шел на уступки консерваторам во внутренней политике, а во внешней отходил от традиционной для демократов поддержки стабильности, в частности на Ближнем Востоке, где арабские

фундаменталистско-мусульманские режимы не прекращали своих попыток стереть с лица земли единственную опору западной либеральной цивилизации в этом регионе — Израиль. Симпатии Картера всё более тяготели к мусульманским режимам.

Первое открытое выступление с критикой политики Картера состоялось 9 декабря 1978 года на конференции демократов в городе Мемфисе. Кеннеди высказался в защиту идей прогрессивного либерализма, в частности объявив неприемлемыми объявленные Картером планы сокращения некоторых социальных программ. Особенно сильно он обрушился на ограниченный, по его мнению, проект медицинского страхования, предложенный правительством в качестве противовеса его плану всеобщего медицинского обслуживания. Этому частному вопросу Кеннеди придал подчеркнуто общее звучание. Он говорил: «Иногда следует грести против ветра. Мы не можем позволить себе плыть по течению или стать на якорь. Мы не можем подчиниться призыву тех, кто утверждает, что настало время спустить паруса»{1328}.

Надо сказать, что само правительство оказалось в заколдованном круге. Картер неохотно шел на урезание непомерно разросшихся социальных программ. Критики же, указывая ему на фактическую аморальность и приучение людей к иждивенчеству за счет государства, всё же главный упор делали на финансовую сторону дела. Эксперты обеспокоенно отмечали всё больший рост внутреннего государственного долга, увеличивавшийся дефицит госбюджета и другие негативные экономические явления, порождаемые разбуханием программ «кормежки бездельников», как высказывались оппоненты.

После выступления на конференции демократов в Мемфисе последовало выдвижение Эдвардом Кеннеди нового плана совершенствования медицинского обслуживания населения, в частности за счет федеральных средств. Предлагалось на 12-15 миллиардов долларов увеличить бюджетные расходы на медико-санитарную сферу, с тем чтобы медицинская помощь в США могла сравниться с лучшими европейскими образцами{1329}.

Надо признать, что под «лучшими европейскими образцами» Эдвард имел в виду, в частности, британскую систему медицинского обслуживания, которая на деле имела серьезные пороки — низкую квалификацию врачей, особенно в провинции, переполненность больниц и соответственно неудовлетворительное обслуживание пациентов, длительное (порой месяцами) ожидание приема у врачей отдельных специализаций и пр. Правда, британская медицинская помощь была бесплатной, и именно это более всего привлекало симпатии

опытного, но в данном вопросе явно догматически настроенного сенатора.

Другим направлением, выбранным для атаки политики Картера, была энергетическая область.

Во второй половине 1970-х годов периодически обострялись проблемы энергетики. Это было связано с позицией Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), регулировавшей добычу нефти, чтобы не допустить снижения мировых цен на нее и в ряде случаев использовать нефть и нефтепродукты как грозное политическое оружие давления.

Соединенные Штаты Америки, не привыкшие к такому положению (в течение всего послевоенного периода именно они оказывали решающее влияние на мировые хозяйственные дела за пределами советской сферы господства), реагировали на внешний энергетический нажим весьма болезненно. В июне—июле 1979 года Картер обнародовал свою энергетическую программу, рассчитанную на десять лет, которая предусматривала вдвое понизить внешнюю энергозависимость страны за счет крупных капиталовложений (примерно в 140 миллиардов долларов){1330}.

В противовес картеровской, Кеннеди совместно с сенатором Дж. Дёркиным из Нью-Хэмпшира в августе 1979 года выдвинул свой план на те же десять лет, предусматривавший примерно такое же сокращение закупок энергоносителей из-за рубежа, какое содержалось в программе президента, но при затрате примерно вдвое меньшей суммы. Капиталовложения должны были стать «возвратными» — состоять в основном из выплат бизнесменам, осуществляющим меры по снижению энергорасходов{1331}.

Дальнейшее развитие событий показало, что не только план Кеннеди—Дёркина, но и программа Картера носили утопический характер. Они были отодвинуты в сторону следующими администрациями как неработоспособные. А дискуссии по поводу энергетической независимости США от ОПЕК, а также стран, экспортирующих нефть, но в эту организацию не входящих, продолжаются и по сей день.

В середине 1979 года Эдвард неохотно согласился на выдвижение своей кандидатуры на президентский пост, однако официально объявлять об этом не спешил.

Хотя Картер имел право баллотироваться на второй срок и было ясно, что он приложит все усилия, чтобы этой возможностью воспользоваться, уже с первой половины 1979 года становилось понятно, что президент теряет престиж в глазах широкой массы избирателей. Американцам-прагматикам все меньше нравился президент, который неизменно обращался к высоким моральным

принципам даже тогда, когда проводил явно популистский курс. Недоверие к социальной и энергетической программам президента стало снижать его рейтинг. Дело дошло до того, что в выступлении по телевидению 15 июля 1979 года Картер признал возникновение «кризиса доверия». Он говорил: «Мы можем увидеть этот кризис в растущих сомнениях по поводу смысла наших собственных жизней и в потере единства целей нашей нации»{1332}. Вслед за этим была проведена внезапная реорганизация кабинета министров, чем президент попытался продемонстрировать свою «жесткость» и одновременно отправить в отставку некоторых деятелей, которым всё меньше доверял. Основной жертвой стал министр здравоохранения, образования и социального обеспечения Джозеф Калифано, о котором поговаривали, что он поддерживает связи с сенатором Кеннеди{1333}.

На непродолжительное время позиции Картера упрочились, но через несколько месяцев его рейтинг снова стал падать. Согласно опросам агентства Харриса, во второй половине 1979 года бывали моменты, когда лишь треть или четверть респондентов заявляла о поддержке президента. Правда, другие агентства показывали лучшие результаты и даже упрекали Харриса в фальсификации данных в угоду Кеннеди по той причине, что Луис Харрис, владелец агентства, в свое время работал на его брата-президента{1334}.

В этих условиях Кеннеди в качестве первого пропагандистского шага, связанного с будущими выборами, попытался использовать кинематограф. Он дал согласие телекомпании «Си-би-эс» на съемку документального фильма «Портрет Эдварда Кеннеди».

В связи с этим фильмом возник клубок событий, о причинах которых можно только догадываться. Авторам этой книги представляется, что на телекомпанию, связанную с Демократической партией, был оказан нажим со стороны администрации Картера, ставившей цель не просто смазать позитивный облик возможного претендента на высший пост, а психологически его скомпрометировать, причем сделать это исподволь, не прибегая к прямым ударам, которые были просто невозможны в силу договоренности между Кеннеди и телекомпанией. Считалось само собой разумеющимся, что «портрет» будет позитивным, так как известный комментатор Роджер Мадд, которому поручалась подготовка фильма, был известен близостью к лицам, связанным с кланом Кеннеди.

Между тем еще до начала работы над фильмом Мадд попросил Кеннеди разрешить ему поехать в родовое имение

Хайаннис-Порт, причем в то время, когда там должна была собраться большая группа родственников разных поколений. Мадд договорился с Кеннеди, что их беседа будет заснята, но лишь как рабочий материал для будущего фильма, а не готовый эпизод. Эдвард был убежден, что никаких неприятных и тем более компрометирующих вопросов тот не задаст.

Всё, однако, произошло совершенно по-другому. Едва началась беседа при включенных камерах и прожекторах, Мадд стал задавать один за другим не просто агрессивные, а явно враждебные вопросы: «Пользуются ли наркотиками ваши дети?»; «Как обстоят дела с вашей семейной жизнью?»; «Контролирует ли ваша жена Джоэн свое потребление крепких напитков?» Растерянный Кеннеди вначале запинался, а затем стал отвечать на вопросы, всё более раздражаясь, что очень не любит американская публика. Естественно, в качестве финала последовал вопрос о гибели «по его вине» Мэри Копечне во время автомобильной катастрофы. Кроме того, Мадд, разумеется, без ведома Эдварда, съездил в Чеппакуиддик, где побеседовал с полицейскими и следователями, которые дали весьма нелестные отзывы о поведении сенатора Кеннеди во время трагического инцидента с автомобильной катастрофой и гибелью Мэри Копечне{1335}. Признаем, что отзывы эти были вполне обоснованными.

В результате телевизионный документальный фильм, который в окончательном варианте стал называться «Тедди», появившийся на экране 4 ноября 1979 года, отнюдь не способствовал формированию позитивного образа Эдварда в качестве кандидата в президенты, несмотря на то, что, за исключением названных фрагментов, которые полностью вошли в ленту, в нем более или менее положительно освещался жизненный путь героя.

Кеннеди и его штаб допустили явный промах, положившись на добропорядочность компании «Си-би-эс» и, в частности, журналиста Мадда. Это был очередной и не последний крупный провал, которых на жизненном пути Эдварда было уже немало.

Новой его неудачей явилось приглашение президента Картера на открытие Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди в Бостоне 20 октября 1979 года. Само по себе официальное открытие библиотеки, которая в первую очередь являлась архивом и музеем, было событием торжественным и ярким. Располагалась она в районе Массачусетского университета в живописном районе Коламбия-Пойнт с прекрасным видом на Дорчестерский залив и бостонский порт. Построенное по проекту архитектора Бей Юймина, крупнейшего мастера современного

градостроительства[1336], это было внушительное научно-культурное учреждение, которое по сей день достойно служит изучению современной американской истории и распространению знаний о ней. По данным администрации библиотеки, взносы в фонд создания этого учреждения сделали более тридцати шести миллионов человек — граждане США и многих других стран.

На торжестве было объявлено о передаче библиотеки, включавшей, помимо коллекции книг, музей и архив, из ведения специально созданного еще в конце 1963 года фонда в распоряжение правительства Соединенных Штатов Америки, точнее говоря, в подчинение Национального управления архивов и документации.

Однако участие Картера в открытии библиотеки, его выступление связали руки Кеннеди в предвыборной борьбе. Он просто не мог энергично критиковать президента после того, как тот произнес столько теплых слов о его покойном брате.

Кроме того, выступления Джимми Картера и Эдварда Кеннеди явно отличались друг от друга не в пользу сенатора. Картер произнес «государственную» речь, подчеркнув очередные задачи страны, для выполнения которых необходимо новое поколение деятелей, занимающих самостоятельные позиции, чем явно уязвил Эдварда. В свою очередь Эдвард, вопреки своему обыкновению, говорил не об общеамериканских делах и их перспективах. Всю свою речь он посвятил воспоминаниям о брате, хорошо уже известным семейным традициям и т. д. Это можно было понять с точки зрения данного момента и происходившего события[1337]. Но американцы невольно сравнивали выступления обоих ораторов, и их выводы оказывались более благоприятными для Картера.

Тем не менее Кеннеди официально выдвинул свою кандидатуру на президентский пост уже 7 ноября 1979 года, то есть за год до выборов.

Начались обычные процедуры, в частности сбор средств в предвыборный фонд. В архиве сохранилось письмо Т. Соренсена М. Банди с приглашением принять участие в обеде, фактически являвшемся одним из элементов разворачивавшейся кампании. За входной билет на мероприятие надо было уплатить тысячу долларов[1338].

Первичные выборы давали разные результаты, но постепенно стало очевидным, что сторонники Демократической партии всё же предпочитают видеть своим кандидатом Картера. Кеннеди явно уступал ему в аргументации, речи сенатора затягивались, на вопросы журналистов он отвечал сбивчиво, уклончиво, в самых

общих словах. У многих наблюдателей складывалось впечатление, что он заранее смирился с вероятным поражением и даже считал его неизбежным. Ему постоянно напоминали о событии в Чеппакуиддике, и он не давал сколько-нибудь вразумительных ответов{1339}.

Разрыв становился всё большим, хотя в некоторых штатах победу одерживал Кеннеди.

На национальном съезде Демократической партии, состоявшемся в середине августа 1980 года в Нью-Йорке, Кеннеди уже не имел никаких шансов на номинацию. Он выступил на съезде 12 августа. В эмоциональной речи он призывал, чтобы «высокие процентные ставки и человеческие неудачи не использовались в качестве ложного орудия в борьбе против инфляции», чтобы обеспечение занятости стало первоочередной задачей экономической политики. Обрушиваясь на Республиканскую партию и ее кандидата Рональда Рейгана за критические высказывания по поводу пособий по безработице (как будто сам Эдвард не подвергал критике социальную политику Картера!), Кеннеди в пышных выражениях, но без обоснованной позитивной программы высказывался против сокращения налогов на высокие доходы и расходов на социальные нужды.

О том, какая путаница царила в голове Эдварда Кеннеди, который выступал на съезде, уже фактически находясь в положении безнадежном, не готовился толком к речи, свидетельствует следующая выдержка из его выступления: «Сокращение налогов, за которое ратует наш противник из Республиканской партии, только именуется налоговой реформой. Эта концепция в высшей степени характерна для республиканцев. Но она приведет к перераспределению доходов не в том направлении [, которое необходимо]… Подавляющее большинство американцев не может себе позволить принять эту панацею от республиканского кандидата на президентский пост, который осудил прогрессивно-подоходный налог, назвав его изобретением Карла Маркса… Теодор Рузвельт не был Карлом Марксом, а республиканский план сокращения налогов — это не налоговая реформа». Вслед за этим Эдвард Кеннеди объявил, что он прекращает свою президентскую кампанию{1340}.

В результате съезд объявил кандидатом в президенты на второй срок Джимми Картера, который уже являлся президентом. Картер получил 1936 голосов от делегатов съезда, а Кеннеди, которого всё же выдвинули, удалось собрать 1390.

Картер, однако, за свое первое президентство не завоевал прочного доверия американцев. Его политика была

противоречивой и невнятной. Он был единственным американским президентом XX века, которому не удалось добиться повторного избрания. 4 ноября 1980 года Картер потерпел поражение. Выборы выиграл представитель республиканцев Рональд Рейган, собравший 51 процент голосов (Картер — 41 процент). В американской двухпартийной правительственной карусели произошел очередной поворот в умеренно консервативную сторону.

Администрация Рейгана провела комплекс мер в экономической области, ставивших целью стимулирование хозяйственного роста. Они включали снижение ставок индивидуального подоходного налога и расширение налоговых льгот для производительного частного капитала, прежде всего *для* предприятий и компаний, осуществлявших техническое перевооружение и расширявших объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Уже в 1982 году в основном благодаря этим мерам капиталовложения увеличились на 10 миллиардов долларов, а в 1985 году — почти на 45 миллиардов. Так что «рейганомика» срабатывала в соответствии с задуманным планом.

Кеннеди сохранил свой сенатский пост (в 1982, 1988, 1994, 2000 и 2006 годах он переизбирался), однако постепенно его активность становилась всё менее заметной. Он продолжал выступать с законодательными инициативами, но большинство из них не превращались в утвержденные билли.

Правда, время от времени имя сенатора Кеннеди вновь выходило на первые полосы газет. Так произошло, например, в 1983 году, когда он присоединился к сравнительно широко развернувшемуся движению за замораживание ядерного оружия. Побывав в родном штате Массачусетс и встретившись с активистами движения и местными ответственными политиками, он счел, что это движение может превратиться в реальную политическую силу, и заявил о его поддержке. Совместно с республиканским сенатором-прогрессистом Марком Хэтфилдом (в 1945 году побывавшим в Хиросиме в качестве рядового солдата американской армии) Эдвард внес соответствующий проект резолюции, который был отвергнут сенатом. Средства массовой информации, однако, активно обсуждали внесенные предложения. Вместе с Хэтфилдом Кеннеди подготовил книгу по проблемам ядерного вооружения{1341}.

Основная идея работы состояла в том, что СССР и США обладают достаточными ядерными арсеналами, чтобы не только уничтожить друг друга, но и разрушить земную цивилизацию. Какие бы то ни было аналогии между разрушениями Второй

мировой войны и тем, что может произойти в результате ядерного конфликта в современных условиях, неуместны. Приблизительно 47 тысяч ядерных боеприпасов, накопленных к этому времени, каждый из которых мощнее, иные в тысячи раз, бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, служат зловещим предупреждением тем, кто не исключает возможности ядерной войны, указывали авторы{1342}. Гонорар за книгу вместе с собранными средствами был использован для проведения в декабре 1983 года в Вашингтоне форума американских и советских физиков-ядерщиков и специалистов других узких профессий, на котором молодой советский ученый Владимир Александров, американский астрофизик Карл Саган и другие пришли к выводу, что в случае развязывания термоядерной войны наступит «ядерная зима», то есть человечество исчезнет или, в лучшем случае, деградирует до уровня, существовавшего в доисторическую эпоху{1343}.

В феврале 1986 года Эдвард Кеннеди в третий раз побывал в СССР, на этот раз только в Москве. Это было время после «пятилетки пышных похорон», когда очередной генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев только присматривался к возможным крутым переменам в социально-политической системе и вместе со своими соратниками предпринимал первые робкие шаги в этом направлении.

Кеннеди посетил нового министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, который вспомнил их прошлую встречу в Тбилиси десятью годами ранее.

Затем Эдвард побывал и у Горбачева. Беседа, состоявшаяся 5 февраля, касалась двух основных вопросов.

Это было время, когда президент Рейган выдвинул проект создания надежной системы защиты территории США от ракетно-ядерного удара, программу, получившую название стратегической оборонной инициативы (СОИ) или, как ее стали называть оппоненты, «звездных войн». Речь шла о рассчитанных на длительный период исследовательских работах, проектах и испытаниях новых систем, требовавших многомиллиардных расходов.

В СССР рейгановские планы были встречены крайне болезненно. Пропагандисты утверждали, что США стремятся надежно защитить свои пределы, чтобы быть в состоянии нанести первый удар, сохранив свою неуязвимость. Американская сторона в свою очередь твердила, что создание СОИ сделает бессмысленным существование ракетно-ядерного оружия. В подтверждение своих мирных намерений Рейган говорил, что США готовы делиться с СССР всеми техническими данными по

мере создания новой системы. Здесь, правда, был один весьма хитрый вопрос — стоимость реализации проектов. В условиях, когда в СССР всё явственнее давали о себе знать застой и кризис, теперь уже не только в социально-экономической, но и в политической областях становилось ясным, что он просто не выдержит бремени создания своей системы СОИ. Именно этим, а не озабоченностью по поводу агрессивных намерений США, и была вызвана прежде всего тревога советской партийной элиты.

По предварительной договоренности с Рейганом Кеннеди, который в сенате, в прессе и публичных выступлениях резко критиковал инициативу президента (он был одним из тех, кто присвоил ей название «звездных войн»{1344}), всё же согласился выступить в качестве посланца доброй воли.

Во время бесед с Шеварднадзе и Горбачевым было договорено, что, несмотря на проекты СОИ, будут продолжены переговоры о сокращении количества ракет средней дальности, размещенных на европейской территории{1345}.

Вторым вопросом, который поставил Кеннеди, была судьба политзаключенных в СССР. Хотя ему не удалось договориться об освобождении из ссылки А.Д. Сахарова (это произошло позже по инициативе самого Горбачева), советские лидеры дали согласие на амнистию Анатолия (Натана) Щаранского, находившегося в заключении девять лет и подвергавшегося всяческим издевательствам. 11 февраля Щаранский действительно был освобожден, переправлен в Восточный Берлин, а затем с согласия западноберлинских властей прошел через контрольно-пропускной пункт в Западный Берлин, с тем чтобы затем отправиться в Израиль.

Новый советский лидер произвел благоприятное впечатление на американского сенатора. Согласно памятной записке первого заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладина, Кеннеди говорил ему, что Горбачев «твердый и гибкий политик, который знает, чего он хочет»{1346}.

Кеннеди вновь встретился с московскими диссидентами на всё той же квартире профессора Лернера, где он уже побывал во время прошлого визита. Хотя диссиденты по-прежнему находились под наблюдением спецслужб, никакие препятствия для встречи на этот раз не ставились. И Эдвард, и его собеседники чувствовали, что в Советском Союзе начинают дуть новые ветры, хотя о том, что до развала этой казавшейся могучей страны оставалось всего пять лет, никто из них не мог и подумать. Недаром в американском посольстве в Москве смену высшего эшелона власти в СССР считали лишь косметическим изменением, о чем посол Артур Хартман толковал сенатору во

время личных бесед, происходивших ежедневно[92]. Эдвард Кеннеди покидал Советский Союз, всё еще не предполагая грядущего развала этого главного на то время противника Америки.

Еще один, последний визит в СССР состоялся в 1990 году, когда советская тоталитарная система находилась накануне развала. Визит прошел почти незамеченным, хотя Горбачев и на этот раз принял американского сенатора. Весьма встревоженный и казавшимися ему катастрофическими переменами, которым в значительной мере он сам способствовал, и угрозой потери собственной власти генсек, по словам Эдварда, посвятил почти всю полуторачасовую беседу положению в Литве, народ которой оказался в авангарде движения стран Балтии — независимость Литвы была провозглашена за две недели до встречи, 11 марта{1347}.

На протяжении 1990-х годов Эдвард продолжал активно работать в сенате, главным образом ведя борьбу за совершенствование социального законодательства, прежде всего в области здравоохранения.

Немалое внимание Эдвард уделял Библиотеке Джона Фицджералда Кеннеди в Бостоне. Он часто посещал ее, выступал перед посетителями. В 1988 году он был активным участником проведенной там конференции, посвященной 25-летию подписания договора о частичном запрещении ядерных испытаний{1348}.

Эдвард заботился о мемориальной библиотеке как о родном детище, гордился ее успехами. Он писал Банди, что за четыре года после открытия музейную часть библиотеки посетили свыше двух миллионов человек, что это учреждение «возглавляет все национальные президентские библиотеки по объему [материалов] и числу своих программ»{1349}. Эдвард был одним из инициаторов программы «устной истории», связанной с деятельностью его братьев, и обращался к участникам событий с просьбой дать интервью исследователям{1350}.

Его неоднократно приглашали выступать в различных телевизионных программах, особенно связанных с вопросами здравоохранения и другими социальными проблемами. Однако, как справедливо отмечал М. Банди, эти приглашения поступали не только потому, что он занимался этими делами в сенате (правильнее было бы сказать не столько), а прежде всего по причине его «большого имени»{1351}.

Из прежних знакомых времен президентства Джона именно с Банди Эдвард поддерживал особенно тесные контакты. Они встречались (нередко в Бостоне, в мемориальной библиотеке),

активно переписывались, вспоминали старые годы и делились новыми впечатлениями, которые, надо сказать, не всегда были адекватными. После одной из встреч в библиотеке Банди восторгался новым поколением школьников, с представителями которого они оба говорили; тем, как много современные дети знают и какими разнообразными сведениями интересуются{1352}. Перспектива здесь была явно искаженной, ибо в названной встрече участвовали отобранные в результате конкурса дети, особенно интересовавшиеся политикой.

Произошли изменения в личной жизни младшего, но уже стареющего Кеннеди. После того как он разошелся с Джоэн, Эдвард нередко возвращался к разгулам, не подобающим человеку его положения, иногда его видели сильно выпившим. Желтая пресса фиксировала его случайные сексуальные связи. Но в 1991 году на чествовании супружеского юбилея своих знакомых из штата Луизиана Эдмунда и Дорис Регги сенатор встретился с их дочерью — юристом Викторией Регги, которая незадолго перед этим разошлась со своим первым мужем и воспитывала двух детей восьми и пяти лет.

Известная в кругах специалистов и гражданski активная Виктория быстро сблизилась с Эдвардом, а в следующем году они поженились. У Эдварда были теперь не только свои, но и приемные дети, с которыми у него установились теплые отношения.

Когда в 1994 году Эдвард в борьбе за сенатское место столкнулся с молодым, подававшим надежды республиканским политиком Миттом Ромни (тем самым, который выдвигался в президенты в 2012 году, но потерпел поражение), Виктория, по оценке прессы, стала его надежной помощницей в нелегком состязании{1353}.

Мир быстро менялся. Последний видный деятель династии Кеннеди старел, но оставался активным в сенатских боях вплоть до того времени, когда он был сражен тяжелой болезнью. В мае 2008 года врачи обнаружили у него рак мозга. Он перенес операцию, которая лишь ненадолго продлила ему жизнь.

Эдвард Кеннеди пробыл в сенате 47 лет, переизбирался девять раз. Относились к нему уважительно как к ветерану и близкому родственнику других знаменитых Кеннеди. Благодаря своему долгожительству в законодательном органе он получил прозвище «лев сената».

Эдвард Мур Кеннеди скончался 25 августа 2009 года. После траурной церемонии в Бостоне его тело было перевезено в столицу и он был похоронен на Арлингтонском мемориальном воинском кладбище рядом с братьями. Почтить память

старейшего сенатора (он был третьим по сроку пребывания в верхней палате за всю историю страны) прибыли президент Барак Обама, бывшие президенты Билл Клинтон и Джордж Буш-младший, большое число государственных и общественных деятелей США.

Его амбициозная, но сопровождавшаяся многочисленными политическими и личными неудачами карьера была завершением, по крайней мере к настоящему времени, общественного пути семейства Кеннеди на политической вершине. В меньшей степени, чем два его старших брата, но этот «лев сената» всё же оказал безусловное влияние на американскую политическую историю XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все члены клана Кеннеди, которые оставили свой след в американской истории (отец и трое сыновей), были людьми заметными, своеобразными, обладали присущими каждому из них ярко выраженными индивидуальными чертами. Но на первый план в исторической памяти (и бытовой, и задокументированной) они вышли благодаря драматическому президентству Джона, ставшему хозяином Белого дома в 43 года. Он был моложе всех избранных ранее президентов (Теодор Рузвельт оказался в президентском кресле в 1901 году, будучи годом моложе, но он не был избран, а заместил в качестве вице-президента убитого Маккинли). Джон Кеннеди был единственным представителем национального и религиозного меньшинства одновременно, когда-либо избранным на президентский пост в Соединенных Штатах Америки.

В послевоенной политике США, пожалуй, не было столь противоречивого периода, как неполных три года президентства Джона Кеннеди. Это было связано и с объективными внутренними и внешними обстоятельствами жизни Соединенных Штатов, и, разумеется, в значительно меньшей степени, с характером самого политика.

По своим склонностям, по умственному и нравственному настрою Джон Кеннеди тяготел к компромиссам и стремился уйти от принятия таких решений, которые могли обернуться непредсказуемыми, а подчас роковыми последствиями. Но в то же время ему приходилось принимать решения поворотные, которые, как оказалось, не превращались в роковые — в значительной мере благодаря его личным качествам и ответственным действиям партнеров.

Целый комплекс обстоятельств — и внешнее обаяние Джона и его супруги, и его умение говорить на публике, и позитивное решение коренных мировых проблем при его участии (прежде всего разрешение Кубинского кризиса и подписание договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах), и направление, которое он придал борьбе за гражданские права черного населения, и, наконец, мученическая гибель — всё это породило в широких слоях населения США своеобразную «кеннедиманию».

Немалую роль в президентской деятельности Кеннеди сыграла его супруга Жаклин. Произошло это главным образом не благодаря ее участию в политической жизни (от этого она воздерживалась), а в результате самого ее облика, своеобразного

шарма — внешнего и поведенческого, который был ей присущ. Она стала уникальной политической и общественной звездой, символом, которому стремились подражать миллионы американок и жительниц других стран. Они пытались одеваться, как Жаклин, носить подобную ей прическу, подражать стилю ее речи, украшать свои дома подобно гостиным Белого дома и т. д.

Эта трогательная любовь к 35-му президенту и его супруге распространилась на столь же трагически погибшего брата Роберта и косвенно на остальных членов клана. Не иссякает поток книг, кино- и телефильмов, включая продолжительные сериалы, изобразительных произведений самых различных жанров, посвященных Джону, Жаклин, Роберту и попутно всем тем людям, которые имели к ним хотя бы какое-то отношение. Собственно говоря, даже греческий миллиардер Аристотель Онассис, ставший вторым мужем Жаклин, вошел в число героев американских медиа, именно благодаря тому, что имел отношение к Джеки, хотя бы и после смерти ее первого мужа.

Джон Кеннеди, а вместе с ним и весь клан, к которому он принадлежал, продолжает привлекать всеобщее внимание и тем, что он был человеком огромного личного обаяния, и даже своими невероятными, ненасытными похождениями в качестве героя-любовника.

Клан Кеннеди не оказался устойчивым. Он не превратился в династию, члены которой в течение ряда поколений оставались бы на авансцене политической жизни Америки. Это было бы нереально в условиях современной демократии Соединенных Штатов, да и по своим личностным качествам род Кеннеди постепенно мельчал, представители его становились обычными американскими гражданами, более или менее удачливыми, занимавшими те или иные позиции в законодательных органах, государственном аппарате, духовной жизни, бизнесе, но не выдвигавшимися на самый первый план.

Нельзя в то же время сказать, что потомки братьев Кеннеди остались на задворках американской жизни. Время от времени тот или иной член семейства становился сравнительно широко известным, и нам остается сказать лишь несколько слов о некоторых членах этого клана.

Братья и сестры Кеннеди оставили многочисленных потомков — детей, внуков, правнуков и даже праправнуков. Эдвард Кеннеди подсчитал, что в 1998 году он поддерживал в той или иной степени связь с 105 близкими родственниками, из которых 53 были в возрасте до тридцати лет{1354}. На самом деле количество потомков Джозефа Кеннеди-старшего (четыре поколения), по нашим подсчетам, составляет ныне не менее

четырехсот человек.

Судьба их складывалась по-разному.

Сын Джона Кеннеди Джон стал юристом и журналистом. Он входил в наблюдательный совет Школы государственного управления Гарвардского университета, которой было присвоено имя его отца. В 1995 году Джон начал выпускать приобретший популярность журнал «Джордж», посвященный искусству, знаменитым деятелям и политическим слухам. Когда Джону шел тридцать девятый год, самолет, на котором находились он, его жена Кэролайн и сестра жены Лорен, 16 июля 1999 года потерпел крушение и рухнул в Атлантический океан недалеко от семейного имения на мысе Кейп-Код, куда они направлялись на встречу потомков Джозефа и Розы Кеннеди. Все пассажиры погибли{1355}.

Дочь Джона Кэролайн окончила колледж Рэдклифф, расположенный в городе Кембридж (фактически являющемся частью Бостона). Этот колледж был тесно связан с Гарвардским университетом, а в 1999 году влился в него. Несколько лет Кэролайн работала в нью-йоркском художественном Метрополитен-музее. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем художником-дизайнером Эдвином Шлоссбергом. В их семье выросли трое детей — Роза, Татьяна и Джон.

Позже Кэролайн окончила Школу права Колумбийского университета в Нью-Йорке. Она работает практикующим юристом и одновременно ведет активную общественную деятельность в Демократической партии. В 2009 году дочь Кеннеди выдвигала свою кандидатуру в сенат США на место оставившей сенатское кресло в связи с назначением государственным секретарем Хиллари Клинтон, но затем от этого плана отказалась, объяснив свое решение семейными причинами. В начале 2013 года телеграфные агентства сообщили, что президент Обама собирается назначить Кэролайн Кеннеди послом США в Японии. Слухи распространялись в течение трех месяцев, но не подтвердились. Кэролайн продолжает работать юристом.

Совместно с Эллен Олдермэн Кэролайн написала две книги по проблемам гражданских прав{1356}. Под ее редакцией вышли ряд сочинений по политическим и эстетическим проблемам, а также книга интервью-воспоминаний ее матери Жаклин Кеннеди, которую мы неоднократно цитировали.

Разными были судьбы детей Роберта. Его сын Дэвид окончил свои дни трагически. Он стал наркоманом, исключался из Гарвардского университета, восстанавливался в нем и вновь исключался, а 25 апреля 1984 года принял смертельную дозу наркотика.

Другой сын Роберт-младший в молодости также несколько раз задерживался за употребление наркотиков, но смог преодолеть зависимость. Он стал юристом и специализировался в области охраны окружающей среды. В течение ряда лет Роберт ведет популярную радиопередачу «В кольце огня», посвященную охране природы. Он является автором нескольких книг по историческим и правовым вопросам, из которых наиболее значительная посвящена биографии судьи Френка Джонсона — известного борца против расовой сегрегации во второй половине XX века{1357}. Роберт-младший написал также несколько книг для детей, пользующихся популярностью. Сам он является отцом шестерых детей.

Дочь Роберта Мэри посвятила свою деятельность борьбе за права человека в международном масштабе и увековечиванию памяти отца. Она является председателем Совета организации «Международная амнистия» и в этом качестве возглавляла многочисленные выступления против нарушения гражданских прав, главным образом в странах Азии и Африки. По инициативе Мэри в 1988 году был основан Центр борьбы за гражданские права им. Р. Кеннеди, а с 2006 года она возглавляет Фонд Р. Кеннеди для Европы. В 1991—2005 годах Мэри была замужем за известным политиком Эндрю Куомо, который в настоящее время является губернатором штата Нью-Йорк. У нее три дочери.

Сын Роберта Дуглас работает телевизионным журналистом, другой сын Джозеф — бизнесмен и в 1990-е годы являлся членом палаты представителей, дочь Рори — кинодокументалист, дочь Кэтлин — юрист, являвшаяся много лет заместителем губернатора штата Мэриленд, сын Майкл занимался бизнесом и трагически погиб во время горнолыжного инцидента в 1997 году, Мэтью — писатель, автор ряда романов и повестей, Кристофер — бизнесмен, а дочь Куртни стала более или менее известной лишь благодаря скандальному делу ее второго мужа Пола Хилла, который был обвинен и осужден за участие в террористической Ирландской республиканской армии, но позже признан невиновным.

Сын младшего брата Эдварда Кеннеди Патрик смог преодолеть страшную болезнь, лишившую его ноги. Он активно включился в общественную жизнь, в 1994 году был избран в палату представителей от штата Род-Айленд и являлся депутатом до 2011 года. Другой его сын Эдвард — успешный банкир и благотворитель. А дочь Кара, работавшая кинопродюсером, скончалась в возрасте 51 года от сердечного приступа в 2011 году.

Сестра президента и сенаторов Юнис вышла замуж за

политика и дипломата Сарджента Шрайвера, который выдвигался кандидатом в вице-президенты от Демократической партии в 1972 году. В этой семье родилась дочь Мария, ставшая видной тележурналисткой, лауреатом нескольких премий. Но еще большую известность Мария получила, став первой леди Калифорнии, так как вышла замуж за знаменитого актера, а затем губернатора этого штата Арнольда Шварценеггера, кстати, принадлежащего к Республиканской партии, тогда как все Кеннеди традиционно являются демократами. Может быть, именно политические разногласия и возникшие позже проблемы, связанные с супружеской неверностью знаменитого актера и политика, стали причиной того, что эта пара, не оформив официального развода, в 2011 году рассталась{1358}.

Порой становятся известными имена представителей поколения внуков братьев Кеннеди. В 2012 году свою кандидатуру в палату представителей от штата Массачусетс выдвинул Джозеф Кеннеди-третий, тридцатилетний внук Роберта Кеннеди, окончивший Школу права Гарвардского университета и работавший заместителем прокурора в графстве Мидлсекс штата Массачусетс{1359}. Избрание Джозефа конгрессменом 6 ноября 2012 года восстановило традицию, которая перед этим оборвалась, демонстрирующую, что высший законодательный орган США просто не может существовать без присутствия в нем кого-то из этого семейства.

Со времени гибели Джона Кеннеди вплоть до настоящего времени в либеральных кругах американского общества и в значительно более широкой среде, прежде всего среди афроамериканского населения, сохраняется почитание Джона, Роберта, а вместе с ними и всей семьи Кеннеди. Одно время близкий к семье журналист У. Манчестер, автор книги об убийстве президента, рассказал о мессе на Арлингтонском кладбище, которая состоялась в 1988 году в связи с двадцатилетием гибели Роберта. Когда после молитвы присутствовавшие подняли головы, делился впечатлениями репортер, «перехватило дыхание. Насколько было видно, склоны холмов были покрыты людьми… Их собралось более десяти тысяч. Журналисты называют это молчаливым свидетельством. Люди знали, чем Бобби был для них. Он был в могиле уже двадцать лет, а они пришли, чтобы показать — мы помним»{1360}.

В 1975 году, согласно опросу Института Гэллапа, 52 процента американцев назвали Джона Кеннеди величайшим президентом страны. Со временем оценки стали более сбалансированными, но и значительно позже Кеннеди продолжали относить к крупнейшим лидерам американской нации. Опрос 1991 года

поставил на первое место Авраама Линкольна (40 процентов), но Кеннеди уступил ему только один процент. Еще через несколько лет газета «Нью-Йорк таймс» задала вопрос: «Кого из бывших президентов вы предпочли бы в качестве руководителя страны сегодня?» Большинство ответивших (около двух третей) были единодушны: Джона Кеннеди{1361}.

Каждый человек — весьма динамичная система, зависимая не только от внутренних причин — характера, воспитания, навыков, кругозора и прочего, но и от внешних обстоятельств, от быстротекущего времени. Он может представляться в глазах людей то прекрасным, то отвратительным, но от этого не перестает быть своеобразным. Когда же речь идет об известном, тем более связанном с драматическими событиями большой важности политическом деятеле — все эти черты предстают как бы под микроскопом, многократно увеличивая и то, что было в действительности, и то, что хотелось бы увидеть читателю, слушателю, зрителю. Авторы этой книги прилагали силы, чтобы в меру своего разумения представить ее персонажей разносторонне, не выпячивая их добродетелей или пороков, но и не скрывая таковых. Насколько это получилось, судить читателю.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЖОЗЕФА КЕННЕДИ И ЕГО СЫНОВЕЙ

1848, октябрь — бедный фермер Патрик Кеннеди решает эмигрировать из Ирландии в США и перебирается в порт Ливерпуль, где ожидает трансатлантического корабля.

1849, 22 апреля — Патрик Кеннеди прибывает в Бостон, где устраивается работать в доке.

Весна — Патрик женится на Бриджит Мёрфи.

1858, 14 января — в семье Кеннеди родился сын Патрик-Джозеф.

1887, 23 ноября — состоялась свадьба Патрика-Джозефа Кеннеди и Мэри Хиккей.

1888, 6 ноября — в семье Патрика-Джозефа и Мэри Кеннеди родился сын Джозеф.

1901, сентябрь — Джозеф поступил в шестой класс бостонской Латинской школы.

1908, июнь — окончил школу.

Сентябрь — поступил в Гарвардский университет.

1912, июнь — окончил Гарвардский университет, после чего занялся бизнесом.

Июль — начал работать в банке «Коламбия Траст» с центром в Бостоне в качестве клерка и совладельца.

1913, осень — возглавил банк «Коламбия Траст».

1914, 7 октября — состоялась свадьба Джозефа Кеннеди и Розы Фицджералд.

1915, январь — Джозеф был избран в состав правления Бостонского банка.

25 июля — в семье Кеннеди родился первый ребенок — сын Джозеф-младший.

1917, 29 мая — родился второй сын Розы и Джозефа Джон.

Октябрь — Джозеф стал заместителем управляющего филиалом фирмы «Бетлехем стил» и руководителем судостроительной верфи фирмы в устье реки Фор под городом Квинси, штат Массачусетс.

1918, 13 сентября — у Розы и Джозефа родилась дочь Розмари.

1919, июнь — Джозеф начал работу в брокерской фирме «Гейлен Стоун и К^0».

1920, 20 февраля — родилась Кэтлин, дочь Розы и Джозефа.

Февраль — Джон в двухлетнем возрасте перенес скарлатину в тяжелой форме, и некоторое время врачи опасались за его жизнь.

1921, 10 июля — родилась Юнис, дочь Розы и Джозефа.

1922, декабрь — Джозеф отделился от фирмы Стоуна и завел собственное банковско-брокерское дело.

1924, 6 мая — родилась Патриция, дочь Розы и Джозефа.

1925, февраль — Джозеф Кеннеди вложил средства в кинопромышленность Голливуда и начал заниматься продюсерством фильмов. *Осень* — Джозеф Кеннеди основал «Американское предприятие по закупке фильмов».

20 ноября — родился Роберт, сын Розы и Джозефа.

1927, сентябрь — Джозеф Кеннеди с семьей перебрался в пригород Нью-Йорка Риверсдейл.

1928, 20 февраля — родилась Джоэн, дочь Розы и Джозефа.

Сентябрь — Джозеф Кеннеди-младший поступил в частную школу Чоэйт в поселке Уоллингсфорд (штат Коннектикут).

1929, 18 мая — умер Патрик-Джозеф Кеннеди — отец Джозефа.

29 октября — произошел крах Нью-Йоркской фондовой биржи, ставший началом мирового экономического кризиса.

1930, сентябрь — Джон Кеннеди поступил в частную школу Кентербери в поселке Милфорд (штат Коннектикут).

1931, сентябрь — Джон перевелся в школу Чоэйт.

1932, 22 февраля — родился Эдвард, сын Розы и Джозефа.

27 июня — 2 июля — Джозеф Кеннеди принимал участие в съезде Демократической партии в Чикаго и поддержал кандидатуру Франклина Рузвельта на пост президента.

Сентябрь—октябрь — участвовал в агитационных поездках Рузвельта по территории США.

1933, июнь — Джозеф-младший окончил школу Чоэйт.

Сентябрь — поступил в Экономическую школу Г. Ласки в Лондоне.

5 декабря — вступила в силу 21-я поправка к Конституции США, отменившая «сухой закон», чем воспользовался Джозеф Кеннеди, вложивший крупные средства в закупку спиртных напитков в Великобритании.

1934, 30 июня — Джозеф Кеннеди назначен членом Комиссии по ценным бумагам и обменным операциям при президенте США.

2 июля — избран председателем комиссии.

Сентябрь — Джозеф-младший поступил в Гарвардский университет.

1935, июнь—июль — Джон Кеннеди окончил школу Чоэйт, отправился в Лондон для поступления в Экономическую школу Г. Ласки, но заболел и возвратился на родину.

Октябрь — поступил в Принстонский университет.

1936, сентябрь — перешел в Гарвардский университет.

1937, февраль-август — взял студенческий отпуск на один семестр и совершил поездку по странам Европы.

19 апреля — Джозеф Кеннеди-старший начал работу в качестве председателя правительственной комиссии по морскому флоту.

1938, 5 января — президент Рузвельт назначил Джозефа Кеннеди послом США в Великобритании.

18 марта — Джозеф Кеннеди выступил на ужине в Клубе пилигримов в Лондоне с обоснованием необходимости политики «умиротворения» в Европе.

Июнь — Джозеф-младший окончил Гарвардский университет.

19 октября — Джозеф Кеннеди-старший выступил на обеде в честь Дня Трафальгара, данном британской Военно-морской лигой, с речью, в которой отстаивал политику «умиротворения» нацистской Германии и призывал к развитию добрососедских отношений со странами с диктаторскими режимами.

1939, март—август — Джон Кеннеди работал на технической должности в американском посольстве в Париже и совершил поездку по странам Европы, отчитываясь перед отцом о своих впечатлениях.

1 сентября — нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война.

1940, июнь — Джон Кеннеди окончил с отличием Гарвардский университет. *Июль* — вышла книга Джона «Почему спала Англия».

7 сентября — германская авиация начала массированные бомбардировки Лондона и других британских городов.

Сентябрь — Джон поступил в Школу бизнеса Стэнфордского университета в Калифорнии.

Октябрь — Джозеф Кеннеди-старший возвратился в США с намерением уйти в отставку с поста посла в Великобритании.

5 ноября — Франклин Рузвельт переизбран президентом на третий срок.

10 ноября — в газете «Бостон глоб» опубликовано интервью Джозефа Кеннеди, в котором он выступил с резкой критикой политики правительства Уинстона Черчилля в Великобритании и против участия США в европейской войне.

2 декабря — Джозеф Кеннеди официально освобожден от обязанностей посла США в Великобритании.

1941, январь—март — путешествие Джона Кеннеди по странам Латинской Америки.

29 октября — Джон Кеннеди вступил добровольцем в военно-

морской флот и затем получил назначение на службу в военно-морской разведке.

1942, 6 мая — Джозеф-младший получил звание военного летчика военно-морского флота.

1 октября — Джон начал подготовку на шкиперских курсах на военно-морской базе Мелвилл (штат Род-Айленд).

1943, 8 января — направлен на Тихоокеанский театр военных действий.

21 апреля — стал командиром торпедного катера на базе в районе Соломоновых островов.

2 августа — торпедный катер Джона был протаранен японским эсминцем и затонул, а сам Джон со своими подчиненными смог доплыть до необитаемого островка.

7 *августа* — команда катера была подобрана американским патрульным судном.

Сентябрь — Джозеф Кеннеди-младший направлен на воинскую службу в Великобританию.

Октябрь — начало ноября — Джон командовал торпедным катером ПТ-59.

5 октября — Роберт Кеннеди поступил добровольцем в военно-морской флот, намереваясь приступить к действительной службе по достижении восемнадцати лет в ноябре.

Ноябрь — Джон признан негодным к несению военной службы по инвалидности.

1944, 7 января — возвратился в США.

12 августа — Джозеф Кеннеди-младший погиб во время боевого полета над территорией Великобритании.

Ноябрь — Роберт Кеннеди был демобилизован и поступил в Гарвардский университет.

1945, май—август — Джон Кеннеди работал журналистом в газетах концерна Хёрста.

Ноябрь — Джозеф Кеннеди купил в Чикаго Мерчендайз-Март — самое крупное в мире здание, находившееся в индивидуальной частной собственности.

1946, апрель — Джон Кеннеди объявил о выдвижении своей кандидатуры в конгресс США.

5 ноября — избран в палату представителей конгресса.

1947, 13 мая — Кэтлин Кеннеди погибла в авиационной катастрофе.

Сентябрь — поездка Джона Кеннеди в Ирландию, переговоры с премьер-министром Имоном де Валерой.

1948, июнь — Роберт Кеннеди окончил Гарвардский университет.

Сентябрь — поступил в Школу права Виргинского

университета.

2 ноября — Джон переизбран в палату представителей.

1950, 17 июня — свадьба Роберта Кеннеди и Этел Скейкел.

Сентябрь — Эдвард Кеннеди поступил в Гарвардский университет.

7 ноября — Джон Кеннеди вновь избран в палату представителей.

1951, январь—февраль — поездка Джона в Великобританию, Италию, Францию, ФРГ, Югославию и Турцию.

Май — Эдвард исключен из университета за обман на экзамене.

Июнь — Роберт Кеннеди получил степень магистра права в университете штата Виргиния.

4 июля — у Этел и Роберта Кеннеди родился первый ребенок — дочь Кэтлин.

Осень — шестинедельная поездка Джона Кеннеди в страны Ближнего Востока, Индию, Пакистан, Вьетнам, Южную Корею.

1952, апрель — Джон Кеннеди объявил о вступлении в борьбу за место в сенате США.

2 июня — Роберт Кеннеди был назначен менеджером избирательной кампании Джона.

4 ноября — Джон Кеннеди избран сенатором.

1953, январь — приступил к исполнению обязанностей сенатора. Роберт Кеннеди получил должность помощника советника в сенатском подкомитете по расследованию, руководимом Джозефом Маккарти.

23 мая — Юнис Кеннеди вышла замуж за бизнесмена Сарджента Шрайвера.

12 сентября — свадьба Джона Кеннеди и Жаклин Бувье.

1954, 24 апреля — Патриция Кеннеди вышла замуж за британского актера Питера Лоуфорда.

Июнь — Эдвард Кеннеди окончил Гарвардский университет.

Сентябрь — поступил в Правовую школу Виргинского университета.

21 октября — Джон Кеннеди перенес тяжелую операцию на позвоночнике, которая оказалась неудачной.

1955, февраль — повторная операция Джона.

1956, 19 мая — Джоэн Кеннеди вышла замуж за сотрудника своего отца Стивена Смита.

13—17 августа — состоялся съезд Демократической партии в Чикаго, на котором кандидатура Джона Кеннеди выдвигалась в вице-президенты, но номинирован он не был.

1957, 27 ноября — родилась дочь Жаклин и Джона Кеннеди Кэролайн.

1958, 4 ноября — Джон Кеннеди переизбран в сенат.

29 ноября — Эдвард Кеннеди женился на Джоэн Беннетт.

1960, 2 января — Джон Кеннеди объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента.

27 февраля — родилась Кара, дочь Джоэн и Эдварда Кеннеди.

26 сентября — первые телевизионные дебаты Джона Кеннеди и Никсона.

14 октября — Джон Кеннеди выдвинул идею создания Корпуса мира.

8 ноября — Джон Кеннеди избран президентом США.

25 ноября — родился сын Жаклин и Джона Кеннеди Джон-Джон.

1961, январь — Роберт Кеннеди назначен министром юстиции США.

9 февраля — послание Джона Кеннеди конгрессу с предложением о принятии закона, который позволил бы оказывать бесплатную медицинскую помощь нуждающимся.

1 марта — Джон Кеннеди издал исполнительное распоряжение об образовании Корпуса мира.

4 апреля — окончательно утвердил план военной операции против Кубы силами кубинских эмигрантов при возможной поддержке Вооруженными силами США.

17 апреля — высадка отрядов кубинских эмигрантов на побережье Кубы в районе Плайя-Хирон.

19 апреля — отряды эмигрантов, потерпев поражение, прекратили сопротивление.

Май — распоряжение Джона Кеннеди о выделении средств на подготовку воинских частей для ведения противопартизанских действий.

3—4 июня — встреча Джона Кеннеди и Н.С. Хрущева в Вене. *Июнь* — начало американо-советских переговоров в Женеве о контроле над вооружениями.

12 сентября — президент Кеннеди огласил программу освоения космического пространства, включая высадку человека на Луне, до конца текущего десятилетия.

26 сентября — родился сын Джоэн и Эдварда Кеннеди Эдвард.

29 ноября — президент Кеннеди назначил директором ЦРУ Джона Маккоуна.

19 декабря — Джозеф Кеннеди перенес кровоизлияние в мозг.

1962, 19 мая — празднование 45-летия Джона Кеннеди в здании Медисон-сквер-гарден в Нью-Йорке и приветственное выступление Мэрилин Монро, исполнившей песню «Happy birthday».

16 октября — президенту Кеннеди доложили о размещении на Кубе советских ракет с ядерным оружием. Начало Кубинского кризиса.

17 октября — распоряжением президента образован Исполнительный комитет Национального совета безопасности для выработки мер в связи с обнаружением советской ракетной базы на Кубе.

18 октября — решение о введении военно-морской блокады (карантина) Кубы. Беседа Кеннеди с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, отрицавшим размещение на Кубе советского наступательного оружия.

22 октября — речь Джона Кеннеди по телевидению и радио с сообщением о введении военно-морского карантина Кубы.

23 октября — президент Кеннеди подписал сообщение № 3504 о введении карантина Кубы с 24 октября. Начало секретных переговоров Роберта Кеннеди с резидентом советской военной разведки Г.Н. Большаковым.

25 октября — советские корабли остановились в океане, не дойдя до линии карантина, а затем повернули в порты постоянной стоянки.

26 октября — послание Н.С. Хрущева Джону Кеннеди с фактическим предложением компромисса.

27 октября — предложение Джона Кеннеди об условиях компромисса, переданное вначале через резидента КГБ А.С. Феклисова, а затем в послании Н.С. Хрущеву.

28 октября — послание Н.С. Хрущева Джону Кеннеди о принятии американских условий компромисса. Телеграмма Джона Кеннеди Н.С. Хрущеву с подтверждением условий компромисса. Завершение Кубинского кризиса.

6 ноября — Эдвард Кеннеди избран в сенат от штата Массачусетс.

22 ноября — президент Кеннеди подписал исполнительное распоряжение о равных правах на жилье и запрещении дискриминации при предоставлении государственных и штатных субсидий на жилые помещения.

1963, январь — Джон Кеннеди внес в конгресс законопроект о налоговой реформе.

10 июня — речь Джона Кеннеди в Американском университете в Вашингтоне о недопустимости термоядерной войны и необходимости мирного сосуществования государств с различными системами.

11 июня — речь президента Кеннеди по телевидению и радио о необходимости предоставления афроамериканцам полных гражданских прав в соответствии с конституцией и

основополагающими моральными нормами.

19 июня — президент Кеннеди внес в конгресс законопроект о гражданских правах.

5 августа — в Москве подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах.

7 августа — родился сын Жаклин и Джона Кеннеди Патрик, который умер 9 августа того же года.

28 августа — марш на Вашингтон за работу и свободу. Речь М.Л. Кинга. Президент Кеннеди принял Кинга в Белом доме.

Сентябрь — Эдвард Кеннеди участвовал в сессии Межпарламентского союза в Белграде.

22 ноября — президент Джон Кеннеди убит в городе Даллас, штат Техас.

25 ноября — Джон Кеннеди похоронен на Арлингтонском воинском мемориальном кладбище.

29 ноября — образована комиссия по расследованию обстоятельств убийства во главе с председателем Верховного суда США Э. Уорреном.

1964, май — поездка Эдварда Кеннеди в Западную Европу для сбора средств на Библиотеку Джона Фицджерадда Кеннеди.

19 июня — Эдвард был тяжело ранен во время авиационной катастрофы.

2 июля — вступил в силу закон о гражданских правах, внесенный Джоном Кеннеди и активно поддержанный его братом Робертом в качестве министра юстиции.

3 сентября — Роберт Кеннеди ушел в отставку с поста министра.

24 сентября — доклад комиссии Уоррена, признавший Ли Харви Освальда единственным убийцей президента Кеннеди.

3 ноября — Роберт Кеннеди избран сенатором от штата Нью-Йорк.

1965, 24 марта — Роберт Кеннеди совершил восхождение на пик Кеннеди — самую высокую точку Северной Америки.

Апрель — Эдвард Кеннеди стал председателем сенатского подкомитета по делам беженцев при юридическом комитете.

5 августа — принят закон об избирательных правах, отменивший налог на право голосования (внесен Эдвардом Кеннеди и его единомышленниками).

23-27 октября — поездка Эдварда Кеннеди в Южный Вьетнам.
Ноябрь — Роберт Кеннеди совершил трехнедельную поездку по странам Латинской Америки.

1966, 9 декабря — по инициативе Роберта Кеннеди организована Корпорация восстановления нью-йоркского района Бедфорд-Стайвесант.

1967, 4 марта — речь Эдварда Кеннеди на съезде организации «Американцы за демократическое общество» в Бостоне против войны во Вьетнаме.

14 июля — родился сын Джоэн и Эдварда Кеннеди Патрик.

1968, 1—12 января — вторая поездка Эдварда в Южный Вьетнам.

16 марта — Роберт Кеннеди объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента.

4 апреля — Мартин Лютер Кинг убит в городе Мемфис. Роберт Кеннеди сообщил об этом на митинге афроамериканцев в Индианаполисе.

6 июня — Роберт Кеннеди убит в Лос-Анджелесе.

21 августа — заявление Эдварда Кеннеди в Ворчестере, штат Массачусетс, о намерении продолжать политическую деятельность.

12 декабря — родился последний, одиннадцатый ребенок Этел и Роберта Кеннеди — дочь Рори.

1969, 19 июля — Эдвард попал в автомобильную аварию, в результате которой погибла его спутница Мэри Копечне.

25 июля — Эдвард выступил по телевидению с объяснением своего поведения во время автомобильной аварии.

18 ноября — умер Джозеф Кеннеди-старший.

1971, 7 июня — заявление Эдварда Кеннеди в пользу скорейшего завершения переговоров о мире во Вьетнаме.

1974, апрель — визит Эдварда Кеннеди в СССР

1977, декабрь — визит Эдварда Кеннеди в Китайскую Народную Республику.

1978, сентябрь — второй визит Эдварда Кеннеди в СССР.

9 декабря — первое выступление Эдварда Кеннеди с критикой политики президента Джимми Картера.

1979, 20 октября — открытие Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди в Бостоне.

7 ноября — Эдвард Кеннеди выдвинул свою кандидатуру на пост президента.

1980, 12 августа — снял свою кандидатуру на национальном съезде Демократической партии.

1981, январь — развод Эдварда с женой Джоэн.

1986, 5 февраля — встреча Эдварда с М.С. Горбачевым во время визита

в Москву

1990, 25марта — вторая встреча Эдварда Кеннеди с М.С. Горбачевым.

1992, 3 июля — Эдвард вступил во второй брак с Викторией Регги.

1994, 19 мая — умерла Жаклин Кеннеди-Онассис.

1995, 22 января — умерла Роза Кеннеди.

1999, 16 июля — в авиационной катастрофе погиб Джон Кеннеди-младший — сын президента Кеннеди.

2009, 25августа — умер Эдвард Кеннеди.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Аджубей А. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989.

Брэдфорд С. Американская королева: История жизни Жаклин Кеннеди-Онассис. СПб.: Амфора, 2009.

Геевский И. А., Иванов Р.Ф. Клан Кеннеди и убийство XX века. М.: Вече, 2003.

Громыко А. 1036 дней президента Кеннеди. М.: Политиздат, 1968.

Громыко А., Кокошин А. Братья Кеннеди. М.: Мысль, 1985.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986). М.: Автор, 1997.

Манчестер У. Убийство президента Кеннеди. М.: Прогресс, 1969.

Нечипоренко О.М. Три пули для президента: Смертельный треугольник Далласа. М.: Печатные традиции, 2009.

Розенцвейг А. Джон Кеннеди: Жизнь, расколотая надвое. М.: Крафт, 2004.

Сивачев Н.В. США: государство и рабочий класс. М.: Мысль, 1982.

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7.

Фурсенко А.А. Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974.

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы: Середина XX века. М.: Наука, 2006.

Фурсенко А., Тимоти Н. Адская игра. М.: Гея, 1999.

Хрущев Н.С. Время, люди, власть: Воспоминания. М.: Московские новости, 1999. Т. 2.

Яковлев Н. Братья Кеннеди. М.: Эксмо, 2003.

As We Remember Joe. Ed. by John F. Kennedy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1945.

Beauchamp C Joseph P. Kennedy Presents His Hollywood Years. New York: First Vintage Books, 2009.

Berry J. John F Kennedy and the Media: The First Television President. Lanham, MD: University Press of America, 1987.

Beschloss M. Kennedy and Roosevelt: The Uneasy Alliance. New York: W. W. Norton and C°, 1980.

Beschloss M. The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev. 1960—1963. New York: Harper Collins, 1991.

Blair J. and C. The Search for J. F K. New York: Penguin Group, 1976.

Bly N. The Kennedy Men: Three Generations of Sex, Scandals, and

Secrets. New York: Kensington Books, 1996.

Bradlee B. Conversations with Kennedy New York: W. W. Norton and C°, 1975.

Bundy McG. Danger and Survival. New York: Random House, 1988.

Burns J. John Kennedy: A Political Profile. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.

Clymer A. Edward M. Kennedy: A Biography. New York: William Morrow and C°, 1999.

Collier P., Horowitz D. The Kennedys: The American Drama. New York: Summit Books, 1984.

Dallek R. John Kennedy. New York: Oxford University Press, 2011.

Daum A. John Kennedy in Berlin. Paderborn: Ferdinand Schoningh, 2003.

David L. Ted Kennedy: Triumphs and Tragedies. New York: Grosset and Dunlap, 1971.

The Documentary History of the John F. Kennedy Presidency. Ed. by L. Gould. Bethesda, MD: Lexis Nexis, 2005.

Donovan R. PT 109: John D. Kennedy in World War II. New York: McGraw-Hill, 1961.

Dinneen J. The Kennedy Family. Boston: Little, Brown and C°, 1959.

The Fruitful Bough: A Tribute to Joseph P. Kennedy. Ed. by Edward Kennedy. Halliday Litograph, 1965.

Gelb N. The Berlin Wall, Kennedy, Khrushchev and a Showdown in the Heart of Europe. New York: Times Books, 1987.

Goodwin D. The Fitzgeralds and Kennedys: An American Saga. New York: Simon and Schuster, 2001.

Hamilton N. JFK. Reckless Youth. New York: Random House, 1992.

Heath J. John F. Kennedy and the Business Community. Chicago: University of Chicago Press, 1969.

Hersh B. The Education of Edward Kennedy. New York: William Morrow andC°, 1972.

Heymann C. A Woman Named Jackie. New York: Carol Communications, 1989.

Hilty J. Robert Kennedy: Brother Protector. Philadelphia: Temple University Press, 1997.

Historical Materials in the John Fitzgerald Kennedy Library. Boston, 1993.

Hostage to Fortune: The Letters of Joseph P. Kennedy. Ed. by A. Smith. New York: Viking, 2001.

John F Kennedy the Presidential Portfolio: History as Told

through the Collection of the John F. Kennedy Library and Museum. New York: Public Affairs, 2000.

Kennedy Jacqueline. Historical Conversations on the Life with John F. Kennedy. Interviews with Arthur M. Schlesinger, Jr. 1964. New York: Hyperion, 2011.

Kennedy J. F. Political and Official Papers. New York: G. P. Putnam and Sons, 1972.

Kennedy J. F. The Strategy of Peace. New York: Harper and Brothers, 1960.

Kennedy Joseph. I'm for Roosevelt. New York: Reynal and Hitchcock, 1936.

Kennedy Robert. Collected Speeches. New York: Viking, 1993.

Kennedy Robert. The Enemy Within: The McClellan Committee's Crusade Against Jimmy Hoffa and Corrupt Labor Unions. New York: Harper and Brothers, 1960.

Kennedy Robert. Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. New York: W. W Norton and C°, 1969.

Kennedy Robert. To Seek a Newer World. Garden City, NJ: Doubleday, 1968.

Kennedy Rose. Times to Remember. Garden City, NJ: Doubleday, 1974.

Kessler R. The Sins of the Father. New York: Warner Books, 1996.

Koskoff D. Joseph P. Kennedy: A Life and Times. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1974.

Krock A. Memoirs: Sixty Years on the Firing Line. New York: Funk and Wagnalls, 1968.

LangeJ., DeWitt K. Chappaquiddick: The Real Story. New York: St. Martin's Press, 1992.

Lasky V. JFK: The Man and the Myth. New York: Macmillan, 1963.

Lasky V. Robert F. Kennedy: The Myth and the Man. New York, Trident Press, 1968.

Learner L. Kennedy Women: The Saga of an American Family. New York: Villard Books, 1994.

Let the Word Go Forth: The Speeches, Statements, and Writings of John F. Kennedy. 1947-1963. Ed. byT Sorensen. New York: Laurel, 1988.

Mahoney R. JFK: Ordeal in Africa. New York: Oxford University Press, 1983.

Manchester W. Portrait of a President: John F Kennedy in Profile. Boston: Little, Brown and C°, 1962.

McCarthy J. The Remarkable Kennedys. New York: The Dial Press, 1960.

McNamara R. In Retrospect: The Tragedy and Lessons in Vietnam.

New York: Vintage Press, 1995.

O'Brian M. John F. Kennedy: A Biography. New York: St. Martin's Press, 2005.

O'Donnell H. A Common Good: The Friendship of Robert F. Kennedy and Kenneth P. O'Donnell. New York: William Morrow and C °, 1998.

Parmet H. Jack: The Struggles of John F. Kennedy. New York: Dial Press, 1980.

Prelude to Leadership: The European Diary of John F Kennedy. Summer 1945. Washington, DC: Regnery Publishing, 1995.

Reeves T. A Question of Character: A Life of John F. Kennedy. Nqw York: The Free Press, 1991.

Ross D. Robert F. Kennedy: Apostle of Change. New York: Pocket Books, 1968.

Salinger P. With Kennedy. Garden City, NY: Doubleday, 1966.

Shannon W. The Heir Apparent: Robert Kennedy and the Struggle for Power. New York: Macmillan, 1967.

Schlesinger A. Journals 1952-2000. New York: Penguin Press, 2007.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. Boston: Houghton Mifflin, 1978.

Schlesinger A. A Thousand Days: John F Kennedy in the White House. New York: Fawcett Wbrld Library, 1965.

Searls H. The Lost Prince: Young Joe, the Forgotten Kennedy. The Story of the Oldest Brother. New York: World Publishing C°, 1969.

Sidey H. John F. Kennedy, President. New York: Athenium, 1963.

Sorensen T. The Kennedy Legacy. New York: Macmillan, 1969.

Stern Sh. Averting «The Final Failure»: John F Kennedy and the Secret Cuban Missile Crisis. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 2003.

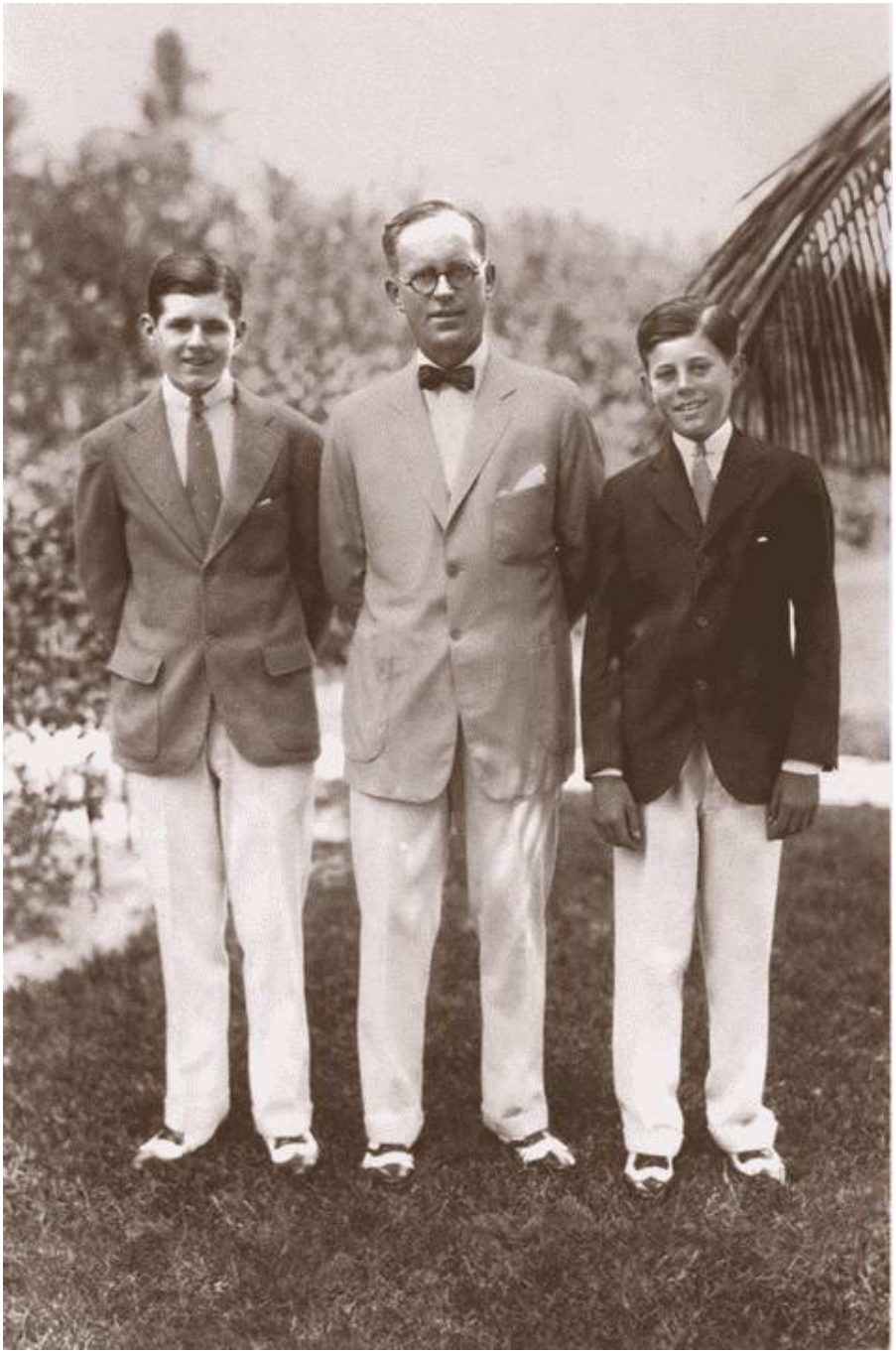
Summitt A. John F. Kennedy and U. S.-Middle East Relations: A History of American Foreign Policy in the 1960s. New York: Edwin Mellen Press, 2008.

Thomas E. Robert F. Kennedy: His Life. New York: Simon and Schuster, 2000.

Whalen R. The Founding Father: The Story of Joseph R. Kennedy. New York: New American Library, 1964.

Wofford H. Of Kennedys and Kings: Making Sense of the Sixties. New York: Farrar, Straus, Giraux, 1980.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Сэр Джозеф П. Кеннеди-старший с сыновьями Джо-младшим и Джоном (Джеком).

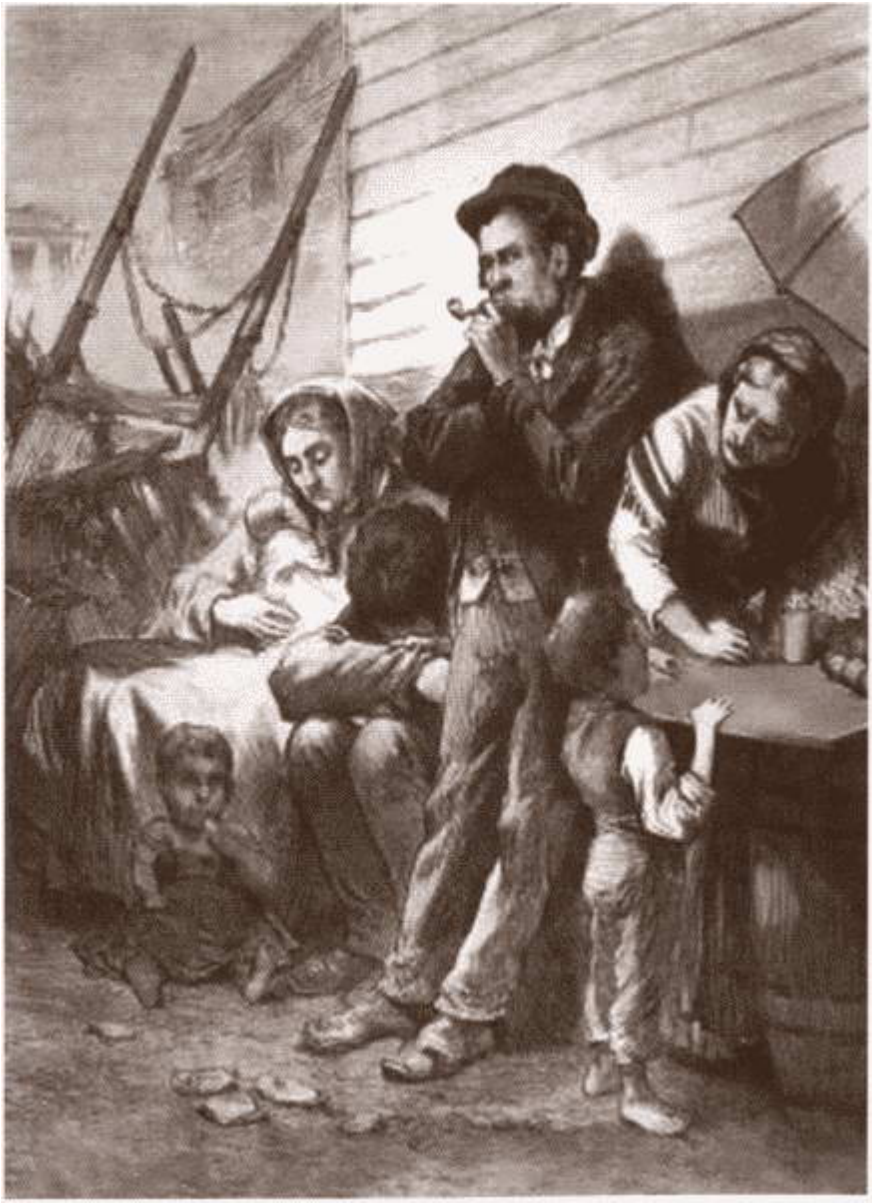
Палм-Бич. 1931 г.

Вид Бостона. 4 июля 1870 г.

Эмигранты, покидающие Ирландию. Гравюра Г. Лойла. 1868 г.

Джон Ф. Фицджеральд

Патрик-Джозеф Кеннеди. Около 1900 г.



Ирландские иммигранты в США

Джон Ф. Кеннеди и Джозеф П. Кеннеди-младший. Бруклин. Массачусетс. Около 1919 г.

Роза Кеннеди с сыном Джоном

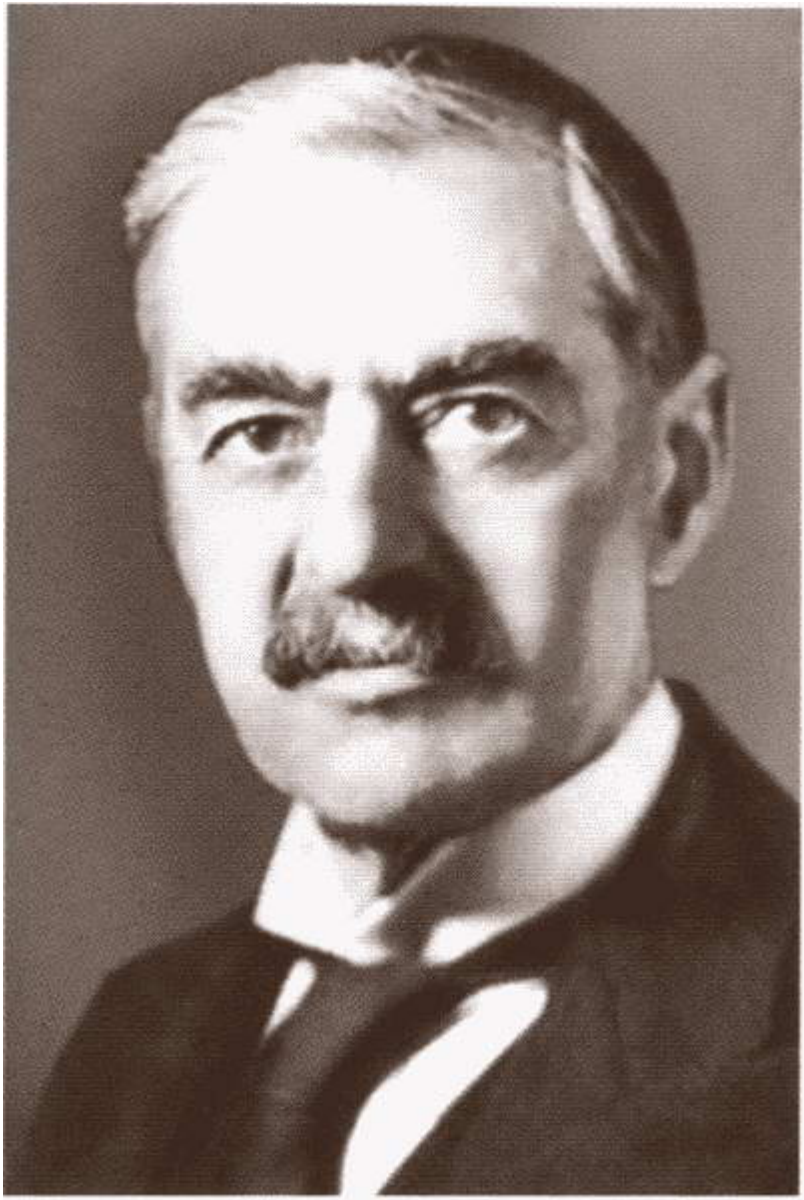
Джозеф Патрик Кеннеди-старший. 1914 г.

Глория Свенсон

Джозеф Кеннеди-старший — посол в Великобритании

Семейство Кеннеди: сидят (слева направо): Юнис, Джоэн, Джозеф-старший, Эдвард (у отца на коленях), Патриция, Кэтлин; стоят: Розмари, Роберт, Джон, Роза, Джозеф-младший. 1938 г.

Франклин Рузвелът



Невилл Чемберлен

Шестилетний Эдвард (Тедди) Кеннеди и его сестра Джоэн наблюдают за сменой караула у Букингемского дворца в Лондоне. 77 апреля 1938 г.

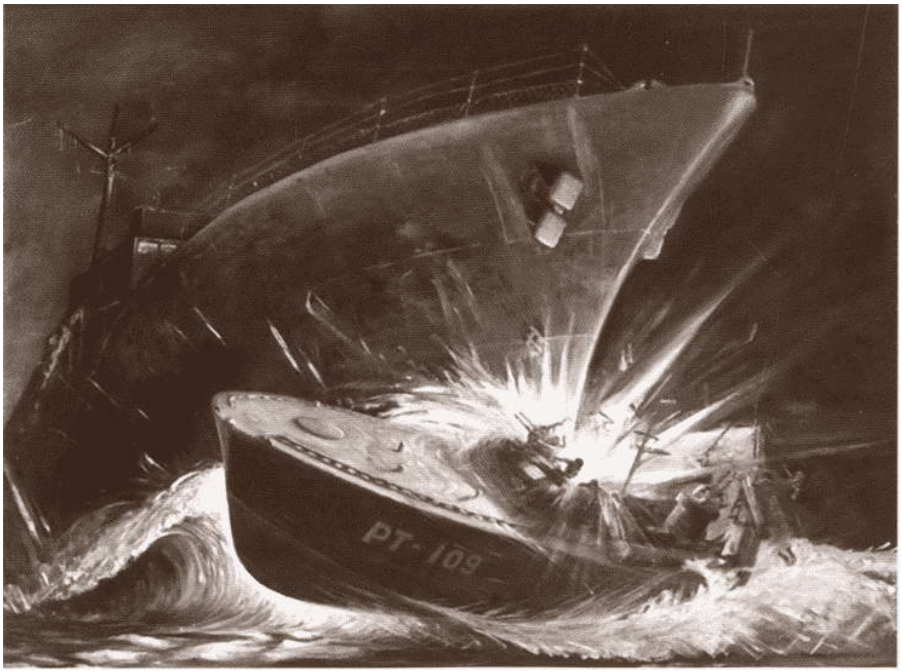
Посол Кеннеди с сыном Джоном поднимаются на борт самолета. 1938 г.

Роза Кеннеди (в центре) с дочерьми Кэтлин (слева) и Розмари

Гарольд Джозеф Ласки

Школа в Чоэйте, штат Коннектикут

Лейтенант Джон Ф. Кеннеди. 1942 г.



Японский эсминец «Амагири» таранит патрульный катер ПТ-109. Ж. Ричардсон. 1961 г.

Кэтлин Кеннеди, сотрудница американского Красного Креста. Лондон. 1943 г.

Джозеф Кеннеди-младший перед последним полетом

Вручение Розе Кеннеди Медали военно-морского флота, которой был посмертно награжден ее сын Джозеф-младший

Семейство Хью Д. Очинклосса: с заднего ряда (слева направо): Жаклин Бувье, Юша Очинклосс, Нина Очинклосс, Кэролайн Бувье, Джэнет Ли Бувье, Джэнет Очинклосс (на руках у матери), Томми Очинклосс, Хью Д. Очинклосс. 1946 г.

Жаклин Бувье. 1935 г.

Джон и Жаклин Кеннеди режут свадебный торт. 12 сентября 1953 г.

Джон Ф. Кеннеди с отцом сэром Джозефом П. Кеннеди и дедом Джоном Ф. Фиджеральдом. Апрель 1946 г.

Особняк семейства Кеннеди на мысе Кейп-Код, штат Массачусетс

Джозеф и Роза Кеннеди на крещении своего внука Патрика Джозефа Кеннеди (на коленях у дедушки), совершенном кардиналом Ричардом Дж. Кушингом

Особняк Кеннеди в Палм-Бич, штат Флорида

Первая леди Жаклин Кеннеди на верховой прогулке с сыном Джоном Ф. Кеннеди-младшим и дочерью Кэролайн

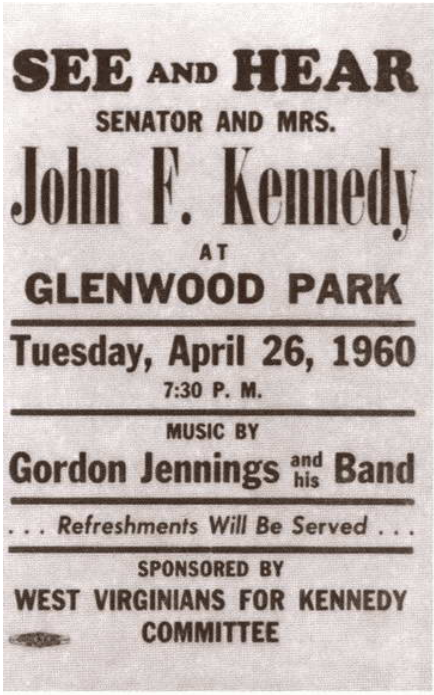
Джон, Роберт и Эдвард Кеннеди. Кейп-Код, штат Массачусетс. Июль 1960 г.

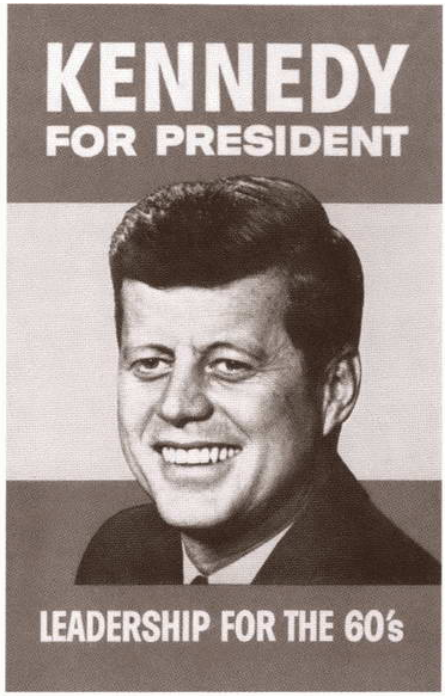
Хьюберт Хамфри

Дуайт Эйзенхауэр

Ушльям Хёрст

Уинстон Черчилль





Агитационные материалы кандидата в президенты Джона Ф. Кеннеди. 1960 г.

Джон Ф. Кеннеди в закусочной города Нашуа, штат Нью-Гэмпшир, во время

избирательной кампании. Март 1960 г.

Встреча президента Джона Ф. Кеннеди с директором ФБР Джоном Эдгаром Гувером и министром юстиции Робертом Кеннеди. Вашингтон. 23 февраля 1961 г.

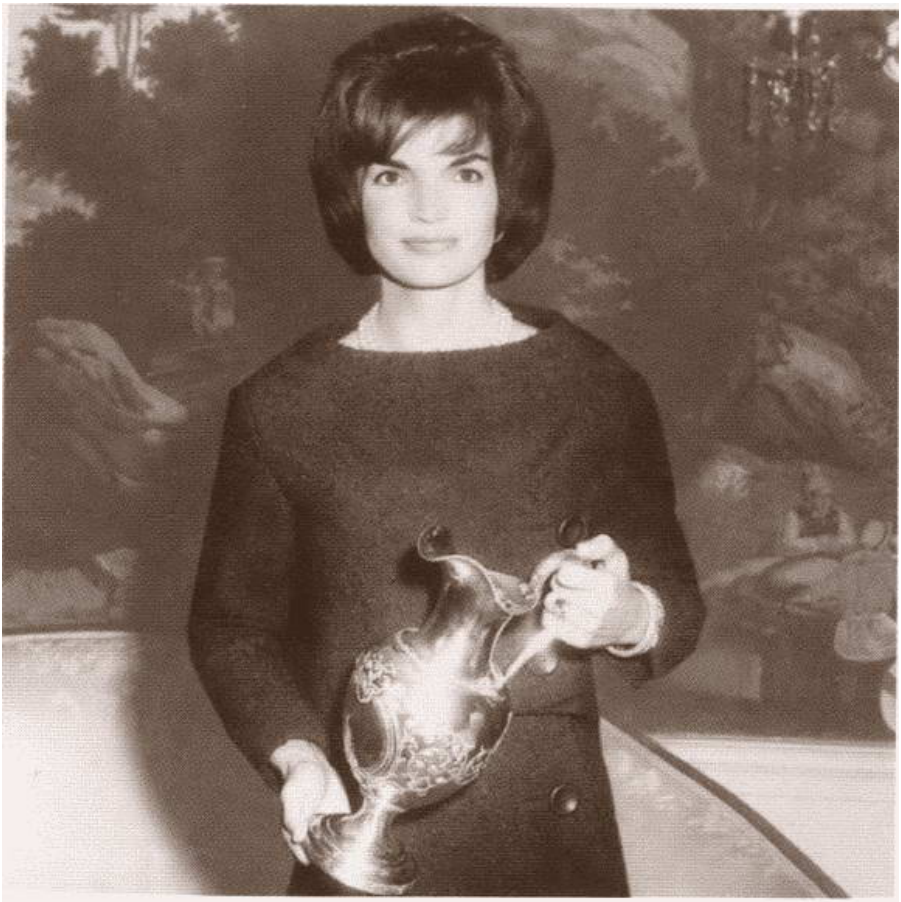
Верховный судья Эрл Уоррен принимает присягу президента США Джона Ф. Кеннеди во время инаугурации. 20 января 1961 г.

Президент Джон Ф. Кеннеди за рабочим столом в Овальном кабинете Белого дома. Вашингтон. 21 января 1960 г.

Обед в честь министра культуры Франции Андре Мальро. Госпожа Кеннеди, президент Кеннеди и мадам Мальро беседуют со скрипачом Исааком Стерном после его выступления. 11 мая 1962 г.

Обед в честь нобелевских лауреатов. В первом ряду (слева направо): леди Бёрд Джонсон, Перл Бак, президент Джон Ф. Кеннеди, первая леди Жаклин Кеннеди,

Роберт Фрост. 29 апреля 1962 г.



Жанлин Кеннеди с серебряным кувшином, подаренным для украшения одного из интерьеров Белого дома. 5 декабря 1961 г.

Открытие одного из реставрированных помещений Белого дома. Слева направо: сенатор Эверетт Дирксен, первая леди Жаклин Кеннеди, вице-президент Линдон Б. Джонсон, сенатор Майк Мэнсфилд, госпожа Морин Мэнсфилд, архивариус Соединенных Штатов доктор Вейн К. Гровер. Вашингтон. 28 июня 1962 г.

Никита Сергеевич Хрущев и Джон Фицджеральд Кеннеди. Вена. 1961 г.

Танки у чекпойнта «Чарли». Берлин. Осень 1961 г.

Встреча президента Джона Ф. Кеннеди (крайний справа) с генералом Максвеллом Тейлором (крайний слева) и министром обороны США Робертом Макнамарой. 2 октября 1963 г.

Советские ракеты на Кубе. Фото сделано с самолета-разведчика. 27 октября 1962

г.

Заместитель директора НАСА Роберт Сименс и конструктор ракетно-космической техники Вернер фон Браун объясняют президенту Джону Ф. Кеннеди систему запуска ракеты типа «Сатурн». Мыс Канаверал, штат Флорида. 16 ноября 1963 г.

Астронавт Джон Гленн загружается в капсулу «Дружба-7» перед полетом в космос. 20 февраля 1962 г.

Лидер Движения за гражданские права чернокожих в США Мартин Лютер Кинг, министр юстиции Роберт Ф. Кеннеди и вице-президент Линдон Б. Джонсон во время встречи активистов движения с властями. 22 июня 1963 г.

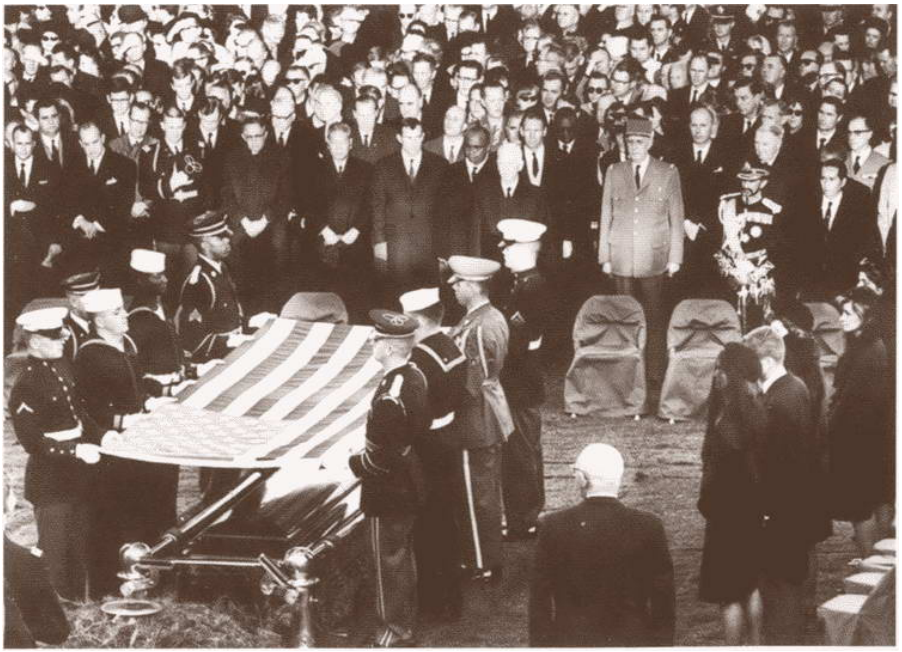
Участники «марша на Вашинпон» (более 200 тысяч человек) между монументом Вашингтона и мемориалом Линкольна. 28 августа 1963 г.

Джудит Кемпбелл-Экснер — любовница Джона Ф. Кеннеди

Мэрилин Монро

«Happy birthday, Mister President!»

Президент и госпожа Кеннеди прибывают в Даллас. 22 ноября 1963 г.

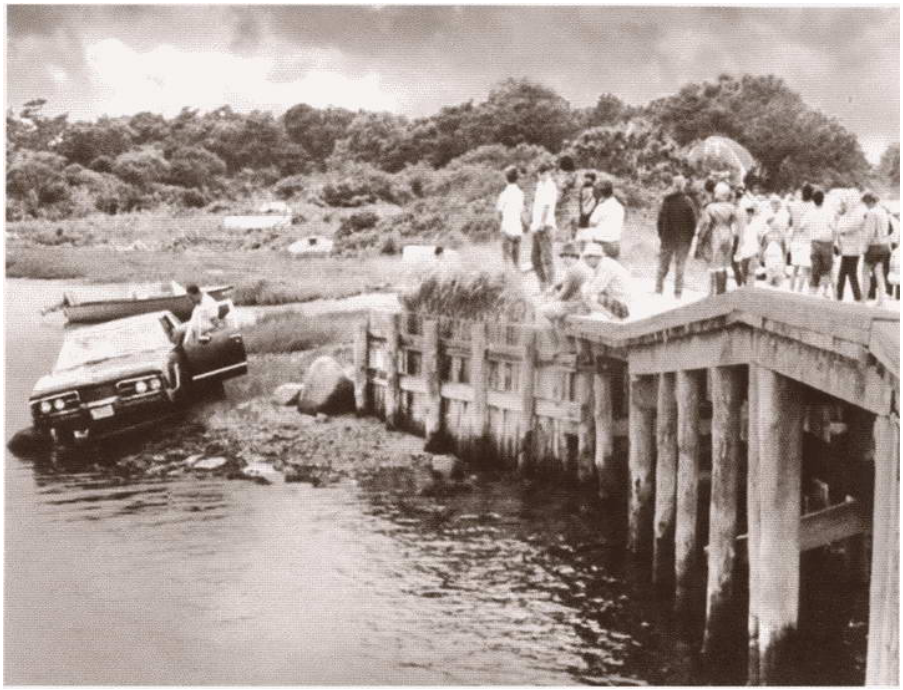


Почетный караул готовится сворачивать флаг, развернутый над гробом

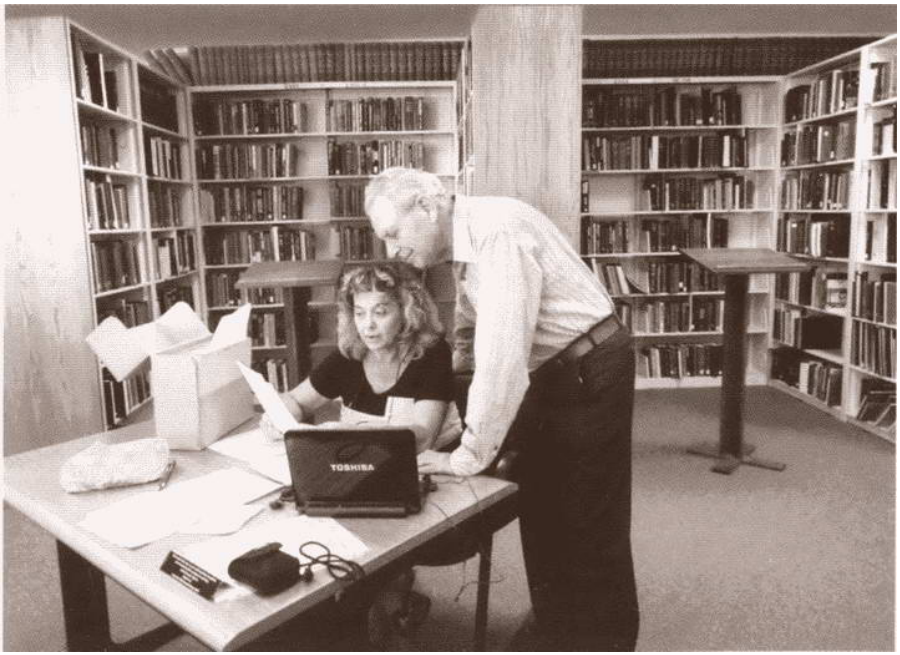
президента Кеннеди. 25 ноября 1963 г.

Сенаторы Эдвард и Роберт Кеннеди на заседании подкомитета Сената. Вашингтон. 15 марта 1967 г.

Смерть Роберта Ф. Кеннеди. 6 июня 1968 г.



Место аварии, в результате которой погибла спутница сенатора Э. Кеннеди Мэри Копечне. 19 июля 1969 г.



Авторы книги в Архиве Библиотеки Джона Ф. Кеннеди в Бостоне. Август 2012 г.

«Они ушли вперед дорогою иною…»

ISBN 978-5-235-03646-8

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

Аббревиатура ДФК (Джон Фицджералд Кеннеди), подобно аббревиатуре ФДР (Франклин Делано Рузвельт), прочно вошла не только в литературу, но и в сознание американцев.

2

Здесь и далее мы употребляем термин «Кубинский кризис 1962 го да», а не «Карибский кризис», как было принято в советской литера туре еще с 1960-х годов, а затем и в российских изданиях. Ведь в Карибском море находится ряд других государств, к которым этот кризис непосредственного отношения не имел. К тому же линия карантина, за пределы которой не должны были допускаться советские суда согласно распоряжению президента Кеннеди, пролегала не в Карибском море, а значительно дальше. В зарубежной литературе (за исключением кубинской, в которой фигурирует термин «ракетный кризис 1962 года» без обозначения своей страны, что естественно) речь с полным основанием идет именно о Кубинском кризисе.

3

В 1990 году историк Ф. Бреннер возбудил судебное дело против Государственного департамента, обвинив его в том, что он нарушает за кон о свободе информации 1966 года. В результате частично были рассекречены документы, связанные с Кубинским кризисом 1962 года, и некоторые другие материалы в госархивах США, в том числе и в архиве Библиотеки Кеннеди (JFKLB. McGeorge Bundy Personal Papers — далее MBPP Box 135).

4

Сам Шлезингер вспоминал, что проект «устной истории» был им задуман непосредственно после гибели Джона Кеннеди и стал осуществляться прежде всего силами историков Гарвардского университета *(Beschloss M.* Introduction // *Kennedy Jacqueline.* Historical Conversations on the Life with John F Kennedy. Interviews with Arthur M. Schlesinger, Jr. 1964. New York: Hyperion, 2011. P. XXI).

5

Не следует путать галлов и гэлов. Этнографы выделяют субкластер (генетическую близость человеческих популяций), содержащий популяции ирландцев, а также белых американцев и басков; по-видимому, эти популяции объединяет кельтский антропологический субстрат (со став), присутствующий в них. Кельтский субстрат, видимо, объединяет ветви англичан, французов, шотландцев: англичане содержат генофонд кельтов — англов, французы — галлов и шотландцы — гэлов. Ирландцы, таким образом, восходят к гэлам через кельтский субстрат.

6

Слово «янки» получило распространение во второй половине XVIII века. Один из наиболее ранних смыслов этого слова — прозвище уроженцев Новой Англии (северо-восточных штатов США). Во время Войны за независимость в Северной Америке 1775— 1783 годов это слово стало кличкой, употреблявшейся английскими солдатами по отношению к восставшим колонистам. Позже так стали иногда называть всех жителей Соединенных Штатов. Происхождение термина полностью не выяснено. Существуют индейская и европейская версии, каждая из которых имеет свои разновидности. Наиболее распространена индейская версия, состоящая в том, что на языке племени чероки это слово означало «трусливый». В настоящее время термин употребляется главным образом для обозначения коренных белых американцев англо-саксонского происхождения, жителей северо-восточных штатов, знающих свою родословную (или делающих вид, что знают ее) на протяжении по крайней мере одного века.

Число поколений президент явно приуменьшил. 115 лет — это время четырех-пяти поколений.

8

Лишь один пример отнюдь не остроумного (а они все были весьма не остроумными), но достаточно показательного анекдота. Ирландец звонит в туристическое агентство и задает вопрос, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться из Дублина до Лондона. «Минуточку», — отвечает агент. «Спасибо, сэр», — вежливо произносит ирландец и вешает трубку.

9

Об этих своих детских достижениях Джозеф Кеннеди с гордостью вспоминал в пожилом возрасте, в частности, в интервью, данном журналисту (Fortune. 1960. June 3).

10

Это засвидетельствовали бывшие сотрудники компании Стоуна, с которыми беседовал в 1963 году биограф Джозефа Кеннеди Р. Вейлен (*Whalen R.* Op. cit. P. 52, 492).

11

Обо всем этом рассказал О'Мира биографу Кеннеди в 1963 году *(Whalen R.* Op. cit. P. 85-86, 491, 494).

12

В английском языке это слово, переводимое как «нарушитель», имеет ограниченный смысл — нарушитель чужой территории, человек, вторгшийся на чужую территорию.

13

Великий русский и американский авиаконструктор И.И. Сикорский (эмигрировал в США в 1919 году) был создателем первых трансатлантических гидропланов.

14

Об этом Г. Свенсон рассказала через много лет биографу Джозефа Кеннеди *(Whalen R.* Op. cit. P. 94).

15

Об этом рассказывал биографу Кеннеди один из таких анонимных бостонских вкладчиков, который и в 1962 году предпочел остаться не названным *(Whalen R.* Op. cit. P. 120, 499).

Эти слова приводит Р. Вейлен, интервьюировавший газетчиков, освещавших кампанию 1932 года *(Whalen R.* Op. cit. P. 127).

17

Пер. Л. Шустера.

18

Эти данные полностью подтвердились современными исследованиями. См., например: *Ali G.* Hitler Volksttat: Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Mein: S. Fischer —Verlag, 2005.

19

В 1947 году Управление стратегических служб было преобразовано в Центральное разведывательное управление (ЦРУ), существующее и поныне.

20

Выпускная работа Джона Кеннеди хранится в специальном фонде Библиотеки Кеннеди вместе с подготовительными и сопроводительными материалами: JFKLB. JFKPP. JFK. Appeasement at Munich. Boxes 1-2.

21

Lend-lease *(англ.)* — заем-аренда.

22

Текст выступления был опубликован в журнале «Liar». 1941. Jan. 20. Liar *(англ.)* — лжец.

23

Холдинговыми (от англ. *holding* — держание) называют материнские компании, контролирующие другие (дочерние) компании путем доминирующего участия в их уставном капитале или другими средствами.

24

Пер. Л. Шустера.

Мы убедимся в этом, когда будем рассматривать кампанию 1960 года.

26

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 103. Сам Шлезингер, однако, впал в другую крайность, вообще не коснувшись личной жизни Кеннеди. Достаточно отметить, что в именном указателе к его труду даже не упомянуто имя знаменитой актрисы Мэрилин Монро, с которой Джон был интимно близок, уже став президентом.

27

Пер. Л. Шустера.

28

На английском языке выпущено множество изданий произведений Вудхауса. В России существует Общество Вудхауса. Собрание сочинений писателя опубликовано в восемнадцати томах издательством «Остожье» в 1999-2008 годах.

Это и последующие события подробно рассмотрены в книге Р. Донована и во всех биографических очерках, посвященных Джону Кеннеди. Все они, за исключением явно враждебных к персонажу и предвзятых изданий, следуют описанию Донована.

К этому времени Латтимор опубликовал десятки ценных научных трудов. Последними из них являлись: *Lattomore O.* Inner Asian Frontiers of China. New York: American Geographical Society, 1940; Ibid. Mongol Journeys. New York: Doubleday Doran, 1941; Ibid. China Opens Her Wild West. Washington, D. C: National Geographic Society, 1942; Ibid. Solution in Asia. Boston: Little, Brown, 1945.

31

Экспозиция музея Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди в Бостоне.

32

Клички собак, запущенных в космос на советском спутнике.

33

Пауэрса привезли в Москву, судили и приговорили к десяти годам заключения. Однако 10 февраля 1962 года его обменяли на мосту Глинике, соединявшем Западный и Восточный Берлин, на сидевшего в американской тюрьме советского разведчика Рудольфа Абеля (Фишера). По возвращении в США Пауэрса вначале обвинили в невыполнении служебного долга и нелояльности (Роберт Кеннеди даже предлагал судить его за государственную измену), но затем обвинения с него были сняты, и он работал летчиком-испытателем. Он написал воспоминания, посвященные в основном истории с самолетом У-2, суду и пребыванию в советской тюрьме (*Powers F.* Operation Overflight: A Memoir of the U-2 Incident. Washington, DC: Brassey's, 2004). См. также: *Beschloss M.* Mayday: Eisenhower, Khrushchev, and the U-2 Affair. New York: Harper and Row, 1988.

Исключение составляют штаты Мэн и Небраска, в которых принципа обязательного голосования выборщиков не существует.

35

Первоначально действительно у страха глаза были велики. По подсчетам американских военных, в 1957 году СССР располагал приблизительно пятьюстами межконтинентальными баллистическими ракетами, а в начале 1962 года было установлено, что число советских межконтинентальных баллистических ракет не превышает пятидесяти, о чем торжественно докладывал Кеннеди его советник по национальной безопасности Макджордж Банди (JFKLB. МБРР Box 163).

36

О советском варианте анекдота, в котором Рузвельту якобы приснилось, что он стал властелином земли, Черчиллю — что он стал властелином Вселенной, а Сталину — что он не утвердил ни того, ни другого, см. *Чернявский Г.* Франклин Рузвельт. С. 437—438.

37

Это мнение высказывал, в частности, Артур Шлезингер в беседе с Жаклин Кеннеди *(Kennedy Jacqueline.* Op. cit. P. 111-112).

38

Банди, как и Кеннеди, был ветераном Второй мировой войны. В армию он вступил обманом. Будучи сильно близоруким, он не подлежал призыву. Однако Макджордж выучил наизусть таблицу проверки зрения и смог пройти медицинскую комиссию. Он получил офицерское звание, участвовал в североафриканской и итальянской кампаниях. В Гарварде Банди преподавал курс «США в мировой политике», но основное внимание уделял административной работе. Один из коллег говорил о его гарвардских годах: «Гарвард был подобен бокалу шампанского, и он знал каждую из брызг в нем по имени» (JFKLB. MBPR Box 104).

39

Лимерик — традиционная британская форма стихосложения; представляет собой стихотворение из пяти строк, в котором первая строка рифмуется со второй и пятой, а третья — с четвертой.

Пер. Л. Шустера.

41

Эти слова Мао произнес на совещании ЦК компартии Китая в Ханькоу в августе 1927 года *(Панцов А.* Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 273). Прочитал их Кеннеди, разумеется, не в публикации произведений Мао, а в какой-то книге по истории китайской революции или в издании еще более общего характера.

42

Начало подозрительному, а затем и просто враждебному отношению к Оппенгеймеру было положено еще Гарри Трумэном, к которому ученый обратился в мае 1946 года с письмом, в котором указал на катастрофические последствия использования атомного оружия и отказался участвовать в президентском Комитете по атомной энергии. Трумэн обозвал Оппенгеймера «рыдающим младенцем» (JFKLB. МБРР. Box 163). С этого времени начались преследования. В 1954 году Оппенгеймер был лишен допуска к секретной работе. Он продолжал читать лекции, проводить исследования, но к работам в области ядерной энергии не подпускался. Установив связь с ученым, Кеннеди тем самым продемонстрировал его политическую реабилитацию. В конце 1963 года Оппенгеймер был удостоен президентом премии Энрико Ферми, которая была ему вручена через неделю после гибели Кеннеди новым президентом Линдоном Джонсоном.

Инч — 2,54 сантиметра.

44

Биограф Джона Кеннеди М. О'Брайен опросил Л. Ньюмена и записал его рассказ на пленку *(O'Brien M.* Op. cit. P. 697).

О том, насколько возродился посмертный культ актрисы, свидетельствует тот факт, что платье, которое она специально пошила для этого концерта, в 1999 году было продано на аукционе более чем за миллион долларов (www. Google, com. CNN. 1999. Oct. 28).

Подтверждением этого свидания могут служить часы, подаренные Мэрилин Джону на 45-летие с выразительной надписью «Позволь мне любить или дай умереть». Часы сохранились у дочери одного из служащих Белого дома и в 2004 году были выставлены на аукционную продажу с начальной ценой в четыре миллиона долларов. Дальнейшую судьбу этого весьма дорогого артефакта нам, к сожалению, выяснить не удалось.

Авторы этой книги предполагают, что в связи с американским правилом о засекречивании личной документации сроком, как правило, на 50 лет (иногда и на значительно большее время) после смерти фондообразователя, возможно, через какое-то время станет известно о новых материалах в архивах США, связанных с этим треугольником, которыми смогут воспользоваться будущие исследователи.

48

Уже вскоре после полета и высадки на Луне появились слухи, что американские астронавты там не были, а кадры, транслировавшиеся по телевидению во всем мире, якобы смонтированы в Голливуде. В очередной раз эти слухи опроверг космонавт Алексей Леонов, лично готовившийся к участию в советской программе освоения Луны, в интервью РИА «Новости» в преддверии сорокалетия отмечаемого 20 июля первого в истории человечества выхода астронавтов на поверхность спутника Земли. «Всерьез верить в то, что американцы не были на Луне, могут только абсолютно невежественные люди. И, к сожалению, вся эта нелепая эпопея о якобы сфабрикованных в Голливуде кадрах началась именно с самих американцев. Кстати, первый человек, который начал распространять эти слухи, был посажен в тюрьму за клевету», — заявил Алексей Леонов и далее привел убедительные доказательства того, что полет 1969 года на Луну действительно имел место (http://xn-80aeqcxgbkpk. xn-plai/ weekend. РИА Новости. 2009. 20 июля; *Коробейников Д.* Алексей Леонов развеял слухи о том, что американцы не были на Луне).

49

Уильям Маккинли (1843-1901) — президент США от Республиканской партии в 1897-1901 годах. Был убит вскоре после повторного избрания.

50

Термин «бебибумер» происходит от слов «беби» — маленький ребе нок и «бум» — крутой подъем, резкий взлет.

51

Central Intelligence Agency Archives (далее — CIA Archives). Historical Review Program Release as Sanitizes. 1997. Lyman Kirkpatrik. Inspector General's Survey of the Cuban Operation and Associated Documents. October 1961. Документ рассекречен не полностью. Ряд мест в нем вымаран черными чернилами, но в целом он дает достаточно полное представление о подготовке и осуществлении операции на Плайя-Хирон.

52

Кардона в прежние годы являлся известным кубинским адвокатом, профессором Гаванского университета и оппонентом диктатора Фульхенсио Батисты. После прихода к власти Кастро он несколько недель был председателем правительства, однако порвал с новым режимом, бежал в США, где и стал лидером движения кубинских эмигрантов.

53

Так называют окно, представляющее собой фактически наружную стену помещения и имеющее дверь, которая выходит в сад или во внутренний двор.

По уточненным данным А.А. Фурсенко, в руках спецслужб Кастро оказалось 1179 пленных *(Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы. С. 312).

55

Жаклин Кеннеди полагала, что это — китайская поговорка, заимствованная ее супругом из какого-то высказывания Мао Цзэдуна *(Kennedy Jacqueline.* Op. cit. P. 186-187). Однако ни обнаружить у Мао этого высказывания, ни установить, что это именно китайская поговорка (мы консультировались с известным китаеведом профессором А.В. Панцовым), нам не удалось.

Комитет Чёрча опубликовал 14 томов докладов и документов, содержавших огромную информацию о тайных действиях спецслужб, прежде всего касательно подготовки и организации убийств зарубежных политических деятелей (Church Committee Reports. Washington, D. C: Government Printing Office, 1975-1976. Vol. 1-14).

57

Ракеты СС-4 и СС-5 названы по американской классификации. Со гласно советской классификации, они назывались Р-12 и Р-14. Генерал- полковник Д.А. Волкогонов уточнял, что ракеты Р-14 имели дальность полета 4,5 тысячи километров (Back to the Brink. P. 28).

Об этом Добрынин говорил в 1987 году заместителю заведующего международным отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназарову, а последний проинформировал участников конференции в Гарвардском университете, по священной 25-летию Кубинского кризиса (JFKLB. MBF. Box 164).

Наиболее ответственные американские политики, и президент Кеннеди прежде всего, по словам профессора по истории международных отношений Гарвардского университета Джозефа Ная, руководствовались китайским изречением: «Постройте золотой мост позади своего врага» (On the Brink. P. 95).

Американская разведка полагала, что боеголовки или, по крайней мере, часть из них еще не доставлены на Кубу, что именно на «Полтаве» находились то ли боеголовки, то ли ракеты с боеголовками. На самом деле к моменту начала ракетного кризиса часть боеголовок была уже завезена на Кубу, но хранилась отдельно от ракет, в специальных контейнерах, спрятанных в расположенных неподалеку от ракетных установок пещерах *(Амосов И.Л.* Некоторые аспекты деятельности разведывательных органов США в период Кубинского кризиса // Карибский кризис 1962 года в архивных документах России, США и Кубы: Анализ, итоги, уроки. Международная научная конференция. Доклады и тезисы докладов. М., 1994. С. 361-362).

61

А.Ф. Добрынин вспоминал, что связь советского посольства в Вашингтоне с Москвой осуществлялась дедовским способом. Вначале документы шифровались, затем сотрудник посольства звонил в телеграфное агентство «Вестерн Юнион». Оттуда приезжал на мотоцикле «черный парень», который забирал документ, возвращался назад в агентство, отправлявшее депешу в Москву Обычная дорожная пробка могла надолго задержать связь. «Это был опыт, просто разрывавший нервы», — жаловался Добрынин (Back to the Brink. P. 86).

62

В течение многих лет на Кубе распространялась правительственная легенда о том, что американский самолет был сбит кубинцами и что сам Кастро нажал соответствующую кнопку, чтобы запустить ракету. Даже посол СССР на Кубе А.И. Алексеев узнал, что ракета была выпущена по приказу советского командования, только через 15 лет после случившегося. Уничтожение американского самолета над кубинской территорией по сей день рассматривается на Кубе как одна из побед над «злокозненными североамериканцами». Обгоревший фюзеляж этого самолета является одним из главных экспонатов Музея революции в Гаване (Back to the Brink. P. 30).

63

Вывоз советских ракет с Кубы продолжался по крайней мере до февраля 1963 года под проводимым в открытом океане контролем американских военно-воздушных и военно-морских сил. Для облегчения проверки ракеты находились на палубах кораблей.

Это было действительно так. После избрания Кеннеди президентом советский лидер направил ему необычно теплое поздравление, в котором говорилось: «Мы надеемся, что во время Вашего пребывания на этом посту отношения между нашими странами вновь последуют курсу, по которому они развивались во время Франклина Рузвельта, что соответствует коренным интересам не только народов СССР и Соединенных Штатов, но и всего человечества, которое стремится к устранению угрозы новой войны» (The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 2).

65

Советская запись переговоров излагает содержание третьей и четвертой встреч (обе они состоялись 4 июня) существенно иначе. В этой записи нет слов Кеннеди «будет война», и весь тон переговоров выглядит значительно сглаженнее. В тексте, однако, фигурируют слова Кеннеди: «Да, кажется, холодная будет зима в этом году» (Венский вальс холодной войны. С. 252).

Check point (англ.) — контрольно-пропускной пункт, пункт проверки.

Ныне там находится музей Берлинской стены.

68

В этот день Банди действительно исполнилось 44 года.

69

Это высказывание на самом деле было приписано Рузвельту, но оно вполне соответствовало той политике, которую он проводил по отношению к диктаторским режимам в Латинской Америке, сотрудничавшим с администрацией США *(Чернявский Г.* Франклин Рузвельт. С. 294).

Напалм легко воспламеняется, горит медленно, выделяя густой едкий черный дым (температура пламени 900—1100° по Цельсию в зависимости от вида горючего), плотно прилипает к поражаемым объектам, в том числе и вертикальным поверхностям, включая человеческую кожу.

71

В столице Колумбии Боготе президент этой страны Адольфо Камарго познакомил Жаклин с президентским дворцом, являвшимся великолепным музеем колумбийской истории, содержавшим ценнейшие памятники не только этой страны, но и других регионов континента. Жаклин Кеннеди восторгалась дворцом и считала, что именно эта экскурсия вдохновила ее на перестройку Белого дома, превращение его в своеобразный музей, правда, без этикетажа и других признаков учреждения такого рода, на допуск в резиденцию высшей исполнительной власти экскурсионных групп из США и из-за рубежа *(Kennedy Jacqueline.* Op. cit. P. 198).

На русский язык этот роман был переведен под названием «Гарантия безопасности» (сборник: Звездное воинство Америки. М.: Прогресс, 1988).

Небезынтересно, что на случай чрезвычайных обстоятельств Пеньковский должен был послать по обычному телефону один из двух кратких, односекундных сигналов: «начинается атака советских ракетных сил на США» и «я нахожусь под непосредственной угрозой ареста». Перед арестом растерявшийся «Алекс» по ошибке передал сигнал о ядерной войне… К чести сотрудников ЦРУ, получив уведомление об атаке, они сочли его ошибочным и даже не доложили о нем директору управления Джону Маккоуну (*Орлов А.С.* Тайная битва сверхдержав. С. 440-441; *GarthoffR.* Reflections on the Cuban Missile Crisis. Washington, DC: Brooking Institution, 1989. P. 63-65).

74

Презрительная кличка негров, широко распространенная на Юге США до 70-х годов XX века.

Time. 1963. June 21. P. 13—14. Аналогичные сообщения и репортажи были опубликованы во всех центральных американских газетах и еженедельных журналах.

Сохранились несколько короткометражных фильмов и фоторепортажей об этой поездке, в частности о посещении космического центра, которые легко найти в Интернете по фамилии президента или по на званию космического центра (см., например: http://www. jfklibrary. org/ Asset-Viewer/ ofXn608btU2hlxrpwX50dQ. aspx). Интересно при этом отметить, что почти ни на одном фото невозможно обнаружить фон Брауна. Видимо, портретировать эту личность не рекомендовалось из опасения, чтобы на него не было совершено покушение кем-нибудь из тех, чьи родные и близкие погибли от ракет Фау-2, созданных в свое время верно служившим Гитлеру фон Брауном, которыми нацистские вооруженные силы атаковали Лондон и другие британские города осенью 1944 года.

77

Выступление в Форт-Уорте в основном было посвящено усилению военной мощи США за предыдущие годы. Звучал обычный мотив Кеннеди: «Всё это требует жертв от народа Соединенных Штатов. Но наш мир очень опасен и ненадежен… Никто не должен ожидать легкой жизни, она совершенно исключена на ближайшие десятилетия и, возможно, даже до конца нынешнего века… Я не думаю, что мы истощены или утомлены. Нам хотелось бы жить так, как мы жили когда-то. Но история этого нам не позволит» (эта речь сохранилась в записи в Интернете: http://youtube. com/ watch?v=HifNlVizRg). Жесткое выступление явно должно было послужить своеобразным вступлением для более мягкой и разносторонней речи в Далласе.

78

Детально похороны Джона Кеннеди описаны У. Манчестером в его книге «Убийство президента Кеннеди».

79

У Тревора-Роупера был опыт расследования обстоятельств смерти сильных мира сего. В 1945 году он по заданию своего правительства провел детальное следствие по поводу обстоятельств смерти Гитлера и опроверг заявления советской стороны о том, что фюрер жив и находится на Западе. Материалы расследования явились основой для написания книги о днях Гитлера в 1945 году. См. русское издание: *Тревор-РоуперХ. Р.* Последние дни Гитлера. СПб.: Лениздат, 1995.

80

В жизни происходят поразительные совпадения, которые не способен выдумать автор самого примитивного детективного или сентиментального сериала. В Минске Освальд был направлен на работу на радиотехнический завод, производивший известные тогда всей стране телевизоры «Горизонт». А в качестве учителя русского языка к нему приставили инженера С.С. Шушкевича, который таким образом выполнял общественную нагрузку, причем Шушкевича предупредили, чтобы ни на какие «посторонние темы» он с американцем не разговаривал. Это был тот самый человек, который в 1991 году станет первым президентом независимой Республики Беларусь. Никакого личного впечатления Освальд на Шушкевича не произвел, о чем он через много лет рассказал в интервью для московской газеты (Известия. 2003. 21 ноября).

81

Этот эпизод передают с различной конкретикой, но весьма остро умный ответ Черчилля всегда сохраняется (http:// bibliofond. ru/view. aspx?id = 536456).

82

В огромном деле Роберта Кеннеди, сохранившемся в Архиве ФБР, имеются лишь отдельные документы, косвенно свидетельствующие о массивной операции против ку-клукс-клана, проведенной по его инициативе (FBI Archives. Robert F. Kennedy File. Parts 1, 3, 7). Всего обширное дело Роберта Кеннеди имеет девять частей.

83

ФБР установило наблюдение за Робертом Кеннеди еще в 1962 году. В специально заведенном деле фиксировались его поездки, телевизионные и другие выступления и т. д. ФБР исправно собирало газетные статьи и информацию, которые хотя бы в какой-то степени компрометировали Роберта. После его избрания сенатором в ведомстве обсуждался вопрос о проверке лояльности тех сотрудников министерства юстиции, которые участвовали в его предвыборной кампании. Среди донесений в ФБР попадались совершенно смехотворные, например, о связи Роберта Кеннеди с компартией США, хотя отлично были известны его антикоммунистические настроения. Любопытно и донесение, что Роберт как-то дал интервью «негру, женатому на белой женщине», что свидетельствует о сохранении расистских предрассудков в ведомстве (FBI Archives. Robert F. Kennedy File. Part 7).

Подробнее см.: История США. М.: Наука, 1987. Т. 4. С. 309-314. Соответствующий раздел этого тома, написанный В.О. Печатновым, содержит много фактического материала, однако грешит явно антиамериканским настроем, который порой приводит и к фактическим искажениям. Так, говоря о фудстемпах, автор утверждает, что за них можно было купить только самые дешевые продукты, что не соответствует действительности. На самом деле фудстемпы принимались и принимаются к оплате за любые пищевые продукты, включая деликатесы. На них нельзя покупать только спиртные напитки.

85

В 1969 году Эдвард Кеннеди обратился в судебные органы с просьбой об отмене смертной казни, которой ожидал Серхан. «Мой брат был человеком чувств, любви и сочувствия. Он никогда не захотел бы, что бы его смерть стала причиной смерти другого человека», — говорилось в прошении (Newsweek. 1969. June 2). Просьба не была удовлетворена, но в 1972 году в результате рассмотрения ходатайств самого Серхана Верховный суд штата Калифорния признал смертный приговор неконституционным и заменил его пожизненным заключением.

Об этом эпизоде впервые рассказали бостонские газеты в то время, когда Эдвард Кеннеди вел кампанию по выборам в сенат (Boston Globe. 1962. March 30), а через много лет сам Эдвард поведал об этом своему биографу *(Clymer A.* Edward M. Kennedy: A Biography. New York: William Morrow and Co, 1999. P. 17-18,613).

Подробная информация о всех перипетиях крушения самолета, лечения и выздоровления Эдварда публиковалась в газете «Бостон глоб» в июне—ноябре 1964 года.

88

Согласно данным ФБР, в 1965 году мафиозные группы, связанные с продажными профлидерами, готовили покушения на Роберта и Эдварда Кеннеди, которые были предотвращены (FBI Archives. Robert Kennedy File. Part 7).

Всю эту историю Эдвард более или менее правдиво, по мнению официальных лиц, изложил в показаниях на следствии по поводу гибели Мэри Копечне, правда, утверждая, что никакой любовной связи между ними не было и что он просто повез почувствовавшую себя плохо девушку в ближайшую гостиницу, где она забронировала номер (New York Times. 1969. July 26). Эти сведения подтверждались разного рода свидетелями, которые, надо сказать, явно стремились оправдать Кеннеди или, по крайней мере, приуменьшить его вину. В протоколах следствия, однако, было отмечено без каких-либо комментариев, что тело Мэри Копечне было обнаружено в платье, но без трусиков.

Полный текст отчета о дополнительном расследовании составлял том объемом в 763 страницы.

91

В 1976 году была образована Американская ассоциация «Пища на колесах», которая существует по настоящее время. Пользуясь общегосударственными дотациями, средствами штатов, а также частными пожертвованиями, эта организация доставляет бесплатно пищу гражданам, которые по тем или иным причинам не получают фудстемпов (продуктовой помощи государства), и тем, кому этой помощи не хватает.

92

Об этих беседах Эдвард Кеннеди сделал запись для памяти 8 февраля 1986 года, которая хранится в его фонде в архиве Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди (JFKLB. EKP. Visit to Moscow. 1986).

comments

Ссылки

1

Lasky V. JFK: The Man and the Myth. New York: Macmillan, 1963.

Beran M. The Last Patrician: Bobby Kennedy and the End of American Aristocracy. New York: St. Martin's Press, 1988.

Kennedy J. F. Political and Official Papers. New York: G. P. Putnam and Sons, 1972; Let the Ward Go Forth: The Speeches, Statements, and Writings of John F. Kennedy. 1947-1963. Ed. by T Sorensen. New York: Laurel, 1988; John F. Kennedy: the Presidential Portfolio: History as Told through the Collection of the John F Kennedy Library and Museum. New York: Public Affairs, 2000; The Documentary History of the John F Kennedy Presidency. Ed. by L. Gould. Bethesda, MD: Lexis Nexis, 2005 etc.

4

Hostage to Fortune: The Letters of Joseph P. Kennedy. Ed. by A. Smith. New York: Viking, 2001.

Listening In: The Secret White House Recording of John F. Kennedy. New York: Hyperion, 2012.

Венский вальс холодной войны (вокруг встречи Н. С. Хрущева и Дж. Ф. Кеннеди в 1961 году в Вене): Документы. М.: РОССПЭН, 2011.

John Fitzgerald Kennedy Library, Boston (далее — JFKLB).

8

Чернявский Г. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 11-12.

JFK LB. Papers of Robert F. Kennedy. Attorney General Files.

10

http://www. jfk50. org

11

Kennedy Robert. Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. New York: W. W. Norton and Co, 1969. Воспоминания вышли и в русском переводе: *Кеннеди Роберт.* 13 дней: Свидетельство о Карибском кризисе. Париж: Editions de la Seine, 1969.

Welch D., *Blight J.* The Eleventh Hour of the Cuban Missile Crisis // International Security. Vol. 12. № 3. P. 5-19.

13

As We Remember Joe. Ed. by John F. Kennedy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1945; The Fruitful Bough: A Tribute to Joseph P. Kennedy. Ed. by Edward Kennedy. Halliday Litograph, 1965.

Kennedy Rose. Times to Remember. Garden City, NJ: Doubleday, 1974.

Kennedy Jacqueline. Op. cit.

Ibid. P. 49, 52, 55 etc.

Sorensen T. The Kennedy Legacy. New York: Macmillan, 1969; *Salinger P.* With Kennedy. Garden City, NY: Doubleday, 1966: *McNamara R.* In Retrospect: The Tragedy and Lessons in Vietnam. New York: Vintage Press, 1995; *Bradlee B.* Conversations with Kennedy. New York: W. W. Norton and Co, 1975; *Bundy McG.* Danger and Survival. New York: Random House, 1988; *KrockA.* Memoirs: Sixty Years on the Firing Line. New York: Funk and Wagnalls, 1968; *Schlesinger A.* A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. New York: Fawcett World Library, 1965; ibid. Robert Kennedy and His Times. Boston: Houghton Mifflin, 1978; ibid. Journals 1952-2000. New York: Penguin Press, 2007.

18

Хрущев Н. С. Время, люди, власть: Воспоминания. М.: Московские новости, 1999. Т. 2.

Аджубей А. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989.

Феклисов А. Кеннеди и советская агентура. М.: Алгоритм, 2011.

21

JFKLB. Prepresidential Papers (далее — PP). Remarks by Senator John F. Kennedy at Irish Institute. New York. 1957. Jan. 12.

22

JFKLB. Inauguration of John F. Kennedy. Robert Frost. Gift Outright. (With some preliminary history in rhyme.)

23

The Merriam Wfebster Dictionary. New York: An Encyclopedia Britannica Co, 1994. P. 149.

24

Коротаев А. В., Оболонков А. А. Родовая организация в социально- экономической структуре классовых обществ // Советская этнография. 1989. №2. С. 36-45.

Whalen R. Op. cit. P. 5.

Woodham-Smith C. The Great Hunger: Ireland 1845-1849. New York: Harper and Row, 1953. P. 206.

Ibid. *P.* 238; *McCaffrey L.* The Irish Catholic Diaspora in America. Washington, DC: Catholic University of America Press, 1997. P. 65.

Handlin O. Boston's Immigrants. 1790-1880: A Study in Acculturation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959. P. 113-114.

Kennedy J. A Nations of Immigrants. New York: Harper and Row, 1964. P. 40.

Ibid. P. 56.

Ibid. P. 176.

Woodham-Smith C. Op. cit. P. 252.

33

Cutler J. H. «Honey Fitz»: Three Steps to the White House. New York: The Bobbs-Merrill C°, 1962. P. 72.

Whalen R. Op. cit. P. 36.

Burns J. John Kennedy: A Political Profile. New York: Harcourt, Brace and World, 1961. P. 94.

Duncliffe W. The Life and Times of Joseph P. Kennedy. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1965. P. 34.

Saturday Evening Post. 1957. Sept. 7.

Koskoff D. Joseph P. Kennedy: A Life and Times. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1974. P. 15.

Whalen R. Op. cit. P. 490.

Dinneen J. The Kennedy Family. Boston: Little, Brown and Ko, 1959. P. 9.

Kessler R. The Sins of the Father. New York: Warner Books, 1996. P. 16-17.

42

Hamilton N. J. F. K. Reckless Youth. New York: Random House, 1992. P. 18.

Boston Record-American. 1964. Jan. 10.

Whalen R. Op. cit. P. 30.

Ibid. P. 33.

Learner L. Kennedy Women: The Saga of an American Family. New York: Villard Books, 1994. P. 65.

47

См.: *Fitzgerald J.* Letters and Speeches of the Honorable John F. Fitzgerald, Mayor of Boston. Boston, 1914; *Goodwin D.* The Fitzgeralds and Kennedys: An American Saga. New York: Simon and Schuster, 2001.

Kennedy Rose. Times to Remember. Garden City, NJ: Doubleday, 1974. P. 49-51.

Burns J. Op. cit. P. 13-14.

Koskoff D. Op. cit. P. 22.

Whalen R. Op. cit. P. 43.

Beschloss M. Kennedy and Roosevelt: The Uneasy Alliance. New York: W. W. Norton and Co, 1980. P. 46.

Lindley E. Will Kennedy Run for President? // Liberty. 1938. May 21.

They Told Barron: The Notes of the Late Clarence W. Barron. Ed by A. Pound. New York: Harper and Brothers, 1930. P. 95.

55

Whalen R. Op. cit P. 54, 493. Интервью автора с сотрудниками компании Стоуна.

Whalen R. Op. cit. P. 55.

As We Remember Joe. Ed. by John F. Kennedy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1945. P. 45.

Kennedy Rose. Op. cit. P. 50.

New York Times. 1968. Oct. 25.

Martin R., Plaut E. Hero for Our Time: An Intimate Story of the Kennedy Years. New York: Macmillan, 1983. P. 121.

Whalen R. Op. cit. P. 63.

Allen F. Only Yesterday: An Informal History of the Nineteen-Twenties. New York: Harper and Brothers, 1931. P. 109.

Whalen R. Op. cit. P. 66, 493.

Hall B. The Best Remaining Seats: The Story of the Golden Age of the Movie Palace. New York: Clarkson N. Potter, 1961. P. 50.

The Story of the Films. Ed. by J. P. Kennedy. Chicago: A. W. Shaw and Co, 1927. P. 19.

The Story of the Films. Ed. by J. P. Kennedy. Chicago: A. W. Shaw and Co, 1927.

Gilbert D. American Vaudeville: Its Life and Times. New York: Whittlesey House, 1940. P. 394.

Koskoff D. Op. cit. P. 34.

Whalen R. Op. cit. P. 89.

Kennedy Rose. Op. cit. P. 102.

Damore L. The Cape Cod Years of John Fitzgerald Kennedy. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 19.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 79.

Schoor G. Young John Kennedy. New York: Harcourt, Brace and World, 1963. P. 82.

Burns J. Op. cit. P. 28.

Ibid. P. 26.

Cutler J. H. Op. cit. P290.

Fontaine J. No Bed of Roses. New York: William Morrow, 1978. P. 267.

Time. 1957. Dec. 2.

Massachusetts Historical Society, Boston. Nigel Hamilton Oral History (далее — MHS. NHOH). Box 8. Arthur Krock. Box 8.

Swanson G. Swanson on Swanson. New York: Random House, 1980. P. 86.

Learner L. Op. cit. P. 188—189.

Weiss M., Hoffmann B. Palm-Beach Babylon. New York: Birch Lane Press, 1992. P. 83.

Goodwin D. Op. cit. P. 324.

Swanson G. Op. cit. P. 445-446.

Ibid. P. 95.

О романе Кеннеди и Свенсон написано много. Ниболее правдивое описание этой любовной и деловой связи можно найти в книгах: *Madsen Л.* Gloria and Joe: The Star-Crossed Love Affair of Gloria Swenson and Joseph Kennedy. New York: Arbor House, 1988; *Beauchamp C.* Joseph P. Kennedy Presents His Hollywood Years. New York: First Vintage Books, 2009.

87

Hostage to Fortune: The Letters of Joseph P. Kennedy. P. 57.

Ladies Home Journal. Summer 1929. P. 15-18.

Boston Evening Transcript. 1929. May 20, 21.

New York Times. 1934. Aug. 12.

Stiles L. The Man Behind Roosevelt: The Story of Louis McHenry Howe. New York: The World Publishing Co, 1954. P. 148.

McCarthy J. The Remarkable Kennedys. New York: The Dial Press, 1960. P. 50.

93

Kennedy J. I'm for Roosevelt. New York: Reynal and Hitchcock, 1936. P. 93.

Swanberg W. A. Citizen Hearst: A Biography of William Randolph Hearst. New York: Charles Scribner's Sons, 1961. P. 437; New York Times. 1932. May 9.

Columbia University (New York). Rare Book and Manuscript Library. Oral Research History Project (далее — CU. RBML. ORHP); *Krock A.* Reminiscences. P. 7-8.

Boston Record-American. 1964. Jan. 17.

O'Brian M. Op. cit. P. 22.

F. D. R.: His Personal Letters. 1928-1945. Ed. by Elliott Roosevelt. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1950. \ЫI. 1. P. 340.

99

Franklin D. Roosevelt Library. Hyde Park (New York) (далее — FDRL. HP). The Roosevelt Papers 207. Joseph Kennedy to Franklin D. Roosevelt. 1933. May 19.

Beschloss M. Op. cit. P. 58.

Whalen R. Op. cit. P. 132.

Beschloss M. Op. cit. P. 62.

103

Parmet H. Jack: The Struggles of John F. Kennedy. New York: Dial Press, 1980. P. 11.

Koskoff D. Op. cit. P. 53.

См.: *Чернявский Г.* Указ. соч. С. 234-248.

Moley R. After Seven Years. New York: Harper and Brothers, 1939. P. 286-287.

Beschloss M. Op. cit. P. 255-271.

Ibid. P. 285-286.

Ibid. P. 288.

Whalen R. Op. cit. P. 142.

New York Times. 1934. July 3.

New York Times. 1934. July 16.

Swanson G. Op. cit. P. 145-149.

F. D. R.: His Personal Letters. \ЬІ. 1. P. 489-490.

115

Hostage to Fortune. P. XXV-XXVI.

Whalen R. Op. cit. P. 174.

117

Fortune. 1937. September. P. 28.

118

Fortune. 1937. September.

Kessler R. Op. cit. P. 227.

См.: *Чернявский Г.* Указ. соч. С. 309-311.

New York Times. 1936. July 3, 15; *WhalenR.* Op. cit. P. 181-182.

New York Times. 1936. July 15.

123

Kennedy J. I'm for Roosevelt. P. 3.

Ibid. P. 14-15.

New York Times. 1936. Aug. 23.

RL. HRPPF207.

Fortune. 1937. September; New York Times. 1937. June 20.

New York Times. 1937. Aug. 17.

New York Times. 1937. May 23.

Boston Herald. 1942. Aug. 16.

New York Times. 1937. Oct. 26.

132

Ibid. 1938. Febr. 13.

Farley J. Jim Farley's Story: The Roosevelt's Years. New York: McGraw-Hill Book Co, 1948. P. 115.

New York Times. 1935. Sept. 9.

Weiss M., Hoffmann B. Op. cit. P. 80-81, 92-93.

Bratts J. Nine Kennedys and How They Grew // Reader's Digest. 1939. April.

O'Brian M. Op. cit. P. 36.

Watson J. Psychological Care of Infant and Child. New York: W. W. Norton and Co, 1928.

Kennedy Rose. Op. cit. P. 421.

Whalen R. Op. cit. P. 165.

Goodwin D. Op. cit. P. 320.

142

MHS. NHOH. Rose Kennedy. Box 1.

New York Journal-American. 1960. July 20.

Amort C. The Proper Bostonians. New York: E. P. Dutton and Co, 1947. P. 346.

Kenney Ch. John F. Kennedy: The Presidential Portfolio. History as Told Through the John F. Kennedy Library and Museum. Boston: Public Affairs, 2000. P. 11.

Burns J. Op. cit. P. 24.

147

JFKLB. John E Kennedy Personal Papers (далее — JFKPP). Box 4B. JFK Grades at Canterbury.

Schoor G. Op. cit. P. 43.

Searls H. The Lost Prince: Young Joe, the Forgotten Kennedy. The Story of the Oldest Brother. New York: World Publishing, 1969. P. 63.

St. John G. Forty Years at School. New York: Henry Holt, 1959. P. 237.

151

JFKLB. Oral History Materials (далее — OHM). Harold Tinker. P. 1-2, 8.

Hamilton N. Op. cit. P. 99.

Martin R., PlautE. Op. cit. P. 28.

The Fruitful Bough: A Tribute to Joseph P. Kennedy. P 217.

Cutler J. «Honey Fitz»: Three Steps to the White House. Indianapolis: The Bobbs-Merill Co, 1962. P. 291.

Time. 1957. Dec. 2.

Learner L. Op. cit. P. 228-229.

JFKLB. Joseph P. Kennedy Papers. Box 1.

Koskoff D. Op. cit. P. 400.

Kennedy: The New Frontier Revised. Ed by M. White. New York: New York University Press, 1998. P. 259-260.

161

Hamilton N. J. F. K.: Reckless Youth. New York: Random House, 1992. P. 46-47.

162

Northwestern University, Evanstone, Illinois. Robert Coughlan Papers. Rose Kennedy's Diaries. Box 4.

Манчестер У. Указ. соч. С. 382.

Learner L. Op. cit. P. 220.

165

JFKLB. MOH. K. LeMoyne Billings. P. 2-3.

JFKLB. JFKPP Box 2.

167

JFKLB. MOH. Felix Frankfurter. P. 4.

Manchester W. Portrait of a President: John F Kennedy in Profile. Boston: Little, Brown and Co, 1962. P. 187.

169

As We Remember Joe. P. 43.

Laski H. Liberty in the Modern State. New York: Harper and Brothers, 1930.

Laski H. Democracy in Crisis. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1933.

См.: *Чернявский Г.* Высокоинтеллектуальные слуги Сталина. — В кн.: *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков: Око, 2003. С. 285-308.

Kramnick J., Sherman B. Harold Laski: A Life on the Left. Allen Lane: The Penguin Press, 1993. P. 333-334.

Time. 1960. July 11.

175

The Fruitful Bough. P. 84-85.

Krock A. Op.cit. P. 340.

New York Times. 1938. Febr. 24.

FDR: His Personal Letters. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1948. Vol. 2. P. 475.

Learner L. Op. cit. P. 241.

180

Time. 1938. March 14.

Lasky V. JFK: The Man and the Myth. P. 46.

Lasky H. The American Democracy: A Commentary and Interpretation. New York: Viking Press, 1949. P. 105.

183

Whalen R. Op. cit. P.211.

Daily Mail. 1938. March 1.

New York Times. 1938. March 19.

McKenna M. Borah. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1961. P. 354.

New York Times. 1939. June 4.

Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. London: Macmillan, 1947. P. 367.

189

KEN. 1938. Oct. 6.

New York Times. 1961. Jan. 11.

191

Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. London: H. M. Stationery Off, 1952. \ьI. 2. P. 212-213.

The Morgenthau Diaries // Collier's. 1947. Oct. 18.

193

F. D. R.: His Personal Letters. Vol. 2. P. 809.

194

From the Morgenthau Diaries: Years of Crisis. 1928-1938. Boston: Houghton Mifflin Co, 1959. P. 518.

195

KEN. 1938. Oct. 6.

Whalen R. Op. cit. P. 240-241.

Kessler R. Op. cit. P. 226

198

Documents on German Foreign Policy. Washington, DC: Government Printing Office, 1949. Series D. \bl. 1. P 713.

Ibid. Vol. 4. P. 633.

Whalen R. Op. cit. P. 253.

New York Times. 1938. Dec. 11.

Whalen R. Op. cit. P. 357.

London Daily Express. 1938. Dec. 28.

New York Times. 1938. Dec. 30.

Whalen R. Op. cit. P. 258-259.

Fischer L. Men and Politics: An Autobiography. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1941. P. 586.

Ickes H. The Secret Diary of Harold L. Ickes. New York: Simon and Schuster, 1954. Vol. 2. P. 676.

Taylor A. The Origins of the Second World War. New York: Athenium, 1962. P. 272-273.

Minney R. J. The Private Papers of Hore-Belisha. Garden City, NJ: Doubleday and Co, 1961. P. 228.

Longer W., Gleason S. The World Crisis and American Foreign Policy: The Challenge to Isolation. 1937-1940. New York: Harper and Brothers, 1952. P. 249-250.

Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932-1945. New York: Oxford University Press,1995. P. 216.

212

The Moffat Papers: Selections from the Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat. 1919-1943. Ed. by N. Hooker. Cambridge: Harvard University Press, 1956. P 301-303.

Churchill W. Their Finest Hour. Boston: Mifflin Co, 1949. P. 25.

Ibid. P. 118.

Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Princeton: Princeton University Press, 1984. Vol. 1—4.

216

Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Diplomatic Papers. 1940. The British Commonwealth, the Soviet Union, the Near East and Africa. Washington, DC: Government Printing Office, 1940. Vol.III. P. 49.

KesslerR. Op. cit. P. 226.

New York Times. 1940. Nov. 12.

New York Herald Tribune. 1940. Nov. 13.

JFKLB.JFKPP. Box 4A.

См.: *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие победы // Загадки ленд- лиза. М.: Вече, 2000. С. 65.

Sherwood R. Roosevelt and Hopkins, an Intimate History. New York: Harper and Brothers, 1950. P. 208.

New York Herald Tribune. 1961. Apr. 26.

Ford C. Donovan of OSS. Boston: Little, Brown, 1970. P. 83.

Longer W., Gleason S. Op. cit. P. 715.

Дело Кента было подробно проанализировано в книге: *Snow J.* The Case of Tyler Kent. New York: Domestic and Foreign Affairs Press, 1946.

New York Times. 1944. Jan. 22.

228

FRUS. 1940. Vol. III. P. 48-49.

New York Times. 1940. Sept. 22.

New York Times. 1940. Oct. 16.

Time. 1940. Nov. 4.

Byrnes J. All in One Lifetime. New York: Harper and Brothers, 1958. P. 125-126.

См., например: New York Times. 1940. Oct. 30.

Whalen R. Op. cit. P. 336.

New York Times. 1940. Dec. 2.

Ibid. Dec. 3.

237

MHS. NHOH. Box 4.

JFKLB.JFKPP. Box 2.

Friedfich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957. См. анализ этой работы в кн.: *Чернявский Г.* Тень Люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм: Сравнительно-исторический анализ двух форм тоталитаризма. Харьков: Эхо, 2003. С. 24—25.

JFKLB.JFKPP. Box 2.

Harvard Crimson. 1953. Nov. 26.

242

JFKLB. Joseph P. Kennedy Papers (далее — JPKP). Box 221.

O'Brian M. Op. cit. P. 85.

JFKLB. MO H.K. LeMoyne Billings. P. 38.

JFKLB. Diary of JFK. Trip to Europe. 1937. Box I; *Burns J.* Op. cit. P. 32.

Whalen R. Op. cit. P. 227.

As We Remember Joe. P. 64.

Ibid. R 39-41.

249

As We Remember Joe. P. 48.

Ibid. P. 52.

Whalen R. Op. cit. P. 260.

252

MHS. NHOH. JFK to K. LeMoyne Billings. Box 4. 1939. March 23.

Koskoff J. Op. cit. P. 376.

Bohlen Ch. Witness to History. 1929-1969. New York: W. W. Norton, 1973. P. 476.

Herwarth H. von. Against Two Evils. New York: Rawson, Wade Pub lishers, 1981. P. 72.

Parmet H. Jack: The Struggles of John F. Kennedy. New York: Dial Press, 1980. P. 62-63.

257

JFKLB. JFKPR Box 4A. JFK to JPK. Box 4A.

JFKLB. Joseph P. Kennedy Papers. Box 4.

Hamilton N. Op. cit. P. 284-285.

Hamilton N. Op. cit. P. 241.

Burns J. Op. cit. P. 54.

JFKLB. James Seymour Papers. Box 1.

263

Kennedy J. F. Why England Slept. New York: Wilfred Funk, 1961. P. 215.

JFKLB. JFKPP Box4B.

Burns J. Op. cit. P. 43.

JFKLB. JFKPR Reports on JFK Thesis. Box 2.

Krock A. Op. cit. P. 325-326.

Churchill W. While England Slept. London: George G. Harrap and Co, 1938.

Ibid. P. 44.

Parmet H. Op. cit. P. 75.

Harvard Crimson. 1940. June 9.

Hamilton N. Op. cit. P. 326-327.

MHS. NHOH. Box 4.

Schoor G. Op. cit. P. 144.

Hecht B. A Child of a Century. New York: Simon and Schuster, 1954. P. 620; *Whalen R.* Op. cit. P. 346.

The Daily Mail. 1940. Nov. 29.

New York Times. 1941. Jan. 12.

Longer W., Gleason S. The World Crisis and American Foreign Policy: The Undeclared War. 1940-1941. New York: Harper and Brothers, 1953. P. 247-249.

Life. 1941. Jan. 24.

New York Daily News. 1941. Jan. 21.

New York Times. 1941. Jan. 22.

F. D. R.: His Personal Letters. 1928-1945. Vol. 2. P. 1290.

283

RL. HP. PPF. Box 227.

Whalen R. Op. cit. P. 366-367.

Chicago Daily News. 1945. Dec. 6.

286

Интервью Р. Вейлена со Стюартом Уэббом 27 июня 1962 года *(WhalenR.* Op. cit. P. 376).

287

Сведения, сообщенные брокером Кеннеди Джоном Рейнолдсом Р. Вейлену *(Whalen R.* Op. cit. P. 379, 520).

Newsweek. 1960. Sept. 12; *O'Brian M.* Op. cit. P. 189.

New York Times. 1944. Sept, 19, Oct. 6.

Newsweek. 1960. Sept. 12.

291

New York Journal-American. 1947. May 25.

Partisan Review. 1947. May-June. P. 47.

Parmet H. The Struggles of John F. Kennedy. New York: Dual Press, 1980. P. 12.

Newsweek. 1960. Sept. 12.

295

О Дж. Маккарти и маккартизме см.: *Hernon A.* Joseph McCarthy: Re-Examining the Life and Legacy of America's Most Hated Senator. New York: Free Press, 2000; *Landis M.* Joseph McCarthy: The Politics of Chaos. London: Associated University Presses, 1987 etc. См. также статью одного из авторов этой книги: *Чернявский Г.* «Маккартизм» в США и «большой террор» в СССР: Нелепость сопоставления. — В кн.: *Чернявский Г.* Новые притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков: Око, 2005. С. 228-262.

Reeves Th. The Life and Times of Joe McCarthy. New York: Stein and Day, 1982. P. 203-205.

Whalen R. Op. cit. P. 452.

New York Times. 1960. Oct. 28.

Sidey H. Joe Kennedy's Feelings about His Son // Life. 1960. Dec. 19.

Renehan E. The Kennedys at War: 1937-1945. Garden City, NJ: Doubleday, 2002. P. 311; *Meagher T.* The Columbia Guide to Irish American History. New York: Columbia University Press, 2005. P. 150.

Learner L. The Kennedy Men: 1961-1963. New York: Harper and Brothers, 2002. P. 313,434.

Whalen R. Op. cit. P. 490.

Halberstam D. The Best and the Brightest. New York: Random House, 1969. P. 18.

New York Times. 1961. Jan. 8.

Whalen R. Op. cit. P. 480.

Donovan R. PT-109: John F. Kennedy in World War II. New York: McGraw-Hill, 1961.

Schoor G. Op. cit. P. 155.

Searls H. Op. cit. P. 227.

См., например: *O'Brian M.* Op. cit. P. 124.

Alford M. Once upon a Secret: My Affair with President John F. Kennedy and Its Aftermath. New York: Random House, 2012.

311

JFKLB. MO H.K. LeMoyne Billings. P. 4.

312

MHS. NHOH. John White. Box 3.

313

FBI Archives. S. K. McKee to E. Hoover. 1941. Dec. 12.

Ibid. F. Roosevelt to E. Hoover. 1942. May 4.

Ibid. Joseph P. Kennedy. Part 4.

Ibid.

317

JFKLB. MOH. Charles Spalding. P. 8.

Goodwin D. Op. cit. P. 633.

Hamilton N. Op. cit. P. 491.

Boston Globe. 1944. Jan. 11.

Fay. P. The Pleasure of His Company. New York: Harper and Row, 1966. P. 136.

Donovan R. PT-109: John Fitzgerald Kennedy in World War II. New York: McGraw-Hill, 1961. P. 38, 58, 60.

Cooper B. The Battle of the Torpedo Boats. New York: Stein and Day, 1970. P. 11-12.

Donovan R. Op. cit. P. 71.

Hamilton N. Op. cit. P. 542-543.

Ibid. P. 73-76.

Ibid. P. 61.

JFKLB. JFKPP Box l.

См. современное издание: *Buchan J.* Pilgrim's Way: An Autobiography. New York: Carroll and Graf, 1984.

JFKLB.JFKPP Box 21.

Ibid; *Dnovan R.* Op. cit. P. 109.

332

MHS. NHOH. Box 4.

Donovan R. Op. cit. P. 95-100.

Boston Herald. 1944. Feb. 11; *SchoorG.* Op. cit. P. 189.

New York Times. 1944. Aug. 20.

JFKLB. JFKPP. Box 5; JPKP. Box 2.

Donovan R. Op. cit. P. 226-232; *Hamilton N.* Op. cit. P. 608.

Donovan R. Op. cit. P. 233-237; *O'Brian M.* Op. cit. P. 165.

Blair J. and C The Search for J. F. K. New York: Penguin Group, 1976. P. 373-374.

Seals R. Op. cit. P. 179-189.

341

Morison S. The Two-Ocean War: A Short History of the Unites States Navy in the Second World War. Boston: Little, Brown and Co, 1963. P. 383.

342

Этой операции посвящена работа: *Olsen O.* Aphrodite Desperate Mission. New York: Putnam Sons, 1970.

343

Renehan E. The Kennedys at War 1937-1945. Garden-City, NJ: Doubleday, 2002. P. 304—306. Подробно о жизни Джозефа-младшего, в том числе о его гибели, рассказано в книге: *Seals H.* The Lost Prince: Young Joe, the Forgotten Kennedy. The Story of the Oldest Brother. New York: World Publishing Co, 1969.

Goodwin D. Op. cit. P. 323.

McCarthy J. Op. cit. P. 110.

As We Remember Joe. P. 54.

Whalen R. Op. cit. P. 370.

JFKLB.JPKP. Box 2.

349

Hostage to Fortune. P. 595.

Collier P., Horowitz D. Op. cit. P. 133.

Learner L. Kennedy Women. P. 379.

Parmet H. Op. cit. P. 130.

353

As We Remember Joe. P. 3—4.

New York Journal-American. 1945. May 2, 23, 25 etc. Полный комплект статей Джона Кеннеди, опубликованных в хёрстовской прессе в 1945 году, имеется в архиве его библиотеки: JFKLB. President's Office Files. Articles by John F. Kennedy in the Hearst Newspapers, 1945.

Громыко А.А. Памятное. М.: Политиздат, 1988. Т. 1. С. 398.

Prelude to Leadership: The European Diary of John F. Kennedy. Summer 1945. Washington, DC: Regnery Publishing, 1995. P. 99.

New York Journal-American. 1945. June 24.

New York Journal-American. 1945. July 29.

359

JFKLB. MOH. Arthur Krock. P. 5.

Prelude to Leadership. P. 49, 64, 118.

Ibid. P. 104.

The Kennedy Presidency. Ed. by K. Thompson. Lanham, MD: University Press of America, 1985. P. 3.

The Kennedy Years. New York: Viking Press, 1964. P. 29.

Goodwin D. Op. cit. P. 699, 701.

MHS. NHOH. Box 4; *Harris E.* The Senator is in a Hurry // McCall's. 1957. August. P. 118, 125.

Damore L. The Cape Cod Years of John Fitzgerald Kennedy. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 87.

Goodwin D. Op.cit. P. 713.

JFKLB. MOH. D. Powers. P. 10.

Blair J. and. C. Op. cit. P. 503-504.

JFKLB. JFKPP. 1946. JFK Press Release. 1946. June 17.

Kennedy Rose. Op. cit. P. 319-320.

BurnsJ. Op. cit. P. 69.

Parmet H. Op. cit. P. 165.

JFKLB. MOH. Box 54. William Sutton. P. 5.

Nixon R. The Memoirs. New York: Grosseland Dunlap, 1978. P. 91.

Krock A. Op. cit. P. 356.

JFKLB. JFKPP. Box 7; *Davis J.* The Kennedys: Dynasty and Disaster. 1848-1983. New York: McGraw-Hill, 1984. P. 139.

JFKLB. JFKPP. Box4B.

Davies R. Housing Reform during the Truman Administration. Columbia: University of Missouri Press. P. 33-41; *Burns J.* Op. cit. P. 73.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 78.

Boston Pilot. 1950. March 18.

O'Brian M. Op. cit. P. 217-218.

Bums J. Op. cit. P. 91.

Time. 1960. July 11.

Mitchell A. JFK and His Irish Heritage. Dublin, Ireland: Moytura Press, 1993. P. 31; *Smith S.* Reflected Glory. New York: Simon and Schuster, 1996. P. 144-145.

Smith S. Op. cit. P. 145.

Parmet H. Op. cit. P. 209.

Ibid. P. 210—211.

Lasky V. Op. cit. P. 118-121.

Blair J. and C. Op. cit. P. 530-532.

Burns J. Op. cit. P. 84-85.

Burns J. Op. cit. P. 80. См. эту работу: *Fairbank J.* The United States and China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1st ed. 1948;4th ed. 1983.

O'Brian M. Op. cit. P. 231.

Boston Herald. 1950. Aug. 15.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 81.

Boston Globe. 1951. Feb. 5.

Kennedy J. Statement before the Committees on Foreign Relations of the US Senate and House of Representatives. February 22, 1951. Washington, DC: Government Printing Office, 1961. P. 78.

JFKLB. JFKPP Box 11.

399

JFKLB. Robert Kennedy Pre-Administration Papers (далее — RKPAP). Box 24.

Harrison S. Kennedy as President // New Republic. 1960. June 27. P. 12.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 100.

402

JFKLB. MBPP. M. Bundy to E. Kennedy. Jan. 8, 1986.

Parmet H. Op. cit. P 234.

Burns J. Op. cit. P. 191.

O'Donnel H. A Common Good: The Friendship of Robert F. Kennedy and Kenneth P. O'Donnell. New York: William Morrow, 1998. P. 81-83.

JFKLB. John F. Kennedy Pre-Presidential Papers (далее — JFKPP). Box 103.

Harris E. The Senator is in a Hurry // McCalPs. 1957. August. P. 118.

John Fitzgerald Kennedy… As We Remember Him. New York: Macmillan, 1965. P. 54.

O'Donnell K., Powers D. «Johnny, We Have Hardly Knew Ye»: Memoirs of John Fitzgerald Kennedy Boston: Little, Brown, 1970. P. 78.

O'Brian L. No Final Victories: A Life in Politics from John Fitzgerald Kennedy to Watergate. Garden-City, NJ: Doubleday, 1974. P. 30, 35.

Martin R. A Hero for Our Time: An Intimate Story of the Kennedy Years. New York: Macmillan, 1983. P. 176.

Whalen R. Op. cit. P. 423.

O'Brian L. Op. cit. P. 50.

Громыко А., Кокошин А. Братья Кеннеди. М.: Мысль, 1985. С. 26.

Lincoln E. My Twelve Years with John F Kennedy. New York: David McKay, 1965. P. 22.

JFKLB. Theodore Sorensen Papers. Box 15.

Medved M. The Shadow Presidents: The Secret History of the Chief Executives and Their Top Aids. New York: Times Books, 1979. P. 261.

Anderson P. The President's Men. Garden City, NJ: Doubleday, 1968. P. 279.

Burns J. Op. cit. P. 216.

Martin R., Plaut E. Op. cit. P. 204-205.

Ibid. P. 206.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 19.

Kennedy Robert. Foreword // Kennedy J. Profiles in Courage. New York: Harper and Row, 1964. P. 18.

Kennedy J. Profiles in Courage. New York: Harper and Brothers, 1955. После гибели Кеннеди в 1964 году было выпущено специальное, мемориальное издание этой работы вместе с некоторыми другими его трудами и упомянутым предисловием Роберта Кеннеди.

Kennan G. Russia Leaves the War: Soviet-American Relations 1917—1920. Princeton: Princeton University Press, 1956.

Kennedy J. Profiles in Courage. New York: Harper and Row, 1964. P. 228.

Pearson D. Diaries, 1949-1959. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1974. P. 420.

Sidney H. John F. Kennedy: Portrait of a President. New York: Harper and Brothers, 1964. P. 12.

Wills G. The Kennedy Imprisonment: A Mediation on Power. Boston: Little, Brown, 1982. P. 25; *Kennedy Jacqueline.* Op. cit. P. 59-61.

LaingM. Robert Kennedy. London: MacDonald, 1968. P. 103-105.

Kennedy Jacqueline. Op. c it. P. 6.

Манчестер У. Указ. соч. С. 52.

Martin R. Op. cit. P. 78-79.

Steinberg A. Mrs. R.: The Life of Eleanor Roosevelt. New York: G. P. Putnam, 1958. P. 264.

435

JFKLB. Evelyn Lincoln Papers (далее — ELP). Box 8. Clippings 1958.

436

Письма Джона Кеннеди к Э. Рузвельт от 11 и 29 декабря 1958 го да, 10 и 22 января 1959 года, а также письма Э. Рузвельт к Д. Кенне ди от 18 декабря 1958 года, 6 и 20 января 1959 года хранятся в: JFKLB. Theodore Sorensen Papers. Box 25.

Lincoln E. Op. cit. P. 29.

Burns J. Op. cit. P. 190.

Boston Traveler. 1956. Oct. 5; San-Francisco Chronicle. 1956. Oct. 5.

Kennedy J. Nation of Immigrants. New York: Defamation League, 1959.

441

JFKLB. J. F. Kennedy Senate Files. Box 901. Remarks in the United State Senate by Senator Kennedy. 1958. Aug. 14.

Kennedy J. The Strategy of Peace. New York: Harper and Brothers, 1960. P. 14.

JFKLB. MOH. William Fulbright. P. 8.

Kennedy J. The Strategy of Peace. P. 44.

Ibid. P. 184.

Ibid. P. 37-38.

Mahoney R. J. F. K.: Ordeal in Africa. New York: Oxford University Press, 1983. P. 19.

JFKLB. PPR Box 481.

Herring G. America's Longest War: The United States and Vietnam. 1950-1975. New York: Knopf, 1986. P. 45.

Olson J., Roberts R. Where the Domino Fell: America and Vietnam 1945 to 1990. New York: St. Martin's Press, 1991. P. 60-63.

Herring G. Op. cit. P. 43.

Le Febre J. Kennedy's Algerian Dilemma: Containment, Alliance Politics, and the 'Rebel Dialogue' // Middle Eastern Studies. 1999. № 35. April. P. 77.

453

Time. 1957. July 15.

JFKLB.JPKR Box 4.

Laing M. Op. cit. P. 91.

JFKLB. MOH. Arthur Krock. P. 17-18.

Там же. MOH. Robert Kennedy. P. 344.

Подробно об этом см.: *Finley K.* Delaying the Dream: Southern Senators and the Fight against Civil Rights, 1938-1965. Baton Rouge, LSU Press, 2008; *Garfmkel H.* When Negroes March: The March on Washington and the Organizational Politics for FEPC. Glencoe, IL: The Free Press, 1959.

Wilkins R. Standing Fast: The Autobiography. New York: Penguin Books, 1982. P. 272.

O'Brian M. Op.cit. P. 368.

461

JFKLB. MOH. Thomas Winship. P. 16.

Javits J. Discrimination. USA. New York: Harcourt, Brace, 1960. P. 46-47, 59.

463

JFKLB. 1960 Campaign Files. The Speeches Files. Box 905. Address of Senator Kennedy before the National Press-Club, Washington, DC. Jan. 14, 1960.

Kelley K. Jackie, Oh! Secaucus, NJ: Lyle Smart, 1978. P. 64-67.

465

JFKLB. MOH. Janet Auchincloss. P. 6-7.

Caroli B. First Ladies. New York: Oxford University Press, 1995. P. 222; *Means M.* The Woman in the White House. New York: Random House, 1963. P. 293-295.

Anthony C. As We Remember Her. New York: Harper Co, 1997. P. 72-73.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 64.

John Fitzgerald Kennedy… As We Remember Him. Ed by G. Lieberson. New York: Atheneum, 1965. P. 84.

Toynbee A. Twelve Men of Action in Greco-Roman History. Boston: Beacon Press, 1952. Этот подарок представлен в экспозиции музея Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди.

Heymann C. A Woman Named Jackie. New York: Carol Communications, 1989. P. 117.

Kelley K. Op. cit. P. 37.

Parmet H. Op. cit. P 258.

Saturday Evening Post. 1953. June 13.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 7.

Von Post G. Love, Jack. New York: Crown Publishers, 1997.

Learner L. Op. cit. P. 462.

New York Times. 1956. Aug. 8.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 16.

Ibid. P. 25.

Ibid. P. 14.

Kennedy Jacqueline. Op. c it. P. 14-15.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 93-94.

New York Times. 1990. Apr. 20.

Harris L. Is There a Republican Majority? New York: Harper and Brothers, 1954.

486

JFKLB. JFRPR Box 564. Statement of Senator John F. Kennedy. 1960. Jan. 2.

JFKLB. The Presidency in 1960. Address by Senator John F. Kennedy. 1960. Jan. 14.

Solberg C. Hubert Humphrey: A Biography. New York: W. W. Norton, 1984. P. 205.

Chester L., Hudson G., Page B. An American Melodrama: The Presidential Campaign of 1960. New York: Viking Press, 1969. P. 236.

JFKLB. David Powers Papers. Box 27. Wisconsin Primary.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 67-68.

Thompson W. The History of Wisconsin: Continuity and Change 1940— 1965. Madison: State Historical Society of Wisconsin, 1988. \fol. 6. P. 687.

Mullen J. West Virginia's Image: The 1960 Presidential Primary and the National Press//West Virginia History. 1971. № 32. July. P. 216.

JFKLB. David Powers Papers. Box 27. Robert Wallace to Ted Sorensen. 1960. Febr. 26.

Massa M. A Catholic for President? John F. Kennedy and the Secular Theology of the Houston Speech, 1950 // Journal of Church and State. 1997. № 39. Spring. P. 307.

Henry D. Senator John F. Kennedy Encounters the Religious Question // Contemporary American Public Discourse. Prospect Heights, II: Waveland Press, 2002. P. 180.

Goodwin R. Remembering America: A Voice from the Sixties. Boston: Little, Brown, 1988. P. 86.

Leuchtenburg W. In the Shadow of FDR: From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca, NJ: Cornell University Press, 1989. P. 86-87.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 676-677.

Fleming D. Kennedy vs. Humphrey, Wfest Virginia, 1960. Jefferson, NC: McFarland, 1992. P. 50.

501

Berry J. John F. Kennedy and the Media: The First Television President. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 32.

Koskoff D. Op. cit. P. 432-433.

Congressional Quarterly Almanac. Washington, DC: Government Printing Office, 1959. Vol. XY P. 105; 1960. Vol. XVI. P. 103.

Parmet H. Op. cit. P. 116.

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 318.

Там же. С. 338.

507

JFKLB. RKPAR Box 5. TV Spot «Defence». № 15.

Kennedy J. The Strategy of Peace. P. 8.

509

См., например, интервью Дина Раска и Роберта Макнамары от 18 и 21 мая 1987 года в кн.: *Blight J., Welch D.* On the Brink. P. 170-200.

Beschloss M. Op. cit. P. 319.

White T. The Making of the President. 1960. New York: Atheneum Publishers, 1962. P. 160-161.

512

JFKLB. John F. Kennedy 1960 Campaign. Box 909. Remarks in the United States Senate by Senator John F. Kennedy «A Time of Decision».

New York Times. 1960. July 14.

Ibid. July 3.

Ibid. July 5, 14; *Kennedy Jacqueline.* Op. cit. P. 57.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 31.

New York Times. 1960. July 16, 18.

518

JFKLB. ELP. Box 8. John F. Kennedyto Eleanor Roosevelt. 1961. July 28.

Ambrose S. Nixon: The Education of a Politician. 1913-1962. New York: Simon and Schuster, 1987. P. 585-587; Newsweek. 1960. Oct. 10.

O'Brian M. Op. cit. P. 470.

521

JFKLB. RKPAR Box 7.

ParmetH. Op. cit. P. 52.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 76.

Michener J. Report of the County Chairman. New York: Random House, 1981. P. 160.

Nixon R. Op. cit. P. 273.

White T. The Making of the President. P. 216.

Will Street Journal. 1960. June 15.

Andrew C., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York: Harper Collins Publishers, 1990. P. 280.

The American People: Creating a Nation and a Society. New York: Longman, 1998. Vol. 2. P. 928.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 92.

531

Let the Wbrd Go Forth: The Speeches, Statements and Writings of John F Kennedy. 1947-1963. Ed. by T. Sorensen. New York: Laurel, 1988. P. 130-134.

Schlesinger A. Journals 1952-2000. New York: Penguin Press, 2007. P. 86-87.

The First JFK — Nixon Debate and Related Media. В Интернете имеется полная запись всех встреч Кеннеди и Никсона в телевизионных студиях (www. museum. tv/debateweb/html/ greatdebate/92660transcript. htm).

White T. The Making of the President. P. 326.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 2—9.

Reinsch J. Getting Elected: From Radio and Roosevelt to Television and Reagan. New York: Hippocrene, 1988. P. 146.

537

JFKLB. RKPAP. Box 15.

New York Wbrld Telegram and Sun. 1960. Nov. 5.

Печатное В.О. Демократическая партия США: Избиратели и политика. М.: Наука, 1980. С 50.

Stern M. John F. Kennedy and Civil Rights: From Congress to the Presidency// Presidential Studies Quarterly. 1989. Fall. № 19. P. 807.

Hart J. Kennedy, Congress and Civil Rights // Journal of American Studies. 1979. August. \fcl. 13. Issue 2. P. 168-170.

JFKLB.JFKPR Box 34.

Thomas E. Robert Kennedy: His Life. New York: Simon and Schuster, 2000. P. 102-103.

JFKLB. RFKPAP. Box 34. Campaign Flyers. «Facts You Should Know about John Kennedy».

Rice G. The Bold Experiment: JFK's Peace Corps. Notre-Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1984. P. 20-23.

Ibid. P. 12-15.

Steel R. Walter Lippmann and the American Century. Boston: Little, Brown, 1980. P. 522.

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы: Середина XX века. С. 368-371.

Glejeses P. Ships in the Night: The CIA, the White House and the Bay of Pigs//Journal of Latin America Studies. 1995. February. P. 24-25.

Wyden P. Bay of Pigs: The Untold Story. New York: Simon and Schuster, 1979. P. 67-68.

Nixon R. Op. cit. P. 220-221; *Wyden P* Op. cit. P. 68-70 etc.

Ambroses. Op. cit. P. 640-641.

Rubel D. Scholastic Encyclopedia of the Presidents and Their Times. New York: Scholastic Reference, 1997. P. 92.

The Presidential Electional Transition. 1960-1961. Ed. by P. David. Washington, DC: Brooking Institution, 1961. P. 84; *Divine R.* Since 1945: Politics and Diplomacy in Recent American History. New York: MacGray Hill, 1985. P. 99.

Brands I. Burying Theodore White: Recent Accounts of the 1960 Presidential Election. // Presidential Studies Quarterly. 2010. Vol. 40. № 2. P. 364-368.

Exner J. My story. New York: Grove Press, 1977. P. 164-166.

Kennedy J. The Strategy for Peace. New York: Popular Library, 1961. P. VI.

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 162.

Kennedy J. The Strategy for Peace. New York: Popular Library, 1961. P. IX.

Ibid. P. X.

Mbid. P. 113-115.

White T. Op. cit. P. 125-126.

Galbraith J. The Affluent Society. New York: Houghton Mifflin Company, 1958. Книга выдержала множество изданий.

JFKLB. John Kenneth Galbreith Papers. Interview. 2002. Sept. 10. P. 12.

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 112.

Parmet H. Op. cit. P. 71.

Hennessey L. Bringing Up the Kennedys // Good Housekeeping. 1961. August. P. 118-119.

О серьезном отставании СССР от США в области ракетно-ядерных вооружений см.: *Bottome E.* The Missile Gap: A Study of the Formation of Military and Political Policy. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1971; *Prados* У. The Soviet Estimate: U. S. Intelligence Analysis and Russian Military Strength. New York: Dial Press, 1982.

Clifford C. Counsel to the President: A Memoir. New York: Random House, 1991. P. 341-342.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 133.

Harris L. The Fine Art of Political Wit. New York: E. P. Dutton, 1956. P. 261.

См. подробнее: *Чернявский Г.* Франклин Рузвельт. С. 222—223.

Spartanburg Herald-Journal. 1960. Dec. 17; New Statesman. 2000. Nov. 27.

New York Times. 1960. Jan. 12.

Boston Globe. 2003. Dec. 14.

Let the Vtord Go Forth. P. 11-15.

Fairlie H. The Kennedy Promise: The Politics of Expectation. Garden City, NJ: Doubleday 1973. P. 105.

Matusow A. The Unraveling of America: A History of Liberalism in the 1960s. New York: Harper and Row, 1984. P. 30-31.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 149.

Пер. А. Грибанова.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 6.

Clifford K. Counsel to the President: A Memoir. New York: Random House, 1991. P. 336-337.

Манчестер У. Указ. соч. С. 167.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 89.

585

JFKLB. МБРР. Box 114. M. BundytoT. Sorensen. Sept. 20, 1983.

JFKLB. MOH. Adam Yarmolinsky. P. 20; *Yarmolinsky A.* The Kennedy Talent Hunt //The Reporter. 1961. Vol. 24. P. 23.

Sorencen T. Kennedy. New York: Harper and Row, 1965. P. 254—255.

Newsweek. 1963. Jan. 21.

Clifford C Counsel to the President. P. 336-337; *Brauer* C. Presidential Transitions: Eisenhower through Reagan. New York: Oxford University Press, 1986. P. 73.

White T. The Making of the President. P. 173-174.

Time. 1968. June 14. P. 14.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 274.

Манчестер У. Указ. соч. СП.

Opotowsky S. The Kennedy Government. New York: E. P. Duton, 1961. P. 74.

595

The Kennedy Circle. Ed. by L. Tanzer. Washington: Luce, 1961. P. 165.

Beschloss M. The Crisis Years: Kennedy vs. Khrushchev. 1960—1963. New York: Edward Burlingsome Books, 1991. P. 401.

Brauer C. Op. cit. P. 86-88.

The President // Foreign Affairs. 1960. Vol. 38. № 3. P. 5-18.

Sorensen T. Kennedy. New York: Harper and Row, 1965. P. 270.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 312.

601

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 130.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 286.

SelingerP. With Kennedy. Garden City, NJ: Doubleday, 1966. P. 93.

604

JFKLB. МБРР. Box 104.

Anderson P. The President's Men. Garden City, NJ: Doubleday, 1968. P. 270.

Schlesinger A. Journals 1952-2000. P. 101-102.

JFKLB. MOH. Robert F. Kennedy. P. 335-336.

608

JFKLB. МБРР. Box 104.

Bedchloss M. Op. cit. R 56.

Newsweek. 1961. Jan. 30.

611

JFKLB. МБРР. Box 104.

Kyes E. President Kennedy's Press-Conferences as «Shapers of the News». Ph. D. Dissertation. University of Iowa. 1968. P. 29; *Watson M.* How Kennedy Invented Political Television // Television Quarterly. 1991. № 25. P. 63.

Reeves T. A Question of Character: A Life of John F. Kennedy. New York: The Free Press, 1991. P. 250.

Watson M. Op. cit. P. 70.

615

JFKLB. MOH. Peter Lisagor. P. 53.

New York Times. 1971. Aug. 12.

617

JFKLB. MBPP. Box 104.

Heymann C. *D.* A Woman Named Jackie: An Intimate Biography of Jacqueline Bouvier Kennedy Onassis. New York: Carol Communications, 1989. P. 308-314.

619

Розенцвейг А. Джон Кеннеди: Жизнь, расколотая надвое. М.: Крафт, 2004. С. 394-395.

См., например: Экспериментальное исследование производных амфетаминов / Ред. И.Г. Алексеев и др. М.: ГУ ЭКЗ МВД РФ, 1998.

Thomas E. Robert Kennedy: His Life. New York: Simon and Schuster, 2000. P. 126.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 90-91.

623

Ibid. P. 162.

Ibid. P. 44.

625

John Fitzgerald Kennedy… As We Remember Him. P. 115.

Sperber A. Murrow: His Life and Times. New York: Freundlich Books, 1986. P. 659.

Salinger P. Op. cit. P. 89.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 40-41.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 42—43.

Beschloss M. The Crisis Years. P 670.

O'Brian M. Op. cit. P. 794.

Wardlaw James and Jack. Plot or Politics? New Orleans: Pelican, 1967. P30.

Manchester W. Op. cit. P. 41.

Sorensen T. Kennedy. P. 4.

Sorensen T. Decision-Making in the White House. New York: Columbia University Press, 1963. P 75.

Tuchman B. The Guns of August. New York: Macmillan Co, 1962; *Taylor E.* The Fall of the Dynasties: The Collapse of the Old Order. 1905- 1922. Garden City, NJ: Doubleday, 1963.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 45.

West J. Upstairs at the White House. New York: Coward, 1974. P. 211.

Ibid. P. 205-206; *Salinger P.* With Kennedy. P. 88.

640

JFKLB. МБРР. Box 104.

641

Ibid. M. Bundy to R. Oppenheimer. 1963. Apr. 26, Nov. 28, 1964. Jan. 9.

642

Материалы музея Библиотеки Джона Фицджералда Кеннеди.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 666.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 226.

Malraux A. Anti-Memoirs. New York: Henry Holt and Co, 1968.

Baldrige L. Of Diamonds and Diplomats. Boston: Houghton Mifflin, 1968. P. 211-212. JFKLB. MOH. Letitia Baldrige. P. 87.

JFKLB. MOH. Letitia Baldrige. P. 87.

JFKLB. Presidential Office Files (далее — POF). Box 65.

649

JFKLB. POP Box 65. A. Schlesinger to John F. Kennedy. 1961. Nov. 22.

650

JFKLB. MOH. August Heckscher. P. 13.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 251-252.

Collier P., Horowitz D. Op. cit. P. 196-197.

Bishop J. A Day in the Life of President Kennedy. New York: Random House, 1964. P. 104.

Abbot J., Rice E. Designing Camelot: The Kennedy White House Restoration. New York: Vaan Nostrand Reinhold, 1998. P. 22-23, 34.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 139.

Andersen Ch. Jack and Jackie: Portrait of an American Marriage. New York: William Morrow, 1996. P. 268-271.

См. подробнее: *Seale W.* The White House: The History of an American Idea. Washington, D. C: White House Historical Association, 2001.

Bradford S. America's Queen: The Life of Jacqueline Kennedy Onassis. New York: Viking, 2000. P. 183.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 138.

Kennedy Jacqueline. The White House: A Historical Guide. Washington, D. C: White House Historical Association, 1962.

Salinger P. With Kennedy. P. 308.

Abbot J., Rice E. Op. cit. P. 24-25, 224.

Seale W., Monkman B., Allman W. The White House: An Historic Guide. Washington, D. C: White House Historical Association, 2011.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 139.

Chicago Daily News. 1962. Feb. 15.

Esquire. 1962. March. P. 67.

FBI Archives. Norman Mailer; *Stephens J.* The FBI's 15-Year Campaign to Ferret Out Norman Mailer // Washington Post. 2008. Nov. 11.

Klein E. All Too Human: The Love Story of Jack and Jackie Kennedy. New York: Pocket Books, 1996. P. 287.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 334-335.

Baldrige L. Op. cit. P. 177.

Life. 1963. Dec. 6; *White T.* The Making of the President. P. 234.

Yarmolinsky A. Camelot Revised // Virginia Quarterly Review. 1996. Fall. № 72. P. 652.

White T. For President Kennedy: An Epilogue // Life. 1963. Dec. 6.

Heymann D. A Woman Named Jackie. New York: Carol Communication, 1989. P. 349.

West J. Upstairs at the White House. P. 195,

Bradlee B. Conversations with Kennedy. New York: W. W. Norton, 1975. P. 138.

677

JFKLB. MOH. Letitia Baldrige. P. 67.

Time. 1961. June 9. P. 13-14.

New York Times. 1961. June 2.

Klein E. Op. cit. P. 322-323.

Saunders F. Torn Lace Curtain. New York: Holt, Rinhart and Winston, 1982. P. 56.

Strober G., Strober D. Let Us Begin Anew: An Oral History of the Kennedy Presidency. New York: Harper Collins, 1993. P. 76-77.

JFKLB. ELP Evelyn Lincoln's Diary. 1963. Jan. 16.

JFKLB. MOH. Janet Auchincloss. P. 25-26.

Lincoln E. Op.cit. P. 355.

West J. Upstairs at the White House. P. 216-218.

Means M. The Women in the White House. New York: Random House, 1963. P. 271.

JFKLB. POF Box 129.

689

JFKLB. ELP. Box 4.

JFKLB. MOH. Pierre Salinger. P. 67-68.

Learner L. Op. cit. P. 583.

Home A. Harold Macmillan. New York: Viking, 1989. Vol. 2. 1957-1986. P. 289-290.

Dallek R. The Medical Ordeals of JFK // Atlantic Monthly. 2002. December. P. 60.

Martin R. A Hero for Our Time. P. 149.

Kessler R. In the President's Secret Service: Behind the Scenes with Agents in the Line of Fire and the Presidents They Protect. New York: Crown Publishers, 2009. P. 11-12.

FBI Archives. Frank Sinatra. Part 15; *Hersh S.* The Dark Side of Camelot. Boston: Little, Brown, 1997. P. 292-294.

Exner J. My Story. New York: Grove Press, 1977.

Kelley K. The Dark Side of Camelot // People. 1988. Febr. 29. P. 106-114.

Smith L. The Exner Files // Vanity Fair. 1997. January. P. 30-43.

Taraborelli J. R. The Secret Life of Marilyn Monroe. New York: Grand Central Publishing, 2009. P. 205.

Ibid. P. 395.

Spoto D. Marilyn Monroe: The Biography. New York: Harper Collins, 1993. P. 486-488.

Bryant T. Dog Days at the White House. New York: Macmillan. 1975. P. 32.

Learning B. Marilyn Monroe. New York: Crown Publishers, 1998. P. 397-399.

Ibid. P. 423-424.

Steinem G. Marilyn: Norma Jeanne. London: Vista, 1996. P. 37—39.

Wills D., Schmidt S. Marilyn Monroe: Metamorphosis. New York: Harper Collins Publishers, 2011. P. 256.

Ibid. P. 259.

Learning B. Op. cit. P. 409-410.

Kelley K. Jackie, Oh! P. 125.

Learning B. Op. cit. P. 412.

Spoto D. Op. cit. P. 489-490.

Summers A. Goddess: The Secret Lives of Marilyn Monroe. London: Guild Publishing, 1985. P. 239.

O'Brian M. Op. cit. P. 698.

Woo E. Edwin O. Guthman: Pulitzer Prize Winning Journalist // The Los Angeles Times. 2008. Sept. 2.

Spoto D. Op. cit. P601.

Ibid. P. 601-602.

Ibid. P. 664-665.

Capell F. The Strange Death of Marilyn Monroe. New York: The Herald of Freedom, 1964.

http://vzglyadzagran. ru. Инопланетяне и убийство Кеннеди. Взгляд за грань. 26 июня 2012 г.

Spada J. Peter Lawford: The Man Who Kept the Secrets. New York: Bantam Books, 1991. P. 350—352.

JFKLB. Robert F. Kennedy Personal Papers. Boxes 20, 21.

Dallas R., Ratcliffe J. The Kennedy Case. New York: Putnam, 1973. P. 182.

Washington Post. 1957. Dec. 20.

Longsdon J.,Dupas A. Was the Race to the Moon Real? // Scientific American. 1994. June. P. 36; Time. 1961. Apr. 21.

Sidey H. John F Kennedy, President. New York: Atheneum, 1963. P. 101-102.

727

JFKLB. POP John F. Kennedy to Lyndon B. Johnson. 1961. Apr. 20.

Ibid. Lyndon B. Johnson to John F Kennedy. 1961. Apr. 28.

JFKLB. ELP. Box 4. Transcription of Telephone Conversation between J. F. Kennedy and Dean Rusk. 1961; *Sidey H.* Op. cit. P. 103.

Elliot D. Finding an Appropriate Commitment: Space Policy Development under Eisenhower and Kennedy. 1954—1963. Ph. D. Dissertation. George Washington University. 1882. P. 157.

Longsdon J.,Dupas A. Op. cit. P. 37.

JFKLB. POE Special Files. Special Message to the Congress on Urgent National Needs. May 25, 1961.

Полный текст речи Кеннеди опубликован на сайте www. space. com/17547-jfk-moon-speech-50years-anniversary. html, а также записан на *you tube, com* (или *you tube, videos)* под названием: *John F. Kennedy Moon Speech — Rice Stadium.*

JFKLB. MOH. John Glenn. P. 1-6.

JFKLB. MOH. William Fulbright. P. 81.

The American People. Vol. 2. P. 939.

Heath J. John F. Kennedy and the Business Community. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 24-25.

Heller W. New Dimensions of Political Economy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967.

O'Brian M. Op. cit. P. 634.

Stein H. The Fiscal Revolution in America. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 393,411.

Davis E. Politics of Prosperity: The Kennedy Presidency and Economic Policy. New York: Columbia University Press, 1988. P. 99.

New York Times. 1961. Febr. 2.

JFKLB. POF. Speech Files. Address at Yale University. 1961. June 11.

Let the Wbrd Go Forth. P. 165-168.

Heller W. Op. cit. P. 37.

Let the Word Go Forth. P. 163.

Giglio J. The Presidency of John F. Kennedy. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. P. 137.

The Economic Transformation of America: 1600 to the Present. Ed. by R. Heilbroner and A. Singer. Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1999. P. 309-315.

Ippolito D. Why Budgets Matter: Budget Policy and American Politics. Philadelphia: Penn State University Press, 2004. P. 173-175.

Heath J. Op. cit. P. 122.

Reeves T. Op. cit. P. 2.

Williams R., Kershaw D. Kennedy and Congress: The Struggle for the New Frontier// Political Studies. 1979. № 27. September. P. 393.

O'Brian L. No Final Victories: A Life in Politics from John F. Kennedy to Watergate. Garden City, NJ: Doubleday, 1974. P. 125.

Ibid. P. 126.

Graham H. The Uncertain Triumph: Federal Education Policy in the Kennedy and Johnson Years. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984. P. 3-4.

Williams R., Kershaw D. Op. cit. P. 394.

Graham H. Op. cit. P. 19.

O'Brian L. Op. cit. P. 127.

McAndrews L. Beyond Appearances: Kennedy, Congress, Religion, and Federal Aid to Education // Presidential Studies Quarterly 1991. Summer. № 21. P. 548.

Marmor T. The Politics of Medicare. London: Routledge and Kegan Paul, 1970. P. 31-37.

David S. With Dignity: The Search for Medicare and Medicaid. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1985. P. 53-54, 70-71.

O 'Brian L. Op. cit. P. 133-134.

David S. With Dignity. P. 72-73.

JFKLB. MOH. Mike Mansfield. P. 35.

765

JFKLB. MBPP. Box 104.

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 367—396.

Johnson H. The Bay of Pigs. New York: W. W. Norton, 1964. P. 53-54.

Wyden P. Bay of Pigs: The Untold Story. New York: Simon and Schuster, 1979. P. 88.

Beschloss M. The Crisis Years. P. 104.

JFKLB. MBR Box l64.

Freedman L. Kennedy's Wars: Berlin, Cuba, Laos, and Vietnam. New York: Oxford University Press, 2000. P. 127.

JFKLB. MOH. Robert Kennedy. P. 51.

773

JFKLB. MBPP. Box 104.

Ibid.

Schlesinger A. Op. cit. P. 230.

Wyden P. Op. cit. P. 142-143.

Розенцвейг А. Указ. соч. С. 51.

Kirkpatrik L. The Real C. I. A. New York: Macmillan, 1968. P. 87.

779

Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1961-1963. Washington, D. C: Government Printing Office, 1997. Vol. X. Cuba 1961-1962. P. 228-230.

Freedman L. Op. cit. P. 141.

CIA Archives. Historical Review Program Release as Sanitizes. 1997. Lyman Kirkpatrik. Inspector General's Survey of the Cuban Operation and Associated Documents. October 1961.

Salinger P. With Kennedy. P. 128.

Wyden P. Op. cit. P. 271.

Schlesinger A. Op. cit. P. 260.

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 147.

Beschloss M. The Crisis Years. P. 249.

Anderson P. Op. cit. P. 270.

CIA Archives. Historical Review Program Release as Sanitizes. 1997. Lyman Kirkpatrik. Inspector General's Survey of the Cuban Operation and Associated Documents. October 1961.

Medwed M. The Shadow Presidents: The Secret History of the Chief Executives and Their Top Aids. New York: Times Books, 1979. P. 265—272.

O'Brian M. Op. cit. P. 534-535.

791

JFKLB. MBPP. Box 114.

Манчестер У. Указ. соч. С. 165.

JFKLB. L. Kirkpatrick Papers.

JFKLB. Papers of Robert F. Kennedy. Attorney General Files. Cuba Study Group. 1961.

795

JFKLB. MBPP. Box 163.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 190.

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 268.

JFKLB. Attorney General Files. Cuba Study Group.

Orman J. Presidential Secrecy and Deception: Beyond the Power to Persuade. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1980. P. 78-80; *Powers T.* The Man Who Kept the Secret: Richard Helms and CIA. New York: Alfred A. Knopf, 1979. P. 130-135; *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы. С.267 и др.

Hershberg J. Before the Missiles of October // Diplomatic History. 1990. Spring. № 14. P. 176.

801

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 267.

См., например: *Hamby A.* Liberalism and Its Challengers: From F. D. R. to Bush. New York: Oxford University Press, 1992. P. 216.

Beschloss M. The Crisis Years. P. 130-135.

804

Senate Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. Assassination Plots Involving Foreign Leaders. 1st session. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1975. Vol. 1.P. 148-153.

Ibid. P. 119-121.

O'Brian M. Op. cit. P. 655-657.

807

JFLLB. MBF. Box 164.

Back to the Brink: Proceedings of the Moscow Conference on the Cuban Missile Crisis, January 27-28, 1978. Ed. by B. Allyn, J. Blight, and D. Welch. Lanham, MD: University Press of America, 1992. P. 35.

Weisbrot R. Maximum Danger: Kennedy, the Missiles, and the Crisis of American Confidence. Chicago: Ivon R. Dee, 2001. P. 76-84.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 10-11.

811

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 276.

812

JFKLB. MOH. John McCone. P. 10-11.

813

Хрущев С.Н. Никита Хрущев: Кризисы и ракеты. М.: Новости, 1994. Т. 2. С. 177-181.

Там же. С. 236.

815

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 268-269.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 23-24.

Ibid. P. 20.

818

JFKLB. MBPP Box 164.

819

См. подробнее: *Фурсенко А., Тимоти* Я. Адская игра. М.: Гея, 1999.

820

Back to the Brink. P. 28.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 21.

822

Интервью А.А. Фурсенко с Л.С. Гарбузом *(Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы. С. 339).

823

JFKLB. Theodore Sorensen Papers. McGeorge Bundy to JFK. 1963. March 4.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 262.

825

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 278-279.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 24.

827

JFKLB. MBPP. Box 135.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 33.

Abel E. The Missile Crisis. Philadelphia: B. Lippincott Co, 1966. P. 102.

Sorensen T. Kennedy. P. 688.

Allison G. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston: Little, Brown, 1971. P. 195-196.

832

JFKLB. MBF. Box 164.

Blight J., Welch D. On the Brink. P. 100.

834

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 163.

Schlesinger A. Op. cit. P. 831.

Weisbrot R. Op. cit. P. 121-122.

837

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 279.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 508.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 25.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 39-40.

841

История дипломатии. М.: Политиздат, 1974. Т. 5. Кн. 1. С. 625.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 211.

843

Громыко А.А. Памятное. М.: Политиздат, 1988. Т. 1. С. 391-393.

On the Brink. P. 43.

Weisbrot R. Op. cit. P. 121-122.

Аджубей А. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989. С. 254.

Sorensen T. Kennedy. P. 3.

Let the Word Go Forth. P. 272-278.

849

Documents on American Foreign Relations. 1962. Washington, D. C: Government Printing Office, 1963. P. 375-380.

The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. Chicago: Reader, 2001. P. 298-299.

851

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 224.

852

Documents on American Foreign Relations. 1962. P. 380-384.

853

Back to the Brink. P. 47.

Ibid. P. 47-48.

855

История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. С. 631-632.

856

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 161-183.

857

Большаков Г.Н. Горячая линия // Новое время. 1989. № 5—7.

JFKLB. Robert Kennedy Papers. R. Kennedy's Notebook.

859

Robert Kennedy in His Own Words: The Unpublished Recollections of the Kennedy Years. Ed. by E. Guthman and J. Shulman. New York: Bantam Dell Publishing Group, 1991. P. 259.

860

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 176.

861

The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 301-302.

862

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 283.

863

JFKLB. MBPP. Box 135.

Documents on American Foreign Relations. 1962. P. 370—391.

865

On the Brink. P. 276-277.

866

The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 309-310.

867

The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 311-321.

Back to the Brink. P. 32. См. также: *Орлов А.С.* Тайная битва сверх держав. М.: Вече, 2000. С. 448-449.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 98-101.

National Archives of the United States (далее — NAUS). NLJ-77-1018.

871

Бурлацкий Ф. Никита Хрущев и его советники — красные, черные, белые. М.: Собрание, 2008. С. 179.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 520.

Мозговой А.Ф. Кубинская самба квартета «Фокстротов»: Советские подводные лодки во время Карибского кризиса 1962 года. М.: Военный парад, 2002; *Ищенко С.* Ядерный фокстрот // Труд. 2002. 17 октября.

Феклисов А. Кеннеди и советская агентура. М.: Алгоритм, 2011. С. 216; *Чиков В.* Горячая линия резидента // Красная звезда. 2002. 25 октября.

Феклисов А. Указ. соч. С. 239-249.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 103.

Феклисов А. Указ. соч. С. 251.

История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. С. 639; *Kennedy R.* Thirteen Days. P. 82-84.

Kennedy R. Thirteen Days. P. 108-109.

Красная звезда. 2002. 25 октября.

881

The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 329-331, 342-343.

Documents on American Foreign Relations. 1962. P. 402.

883

Феклисов А. Указ. соч. С. 255.

Аджубей А. Указ. соч. С. 257.

Allison G. Op. cit. P. 1.

Hilsman R. To Move a Nation. New York: Doubleday and Co, 1967. P. 197.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 251.

888

JFKLB. MBPP. Box 114.

889

См. об этом: *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы. С. 419-427.

Там же. С. 290.

891

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 181.

Там же. С. 294.

893

Там же. С. 77.

http://karabah88. ru/history/persony/102 anastas_mikoyan_ot_illica_do_fidelia. html. *Арутюнян С.* Анастас Микоян: От Ильича до Фиделя без ошибок и промахов.

895

Фурсенко Л.Л. Россия и международные кризисы. С. 524.

896

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1962 год. М.: Политиздат, 1963. С. 427.

897

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 506.

898

Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева. М.: Демократия, 2009. Т. 2. С. 599.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 267.

900

Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985): Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1995. С. 298.

901

http://www. newsru. com/world/12oct2012/doc. html. Новости в мире. 2002. 12 октября. На конференции в Гаване рассекречены документы Карибского кризиса.

902

Back to the Brink. P. 36.

Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Harper and Row, 1957.

904

Орлов А.С. В поисках «абсолютного» оружия. М: Молодая гвардия, 1989. С. 182.

905

JFKLB. White House Central Subject Files. Box 114.

Sorensen T. Kennedy. P. 693.

Life. 1961. September 15.

908

JFKLB. MBPR M. Bundy to T. Sorensen. March 13, 1961.

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 165.

Freedman L. Op. cit. P. 57.

911

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 162.

Bradlee B. Op. cit. P. 125.

Time. 1961. June 9. P. 10-11.

JFKLB. MOH. Charles Bohlen. P. 10.

Sorensen T. Kennedy. P. 558-559.

Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1972. С. 434.

Newsweek. 1961. June 15.

Манчестер У. Указ. соч. С. 19.

919

Catudal H. Kennedy and Berlin Wall Crisis: A Case Study in U. S. Decision Making. Berlin: Berlin Verlag, 1980. P. 83-84.

920

Таравердиев К. Карибский кризис: Супердеза для Кеннеди // Совершенно секретно. 2000. № 5. С. 30-31.

921

Венский вальс холодной войны. С. 209.

922

Там же. С. 210.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 210.

Salinger P. Op. cit. P. 182.

925

Хрущев Н.С. Время, люди, власть. Воспоминания. М.: Московские новости, 1999. Т. 2. С. 476, 487.

Венский вальс холодной войны. С. 211-217.

Там же. С. 217-231.

928

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 171.

929

Beschloss M. The Crisis Years. P. 234.

930

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Ед. хр. 313. Л. 96-97; *Фурсенко А.А.* Указ. соч. С. 175.

Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 476.

932

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 230.

Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 480.

934

См. запись первой беседы: Венский вальс холодной войны. С. 211-217.

Gaddis J. We Now Know: Rethinking Cold War History. New York: Oxford University Press, 1999. P. 146.

936

JFKLB. POP Box 26. Vienna Meeting. June 4, 1961.

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 176.

Catudal H. Op. cit. P. 114.

Dallek R., Golway T. Let Every Nation Know: John Kennedy in His Own Words. Naperville, IL: Soursbooks, 2006. P. 125.

Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. С. 418.

Catudal H.Op.cit. P. 118.

942

JFKLB. MBPP. Box 135. Proceedings of the Cambridge Conference on the Cuban Missile Crisis. P. 34.

Sorensen T. Watchmen in the Night: President Accountability after Watergate. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. P. 594.

JFKLB. MBPP Box 135. Proceedings of the Cambridge Conference on the Cuban Missile Crisis. P. 139.

945

JFKLB. MBPP Box 163.

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 236.

947

Большая российская энциклопедия. М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 2005. Т. 3. С. 383.

948

NAUS. Department of State. Presidential Correspondence. Lot 77. D 163; The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 44-45.

Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. С. 420.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 500.

951

Фалин В. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М.: Республика, Современник, 1999. С. 88—89.

952

JFKLB. MBPP Box 104.

953

История внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1976. Т. 2. С. 330.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 201.

955

Documents on American Foreign Relations. 1962. Washington, DC: Department of State, 1963. P. 95-105.

Sidey H. John F. Kennedy: Portrait of a President. New York: Harper and Row, 1964. P. 231.

957

Фурсенко А.А. Россия и международные кризисы. С. 244.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 132.

959

JFKLB. MBP P.M. Taylor to M. Bundy. March 30, 1963.

Известия. 1961. 19 ноября.

Аджубей А. Указ. соч. С. 239.

962

Там же. С. 239-240.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 207.

Аджубей А. Указ. соч. С. 249-250.

Там же. С. 245.

Аджубей А. Указ. соч. С. 240-241.

967

The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 46.

Ibid. P. 69-70.

Ibid. P. 118.

Отчеты А.И. Аджубея о его встречах с Джоном Кеннеди хранятся в Архиве Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Ед. хр. 315. Л. 130-132, 159-160. См.: *Фурсенко А.А.* Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 172-173.

Wehrle E. A Good Bad Deal: John E Kennedy, W. Averell Harriman, and the Neutralization of Laos. 1961-1962 // Pacific Historical Review. 1998. August. № 67. P. 351-355.

Sidey H. Op. cit. P. 64.

Wehrle E. Op. cit. P. 376.

См., например: *Райков Ю.Л.* Лаос в системе международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: Восток-Запад, 2010; The Lao People's Democratic Republic: Systematic Transformation and Adjustment. Washington, DC: International Monetary Fund, 1996.

Blaufarb D. The Counterinsurgency Era: U. S. Doctrine and Performance. 1950 to Present. New York: Free Press, 1977. P. 53-54.

Gelb L. H. The Irony of Vietnam: The System Worked. Washington, DC: Brooking Institution, 1979. P. 71.

Bradlee B. Op. cit. P. 42.

Thomas E. Op. cit. R 140.

Gelb L. H. Op. cit. P 73.

Pious R. The American Presidency. New York: Basic Books, 1979. P. 110-116.

Strober G., Strober D. Op. cit. P. 411-412.

982

JFKLB. MBPP Box III.

983

CIA Archives. Central Intelligence Service Archive. National Security Folders (далее — CIA Archives. CISA. NSF). Box 196. Current Status of the War in South Vietnam.

Halberstam D. Op. cit. P. 205.

985

The U. S. Government and the Vietnam Wkr. Washington, DC: U. S. Government Printing Office, 1985. *Vol* 2. 1961-1964. P. 111-112.

Mecklin J. Mission in Torment: An Intimate Account of the U. S. Role in Vietnam. Garden City, NJ: Doubleday, 1965. P. 150-151.

987

JFKLB. MOH. P. Salinger. P 160.

The U. S. Government and the Vietnam Wkr. Vol. 2. P. 112.

989

CIA Archives. C1SA. NSF. Box 198. Buddhists in Vietnam. 1963. Aug. 23.

Herring G. America's Longest War: The United States and Vietnam. 1950— 1975. New York: Knopf, 1986. P. 95.

Blair A. Lodge in Vietnam: A Patron Abroad. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995. P. 14.

McNamara R. In Retrospect: The Tragedy and Lessons of Vietnam. New York: Vintage Books, 1995. P. 30-33.

993

The U. S. Government and the Vietnam War. Mil. 2. P. 148-149.

Prochnau W. Once Upon a Distant War. New York: Times Books, 1995. P. 402-403.

995

JFKLB. MBPP. Box 225. Memorandum of Conference with the President. Sept. 6, 1963.

JFKLB. MBPP. Box 225.

997

JFKLB. MBPP. Box 225. McGeorge Bundy. National Security Action Memorandum. Nov. 21, 1963.

Parmet H. Op. cit. P. 226-230.

Rice G. The Bold Experiment: JFK's Peace Corp. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1985. P. 35-38.

1000

JFKLB. POF Box 85; *Rice G.* Op. cit. 136-137.

1001

http://peacecorp. gov. Who Inspired the Creation of the Peace Corp.

1002

May E., Zelikow Ph. Kennedy Tapes. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. P. 16.

1003

Toscano V. Since Dallas: Images of John F. Kennedy in Popular and Scholarly Literature. 1963—1973. San Francisco: R. and E. Research Associates, 1978. P. 30-31.

Simpson Ch. Inside the Green Berets: The Story of the US Army Special Forces. Novato, CA: Presigio Press, 1983.

1005

http://www. presidency, ucsb. edu/ws/?pid-8695. John F. Kennedy: Remarks at West Point to the Graduating Class of the U. S. Military Academy, June 6, 1962. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley. The American Presidency Project.

1006

Look. 1968. April 16. P. 78.

1007

Department of State Bulletin. XLIV.№ 1136. 1961.Apr. 13. P. 471-474.

1008

Alliance for Progress: Official Documents. Washington, DC: Pan American Union, 1961. P. 1-24.

1009

См. подробный отчет об этом визите: Entrevista de los Presidentes de Mexico y los Estados Unidos de America en la Ciudad de Mexico, junio-julio, 1962: Meeting of the Presidents of Mexico and the United States of America in Mexico City, June-July, 1962. Mexico: Secretariade Gobemaci6n, 1962.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 200.

Halberstam D. Op. cit. P. 253.

Sorensen T. Kennedy. P. 513; *Taylor M.* Swords and Plowshares. New York: W.W.Norton, 1972. P. 205.

Kennedy J. The Strategy for Peace. P. 185.

См. подробнее: *Halberstam D.* Op. cit. P. 253.

1015

JFKLB. MBPP Box 104.

1016

JFKLB. T. Sorensen Papers. Box 41.

1017

The Top Secret: The Kennedy — Khrushchev Letters. P. 461-463.

Ibid. P. 405-407.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 897.

Schlesinger A. Journals 1952-2000. P. 194.

1021

JFKLB. POF Speech Files. Address at American University, Washington, DC, 1963. June 10.

1022

JFKLB. MBPP. Box 104.

1023

Let the Vford Go Forth. P. 282-290.

1024

Toward a Strategy of Peace. Ed. by W. Clemens. New York: Praeger, 1965. P. XIII.

Beschloss M. The Crisis Years. P. 597-601.

Хрущев Н.С. Время, люди, власть. Т. 2. С. 470.

1027

Аджубей А. Указ. соч. С. 53.

Sorensen T. The Kennedy Legacy. New York: Macmillan, 1960. P. 163.

См., например: *O'Brien M.* Op. cit. P. 881-882.

1030

Let the Word Go Forth. P. 327-328.

Fairlie H. The Kennedy Promise: The Politics of Expectation. Garden City, NJ: Doubleday, 1973. P. 303.

1032

JFKLB. MOH. Lyman Lemnitzer. P. 2.

1033

Nash P. Nuclear Weapons in Kennedy's Foreign Policy // Historian 56. 1994. Winter. P. 287-288.

1034

История внешней политики СССР Р.Т. 2. С. 416.

1035

JFKLB. MBPP. Box 104.

Hilty J. Robert Kennedy: Brother Protector. Philadelphia: Temple University Press, 1997. P. 455-456.

Sorensen T. Kennedy Legacy. P. 199.

1038

Chang G. JFK, China, and the Bomb // Journal of American History. 1988. March. № 74. P. 1288-1292.

1039

Маоизм без прикрас. М.: Прогресс, 1980. С. 238-239.

1040

JFKLB. MBPP. National Security Files (далее — NSF). Box 317. Meeting in the Cabinet Room. May 11, 1962.

Sorensen T. Op. cit. P. 198.

Seaborg G. Kennedy, Khrushchev, and the Test Ban. Berkeley: University of California Press, 1981. P. 239.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 920.

Powers T. Op. cit. P. 127,422.

Clancy T. Red Rabbit. New York: Putnam's Sons, 2002.

Wynne G. The Man from Odessa. London: Robert Hale, 1981. P. 202-203.

1047

Reeves T. A Question of Character: A Life of John F. Kennedy. New York: The Free Press, 1994. P. 359-360.

Bass J. The Transformation of Southern Politics: Social Change and Political Consequence since 1945. New York: Basic Books, 1976.

1049

Time. 1961. June 2. P. 14-15.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 299-300.

1051

Giglio J. The Presidency of John F. Kennedy Lawrence: University Press of Kansas, 1991. P. 162-163.

1052

Gilbert R. John F. Kennedy and Civil Rights for Blacks // Presidential Studies Quarterly 1982. № 12. Summer. P. 386-387.

1053

JFKLB. MOH. RoyWilkins. P. 7.

Thomas E. Op. cit. P. 127.

1055

JFKLB. MOH. Robert F. Kennedy. P. 398-399.

O'Brian M. Op. cit. P. 601.

1057

Hart J. Kennedy, Congress, and Civil Rights // Journal of American Studies. 1979. August. № 13. P. 175-176.

Gilbert R. Op. cit. P. 389-390.

Hilty J. Op. cit. P. 297-298, 340-343.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 308-309.

1061

Time. 1962. Oct. 5. P. 16-17.

1062

Presidential Recording: John F. Kennedy. Vol. 2. P. 235-244.

1063

Branch T. Parting the Water: America in the King's Years. 1954-1963. New York: Simon and Schuster, 1989. P. 662-670.

New York Times. 1962. Oct. 2.

1065

Davis S. Is My Mixed Marrige Mixing Up My Kids? // Ebony Magazine. 1966. October. P. 124.

1066

King M. L. «It's a Difficult Thing: to Teach a President» // Look. 1964. Nov. 17. P. 61.

1067

King M. L. Fumbling on the New Frontier // Nation. 1962. March 3. P. 190-192.

1068

JFKLB. MOH. Dean Rusk. P. 326-327.

Wofford H. Of Kennedys and Kings: Making Sense of the Sixties. New York: Farra, Straus and Giroux, 1980. P. 125.

Ibid. P. 127.

1071

Time. 1963. May 10, 17, 19.

Marable M. Race, Reform, and Rebellion: The Second Reconstruction in Black America. 1945-1982. Jackson: University Press of Mississippi, 1984.

1073

JFKLB. POF Box 96. D. Wilson to John F Kennedy. 1963. May 17.

New York Times. 2003. June 3.

1075

JFKLB. POF Box 96. Pierre Salinger. Memo. 1963. May 18.

O'Brien M. Op. cit. P. 837.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 259.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 367-368.

1079

Let the Word Go Forth. P. 192-197.

Watson M.-A. Expanding Vista. New York: Oxford University Press, 1990. P. 105.

1081

Let the Word Go Forth. P. 199-200.

Congressional Quarterly Almanac. 1963. P. 334.

1083

Whalen Ch., Whalen B. The Longest Debate: A Legislative History of the 1964 Civil Right Act. New York: New American Library, 1985. P. 23-24.

King M. L. «It's a Difficult Thing to Teach a President» // Look. 1964. Nov. 17. P. 64.

Lend Me Your Ears: Great Speeches in History. New York: W. W. Norton, 1992. P. 499-500; *Haskins J.* I Have a Dream: the Life and Words of Martin Luther King, Jr. Brookfield, Conn.: Millbrook Press, 1992. P. 55-58.

Sorensen T. Kennedy. P. 505.

1087

Fay P. The Pleasure of His Company. New York: Harper and Row, 1966. P. 260.

Martin R. A Hero for Our Time: An Intimate Story of the Kennedy Years. New York: Macmillan, 1983. P. 564.

Lincoln E. Op.cit. P. 361.

1090

Weinstein L. John F. Kennedy: A Personal Memoir 1946-1963 // American Jewish History. 1985. September. № 75. P. 27.

1091

JFKLB. MBPP Box 225.

Sorensen T. Kennedy. P. 332.

Bradlee B. Op. cit. P. 74-75.

1094

См. о нем: *Mollenhoff C.* George Romney: Mormon in Politics. New York: Meredith Press, 1968.

1095

См., например: *Abelson R.* Difference between Belief and Knowledge Systems//Cognitive Science. 1979. № 3. P. 356-366.

Martin R. Hero for Our Time. P. 565-566.

1097

Vanocur S. Kennedy's Voyage of Discovery // Harper's. 1964. April. P. 43-45.

1098

Newsweek. 1963. Oct. 7. P. 31-32.

O'Brien M. Op. cit. P. 901.

Halberstam D. Op cit. P. 295-296.

1101

Dallek R. Flawed Giant: Lyndon Johnson and His Times. 1961-1973. New York: Oxford University Press, 1998. P. 46.

1102

Four Days. Compiled by United Press International and American Heritage Magazine. New York: American Heritage, 1964. P. 7.

Манчестер У. Указ. соч. С. 71—82.

Kennedy Caroline. Foreword // *Kennedy Jacqueline.* Op. cit. P. XVI.

Манчестер У. Указ. соч. С. 84—87.

1106

JFKLB. Selected Speeches of John F. Kennedy. Remarks Prepared to Delivery at the Trade Mart in Dallas. November 22, 1963.

1107

Громыко А. 1036 дней президента Кеннеди. М.: Политиздат, 1968. С. 9-10.

Манчестер У. Указ. соч. С. 151.

1109

Там же. С. 133.

1110

Там же, С. 176.

1111

Там же. С. 43-45.

Манчестер У. Указ. соч. С. 178-182.

Kessler R. Op. cit. P. 14.

Манчестер У. Указ. соч. С. 50.

Kessler R. Op. cit. P. 10.

Манчестер У. Указ. соч. С. 242.

1117

Newsweek. 1963. Dec. 9. P. 21.

1118

Report of the Warren Commission on the Assassination of President Kennedy. New York: McGraw-Hill Book Co, 1964. P. 42.

1119

Манчестер У. Указ. соч. С. 361.

1120

Там же. С. 190.

1121

Ford G. Toward a Healthy Economy. Washington, DC: American Institute for Public Policy, 1978. P. 74.

http://mcadams. pose. mu. edu/toobig. htm.

1123

Камышникова В. Любви туманы. Харьков: Федорко, 2010. С. 162—173.

Kennedy Jacqueline. Op. cit. P. 219.

Bradlee B. Op. cit. P. 216-217.

Fraser N., Jacobson Ph., Ottaway M., Chester L. Aristotle Onassis. New York: Lippincott Co, 1977. P. 362.

1127

JFKLB. MBPP. Box 104. JFK Library Fund. Memorandum. 1988. Dec. 7; Материалы Музея Джона Фицджералда Кеннеди (Библиотека Джона Фииджералда Кеннеди, Бостон).

Laing M. Op. cit. P. 71-72.

Ibid. R 83-86.

U. S. News and World Report. 1968. May 6. P. 50.

1131

Подробнее см.: *Чернявский Г.* «Маккартизм» в США и «большой террор» в СССР: Нелепость сопоставления // *Чернявский Г.* Новые притчи о Правде и Лжи. С. 254-259.

Cohn R. McCarthy. New York: New American Library, 1968. P. 71.

Яковлев Н.Н. Братья Кеннеди. М.: Эксмо, 2003. С. 325.

1134

Newsweek. 1953. April 8. P. 60-61.

1135

FKLB. RKPAP. Box 24.

1136

Фурсенко А.А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 162.

U. S. News and World Report. 1955. Oct. 21; New York Times. 1956. Apr. 8 etc.

New York Times. 1957. March 27.

1139

Kennedy R. Mr. West and Mr. Hoffa // Saturday Night. 1958. Dec. 6.

См., например: Saturday Evening Post. 1959. June 27.

Sloan A. Hoffa. Boston: MIT Press, 1991. P. 91-95.

Kennedy R. The Enemy Within: The McClellan Committee's Crusade Against Jimmy Hoffa and Corrupt Labor Unions. New York: Harper and Brothers, 1960. P. 23.

1143

JFKLB. RKPAPBox46.

Schlesinger A. A Thousand Days. P. 697.

1145

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 281.

Nation. 1960. June 15. P. 7.

1147

Власихин В.А. Служба обвинения в США: Закон и политика. М.: Юридическая литература, 1981. С. 32.

1148

Katzenbach N. Some of It was Fun: Working with RFK and LBJ. New York: W. W. Norton, 2008. Сокращения в заголовке книги означают: Роберт Фрэнсис Кеннеди и Линдон Бейнс Джонсон.

1149

Demaris O. The Director: An Oral Biography of J. Edgar Hoover. New York: Harper's Magazine Press, 1975. P. 326.

1150

Геевский И.А. США: Негритянская проблема: Политика Вашингтона в негритянском вопросе. М.: Наука, 1973. С. 196-202.

1151

JFKLB. POE Box 127. 1963. November 6-19.

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 286.

1153

См. детальную четырехтомную биографию Линдона Джонсона, над которой автор работал 30 лет: *Caro R.* The Years of Lyndon Johnson. New York: Vintage Books, 1982, 1990, 2002, 2012. V 1. The Path to Power; V. 2. Means of Ascent; V. 3. Master of the Senate; V. 4. The Passage of Power.

1154

Цит. по: *Фурсенко А.А.* Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. С. 74—75.

Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas, USA. Thomas Mann Papers. Box 2.

Чернявский Г. Франклин Рузвельт. С. 294.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 745-746.

1158

JFKLB. RKR Trip to Latin America. 1965.

1159

Дэвидсон Ф. Война во Вьетнаме (1946-1975). М.: Изографус, 2002. С. 324-329.

1160

Department of State Bulletin. 1964. Aug. 24. P. 268.

1161

Heuvel V., Gmrtzman M. On His Own: JFK. 1964-1968. Garden City, NJ: Doubleday, 1970. P. 236-239.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 738.

1163

Time. 1967. Febr. 2. P. 12.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 768.

Ibid. P. 769.

1166

JFKLB. Robert Kennedy Papers (далее — RKP). Box 20. Memoranda 1967-1968.

1167

Whalen R. Catch the Failing Flag: A Republican Challenge to His Party. Boston: Houghton Mifflin, 1972. P. 135.

Chicago Tribune. 1966. Jan. 20.

1169

JFKLB. Robert F. Kennedy Papers. Box 11. R. Kennedy Press Release. 1965. Feb. 1.

Lasky V. Robert F. Kennedy: The Myth and the Man. New York: Trident Press, 1968. P. 241.

Kennedy R. Collected Speeches. New York: Viking, 1993. P. 163.

Ibid. P. 157-163.

1173

Beran M. The Last Patrician: Bobby Kennedy and the End of American Aristocracy. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 160-161.

Kennedy R. Collected Speeches. P. 165-176.

1175

JFKLB. RKR Senate Papers. Box 120.

New York Times. 1961. May 2 etc.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. R 783.

Kennedy R. Collected Speeches. P. 205.

Ross D. Robert F. Kennedy: Apostle of Change. New York: Pocket Books, 1968. P. 154.

1180

JFKLB. RKP. Senate Papers. Box 118.

1181

Ibid. Box 11.

1182

Harris L. The Anguish of Change. New York: W. W. Norton and Co, 1973. P. 203.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 386-387.

Ibid. P. 690.

1185

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 316-317.

Steel R. Walter Lippmann and the American Century. Boston: Little, Brown, 1980. P. 433.

1187

O'Donnell H. A Common Good: The Friendship of Robert F. Kennedy and Kenneth P. O'Donnell. New York: William Morrow and Co, 1998. P 339.

1188

Clarke T. The Last Campaign: Robert F. Kennedy and 82 Days that Inspired America. New York: Henry Holt and Co, 2008. P. 277-278.

New York Times. 1968. March 17.

www. huffingtonpost. com. 2008. Febr. 8. *Palermo J.* 40 Years Ago Today: Robert F. Kennedy's Most Important Speech on the Vietnam War.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 905.

1192

JFKLB. RKP. Speeches 1968. Unwinnable Speech. 1968. Febr. 8.

Thomas E. Op. cit. P. 356-360.

Kennedy R. To Seek a Newer World. Garden City, NJ: Doubleday, 1968. P. 232-233.

Ibid. P. 186.

1196

Kennedy R. To Seek a Newer Wbrld. Garden City, NJ: Doubleday, 1968. P. 202.

Ibid. P. 232-233.

1198

Chagall D. The New King-Makers: An Inside Look at the Powerful Men Behind American Political Campaigns. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. P. 22-23.

Wofford H. Of Kennedys and Kings: Making Sense of the Sixties. New York: Farrar, Straus, Giraux, 1980. P. 485.

New York Times. 1968. Apr. 5; *Schlesinger A.* Robert Kennedy and His Times. P. 939-940.

1201

JFKLB. MBPR Box 104. Carl Kaysen to M. Bundy.

1202

О С. Чавесе и руководимых им организациях см.: *Bardacke F.* Trampling Out the Vintage: Cesar Chavez and the Two Souls of the United Farm Workers. New York: Verso, 2011.

www. sovsekretno. ru. *Абраинов В.* Кеннеди: Московский след // Совершенно секретно. 2010. № 2/249.

1204

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 341.

1205

Novak M. Gene McCarthy and Robert F. Kennedy // First Thing. 2006. Aug. 13.

1206

www. bivouac, com. Mountain page. Mount Kennedy.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 836.

Witcover J. 85 Days: The Last Campaign of Robert Kennedy. New York: Putnam, 1969. P. 282-290.

New York Times. 1968. June 9.

1210

FBI Archives. Robert F. Kennedy Assassination Summary. Part 1 b. P. 35.

Schlesinger A. Robert Kennedy and His Times. P. 805.

1212

Hersh B. The Education of Edward Kennedy. New York: William Morrow and Co, 1972. P. 75-78.

1213

Olsen J. The Bridge at Chappaquiddick. Boston: Little, Brown and Company, 1970 P. 17.

Hersh B Op. cit. P. 82.

Ibid. P. 99.

Boston Globe. 2009. Feb. 24.

Kennedy Rose. Op. cit. P. 433.

Kennedy E. The Spark Still Glows // Parade. 1983. Nov. 13.

1219

McPhee M., Wedge D. The Fall of Joan // Boston Magazine. 2005. August. P. 22-23.

1220

David L. Ted Kennedy: Triumphs and Tragedies. New York: Grosset and Dunlap, 1971.P72.

1221

Воспоминания Э. Кеннеди, записанные Ф. Даймером *(Clymer A.* Op. cit. P. 29, 615).

Clymer A. Op. cit. R 29.

1223

New York Herald Tribune. 1961. May 16.

Boston Globe. 1961. July 6.

1225

Ibid. Sept. 17-21.

New York Times. 1962. March 11.

Look. 1953. Febr. 26; *Chellis M.* Living with the Kennedys: The Joan Kennedy Story. New York: Simon and Schuster, 1985. P. 39.

Bradlee B. Op. cit. P. 129.

1229

JFKLB. Edward Kennedy Papers (далее — EKP). Belgrade Text.

1230

JFKLB. EKP. E. Kocherto D. Rusk. 1963. Sept. 15.

Clymer A. Op. cit. P. 50.

1232

Congressional Record. 99th Congress. 1st Session. Washington: Government Printing Office, 1963. P. 16 549, 16 553.

1233

JFKLB. MOH. M. Gwitzman. P. 42.

Манчестер У. Указ. соч. С. 359.

1235

Behr E. A Day of Joy and Sadness // Saturday Evening Post. 1964. July 11-18.

См., например: New York Times. 1964. Aug. 1.

Shannon W. The Heir Apparent: Robert Kennedy and the Struggle for Power. New York: Macmillan, 1967. P. 75.

1238

Воспоминания Д. Бёрке, записанные Э. Клаймером *(Clymer A.* Op. cit. P. 66).

1239

Congressional Record. 89th Congress. 1st Session. Washington, DC: Government Printing Office, 1965. P. 10081.

1240

Детальный анализ борьбы в сенате по вопросу об избирательных правах дан в книге: *Finley K.* Delaying the Dream: Southern Senators and the Fight against Civil Rights, 1938-1965. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2008.

1241

Boston Evening Globe. 1965. Oct. 23.

1242

Palmer B. The 25-Year War: American Military Role in Vietnam. Lexington: University Press of Kentucky, 1984. P. 10.

1243

JFKLB. EKP. Notes from Diary. P. 14-15.

1244

Boston Globe. 1965. Nov. 16.

1245

Meet the Press. 1966. March 6. Тексты этих телевизионных передач выпускались отдельными брошюрами.

1246

См. подробнее: *Brock* C. Americans for Democratic Action: Its Role in National Politics. Washington: Public Affairs Press, 1962.

1247

JFKLB. EKP. Americans for Democratic Action Speech. 1967. March 4.

Clymer A. Op. cit. P. 100, 622.

1249

Washington Post. 1968. Jan. 6.

Clymer A. Op. cit. P. 101, 623.

1251

Lyndon B. Johnson Library, Austin, Texas. White House Central Files. CO 312.

1252

That Shining Hour. Ed. by P. Lawford. New York: Halliday Lithograph Co, 1969. P. 304.

1253

Интервью А. Клаймера с Э. Кеннеди 24 апреля 1996 года *(Clymer A.* Op.cit. P. 105,623).

1254

JFKLB. RKP. Senate Correspondence. Personal File 1964-1968.

1255

Los Angeles Times. 1966. Dec. 1.

Clymer A. Op. cit. P. 111, 524.

New York Times. 1968. June 9.

Boston Globe. 1968. June 16.

New York Times. 1968. July 27.

1260

Ibid. Aug. 22.

Sollberg C. Hubert Humphrey: A Biography. New York: W. W. Norton, 1984. P. 352.

New York Times. 1969. Jan. 13.

1263

Chellis M. Op. cit. P. 19.

Ibid. P. 9-10.

David L. Joan: The Reluctant Kennedy. New York: Funk and Wagnalls, 1974. P. 131, 135.

David L. Op. cit. P. 205; *Learner L.* Op. cit. P. 651.

New York Times. 1969. Apr. 11.

1268

«Eskimo Power!» // Life. 1969. Aug. 8.

1269

Clymer A. Op. cit. P. 138-140, 143 etc.

1270

Wills G. The Kennedy Imprisonment: A Meditation on Power. Boston: Houghton Mifflin, 2002. P. 117-120.

1271

Russell J. Chappaquiddick: Conflicted Ambitions, Then, Chappaquid- dick// Boston Globe. 2009. Febr. 17.

1272

Boyle J. Inquest into the Death of Mary Jo Kopechne. Edgartown, MA: Edgartown District Court, 1970. P. 45-60.

1273

Anderson J., Gibson D. Peace, War, and Politics: An Eyewitness Account. New York: Forge, 1999. P. 138-140.

Bly N. The Kennedy Men: Three Generations of Sex, Scandals, and Secrets. New York: Kensington Books, 1996. P. 202-206.

Damore L. Senatorial Privilege: The Chappaquiddick Cover-up. New York: Dell Publishing, 1989. P. 362-363.

Ibid. P. 364.

Damore L. Op. cit. P. 358; *Olsen J.* Op. cit. P. 25-27.

Damore L. Op. cit. P. 358.

Lange J., DeWitt K. Chappaquiddick: The Real Story. New York: St. Martin's Press, 1992. P. 85-89.

New York Times. 1969. July 26; *Damore L.* Op. cit. P. 192-193.

1281

Damore L. Op. cit. P. 203-206 (полный текст выступления).

1282

Safire W. Before the Fall: An Inside View of the Pre-Watergate White House. Garden City, NJ: Doubleday, 1975. P. 149.

Ely N. Op. cit. P. 213.

Ibid. P. 216.

1285

End of the Affair //Time. 1970. April 20.

1286

Carlova J. Reuther's Strategy for a Health-Care Revolution // Medical Economics. 1960. July 21.

Boston Globe. 1971. June 10.

Clymer A. Op. cit. P. 185-186.

1289

http://nixontapes. org. 1971. Sept. 8; 1972. Sept. 7.

1290

Strober S. Nixon: An Oral History of His Presidency. New York: Harper Collins, 1994. P. 263 etc.; http://nixontapes. org. 1971. Sept. 8.

1291

BurnesJ. The Last Kennedy: Edward Kennedy and the Camelot Legacy. New York: W. W. Norton, 1976. P. 255-256.

1292

NAUS. Lenzner Files. Records of the Senate Select Committee on Presidential Campaign. Boxes 115, 117.

1293

Ibid. Box 116.

The Man Who Rugged Nixon // Time. 1973. Aug. 13.

1295

JFKLB. EKP. Edward Kennedy to Leon Jaworski. 1974. July 30.

1296

Congressional Record. 93th Congress. 1st Session. Washington, DC: Government Printing Office, 1973. P. 3552.

Washington Post. 1973. Jan. 7; Интервью Э. Клаймера с Э. Кеннеди 12 апреля 1996 г. *(Clymer A.* Op. cit. P. 194, 633).

Campbell K. Preserving the Constitution, Guarding the Status Quo: Senator Sam Ervin and Civil Liberties // North Carolina Historical Review. Vol. 78. Issue 4. Oct. P. 457-482.

1299

Washington Post. 1973. July 5.

Boston Globe. 1973. July 13.

1301

Haldeman R. The Ends of Power. New York: Grosset and Dunlap, 1978. P. 224-225.

1302

Haldeman R. The Ends of Power. New York: Grosset and Dunlap, 1978. P. 49-50.

1303

Sorensen T. Watchmen in the Night. P. 54.

Громыко А., Кокошин А. Указ. соч. С. 392.

Congressional Record. 93d Congress. 2d Session. Washington, DC: Government Printing Office, 1973. P. 19 180.

Burnrs J. Op. cit. P. 272.

1307

Rivera G. Special Kind of Courage: Profiles of Young Americans. New York: Simon and Schuster, 1976. P. 191-214.

National Enquirer. 1976. Jan. 20; *Learner L.* Op. cit. P. 677.

1309

Washington Evening Star. 1976. Apr. 11.

1310

Известия. 1978. 16 марта.

Clymer A. Op. cit. P. 213-215.

www. sovsekretno. ru; *Абраинов В.* Кеннеди: Московский след // Совершенно секретно. 2010. № 2/249.

1313

New York Times. 1974. Apr. 22.

Clymer A. Op. cit. P. 214.

1315

JFKLB. EKP. Atlanta Speech.

1316

JFKLB. EKR Meeting with L. I. Brezhnev. Edward Kennedy's Remarks 1978. Sept. 22.

www. sovsekretno. ru; *Абраинов В.* Кеннеди: Московский след // Совершенно секретно. 2010. № 2/249.

www. youtube. com/watch?v=HYFtXY56ZZQ; Голос Америки. 2009. 28 августа; www. tatasoz. livejournal. com/1664614.

1319

Washington Post. 1978. Sept. 13.

1320

Музей и Архив А.Д. Сахарова (Москва). Архив А.Д. Сахарова. Ф. l.On.3. Ед.хр. 28.Л. 3,3а.

1321

Washington Post. 1978. Oct. 24.

1322

Интервью Э. Клаймера с В.Г. Левичем 24 ноября 1997 г. *(Clymer A.* Op. cit. P. 274, 639).

1323

www. ihst. ru/projects/sohist/papers/viet/1993/3/123- 132/pdf; *Кривоносов Ю.И.* Ландау и Сахаров в разработках КГБ. Документальная публикация. Документ представляет собой запись беседы, «полученной КГБ», как об этом сообщалось в сопроводительном письме на имя М.С. Горбачева от 19 июня 1987 года, то есть при помощи подслушивающих устройств.

Clymer A. Op. cit. P. 258.

1325

Lyndon Johnson Library. Edward Kennedy File. Z. Brzezinski to E. Kennedy. 1977. Dec. *21; Clymer A.* Op. cit. P. 261.

JFKLB. EKP. E. Kennedy — Teng Transcript.

1327

JFKLB. MBP P.E. Kennedy to M. Bundy. 1976. Jan. 19.

1328

JFKLB. EKP E. Kennedy Speeches. Democratic National Health Care Convention. Memphis. 1978. Dec. 9.

1329

Boston Globe. 1978. Dec. 11; New York Times. 1978. Dec. 13.

New York Times. 1979. June 14.

1331

Congressional Record. 96th Congress. 1st Session. Washington, DC: Government Printing Office, 1979. P. 15 475.

New York Times. 1979. July 16.

1333

The Campaign for President: 1980 in Retrospect. Ed. by J. Moore. Cambridge, Mass.: Ballinger, 1981. P. 21-25.

Clymer A. Op. cit. P. 285.

New York Times. 1979. Sept. 26.

New York Tines. 1979. Dec. 14.

1337

JFKLB. Library Dedication Videotape.

1338

JFKLB. MBPP.T. Sorensen to M. Bundy. 1979. Nov. 20.

См., например: Boston Globe. 1980. Jan. 29.

New York Times. 1980. Aug. 13.

1341

Kennedy E., Hatfield M. Freeze: How You Can Help Prevent Nuclear War. New York: Bantam Books, 1982.

Ibid. P. 67.

1343

Christian Science Monitor. 1983. Dec. 14.

1344

Boston Globe. 1986. Febr. 9.

CkymerA. Op. cit. P. 391-393.

Bukovsky V., Stroilov P. A Phenomenon Called Senator Kennedy // National Review Online. 2006. Nov. 27.

Los Angeles Times. 1990. March 27.

1348

JFKLB. MBPP. Box 104. E. Kennedy to M. Bundy. Apr. 15. 1988.

1349

Ibid. E. Kennedy to M. Bundy. 1983. Nov. 9.

1350

JFKLB. MBPP Box 104.

1351

Ibid. M. Bundy to E. Kennedy. Dec. 5, 1985.

Ibid. May 3, 1988.

New York Times. 1994. Sept. 24.

Clymer A. Op. cit. P. 603.

New York Times. 1999. July 17.

Alderman E., Kennedy C. In Our Defense: The Bill of Rights in Action. New York: Morrow, 1991; *Alderman E., Kennedy* C. The Right to Privacy. New York: Knopf, 1995.

Kennedy Jr., Robert F. Judge Frank M. Johnson: A Biography. New York: Putnam, 1972.

Los Angeles Times. 2011. May 9.

1359

Boston Globe. 2012. Jan. 14.

1360

The New York Times Book Review. 1988. Aug. 7. P. 23.

1361

O'Brien M. Op.cit. P. XVII.